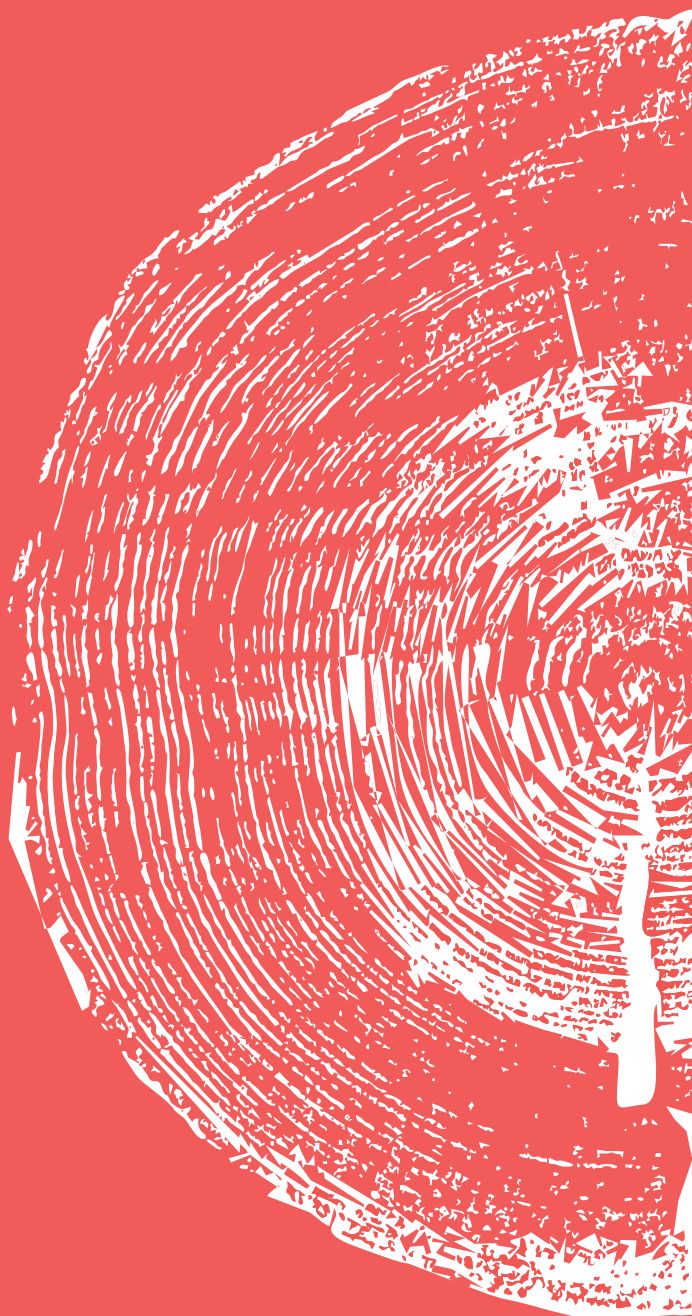

Новосибирск

БАЛАНДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Том XIV

2019

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
Национальный университет архитектуры и строительства Армении
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры
и градостроительства
Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия
Новосибирской области

БАЛАНДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

сборник статей научных чтений
памяти Сергея Николаевича Баландина

Том XIV

Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2019. — Т. XIV. — 576 с.

ISBN 978-5-89170-259-2

Ежегодник «Баландинские чтения» учрежден в память об исследователе сибирской архитектуры Сергее Николаевиче Баландина (1930—2004), основателе Музея истории архитектуры Сибири в г. Новосибирске. Издание выходит при партнерстве Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ), Института археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН), Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства, Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Новосибирской области и Национального университета архитектуры и строительства Армении.

В сборнике представлены статьи, посвященные историко-архитектурному наследию Сибири и сопредельных территорий. Авторы затрагивают различные аспекты данной тематики: исторические закономерности развития планировки и застройки поселений, кросс-культурные взаимосвязи в архитектуре и градостроительстве, новые методы в изучении наследия, выявление «забытых» памятников и потенциал их ревалоризации, новые сведения о творческом наследии сибирских архитекторов.

Раздел «Новые методы и подходы в этнографии в информационную эпоху. Междисциплинарные исследования в области архитектуры и этнографии» подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00469 «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры»).

Раздел «Создавай будущее: теория и практика развития проектного мышления» представляет материалы одноименной конференции, посвященной современным подходам и новым образовательным технологиям в детском проектном творчестве. Конференция проведена Научно-образовательным центром дополнительного образования детей и молодежи НГУАДИ 30 октября 2019 года.

The *Balandin Readings* annals is dedicated to the memory of Sergey Balandin (1930—2004) — a historian of Siberian architecture and a founder of the *Museum of Siberian Architectural History* in the city of Novosibirsk. The issue is published in the partnership of *Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts*, the *Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences*, the *Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning*, *Novosibirsk Regional Governmental Inspection of Heritage Preservation and National University of Architecture and Construction of Armenia*.]

The annals contain scientific articles concerned with historical and architectural heritage of Siberia and neighboring areas. The authors of the articles deal with different aspects of the subject including historical factors of developing of planning structure and architecture of settlement, cross-cultural relations in architecture and urban planning, new methods of studying heritage objects, revealing of forget monuments and opportunities for their revalorization, new facts about creative heritage of Siberian architects.

The part *New Methods and Approaches in Ethnography in the Information Age. Interdisciplinary Research in Architecture and Ethnography* is supported by the *Russian Foundation of Basic Research* (project No 18-09-00469 *New Methods in Ethnography in the Information Age: an Assessment of the Results and Perspectives of Use for Material Culture Research*).

The part *To Create a Future: Theory And Practice of the Project Thinking Development* presents the materials of the conference of the same name devoted to modern approaches and new educational technologies in children's creative projects. The conference was held by the *Scientific and Educational Centre for Additional Education of Children and Youth* of NSUADA on October 30, 2019.

Редакционная коллегия издания:

ответственный редактор: Гаркуша Д.Д. (НГУАДИ)

научные редакторы:

Гаркуша Ю.Н. (ИАЭТ СО РАН), Груздева Е.А., канд. искусствоведения (НГУАДИ)

Журин Н.П., канд. архитектуры (НГУАДИ), Майничева А.Ю., д-р исторических наук (ИАЭТ СО РАН, НГУАДИ)

Морозова О.В., канд. архитектуры (НГУАДИ)

Орлова Е.Ю., канд. искусствоведения (НГУАДИ, РГУ им. А.Н. Косыгина)

ISBN 978-5-89170-259-2

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Сергея Баландина.....	12
To the Memory of Sergey Balandin.....	12
Кошелев А.В. Памятная медаль имени С.Н. Баландина — из истории учреждения и награждения.....	13
Koshelev A.V. Sergey Balandin Medal, history of its organization and presentation.....	13
Новые методы и подходы в этнографии в информационную эпоху. Междисциплинарные исследования в области архитектуры и этнографии.....	23
New Methods and Approaches in Ethnography in the Information Age. Interdisciplinary Research in Architecture and Ethnography.....	23
Аванесов С.С. Архитектурная среда и «объективное» восприятие города (к понятию визуальной автобиографии)...	24
Avanesov S.S. Architectural environment and "objective" perception of the city.....	24
Голубкова О.В. Мифологизация места: актуализация сакральных символов у потомков переселенцев из Полесья и южнорусских губерний в Западной Сибири.....	27
Golubkova O.V. Mythologization of the terrain: the actualization of sacred symbols of the descendants of migrants from Polesye and the southern regions of the Russia in Western Siberia.....	27
Жарников З.Ю., Баринов В.В. «Дом воеводы» города Енисейска: историко-дендрохронологический анализ.....	32
Zharnikov Z.Yu., Barinov V.V. Historical and year-ring analysis of «Dom Voevody» in Yeniseysk.....	32
Козлова Г.С. Композиционное моделирование храмового ансамбля как метод исследования и воссоздания утраченного наследия.....	39
Kozlova G.S. Compositional modeling of the temple ensemble as a method of study and restoration of the lost heritage...39	39
Лыгденова В.В. Символ и значения коновязи-сэргэ в свадебной традиции баргузинских бурят во второй половине XX — начале XXI веков.....	49
Lygdenova V.V. Symbol and meaning of the horse-standing-serge in wedding traditions of Barguzin Buryats in the second half of 20 th — the early 21 st centuries.....	49
Люцидарская А.А. Фискальный источник учета отапливаемых помещений Томска как знак благополучия горожан и символ социальной трансформации городской среды в начале XVIII века.....	54
Lutsidarskaya A.A. Fiscal accounting of Tomsk heated buildings as a sign of urban residents prosperity and a symbol of the social transformation of the urban environment in the early 18 th century.....	54
Майничева А.Ю. Методика фиксации, документирования и информационного моделирования объектов материальной культуры: принципы и подходы.....	57
Mainicheva A.Yu. Methods of fixing, documenting and information modeling of objects of material culture: principles and approaches.....	57
Майничева А.Ю. Актуализация и стратегии сохранения православной символики: чтимые иконы и святыни в поселениях Омской епархии. Начало XX века.....	61
Mainicheva A.Yu. Maintaining and strategies for the preservation of Orthodox symbolism: revered icons and shrines in the settlements of the Omsk Diocese. The early 20 th century.....	61

Маринич А.А. Опыт создания музеев под открытым небом в Иркутской области.....	65
Marinich A.A. The creating experience of open-air museums in the Irkutsk region.....	65
Паршуков В.В. Опыт 3-D моделирования конструкций здания Госучреждений Сибири, построенного в Новониколаевске (Новосибирске) в 1923–1924 годах.....	69
Parshukov V.V. The experience of 3-D modeling of the building structures of the State Institutions of Siberia, built in Novonikolaevsk (Novosibirsk) in 1923–1924.....	69
Понедельченко Л.О. Апробация методики лазерного сканирования на среднегабаритных объектах материальной культуры.....	79
Ponedenchenko L.O. Approbation of the laser scanning technique on medium-sized objects of material culture.....	79
Скобелев С.Г., Береженко Д.Ю., Зеленина В.В. Виртуальная реконструкция оборонительных сооружений Саянского острога на Енисее (XVIII–XIX века).....	82
Skobelev S.G., Berezenko D.Y., Zelenina V.V. Virtual reconstruction of the defensive structures of the Sayan Ostrog on the Yenisei (18 th –19 th centuries)...	82
Талапов В.В. Анализ опыта внедрения информационного моделирования в Великобритании.....	89
Talapov V.V. Analysis of information modeling implementation experience in the UK.....	89
Тихонов В.В. Практика актуализации историко-культурного наследия западных бурят.....	94
Tikhonov V.V. The practice of updating of the Western Buryats' historical and cultural heritage.....	94
Шагинян Ш.З. Применение современных геодезических методов для сохранения памятников архитектуры.....	99
Shahinyan Sh.Z. The use of modern geodetic techniques for the preservation of architectural monuments.....	99
Пути интеграции исторических объектов в пространство населенных пунктов XXI века.....	103
Integration Ways of Historical Objects Into Settlements of 21st.....	103
Акчурина Н.С. Храмовое подворье в честь иконы Божией Матери «Казанская» в поселке Шабры Свердловской области.....	104
Akchurina N.S. Temple metochion in honor of the Kazan icon of the Mother of God in Shabry, Sverdlovsk Region.....	104
Вальтеран Т.Л., Дудина Т.С. Проектный подход в изучении обучающимися историко-архитектурного наследия.....	111
Valteran T.L., Dudina T.S. The project approach in the historical and architectural heritage study.....	111
Ведмидь Г.П. Идейно-содержательные основы архитектурной деятельности (зодчество в системе культуры).....	117
Vedmid G.P. Ideological and content basics of architectural activity (architecture in the system of culture).....	117
Гаспарян М.А., Варданян Л.Л. Основные принципы реновации исторического квартала и его интеграции в современную инфраструктуру города в проекте «Старый Ереван».....	125
Gasparyan M.A., Vardanyan L.L. The basic principles of the renovation of the historic city district and its integration into the modern infrastructure of the city in the "Old Yerevan" project.....	125
Ломакина А.С., Никитина М.Е., Наволоцкая А.В. Школа №54 как объект культурного и исторического наследия.....	132
Lomakina A.S., Nikitina M.E., Navolotskaya A.V. School No.54 as an object of cultural and historical heritage.....	132

Мальшева С.К. Проблемы современного строительства в условиях исторического поселения на примере города Томска.....	139
Malysheva S.K. Problems of modern construction in the conditions of a historic city on the example of the city of Tomsk...	139
Морозова О.В., Духанина Е.С., Успенская О.М. Методико-педагогический потенциал наследия русского авангарда первой трети XX века.....	145
Morozova O.V., Dukhanina E.S., Uspenskaya O.M. Methodological and pedagogical potential of the Russian avant-garde heritage of the 1 st third of the 20 th century.....	145
Наволоцкая А.В. Вопросы истории реновации локальных исторических комплексов (на примере Новосибирска).....	153
Navolotskaya A.V. Issues of the history of local historical complexes renovation (on the example of Novosibirsk).....	153
Подорова А.П., Романова Л.С. Формулировка выдающейся универсальной ценности достопримечательного места «Воскресенская гора и Белоозёрье» в городе Томске.....	166
Podorova A.P., Romanova L.S. The definition of the outstanding universal value of the Voskresenskaya Gora and Beloozerie site in the city of Tomsk.....	166
Хохрин Е.В., Смольков С.А. Механизмы формирования городской идентичности урбанизированных территорий.....	171
Hohrin E.V., Smolkov S.A. Mechanisms of formation of city identity of the urbanized territories.....	171
Хохрин Е.В., Смольков С.А. К вопросу о регенерации исторической среды в условиях трансформации культурно-общественного центра сибирского города.....	176
Hohrin E.V., Smolkov S.A. To the question of the historical environment regeneration in transformation conditions of the Siberian city cultural and social center.....	176
Чиркина П.О. Приспособление памятников промышленной архитектуры Западной Сибири.....	181
Chirkina P.O. Adaptation of monuments of industrial architecture in Western Siberia.....	181
Шавшина И.П., Чимитов В.Н. Старое и новое в городской среде (на примере городских пейзажей из серии «Моя Москва» Н.Д. Грицюка).....	186
Shavshina I.P., Chimitov V.N. Old and new in an urban environment (on the example of urban landscapes from the series "My Moscow" by N.D. Gritsiuk).....	186
Шалыгина Д.Н., Ерохин Г.П. Новейшая история пост-социалистического города: осмысление процессов деиндустриализации и коммерциализации в конце XX — начале XXI века (на примере Новосибирска).....	193
Shalygina D.N., Erohin G.P. The newest history of the post-socialist city: comprehension the processes of deindustrialization and commercialization in the end of the 20 th — the early 21 st centuries (on the example of Novosibirsk).....	193
История зодчества Сибири и сопредельных территорий с древнейших времён до Нового времени.....	199
The history of Architecture of Siberia and Neighboring Areas From the Ancient Times Till the Modern Age.....	199
Балюнов И.В. Археологические материалы для реконструкции тобольской городской усадьбы XVII–XVIII веков...	200
Balunov I.V. Archaeological materials for the reconstruction of Tobolsk town mansion of the 17 th –18 th centuries.....	200
Бушуева Е.С. Графический набросок Нерчинской Троицкой церкви как исторический документ эпохи (к истории Нерчинской Успенской церкви).....	205

Bushueva E.S. Graphic sketch of the Nerchinsk Trinity Church as a historical document of the epoch (to the history of the Nerchinsk Assumption Church).....	205
Бушуева Е.С., Смертина Т.Ю., Алферина М.И. Воссоздание облика цогчен-дугана Цугольского дацана в Забайкалье по акварелям П.Н. Рязанцева.....	210
Bushueva E.S., Smertina T.Yu., Alferina M.I. Recreation of appearance of tsokchin-dugan Tsugolsky Datsan in Trans-Baikal Region on the base of the P.N. Ryazantsev's watercolors.....	210
Гаркуша Ю.Н. Развитие дендрохронологических исследований археологических и архитектурных объектов в Западной Сибири.....	217
Garkusha Y.N. Development of year-ring analysis of archeological and architectural objects of the Western Siberia.....	217
Горохов С.В. Локализация и планиграфия Усть-Тартасского паса (форпоста) в Барабинской степи.....	228
Gorokhov S.V. Localization and Planigraphy of the Ust-Tartassky Pas (outpost) in the Baraba steppe.....	228
Данилов П.Г. Протогородской ландшафт Тобольска: о чем говорит история.....	233
Danilov P.G. The proto-urban landscape of Tobolsk: historical facts.....	233
Журин А.Н. Феномен двойственности и его реализация в жилой архитектуре сибирского города первой половины XIX века.....	239
Zhurin A.N. The phenomenon of duality and its implementation in the residential architecture of the Siberian town in the first half of the 19 th century.....	239
Загваздин Е.П. Тобольский кремль с «полуденной» стороны: новые данные по архитектуре крепости в XVIII–XIX веках.....	245
Zagvazdin E.P. Tobolsk Kremlin on the south side: the new architectural information about the fortress in the 18 th –19 th centuries.....	245
Павлова Н.И. Сибирский тракт. Село Антошкино.....	252
Pavlova N.I. Siberian highway. Village of Antoshkino.....	252
Романов П.И. Обветшание и ремонт оборонительной конструкции приобских острогов Томского уезда в XVIII веке.....	258
Romanov P.I. Repairs and dilapidation of defensive structure of ostrogs on the Ob River in Tomskiy Uyezd in the 18 th century.....	258
Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Особенности фортификации уйгурских крепостных сооружений (на примере столичного города Орду-Балыка).....	263
Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu. Features of the Uyghur fortification (on the example of the citadel of Ordu-Baliq, the capital).....	263
Царев В.И., Царев В.В. Первоисточники о формировании Красноярска в XVII веке.....	266
V.I. Tsarev, V.V. Tsarev Primary sources on the formation of Krasnoyarsk in the 17 th century.....	266
Шульга П.И., Шульга Д.П. Особенности погребальных конструкций культуры чауху IX–VI веков до н. э. в Синьцзяне (Китай)..	274
Shulga P.I., Shulga D.P. Features of the burial constructions in the Chawuhu culture in Xinjiang (China) during the 9 th –6 th centuries BC.....	274

История градостроительства в Сибири: новые материалы и подходы.....	278
The History of Siberian Urban Planning. New Materials and Approaches.....	278
Альсова О.С., Журин Н.П. Из истории уплотнения застройки земельного надела в Новониколаевске начала XX века.....	279
Alsova O.S., Zhurin N.P. From the history of urban densification in Novo-Nikolaevsk at the beginning of the 20 th century.....	279
Ерохин Г.П., Чиндяева Л.Н., Тимофеев К.О., Черновская Л.И., Харламова Е.В. История создания и современное состояние памятника природы областного значения «Дендрологический парк» в городе Новосибирске.....	285
Erohin G.P., Chindyaeva L.N., Timofeenko K.O., Kharlamova E.V., Chernovskaya L.I. Origin, evolution and current state of the natural monument of regional significance Dendrological Park in Novosibirsk.....	285
Кочериди А.Ю. Влияние российского зодчества на историческое развитие ландшафтной организации на территории нынешнего города Алматы.....	292
Kocheridi A.U. The influence of Russian architecture on the historical development of landscape organization on the territory of city of Almaty.....	292
Лечунова О.А. Анализ развития планировочной структуры малых городов Новосибирской области в 1950-е — 1970-е годы.....	299
Lechunova O.A. Analysis of planning structure development of the small towns of Novosibirsk region in 1950s — 1970s.....	299
Литвинова О.Г., Воронина О.С. Планировочные особенности развития малых и средних населенных пунктов Среднего Приобья по материалам полевых исследований.....	303
Litvinova O.G., Voronina O.S. Planning features of the development of small settlements and towns of the Middle Ob region based on field research.....	303
Туманик Г.Н., Туманик А.Г. Поиск концепции градостроительного развития древней сибирской столицы (Тобольск).....	310
Tumanik G.N., Tumanik A.G. Searching the urban development concept of ancient Siberian capital (Tobolsk).....	310
Федотова Д.С. Архитектурно-художественный облик советского парка в Якутске.....	321
Fedotova D.S. Architectural and artistic image of Soviet park in Yakutsk.....	321
Фурсова Е.Ф., Васеха М.В. Поселение — «город»? Междисциплинарный анализ подходов к определению понятия «город».....	327
Fursova E.F., Vaseha M.V. Settlement is a city, isn't it? Interdisciplinary analysis of approaches to the definition of the concept «city».....	327
Сибирский город на рубеже XIX и XX веков.....	332
Siberian Town at the Turn of the 19th and 20th Century.....	332
Брянская А.В., Исаева Л.Ю. «Подворовые обходы» архитектуры. Томск. 1920 год.....	333
Bryanskaya A.V., Isaeva L.Y. Architectural "courtyard observations". Tomsk. 1920.....	333
Вельдина М.С., Паршуков В.В. Архитектурно-пространственный анализ улицы Гудимовской (Коммунистической) в городе Новониколаевске (Новосибирске) на период 1893–1920 годов.....	341
Veldina M.S., Parshukov V.V. Architectural and spatial analysis of the Gudimovskaya (Kommunisticheskaya) Street in the city of Novonikolayevsk (Novosibirsk) in the period of 1893–1920.....	341
Гайер И.Н. «Дворовое купеческое хозяйство конца XIX — начала XX веков» — экспозиция под открытым небом в Музейном комплексе города Куйбышева Новосибирской области.....	347

Gayer I.N. Courtyard merchant enterprise of the end of the 19 th — the beginning of the 20 th century. An open-air exposition in the Museum complex of the city of Kuibyshev of the Novosibirsk region.....	347
Голомянов А.И., Фурсова Е.Ф. «Тайные клады» Новониколаевска — Новосибирска (к вопросу о сохранении наследия)..... Golomyanov A.I., Fursova E.F. «Secret treasures» of Novonikolayevsk and Novosibirsk (on the issue of heritage preservation).....	352
Груздева Е.А. Архитектура жилого дома усадьбы купчихи Смирновой в селе Битки Сузунского района Новосибирской области..... E.A. Gruzdeva Architecture of the merchant Smirnova's manor house in the village of Bitki (Suzunsky district of the Novosibirsk region).....	358
Гуляева К.О. Мастера эпохи историзма конца XIX — начала XX века в Иркутске..... Gulyaeva K.O. Masters of the historism of the end of the 19 th century — the beginning of the 20 th century in Irkutsk....	365
Долнаков П.А., Долнакова Е.А. Городской архитектор Барнаула Борис Леонидович Шиловский..... Dolnakov P.A., Dolnakova E.A. Barnaul city architect Boris Leonidovich Shilovsky.....	373
Кузнецова Е.А. Выявление новых памятников на территории объекта культурного наследия «Военный городок. Комплекс зданий военного ведомства» (город Новосибирск)..... Kuznetsova E.A. Results of works on identification of historical and cultural value of the objects located in the territory of the Voennyj Gorodok in the city of Novosibirsk.....	378
Минина Н.А. История улицы Инской, последней сохранившейся улицы Новониколаевска..... Minina N.A. History of Inskaya Street, the last preserved street of Novonikolayevsk.....	384
Резниченко Т.Ю. Этапы формирования объемно-планировочного и архитектурно-художественного облика объекта культурного наследия по ул. Никитина, 2а в Томске..... Reznichenko T.Yu. Stages of the formation of space-planning and architectural design of the object of cultural heritage in Tomsk, Nikitina Street, 2a.....	389
Целищева М.А. Пассаж Клевцова — образец торгового здания купеческого зодчества конца XIX века с эклектичным декором..... Tselishcheva M.A. Klevtsov's Passage as a sample of the trade building of merchant architecture of the end of the 19 th century with an eclectic decoration.....	396
Архитектурно-градостроительная практика в советской Сибири.....	403
Architecture and Urban Planning of the Soviet Period in Siberia.....	403
Атапин И.И. Архитектура советского авангарда в Томске: история и новые материалы..... Atapin I.I. Soviet avant-garde architecture in Tomsk: history and new evidence.....	404
Бедулина И.П. Владельческая коллекция архитектора города Иркутска Бориса Михайловича Кербеля в редком фонде библиотеки Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева..... Bedulina I.P. Ownership collection of Boris Mikhailovich Kerbel, Irkutsk architect, in a rare stock of the V.P. Sukachev Irkutsk Regional Art Museum's library.....	311

Ворожейкина В.А., Журин Н.П. Владимир Александрович Ефимов — инженер-конструктор новосибирского комбината №179 в военные годы (1941–1942 гг.).....	419
Vorozheykina V.A., Zhurin N.P. Vladimir Alexandrovich Efimov — design engineer of Novosibirsk combine No. 179 in the war's years (1941–1942).....	419
Гашенко А.Е. Эскизы инвентаризации новосибирского архитектурного авангарда.....	424
Gashenko A.E. Inventory original drawings of Novosibirsk avant-garde architecture.....	424
Голодяев К.А. Стройтрест №30. Город и судьба.....	442
Golodyaev K.A. Building trust number 30. City and history.....	442
Гончарова Н.Г., Шавшина И.П. Объекты монументальной живописи в городе Новосибирске. Творчество Сергея Гриницына.....	452
Goncharova N.G., Shavshina I.P. Objects of monumental painting in the city of Novosibirsk. Sergei Grinitsyn art.....	452
Громова О.А., Красильникова Е.И. Система мест памяти о советских героях в городе Куйбышеве Новосибирской области (по документам Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры 1960-х — 1980-х годов).....	459
Gromova O.A., Krasilnikova E.I. The system of places of memory of Soviet heroes in the city of Kuybyshev, Novosibirsk Region (according to documents of the All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments of the 1960s — 1980s).....	459
Казусь И.А. Проектирование и строительство Дома Советов в Иркутске (1931–1941): новые данные.....	464
Kazus I.A. Design and construction of the House of Soviets in Irkutsk (1931–1941): new data.....	464
Келина И.С. Дом на улице Ленина и его первые жильцы. Бердск. Начало 1950-х годов.....	483
Kelina I.S. House on Lenin Street and its first residents. Berdsk. The beginning of the 1950s.....	483
Кисельникова Д.Ю., Филиппов В.Н. Проявление эстетики советского модернизма в архитектуре Новосибирска конца XX века.....	489
Kiselnikova D.Y., Filippov V.N. The aesthetics of Soviet modernism in the architecture of Novosibirsk in the late 20 th century.....	489
Кузеванов В.С. Организационная структура и функции органов государственного архитектурно-строительного контроля в крупнейших городах — центрах областей Западной Сибири в 1940-х — начале 1950-х годов.....	495
Kuzevanov V.S. Organizational structure and functions of the public oversight authorities for architecture and construction in the largest cities — centers of Western Siberia regions in the 1940s — early 1950s.....	495
Петренко С.Д. Мозаичные панно и скульптурный рельеф общественных зданий городов Западной Сибири в 1960-е — 1980-е годы.....	503
Petrenko S.D. Mosaic panels and sculptural relief of public buildings in the Western Siberian cities in the 1960s — 1980s.....	503
Савельева Н.В. Понятие «русское палладианство» в Сибири.....	409
Savelyeva N.V. The concept of «Russian» Palladian architecture in Siberia.....	409
Свешникова О.Б. Эволюция массового жилища второй половины XX века на примере Новосибирска.....	516
Sveshnikova O.B. The evolution of mass housing in the second half of the 20 th century on the example of the city of Novosibirsk.....	516

Слободчиков С.Ю., Харитоновна Н.Г. «Большой стиль» в сибирской провинции.....	519
Slobodchikov S.Y., Kharitonova N.G. Great Style in the Siberian province.....	519
Целищева М.А. Памятник архитектуры «Дворец Пионеров» в городе Барнауле, выполненный в формах монументального советского классицизма: история и проблемы сохранения.....	526
Tselishcheva M.A. Palace of Pioneers in the city of Barnaul as an architectural landmark of Soviet monumental classicism: history and problems of preservation of the building.....	526
Мнение.....	532
Position.....	532
Печерин К.М. Переосмысление исторической, культурной ценности объекта культурного наследия «Монумент Славы» в Новосибирске.....	533
Pecherin K.M. Rethinking of the historical, cultural value of the Monument of Glory in Novosibirsk.....	533
Создавай будущее: теория и практика развития проектного мышления.....	537
To Create a Future: Theory And Practice of the Project Thinking Development.....	537
Ануфриева Н.А. Архитектурно-художественное проектирование: апробация предмета в детской художественной школе.....	538
Anufrieva N.A. Architectural and artistic design: teaching the subject in a children's art school.....	538
Ворожейкина В.А., Алтухов А.В. Со-созидание (co-creation) — решающий фактор развития творческого мышления.....	543
Vorozheikina V.A., Altukhov A.V. Co-Creation as a key determinant of the development of creative thinking.....	543
Гарашук Н.А. Проект «Комфортная городская среда»: от эскиза до реализации.....	547
Garashchuk N.A. Comfortable urban environment project: from sketch to implementation.....	547
Морозова О.В., Духанина Е.С. STEAM-технологии в дополнительном образовании детей.....	553
Morozova O.V., Dukhanina E.S. STEAM technologies in children's additional education.....	553
Олесина Е.П. Проектные формы освоения социокультурного пространства региона в контексте реализации концепции преподавания предметной области «Искусство» в школе.....	557
Olesina E.P. Project forms for the development of the socio-cultural space of the region in the context of the implementation of the concept of teaching the discipline of art in school.....	557
Радомская О.И. Развитие проектного мышления школьников на занятиях изобразительным искусством на основе новой концепции преподавания предметной области «Искусство».....	561
Radomskaia O.I. Development of project thinking of school students in art classes on the basis of a new concept of teaching the discipline of art.....	561
Рожкова А.С. Развитие одаренности в системе дополнительного образования детей.....	563
Rozhkova A.S. Giftedness sustainability within the system of children's additional education.....	563
Филатова О.Г. Краткосрочная программа «Горница» художественной направленности в Центре дополнительного образования города Усть-Кута (Иркутская область) как решение актуального вопроса летней занятости обучающихся.....	565

Filatova O.G. Gornitsa short-term program with an artistic orientation in Ust-Kut Centre for Additional Education (Irkutsk Region) as a solution to the urgent issue of summer activities of students.....	565
Чернецова Е.Н. Современные подходы к разработке дополнительных образовательных программ в области проектной деятельности.....	568
Chernetsova E.N. Modern approaches to the development of additional educational programs in the field of project activities.....	568
Сведения об авторах.....	571

Памяти Сергея Баландина

To the Memory of Sergey Balandin

Памятная медаль имени С.Н. Баландина: из истории учреждения и награждения

В 2010 г. сотрудниками Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина Новосибирской государственной архитектурно-художественной академии (НГАХА) и Музея города Новосибирска было предложено провести историко-культурный проект «Что остается в наследство...», посвященный 100-летию первых построек архитектора Андрея Дмитриевича Крячкова в городе Новосибирске и 80-летию со дня рождения архитектора Сергея Николаевича Баландина.

11 марта 2010 г. на заседании рабочей группы по организации и проведению проекта «Что остается в наследство...» заведующая Музеем истории архитектуры Сибири Татьяна Николаевна Тарновская предложила учредить памятную медаль имени Сергея Николаевича Баландина — ученого, педагога, общественного деятеля, доктора архитектуры, профессора, автора многих научных трудов, статей, монографий, учебных пособий по истории архитектуры Новосибирска и сибирских городов, библиографа своего учителя А.Д. Крячкова, создателя уникального музея в НГАХА. Присутствующие члены рабочей группы — В.С. Баландин, Т.В. Волкова, А.В. Кошелев, И.В. Поповский, С.В. Тюренков, А.В. Шаповалов, Е.М. Щукина, Н.В. Ярославцева и Н.Б. Ярыгина — единогласно поддержали предложение Татьяны Николаевны и, признавая значительный вклад С.Н. Баландина в дело сохранения и популяризации историко-культурного наследия Сибири, приняли решение:

1. Учредить Памятную медаль имени С.Н. Баландина.

2. Утвердить положение о Памятной медали и эскиз рисунка Памятной медали (выполненный В.С. Баландиным).

3. Наградить Памятной медалью имени С.Н. Баландина в 2010 г. Ларису Валентиновну Тимяшевскую и Александра Сергеевича Чернобровцева.

Согласно принятому положению Памятная медаль имени С.Н. Баландина (далее — Памятная медаль) учреждена в качестве общественного признания заслуг Сергея Николаевича Баландина (18.04.1930 — 13.01.2004) — сибирского ученого, педагога, просветителя, доктора архитектуры, заслуженного архитектора Российской Федерации, почетного академика Российской академии архитектуры и строительных наук, профессора НГАХА, основателя Музея истории архитектуры Сибири, автора более 150 научных трудов по истории сибирской архитектуры, истории г. Новосибирска, организатора и участника исследовательских экспедиций, внесшего значительный вклад в изучение, сохранение и популяризацию памятников архитектуры и истории Сибири.

Учредителями Памятной медали выступили Департамент культуры Новосибирской области, управление по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области, управление культуры мэрии города Новосибирска, Музей истории архитектуры Сибири имени С.Н. Баландина НГА-

ХА, Новосибирский государственный краеведческий музей, Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области (НПЦ), Музей города Новосибирска и Новосибирский Союз архитекторов России.

Памятной медалью награждаются граждане Российской Федерации, внесшие значительный вклад в сохранение и популяризацию историко-культурного наследия Новосибирской области.

Награждение Памятной медалью осуществлялось по решению комиссии, в состав которой входило по одному представителю от каждой организации-учредителя. Комиссия рассматривает представления о награждении Памятной медалью, которые могут быть внесены учредителями Памятной медали, государственными и муниципальными учреждениями культуры, науки, образования, научными, культурно-просветительскими и другими общественными организациями. Представления собирались Музеем истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина.

Ежегодно Памятной медалью награждаются два человека. Награждение Памятной медалью производится в торжественной обстановке, как правило, 18 апреля в Международный день памятников и исторических мест и день рождения С.Н. Баландина. Награжденному вместе с медалью вручается удостоверение.

Описание Памятной медали: медаль круглой формы. Аверс медали представляет круговую ленту (кольцо) шириной 4 мм, на которой размещена рельефная надпись «Сергей Николаевич Баландин». В центре расположен рельефный портрет С.Н. Баландина вправо, который соприкасается с лентой в нижней своей части. Вокруг рельефа — свободное пространство. Реверс — гладкий, с надписью по кругу «За вклад в сохранение культурного наследия». Диаметр — 22 мм, толщина 3 мм. Материал — серебро (или сплав мельхиора, латуни и др.). Медаль при помощи ленты и кольца крепится к прямоугольной колодке, обтянутой шелковой муаровой лентой красного цвета, шириной 24 мм (ил.1).

Автором эскиза медали стал сын Сергея Николаевича — Владимир Сергеевич Баландин, член Союза художников России, профессор НГАХА (ныне — Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств, НГУАДИ). Воплощение эскиза медали в металле взял на себя известный новосибирский медальер Олег Владимирович Пронин. Первый тираж медали, изготовленный О.В. Прониным по договору с НПЦ, составил 15 штук.

Появление данного решения нельзя назвать случайным. Несмотря на бурное развитие в начале XXI в. региональных наградных систем, на уровне официальных наград Новосибирской области и города Новосибирска, так же, как и в других российских регионах, не было специальных знаков отличия, отмечающих архитекторов, историков, других специалистов, посвятивших себя делу сохранению

и популяризации историко-культурного наследия. Несмотря на фактически общественный статус указанной награды, Памятная медаль имени С.Н. Баландина сразу же стала значимым для профессионального сообщества элементом признания заслуг в деле сохранения историко-культурного наследия Новосибирской области.

В дальнейшем, в силу различных обстоятельств, организационное и информационное сопровождение процедур выдвижения и рассмотрения кандидатур на награждение Памятной медалью, подготовка и проведение заседаний комиссии и церемонии вручения медали осуществлялись в основном управлением по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области, Музеем истории архитектуры Сибири имени С.Н. Баландина и Научно-производственным центром по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области.

Первые две Памятные медали были вручены 20 апреля 2010 г. во время проведения в колонном зале Новосибирского государственного краеведческого музея торжественного мероприятия, посвященного Международному дню памятников и исторических мест. Губернатор Новосибирской области В.А. Толоконский вручил заслуженные награды Л.В. Тимяшевской и А.С. Чернобровцеву (ил. 2).

Несмотря на некоторые перерывы, ежегодно медаль вручалась, как правило, в ходе открытия Всероссийской (с международным участием) историко-архитектурной конференции «Баландинские чтения», ставшей одним из наиболее значимых форумов по исследованию архитектурно-градостроительного наследия Сибири и других регионов. Практически с первого награждения сложилась негласная традиция вручения одной медали представителю специализированных учреждений, участвующих в реализации мероприятий по государственной охране объектов культурного наследия (в основном, ветераны и сотрудники Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области). Вторая медаль вручалась представителю архитектурного либо музейного сообщества.

Практически всегда награжденные получали Памятную медаль из рук кандидата технических наук, заслуженного работника высшего профессионального образования, супруги С.Н. Баландина Татьяны Сергеевны Баландиной, много лет отдавшей преподаванию в Сибстрине и НГАХА (ил. 3).

В тоже время, фактическое отсутствие официального статуса у Памятной медали создавало неопределенность и нестабильность в дальнейшей ее судьбе. По предложению А.В. Кошелева 30 марта 2018 г. на заседании учредителей Памятной медали было принято решение передать право вручения Памятной медали имени С.Н. Баландина НГУАДИ и предложить университету разработать новую редакцию Положения о Памятной медали и назначить комиссию по награждению с обязательным участием в комиссии представителей управления по государственной охране культурного наследия Новосибирской области и НПЦ. Изготовление медали и удостоверения оставить в ведении управления по государственной охране культурного наследия Новосибирской области.

На основании решения Ученого совета НГУАДИ

от 9 апреля 2018 г. (протокол № 36), единогласно поддержавшего поступившее предложение, приказом ректора НГУАДИ от 19.04.2018 г. № 238 были утверждены Положения о Памятной медали (регистрационный номер 1-Р 19.04.2018-16/01) и состав наградной комиссии. В нее вошли лауреаты Памятной медали прошлых лет — С.Н. Богомазова, М.В. Грес, Н.П. Журин, Н.И. Мартыанов, И.В. Поповский. Председатель комиссии — Н.В. Багрова, ректор НГУАДИ, секретарь комиссии — Д.Д. Гаркуша, заведующая Музеем истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина.

Утвержденное Положение о памятной медали сохранило преемственность с первоначальными решениями в части критериев награждения, внешнего вида медали, количества награждаемых ежегодно, но более четко регламентировало порядок выдвижения, рассмотрения и принятия решения о награждении Памятной медалью. Отличием от первоначальной редакции стала возможность награждения Памятной медалью не только граждан Российской Федерации, но и иностранных граждан, что вполне закономерно, так как вопросы сохранения и популяризации историко-культурного наследия Новосибирской области привлекают все большее внимание международного сообщества.

Данное решение руководства НГУАДИ придало официальной статус Памятной медали как вузовской награде и, будем надеяться, будет способствовать повышению ее статуса в профессиональном сообществе как важного фактора признания коллегами заслуг специалистов, много сделавших для сохранения и популяризации историко-культурного наследия Новосибирской области.

Далее приводим список награжденных Памятной медалью имени С.Н. Баландина в хронологическом порядке с кратким описанием их заслуг (ил. 4–9). Наименование должностей лауреатов дается на год награждения Памятной медалью:

2010 г.:

Тимяшевская Лариса Валентиновна, начальник Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области в 1990–1999 гг., заслуженный работник культуры Российской Федерации. Возглавив в 1980 г. Производственное бюро по охране и эксплуатации памятников истории и культуры, в 1990 г. преобразованное в НПЦ, Л.В. Тимяшевская в течение 20 лет организовывала и координировала в тяжелых условиях работу по выявлению, сохранению и популяризации объектов культурного наследия в Новосибирской области, создала профессиональный коллектив НПЦ и фактически заложила основы системы сохранения памятников в нашем регионе.

Чернобровцев Александр Сергеевич (12.09.1930 — 13.04.2014), художник-монументалист, член Союза художников России, заслуженный деятель искусств РСФСР, профессор кафедры монументально-декоративного искусства НГАХА, почетный житель города Новосибирска. А.С. Чернобровцев — автор многочисленных монументальных произведений, три из которых — мемориальное панно, посвященное памяти погибших во время Гражданской войны в сквере Героев революции, Монумент Славы в честь подвига сибиряков в годы

Великой Отечественной войны в г. Новосибирске и мемориальный ансамбль в честь подвига бердчан, погибших в годы Великой Отечественной войны, в г. Бердске, признаны объектами культурного наследия регионального значения.

2011 г.:

Грес Марина Вадимовна, заместитель начальника управления — начальник отдела государственного контроля в сфере охраны объектов культурного наследия управления по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области, заслуженный строитель Российской Федерации. Работая в НПЦ с 1992 г., М.В. Грес стояла у истоков создания современной системы охраны объектов культурного наследия в Новосибирской области. При ее непосредственном участии была организована работа по выявлению и обследованию десятков объектов, обладающих историко-культурной ценностью, были проведены комплексные реставрационные работы, в том числе на таких знаковых памятниках архитектуры, как здания театра оперы и балета, театра «Красный факел», Дома Ленина и многих других.

Поповский Игорь Викторович, директор ООО «АПМ-2002», доцент кафедры архитектуры гражданских зданий НГАХА, председатель правления Новосибирского Союза архитекторов России. И.В. Поповский внес большой вклад в изучение архитектурного наследия Новосибирской области, формирование профессионального сообщества и системы экспертной оценки проектов по сохранению, популяризации и государственной охране памятников истории и культуры.

2012 г.:

Андрианова Ирина Юрьевна, начальник отдела архитектуры и градостроительства ГАУ НСО «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области». И.Ю. Андрианова является автором либо руководителем авторских коллективов проектов реставрации для нескольких десятков объектов культурного наследия. Под ее руководством в 2010-е гг. разработаны проекты зон охраны практически для всех памятников архитектуры и истории, расположенных на территории Новосибирской области.

Павлова Наталья Иннокентьевна, директор МКУК города Куйбышева «Музейный комплекс». Н.И. Павловой проведена большая работа по выявлению и изучению памятников истории и культуры г. Куйбышева и бывшего Каинского округа (уезда), создан один из лучших в Новосибирской области краеведческих музеев, ведется исследовательская работа по истории политической ссылки и репрессий в Сибири.

2013 г.:

Богомазова Светлана Николаевна, консультант отдела государственного контроля в сфере охраны объектов культурного наследия управления по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области. С.Н. Богомазова — один из первых в Новосибирской области профессиональных архитекторов-реставраторов, автор проектов реставрации для десятков памятников архитектуры. За большой вклад в сохранение объектов культурного наследия, в том числе при проведении работ по реставрации здания Новосибирского теа-

тра оперы и балета, указом Президента Российской Федерации награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Мартьянов Николай Иванович, профессор кафедры рисунка, живописи и скульптуры НГАХА, член Союза художников России, скульптор, автор мемориальных досок многим выдающимся деятелям науки и культуры, в том числе Р.Л. Бартини, Г.К. Борескову, Н.Д. Грицюку, К.И. Замараеву, А.А. Ковальскому, В.А. Коптюгу, А.Д. Крячкову, С.С. Кутателадзе, В.П. Мамаеву, А.В. Никулькову, Ю.Б. Румеру, В.В. Телишеву, В.П. Чеботаеву.

2014 г.:

Новокшенов Сергей Михайлович, заместитель начальника главного управления архитектуры и градостроительства мэрии города Новосибирска, кандидат архитектуры. С.М. Новокшенов — ученик С.Н. Баландина, один из первых выпускников Новосибирского архитектурного института, исследователь истории градостроительного развития г. Ново-Николаевска (Новосибирска) в начале XX в., сделавший многое для сохранения и государственной охраны объектов культурного наследия при разработке и утверждении градостроительной документации Новосибирска, в том числе, проектов зон охраны.

Савельева Нина Валентиновна, главный архитектор проектов Сибирского института «Сиб-спецпроектреставрация» (г. Томск). Н.В. Савельева является автором либо руководителем авторских коллективов проектов реставрации для нескольких десятков памятников архитектуры Сибирского региона, в том числе главный архитектор проектов реставрации зданий Новосибирского театра оперы и балета, театра «Красный факел» и многих других. Один из основных авторов действующего проекта зон охраны объектов культурного наследия г. Новосибирска.

2015 г.:

Журин Николай Петрович, заведующий кафедрой основ архитектурного проектирования, истории архитектуры и градостроительства НГАХА, профессор, кандидат архитектуры. Н.П. Журин — ученик С.Н. Баландина, один из крупнейших исследователей истории архитектуры Сибири, участник многих комплексных экспедиций по выявлению, изучению и сохранению памятников архитектуры Сибири.

Кузнецова Елена Анатольевна, главный специалист по научной работе — начальник отдела научного учета ГАУ НСО «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области». Е.А. Кузнецова, исследователь истории архитектуры в Новосибирской области, благодаря усилиям которой были выявлены и поставлены на государственную охрану десятки объектов культурного наследия, автор многих изданий и публикаций, популяризирующих историко-культурное наследие региона.

2016 г.:

Щукина Елена Михайловна, директор МКУК города Новосибирска «Музей города Новосибирска». Е.М. Щукина является одним из главных инициаторов и организаторов успешно реализованных проектов по популяризации историко-культурного наследия Новосибирской области, в том числе историко-культурного проекта «Что остается в наслед-

ство...», системы пешеходных экскурсий по улицам Новосибирска, передвижных выставок в метрополитене и в общественных пространствах города, благодаря которым у жителей города формируется уважительное отношение к историческому наследию Новосибирска, понимание необходимости его сохранения.

2017 г.:

Памятная медаль не вручалась.

2018 г.:

Ольгова Татьяна Васильевна, начальник управления культуры, спорта, туризма и молодежной политики администрации Сузунского района. Т.В. Ольговой проведена большая работа по выявлению и изучению историко-культурного наследия Сузунского района, является одним из главных инициаторов и организаторов создания музейно-туристического комплекса «Завод Сузун. Монетный двор» — наиболее успешного туристического про-

екта Новосибирской области, созданного на основе достопримечательного места «Сузунский медеплавильный завод и монетный двор».

Тарновская Татьяна Николаевна, директор Новосибирской региональной общественной организации «Пенсионеры-онлайн». Т.Н. Тарновская — во многом ученица С.Н. Баландина, после его смерти, возглавившая и сохранившая с коллегами Музей истории архитектуры Сибири имени С.Н. Баландина (руководитель музея в 2004–2011 гг.), стала вдохновителем и первым координатором конференции «Баландинские чтения». Под руководством Татьяны Николаевны музей преодолел многие ограничивающие стандарты корпоративного формата музея. Собранные С.Н. Баландиным коллекции стали доступны широкой публике за счет выставок, налаженной экскурсионной деятельности, лекций и публикаций в СМИ.

Ил. 1. Памятная медаль имени С.Н. Баландина: лицевая и оборотные стороны.
Снимок Н. Пейновича

Ил. 2. Губернатор Новосибирской области В.А. Толоконский вручает Памятную медаль имени С.Н. Баландина А.С. Чернобровцеву. Новосибирский государственный краеведческий музей. 20 апреля 2010 г. Снимок Е. Щукиной

Ил. 3. Т.С. Баландина вручает Памятную медаль С.М. Новокшонову — ученику С.Н. Баландина. НГАХА. 18 апреля 2014 г. Снимок Д. Гаркуша

Ил. 4. И.В. Поповский — лауреат Памятной медали имени С.Н. Баландина 2011 г.
НГУАДИ. 18 апреля 2018 г. Снимок Д. Гаркуша

Ил. 5. И.А. Андрианова — лауреат Памятной медали имени С.Н. Баландина 2012 г.
НГУАДИ. 18 апреля 2018 г. Снимок Д. Гаркуша

Ил. 6. Н.В. Савельева — лауреат Памятной медали имени С.Н. Баландина 2014 г. НГУАДИ. 24 апреля 2019 г. Снимок А. Гашенко

Ил. 7. Т.С. Баландина и А.В. Кошелев вручают Памятную медаль имени С.Н. Баландина Н.П. Журиной. НГАХА. 18 апреля 2015 г. Снимок Т. Бушма

Ил. 8. Е.А. Кузнецова — лауреат Памятной медали имени С.Н. Баландина 2015 г. НГУАДИ. 18 апреля 2018 г. Снимок Д. Гаркуша

Ил. 9. Т.Н. Тарновская — лауреат Памятной медали имени С.Н. Баландина 2018 г. НГУАДИ. 18 апреля 2018 г. Снимок Д. Гаркуша

Награжденные Памятной медалью имени С.Н. Баландина в 2019 году¹

На основании поступивших предложений наградной комиссией принято решение о награждении Памятной медалью им. С.Н. Баландина в 2019 г. Е.Н. Блинова и А.В. Кошелева (протокол № 1 от 31 марта 2019 г.). В рамках проведения Международной научной конференции «XIV Баландинские чтения» награды 23 апреля 2019 г. вручили первый ректор Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств (ранее — НГАХА) Геннадий Иванович Пустоветов и супруга Сергея Николаевича Баландина — Татьяна Сергеевна Баландина, почетный работник высшего образования, ветеран НГАХА-НГУАДИ.

Блинов Евгений Николаевич, профессор Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств, кандидат архитектуры, ученик и соратник С.Н. Баландина. Автор одного из первых фундаментальных научных исследований сибирской авангардной архитектуры 1920-х — 1930-х гг. — кандидатской диссертации «Архитектурно-планировочное развитие индустриальных городов Сиби-

ри в годы первых пятилеток» (1993 г.), во многом изменившего отношение к памятникам этого времени на территории Новосибирской области, в том числе, объектам Левобережного Соцгорода в Новосибирске.

Кошелев Александр Владимирович, заместитель директора МКУК города Новосибирска «Музей города Новосибирска». Стоял у истоков создания Управления по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области, в течение более чем десяти лет возглавлял управление. За эти годы сохранение культурных памятников в регионе вышло на новый уровень, внимание к историческому наследию стало общепринятой нормой. Охранный статус получили не только многочисленные самостоятельные объекты, но и особо ценные исторические территории, такие как Новосибирский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (Академгородок), жилой район «Красная горка», комплексы «Красные казармы», «Окружная больница» и др.

Т.С. Баландина и Г.И. Пустоветов, первый ректор НГАХА, вручают Памятную медаль Е.Н. Блинову, ученику С.Н. Баландина. НГУАДИ. 23 апреля 2019 г. Снимок А. Широкова

¹ С 2019 г. в традицию сборника «Баландинских чтений» вводятся публикации решения о новых лауреатах Памятной медали им. С.Н. Баландина.

Т.С. Баландина и Г.И. Пустоветов, первый ректор НГАХА, вручают Памятную медаль им. С.Н. Баландина А.В. Кошелеву. НГУАДИ. 23 апреля 2019 г. Снимок А. Широкова

Новые методы и подходы в этнографии
в информационную эпоху. Междисциплинарные
исследования в области архитектуры и этнографии

New Methods and Approaches
in Ethnography in the Information Age.
Interdisciplinary Research in Architecture and Ethnography

С.С. Аванесов
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
iskiteam@yandex.ru

Архитектурная среда и «объективное» восприятие города (к понятию визуальной автобиографии)

*Доклад подготовлен в рамках исполнения гранта РФФИ № 19-011-00124
«Философская автобиография как метод антропологической навигации»*

Аннотация

Доклад посвящен анализу проблемы адекватного восприятия города как многослойного культурного пространства. Автор исходит из положения о том, что культурное пространство есть динамичная и открытая система смыслов. Город представляет собой смысловую систему, выраженную посредством материальных объектов и их пространственных соотношений. В данном контексте архитектурная среда воспринимается и интерпретируется как совокупность визуальных знаков, то есть текст. Поскольку город есть текст, «растущий» во времени, постольку его общий смысл всегда больше его наличного облика. Этот общий смысл города воспринимается только тогда, когда мы сквозь настоящее состояние городской среды «видим» и прошлое, и будущее конкретного города. Отношение к городу как к сложному пространственному семиотическому комплексу, существующему в большом времени культуры, дает его жителям возможность формировать и переживать свою идентичность, формируемую только в контексте уникальной истории. Город в целом оказывается растущей совокупностью биографий его жителей и посетителей, в конечном итоге — его постоянно дополняемой автобиографией.

Ключевые слова: город, архитектурная среда, визуальный текст, восприятие, культурное пространство, биография, автобиография

S.S. Avanesov
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Velikiy Novgorod)
iskiteam@yandex.ru

Architectural environment and "objective" perception of the city

Abstract

The article deals with the analysis of the problem of adequate perception of the city as a multi-layered cultural space. The author proceeds from the basis that cultural space is a dynamic and open system of variations. The city is a semantic system, expressed through material objects and their spatial relationships. In this context, the architectural environment is perceived and interpreted as a set of visual signs i. e. text. Since the city is a text "growing" in time, so its general meaning is always greater than its present appearance. This general meaning of a city is perceived only when we "see" both the past and the future of a particular city through the present state of the urban environment. The attitude to a city as to a complex spatial semiotic complex that exists in a large culture time gives its residents the opportunity to form and experience their identity, created only in the context of a unique history. The city as a whole turns out to be a growing collection of biographies of its residents and visitors, and in the end, its constantly supplemented autobiography.

Key words: city, architectural environment, visual text, perception, cultural environment, biography, autobiography

Город представляет собой специфическим образом сформированное **культурное пространство**. Физическое место по определению всегда одно и то же, но человек живет не в таком фантастическом месте, а в реальном человеческом пространстве, которое способно трансформироваться, концентрироваться, распространяться, комбинироваться. В одном и том же гипотетически-абстрактном «месте» попеременно или даже одновременно присутствуют

разные реальные пространства. Одно физическое место по определению всегда отграничено от любого другого физического места; пространства же могут присутствовать друг в друге или дополнять друг друга. Место — это абстрактная константа, пространство — это реальная переменная. Реальный человек живет в мире экзистенциальных переменных, а не отвлеченных логических констант.

Любой город формируется, самоопределяется,

существует и развивается не столько как совокупность более или менее упорядоченных и так или иначе связанных друг с другом материальных объектов, сколько как осмысленное человеком жизненное пространство, или **пространство смыслов**, репрезентируемых посредством этих материальных объектов. Актуализация таких смыслов осуществляется в контексте разнообразных коммуникативных практик — как синхронных, так и диахронных. Всякий объект, функционирующий в качестве репрезентанта некоторого смысла, является **знаком**. Город есть система знаков, то есть **текст**.

Текст как упорядоченная совокупность знаков не столько являет свою форму, сколько сообщает о своем содержании, «отсылает» читателя от слоя своей внешности к слою своего смысла. Эстетика внешнего облика элементов текста или акустических параметров связной речи в семиотической ситуации не являются самодостаточными; они ориентированы на «производство» осмысленного сообщения. Один и тот же смысл может быть выражен с помощью букв, отличающихся по форме, цвету и размеру, или с помощью звуков разной высоты, продолжительности и интенсивности. Эстетически воспринимаемая форма материальных объектов, в процессе рецепции приобретающая семиотическое измерение, выступает как средство трансляции сообщений (дескриптивных или нормативных), как **коммуникативное** средство.

Город есть сложная совокупность множества визуальных «сообщений», организованных с помощью различных по своей «графике» знаковых систем (комплексов). Содержание таких визуально различающихся сообщений может совпадать: город, имеющий достаточно протяженную историю, несет в себе образцы применения различных архитектурных стилей и художественных традиций для выражения тождественного смысла (очень часто такие стили и традиции обнаруживаются в составе одного и того же памятника или ансамбля). И, напротив, один и тот же архитектурно-художественный стиль может использоваться для репрезентации различных смыслов. Иначе говоря, городской текст имеет ту или иную **историческую глубину**, выраженную с помощью визуальных (оптических) средств, поддающихся семиотической интерпретации.

Человек — **историческое** существо; он сбывается (становится собой) во времени. Городская среда в этом отношении соответствует человеку: она хронически подвижна, она тоже несет в себе и визуально демонстрирует свою историчность. В культурном пространстве города различными способами репрезентировано историческое время. Более того, город, как он сформировался в течение истории, **есть наглядный образ примирения времени с пространством**. Город демонстрирует совмещение в едином пространстве разновременных явлений. Здесь пространство выступает в качестве способа упорядочения времени: в городском пространстве каждому **времени** истории города находится свое **место**. Город, как всякое подлинное явление культуры, существует в «большом времени», в **хроническом** измерении, неотделимом от его пространственных аспектов. Его **современный** облик неравен себе, поскольку (как явно, так и неявно) содержит в «снятом» виде всю предшествующую историю и одновременно «чреват» будущим. Таким

же образом настоящее время неизбежно содержит в себе и прошлое (которого, действительно, нет нигде, кроме настоящего), и будущее (как проект, прогноз или ожидание). Так же и городская среда выражает собой и исторические нарративы, и возможные перспективы.

Культурное прошлое, в отличие от «физического» прошлого, никогда не исчезает из опыта, оно всегда присутствует в нем, являясь его обязательной частью. Сознание, лишенное культурного опыта прошлого, теряет свое историческое — подлинно человеческое — измерение; носитель такого сознания выпадает из «большого времени» культуры, утрачивает идентичность и легко превращается в элементарный объект манипуляций. Отношение к городу как к **сложному пространственному комплексу, существующему в большом времени культуры**, дает его обитателям возможность формировать и позитивно переживать свою — личную и общественную — идентичность, формируемую только в контексте уникальной истории.

Поэтому город в своем содержании никогда не исчерпывается тем наличным обликом, который дан нам в простом незаинтересованном восприятии. **Образ** города не равен «виду» города или его «внешности». Образ города имеет протяженность во времени, он углубляется как в прошлое, так и в будущее. Когда в наличном облике города мы читаем его историю и посильно прогнозируем его будущее, мы имеем дело с его образом. Временной параметр городского пространства (историческая «глубина» видимого урбанистического ландшафта) напрямую определяет результат нашего взгляда на город. Действительно, восприятие города может происходить по трем «парадигмам»: а) воспринимается только настоящее, как оно «есть», как оно видится с точки зрения заезжего равнодушного туриста, глядящего в окно автобуса; б) воспринимается настоящее, включающее прошлое, благодаря чему город переживается не как плоский наглядный факт, а как итог исторической динамики, как результат тех процессов, которые создали его «глубину», читаемую под «поверхностью»; в) воспринимается настоящее, включающее прошлое и будущее, что позволяет видеть город не только в его истории, но и в его «выступании вперед себя» (если использовать известный онтологический концепт М. Хайдеггера), в его **продолжительности**. То, что **видно**, зависит от того, как **смотреть**. Полное видение зависит от **культурной** апперцепции видимого. Физически видимое, таким образом, отличается — в худшую сторону — от видимого в культурном контексте или в аспекте «большого времени», придающего видимому исторический «объем». Для восприятия города важна не только его в данный момент видимая форма (внешность), но ее протяженность во времени, ее ретроспектива и перспектива и, соответственно, ее значение в общем образе города, ее важность для сохранения городской среды, ее культурная и нравственная **ценность**.

К примеру, архитектурные руины могут «объективно» восприниматься как мусор, но «субъективно» выступать как часть урбанистического нарратива. Даже если мы не знаем истории именно этого города и именно этого памятника, мы неизбежно воспринимаем руины как результат процессов, протекающих

во времени, как следствие некоторых случившихся в прошлом **хронических** событий. Руины как таковые, в их физическом аспекте, репрезентируют собой (посредством нашего восприятия) историю города, места или сооружения, оказываясь, таким образом, включенными в объемную картину динамично развивающегося городского пространства. Любой (даже чисто эмоциональный или сугубо гипотетический) прогноз, связанный с возможной ревитализацией этих руин, включает их и в **будущее** развитие города, предполагает продолжение их истории.

Историческая глубина архитектурной среды содержится не только в памяти или в субъективных догадках о прошлом; она зафиксирована в визуальных документах различных эпох. Речь идет о старых фотографиях, рисунках, живописных и скульптурных изображениях, архитектурных и планировочных проектах. При этом нереализованные архитектурные проекты также являются элементами сложного образа города, составляя часть **истории** развития его пространственной среды. Очень много сообщают о биографии города сохранившиеся в старых семейных альбомах фотографии, где на переднем плане зачастую — его давно ушедшие жители, творившие эту биографию. Благодаря сохраненной визуальной памяти, с этими людьми навсегда ассоциирован тот архитектурный фон, на котором они сняты, становясь в нашем сегодняшнем восприятии источником информации для формирования образа города.

Это прошлое города, обеспечивающее объемность его нынешнего образа, носитель соответствующего ментального «кода» может прочесть сквозь любой современный архитектурный объект. Например, наблюдая высокое здание из стекла и бетона с приросшим к нему стеклянным бутоном, я не менее ясно вижу на этом же месте когда-то безжалостно

сносенный двухэтажный кирпичный дом досоветского вида и качества, на втором этаже которого помещалась скромная квартира моей бабушки с деревянными полами и печью, а на первом располагалась столовая, знаменитая тем, что в праздники через ее огромные окна всем родственникам столовских работников, несмотря на внешнее оцепление, можно было беспрепятственно следить за проходившим по проспекту военным парадом. Это прошлое **входит** в образ данного места как его неявное, но значимое содержание.

Город не только является контекстом той или иной человеческой биографии, но и всякая индивидуальная человеческая биография является активатором **определенных** смыслов, параметров и качеств города. Город с его биографией «складывается» в русле конкретных биографий его обитателей и посетителей. Количество и содержание таких биографий — величина открытая. Следовательно, единый образ города в любой момент его истории оказывается не полностью и не до конца определенным, открытым для соучастия.

Насколько «герой» биографии является ее автором, настолько эта его биография оказывается **автобиографией**, то есть его собственным и ответственным предприятием. В этом ракурсе можно вести речь и об автобиографии города: о такой его биографии, которая складывается из активно и ответственно создаваемых биографий его жителей. Город формируется как **визуальная автобиография** городского сообщества в его истории; в нормально функционирующем городе эта история не только актуальна, но и **перспективна**, открыта в будущее. В противном случае, когда такой открытости не наблюдается, биография города легко превращается в его некролог.

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10051
УДК: [398.32+398.4]

О.В. Голубкова
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
Olga-11100@yandex.ru

Мифологизация места: актуализация сакральных символов у потомков переселенцев из Полесья и южнорусских губерний в Западной Сибири

Аннотация

В статье представлены результаты анализа полевых материалов, раскрывающих тему актуализации сакральных символов ландшафта у потомков переселенцев начала XX в. из Полесья, Курской и Пензенской губерний. На примере мифологических представлений, о необычной местности (где люди встречали нечистую силу, попадали в иной мир), которые отличаются высокой степенью сохранности и продолжают развиваться, сделан вывод о том, что глубина архетипических представлений о ином мире обеспечила жизнеспособность связанных с ними символов и отобразилась в новых сюжетах несказочной устной прозы.

Ключевые слова: мифология, иной мир, сакрализация ландшафта, полевые исследования, мифотворчество, нечистая сила, Полесье, Западная Сибирь, Маслянинский район Новосибирской области

O.V. Golubkova
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
Olga-11100@yandex.ru

Mythologization of the terrain: the actualization of sacred symbols of the descendants of migrants from Polesye and the southern regions of the Russia in Western Siberia

Abstract

The article deals with the results of the field data analysis that reveal the actualization of the sacral symbols associated with the landscape among the descendants of migrants from the beginning of the 20th century from the Polesye and southern (Kursk, Penza) provinces of the Russian Empire. Mythological representations about unusual terrain, where people met with evil spirits, got into another world, were recorded in the Maslyanino district of the Novosibirsk region. The stories are highly preserved and continue to evolve. It is proved that the depth of the archetypal ideas about the other world has ensured the viability of the symbols associated with them. The plots are actively reproduced in new folklore texts about the terrain.

Keywords: mythology, another world, sacralization of the landscape, field studies, mythopoetry, evil spirits, Polesye, Western Siberia, Maslyanino district of the Novosibirsk region

В 2016 и 2018 гг. в Маслянинском районе Новосибирской области проводились полевые исследования, основной целью которых было выявление локальной специфики мифологических представлений о природных и освоенных локусах у потомков полесских и южнорусских переселенцев. Задачи заключались в определении степени сохранности народных верований и их актуализации в современных условиях, а также в выявлении и последующем анализе ряда символов и знаков, закодированных в текстах несказочной устной прозы.

Осмысление символов, лишенных эмблематичности, например мифов, религиозных практик, ритуалов, обычаев, художественных образов, эффективно в этнокультурном контексте. При исследовании символов и знаков как элементов и инструментов культуры, важным моментом является то, что символами могли стать любые предметы, даже часть ландшафта – почитаемое место [Майничева, 2017, с. 88–89].

Для решения поставленных задач наибольший интерес представлял полевой материал авто-

ра (ПМА), полученный в селах Пряmsкое, Борково, Мамоново и деревне Петропавловка. Здесь была записана серия нарративов о необычных (наделенных магическими характеристиками, «волшебных») местах. Большинство из них — это истории о локусах, где можно было встретить представителей иномира, где с людьми происходили рационально необъяснимые события, где что-то чудилось, казалось, «блуждалось», где люди могли заблудиться и погибнуть, где возникала тяга к самоубийству. Были также зафиксированы легенды, объясняющие вероятные причины «аномальных» особенностей данной местности.

В селе Пряmsкое и деревне Петропавловка живут потомки переселенцев из Полесья: Черниговской губернии, деревень Брянской (села Буда, Струговская Буда), Курской (Белгородский уезд) губерний, а также из Белоруссии (Гродненская, Могилевской губернии), прибывших в Николаевскую волость Барнаульского уезда Алтайского горного округа в 1909–1912 гг. (согласно сведениям, полученным

д.и.н. Е.Ф. Фурсовой [2011, с. 304], а также ПМА, 2016). В селе Мамоново, возникшем в XVIII в. (по неофициальным данным, в 1721 г.), дисперсно проживают русские: сибиряки-старожилы и новоселы — представители этнолокальных групп из различных губерний России, обосновавшихся здесь в начале XX в. До середины XX в. село состояло из нескольких «краев», где компактно проживали старожила и переселенцы-земляки (вятские, пензенские, курские и т.д.). Позже село значительно увеличилось за счет мигрантов из соседних селений, а население смешалось. Информантами в Мамоново были потомки переселенцев начала XX в. из Пензенской и Курской губерний (ПМА, 2018). Село Борково, основанное в конце XVIII в., также является смешанным по составу этнолокальных групп населения. Здесь проживают русские старожила, выходцы из Пермского края, Вятской, Курской, Тамбовской, Брянской, Черниговской губерний и других мест (ПМА, 2016). Наибольший интерес представляли сообщения информантов, родители которых были уроженцами Черниговской губернии.

Анализ полевого материала выявил особенности мифологических представлений полесских и южнорусских переселенцев, которые отличаются высокой степенью сохранности народных верований, восходящих к дохристианским воззрениям. Люди нескольких поколений на протяжении более ста лет продолжали и еще продолжают воспроизводить легенды и былички, сюжеты которых близко повторяют нарративы Полесья — обширного региона, охватившего две белорусские области, — Брестскую, Гомельскую; шесть украинских областей: Волынскую, Ровенскую, Житомирскую, Киевскую, Черниговскую, частично Сумскую; а также отдельные районы Брянской области России. Этот регион отличается особым этнокультурным колоритом, который этнографы и фольклористы называют «славянским этнографическим заповедником».

Трудами археологов были доказаны относительная древность и устойчивость славянского населения Полесья, прежде всего в его западной части. Данные антропологических исследований 1970-х гг. выявили ряд признаков, которые позволяют отделить население полесской зоны от белорусских и украинских территорий. Этнографические работы в области материальной культуры этого региона выявили границы, отделяющие полесскую территорию от остальных, а также устойчивые внутриволесские диалектные границы [Виноградова, Левкиевская, 2010, с. 9–11]. На основе материалов Полесского архива Института славяноведения РАН была написана целая серия трудов, в которых определены архаические компоненты в народных верованиях этого региона [Виноградова, 2000; Виноградова, Левкиевская, 2010, 2012, 2016; Толстой, 2003; Толстая, 2005 и др.]. «Полесская традиция до самого последнего времени прекрасно сохраняла в себе многие архаические элементы славянской культуры, полностью или частично утраченные в других регионах» [Виноградова, Левкиевская, 2010, с. 8]. Аналогичная ситуация относится и к потомкам переселенцев из Полесья в Маслянинском районе: «Здесь сложилась целостная система календарных обычаев и обрядов со всеми взаимосвязями составляющих элементов <...>, которая все эти годы поддерживалась межпоколенной передачей тради-

ций» [Фурсова, 2011, с. 304].

Южнорусские области также ярко выделяются народными верованиями, содержащими компоненты языческих воззрений, которые отображены в трудах этнографов и фольклористов [Агапкина, 2002; Власова, 1998 и др.]. Мифопоэтические воззрения и обряды проникали в Сибирь вместе с мигрантами и сохранились в памяти их потомков [Любимова, 2004, с. 30–33; Фурсова, 2017, с. 49–58]. Мифологические регионы, характерные для «материнских» регионов, переносились на сибирскую почву и обрастали легендами, обретая символику, свойственную мифоритуальному комплексу южных и юго-западных регионов России (включая Полесье). Истории, записанные у потомков курских и пензенских переселенцев в Мамоново, повествуют о мистических событиях, якобы происходивших как с жителями этого села, так и о «чудесах», случавшихся с их соседями из Борково, Петропавловки, Малой Томки, а также из сопредельных деревень Черепановского района — Бураново и Ясной Поляны. Данная местность характеризовалась информантами как территория, где нередко происходили необычные явления inferнального свойства, где можно было повстречаться с *нежитью* или перейти границу «того» и «этого» света, попасть в иной мир.

Географически перечисленные селения расположены на юго-западе Маслянинского района, в долине реки Бердь, правого притока Оби. Местность изрезана мелкими речками: Прямая, Каменка, Амбарка, Кривая, Укроп, Топкая, Юдиха, Стримигулька, Еловка, Игнашиха, Непро, Бухтуйка, Песьянка, Талица, Петушиха, Зырянка, Травянка, Батунка, Мамонка, Землянуха, Прямушка, Шемонаиха и др. Здесь много стариц, некоторые участки заболочены. Можно сказать, что ландшафтная ситуация напоминает реалии Полесья, откуда происходило переселение значительной части респондентов. Вероятно, этот факт послужил основанием для выбора мигрантами данной территории.

К югу и юго-востоку от деревни Петропавловка, за речкой Укроп, находится рям — топкое место, которое называют *Волчий лог*, *провал* или *провалье*. Об этом месте было рассказано больше всего мистических историй, повествующих о событиях, происходивших в течение века — от начала XX до начала XXI вв.

Есть Волчий лог, там провал, там люди блудят. Жила здесь бабка, давно было, когда моя мама еще девушкой была, дружила с моим отцом. Отец ей рассказывал, что спал на сеновале и однажды перебрал страху. Где Волчий лог, там озеро и речка Укроп в него втекает, за речкой и озером начинается провалье, прямо рядом с деревней. Там был мостик через речку. Отец среди ночи проснулся и пошел в ту сторону, будто его что-то поманило. Подходит к реке, смотрит, а там соседка в белой рубашке стоит на мосту, волосы распущенные. Стоит и улыбается, говорит: Хочешь со мной пойти? Он испугался и в речку сиганул. А когда вылез, ничего уже нету. Соседка-то старуха, а на мосту стояла перед ним молодая. Как завывали собаки по всей деревне и исчезло это наваждение. Он потом спросил соседку, что она так, а она сказала, что на нее что-то находит, сама себя не помнит, что делает (ПМА: д. Петропавловка, 2016). У нас за деревней есть место Волчий лог, туда

ходить страшно, можно не вернуться. Пошла я по грибы, иду, собираю. Там грибов видимо-невидимо, туда ведь никто не ходит. Я набрала грибов и поняла, что не знаю, в какую сторону домой идти. На одном месте кружила, не знаю, куда идти, не знаю, где я. Слышу, собака лает, где-то высоко-высоко. Позвонила соседке (соседка была охарактеризована как «знающая» женщина, умеющая ворожить и колдовать — О.Г.), она сказала, что будет за меня молиться, чтобы вывести. Поехал за мной сын. Я кричу, он меня не слышит. Сын стреляет фейерверками, а я их не вижу и не слышу. Вокруг папоротники, видно старые дома сгнившие. Когда-то там жили люди, староверы или еще кто. Я вспомнила, что если заблудился, то нужно одежду наизнанку выворачивать. Я разделась, всё вывернула, сапоги переобула с одной ноги на другую. Высыпала все грибы, которые там насобирала. И пошла вперед, а куда идти, в какой стороне деревня, я не знаю. Иду и слышу, будто голоса меня зовут, а слов, не разобрать. И мелодично так, будто в церкви поют. Я на эти голоса иду и вышла к деревне, там меня уже все ищут, встречают (ПМА: там же).

Волчий лог и его окрестности стали местом, где локализовались типичные представления о глухих, заболоченных территориях, которые повсеместно считались гиблыми местами и обиталищем нечистой силы. В восточнославянской традиции наиболее широко распространен тип быличек о том, как некто встречает путника (обычно ночью) и ведет его за собой, а затем исчезает, в результате чего путник оказывается в непроходимых местах. Известны также рассказы о музыканте, который по приглашению неизвестных играет на свадьбе, а после пения петухов обнаруживает, что сидит в болоте [Славянские древности, 1995, с. 197–198, 228–229].

Там, где провал, когда-то было болото, потом оно пересохло. Слышно, как под ногами чавкает. Там нечистая сила водится (ПМА: д. Петропавловка, 2016). В той стороне (показывает в сторону д. Петропавловка — О.Г.) есть провал, гиблое место. Если попадешь в провал, тебя там кто-то водит. Ушла одна бабка, ее три дня водили (ПМА: с. Мамоново, 2018). Были еще две бабы. Ушли в лес, в сторону провалья, и заблудились. Просидели на ведрах до утра, а оказалось, что рядом с домом были (ПМА: с. Прямское, 2018). Жил в Борково музыкант, играл на гармошке и на скрипке. Однажды пришли к нему незнакомые люди и пригласили его на свадьбу поиграть на скрипке. Он согласился, его посадили в повозку и увезли. Он играл всю ночь, свадьба гуляла. А как только петухи запели, он видит, что сидит на болоте, на кочке. Его на болото черти уволокли, едва живой остался (ПМА: д. Петропавловка, 2016).

Суточным временем появления многих мифологических персонажей Полесья (таких как русалка и др.) считалась не только полночь, но и полдень, а также моменты восхода и захода солнца. В большинстве полесских рассказов встреча человека с русалкой происходила в дневное время [Виноградова, Левкиевская, 2012, с. 531–532]. В быличках, записанных в Маслянинском районе, встречи с русалками и другими представителями иномира происходили как в темное, так и светлое время суток, часто — в полдень. Такие представления характерны для полесских переселенцев и редко встречались

у других восточнославянских локальных групп в Западной Сибири (ПМА). Работала мама в поле под Прямским, там был у нее балаган (землянка — О.Г.), меня маленькую с собой брала. Ровно в полдень видим — едет всадник на красивом гнедом коне. Хвост пушистый, тянется до самой земли. Красивая уздечка. Сидит всадник в шляпе, сам весь красивый, стройный. Сидит молча, на нас не смотрит, проскакал мимо и поехал в болото. А чего он поехал в болото? Не человек это был, нежить (ПМА: д. Петропавловка, 2016). За селом есть старицы, в них вода прозрачная, очень чистая, но брать её нельзя. Там русалки живут, они в самый полдень из воды показываются, их там многие видели (ПМА: с. Прямское, 2016).

За Волчьим логом, согласно неподтвержденным данным, находилось старообрядческое поселение. Вероятно, замкнутость и отличающийся уклад жизни староверов породили рассказы, приравнивающие их к представителям иномира, а деревня воспринималась как иная реальность или мираж. За провалом есть деревня староверов. Там все ходят в рубищах, света нет. Деревня от мира спрятана, никто про нее не знает. Только те, кто в провале блудил, попадали в эту деревню, видели тех людей. Люди там неприветливо смотрят, чужим не рады. И на порог дома не пустят, слова не скажут. Молча покажут, в какую сторону идти. Кто был там, сами не знают, на самом деле деревню видели или всё только приморочилось (ПМА: д. Петропавловка, 2016).

Информанты характеризовали местность, где живут, как необычную, где могли происходить чудесные, иррациональные события. Места здесь необычные, много странного приключается (ПМА: д. Мамоново, 2018). Попадая в провал, оказываешься в другом месте. А может быть, и в другом времени (ПМА: д. Петропавловка, 2016).

Широко распространенные в Полесье представления о «ходячих» покойниках и близких им персонажах [Виноградова, Левкиевская, 2012, с. 15–465] активно воспроизводятся и в Маслянинском районе. Типичным местом, где можно повстречать этот вид нежити, считалось кладбище. На кладбище здесь тоже что-то чудится. Пошла я на могилу сестры. Не в родительский день, когда все ходят, а в годовщину смерти, хотела её на могилке помянуть. На кладбище в такой день никого не бывает, я одна иду. Вдруг вижу, около могилы сестры сидит бабка с распущенными волосами. Глаза лупатые, смотрит на меня. Я перекрестилась, бабка мне погрозила пальцем и исчезла, как под землю провалилась (ПМА: д. Петропавловка, 2016). Мимо кладбища страшно идти, можно мертвеца встретить. Особенно, если недавно похоронили того, кто умер от нечистой смерти — самоубийца или пьяница. Такие мертвецы вылазят из могил и пугают, пока им кол в могилу не воткнут (ПМА: с. Борково, 2016).

В Петропавловке была записана легенда (повторенная тремя информантами) о кровавых событиях, происходивших в начале XX в., в первые годы существования деревни. По мнению респондентов, братоубийство одного из основателей деревни является причиной того, что местность стала проклятой. Жили здесь до революции четыре брата, из России приехали. Три брата убили своего старшего брата из-за земли. Позавидовали, что его надел был луч-

ше, чем у них. Сговорились своего брата убить, а землю его разделить между собой. Били его коллективно, вместе с женами, забивали жестоко. Он, умирая, проклял их род и всю эту землю. Поэтому здесь сдаётся. Это значит чудится, нечистая сила показывается (ПМА: д. Петропавловка, 2016). Результатом проклятия считаются самоубийства, происходившие в деревне в 1990-е — 2000-е гг. Петропавловка деревня проклятая. Очень много людей повесились, все молодые. Что-то здесь нехорошее ходит (ПМА, там же). Другой сюжет относит проклятие местности к советскому периоду и причиной суицидов называет убийство священника. В Борково была церковь. Там убили батюшку, в 1958 или 1959 году, прямо в самой церкви. Когда убивали, он сказал, что в деревне будут все вешаться, топиться и убиваться (ПМА, там же).

Еще одной причиной, объясняющей проклятие здешних мест, называли непогребенные захоронения убитых. Земля здесь проклятая, люди прокляли эту землю. Еще когда здесь не было деревни, на этом месте проходила дорога через лес. На этой дороге были разбойники. Может быть, кого-то убивали, здесь же закапывали убитых, не хоронили по христиански. Поэтому вся деревня проклятая. Очень много людей повесились, молодые. Что-то здесь нехорошее ходит (ПМА, там же). Дед был партизаном, вместе с братом. Шли белогвардейцы, колчаковцы. Брату отрубили голову и запретили хоронить. И таких могил здесь было много, когда не хоронили по христиански (ПМА, там же).

Итак, у потомков выходцев из Полесья и южнорусских губерний, переселившихся в начале XX в. в долину реки Бердь, не только хорошо сохранились традиционные народные верования, но и продолжали развиваться мифотворческие процессы, связанные с сакрализацией местности. Возможно, таким образом происходило включение территории в мировоззренческий комплекс, наполненный знакомыми персонажами и символами. При этом сакрализация часто имела негативный статус, как и в исходных регионах. Глубина архетипических представлений о параллельном, ином мире, вероятно, обеспечила жизнеспособность связанных с ними символов и отобразилась в новых сюжетах несказочной устной прозы — в нарративах о необычных, почти сказочных местах, где что-то чудится, где можно соприкоснуться с ирреальностью, попасть в иной мир.

Список литературы

1. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. — М.: Индрик, 2002. — 816 с.
2. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. — М.: Индрик, 2000. — 432 с.
3. Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Народная демонология Полесья. В 4 томах: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. — Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами — М.: Языки славянских культур, 2010. — 648 с.
4. Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Народная демонология Полесья. В 4 томах: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. — Т. 2: Демонологизация умерших людей — М.: Языки славянских

культур, 2012. — 800 с.

5. Виноградова Л.Н., Левкиевская Е.Е. Народная демонология Полесья. В 4 томах: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. — Т. 3: Мифологизация природных явлений и человеческих состояний — М.: Языки славянских культур, 2016. — 832 с.
6. Власова М.Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. — СПб.: Азбука, 1998. — 672 с.
7. Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX — начало XX века. — Новосибирск: Изд. ИАЭТ СО РАН, 2004. — 240 с.
8. Майничева А.Ю. Стратегии сохранения и актуализация символических систем в архитектуре и культурном наследии народов Сибири в XVII–XXI веков: к постановке проблемы // Баландинские чтения. — Новосибирск: Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2017. — Т. 12. — № 1. — С. 88–91.
9. Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 томах. / под ред. Н.И. Толстого. — Т. 1. — М.: Международные отношения, 1995. — 576 с.
10. Толстая С.М. Полесский народный календарь. — М.: Индрик, 2005. — 600 с.
11. Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. Сборник трудов. — М.: Индрик, 2003. — 624 с.
12. Фурсова Е.Ф. Этнокультурная специфика календарной обрядности российских переселенцев Присалаирья начала XX в. // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Археология, этнография, устная история. — Барнаул: Изд. Алтайского пед. ун-та, 2011. — С. 303–309.
13. Фурсова Е.Ф. Южнорусские переселенцы Сибири: этнокультурная специфика и направления развития традиционной культуры в первой трети XX в. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2017. — № 4 (89). — С. 49–58.

References

1. Agapkina T.A. Mifoepicheskie osnovy slavianskogo narodnogo kalendarja: Vesenne-letnij tsikl. Moscow: Indrik, 2002, 816 p. (in Russ.)
2. Fursova E.F. Etnokul'turnaia spetsifika kalendarnoi obriadnosti rossiiskikh pereselentsev Prisalair'ia nachala XX v. In Polevye issledovaniia v Verkhnem Priob'e i na Altae. 2010 g. Arkheologiya, etnografiia, ustnaia istoriia. Barnaul: Alt. gos. ped. Univ. press., 2011, pp. 303–309 (in Russ.).
3. Fursova E.F. Juzhnorusskie pereselency Sibiri: jetnokul'turnaja specifika i napravlenija razvitija tradicionnoj kul'tury v pervoj tretii XX v. Vestnik Rossijskogo fonda fundamental'nyh issledovanij. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki, 2017, No. 4 (89), pp. 49–58. (in Russ.)
4. Liubimova G.V. Vozrastnoi simvolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika russkogo naseleniia Sibiri. XIX — nachalo XX veka. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, 240 p. (in Russ.)
5. Majnicheva A.Ju. Strategii sohraneniia i aktualizacija simvoliko-znakovyh sistem v arhitekture i kul'turnom nasledii narodov Sibiri v XVII–XXI vekov: k postanovke problemy In Balandinskie chtenija. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj universitet arhitektury, dizajna i iskusstv, 2017, Vol. 12, No. 1, pp.

88–91. (in Russ.)

6. Slavjanskije drevnosti. Jetnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomah. / red. N.I. Tolstoj. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995, 576 p. (in Russ.)

7. Tolstaja S.M. Polesskij narodnyj kalendar'. Moscow: Indrik, 2005, 600 p. (in Russ.)

8. Tolstoj N.I. Ocherki slavjanskogo jazychestva. Sbornik trudov. Moscow: Indrik, 2003, 624 p. (in Russ.)

9. Vinogradova L.N. Narodnaja demonologija i miforitual'naja tradicija slavjan. Moscow: Indrik, 2000, 432 p. (in Russ.)

10. Vinogradova L.N., Levkievskaya E.E. Narodnaya demonologiya Poles'ya. V 4 tomah: Publikacii tekstov v zapisyah 80–90-h gg. XX veka. Vol. 1: Lyudi so sverh»estestvennymi svojstvami. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2010, 648 p. (in Russ.)

11. Vinogradova L.N., Levkievskaya E.E. Narodnaya demonologiya Poles'ya. V 4 tomah: Publikacii tekstov v zapisyah 80–90-h gg. XX veka. Vol. 2: Demonologizacija umershih lyudej. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2012. 800 p. (in Russ.)

12. Vinogradova L.N., Levkievskaya E.E. Narodnaya demonologiya Poles'ya. V 4 tomah: Publikacii tekstov v zapisyah 80–90-h gg. XX veka. Vol. 3: Mifologizacija prirodnyh yavlenij i chelovecheskih sostoyanij. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2016, 832 p. (in Russ.)

13. Vlasova M.N. Russkiesueveria: Entsiklopedicheskiy slovar'. St. Petersburg: Azbuka, 1998. 672 p. (in Russ.).

Список сокращений

ПМА — полевые материалы автора

З.Ю. Жарников¹, В.В. Баринов^{1,2}

¹Сибирский федеральный университет (Красноярск)

²Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)

zaxari1@yandex.ru

«Дом воеводы» города Енисейска: историко-дендрохронологический анализ

Статья подготовлена в рамках гранта Президента МК-2388.2018.6 «Верификация датировок объектов культурного наследия Сибири Нового времени с данными естественнонаучных исследований», В.В. Баринов работал в рамках темы НИР «Реконструкция природных условий и способы адаптации к ним населения Евразии в четвертичном периоде» лаборатории PaleoData ИАЭТ СО РАН

Аннотация

В работе приведены результаты дендрохронологической датировки образцов сосны обыкновенной, срубленных с перекрытий крыши и остатков пожарной каланчи одного из старейших каменных зданий Сибири — «Дома воеводы» г. Енисейска. Согласно официальной версии, каланча была восстановлена после пожара 1869 г. Тем не менее, анализ исторических фотографий и письменных источников показал, что данное сооружение было заменено вместе с крышей здания в конце XIX в. Результаты дендрохронологического анализа подтвердили данный факт — даты подкорковых колец с бревен каланчи и перекрытий пришлись на 1896–1897 гг. Таким образом, датировка пожарной каланчи «Дома воеводы» пришлась на период, когда в г. Енисейске, не смотря на общий экономический упадок, был проведен ряд мероприятий по восстановлению и строительству государственных учреждений (городской больницы, уездного училища, женской гимназии и др.).

Ключевые слова: Енисейск, Дом Воеводы, памятник архитектуры, дендрохронология, датировка

Z.Yu. Zharnikov¹, V.V. Barinov^{1,2}

¹Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

²Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)

zaxari1@yandex.ru

Historical and year-ring analysis of «Dom Voevody» in Yeniseysk

Abstract

The article deals with the results of year-ring dating of samples of Pinussy lvestris. They were selected from the roof structure and he parts of the fire tower of one of the oldest stone buildings in Siberia — «Dom Voevody» in Yeniseysk. Officially the building constructions were restored after the fire in 1869. However, the analysis of historical photographs and sources showed that the fire tower was replaced after fire with the roof at the end of the 19th century. The year-ring results confirmed that. Dates of the outmost year-rings from the fire tower logs and roof structure coincided with in 1896–1897. Thus, the «Dom Voevody» fire tower was reconstructed at the period of economic decline. Nevertheless, during that time a number of public building reconstructions was carried out (hospital, County specialized school, girl's high school, etc.).

Keywords: Yeniseysk, «Dom Voevody», monument of architecture, dendrochronology, dating

Введение

Одним из самых ранних гражданских каменных памятников истории и культуры Сибири является «Дом воеводы» в г. Енисейске Красноярского края. Официальной принятой датой строительства считается 1722 г. [Шумов, 2016]. Интерес к истории данного сооружения достаточно высок. Одним из ключевых вопросов в работах исследователей является дискуссия о корректности хронологии памятника архитектуры — установление даты строительства, выявление периодов перестройки. На протяжении всего XIX в. — I пол. XX вв. здание выполняло функцию пожарной части, а на ее крыше была расположена деревянная каланча. После пожара 1869 г. памятник

сильно пострадал — крыша и каланча выгорели. Согласно паспортным данным здание было практически сразу восстановлено и так просуществовало до I пол. XX в. Однако, при анализе опубликованных источников и исторических фотографий была зафиксирована ранее не отмеченная еще одна перестройка пожарной башни, приблизительно в конце XIX в.

Внести ясность в данное рассогласование позволяет дендрохронологический анализ. Применение данного метода дает возможность, при наличии сохранившихся деревянных элементов (а в каменных зданиях это перекрытия этажей и крыши, балки оконных проемов, сваи и т. п.), установить время заготовки древесины, использованной в строитель-

стве. К примеру, таким образом были датированы бревна лежни под фундаментом колокольни Спасской церкви г. Иркутска [Воронин, 2010]. Таким образом, учитывая наличие сохранившихся перекрытий крыши и части каланчи «Дома воеводы» в г. Енисейске, перед нами стала задача сопоставления календарной дендрохронологической датировки данных конструктивных элементов с информацией из исторических материалов.

Материалы

Для дендрохронологического анализа со здания «Дома воеводы» было отобрано 26 образцов в виде кернов сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris L.*), из которых 17 отобрано с перекрытий крыши и 9 с остатков каланчи (ил. 1). Календарная датировка образцов строительной древесины была осуществлена путем привлечения региональной древесно-кольцевой хронологии (далее ДКХ) по сосне обыкновенной, протяженностью 412 лет, построенной по живым деревьям, произрастающим вокруг Енисейска, и образцам древесины с памятников деревянного зодчества (дома по ул. Богграда, 53; Декабристов, 1; Кирова, 70; Перенсона, 67, 69, 71, 73 и Тамарова, 13) [Жарников, Мыглан, 2017; Жарников и др., 2017].

Источником исторической информации послужили как официальные документы [Акт ГИКЭ], так и имеющиеся в общем доступе опубликованные исторические работы [Шумов, 2016; Кытманов, 2017 и др.]. Для уточнения периодов перестройки были привлечены исторические фотографии XIX–XX вв. [Чагин, 2017 и др.] и акварель А. Воронова 1837 г. [Шумов, 2016].

Методы

Методической основой работы стал комплексный подход, интегрирующий методы гуманитарных и естественных наук.

Исторический анализ письменных источников, фотодокументов и иллюстраций выполнен общепринятыми историко-сравнительным и историко-системным методами [Зайцева, 2006; Ковальченко, 2003; Медушевская, 2010], основанными на принципах историзма, объективности, системности, униформизма [Ракитов, 1982; Степанищев, 2009].

Дендрохронологический анализ — естественнонаучный метод, активно применяемый в последнее время для надежной датировки объектов культурного наследия Сибири [Жарников, Мыглан, 2011, 2013; Мыглан и др., 2010; Сидорова и др., 2016, 2017 и т. д.]. Отбор образцов осуществлялся буром для сухой древесины с участков каланчи и перекрытия, которые имели наилучшую сохранность (отсутствовали следы подтески и гниения, сохранился подкоровый слой). Камеральная обработка, измерения и перекрестная датировка полученных материалов были осуществлены по стандартной методике [Douglass, 1919; Holms, 1984; Cook, Kairiukstis, 1990; Rinn, 1996; Wigley et al, 1984; Шиятов и др., 2000].

На заключительном этапе работы была осуществлена верификация исторических и дендрохронологических данных, что позволило согласовать и корректно интерпретировать полученную информацию.

Анализ исторической информации

Историческая позиция, согласно которой данный памятник был обозначен как «Дом Воеводы», была введена в научный оборот московским искусствоведом С.С. Попадюком в результате масштабного из-

учения историко-архитектурного наследия г. Енисейска в конце 1970-х гг. По мнению исследователя, данное здание, было сооружено в 1722 г. в связи с учреждением в 1718 г. Енисейской провинции и назначением в Енисейск в 1721 г. воеводой стольника Ивана Михайловича Вердеревского. Сведения, изложенные С.С. Попадюком, послужили основанием для закрепления за «Домом воеводы» статуса охраняемого государством объекта [Шумов, 2016].

Наиболее основательно вопрос об истории строительства «Дома воеводы» рассмотрен архитектором К.Ю. Шумовым. Проведя историографический и источниковедческий анализ, автор пришел к выводу, что о календарной дате возведения данного объекта культурного наследия говорить не представляется возможным, а сведения, изложенные С.С. Попадюком, являются некорректными: «временем его создания можно считать хронологический отрезок с 1779 по 1786 гг. (датировка может быть основана на сведениях о начале мероприятий по переустройству центральной части Енисейска после пожара 1778 г. и факте изображения здания на генеральном плане города 1786 г.). Принадлежность здания казне не подтверждается известными нам документами XVIII века, в связи с чем, оно может именоваться как «Дом жилой»» [Шумов, 2016]. Тем не менее, для унификации дальнейшей информации обозначим его как официальных документах — «Дом воеводы».

Не менее интересным является вопрос о выделении этапов функционирования здания. Сведения о назначении «Дома воеводы» содержит генеральный план Енисейска 1826 г., в котором дом обозначен уже не как «жилой», а как «Первая частная управа с принадлежащими к ней службами», когда, по не известным причинам, право собственности на дом перешло к казне. В 1837 г. наблюдается очередное изменение в назначении строения. На самом раннем из известных изображений «Дома воеводы», присутствующем на акварели А. Воронова 1837 г., в надписях под рисунком указано, что в это время в здании размещалось окружное казначейство и первая городская пожарная часть. Здание на рисунке имеет четырехскатную крышу, на которую была установлена высокая башнеобразная конструкция пожарной каланчи. В основании и вверху каланчи находились балконы с деревянными ограждениями — балюстрадами. Архитектурная композиция каланчи завершалась граненым барабаном с куполом, увенчанным шпилем с шаром [Шумов, 2016] (ил. 2а). Более детальное изображение данной каланчи присутствует на фотографии 1860-х гг. (ил. 2б), на которой башня, несмотря на общее сходство, немного отличается пропорциями относительно той, что изображена на акварели.

«Дом воеводы» значительно пострадал от грандиозного пожара 1869 г.: крыша с каланчей сгорела полностью. Современники отмечали: «За згоранием в 27 число августа наблюдательной каланчи каланчисты наблюдают ныне за пожарами с колокольни Успенской церкви...» [Малахов, 1870, с. 321]. Сведения о том, что пожарная часть сгорела, также отмечены А.И. Кытмановым [Кытманов, 2016, с. 452].

В ходе ремонта после пожара 1869 г. здание первой городской части вновь получило наблюдательную каланчу. Однако именно с этого момента в исторических свидетельствах отмечается противоречие.

В работе К.Ю. Шумова, а также в официальных данных [Акт ГИКЭ] говорится, что восстановленная после пожара каланча изображена на фотоснимках рубежа XIX-XX вв. (ил. 2г): «крыша здания получила оригинальную форму: ее центральная часть была сделана в виде усеченной пирамиды, на которую был водружен высокий рубленый из дерева восьмигранный столб высотой не менее 10 метров. Его верхняя часть была окружена восьмигранной смотровой галереей. Верх каланчи увенчивал металлический шпиль оригинальной формы. Каждая из граней этой части крыши получила по одному ложному слуховому окну квадрифолийной формы» [Шумов, 2016]. Тем не менее, как на фотографии, изображающей каланчу после пожара [Гостинный двор в Енисейске, 2017], так и на изображениях конца 80-х — начала 90-х гг. XIX в. [Енисейск на рубеже веков, 2015, с. 69] (ил. 2в) каланча имеет совершенно другой вид (по размерам сопоставимый с башней до пожара).

В «Краткой летописи Енисейского уезда» Кытманова в описаниях за 1892 г. можно найти факт, подтверждающий необходимость перестройки каланчи: «Пришлось ставить на очередь вопрос о постройке новой каланчи, так как существующая найдена архитектором Худзимским непрочной, да она была и низка вследствие построенного по соседству дома прогимназии» [Кытманов, 2016, с. 670]. Таким образом, в период с конца XIX по начало XX в. каланча была полностью переделана, однако данные об этой перестройке официально ни как не обозначены.

В 1911 г. исследуемый памятник, обозначенный как «владение под №327», принадлежало Енисейскому городскому обществу, в котором значились: «дом двухэтажный каменный с деревянной каланчей, сарай с конюшнями деревянный и два навеса и пожарная часть каменная одноэтажная». [Шумов, 2016]. В советское время с крыши здания каланча была частично разобрана и скрыта под новой кровлей и в таком виде дошла до наших дней (ил. 1).

Дендрохронологический анализ

В рамках исследования была осуществлена дендрохронологическая перекрестная датировка индивидуальных серий образцов, полученных от перекрытий крыши здания и конструкции каланчи (ил. 3). Усредненный межсерийный коэффициент корреляции (r) составил 0,44 (табл. 1). Полученный результат показал, что данные конструктивные элементы были сооружены одновременно. Таким образом, анализ фактического материала показал, что исследованная каланча была установлена одновременно с перекрытиями.

Для календарной датировки памятника по индивидуальным сериям была построена объединенная стандартизированная «плавающая» древесно-кольцевая хронология (далее — ДКХ) vd_std . Полученная ДКХ была календарно датирована с региональной ДКХ Ens протяженностью 529 лет (ил. 4). Результат датировки показал, что основная масса периферийных колец, на которых отмечен подкоровый слой, приходится на 1896-1897 гг. Коэффициент корреляции Пирсона на общем периоде в 168 лет составил 0,53 (при $P \geq 0,95$).

Дендрохронологическая датировка позволила разрешить противоречие, связанное с несоответствием официальных данных и исторических фотографий. Полученный результат показал, что каланча

«Дома воеводы», построенная после пожара 1869 г. была разобрана, а новая, что как раз и было отмечено в «Краткой летописи...», была возведена не ранее 1897 г. и возвышалась над зданием мужской гимназии. Именно она и отмечается на фотографиях начала XX в. Перекрытия крыши также были полностью заменены. Визуально отмеченные в ходе отбора проб пустые пазы сверху бревен перекрытий и на стенах остатков каланчи, а также угловая форма выпусков каланчи (рис. 1) как раз и указывают на остатки мест крепления пирамидальной кровли отмечаемой на фотографиях начала XX в., которая в XX в. была заменена на обычную вальмовую крышу. К сожалению, древесных образцов, позволяющих выявить более ранние периоды перестройки данного строения, обнаружить не удалось.

Установление 1896—1897 гг. как время заготовки древесины для сооружения каланчи и крыши хорошо согласуется с активным периодом перестройки и строительства государственных учреждений г. Енисейска: здания уездного училища (перестроено в 1894 г.); городской больницы (комплекс построек восстановлен в 1896 г.), здания женской гимназии (2-я половина 90-х гг. XIX в.) и др. Таким образом, не смотря на то, что Енисейск в конце XIX в. уже начал испытывать определенные проблемы с социально-экономическим ростом, в силу удаленности от основных транспортных путей, и исчерпанием золотых приисков, в городе все равно продолжалась активная застройка и ремонт государственных зданий, что наглядно демонстрирует возведение новой каланчи на здании «Дома Воеводы». Также, следует отметить, что, в случае реконструкции каланчи в том виде, который отмечен на самых поздних фотографиях, здание будет иметь вид, который существовал лишь с конца XIX в., тогда как до и после пожара 1869 г. каланча имела совершенно другую форму.

Список литературы

1. Акт ГИКЭ от 03.09.2018 «Дом воеводы», 1722 г. (г. Енисейск, ул. Ленина, 122). — [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ookn.ru/experts/?PAGEN_1=6 (дата обращения 18.04.2019 г.).
2. Большая улица в городе Енисейске. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://re24.org/photo/bolshaya-ulica-v-gorode-eniseyske> (дата обращения 18.04.2019 г.).
3. Воронин В.И. Дендрохронологическая датировка бревен лежни под фундаментом колокольни Спасской церкви в Иркутске // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2010. — №1 (41). — С. 78–82.
4. Гостинный двор в Енисейске [Электронный ресурс] — URL: http://naov.ru/upload_files/objects/prev/288_15007818161.jpg (дата обращения 18.04.2019 г.).
5. Енисейск на рубеже веков: [фотоальбом]. — Красноярск: Сибирские промыслы, 2015. — 155 с.
6. Жарников З.Ю., Гевель Е.В., Мыглан В.С. Бревенчатое наследие Сибири – старейшие сооружения деревянного зодчества Енисейска // Вестник Северного (Арктического) федерального университета: серия гуманитарная. — 2017. — №5. — С. 24–36.
7. Жарников З.Ю., Мыглан В.С. К истории создания церковно-приходских школ Восточной Сибири

на примере датировки церковно-приходской школы из с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области // Мир Евразии. — 2011. — №3 (14). — С. 33–36.

8. Жарников З.Ю., Мыглан В.С. К вопросу о времени строительства усадьбы Непомилуева из д. Гарманка Иркутской области // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — №4 (24). — С. 49–52.

9. Жарников З.Ю., Мыглан В.С. Определение времени сооружения больничного комплекса в южной Нагорной зоне Енисейска // Древности Приенисейской Сибири. — 2017. — Вып. VIII. — С. 33–39.

10. Зайцева Е.В. Фотографии как исторический источник истории повседневности города Ставрополя середины XIX — начала XX веков // Новая локальная история. — Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2006. — С. 80–83.

11. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. — М.: Наука, 2003. — 440 с.

12. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 годов. — Красноярск: Изд-во СФУ, 2016. — 850 с.

13. Малахов Н. И еще пожар в Енисейске // Иркутские епархиальные ведомости. — 1870. — №26. — С. 321–322. — [Электронный ресурс] — URL: <http://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/d5/eb/d5ebbe4d-c8e1-41ea-bb22-eeba91f7e38e.pdf>. (дата обращения 18.04.2019 г.).

14. Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избранные произведения. — М.: Университетская книга, 2010. — 576 с.

15. Мыглан В.С., Ведмидь Г.П., Майничева А.Ю. Берёзово: историко-архитектурные очерки. — Красноярск: Изд-во СФУ, 2010. — 158 с.

16. Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. — М.: Изд-во полит. литературы, 1982. — 303 с.

17. Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Мыглан В.С. Определение календарного времени сооружения памятников деревянного зодчества историко-культурного комплекса «Старина сибирская» (Омская область) // Academia. Архитектура и строительство. — 2016. — №1. — С. 33–39.

18. Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Доржу З.Ю., Майничева А.Ю., Мыглан В.С. Дендрохронологические методы в архитектурно-этнографическом обследовании поселений русских в Сибири (на примере города Тары Омской области) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2017. — №4. — С. 122–131.

19. Степанищев А. Т. История: методология научного исследования и преподавания. — М.: Военный университет, 2009. — 562 с.

20. Чагин В.В. «Минувшее проходит предо мною...»: Путешествие в 1863 год. — Красноярск: Изд-во «Поликор», 2017. — 120 с.

21. Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В.Б., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Хантемиров Р.М. Методы дендрохронологии. — Красноярск: Изд-во КГУ, 2000. — 80 с.

22. Шумов К.Ю. «Дом воеводы» в Енисейске. — [Электронный ресурс]. — URL: http://naov.ru/articles/65_quotdom-voevodiquot-v-eniseyske.html (дата обращения 18.04.2019 г.).

23. Douglass A. E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. — Washington: Carnegie Inst., 1919. — Vol. 1. — 127 p.

24. Holms R.L. Dendrochronological Program Library / Laboratory of Tree-ring Research. — Tucson: The University of Arizona, 1983. — 51 p.

25. Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. — Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. — 269 p.

26. Cook E.R., Kairiukstis I. Methods of Dendrochronology: applications in environmental sciences. — Dordrecht; Boston; London: Kluwer Acad. Publ., 1990. — 394 p.

27. Wigley T.M.L., Briffa K.R., Jones P.D. On the average value of correlated time series, with application in dendroclimatology and hydrometeorology // J. of Climate and Applied Meteorolog. — 1984. — Vol. 23. — Iss. 2. — Pp. 201–213.

References

1. Akt GIKE ot 03.09.2018 «Dom vovody», 1722. (Eniseisk, ul. Lenina, 122). — [Elektronnyi resurs]. — URL: http://www.ookn.ru/experts/?PAGEN_1=6 (data obrashcheniya 18.04.2019) (in Russ.).

2. Bol'shaya ulitsa v gorode Eniseiske. — [Elektronnyi resurs]. — URL: <http://re24.org/photo/bolshaya-ulica-v-gorode-eniseyske> (data obrashcheniya 18.04.2019) (in Russ.).

3. Chagin V.V. «Minuvshee prokhorit pred mnoyu...»: Puteshestvie v 1863 god. Krasnoyarsk: Izd-vo «Polikor», 2017, 120 p. (in Russ.).

4. Cook E.R., Kairiukstis I. Methods of Dendrochronology: applications in environmental sciences. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Acad. Publ., 1990, 394 p.

5. Eniseisk na rubezhe vekov: [fotoal'bom]. Krasnoyarsk: Sibirskie promysly, 2015, 155 p. (in Russ.).

6. Gostinyj dvor v Enisejske. — [Elektronnyj resurs]. — URL: http://naov.ru/upload_files/objects/prev/288_15007818161.jpg (data obrashcheniya 18.04.2019).

7. Holms R.L. Dendrochronological Program Library. Laboratory of Tree-ring Research. Tucson: The University of Arizona, 1984, 51 p.

8. Koval'chenko I. D. Metody istoricheskogo issledovaniya. Moscow: Nauka, 2003, 440 p. (in Russ.).

9. Kytmanov A. I. Kratkaya letopis' Eniseiskogo uezda i Turukhanskogo kraja Eniseiskoi gubernii, 1594–1893 godov. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2016, 850 p. (in Russ.).

10. Malakhov N. I eshche o pozhare v Eniseiske. *Irkutskie eparkhial'nye vedomosti*, 1870, No. 26, pp. 321–322. — [Elektronnyi resurs] — URL: <http://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/d5/eb/d5ebbe4d-c8e1-41ea-bb22-eeba91f7e38e.pdf>. (data obrashcheniya 18.04.2019). (in Russ.).

11. Medushevskaya O.M. Teoriya istoricheskogo poznaniya: Izbrannye proizvedeniya. Moscow: Universitetskaya kniga, 2010, 576 p. (in Russ.).

12. Myglan V.S., Vedmid' G.P., Mainicheva A.Yu. Berёzovo: istoriko-arkhitekturnye ocherki. Krasnoyarsk: Sibirskij federal'nyj universitet, 2010, 158 p. (in Russ.).

13. Rakitov A.I. Istoricheskoe poznanie: sistemno-

gnoseologicheskii podkhod. Moscow: Politicheskaya literatura, 1982, 303 p. (in Russ.).

14. Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996, 269 pp.

15. Sidorova M.O., Zharnikov Z.Yu., Dorzhu Z.Yu., Mainicheva A.Yu., Myglan V.S. Dendrokronologicheskie metody v arkhitekturno-etnograficheskom obsledovanii poselenii russkikh v Sibiri (na primere goroda Tary Omskoi oblasti). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2017, No. 4, pp. 122–131. (in Russ.).

16. Sidorova M.O., Zharnikov Z.Yu., Myglan V.S. Opredelenie kalendarnogo vremeni sooruzheniya pamyatnikov derevyannogo zodchestva istoriko-kul'turnogo kompleksa «Starina sibirskaya» (Omskaya oblast'). *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*, 2016, No. 1, pp. 33–39. (in Russ.).

17. Shiyatov S.G., Vaganov E.A., Kirdyanov A.V., Kruglov V.B., Mazepa V.S., Naurzbaev M.M., Khantemirov R.M. Metody dendrokronologii. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. gos. un-ta, 2000, 80 p. (in Russ.).

18. Shumov K.Yu. «Dom vovody» v Eniseiske. — [Elektronnyi resurs]. — URL: http://naov.ru/articles/65_quotdom-voevodiquot-v-eniseyske.html (data obrashcheniya 18.04.2019).

19. Stepanishchev A.T. Istoriya: metodologiya nauchnogo issledovaniya i prepodavaniya. Moscow: Voennyj universitet, 2009, 562 p. (in Russ.).

20. Voronin V.I. Dendrokronologicheskaya datirovka breven lezhni pod fundamentom kolokol'ni Spasskoi tserkvi v Irkutске. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2010, No. 1 (41), pp. 78–82. (in Russ.).

21. Wigley T.M.L., Briffa K.R., Jones P.D. On the average value of correlated time series, with application in dendroclimatology and hydrometeorology *J. of*

Climate and Applied Meteorolog, 1984, Vol. 23, Iss. 2, pp. 201–213.

22. Zaitseva E. V. Fotografii kak istoricheskii istochnik istorii povsednevnosti goroda Stavropolya serediny XIX — nachala XX vekov. *In Novaya lokal'naya istoriya*. Stavropol': Izd-vo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2006, pp. 80–83. (in Russ.).

23. Zharnikov Z.Yu., Gevel' E.V., Myglan V.S. Brevenchatoe nasledie Sibiri — stareishie sooruzheniya derevyannogo zodchestva Eniseiska. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta: seriya gumanitarnaya*, 2017, No. 5, pp. 24–36. (in Russ.).

24. Zharnikov Z.Yu., Myglan V.S. K istorii sozdaniya tserkovno-prihodskikh shkol Vostochnoi Sibiri na primere datirovki tserkovno-prihodskoi shkoly iz s. Keul' Ust'-Ilimskogo raiona Irkutskoi oblasti. *Mir Evrazii*, 2011, No. 3 (14), pp. 33–36. (in Russ.).

25. Zharnikov Z.Yu., Myglan V.S. K voprosu o vremeni stroitel'stva usad'by Nepomilueva iz d. Garmanka Irkutskoi oblasti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Istoriya*, 2013, No. 4 (24), pp. 49–52. (in Russ.).

26. Zharnikov Z.Yu., Myglan V.S. Opredelenie vremeni sooruzheniya bol'nichnogo kompleksa v yuzhnoi Nagornoj zone Eniseiska. *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri*, 2017, Iss. VIII, pp. 33–39. (in Russ.).

Список сокращений

ГИКЭ — государственная историко-культурная экспертиза

КГУ — Красноярский государственный университет

СФУ — Сибирский федеральный университет

Таблица 1

Результаты перекрестной датировки образцов с перекрытий (vd) и каланчи (kl)

№	Номер серии		интервал		Длина серии	r	σ
Каланча							
5	kl18_01	Западная стена 2 венец	1750	1895	146	0,45	0,25
6	kl18_02	Северная стена 5 венец	1730	1896*	167	0,34	0,47
7	kl18_03	Восточная стена 4 венец	1746	1896*	151	0,27	0,45
8	kl18_04	Восточная стена 7 венец	1757	1896*	140	0,60	0,63
1	kl18_05	Западная стена 4 венец	1768	1896*	129	0,51	0,33
2	kl18_06	Западная стена 3 венец	1789	1896*	108	0,50	0,31
3	kl18_08	Северная стена 4 венец	1764	1896*	133	0,56	0,43
4	kl18_09	Западная стена 1 венец	1734	1895*	162	0,43	0,29
Перекрытия крыши							
14	vd18_01	Северо-восточный угол (с севера)	1757	1896*	140	0,36	0,58
15	vd18_02	Северо-восточный угол (угловое)	1740	1893	154	0,55	0,63
10	vd18_04	Северо-восточный угол (с востока)	1805	1896*	92	0,50	0,26

№	Номер серии		интервал		Длина серии	r	σ
9	vd18_05	Восточное	1777	1894	118	0,53	0,39
11	vd18_06	Восточное	1765	1895	131	0,40	0,49
16	vd18_08	Юго-восточное (с севера)	1792	1896*	105	0,40	0,34
12	vd18_09	Юго-восточное (угловое)	1777	1896*	120	0,33	0,59
20	vd18_10	Юго-восточное (с юга)	1814	1895	82	0,39	0,99
17	vd18_11	Южное	1784	1897*	114	0,40	0,36
13	vd18_14	Южное	1832	1895	64	0,35	0,17
18	vd18_15	Северное	1736	1894	159	0,41	0,57
19	vd18_16	Северо-западный угол (с севера)	1784	1894	111	0,49	0,31

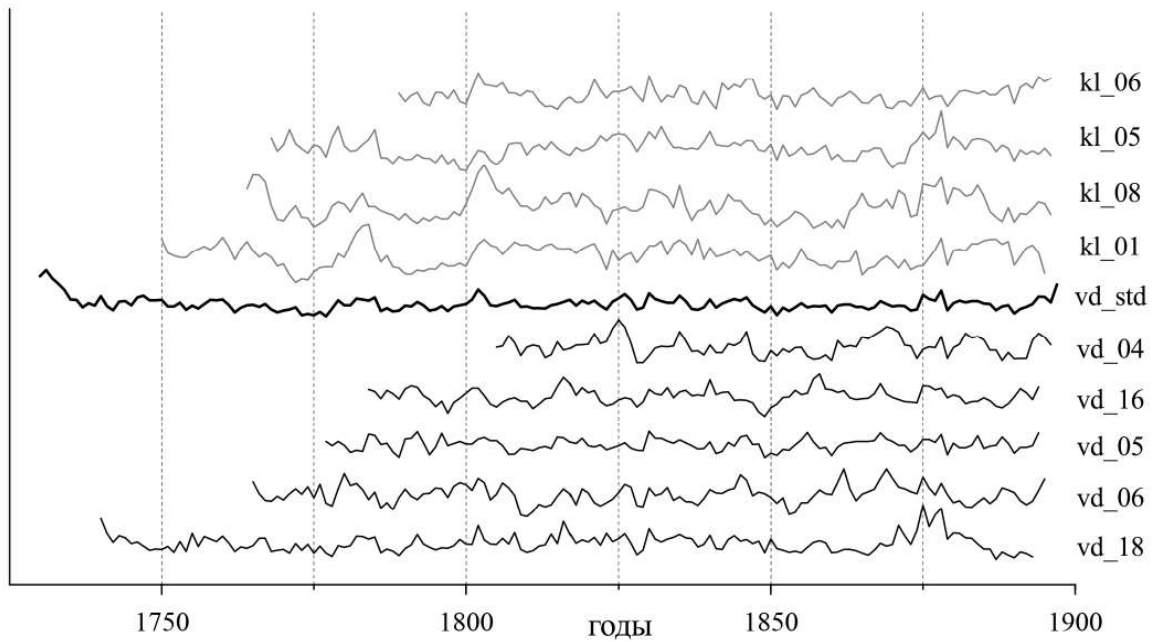
Примечания: жирным шрифтом выделены значимые коэффициенты корреляции; * - годы, в образцах которых отмечен подкоровый слой.

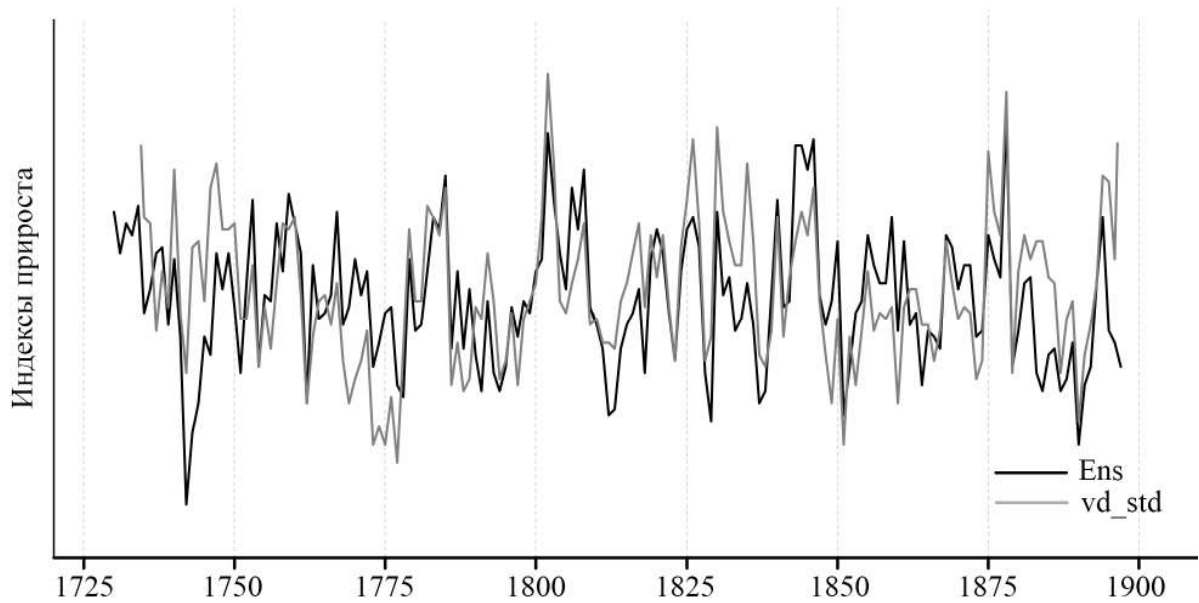
Ил. 1. Места отбора проб с перекрытий и каланчи «Дома воеводы» (ПМА): А — западная сторона; Б — западная сторона каланчи; В — юго-восточный угол; Г — юго-западный угол

Ил 2. Изображения «Дома воеводы» по периодам: а) акварель 1837 г. [Шумов, 2016, рис. 10]; б) 1860-е гг. [Чагин, 2017]; в) 1880-е — 1890-е гг. [Большая улица]; г) начало XX в. [Шумов, 2016, рис. 12]

Ил. 3. Графическая перекрестная датировка индивидуальных серий каланчи (kl) и перекрытий (vd); vd_std — объединенная стандартизированная ДКХ «Дом воеводы»

Ил. 4. Календарная перекрестная датировка объединенной стандартизированной ДКХ по «Дому воеводы» (vd_std) с региональной ДКХ (Ens)

Г.С. Козлова
Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск)
koza-gala@mail.ru

Композиционное моделирование храмового ансамбля как метод исследования и воссоздания утраченного наследия

Аннотация

В статье представлена проектно-исследовательская работа автора по воссозданию архитектурного облика утраченных храмов сибирского барокко в Иркутске в условиях дефицита информации. Использован опыт работы со студентами-архитекторами по теме проекта «Композиционный анализ памятника архитектуры» в качестве композиционного исследования аналогов и апробации результатов проектного исследования в демонстрационных моделях. В настоящем издании впервые публикуется материал по воссозданию Тихвинской церкви и сравнительный анализ объемной композиции храмов Иркутска XVIII–XIX вв. Показана важность совместного исследования преподавателя и студентов по данной проблеме.

Ключевые слова: утраченное наследие, воссоздание архитектурного облика, сибирское барокко в Иркутске, храмовый ансамбль, метод композиционного моделирования

G.S. Kozlova
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk
koza-gala@mail.ru

Compositional modeling of the temple ensemble as a method of study and restoration of the lost heritage

Abstract

The article deals with the author's design and research work on the restoration of the architectural appearance of the lost temples of the Siberian baroque in Irkutsk in the zero information context. The working experience with students of architecture on the subject of the project "Compositional analysis of an architectural monument" was used as a compositional study of analogues and evaluation of results of a project study in demonstration models. This article is the first published material on the restoration of the Tihvinskaja Church and a comparative analysis of the spatial composition of the temples of Irkutsk of the 18th — 19th centuries. The article shows the significance of cooperative study of teacher and students on this issue.

Keywords: lost heritage, restoration of architectural appearance, Siberian baroque in Irkutsk, temple ensemble, method of compositional modeling

В середине XVIII — конце XIX вв. в историческом центре Иркутска сложился уникальный градостроительный ансамбль с выразительными доминантами высотных объемов храмов, преимущественно, сибирского барокко. Город получил выразительный силуэт, представляющий своеобразную «картину памяти» исторического Иркутска. Сохранившиеся к настоящему времени православные храмы претерпели эволюционные изменения, но максимально сохранили первоначальные стилистические черты. Однако с повышением этажности застройки многие из них утратили значение доминант: сегодня вместо вертикалей храмов возвышаются высотные здания. К сожалению, некоторые храмы потеряны безвозвратно. Среди них Чудотворская (1740-е — 1930-е гг.), Тихвинская (1754–1932 гг.) и Благовещенская (1785, 1804–1879 гг.) церкви. Эти храмы являются важными элементами всего ансамбля храмов сибирского барокко, представляющего культурную ценность и неисчерпаемый научный интерес.

Специфика настоящего исследования заключается в отсутствии проектных материалов и достоверных данных о размерах утраченных церковных зданий. Публикуемые иконографические материалы по Чудотворскому и Тихвинскому храму представлены несколькими историческими фотоснимками и рисунками, а по Благовещенскому храму — лишь одной фотографией. Так, для восстановления Чудотворской церкви автору пришлось систематизировать все сохранившиеся исторические документы по разным временным периодам существования храма и построить систему эволюционных преобразований в архитектурных моделях. За это время приобретался опыт работы автора со студентами младших курсов по композиционному исследованию аналогов, построению как поисковых, так и демонстрационных моделей для апробации результатов проектно-исследовательской работы. Материалы исследования были опубликованы в предыдущих изданиях [Козлова, 2015; 2017; 2018].

В настоящее время автором начата работа по воссозданию архитектурного облика Тихвинской церкви.

Для работы с объектом исследования выбран метод **композиционного моделирования**, который позволяет рассмотреть некоторые свойства объекта, закономерности его формообразования, воссоздать утраченные характеристики, сравнить с аналогичными памятниками архитектуры. Моделирование (графическое воплощение объекта или его макет) является единственным средством познания в создании ранее неизведанного, постепенное раскрытие системы проектных образов. Композиционные модели не только проверяют предыдущие версии исследования, но и обладают свойством прогнозирования при недостатке информации, а при коллективной работе обладают большей эффективностью восприятия и систематизации информации, чем методы описания.

Композиционный анализ предполагает раскрытие различных характеристик объекта, например, планировочной организации, функциональной и пространственной структуры, материально-конструктивной системы, масштабности и образности. Построение моделей сопровождается изучением студентами таких средств композиционной выразительности как контраст — нюанс, статика — динамика, симметрия — асимметрия, метр — ритм, и других. Ортогональные и аксонометрические модели создаются в различной технике графического исполнения (линейной, тоновой, цветной). Построение объемно-пространственных моделей объекта сопровождается изучением основ фронтальной, объемной, глубинно-пространственной композиций. Для каждой поставленной задачи выбирается тот или иной вид модели, являющийся наиболее эффективным ее решением. При этом важно не только индивидуальное участие в процессе архитектурного проектирования, но и коллективная работа всей группы, позволяющая оценить и сравнить результаты исследования, расширить творческий опыт и информационный кругозор, скорректировать дальнейшие разработки.

Наиболее сложным заданием для студентов является создание аксонометрической модели изучаемого объекта. Целью такого моделирования является подготовка иллюстративной информации по объектам для проведения сравнительного анализа объемно-пластической композиции. Ставилась задача выявления крупной пластики объемной формы и художественного образа храма. Пластика — качественный признак, характеризующий внешнее построение формы. Крупная пластика ограждающих поверхностей выявляет зримые формы конструктивной структуры и ее элементов. Формы поверхности, образующей внешний объем, должны соответствовать ортогональным чертежам объекта и масштабным соразмерностям. Художественное качество модели объемной формы зависит от выразительности абриса поверхности, его соответствия объекту и приемам цветографического решения.

Сравнение объемной композиции иркутских храмов сибирского барокко представлено на иллюстрации 1. Метод создания этих моделей был так же индивидуален, как и каждый объект представленной системы. Представленные модели соответствуют современному состоянию объекта, а их построение сопряжено с изучением объекта в натуре. Из рассма-

триваемых объектов только Владимирская церковь сохранилась частично: под массивом перестроек можно увидеть лишь часть южного фасада и апсиду. Остальные храмы бережно сохранены и отреставрированы.

При кажущейся неповторимости и уникальности храмов прослеживаются композиционные закономерности одного стиля. Модели сопоставлены попарно как единство противоположностей. В то же время по вертикали можно наблюдать различные объемно-пластические модификации стиля. В середине XVIII — начале XIX вв. сформирован тип объемно-пространственной композиции — малый восьмерик на четверике, соединенный более низким объемом трапезной с ярусной колокольной под шпилем. В завершении храмов и колоколен в XVII в. доминировали шатровые формы, в XVIII в. — шпили, а в XIX в. — ярусные построения уменьшающихся объемов с луковичными главками. Во второй половине XIX в. формы притворов перестраиваются под влиянием классицизма или псевдорусского стиля. Все эти формы запечатлены в итоговом эволюционном преобразовании храмов. Рассмотрим подробнее горизонтальные пары моделей на представленных рисунках.

Иллюстрации 1а, 1б. Верхняя пара моделей храмов Богоявления (1718–1746 гг.) и Владимирского (1775–1790 гг.) при кажущейся противоположности имеют общие характеристики в истории развития храмового ансамбля. Изначально четверик собора Богоявления был увенчан пятиглавием (до 1790 г.), так как он сразу строился как соборный храм. Приходская Владимирская церковь также имела пятиглавое завершение, занимая важное градостроительное положение как ориентир Московского тракта. С 1934 по 1938 гг. церковь была переименована в кафедральный собор в связи с закрытием собора Богоявления и разрушением кафедрального Казанского собора. Рассматриваемые храмы отличаются необычной композицией, сочетающей традиции древнерусского зодчества с элементами барокко. Явное отличие в пластике форм свидетельствует о разновременном периоде создания храмов: собор Богоявления относится к раннему этапу освоения барочных форм, это первый ярусный храм в Иркутске; Владимирский храм превосходит позднее барокко в Иркутской епархии [Калинина, 2000, с. 112].

В основе объемной композиции Богоявленского собора сочетание двух вертикалей — ярусного храма и шатровой колокольни. Широкий восьмерик на двухъярусном четверике собора завершается луковичной главкой на высоком круглом световом барабане. Несколько приделов разной высоты, группирующиеся вокруг основного объема, создают сложное, пространственно развитое живописное окружение. Ярусная колокольня (восьмерик на четверике) завешена шатром с луковичной главкой на круглом барабане и доминирует в объемно-пространственной композиции. Только после реконструкции, длившейся с 1967 по 1985 гг., московским архитектором Г.Г. Оранской был воссоздан такой первоначальный вид колокольни. После разрушений во время сильного землетрясения (1742 г.) собор многие годы существовал в примитивном виде.

В основе объемной композиции Владимирской церкви — четырехсветный храм, который завершал-

ся двухъярусным малым восьмериком под восьми-лотковым покрытием и более мелкими восьмериками над углами четверика. Двухэтажная трапезная соединяла храм с ярусной колокольней в виде трехъярусного восьмерика на четверике. Особенность объемно-пространственного решения храма состоит в необычном завершении четверика: пространство храма изнутри закрыто плоским потолком и композиционно не связано с венчающей частью храма, соответственно, двухъярусный барабан не имеет световых проемов. В истории храмовых ансамблей деревянного зодчества были подобные решения. Воскресенская деревянная церковь Иркутской епархии в городе Верхоленске (1792–1795 гг.) имела самостоятельную объемную композицию внешних завершений, не соответствующую низкому и темному внутреннему пространству [Калинина, 2000, с. 119]. Вертикальная направленность четырехсветного объема четверика Владимирской церкви композиционно подержана пластикой декора, стрельчатым очертанием перспективных наличников. Вместо крыльца во второй половине XIX в. построен эклектичный по форме притвор в псевдорусском стиле, который соответствовал изначально древнерусскому образу в архитектуре храма.

Иллюстрации 1в, 1г. В этой паре рассматриваемых храмов оба являются знаковыми для города. Спасская церковь (1706–1713) — трепетно хранимый иркутянами первый каменный храм в стене рубленого острога, является памятным местом его южной границы. Крестовоздвиженская церковь (1747–1760) до сих пор сохраняет свое доминирующее значение в историческом центре города благодаря уникальной ландшафтно-градостроительной ситуации и яркого образа. Выразительный силуэт формируют фигурный купол четверика и грушевидные венчания восьмериков над приделами.

Спасская церковь представляет образец простой и лаконичной объемной композиции, напоминающей формы храмов северных областей России — тип кубообразных храмов с небольшой луковичной главкой. В декоративной пластике стен отмечаются барочные мотивы Тобольских храмов [Оглы, 1982, с. 13]. Ярусная колокольня (1758–1762 гг.) с барочным завершением под шпилем, построенная позже, стала связующим звеном с местной школой барокко. Многократные перестройки приблизили современный облик церкви к первоначальному образу компактного храма. Спасская церковь сначала лишилась всех внешних галерей и крыльца для восхода на верхний этаж храма (1861 г.), а после реставрации (1960-е — 1980-е гг.) осталась без северного придела, построенного в 1777 г. [Акулич и др., 2008, с. 83–85]. Представленная модель построена на основе последней реставрации по проекту «Иркутский Промстройпроект» (2006–2010 гг.), предлагающей восстановить северное крыльцо с частью галереи [Спасская церковь].

Крестовоздвиженская церковь представляет вариант сложной многоплановой объемно-пространственной композиции, объемная пластика которой в наибольшей степени оказалась под влиянием ранних многоярусных деревянных храмов. Можно опять вспомнить Воскресенскую деревянную церковь в Верхоленске с ее пластичным грушевидным завершением. Получившее в XIX в. широкое распро-

странение ярусное завершение колокольни в 1828 г. было заменено на шатровое, характерное для древнерусского зодчества. Декоративная пластика Крестовоздвиженского храма признается как уникальная, не имеющая аналогов. Строительство в 1860-е гг. вместо старого крыльца двухэтажного притвора в стиле ампир по проекту В.А. Кудельского и последующие переделки не нарушили первоначальный редкий облик храма, являющийся вершиной сибирского барокко [Оглы, 1982, с. 19].

Иллюстрации 1д, 1е. В архитектуре церквей Харлампиевской (1777–1790 гг.) и Знаменской (1757–1762 гг.) прослеживаются влияние различных школ барокко. Стилистика Харлампиевской церкви, по мнению специалистов, отличается влиянием храмового зодчества русского Севера, в частности влияние Тотьмы узнается в декоре оформления фасадов в виде картушей, отмечается также классическое влияние. В целом декор фасадов относится к позднему барокко. В стиле позднего классицизма в 1850-е гг. построен двухэтажный притвор вместо старого крыльца. Стилистика фасадов Знаменской церкви сохраняет связь с древнерусским зодчеством, а объемная композиция является образцом сибирского барокко.

Особенности объемной композиции Харлампиевской церкви — ярусная колокольня из двух восьмериков на высоком четверике завершается куполом со шпилем; четверик храма завершается малым световым восьмериком с барочной главкой на восьмигранном барабане; двухэтажный северный придел в средней части повторяет объемную композицию завершений четверика в меньшем масштабе. Особенности объемной композиции Знаменской церкви — ярусная колокольня завершается барочным куполом со шпилем, одноэтажный двухсветный четверик храма с барочно изогнутыми кровлями завершается малым световым восьмериком с барочной главкой на восьмигранном барабане. Обе церкви имеют асимметричное объемно-планировочное решение.

Иллюстрации 1ж, 1з. В следующей рассматриваемой паре обе церкви, Троицкая и Преображенская, являются одноэтажными и имеют симметричную объемно-планировочную композицию, однако относятся к разным временным периодам развития барокко в Иркутске. Троицкая церковь (1750–1778 гг.) — яркий образец расцвета сибирского барокко, синтез древнерусской архитектуры, сибирского барокко и местных приемов, сохранившая свой первоначальный облик без существенных утрат. Преображенская церковь (1795–1811 гг.) знаменует переход к классицизму. Ее гладкие поверхности стен были прежде окрашены и контрастировали со скромным фасадным декором, который так же напоминал допозднейший (1879 г.) облик утраченной Благовещенской церкви.

Общие черты в объемной композиции обеих церквей — продольно-осевое симметричное решение, четырехчастная структура (притвор с ярусной колокольней, трапезная, храм, алтарная апсида расположены на одной оси). Отличия в объемно-пластических вариациях композиции — в Преображенской церкви — два убывающих яруса восьмериков на четверике (широкий нижний и малый венчающий на куполе), высокая трехъярусная колокольня под шпилем, венчающим купол; в Троицкой церкви — над

четвериком храма массивный двухъярусный восьмерик, завершенный куполом, ярусная колокольня незначительно превышает по высоте храм.

В объемной композиции всех рассмотренных храмов, отвечающей стилистике сибирского барокко, выделяются два вертикальных объема ярусной колокольни, доминирующей по высоте, и четверика с пирамидально убывающими объемами завершений (восьмерик на четверике). Их соединяет более низкий объем трапезной под двухскатной кровлей. Такой же высоты с запада примыкает притвор, а с востока граненая апсида алтаря. Продольно-осевая объемно-планировочная композиция выстраивается по принципам симметрии или асимметрии, ее усложняют боковые приделы под одной крышей с трапезной или в виде отдельных объемов, с выделяемой средней частью храма или без нее. Каждый придел завершается апсидой с главкой. В объемной композиции храмов трапезная является связующим объемом между приделом и храмом. Композиция двухэтажных и одноэтажных храмов различается лишь габаритами объемов.

В формировании иркутской школы сибирского барокко мы наблюдаем вариации развития от простой лаконичной композиции древнерусской архитектуры к усложненной пластике барокко и обратное движение к лаконичным объемам наступающего классицизма. Испытывая стилистические влияния московского, петербургского и украинского барокко, зодчества русского Севера, а также прикладного искусства коренных сибирских народов и восточноазиатских стран, иркутские зодчие создают самобытное направление сибирского барокко, отличающееся свободой и богатством пластических вариаций, буйством фантазии в разнообразных композиционных решениях, оттачиваемых с каждым новым храмом.

Композиционный анализ планов иркутских храмов сибирского барокко (ил. 2) по порядку расположения планов соответствует рассмотренной выше объемной композиции этих же храмов. Использованы в основном планы, выполненные московским архитектором Е.Ю. Барановским в 1979 г. и являющиеся до сих пор единственными достоверными документами, широко публикуемыми в печати. План Владимирской церкви составлен автором на основе материалов издания «Богородице-Владимирская церковь в Иркутске» [Богородице-Владимирская церковь..., 2012, с. 123, 344]. План Спасской церкви соответствует проекту «Иркутский Промстройпроект» [Спасская церковь]. На основе этих документов выявлены главные функциональные элементы с целью проследить вариации функциональной организации, а также пропорциональные соразмерности планов.

В композиции плана прослеживается характерная для храмов сибирского барокко четырехчастная структура — притвор с колокольней, четверик храма, алтарная апсида, а также трапезная, которая по церковным канонам является частью притвора, но выделяется самостоятельным элементом, соединяющим притвор с четвериком храма и его приделами, создавая неповторимое разнообразие вариаций. В функционально-планировочной организации можно выделить следующие типы — примыкание приделов к трапезной; устройство дополнительных приделов в трапезной; примыкание приделов к средней части

храма, размещение придела под колоколами.

Наиболее распространенным типом является примыкание приделов к трапезной (ил. 2: а–в, д, е, ж). За счёт соединения с ней проемами и арками визуально образуется единое пространство.

Устройство дополнительных приделов в трапезной (ил. 2: в, з), связано с необходимостью увеличения приходов. Оригинален прием связи Преображенского храма и трапезной через расширяющийся раструб, позволяющий обособить алтари приделов в объеме трапезной. К этому типу относилась и Благовещенская церковь.

Примыкание приделов к средней части храма (ил. 2: б, е) дает возможность трансформировать пространства для его полного объединения во время основных служб и почти полного разделения в повседневной жизни приходского храма.

Размещение придела под колоколами (ил. 2: б, г), как правило, связано с необходимостью устройства летнего храма. Для восхода в этот храм сначала устраивали внешние лестницы и галереи, позднее использовали закрытую паперть. Подобное решение наблюдается также в Чудотворской и Благовещенской церквях.

Композиционный анализ церковной архитектуры всегда начинается с изучения функциональной организации храма, которая рассматривается как неотъемлемая часть целостного композиционного организма. Функциональное назначение и размещение всех составных частей храма, как правило, соответствует их композиционной значимости и высотной иерархии. На планах цветом выявлены средние части храмовых приделов, алтарные апсиды и колокольня, имеющие высотные завершения (ил. 2). Композиционная и высотная иерархия этих завершений связана с выявлением главного и подчиненного. В объемно-пространственной композиции храмов прочитывается и функционально-планировочная структура. Знание этой закономерности помогает в восстановлении планов утраченных объектов по их историческим фотоснимкам.

Анализ пропорций планировочной композиции рассматриваемых храмов показан на иллюстрации 2 как выявление закономерностей ее геометрического построения. Соразмерности планов выявлены при помощи двух крупных квадратных модулей с размерами восемь и двенадцать саженей. В первый модуль вписываются габариты трапезной Крестовоздвиженской и Преображенской церквей, а также длина четверика с алтарной апсидой Крестовоздвиженской, Преображенской и Троицкой церквей. На его основе можно проследить сравнение соразмерности остальных частей плана, его габариты, и сравнить с другими храмами. Во второй модуль вписываются габариты более крупных частей плана, например, трапезной и колокольни Спасской и Преображенской церквей, собора Богоявления; притвор и трапезная с боковыми приделами Знаменской церкви, и другие соразмерные характеристики. Сочетание этих двух модулей дает дополнительные пропорциональные построения и показывает сравнительные характеристики всех планов.

Модульность есть соответствие между частями и целым по отношению к части, принятой как исходная. Версия применения единой модульной сетки в построении планов отклонена, так как планировоч-

ная структура имеет в основе построения гибкую систему взаимосвязи функциональных элементов плана и отсутствие жесткой типологии их размеров. Выбранная система соотношений укрупненных модулей показывает скорее пропорциональные отличия и, в то же время, структурное единство всех планировочных композиций. Выявление пропорции как закономерности, которая объединяет все части между собой и целым, необходимо для каждого храма отдельно. Для этого потребуются более глубокие пропорциональные изыскания, которые возможно станут ключом к построению утраченного наследия. Изучение особенностей формирования храмового ансамбля его объемно-пространственной композиции, функционально-планировочных элементов и их пропорциональных соотношения стали основой для восстановления чертежей утраченных храмов.

Воссоздание архитектурного облика Тихвинской церкви, представленное на иллюстрации 3, является частью научного исследования утраченных объектов и связано с кропотливым изучением исторических документов, анализу фотографий, построению эскизных моделей и воссозданию чертежей в компьютерной графике. Тихвинская церковь (1754–1773 гг.) являлась самой крупной из приходских церквей по объему и находилась на центральной площади города, в 1930-е гг. церковь была снесена. В архитектуре фасадов гармонично сочетались древнерусские и барочные элементы, а также элементы ордерной системы, что выделяло этот памятник от других. Объемно-планировочная четырехчастная композиция представляла собой расположенные на одной оси с запада на восток притвор с ярусной колокольней, двухэтажную трапезную одной ширины с храмом, трехсветный четверик храма и двухэтажный пятигранный алтарь. Более поздний (1885 г.) двухэтажный притвор, построенный на месте лестницы, завершался шатровой башенкой над входом. Характерным в объемно-пространственной композиции является господство массивного храма с пирамидально убывающими объемами: широким восьмериком на четверике, завершенный барочным выгнутым куполом с малым световым восьмериком, который, в свою очередь завершался куполом с барочной главкой на граненом барабане. Ярусная восьмериковая колокольня, увенчанная восьмигранным куполом со шпилем, ненамного превышала высоту храма и имела подчиненное значение [Калинина, 2000, с. 142]. Северный придел был возведен одновременно с главным храмом, примыкал к трапезной и, находясь с ней под одной крышей, выделялся объемно-пластической композицией алтарной части.

Экспериментальная работа по созданию эскиза ортогональной проекции фасада утраченной Тихвинской церкви была предложена студентке Иркутского национального исследовательского технического университета А.А. Яцык (ил. 3а). Исходным материалом служили эскиз плана, подготовленный преподавателем, исторические документы, представленные в виде фотографий [Медведев, 1996, с. 403] и рисунков храма [Живописные путешествия..., 2007, с. 79, 84], литературные источники [Калинина, 2000, с. 142, 143]. Основным документом стала фотография 1900-х гг. перспективного вида на кафедральный Казанский собор с колокольни собора Богоявления [Акулич и др., 2008, с. 244], где на дальнем

плане просматривался северный фасад Тихвинской церкви. Ставилась задача — с помощью кальки по просвечиваемому силуэту составить архитектурный рисунок северного фасада на основе внимательного исследования дополнительного фотографического материала ближних планов объекта. Предварительно просматриваемый силуэт храма был сопоставлен с планом в одном масштабе. Одновременно исследовались фотографии и рисунки фрагментов памятника. Итогом курсового проекта явились объемные и ортогональные модели объекта, которые выявляли особенности его композиционных построений (ил. 3а).

Последующие проектные разработки проводились автором в компьютерной графике и явились первой версией ортогональных чертежей (ил. 3б). План храма создавался на основе исследования функционально-планировочной композиции и пропорций аналогов (ил. 2), а также изучения исходного фотоматериала.

Совместная работа преподавателя с каждой студенческой группой представляет важный этап в научном исследовании утраченного храма и в зависимости от решаемых задач проявляется на стадии работы с аналогами или воссоздания архитектурного облика утраченного наследия. Происходит постоянный обмен опытом между студентами, последовательная наработка материала и передача результатов исследования к следующей группе для решения более сложных задач.

Привлечение будущих зодчих с самого начала своего обучения к теме воссоздания утраченного архитектурного наследия способствует воспитанию таких профессиональных качеств как работа в коллективе и ответственность за работу с историческими объектами. Подобная практика знакомит с основами композиционного анализа, моделирования и экспериментального исследования. В процессе обучения студенты младших курсов не только изучают исторические документы, но и собирают недостающий материал, а также исследуют сохранившиеся памятники архитектуры в натуре. Результаты этого труда являются важным вкладом в формирование информативной базы по исследованию храмовых ансамблей. В настоящей публикации показаны некоторые приемы композиционного анализа иркутских храмов, представляющих местную школу сибирского барокко, а также пример работы студентов с историческими документами для воссоздания архитектурного облика утраченного храма. Не обладая достаточным опытом моделирования, ребята учатся преодолевать неизвестное. Эта работа не по образцам, а как открытие себя и осознание значимости результатов поиска в коллективном творчестве. Задача такой работы — связь обучения с созиданием, когда необходим творческий вклад каждого в общий результат, и чем больше неизвестного, тем интереснее созидание.

Список литературы

1. Акулич О.А., Крючкова Т.А., Полунина Н.М. Во имя Спаса Нерукотворного Образа: Документальное повествование о жизни первого каменного храма города Иркутска. 1706–2006. — Иркутск: Иркутский кремль, 2008. — 488 с.
2. Богородице-Владимирская церковь в Иркутске:

история и современность. — Иркутск: Земля Иркутская, 2012. — 444 с.

3. Живописные путешествия по Иркутской губернии XVIII–XIX веков. Графика. (Опыт историко-искусствоведческого исследования). — Иркутск: ИОКМ, 2007. — 189 с.

4. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии: XVII — начало XX века. — М.: Галарт, 2000. — 496 с.

5. Козлова Г.С. Опыт воссоздания утраченного архитектурного наследия (на примере Чудотворской церкви в городе Иркутске) // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. — 2015. — № 3(14) — С. 155–170.

6. Козлова Г.С. Воссоздание архитектурного облика Чудотворской церкви в городе Иркутске на основе ретроспективного метода // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2017. — Т. XII. — С. 133–142.

7. Козлова Г.С. Смысловая преемственность в архитектуре православного храма как фактор его эволюционной трансформации (на примере Чудотворской церкви в Иркутске) // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2018. — Т. XIII. — С. 160–172.

8. Медведев С.И. Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917. — М.: Галарт, 1996. — 641 с.

9. Оглы Б.И. Иркутск. О планировке и архитектуре города. — Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд., 1982. — 112 с.

10. Спасская церковь: вторая реставрация к юбилею Иркутска. — URL: <http://www.pribaikal.ru/irkutsk-important-item/article/12503.html>

2. Bogorodice-Vladimirskaya cerkov` v Irkutске: istoriya i sovremennost`. Irkutsk: Zemlya Irkutskaya, 2012. 444 p. (in Russ.).

3. Kalinina I.V. Pravoslavny`e xramy` Irkutskoj eparхии: XVII— nachalo XX veka. Moscow: Galart, 2000, 496 p. (in Russ.).

4. Kozlova G.S. Opyt vossozdaniya utrachennogo arkhitekturnogo naslediya (na primere Chudotvorskoj tserkvi v gorode Irkutске). In *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'*. 2015. No 3(14). Pp. 155–170. (in Russ.).

5. Kozlova G.S. Vossozdanie arkhitekturnogo oblika Chudotvorskoj tserkvi v gorode Irkutске na osnove retrospektivnogo metoda. In *Balandinskie chteniya: sbornik statei nauchnykh chtenii pamyati S.N. Balandina*. — Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2017. — Vol. XII. — Pp. 133–142. (in Russ.).

6. Kozlova G.S. Smyslovaya preemstvennost` v arkhitekture pravoslavnogo khrama kak faktor ego evolyutsionnoi transformatsii (na primere Chudotvorskoj tserkvi v Irkutске). In *Balandinskie chteniya: sbornik statei nauchnykh chtenii pamyati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosib. gos. arhit.-khud. akad., 2018. — Vol. XIII. — Pp. 160–172. (in Russ.).

7. Medvedev S.I. Irkutsk na pochtovy`x otkry`tkax. 1899–1917. Moscow: Galart, 1996, 641 p. (in Russ.).

8. Ogly` B.I. Irkutsk. O planirovke i arkhitekture goroda. Irkutsk: Vost-Sib. kn. izd., 1982, 112 p. (in Russ.).

9. Spasskaya cerkov`: vtoraya restavraciya k yubileyu Irkutска. URL: <http://www.pribaikal.ru/irkutsk-important-item/article/12503.html> (in Russ.).

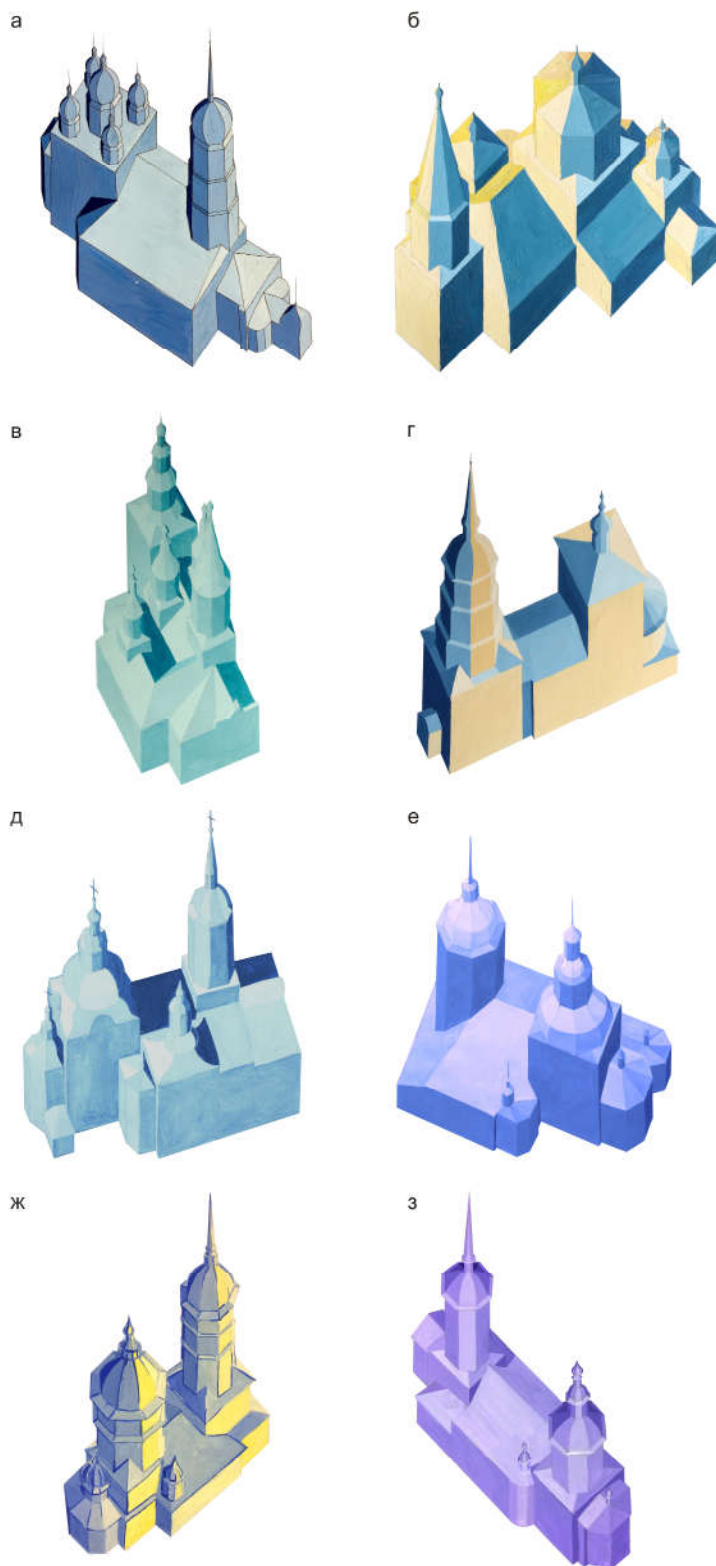
10. Zhivopisny`e puteshestviya po Irkutskoj gubernii XVIII–XIX vekov. Grafika. (Opy`t istoriko-iskusstvovedcheskogo issledovaniya). Irkutsk: IOKM, 2007, 189 p. (in Russ.).

References

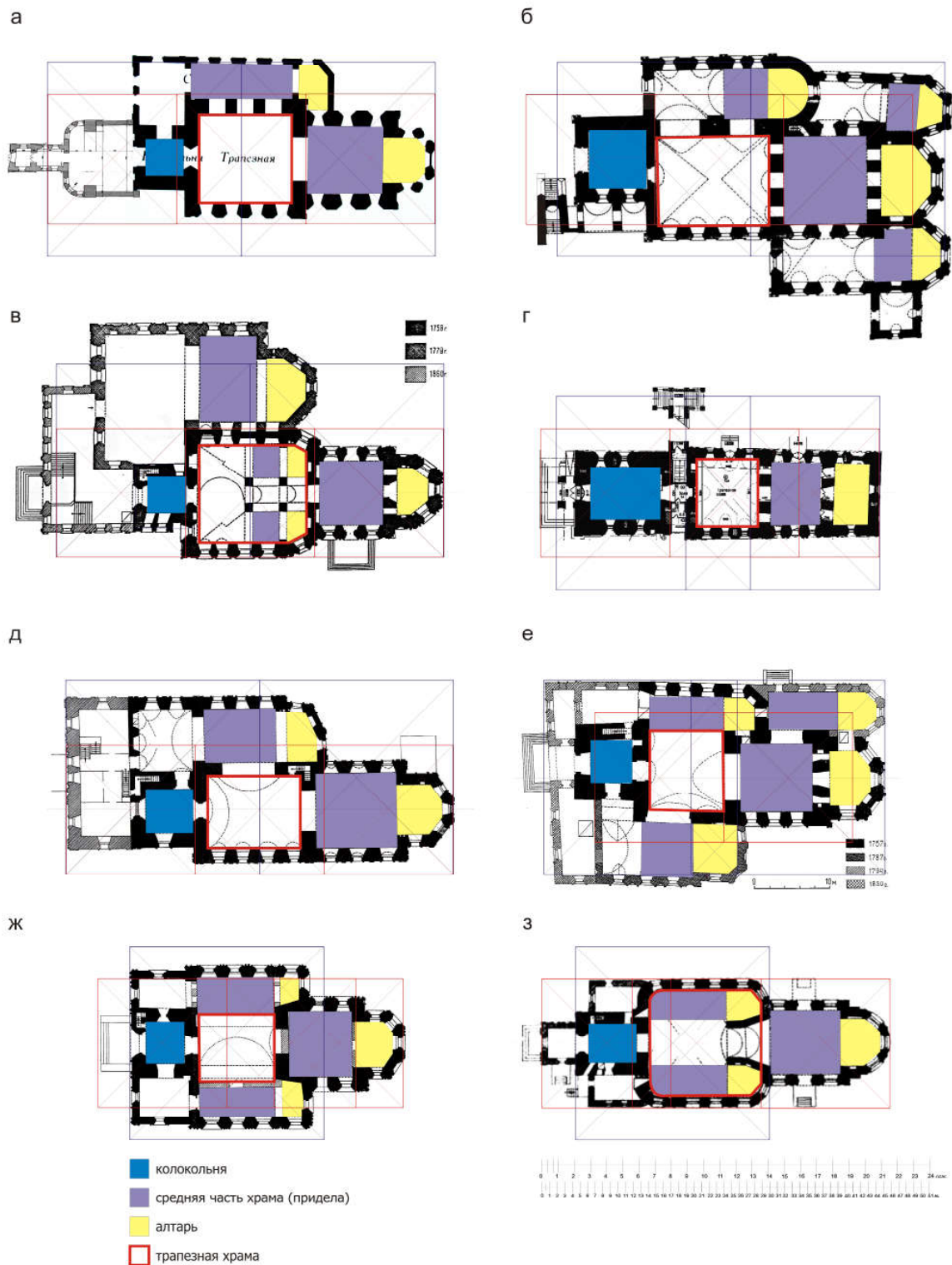
1. Akulich O.A., Kryuchkova T.A., Polunina N.M. Vo imya Spasa Nerukotvornogo Obraza: Dokumental`noe povestvovanie o zhizni pervogo kamennogo khrama goroda Irkutска. 1706–2006. Irkutsk: Irkutskij kreml`, 2008, 488 p. (in Russ.).

Список сокращений

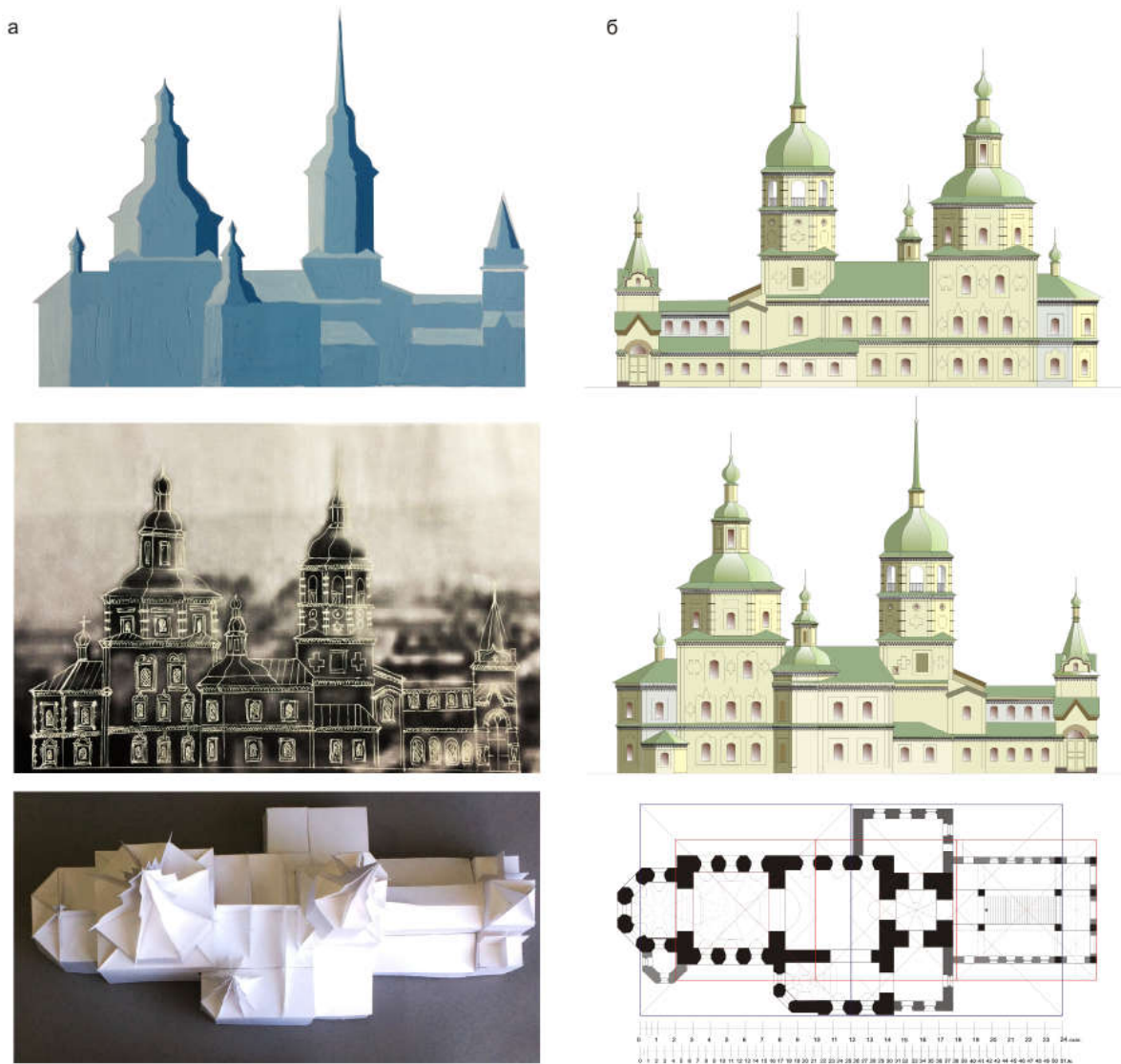
ГАИО — Государственный архив Иркутской области
ИОКМ — Иркутский областной краеведческий музей

Ил. 1. Сравнение объемной композиции иркутских храмов сибирского барокко:
а — Владимирская церковь (выполнила студентка ИрННТУ А.Ю. Жигунова);
б — собор Богоявления (выполнила студентка ИрННТУ А.И. Багацкая);
в — Крестовоздвиженская церковь (выполнила студентка ИрННТУ С.Д. Карпович);
г — Спасская церковь (выполнила студентка ИрННТУ К.В. Красикова);
д — Харлампиевская церковь (выполнила студентка ИрННТУ Л.С. Бутырина);
е — Знаменская церковь (выполнила студентка ИрННТУ А.И. Суханкина);
ж — Троицкая церковь (выполнила студентка ИрННТУ К.С. Костюкович);
з — Преображенская церковь (выполнила студентка ИрННТУ В.А. Бабенко)

Илл. 2. Композиционный анализ планов иркутских храмов сибирского барокко (составлен автором):
 а — Владимирская церковь (план 1860 г.) [Богородице-Владимирская церковь..., 2012, с. 123, 344];
 б — собор Богоявления (чертеж Е.Ю. Барановского 1979 г.) [Калинина, 2000, с. 108];
 в — Крестовоздвиженская церковь (чертеж Е.Ю. Барановского 1979 г.) [Калинина, 2000, с. 113];
 г — Спасская церковь (проект реставрации 2006–2010 гг. «Иркутский Промстройпроект» [Спасская церковь]);
 д — Харлампиевская церковь (чертеж Е.Ю. Барановского 1979 г.) [Калинина, 2000, с. 127];
 е — Знаменская церковь (чертеж Е.Ю. Барановского 1979 г.) [Калинина, 2000, с. 108];
 ж — Троицкая церковь (чертеж Е.Ю. Барановского 1979 г.) [Калинина, 2000, с. 144];
 з — Преображенская церковь (чертеж Е.Ю. Барановского 1979 г.) [Калинина, 2000, с. 135]

Ил. 3. Воссоздание архитектурного облика Тихвинской церкви:
а — построение ортогональных и объемных моделей (выполнила студентка ИрНИТУ А.А. Яцык);
б — воссоздание ортогональных чертежей (графическая реконструкция автора)

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10054
УДК 294.321+72.01

В.В. Лыгденова
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
victoria.lygdenova@gmail.com

Символ и значения коновязи-сэргэ в свадебной традиции баргузинских бурят во второй половине XX — начале XXI веков

Аннотация

В статье ставится целью выявление символических значений коновязи-сэргэ, устанавливаемой в день свадьбы у бурят, во второй половине XX — начале XXI вв. Проводится этнолокальный анализ на примере баргузинских бурят, поскольку у данной этнической группы такая традиция соблюдалась даже в советский период и стала особенно популярной в начале XXI в. Актуальность исследования связана с тем, что в настоящее время символика сэргэ приобретает новые значения, которые наслаиваются на архаические, и возникает необходимость выявления семантического ряда символа. В статье подробно описывается обряд установки сэргэ. Представлены полевые материалы, собранные автором статьи в селах Баргузинского и Курумканского районов Республики Бурятия в 2012–2018 гг. В результате обнаружено, что символика и функции коновязи и ритуальных шаманских сэргэ отличаются, но их семантические варианты переплетаются.

Ключевые слова: коновязь, сэргэ, символика, свадебные традиции, буряты, якуты, шаманизм, этнография, этнология, антропология

V.V. Lygdenova
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
victoria.lygdenova@gmail.com

Symbol and meaning of the horse-standing-serge in wedding traditions of Barguzin Buryats in the second half of 20th— the early 21st centuries

Abstract

The purpose of the article is to identify the symbolic meaning of the horse-standing ("serge" in Buryatian) that was being installed on the wedding day of the Buryats, in the second half of 20th and in the early 21st centuries. Ethno-local analysis is carried out on the example of the Barguzin Buryats, since this tradition was observed in this ethnic group even in the Soviet period and became especially popular in the early 21st century. The relevance of the study is that currently the symbolism of the "serge" installation takes on new meaning that are layered on archaic, and that's why it is necessary to identify the semantic meaning of the symbol. The article describes in detail the rite of installation of "serge". The field data collected by the author of the article in the villages of the Barguzinsky and Kurumkansky districts of the Republic of Buryatia in 2012–2018 are presented. As a result, it was found that the symbolism and functions of the horse-standing ("serge") and the ritual shamanistic "serge" are different, but their semantic variants are mixed.

Key words: horse-standing, "serge", symbolism, wedding traditions, Buryats, Yakuts, Shamanism, ethnography, ethnology, anthropology

Неотъемлемой частью жилища скотоводов в Сибири является коновязь, которая помимо бытовой функции обладала также ритуальной семантикой. Коновязь, или, по-бурятски, «сэргэ», устанавливалась справа от входа в юрту, где находилась мужская часть жилища. Это происходило при постройке нового дома для молодой семьи и в связи с этим приобретало символику семейного благополучия. У бурят по сей день устанавливаются коновязи возле дома отца, в день свадьбы его сына или дочери. Характеризует ли данный ритуал тенденцию к обновлению и возрождению забытых традиций? Каким образом коновязь стала ритуальным объектом? В чем различия между свадебной коновязью и шаманскими придорожными и праздничными сэргэ? Данные вопро-

сы будут затронуты в предлагаемой статье, целью которой является описание и выявление символики коновязи-сэргэ на примере свадебной обрядности баргузинских бурят. Этнолокальный анализ избран нами в связи с тем, что у разных родовых групп бурят традиции установки сэргэ заметно отличаются и не во всех районах она прослеживается. Согласно полевым материалам автора, в Баргузинской долине на северо-востоке Республики Бурятия установка сэргэ в день свадьбы наблюдается практически в каждой семье. Данная традиция соблюдалась и в советский период. Автором собрана обширная коллекция фотографий и полевых записей о традиции установки коновязи в разных бурятских семьях, на основе которых написана данная статья (ил. 1, 2).

Методология исследования символики основана на работах Н.Л. Жуковской, которая в монографии «Категории и символика традиционной культуры монголов» определила категории как определенные парадигмы, согласно которым может быть охарактеризована культура народа. Выбор парадигмы категорий и символов определяется спецификой культуры изучаемого народа. Символы, связанные с жилищем кочевников, тесно связаны с пространственно-временной категорией, поскольку «освоение жилой и хозяйственной территории — это первая стадия в освоении пространства в уже сложившемся кочевом обществе» [Жуковская, 1988, с. 8]. Исследователь также подчеркивает, что материальная культура не может быть рассмотрена вне духовной культуры, поскольку любой материальный предмет неизменно связан с традиционными верованиями и с мировоззренческими установками народа [там же, с. 7]. Заметим, что в нашем случае функция прямого предназначения коновязи утрачена, но предмет функционирует и в настоящее время, благодаря своему символическому значению.

Отметим, что символика коновязи в целом у бурят затрагивались в работах Г.Р. Галдановой, Д.С. Дугарова, Т.М. Михайлова, С.Г. Жамбаловой, С.-Х.Д. Сыртыповой, Б.Ц. Гомбоева. Г.Р. Галданова и др. Д.С. Дугаров на основании лингвистического анализа считают, что предметы с названиями «сэргэ» и «морины уяа» (бур. — коновязь) отличаются друг от друга, так как слово «сэргэ» связано по смыслу с символом Мирового древа [Обряды, 2002, с. 142–143; Дугаров, 1991, с. 128–129]. В то же время, коновязь-«морины уяа» использовалась согласно своему бытовому предназначению. В работе С.Г. Жамбаловой отмечается, что обрядовые «сэргэ» имеют свою классификацию — сэргэ, устанавливаемые в качестве культового дорожного объекта «бариса» с тремя навершиями, и сэргэ с одним навершием, которые устанавливаются в день свадьбы у дома [Жамбалова, 2000, с. 272]. В работах С.-Х.Д. Сыртыповой и Е.О. Закшеевой рассматриваются сэргэ, которые используются шаманами для религиозных обрядов, и предлагаются их классификации согласно их религиозной функции [Сыртыпова, 2007, с. 952; Закшеева, 2009, с. 47–55]. Б.Ц. Гомбоев кратко упоминает в своей работе различные виды сэргэ, которые используются для шаманской практики и в свадебной обрядности на примере баргузинских бурят [Гомбоев, 2006, с. 111–113]. В отличие от предыдущей работы, в своей статье рассмотрим роль и символику сэргэ в свадебной обрядности у баргузинских бурят более подробно.

Отметим, что схожие функции коновязи имеются и у соседей баргузинских бурят — якутов. Возможно, подобные параллели объясняются территориальной близостью, а также соседством с другой народностью — эвенками (тунгусами), у которых коновязь также использовалась в обрядовой традиции. Ф.М. Зыков предполагает, что каменные и деревянные изваяния у тувинцев и древних тюрков, которые устанавливались перед жилищем умершего человека, являются свидетельством их сходства с ритуальным значением сэргэ у якутов [Зыков, 1974, с. 122–123]. О связи ритуальных столбов сэргэ с традиционными шаманскими верованиями у якутов пишет З.И. Иванова [Иванова, 2013, с. 104]. Действи-

тельно, на масштабном летнем празднике Ысыах в Якутии большое внимание привлекают ритуальные столбы-сэргэ, которые являются неотъемлемой частью ритуала и праздника. В культе богини Айыыһыт у якутов ритуальный столб сэргэ имеет значение Мирового Древа.

Таким образом, можно увидеть широкий семантический ряд символики коновязи у народов Сибири. Являются ли коновязь и сэргэ различными по своей сути материальными предметами, или нет, как предполагают Г.Р. Галданова и Д.Р. Дугаров, сказать сложно. Согласно Т.М. Михайлову, изначально была коновязь, которая в дальнейшем стала использоваться шаманами в качестве символа Мирового Древа [Михайлов, 1980, с. 190–191]. Ф.М. Зыков, изучивший различные виды сэргэ у якутов, пишет о том, что якутские ритуальные столбы-сэргэ не использовались в качестве коновязей: «Эти ритуальные сэргэ отличались от надворных только размерами. К ним никогда не привязывали лошадей» [Зыков, 1986, с. 75]. Учитывая то, что у бурят также существует табу на использование ритуальных предметов в качестве бытовой утвари, т.к. это могло осквернить или обидеть культовых божеств (см. например, ритуальные кузнечные предметы кузнецов, ритуальная посуда — специальные чаши для подношения божествам и т.д.), то можно предположить, что коновязь и сэргэ имели разное предназначение: коновязь использовалась для привязывания лошадей и впоследствии стала символом семейного благополучия, а сэргэ являлось объектом шаманских обрядовых действий, как и у якутов. Возможно, в связи с переплетением различных символических значений, в том числе заимствованных у соседей-якутов, и обычая устанавливать коновязь перед новым домом молодоженов, различные по своей функции объекты — сэргэ как ритуальный объект у шаманов и коновязь-сэргэ — во второй половине XX — начале XXI вв. у бурят приобрели значение ритуального столба, устанавливаемого возле дома в день свадьбы. Заметим, что в работах М.Н. Хангалова и С.П. Балдаева упоминаются стволы березы, которые использовались предбайкальскими бурятами для проведения обряда введения в новую родовую общину и благословления невесты перед юртой жениха. Согласно сведениям информантов, береза в прошлом использовалась для изготовления коновязи-сэргэ у баргузинских бурят [Хангалов, 2004, с. 213; Балдаев, 1959, с. 118].

Согласно собранным нами полевым материалам, сэргэ у баргузинских бурят устанавливалось на восходе, когда солнце только появлялось на горизонте. Мужчины-старейшины рода со стороны отца (түрүүш), отец жениха (баабай), дядя со стороны матери жениха (нагаса), худэ (приглашенный авторитетный человек со стороны), старший брат со стороны отца (абгай) устанавливали заранее подготовленную коновязь, которая изготавливалась из лиственницы, березы или сосны, в выкопанную накануне яму [ПМА]. Перед тем, как поставить коновязь, произносили благопожелания молодой семье (юрөөл) и брызгали водкой на яму для очищения земли и подношения духам местности. Заметим, что, согласно сведениям информантов, при замужестве дочерей у баргузинских бурят сэргэ не ставили.

Старейшина в головном уборе (с покрытой головой) разбрызгивает водку (бур. сэргэм, или архиин

дэрэй үргэхэ) и в это же время произносит благопожелание (юрөөл) для молодой семьи. Затем в яму кладут денежные монеты (в прошлом — серебряные или железные монеты, золото или серебро), кусочек мягкой овечьей шерсти, зерна пшеницы. Каждый элемент имеет свою символику: монеты — для богатства, шерсть — для благополучия скота, зерна — для достатка. Затем ставят коновязь в яму и руками уплотняют землю. В этот момент благоприятным знаком является присутствие играющих детей рядом. Важно, чтобы в установке коновязи участвовали только семейные люди. Одиноким, разведенным, вдовым, бездетным или инвалиды не приглашались на церемонию, т.к. это могло быть плохим предзнаменованием для молодой семьи. После установки коновязи на нее подвязывают сэмэлгэ (ритуальные цветные ленточки). Навершие коновязи должно быть конусообразным, неострым, для того, чтобы «не поранить Небо», на нем делаются зарубки, согласно количеству женатых сыновей. На свадьбе старшего сына ставится одна зарубка, второго — две зарубки под навершием и т.д. Таким образом, по количеству сэргэ возле дома можно понять, сколько женатых сыновей в той или иной семье. У баргузинских бурят существует также застольная свадебная песня, посвященная родному краю, где символ коновязи-сэргэ используется для описания благополучия рода и процветания родины — реки Баргузина и Баргузинской долины.

Сэрэгын манай узуурта
Шэрэмхэн хяагын-э тэндэхым даа.
Шэрэмхэн танхын оерто
Шэмэтэйхэн идээниин-э тэндэхым даа.

Баранхан сэрегын узуурта
Баримхан хяагын-э тэндэхым даа.
Баримхан танхын оерто
Барилтайхан идээниин-э тэндэхым даа.

Хадаһаан эхитэй Барагажан
Хабтагай шулуун дамжууртай.
Хангайһаанш тодхоһон мэлэмэндэйнь
Хаймал сорого дамжууртай.

Булгаһаанш эхитэй Барагажан
Бутархай шулуун дамжууртай.
Булханһаанш тодхоһон мэлэмэндэйнь
Бохирхонш сорого дамжууртай.

У основания коновязи
Сочной травы вдоволь.
На дне чугунного кувшина
Ароматного напитка вдоволь.

Под всеми нашими коновязями
Пырея высокого вдоволь.
На дне узкогорлого кувшина
Напитка подходящего вдоволь.

В горах начинающийся Баргузин
По плоским камням течет.
В котле образующийся напиток
По деревянной трубке течет.

Из ключа возникающий Баргузин
По камням мелким течет.
В котле образующийся напиток
По трубке, согнутой, течет. [Новикова, Дондупов, 2016].

Один из информантов отметил, что сэргэ в прошлом изготавливали из березы, которая являлась символом семейного счастья. Согласно сведениям М.Н. Хангалова и С.П. Балдаева, у предбайкальских (западных) бурят березу, называемую «түүргэ», привозили специально на свадьбу и закапывали неподалеку от юрты для проведения обряда благословления невесты и приема ее в общину жениха. Возле березы разводили костер, вокруг которого садились старейшины и мужчины рода и говорили благословения. На березу клали онгонов, тем самым придавая сакральную символику дереву. С.П. Балдаев отмечает, что береза являлась символом семейного благополучия и ее ставили так, чтобы «одним концом она выходила в дымоход, а другим опиралась на северо-западный столб юрты» [Балдаев, 1959, с. 118]. Береза являлась одним из культовых деревьев у предбайкальских бурят, откуда мигрировали баргузинские буряты. Со временем, возможно, сэргэ стало играть роль культового предмета, заменившего березу. Это также объясняет символическое значение сэргэ в советский и постсоветский период, когда традиция установки коновязи в день свадьбы сохранялась, но на данную церемонию приглашали только самых близких людей и не распространялись об этой традиции. В настоящее время баргузинские буряты устанавливают коновязи в день свадьбы сыновей не только в деревнях, но и в пригороде, где многие из них проживают, так как большое количество баргузинской молодежи и их родителей уезжают из деревень и строят дома в пригороде г. Улан-Удэ, продолжая соблюдать традиции своего рода.

Список литературы

1. Балдаев С.П. Бурятские свадебные обряды. — Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1959. — 180 с.
2. Батоева Д.Б., Галданова Г.Р., Николаева Д.А., Скрынникова Т.Д. Обряды в традиционной культуре бурят. — М.: Вост.лит-ра, 2002. — 222 с.
3. Гомбоев Б.Ц. Культовые места Баргузинской долины. — Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2006. — 287 с.
4. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства на материале обрядового фольклора бурят. — М.: Наука, 1991. — 300 с.
5. Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.) — Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000. — 400 с.
6. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. — М.: Наука, 1988. — 197 с.
7. Закшеева Е.О. Сэргэ в традиционной культуре бурят // Тальцы: архитектура, этнография, этническая история, топонимика, филология. — 2009. — № 2 (33). — С. 47–55.
8. Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX — нач. XX в. Историко-

этнографическое исследование. — Новосибирск: Наука, 1986. — 99 с.

9. Зыков Ф.М. Происхождение сэргэ // Полярная звезда — 1974. — № 5. — С. 122–124.

10. Иванова З.И. Сэргэ. Мегалит народа саха. — Якутск: Бичик, 2013. — 351 с.

11. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). — Новосибирск: Наука, 1980. — 320 с.

12. Новикова О.В., Дондупов Д.Д. Песенная традиция баргузинских бурят // Культура. РФ. — 22 августа 2016. — URL: <http://www.culture.ru/objects/2856/pesennaya-tradiciya-barguzinskikh-buryat> (дата обращения: 10 февраля 2019 г.)

13. Сыртыпова С.-Х.Д. Святыни кочевников Трансбайкалья (Традиционные культовые объект как памятники истории и культуры). — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2007. — 272 с.

14. Хангалов М.Н. Собрание сочинений: в 3-х тт. — Т.1. — Улан-Удэ: Республиканская типография. — 2004. — 508 с.

References

1. Baldaev S.P. Buryatskie svadebnye obryady. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959, 180 p. (In Russ.)

2. Batoeva D.B., Galdanova G.R., Nikolaeva D.A., Skrynnikova T.D. Obryady v tradicionnoj kul'ture buryat. Moscow: Vost.lit-ra, 2002, 222 p. (In Russ.)

3. Dugarov D.S. Istoricheskie korni belogo shamanstva na materiale obryadovogo fol'klora buryat. Moscow: Nauka, 1991, 300 p. (In Russ.)

4. Gomboev B.C. Kul'tovye mesta Barguzinskoj

doliny. Ulan-Ude: VSGAKI, 2006, 287 p. (In Russ.)

5. Hangalov M.N. Sbranie sochinenij v 3-h tomakh. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2004, Vol. 1, 508 p. (In Russ.)

6. Ivanova Z.I. Serge. Megalit naroda saha. Yakutsk: Bichik, 2013, 351 p. (In Russ.)

7. Mihajlov T.M. Iz istorii buryatskogo shamanizma (s drevnejshih vremen po XVIII v.). Novosibirsk: Nauka, 1980, 320 p. (In Russ.)

8. Novikova O.V., Dondupov D.D. Pesennaya tradiciya barguzinskih buryat. *Kul'tura. RF*, August 26, 2016. — URL: <http://www.culture.ru/objects/2856/pesennaya-tradiciya-barguzinskikh-buryat> (Data obrashcheniya: February 10, 2019). (In Russ.)

9. Syrtypova S.-H.D. Svyatyni kochevnikov Transbaikal'ya (Tradicionnye kul'tovye ob»ekt kak pamyatniki istorii i kul'tury). Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2007, 272 p. (In Russ.)

10. Zaksheeva E.O. Serge v tradicionnoj kul'ture buryat. *Tal'cy : arhitektura, etnografiya, etnicheskaya istoriya, toponimika, filologiya*, 2009, No. 2 (33), pp. 47–55. (In Russ.)

11. Zhambalova S.G. Profannyj i sakral'nyj miry ol'honskih buryat (XIX–XX vv.). Novosibirsk: Nauka. 2000, 400 p. (In Russ.)

12. Zhukovskaya N.L. Kategorii i simbolika tradicionnoj kul'tury mongolov. Moscow: Nauka, 1988, 197 p. (In Russ.)

13. Zykov F. M. Poseleniya, zhilishcha i hozyajstvennyye postrojki yakutov XIX — nach. XX v. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. Novosibirsk: Nauka, 1986, 99 p. (In Russ.)

14. Zykov F. M. Proiskhozhdenie serge. *Polyarnaya Zvezda*, 1974. No. 5, pp. 122–124. (In Russ.)

Ил. 1. Свадебные коновязи-сэргэ в с. Аргада Курумканского района Республики Бурятия. (ПМА, 2012 г.)

Ил. 2. Свадебные коновязи в с. Баргузин Баргузинского района. (ПМА, 2012 г.)

А.А. Люцидарская
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
lucid1@yandex.ru

Фискальный источник учета отопляемых помещений Томска как знак благополучия горожан и символ социальной трансформации городской среды в начале XVIII века

Аннотация

В статье анализируются данные фискального учета отопляемых изб в Томске в начале XVIII в. Проводится статистический расчет и качественная выборка зафиксированных «черных» и «белых» изб, курных безтрубных печей и печей с трубой, «дымных окон», кирпичных труб. Привлекаются данные об общем количестве дворов в Томске, местах компактного расселения социальных групп, характеристике сословного, профессионального и семейного состава населения, биографических деталях с целью сравнительно-сопоставительного анализа. Применяется семиотическая теория культуры Ю.М. Лотмана, методы анализа семей в социологическом пространстве города, концепции урбанистических трансформаций под действием зарождающихся капиталистических отношений и распада социальных структур. В результате автор приходит к выводам о том, что печная труба была знаком, отражающим степень материального благополучия семьи. Томск находился в переломном моменте своей социальной истории, когда в старых частях города сословия смешивались, а в районах сравнительно поздней застройки формировался новый тип горожан.

Ключевые слова: Сибирь, Томск, город, символ, знаки городского развития, курная печь, печная труба, дымные окна, социальная структура, семья

A.A. Lutsidarskaya
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
lucid1@yandex.ru

Fiscal accounting of Tomsk heated buildings as a sign of urban residents prosperity and a symbol of the social transformation of the urban environment in the early 18th century

Abstract

The author analyzed the fiscal accounting data for heated log huts in Tomsk in the early 18th century. A statistical calculation and a qualitative sampling of recorded "black" and "white" huts, furnaces with and without smokestacks, «smoky windows», were carried out. The author conducted a comparative analysis data on the total number of households in Tomsk, places of social groups compact settlement, characteristics of the professional and family population structure, biographical details. Yuri Lotman's semiotic theory of culture is applied. Methods of analyzing families in the urban sociological space, the concept of urban transformations in the context of capitalist relations have been applied as well. As a result, the author comes to the conclusion that the smokestack was a sign that reflects the level of family material prosperity. There was turning point in the Tomsk social history, when social groups were mixed in the old parts of the town, and a new type of citizens was being formed in the late building areas.

Keywords: Siberia, Tomsk, town, symbol, urban development signs, furnace, smokestack, smoky windows, social structure, family

Символы и знаки в различные периоды времени в разных условиях приобретают иные смыслы, актуальные лишь для своей эпохи. В настоящее время трудно себе представить, что о положении человека в обществе можно судить по количеству печных труб, даже в сельской местности. Между тем для периода XVI — начала XVIII в. и ранее это являлось вполне уместным.

Жилые помещения, особенно в северных регионах, характеризовались в основном теплом печи. Изба обычно называлась черной или белой в зависимости от того, стояла ли в ней курная безтрубная печь или печь с трубой. В городах Московского государства белых изб насчитывалось довольно много, в сельской местности их почти не было. Материально

обеспеченные горожане, как правило, имели печи с трубами. При раскопках в Москве в Гончарной слободе, где, скорее всего, было налажено производство керамических печных труб, такая труба была найдена. Труба была закопчена изнутри, здесь же находилась обойма для печной вьюшки. На белые избы с трубой ставилось противопожарное устройство — искреник [Рабинович, 1988, с. 63].

Разумеется, сибирские города сложно сравнивать со столицей государства, но надо заметить, что в значимых поселениях, таких как Тобольск, Тюмень, Томск, белых изб было достаточно. Восточные регионы Сибири развивались более медленными темпами, там курная изба сохранялась еще длительное время [РГАДА. Ф. 214. Оп 5. Д. 2700. Л. 1–12об.].

Совершенно уникальным источником начала XVIII в. представляется так называемая «подымная книга» — книга сбора налога с отапливаемых помещений за 1705 г. в Томске [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1435. Л. 374—417об.]. Этот поистине разноплановый источник фискального назначения, по своей информативности он далеко уходит за рамки поставленных перед ним задач. Помимо указаний о количестве печей, то есть отапливаемых городских изб, в нем располагаются сведения о распределении домовладений по районам города, персональной принадлежности каждого домовладельца и его сословной составляющей [Люцидарская, 1982, с. 64—65].

Неясно, учитывались ли при подсчете дымов избы, где дым выходил через так называемые «дымные окна». По сути, такие помещения топились по-черному, однако про такие избы источники подробных сведений не приводят. В 70-х годах XVII в. дымные окна существовали. В документе, описывающем кражу, говорится: «...А вошли они в избу трубою, дымным окном». Даже если печную трубу «по старинке» называли дымным окном, значит, подобный метод избавляться от дыма существовал. Остается полагать, что к началу XVIII в. в городской среде подобных жилых помещений почти не оставалось.

Трудно сказать, были ли в каждой избе кирпичные трубы. Все же такое могли себе позволить только обеспеченные горожане. Между тем кирпичники в Томске были, причем весьма востребованные, изготовлявшие кирпичи разных сортов и размеров. Из источника XVII в., датированного 1689 г., можно узнать, что «...куплено у присыльного человека, у Терешки Филатова, обжиганных кирпичей меньшей руки — тысяча, да большой руки — пятьсот». За эти кирпичи он получил из казны 3 рубля. У другого кирпичника Сеньки Шадры приобретено 1500 готовых кирпичей за 3 алтына 2 деньги. За эти деньги была сделана печь и выводная труба [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1252. Л. 127, 129об.]. Правда, дорогостоящие работы производились на воеводском дворе. Обычные горожане затрачивались скромнее, и у них трубы делались из глинобитных материалов.

Печь была важнейшей и необходимой принадлежностью жилого помещения, особенно в условиях сибирского климата. Печь обогревала и кормила всех домочадцев. Печь составляла адекватную необходимость нормального существования, а количество отапливаемых помещений было мерилем достатка двороозяина, символизирующим его обеспеченность. Нет особой надобности узнавать статус и материальное положение, например, Дмитрия Бурнашева, в усадьбе которого имелось 3 «дыма». Таким образом, печная труба являлась знаком благополучия семьи. Выясняется, что Дмитрий Бурнашев был томским пятидесятником. С 3-х «дымов» платили налог 2 алтына, с 2-х — алтын и 2 деньги, большинство же жителей платили по 4 деньги с единственной печи.

Всего в Томске в этот период насчитывалось 904 двора с отапливаемыми помещениями, подавляющее большинство имело в своих дворах лишь одну теплую избу, по 2 теплых избы было у 187 двороозяев. Три теплые избы могли себе позволить очень немногие горожане. К таковым относились московского списка дворянин О. Качанов, пятидесятник Д. Бурнашов, сын боярский К. Гречанин, подьячий П. Митрофанов, казачий сын Б. Селеников, пятиде-

сятник С. Ломов, котельник с братьями Л. Ксенофонтов, пятидесятник А. Баташков, казачий сын из старожильского разветвленного клана П. Брагин, конный казак П. Степнов, таможенный подьячий И. Молоков, подьячий Г. Лаврентьев, конный казак Г. Балахин, сотник П. Березкин, казачий сын из старожильского клана Б. Чускаев, сын боярский Б. Серединин, казачий сын Л. Селеверстов, подьячий В. Поломошнов и сын боярский А. Круглицкий. Особо стоит отметить подьячего А. Колесникова, у которого в усадьбе было 4 отапливаемых помещений.

При рассмотрении приведенного списка жителей Томска напрашивается вывод, что по количеству печных труб можно составить характеристику о статусе и уровне жизни горожанина. Большое количество теплых изб во дворах также предполагает наличие больших неразделенных семей, а также братских семей, что подтверждает пример томского котельника Ксенофонтова, с которым в одном дворе проживали братья. Следует заметить, что котельничный промысел в Томске успешно развивался и был достаточно престижен, о чем свидетельствует факт поступления в ученики к котельнику неверстанного сына боярского.

В самом первом районе Томска, описываемым фискальным источником о количестве «дымов» в городе и названным «Томским городом на посаде», 27% жителей имели в своих усадьбах по 2 и более теплых избы. Здесь проживало много жителей известных старожильческих фамилий.

Следующий малочисленный район города, выделенный источником, — «за озером в посаде» — был населен самыми различными в социальном отношении горожанами, от гулящего человека до пятидесятника. Соответственно, из 29 дворовладений только 4 двора имели по 2 «дыма»

Луговой посад являлся самым густонаселенным местом города, где проживало 208 семей. На каждый восьмой двор этой части города приходилось по 2 либо 3 теплых помещения с выносными дымоходами. Эта часть Томска представляла собой один из центров формирования старожильского населения.

В месте, именуемом источником «От Воскресенского большого ввозу под горой в посаде», размещалось 45 дворов, 36% из которых имели по 2 и более отапливаемых помещений. Пятая часть населения этого района города являлась родственниками.

Вдоль р. Томи располагался Береговой посад с 73 дворами. Четвертая часть усадеб здесь располагала двумя и более «дымами». По составу населения в этом месте большинство дворов принадлежало старожилам Томска.

Густонаселенная часть Томска, обозначенная в источнике как «от Жирова колодези в посаде», располагалась вдали от реки, вероятно, поэтому колодец в этом месте играл значительную роль. Здесь 40% жителей имели по 2 и более отапливаемых «по белому» избы. Можно прийти к выводу, что именно в этом месте города сосредотачивалось наиболее зажиточные семейства томичей, многие из которых были связаны с торговлей и промыслами. В социальном плане этот район города был неоднозначен.

Третья часть жителей «бареговых улиц подле юрт» имела по 2 и более «дымов», и всего же здесь отмечено 32 двора. Население этой части города

было чрезвычайно пестрым в социальном плане, это место можно определить как «новостройку», где слабо прослеживаются родственные связи. Здесь поселилось довольно много «новокрещенов», ведь в близости располагались юрты.

Старожильский район, где селилось много родственников, располагался «в крайних улицах по реке Ушайке». По-видимому, это место было удобным для проживания, так как именно здесь ставили свои дворы известные в городе старожилы. Треть населения этого района располагало двумя и более теплыми избами.

На самом устье р. Ушайке стояло 12 дворов лишь с одним теплым помещением. По своей социальной принадлежности жители этого места обитания никак не отмечены. Не селились на устье Ушайки ни старожилы, ни зажиточные хозяева. По-видимому, это место принадлежало к поздней застройке и было малопривлекательным для горожан.

«В городе за гостиним двором» располагалось 42 усадьбы томичей, социальный статус которых источником не обозначен (74%). Только 2 дворохозяина этого района имели 2 «дыма». Эта часть города не была престижной, именно здесь стояли дворы гулящих людей, томского «запличного мастера», то есть палача, а также некоторых «калмаков». Фамильный состав дает основания предполагать, что здесь преобладали недавно поселившиеся в Томске жители.

Наиболее значительной по количеству жителей являлась территория за рекой Ушайкой, именуемая источником «Благовещенской береговой улицей», входившей в состав Благовещенского прихода. На этой территории обосновались 162 двора, таким образом, этот район города был вторым по густоте населения вслед за Луговым посадом. Населяли Благовещенский приход разнообразные по своей социальной принадлежности горожане, 21% из которых имели по 2 и более отапливаемые избы. Наряду с представителями служилых старожил в этой части города обождалось много посадских людей — до 17% всего состава жителей этого места. Кроме официально зачисленных в томский посад «тяглецов», в этой части города стояли дворы значимых для промышленного развития Томска ремесленников: мыльника, присыльного кирпичника, — возможно, именно он ладил трубы для обеспеченных горожан, — шерстобоя, плотника, пушкаря и иконника. Однако ремесленным центром эту часть города назвать трудно, здесь обитали служилые люди и вновь «присыльные». Соседствовали дворы известных в городе сынов боярских и подьячих. Район рос и укреплялся не только за счет постройки дворов потомственных томичей, но и таких факторов как ссылка и добровольное переселение [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1435. Л. 374–417об.].

Таким образом, источник фискального назначения является своеобразным знаковым путеводителем по Томску самого начала XVIII в. Разумеется, это возможно лишь в сопоставлении его с другими материалами по истории города. В данном случае наличие дымоходов, «дымов» можно воспринимать как некий знаковый текст, который предстоит раскрыть исследователю. Отношение к знаку и знаковости составляет одну из типологических характеристик культуры. Динамика семиотических компонентов культуры находится в связи с динамизмом социальной жизни человеческого сообщества, изменений

образа жизни [Лотман, 2010, с. 491, 498].

Подымная книга 1705 г. дает представление о том, что уже в самом начале XVIII в. происходила перестройка сословной структуры населения Томска. Город, вступая в новый век, переживал переломный момент в своей социальной истории. Это подтверждается многими знаковыми характеристиками, к которым относятся и обустроенные теплые избы, их количество и распределение по территории города. В этом процессе задействованы социально-экономические и социально-политические факторы. В XVIII в. старая сословная структура трансформировалась: в старых, сложившихся частях города сословия смешивались, а в районах сравнительно поздней застройки можно заметить следы формирования нового типа горожан, к которым в последствии относились цеховые, мещане и купцы. Таким образом, сословия, не успев сформироваться на прочной основе, начали разлагаться под действием зарождающихся капиталистических предпосылок. Каждые отдельно взятые факторы становились знаками, демонстрирующими новое положение вещей в структуре, по крайней мере, развитых городов Сибири. К таким позитивным явлениям справедливо можно отнести отказ горожан от «черных», курных изб.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПБ, 2010. — 704 с.
2. Люцидарская А.А. Социальная микротопография г. Томска в начале XVIII в. (Опыт исследования источника) // Сибирские города XVII — начала XX в. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 63–78.
3. Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. — М.: Наука, 1988. — 309 с.

References

1. Lotman Yu.M. Semiosfera. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2010, 704 p. (in Russ.).
2. Lyutsidarskaya A.A. Sotsial'naya mikrotopografiya g. Tomska v nachale XVIII v. (Opyt issledovaniya istochnika). In *Sibirskie goroda XVII — nachala XX v.* Novosibirsk, 1981, pp. 63–78. (in Russ.).
3. Rabinovich M.G. Ocherki material'noi kul'tury russkogo feodal'nogo goroda. Moscow: Nauka, 1988, 309 p. (in Russ.).

Список источников

1. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2700.
2. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1435.
3. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1252.

Список сокращений

- Д. — дело.
Кн. — книга.
Л. — лист.
Оп. — описание.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
Ф. — фонд.

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10056
УДК 39+303.064+004

А.Ю. Майничева
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
annmaini@gmail.com

Методика фиксации, документирования и информационного моделирования объектов материальной культуры: принципы и подходы

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18-09-00469 «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры»

Аннотация

Данная статья посвящена обсуждению принципов и подходов к разработке новых методик этнографического исследования материальной культуры, в которых привлекаются информационные технологии. Выработана гипотеза исследования, согласно которой система критериев должна основываться на положении о применимости в этнографии ряда цифровых методов, уже успешно применяемых в смежных науках, которые занимаются проблемами материальной культуры. Сделан вывод о том, что методология исследований в гуманитарной сфере развивается в направлении обработки и систематизации полученных в процессе исследования сведений с помощью информационных технологий. Новым подходом является применение комплекса современных технологий и методик исследования для сбора и хранения данных, дальнейшей музеефикации и графической реконструкции объектов. Разработанные авторские методики для полевой и исторической этнографии используют новые цифровые методы, которые вполне применимы к этнографическому исследованию объектов материальной культуры, что может вывести этнографическую науку на новый уровень.

Ключевые слова: материальная культура, этнография, информационные технологии, окулография, голография, стереофотограмметрия, лазерное сканирование, геоинформационные исследования, BIM

A.Yu. Mainicheva
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
annmaini@gmail.com

Methods of fixing, documenting and information modeling of objects of material culture: principles and approaches

Abstract

This article deals with the discussion of the principles and approaches to the development of new methods of ethnographic research of material culture, where information technologies are involved. The hypothesis of the study was developed. According to this hypothesis the system of criteria should be based on the position of the applicability in ethnography of a number of digital methods. These methods were already successfully used in related sciences that also deal with the problems of material culture. It was concluded that the methodology of research in the humanitarian sphere is developing in the direction of processing and systematization of information obtained using information technologies. A new approach is the use of modern technologies and research methods for data collection and storage. These methods are also used for museumification and graphic reconstruction of objects. The developed authorial techniques for field and historical ethnography use new digital methods that are fully applicable to the ethnographic study of objects of material culture, which can take ethnographic science to a new level.

Keywords: material culture, ethnography, information technologies, eye tracking, holography, stereophotogrammetry, laser scanning, geoinformation studies, BIM

В этнографических исследованиях разработка методики фиксации, документирования и информационного моделирования объектов материальной культуры является серьезной задачей. Кроме традиционных подходов и методов, практика современности предлагает новые, рожденные развитием техники и технологий. Данная статья посвящена

обсуждению принципов и подходов к разработке новых методик этнографического исследования материальной культуры, в которых привлекаются информационные технологии.

Одним из существенных принципов разработки методики является ее применимость в исследованиях, поэтому необходимо выявить критерии оценки

итогах и перспектив использования ИТ в этнографии. Выработана гипотеза исследования, согласно которой система критериев должна основываться на положении о применимости в этнографии ряда цифровых методов, уже успешно применяемых в смежных науках, которые занимаются проблемами материальной культуры. Критериями выступают возможность адаптации методов к задачам этнографических исследований и практического их применения, доступность программного обеспечения, более высокая результативность и эффективность применения ИТ по сравнению с существующим положением.

Проведенный историографический обзор отечественной и зарубежной научной литературы для выявления сферы использования ИТ в этнографии и смежных науках показал [Березиков, 2018; Груздева, Орлова, 2018; Понедельченко, 2018], что области применения методов окулографии, голографии, стереофотограмметрии, лазерного сканирования, геоинформационного исследования этнографических объектов, BIM охватывают исследование объектов материальной культуры, аналогичных объектной области этнографии. ИТ технологии могут выступать инструментом сбора этнографических данных, обработки и презентации этнографических коллекций, формирования электронных карт и баз данных этнографических объектов, создания информационных систем.

Окулографические технологии могут быть применены к этнографическим и историко-архитектурным исследованиям. Благодаря им исследователям становятся доступны новые массивы данных. На их основе можно решать широкий спектр проблем, включая антропологию архитектуры, когнитивную нейropsychологию творчества архитекторов, механизмы восприятия графической и текстовой информации на плоскости и в пространстве. Отчетливо прослеживается прикладной характер окулографических исследований, что проявляется в ориентации на повышение эффективности восприятия реконструкций, моделей и иных видов представления информации. Сопровождая свои исследования результатами окулографических измерений, архитекторы и этнографы будут добиваться более наглядных иллюстраций и понимать механизмы, и характерные черты визуального восприятия объектов.

Технология голографического отображения успешно используется для фиксации и презентации объектов. Голографический метод требует специального оборудования и недешев, что окупается точным трехмерным воспроизведением предметов, живых существ, зданий и сооружений. В полевой этнографии голографии понадобились бы для исследования объектов материальной культуры, фиксации утвари, украшений, одежды, мебели, транспортных средств, зданий, сооружений. Применение метода увеличило бы, по сравнению с фотографией, наглядность изображений, что важно для дальнейших исследований, дало бы возможность сразу передавать предметы на музейное хранение и в экспозиции. В исторической этнографии голограммы будут полезны в поиске аналогов для воссоздания элементов материальной культуры (предметов, построек и пр.).

В последнее время все большее применение получают методы трехмерной фиксации, выполняемой путем сканирования объекта лазерным или

оптическим сканером, видеосъемкой или фотограмметрией. Применение видеосъемки позволяет формировать базы данных и архивы. Видеосъемка может применяться для полевых исследований, при формировании отчетного материала по результатам исследований, в ГИС системах; материалы аэровидеосъемки (с БПЛА) возможно использовать для фотограмметрии. Этот метод удобен для получения трехмерного изображения экстерьера зданий и сооружений, интерьеров, рельефов, монументов, круглой скульптуры и других объемных предметов. Графическая реконструкция материальной культуры позволяет на основе графических, текстовых, фотографических и цифровых данных с помощью технологии BIM и программного обеспечения (AutoCAD, Revit и др.) визуализировать объемную или пространственную модель существующего или ранее существовавшего объекта.

Еще одной технологией исследования материальных объектов являются геоинформационная система, в традиционном понимании этого термина, это информационная система, обеспечивающая сбор, хранение, обработку, доступ, отображение и распространение пространственно-координированных данных. Однако анализ современных требований к этим системам как исследовательскому инструментарию в исторической науке, антропологии и этнографии показывает все более возрастающую потребность в возможности использовать ГИС не только как среду визуализации и традиционного моделирования историко-географических процессов, но и как платформу для интеграции разноплановой (гетерогенной) информации в интересах изучения указанных процессов. На основе геоинформационного картографирования и ГИС технологий были, например, созданы карты расселения мордвы в Сибири. Геоинформационные системы включают несколько различных технологий, позволяющих проследить и уточнить координаты, положение, протяженность и другие параметры крупномасштабных объектов, динамику различных исторических процессов, на основе визуализации текстовых описаний идентифицировать и уточнить различные исторические факты и др. Методика разработки баз данных включает в себя не только сам хранящийся материал, складывающийся путем накопления разнородных данных в единой базе, но и методики систематизации знаний, цифровой обработки имеющихся материалов, создания видеоконтента, цифровых моделей, применения новых математических методов обработки и визуализации.

Технология BIM позволяет не только собирать, структурировать и хранить в единой среде информацию об объекте, но и предоставляет всё расширяющийся инструментарий для работы с ней, что имеет принципиальное значение для исследования исторических объектов, как существующих, так и утраченных [см. Майничева, Талапов, Куликова, 2018; Майничева, Талапов, Куликова, 2018a; Талапов, 2018]. Благодаря BIM можно технологически переносить накопленные знания из прежних эпох в современную практику возведения зданий и сооружений, сокращая путь внедрения (или возвращения) рациональных конструкций и элементов в строительные технологии сегодняшнего дня. Технология информационного моделирования зданий BIM как в своем существующем, так и в перспективном виде

применительно к исследуемым различными разделами этнографии зданиям и сооружениям открывает новые возможности, которые заключаются в точной фиксации параметров построек, структурировании, обработке и проверке на непротиворечивость первичной информации; в возможности проведения мониторинга этнографически значимых зданий и сооружений, что позволяет проследить трансформации построек в зависимости от действия различных факторов; в рамках тематики исторической этнографии можно воссоздавать геометрию и конструктивные особенности сооружений и проводить верификацию сделанных реконструкций. Для развития теории этнографии и практического использования результатов исследований существенно то, что технология BIM позволяет хранить в единой среде информацию об объекте и предоставляет инструментарий для работы с ней, что открывает возможности для широкомасштабных сравнительных сопоставлений как диахронных, так и синхронных процессов, и находить полезные для современности конструктивные и строительные приемы.

В результате компьютерной обработки данных облегчается возможность сравнения различных вариантов строительной культуры определенной этнической группы в синхронном или диахронном аспекте, а также сопоставления явлений и феноменов строительной культуры различных этнических групп, что позволяет установить степень их распространенности, их маркирующие свойства, общность, особенность или единичность, а также их трансформацию.

В ходе исследований было установлено, что в различных разделах этнографии требуется различные методики, так, например, существенные различия наблюдаются в исторической и полевой этнографии, что связано со спецификой объекта и предмета исследования и источниковой базой. Были разработаны методики для обоих направлений. Методология фиксации, документирования и информационного моделирования объектов материальной культуры включает в себя как традиционные этнографические методы и приемы (наблюдение, опрос, графическая и фотофиксация, текстовое описание), так и приемы информационных технологий (метод объемного лазерного сканирования объектов материальной культуры, метод стереофотограмметрии с использованием наземных фотографических съемок и съемок с БПЛА, BIM-моделирование памятников архитектуры, метод прототипирования и макетирования объектов в материале, метод георадиолокации).

Историческая этнография решает проблему изучения прошлого путем реконструкций процессов развития культуры и общественного сознания этнических групп любого уровня таксонометрии, а также воссоздания этапов становления общества и характерных для него мировоззренческих установок, традиций, обрядов, верований, быта, элементов материальной культуры. Существенной частью материальной культуры являются здания и сооружения как «вторая природа», создающая своеобразную среду обитания, которая определена чертами жизни людей и определяет их, поэтому одной из задач исторической этнографии является воссоздание облика построек, их конструкций и технологий возведения. Все работы можно разделить на три этапа — под-

готовительный, основной и заключительный. Подготовительный этап включает формирование источниковой базы, выявление исторического фона, определение типологических, конструктивных, функциональных, градостроительных особенностей зданий и сооружений, поиск аналогов, определение системы измерений и пропорционального строя, выбор компьютерных программ, обоснование всех положений. Основной этап — моделирование построек с помощью средств информационных технологий, перебор вариантов реконструкции, ее верификация, получение чертежей и рисунков, наглядно характеризующих постройку, включая размеры и детали конструкций, 3D-моделирование. Заключительный этап — составление текстового сопровождения, формулировка основных выводов по облику и конструктивным особенностям воссоздаваемых зданий и сооружений [Майничева, Степанцов, 2018].

Для полевой этнографии важна точность и простота фиксации, документирования, а также воспроизведения и хранения данных по характерным чертам объектов. Этапами работы являются характеристика объектов фиксации, характеристика оборудования, рекогносцировка на местности, полевые работы, камеральные работы (обработка данных на компьютере). На этапе камеральной обработки данных стереофотограмметрии весь массив полученных фотографий импортируется в программный комплекс. 3D-поверхность экспортируется в любой из 3D-редакторов, в котором и обрабатывается полученное облако точек (она может обрабатываться и в виде точек, и в виде полигональной модели). Можно создавать 3D-модель, либо снимать с нее ортогональные чертежи, планы, разрезы. Из облака точек, полученного методом наземного объемного лазерного сканирования и стереофотограмметрии, создается полигональная поверхность, обмерные чертежи, 3D-модели. Можно сразу эту поверхность передать на 3D-принтер, сделав макет, 3D-модель в материале.

Развитие методов фиксации и долговременно-го сохранения сведений об объектах материальной культуры представляет собой постепенное поступательное движение по пути увеличения точности и детальности. Методология исследований в гуманитарной сфере развивается в направлении обработки и систематизации полученных в процессе исследования сведений с помощью цифровых технологий, например трехмерное моделирование, применение геоинформационных систем, создание баз данных. Новым подходом является применение комплекса современных технологий и методик исследования для сбора и хранения данных, дальнейшей музеефикации и графической реконструкции объектов. Разработанные авторские методики для полевой и исторической этнографии руководствуются принципом их адекватности для этнографических исследований, используют новые цифровые методы, которые вполне применимы к этнографическому исследованию объектов материальной культуры, что может вывести этнографическую науку на новый уровень.

Список литературы

1. Березиков Н.А. Зарубежные окулографические исследования и возможность их использования в

работах по изучению материальной культуры // Баландинские чтения: сборник научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГУАДИ, 2018. — Т. XIII. — С. 17–22.

2. Груздева Е.А., Орлова Е.Ю. Применение цифровых технологий в изучении материальных объектов // Баландинские чтения: сборник научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГУАДИ, 2018. — Т. XIII. — С. 36–42.

3. Майничева А.Ю., Степанцов И.С. Методика воссоздания зданий и сооружений по материалам исторической этнографии с применением информационных технологий (на примере Саянского острога) // Баландинские чтения: сборник научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГУАДИ, 2018. — Т. XIII. — С. 63–66.

4. Майничева А.Ю., Талапов В.В., Куликова С.О. Возможности применения BIM в этнографическом исследовании зданий и сооружений // Баландинские чтения: сборник научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГУАДИ, 2018. — Т. XIII. — С. 67–70.

5. Майничева А.Ю., Талапов В.В., Куликова С.О. Новый подход к сохранению памятников русского деревянного зодчества: применение технологии BIM // Уральский исторический вестник. — 2018а. — №1 (58). — С. 135–140.

6. Понедельченко Л.О. Использование метода голографии в этнографических исследованиях // Баландинские чтения: сборник научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГУАДИ, 2018. — Т. XIII. — С. 75–78.

7. Талапов В.В. О составе информационной модели памятника архитектуры и его применимости для этнографических исследований зданий и сооружений // Баландинские чтения: сборник научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГУАДИ, 2018. — Т. XIII. — С. 95–96.

References

1. Berezikov N.A. Zarubezhnye okulograficheskie issledovaniya i vozmozhnost' ih ispol'zovaniya v rabotah

po izucheniyu material'noj kul'tury. In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2018, Vol. XIII, pp. 17–22. (in Russ.).

2. Gruzdeva E.A., Orlova E.YU. Primenenie cifrovyyh tekhnologij v izuchenii material'nyh ob'ektov. In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2018, Vol. XIII, pp. 36–42. (in Russ.).

3. Majnicheva A.YU., Stepancov I.S. Metodika vossozdaniya zdaniy i sooruzhenij po materialam istoricheskoy ehtnografii s primeneniem informacionnyh tekhnologij (na primere Sayanskogo ostroga). In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2018, Vol. XIII, Pp. 63–66. (in Russ.).

4. Majnicheva A.YU., Talapov V.V., Kulikova S.O. Vozmozhnosti primeneniya BIM v ehtnograficheskom issledovanii zdaniy i sooruzhenij. In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2018, Vol. XIII, pp. 67–70. (in Russ.).

5. Majnicheva A.YU., Talapov V.V., Kulikova S.O. Novyj podhod k sohraneniyu pamyatnikov russkogo derevyannogo zodchestva: primeneniye tekhnologii BIM. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 2018, No. 1 (58). pp. 135–140. (in Russ.).

6. Ponedel'chenko L.O. Ispol'zovanie metoda golografii v ehtnograficheskikh issledovaniyah. In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2018, Vol. XIII, pp. 75–78. (in Russ.).

7. Talapov V.V. O sostave informacionnoj modeli pamyatnika arhitektury i ego primenimosti dlya ehtnograficheskikh issledovaniy zdaniy i sooruzhenij. In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2018, Vol. XIII, pp. 95–96. (in Russ.).

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10057
УДК 392.9+26

А.Ю. Майничева
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
annmaini@gmail.com

**Актуализация и стратегии сохранения православной символики:
чтимые иконы и святыни в поселениях Омской епархии. Начало XX века**

Аннотация

Статья посвящена исследованию вопросов актуализации знаков и символов и стратегий сохранения их значимости в культуре русских на примере поселений Омской епархии начала XX в., что позволяет пролить свет на общие закономерности развития символов и знаков. Более всего получил распространение культ Абалацкой Божией Матери, что связано с постоянной актуализацией ее почитания, вызванной жизненными историями, ревностным служением священнослужителей, денежными вкладами прихожан, распространением списков с нее и сведений о ней среди жителей епархии. Несколько меньше были распространены культы Казанской Божьей Матери и св. прав. Симеона Верхотурского Чудотворца, св. вмуч. Пантелеймона, св. вмуч. Параскевы. Среди стратегий сохранения бытования культов и святынь можно назвать регулярное отправление богослужений не только в соответствующие дни празднований, но и в воскресные дни, когда прихожане традиционно посещали церковь, устройство крестных ходов и съезжих праздников, принесение икон, поддерживавших историческую память, в дар церкви, а также распространение литературы религиозного содержания.

Ключевые слова: знаки, символы, православие, актуализация символов, стратегии сохранения символов и знаков, чтимая икона, святыня, Омская епархия

A.Yu. Mainicheva
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
annmaini@gmail.com

**Maintaining and strategies for the preservation of Orthodox symbolism:
revered icons and shrines in the settlements of the Omsk Diocese. The early 20th century**

Abstract

The article deals with the issues of updating signs, symbols and strategies for maintaining their significance in Russian culture on the example of settlements of the Omsk Diocese in the early 20th century. The cult of the Mother of God of Abalatsk was most widely spread. It is due to the constant maintaining of her veneration caused by life stories, information about her among the inhabitants of the Diocese, the clergymen devotion, the monetary contributions of parishioners and copies of the icons. Cults of the Kazan Mother of God and St. Orthodox Simeon the Wonderworker of Verkhoturys, Holy Martyr Panteleimon, Holy Martyr Paraskevi were less spread. Among the strategies to preserve the existence of cults and shrines, we can name regular worship services not only on the corresponding days of the celebration, but also on Sundays. On these days parishioners traditionally attended church, brought the icons that supported historical memory as a gift to the church, and distributed religious literature.

Keywords: signs, symbols, orthodoxy, maintaining of symbols, strategies for preserving symbols and signs, revered icon, shrine, Omsk Diocese

Знаково-символьные ряды православия включают в себя такие насыщенные религиозным смыслом атрибуты культа как чтимые иконы и святыни. Исследование вопросов их актуализации и стратегий сохранения значимости в культуре русских позволяет пролить свет на закономерности развития символов и знаков в культуре этносов [Майничева, 2018а; 2018б]. В статье эта проблематика рассматривается на примере поселений Омской епархии начала XX в., что обусловлено как наличием релевантных ис-

точников — Справочной книги Омской епархии (далее — СКОЕ), подготовленных в этот период [СКОЕ, 1914], так и особенностями исследовательского полигона — для анализа были выбраны г. Омск и поселения нескольких уездов Акмолинской области, где, согласно статистике [СКОЕ, 1914, с. 1–326] проживало русское население, составленное из казаков, старожилов и переселенцев из губерний европейской части России. К чтимым иконам отнесены чудотворные иконы, с которыми связаны чудеса исцеления,

спасения или победы в сложных обстоятельствах, особо чтимые иконы, выделяемые по каким-либо причинам, и местно-чтимые иконы, оба вида которых располагавшихся в храмах вне иконостасов, а также иконы, размещавшиеся в посвященных им часовнях, молельных домах и приписных церквях. Особое внимание уделено иконам, к чествованию которых приурочивали съезжие праздники и крестные ходы. Даты даны по старому стилю.

Из 236 поселений, включающих гг. Омск, Петропавловск, Акмола, Кокчетав, Атбасар, станции, села, станицы и деревни, а также Михаило-Архангельский женский общежитский монастырь, в 66 отмечены чтимые иконы и святыни, находившиеся в храмах, часовнях и молитвенных домах, (почти 28%).

В рассмотренных поселениях Омской епархии было несколько чудотворных икон, пять из находились в храмах г. Омска. В Николаевской войсковой казачьей церкви, построенной в 1835 г. на средства Сибирского казачьего войска и стараниями войсковых командиров, находился список с чудотворной иконы Козельщанской Божьей Матери, перед которой служили акафист каждое воскресенье [СКОЕ, 1914, с. 19]. В трехпрестольной Пророко-Ильинской церкви, построенной в 1789 г. генерал-поручиком Н.Г. Огаревым и силами военнослужащих, размещалась копия с иконы Абалацкой Божьей Матери, по размеру равная подлинной чудотворной Абалацкой иконе. По верованию каждая копия иконы приобретает все благе свойства оригинала и по воздействию равна ей. Копия была написана на полотне и наклеена на липовую доску, ее высота 1 арш. и 3 вершка, ширина — 1 арш. и 3 вершка. Икона вся покрыта серебряной с позолотой ризой, украшенной камнями и стразами, весом в 10 фунтов. Ее рама сделана из орехового дерева, резной киот позолочен. Копия была написана в Тобольске в 1880-х гг. по приказу отставного оружейника И.В. Терновского, ослепшего в результате трагической случайности, от разрыва ружья, которое он испытывал. Но благодаря молитвам перед иконой Абалацкой Божьей Матери чудесным образом вновь обрел зрение. В конце жизни он пожертвовал икону церкви. Известной она стала благодаря священнику Владимиру Сперанскому, который в каждый воскресный день служил перед ней акафист. Известно, что священник особо ее почитал, так как ранее служил в Тобольске, а также в Абалацком монастыре пред самой святыней [СКОЕ, 1914, с. 21–22]. На усердие священнослужителя обратили внимание прихожане, история об исцелении широко распространилась. Многие горожане стали приходить к иконе, брали ее к себе домой, совершая молебствия. Молебны начали совершать даже те, кто ранее не ходил в церковь. Известности чудотворной иконы способствовал купец Г.Л. Баранов, который заказал в Москве для нее раму и киот, оплатил пересылку, затратив собственные средства в 1000 руб. [СКОЕ, 1914, с. 22]. В дальнейшем примере Ильинского прихода в почитании иконы Абалацкой Божьей Матери последовали еще три омских прихода, которые сделали с иконы списки, украшенные золочеными серебряными ризами. Лучшее всего был украшен список, находившийся в Крестовоздвиженской церкви, его золоченая с камнями риза стоила 600 руб. На ризу жертвовали разные люди, около 300 руб. дал староста церкви А.А. Вараксин. Был сделан список и

для Тюкалинской церкви, а также по заказу жившего в г. Верный купца В.П. Кузнецова, несколько копий для церквей Туркестанской епархии, граничащей с Сибирью [СКОЕ, 1914, с. 23]. К наиболее чтимым иконам Пророко-Ильинской церкви можно отнести иконы в честь вмуч. Параскевы и целителя Пантелеймона [СКОЕ, 1914, с. 21].

Списки с иконы Абалацкой Божьей Матери были в двухпрестольной Рождественской церкви станицы Николаевской 2 отдела Сибирского казачьего войска Омского у. Акмолинской обл. [СКОЕ, 1914, с. 40], там же находилась местно-чтимая полковая икона Чудотворца Николая, в однопрестольной церкви во имя св. пророка Или станицы Лебяжинской Петропавловского у. Акмолинской обл., построенной в 1826 г. усердием прихожан. К особо чтимым иконам отнесена икона св. вмуч. Пантелеймона [СКОЕ, 1914, с. 104], в станице Коноховской Петропавловского у. Акмолинской обл., также находились особо чтимые иконы св. прав. Симеона Верхотурского чудотворца, св. вмуч. Екатерины [СКОЕ, 1914, с. 106]. В станице Архангельской Петропавловского у. Акмолинской обл. размещалась однопрестольная в честь Архистратига Михаила, построенная в 1859 г. усердием прихожан. Там также была копия иконы Абалацкой Божьей Матери в серебряной ризе — дар прихожан. Церковь была сооружена в память посещения поселка 18 июля 1891 г. императором Николаем II, в бытность его цесаревичем. В этот день ежегодно отправлялось торжественное богослужение перед чудотворной иконой, прихожане не работали [СКОЕ, 1914, с. 109]. В ст. Пресновской Петропавловского у. Акмолинской обл. 8 июля совершался крестный ход в память принесения копии иконы Абалацкой Божьей Матери [СКОЕ, 1914, с. 152].

Статус города не был обязательным критерием предпочтительного размещения чудотворных икон, они, как мы видели, могли находиться в более мелких поселениях, и далеко не в каждом из городов Омской епархии были такие атрибуты культа. Вместе с тем, только в церквях городов содержались исторические святыни, например, в Омской Николаевской войсковой казачьей церкви находилось знамя Ермака Тимофеевича, переданная из собора г. Березова Тобольской губ. [СКОЕ, 1914, с. 19]. В алтаре Николаевской церкви при Сибирском кадетском корпусе г. Омска, которая была устроена в 1848 г. частично на казенные средства, частично на пожертвования, хранился небольшой серебряный складень, по преданию принадлежавший А.В. Суворову [СКОЕ, 1914, с. 32].

Чтимые иконы могли передаваться церквям в дар в ознаменование какого-либо памятного события. Например, в станице Вознесенской Петропавловского у. Акмолинской обл. была построена на средства прихожан в 1833–1899 гг. двухпрестольная церковь (главный престол в честь Вознесения Господня, северный — в честь прав. Симеона Верхотурского чудотворца), в которой было две особо чтимые иконы: прав. Симеона Верхотурского и Казанской Божьей Матери, которая была пожертвована прихожанами-казаками в память похода в Манчжурию во время русско-японской войны 1904–1905 гг. [СКОЕ, 1914, с. 125]. Знаменательные святыни — дары царствовавших особ — можно найти в храмах станций железной дороги, что возможно, было связано с по-

тенциальной доступностью их для широкого круга путешествовавших. Так, в однопрестольной церкви в честь святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, построенной в 1897 г. на средства фонда им. Александра III и освященной в 1898 г., находившейся на станция Исиль-куль (Капитанское озеро) Сибирской железной дороги (Городищенской вол. Омского у.) содержались подаренные императором Николаем II потир, дискос и дарохранительница, которые были выполнены из металла венков, посвященных покойным императорам Александру II и Александру III [СКОЕ, 1914, с. 42]. В Мариинской железнодорожной церкви, построенной в 1899–1900 гг. на средства фонда им. Александра III, имелось три престола — средний во имя св. равноап. Марии Магдалины, правый — в честь Богоматери Всех скорбящих радости, левый — в честь Феодосия Углицкого. Дар императрицы Марии Федоровны — икона Марии Магдалины, написанная на камне, в золотой ризе и резном роскошном киоте [СКОЕ, 1914, с. 97].

Крестные ходы с чтимыми иконами могли проводить как в храмовые праздники и для превентивной защиты от возможных бед, так и в память избавления от пожаров и прочих несчастий. Памятные события в истории отмечались богослужениями, крестными ходами с чтимыми иконами. В однопрестольной Николаевской церкви пос. Боголюбовского Вознесенской станицы Петропавловского у. Акмолинской обл., построенной в 1885–1857 гг. и расширенной в 1898 г., была особо чтимая икона Боголюбской Божией Матери, празднование которой по указу Синода от 2 сентября 1891 г. совершалось 18 июня с крестным ходом в память спасения жизни Александра III и императорской семьи при крушении поезда на ст. Борки 17 октября 1888 г. [СКОЕ, 1914, с. 126]. Тому же событию посвящена приписная церковь на торговой площади уездного города Акмолинской обл. г. Атбасар, построенная в честь св. благ. князя Александра Невского в 1893 г. и освященная в 1894 г. [СКОЕ, 1914, с. 311]. В с. Макинском (Земляном) Макинской вол. Кокчетавского у. Акмолинской обл. кроме храмового праздника (1 октября — Покров Пресвятой Богородицы) в селе праздновался с особой торжественностью 29 июня, день св. ап. Петра и Павла, в воспоминание принесения в этот день в село иконы св. и чуд. Феодосия Углицкого [СКОЕ, 1914, с. 263]. Крестные ходы с иконой Божьей Матери Скоропослушницы по селу бывали в Духов день и следующие три дня после него в память об избавлении от пожара в 1904 г. Все дни служили молебны по домам прихожан [СКОЕ, 1914, с. 263].

На примере с. Викторовского Викторовской вол. Кокчетавского у. Акмолинской обл. можно рассмотреть устройство крестных ходов с чтимой иконой, описанное очень полно [СКОЕ, 1914, с. 268]. В 1887 г. в селе была построена однопрестольная церковь в честь иконы Казанской Божьей Матери [СКОЕ, 1914, с. 268] с местно-чтимой иконой Казанской Божьей Матери. Богослужение сопровождалось хором прихожан, организованным при участии учительницы и под управлением вольнонаемного псаломщика, которому платили сельчане. С 1893 г. в мае и июне устраивали крестные ходы с иконой, которые совершались по полям, а потом по домам во всех поселениях прихода: «с полей св. икона, несомая на плечах в киоте, шествует по домам. Вдоль улицы

ставятся столы, покрытые белыми скатертями, на каждом хлеб-соль и чаша с водой. Улицы выметены, везде постлана зеленая трава или разбросаны цветы. Каждый домохозяин просит служить молебен с водоосвящением и часто с акафистом. На все время крестных ходов работы прекращаются. Масса народа сопровождает шествие. Утром, в полдень и поздно вечером раздаются по селению торжественное общенародное пение: «Радуйся, Заступница Усердная» и «Аллилуйя». Некоторые просят читать три-четыре разных акафиста, а во всех трех селениях в этот ход бывает прочитано до 400 акафистов. Особенно отличается д. Лосева...» [СКОЕ, 1914, с. 270]. По окончании ходов в каждом поселении раздаются бесплатно листки и брошюры религиозного содержания издания «Кормчий» и других журналов [СКОЕ, 1914, с. 270]. Как следует из сведений справочника такая организация является в глазах составителя-священника образцовой и встречается редко. Для остальных поселений сведения более скудные, многие поселяне не проявляют большого усердия в религиозной жизни, но составные элементы действия все же стабильно сохраняются.

Согласно справочным данным, в рассмотренных поселениях Омской епархии церкви, молитвенные дома и часовни, где находились чтимые иконы и святыни, были возведены в течение XIX в., преимущественно в последней его четверти, редкое исключение — в последней трети XVIII в., для одной часовни указано без уточнения — «с давних пор». При подсчете были учтены данные по часовням, часовням-школам, молитвенным домам, приписным церквям и съезжим праздникам (если указаны данные «с (?)», это означает, что к дате съезжего праздника приурочено богослужение по поводу нескольких священных событий, определение велось по косвенным данным).

Из огромного количества значимых в православной символике образов чтимых икон в рассмотренных поселениях Омской епархии бытовало несколько десятков. Всего было 9 чудотворных икон (Абалацкой Божией Матери — 8, Козельщанской Божией Матери — 1), 73 чтимых икон (Казанской Божьей Матери — 7, св. прав. Симеона Верхотурского Чудотворца — 7, св. вмуч. Пантелеймона — 6, св. вмуч. Параскевы — 6, св. и чуд. Николая — 5, Рождества Пресвятой Богородицы — 4, Архистратига Михаила — 3, Покрова Пресвятой Богородицы — 3, св. благ. князя Александра Невского — 3, Вознесения Господня — 2, св. и чуд. Феодосия Углицкого — 2, Нерукотворного Образа Христа Спасителя — 2, св. Троицы — 2, Собор Архистратига Михаила и Сил небесных — 1, Божией Матери Неопалимая купина — 1, Боголюбской Божией Матери — 1, Божией Матери Скоропослушницы — 1, вмуч. Димитрия Солунского — 1, Преставление Иоанна Богослова (?) — 1, Иверской Божией Матери с частицей мощей св. вмуч. Пантелеймона — 1, Божией Матери Троеручицы — 1, Марии Магдалины — 1, Макария Желтоводского (?) — 1, Перенесение мощей св. и чуд. Николая — 1, Пророка Илии — 1, преп. Серафима Саровского — 1, св. вмуч. Екатерины — 1, прп. Ефросинии (?) — 1, Перенесение Образа Иисуса Христа (?) — 1, Успение Пресвятой Богородицы — 1, св. Феодосия Черниговского — 1, Сретения Господня — 1, муч. Трифона — 1, Сошествия Св. Духа, с частицами Животворящего креста Господня и мощей

св. ап. Андрея Первозванного, влкмуч. Варвары и св. Парфения еп. Лампсакийского — 1). В среднем на каждое поселение Акимовской обл. (232), приходилось меньше одной чтимой иконы, а там, где были отмечены чудотворные и чтимые иконы, — обычно по одной, реже по две или три. Наименования икон существенно расширяют список посвящений престолов церквей, хотя отмечены и частичные совпадения. Все девять чудотворных икон были Богородичные, из 73 чтимых икон 29 было Богородичных, что составляет почти 40% от общего числа.

Более всего получил распространение культ Абалацкой Божией Матери, что связано с постоянной актуализацией ее почитания, вызванной жизненными историями, ревностным служением священнослужителей, денежными вкладами прихожан, распространением списков с нее и сведений о ней среди жителей епархии. Немного меньше были распространены культы Казанской Божьей Матери и св. прав. Симеона Верхотурского Чудотворца (по 7 чтимых икон). Икон св. вмуч. Пантелеймона, св. вмуч. Параскевы было по 6, св. и чуд. Николая — 5, остальные по 4 и меньше. Треть наименований икон (22) встречается только по 1 разу. Кроме икон в храмах хранились святыни, имеющие историческое значение, связанное с освоением Сибири и именами выдающихся личностей российской истории — Ермаком, А.В. Суворовым, императорами Александром II и Александром III. Среди стратегий сохранения бытования культов и святынь можно назвать регулярное отправление богослужений не только в соответствующие дни празднований, но и в воскресные дни, когда прихожане традиционно посещали церковь, устройство крестных ходов и съезжих праздников,

принесение икон, поддерживавших историческую память, в дар церкви, а также распространение литературы религиозного содержания.

Список литературы

1. Майничева А.Ю. Архитектура Сибири: символическое освоение пространства русскими // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018а. — Т. XIII. — С. 462–465.
2. Майничева А.Ю. Православные святыни Енисейской епархии: актуализация и стратегии сохранения. Начало XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. — 2018б. — Т. 25. — №2. — С. 71–76.
3. Справочная книга Омской епархии. — Омск: тип. Иртыш, 1914. — 1250 с.

References

1. Mainicheva A.Yu. Arhitektura Sibiri: simbolicheskoe osvoenie prostranstva russkimi In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2018, Vol. XIII, pp. 462–465. (in Russ.)
2. Mainicheva A.Yu. Pravoslavnye svjatyni Enisejskoj eparhii: aktualizacija i strategii sohraneniya. nachalo XX v. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2018. Vol. 25, No. 2, pp. 71–76. (in Russ.)
3. Spravochnaja kniga Omskoj eparhii. Omsk: tip. Irtysh, 1914, 1250 p. (in Russ.)

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10058
УДК 908

А.А. Маринич
Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск)
marinichnastja@rambler.ru

Опыт создания музеев под открытым небом в Иркутской области

Аннотация

В статье на основе впервые публикуемых архивных материалов Иркутского областного отделения ВООПИК рассматривается начальный этап организации (во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг.) музея деревянного зодчества под открытым небом на 47-м км Байкальского тракта (современный Архитектурно-этнографический музей «Тальцы») и историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске» (современный Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов). Актуальность сохранения деревянного зодчества в данном регионе в те годы была связана с активной хозяйственной деятельностью (в частности, реализацией Ангаро-Енисейского проекта), ставящей под угрозу историческую застройку.

Ключевые слова: ВООПИК, деревянное зодчество, Тальцы, Иркутский музей декабристов, Г.Г. Оранская, «Ангарская деревня»

А.А. Marinich
Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk)
marinichnastja@rambler.ru

The creating experience of open-air museums in the Irkutsk region

Abstract

On the basis of archival materials of the Irkutsk regional department of All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments, published for the first time, the article deals with the initial stage of the organization (in the second half of the 1960s — early 1970s) of the open-air museum of wooden architecture on the 47th km of the Baikal tract (modern Taltsy Architectural and Ethnographic Museum) and the historical and memorial complex «Decembrists in Irkutsk» (modern Irkutsk Regional Historical and Memorial Museum of Decembrists). The significance of the preservation of wooden architecture in that time was associated with economical activity of the region (particularly, Angara-Yenisei Project), which could damaged historical buildings.

Keywords: All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments, wooden architecture, Taltsy, Irkutsk Museum of the Decembrists, G.G. Oranskaya, Angara Village

История музеев под открытым небом началась в 1891 г., в шведском парке «Скансен». А. Газелиусом был создан первый в мире музей под открытым небом, который демонстрировал жилые дома и хозяйственные постройки, перенесенные в музей из одного из шведских селений. Впоследствии музеи подобного типа возникают и других странах. К первой попытке создания подобного музея на территории России можно отнести экспонирование в 1923 г. на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Москве крестьянских построек 9-ти губерний европейской части страны с сохранением их внешнего вида, интерьеров и предметов хозяйственного и бытового обихода. Этот опыт получил продолжение в 1927 г. при создании музея под открытым небом в Коломенском под Москвой. Коломенский музей должен был показать произведения национального зодчества всех народов, которые населяли территорию страны. Главная цель этой демонстрации виделась в сохранении и популяризации памятников народной архитектуры [Ивановская, 1999, с. 47].

Многие музеи, имеющие этнографические экс-

позиции под открытым небом, начали строиться в послевоенное время, но методика строительства экспозиций подобного рода была разработана недостаточно. В 1950-е — 1960-е гг. началось целенаправленное формирование сети отечественных музеев под открытым небом. Известный музей «Кижы» создавался только как собрание уникальных архитектурных сооружений в целях их сохранения для будущих поколений (собрание отдельных построек, свезенных из разных мест). Музеи под открытым небом рассматривались в основном как форма сохранения памятников народного зодчества. Вначале таким же образом шла организация и других музеев, в том числе Иркутского музея деревянного зодчества, основанного в 1966 г. В этот период в Советском Союзе впервые была масштабно поднята проблема сохранения элементов традиционной народной культуры и в особенности уникального деревянного зодчества. В регионах стали предприниматься попытки создания музеев под открытым небом. Иркутская область оказалась в ряду немногих, где это удалось сделать. Вопрос сохранения

деревянного зодчества был связан в том числе с бурной хозяйственной деятельностью на территории Сибири и Иркутской области. С середины 1950-х гг. началось интенсивное использование сибирских рек (Ангары и т.д.). В 1956 г. была пущена в эксплуатацию Иркутская ГЭС, в марте 1959 г. – Новосибирская ГЭС, в 1961 г. – Братская ГЭС. Позже будут введены Красноярская, Усть-Илимская, Саяно-Шушенская ГЭС. Ввод ГЭС на Ангаре и Енисее привел к модернизационным и урбанизационным процессам. Одновременно в зонах освоения Ангаро-Енисейского бассейна уничтожалось деревянное зодчество XVII – XIX вв. Так, например, при создании Братского и Усть-Илимского водохранилищ в зону затопления попало 3160 домов, 310 населенных пунктов, из которых были переселены 88 тыс. человек. Поскольку в это время уже появилось осознание уникальности региональных особенностей развития Сибири в предыдущий период (XVIII в. – 1-я половина XX в.), а также возможность финансирования сохраняемых объектов, стали организовываться музеи под открытым небом.

Следующий этап в развитии отечественных музеев под открытым небом начался на рубеже 1960-х и 1970-х гг. Теперь работа шла на основе достижений этнографической науки и с учетом опыта еще немногих тогда архитектурно-этнографических музеев под открытым небом, которые выработали определенные принципы содержания и структурной организации музеев данного типа. В это время музеи под открытым небом открываются в Горьком (1968 г.), Архангельске (1973 г.), Улан-Удэ (1973 г.), Вологде (1979 г.). Вносить поправки в свои экспозиции стали и те музеи, которые изначально создавались как собрание памятников народной архитектуры, показывая теперь на их основе многоаспектные проявления народной культуры (музеи в Новгороде, Костроме, Иркутске) [Ивановская, 1999, с. 48].

Документы Иркутского отделения ВООПИК за 1968–1973 гг. (фонд Р-3238 в собрании ГАНИ ИО) позволяют проследить начальный отрезок сложного пути осуществления задуманного проекта.

Памятники деревянного зодчества в Иркутске, городах и селах Иркутской области представляли большую ценность. Многие из них гибли в результате ветхости или в зонах затопления строящихся гидроэлектростанций. Для спасения этих памятников, прежде всего, из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС, в 1960-е гг. решено было создать музей деревянного зодчества на 47-м километре Байкальского тракта, на трассе международного туризма. Во всех вопросах создания музея активно принимали участие местное и центральное отделения ВООПИК [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 20. Л. 22]. 9 января 1966 г. Иркутский облисполком принял решение о создании музея. Выбрать место для строительства было поручено московскому архитектору Галине Геннадьевне Оранской. Оранская выбрала Тальцинское урочище на слиянии Ангары и Тальцинки. Были проведены согласования с пожарной охраной, санэпидстанцией, лесничеством и другими структурами, перевезены башня Илимского острога и Казанская церковь из зоны предстоящего затопления Усть-Илимским водохранилищем, намечено и подготовлено к перевозке (вывезено на станцию железной дороги) порядка 20 домов, мельниц, хозяйственных построек

XVII–XVIII вв. Центральный совет ВООПИК выделил 40 тысяч рублей на работы по музею, из которых 10 тысяч было направлено на бурение противопожарных скважин, без которых не разрешали установку памятников; большая часть средств пошла на организацию вывоза памятников [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 20. Л. 23].

На 2-й отчетно-выборной конференции ИОО ВООПИК, прошедшей 26 октября 1970 г., начальник Иркутского областного управления культуры А.И. Козлов отметил, что на 47-м км Байкальского тракта была проведена большая работа, однако она ведется вслепую, т. к. до сих пор нет окончательного проекта музея. Необходимы и дополнительные ассигнования [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 20. Л. 1].

Подведение первых итогов активизировало работу государственных органов. В «комиссию по оценке состояния сооружения музея под открытым небом на 47-м км Байкальского тракта» в первой половине 1970-х гг. вошли А.Д. Фатьянов (директор Иркутского художественного музея, заместитель председателя областного совета ВООПИК), А.М. Георгиевский (ответственный секретарь областного совета ВООПИК), Т.П. Родионова (консультант областного совета ВООПИК), Г.Н. Куценко (научный сотрудник музея под открытым небом на Байкальском тракте). По мнению специалистов, работы шли медленно и непланомерно. Не велась заготовка деталей для замены утраченных и сгнивших элементов памятников (кровля, бревна и т. д.). Не была произведена санитарная очистка леса на территории музея, что затруднило решение планировки музея, т. к. совершенно невозможно проследить микрорельеф территории. Из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС было вывезено только три памятника, а остальные, находясь на месте, все время оставались под угрозой гибели от пожара или механического разрушения. На берегу Иркутского моря, в районе территории музея, предполагалось соорудить причал для пассажирского транспорта. Комиссия отметила, что отдельные организации добывали здесь песок, что привело к разрушению берега и нарушило естественную конфигурацию мыса. Так и не был решен вопрос о пожарном водопроводе.

По итогам своей работы Комиссия в 1970 г. постановила:

1. В течение летнего и осеннего сезона 1970 г. вывезти из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС намеченные для перевозки памятники архитектуры.
2. В течение июля 1970 г. произвести санитарную очистку леса на территории музея под открытым небом и прилегающего к нему района.
3. Ускорить заготовку лесоматериала для строительства музея.
4. Избрать наиболее приемлемый вариант водоснабжения для пожарного водопровода.
5. Включить в местную стоимость дополнительные расходы, связанные с оформлением пользования земельным участком.
6. Размещение Илимского острога (первая очередь строительства музея) начать на берегу Ангары.
7. Выполнить проект размещения памятников на территории и утвердить его в 1970 г. Проект необходимо сделать в двух вариантах — вверху, слева от тракта, и, как второй вариант, на берегу Ангары, направо от тракта.

8. Запретить вывозку песка с территории музея.

9. Управлению культуры усилить контроль за ведением работ по сооружению музея под открытым небом [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 22. Л. 20–21].

По окончании летнего периода, подводя итоги работы общества на заседании областного совета ВООПИК (20 сентября 1970 г.), ответственный секретарь А.М. Георгиевский рассказал об обследовании зоны затопления Усть-Илимской ГЭС, формировании этнографической коллекции. Работа была проделана при помощи и поддержке Института истории, философии, филологии СО АН СССР и лично академика А.П. Окладникова [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 22. Л. 26]. При организации вывоза памятников деревянного зодчества из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС для музея деревянного зодчества была проведена работа по сбору различной этнографической утвари, необходимой в качестве экспонатов для будущего музея. В связи с этим руководство отделения выступило с просьбой к Областному музею краеведения прикомандировать научного сотрудника к группе, занимающейся вывозом памятников. Командировочные расходы были отнесены на счет областного совета общества [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 28. Л. 10]. В сентябре-октябре 1971 г. секцией исторических памятников и Иркутским областным музеем краеведения совместно была проведена историко-этнографическая экспедиция по сбору экспонатов для будущего музея. В результате этой работы было собрано свыше ста уникальных экспонатов, отражающих быт русского населения Сибири XVIII–XIX вв. [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 33. Л. 8]

15 июня 1971 г. на совместном заседании коллегии управления культуры Иркутского облисполкома и Президиума Иркутского областного совета ВООПИК слушалось и обсуждалось сообщение Г.Г. Оранской — главного архитектора проекта от ВПНРК Министерства культуры СССР. По его результатам в новом сезоне было решено провести основные работы по благоустройству территории музея, антисептированию древесины и вывозке памятников из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС в необходимом объеме. Например, студенческому стройотряду были поручены санитарная очистка леса, выкорчевка пней, кустарников, устройство гравийной дороги, пожарного резервуара, планировка грунта, вертикальная планировка и т. д., в том числе перевозка памятников из зоны затопления [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 28. Л. 11–12].

Для дополнения и уточнения списка старинных сооружений по рекам Ангаре и Илим, на средства областного совета ВООПИК в 1971 г. была проведена развернутая археологическая экспедиция на месте Илимского острога. Работы проводились под руководством археолога Е.Ф. Седякиной. Материал, обнаруженный во время раскопок, был отправлен в Иркутский и Братский краеведческие музеи [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 22. Л. 26]. Материалы подтвердили важность создания музея на Байкальском тракте. Принимая во внимание необходимость регулярных раскопок Илимского острога, летом 1971 г. областной совет запланировал продолжение исследования этого памятника [ГАНИ ИО, Ф. Р-3238, Оп.1, Д. 25, Л. 11].

Штатными работниками и активистами общества

проводилась в дальнейшем работа по выявлению и вывозу памятников деревянного зодчества из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС, работа велась так, чтобы ни один дом, ни одна постройка, имеющая художественную и научную ценность, не погибла [ГАНИ ИО, Ф. Р-3238, Оп. 1, Д. 25, Л. 5].

Идея создания музея деревянного зодчества на Байкальском тракте (в Тальцах) вызвала положительные отклики в научном сообществе. Почти сразу же появились идеи формирования второго музея, в г. Братске. О.М. Леонов (отв. секретарь Братского отделения ВООПИК) отмечал, что «Братск — город с интересной историей, но не имеет своих памятников. В этой глухомани шла очень интересная жизнь, а вот памятников почти не осталось. Необходимо создание комплекса, чтобы мы не остались с пустыми руками» [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 20. Л. 2].

На заседании Президиума областного совета ВООПИК (протокол №15 от 19 января 1971 г.) был поставлен вопрос о строительстве Братского мемориального музея освоения Ангары и вынесено решение поддержать такую инициативу Братского отделения общества [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 25. Л. 10; Д. 28. Л. 3]. Было решено «создать ученый совет Братского мемориального музея на высоком научном уровне для того, чтобы оказать Братскому отделению помощь в научном обосновании такого музея». Также решено просить управление культуры области ходатайствовать перед облисполкомом и обкомом КПСС о создании Братского мемориала, просить институт Истории, филологии, философии СО АН СССР летом 1971 г. организовать раскопки за счет средств зоны затопления Усть-Илимской ГЭС и передать материалы раскопок в Иркутский краеведческий музей [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д.28. Л. 4].

Таким образом, в Иркутской области стали формироваться два музея: один в Тальцах, другой — в Братске. Близость к областному центру, которая связана с большим туристическим потоком, активность руководства музея, более солидное финансирование сделало музей в Тальцах под Иркутском мощной научной базой, и сегодня он процветает. Братский музей, названный «Ангарская деревня», получил импульсы к развитию только в 1979 г. Он состоит сегодня из эвенкийского и русского сектора. К сожалению, в XXI в. его нельзя назвать процветающим, хотя он до сих пор функционирует.

Эти музеи потребовали создания и развития реставрационных мастерских, на что указывала в 1970 г. архитектор-реставратор Г.Г. Оранская [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 20. Л. 2].

В связи с тем, что Иркутск в 1970 г. был включен в список исторических городов РСФСР, при совете Иркутского городского отделения ВООПИК была создана комиссия по обследованию деревянного зодчества города под председательством главного архитектора В.Г. Шматкова. В комиссию из 12 человек вошли историки, археологи, искусствоведы, архитекторы и строители. На основании заключения комиссии, исполнительный комитет горсовета принял решение об установлении «Заповедных зон старинного деревянного зодчества и мест, связанных с жизнью в г. Иркутске декабристов» (решение горисполкома от 30.02.1970 г. №538) [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп.1. Д.25. Л. 9].

В начале 1970-х гг. активом ВООПИК составля-

лось научное обоснование выделения исторических зон музея под открытым небом, обоснование мемориала декабристов в Иркутске и мемориала политической ссылки «Александровский централ» (с. Александровское Боханского района Иркутской области) [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 33. Л. 2].

Декабристы оставили глубокий след в жизни Иркутской губернии. Их влияние сказалось на общественной и культурной жизни городского и сельского населения, на хозяйственной и политической деятельности всех слоев сибирского общества. Декабристы много сделали для исследования Сибири, изучения ее природы, истории, экономики, быта малых народностей. Начиная с 1969 г., а особенно с 1972 г., Иркутским областным и городским советами ВООПИК была проделана определенная работа по увековечиванию памяти декабристов. Секциями исторических памятников, библиотечно-архивной и секцией пропаганды общества в план работы включены мероприятия по подготовке к 150-летию со дня восстания декабристов. Например, в 1972 г. вышел буклет «Дом декабриста С. Волконского». Ответственностью города еще в 1969 г. был поднят вопрос о создании в Иркутске к юбилейной дате (1975) историко-мемориального комплекса на базе сохранившихся домов Волконского и Трубецкого [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 47. Л. 5].

Уже весной 1970 г. был организован студенческий реставрационный отряд, силами которого в короткий срок была закончена реставрация дома декабриста Трубецкого. Результат был принят комиссией. Общий объем реставрационных работ был выполнен на 18 тысяч руб.

По предложению Президиума совета городского отделения ВООПИК исполком Иркутского городского Совета депутатов трудящихся 6 ноября 1970 г. принял решение о создании историко-мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске» и заключил договор с Ленинградским отделением Художественного фонда РСФСР о разработке генерального проекта мемориального комплекса к 1 февраля 1971 г. Однако эскизный проект к этому времени не был готов. Впоследствии эскиз был разработан архитектором института «Иркутскгражданпроект» В.И. Колпиковым и обсуждался 15 октября 1971 г. на заседании Президиума областного совета [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 40. Л. 10].

В дальнейшем выяснилось, что на мемориальный комплекс Министерство культуры РСФСР выделило 300 тысяч руб., а проект В.И. Колпикова требовал больших денежных затрат. В мемориальный комплекс должны были войти следующие объекты — дом декабриста С.П. Трубецкого, дом декабриста С.Г. Волконского, Преображенская церковь, куда планировалось перенести три могилы декабристов (с Лисихинского кладбища и могилу И. Поджою из ЦПКиО Иркутска). На заседании городского отделения ВООПИК 16 мая 1972 г. было решено установить заповедную декабристскую зону и собрать в нее интересные деревянные дома XIX в. [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 41. Л. 6].

При горисполкоме был создан подготовительный комитет. В июне 1972 г. комитет осмотрел район предполагаемого комплекса. На основе протокола было выработано задание на проектирование, которое было согласовано с Министерством культуры

РСФСР. Серьезным вопросом, на тот момент оставалась реконструкция памятников (надгробий, домов), связанных с пребыванием декабристов на Иркутской земле, особенно тех, которые находились в сельской местности (например, дом декабриста П.Ф. Громницкого в с. Бельске Черемховского района) [ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 40. Л. 10].

В 1970-е — 1980-е гг. были предприняты немалые усилия к тому, чтобы наполнить экспозицию реставрированных объектов утварью и предметами обихода XIX в. Началось регулярное проведение экскурсий в домах С.П. Трубецкого и С.Г. Волконского. Они были включены в туристические путеводители и экскурсионные маршруты. В настоящее время они продолжают успешно функционировать, причем площадь мемориального комплекса «Декабристы в Иркутске» продолжает вбирать в себя новые объекты.

В самом Иркутске продолжается точечная реставрация (иногда реновация) памятников деревянного зодчества. Так, в 2018 г. был обновлен дом Шубиных — самое старое деревянное здание. В целом опыт создания музейных комплексов под открытым небом в Иркутской области можно признать успешным. Основная часть работ по их созданию была проведена в плановом порядке в советское время. В новых хозяйственных условиях это позволило не только выжить, но и развиваться.

Список литературы

Ивановская Н.И. Музеи под открытым небом // Тальцы: архитектура, этнография, этническая история, топонимика, филология: научно-популярный иллюстрированный альманах. — 1999. — №2 (6). — С. 47–50.

References

Ivanovskaya N.I. Muzei pod otkrytym nebom. In *Tal'tsy: arkhitektura, etnografiya, etnicheskaya istoriya, toponimika, filologiya: nauchno-populyarnyi illyustrirovannyi al'manakh*. 1999. No 2 (6). Pp. 47–50 (in Russ.).

Список источников

ГАНИ ИО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 20, 22, 25, 28, 33, 40, 47.

Список сокращений

ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

ВПНРК Министерства культуры СССР — Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат Министерства культуры СССР

ГАНИ ИО — Государственный архив новейшей истории Иркутской области

ИОО ВООПИК — Иркутское областное отделение ВООПИК

ЦПКиО — Центральный парк культуры и отдыха

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10059
УДК: 72.036+721.012+725.2

В.В. Паршуков
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
vvp.novosib@rambler.ru

Опыт 3-D моделирования конструкций здания Госучреждений Сибири, построенного в Новониколаевске (Новосибирске) в 1923–1924 годах

Аннотация

Статья посвящена истории проектирования и строительства здания «Сибирское подворье» — здания Государственных учреждений Сибири — в Новониколаевске (Новосибирске), осуществленного по проекту известного сибирского архитектора А.Д. Крячкова в 1923–24 гг. Указаны цели и задачи исследования. Представлен опыт компьютерного 3-D моделирования построенного объекта с выявлением основных конструкций здания, в результате которого впервые выполнена реконструкция несущих элементов мансардного этажа и стропильной кровли. Дано краткое описание архитектурного оформления здания.

Ключевые слова: архитектура Новониколаевска, архитектура Новосибирска, здание Государственных учреждений Сибири, Сибирское подворье, архитектор А.Д. Крячков, 3-D модель здания, виртуальная трехмерная модель здания

V.V. Parshukov,
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
vvp.novosib@rambler.ru

The experience of 3-D modeling of the building structures of the State Institutions of Siberia, built in Novonikolayevsk (Novosibirsk) in 1923–1924

Abstract

The article deals with the history of the design and construction of the “Siberian Court” — the building of the State Institutions of Siberia — in Novonikolayevsk (Novosibirsk). It was designed by the famous Siberian architect A.D. Kryachkov in 1923–1924. The goals and the tasks of the research are indicated. The experience of computer 3-d modeling of the constructed object is presented. The main building structures are identified. For the first time the reconstruction of the load-bearing elements of the attic floor and the roof frame was made. A brief description of the architectural design of the building is given.

Keywords: architecture of Novonikolayevsk, architecture of Novosibirsk, building of State institutions of Siberia, Siberian Court, architect A.D. Kryachkov, 3D building model, virtual 3D building model

Историческое здание хранит в себе дух прошедшего времени, тайну происходивших в нем событий, следы утраты элементов архитектурного оформления, а порой и всего стиля, часто только упоминание о функции, для которой оно было предназначено, то есть все то, что составляло культуру того хронологического периода, в которое оно было построено. Здания, признанные последующими поколениями как значимая часть ушедшей культуры, объявляются объектами культурного наследия и сохраняются для будущих поколений. Одним из таких объектов является здание Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств (далее НГУАДИ). В действующем каталоге памятников истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области оно числится как здание Госучреждений («Сибирское подворье»), первый вуз города, построенное в 1923–1924 гг., имеет статус регионального памятника архитектуры с 2005 г. [Памятники истории..., 2011, с. 118].

Мотивом к проведению исследования истории

этого объекта послужило значительное несоответствие построенного в 1923–1924 гг. по проекту архитектора А.Д. Крячкова здания Госучреждений Сибири существующему зданию НГУАДИ как по этажности и стилистике архитектурного оформления, так и по функциональному использованию. Кроме этого, в литературе по истории архитектуры и градостроительства Новосибирска описания проектирования, создания и реконструкции этого объекта слишком кратки, малоинформативны и имеют некоторые неточности. Таким образом, стала очевидной цель исследования — описать и смоделировать хронологию создания, функциональных и строительных изменений объекта по настоящее время. Учитывая значительный объем предстоящих работ, было намечено их выполнение в несколько этапов с решением следующих задач:

- уточнить заказчика, по возможности выявить задание на проектирование, дату предоставления и параметры выделенного для строительства участка;
- уточнить хронологию создания первоначально-

го проекта здания, выявить его параметры и архитектурное решение, планируемые сроки окончания строительства;

- выявить этапы и причины изменения проекта, его объемно-планировочные решения;
- уточнить конструктивные особенности здания;
- выявить и воссоздать утраченные объемно-планировочное решение и конструктивные элементы чердака и мансардного этажа;
- выявить и воссоздать возможные варианты реконструкции здания, его архитектурные и конструктивные элементы;
- уточнить временной период реконструкции здания для размещения первого вуза города;
- уточнить первоначальное функциональное использование объекта, выявить его особенности и хронологию изменения функций;
- выявить особенности планировочных изменений современного состояния здания после размещения в нем архитектурного института.

Кроме этого, итоговой задачей каждого намеченного этапа исследования ставилось создание виртуальных (компьютерных) 3D-моделей здания — первоначального проекта, возможных конструктивных и объемно-планировочных решений по этажам, объекта, построенного в 1924 г., одного из возможных вариантов проекта реконструкции и реконструированного пятиэтажного здания для размещения вуза. При выполнении этих 3-D моделей ставилась задача создания виртуальной модели здания, с детальной проработкой основных конструктивных элементов, таких как несущие стены, колонны, балки, перекрытия, лестницы, детали стропильных конструкций, а также архитектурные детали оформления фасадов, покрытия крыши, дымовые трубы, за исключением расстановки перегородок помещений. Таким образом, виртуальная модель, представляющая не только внешний объем здания, но и структуру несущих конструкций, позволила создать на ее основе 3-D виды в горизонтальных сечениях по этажам и разрезы по конструкциям в вертикальных сечениях для более полного представления сооружения. Это дает возможность изучать модель здания на всех стадиях — проектирования, строительства и его завершения, сравнивать и анализировать этапы изменения объекта.

Основными источниками информации по исследованию истории здания служили: фонды Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина НГУАДИ (далее МИАС им. С.Н. Баландина), Государственного архива Новосибирской области (далее ГАО), документы инвентарного дела, хранящегося в архиве Новосибирского филиала федерального бюро техинвентаризации (далее НБТИ), Новосибирского городского архива (далее НГА), труды профессора С.Н. Баландина по изучению творчества А.Д. Крячкова, публикации газеты «Советская Сибирь», доступные фотографии и открытки, интернет-ресурсы. Собранная информация позволила решить несколько первых задач исследования: уточнены заказчик, параметры и дата предоставления участка, первый проект, этапы и причины его изменения и пр. Подробные результаты первого этапа работы, включая 3-D модель здания по проекту 1923 г., были ранее уже представлены автором на «Баландинских чтениях» [Паршуков, 2016, с. 203–209]. Кроме этого, предшествующей работой по исследуемому объекту,

в период сбора первичной информации, стало проведение метрологического анализа формообразования главного фасада здания Госучреждений Сибири и сравнение его с другими постройками архитектора А.Д. Крячкова [Радзюкевич и др., 2015, с. 271–272, рис. 3–4].

В настоящей статье представлен опыт 3-D моделирования построенного в 1924 г. трехэтажного здания Госучреждений Сибири по измененному проекту после уменьшения этажности сооружения.

Для создания 3-D моделей здания служили различные текстовые, графические и фотографические материалы, содержащие информацию, требующую значительной аналитической проработки — выявление необходимых геометрических параметров конструкций, уточнение формы деталей. Например, для графической реконструкции главного фасада первоначального проекта здания было выявлено единственное изображение, напечатанное в газете. После анализа информации по участку, сведений по планируемой этажности и высоты этажей, параметров существующего здания, изучения архитектурной стилистики объектов, созданных в тот период по проектам архитектора А.Д. Крячкова, на основе вышеуказанного изображения была выполнена итоговая графическая работа первого этапа и создана 3-D модель объекта [Паршуков, 2016, с. 204, 207, рис. 1–3].

Выполненная работа по сбору исходных материалов для исследования не выявила оригинальных чертежей проекта, кроме чертежа-схемы подвала из протоколов строительной комиссии [ГАО. Ф. Р-256. Оп. 1. Д. 8. Л. боб.] и чертежа перспективного вида здания [МИАС им. С.Н. Баландина. ФК. К. 3. Оп. 1. Л. 66. Ф. 2]. В этом случае основными исходными материалами для создания компьютерной модели послужили архитектурные обмеры здания, выполненные студентами вуза в 1995–1996 гг. [МИАС им. С.Н. Баландина. Чертежи обмеров здания НГАХА]. В обмерных чертежах с достаточной точностью отражено положение существующих несущих конструкций здания на видах в плане, но не хватало детальной информации по конструктивным элементам перекрытий и других конструкций, по которым не выполнялись обмеры. Информация о поэтажном расположении помещений была получена из чертежей планов здания, на которых видны следы планировочных изменений, зафиксированных в 1935 г. [НБТИ, инвентарное дело НГАХА]. Часть информации удалось получить во время обследования элементов каркаса, вскрытых при проведении ремонтных работ в здании в 2015–2016 гг. Кроме этого, полностью отсутствовала информация о конструкциях мансарды и стропильной кровли, утраченных при надстройке здания.

Учитывая вышеизложенное, для первичного моделирования по имеющимся геометрическим параметрам элементов здания была выбрана программа SketchUp. Элементы модели основных конструктивных и архитектурных деталей, созданных в этой программе, содержат необходимую информацию, достаточную, чтобы после уточнения их геометрических и физических параметров, выполнить окончательное моделирование в программе Revit Architecture.

Проведенное исследование конструкций здания и его компьютерное моделирование дали ожидае-

мые результаты. Ограниченный объем настоящей публикации не позволяет представить многообразные виды модели, которые бы характеризовали конструктив здания во всей полноте. Несколько иллюстраций, приведенных в статье, показывают последовательно поэтажное построение объема сооружения (ил. 1–6).

Моделирование элементов внутреннего железобетонного каркаса подтвердило их соответствие первоначальному проекту, по которому было начато строительство здания. Информация о некоторых конструктивных особенностях, применяемых материалах и оборудовании, планировки помещений получена из протоколов строительной комиссии при Сибревкоме по достройке здания Госучреждений [ГАНУ. Ф. Р-256. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–144]. Выявлены изменения в расположении функциональных помещений подвального этажа. Дымовая труба из центра здания была перенесена к внутренней стене главной лестницы северного крыла здания. Выявлены конструктивные особенности каркаса здания. При симметричном расположении конструкций в южном и северном крыльях видны некоторые отличия в системе балок перекрытий подвального и первого этажей. Вероятно, это связано с распределением различных функций в помещениях и размещением оборудования на этажах. Перекрытия подвала имеют удвоенную плотность элементов балочной системы по сравнению с вышерасположенными перекрытиями, что было рассчитано на большую нагрузку на первом этаже (ил. 1, 2). Определено расположение в подвале жаротрубных водогрейных отопительных котлов, выполнен вариант трассировки борозов к трубе для отвода дымовых газов. Уточнено положение всех лестничных выходов из подвала. Железобетонный каркас первоначально имел колонны квадратного сечения на всех этажах. Для архитектурного решения интерьеров зальных помещений первого и второго этажей часть квадратных колонн обшита досками для придания круглой формы и оштукатурены с имитацией греко-дорического ордера, также дощатой обшивкой утолщены некоторые узкие балки. С этой же целью в операционном зале банка на втором этаже установлен и оштукатурен в единый стиль декоративный ряд деревянных прямоугольных колонн и потолочных балок (ил. 3).

Геометрические параметры стен и колонн принимались по натурным обмерам с учетом толщины отделочного слоя. Кладка наружных и внутренних несущих стен выполнялась из бетонитовых пустотелых камней и кирпича. Бетонитовые камни изготавливались организацией застройщиком «Сибстройпай» [Советская Сибирь, 1923, с. 3], выполнявшей строительство крупных общественных зданий города. Железобетонные перекрытия и состав полов требуют дальнейших изысканий. Размеры окон и дверей уточнялись в соответствии с действовавшими в то время рекомендациями [Иллюстрированное..., 1908, с. 183–184].

Особую трудность составило моделирование конструкций мансарды. По решению строительной комиссии при Сибревкоме предполагалось устройство мансарды над южным крылом здания [ГАНУ. Ф. Р-256. Оп. 1. Д. 8. Л. 11]. На фотографиях и открытках построенного здания Госучреждений Сибири, растиражированных в многочисленных изданиях по

архитектуре Новосибирска, хорошо видны элементы внешней формы и расположение окон мансардного этажа только южного крыла. Если предположить, что над северным крылом мансарды не было, то возникает несоответствие высоты конька скатной кровли этой части здания, видимой на фотографиях. Исследование конструкций здания, выполненное в 2006 г. А.Е. Гашенко, студентом 4 курса НГАХА, не выявило различия в размерах крыльев сооружения. По результатам этого исследования были выполнены чертежи и макет объекта в М 1:100 [МИАС им. С.Н. Баландина, макет, 2006] с симметричным размещением мансардных этажей и высокой скатной крышей над центральной частью здания.

Принимая во внимание вышеизложенное, потребовался поиск дополнительной информации. Анализ застройки по Красному пр. и ул. Семипалатинской (с 1937 г. Орджоникидзе), попадающей в кадр на фотографиях из альбома по строительству здания Дома науки и культуры (в н. вр. Оперного театра), дал нужные результаты. На одной из фотографий 1933 г., хранящейся в архиве театра [НОВАТ], за строительными конструкциями опорной башни под будущую опалубку купола видно северное крыло здания Госучреждений (в то время уже Планового института) с восточной дворовой стороны (ил. 7). На изображении хорошо просматривается мансардный этаж северного крыла здания и его двускатная крыша. Стало понятно, что здание было построено с двумя мансардами. При этом их конструкции были различны. Вместо обанкротившегося Сибстройпая [Советская Сибирь, 1924, с. 2] заказчиком стало Сибирское торговое товарищество (далее Сибторг), для которого, возможно, и была запроектирована северная мансарда. Какие службы или жилые помещения в ней размещались, документально уточнить не удалось. Предположительно, если в южной мансарде были построены квартиры для служащих Госбанка, то в северной могли быть квартиры для служащих Сибторга. Рядом с помещениями мансард были устроены террасы, выходявшие соответственно на ул. Семипалатинскую и на ул. Трудовую.

Для моделирования мансардного этажа и конструкций крыши был применен метод использования аналогов, способов конструирования и нормативных требований, действующих в рассматриваемый период. В пособии для проектирования, которым пользовался А.Д. Крячков в своей работе, даны конкретные рекомендации для устройства стропильных элементов крыши [Иллюстрированное..., 1908, с. 147–153]. Рекомендации указанного пособия позволили автору исследования с вероятной точностью смоделировать стропильные конструкции мансард и крыши здания, осуществленных в 1924 г. Опорные деревянные стойки были расположены с учетом структуры и работы железобетонного каркаса. В центральной части здания стойки опирались на продольные прогоны, распределявшие нагрузку на перекрытие, в боковых крыльях — по оси балок второго этажа. Наслонные стропила (использовавшееся определение стропил рассматриваемого периода) выставлялись на прогоны, уложенные по стойкам и конькам, и упирались в мауэрлаты на стенах. Шаг стропил принят в одну сажень в соответствии с вышеуказанным «Иллюстрированным урочным положением». Это подтвердилось при размещении слуховых окон, по-

ложение которых совпало с видимым на фотографиях. Покрытие крыш было выполнено из кровельного железа по деревянной обрешетке. Отапливаемые помещения обеих мансард были выгорожены от чердачных пространств утепленными перегородками и перекрытием по деревянным балкам. Стропила угловых четырехскатных шатровых кровель опирались на конструкции так называемых табуреток, стойки которых располагались на деревянных балках мансардного этажа. Высота коньков, уклоны скатов крыши и шпильей шатров была принята в соответствии с рекомендованными параметрами и уточнялась вариантным моделированием, с условием конструктивных сочленений коньковых прогонов и стропильных ног в местах перелома скатов крыши, кроме этого, выполнялась проверка видимости этих элементов покрытия здания по фотографиям (ил. 5). Также на крыше модели показаны дымовые трубы от котельной и других печей, выявленные по планам этажей, и три шахты вытяжной вентиляции, а также размещены слуховые окна, на северном шатре — мачта радиосвязи (ил. 6). Собранный информация позволила показать в модели детали торцевых фасадов дворовой (восточной) части здания, которые были утрачены при реконструкции здания и закрыты пристройками (ил. 8).

Общую характеристику архитектурно-стилевого оформления здания Госучреждений Сибири дал С.Н. Баландин в своей книге о творчестве А.Д. Крячкова [Баландин, 1991, с. 100]. Выполненная подробная компьютерная 3-D модель позволяет дополнить эту характеристику деталями. Архитектурное оформление фасадов здания первоначального проекта 1923 г. в неоклассическом стиле с применением ордерных форм и скульптурной атрибутики заменяется в проекте 1924 г. на более скупое в стилистике рационалистического модерна. Крупный масштаб двухэтажного здания обусловлен высокими этажами и большими размерами оконных проемов. Широкий шаг ритмического расположения архитектурных деталей, трактовка угловых ризалитов в виде башен придают сооружению монументальный вид, свойственный общественному зданию. Кирпичные стены и архитектурные детали оштукатуриваются. Фасады оформляются вертикальными пилястрами, размещенными в простенках оконных проемов на всю высоту здания. Треугольные витрины-эркеры первого этажа, размещенные по осям угловых ризалитов и по центру главного фасада, создают пластическое разнообразие архитектурного оформления сооружения. Плоские пилястры с тонкой парой канелюр по краям завершаются вытянутыми восьмигранными медальонами с прямоугольными брусками по бокам, имитирующими капители, на которые опирается горизонтальный карниз свеса кровли. Над карнизом главного фасада по кирпичным столбикам выполнено парапетное ограждение ската крыши глухими панелями, оформленными прямоугольными филенками. Башенная форма угловых ризалитов здания решена в виде многоступенчатой пирамидальной композиции завершённой четырехскатным шатром крыши. Венчающие парапеты угловых ризалитов оформлены неглубокими прямоугольными филенками. Уровень медальонов пилястр поддержан поясом из прямоугольных вертикальных канелюр. По оси ризалитов плоскость ступенчатого фронтона

прорезана большим трехчастным оконным проемом мансарды, завершённым полуциркулярной аркой с архивольтом, оформленным неглубокими трапециевидными филенками. Эти арочные окна остались от первоначального проекта здания, сохранив этот прием решения фасадов от неоклассицизма.

В 1920-е — 1930-е гг., в период бурного строительства общественных зданий, было принято оформлять главные фасады надписями с названием располагавшихся в них организаций. На чертеже главного фасада первоначального проекта на парапете помещена надпись «Сибирское подворье, 1923 г.». Этот прием оформления фасада остается и после изменения проекта. На 3-D модели здания по фотографиям построенного здания воссозданы утраченные надписи. Три центральных части парапета главного фасада оформлены надписями и гербом СССР образца 1924 г. На левую и правую части нанесены слова «Государственные учреждения». По центру средней части установлен герб, с двух сторон от него размещены годы постройки здания «1923» и «1924», под ним внизу слово «Сибири». Кроме этого, в нишах архивольта арочных окон размещены названия двух основных организаций, располагавшихся в здании: в северном крыле — надпись «Правление Сибторга», в южном крыле — «Государственный банк С.С.С.Р.», здесь же выше арки по оси парапета помещен еще один герб СССР. В первый год эксплуатации объекта над парапетами угловых ризалитов развевались красные стяги на флагштоках, которые в 1925 г. были заменены бетонными скульптурными композициями флагоносцев в исполнении скульптора-монументалиста С.Р. Надольского [Советская Сибирь, 1925, с. 11].

Сравнение в пределах двух этажей 3-D моделей первоначального проекта 1923 г. и построенного в 1924 г. здания показывает сохранившиеся общие пропорции сооружения. Изменились шаг размещения и вид пилястр, размеры и характер оформления оконных проемов, расположение главного входа (ил. 9). Можно предположить, что при реализации первоначального проекта здания оно могло бы эксплуатироваться даже с изменением функции без реконструкции фасадов, которые со временем стали бы соответствовать принятой в 1930-е гг. стилистике застройки восточной части главной площади Новосибирска. И в этом случае здание-памятник могло бы сохраниться в первоначальном виде.

В завершение можно отметить, что выполненная и представленная в данной статье первая рабочая версия компьютерной 3-D модели построенного в 1923–1924 гг. здания Государственных учреждений Сибири по проекту архитектора А.Д. Крячкова позволяет рассматривать объект со всех ракурсов и интерпретировать полученные сведения для любых последующих исследований, а также сделать доступной визуальную информацию для широкого круга специалистов, студентов, аспирантов и всех, интересующихся вопросами истории архитектуры и градостроительства Новосибирска.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Сибирский архитектор. — Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. — 160 с.

2. Иллюстрированное урочное положение: Посobie при составлении и проверке смет, проектировании и исполнении работ. /Сост. инж.-арх. граф Н.И. де-Рошефор. — СПб, 1908. — 730 с.

3. Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области: каталог. — Кн. 1. Город Новосибирск: памятники, стоящие на государственной охране. — Новосибирск: ГАУ НСО НПЦ, 2011. — 278 с.

4. Паршуков В.В. Объемно-планировочные и конструктивные особенности здания Государственных учреждений Сибири в Новониколаевске // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина, — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2016. — Т. XI — С. 203–209.

5. Радзюкевич А.В., Паршуков В.В., Чернова М.А. Метрологические особенности форм памятников архитектуры Новониколаевска (Новосибирска) на примере зданий А.Д. Крячкова // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. — Т. X. — Ч. 1. — с. 268–274.

6. Советская Сибирь. — №138. — 24.06.1923 г. — С. 3.

7. Советская Сибирь. — №80. — 08.04.1924 г. — С. 2.

8. Советская Сибирь. — №63. — 18.03.1925 г. — С. 11.

References

1. Balandin S.N. Sibirskij arhitektor. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izd-vo, 1991, 160 p. (in Russ.)

2. Illyustrirovannoe urochnoe polozenie: Posobie pri sostavlenii i proverke смет, proektirovanii i ispolnenii работ. Sost. inzh.-arh. graf N.I. de-Roshefor. 2 iss., Sankt-Peterburg, 1908, 730 p. (in Russ.)

3. Pamyatniki istorii, arhitektury i monumental'nogo iskusstva Novosibirskoj oblasti: katalog. V. 1. Gorod Novosibirsk: pamyatniki, stoyashchie na gosudarstvennoj ohrane. 3 iss. Novosibirsk: GAU NSO NPC, 2011, 278 p. (in Russ.)

4. Parshukov V.V. Ob»emno-planirovochnye i konstruktivnye osobennosti zdaniya Gosudarstvennyh uchrezhdenij Sibiri v Novonikolaevske. *Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamyati S.N.*

Balandina, Novosibirsk: NSUADA, 2016, v. XI, pp. 203–209. (in Russ.)

5. Radzyukevich A.V., Parshukov V.V., Chernova M.A. Metrologicheskie osobennosti form pamyatnikov arhitektury Novonikolaevska (Novosibirska) na primere zdaniy A.D. Kryachkova. *Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina*, Novosibirsk: NGAHA, 2015, v. X, pt. 1, pp. 268–274. (in Russ.)

6. *Sovetskaya Sibir'*, No 138, 24.06.1923, p. 3. (in Russ.)

7. *Sovetskaya Sibir'*, No 80, 08.04.1924, p. 2. (in Russ.)

8. *Sovetskaya Sibir'*, No 63, 18.03.1925, p. 11. (in Russ.)

Список источников

2. ГАНО. Ф. Р-256. Оп. 1. Д. 8.

3. МИАС им. С.Н. Баландина, макет задания Государственных Сибири, 2006 г.

4. МИАС им. С.Н. Баландина. ФК. К. 3. Оп. 1. Л. 66. Ф. 2.

5. МИАС, чертежи обмеров здания НГАХА 1995–1996 гг.

6. НБТИ, инвентарное дело НГАХА.

7. НОВАТ, архив театра, интернет-ресурс. — URL: <https://novat.nsk.ru/media/photo/history/> (дата обращения 11.05.2016)

Список сокращений

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области

МИАС им. С.Н. Баландина — Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина

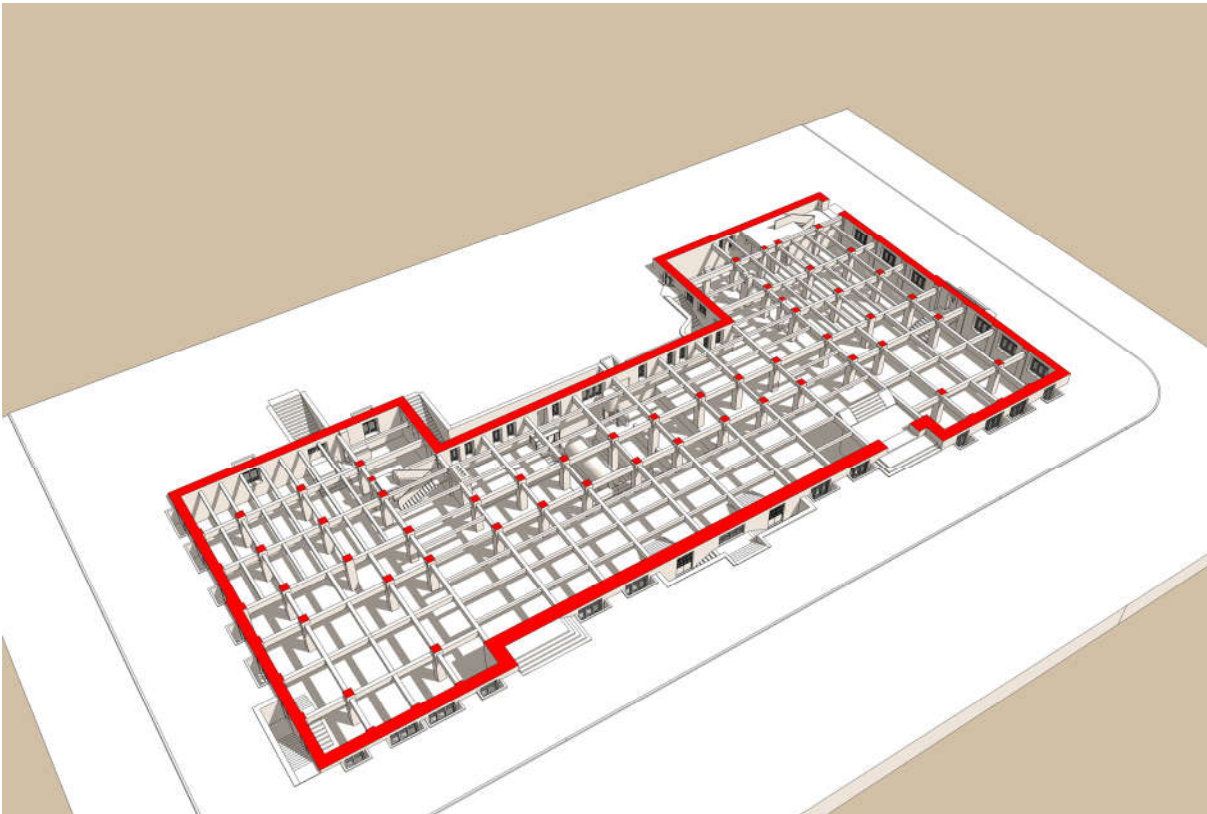
НБТИ — Новосибирское бюро технической инвентаризации (в н. вр. Новосибирский филиал ФГУП «Ростехинвентаризация—Федеральное БТИ»)

НГА — Новосибирский городской архив

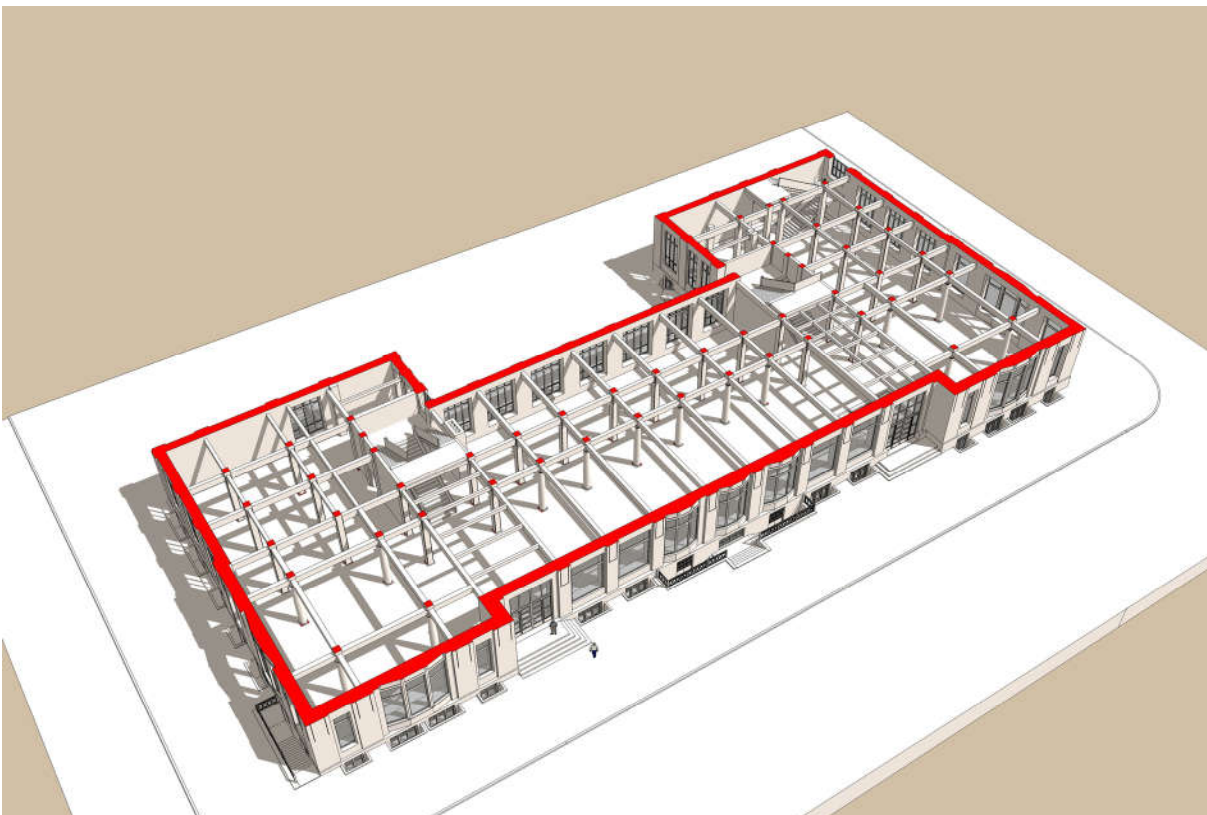
НГАХА — Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия

НГУАДИ — Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств

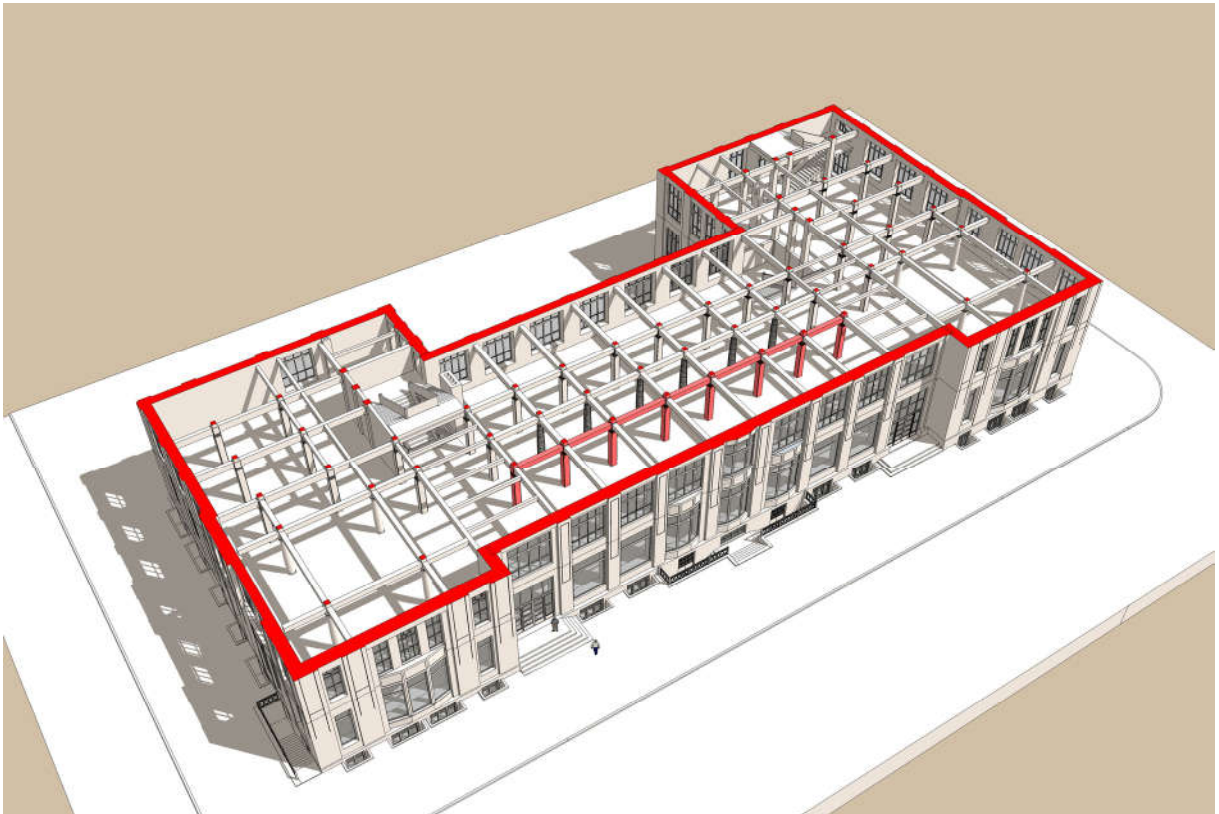
НОВАТ — Новосибирский государственный академический театр оперы и балета

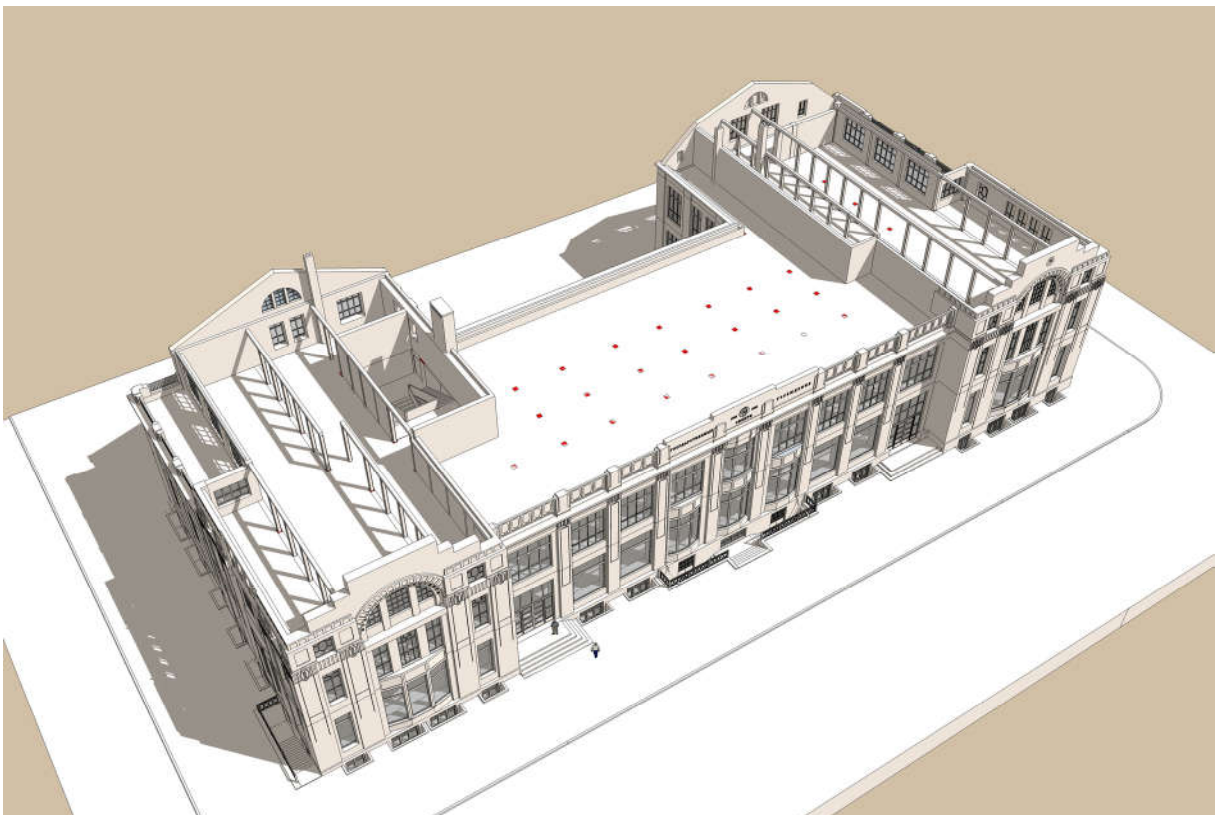
Ил. 1. Компьютерная 3-D модель здания Госучреждений Сибири. Разработка автора. Конструкции подвального этажа. Балочная сетка перекрытия плотная. Видны наружные лестницы в приямках для обслуживания этажа. В центре показаны отопительные котлы

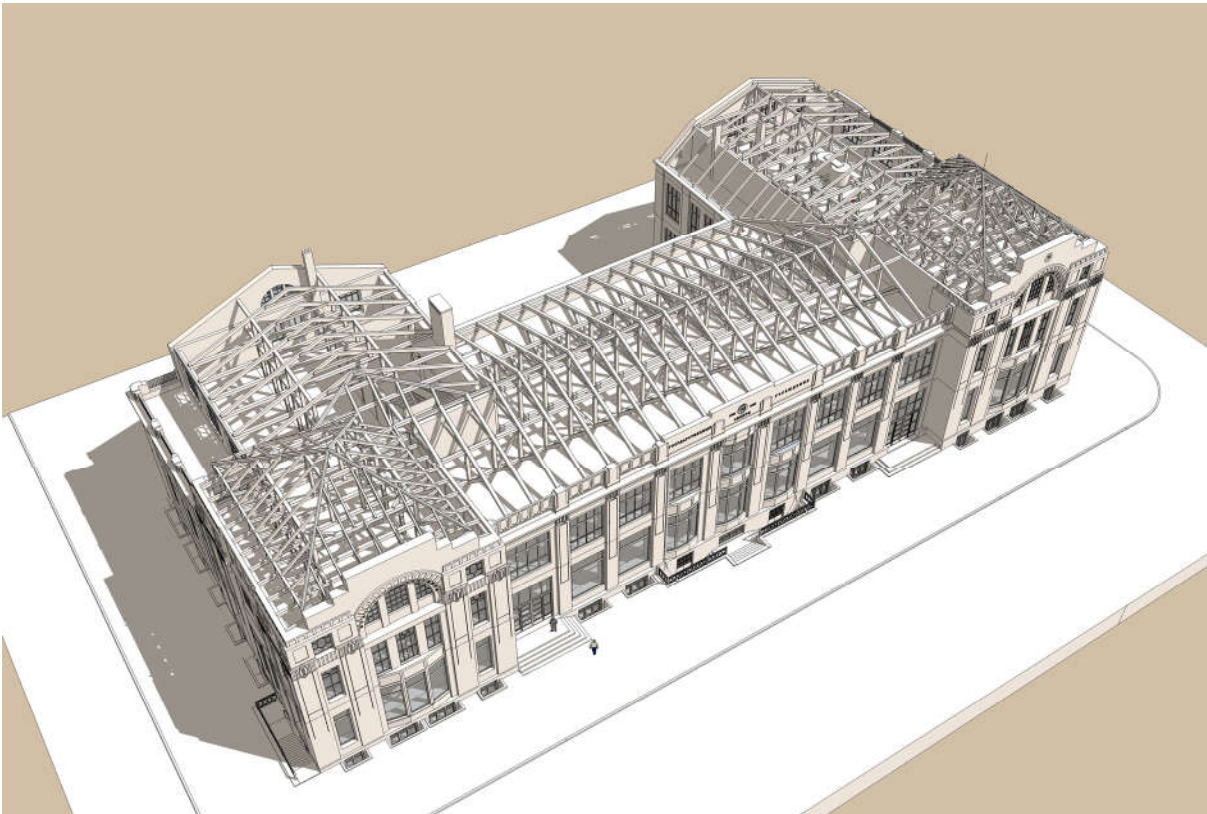
Ил. 2. Компьютерная 3-D модель здания Госучреждений Сибири. Разработка автора. Конструкции первого этажа. Балочная сетка перекрытия разреженная. Видны отличия в структуре балок южного и северного крыльев здания

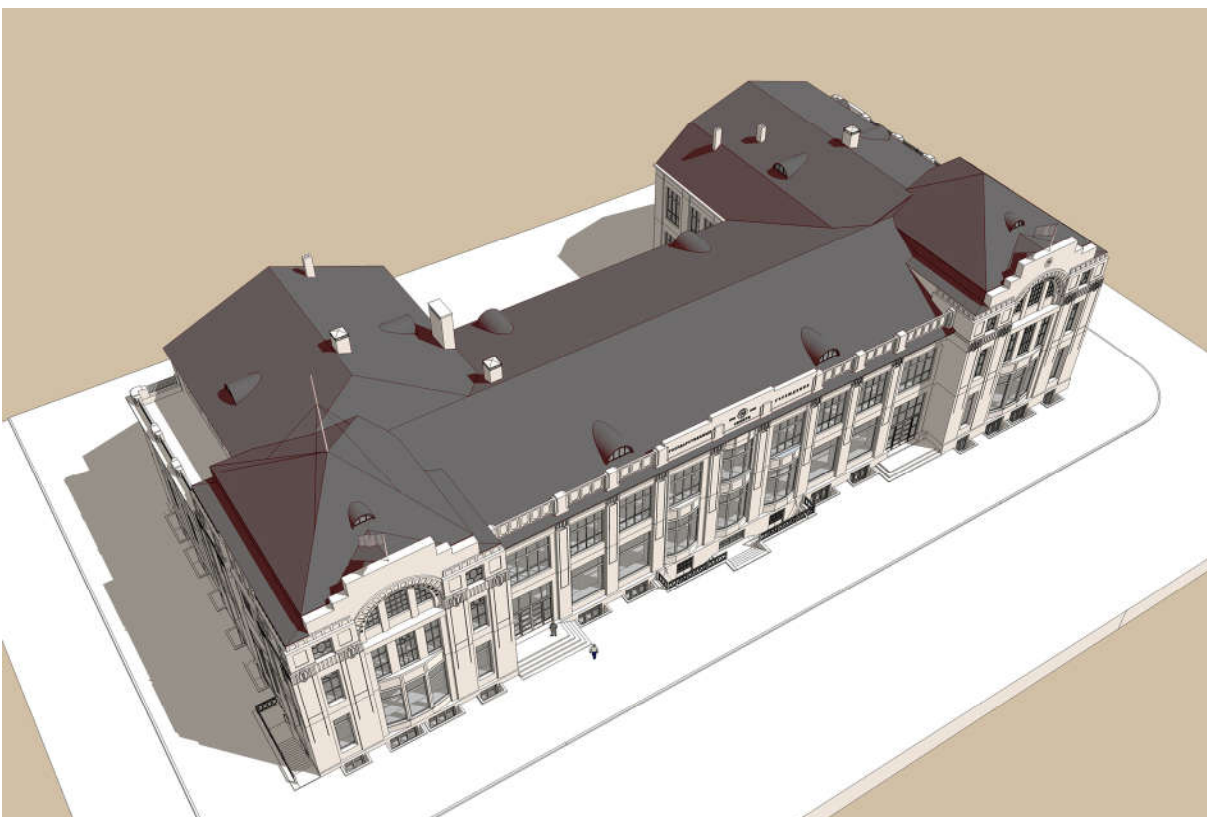
Ил. 3. Компьютерная 3-D модель здания Госучреждений Сибири. Разработка автора. Конструкции второго этажа. На уровень мансардного этажа поднимаются только две лестницы. В центре вдоль здания показан и выделен цветом ряд декоративных колонн оперзала банка

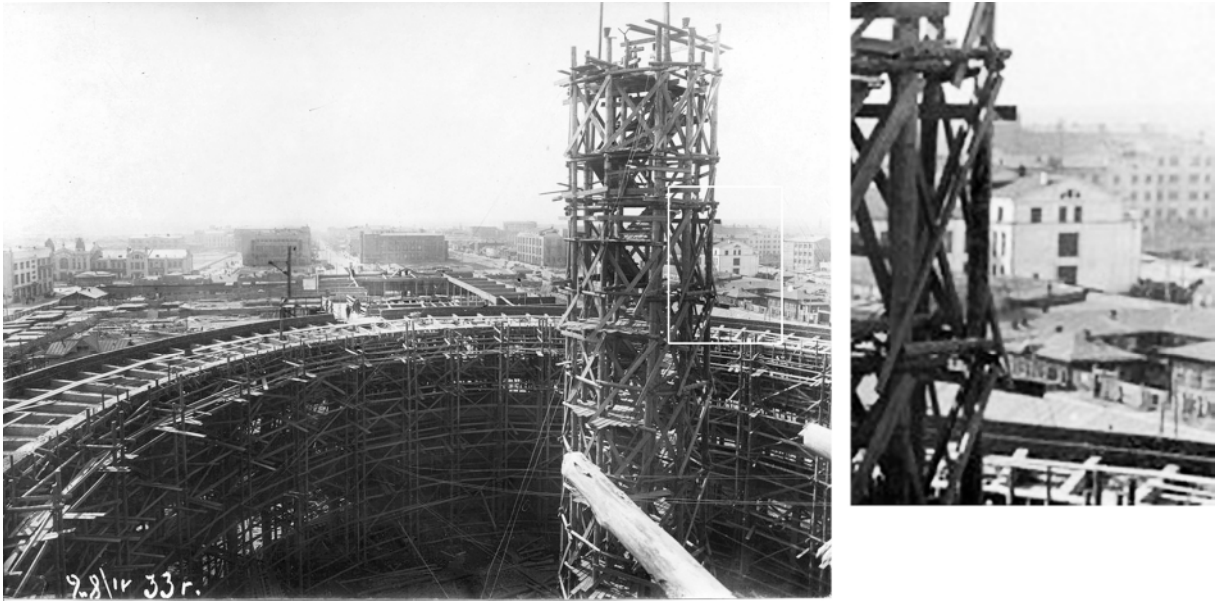
Ил. 4. Компьютерная 3-D модель здания Госучреждений Сибири. Разработка автора. Конструкции мансардного этажа. Показаны ограждающие этаж стены. Балки перекрытия скрыты

Ил. 5. Компьютерная 3-D модель здания Госучреждений Сибири. Разработка автора. Конструкции перекрытия мансард, стропильные конструкции крыши и угловых шатров

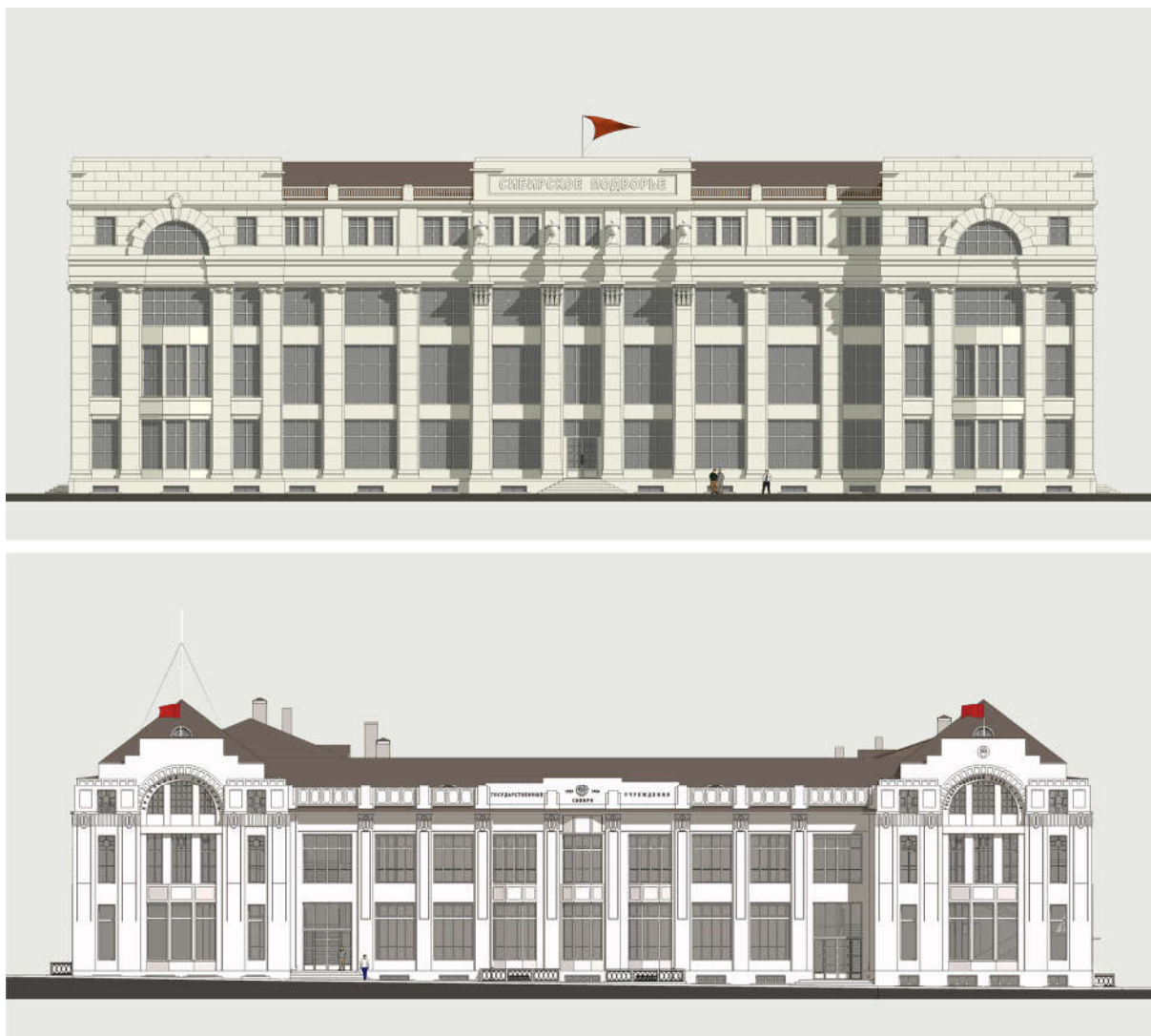
Ил. 6. Компьютерная 3-D модель здания Госучреждений Сибири. Разработка автора. Общий вид здания. На крыше видны слуховые окна, вентиляционные шахты, дымовые трубы и радиомачта на северном шатре

Ил. 7. Фотография строительства Дома науки и культуры. 28.04.1933 г. Справа — увеличенный фрагмент, на котором видно северное крыло здания Госучреждений Сибири. Архив НОВАТ

Ил. 8. Компьютерная 3-D модель здания Госучреждений Сибири. Разработка автора. Вид здания с восточной (дворовой) стороны

Ил. 9. Компьютерные 3-D модели. Разработка автора. Сравнение главных фасадов зданий. Вверху: здание Госучреждений Сибири «Сибирское подворье», проект 1923 г. Внизу: здание Госучреждений Сибири, постройка 1924 г.

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10060
УДК: [39+004]

Л.О. Понедельченко
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
ponedelchenko.l@yandex.ru

Апробация методики лазерного сканирования на среднегабаритных объектах материальной культуры

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РФФИ 18-09-00469 «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры»

Аннотация

В данной статье рассматривается использование лазерного сканирования как метода фиксации и информационного моделирования среднегабаритных объектов материальной культуры. Подробно изложена методика оцифровки объектов историко-культурного наследия. Использование современных средств фиксации расширяет возможности научного изучения предметов, информация, полученная в результате лазерного сканирования, позволяет провести мониторинг состояния сохранности среднегабаритных предметов. Рассматриваются преимущества и возможные сферы применения полученных 3-D моделей на практике.

Ключевые слова: оцифровка историко-культурных объектов, лазерное сканирование, объект культурного наследия, каменное изваяние, этнография

L.O. Ponedelchenko
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
ponedelchenko.l@yandex.ru

Approbation of the laser scanning technique on medium-sized objects of material culture

Abstract

This article deals with the use of laser scanning as a method of fixation and information modeling of medium-sized objects of material culture. The method of digitization of objects of historical and cultural heritage is described in detail. The use of modern means of fixation expands the possibilities of scientific study of objects. Information which was obtained during laser scanning allows monitoring the state of preservation of medium-sized objects. The advantages and possible areas of application of the obtained 3-D models in practice are considered.

Key words: digitization of historical and cultural objects, laser scanning, cultural heritage, stone sculpture, ethnography

Внедрение и использование новых технологий открывает дополнительные возможности для фиксации, документирования, информационного моделирования и научного изучения объектов материальной культуры. Оцифровка с помощью 3D-сканера открывает новые возможности и способы для обработки и сохранения важной информации, имеющей большое историко-культурное значение [см., напр.: Груздева, Орлова, 2018, с. 36]. В данной статье будет рассмотрена методика фиксации и возможность использования результатов лазерного сканирования на примерах среднегабаритных объектов из коллекции Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск).

При разработке методики использовались описание проведенных работ по фиксации, компьютерному моделированию и применению полученного результата. Методика основана на типологии объектов, которые разделены на крупные (протяженность в сотни метров), средние (десятки метров), малые (метры) и микрообъекты (сантиметры) [Радзюкевич,

2018, с. 80].

Среднегабаритные объекты, которые были отобраны для апробации методики, расположены на территории Историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН). Это комплексы каменных стел и изваяний различных эпох от палеолита до средневековья. На выбор объектов повлияло несколько причин. Во-первых, исходя из размеров, мы можем классифицировать данные объекты как среднегабаритные. Во-вторых, расположены они на специально отведенной площадке под открытым небом, это позволяет проверить влияние факторов окружающей среды на процесс фиксации информации, а также дает возможность использовать полученный результат для мониторинга состояния сохранности объектов.

При исследовании предпочтение было отдано объемному наземному лазерному сканированию как передовой технологии обмерной фиксации форм крупных и средних объектов, вытесняющему менее

производительные методы измерений [Фрейдин, 2007, с. 47; Середович и др., 2009, с. 240–241]. Использовался импульсный сканер Leica Geosystems ScanStation P20. Данный тип сканера рассчитывает расстояние как функцию времени прохождения лазерного луча до измеряемого объекта и обратно. Обладает высокой точностью исходных данных (1 мм) и скоростью (1 млн. точек в секунду) и достаточным углом обзора (горизонтальный — 360 градусов, вертикальный — 150 градусов), что позволяет делать измерения даже для объектов со слабой отражающей способностью, таких как дерево. В характеристиках данного прибора указаны высокие показатели уровня пыли- и влагозащиты (IP 54).

Процесс сканирования состоит из трех этапов — рекогносцировка на местности, полевые работы, камеральные работы (обработка данных на компьютере). **Рекогносцировка на местности** заключается в выборе мест, на которых будет установлен сканер (сканерные станции). Для создания высокоточной модели необходимо по 4 сканерных станции на каждый объект. **Полевая работа** заключается в съемке наземным объемным сканером объекта. Так, треногу со сканером размещали на устойчивой поверхности; для более детальной съемки отдельных участков сканер держали в руках. Сканирование осуществлялось посредством взаимодействия с интерфейсом устройства: прибор подавал сигнал о начале и конце съемки, а также о количестве полученных точек. На этапе **камеральной обработки** данные передавались со сканера на компьютер. Первичный результат работ был представлен в виде облака точек в формате ASCII TEXT (XYZIRGB) и 3D триангуляционной полигональной модели.

Рекогносцировка на местности, предваряющая сканирование нескольких каменных стел с четырех сторон, практически не потребовала значительных затрат времени. В качестве устойчивой поверхности, служащей для обеспечения получения качественного изображения, использовались подручные материалы — доска, на которой была установлена тренога со сканером.

При надежном источнике электропитания для аппаратуры процесс съемки объектов, подобных выбранным, занимает относительно немного времени — в целом, около одного рабочего дня. Кроме того, среднегабаритные объекты, в отличие от крупных, не требуют долгой фиксации сканера в одном положении. На практике оказалось, что удобнее и быстрее процесс сканирования проходит в ручном режиме.

Затем объединенное и отфильтрованное от различных некорректных измерений «облако точек» передавалось в специализированное программное обеспечение Leica Cyclone, которое позволяет отобразить данные в трехмерном виде. Полученную модель можно использовать для любых задач, связанных с получением метрической геометрической информации об объекте. Для дальнейшей доработки изображения необходимо использовать другие программы и уже в них выравнивать облако точек и делать ортогональный снимок. Современное программное обеспечение позволяет не ограничиваться системным обеспечением прибора. При наличии финансового ресурса можно пользоваться другими программами для создания 3-D изображений.

В результате камеральной обработки были получены высококачественные изображения, отражающие специфические черты каждого объекта, практически не уловимые глазом. При сравнении данных 3-D моделей с фотографическими изображениями выяснилось, что лазерное сканирование дает достоверную информацию о поверхности исследуемого предмета. Атмосферное световое воздействие в виде яркого солнечного света не влияет на результат сканирования (четкость изображения), что означает, что при лазерном сканировании, в отличие от фотофиксации, нет необходимости выстраивать свет, ставить отражатели и дополнительные лампы вокруг предметов, что в некоторых случаях может привести к нанесению вреда музейным объектам. При этом становится явным слабовыраженный орнамент или следы внешнего воздействия, в том числе антропогенного, на поверхности исследуемого объекта материальной культуры.

Можно с уверенностью сказать, что опыт проведения лазерного сканирования со среднегабаритными предметами на территории Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН был успешен. Необходимо отметить, что данный метод уже был опробован на крупногабаритном объекте — комплексе Спасской церкви из Зашиверска [Майничева, Степанцов, 2018, с. 63]. Вследствие этого данные, полученные в результате сканирования каменных изваяний, дополняют общую картину и показывают, что данную методику можно использовать для создания трехмерных моделей комплексов музейных предметов средних размеров не только из камня, но также из дерева и других материалов.

Таким образом, 3-D изображения, полученные посредством лазерного сканирования, можно использовать в следующих направлениях:

- более детальное представление о состоянии поверхности конкретного объекта материальной культуры. Информация, полученная таким способом, может открыть неизвестные до сего момента детали, обнаружить едва заметный орнамент или установить факт возможного использования данного предмета в прошлом. Оцифрованное изображение сохраняется неизменным, точно передает форму, текстуру и размеры оригинала; данную методику применяют за рубежом не только для зданий, но и для менее габаритных объектов материальной культуры [Катаева, Дружинин, 2009, с. 40];

- выявление последующего антропогенного воздействия на объект материальной культуры. К сожалению, известны многие примеры того, что объекты культурного наследия по незнанию используются человеком в хозяйственной деятельности. Регулярный мониторинг позволит обнаружить ряд проблем, связанных с воздействием на эти объекты уже наших современников, и вовремя спасти множество историко-культурных ценностей от уничтожения и проявлений вандализма;

- осуществление постоянного мониторинга состояния сохранности объектов также позволит инициировать проведение реставрационных работ. При периодическом сканировании предметов и сопоставлении полученных 3-D изображений можно отследить воздействие природно-климатических и других факторов на исследуемый предмет;

- создание виртуального каталога высококаче-

ственных 3-D изображений среднеразмерных объектов (в частности, каменных изваяний), доступного для исследователей в любой точке планеты;

– печать 3-D модели объекта культурного наследия на 3-D принтере. Полученное изображение после камеральной обработки можно оперативно передать на принтер и напечатать макет предмета, или обработать далее в графическом редакторе и распечатать отдельными фрагментами в зависимости от поставленных задач.

Необходимо также отметить, что методика оцифровки объектов материальной культуры средних размеров может далее совершенствоваться. Технические характеристики использованного нами лазерного сканера позволили ускорить сканирование без снижения качества конечного продукта. Входящее в комплект программное обеспечение дало возможность справиться с поставленными задачами без промежуточных моделей сканирования.

Список литературы

1. Груздева Е.А., Орлова Е.Ю. Применение цифровых технологий в изучении материальных объектов // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. — Т. XIII. — С. 36–42.
2. Катаева С.В., Дружинин Ф.Д. Оцифровка объектов историко-культурного наследия: оборудование, методы, форматы // Историко-культурное наследие и информационно-коммуникационные технологии: сохранение и исследование. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. — С. 37–45.
3. Майничева А.Ю., Степанцов И.С. Методика воссоздания зданий и сооружений по материалам исторической этнографии с применением информационных технологий (на примере Саянского острога) // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. — Т. XIII. — С. 63–66.
4. Радзюкевич А.В. Опыт использования прикладных информационных технологий в сфере документирования форм объектов материальной культуры // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. — Т. XIII. — С. 79–82.
5. Середович В.А., Комиссаров А.В., Комиссаров Д.В., Широкова Т.А. Наземное лазерное сканирование — Новосибирск: Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 2009. — 261 с.
6. Фрейдин А.Я. Трехмерное лазерное сканирование и его применение для съемки архитектурных сооружений и реставрации памятников // Оптический журнал. — 2007. — Т. 74. — №8. — С. 44–49.

References

1. Frejdin A.Ja. Trehmernoe lazernoe skanirovanie i ego primenenie dlja s'emki arhitekturnyh sooruzhenij i restavracii pamjatnikov. *Opticheskij zhurnal*, 2007, Vol. 74, No. 8, pp. 44–49. (in Russ.)
2. Gruzdeva E.A., Orlova E.Ju. Primenenie cifrovych tehnologij v izuchenii material'nyh ob'ektov. In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosib. gos. unt arhitektury, dizajna i iskusstv, 2018, Vol. XIII, pp. 36–42. (in Russ.)
3. Kataeva S.V., Druzhinin F.D. Ocifrovka ob'ektov istorikokul'turnogo nasledija: oborudovanie, metody, formaty. In *Istorikokul'turnoe nasledie i informacionno kommunikacionnye tehnologii: sohranenie i issledovanie*. Perm': Perm. gos. unt, 2009, 238 p. (in Russ.)
4. Majnicheva A.Ju., Stepancov I.S. Metodika vossozdaniya zdaniy i sooruzhenij po materialam istoricheskoy jetnografii s primeneniem informacionnyh tehnologij (na primere Sajanskogo ostroga). In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosib. gos. unt arhitektury, dizajna i iskusstv, 2018, Vol. XIII, pp. 63–66. (in Russ.)
5. Radzjukevich A.V. Opyt ispol'zovanija prikladnyh informacionnyh tehnologij v sfere dokumentirovanija form ob'ektov material'noj kul'tury. In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosib. gos. unt arhitektury, dizajna i iskusstv, 2018, Vol. XIII, pp. 79–82. (in Russ.)
6. Seredovich V.A., Komissarov A.V., Komissarov D.V., Shirokova T.A. Nazemnoe lazernoe skanirovanie. Novosibirsk: Sibirskii gosudarstvennyi universitet geosistem i tekhnologii, 2009. 261 p. (in Russ.)

С.Г. Скобелев¹, Д.Ю. Береженко², В.В. Зеленина¹

¹Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск)

²Центр информатизации и новых технологий Республики Хакасия (Абакан)

¹sgskobelev@yandex.ru

Виртуальная реконструкция оборонительных сооружений Саянского острога на Енисее (XVIII–XIX века)

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту Минобрнауки РФ (проект №33.5677.2017/8.9)

Аннотация

Саянский острог был построен на Енисее в 1717–1718 гг. Прекратил свое существование в начале XIX в. Полностью изучен раскопками силами археологического отряда Новосибирского государственного университета. Имеющиеся археологические материалы позволяют провести его реконструкцию, в том числе виртуальную и трехмерную (3D). В результате такой работы осуществлено восстановление внешнего и внутреннего вида ряда важных составляющих деревянных оборонительных сооружений острога — стен «заплотного» и «тарасного» типов с помостами для обороняющихся, угловых и проездных башен, а также валов и рвов. Полученные результаты могут широко использоваться для изучения особенностей русского оборонительного зодчества в Сибири и России в целом, в том числе при интерпретации соответствующих новых археологических материалов.

Ключевые слова: Саянский острог на Енисее; оборонительные сооружения; археологические раскопки; планировка, виртуальная реконструкция

S.G. Skobelev¹, D.Y. Berezhenko², V.V.Zelenina¹

¹Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk)

²Center for Information and New Technologies of the Republic of Khakassia (Abakan)

¹sgskobelev@yandex.ru

Virtual reconstruction of the defensive structures of the Sayan Ostrog on the Yenisei (18th–19th centuries)

Abstract

The Sayan Ostrog (fortress) was built on the Yenisei river in 1717–1718. He ceased to exist at the beginning of the 19th century. Fully studied by excavations by the archaeological detachment of the Novosibirsk State University. Available archaeological materials allow for its reconstruction, including virtual and three-dimensional. As a result of this work, the external and internal appearance of a number of important components of the wooden fortifications of the fortress — walls of “zaplot” and “taras” types with scaffolds for the defenders, corner and travel towers, as well as ramparts and moats — was restored. The results obtained can be used to study the peculiarities of Russian defensive architecture in Siberia and Russia as a whole, including the interpretation of new archaeological materials.

Key words: Sayan fortress on the Yenisei; defenses; archaeological excavations; planning, virtual reconstruction

Саянский острог, построенный в 1717–1718 гг. на правом (восточном) берегу Енисея у выхода этой реки из «Саянского камня» (Западно-Саянского каньона) [Бородаев, Контев, 2015, с. 272, рис. 46] и просуществовавший до начала XIX в., в настоящее время является одним из немногих относительно полно сохранившихся памятников русской фортификации в Сибири. Он первый в России полностью археологически изученный объект такого рода, поэтому научная ценность материалов, полученных при его раскопках, может быть весьма велика для изучения истории русской архитектуры периода освоения не только собственно, территории бассейна Енисея, но и соседних регионов Сибири. В практическом

плане анализ планировки его сооружений, среди которых главными были объекты оборонительного назначения, создает хорошую основу для проведения их реконструкции, включая виртуальную.

При принятии решения о строительстве острога по мысли его инициатора — первого сибирского губернатора князя М. П. Гагарина, имелось в виду, что он станет важным опорным пунктом для русского продвижения как к золоту Яркенда [там же], так и в системе обороны крупного участка южно-сибирской границы Русского государства [Быконя, 1981, с. 54–57]. Как показали наши полевые работы, это было укрепление с правильными геометрическими формами (рельеф местности — ровная поверхность

берега Енисея, на форму острога не влиял. Он, судя по имеющимся сведениям, был похож на такие одно-временные ему оборонительные объекты соседнего Приобья начала XVIII в., как Умревинский (1703 г. создания) и Чаусский (1713 г. создания) остроги, Белоярскую (1717 г. создания) и вторую Бикатунскую (1717 г. создания) крепости и иные [Бородаев, Контев, 2015, с. 195, 225, 232, 255]. Это, казалось бы, облегчает задачу реконструкции его внешнего вида. Однако историческая ситуация сложилась таким образом, что, исходя из имеющихся документов, Саянский и перечисленные остроги, несмотря на их правильные геометрические формы (квадрат или прямоугольник), тем не менее заметно отличались друг от друга по своим размерам, внутренней планировке и использованию разных техник дерево-земляного строительства. Кроме того, остроги, построенные уже в XVIII в., археологическому изучению подвергались лишь частично и каких-либо новых сведений по планировке по этой причине дают нам мало. Соответственно, при изучении остатков Саянского острога большинство задач установления его фортификационных особенностей в рамках виртуальной реконструкции приходится решать впервые и самостоятельно.

В ходе проведения многолетних раскопочных работ нами был получен большой объем сведений об устройстве этой крепости, что позволяет осуществить реконструкцию многих элементов ее оборонительных сооружений. В частности, обнаружены явно читаемые остатки четырех угловых башен, слабые остатки проездной башни к полю и башни, через которую осуществлялся выход к реке. Выявлены остатки крепостных стен двух видов конструктивного устройства. Установлено, что расстояния между внешними сторонами противоположных деревянных стен по обоим направлениям составляли 54,2 и 54,4 м соответственно, т. е. острог имел почти правильную квадратную форму. С западной, южной и восточной сторон фиксировались рвы и валы, сопутствующие деревянным стенам; с севера, со стороны реки, ров и вал отсутствовали.

Угловые башни уверенно определялись как таковые по зачищенным в культурном слое остаткам их нижних венцов, лагов и полов. Все они имели подквадратную форму. О том, что это именно остатки угловых башен, говорят расположение по четырем углам внутренней площади городища, а также следы примыкавших к их внешним стенам оборонительных межбашенных стен острога. По конструкции, размерам (6 × 6 м) и ориентации они аналогичны друг другу. Имеющиеся археологические материалы позволяют однозначно интерпретировать все эти четыре постройки именно в указанном качестве (угловые башни с жилыми помещениями — «казармами»).

Проездная к полю башня и башня (или какое-то другое устройство с воротами), обеспечивавшая выход к реке, определялись значительно хуже.

Так, от первой из них остались отдельные незначительные фрагменты нижних венцов, по которым лишь предположительно можно восстановить конфигурацию и размеры сооружения. Но место расположения ее остатков определяется вполне уверенно — они находятся точно напротив проема в линии рва и вала. Все эти остатки былой деревоземляной конструкции несколько сдвинуты от середины сте-

ны в западном направлении. Башня должна была иметь сквозной проход (проезд) по первому этажу и двое ворот. Судя по сообщению Г. Ф. Миллера, в этой башне находилась караулка [Сибирь..., 1996, с. 62]. Нахождение такого помещения на первом этаже в данной ситуации маловероятно, поэтому можно предполагать, что башня была, как минимум, двухэтажной, имевшей также смотровую площадку поверх второго этажа.

Остатки другой башни более информативны, и по ним можно сделать вывод, что данное сооружение подквадратной формы было вписано в линию «тарасной» конструкции северной стены острога. Скорее всего, она могла находиться на площади крайнего отсека в восточной части «тарасов», будучи, как и проездная к полю башня, сдвинутой относительно середины стены, но, в данном случае, уже в восточном направлении. Об этом можно судить по тому факту, что далее, вплоть до северо-восточной угловой башни, «тарасная» конструкция отсутствовала, а защитная стена представлялась остатками зигзагообразной в плане линии «городни». «Тарасная» схема сама по себе обеспечивала более надежную защиту, чем «заплот» с «городнями», и потому логичным было бы предположить, что именно здесь, в месте, где стыкуются эти две конструкции (более устойчивая и менее надежная), должна была размещаться башня, защищавшая ворота и создававшая надежное примыкание как «тарасов», так и менее устойчивых «городен». Для данной башни в какой-то мере допустимо предполагать вариант реконструкции, когда она могла не примыкать к «тарасной» конструкции, а быть ее частью. «Тарасы», составлявшие большую часть северной стены острога, не были заполнены грунтом («хрящем») для защиты от артиллерийского огня, которого в данном регионе у вероятных врагов и не ожидалось, а использовалась для военных и хозяйственных нужд. Несомненно, они должны были иметь бойницы и какие-либо иные устройства оборонительного назначения, например, площадку под крышей по всей длине «тарасов», на которой во время боевых действий могли находиться обороняющиеся. Скорее всего, данная башня, в силу специфики своего назначения, не являлась жилой и должна была иметь сквозной проход, как и проездная башня к полю. По сообщению Г.Ф. Миллера, в башне находилась часовня [там же]: как и в ситуации с проездной башней к полю, такое помещение не должно было находиться на первом этаже. Соответственно, и эта башня должна была быть не менее, чем двухэтажной и со смотровой площадкой.

По материалам раскопок подтвердилось высказанное Н.П. Крадиным мнение о том, что в русских крепостях с геометрически правильной конфигурацией плана обычно более употребительными были четырехугольные башни [Крадин, 1988, с. 20].

Три остальные наружные линии оборонительных стен острога между угловыми и башней к полю представлены «заплотом» — это были уложенные друг на друга в горизонтальной плоскости бревна, концами входившие в пазы вертикально врытых в землю столбов. Остатки их линий везде прямые, не имеющие изгибов. «Заплот», уложенный по прямой линии, — конструкция неустойчивая, и потому изнутри она дополнительно укреплялась. Свидетельство тому — наличие таких дополнительных элементов,

как примыкающие изнутри к стенам заплота зигзагообразные линии остатков бревен нижних венцов «ломаной» (или зигзагообразной) конструкции — «городен». За счет своих угловых в плане форм они должны были обеспечивать достаточную устойчивость для всего комплекса деревянных стеновых сооружений, в первую очередь, прямой (т. е. внешней) линии «заплота». Кроме того, «городни» служили, видимо, и основой устройства помостов для обороняющихся. Этот тип оборонительной стены нашел применение целиком в западной, южной, восточной и, частично, северной стенах острога. Реконструкция расположения стен относительно выявленных прямых линий остатков «заплота» вполне однозначна, но вариантов способов соединения «городен» с бревнами «заплота» (так называемых «перерубов») может быть несколько.

Линии рвов и валов (с северной стороны их не имелось) полностью соответствовали деревянным стенам, при этом валы насыпались снаружи из вынутого при рытье рвов грунта (галечник бывшего дна Енисея) вплотную к башням и стенам в виде откосов, тем самым увеличивая глубину рвов.

В ходе раскопочных работ на разных участках двора городища было обнаружено значительное число фрагментов слюды со следами их обрезания и прошивки. Несомненно, это остатки слюдяных «окончин-шитух», издавна применявшихся в жилых и иных постройках на Руси и в Сибири. Соответственно, большинство деревянных построек должны были иметь слюдяные окна, поскольку ни одного фрагмента оконного стекла на площади двора острога не найдено. Исходя из данных обстоятельств, необходимо однозначно указать на то, что при виртуальной реконструкции острога следует показывать только слюдяные или пузырные окна в его постройках.

Имеющиеся археологические материалы позволяют провести предварительную виртуальную реконструкцию фортификационных устройств острога. Как можно по ним видеть, расположение в комплексе оборонительных сооружений, их размеры и ориентация определяются достаточно уверенно. Однако следует помнить, что от всех наземных сооружений сохранились (в лучшем случае) лишь остатки нижних венцов стен и башен. Поэтому наша реконструкция внешнего вида острога может быть максимально приближена к оригиналу лишь в смысле восстановления его планировки. Высота оборонительных сооружений, внешний вид башен (возможное наличие «обламов», бойниц, смотровых площадок, входы в них, способы размещения бойцов), стен и помостов для обороняющихся, расположение и вид ворот, дверей, калиток, окон, бойниц, формы крыш и материалы, использовавшиеся для их покрытия, устройства дымоотведения и т. п. на имеющихся материалах археологического происхождения не устанавливаются. Нет в нашем распоряжении и оригинальных планов и рисунков острога. Поэтому, будучи полностью уверенными в расположении на местности частей и отдельных деревоземляных сооружений крепости, внешний вид их выше первого венца мы можем восстановить лишь условно, пользуясь известными аналогиями или приблизительными расчетами. Так если длина звеньев «заплота» нами установлена точно (в среднем 6 м), то их высота может быть рассчитана исходя из средних величин, характерных

для сибирских острогов. Такой же принцип расчета следует применить для иных построек. Их внешний вид и внутренняя планировка в виртуальной (графической) реконструкции могут быть показаны лишь с учетом частоты встречаемости этих элементов в практике строительства острогов в Сибири и на Руси в целом [Крадин, 1988].

Таким образом, при реконструкции внешнего вида Саянского острога главная проблема, с которой приходится сталкиваться, и есть восстановление собственно внешнего вида крепости, т. е. того, что находилось выше уровня выявленных нами остатков нижних венцов. С сожалением следует констатировать тот факт, что на сегодня не имеется возможности эту проблему решить полностью и достоверно. Пока решение представляется вероятным лишь на уровне воссоздания реального плана крепости на самой нижней отметке, основанной на конкретных археологических остатках сооружений. Тем не менее, достаточно полная «археологическая» сохранность острога, тщательное изучение его двора в ходе раскопок и проведенная интерпретация архитектурных остатков позволили с привлечением комплекса источников на принципах взаимной верификации археологических, этнографических, музейных, письменных и иных сведений уточнить ранее разработанные интерпретации выявленных архитектурных остатков, предложить виртуальные реконструкции для ставших знаковыми в сибирской фортификации построек Саянского острога военного назначения, установить степень соответствия каждого сооружения архитектурным тенденциям эпохи в отношении форм, размеров, конструкций, строительных технологий и приемов.

В результате нами предложены конкретные виртуальные реконструкции всех видов оборонительных сооружений острога. Это, в комплексе, вид крепости со стороны поля с показом ее состояния на первые годы после создания, когда валы еще не задерживались (ил. 1); внутренний вид проездной к полю башни (ил. 2); вид изнутри острога на проездную к реке башню с показом часовни на свесе ее второго этажа, примыкающих оборонительных стен и внутренней планировки (ил. 3–4); вид со стороны реки и изнутри (ил. 5–6) на стену в виде «тарасов». Кроме того, с нашим участием создана и реконструкция памятника в формате 3D, позволяющая получить эффект пребывания в остроге, включая передвижение внутри построек оборонительного характера. В целом, проведенная работа позволила существенно уточнить и детализировать созданное нами ранее графическое воспроизведение внешнего вида Саянского острога в полном объеме и комплексе (ил. 7). Данные виртуальная и 3D реконструкции в общем виде соответствуют и хорошо иллюстрируют сообщение побывавшего здесь в 1772 г. П.С. Палласа о том, что это «строение изрядное» [Паллас, 1788, с. 542–543].

В целом, полученные результаты позволяют использовать их весьма широко при решении аналогичных вопросов виртуальной и 3D реконструкции других подобных, но хуже сохранившихся или менее изученных памятников русской истории и культуры на территории Сибири, по крайней мере, острогов и укрепленных сел XVIII в. по Енисею, в верхнем Приобье, по Иртышу, в Байкальском регионе.

Список литературы

1. Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. — Барнаул: АлтГПУ, 2015. — 437 с.
2. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. — Новосибирск: Наука, 1981. — 248 с.
3. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М.: Искусство, 1988. — 192 с.
4. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. — Ч. 3. — Кн. 1. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1788. — 655 с.
5. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. — Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. — 310 с.

References

1. Borodaev V.B., Kontev A.V. Formirovanie rossiiskoi granitsy v Irtyshsko-Eniseiskom mezhdurech'e v 1620–1720 gg. Barnaul: AltGPU, 2015, 437 p. (in Russ.)

2. Bykonya G.F. Zaselenie russkimi Prieniseiskogo kraja v XVIII v. Novosibirsk: Nauka, 1981, 248 p. (in Russ.)

3. Kradin N.P. Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo. Moscow: Iskusstvo, 1988, 192 p. (in Russ.)

4. Pallas P.S. Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva. Pt. 3. Iss. 1. St. Petersburg, 1788, 655 p. (in Russ.)

5. Sibir' XVIII v. v putevykh opisaniyakh G.F. Millera. Novosibirsk: Sib. khronograf, 1996, 310 p. (in Russ.)

Список сокращений

АлтГПУ — Алтайский государственный педагогический университет

Ил. 1. Вариант виртуальной реконструкции авторами проезды к полю и угловой юго-западной башни с примыкающими стенами, рвом и валом вскоре после их создания (вид с юга)

Ил. 2. Вариант виртуальной реконструкции авторами внутреннего вида проезжей к полю башни (вид с запада)

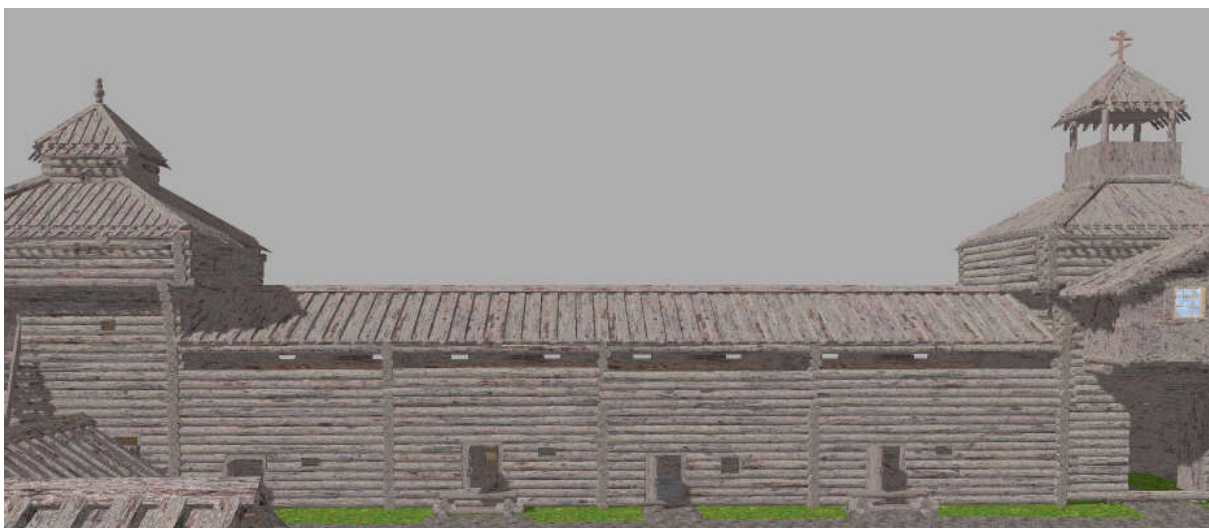
Ил. 3. Вариант виртуальной реконструкции авторами проезжей к реке башни с часовней (вид изнутри острога)

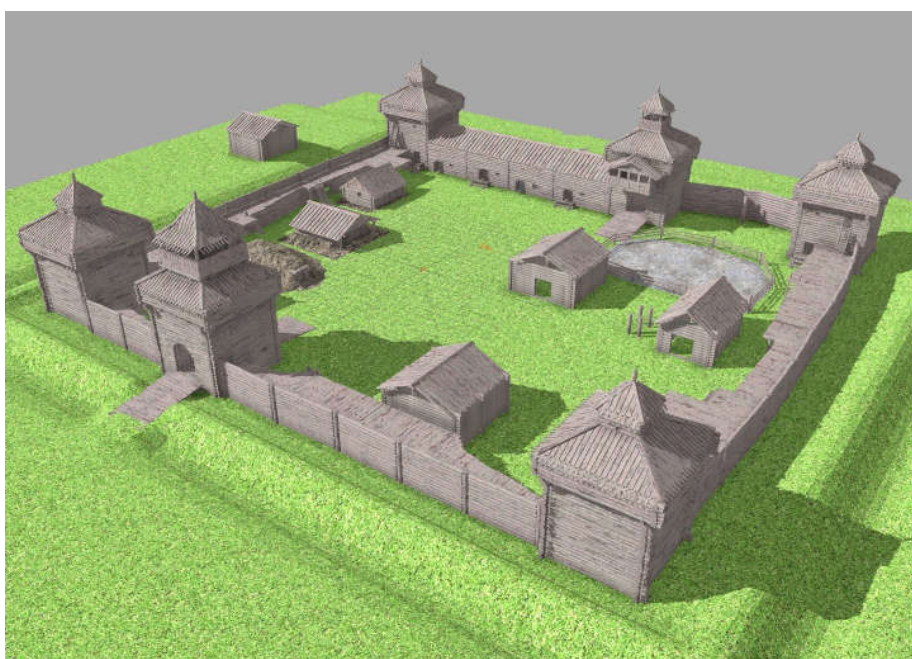
Ил. 4. Вариант виртуальной реконструкции авторами внутреннего вида проезжей к реке башни с часовней (вид с запада)

Ил. 5. Вариант виртуальной реконструкции авторами стены в виде «тарасов» (вид снаружи от острога)

Ил. 6. Вариант виртуальной реконструкции авторами стены в виде «тарасов» (вид изнутри острога)

Ил. 7. Вариант виртуальной реконструкции авторами общего вида Саянского острога (вид сверху с юго-востока)

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10062
УДК 004.9

В.В. Талапов
Сибирский государственный университет геосистем и технологий (Новосибирск)
talapoff@yandex.ru

Анализ опыта внедрения информационного моделирования в Великобритании

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00469 «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры»

Аннотация

Эта статья является попыткой проанализировать опыт перехода на технологию BIM (информационного моделирования объектов строительства) одного из пионеров и мировых лидеров в этой области — Великобритании. На сегодняшний день среди крупных стран Великобритании добилась наибольших успехов в переводе своей проектно-строительной отрасли на технологию информационного моделирования, и главная причина этому — хорошо продуманная и целенаправленно реализуемая государственная политика в этой области, сочетаемая с высокой восприимчивостью передовой части строительного сектора ко всему новому, умело стимулируемой государством.

Ключевые слова: информационное моделирование, модель реальности, BIM

V.V. Talapov
Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk)
talapoff@yandex.ru

Analysis of information modeling implementation experience in the UK

Abstract

This article analyzes the experience of use BIM technologies (information modeling technology of construction projects) in the UK as one of the pioneers and world leaders in this field. Nowadays the UK has achieved the greatest success in the transfer of its design and construction industry to information modeling technology. The main reason for this is a well-designed, stimulated by the state and purposefully implemented public policy in this area, combined with a high susceptibility of the advanced part of the construction sector to all new.

Key words: information modeling, models of reality, BIM

В настоящее время ведется поиск новых подходов и методов этнографического исследования объектов материальной культуры. Немалую роль в этом должны сыграть информационные технологии, захватывающие все новые сферы науки и общественной жизни. Опыт применения BIM (информационного моделирования объектов) в Великобритании, стране — одной из лидеров в этой области, может быть полезен для разработки программ ширококомасштабных исследований материальной культуры Сибири.

Краткая история появления BIM в Великобритании. Начало этой истории относится к первым годам XXI в., когда в Великобритании наметилась совершенно четкая тенденция возрастания разрыва между потребностями государства по строительству новых объектов или реконструкции имеющихся и его финансовыми возможностями. Ситуация усугубилась решением о проведении Олимпиады-2012, которое стала большой радостью для города Лондона и британских любителей спорта, но задало еще большую головную боль для руководства страны. В такой ситуации правительство стало искать выход из создавшегося положения.

Почти сразу специалисты обратили внимание на

только что появившуюся в мире новую технологию BIM, которая, как утверждали ее тогда еще немногочисленные приверженцы, существенно сэкономила деньги в строительстве. Времени на раздумья у исполнительной власти не было, поэтому решили проверить BIM на практике, выполнив несколько пилотных проектов. Для изучения были взяты типичные госбюджетные объекты, имевшиеся на тот момент в проработке — школы и тюрьмы, — причем по всему периоду проектирования и строительства.

В результате по школам получилось очень интересно, поскольку типовой характер объекта позволял сравнить результаты эксперимента (проектирование и строительство с помощью BIM) с имевшимися ранее и достигнутыми «обычным» способом. Полученные цифры впечатляли — школы, построенные при помощи BIM, оказались на 30% дешевле!

По тюрьмам результат также впечатлял, хотя в основной работе была всего одна тюрьма, причем рассматривался вопрос о ее реконструкции после 150 лет существования. Здесь последствия были несколько иные — на стадии концептуального проектирования с помощью информационного моделирования выяснилось, что реконструкция обойдется

гораздо дороже, чем строительство нового комплекса. Поэтому решили строить тюрьму на новом месте, а старое здание продать в частные руки для коммерческого использования, получив таким образом дополнительные средства на строительство. По оценкам на этом объекте получилась итоговая экономия порядка 20 миллионов фунтов стерлингов (18%), так что результат пилотного проекта также был оценен властями очень высоко.

По результатам этих пилотных проектов было решено внедрять информационное моделирование в Великобритании на государственном уровне.

Олимпиада в Лондоне и Crossrail. Следующей проверкой на практике правильности курса руководства Великобритании на информационное моделирование, но уже в совершенно иных масштабах крупного и комплексного проекта с фиксированными и весьма сжатыми сроками и высочайшей степенью ответственности, стало строительство олимпийских объектов в британской столице. Здесь основные усилия государственного заказчика были направлены прежде всего на координацию работы многочисленных подрядчиков и субподрядчиков.

Одновременно с созданием спортивной зоны было решено усовершенствовать транспортную инфраструктуру Лондона, построив сквозную подземную железную дорогу Crossrail. Строительство началось в 2009 г., окончание планируется на 2019 г., но к 2012 г. новая магистраль уже соединяла аэропорт Хитроу с Олимпийской деревней. И этот проект тоже реализовывался с помощью BIM.

Более подробно о ходе и результатах «олимпийского строительства» в Лондоне можно почитать в статье [Талапов, 2012б], а более поздний анализ — и в книге автора [Талапов, 2015].

Теперь отметим некоторые результаты проделанной работы, важные именно для внедрения BIM:

— Благодаря столь грандиозным проектам в Великобритании был получен колоссальный практический опыт внедрения и использования BIM. Это относится к исполнителям (заказчикам и подрядчикам) всех уровней, общей организации взаимодействия исполнителей и регламентации основных процессов моделирования, методикам пока еще неизбежного соединения в одном проекте BIM и «не BIM», обучению специалистов (не только «как нажимать кнопки», но прежде всего — как думать категориями информационного моделирования).

— Британские чиновники высокого ранга не боялись принимать конкретные и весьма ответственные решения по использованию «пока неизведанной и еще зеленой» технологии BIM в столь крупных и «политически значимых» проектах. Сейчас трудно говорить о размерах внутренних метаний или сомнений у этих людей, но практика показала, что все решения принимались обдуманно и своевременно, а периодически выявлявшиеся неизбежные в таком деле ошибки оперативно анализировались и исправлялись.

— Во многом такая смелость и продуманность принятия решений объясняется деятельностью UK BIM Task Group — созданной и финансируемой правительством группы интеллектуалов, которая занималась и занимается проработкой всех основных вопросов по переходу на информационное моделирование. По официальным данным, к началу 2013 г. на работу этой группы было потрачено 4 миллиона

фунтов стерлингов. Эта сумма значительно перекрывалась полученной на тот момент экономией государственных средств от реализации пилотных проектов, так что даже только по финансовым критериям формирование UK BIM Task Group можно считать экономически выгодным проектом. Таким образом, мы видим очень интересный ответ на вопрос, откуда брать деньги на внедрение BIM, особенно когда денег у государства нет.

— В Великобритании появилось несколько сотен проектно-строительных компаний разного уровня, которые оценили пользу от BIM и готовы были дальше осваивать и использовать информационное моделирование.

— Вместе с этим выяснилось, что не все в Великобритании «хотят в BIM», даже в условиях, когда государство создавало осваивающим технологию информационного моделирования определенные финансовые льготы. Это был, пожалуй, самый неожиданный результат столь грандиозных проектов. Поскольку информационное моделирование в идеале предполагает, что все участники проекта занимаются именно моделированием, а не тем, что им больше подходит по настроению или умению (традиционным «черчением»), то этот результат показывал необходимость в интересах государства (если, конечно, оно того хочет!) жесткого централизованного «стимулирования» перехода на BIM для всей строительной отрасли. Думается, что обозначенный результат был не менее ценен, чем все остальные.

И стимулирование от государства не заставило себя ждать. В 2011 г., то есть за год до начала Олимпиады, когда успехи от использования BIM были уже совершенно очевидны, а олимпийские объекты (в том числе благодаря BIM) построены, в появившейся «Правительственной стратегии строительства» (Government Construction Strategy) было сформулировано положение, что с 1 апреля 2016 г. все государственные (или с государственным участием) строительные заказы в Великобритании (новое строительство, реконструкция, капитальный ремонт) будут получать только те организации, которые их выполняют в рамках технологии информационного моделирования зданий.

В упомянутом документе также признавалось, что на текущий момент нехватка совместимых систем, стандартов и протоколов, а также различные требования клиентов и ведущих дизайнеров сдерживают широкое внедрение BIM, понимаемое как работу всех членов команды с одними и теми же данными. Поэтому усилия правительства предполагалось также направить на разработку стандартов, которые позволят всем участникам проекта осуществлять совместную работу через BIM.

Очень интересное, волевое и продуманное решение. Давайте теперь рассмотрим некоторые его особенности:

— В правительственной программе на реализацию решения устанавливался срок в пять лет. Этого времени было вполне достаточно (даже с запасом), чтобы любая организация поняла, что такое информационное моделирование, перешла на BIM и освоилась в этой технологии.

— Эти же пять лет были установлены для правительства, чтобы разработать необходимые стандарты и правила, определяющие, что такое BIM в

понимании государственного заказчика. Понятно, что без таких стандартов будет просто невозможно говорить о том, что кто-то использует BIM, а кто-то нет, то есть невозможно будет с 2016 г. сортировать исполнителей на «BIM» и «не BIM». Сегодня можно уверенно сказать, что выделенных на стандарты пяти лет оказалось мало. Вернее, коллектив авторов в этот срок уложился, но последний год шел явно в авральном режиме, так что еще годик-другой не помешал бы. И это при том, что британцы в вопросе стандартизации информационного моделирования сильно обогнали свое время — работы над стандартами для информации в строительной области велись в Великобритании с начала 1990-х гг., просто тогда их еще никто BIM-стандартами не называл.

– Согласно принятому решению, никто никого не убеждал и не принуждал, никто не завывал «из-за использования BIM» стоимость проектов — стоимость определяется рынком. Стимулом к переходу на BIM стала возможность участвовать в госзаказах, причем на прежних конкурсных условиях. Просто те, кто не в BIM, сразу оказывались вне конкурса. Государственные заказы в Великобритании составляют примерно 40% объема строительного рынка. Но крупные и средние (и даже небольшие) частные заказчики тоже захотели экономить деньги на строительстве и высказали намерение работать только с теми, кто в BIM. Поэтому экспертами вполне логично ожидается, что доля строительных проектов в Великобритании, выполняемых в технологии информационного моделирования, после 2016 г. поднимется до 90%.

– На полную мощность запускалась государственная программа подготовки к переводу госзаказов на BIM, в первую очередь — разработки необходимых BIM-стандартов.

– Было определено несколько уровней использования BIM. То, что требуется к 1 апреля 2016 г. и что должно быть описано соответствующими (разрабатываемыми и уже имеющимися) стандартами, получило название BIM Level 2.

Для справки: уровень работы **BIM Level 2** предполагает полное взаимодействие и полноценную коллективную работу всех участников проекта. Причем каждый разрабатывает трехмерную модель своей собственной дисциплины, полностью отвечая за нее, а затем происходит междисциплинарная координация в специальных средах, где определяются и устраняются коллизии, выверяются проектные решения и осуществляются многие другие действия общего характера. Предполагается, что на этом уровне такое организованное взаимодействие может обеспечить до 50% сокращения непроизводительных расходов проекта. Для этого уровня доступны визуальное планирование и управление строительством — 4D, а также управление стоимостью проекта — 5D. При возможном применении для решения различных задач нейтрального обменного формата IFC основными остаются «родные» форматы программного обеспечения, в котором разрабатывалась модель.

– Все принимаемые решения и документы проходят проработку в UK BIM Task Group. Думается, читателям будет интересно в связи с этим познакомиться с интервью с одним из активных членов указанного коллектива Ником Нисбетом [Талапов, 2014]. Этот разговор состоялся в конце 2014 г., и мы имеем возможность оценить, так ли сейчас все развивается,

как предполагалось тогда.

Британские BIM-стандарты. Как уже отмечалось, работа над ними (точнее, над основополагающим документом BS-1192:2007) началась еще в начале 1990-х гг., то есть в эпоху «до BIM». Думается, что это — лучшее подтверждение того факта, что технология информационного моделирования — это не что-то искусственное, что пытаются привнести в строительную отрасль извне, а она возникла в недрах самой этой отрасли. Также это говорит о том, что в Великобритании давно и правильно понимали общую тенденцию развития строительной индустрии. Более подробно о работе над стандартами можно узнать из интервью с Полом Шиллкоком, одним из их разработчиков [Талапов, 2012а].

Задача британских BIM-стандартов и сопутствующих документов — обеспечивать интересы государства в области реализации его строительных проектов с использованием технологии информационного моделирования, а также направлять и регулировать переход на BIM всей строительной отрасли Великобритании, что опять же происходит в интересах государства. Есть и третья цель таких разработок — обеспечение британской строительной индустрии дополнительных конкурентных преимуществ на мировом рынке, о чем будет сказано позднее.

На сегодняшний день официально опубликовано уже несколько документов разного уровня и приложений к ним, обеспечивающих переход строительной отрасли Великобритании на второй уровень информационного моделирования BIM Level 2. Среди них основными являются:

PAS-1192-2:2013 — общедоступная спецификация, основной документ британского BIM-комплекта. Он базируется на упоминавшемся уже более раннем стандарте **BS-1192:2007**, описывающем правила коллективной разработки архитектурной, инженерной и строительной информации, определяющей роли членов команды проекта, правила именования, классификации и обмена данными по проекту. В PAS-1192-2 дается определение среды общих данных и содержится информация, специфическая для BIM, вводится понятие уровней зрелости BIM, обозначаются условия применения нейтрального открытого формата COBie, предназначенного для передачи информации со строительства на стадию эксплуатации. В этом документе описан весь цикл управления информацией на этапе капитальных затрат.

PAS-1192-3:2014 — документ, решающий аналогичные задачи, но уже для стадии эксплуатации объекта недвижимости. Из информационной модели проекта (PIM) формируется модель актива (AIM), для которой на ранних стадиях формируются информационные требования, а затем модель поддерживается и используется на протяжении всего жизненного цикла объекта, вплоть до его утилизации.

BS-1192-4:2014 — этот стандарт определяет, каким образом правительство Великобритании как заказчик при сдаче объекта будет использовать схему передачи информации в нейтральном формате COBie для последующей загрузки этой информации в системы эксплуатации.

PAS-1192-5:2015 — этот документ предоставляет государственному заказчику ряд рекомендаций относительно возможных уязвимостей и методах контроля для обеспечения технической безопасно-

сти объектов недвижимости.

Также надо отметить целый ряд периодически обновляемых вспомогательных документов или ресурсов, облегчающих участникам работы с объектами капитального строительства процесс переход на BIM и работы в этой технологии:

Протокол плана выполнения BIM-проекта (AEC (UK) BIM Protocol Project BIM Execution Plan) — шаблон юридического документа, приложение к договору на проектирование и строительство, предоставляющее сторонам возможность обмениваться данными в рамках проекта. Он устанавливает специфические зоны ответственности и ограничения на использование моделей проекта.

«Мягкая посадка» для госзаказов (Government Soft Landings) — электронный ресурс от UK BIM Task Group (<http://www.bimtaskgroup.org/gsl/>), помогающий регламентировать процесс передачи объектов в эксплуатацию для финансируемых из бюджета проектов. В соответствии с требованиями регламента, команда проекта продолжает взаимодействовать со своим государственным заказчиком на протяжении нескольких лет после сдачи объекта для помощи в освоении правил эффективного использования объекта и его обслуживания. Персонал, вовлеченный в техническое обслуживание объекта, включается в работу уже на самых ранних этапах его проектирования.

Рабочий план RIBA (RIBA Plan of Work). Этот инструмент реализован RIBA (Королевский институт британских архитекторов) так же в форме веб-сервиса и помогает понять, какие данные требуются на различных этапах проекта и кто отвечает за разработку и передачу этих данных. Сегодня этот план существует уже в версии 2013 г. и бесплатно доступен на сайте организации (www.ribaplanofwork.com). Более подробно о нем можно прочитать в статье автора [Талапов, 2017].

Система классификации Uniclass 2015. Ее задача — обеспечить общий язык для полноценного взаимодействия всем членам команды проекта — проектировщикам, строителям, организациям, эксплуатирующим объект. Созданный классификатор позволяет единообразно проиндексировать и структурировать все данные по проекту, хранящиеся в электронном виде, обеспечив таким образом легкий доступ к ним. Это особенно важно для госбюджетных проектов с их системой контроля и отчетности на всех стадиях. Система классификации Uniclass 2015 явилась развитием более ранней системы Uniclass 2. Она реализована в электронном виде на веб-ресурсе (<https://www.thenbs.com/services/our-tools/introducing-uniclass-2015>) организации NBS (National BIM Standards), находящейся в структуре RIBA и призванной содействовать продвижению BIM в Великобритании.

Стратегия развития строительной отрасли до 2025 г. Эта стратегия стала логичным продолжением успехов (точнее, набранных темпов роста и освоения новых технологий) в строительной индустрии Великобритании, проявившихся к 2011 г., и стала частью более общей стратегии индустриального развития страны, в которой уже формулировались задачи «цифровой» экономики. После некоторых профессиональных обсуждений текст стратегии «Construction 2025» появился на сайте британского

правительства в 2013 г. [Construction].

Основные цели (итоговые параметры к 2025 г.) британской строительной стратегии впечатляют:

- 33% — сокращение стоимости на стадиях капитальных затрат и эксплуатации;
- 50% — сокращение сроков возведения объектов;
- 50% — сокращение вредных выбросов.

Была озвучена и еще одна главная цель — достичь мирового лидерства в цифровых строительных технологиях и нарастить с его помощью экспорт услуг, как строительных, так и консалтинговых, в том числе, через развитие и распространение британских протоколов и стандартов.

Одна из основных ролей в достижении главных целей «Стратегии» отводится BIM: предполагается, что к 2025 г. строительная отрасль Великобритании достигнет в BIM «критической массы». В чуть более поздней редакции «Стратегии» соответствующий пункт был уточнен: строительная отрасль должна к 2025 г. перейти на следующий уровень информационного моделирования BIM Level 3.

Следует сделать одно важное замечание: упоминавшиеся выше пилотные проекты, выполнявшиеся по заказу британского правительства, сразу реализовывались на очень хорошем уровне BIM, фактически на BIM Level 3. И компании, в настоящее время внедряющие у себя технологию информационного моделирования зданий, не ждут от государства команды, когда можно переходить на BIM Level 3, они сами решают, какой уровень BIM и в каких ситуациях им целесообразен, поэтому они обычно стремятся к максимуму. Устанавливаемый же государством с 2025 г. для всей отрасли уровень BIM Level 3 означает, что ниже него на госзаказах (и крупных проектах) опускаться будет просто нельзя.

Для справки: перспективный уровень работы **BIM Level 3** дает возможность собрать, обработать и проанализировать огромные массивы данных об объектах от проектировщиков, строителей и служб эксплуатации зданий и сооружений и открывает ранее недоступные возможности по долгосрочному улучшению функционирования объекта. Этот уровень будет строиться на процессе обмена данных BIM Level 2, но определения данных будут уточнены, а процессы дополнены, включая разновидности модели, которые можно будет совместно использовать на ключевых этапах жизненного цикла. В строительстве ожидается появление и развитие новых бизнес-моделей, трансформирующих структуру самой отрасли, стоимость будет снижаться, а среди специалистов будут востребованы люди с совершенно новыми навыками и знаниями.

Переход на уровень BIM Level 3 подразделяется на четыре этапа:

- 3a — улучшения в модели уровня 2;
- 3b — новые технологии и системы;
- 3c — появление новых бизнес-моделей;
- 3d — получение преимуществ от мирового лидерства в области BIM.

Авторы строительной стратегии Великобритании в документе «Digital Built Britain» («Британия, построенная цифрами») выделили преимущества, которые получит общество от реализации качественного нового уровня BIM Level 3:

- Существенная экономия на госзакупках.
- Быстрая и широкая реализация поэтапных из-

менений в производительности строительной отрасли, повышение ее эффективности.

- Оптимизация эксплуатации зданий, экономия на жизненном цикле, в частности, от сокращения энергопотребления.

- Безопасное пользование открытыми данными в контролируемом режиме.

- Преимущества для британских компаний от международного принятия стандартов и протоколов.

- Предоставление новых возможностей смежным областям: «умные» города и «интеллектуальные» энергосистемы, производство, кибербезопасность, новые материалы.

Таким образом, если подвести некоторый итог вышеизложенного, то надо отметить, что Великобритания имеет и продолжает нарабатывать очень интересный, весьма эффективный и заслуживающий внимательного изучения опыт внедрения BIM. Этот опыт заключается прежде всего в стратегии перехода строительной отрасли на новый «цифровой» уровень, а не в BIM-стандартах, как думают некоторые. Стандарты, рабочие планы и многое другое — это уже конкретные результаты реализации этой стратегии, среди которых на первое место я бы поставил функционирование UK BIM Task Group.

И все же основные идеи, связанные с внедрением BIM в Великобритании, достойны того, чтобы их упомянуть еще раз:

- Смелость и решительность госчиновников во внедрении BIM.

- Создание UK BIM Task Group, состоящей из профессионалов и финансируемой государством.

- Расходы на деятельность UK BIM Task Group, а также на разработку стандартов и других сопутствующих документов покрываются за счет экономии государственных средств от пилотных проектов.

- Внедрение началось (и продолжается) с выполнения полноценных пилотных проектов с передачей объекта в эксплуатацию. Только так пилотные проекты могут приносить деньги.

- Особое внимание уделяется крупномасштабным проектам, проводимым с участием государства.

- Составлен и четко выполнен план первого этапа внедрения информационного моделирования — переход на уровень BIM Level 2.

- Следующие этапы внедрения прописаны в Стратегии развития строительной отрасли до 2015 г.

- Все сроки названы достаточно разумно, и они выполняются.

- Среди основных задач перехода на информационное моделирование — своевременная разработка необходимых BIM-стандартов и иных способствующих внедрению BIM документов.

- Появление к нужному сроку классификатора строительных элементов.

- Рассмотрение программного обеспечения, необходимого для BIM, началось сразу со второго уровня — координации проекта и управления общими данными.

- Обучение чиновников и представителей службы заказчика «мыслить категориями BIM».

- И многое другое, что способствует успешному внедрению технологии информационного моделирования зданий.

Если подвести некоторые итоги перехода на BIM в Великобритании, то к 2018 г. уже отмечалось сни-

жение на 20% итоговой стоимости возводимых объектов, а число проектно-строительных компаний, использующих в своей работе технологию информационного моделирования, достигло 65%.

Список литературы

1. Талапов В.В. Жизненный цикл здания и его связь с внедрением технологии BIM. — 20.01.2017. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://ardexpert.ru/article/8445> (дата обращения 01.05.2019).

2. Талапов В.В. Технология BIM. Суть и особенности внедрения информационного моделирования зданий. — Москва: ДМК-Пресс, 2015. — 410 с.

3. Талапов В.В. Готова ли Великобритания к внедрению BIM? Интервью с Николасом Нисбетом. — 12.11.2014. — [Электронный ресурс]. — URL: http://isicad.ru/ru/articles.php?article_num=17332 (дата обращения 01.05.2019).

4. Талапов В.В. Пол Шиллок: BIM повысит конкурентоспособность проектно-строительной индустрии Великобритании. — 24.12.2012а. — [Электронный ресурс]. — URL: http://isicad.ru/ru/articles.php?article_num=15831 (дата обращения 01.05.2019).

5. Талапов В.В. Лондонская Олимпиада — выставка достижений международного BIM-хозяйства. — 30.01.2012б. — [Электронный ресурс]. — URL: http://isicad.ru/ru/articles.php?article_num=14985 (дата обращения 01.05.2019).

6. Construction 2025. Industrial Strategy: governmental and industry in partnership. — July 2013. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.gov.uk/government/publications/construction-2025-strategy> (дата обращения 01.05.2019).

References

1. Talapov V.V. Zhiznennyi tsikl zdaniya i ego svyaz' s vnedreniem tekhnologii BIM. 20.01.2017. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ardexpert.ru/article/8445> (data obrashcheniya 01.05.2019).

2. Talapov V.V. Tekhnologiya BIM. Sut' i osobennosti vnedreniya informatsionnogo modelirovaniya zdaniy. Moscow: DMK-Press, 2015. 410 p.

3. Talapov V.V. Gotova li Velikobritaniya k vnedreniyu BIM? Interv'y u s Nikolasom Nisbetom. 12.11.2014. [Elektronnyi resurs]. URL: http://isicad.ru/ru/articles.php?article_num=17332 (data obrashcheniya 01.05.2019).

4. Talapov V.V. Pol Shillkok: BIM povysit konkurentosposobnost' proektno-stroitel'noi industrii Velikobritanii. 24.12.2012a. [Elektronnyi resurs]. URL: http://isicad.ru/ru/articles.php?article_num=15831 (data obrashcheniya 01.05.2019).

5. Talapov V.V. Londonskaya Olimpiada — vystavka dostizhenii mezhdunarodnogo BIM-khozyaistva. 30.01.2012b. [Elektronnyi resurs]. URL: http://isicad.ru/ru/articles.php?article_num=14985 (data obrashcheniya 01.05.2019).

6. Construction 2025. Industrial Strategy: governmental and industry in partnership. July 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/construction-2025-strategy> (дата обращения 01.05.2019).

В.В. Тихонов
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» (Иркутск)
talci@irk.ru

Практика актуализации историко-культурного наследия западных бурят

Аннотация

В статье рассматриваются планировочные и домостроительные традиции западных бурят в XIX в. Описывается устройство крупных стационарных поселений — улусов-зимников и улусов-летников, а также более мелких поселений — православных миссионерских станов и маломорских рыбоделов, приводятся архитектурно-строительные характеристики отдельных сооружений. В заключительной части статьи рассматривается скансенологическая практика сохранения традиционной культуры западных бурят посредством создания этнических экспозиций в межрегиональном этнографическом музее народов Забайкалья «Верхняя Березовка», региональном Архитектурно-этнографическом музее под открытым небом «Тальцы», а также создания локальных (усадебных) экспозиций утэгов в музеях — Баяндаевском этнографическом музее под открытым небом и Государственном национальном музее Усть-Ордынского Бурятского автономного округа.

Ключевые слова: западные буряты, этнографический музей, рыбодел, гнездовая планировка, деревянная юрта

V.V. Tikhonov
The Taltsy Architectural and Ethnographic museum (Irkutsk)
talci@irk.ru

The practice of updating of the Western Buryats' historical and cultural heritage

Abstract

The article deals with the Western Buryats settlement planning and house-building traditions in the 19th century. The author describes the structure of large settlements — winter and summer ulus — and small settlements — Orthodox missionary and fish farmers camps. Also, architectural and construction characteristics of individual buildings are given. The last part of article tells about the practice of preserving the Western Buryats' traditional culture. The author describes the way of the creation of ethnic exhibits in the Inter-regional Ethnographic Museum of the People of the Baikal Region "Verhnaya Berezovka", the architectural and ethnographic open-air "Taltsy" museum, and the creation of local expositions of the Utegovs in the museums: the open-air Bayandaev ethnographic and the State National Museum of Ust-Orda Buryat Autonomous Region.

Key words: Western Buryats, ethnographic museum, fish farmer, nest layout, wooden yurt

Процесс формирования западно-бурятского этноса растянулся не на одно столетие. Это было связано с тем, что миграционные процессы в регионе с той или иной интенсивностью проходили на протяжении всего периода существования цивилизации. Информация, необходимая для формирования образа племен, представлявших западнобурятский этнос, начала поступать с приходом в Предбайкалье русских. В это время численность данных племен составляла около 10 тыс. чел. Через сто лет, по полученной в 1762 г. информации из «ревизских сказок», в Предбайкалье уже проживало 13 317 бурят [РГАДА. Ф. 350. Д. 1052], а уже по переписи 1897 г. численность составила 108 867 человек [Подгорбунский, 1902, с. 283]. Десятикратный рост численности этноса при переходе под российское подданство связан, в первую очередь, с изменениями в уровне жизни племен. Это прекращение междоусобных войн и набегов с юга монгольских и китайских отрядов, приведших к практически полному опустошению территории. Конечно, был беспредел и со стороны первых рус-

ских землепроходцев, но он — ничто в сравнении с набегам южных соседей. Ясак, который взимался со всех племен, живущих в Сибири, по современным меркам соответствовал нормальному (вполне по-сильному) налогообложению.

С приходом в регион русских западные буряты, в отличие от забайкальских бурят, вели уже полуседлый образ жизни. Их сезонный круг кочевания не превышал 30 км, в то время как у восточных бурят он был в пределах 100–200 км [Тихонов, 2013б, с. 380]. В окончательном виде западнобурятский этнос сформировался к концу XIX в., когда большая часть населения окончательно перешла на оседлый образ ведения хозяйства, с небольшими элементами кочевания в виде сезонных перегонов скота на улусы-летники [Нефедьева, 2004] и проживания зимой в улусах-зимниках [Тихонов, 2017], расположенных на удалении не более 10 км друг от друга [Жамбаева, 2004, с. 137]. Образ жизни западных бурят связан с их основным занятием — скотоводством. Такие промыслы как земледелие, охота, рыболовство первона-

чально носили вспомогательный характер. И только с середины XIX в. земледелие у бурят, живущих в Ангаро-Балаганских территориях, и рыболовство у бурят, живущих вдоль побережья оз. Байкал и на острове Ольхон, уже приобретают товарный характер. С этого времени происходит деление поселений на улусы-зимники и улусы-летники. В экспедициях мы довольно часто встречаем улусы-зимники, в том числе единичные улусы-зимники с архаичной гнездовой планировкой (Хиней, Загулан). Улусы-летники полностью утрачены с началом коллективизации в 1930-х гг. и в процессе ликвидации неперспективных деревень в конце 1950-х гг. Инфраструктуру улусов-летников растащили по родовым утэгам (усадебам) или колхозным дворам. Под улусы-зимники обычно выбирали земли вблизи водоемов с хорошим травостоем, огораживали их, формируя утуги (сенокосные луга, удобряемые унавоживанием) [Тихонов, 2002, с. 39]. К утугам примыкали утэги (усадьбы). К середине XIX в. планировка в улусах-зимниках начинает меняться с гнездовой на уличную. Вначале уличная планировка внедряется вблизи трактов, а затем, к началу XX в., охватывает практически все улусы-зимники. Расстояние между утэгами (усадебями) в улусах-зимниках при гнездовой планировке составляет от 100 до 300 м. При уличной планировке расстояние между утэгами — как в русских деревнях. Несмотря на разнообразие утэгов по инфраструктуре и планировке, при их исследовании установлены определенные закономерности. В частности, в классических утэгах присутствует старый дом, обычно конца XIX в., отапливаемый по-черному, и новый дом, построенный в первой половине XX в.; юрта восьми или четырехстенная (чаще встречаемая); ледник; амбары; навесы. Объекты располагаются по периметру усадьбы, формируя в центре двор [Тихонов, 2013а, с. 128].

Эволюцию развития утэгов можно проследить на примере утэга Александра Бураева (улус Загулан, Качугский район) [Тихонов, 2013б, с. 381]. Его история начинается с середины XIX в. Сначала строится четырехстенная юрта, затем к ней пристраивается дом в сочленении с юртой через холодные сени. В конце XIX в. на утэге строятся по русскому образцу два дома сыновей, с отоплением по-черному и с двухскатной стропильной кровлей. В 1924 г. на участке ставится новый дом по русскому образцу. Параллельно по периметру двора ведется строительство дворовой инфраструктуры: амбаров, навеса с ледником, стайки. Наиболее распространенным вариантом в плане набора построек и планировки можно рассматривать утэг Корнилы Бураева (улус Загулан, Качугского района), где по периметру располагаются новый дом (нач. XX в.), старый дом (кон. XIX в.), четырехстенная юрта с кровлей на подпорных столбах, ледник, пристроенный к юрте, и амбар. На утуге — стайки, навес для скота, овин и гумно. До нашего времени почти единичными сохранились усадьбы богатых бурят, таких как тайши Пирожков (пос. Бохан) и Александров (улус Шутхулун). У тайши Пирожкова был большой двухэтажный (по городскому типу) дом и двухэтажный флигель для прислуги, разнообразные хозяйственные постройки — двухэтажные амбары, конюшня и иные постройки. Утэг тайши Александрова располагал двумя большими домами городской архитектуры с богатой отделкой фасада, включающей объемную резьбу. Дома строи-

ли польские ссыльные. В утэге были две восьмистенных больших юрты, конюшня, стайки, навес, амбары. Из всех построек этого утэга сохранился только основной дом. В качестве примера можно привести еще утэг Степанова (улус Баянгазуй), состоящий из дома по городскому типу (нач. XX в.), пятистенка с холодными сенями, старого дома (в последующем используемого как зимовье), амбара и шестистенной (несохранившейся) юрты. В данном случае следует обратить внимание на шестистенную юрту. В период появления русских первопроходцев в регионе местные жители буряты жили в войлочных и деревянных шестистенных юртах [Жамбалова, 2004, с. 142]. В последующем во второй половине XIX в. шестистенные деревянные юрты стали выходить из обихода и заменяться четырехстенными, чаще всего встречающимися в утэгах, и восьмистенными, наиболее характерными для улусов-летников. Автор в своих экспедициях только один раз видел шестистенную юрту в уже полуразрушенном состоянии в улусе Большой Улун Качугского района [Тихонов, 2013а, с. 129].

В деревянных юртах основную стопу собирали из круглого бревна, полубревна или граненого бревна [Тихонов, 2002, с. 41]. Пол был поначалу земляной, в последующем был комбинированный (мужская половина застилалась толстой доской или полубревном, остальная оставалась земляной) или полностью застилался доской (полубревном) за исключением пространства под очаг в центре (обычно 2x2 м). Кровля была стропильной, покрытой жердями и сверху лиственничной корой. Для удержания коры от ветра на нее насыпали землю или покрывали дерном. Берестяная кора не использовалась, потому что пробивалась корнями пырея, растущего на дерне, который покрывал кору. В небольших юртах кровля строилась без поддерживающих устройств. В больших юртах кровлю поддерживали четыре столба [Тихонов, 2002, с. 41]. Были юрты с балко-стропильной системой поддержки кровли [Тихонов, 2017, с. 258]. Уникальной конструкцией поддержки кровли можно назвать шатровую, которую автор видел в юрте Этнографического музея народов Забайкалья «Верхняя Березовка» [Тихонов, 2017, с. 259].

В последующем систему покрытия юрт разнообразили. На стропильную систему укладывали короткое драньё в два слоя и в три ряда; покрывали в два слоя голтельной доской; пятислойное покрытие состояло из (снизу вверх): широких плах, лиственничной коры, дёрна, воздушного пространства (8–10 см) и двух слоев голтельной доски. Последнее устройство позволяло сохранить более стабильную температуру в течение суток во внутреннем пространстве юрты. Обязательной составной частью кровли юрты было дымовое отверстие в центре кровли, обычно квадратное, но могло оно повторять и конфигурацию стен юрты. Вход в юрту строился с восточной или юго-восточной стороны, где всходило солнце. В местностях, где были сильные ветра, к примеру на Байкале, к входу пристраивали сени или крытое крыльцо. Для хранения припасов ставили к одной из стен кладовую, с входом из юрты. Окна в юрту стали прорезать уже с XX в. Бревна стопы укладывались очень плотно друг к другу, без утепления мхом. Последнее говорило об очень высоком мастерстве строителей. При рубке углов стен использовали тот же способ, что и при строительстве русских домов.

Улусы-летники существовали для выпаса скота на более обширных территориях, вне улусов-зимников, где травостой сохранился к зиме. На улусы-летники переезжали с появлением первой зеленой травы, обычно в конце апреля, и пасли скот по октябрь включительно.

В Предбайкальском регионе улусы-летники комплектовались в основном стационарными постройками, хотя встречались иногда и войлочные юрты [Тихонов, 2013а, с. 130]. Из стационарных построек в инфраструктуре улуса-летника были: юрты деревянные, в основном восьмистенные, различных конструкций; навесы для скота и хозяйственных нужд, в том числе пристроенные к юртам; печь под навесом для выпечки хлеба; коновязные столбы сэргэ (бариса на о. Ольхон); колодец с поилкой для скота (когда улус-летник был на удалении от ручья или реки); поскотная ограда вокруг улуса. Юрты в планировке составляли полукруг вогнутой частью на восток или юго-восток. Последнее связано с содержанием скота в ночное время, его загоняли в этот полукруг, чтобы он весь был виден. Следует отметить, что буряты на о. Ольхон летников не имели, а скот круглый год пасся на подножном корму вокруг улусов-зимников.

Улусы-зимники и улусы-летники были основными стационарными поселениями у западных бурят на рубеже XIX–XX вв. К более мелким поселениям можно отнести бурятские православные миссионерские станы и бурятские маломорские рыбоделы. Бурятских православных миссионерских станов в регионе было 28 [Тихонов, 2018, с. 96]. Точную цифру крещеных бурят в Иркутской губернии вряд ли можно определить. По одним данным, на 1910 г. их было 85,8% [Тихонов, 2015, с. 196], по другим на 1895 г. — 35% [Кулаков, 1895, с. 120]. Такая разница в цифрах не удивительна. При крещении буряты, помимо натуральных дивидендов в виде трехрублевых подаваний или крестильной рубахи, получали еще некоторые льготы. В улусе Залаг (Качугского р-на) купец Сапожников бурятам, которые крестились, выдавал даже по 35 рублей. Это на начало XX в. были очень большие деньги. Поэтому ради материальной выгоды многие буряты проходили формальное крещение, в душе оставаясь шаманистами, то есть становились двоеверцами.

Миссионерские станы в Иркутской губернии стали возникать с середины XIX в. Так, в 1883 г. их было уже пять. Обычно миссионерский стан обслуживал от 15 до 43 улусов на расстоянии до 70 км и населением от 3 до 10 тыс. человек. Миссионерские станы ставились на небольшом удалении от какого-либо улуса-зимника. Чаще всего выбирали большой улус. Очень редко православные миссионерские станы размещались в самих улусах. Состав инфраструктуры православных миссионерских станов был неоднороден. Основой православных миссионерских станов была церковь. Чаще всего она строилась по готовым, рекомендованным властью проектам. Ставили православный миссионерский стан обычно у какого-нибудь водоема — для удобства при крещении большой массы людей. Школы были не во всех православных миссионерских станах, в Иркутской губернии только в 11 из 28. В состав станов входил дом священника. Он стоял недалеко от церкви. При стане иногда ставили деревянную юрту для родителей бурятских детей, обучающихся в школе. В школе учились не только дети бурят, но и дети русских из

ближайших деревень. При доме священника, а иногда и в отдельном здании при фельдшерском пункте, была аптека. Смысловое содержание аптеки или фельдшерского пункта — отучение бурят от лечения у шаманов и лам. Ламаизм в среду бурят Иркутской губернии проникал постепенно, это объяснялось общим православным настроением властей Иркутской губернии, мешавших этому процессу.

К началу XX в. ламаистов среди западных бурят было от 5 до 10% [Кулаков, 1895, с. 120]. В основном они расселялись в Аларском, Ольхонском районах и Тункинской долине. Буддийские миссионеры, обосновываясь в регионе (в Саянах, на о. Ольхон) с конца XIX в., строили молельные избушки — манхо (2x2 м). Некоторые из них сохранились до настоящего времени на о. Ольхон [Губин, 2004]. В последующем были построены дацаны — Аларский в 1812 г. в улусе Хигинском Баяндаевского уезда [Шинковой, 2009, с. 11] и Ольхонский в 1905 г. на о. Ольхон на р. Харанцинке. Все дацаны в 30-е гг. XX в. были уничтожены. Из ольхонского двухэтажного дацана в пос. Хужир (о. Ольхон) в 1939 г. построили двухквартирный дом, существующий по наше время.

Несмотря на миссионерскую деятельность православной церкви и буддийских миссионеров, основная масса западных бурят продолжала придерживаться шаманистской веры. Наиболее массовым шаманистским обрядом был Тайлаган — обрядовое действие с просьбой у духов благополучия в травостое, урожае, прибавлении скота и т.д. Для обряда недалеко от улуса выбиралось укромное место с необычными природными явлениями (сгоревшее от грозы дерево, замысловатые скальные выходы, родники и т.д.), на котором и проходило ритуальное действие под предводительством шамана. Действия обычно проводили весной перед появлением первой травы. Такие места были практически у всех улусов.

Основным отличием западных бурят, живущих вдоль побережья оз. Байкал, от степных бурят Верхоленско-Балаганской долины, было то, что они занимались товарной добычей рыбы. Этому соответствовала инфраструктура в виде маломорских бурятских рыболовецких станов.

К настоящему времени сохранилась только небольшая часть историко-культурного наследия западных бурят в материальных носителях культуры. Задача нынешнего поколения — провести актуализацию этого наследия, и, по возможности без искажений, выполнить аутентичное воссоздание утраченного. Наиболее гарантированной и вместе с тем доступной для населения формой сохранения в искаженном виде дошедшего наследия во всем мире считается скансенологическая практика, то есть музеефикация этого наследия посредством создания разнотипных и разномасштабных этнографических музеев под открытым небом. Актуализация историко-культурного наследия западных бурят в Иркутской области производится за счет строительства этнических экспозиций в региональном Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы», муниципальном Баяндаевском этнографическом музее под открытым небом, Государственном национальном музее Усть-Ордынского Бурятского АО.

В Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» на основе детального историко-культурного зонирования Иркутской области, проведенного в

1993–2015 гг., уже сформирован бурятский улус-летник, состоящий из шести разнотипных восьмистенных юрт, различного типа навесов, уличной печи, коновязных столбов сэргэ; бурятского маломорского рыболовецкого стана, состоящего из рыбодола, навеса для лодок, воротов для неводов, сушил для сетей, мест для разделки рыбы и для приготовления пищи, а также приспособления для смоления неводов. Под экспозицию улуса-зимника вывезен основной дом из утэга Александрова, основной дом, дом-зимовье и амбар из утэга Степанова. Планируется вывезти дома сыновей из утэга Александра Бураева, остальную инфраструктуру сформировать за счет аналогов или в новоделе. Утэг Корнилы Бураева будет сформирован за счет вывозки объектов оригиналов. Под бурятский православный миссионерский стан вывезена школа из пос. Кимильтей, остальная инфраструктура подбирается. Ламайскую веру в музее будут демонстрировать за счет аутентичного воссоздания манхо. Подбирается место для воссоздания Тайлагана.

В Государственном национальном музее Усть-Ордынского Бурятского автономного округа сформирована отдельно стоящая от основного здания экспозиция утэга, состоящего из дома с пристроенным к нему ледником, восьмистенной юрты с крыльцом, двухъярусного четырехкамерного амбара. Бурятская экспозиция в Баяндаевском этнографическом музее под открытым небом также состоит из утэга. В составе экспозиции — дом, юрта и навес. Уникальной здесь является восьмистенная юрта с дерновым покрытием. Ее особенность — встроенная мебель (таковую автор за все время экспедиционных исследований видел только в двух юртах). В перспективе планируется создание западнобурятской экспозиции в Архитектурно-этнографическом музее «Ангарская деревня» (г. Братск), а также строительство при горе Ёрд (пос. Еланцы) улуса-летника.

Вне Иркутской области тематика западных бурят сформирована в экспозициях Забайкальского этнографического музея «Верхняя Березовка». В этом музее работают экспозиции двух утэгов предбайкальских (западных) бурят и экспозиции в двух восьмистенных юртах, одна из которых имеет шатровую систему кровли.

По некоторым данным в конце 80-х гг. XX в. в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока СО РАН А.П. Окладниковым с территории Иркутской области вывезена юрта западных бурят. Учитывая то, что этот объект хранился в складированном состоянии довольно много лет, он должен уже прийти в состояние, не подлежащее реставрации.

В заключение следует отметить, что в статье коротко, буквально в тезисном порядке, отмечены все моменты по состоянию актуализации историко-культурного потенциала западных бурят в материальных носителях культуры.

Список литературы

1. Губин А.А. Манхо // Тальцы. — 2004. — № 2 (21). — С. 46–49.
2. Жамбалова С.Г. Традиционная система жизнеобеспечения: Поселения и жилища // Буряты. — М.: Наука, 2004. — С. 136–150.
3. Кулаков П.Е. Буряты Иркутской губернии // Из-

вестия ВСОИРГО. — 1895. — Т. 26. — Вып. 4–5. — С. 118–166.

4. Нефедьева А.К. Бурятский улус-летник в музее «Тальцы» // Тальцы. — 2004. — № 2 (21). — С. 56–61.

5. Подгорбунский И.А. Буряты (исторический очерк) // Прибавление к «Иркутским епархиальным ведомостям». — 1902. — № 13–14. — С. 29–301.

6. Тихонов В.В. Бурятская юрта конца XIX — начала XX века из улуса Баянгазуй // Тальцы. — 2002. — № 1 (13). — С. 39–44.

7. Тихонов В.В. Перспектива сохранения материальных носителей традиционной культуры Предбайкальских бурят // В мире научных открытий. — 2013а. — № 9 (45). — С. 376–387.

8. Тихонов В.В. Характер поселений западных бурят конца XIX — начала XX века // Проблемы сохранения, изучения и использования культурного наследия в современном музее. — Улан-Удэ: Изд-во Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, 2013б. — С. 127–131.

9. Тихонов В.В. Перспектива музеефикации элементов православной миссионерской деятельности во второй половине XIX — начале XX века в Иркутской губернии // Наследие святителя Иннокентия (Вениаминова) и православная миссионерская деятельность в Сибири, на Дальнем Востоке и сопредельных территориях. — Иркутск: ООО «Репроцентр А1», 2015. — С. 193–198.

10. Тихонов В.В. Улус-зимник западных бурят // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». — 2017. — № 9. — С. 248–265.

11. Тихонов В.В. Элементы материальной культуры, обеспечивающие духовные потребности западных бурят // Этнографический музей сегодня: Материалы межрегионального круглого стола, посвященного 50-летию со дня основания Этнографического музея народов Забайкалья. — Улан-Удэ: Изд-во ФГБОУ ВО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова», 2018. — С. 92–98.

12. Шинковой А.И. К истории ламаизма и Аларского дацана в Иркутской губернии // Тальцы. — 2009. — № 2 (33). — С. 9–18.

References

1. Gubin A.A. Manho. *Taltsy*. 2004. No. 2 (21). pp. 46–49 (in Russ.).
2. Kulakov P.E. Burjaty Irkutskoj gubernii. *Izvestija VSOIRGO*, 1895, Vol. 26, Iss. 4–5, pp. 118–166 (in Russ.).
3. Nefed'eva A.K. Burjatskij ulus-letnik v muzee Taltsy. *Taltsy*, 2004, No. 2 (21), pp. 56–61 (in Russ.).
4. Podgorbunskij I.A. Burjaty (istoricheskij ocherk). In *Pribavlenie k Irkutskim eparhial'nym vedomostjam*. 1902, No. 13–14, pp. 29–301 (in Russ.).
5. Shinkovoj A.I. K istorii lamaizma i Alarskogo dacana v Irkutskoj gubernii. *Taltsy*, 2009, No. 2 (33), pp. 9–18 (in Russ.).
6. Tihonov V.V. Burjatskaja jurta konca XIX — nachala XX veka iz ulusa Bajangazuj. *Taltsy*, 2002, No. 1 (13), pp. 39–44 (in Russ.).
7. Tihonov V.V. Perspektiva sohraneniya material'nyh nositelej tradicionnoj kul'tury Predbajkal'skih burjat. *V mire nauchnyh otkrytij*, 2013, No. 9 (45), pp. 376–387 (in Russ.).

8. Tihonov V.V. Harakter poselenij zapadnyh burjat konca XIX — nachala XX veka. In *Problemy sohraneniya, izuchenija i ispol'zovanija kul'turnogo nasledija v sovremennom muzee*. Ulan-Udje: Izdatelstvo Buryatskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii im. V.R. Filippova, 2013, pp. 127–131 (in Russ.).

9. Tihonov V.V. Perspektiva muzeifikacii elementov pravoslavnoj missionerskoj dejatel'nosti vo vtoroj polovine XIX — nachale XX veka v Irkutskoj gubernii. In *Nasledie svjatitelja Innokentija (Veniaminova) i pravoslavnaja missionerskaja dejatel'nost' v Sibiri, na Dal'nem Vostoke i sopredel'nyh territorijah*. Irkutsk: OOO «Reprocentr A1», 2015, pp. 193–198 (in Russ.).

10. Tihonov V.V. Ulus-zimnik zapadnyh burjat. *Taltsy*, 2017, No. 9, pp. 248–265 (in Russ.).

11. Tihonov V.V. Elementy material'noj kul'tury,

obespechivajushhie duhovnye potrebnosti zapadnyh burjat. *Etnograficheskij muzej segodnja: Materialy mezhtse regional'nogo kruglogo stola, posvjashhennogo 50-letiju so dnja osnovanija Etnograficheskogo muzeja narodov Zabajkal'ja*. Ulan-Udje: Izdatelstvo FGBOU VO Burjatskaja gosudarstvennaja sel'skhozjajstvennaja akademija imeni V.R. Filippova, 2018, pp. 92–98 (in Russ.).

12. Zhambalova S.G. Tradicionnaja sistema zhizneobespechenija: Poselenija i zhilishha. In *Burjaty*. Moscow: Nauka, 2004, pp. 93–104 (in Russ.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

РГАДА. Ф. 350. Д. 1052.

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10064
УДК 528.91, 681.518 (075.32)

Ш.З. Шагинян
Национальный университет архитектуры и строительства Армении (Ереван)
ELMA Scientific Centre (Ереван)
shahen_shahinyan@mail.ru

Применение современных геодезических методов для сохранения памятников архитектуры

Исследование проводилось при поддержке ELMA Scientific Centre

Аннотация

В статье представлены разные типы геодезических работ с применением современных методов, такие как топографическая съемка, аэрофотосъемка, наземное сканирование, которые косвенным образом влияют на сохранение памятников. Представлены как уже ставшими традиционными методы, такие как съемка спутниковыми приемниками и роверами и аэрофотосъемка, так и более новаторские методы — наземное и аэросканирование, которые уже повсеместно применяются в геодезическом производстве. Перечисленные методы содержат актуальные и современные технологии в сфере геодезии и геодезического обеспечения. В итоге применения данных методов было выявлено, что современные комбинированные методы имеют большую точность измерений и большую производительность, и их можно применять для решения широкого спектра вопросов.

Ключевые слова: памятник, ГНСС, фотограмметрия, сканирование, ГИС

Sh.Z. Shahinyan
National University of Architecture and Construction of Armenia (Yerevan)
ELMA Scientific Centre (Yerevan)
shahen_shahinyan@mail.ru

The use of modern geodetic techniques for the preservation of architectural monuments

Abstract

The article deals with different types of geodetic works using modern methods, such as topographic surveying, aerial photography and ground scanning. These methods indirectly affect the preservation of monuments. The article also presents methods that have already become traditional, such as satellite-based surveys and rovers and aerial photography, as well as more innovative methods — ground and aerial scanning, which are already widely used in geodetic production. The listed methods contain relevant and modern technologies in the field of geodesy and geodesic support. As a result of the application of these methods, it was revealed that modern combined methods have greater measurement accuracy and greater productivity. They can be used to solve a wide range of issues.

Keywords: monument, GNSS, photogrammetry, scanning, GIS

В настоящее время при участии автора статьи реализуется проект ELMA — это первая в Армении профессиональная электронная карта с независимой картографической основой и надежными данными. Основная цель команды ELMA — предоставить общественности качественную, правильную, понятную и доступную информацию в соответствующих областях. Это одна из возможностей развития информационных технологий — услуги электронной картографии, доступные для всех, включающие надежные базы данных и свободный доступ к информации, которая проверена профессионалами. При этом карта доступна для редактирования. ELMA делает Республику Армении уникальной страной, где предоставляются сверхточные пространственные данные, которые, в свою очередь, позволят реализовать высокотехнологичные, новаторские и эксклю-

зивные программы в различных областях, таких как полная автоматизация транспортных систем, движение беспилотных автомобилей и т. д. Важную часть проекта составляет и получение данных о памятниках архитектуры.

Памятники архитектуры представляют большую ценность и всегда имеют определенное региональное, государственное и глобальное значение. В настоящее время в мире разрабатываются многие методы сбора информации о них, а также на основе этой информации планируется сохранение и реконструкция памятников. Важно, чтобы собранная информация была максимально точной и полной.

Современные технологии дают такие возможности. В XIX в. геодезические методы использовались для получения карт местности и планов зданий. Со временем эти методы были усовершенствованы и

появилась возможность получить не только планы объектов и точные чертежи фасадов, но и снизить человеческий фактор, и, как следствие, минимизировать ошибки [Ходоров, 2017, с. 18; Бровар и др., 2017, с. 179].

В настоящее время геодезическое обследование памятников можно разделить на следующие этапы:

1. Изучение памятника и прилегающей территории, сбор информации из разных источников и выбор наиболее эффективного метода исследования.
2. Полевые исследования, сбор данных.
3. Камеральная обработка собранных данных.
4. Создание географической информационной базы.

Исследование памятника и прилегающей территории позволяет точно оценить объем планируемых работ и выбрать метод обследования, который будет наиболее эффективным для выполнения данной работы. Перед началом полевых работ проводится сбор существующих материалов. Топографические и ситуационные карты, текстовые описания и фотографии этой территории являются наиболее важными.

На следующем этапе проводятся геодезические полевые работы. Наиболее часто используются крупномасштабные топографические съемки, аэрофотосъемка, наземное и воздушное сканирование и фотосъемка летающими беспилотными летательными аппаратами.

Топографическая съемка. При изучении памятников очень важно иметь не только горизонтальное положение основного здания, но также расположение мельчайших фрагментов. Применяются методы топографической съемки в масштабе 1:500 (горизонтальный масштаб 1:100 и 1:200 и масштаб 1:50 по вертикали (фасад)) и более. Наиболее эффективный способ топографической съемки с использованием современного геодезического оборудования заключается в следующем: с использованием ГНСС ровер-станций (ил. 1а) создается сеть геодезических пунктов высокой точности. Измерения можно проводить в статике или кинематике, в зависимости от требований к точности [Шагинян, 2015, с. 45]. Наиболее эффективным является измерение в режиме реального времени (режим RTK), так как по этому методу можно получить координаты точек с точностью 2–5 см в плане, а по высоте — 3–7 см. Затем с использованием электронных тахеометров (ил. 1б) выполняется съемка. Желательно использовать такие тахеометры, которые имеют возможность измерять точки без отражателя. Это облегчит обследование фасада здания. После завершения съемки полученные результаты легко переносятся в любую векторную среду, в которой после обработки можно получить план здания и 3D-модель.

Аэрофотосъемка. Данный геодезический метод эффективен, когда исследуемый объект является не отдельным памятником, а комплексом памятников. Суть аэросъемки заключается в том, что она осуществляется с самолета путем фотографирования через специальное оборудование во время полета, которое выполняет съемку параллельно поверхности земли (илл. 2). Получается много картинок с наложением 30–95%. В результате последующей обработки получают ортофотопланы местности. Преимущество этого метода заключается в том, что при работе на большой территории сняты ортофо-

топланы местности дают общую картину местности, которая позволяет более полно понять местоположение объектов и ориентироваться в районе.

Используемые методы более эффективны для получения горизонтальных изображений памятников.

Наземное сканирование. Этот метод моложе предшественников, но обладает исключительной эффективностью для съемки вертикальных компонентов и деталей памятников. В настоящее время существуют стационарные и мобильные системы сканирования (илл. 3а, 3б) [Зоннтаг, 2013, с. 56], которые сканируют со скоростью 1 миллион точек в минуту, а расстояние между точками может достигать 1–5 мм. Стационарные системы сканирования устанавливаются на точках с хорошо известными координатами, и после ввода точных значений X, Y, H определяют местоположение объектов в пространстве. Мобильное сканирующее оборудование меньше по размеру и управляется вручную путем сканирования отдельных частей памятника, обломков и т. д. В результате работы получаются облака точек, которые после соответствующей фильтрации и моделирования дают очень детальную трехмерную модель памятника.

Эти методы позволяют собирать информацию об объектах-памятниках. У собранных данных уровень ошибок очень низок, а достоверность данных более чем высока. Желательно комбинировать методы для достижения наилучших результатов. Например, сканирование с топографической съемкой. Когда полевые работы завершены, информация обрабатывается с помощью соответствующих пакетов программного обеспечения.

Одним из последних и наиболее важных этапов работы является создание геоинформационной системы (ГИС). Географическая информационная система объединяет полевые и текстовые данные, архивные документы и существующие фотографии [Yunying and oth., 2014, p. 113, Meyer, 2010, p. 43].

В рамках проекта ELMA такая система создается для территории Республики Армения. Как было сказано выше, целью проекта ELMA является создание общедоступных и точных карт, которые будут применяться в различных областях. Для создания геоинформационной базы были разработаны, прежде всего, характеристики, наиболее важные для памятников. Например тип, значение, дата строительства, текущее состояние, архитектор, тип материала, местоположение, название и данные организации, которая несет ответственность за сохранение памятника, и т. д.

После разработки критериев была создана геоинформационная база данных, где сперва были размещены данные, полученные в результате полевых измерений, а потом она была дополнена иными характеристиками и текстовой информацией. В базу были добавлены архивные документы и фотографии (илл. 4).

Таким образом, имея подобную систему, мы решаем проблему корректности и компактного представления данных. В любой момент в этой системе пользователь сможет найти информацию об интересующем памятнике, проанализировать его состояние, определить наличие туристической инфраструктуры, выделить объекты, требующие немедленной помощи в сохранении. А в случае периодического

мониторинга также есть возможность иметь полный спектр данных в компактном и доступном виде.

Список литературы

1. Бровар В.В., Юркина М.И., Бровар Б.В. Гравиметрия и геодезия. — М.: Научный мир, 2017. — 570 с.
2. Зоннтаг Р. Сканеры. — М.: ИД «КомпасГид», 2013. — 104 с.
3. Ходоров С. Геодезия — это очень просто. Введение в специальность. — М.: Инфра-Инженерия, 2017. — 176 с.
4. Шагинян Ш.З. О постоянно действующих базовых станциях ГНСС в Республике Армения // Геопрофи. — 2015. — №1. — С. 44–47.
5. Meyer T.H. Introduction to Geometrical and Physical Geodesy: Foundations of Geomatics. — Redlands, CA: ESRI Press, 2010. — 260 p.
6. Yunying Qu, Zhiping Lu, Shubo Qiao, Geodesy: Introduction to Geodetic Datum and Geodetic Systems. — Berlin: Springer, 2014. — 397 p.

References

1. Brovar V.V., Yurkina M.I., Brovar B.V. Gravimetriya i geodeziya. Moscow, Nauchnyi mir, 2017, 570 p. (in Russ.).

2. Khodorov S. Geodeziya — eto ochen' prosto. Vvedenie v spetsial'nost'. Moscow, Infra-Inzheneriya, 2017, 176 p. (in Russ.).

3. Meyer T.H. Introduction to Geometrical and Physical Geodesy: Foundations of Geomatics. Redlands, CA, ESRI Press, 2010, 260 p. (in Russ.).

4. Shaginyan Sh.Z. O postoyanno deistvuyushchikh bazovykh stantsiyakh GNSS v Respublike Armeniya. Geoprofi, 2015, No 1, pp. 44–47. (in Russ.).

5. Yunying Qu, Zhiping Lu, Shubo Qiao, Geodesy: Introduction to Geodetic Datum and Geodetic Systems. Berlin, pringer, 2014, 397 p. (in Russ.).

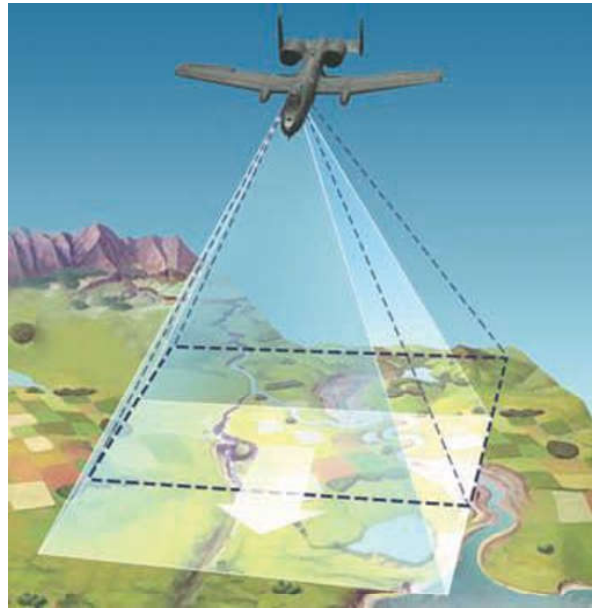
6. Zonntag R. Skanery. Moscow, ID KompasGid, 2013, 104 p. (in Russ.).

Список сокращений

- ГИС — геоинформационные системы
 ГНСС — глобальные навигационные спутниковые системы
 GNSS — global navigation satellite system
 RTK — Real Time Kinematic

Ил. 1: а) ГНСС ровер станция, б) электронный тахеометр (<https://leica-geosystems.com/>)

Ил. 2. Процесс аэрофотосъемки (https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_geo/6307/%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5)

а

б

Ил. 3: а) стационарный сканер, б) портативный сканер (<https://leica-geosystems.com/>)

A screenshot of the ELMA system interface. On the left is a map of the Caucasus region with labels for KARBNATH, TALEN PLA, VALEN, DARGULS, and ZILARGO. The main area is titled "Информация об архитектурном памятнике" (Information about architectural monument) and shows a map of the monument's location. On the right, there is a detailed view of the "PANKHIAN RESIDENTIAL BUILDING (1876)" with various photographs, architectural drawings, and a floor plan. The ELMA logo and website URL are visible at the bottom left.

Ил. 4. Вид базы памятников в системе ELMA

Пути интеграции исторических объектов
в пространство населенных пунктов XXI века

Integration Ways of Historical Objects
Into Settlements of 21st Century

Н.С. Акчурина
Уральский государственный архитектурно-художественный университет (Екатеринбург)
akchurinans@mail.ru

Храмовое подворье в честь иконы Божией Матери «Казанская» в поселке Шабры Свердловской области

Аннотация

В статье представлен авторский опыт строительства храмового подворья в честь иконы Божией Матери «Казанская» в поселке Шабры Свердловской области. Строительство ведется с 2012 г. Выделенный под строительство храма участок характеризуется очень сложным рельефом с большими перепадами высот, что позволяет зонировать территорию подворья. Храм запроектирован на самой высокой точке участка. Кроме храма, намечено строительство церковно-причтового дома, водосвятной часовни, святого колодца, трапезной и хозяйского блока.

Ключевые слова: деревянные православные храмы, православные комплексы, церковно-причтовый дом, малые населенные пункты, храмовое зодчество Свердловской области

N.S. Akchurina
Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)
akchurinans@mail.ru

Temple metochion in honor of the Kazan icon of the Mother of God in Shabry, Sverdlovsk Region

Abstract

The article deals with author's experience of construction of a temple metochion in honor of the Kazan icon of the Mother of God in the village of Shabry of Sverdlovsk region. The construction has been conducting since 2012. The site allocated under construction of the temple is characterized by rugged relief with big elevation differences that allows to zone the territory of the metochion. The temple is designed on the highest point of the site. Except the temple, construction of church house, a holy-water chapel, a sacred well, a refectory and an amenities building is planned.

Key words: wooden Orthodox churches, orthodox complexes, church house, small settlements, temple architecture of Sverdlovsk region

Поселок Шабры возник в 80-е гг. XIX в., когда началась разработка имеющегося здесь минерального сырья — крупнейшего на Урале и в стране месторождения тальково-магнезитового камня. Был построен Шабровский тальковый комбинат, состоявший из карьера, обогатительной фабрики и вспомогательных цехов. Через поселок проложена железная дорога от разъезда №75 до города Сысерть, что обеспечило вывоз готовой продукции. В 70-х гг. XX в. по северной окраине поселка прошла окружная железная дорога Решеты-Арамилы, стала развиваться производственно-складская зона Екатеринбурга.

27 декабря 1940 г. поселок Шабры был отнесен к категории рабочих поселков Арамилевского района. Первоначально входил в Сысертский район, с 1964 г. — в подчинении Чкаловской администрации города Свердловска. 22 июня 2004 г. Екатеринбургская городская Дума признала состоявшимся сбор подписей населения поселка Шабровский по поводу отнесения его к категории сельских населенных пунктов. 12 октября 2004 г. губернатор Свердловской области подписал закон №117-ОЗ «Об отнесении рабочего поселка Северка и поселка Шабровский, располо-

женных в административных границах города Екатеринбурга, к категории сельских населенных пунктов, к виду поселок».

До 90-х гг. XX в. в поселке существовала небольшая православная община и молебенный дом, расположенный в частном доме. Настоящего храма в поселке не было. Как самостоятельный приход в пос. Шабры община была зарегистрирована только в сентябре 2005 г. А в сентябре 2006 г. настоятелем прихода после рукоположения стал иерей Леонид Огнетов, и уже при нем началось активное строительство храма.

В 2008 г. в период с ноября по декабрь был выкопан котлован и установлены первые блоки фундамента храма в честь иконы Божией Матери «Казанская» (в верхнем приделе) и Святого Николая (в нижнем приделе). С 2008 по 2010 г. производилось оформление документации по строящемуся храму. Участок был отведен настолько значительный, что позволил говорить о создании храмового подворья, в составе которого, кроме храма, было намечено строительство церковно-причтового дома, водосвятной часовни, святого колодца, трапезной и хозяйского блока.

С 2012 г. началось плодотворное строительство храма (по проекту арх. Н.С. Акчуриной). На праздник Троицы в 2014 г. митрофорным протоиереем Николаем Ладюком была совершена закладка камня престола в честь иконы Божией Матери «Казанская» по благословению митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла, а 15 августа 2015 г. были освящены купола храма. В декабре 2015 г. было закончено строительство верхнего храма в честь иконы Божией Матери «Казанская», но первая служба

состоялась еще 4 ноября 2015 г., в день престольного праздника.

Согласно данным переписи населения 2010 г., в поселке проживало 4,5 тыс. населения (2075 мужчин и 2451 женщин, табл. 1). Состав храмового подворья вполне соответствует данным исследований автора, касающихся особенностей объемно-планировочной организации современных деревянных храмов и комплексов для малых населенных пунктов (табл. 2) [Акчурина, 2018].

Таблица 1

Численность населения поселка Шабры (по данным переписи населения)

1959	1970	1979	1989	2002	2009	2010
3394	↘3356	↗4241	↘4007	↘3933	↗3987	↗4526

Таблица 2

Функциональный состав приходского комплекса разработан автором в соответствии с [2018, Акчурина]

Вид комплекса		Рекомендуемое размещение на селитебной территории	Здания, сооружения, помещения				Примечания
			Богослужебного назначения		Вспомогательного назначения		
			Основные (вмест.)	Дополнительные	Основные	Дополнительные	
Приходской комплекс	Сельский	Центр сельского поселения (большого — 3–5 тыс. чел.)	Храм (300 чел.)	Крещальня Часовня	Церковно-причтовый дом Церковная лавка Хоз. службы	Воскресная школа Гостиница Жилые дома причта	Службы на постоянной основе

Двухпрестольный храм запроектирован вместимостью 200 чел. (верхний придел) и 180 чел. (нижний придел). Верхний придел во имя иконы Божией Матери «Казанская» предназначен для постоянных служб. Нижний придел во имя Святителя Николая Мир Ликийских чудотворца является крестильным приделом и имеет все необходимые вспомогательные помещения — раздевалки, комнату ожидания и собственно крестильное помещение с баптистерием.

В церковно-причтовом доме планируется расположить воскресную школу, швейную и иконописную мастерские, церковную лавку, рабочие кельи, кабинет священника и две служебные квартиры для клира.

В хозблоке предусмотрено размещение гаража, слесарной и столярной мастерской.

Водосвятная часовня предназначена для проведения водосвятных молебнов и также оборудована баптистерием для крещения.

Выделенный под строительство храма участок характеризуется очень сложным рельефом с большими перепадами высот, что, с одной стороны, представляет некоторые трудности, но, в то же время, позволяет зонировать территорию подворья (ил. 1) на храмовую территорию и вспомогательную.

Единственное отступление от условий, предлагаемых в разработанной таблице, — храмовое подворье размещено не в центре поселка. Но в то

же время участок, где расположено здание храма, возвышается над всем поселком Шабры. Храм запроектирован на самой высокой точке участка и хорошо просматривается из поселка, является высотной доминантой всей окружающей застройки. Это полностью соответствует церковной традиции — для строительства храма всегда выбирали самое возвышенное место.

Зонирование участка выполнено таким образом, что вся территория четко делится на две части: в верхней части храм, святой колодец и парадная площадь перед храмом, а все службы — на нижней террасе территории, со стороны въезда на участок.

От главного въезда дорога ведет вверх, к храму (ил. 2–5). На площади перед храмом, на его главной оси расположен святой колодец. Основные служебные здания и водосвятная часовня (ил. 6–7) располагаются на нижней террасе участка вокруг нижней площади, центром которой является цветник. Водосвятная часовня замыкает ось, проходящую от главного въезда через весь участок по нижней части территории.

В водосвятной часовне также имеется раздевалка и комната ожидания. Сама часовня представляет собой многосветный объем с шатровой кровлей, в которой, как и в боковых стенах, предусмотрены окна, что обеспечивает эффект льющагося с высоты света и подчеркивает торжественность проис-

ходящего таинства Крещения. Над окнами в шатре выполнен сводчатый подшивной потолок из доски-вагонки, позволяющий закрыть конструкции и утеплить шатер над крестильным помещением.

В архитектуре храма использовано традиционное построение — пятиглавие над средней частью и шатровая колокольня над притвором. Цвет кровли храма и часовни — синий, от наименования храма в честь Божией Матери. Монументальность образа подчеркивает значение иконы Божией Матери «Казанская» в русской православной церковной традиции: это древнейшая чудотворная икона, к которой во все времена обращались русские люди как к заступнице и покровительнице во многих нуждах и печалях. Праздник иконы Божией Матери «Казанская» отмечается дважды в году — 21 июля и 4 ноября. Второй из этих праздников является в нашей стране государственным — День народного единства. В дни военных потрясений для нашей страны к этой иконе не раз прибегали, прося заступничества и покровительства.

Для строительства храма и часовни использовался круглый лес (сосна), заготовленный в зимний период, очищенный от коры, предварительно высушенный примерно в течение года. Для высушивания бревен их выкладывают «в реж», то есть перпендикулярными слоями переменного направления таким образом, чтобы бревна как можно меньше соприкасались друг с другом, и сверху устраивают крышу от дождя, под которой свободно дует ветер. Затем высушенный лес обрабатывают рубанком для уплотнения верхнего слоя бревен и покрывают антисептическим и антипиреновым составом с красителем под светлый орех. В срубе применялись стандартные 6-метровые бревна, но в пролетах над арками были заложены бревна 7-метровые, чтобы избежать размещения стыков бревен над аркой. Конструктивная задача в этом случае заключалась в том, чтобы использовать как можно меньше «стыкованных» бревен, несмотря на довольно сложный план здания храма. Одновременно это создает жесткие конструктивные пояса из цельных бревен под арками в стенах и над арками и обеспечивает жесткость всей конструкции в целом.

Использование для строительства храма круглого леса с соответствующей обработкой, а не оцилиндрованных бревен позволяет увеличить срок службы деревянного здания: при цилиндровке бревен снимается верхний самый плотный слой древесины, и

сам этот способ обработки оставляет довольно рыхлую поверхность бревна. Обработка высушенных бревен рубанком уплотняет поверхность и увеличивает долговечность материала. Кроме того, важно и чисто эстетическое восприятие здания из круглого леса по сравнению со зданием из оцилиндрованных бревен: строение из круглого леса выглядит естественнее, надежнее и монументальнее, чем здание из одинаковых «карандашиков».

В настоящее время завершается строительство водосвятной часовни и идет проектирование церковно-причтового дома с воскресной школой и хозяйственного корпуса с мастерскими. Законченный вид подворье приобретет, когда будет завершено строительство всех входящих в его состав зданий и будет выполнено благоустройство на очень сложном и красивом рельефе, поднимающемся террасами к храму.

Запроектированное подворье храма в честь иконы Божией Матери «Казанская» является экспериментальной проверкой данных проведенного ранее исследования по изучению состава церковных подворий для малых населенных пунктов. Практика подтвердила данные исследования, но показала, что функциональный состав церковно-причтового дома и хозблока не является величиной постоянной: нужна его корректировка в каждом конкретном проекте в зависимости от местных условий, потребностей и возможностей прихода.

Список литературы

Акчурина Н.С. Особенности объемно-планировочной организации современных православных деревянных храмов и комплексов для малых населенных пунктов // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. — Т. XIII. — С. 372–375.

References

Akchurina N.S. Osobennosti ob»emno-planirovochnoj organizacii sovremennyh pravoslavnyh derevyannyh hramov i kompleksov dlya malyh naselennyh punktov. In Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosib.gos. un-t arhitektury, dizajna i iskusstv, 2018, Vol. XIII. pp. 372–375. (in Russ)

Ил. 1. Схема застройки участка храмового подворья (авторские проектные материалы)

Ил. 2. Перспектива Храма Казанской иконы Божией Матери (авторские проектные материалы)

Ил. 3. Стадия строительства храма. Снимок автора

Ил. 4. Южный фасад храма. Снимок автора

Ил. 5. Интерьер храма. Снимок автора

Ил. 6. Вид на храм со стороны Водосвятной часовни (авторские проектные материалы)

Ил. 7. 3-D модель подворья (авторские проектные материалы)

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10066
УДК: 72:378

Т.Л. Вальтеран¹, Т.С. Дудина
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹dek_info@ngaha.ru

Проектный подход в изучении обучающимися историко-архитектурного наследия

Аннотация

Проектный подход в изучении историко-архитектурного наследия позволяет подготовить профессионала, способного в проблемной ситуации отсутствия данных создать современный объект. Применение междисциплинарных знаний происходит в процессе интеграции проектной и исследовательской работы, в результате чего реализуется приобщение обучающихся к основам самостоятельной деятельности. Традиционно считается, что наиболее интересными и полноценными являются только выпускные работы обучающихся вузов, сочетающие актуальность, полноценное знание истории, несомненную научно-проектную новизну, применение всего арсенала профессиональных и междисциплинарных знаний и глубину проработки. Однако зачастую курсовые работы, выполняемые в краткие сроки, в рамках учебного процесса, не многим уступают авторским проектным решениям выпускных квалификационных работ. Курсовые работы и проекты ориентированы на практическое применение и несут актуальный поисковый характер, что позволяет подготовить специалистов, способных принять нестандартные решения в отношении наиболее ответственных участков исторических зон города, основываясь на знании историко-архитектурного наследия. Данные задания позволяют формировать и развивать творческое мышление обучающихся, умение определять причинно-следственные связи, проводить исследование, принимать обоснованные профессиональные решения.

Ключевые слова: проектный подход, современное образование, историко-архитектурное наследие

T.L. Valteran¹, T.S. Dudina
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
¹dek_info@ngaha.ru

The project approach in the historical and architectural heritage study

Abstract

The project approach in the historical and architectural heritage study makes it possible to train a professional who is able to create a modern object in the lack of data. The use of interdisciplinary knowledge occurs when project and research works are integrated. As a result students are involved in independent activity. Graduate qualification work of university students is traditionally considered to be the most interesting and complete work. It includes relevance, full knowledge of history, undoubted scientific and project novelty, the use of professional and interdisciplinary knowledge, the depth of study. However, it is often the case that term papers, being a part of the educational process and made in short terms, are almost as good as the author's projects of graduate qualification works. Term papers and projects are focused on practical application and have relevant research nature. It allows to train specialists who are able to take non-standard decisions regarding the most important historical areas of the city, based on knowledge of the historical and architectural heritage. These tasks allow to form and develop students' creative thinking, their ability to determine cause-and-effect relations, to conduct research, and to take informed professional decisions.

Keywords: project approach, modern education, historical and architectural heritage

На современном этапе развития обществу необходимы гармонически развитые, разносторонне подготовленные и творческие личности, квалифицированные специалисты, способные работать в быстро меняющихся социально-экономических условиях. Умение реализовать творческий подход в профессиональной деятельности — одна из основных задач современного образования. Необходимо подготовить профессионала, способного в проблемной ситуации отсутствия данных создать новый современный объект, применив междисциплинарные знания.

Одним из важных условий, которые обеспечи-

вают развитие личности и творческую активность обучающихся, является интеграция учебной и исследовательской работы на основе проектной деятельности. Это позволяет освоить универсальные методы, позволяющие принимать обоснованные решения, сочетая профессиональные данные и научную информацию из смежных областей деятельности в процессе разработки проекта [Белова, 2010, с. 119–120].

В России под руководством русского педагога С.Т. Шацкого в 1905 г. была организована небольшая группа сотрудников, пытавшаяся активно ис-

пользовать проектные методы в практике преподавания, но наиболее широкое распространение метод получил после издания в 1919 г. брошюры «Метод проектов» основоположника этого направления, американского педагога В.Х. Килпатрика.

Карл Фрей в своей книге «Проектный метод» (изд-во «Бельц», Германия, 1997) под этим понятием подразумевал «путь», по которому идут обучающиеся, разрабатывая проект [Полат, 2010, с. 193–200]. Реализация метода позволяет превратить обучающихся из пассивных слушателей курса истории архитектуры, а также других профессиональных дисциплин, в организаторов собственной познавательной деятельности, соучастников образовательного процесса, активно изучающих историко-архитектурное наследие. Наиболее важным является формирование взгляда будущих специалистов на сложившиеся традиции, каноны, стили, а также их умение интерпретировать информацию в современных условиях и применять ее в проектной деятельности [Рудоманенко, 2007, с. 130].

Метод проектов представляет собой деятельность, организованную преподавателем и выполненную обучающимся. Данная деятельность завершается выполнением работы, в которой реализуется приобщение обучающихся к основам самостоятельной научной деятельности. В основе всего лежит творческий подход, который, с одной стороны, представляет собой сумму знаний и навыков обучающихся, а с другой стороны — отношение обучающихся к процессу получения необходимых компетенций. В результате создаются условия, при которых наиболее полно развиваются профессиональные, научные и социальные навыки будущих специалистов. Кроме того, это позволяет развить позитивное отношение к обучению, что непосредственно сказывается в реализации творческого подхода в будущей профессиональной деятельности, умении выходить из проблемных ситуаций отсутствия, применяя универсальные методы [Лесникова, 2006, с. 133–137].

Традиционно считается, что наиболее интересными и полноценными являются только выпускные работы обучающихся вузов. Отчасти это так, эти работы характеризуют наибольшая актуальность, полноценное знание истории, несомненная научно-проектная новизна, применение всего арсенала профессиональных и междисциплинарных знаний, глубина проработки. Однако зачастую курсовые работы, выполняемые в краткие сроки, в рамках учебного процесса, не многим уступают авторским проектным решением выпускных квалификационных работ.

Применение проектного подхода начинается с первого курса обучения. Структура проектного метода относительно изучения историко-архитектурного наследия в рамках дисциплины «История пространственных искусств» включает в себя несколько этапов — исследование, анализ объекта, презентация окончательных результатов, апробация, а также рождение новых проектных замыслов, опирающихся на результаты предыдущего исследования. У обучающихся развивается креативное мышление, интерес к теоретическим научным знаниям и историко-архитектурному наследию, к проявлению творческой самостоятельности и готовности в дальнейшем участвовать в научных проектах.

Дисциплина «История пространственных ис-

кусств» изучается обучающимися в течение нескольких лет, что позволяет выполнить несколько заданий разного уровня сложности, направленных на изучение историко-архитектурного наследия. Цель проекта — улучшить качество образования за счет развития познавательных навыков, умений самостоятельно мыслить, определять причинно-следственные связи, составить целостную картину развития архитектуры в определенном историческом периоде или применить эти знания в профессиональной деятельности.

Например, на первом курсе обучающимся предложено выполнить работу, в которой используются разные методы самостоятельной познавательной деятельности. Среди них исследовательский метод занимает едва ли не центральное место и, вместе с тем, вызывает наибольшие трудности. В результате на основе анализа и сопоставления обучающиеся представляют работу, отражающую комплексный анализ памятника архитектуры данного периода, а также делают краткое сообщение по теме исследования. Выполнение работы преследует достижение как цели проекта, так и надпредметных целей, что важно, так как совокупность выше перечисленного обеспечивает проектное обучение.

Этапы проектной деятельности — подготовительный — включает в себя выбор возможной темы, сбор материала; основной — анализ материала и его структурирование, консультации с преподавателем, корректировка, дальнейший поиск информации, анализ новых фактов, обобщение; заключительный — подготовка результатов исследования и его защиты.

В рамках дисциплины каждому из обучающихся было предложено проанализировать памятник архитектуры. Обучающийся должен был выполнить по своей теме работу (ил. 1), в которой средствами ручной графики необходимо показать исторические этапы создания сооружения, конструкции, технологии и материалы, применяемые при строительстве, провести анализ ритмо-метрических закономерностей, а также попытаться отразить все, что прямо или косвенно могло повлиять на его создание (события политики, истории, культуры и т. п.).

На старших курсах (куратор — профессор НГУА-ДИ Н.П. Журин) задачи, стоящие перед обучающимися, усложняются. Помимо изучения стилистических особенностей архитектуры, предлагается сделать клаузуру, в рамках которой, обучающийся занимается проектированием нового объекта в стилистике и условиях изучаемого периода. Задание выдается на профессиональном языке с использованием метрической системы, применением строительных материалов и конструкций изучаемого исторического периода (ил. 2).

Развитие применения проектного метода происходит и на третьем курсе. Самые интересные проектные решения появляются в случаях, когда студент попадает в критическую проблемную ситуацию. При невозможности применения традиционных современных методик выполнения проекта, и когда объект проектирования по профессиональному мнению не может быть размещен на данной территории в силу ее исторической ценности, возникает необходимость серьезного предпроектного анализа для обоснования принятого варианта решения. Это позволяет выйти за рамки уровней проектирования и

по историческим аналогам создать новое, неожиданное решение в нереальной для проектирования данного объекта ситуации.

Рассмотрим две курсовые работы, в которых обучающиеся попытались предложить способ выхода из кризисной транспортной ситуации в наиболее ответственной исторической части города Новосибирска — Центральном районе. Решая проблемы как сегодняшнего дня — отсутствие парковок вдоль Красного проспекта, так и направленные на будущее — формирование центральной исторической площади города как главного пространства для общения людей, связанного с крупным транспортным узлом, обучающиеся предложили свои альтернативные варианты проектных решений городских территорий на площадках с наивысшей исторической ценностью и наибольшим комплексом требующих срочного решения проблем.

В курсовом проекте третьего курса студента Антона Гашенко было предложено решение проблемы парковок в центральной зоне города Новосибирска вдоль главной магистрали — Красного проспекта. Территориальных ресурсов в сложившейся исторической городской среде для размещения паркингов почти нет (по проекту планировки центральной зоны). Для выхода из сложившейся ситуации возникает необходимость провести повторное исследование исторической центральной зоны города для поиска невыявленных резервов территории.

Обучающийся находит возможность решения проблемы, применяя исторический подход к формированию пространства города, с использованием принципов подземной урбанистики. Фактически, свободным пространством в центральной части города являются только транспортные территории в створах красных линий. Магистральные улицы с серьезной транспортной и пешеходной нагрузкой, в основной массе, с тоннелями метрополитена, магистральных инженерных сетей, и плотно застроенные кварталы сохранившейся исторической части исключаются автором из возможных территорий для размещения подземных объектов хранения автомобилей. Наиболее вероятными вариантами для размещения этих объектов становятся улицы местного значения как фактически единственные свободные пространства.

Габариты кварталов позволяют вместить необходимый по технологическим размерам объект. Исторически сложившаяся застройка центра, с одной стороны, не позволяет располагать в ней крупных паркингов, с другой стороны, имеет одинаковые по размерам (ширина и длина) пространства в красных линиях перпендикулярных Красному проспекту улиц, что позволило создать проект типового паркинга для неоднократного применения в сохранившейся квартальной застройке.

Образмеривание линии застройки этих улиц подтвердило гипотезу, что без ущерба для окружающей исторической застройки возможно размещение подземных паркингов в комфортной пешеходной доступности от многочисленных общественных и жилых объектов. Формирование более развитых пешеходных зон за счет оптимизации транспортных территорий может значительно улучшить средовые характеристики общественных пространств исторической центральной зоны города, что давно стало

жизненной необходимостью.

Обучающийся самостоятельно провел историческое исследование и мониторинг современного состояния территории, выявив наименее используемые для движения транспорта и наиболее загруженные припаркованными автомобилями улицы, и разбил территорию центра города на две очереди строительства паркингов, исходя из исторического анализа территории и собранных данных в зависимости от степени проблемности исследуемых пространств города. Значимость этого проекта для города в случае его реализации на современном этапе могла бы приобрести высокую степень (ил. 3).

В курсовой работе четвертого курса Анны Ходюни предложено решение проблемы общественно-пешеходных пространств площади Ленина в ядре исторического центра Новосибирска — главной площади города. Исторически сложилось так, что главная площадь города имела крупные пешеходные пространства и транзит Красного проспекта — главной транспортной артерии города, превращаясь в рыночное торговое общественное пространство. Сегодня же общественно-пешеходные пространства занимают лишь небольшую ее часть. Основная территория занята плохо организованным пространством, лишь частично используемым транспортным движением, однако пустующие участки все же относятся к транспортной территории, не позволяя использовать их для более необходимой пешеходной функции. Попытка решить противоречие истории и современности была отражена в курсовом проекте.

Изучив историко-архитектурное наследие в существующей квартальной структуре улиц Новосибирска, студентке удалось значительно сократить транспортную нагрузку на площадь, высвободив значительные территории под пешеходное пространство и сформировать на ней транспортно-пересадочный узел, что позволило сформировать современную ансамбль главной исторической площади, соответствующий полуторамиллионному сибирскому городу, максимально ориентированный на горожан, усиливая тем самым историческую ценность пространства.

Нестандартные, нетрадиционные подходы к решению организации исторически сложившихся городских ансамблей, несмотря на крайнюю сложность решений и необходимость деликатного внедрения в среду, в результате позволяют осовременить, вернуть городу значительные территории, сделать их любимым местом времяпровождения горожан (ил. 4).

Проекты, несмотря на некоторую спорность принятых решений, вызвали профессиональный интерес, так как очевидно, что стандартные приемы не позволяют вывести из кризисной ситуации территории исторического центра города, встроить архитектурный объект в сложившуюся историческую застройку.

Таким образом, курсовые работы и проекты сориентированы на практическое применение и носят актуальный поисковый характер, что позволяет подготовить специалистов, способных принять нестандартные решения в отношении наиболее ответственных участков исторических зон города, основываясь на знании историко-архитектурного наследия. Данные задания позволяют формировать

и развивать творческое мышление обучающихся, умение определять причинно-следственные связи, проводить исследование, принимать обоснованные профессиональные решения.

Список литературы

1. Белова С.Н. Проектный метод обучения как условие повышения качества обучения // Современные проблемы в системе профессионального образования Чувашской Республики. — Чебоксары: [Б. и.] 2010. — С. 119–122.

2. Лесникова С.Л. К проблеме формирования творческого отношения студентов к будущей профессиональной деятельности в вузе // Ползуновский вестник. — 2006. — №3. — С. 133–137.

3. Полат Е.С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. — М.: изд. центр «Академия», 2010. — 368 с.

4. Рудоманенко И.В. Роль и место проблемного обучения в учебном процессе // Теория и практика обучения и воспитания. — Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2007. — Вып. 7. — С. 129–132.

References

1. Belova S.N. Proektny`j metod obucheniya kak uslovie povu`sheniya kachestva obucheniya. In

Sovremenny`e problemy` v sisteme professional`nogo obrazovaniya Chuvashskoj Respubliki, 2010, pp. 119–122. (In Russ)

2. Lesnikova S.L. K probleme formirovaniya tvorcheskogo otnosheniya studentov k budushhej professional`noj deyatel`nosti v vuze. *Polzunovskij vestnik*, 2006, No. 3, pp. 133–137. (In Russ)

3. Polat E.S. Sovremenny`e pedagogicheskie i informacionny`e tehnologii v sisteme obrazovaniya. Moscow: izd-vo centr «Akademiya», 2010, 368 p. (In Russ)

4. Rudomanenko I.V. Rol` i mesto problemnogo obucheniya v uchebном processe. In *Teoriya i praktika obucheniya i vospitaniya*. Vladikavkaz: izd-vo SOGU, 2007, Iss. 7, pp. 129–132. (In Russ)

Список сокращений

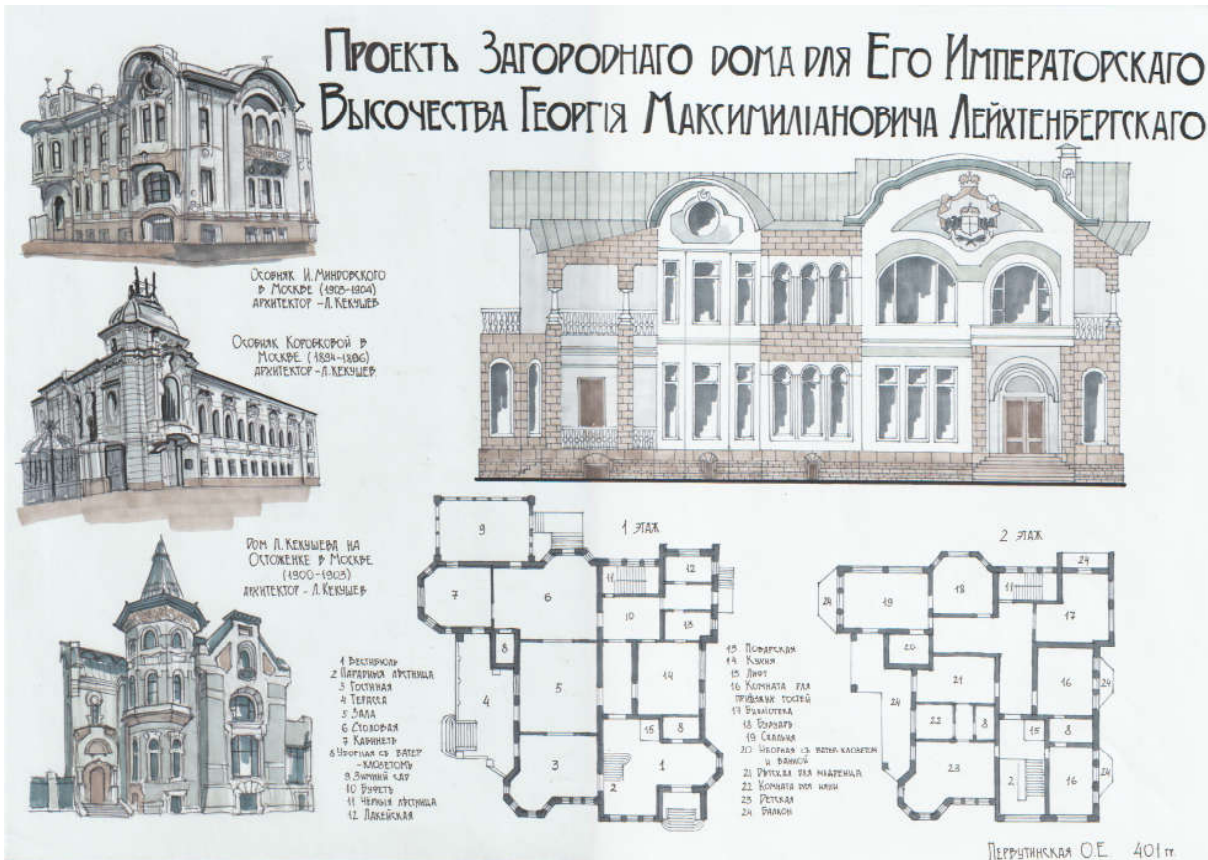
ГиЛА — кафедра градостроительства и ландшафтной архитектуры

ОАПИАГ — кафедра основ архитектурного проектирования, истории архитектуры и градостроительства

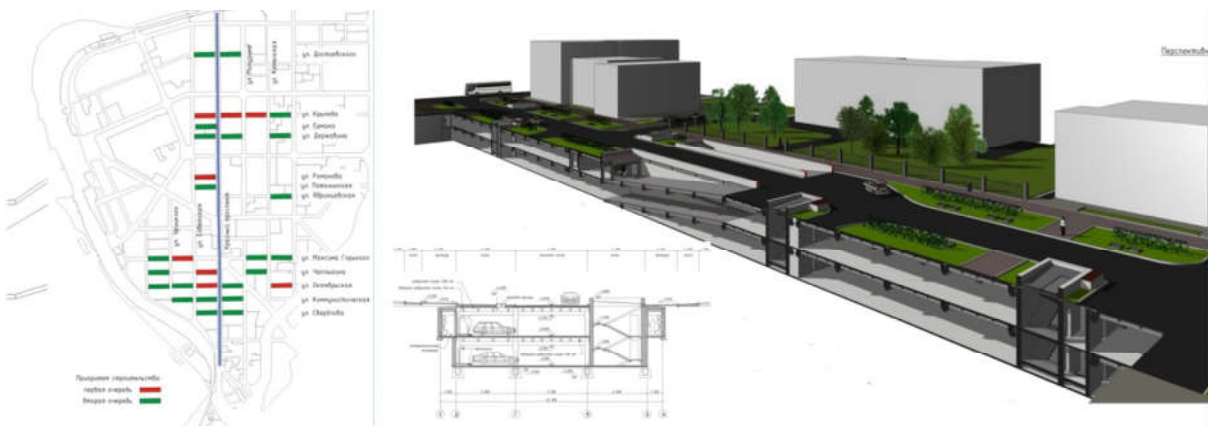
СОГУ — Северо-осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ)

Илл. 1. Е. Рябова. Графическая работа по теме «Древний Рим», методический фонд кафедры ОАПИИиГ

Ил. 2. О. Первутинская. Графическая работа по теме «Проект загородного дома Его Императорского Высочества Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского», методический фонд кафедры ОАПИИИГ

Ил. 3. А. Гашенко. Проект паркинга, методический фонд кафедры ГИЛА

Ил. 4. А. Ходюня. Проект главной площади города, методический фонд кафедры ГИЛА

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10067
УДК: 72.01

Г.П. Ведмидь
Мультимедийный исторический парк «Моя история» (Сургут)
v-g-p-56@yandex.ru

Идейно-содержательные основы архитектурной деятельности (зодчество в системе культуры)

Аннотация

Раскрытие идейного содержания архитектуры как процесса творчества является прологом к решению теоретических задач, определяющих внутреннюю взаимосвязь материальной, духовной, эстетической и художественной сфер культуры. В статье обозначены соотношение искусства и мировоззрения, мера их влияния на архитектурный образ и специфичность идейно-художественного содержания зодчества. Уделено внимание разнице понятий «эстетическое» и «художественное», а также важности поиска исходной идеи как одного из принципов формообразования в архитектуре.

Ключевые слова: архитектура, зодчество, искусство, мифологическое мышление, материальная культура, духовная культура, эстетическая культура, художественная культура, архитектурный образ, художественная идея, образ-замысел, идейное содержание

G.P. Vedmid
My History Multimedia Historical Park (Surgut)
v-g-p-56@yandex.ru

Ideological and content basics of architectural activity (architecture in the system of culture)

Abstract

The interpretation of the architectural ideological content as a process of creation is just the first step to solve theoretical problems determining the internal interconnection of the material, spiritual, aesthetic and artistic cultural sectors. The article deals with the relation between art and ideology, the measure of their influence on the architectural image and specificity of the ideological and artistic content of architecture. Attention is paid to the difference between the «aesthetic» and «artistic» concepts, as well as to the importance of search for the original idea as one of the form making principles in architecture.

Key words: architecture, art, mythological thinking, material culture, spiritual culture, aesthetic culture, artistic culture, architectural image, artistic idea, image intention, ideological content

Ларкину Юрию Филипповичу — учителю моему посвящается

Архитектура как вид деятельности сопровождается человеком на всем протяжении его исторического развития, начиная от использования простейших естественных укрытий и вплоть до возведения современных многоэтажных комплексов, занимающих обширные пространства земной поверхности. Однако принципы осмысления результатов ее деятельности носят достаточно дискуссионный и противоречивый характер. Неоднозначность их трактовки сводится зачастую к тому, что в одних случаях архитектура отождествляется со строительством; в других — игнорируется ее эстетическая специфика, поскольку развитие архитектуры соотносится лишь с материальными потребностями и научно-техническим прогрессом; в третьих — недооценивается утилитарно-практическое назначение, абсолютизируется ее специфика как обособленного вида искусства. Все это затрудняет определение не только сущности архитектуры, но и разработку многих философско-эстетических вопросов, связанных с конкретизацией ме-

ста искусства зодчества в системе общей культуры.

Не менее сложная ситуация и в отношении понятия «культура», где также наблюдаются самые различные подходы к принципам классификации, способам познания и типизации, к видам описания и формам ее управления как феноменом, специфически порожденным обществом. Однако общий и наиболее устоявшийся принцип деления культуры на «духовную» подсистему и «материальную» следует отнести к традиционному в науке, исходя из которого мы и сделаем попытку обозначить ряд социокультурных сторон зодчества.

Специфичность вопроса состоит в том, что духовное начало как таковое не было отделено от материального, а на ранних этапах становления цивилизационного общества они находились в тесном и неразрывном единстве. Эти ментальные сферы сознания совпадали друг с другом, соответствуя «детству человечества», изначально которому присуща была целостность (синкретичность) сознания, нерас-

члененность как идеального, так и рационального, живого и мертвого, духовного и материального, эмоционального и утилитарного, осознанного и бессознательного. В подобной системе миропредставлений все тесно взаимосвязано, все друг друга предопределяет и взаимопронизывает, переплетается и взаимообуславливает, как в природе, так и то, что создано обществом.

В чем же могла состоять столь тесная взаимосвязь? Как обозначить то общее, что могло воедино связать духовное и материальное, что же могло способствовать объединению их в неразрывное целое, в итоге составив единую систему?

Полнота раскрытия подобной взаимосвязи должна исходить из общей тенденции формирования единства сфер идеальной и материальной, из фиксации их отличия от иных форм социокультурного бытия — идеологического, мифологического, образно-художественного, религиозного, включая эстетическое, а также из детальной конкретизации того, как с этой проблемой могло справиться мифологическое сознание.

К числу важнейших факторов, способствующих обеспечению образно-мифологической целостности, элементы которой представлены разного рода телесно-одушевленными субстанциями, сферами бытия и пространственно-временными измерениями следует отнести:

Предметно-смысловое соотношение «вещь — идея», «идея — вещь», сохраняющее неразрывность, начиная из отдельно взятого объекта (предмета) и вплоть до Вселенной в целом. Подтверждением их неразрывности является то, что в момент исчезновения «вещи» умирает «идея» и наоборот. Подобная взаимосвязь, обеспечив единство содержательно-смыслового и предметно-вещественного субстрата, визуально проявляется во множестве таких способов объективации как фетишизм, терратоморфизм, фибро- и зооморфизм, миксантропо- и антропоморфизм.

Трансцендентная одухотворенность — одна из форм осмысления Вселенной в контексте всеобъемлющей парадигмы, представленной «идеей Мировой Души» («метапсихоз» — парадигма, соорганизуемая собой объекты и явления), суть которой состоит в том, что вся сфера биосоциальных явлений, весь предметно-вещественный мир мыслится одушевленным (анимистическим), а Вселенная в целом — как единое «тело-сущность».

Пространство-субстанциональная взаимосвязь и взаимообусловленность различных чувственно-эфирных субстанций и пространственно-временных измерений, осмысленных мифологически и визуально воплощенных в образах-персонажах.

Система мифологических способов обеспечения процесса взаимодействия и взаимоперехода всего сущего, реализуемых путем оборотничества, перевоплощений, метаморфоз (превращений), олицетворения, ритуально направленных действий (инициаций), символизации, а также иных форм подобного рода трансформаций. В совокупности они составляют специфически используемый «механизм», благодаря которому становится возможным проникновение сквозь, казалось бы, непреодолимые грани между сферами и трансцендентно-сущностными пространствами, инстанциями, уровнями,

включая переход из одного состояния (измерения) в другое и наоборот. В частности, между сферами царствами «тот свет», «этот свет», «мир живых», «мир богов», «мир мертвых» и тому подобное.

Ко всем из перечисленных добавим еще один, пожалуй, важнейший фактор — *это образно-мифологическое мышление*, та чувственно-эмоциональная форма сознания, способная воедино связать все выше обозначенные параметры в их ментально неразрывную целостность. Данный фактор в контексте мифологического образа мысли, где и «культура» как явление целостно мыслимое, подразумевает синтетически развитый взгляд, согласно которому в прочном сплаве воспринимаются элементы разных подсистем культуры — идеологические и технические, традиционные и новаторские, духовные и материальные. Воздействуя друг на друга, они стимулируют их развитие как подсистем отдельно взятых, так и всей системы «культура» в целом.

И тем не менее, на определенной стадии развития человеческого общества происходит разделение культуры на самые различные ее виды и подсистемы. Этот процесс всеобщий и обоюдный, требующий ответа на вопрос: почему же то, что ранее могло представлять единое целое, распалось на самостоятельные и отдельные сферы, следствием чего их единство обернулось противоположностью, а целостность — обособленностью частей? Вероятней всего, что в момент, когда целостность разделена на части, и прежде всего на столь противоположные (для современного сознания) компоненты как сфера духовного и материального, — это свидетельство высвобождения сознания человека от внешней природы, подтверждение того, что на смену «культуре» следует «цивилизация».

По мере накопления объема знаний заметно происходит дифференциация и в недрах каждой из обособленных частей. Специализация, например, внутри духовного, активизирует становление таких ее подсистем как искусство, религия, философия, наука, право, политическая идеология и др. Дальнейший процесс распада изначальной синкретической целостности знаменует не только факт становления дифференцировано-специализированных и, как следствие, односторонне ориентированных форм деятельности, но и приводит к дифференциации общественного сознания. В результате вычлняются его обособленные формы — религиозная, этническая, образно-художественная, научная, нравственная, которые дополнительно стимулируют процесс структурирования и внутри отдельных форм сознания. В искусстве, например, создаются предпосылки для его видового, живописного, литературного, архитектурного, скульптурного, дизайнерского, а также жанрового деления. Культура в итоге становится все более усложненной системой. А каждая из ее подсистем, меняя специфичность отношения к мифологии, утрачивает ценнейший чувственно-эмоциональный, образно-мифологический способ мышления, изначальное служивший важнейшим фактором обеспечения целостности мировосприятия. Процесс демифологизации отразился на всех формах общественного сознания, стимулируя, как следствие, развитие науки. Логико-рациональная, аналитически расчлененная направленность ее передается со временем всем сферам культуры, оказывая порой суще-

ственное влияние и на отдельные виды искусства.

Из множества сформировавшихся общественных феноменов выделим ряд обособленных сфер — материальную и духовную, художественную и эстетическую культуры, включая систему искусств. Рассматривая их более подробно, главное внимание уделим сфере архитектурной деятельности с целью, чтобы раскрыть роль и место ее в контексте общей культуры, степень влияния отдельных компонентов последней на архитектуру (как одной из подсистемы в искусстве), обозначив, наконец, источники идейно-содержательных основ зодчества.

Материальная сфера существенно влияет не только на общую культуру, но и на сферу искусства, включая, естественно, архитектуру, как наиболее «материальный» вид искусства. Дело в том, что рациональная, утилитарно-практическая сторона зодчества формируется деятельностью строительного производства. Используя технику и технологию, человек преобразует природный материал в компоненты архитектурной формы, целенаправленно организующей процессы обеспечения жизнедеятельности. Являясь физической оболочкой, материальная основа архитектуры, состоит из множества элементов, среди которых, как правило, выделяется система доминирующих конструкций. Состоящая, например, из двух вертикальных опор, перекрытых горизонтальной балкой — наиболее известная схема несущих элементов, использование которых берет свое начало в глубокой древности. Обработывая и перемещая массивные глыбы камня, человек уже на заре цивилизации возводит комплекс мегалитов Стоунхеджа, композицию которого организует ритмичный ряд монументальных блоков. В совокупности, формируя пространственную структуру стоечно-балочной конструкции, они представляют собой образец материальной культуры, сохранившийся до наших дней как зримое воплощение достижений инженерной мысли уже в эпоху каменного века.

В истории мирового культурного наследия известно множество произведений зодчества, величественные формы которых и сегодня поражают как физическими размерами, так и совершенством конструктивно-технического, технологического исполнения. В целом же архитектурная деятельность как отрасль строительного производства — одна из важнейших составляющих культуры общества, показатель уровня его материально-технического прогресса.

Духовная сфера, по сравнению с материальной, специфически иная. Она включает в себя различные виды содержательно-смыслового, идейного материала, который формируют мировоззрение, наука, идеология, искусство, устное творчество (фольклор), философия, психология. Относительная самостоятельность духовной культуры по отношению к обществу — одна из фундаментальных закономерностей и тех ее подсистем, элементами которой являются мораль, право, нравственность, этика, включая политическое, религиозно-мифологическое, эстетическое, общественное сознание. Они представлены, как правило, в виде научных теорий, комплекса социо-культурных идей, мировоззренческих принципов, нравственных идеалов, взглядов и мнений, задающих обязательную норму общественно значимых ценностей. Подобная совокупность идей, значений и

смыслов, образуя наиболее общий взгляд на окружающую реальность, трактует ее с позиции господствующего мировоззрения и формирует в итоге конкретно-исторический идеальный образ мира.

Если же к содержательным формам культуры мы относим сферу искусства в целом, то и зодчество — столь обособленный, казалось бы, вид искусства, — требует раскрытия специфичности того, что есть объект архитектуры как феномен общества в контексте духовной культуры? Или, что есть архитектурный объект как носитель социально значимой идеи, системы идей?

Прежде всего, отметим, что отдельно стоящая скала, каменный блок, пергамент, холст, табличка из воска, либо из глины, поверхность стены или же ствол колонны — всё это «*tabula rasa*», то есть «чистый лист», фрагмент утилитарной плоскости, ценность которой заведомо определена ее природной структурой. Для того, чтобы материальный объект (и том числе архитектурный) стал носителем информации, требуется сочетание, как минимум, трех факторов. Первый из них — идея, второй — наличие предметной подосновы, третий компонент — связующий два предыдущих посредством системы выразительных элементов. Задача последнего — соединить материальное и духовное начала в некую иную предметно-смысловую искусственную структуру. Фиксируя в утилитарном интеллектуальную мысль, она становится проводником информации, средством коммуникации, ценностью которого преимущественно содержательно-смысловыми, идейными качествами. Занимая срединное положение, вновь созданная структура аккумулирует свойства как рациональной, так и эмоциональной сторон. Их органичный сплав составляет важную предпосылку на пути формирования культур эстетической и художественной.

Будучи формой взаимосвязи материального и духовного начал, *эстетическая культура* — сложный социокультурный феномен. Он представлен чувственно-эмоциональной сферой, охватывающей и объединяющей все области человеческой деятельности: начиная с изготовления элементарной бытовой вещи и возведения массивных сооружений, проведения церемоний, состязаний, ритуальных действий и создания произведений искусства мирового уровня, включая восприятие окружающего предметного мира, а также образно-рецептивную оценку содержательно-смысловых значений, почерпнутых из контекста ментальных субстанций. Предмет эстетики, таким образом, многогранен, а сам процесс эстетического освоения мира безграничен.

Человек, воспринимая свойства общественных и природных явлений, фиксирует их в виде положительных, либо отрицательных эмоций, вызывающих в сознании реакции-отражения, оценки и суждения, образы-ощущения. Подобный опыт чувственно-эмоционального освоения биосоциальной реальности исторически сконцентрирован в «Эстетике» — теоретически-методологической дисциплине о наиболее общих принципах эстетического познания мира, художественном творчестве и осмыслении его специфики, человеческих ценностях, их восприятии и оценке. Она рассматривает также систему наиболее общих понятий, универсалий, законов и категорий, отображающих эстетические свойства реальности, процесса ее освоения и формирования по законам

красоты, то есть прекрасного и возвышенного, художественного и эстетического, идеала и целесообразности, гармонии и других. При этом «эстетическое» среди них — самая широкая и фундаментальная категория, трактуемая эстетическое с позиции его ценности общечеловеческого уровня.

По законам красоты, как универсального способа преодоления хаоса и организации материи, создается все, что производит человек. Эстетическое проявляется во всех видах его деятельности и распространяется на весь мир «второй природы», неотъемлемой частью которой является архитектурно-пространственная среда. Следуя общей тенденции формирования искусственной реальности, проблема красоты в зодчестве решается через упорядоченность архитектурной формы, гармонизацию материальных ее компонентов; руководствуясь при этом законами сопряжения и сопоставления, равновесия и соподчинения, ритма и симметрии, порядка и соразмерности, целостности и пропорциональности, а также другими принципами и нормами организации конструктивно-тектонической основы. В итоге утилитарный объект обретает качественно иные эмоционально-выразительные свойства, дающие основание отнести архитектуру к эстетической сфере деятельности. Конечная цель ее — создание рукотворного окружения не только полезного, но и прекрасного по своим внешним характеристикам, способного вызвать положительный настрой, ощущение психологического комфорта, оказать оптически благоприятную видимость сооружений во взаимосвязи их с ландшафтным окружением.

Художественная культура — это неотъемлемая часть и высшее проявление культуры эстетической, ее духовная внутренне смысловая составляющая, средоточие которой образует сфера искусств. Являясь идейным ядром, искусство аккумулирует социокультурные смыслы, господствующие идеи общества, отражает и впоследствии их воплощает в том, либо ином образно-творческом виде деятельности.

Поиск идейно-содержательных основ архитектуры предполагает осмысление фундаментальной взаимосвязи, наблюдаемой как в сфере художественной, так и внутри общей культуры. И если последнюю рассматривать в виде трехслойной сферы, состоящей из **материальной, духовной и художественной** подсистем, то представляется возможным конкретизировать не только место искусства в контексте общей культуры, но и признать одну из преобразующих функций за художественной культурой, «...поскольку именно в ней органически соединяется духовная и материальная деятельность человека» [Искусство в системе..., 1987, с. 9]. Естественно, что процесс подобной взаимосвязи не возможно полноценно раскрыть в рамках одной статьи. Мы обозначим лишь общий круг задач, решение которых в той, либо иной степени смогло бы отобразить специфику заявленной проблематики.

Во-первых, речь идет о процессах взаимосвязи на уровне общей культуры, включающей, как отмечалось, материальную, духовную и художественную подсистемы; во-вторых, о важности соотношения столь, казалось бы, «неразделимых» понятий в сфере культуры, как **эстетическое** и **художественное**. В чем различие, общность и специфичность каждого из них? Данная теоретическая проблема в

науке «Эстетике» до сих пор окончательно не решена. Мы лишь выскажем предположение о том, что «эстетическая» сторона в большей степени обращена к физическим характеристикам объекта отображения, его внешнему облику, а «художественная» — ориентирует процесс творчества к осмыслению внутренней сути объекта познания, к его содержательной составляющей. Не исключая при этом взаимопроникновения, взаимовлияния и взаимного дополнения двух этих сторон, грань между которыми лежит, вероятней всего, в плоскости формирования системы образно-выразительных средств, относящихся к языку искусства.

Не менее актуален вопрос раскрытия взаимоотношений, взаимосвязи и внутри самой **сферы искусства**, для которой источник идейно-содержательных начал един — это духовная культура. Социо-культурные ценности, идеи и смыслы ее составляют питательную основу для всех видов творческой деятельности, включая архитектуру. Искусство как многослойный и многоуровневый феномен, представляет собой относительно самостоятельную подсистему в художественной культуре, которая обладает специфически присущими ему содержанием, формой и функцией. Именно с этой позиции «...художественная культура есть слой культуры, кристаллизующихся вокруг искусства» [Искусство в системе..., 1987, с. 8]. Она выступает своеобразным посредником между общей культурой и искусством, одновременно регулируя внутренние процессы, происходящие в конкретном взятом типе культуры, служит его образной моделью.

Определяя место искусства, его роль и значимость в контексте общей культуры, необходимо также выяснить своеобразие тех функциональных процессов, которые детерминированы общекультурными закономерностями. Они оказывают существенное влияние на специфику взаимодействия двух этих систем, одновременно проявляясь на самых разных уровнях их сопоставления. Изменения подобных взаимоотношений чаще всего определяются культурно-историческими трансформациями и носят, как правило, мировоззренческий характер. Идентично и само искусство, претерпевая свои внутренние изменения, свидетельствует о синхронности подобных трансформаций в его целостной системе, затрагивая все виды образно-творческих проявлений — скульптуру, живопись, архитектуру, дизайн, литературу.

И, наконец, уровень, относящийся к собственно **архитектурной деятельности**, для которой не менее важна конкретизация местонахождения в контексте общей культуры и специфичность ее взаимосвязи с духовной сферой. Несомненно, что подобная постановка вопроса требует детального анализа внутреннего строения конкретного типа культуры как целостной системы, в контексте которой архитектура всего лишь одна из ее компонентов.

Потребность раскрытия взаимодействия искусства с общей культурой вполне правомерна и аналитически необходима, поскольку способно не только объяснить самые частные соотношения искусства со всеми другими подсистемами культуры, но и раскрыть образно-творческую природу художественной деятельности как таковой. Обладая внутренне аналогичной структурой, искусство изоморфно общей культуре, поскольку находится как бы в центре ее.

Подобное положение дает возможность отображать изнутри не односторонне, а целостно конкретно-историческое бытие и своеобразие того типа культуры, к которому принадлежит искусство. Следовательно, культура, подобно единому организму, активно продуцирует в сфере искусства и воспроизводит саму себя. В этом проявляется роль искусства как самосознания культуры, где формируется идейно-смысловое ядро, воплощаемое в итоге средствами художественного образа.

В сфере идеально мыслимых субстанций выделим ряд градаций, в контексте которых попытаемся указать то средоточие источников, где живут основы идейно-художественной содержательности как для сферы искусства в целом, так и для архитектуры в частности. Итак, первый и наиболее высший образно-смысловой комплекс из этого ряда формирует:

– единое первоначало, то есть «имматериальный мир идей» (по Платону) [Виндельбанд, 1993, с. 85] — та, абсолютно высшая, сфера познания и наиболее универсальная субстанция «вечного» и неисчерпаемого источника содержательности, согласно которому «идея» выступает исходным принципом созидания всего сущего;

– сфера идей из контекста духовной культуры, где формы общественного сознания — религиозно-мифологическая, политико-идеологическая, нравственная, научно-философская, образно-эстетическая — составляют ее сердцевину;

– «мир идей воплощенных» в образно-эстетической системе художественной культуры, содержательный компонент которой также обусловлен идеологическим фактором.

Взаимосвязь специализированных сфер духовной культуры фиксирует второй образно-смысловой комплекс. Он определен характером соотношения сферы искусства и господствующего мировоззрения. Степень их содержательных взаимовлияний реализуется чаще всего по таким направлениям как **идеологически-целевое**, подразумевающее различные варианты использования искусством конкретной системы господствующих идей общества (религиозно-мифологических, политических и др.); **предметное**, дающее образно-смысловые универсалии, в которых объективируются содержательно-тематический и сюжетно-фабульный аспекты взаимообмена; **формальное**, когда заимствуют лишь структурные принципы и методы внутреннего построения идеологии [Безклубенко, 1986, с. 157-159]; **церемониально-процессуальное**, выступающее своеобразной формой выражения идеологической функции искусства, чаще реализуемой в общественных процессах, культовых акциях (инициации, ритуалах) и других действиях, в контекст разворачивания которых включается им соответствующая атрибутивно-символическая система.

Важной стороной второго образно-смыслового комплекса является то, что мировоззрение как идеологическая форма общественного сознания и система теоретически обоснованных взглядов служит содержательным источником для всей сферы искусства, обладающей зарядом сущностных концептуально представленных идей. При этом искусство остается самим собою, не «растворяясь» в других формах общественного сознания.

Образно-содержательное богатство идей состав-

ляет исходный материал, а если быть более точным — объект творческого познания. Он обусловлен взаимодействием мировоззрения с искусством, проявляясь по четырем указанным направлениям второго идейно-смыслового комплекса — идеологически-целевом, предметном, формально-структурном и церемониально-процессуальном. Далее на примере системы мировоззренчески-культовых идей, с одной стороны, и сферы искусства, с другой, более детально раскроем специфичность их содержательного взаимопроникновения.

Целевой характер подобной взаимосвязи обусловлен тем, что для сферы искусства именно идеология формирует в художественном содержании тот мировоззренческий слой, в образной форме которого и концентрируются идеи, господствующие в системе данного общества — политические, религиозно-мифологические и другие из существующих взглядов.

Своеобразие *предметного* объективирования искусства наблюдается, как правило, уже в процессе отбора тематики либо сюжетно-фабульного содержания. Такой основой для христианской традиции служили евангельские, библейские сказания, притчи и мифы, а также сюжетно-тематические, идейно-образные данные, почерпнутые, например, из египетской, либо иной мифологии. Творчески извлеченные из их целостной системы идеи, либо из контекста универсальных сюжетов многочисленных фантастических и полужанровых героико-персонажи получали дальнейшее переосмысление в различных видах искусства, воплощаясь в их эстетико-художественную форму. Подобное предметное проникновение характерно и для научной идеологии, входящей в сферу искусства. Это в частности обусловлено попыткой сочетания идеологичности и научности, которые свойственны были, например, советскому этапу общественного устройства с его основополагающими принципами марксизма-ленинизма, диалектического материализма. При этом сюжеты и наиболее типичные образы черпались в основном из реальной жизни, где превалировали трудовая тематика, а также героико-патриотический пафос.

Аналогичный процесс наблюдается и с проникновением в контекст искусства фольклора как формы народного мировоззрения, сложившегося на уровне бытового сознания, где творчески заимствуется система образно-художественного, сюжетно-повествовательного и символично-метафорического материала, выступающего в качестве идейной основы искусства.

Формально-структурный аспект соотношения искусства с мировоззрением заключается в использовании принципов построения внутренней системы определенного вида идеологии, а также в отражении структуры общественного сознания с выделением, как правило, трех его разновидностей — бытовое сознание, общественное (теоретическое) сознание и собственно идеология. Характерно, что подобный трехчастный, либо иной принцип разграничения уровней идеологии оказывает существенное влияние на формирование структуры содержания, например, при решении общей идейно-тематической композиции произведений искусства.

Идеология, помимо этого оказывает стилеобразующее воздействие на искусство, предопределяя кон-

кредный творческий метод, художественный канон, а также набор адекватных ему приемов, способов, форм и принципов преобразования идей. Их материализация подвержена первоначально канону, как правило, идеологическому, а впоследствии и художественному.

Выше изложенное свидетельствует о том, что мировоззренческий фактор выступает в искусстве идейным ядром, определяя в нем своеобразие конкретно-исторического содержательного материала. Ведущая роль мировоззрения обусловлена в каждой эпохе наиболее характерным типом общественного сознания, тогда как все другие формы подчинены его доминирующему значению. Однако во всех случаях искусство целиком не сводится к идеологии, хотя именно она и составляет стержневую часть его содержания. Но именно за счет этого духовная культура является важнейшей предпосылкой идейно-смыслового материала для художественной культуры, всех ее подсистем и видов искусств, тем источником, на основе которого создается «идейно-художественное содержание». Фиксируя сущность духовной культуры, «содержание» искусства со временем материализуется в иной, то есть образно-художественной ипостаси бытия, являясь ко всему прочему важнейшей категорией художественной культуры.

Взаимоотношение духовного и материального в искусстве дает основание утверждать, что художественная культура является самостоятельным слоем в общей культуре, а искусство служит центральным звеном художественной культуры — это с одной стороны, — а с другой целостность культуры как бы «начинается» из мифологии, представляющей собой первичный синкрет (единство), из которого выделяются все специализированные ее компоненты, а «завершается» искусством — высшей своей образно-синтезируемой формой. Подтверждением этому может служить ряд основных свойств, отчасти унаследованных от мифологии. Исторически они способствуют становлению искусства как феномена, целостно развивающегося в обществе. К ним относятся:

– **образность художественного мышления**, выступающее важнейшим свойством комплексного отражения всего сущего и синтезирующего все параметры в специфический субстрат «формо-содержательного» единства;

– эмоционально значимый материальный слой, определяющий образно-символическую **систему средств художественного языка**, способного воплотить весь идейно-содержательный комплекс, в котором сконцентрирован общественный идеал конкретно-исторического периода;

– **художественная идея**, главная роль которой заключается в организации и структурировании духовной сферы как на уровне мировоззренческо-идеологическом, так и на примере отдельно взятого произведения;

– **творческий метод**, представляющий систему способов (метафорических, символических, аллегорических), закономерностей и принципов, с помощью которых преобразуются социально значимые идеи в художественно-содержательный материал, впоследствии объективируемый и составляющий основу стиля эпохи;

– **процессуально-пространственный пара-**

метр, формирующий систему общественно-нормативных действий, включая ритуально-сакральную сферу как одну из содержательных парадигм, предопределяющих образно-символический аспект освоения «пустоты».

Весь перечень рассмотренных свойств является не только одним из условий обеспечения целостности развития искусства, но и предпосылкой создания **художественного образа** как важнейшего признака искусства и формы выражения подобного единства. Можно предположить, что «образ», органически сочетающий неразрывность внутренней сути и внешнего облика, был также «унаследован» из мифологии. Заимствуя целокупность предметно-смыслового соотношения «вещь — идея», «идея — вещь», и творчески переосмыслив, художественное сознание развивало его, обогащая в каждой специализированной форме образно-творческой деятельности. Целостный характер их трактовки обеспечен цепочкой тройственной взаимосвязи, включающей «идею-способ-вещь». Лишь совокупность подобного единства дает возможность сформировать образ. Его внутренне соорганизующий принцип в равной степени приемлем как на уровне макрообраза, воплотившего, например, образ Вселенной (Картину Мира), так и — микрообраза, первичного знак-образа, то есть элементарной частички образности. В подобной ситуации знак — не просто утилитарный объект, предмет, вещь или отвлеченная схема. «Знак» — это, прежде всего материальный носитель определенного значения, которое он содержит. Одно без другого теряет смысл, поскольку «знак и его значение» — не расторгимы в нашем сознании, гарантия тесной взаимосвязи «формо-содержания», сочетающей в объекте восприятия единство и внешнего облика, и заключенного внутри смысла.

Что же касается **художественной идеи**, то она до сих пор не стала предметом целенаправленного изучения и по этой причине полнота ее раскрытия, чаще всего ограничена. Функционирование идеи как целостно-эстетического образования должно исходить не только с указания места в контексте произведения, но и той роли, которую она призвана исполнять среди других компонентов содержания. Это с одной стороны, а с другой определение содержательной сущности искусства зодчества — вопрос, который до сих пор не получил однозначной эстетико-теоретической трактовки. Собственно этим и можно объяснить дискуссионный характер отождествления архитектуры с тем либо иным видом деятельности, соотнося его то с искусством, то со строительством, отрицая, а порой односторонне преувеличивая, те или иные его качества — эстетические, конструктивно-технологические, образно-художественные, функциональные, познавательно-выразительные и пр.

Если, например, в искусстве литературы компонентами содержания называют «идею», «тему», «сюжет», «фабулу» и ряд других, то, с нашей точки зрения, к числу компонентов, составляющих первоначальную сущность искусства зодчества, ядро его содержания, следует отнести «идею» — «**действие/функцию**» — «**пространство**», соотношение которых требует детального рассмотрения. Мы лишь осмелимся утверждать, что именно их совокупность составляет содержательно-смысловую предпосылку зодчества, его первоначальный принцип,

следуя которому реализуется процесс становления компонентов архитектурной формы.

Художественная идея исторически вычленяется из общего контекста господствующего вида идеологии — мифологического, религиозного, политико-идеологического. При этом главным условием включения конкретной «теоретической» идеи в процесс образного ее осмысления состоит в том, что она, прежде всего, обязана стать идеей мировоззренческой, способной определить в дальнейшем идеологическую специфичность не только отдельного произведения, но и содержательность сферы искусства в целом. Идея в ходе преобразования предстает не отвлеченной и абстрактной, а «главной мыслью» и главным критерием оценки, поставленных в содержании мировоззренчески-идеологических, историко-культурных, социально-политических и других проблем. В итоге художественная идея становится концепцией, лежащей в основе целостного содержания. Пронизывая каждую его часть, она воплощается в материальных формах, соорганизуя эти начала в единую образно-эстетическую целостность.

В качестве основополагающей идеи, например, в египетской космогонии стала «идея Священного Пути»; в христианской традиции — «идея Иерархии»; «идея Поднебесной», «идея Мандалы» — в буддийской системе вероисповедания; «идея Райского Сада» отличает исламскую религиозную систему; «идея Светлого Будущего» — из контекста научной идеологии, реализуемой в практике советского общественного устройства и не получившей исторически полноценного образно-художественного раскрытия; «идея Мировой души» — антропоморфная по своей сути в древнегреческой мифологии и полиморфная по характеру в системе мировосприятия обско-угорской традиции; «идея священной Горы Мэру» воплощена в архитектуре стран Юго-Восточной Азии. Дополнить этот ряд могут и социальные идеи — «равенства», «справедливости», «патриотизма», «свободы», «гуманизма»; а также историко-культурные идеи, тесно связанные с понятиями «культура» либо «цивилизация»; национальная идея русской культуры; идея региональной локально-этнической культуры, присущей, например, народам Сибири. Однако среди множества всеобъемлющих идей особое место занимает «идея Бога». Являясь универсальной идеей, она находит образно-архитектурное отражение во всех без исключения мировых культурах, что, собственно, и является одним из ярчайших свидетельств неразрывной взаимосвязи сфер идеальной и материальной, воплощаемой средствами зодчества.

Специфичность вопроса заключается не только в содержательно-тематическом заимствовании, но и в том, что существующие религии способны включить в сферу идеологии элементы художественного синтеза, используя для этих целей практически все виды искусств. В особенности это касается архитектуры как важнейшего компонента в художественной системе образных средств воплощения религиозных идей. Архитектуре исторически принадлежит ведущее место в структуре почти всех без исключения религий. А в традиции мировой культуры даже установилась своеобразная закономерность избирать ведущим для выражения конкретной религиозной системы лишь один из видов искусств. Например,

в исламе и буддизме декоративно-прикладное искусство органически развивалось в зодчестве, существенно ограничивая изобразительные виды искусств, как недопустимые Аллахом в исламской традиции. Христианство, наоборот, широко использует живописные и образно-пластические выразительные средства, которые сформировали основу его высокохудожественной системы.

Раскрывая природу архитектуры с позиций целостного, «формо-содержательного» явления, то есть феномена, неразрывно связанного с духовной культурой, необходимо хотя бы в общих чертах обозначить исходный образно-содержательный материал, непосредственно влияющий и на процессы формообразования. Его в частности могут составлять различные виды, типы и системы идей; сюжетно-тематические комплексы либо унифицированные сюжеты; научно-философские обобщения; способы, методы и принципы художественно-образного осмысления, как то метафоричность, символизация, олицетворение и пр.; морально-этические нравоучения; композиционные приемы построения; отдельные образно-смысловые обобщения или образы-персонажи религиозно-мифологического, политико-идеологического характера; жанровые и сюжетные схемы, восходящие к мифологическим ритуалам и действиям-инициациям; приемы сюжетосложения; риторические фигуры и тропы, наделенные эстетическим обертонным смыслом.

Дальнейший процесс художественного осмысления содержательного материала связан с отбором и обобщением наиболее важных его составляющих как творческой основы, необходимой для формирования *идейного замысла* произведения архитектуры. Этот процесс ориентирован на создание многослойной и многоуровневой образно-смысловой системы, концентрирующей в себе наиболее закономерные и типичные признаки объекта познания. Целенаправленность организации исходного материала, конкретизация его идейно-содержательной емкости и сюжетно-тематического многообразия предполагает необходимость сжато изложить существо «образа-замысла», средоточие которого составят — «идея», «действие/функция/», «пространство». Именно в их пределах реализуется процесс «компоновки» смыслового материала, фиксируются все этапы его преобразования в идейно-художественное содержание. Что же касается мировоззренческого уровня обобщений, то их чаще всего характеризует такой ряд синтезирующих понятий как «образ мира», «художественная картина мира», «модель мироздания», «содержание картины мира», «модель региональной культуры» и другие. То есть изначально важен принимаемый творческий взгляд, всеобъемлющий принцип которого способен объединить идейный материал в целостную мировоззренческую систему-концепцию. Собственно, такой подход и дает возможность осуществить замысел, кристаллизуемый в итоге образно-эстетической сферой. В ней каждому виду искусства предстоит выбрать свой «фрагмент» мировоззренческой картины, используя для ее воплощения специфически имеющийся набор художественных способов и выразительных средств. Подобные процессы функционирования искусства в контексте общей культуры неразрывно связаны с художественной сферой, в которой каждый из ис-

кустств является самостоятельной и относительно замкнутой системой. «Произрастая» из культуры, они органически распространяются за свои пределы и не только в «смежные» образно-художественные подсистемы, но и в иные области культуры. При этом весьма актуален поиск способа, объединяющего общее понятие «культура» с более узким — «архитектура». Связующую роль такого способа призван исполнить «образ». Выступая одним из решающих звеньев искусства, он соединяет зодчество с духовной сферой, художественный синтез которых формирует в итоге «архитектурный образ мира», «архитектурный образ региональной культуры», а также иные образно-архитектурные феномены.

Зодчество, с этих позиций, важнейший и неотъемлемый компонент общей культуры, являясь не только материальной составляющей, но и формой бытия духовной сферы. Исторически созданный архитектурный тип культовых зданий, средоточие господствующих идей и проводник идеологических функций общества — наглядное свидетельство подобной взаимосвязи, нашедшей индивидуальное выражение в большинстве культурно-исторических традиций. Наряду с этим, архитектура как обособленный вид искусства — это продукт эстетической и художественной культур, коему присуще образно-творческое начало. Однако приоритет современных утилитарно-практических тенденций значительно нивелировал его, поскольку направлен был на развитие рациональной стороны зодчества, ориентируясь в основном на «работу с функцией либо конструкцией». Что же касается аллегорических, метафорических, символических, а также иных образно-художественных исследований, то их чаще всего

можно наблюдать в смежных чувственно-эмоциональных областях — литературе, поэзии, искусствоведении, устном народном творчестве, чего нельзя сказать об архитектурной деятельности. Раскрытие ее образно-эстетических особенностей, конкретизация сущностных, идейно-содержательных основ, осмысление специфики зодчества как вида искусства, художественной формы, выразительных средств архитектурного языка, включая региональную его специфику, и множества иных вопросов, целенаправленно предполагающих «работу с идеей», — это удел архитектурной теории, потребность в которой, несомненно, назрела.

Список литературы

1. Безклубенко С.Д. Грани творческого метода: О социальной природе методологии художественного творчества. — Киев: Мистецтво, 1986. — 197 с.
2. Виндельбанд В. Платон. — Киев: Зовнішторгвидав України, 1993. — 176 с.
3. Искусство в системе культуры. — Л.: Наука, 1987. — 268 с.

References

1. Bezklubenko S.D. Grani tvorcheskogo metoda: O social'noj prirode metodologii xudozhestvennogo tvorcestva. Kiev: Mistecztvo, 1986, 197 p. (in Russ.)
2. Iskusstvo v mire duhovnoj kul'tury. Kiev: Naukova dumka, 1985, 240 p. (in Russ.)
3. Vindel'band V. Platon. Kiev: Zovnishtorgvidav Ukraini, 1993, 176 p. (in Russ.)

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10068
УДК 72.025.5 (479.25)

М.А. Гаспарян¹, Л.Л. Варданян²

¹Национальный университет архитектуры и строительства Армении (Ереван)

²«ЛВ + архитекторс» ООО (Ереван)

¹marietta04@rambler.ru

Основные принципы реновации исторического квартала и его интеграции в современную инфраструктуру города в проекте «Старый Ереван»

Аннотация

Одним из масштабных градостроительных программ Еревана XXI в. является проект реновации старого квартала в историческом ядре города под названием «Старый Ереван», цель которого — сохранить и реанимировать архитектурное наследие XIX и начала XX в., адаптировать селитебную застройку к социальной функции, оптимизировать и благоустроить территорию, создав активную рекреационную, культурную и коммерческую зону под знаком исторической памяти. В статье, на базе натурного исследования, библиографических и архивных материалов, проанализированы концептуальные позиции проекта в контексте методики сохранения архитектурного наследия, выявления аутентичности и использования реверсии к традиционным национальным формам, восстановления исторической эстетической среды с одновременным использованием современных технологий и конструкций.

Ключевые слова: архитектурное наследие Еревана, историческая среда, проект реновации, повторное адаптированное использование, формообразующая реверсия

M.A. Gasparyan¹, L.L. Vardanyan²

¹National University of Architecture and Construction of Armenia (Yerevan)

²LV + Architects LLC (Yerevan)

¹marietta04@rambler.ru

The basic principles of the renovation of the historic city district and its integration into the modern infrastructure of the city in the "Old Yerevan" project

Abstract

One of the large-scale Yerevan's urban planning programs of 21st century is the project of renovation of the old city district in the historical part of the city called "Old Yerevan", the goal of which is to preserve and revive the architectural heritage of the 19th and early 20th century, to suit residential buildings to the social function, to optimize and improve the area, creating an active recreational, cultural and commercial zone according to historical memory. The article, on the basis of field observations, bibliographic and archival materials, deals with the conceptual positions of the project in the context of preserving the architectural heritage, identifying authenticity and using reversion to traditional national forms, restoring the historical aesthetic environment with simultaneous use of modern technologies and constructions.

Keywords: architectural heritage of Yerevan, historical environment, renovation project, adaptive reuse, shape reversion

История. Реконструкция и развитие города в пространстве и времени, в условиях градостроительной идеологии, когда вопрос сохранения культурного наследия не укладывается в приоритетные задачи эволюции современной инфраструктуры, создают стабильные условия незащищенности архитектурно-исторических памятников. На ереванском примере два действия создают конфликтные ситуации и оказываются причиной уязвимости объектов культурного наследия — адаптивное повторное использование и градостроительные мероприятия. При этом очевидно, что именно актуальная функция обеспечивает жизнеспособность старого здания и его сохранение, а в урбанизированном городе новое строительство, трассировка необходимых транс-

портных коммуникаций не могут быть исключены. В первом случае теоретическое решение дилеммы можно было бы свести к обязательному соотношению аутентичных архитектурно-планировочных характеристик произведения с соответствующим им выбором новой функции, что в определенной степени является гарантией сохранения целостности композиционного решения и архитектурно-художественных качеств объекта. Более угрожающими являются радикальные градостроительные программы, реализация которых не только нарушает органичное взаимодействие памятников с окружающей средой, эстетическое соприкосновение старых и новых зданий, но и ведет к разрушениям исторических построек и фактически констатирует многочисленные утра-

ты, долгое время обычные в ереванской практике.

Исторические события и природные катаклизмы в разные исторические эпохи, резкий экономический спад в конце XX в., но в первую очередь недальновидность современной градостроительной стратегии в отношении сохранения национального культурного наследия, начатой еще большевиками с разрушения церквей, — вкуче или по отдельности, как по объективным, так и субъективным причинам, отрицательно сказались на состоянии культурного наследия столицы Армении. Результатом всего стало исчезновение целых фрагментов городской застройки и архитектурно-эстетической среды периода Российской империи, олицетворяющей историческое понятие «старый Ереван». В нынешней ситуации на территории исторического ядра города осталось считанное количество разрозненно расположенных архитектурных памятников этой эпохи, которые стоят, обрамленные высотной застройкой, и, лишенные таким образом имманентной окружающей среды, они мало способны к диалогу с современным городом и визуальной демонстрации собственных эстетических качеств.

С точки зрения понимания духа историко-архитектурной среды к началу XXI в. в городе сохранился только квартал в зоне Главного проспекта, который сегодня находится уже в полуразрушенном состоянии, в мириаде многоэтажных строений, своим масштабом угнетающими сосредоточенные в этой части жилые дома XIX и начала XX вв.

Тотальный снос старой застройки в центре Еревана начался в 1970-х гг., когда было принято решение превратить всю эту территорию в зеленый бульвар, получивший название Главный проспект. Список разрушенных зданий составил богатое культурное наследие, обладающее архитектурными, художественными и мемориальными ценностями, в том числе и территория в северо-западной части Главного проспекта, у подножия возвышенности Конд, откуда в первой половине XIX в. началась реконструкция средневекового города и где были сосредоточены самые старинные усадьбы имперского периода, типы которых в городе практически утеряны навсегда. Завершением реализации идеи парковой зоны стал последний участок с 14-ю архитектурными памятниками, намеченными к расчистке в 2004 г.

Очередное массовое разрушение было предотвращено личной инициативой архитектора Левона Варданяна, обратившегося с соответствующими обоснованиями и планом спасения архитектурного наследия к мэру Ерванду Захаряну, с согласия которого был разработан концептуальный проект. Под названием «Старый Ереван» в 2005 г. мэрией города Еревана и правительством Армении была одобрена концепция проекта-предложения и принято решение о реконструкции одного из старых кварталов города, в котором сохранилась имманентная историческая застройка XIX и начала XX в. С этой целью на территории Главного проспекта была выделена заповедная зона — квартал, вписанный в периметр улиц Павстос Бузанда, Езника Когбацци, Арама и Абовяна, общей площадью 19200 га (320 x 60 м).

С первых дней разработки проекта архитектурная мастерская «ЛВ + аркитектс» демонстрирует архитектурную, строительную и градостроительную документацию общественности, а в предыдущий год

был создан веб-сайт в социальной сети Facebook под названием «Old Yerevan quater» [Old Yerevan...], где выкладывается информация о ходе работы над проектом, об архитектуре и истории включенных в проектных план объектов и рассказывается об архитектурном наследии Еревана XIX и начала XX в.

Аутентичная архитектурная характеристика. Основной фонд объектов на отведенной территории составляют оригинальные образцы жилых усадеб XIX — начала XX в., представляющие спонтанно созданную, неповторимую архитектурно-эмоциональную среду¹ (ил. 1). Владетельные участки особняков, доходных многоквартирных домов с барскими квартирами и доходных домов с магазинами упорядочены по единой функциональной схеме: в соответствии с регулярной планировкой города основные корпуса поставлены по периметру улиц, дворовые фасады и флигели обрамляют атриумы, которые переходят в сады, образующие с соседними садами переливающуюся зеленую зону всего квартала.

Обусловленное временем строительства стилевое разнообразие форм складывается в канве развития архитектуры всей эпохи (1830-е — 1910-е гг.), представляющей строения нарядно убранных фасадов с колоритной кирпичной кладкой или пластикой туфового руста, уличными, крытыми двускатной кровлей изысканными ажурными традиционными балконами или появившимися к концу XIX в. открытыми балконами с узорными металлическими перилами, композиционно всегда доминирующими порталами и выразительными арками сквозных сводчатых проездов во двор. Архитектурный анализ с точки зрения факта ценности преемственности может однозначно утверждать, что архитектурно-функциональная структура исторического жилого дома сконцентрировала в себе все жизнеутверждающие свойства, рожденных комплексом региональных условий национальных традиций, утеря которых нанесет невозвратимый ущерб современной архитектуре — они яркие свидетельства гения предков, особенно выраженные именно в жилых домах — от планировки к деталям, от утонченного принятия интернациональных тенденций эпохи к бескомпромиссному сохранению собственных устоев строительного искусства.

Помимо эстетических качеств, данные объекты культурного наследия воплощают достопримечательные, конкретные историко-мемориальные события трех исторических формаций предшествующих двух столетий — Российской империи, первой Республики Армении и Армянской Советской Социалистической республики — и связаны с жизнью видных армянских общественных деятелей и благотворителей, композиторов, артистов, врачей, ученых и других незаурядных личностей, внесших неоспоримый вклад в историю и культуру Армении.

В контексте регенерации архитектурной среды, т. е. восстановления сохранившегося целостного исторического ансамбля, в котором присутствует историко-градостроительная характеристика и духовная атмосфера эпохи и который возможно в единстве функционального и эстетического вписать в совре-

¹ В архитектурных характеристиках объектов и города использованы материалы из книги М. Гаспарян. Архитектура Еревана 19 и начала 20 века. Город в пространстве и времени. — Palmarium Academic Publishing, 2018. — 476 с.

менный организм города, застройка XIX и начала XX в. — жизнедействующий исторический экспонат с перспективным потенциалом, органически включенный в инфраструктуру города. Нельзя обойти вниманием то обстоятельство, что в принципе всякая постройка старого города, даже не обладающая архитектурной репрезентативностью, в общем и, особенно, в функциональном плане, являет собой комплекс совершенных архитектурно-функциональных форм, включающих уютные озелененные дворики, сводчатые каменные подвалы, просторные комнаты с высокими потолками и открытые широкие деревянные галереи, — все вместе изначально заключающие в себе благодарную почву для полноценного использования в достаточно широком спектре новых функциональных решений.

Современное состояние. Квартал разделен на две части трассированной в 2010-х гг. новой улицей, в связи с чем был демонтирован доходный дом братьев Бабахянов на улице Павстоса Бузанда. В течение следующего после утверждения программы десятилетия, в результате отсутствия финансирования промедление осуществления проекта привело к тому, что в нынешнем состоянии территория выделенной зоны серьезно изменена в масштабном понимании: малоэтажную историческую застройку с двух продольных сторон обступила высотная новостройка, угнетающе влияющая на восприятие исторической архитектурной среды. В результате возникла чрезвычайно сложная проблема, связанная с организацией слаженной, бесконфликтной пространственной среды, в которой могли бы сосуществовать застройка XIX — начала XX в. и архитектура XXI в., где двух-, трехэтажные (включая высокие цокольные этажи) здания являлись бы полноценными компонентами пространственной структуры.

В еще более худшем состоянии оказалась собственно старая застройка, чему немало способствовало переселение большей части жильцов, оставивших свои дома на произвол судьбы, что непосредственно сказалось в физическом разваливании архитектурных памятников, внутренних усадебных пространств, дворовых галерей и сильному загрязнению территории. От некоторых зданий сохранился только искаженный уличный фасад с деформированными уличными балконами и лишеными своих обрамлений проемами. Потерявшие крыши дома представились скелетами своих структур, в стенах которых выступают элементы былой роскоши и висят, готовые упасть, стенные печи (ил. 2).

Проект «Старый Ереван». Первоначальная цель реконструкции квартала состояла в функционально-эстетической оптимизации территории исторической застройки, реставрации и реконструкции объектов культурного наследия и включении заповедной зоны в жизнедеятельность города. Территория квартала, заключенного между четырьмя улицами в самом центре города, представляла собой застроенный по периметру вытянутый прямоугольник, со внутренними дворами и переливающимися садами и хорошо сохранившимися особняками и доходными домами. Задачи реконструкции должны были ограничиться реставрацией отдельных фрагментов зданий, адаптацией к общественному назначению и благоустройством участка.

Следующая стадия разработки проекта исходила

из ухудшившегося состояния как всей территории, так и конкретных объектов, что усложнило и изменило идею архитектурной трактовки и всю концепцию методики реновации. К комплексу реконструктивных мероприятий прибавились задачи восстановления и воссоздания фрагментов зданий и территории, с целью обеспечения целостности и эстетического достоверного воспроизведения архитектурной среды старого городского селитебного района.

Сегодня принципиальной конечной целью авторского замысла является создание не только самоутверждающего, но и функционально и эстетически доминирующего комплекса (ил. 3).

В идейной установке архитектурного решения стремление воссоздать имманентную среду сочетается с модернизацией территории, обоснованной усилением функциональной структуры социального приоритета, в ориентации на развитие объектов торгового и культурно-массового назначения. Утверждение аутентичных архитектурных характеристик культурного наследия сопровождается дополнением комплекса функционально обоснованными новыми объемами, выполненными в современных конструкциях и материалах, которые открыто воспроизводят национальные культурные традиции города, откровенно выраженные в реверсиях к традиционному архитектурному мировоззрению.

В целом, основные задачи проекта можно сформулировать следующими позициями:

- комплексное сохранение исторических зданий XIX — начала XX в. в совокупности с рациональной адаптацией к современным требованиям;
- создание эстетического взаимодействия старого квартала с окружающими архитектурными объектами XXI в.;
- внедрение принципов экологической архитектуры в новых объемах;
- организация гармоничной и комфортабельной среды, в которой присутствует исторический образ;
- органичное включение территории в городскую инфраструктуру при активном социальном функционировании;
- создание благоприятного рекреационного пространства для ереванцев, способного восстановить психологическое равновесие, утраченное в результате интенсивного видоизменения городской среды, уничтожения любимых образов улиц и дорогих горожанами уголков — гуманная цель проекта.

Комплексная трактовка всей территории решается объединением архитектурно-функционально изолированных усадеб в единый архитектурно-градостроительный ансамбль: внутреннее пространство индивидуальных традиционных ереванских атриумов вливается в общее пространство продольной пешеходной зоны, прорезающей весь участок «Старого Еревана». По принципу перетекающих пространств здесь присутствует как обобщенная общественная зона, так и психофизически обособленные двory отдельных объектов, обрамленные ажурными дворовыми деревянными галереями, демонстрирующими уникальное разнообразие народного творчества в деревянной архитектуре Армении (ил. 4).

Восстановление эстетических категорий объектов, с учетом того, что отдельные фрагменты усадеб — внутренние двory, сады, дворовые экстерьеры частично или полностью утрачены — предполагает

не только реставрацию на базе сохранившихся элементов, но и использование методики восстановления и воссоздания по принципу аналогий.

Внутренние открытые рекреационные зоны крыты цилиндрическим стеклянным сводом, реверсирующим к традиционным формообразующим категориям сводчатых проездов во двор усадеб и галерей в торговых рядах старого Еревана, но имеющим современную техническую конструктивную структуру, оснащенную солнечными батареями. Свод обеспечивает комфортабельное функционирование комплекса в течение всего года и имеет эстетическое предназначение — избежать визуальный конфликт масштабов старой и современной застройки и сохранить духовную камерную атмосферу традиционного внутреннего двора.

Удачно выбрана методика восстановления характерной для архитектуры эпохи цельности периметральной застройки. Собственный вопрос урегулирования художественных категорий среды, на базе воссоздания периметральной застройки, обосновывается, во-первых, историческим фактором, исходящим из характерного для эпохи планирования города, и, во-вторых, в композиционном смысле объясняется авторским стремлением утвердить горизонтальную массивность комплекса, способного эстетически противостоять вертикальным доминантам окружения.

Для заполнения существующих между соседними зданиями художественно и функционально нецелесообразных интервалов используются демонтированные архитектурные памятники, расположенные ранее в ближайшем окружении, в средовом понимании удачно вписываемые в имманентное, родственное им существующее историческое пространство. Таким образом одновременно решается проблема новой жизни таких домов, хранившиеся на разных территориях, пронумерованные камни которых остались без какой-либо конкретной перспективы восстановления. Аналогичную цель преследовало и воссоздание некоторых зданий по чертежам и старым фотографиям, что в совокупности позволило организовать гармоничное единство в образе периметральной застройки. Для сохранения всех аутентичных параметров восстанавливаемых памятников архитектуры в разработке плана территории скупственно вычислены и совмещены размеры вставляемых новых сооружений и предназначенных для них размещения участков.

Серьезное внимание уделено художественно-декоративному оформлению «пятого фасада». Задача обуславливалась не только функциональной целесообразностью использования крыши, но и эстети-

ческим фактором, связанным с обозреваемостью с соседних многоэтажных зданий. Теоретически, здесь видится возвращение к многофункциональности старых ереванских плоских земляных крыш, широко используемых для хозяйственно-бытовых нужд — сушки фруктов, ночного отдыха и, как пишет Х.Ф.Б. Линч, «здесь совершаются первые и последние трапезы дня и расстилаются одеяла, на которых жители наслаждаются сном под открытым небом» [Линч, 1910, с. 269].

В идее выбора способа организации озеленения аналогично содержание символической ассоциации с традицией старого ереванского жилища. В благоустройстве территории приоритеты отданы вертикальному озеленению, крышам и местным растениям, в совокупности определяющими содержание богатой зеленой рекреационной зоны и художественно живописных фрагментов архитектурной среды.

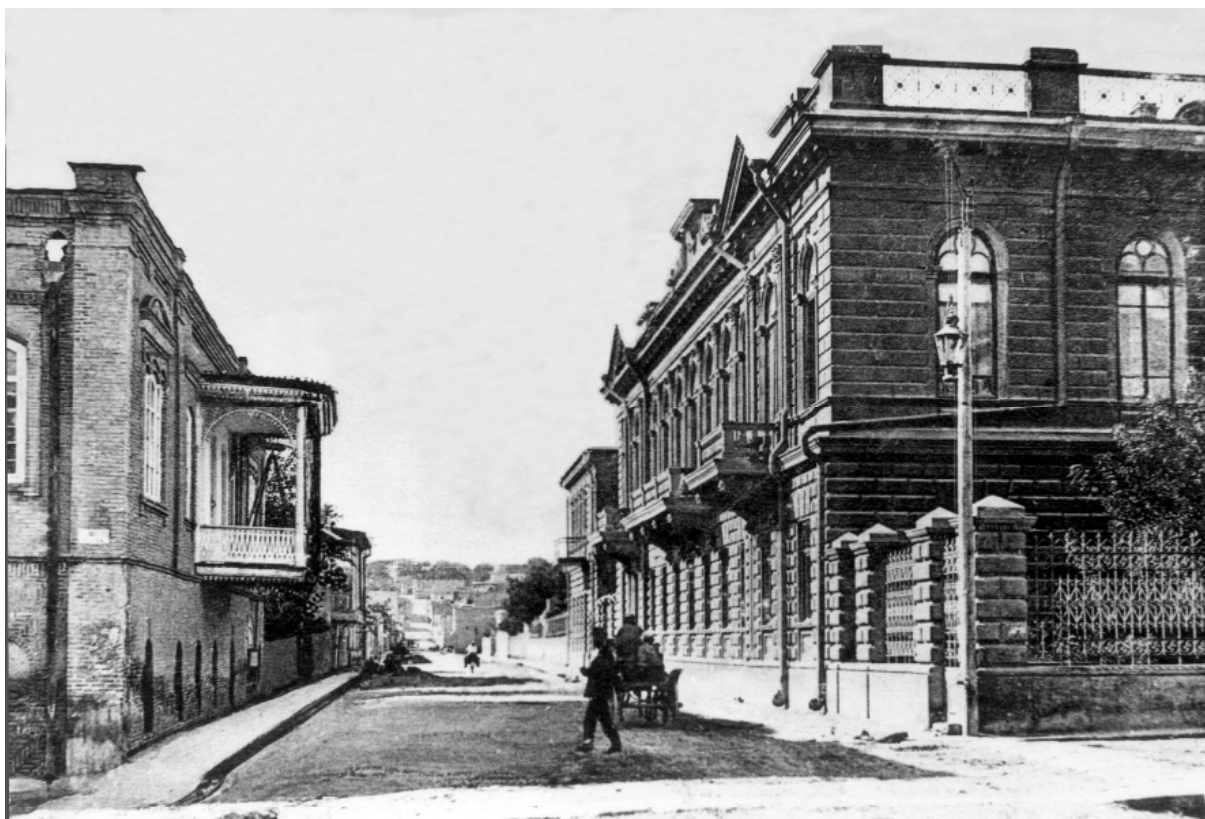
Проект «Старый Ереван» (арх. Левон Варданян, Мисак Мхитарян, Лилит Варданян; инвесторы «Old Yerevan» LTD, «Starline» LLC, «Serge-Agopig Der-Sahaguyan» LLC), строительная реализация которого началась в 2018 г. (ил. 5), решит практические задачи регуляции комплекса вопросов в исторической зоне города, сохранения существующих и восстановления ранее демонтированных объектов культурного наследия имперского периода; будет способствовать складыванию этических подходов в решениях новых сооружений, вписываемых в историческую среду; окажет благотворное влияние на развитие культурно-познавательного городского туризма, популяризацию и просвещение населения в области сохранения, охраны и использования национального архитектурного наследия.

Список литературы

1. Линч Х.Ф.Б. Армения. Путевые очерки и этюды Х.Ф.Б. Линча. Русские провинции. — Тифлис: Торговый дом «И. Е. Питоев и К^о», 1910. — Т. 1. — 600 с.
2. Old Yerevan quarter. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.facebook.com/oldyerevanquarter> (дата обращения: 20.05.2019).

References

1. Linch Kh.F.B. Armeniya. Putevye ocherki i etyudy Kh.F.B. Lincha. Russkie provintsii. Vol. 1. Tiflis, 1910, 600 p. (in Russ.).
2. Old Yerevan quarter. URL: <https://www.facebook.com/oldyerevanquarter> (date of the application: 20.05.2019).

Ил. 1. Вид Царской (ныне Арама) улицы на фотографии 1900-х гг. Национальный архив Армении

Ил. 2. Современное состояние средней части территории «Старого Еревана». Снимок Л.Л. Варданян

Ил. 3. Макет «Старого Еревана», вид со стороны разделяющей комплекс улицы. Архитектурная мастерская «ЛВ + архитектс»

Ил. 4. Вид на внутреннее пространство комплекса. Архитектурная мастерская «ЛВ + архитектс»

Ил. 5. Процесс строительства, 2019 г. Двухэтажный, с двухэтажным подвалом дом Аветиса Мирзояна на Назаровской (ныне Амиряна) улице, 1881 г. Разрушен в 2000-х гг., воссоздается по чертежам и старым фотографиям. Снимок Л.Л. Варданян

А.С. Ломакина¹, М.Е. Никитина, А.В. Наволоцкая
Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин) (Новосибирск)
¹ AlyonaLomakinaArch@yandex.ru

Школа №54 как объект культурного и исторического наследия

Аннотация

Статья обращает внимание на образовательные учреждения города Новосибирска, построенные в 1930-х — 1950-х гг., которые сегодня массово вступают в стадию реконструкции. Объектом исследования является школа № 54. В статье установлен автор проекта школы, архитектор И.С. Бочурин, описано ее архитектурно-планировочное решение, определена датировка художественных барельефов, расположенных на главном фасаде здания, которые отнесены к 1936–1937 гг., а не к 1948 г., как утверждалось в литературе ранее. Также установлено, что существуют две версии авторства барельефов на фасаде школы — скульптор С.Р. Надольский и скульптор В.Ф. Штейн. Констатируется, что пока нет окончательного свидетельства в пользу кого-то из них. Обоснована как архитектурная ценность объекта, так и его роль в истории города. Даже участок улицы Серебренниковской был переименован в улицу Мичурина в связи с постройкой «мичуринской» школы.

Ключевые слова: реконструкция, школа № 54, Новосибирск, Надольский, Штейн, барельеф

A.S. Lomakina¹, M.E. Nikitina, A.V. Navolotskaya
Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin) (Novosibirsk)
¹AlyonaLomakinaArch@yandex.ru

School No.54 as an object of cultural and historical heritage

Abstract

The article draws attention to the educational institutions of the city of Novosibirsk, built in the 1930s — 1950s, which today are being massively reconstructed. The object of the study is school number 54. The author of the school project is architect I. S. Bochurin. Architectural and planning concept of the school is described in the article. The artistic bas-reliefs located on the main facade of the building are dated to 1936–1937 but not to 1948, as it was previously stated in the literature. It was also established that there are two versions of the authorship of the bas-reliefs on the facade of the school. The first version is that the sculptor was S.R. Nadolsky, and the second one is that the sculptor was V.F. Matte. It is stated that there is no final evidence in favor of one of them. There was proved the architectural value of the object, as well as its role in the history of the city. Even a section of Serebrennikovskaya Street was renamed Michurin Street in connection with the construction of the Michurinskaya school.

Key words: reconstruction, school №54, Novosibirsk, Nadolsky, Shtein, bas-relief.

Судя по постановлению № 3027 Президиума Новосибирского Горсовета к 1937 г. в Новосибирске значилась 71 школа [НГА. Ф-33. Оп. 1. Д. 358]. С того времени школы, за редким исключением, капитально не ремонтировались и имеют на настоящий момент депрессивный внешний вид: отягощаются нелепыми пристройками и перепланировкой, наращивается культурный слой, который негативно сказывается на пропорциях зданий. На сегодняшний день, по мнению специалистов, в городе не хватает школьных площадей в связи с точечной застройкой исторических жилых районов и отсутствием строительства компенсирующей социальной инфраструктуры. Кроме того, существенно изменились требования к организации учебного процесса, планировочному решению школ и набору функциональных составляющих здания. Школы нуждаются в новых площадях, таких как специализированные классы, спортивный

комплекс, столовая, библиотеки, рекреации.

Школы, построенные в первой половине 1930-х гг., несут печать времени и являются ценными средовыми объектами жилой застройки. Первые примеры капитального ремонта и реконструкции данных школ, сопровождающиеся появлением новых пристроек, проемов, утратой декоративных элементов, заменой оконных рам на стеклопакеты с нарушением проектного ритма переплетов, увязанного с архитектурой здания, облицовкой керамогранитом, привели к утрате их первоначального архитектурного облика, а приобретенный внешний вид оказался крайне неэстетичным. В 2008–2009 гг. внешний вид сменила школа № 99 Центрального района, а к 2018 г. была завершена реконструкция школы № 82 Дзержинского района. Обе школы утратили свой уникальный архитектурный облик, а город продвинулся на пути обезличивания.

В начале 2019 г. развернулась дискуссия о необходимости реконструкции школы № 54 Центрального района города, которая на данный момент проходит техническую экспертизу. В СМИ обсуждается вопрос о сносе здания [Бондарь, 2019]. Общественность встревожена в утрате объекта, имеющего историческую и культурную ценность. Особую обеспокоенность вызывает судьба установленных на школе барельефов.

Практику сноса, тотальной реконструкции, непринимаемой без учета оценки архитектурной и исторической ценности объектов можно назвать практикой «меча». Очевидно, что необходимо рассмотрение иных подходов к реконструкции объекта.

Целью работы является определение исторической и архитектурной ценности 54-й школы. В процессе исследования решались такие задачи как восстановление истории проектирования и строительства школы, характеристики ее объемно-планировочного решения, уточнение вопроса авторства и датировки художественных барельефов, расположенных на главном фасаде здания, разработки рекомендаций о типе реконструктивного вмешательства для решения проблемы развития школы.

Упомянутым выше постановлением № 327 Президиума Новосибирского городского Совета от 19 апреля 1935 г. Дзержинскому Горно под строительство школы были отведены участки №№ 4, 5 и 6 в квартале № 111 и участки №№ 5, 6, 7, 8, 9 и 10а в квартале № 116, а также пролегающая между ними улица Ермака. Актом от 16 июня 1935 г. к школьной территории были прирезаны участок № 10-б квартала № 116 и участки №№ 7 и 8 квартала № 111 Ипподромского района, общей площадью 5651,84 кв. м [НГА, Ф-382. Оп. 1. Д. 72]. Таким образом, общие размеры территории составили 136 м вдоль улицы Крылова и 176 м вдоль улицы Серебренниковской (ил. 1). Общая площадь участка составляла 23936 кв. м. К настоящему времени площадь участка значительно уменьшилась и составляет 8236 кв. м.

Постановлением № 3027 Президиума Новосибирского горсовета РК и КД от 2 января 1937 г. была утверждена единая нумерация школ, по которому школа на углу Ермака и Серебренниковской сменила районный номер 2 на общегородской номер 54 [НГА. Ф-33. Оп. 1. Д. 358].

В 1935 г. школе было присвоено имя русского биолога и селекционера Ивана Владимировича Мичурина, полное название звучало как «трудовая политехническая школа им. И.В. Мичурина». Школа находилась во дворе дома для семей высшего офицерского состава СибВО, расположенного по адресу Красный проспект, дом 62, в связи с чем получила неофициальное название «генеральская». Прилегающую часть улицы Серебренниковской также переименовали, по нашему мнению, в связи с постройкой «мичуринской» школы, в улицу Мичурина. На плане города [План г. Новосибирска..., 1935], выпущенном в июне 1935 г., еще обозначена улица Серебренниковская (Александровская до 1920 г.), а в Указателе улиц Новосибирска, сданном в производство 22 августа 1935 г., она уже обозначена как улица Мичурина [План..., с. 3 (в «Указателе улиц»)].

Рядом со школой был разбит участок для проведения занятий по растениеводству, на котором школьники проводили опыты, выращивали редкий в то время

виноград, а за селекцию уникального сорта пшеницы школа была награждена медалью ВДНХ. Со временем школа утратила присвоенное ей имя Мичурина. Свидетельством прошлой истории являются тематические барельефы, расположенные на ее фасадах.

Здание построено по типовому проекту для семилетней школы на 400 учащихся, разработанному архитектурно-проектным бюро Наркомпроса РСФСР и утвержденному в 1934 г.; архитектор — И.С. Бочурин (ил. 2). Отличительной особенностью двухэтажной школы являлись два скульптурных барельефа и вазоны, установленные у главного входа в здание. По центральной оси здания со стороны улицы Крылова, в соответствии с проектом, был пристроен флигель для директора школы. Во флигеле жила первый директор школы — Т.А. Данилова. Традиция постройки флигеля для директора при здании школы сохранялась с дореволюционных времен: такие же флигели были пристроены к школам А.Д. Крячкова [Баландин, Ваганова, 1973].

Симметричное здание было выполнено в традиции псевдо-классицизма. Стены венчали карнизные тяги. Фронтон центральной части здания поддерживали пилястры коринфского ордера. Карниз служил опорой для цементно-алебастровой балюстрады. Пилястры этого же ордера обрамляли оконные проемы здания. Пилястры и простенки фасада были отделаны рустованной штукатуркой, которая создавала имитацию крупной каменной кладки. Над окнами второго этажа центральной части здания располагался барельеф с переплетением лозы и виноградных гроздьев. Ближе к торцам школы под карнизными тягами были зарезервированы места под барельефы, ниже размещались цементно-алебастровые рамы под декоративную отделку (цитаты или барельефы). Эти резервные места первоначально были заполнены торкрет-штукатуркой. Отношение к школе было внимательным и неравнодушным: вазоны, которые установили сразу после строительства, уже через год заменили на более изящные, ставшими эффектным акцентом в общем облике здания.

Позднее фасад здания школы претерпел изменения: главный вход перекрыли помещением под гардероб, а к 1973 г. вдоль улицы Крылова был достроен корпус со спортивным залом и дополнительными кабинетами. Минималистическая архитектура кирпичной пристройки, облицованной бетонной плиткой «под тетрадь в клетку», с ленточным остеклением, создала диссонанс с советским псевдо-классицизмом исторического здания.

В интерьере школы на данный момент сохранились колонны вестибюля первого этажа, а также характерные лестницы с монолитными перилами, расходящиеся в двух направлениях. Холл второго этажа украшен настенной живописью, выполненной в 1980-е гг. и не представляющей выраженной художественной ценности. Виноградные барельефы центральной части здания во многом умяляются существующей пристройкой объема, занимаемого гардеробом. Главным украшением школы на протяжении многих лет являются два скульптурных тематических барельефа на южном фасаде здания, отражающие ее «мичуринское» прошлое.

На рельефе, расположенном справа от входа, показано весеннее время года. Главное действие композиции — посадка садовых деревьев, центральное

место занимает образ учителя-наставника в лице Ивана Владимировича Мичурина. На рельефе, расположенном слева от входа, изображено начало осени, идет сбор созревшего урожая. Оба барельефа имеют аллегорический характер, изображенные на них времена года символизируют начало и конец учебного года.

Несмотря на уникальность барельефов, их авторство точно не установлено. По одной из версий создателем является скульптор Степан Романович Надольский (1882—1943). С.Р. Надольский учился в вечерних классах Строгановского художественно-промышленного училища, работал в различных производственных художественных мастерских. Создал скульптурную группу орлов для памятника героям Смоленска в Отечественной войне 1812 г. (автор проекта — арх. Н.С. Шуцман). В 1918 г. был командирован в Сибирь, где создавал скульптурные портреты и памятники. По одной из версий переехал в Новониколаевск в 1924 г. [Союз художников..., 2004, с. 611], по другой — в 1927 г. [Художники Алтайского..., 2006, с. 67, где на тот момент оказался единственным скульптором в городе. Согласно перечню работ Надольского, в 1930 г. скульптор создал барельефы для здания школы им. И.В. Мичурина [Художники Алтайского..., 2006, с. 68]. Об участии скульптора в строительстве школы свидетельствует и статья из газеты Советская Сибирь от 16 декабря 1935 года [Скульптор и архитектор..., 1935, с. 4]. В автобиографии скульптора так же упоминаются работы — бюст Мичурина школы им. Мичурина, три скульптурных рельефа: «Посадка деревьев», «Сбор плодов», «Праздник в колхозе», но год создания барельефов не указан. Информацию о наличии бюста Мичурина в школе № 54 найти не удалось, также неизвестно и нахождение третьего из упоминаемых Надольских барельефов.

Так как школа в Новосибирске была закончена к сентябрю 1935 г., то можно предположить, что сведения о создании барельефов С.Р. Надольским в 1930 г. [Художники Алтайского..., 2006, с. 68], являются ошибочными (как минимум, автор не мог уже в то время знать размеры будущих барельефов).

По другой существующей версии, автором барельефов выступила скульптор Вера Федоровна Штейн (1881—1971). В.Ф. Штейн родилась в Петербурге, училась в частной художественной школе (1900—1903), в Высшем художественном училище при Петербургской Академии художеств (1903—1905) у В.А. Беклемишева, Г.Р. Залемана, а затем, в частной художественной студии, в академии Коларосси в Париже (1907—1909) у Т. Ривьера, пользовалась консультациями О. Родена. В 1929 г. осуждена по делу религиозно-философского кружка «Воскресение» и до 1931 г. отбывала заключение в СЛОН, после сослана в Вологду [Штейн Вера Федоровна..., 2010]. В 1933 г. Вера Федоровна оказывается в Новосибирске. Работала в скульптурной мастерской при строительстве Новосибирского театра оперы и балета, в сотрудничестве с архитекторами создавала работы для других зданий города [Союз художников..., 2004, с. 642]. Выполнила барельеф «Танцы народов СССР» над входом в оперный театр. Сюжетно-символический барельеф в ее творчестве был один из основных. В 1950 г. Штейн участвует в 7-й областной художественной выставке в Новосибирске, где пред-

ставляет барельеф «Юные мичуринцы», который по сюжету напоминает барельефы на школе № 54, имеет несомненное стилистическое сходство, но проработан более детально [Новосибирская VII областная..., 1950, с. 20]. В.М. Пивкин указывает, что в 1948 г. Вера Федоровна создает композиции «Мичуринцы» для средней школы в Новосибирске [Пивкин, 2002, с. 127—130]. Сравнивая скульптурную композицию В.Ф. Штейн, представленную на выставке 1950 г. с барельегами на школе № 54, Е.Г. Червова обнаруживает их явное стилистическое, тематическое и композиционное сходство. Это дает основания считать автором именно Веру Федоровну Штейн [Червова, 2012, с. 87—89].

В процессе исследования были обнаружены несколько исторических фотографии школы № 54. На фотографии 1935 года (открытие школы) барельефы отсутствуют (ил. 3). Одна из фотографий обнаружена среди открыток с видами Новосибирска фотохудожника И.С. Моторина [Каталог..., 2008, с. 17]. На открытке представлена школа № 2 по ул. Ермака (современная школа № 54), фасад которой уже украшен барельегами (ил. 4). Открытка имеет номер цензурного разрешения Крайлита 6054, а, значит, была выпущена еще до расформирования Западно-Сибирского края, которое было оформлено Постановлением ЦИК СССР от 28 сентября 1937 г. В частично переизданной серии фотографий И.С. Моторина 1938 г. уже стоят новые цензурные разрешения — «Обллит №», т.е. на те же негативы пришлось получать новые цензурные разрешения, ведь Крайлит был ликвидирован. Поскольку вариант здания с барельегами был опубликован на открытке с номером Крайлита, то снимок может быть отнесен к 1936—1937 гг. На третьей, найденной на форуме краеведов фотографии барельефы тоже отсутствуют (ил. 5). Предшествующий анализ альбома И.С. Моторина позволяет сделать логическое заключение, что эта фотография может быть отнесена к ранней весне 1936 или 1937 гг.

Получается, что В.М. Пивкин ошибочно считал датой создания барельефов 1948 г. Однако выполнить их мог и С.Р. Надольский, так что на данном этапе исследования недостаточно информации, чтобы поставить точку в вопросе авторства барельефов.

Школа № 54 города Новосибирска, некогда давшая новое название улице, благодаря своей истории и уникальным архитектурным особенностям является одним из тех зданий, чей облик должен быть сохранен. Именно такими зданиями может гордиться город. Наследие — важный ресурс, который является условием устойчивого развития и приобретает сегодня большое значение. Многие директивы по архитектурному планированию и вмешательству в среду основываются на политике сохранения городского наследия. Практике «меча» противостоит культурная стратегия сохранения исторического облика. История сегодня является не только языком социальной идентификации, но и валютой коммерческого товарооборота, т.е. история становится инвестиционно привлекательна.

В случае со школой № 54, на наш взгляд, необходимо реставрировать фасад объекта, имеющего культурную ценность, устранить существующие пристройки, восстановить вазоны и барельефы, тем самым вернув школе первоначальный вид. Рекомендует-

ся независимая экспертиза, по результатам которой следует решить, какой тип ревитализации следует избрать, каким будет развитие школьного комплекса.

Список литературы

1. Баландин С.Н., Ваганова О.П. Сибирский архитектор А.Д. Крячков. — Новосибирск: Западно-сибирское книжное изд-во, 1973. — 56 с.
2. Бондарь Я. Снести нельзя сохранить: Эксперты обсудили судьбу аварийной школы в центре Новосибирска (21.02.2019).— URL: <http://www.kprfnsk.ru/inform/news/35508/> (дата обращения: 27.03.2019).
3. Каталог фотографий Ивана Моторина: из архива Ивана Моторина и собрания С.А. Савченко. — Новосибирск: Новосибирский фонд имени Н.П. Литвинова по изучению и пропаганде истории города, Новосибирский Союз краеведов, Новосибирская государственная научная библиотека, 2008. — 59 с.
4. Новосибирская VII областная художественная выставка. Каталог. Живопись, графика, скульптура. — Новосибирск, 1950. — 20 с.
5. Новосибирск в фотозагадках. Краеведческий форум. История Новосибирска, Школа № 54 (ул. Крылова, 18). — URL: <http://nsk-kraeved.ru/viewtopic.php?id=698> (дата обращения: 27.03.2019).
6. Пивкин В.М. Жизнь как подвиг // Знаменитые женщины Новосибирска: литературно-краеведческий сборник. — Новосибирск: Общество книголюбов, 2002. — С. 127–130.
7. План города Новосибирска Запсибкрая (с приложением Указателя улиц). — Новосибирск: Советская Сибирь, 1935. — URL: http://www.etomesto.ru/map-novosibirsk_staraya-karta/ (дата обращения: 27.03.2019).
8. Скульптор и архитектор на лесах // Советская Сибирь. — 1935. — № 278. — С. 4.
9. Союз художников России. — Москва: Интербук-бизнес, 2004. — 663 с.
10. Типовая архитектура. — URL: https://vk.com/photo-113177286_403939142 (дата обращения: 27.03.2018).
11. Художники Алтайского края: библиографический словарь: — Т. 2: М—Я. — Барнаул: Алтайский Дом печати, 2006. — 647 с.
12. Червова Е.Г. К вопросу об атрибуции рельефа на здании школы № 54 г. Новосибирска // Баландинские чтения: сборник статей VII научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия, 2013. — Т. VII. — С. 87–89.
13. Штейн Вера Федоровна // Новосибирск: официальный интернет-сайт Союз художников России Новосибирск. — 12 февраля 2010. — URL: <https://www.nro-shr.ru/node/238> (дата обращения: 01.03.2019).

References

1. Balandin S.N., Vaganova O.P. Sibirskij arhitekt A.D. Kryachkov. Novosibirsk: Zapadno-sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1973. 56 p. (in Russ.).
2. Bondar' YA. Snesti nel'zya sohranit': Eksperty obsudili sud'bu avarijnoj shkoly v centre Novosibirsk (21.02.2019). URL: <http://www.kprfnsk.ru/inform/news/35508/> (дата обращения: 27.03.2019) (in Russ.).
3. Chervova E.G. K voprosu ob atribucii rel'efa na

zdanii shkoly No 54 g. Novosibirsk. In Balandinskie chteniya: sbornik statej VII nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosibirskaya gosudarstvennaya arhitekturno-hudozhestvennaya akademiya, 2013. Vol. VII. Pp. 87–89. (in Russ.).

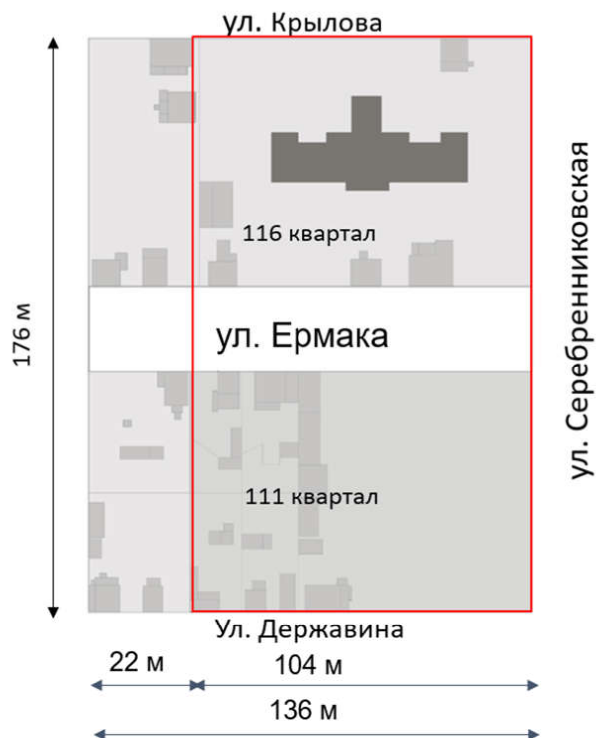
4. Hudozhniki Altajskogo kraja: bibliograficheskij slovar'. Vol. 2: M—YA. Barnaul: Altajskij Dom pečati, 2006. 647 p. (in Russ.).
5. Katalog fotografij Ivana Motorina: iz arhiva Ivana Motorina i sobraniya S.A. Savchenko. Novosibirsk: Novosibirskij fond imeni N.P. Litvinova po izucheniyu i propagande istorii goroda, Novosibirskij Soyuz kraevedov, Novosibirskaya gosudarstvennaya nauchnaya biblioteka, 2008. 59 p. (in Russ.).
6. Novosibirskaya VII oblastnaya hudozhestvennaya vystavka. Katalog. Zhivopis', grafika, skulptura. Novosibirsk, 1950. 20 p. (in Russ.).
7. Novosibirsk v fotozagadkah. Kraevedcheskij forum. Istoriya Novosibirsk, Shkola No54 (ul. Krylova, 18). URL: <http://nsk-kraeved.ru/viewtopic.php?id=698> (дата обращения: 27.03.2018).
8. Pivkin V.M. Zhizn' kak podvig. Znamenitye zhenshchiny Novosibirsk: literaturno-kraevedcheskij sbornik. Novosibirsk: Obshchestvo knigolyubov, 2002. Pp. 127–130. (in Russ.).
9. Plan goroda Novosibirsk Zapsibkroya (s prilozheniem Ukazatelja ulits). Novosibirsk: *Sovetskaya Sibir'*, 1935. URL: http://www.etomesto.ru/map-novosibirsk_staraya-karta/ (in Russ.).
10. Shtejn Vera Fedorovna. Novosibirsk: oficial'nyj internet-sajt Soyuz hudozhnikov Rossii Novosibirsk. URL: <https://www.nro-shr.ru/node/238> (дата обращения: 01.03.2019) (in Russ.).
11. Skulptor i arhitekt na lesah. *Sovetskaya Sibir'*. 1935. No 278. P. 4. (in Russ.).
12. Soyuz hudozhnikov Rossii. Moscow: Interbuk-biznes, 2004. 663 p. (in Russ.).
13. Tipovaya arhitektura. URL: https://vk.com/photo-113177286_403939142 (дата обращения: 27.03.2018) (in Russ.).

Список источников

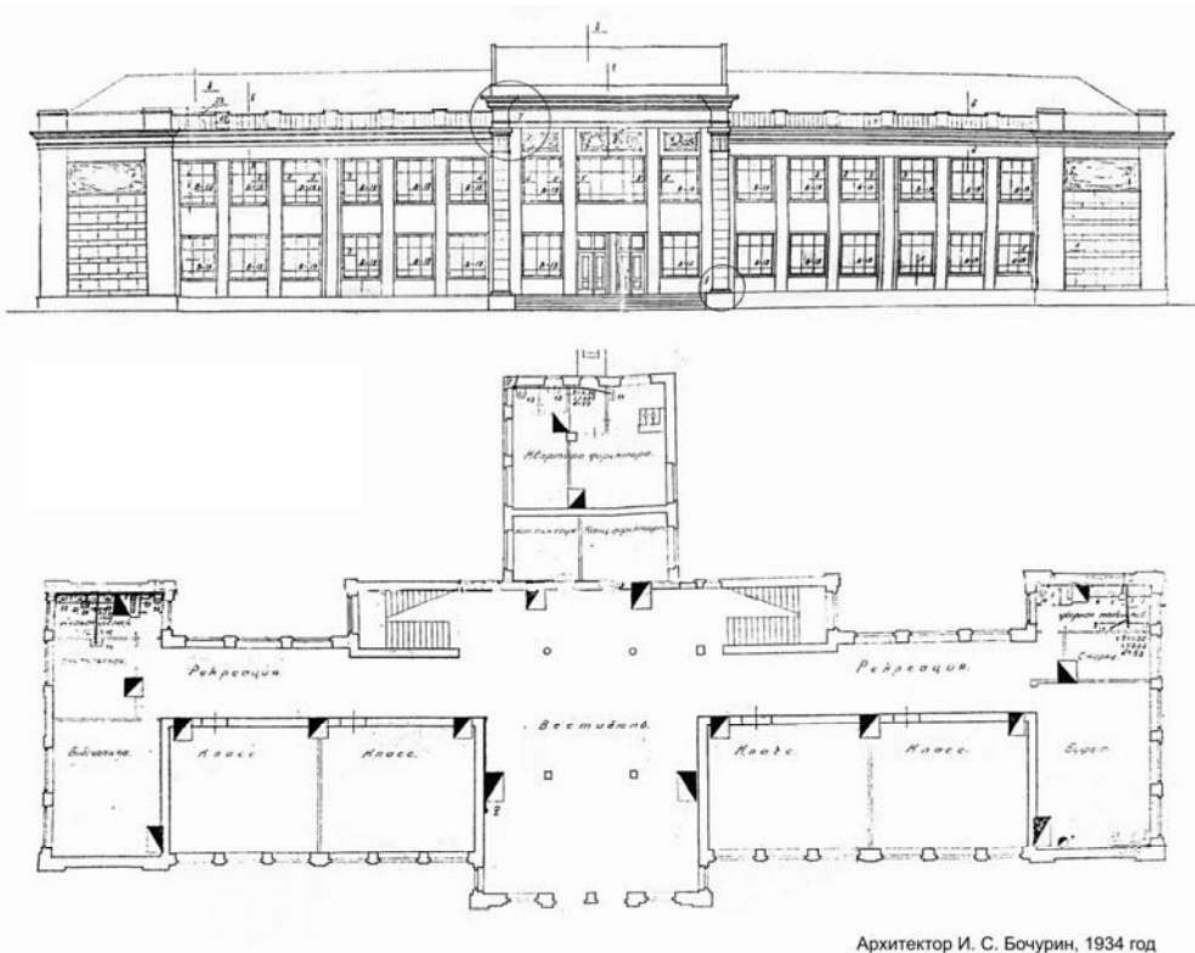
1. Архив музея школы № 54.
2. НГА. Ф-33. Оп.1. Д. 358.
3. НГА. Ф-382. Оп. 1. Д. 72.
4. НГА. Ф-382. Оп. 1. Д. 334.

Список сокращений

- ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства
 ВСХВ — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка
 Крайлит — Краевое управление по делам литературы и издательств
 Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
 НГА — Новосибирский городской архив
 Обллит — Областное управление по делам литературы и издательств
 Совет РК и КД — Совет крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов
 Совнарком — Совет народных комиссаров
 СибВО — Сибирский военный округ
 СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения (Архангельская область)

Ил. 1. План участка школы, 1935 г. Графическая реконструкция авторов, сделанная по [НГА. Ф-382. Оп. 1. Д. 72; Архив музея школы № 54]

Архитектор И. С. Бочурин, 1934 год

Ил. 2. Проект архитектурно-проектного бюро Наркомпроса РСФСР для семилетней школы на 400 учащихся, утвержденный в 1934 г. [Типовая архитектура, 2018]

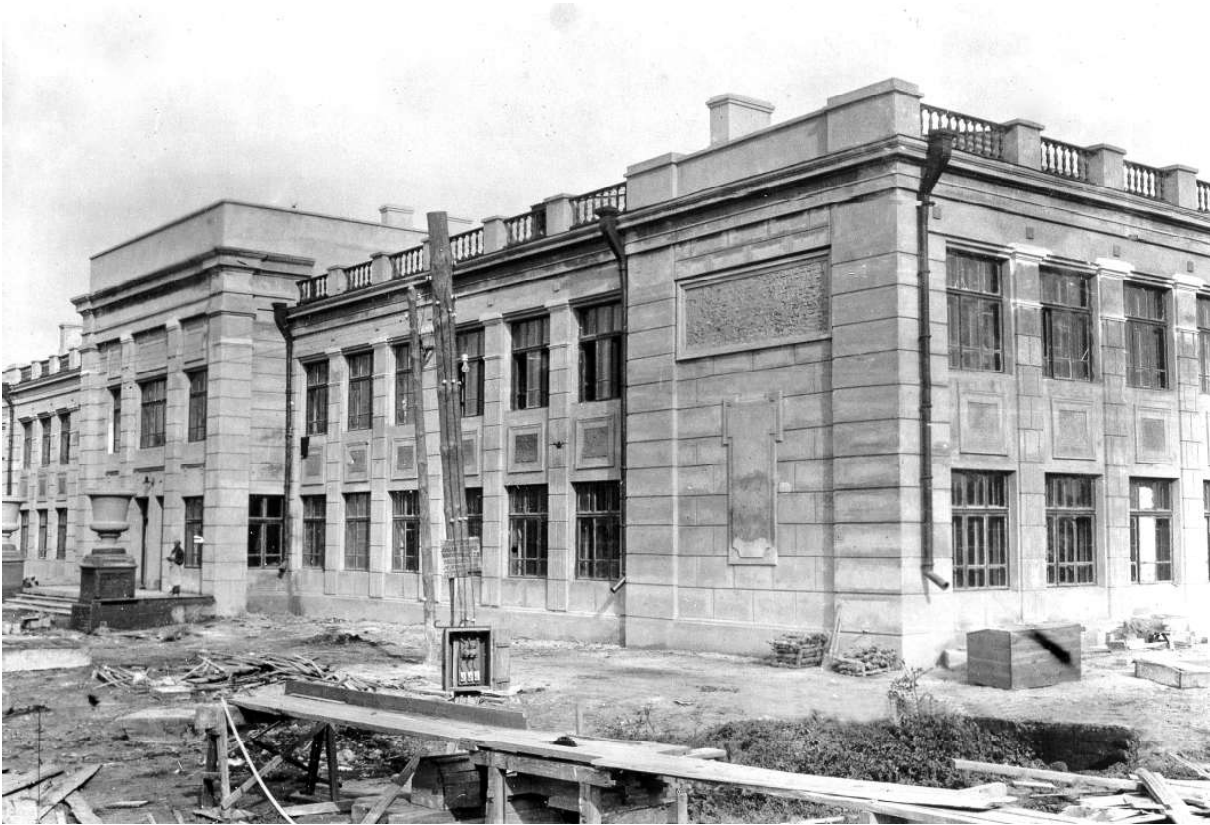

Ил. 3. Школа по ул. Ермака. 1935 г. [Новосибирск в фотозагадках, 2019]

г. Новосибирск. Школа по ул. Ермака. краулит №6054 тир. 5000 ц. 35 к ф-6143 фото Моторин

Ил. 4. Школа по улице Ермака. Фотография И.С. Моторина [Каталог фотографий..., 2010, с. 17]

Ил. 5. Школа по ул. Ермака. 1936–1937 гг. [Новосибирск в фотозагадках, 2019]

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10070
УДК:72.02

С.К. Малышева
Томский государственный архитектурно-строительный университет (Томск)
malysheva-sofya@inbox.ru
Научный руководитель: кандидат архитектуры Е.В. Ситникова

Проблемы современного строительства в условиях исторического поселения на примере города Томска

Аннотация

В статье поднимается актуальная проблема современного строительства в условиях исторического города. Развитие Томска требует нового строительства, в том числе, в пределах исторического центра. На примере кварталов №244 и №304 в Томске проведен анализ существующей застройки и определена степень вмешательства дисгармоничной застройки в историческую среду. Данная работа наглядно показывает необходимость проведения качественного предпроектного анализа окружающей среды будущей постройки для лаконичного размещения объекта нового строительства и обязательного соблюдения установленных регламентов.

Ключевые слова: историческая среда; памятник архитектуры; современная застройка; дисгармоничная застройка; Томск

S.K. Malysheva
Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk)
malysheva-sofya@inbox.ru
Scientific adviser is PhD in architecture E.V. Sitnikova

Problems of modern construction in the conditions of a historic city on the example of the city of Tomsk

Abstract

The article deals with the urgent problem of modern construction in a historic city. The development of Tomsk requires new construction, including the historical center. On the example of city blocks No. 244 and No. 304 in Tomsk, an analysis of the existing buildings is carried out and the degree of interference of disharmonious buildings in the historical environment is determined. This work clearly demonstrates the need for a qualitative pre-project research of the environment of the future construction for the concise placement of the new construction object and the mandatory compliance with the established regulations.

Key words: modern buildings; historical environment; monument; disharmonious building; Tomsk

Новое строительство в исторической среде — актуальная проблема современных городов. Увеличение численности населения, развитие инфраструктуры и создание новых досуговых мест — все это является неотъемлемой частью развития любого города. Новая городская застройка дополняет недостающие функции в том или ином районе города. Такие постройки проектируют, учитывая сложнейшие требования и функциональную необходимость их возведения в городской среде. Не всегда пространственная среда города отвечает современным тенденциям. В России существует множество городов и поселений со старой застройкой, некоторые имеют статус исторических. В таких условиях возникает конфликт между сохранением наследия и строительством новых зданий.

Цель данной статьи — привлечь внимание к ситуации в исторических городах, которая не только игнорируется в современном обществе, но и зачастую не считается проблемой. В данной статье пред-

лагается рассмотреть анализ существующих кварталов на примере исторического поселения — города Томска. Проведенные исследования должны наглядно показать суть существующей проблемы города и указать на возможные пути ее решения.

Данный вопрос рассматривается в статье Я.Г. Степанюка и Е.В. Ситниковой «Объекты нового строительства в исторической среде городов» [Степанюк, Ситникова, 2018]. В ней поднимается тема сохранения национальной идентичности и культурного наследия, утраты исторически сложившейся планировочной структуры и силуэта города. На примере Томска рассказывается о этапах его развития и причинах появления дисгармоничной застройки. Так, во время Второй Отечественной войны в Томск были эвакуированы заводы, которые для удобной коммуникации и транспортной доступности были размещены в центральной части города.

В статье О.И. Крылова «Проблемы застройки в старых кварталах Петрозаводска» поднимается про-

блема строительства дисгармоничных зданий в сложившейся исторической планировке центрального района, которая имеет статус заповедника [Крылов, 2016, с. 206]. Автор подчеркивает, что новые здания строятся без соблюдения регламентов и нарушают созданную в 1950-е гг. городскую среду. Охраняемый центр составляют здания с богатой историей, они представляют собой один из этапов развития архитектуры Петрозаводска.

В статье В.А. Цыганок, Г.И. Комплектовой и А.И. Комплектова [2016] рассматривается градостроительный опыт города Владивостока. На месте, где в 1868 г. был основан Владивосток, сейчас располагается современный центр. За время существования города сложилась историческая ансамблевая структура, включающая старинные постройки. В статье отмечено, что с развитием городской среды неизбежно происходит внедрение современных зданий, особенно данная проблема актуальна для центральной части города, соединяющей культурную, деловую и торговую функции. Авторы подчеркивают, что не все современные здания удается гармонично вписать в историческую среду города. В статье приводятся примеры положительного и отрицательного опыта размещения таких построек, приводятся критерии, необходимые для оценки ситуации.

Рассмотрим историческую застройку города Томска, основанного в 1604 г. В 2010 г. Томску был присвоен статус исторического поселения федерального значения [Приказ...]. Изначально город был возведен в виде острога на Воскресенской горе для защиты местных жителей от набегов кочевников. С годами люди стали селиться за пределами крепости на близлежащих территориях, исторические названия которых отражают характеристики местности и застройки — Пески, Заозерье, Воскресенская гора, Болото, Кирпичи, Юрточная гора, Уржатка, Заисточье, Татарская слобода, Верхняя Елань. На сегодняшний день основные сохранившиеся постройки приходятся на конец XIX — начало XX в. Это деревянная и каменная усадебная застройка, каменные административные здания и купеческие торговые дома и особняки [Дмитриенко, 2016, с. 208]. Выразительные памятники деревянного и каменного зодчества являются неотъемлемой частью городской застройки и местными достопримечательностями.

В настоящее время происходит численности населения Томска растет, в основном, за счет учащейся молодежи. Город развивается, так как является центром притяжения молодежи в Сибири благодаря большому количеству вузов, появляется нужда в новом современном строительстве. Чаще всего новые постройки располагают на периферии города, расширяя его границы, либо заполняются не использованные земельные участки, находящиеся среди существующей застройки. Развитие города вынуждает производить уплотнение застройки, особенно это актуально для центральной части. Квартиры в жилых домах вблизи центра города продаются по завышенной цене, однако они пользуются спросом из-за удобного и близкого расположения различных торговых и обслуживающих население организаций. Не менее дорогая аренда для магазинов, снимающих помещения в торговых зданиях, расположенных в центре города. Выгода продажи и сдачи в аренду зданий и земельных участков способствует новому

строительству на центральных и главных улицах за счет большой проходимости людей и удобной инфраструктуры.

Исторический центр города Томска совпадает с современным. Вдоль главной улицы — проспекта Ленина — располагаются многочисленные кафе, рестораны, магазины, торговые центры, парки, места отдыха. В основном все эти функции размещаются в исторической застройке. Преобладающая этажность домов — 2–4 этажа. Таковы, например, бывший доходный дом И.Л. Фуксмана (пр. Ленина, 107), бывший торговый дом Гадалова (пр. Ленина, 105а). Однако размещение торговой функции происходит только на первых этажах, что невыгодно для владельцев и арендаторов. Несмотря на большую проходимость людей в центре города, большинство помещений не приспособляются под современные нужды организаций.

В Томске до конца XX в. преобладала усадебная застройка, которая подразумевала достаточно большие придомовые территории. На сегодняшний день они заполняются зданиями, возведенными по современным проектам. При проектировании на участке, входящем в проект зон охраны для города Томска, здание должно соответствовать требованиям и регламентам соответствующей зоны, что позволит вписать постройку в окружающую историческую среду.

Так, квартал №244, ограниченный проспектом Фрунзе, улицами Советской (бывшей Спасской) Никитина (бывшей Никитинской) и Крылова (бывшей Семашко) попадает в охранную зону ОЗР 3–28, в которой запрещается новое строительство, за исключением применения специальных мер, направленных на сохранение и восстановление (регенерацию) историко-градостроительной среды объекта культурного наследия. Предусматривается сохранение и восстановление исторического композиционно-пространственного типа застройки, восстановление утраченных элементов, реконструкция диссонирующих объектов и приведение современных объектов в соответствие с регламентами [Постановление...] (ил. 1)

По историко-культурному опорному плану квартала №244 в г. Томске на 2019 г. видно, как нарушается историческая планировочная система, меняются территории усадеб внутри квартала. Так, жилой дом по адресу Советская, 32а со стороны улицы Советской на фоне соседних деревянных памятников (дома №32, 34) выделяется по внешнему архитектурному облику и планировочному решению (ил. 2). Здание по адресу пр. Фрунзе, 10/1 дисгармоничное. Несмотря на приемлемую высоту в 2 этажа, оно обшито белым и серым сайдингом и имеет ломанную ассиметричную форму фасада (ил. 3). Основную массу дисгармоничных построек квартала составляют гаражи и хоз. постройки. В целом, в квартале не прослеживается больших и критичных изменений, за исключением двух зданий, на фоне остальных кварталов города он выглядит относительно полноценными и гармоничными.

Рассмотрим квартал №304 в городе Томске (ил. 4). На схеме показано, что вдоль улицы Красноармейской расположен ряд памятников архитектуры федерального и регионального значения, а также здания, составляющие ценную историко-архитектурную среду. Однако вдоль улицы Вершинина рас-

положена современная дисгармоничная застройка, этажность некоторых домов достигает 5 и 7 этажей (Вершинина, 22, 24). Эти здания создают фон для памятников архитектуры, которые можно наблюдать с улицы Красноармейской (ил. 5). Данные постройки нарушают целостность восприятия исторической среды. Здания по адресу Вершинина, 16, 18 и 20 хотя и являются дисгармоничными, но не мешают восприятию памятников со стороны улицы Красноармейской.

Проанализировав данные кварталы, можно сделать вывод, что в районах с исторической застройкой все чаще начинают появляться современные здания. Тенденции рационального использования земельных участков часто преобладают над культурными и эстетическими ценностями. Все больше развивается торговая, досуговая и культурная функция городского центра, поэтому появляется острая необходимость в новых площадях. Внедрение новых построек, отвечающих современным критериям, обосновывается развитием города. Однако, проектируя новые здания и сооружения на участках со сложившимся историческим ансамблем, необходимо думать не только о реализации функции, но и о внешних критериях фасадов, которые должны гармонизировать с окружающей средой. Рассмотренные в статье примеры показывают, что при условии соблюдения регламентов и приемов, позволяющих вписать здание в окружающую застройку, можно прийти к компромиссу, при котором будут решаться проблемы дополнительных площадей в центральной части города без существенного ущерба исторической среде.

Список литературы

1. Дмитриенко Н.М. История Томска: книга для старшеклассников и студентов. — Томск: Изд-во Томского университета, 2016. — 208 с.
2. Крылов О.И. Проблемы застройки в старых кварталах Петрозаводска // Проблемы и достижения в науке и технике. — 2016. — №3. — С. 134–139.

3. Степанюк Я.Г., Ситникова Е.В. Объекты нового строительства в исторической среде городов // Творчество и современность — 2018. — №1 (5). — С. 85–89.

4. Цыганок В.А., Комплектова Г.И., Комплектов А.И. Проблема гармоничного вписывания современных архитектурных объектов в историческую среду (на примере Владивостока) // Архитектура и дизайн: история, теория, инновации. — 2016. — №1. — С. 89–93.

Список источников

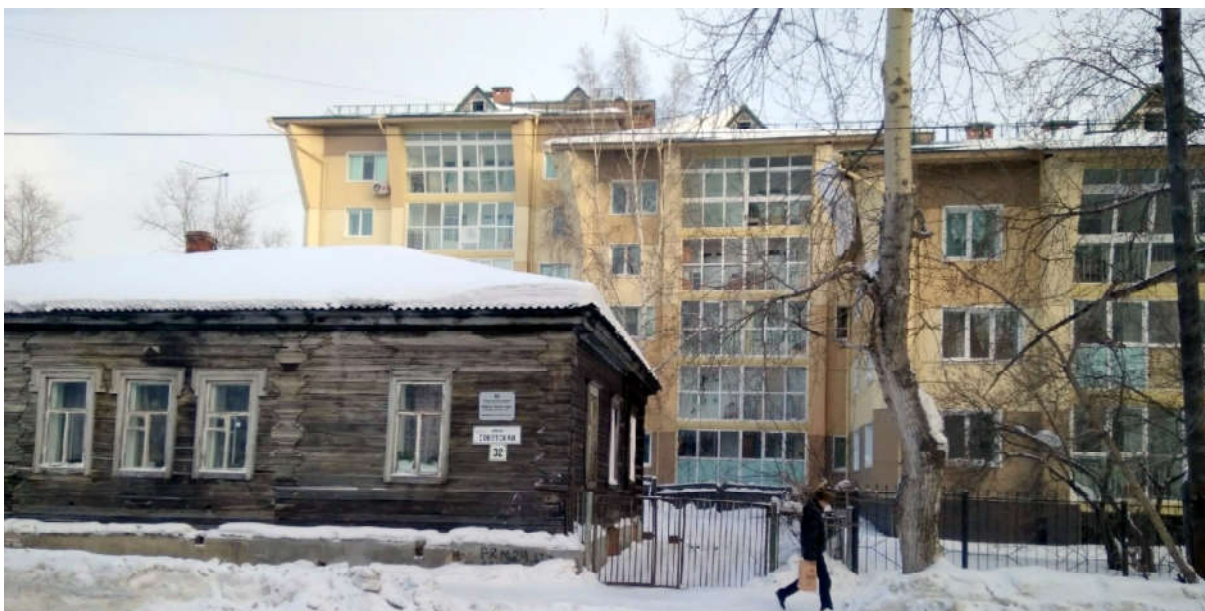
1. Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 29 июля 2010 г. №418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений» — URL: <https://base.garant.ru/199389/>.
2. Постановление администрации Томской области от 14 июня 2012 г. N 226а «Об утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории г. Томска, режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон охраны». — URL: <https://base.garant.ru/7756620/>.

References

1. Cyganok V.A., Komplektova G.I., Komplektov A.I. Problema garmonichnogo vписыvaniya sovremennyh arhitekturnyh ob»ektov v istoricheskuyu sredu (na primere Vladivostoka). Arhitektura i dizajn: istoriya, teoriya, innovacii, 2016, No. 1, pp. 89-93.
2. Dmitrienko N.M. Istoriya Tomska: kniga dlya starsheklassnikov i studentov. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2016, 208 p.
3. Krylov O.I. Problemy zastrojki v staryh kvartalakh Petrozavodska. Problemy i dostizheniya v nauke i tekhnike, 2016, No. 3, pp. 134–139.
4. Stepanyuk YA.G., Sitnikova E.V. Ob»ekty novogo stroitel'stva v istoricheskoy srede gorodov. Tvorchestvo i sovremennost', 2018, No. 1 (5), pp. 85–89.

Ил. 1. Историко-культурный опорный план квартала №244 в г. Томске на 2019 г.
Графическая схема автора

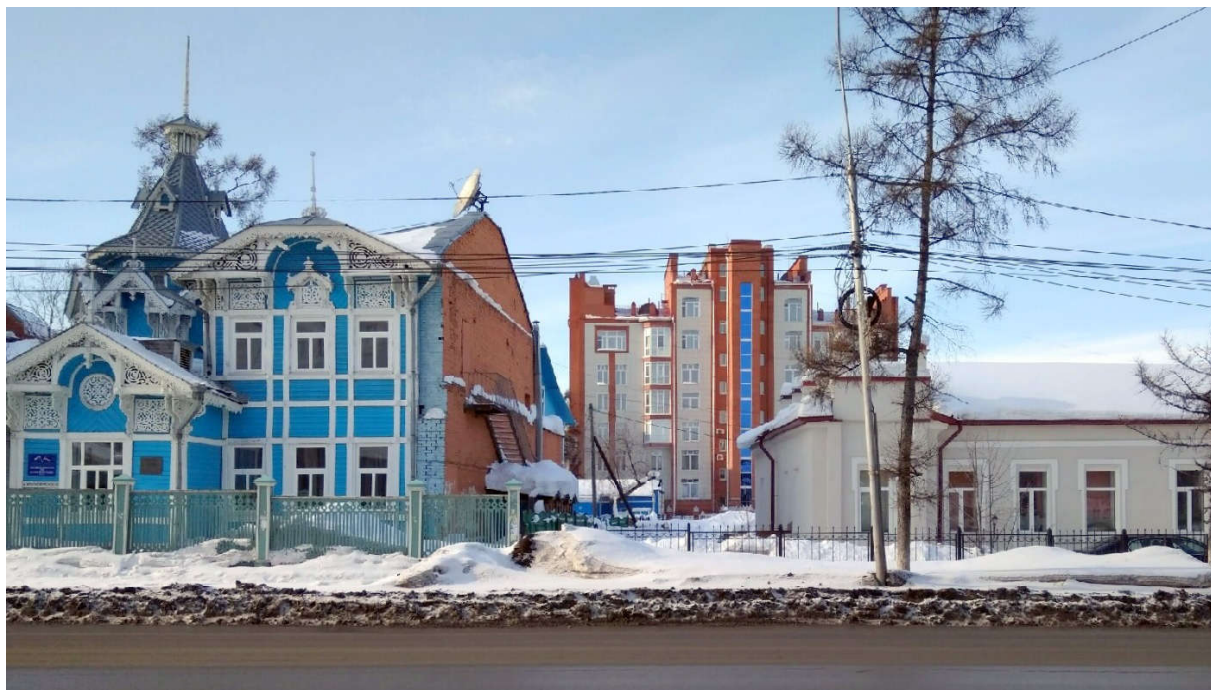
Ил. 2. Город Томск, ул. Советская, 32 и 32а. Снимок автора, 2019 г.

Ил. 3. Город Томск, пр. Фрунзе 10-1. Снимок автора, 2019 г.

Ил. 4. Историко-культурный опорный план квартала №304 в г. Томске на 2019 г. Графическая схема автора.

Ил. 5. Город Томск, ул. Красноармейская, 71. Снимок автора, 2019 г.

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10071
УДК: 7.038+37

О.В. Морозова, Е.С. Духанина¹
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹lena_kustovinova@mail.ru
О.М. Успенская²
Сибирский федеральный университет (Красноярск)
²olgamuspenskaya@mail.ru

Методико-педагогический потенциал наследия русского авангарда первой трети XX века

Аннотация

Цель статьи — описать возможные способы использования наследия русского авангарда в современном учебном процессе и в образовательных проектах для детей и молодежи. Выполнен краткий обзор использования методологических и художественных идей русского авангарда в общих и дополнительных образовательных программах. На основе опыта работы собственного проекта «...ЕСТЬ ТАКОЙ АВАНГАРД» авторы делают выводы о большом потенциале авангардного художественного наследия в детских и студенческих образовательных программах и разнообразных возможностях его применения в современном образовании.

Ключевые слова: русский авангард, наследие русского авангарда, методика преподавания, архитектурное образование, художественное образование

O.V. Morozova, E.S. Dukhanina¹
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
¹lena_kustovinova@mail.ru
O.M. Uspenskaya²
Siberian Federal University (Krasnoyarsk)
²olgamuspenskaya@mail.ru

Methodological and pedagogical potential of the Russian avant-garde heritage of the 1st third of the 20th century

Abstract

The purpose of the article is to describe the possible ways of using the heritage of the Russian avant-garde in the modern educational process and in educational projects for children and young people. A brief review of using the methodological and artistic ideas of the Russian avant-garde in general and additional educational programs was made. Based on the experience of their own project "...THERE IS SUCH AVAN-GARDE" the authors make a conclusion about big potential of the avant-garde art heritage for children and student educational programs and different possibilities of applying the ideas in modern education.

Keywords: Russian avant-garde, the legacy of the Russian avant-garde, teaching methods, architectural education, art education

XX в. до крайности обострил борьбу творческих идей и взглядов. Революции, войны, межнациональные конфликты — все эти острые события заставили человечество не раз усомниться в том, может ли быть гармония в этом мире. И искусство, в свою очередь, ответило на них по-своему: в начале века произошел большой кризис художественной системы, возникло несколько течений, которые принято называть авангардистскими. Мастера этих направлений считали, что новый век с его революционными идеями требует нового живописного языка, реализм уходит в прошлое, а на его место пришли форма и пластика. Авангардисты решили навсегда отказаться от идей классики и создать нечто совершенно новое. Объединяющим началом для художников русского авангарда можно считать веру в то, что их творчество создает предпосылки для преобразования че-

ловека, его способов восприятия действительности — предметной, социальной, культурной и т. д. Художники русского авангарда разделяли убеждение в том, что задачей искусства не является подражание природе — внутренней и внешней, а само искусство является инструментом ее изменения и развития [Ирина Антонова...]. Таким образом, авангард стал своеобразной отправной точкой для современной эстетики и положил начало современному искусству как таковому, поэтому тема авангарда XX в. и сейчас остается актуальной и востребованной.

Основная история изучения авангарда в отечественном искусствознании начинается лишь в 1980-е — 1990-е гг., когда происходит постепенная реабилитация этого искусства в постсоветском пространстве. Одним из первых исследователей идей художников-авангардистов стал Д.В. Сарабьянов: именно ему

мы обязаны «высвобождением из опалы» русских авангардистов [Сарабянов, 1998, с. 127]. Среди современных авторов можно назвать работу о художественной теории русского авангарда Н.Л. Адаскиной [Адаскина, 1993]. Сущность педагогических идей и концепций потенциала русского изобразительного искусства авангарда рассматривала Л.И. Левкина [2001], художественно-педагогический потенциал мирового авангарда — Н.И. Дружкова [2014].

В рамках данной статьи объектом исследования является художественное наследие русского авангарда, предметом — методико-педагогический потенциал наследия русских художников и архитекторов-авангардистов. Временные рамки изучаемых образовательных проектов — с 2016 г. по настоящее время. В фокус исследования попали проекты, в которых наследие русского авангарда используется на различных ступенях художественного и дополнительного образования, а также в программах высших учебных заведений художественного направления. Географические границы — Сибирский Федеральный округ (гг. Красноярск, Новосибирск, Барнаул, Иркутск), а также гг. Екатеринбург и Ростов-на-Дону.

Авангард — очень противоречивое явление в русской истории искусств. Впервые работы, которые можно отнести к этому стилю, появляются в изобразительном искусстве в 1910-х гг., однако тогда сам термин «авангард» не употребляли. Его заменяли либо на слова, которые подчеркивали оппозиционность искусства — «левые художники», либо на модное тогда интернациональное слово «футуристы».

Авангард — это разнообразие языков и концепций, и индивидуальных, и коллективных. Часто чей-то индивидуальный стиль становился групповым, один автор заимствовал манеру другого, у крупных фигур было распространено брать учеников, и все это вместе образовало неповторимую среду. Среда авангарда — свобода творчества и изображения, равенство стилей изобразительного искусства и, в то же время, их отсутствие. Ту самую среду свободы и равенства стремятся воспроизвести в учебном процессе, когда речь идет об авангарде.

Изучение и использование наследия художников-авангардистов проводится достаточно широко. Приоритетными целями художественного образования в любых образовательных учреждениях являются духовно-нравственное развитие ребенка и воспитание культуры восприятия изобразительного искусства. Кроме того, культуросозидающая роль художественного образования состоит в воспитании гражданственности и патриотизма. Для этого учащимся предлагается ознакомиться с различными направлениями в искусстве, в том числе и рассматриваемого в статье русского авангарда. Тема русского авангарда прослеживается в общих образовательных программах школьников различного возраста [Рабочая программа., 2015, с. 41; 2018, с. 6]. Кроме того, тема авангарда является сейчас очень популярной среди преподавателей и студентов различных художественных и архитектурных ВУЗов. Например, тема авангарда используется в программах графического дизайна Московского государственного университета печати [Лаврентьев, 2004, с. 21, 33].

В Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств (далее НГУАДИ) тема авангарда была успешно использована студен-

тами 5 курса направления «дизайн архитектурной среды». В рамках программы «психология и педагогика» студентами совместно с А.А. Гребенкиной — преподавателем кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин НГУАДИ — был разработан мастер-класс для Дня открытых дверей — 2019. Участникам было предложено создать малые архитектурные формы для благоустройства парка, используя в качестве плана композиции В. Кандинского и К. Малевича (ил. 1). В основу данного задания лег композиционный прием преобразования плоскостного изображения в объемную форму.

Тема авангарда постоянно звучит в художественной и общественной жизни Новосибирска. На протяжении последних лет проходит множество выставок, лекций, конкурсов детского творчества и иных проектов, посвященных авангарду. Ежегодно устраиваются выставки и детские конкурсы на тему архитектурного наследия авангарда в Новосибирске. В мае 2018 г. состоялся открытый детский конкурс для учащихся общеобразовательных, художественных школ, школ искусств и студий «Новосибирск — в авангарде», который провел некоммерческий Фонд «ЕА — Сити» [Детей зовут...]. Целью организаторов было привлечение внимания детей к архитектурному наследию города — памятникам конструктивизма, а именно к проекту Оперного театра (архитекторы первоначального авангардного проекта — Александр Гринберг, Траугот Бардт и Михаил Курилко) и к знаменитому «Дому с часами» (архитекторы — Борис Гордеев, Сергей Тургенев, инженер Николая Никитина).

Этой же теме посвящен образовательный проект «...ЕСТЬ ТАКОЙ АВАНГАРД», идеологом и куратором которого является Ольга Успенская (г. Красноярск) — руководитель творческого пространства «ArchiМы». Образовательный проект вошел в список лауреатов международного архитектурного фестиваля «Зодчество — 2018» и был награжден дипломом Союза архитекторов России (ил. 2). Идея переосмыслить культуру русского авангарда возникла у Ольги Успенской в 2016 г. при проведении городского интерактива «Я — художник. Русский авангард», который был организован преподавателями творческого пространства «ArchiМы», главным редактором издательства TATLIN Эдуардом Кубенским и студентами Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета в рамках деловой программы фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» в Красноярске. Э. Кубенский выступил в дальнейшем партнером проекта «...ЕСТЬ ТАКОЙ АВАНГАРД». После успешного проведения первого интерактива в было принято решение — запустить масштабный проект, где преподаватели, студенты-волонтеры архитектурных ВУЗов, руководители детских архитектурных школ и студий знакомили бы горожан с культурой первых десятилетий XX столетия. В результате в проекте участвовали 6 городов — Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Барнаул, Екатеринбург и Ростов-на-Дону.

Цель образовательного проекта «...ЕСТЬ ТАКОЙ АВАНГАРД» — рассмотреть русский авангард как явление в истории русского изобразительного искусства начала XX века и попытаться выделить основные черты этого направления. Основным вопросом, решить который предстояло участникам проекта, стало следующее: почему художники, архитекторы, композиторы, поэты, театральные деятели того времени

считали, что прежнее искусство «уже не то»? Деятели искусств той эпохи стремились разработать новый язык для описания невидимого нам мира, мира не физического, а метафизического, мира чувств и вдохновения. Это и явилось идеей авангарда. Как говорила искусствовед и культуролог Ирина Языкова, «...выход за пределы известного в неизвестное и даже непознаваемое». Неслучайно созданный новый язык поэт Велимир Хлебников назвал «заумь». Организаторы проекта предложили рассматривать временной отрезок первой трети двадцатого века не как время изменений политической структуры страны, а как время революции в культуре, социуме, мировоззрении и миропонимании, которые к нам пришли через искусство авангарда.

Условно проект состоит из двух частей — исследовательской, участниками которой стали студенты-архитекторы и преподаватели из СФУ, и практической — в ней принимали участие все желающие. В программу входили лектории, выставки, творческие мастер-классы и другие мероприятия, о которых пойдет речь дальше.

Первой стартовала площадка в Красноярске. В рамках проекта «...ЕСТЬ ТАКОЙ АВАНГАРД» прошли лекториум «Русский авангард», флешмоб «Я — художник. Русский авангард», выставка плакатов издательства TATLIN, лекции по архитектуре советского конструктивизма, прочитанные кандидатом искусствоведения Еленой Худоноговой. Целью мероприятий явилось знакомство участников с эпохой новаторского искусства и архитектуры, изучение среды авангарда и ее идей. На этих встречах слушатели полностью погружались и познавали ту эпоху художественной культуры, которая спустя годы несет в себе много загадок и в творческих исканиях, и в биографиях художников-авангардистов. Огромный интерес вызвал флешмоб «Я — художник. Русский авангард», который прошел одновременно в шести городах России. Собравшиеся в архитектурных школах и студиях обучающиеся приняли участие в пересмыслении наследия великих художников авангардистов, создавая собственные работы по мотивам художников того времени (ил. 3).

В рамках исследовательской части большая работа была проведена студентами в нескольких вузах страны. Под руководством преподавателей они проводили просветительскую и исследовательскую работу, тем самым пополняя свои знания и щедро делясь ими со всеми, кто посещал мероприятия проекта «...ЕСТЬ ТАКОЙ АВАНГАРД».

Исследовательская работа студентов-архитекторов «Творчество мастеров советского авангарда в архитектуре», проводилась с целью изучить этапы становления новаторских течений, которые сложились в 20-е гг. прошлого столетия. Студентам предлагалось проследить цепочку зарождения нового типа архитектора — как ученого, проектировщика, художника; прочесть профессию архитектора как часть художественной культуры того времени. Кроме того, необходимо было понять архитектуру новой эпохи не только с точки зрения научно-технологического прогресса, но и с точки зрения эстетики, «прочесть» здания как единство формы, функции, конструкции и художественного замысла. Иными словами, главная задача для студентов была осмыслить формирование нового художественного образа в архитектуре.

Началом исследовательской работы студентов СФУ стал цикл лекций о зарождении нового стиля в архитектуре, которые с большой профессиональной отдачей и множеством интересных фактов из биографий архитекторов читал доцент СФУ Сергей Ямалетдинов. На лекциях рассказывалось о принципах и приемах современной архитектуры, которые стали логическим следствием авангардных экспериментов 1920-х — 1930-х гг., в которые были вовлечены художники и архитекторы России. Сегодня на персональных выставках западных архитекторов можно видеть отсылки к работам отечественных мастеров периода советского авангарда, что еще раз подтверждает большой вклад этого периода в развитие современной архитектуры.

Результаты исследований студентов были представлены на мероприятиях по образовательной программе, где слушателем мог стать любой желающий, стремящийся узнать больше о новаторских идеях в искусстве и архитектуре первой трети XX столетия.

Следующим этапом стали мероприятия, проведенные в мае 2018 г. на площадке Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств. В рамках отчетной выставки работ учащихся Научно-образовательного центра дополнительного образования детей и молодежи НГУАДИ (далее НОЦ НГУАДИ) была развернута интерактивная творческая площадка, на которой участники выставки, а также ее гости, смогли приобщиться к искусству русского авангарда и раскрасить крупномасштабные композиции прославленных мастеров. Работа проходила под руководством преподавателя НОЦ НГУАДИ Сергея Владимировича Лаера — большого знатока и поклонника искусства и архитектуры русского авангарда. В распоряжении ребят были валики, кисти и акриловая краска основных цветов. Учащиеся НОЦ НГУАДИ охотно откликнулись на призыв организаторов и создали три больших полотна. В этих работах эстетика авангарда удивительным образом соединилась с современными приемами граффити и стрит-арта. Так же, как и 100 лет назад, в ярких графических композициях снова проявился бунтарский дух, но в новой стилистике, актуальной для современных подростков (ил. 4).

Кроме мероприятий в рамках проекта «...ЕСТЬ ТАКОЙ АВАНГАРД», тема русского авангарда встречается в образовательных программах НОЦ НГУАДИ на разных уровнях обучения. Младшие школьники знакомятся с композициями абстракциониста К. Малевича, Э. Лисицкого и В. Кандинского. Средние и старшие школьники выполняют вольные копии работ художников-абстракционистов на занятиях по живописи.

Композиционные принципы, сформулированные в рамках данного направления, изучаются учащимися НОЦ НГУАДИ и на проектных дисциплинах, в частности на занятиях по архитектурному проектированию по авторской программе старшего преподавателя кафедры архитектуры С.В. Лаера. Целью обучения является развитие объемно-пространственного мышления и изучение формообразования в архитектуре и дизайне. Основным методом, используемым преподавателем в рамках программы, является макетирование — создание архитектурно-пространственных форм из бумаги и картона (ил. 5).

Подводя итоги статьи, необходимо отметить, что педагогический потенциал изобразительного искус-

ства обусловлен художественными свойствами наследия художников-авангардистов, его научно-познавательной (интеллектуальной, образовательной) и воспитательной (духовно-эмоциональной) функциями. Происходит постоянное обогащение педагогического процесса путем творческого переосмысления наследия русского авангарда.

Русский авангард оказал огромное влияние на современное искусство, став своеобразным манифестом. Не меньшее влияние он оказал и на художественную и архитектурную педагогику, начиная с Баухауса и ВХУТЕМАСа, и, заканчивая современными образовательными проектами, описанными в данной статье.

Мероприятия, проведенные в рамках проекта, демонстрируют широкий спектр педагогических приемов, позволяющих включить наследия русского авангарда в образовательный процесс:

- 1) творческие лектории о художниках-авангардистах;
- 2) творческие мастер-классы с использованием репродукций картин художников-авангардистов, позволяющие учащимся сделать вольные копии работ;
- 3) интерактивные мероприятия с непосредственным участием молодежи;
- 4) конкурсы работ по мотивам произведений русского авангарда;
- 5) архитектурные и художественные зарисовки, фотовыставки;
- 6) выездные экскурсии по памятникам архитектуры эпохи конструктивизма в разных городах России и бывших советских республик;
- 7) разнообразные творческие практики.

Результатом реализации образовательных проектов, в основе которых лежит наследие русского авангарда, становится «погружение» участников в эту тему через прослушивания лекций, самостоятельное изучение творческих биографий художников и архитекторов авангарда, выполнение творческих заданий. Исполнение собственных творческих работ по мотивам мастеров авангарда помогает глубже узнать авторскую стилистику того или иного мастера, а это, в свою очередь, помогает учащимся найти свой стиль, формирует их художественное мировоззрение. Образовательный процесс заметно обогащает возможность увидеть произведения архитектуры русского авангарда «вживую», чему способствуют выездные экскурсии, архитектурно-ознакомительные и исследовательские практики. Знакомство с реальными постройками на улицах города, с экспозициями музеев, посвященных искусству XX в., позволяет напрямую соприкоснуться с этим наследием. А творческие проекты, подобные проекту «...ЕСТЬ ТАКОЙ АВАНГАРД», дают возможность участникам почувствовать себя художниками-авангардистами и ощутить тот же вкус творческой свободы, который вдохновлял мастеров эпохи великих перемен в изобразительном искусстве начала XX столетия.

Список литературы

1. Адашкина Н.Л. Художественная теория русского авангарда (К проблеме языка искусств) // Вопросы искусствознания. — 1993. — № 1(93). — С. 20–30.
2. Детей зовут на архитектурный конкурс «Новосибирск — в авангарде». — URL: <http://nsknews.info/materials/detey-zovut-na-arkhitekturnyy-konkurs-novosibirsk-v-avangarde/>
3. Дружкова Н.И. Художественно-педагогический потенциал искусства международного авангарда

первой трети XX века // Педагогика искусства. — 2014. — № 4. — С. 1–14.

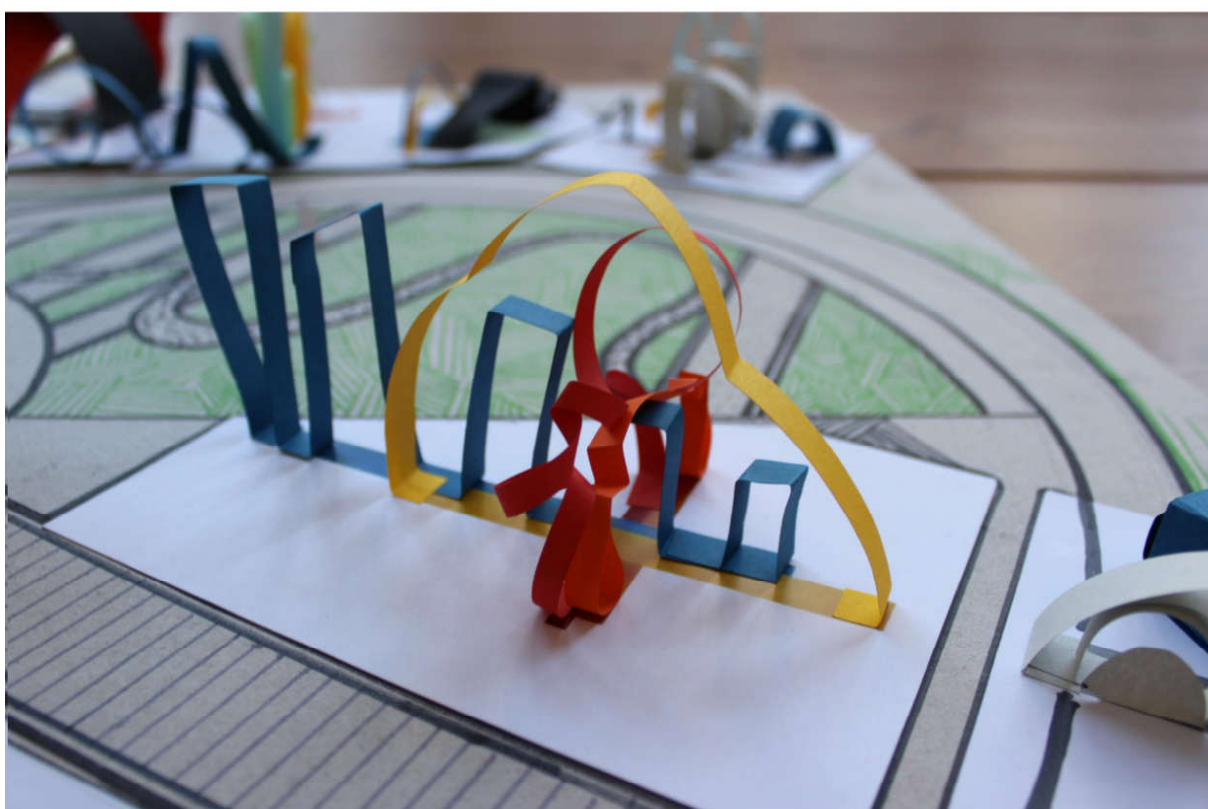
4. Ирина Антонова о современном искусстве. — URL: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2018/5/331/9015/irina-antonova-o-sovremennom-iskusstve?lang=ru>
5. Лаврентьев А. Лаборатория книги. — М.: Грантъ, 2004. — 72 с.
6. Левкина Л.И. Педагогический потенциал русского изобразительного искусства второй половины 19 — начала 20 вв.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук — Владимир, 2000. — 22 с.
7. Рабочая программа по изобразительному искусству для 5 класса (ФГОС ООО) / Л.И. Переверзева. — URL: <https://nsportal.ru/shkola/izobrazitelnoe-iskusstvo/library/2015/09/14/rabochaya-programma-po-izobrazitelnomu-iskusstvu>
8. Рабочая программа по изобразительному искусству для 8 класса. — URL: <https://infourok.ru/adaptirovannaya-rabochaya-programma-po-iskusstvu-klass-shpikalova-3510976.html>
9. Сарабьянов Д.В. Русская живопись. Пробуждение памяти. — М.: Искусствознание, 1998. — 432 с.

References

1. Adaskina N.L. Xudozhestvennaya teoriya russkogo avangarda (K probleme yazy`ka iskusstv). Voprosy` iskusstvoznaniya, 1993, No. 1 (93), pp. 20–30. (in Russ.).
2. Detey zovut na arxitekturny`j konkurs «Novosibirsk — v avangarde». — URL: <http://nsknews.info/materials/detey-zovut-na-arkhitekturnyy-konkurs-novosibirsk-v-avangarde/> (in Russ.).
3. Druzhkova N.I. Xudozhestvenno-pedagogicheskij potencial iskusstva mezhdunarodnogo avangarda pervoj treti XX veka. Pedagogika iskusstva, 2014, No. 4. pp. 1–14. (in Russ.).
4. Irina Antonova o sovremennom iskusstve. — URL: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2018/5/331/9015/irina-antonova-o-sovremennom-iskusstve?lang=ru> (in Russ.).
5. Lavrent`ev A. Laboratoriya knigi. Moscow: Grant`, 2004, 72 p. (in Russ.).
6. Levkina L.I. Pedagogicheskij potencial russkogo izobrazitel`nogo iskusstva vtoroj poloviny` 19 — nachala 20 vv.: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. ped. Nauk. Vladimir, 2000, 22 p. (in Russ.).
7. Druzhkova N.I. Rabochaya programma po izobrazitel`nomu iskusstvu dlya 5 klassa (FGOS ООО) / L.I. Pereverzeva. — URL: <https://nsportal.ru/shkola/izobrazitelnoe-iskusstvo/library/2015/09/14/rabochaya-programma-po-izobrazitelnomu-iskusstvu> (in Russ.).
8. Rabochaya programma po izobrazitel`nomu iskusstvu dlya 8 klassa. — URL: <https://infourok.ru/adaptirovannaya-rabochaya-programma-po-iskusstvu-klass-shpikalova-3510976.html> (in Russ.).
9. Sarab`yanov D.V. Russkaya zhivopis`. Probuzhdenie pamyati. Moscow: Iskusstvoznaniye, 1998, 432 p. (in Russ.).

Список сокращений

НОЦ НГУАДИ — Научно-образовательный центр дополнительного образования детей и молодежи Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств.
СФУ — Сибирский федеральный университет.

Ил. 1. Итоговая работа участников мастер-класса от кафедры дизайна архитектурной среды НГУАДИ.
Фотоархив НОЦ НГУАДИ

Ил. 2. Диплом Союза архитекторов России, врученный образовательному проекту «...ЕСТЬ ТАКОЙ АВАНГАРД»

Илл. 4. Творческая площадка на отчетной выставке работ учащихся НОЦ НГУАДИ. Фотоархив НОЦ НГУАДИ

Илл. 3. Флэшмоб «...ЕСТЬ ТАКОЙ АВАНГАРД» в Екатеринбургe (слева) и Красноярске (справа). Фотоархив организаторов проекта

Ил. 5. Архитектурная мастерская НОЦ НГУАДИ. Фотоархив НОЦ НГУАДИ

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10072
УДК: 711.553 (571.14)

А.В. Наволоцкая
Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин) (Новосибирск)
sibvernissage@gmail.com

Вопросы истории реновации локальных исторических комплексов (на примере Новосибирска)

Аннотация

Статья резюмирует опыт исследований и проектирования исторических районов Новосибирска и формулирует базовые положения по их реновации. В статье сообщается о проектах реновации, выполненных в 2018–2019 гг. для Новосибирска под руководством автора студентами и выпускниками кафедры архитектуры и реконструкции городской среды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин). Эти работы символизируют переход от реновации исторического здания — к реновации исторического комплекса. В статье отражены обстоятельства появления проектов концепций реновации территории «Военный городок-17» и исторических кварталов улицы Инской в Новосибирске, фиксируется формирование интуитивного запроса общества, трансформированного в мысль архитектора, и формализация его в запрос муниципальных и федеральных органов управления.

В городской черте Новосибирска практически не осталось незастроенных территорий. Город вступает в период реконструкции. Каждая из реанимируемых территорий имеет свою историю. В статье приводятся примеры формирования символических территориальных брендов на основе их истории, архитектуры и создания на этой базе уникальных проектов производства пространства. Делается вывод, что историко-архитектурное исследование должно стать обязательной составляющей проектной работы по реновации территории города.

Ключевые слова: реновация, Новосибирск, военный городок, улица Инская, усадебная застройка, история, наследие

A.V. Navolotskaya
Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin) (Novosibirsk)
sibvernissage@gmail.com

Issues of the history of local historical complexes renovation (on the example of Novosibirsk)

Abstract

The article summarizes the experience of research and design of historical areas of Novosibirsk and formulates the basic ideas for their renovation. The article reports on renovation projects carried out by the students and graduates of the Department of Architecture and Urban Reconstruction of the Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin) under the guidance of the author in 2018–2019 in Novosibirsk. These works symbolize the transition from renovation of a historic building to renovation of a historic complex. The article shows the draft concepts for the «Military Town-17» territory renovation and the historical quarters of Inskaya Street in Novosibirsk. The intuitive request of the society transformed into an architect's thought, and its formalization to the request of municipal and federal government are recorded.

There are almost undeveloped territories in the urban area of Novosibirsk. The city is being under reconstruction. Each of such territories has its own history. The article gives examples of the formation of symbolic territorial brands based on their history and architecture. It is concluded that historical and architectural research should become an obligatory component of the design work on the renovation of the city.

Key words: renovation, Novosibirsk, military town, Inskaya street, estate, history, heritage

В современной экономике, приобретающей все более символический характер, повышается востребованность архитектурного наследия. Сохранение визуального прошлого города — старинных зданий и небольших исторических районов — повышает цены на недвижимость и стимулирует туризм [Зукин, 2018]. В 2018–2019 гг. студенты НГАСУ (Сибстрин) выполнили 2 проекта реновации исторических районов Новосибирска. Основной целью проектной деятельности являлось использование исторического и

архитектурного потенциала территории для ее преобразования в объекты общегородского значения, привлекательные для горожан и гостей города.

Целью данного сообщения является обобщение опыта исследований и проектирования исторических районов Новосибирска и формулирование базовых положений по их реновации.

Возникший как один из многих подобных военных городков на просторах Российской империи, как часть реализации имперской оборонительной стра-

тегии, военный городок №17 [Баяндин], находящийся в Октябрьском районе Новосибирска (ил. 1:1), сохранился лучше, чем другие военные городки, расположенные на территории Сибири.

Современная территория новосибирского военного городка составляет 135 га. В силу особенностей использования она инклюзивна, что объясняется спецификой статуса закрытого объекта, в котором он существовал долгое время. Одновременно — территория уникальна и имеет общегородское значение: это одна из первых освоенных городских территорий с сохранившимися многочисленными памятниками (36 зданий-памятников истории регионального значения 1910–1939 гг. постройки) и отдельными объектами, имеющими средовую ценность. А главное — это территория воинской славы. Здесь формировали стрелковые и пехотные полки, защищавшие Отечество в Первую мировую войну, здесь рождалась Рабоче-крестьянская Красная армия, отсюда отправлялись сибиряки на фронты Великой Отечественной войны. Территория военного городка непосредственно прилегает к центральной части города, имеет невысокую плотность застройки и поэтому высокий потенциал развития общегородских функций.

В настоящее время с территории военного городка завершается вывод войсковых частей. Освобождаемая площадка представляет интерес для потенциальных застройщиков. Большая часть до сих пор находится в собственности Министерства обороны РФ. По периферии городок стремительно застраивался зданиями высокой этажности, существует высокая вероятность утратить одну из немногих возможностей создания в Новосибирске целостного исторического, общественного и культурного фрагмента архитектурной среды.

Инфраструктура городка значительно деградировала. Некоторые объекты, в том числе памятники архитектуры, отключены от инженерного обеспечения и пустуют. Требуется реставрация существующих и восстановление утраченных конструктивных и декоративных элементов исторических зданий.

Первым объектом Министерства обороны, переданным области, стал Гарнизонный Дом Офицеров (ГДО), построенный приблизительно в 1939–1940 гг. Это трехэтажное здание стоит фактически в центре городка. Объект имеет историческую и архитектурную ценность, хотя и не является памятником архитектуры. ГДО вмещал библиотеку на 50 тысяч томов, музей военной славы и актовый зал с хорошей акустикой на 800 мест [Новосибирск..., 2013]. Письмо с просьбой о создании в Новосибирске Центра современного искусства, а также с предложением использовать для этого гарнизонный Дом офицеров, по предложению начальника Департамента культуры, спорта и молодежной политики мэрии города Новосибирска, губернатор Новосибирской области В.Ф. Городецкий направил министру культуры Владимиру Мединскому в начале декабря 2015 [Современному искусству..., 2015].

Новосибирский координационный совет в защиту общественной нравственности, культуры и традиционных семейных ценностей в своем обращении к президенту РФ 30 декабря 2015 г., в противовес инициативе мэрии города Новосибирска о создании на базе ГДО музея современного искусства, поднял во-

прос об открытии музея Великой Отечественной войны и мемориала памяти воинов и труженников тыла. 5 апреля 2016 г. в здании Дома офицеров, переданного Новосибирской области в 2013 г., произошел пожар [В здании..., 2016].

В апреле 2016 г. губернатор В.Ф. Городецкий принимал участие в рабочем совещании под руководством президента РФ в Москве. На этом совещании был одобрен запуск масштабной региональной программы организации исторических выставок-парков «Моя Россия — моя история» [Владимир Городецкий..., 2017] и было принято решение одной из площадок проекта сделать ГДО, расположенный в Новосибирском военном городке. В сентябре 2016 г. министр культуры Новосибирской области И.Н. Решетников предложил студентам Новосибирского архитектурно-строительного университета (Сибстрин) в качестве выпускной квалификационной работы выполнить благоустройство территории рядом с ГДО — будущим музеем, который в это время передавался на баланс областному правительству для организации мультимедиа музея «Моя Россия — моя история».

В рамках выполненных студентами кафедры «Архитектура и реконструкция городской среды» Сибстрин Е.С. Припутень, А.Т. Тапаевой, Ю.Б. Ульсак (рук. А.В. Наволоцкая), было сформулировано положение концепции реконструкции военного городка №17:

- создание на территории военного городка культурно-исторического парка воинской славы сибиряков,

- интеграция военного городка в городскую планировочную структуру за счет развития транспортных и пешеходных связей,

- обеспечение города новым современным пространством социокультурных ценностей путем насыщения этого места общественно-значимыми функциями, реновации и реконструкции исторической застройки и памятников истории,

- сохранение культурно-исторического архитектурного наследия и адаптации его к современному, стремительно развивающемуся городу.

В концепции подчеркивалось, что основой айдентики военного городка, безусловно, являются сохранившиеся объекты культурного наследия, а также сама земля, которая является территорией воинской славы сибиряков.

Студентами были выполнены проекты реновации входного фрагмента — улицы Тополевой — и превращения ее в пешеходную; центрального фрагмента территории военного городка №17, композиционным центром которого является ГДО, и целостного фрагмента территории, включающего комплекс зданий-памятников истории с фундаментом утраченной церкви.

На открытой защите проектов 26 июня 2017 г. присутствовал представитель Министерства культуры Новосибирской области (А.А. Васин, заместитель начальника управления государственной культурной политики министерства культуры Новосибирской области), общественности, СМИ. Материалы выпускных квалификационных работ были переданы в Министерство культуры Новосибирской области. Три проекта, выполненные в одной концепции, благодаря открытой защите стали достоянием широкой об-

щественности. Это было сделано намеренно, чтобы город не утратил одну из немногих возможностей сохранения в Новосибирске целостного исторического фрагмента архитектурной среды.

Сибстрин первым в Новосибирске поставил вопрос комплексной реконструкции локального исторического комплекса «Военный городок №17». В городе до сих пор все еще преобладает точечный подход к реконструкции памятников истории и архитектуры

Работы по реконструкции ГДО, начатые весной 2017 г., завершились 12 ноября 2017 г. открытием мультимедийного исторического парка «Россия — моя история». Разработку проектной, рабочей и сметной документации по реконструкции ГДО под мультимедийный музей, авторский надзор за строительством этого объекта, корректировку документации в апреле–декабре 2017 г. выполнило ООО «ГенИнжПроект» (ил. 1:2).

Спустя четыре месяца после публичной защиты вопрос о концепции развития территории военного городка становится информационным поводом правительства Новосибирской области. В ноябре 2017 г. врио губернатора А.А. Травников высказался о необходимости разработки концепции, определения возможных инвесторов и источников финансирования реновации военного городка [На месте..., 2017].

Большая работа по согласованию с Минобороны и Росимуществом по передаче объектов наследия в собственность города или области началась с разработки концепции стратегического планирования и развития территории военного городка. 14 и 21 ноября 2017 г. [Концепцию развития..., 2017] Министерство культуры Новосибирской области организовало совещания рабочей группы по этому вопросу. В состав группы вошли руководители и специалисты профильных государственных и муниципальных ведомств, представители ООО «ГенИнжПроект».

Ключевым вопросом для обсуждения стало развитие территории военного городка, создание историко-паркового комплекса с элементами жилой застройки и социальной инфраструктуры по единой архитектурной концепции, направленной на сохранение историко-культурной компоненты городской среды, создание событийного центра, а также активизацию услуг и продукции малого и среднего бизнеса и индивидуальных предпринимателей в сфере экономики знаний и впечатлений» (ил. 1:3).

Обращение Министерства культуры НСО в декабре 2017 г. к Министерству обороны РФ оказалось безуспешным: не удалось согласовать передачу высвобождаемого военного имущества Новосибирской области.

В 2018 г. студент В.А. Теряев (рук. А.В. Наволоцкая) выполнил еще один вариант организации площади перед ГДО с учетом изменения транспортной схемы территории.

Еще одна попытка сформировать концепцию планировочного развития территории была предпринята Министерством строительства Новосибирской области, которое объявило творческий конкурс на подготовку градостроительной концепции «Реновация территории военного городка города Новосибирска», итоги которого были подведены в рамках проведения V Всероссийской конференции «Развитие городских агломераций России: инновации и инфра-

структура». В конкурсе приняло участие 13 команд, из них 3 проекта представлены студентами и преподавателями НГАСУ (Сибстрин), НГУАДИ — 5 проектов. Также в конкурсе приняли участие коллективы ГенИнжПроект, URBANLab, ЗАПСИБНИИПРОЕКТ, СибНИИГрадостроительства. ФорматПроект. Первое место заняла команда НГАСУ (Сибстрин), в которую вошли А.В. Наволоцкая, А.А. Мордвов, В.Е. Яковлева, В.А. Теряев, А.С. Антонов, И.Ю. Урсаки, О.А. Лазаревич, Ю.Б. Ульпсак, Е.С. Припутень, А.Т. Тапаева (ил. 1:4).

Победитель конкурса — проект реконструкции НГАСУ (Сибстрин) — предлагал следующую проектную концепцию реновации военного городка. В границах проектирования было проведено натурное обследование с фотофиксацией существующих объектов. Всего описано 128 зданий с вынесением решения о сносе/сохранении объекта и его обоснованием. В результате анализа существующей опорной застройки военного городка установлены период строительства каждого объекта, назначение, состояние. Среди них — 31 памятник истории регионального значения. Это жилые дома, казармы, склад, конюшня и другие здания. Большинство объектов культурного наследия возведены по типовым проектам в 1910—1913-е гг. Особую ценность представляет сам комплекс зданий — сохранилась почти вся функциональная и типологическая линейка типов.

В процессе изучения опорной застройки были выявлены шесть зданий, обладающих признаками ОКН — это жилой дом для 4-х семей старших офицеров, территория Военного городка, 56 (1910–1913 гг.); жилой дом, Тополевая, 4 (1939–1940 гг.); жилой дом, Тополевая, 8 (1939–1940 гг.); жилой дом, Тополевая, 19 (1910–1913 гг.); здание военного госпиталя (1910–1913 гг.); храм во имя Святителя и Чудотворца Николая (фундамент под танковым боксом) (1913 г). Первые три объекта — дома по адресу территория Военного городка, 56, Тополевая, 4 и Тополевая, 8 — признаны в марте 2019 г. объектами культурного наследия [Государственная инспекция...].

В ходе работы над концепцией реновации была расширена историческая зона за счет выявленных и средовых объектов (ил. 2:1). Поэтому границы локально-исторического комплекса (ЛИК) «Военный городок» оказались шире границ объектов культурного наследия и определили границы центра военного городка.

Локальный исторический комплекс имеет выраженную ось, на которую последовательно нанизаны комплексы улицы Тополевой, казарм у бывшей церкви, площади у ГДО, казарм артиллерийского дивизиона. Идеей проекта является создание в границах ЛИК общественного пространства, культурно-исторического парка, посвященного воинской славе, которое своим функциональным наполнением, комплексным подходом к реконструкции городской среды и реставрации памятников истории станет привлекательным для горожан и гостей города.

Важным было преодоление инклюзивности территории военного городка. Транспортно-пешеходная схема (ил. 2:2) выполнена с учетом транспортной схемы проекта планировки района. Проектом предусмотрено 18 въездов в городок, из них 15 второстепенного значения и 3 главных — на повороте улиц Покатная и Пролетарская, по магистрали районного

значения 1-я, 2-я, 5-я Кирпичная горка, соединяющей улицы Ипподромскую и Красина и с Бориса Богаткова (поворот на улицу Василия Старошчука).

Большая территория требовала комплексного решения, полностью обеспечивалась социальными и культурными объектами, спортивными сооружениями, рекреациями согласно действующим строительным нормам и правилам (ил. 2:3).

В проекте детально проработаны 3 фрагмента ЛИК. Первый фрагмент — пешеходная улица Тополевая. Проезд по мощению пешеходной зоны предполагалось осуществлять только в утренние часы для загрузки помещений коммерческого назначения, расположенных на первых этажах зданий и ориентированных входами на пешеходную аллею. Подъезды к входам в жилую часть зданий организованы со стороны, обратной пешеходной аллее.

На базе офицерского собрания проектом предлагалось создание общественного центра улицы, с расположением рядом открытой площадки для проведения лекций. Для организации подходов к озеру под улицей Кирпичная Горка организовывался подземный переход с использованием рельефа местности (ил. 2:2).

Вторая зона ЛИК, в проекте это — комплекс памятников истории регионального значения, находящихся в различной степени сохранности, — учебная команда, две казармы, здание канцелярии, гауптвахты и пулеметной команды. Реконструируемая территория обладает признаками архитектурно-планировочной целостности. Основная часть застройки участка — это казармы, объединенные общей территорией и единой функцией.

Поскольку главной концепцией проекта явилось сохранение исторической среды, то оптимальным явился единый сценарий использования зоны. В связи с возможностью сохранения традиционной специализации территории, а также использования идентичности военного городка («территория воинской славы») была выдвинута идея приспособления этой территории под учебное заведение — кадетское училище (ил. 3:1).

Непосредственно к казармам примыкает место, где ранее размещалась церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая, которую в проекте предполагалось восстановить на старых фундаментах. Планировочная ось участка увязывалась с композиционной доминантой храма.

В местных архивах информации о церкви не сохранилось. По этому же типовому проекту Ф.М. Вержбицкого была возведена гарнизонная Никольская церковь в городе Барнауле, чертежи которой, хранящиеся в ГААК, использованы для восстановления храма.

Третий центральный фрагмент ЛИК находится по оси улицы Василия Старошчука и вмещает мультимедийный музей, госпиталь и три объекта культурного наследия (ил. 3:2). Рассматриваемый участок ЛИК равноудален от границ городка. Он является физическим и — из-за музея — ментальным центром городка, следовательно, он должен являться носителем идентичности — духа места. Медийный музей не справляется с ролью формирования общественного пространства.

При работе над концепцией участка ставилась цель сформировать узел культурно-общественной

жизни городского значения, главным объектом идентичности военного городка, который символично транслировал бы историю боевых подвигов сибиряков. Эта роль была отведена комплексу музеев военной истории, который включает музей Первой мировой войны, музей Великой Отечественной войны, музей тружеников тыла, музей новосибирского художника-баталиста Чебанова, музей военной техники.

Для создания военно-исторического комплекса предложено использовать площадь перед медиа-музеем. Ситуация осложнена превращением проезда, проходящего вдоль его фасада, в скоростную четырехполосную магистраль районного значения, и исключила возможность формирования площади перед входом в музей.

Центральный объект музейного комплекса — новое общественное здание свободной планировки — разместится в глубине от красной линии. Перед зданием организован плац, на котором, согласно проекту, мог бы происходить торжественный призыв в ряды Российской армии. За центральным зданием музейного комплекса предлагалось разместить площадь военной техники.

В проекте зафиксированы пять принципов концепции — идентичность (архитектура, история, социокультурные проекты), интеграция, средовая охрана наследия со стратегией развития, комплексность, развитие территории через создание и строительство ключевых культурных объектов (ил. 3:3).

Работа по реновации улицы Инской в Новосибирске была начата совместно с профессором Л.П. Фуксом на кафедре архитектуры и реконструкции городской среды в рамках преддипломных и выпускных квалификационных работ в 2015–2016 гг. и продолжена совместно с магистранткой В.Е. Яковлевой. Работа представлена врио заместителя председателя правительства Новосибирской области С.Н. Семке в июне 2018 г. Проект-концепция общественно-культурного центра «Николаевские кварталы улицы Инской» доработан по просьбе Министерства строительства Новосибирской области к 4 марта 2019 г. совместно с выпускниками и студентами НГАСУ (Сибстрин) и НГУАДИ. Коллектив составили А.В. Наволоцкая, В.Е. Яковлева, И.Ю. Ураски, Л.В. Гавриленко, Д.С. Юнусова, А.С. Антонов, А.И. Вертоградова. Основная задача, которая была поставлена перед творческим коллективом, — это необходимость определения строительных объемов коммерческой части проекта для создания условий по внедрению практики ГЧП.

Концепция, получившая положительное заключение на возможность создания исторических кварталов в августе 2018 г. от Управления по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области, НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, Департамента строительства и архитектуры мэрии города Новосибирска и награжденная 5 апреля 2019 г. серебряным дипломом международного конкурса «Золотая капитель», сегодня находится в центре обсуждения Министерства строительства и Агентства инвестиционного развития Новосибирской области.

Проектируемый участок улицы Инской ограничен магистральными дорогами общегородского значения (Ипподромская, Большевикская), полосой отвода

железнодорожной дороги и съездом с коммунального моста, улицей Инской и Маковского (ил. 4:1).

Цель проекта — создать концепцию общественно-культурного центра улицы Инской как исторической составляющей общегородского центра Новосибирска.

Улица Инская, возникшая у места строительства железнодорожного моста, с которым связывают основание Новосибирска, существовала уже в 1894 г. Это одна из первых названных улиц Ново-Николаевска [Минина, 2015]. Характерная улица Закаменской части города начала XX в. населена была разночинцами. До настоящего времени Инская сохранила сетку усадебного деления (ил. 4:2), содержит 4 объекта культурного наследия — контору инженера Г.М. Будагова (ул. Большевикская, 7), 2-х-этажный «Дом Самсоновых» (ул. Большевикская, 29); дом, где с 1929 г. располагался Закаменский райком партии» (ул. Инская, 55); Дом Терентьевых» (ул. Инская, 65). Кроме того, здесь располагаются и средовые здания, из них один — восстанавливаемый ОКН «Доходный дом купца Сурикова», три ценных объекта опорной застройки — каменный одноэтажный дом Степана Власовича Санкина (Большевикская, 27), полукаменный дом Пелагеи Ивановны Безоной (ул. Инская, 7) и жилой дом Екатерины Савельевны Третьяковой (ул. Инская, 19); один объект — потенциальный конструктивистского наследия — здание тяговой подстанции Горэлектротранспорта (ул. Маковского, 4).

Улица Инская представляет последнюю возможность сохранить комплексную историческую средовую застройку дореволюционного Новосибирска.

Территория улицы Инской имеет ряд частных проблем, без решения которых невозможен переход к осмыслению ее как общественного кластера:

- градостроительная изолированность;
- близость к центру, которая определяет высокую стоимость земли и требует достижения высокой плотности застройки;
- стратегическое положение по отношению к набережной;
- уникальный рельеф.

Если Инская продуцирует возможность создания здесь культурно-исторического кластера времени дореволюционного Ново-Николаевска, актуален вопрос: «Есть ли встречная потребность у города и его жителей?». Ответить на этот вопрос утвердительно помогают следующие факты. Центр Новосибирска немасштабен количеству жителей. В городе фиксируется дефицит общественных пространств, а кроме того и дефицит средовой застройки начального этапа формирования города.

Следует упомянуть об обязательствах, принятых Правительством Новосибирской области. 8 сентября 2017 г. губернатор Новосибирской области выпустил распоряжение №175-р «О внедрении на территории НСО успешных практик, реализуемых в рамках проекта «Магазин верных решений» АНО АСИ и практик-финалистов Всероссийского конкурса лучших практик и инициатив социально-экономического развития субъектов РФ», в т.ч. практики «Иркутские кварталы» — ГЧП по созданию комфортной городской среды, реновации исторического центра, повышению международной привлекательности города, созданию рабочих мест и роста поступлений в

бюджеты всех уровней. Практического воплощения этой практики в Новосибирской области до сих пор не последовало. Перспективным аналоговым опытом реконструкции массивов усадебной застройки является опыт, полученный в результате реализации 130-го квартала Иркутска.

На первой стадии работы над проектом было проведено исследование, направленное на выявление исторического контекста кварталов улицы Инской и анализ реализации аналогового проекта. В процессе историко-архитектурного исследования:

- написана история улицы [Яковлева, 2019], выявлены этапы формирования ее архитектурного облика;

- проведено натурное обследование с фотофиксацией существующих объектов;

- по архивным данным реконструированы границы усадебного межевания (ил. 4:2), а также устройство усадебных участков, собраны проекты утраченных зданий.

Вторая часть предпроектного исследования включила анализ реализации аналогового проекта «130-й квартал города Иркутска», целью которого являлось остановить процесс разрушения памятников истории, архитектуры и городской среды и запустить механизм ГЧП. Площади «130 квартала» Иркутска (5,7 га) и кварталов улицы Инской (9,8 га) — сопоставимы. 130-й квартал доказал возможность развития средовых объектов за счет частных инвестиций. Бюджетное финансирование на реализацию проекта составляет по некоторым данным 9,4% от общей суммы проекта, который оценивается от 2,8 млрд. [1 млрд..., 2019] до 7,5 млрд. руб. Анализ реализации проекта «130-й квартал» показал, что опыт «130-го квартала» следует не слепо копировать, а рассматривать, «как делать правильно».

Вторая стадия разработки проекта — градостроительное обоснование состояло из изучения и анализа:

- ландшафтных и планировочных особенностей территории;
- доступности участка общественным транспортом;
- функционального использования территории;
- комплексных планировочных проектных решений, заложенных в ПДП центра города Новосибирска 1973, 1978, 1992 гг., под которые попадает проектируемая территория.

Третья стадия разработки — проектирование. Архитектурно-планировочная организация и объемно-пространственная композиция историко-культурного комплекса улицы Инской, в первую очередь, зависели от выбора эстетически обоснованной степени «диснеизации» [Зукин, 2018] проектного решения. Реализованное концептуальное решение по Инской можно оценить по 100-бальной шкале на 40 баллов.

Проведенные предпроектные исследования трансформировались на этом этапе в принципы проектной концепции:

- «улица Инская» — аутентичная улица с сохранившимися линиями переулков и усадебного деления Закаменской части города;

- «улица Инская» — элемент структуры опорного каркаса исторической среды города, связанный с туристическими и образовательными краеведческими маршрутами;

— «улица Инская» — туристический кластер, состоящий из сохранных, воссозданных и перенесенных новониколаевских усадеб, с современной инфраструктурой, насыщенный разнообразными видами креативных индустрий, бизнесом, тематическими сервисами, посвященными образованию города, сибирской культуре и традициям;

— «улица Инская» — транзитный анклав на пешеходной эспланаде, перпендикулярной оси реки Обь, осуществляющей планировочную связь застройки улицы Кирова и Михайловской набережной, с организацией переходов линии Алтайской железной дороги и улицы Большевикской;

— «улица Инская» — бэкграунд рекреационного комплекса Михайловской набережной, берущий на себя ее бытовое и торговое обслуживание.

Проектирование включило разделы вертикальная организация территории (ил. 4:3), организации движения транспорта и пешеходов (ил. 5:1), функционального зонирования (ил. 5:2), создания общественных пространств, тематического наполнения, очередности строительства, стратегии реконструктивного вмешательства для создания локально-исторического комплекса деревянного зодчества.

Улица Инская — главная планировочная ось проектируемого комплекса, вдоль которой воссоздан фасад старого города. Улица-дублер Инской проложена параллельно на одной оси с пешеходной внутриквартальной связью гостиничного комплекса «Инские холмы» [Инские холмы, 2019] для обеспечения устойчивого сообщения внутри целостного планировочного образования

Две пешеходные аллеи от улицы Кирова (метро «Октябрьская») спускаются к комплексу в створах улиц Сакко и Ванцетти и Шевченко — Маковского, пересекают в уровне земли железную дорогу, соединяются, а далее в створе улицы Маковского — по пешеходному мосту, предусмотренному в проекте, — выходят на набережную. Эти пешеходные пути формируют стратегически важную ось западной части правобережья, обеспечивая устойчивую связь между улицей Кирова и набережной, а также обслуживающим ее бэкграундом (Инской).

Перекрытое пространство над полосой железнодорожного отвода с расположенным на нем сквером имеет большое значение для преодоления изоляции участка, создает благоприятные, комфортные условия для пешеходного трафика. Центральная площадь, расположенная на пересечении Маковского и Инской, предназначена для проведения мероприятий и городских праздников. Завершающая стадия проектирования — дорожная карта.

Несмотря на разницу объектов проектирования по площади, по положению в структуре города, по первоначальному назначению можно сформулировать базовые положения их реновации, которые связаны с их историей и архитектурой.

Наследие — необходимое условие формирования идентичности. Идентичность — символический, смысловой капитал исторических районов. На процесс формирования идентичности влияет история и архитектура. Для укрепления идентичности используются социокультурные проекты, направленные на выявление и осмысление уникальных мест города.

Наследие — важный ресурс устойчивого

развития. Устойчивое развитие — это не реабилитация отдельных зданий-памятников, но, прежде всего, восстановление целостных фрагментов среды.

Архитектурное наследие — возможность создания новых общественных пространств.

В Новосибирске существует дефицит общественных пространств. Городской центр забальзамирован в границах 1960-х гг. Происходит застройка жилыми кварталами тех направлений, которые в генеральных планах 1967, 1982 гг. рассматривались как перспективные для развития центра. В поисках альтернативы следует обратить внимание на прилегающие непосредственно к центру территории, которые подверглись перепрофилированию или забвению (военный городок, промзоны, деградированная усадебная застройка). Эти территории потенциально могут рассматриваться как для линейного, так и дисперсного развития общегородского центра.

Историко-архитектурное наследие предстает не только как музейное достояние, но и как **инвестиционно-привлекательный средовой объект.**

В городе практически не осталось земли, свободной от застройки. Открывается эра реконструкции. Зачастую девелоперы и застройщики не учитывают истории осваиваемой территории, безжалостно расчищают площадки для нового строительства. Следует подходить к истории и архитектуре реанимируемых районов деликатно, с позиции формирования их символического бренда и создания на этой базе уникальных проектов производства пространства, когда финансовые инвестиции взаимодействуют с культурными смыслами и символами, превращающимися в валюту коммерческого товарооборота языком социальной идентификации.

Список литературы

- 1 млрд. рублей налогов и 300% прибыли. Коммерческий эффект 130-го квартала в Иркутске превзошел самые смелые ожидания его создателей. — [Электронный ресурс]. — URL: http://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=307440 (дата обращения: 25.05.2019).
- Баяндин В.И. Военный городок. Комплекс зданий военного ведомства // Novosibdom.ru. — [Электронный ресурс]. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/2736> (дата обращения: 25.05.2019).
- В здании бывшего Дома офицеров в Новосибирске при пожаре погиб охранник // Вести.ru. — 05.04.2016. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2739394&cid=1> (дата обращения: 25.05.2019).
- Владимир Городецкий проконтролировал ход реконструкции здания под музей «Моя Россия — моя история» // Правительство Новосибирской области. — 30.06.2017. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.nso.ru/news/25726> (дата обращения: 25.05.2019).
- Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия. Приказ №50 от 18.03.2019 «О включении в перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Новосибирской области объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия Дом жилой для 4-х семей старших офицеров, Во-

енного городка территория, 56» // Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Новосибирской области. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://ugookn.nso.ru/page/1623> (дата обращения: 25.05.2019).

6. Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия. Приказ №49 от 18.03.2019 «О включении в перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Новосибирской области объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия Дом, ул. Тополевая, 4» // Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Новосибирской области. — URL: <https://ugookn.nso.ru/page/1623> (дата обращения: 25.05.2019).

7. Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия. Приказ №48 от 18.03.2019 «О включении в перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Новосибирской области объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия Дом, ул. Тополевая, 8» // Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Новосибирской области. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://ugookn.nso.ru/page/1623> (дата обращения: 25.05.2019).

8. Дом офицеров Новосибирского гарнизона // Новосибирск в фотозагадках. Краеведческий форум - история Новосибирска, его настоящее и будущее. — 28.08.2013. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://nsk-kraeved.ru/viewtopic.php?id=625> (дата обращения: 25.05.2019).

9. Зукин Ш. Культуры городов. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 424 с.

10. Инские холмы. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://inskie.ru> (дата обращения: 25.05.2019).

11. Минина Н.А. Первый «градостроительный план» в истории Новосибирска // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2015. — Т. X. — С. 1. — С. 248–255.

12. На месте военного городка создадут культурно-исторический кластер // INFOPRO 54 RU. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://infopro54.ru/news/na-meste-voennogo-gorodka-sozdadut-kulturno-istoricheskij-klaster/> 07.11.2017 (дата обращения: 25.05.2019).

13. Современному искусству в Новосибирске быть // Континент Сибирь. On-line. — 18.12.2015. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://ksonline.ru/216291/sovremennomu-iskusstvu-v-novosibirske-byt> (дата обращения: 25.05.2019).

14. Это место // Новониколаевск (Новосибирск) в 1924 году. План масштабом 200 саженей в дюйме. — [Электронный ресурс]. — URL: http://www.etomesto.ru/img_map.php?id=1264 (дата обращения: 25.05.2019).

15. Яковлева В.Е. Николаевские кварталы. Улица Инская: сад Елены Морозовой, фотопавильон и пимокатная. — [Электронный ресурс]. — URL: http://nikolaevskie_kvartaly.tilda.ws/inskaya?fbclid=IwAR2l4HZrwp6T5Hrpqww1VKR3DipZU2Fgbw dz3zOx-SQlWe2Dt2Vm9vYXrjHk (дата обращения: 25.05.2019).

16. Яковлева В.Е., Наволоцкая А.В. Локальный исторический комплекс усадебного типа «Кварталы

улицы Инской» в Новосибирске: реконструкция планировки на 1919 год // Творчество и современность. — Новосибирск: НГУАДИ, 2018. — №4 (8). — С. 19–37.

References

1. 1 mlrd. rublej nalogov i 300% pribyli. Kommercheskij jeffekt 130-go kvartala v Irkutске prevzoshel samye smelye ozhidaniya ego sozdatelej. — URL: http://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=307440 (дата обращения: 25.05.2019). (in Russ.). (in Russ.).

2. Bajandin V.I. Voennyj gorodok. Kompleks zdaniy voennogo vedomstva. Novosibdom.ru. — URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node.2736> (дата обращения: 25.05.2019). (in Russ.).

3. Dom oficerov Novosibirskogo garnizona . Novosibirsk v fotozagadkah. Kraevedcheskij forum - istorija Novosibirska, ego nastojashhee i budushhee. — 28.08.2013. — URL: <http://nsk-kraeved.ru/viewtopic.php?id=625> (дата обращения: 25.05.2019). (in Russ.).

4. Gosudarstvennaja inspekcija po ohrane ob#ektov kul'turnogo nasledija. Prikaz No.50 ot 18.03.2019 «O vkljuchenii v perechen' vyjavlennyh ob#ektov kul'turnogo nasledija, raspolzhenyh na territorii Novosibirskoj oblasti ob#ekta, obladaushhego priznakami ob#ekta kul'turnogo nasledija Dom zhiloi dlja 4-h semej starshih oficerov, Voennogo gorodka territorija, 56». Gosudarstvennaja inspekcija po ohrane ob#ektov kul'turnogo nasledija Novosibirskoj oblasti. — URL: <https://ugookn.nso.ru.page.1623> (дата обращения: 25.05.2019). (in Russ.).

5. Gosudarstvennaja inspekcija po ohrane ob#ektov kul'turnogo nasledija. Prikaz No.49 ot 18.03.2019 «O vkljuchenii v perechen' vyjavlennyh ob#ektov kul'turnogo nasledija, raspolzhenyh na territorii Novosibirskoj oblasti ob#ekta, obladaushhego priznakami ob#ekta kul'turnogo nasledija Dom, ul. Topolevaja, 4». Gosudarstvennaja inspekcija po ohrane ob#ektov kul'turnogo nasledija Novosibirskoj oblasti. — URL: <https://ugookn.nso.ru.page.1623> (дата обращения: 25.05.2019). (in Russ.).

6. Gosudarstvennaja inspekcija po ohrane ob#ektov kul'turnogo nasledija. Prikaz No.48 ot 18.03.2019 «O vkljuchenii v perechen' vyjavlennyh ob#ektov kul'turnogo nasledija, raspolzhenyh na territorii Novosibirskoj oblasti ob#ekta, obladaushhego priznakami ob#ekta kul'turnogo nasledija Dom, ul. Topolevaja, 8». Gosudarstvennaja inspekcija po ohrane ob#ektov kul'turnogo nasledija Novosibirskoj oblasti. — URL: <https://ugookn.nso.ru.page.1623> (дата обращения: 25.05.2019). (in Russ.).

7. Inskie holmy. — URL: <http://inskie.ru> (дата обращения: 25.05.2019). (in Russ.).

8. Jakovleva V.E. Nikolaevskie kvartaly. Ulica Inskaja: sad Eleny Morozovoj, fotopavil'on i pimokatnaja. — URL: http://nikolaevskie_kvartaly.tilda.ws/inskaya?fbclid=IwAR2l4HZrwp6T5Hrpqww1VKR3DipZU2Fgbw dz3zOx-SQlWe2Dt2Vm9vYXrjHk (дата обращения: 25.05.2019). (in Russ.).

9. Jakovleva V.E., Navolockaja A.V. Lokal'nyj istoricheskij kompleks usadebnogo tipa «Kvartaly ulicy Inskoj» v Novosibirске: rekonstrukcija planirovki na 1919 god. V.E. Jakovleva, A.V. Navolockaja . *Tvorchestvo i sovremennost'*. — Novosibirsk: NGUADI, 2018. — No 4

(8). — Pp. 19—37. (in Russ.).

10. Jeto mesto . Novonikolaevsk (Novosibirsk) v 1924 godu. Plan masshtabom 200 sazheney v djujme. — URL: http://www.etomesto.ru.img_map.php?id=1264 (data obrashhenija: 25.05.2019). (in Russ.).

11. Minina N.A. Pervyj «gradostroitel'nyj plan» v istorii Novosibirska. *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. — Novosibirsk: NGAHA, 2015. — Vol. X. — Pt. 1. — Pp. 248–255. (in Russ.).

12. Na meste voennogo gorodka sozdatut kul'turno-istoricheskij klaster. INFOPRO 54 RU. — URL: <https://infopro54.ru.news.na-meste-voennogo-gorodka-sozdatut-kulturno-istoricheskij-klaster>. 07.11.2017 (data obrashhenija: 25.05.2019). (in Russ.).

13. Sovremennomu iskusstvu v Novosibirske byt'. Kontinent Sibir'. On-line. — 18.12.2015. — URL: <https://ksonline.ru.216291.sovremennomu-iskusstvu-v-novosibirske-byt> (data obrashhenija: 25.05.2019). (in Russ.).

14. V zdanii byvshego Doma oficerov v Novosibirske pri pozhare pogib ohrannik. Vesti.ru. — 05.04.2016. — URL: <https://www.vesti.ru.doc.html?id=2739394&cid=1> (data obrashhenija: 25.05.2019). (in Russ.).

15. Vladimir Gorodeckij prokontroliroval hod rekonstrukcii zdaniya pod muzej «Moja Rossija — moja istorija». Pravitel'stvo Novosibirskoj oblasti. — 30.06.2017. — URL: <https://www.nso.ru.news.25726> (data obrashhenija: 25.05.2019). (in Russ.).

16. Zukin Sh. Kul'tury gorodov. — Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. — 424 p.

Список сокращений

АНО АСИ — автономная некоммерческая организация «Агентство стратегических инициатив»

АРГС — кафедра архитектуры и реконструкции городской среды

ГААК — Государственный архив Алтайского края

ГАО — Государственный архив Новосибирской области

ГДО — Гарнизонный Дом офицеров

ГЧП — государственно-частное партнерство

ЛИК — локально-исторический комплекс

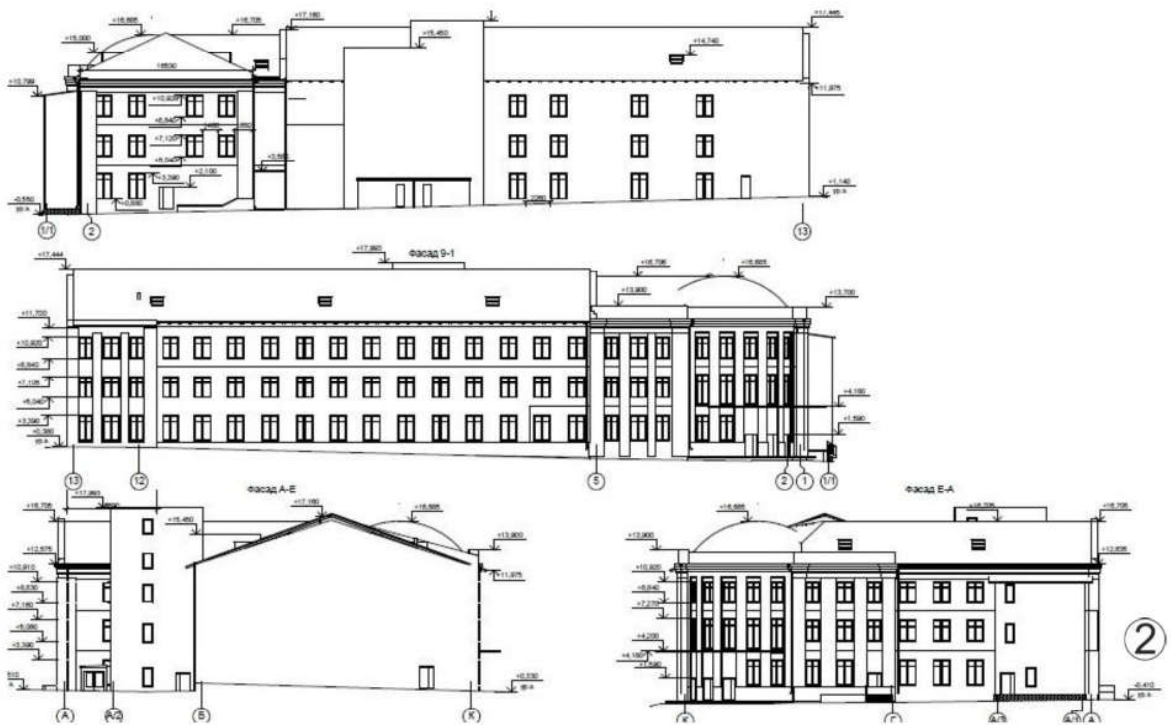
НГАСУ (Сибстрин) — Государственный архитектурно-строительный университет

НГУАДИ — Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств

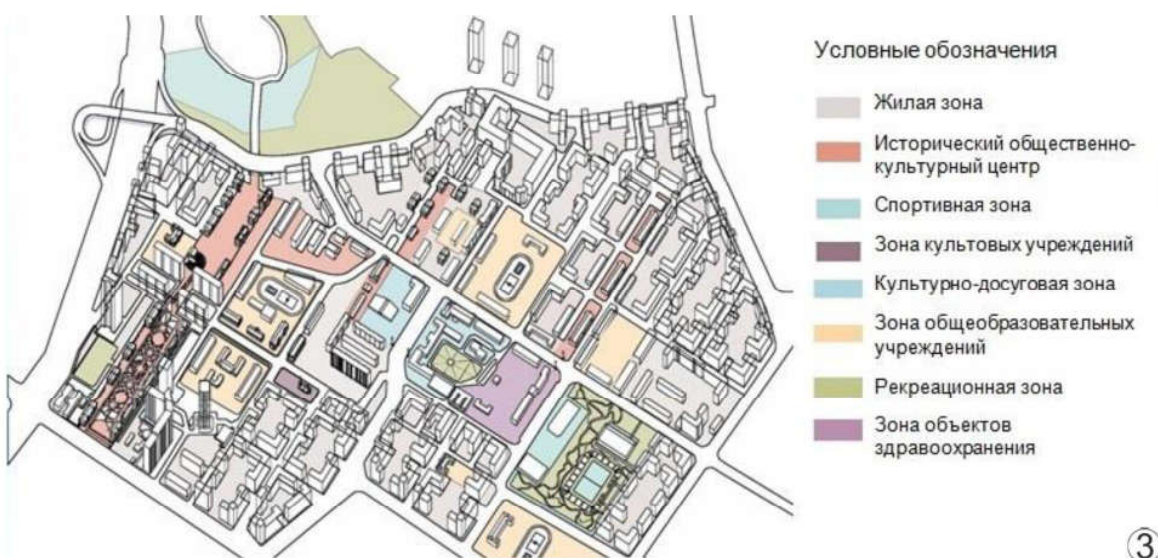
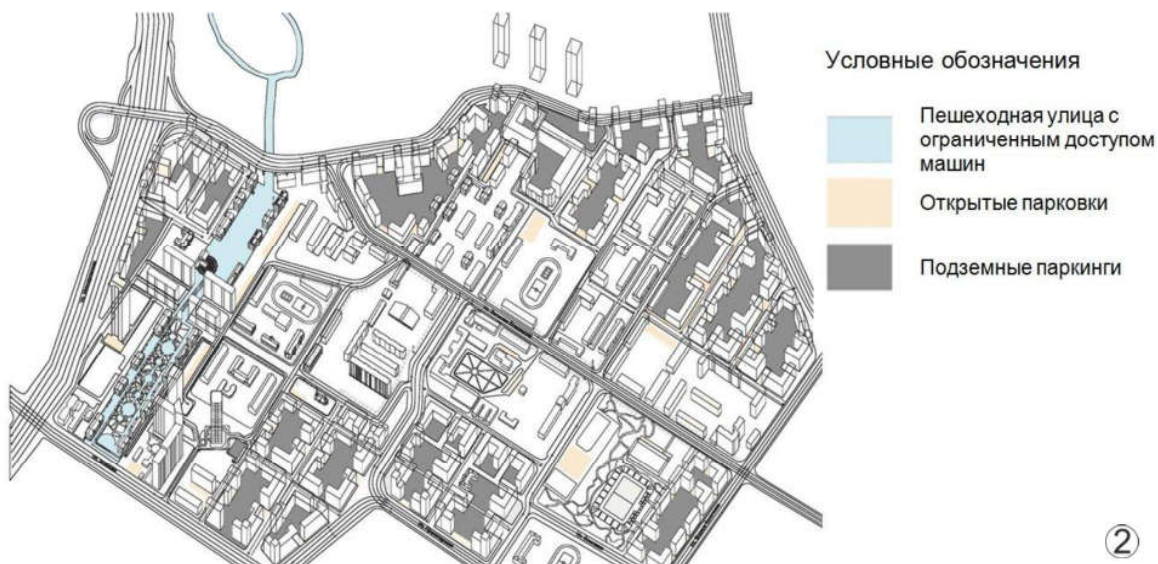
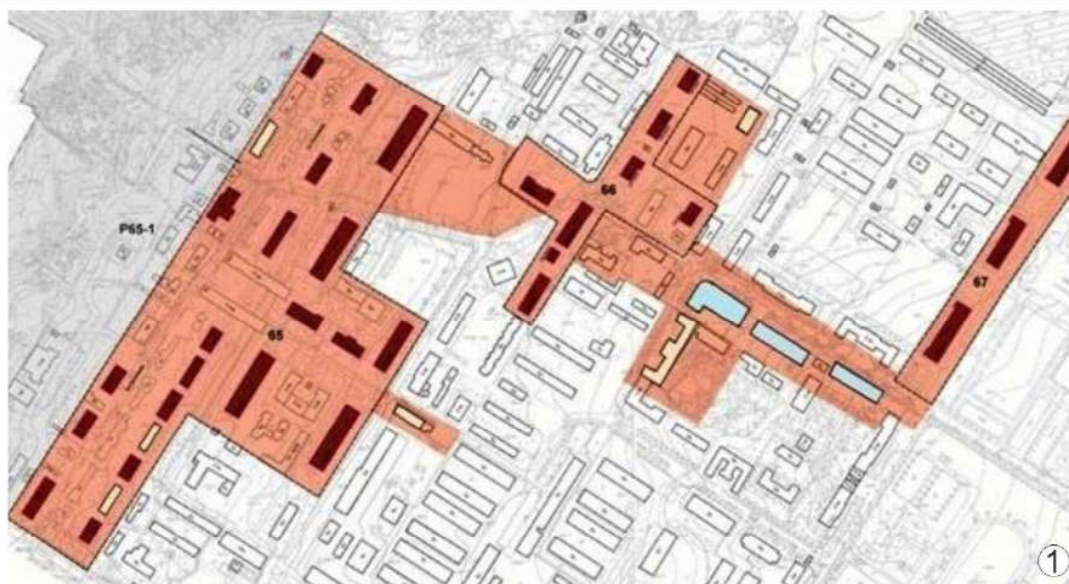
НПЦ — научно-производственный центр

ОКН — объект культурного наследия

ПДП — проект детальной планировки

Ил. 1. Военный городок-17: 1) — расположение Военного городка-17. Новониколаевск (Новосибирск) в 1924 г. План масштабом 200 саженей в дюйме [Это место]; 2) проект реконструкции ГДО. ООО «ГенинжПроект», Новосибирск, 2016; 3) проект концепции реконструкции Военного городка. ООО «ГенинжПроект», Новосибирск, 2017; 4) Пешеходная улица Тополевая. Проект градостроительной концепции «Реновация территории Военного Городка города Новосибирска», НГАСУ (Сибстрин), 2018

Ил. 2. Проект градостроительной концепции «Реновация территории Военного Городка города Новосибирска», НГАСУ (Сибстрин), 2018: 1 — границы ЛИК; 2 — проектная схема транспортного обслуживания территории; 3 — схема функционального зонирования

■ Идентичность

■ Интеграция

■ ЛИК

■ Комплексность

■ Культура

- Архитектура: сохранение историко-культурного наследия
- История: поддержание смыслов объектов наследия
- Социокультурные проекты

- Пространство социокультурных ценностей
- Общественные интересы и гармоничная городская среда

- Средовая охрана наследия со стратегией развития

- Организация системы транспортных и пешеходных связей
- Функциональное разнообразие как условие жизнестойкости территории

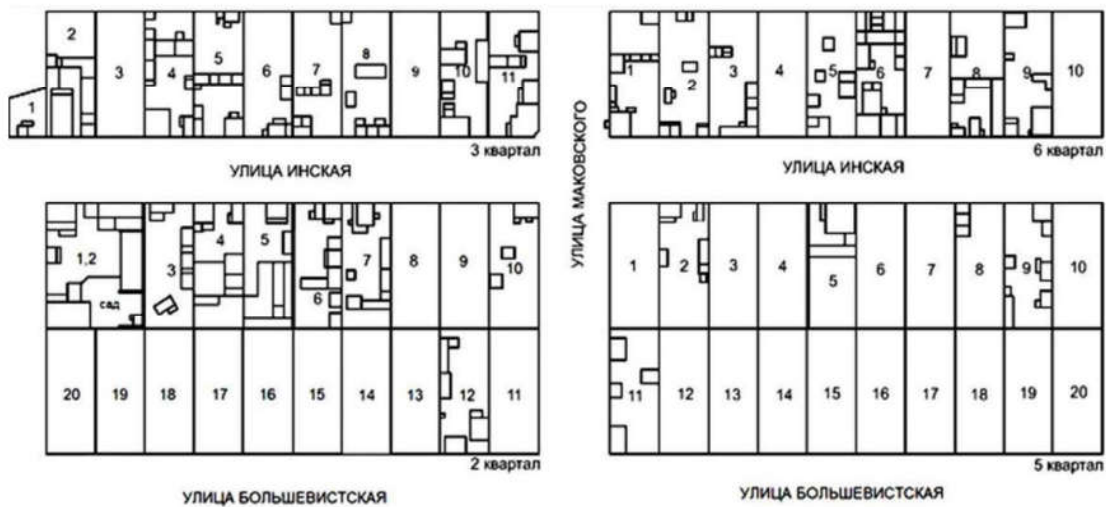
- Развитие территории через создание и строительство ключевых культурных объектов

③

Ил. 3. Проект градостроительной концепции «Реновация территории Военного Городка города Новосибирска», НГАСУ (Сибстрин), 2018: 1 — объемно-планировочное решение территории кадетского училища; 2 — объемно-планировочное решение комплекса военной истории; 3 — принципы концепции

1

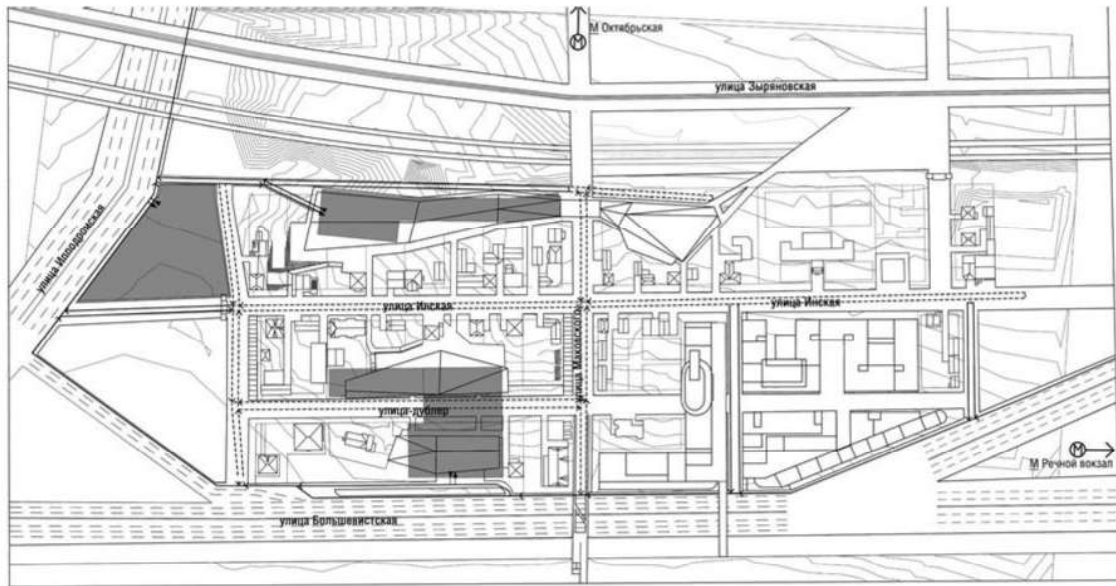

2

3

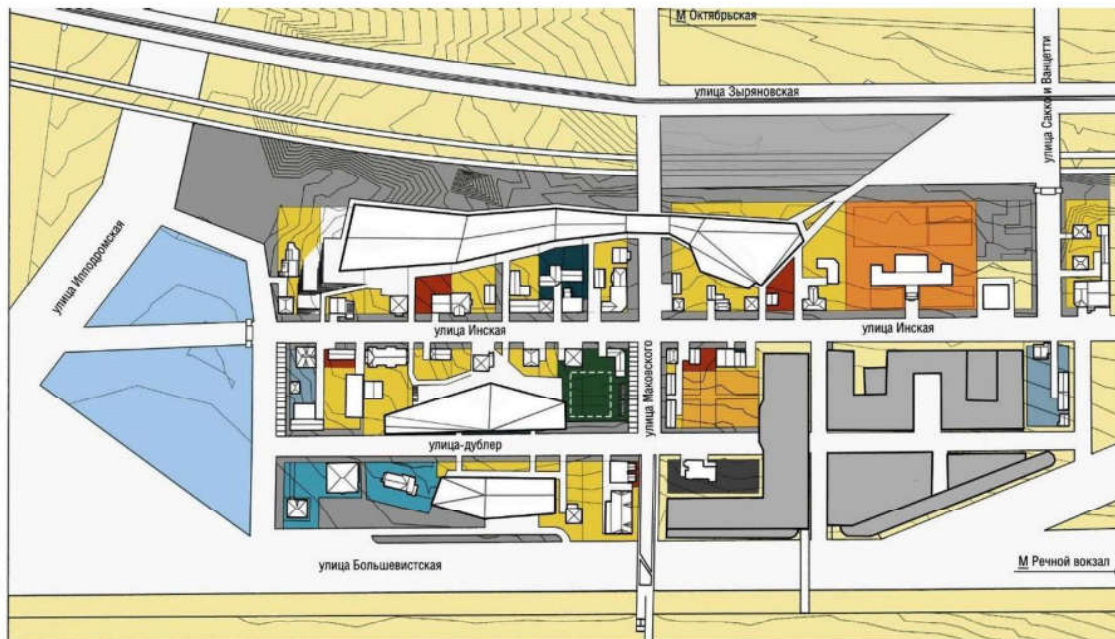
Ил. 4. Кварталы улицы Инской: 1 — границы участка проектирования. Концепция общественно-культурного центра «Николаевские кварталы улицы Инской», НГАСУ (Сибстрин), 2018; 2 — реконструкция исторического комплекса «Улица Инская» на 1919 г. Концепция общественно-культурного центра «Николаевские кварталы улицы Инской», НГАСУ (Сибстрин), 2018 [Яковлева, Наволоцкая, 2018]; 3 — поперечный разрез кварталов улицы Инской. Концепция общественно-культурного центра «Николаевские кварталы улицы Инской», НГАСУ (Сибстрин), 2018

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- ▲ въезд на парковку, выезд с парковки
- парковка
- ← постоянные проезды
- ← - - - проезды, движение по которым разрешено только в определенные часы
- — — дорожная разметка

1

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- жилая зона
- центральная площадь
- территория развития (резерв, вторая очередь)
- ремесленные мастерские (мол включать: рабочее место, учебный класс, торговую лавку, экспозицию, склад инвентаря и готовой продукции)
- питание (рестораны сибирской кухни, кофейни, чайные, трактирные, пирожковые, блинные)
- озеленение
- образовательные учреждения
- коммерческие площади (помещения в аренду, офисы, розничные магазины, офисы ивент-организаций, объединения художников, музыкальные союзы и проч.)
- детский центр дворовых игр, место совместных занятий родителей с детьми
- администрация комплекса
- промышленная зона

2

Ил. 5. Концепция общественно-культурного центра «Николаевские кварталы улицы Инской», НГАСУ (Сибстрин), 2018: 1 — транспортно-пешеходная схема; 2 — схема функционального зонирования

А.П. Подорова¹, Л.С. Романова
Томский государственный архитектурно-строительный университет (Томск)
¹podorovaap@gmail.com

Формулировка выдающейся универсальной ценности достопримечательного места «Воскресенская гора и Белоозёрье» в городе Томске

Аннотация

В старинном сибирском городе Томске, историческом поселении федерального значения, сохранились большие массивы деревянной застройки второй половины XIX — начала XX в. — уникального явления мировой культуры. Это редкая особенность для современной России с каждым годом все больше теряет такие качества как целостность и аутентичность. Включение фрагментов исторического центра Томска в Список всемирного наследия, по мнению авторов, будет способствовать их сохранению. Первая попытка работы в этом направлении представлена в данной статье. Одним из ключевых этапов разработки номинации для включения объекта в Список всемирного наследия является формулировка выдающейся универсальной ценности. Объект исследования — достопримечательное место «Воскресенская гора и Белоозёрье», включающее место возникновения города Томска как форпоста на восточных рубежах России. Данная территория обладает многогранной ценностью, в том числе, массивами деревянной застройки второй половины XIX — начала XX столетия. Целью исследования является составление Декларации о выдающейся универсальной ценности достопримечательного места «Воскресенская гора и Белоозёрье».

Ключевые слова: ЮНЕСКО; список всемирного наследия; исторический центр; объекты культурного наследия; архитектура Томска

A.P. Podorova¹, L.S. Romanova
Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk)
¹podorovaap@gmail.com

The definition of the outstanding universal value of the Voskresenskaya Gora and Beloozerie site in the city of Tomsk

Abstract

Large massifs of wooden buildings of the second half of the 19th — early 20th centuries have been preserved in the ancient Siberian city of Tomsk which is a historic settlement of federal significance. This rare characteristic for modern Russia loses such features as integrity and authenticity with each passing year. In the view of the authors the inclusion of fragments of the historical center of Tomsk in the World Heritage List, will conduce to their preservation. The first attempt to work in this direction is presented in this article. One of the key stages for inclusion these buildings in the World Heritage List is the formulation of their outstanding value. The object of study is the place of interest "Voskresenskaya Gora and Beloozerie", including place of origin of the city of Tomsk. It was called an outpost on Russia's eastern borders. This territory is valuable because of wooden buildings of the second half of the 19th — early 20th centuries. The aim of the study is to draw up a Declaration on the Outstanding Universal Value of the place of interest "Voskresenskaya Gora and Beloozerie".

Keywords: UNESCO; World Heritage List; historical center; objects of cultural heritage; architecture of Tomsk

Старинный сибирский город Томск включен в список исторических поселений федерального значения. В городе насчитывается 45 объектов культурного наследия федерального значения, 437 объектов культурного наследия регионального значения и 174 выявленных объекта, без учета объектов археологического наследия. Эти цифры свидетельствуют о богатом историко-культурном наследии города, которое необходимо сохранять для нынешних и будущих поколений. Данное исследование посвящено достопримечательному месту города Томска «Воскресенская гора и Белоозёрье», которое, по мнению авторов, гипотетически имеет потенциал для включения в Список всемирного наследия (Список ЮНЕ-

СКО) [Приказ об утверждении, 2017, с. 2].

Актуальность исследования обусловлена многогранной ценностью достопримечательного места, представляющего интерес для мирового сообщества, и угрозой утраты его целостности и аутентичности. На территории достопримечательного места находятся как объекты культурного наследия (памятники истории и культуры), так и интересные деревянные постройки, не включенные в единый государственный реестр (ил. 1). По оценке специалистов, историческая среда исследуемой территории частично нарушена, но в целом сохранила свою аутентичность. Вместе с тем, новое строительство, нарушающее архитектурно-художественный колорит и объемно-простран-

ственную композицию территории, представляют реальную угрозу утраты целостности исторического района.

Новизна исследования заключается в том, что работа в заданном направлении для данной территории проводится впервые. В документах ЮНЕСКО подробно разъяснена процедура и все нюансы включения объектов в список. Однако до сих пор исследуемая территория не была рассмотрена сквозь призму номинации включения в Список всемирного наследия.

Вопросам включения объектов культурного наследия в Список всемирного наследия посвящены научные статьи отечественных и зарубежных авторов, например, Е.И. Петуховой, Е.А. Борисовой, А.Т. Белековой, Х. Сантоса [Сантос и др., 2017] и других. Процесс включения и все его аспекты подробно описаны в «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия», в «Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия» и в «Подготовке номинаций объектов всемирного наследия», в «Форме для представления номинаций к включению в Список всемирного наследия» [Конвенция, 1972, с. 8].

Истории исследуемой территории, ее архитектуры и археологии посвящены труды Л.С. Романовой [2004], Г.Н. Стариковой, М.П. Черной, Ю.И. Шепелева [Шепелев, Зайцева, 1997] и др. Градостроительное формирование, развитие и сохранение исследуемой территории отражено в трудах В.Ф. Болдырева, О.С. Ворониной, Л.С. Романовой [1999] и др. Проектные материалы по этой территории и ее объектам разрабатывались СФИ «Спецпроектреставрация» (СИ «Сибспецпроектреставрация»)² и другими организациями. Студенты и магистранты кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия ТГАСУ в процессе обучения выполняли курсовые, дипломные и магистерские работы, посвященные ревалоризации рассматриваемой территории.

На основании «Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» «объектами, обладающими выдающейся универсальной ценностью, считаются те объекты, которые составляют часть наследия всего человечества, заслуживают охраны и передачи будущим поколениям, а также представляют важность для всего человечества в целом» [Конвенция, 1972, с. 8; Руководство...]. Выдающаяся универсальная ценность является:

- 1) основным аспектом номинации;
- 2) предметом оценки;
- 3) причиной внесения объекта в Список всемирного наследия;
- 4) объектом охраны, сохранения и управления.

Согласно методике, формулировка выдающейся универсальной ценности оформляется в декларацию о ней, которая включает в себя краткое резюме, обоснование критериев, заявление о целостности, заявление о подлинности и требования к охране и управлению [Подготовка номинаций, 2011, с. 108].

На примере достопримечательного места «Воскресенская гора и Белоозерье» рассмотрим положение такой декларации.

Краткое резюме. Территория и объекты достопримечательного места «Воскресенская гора и Белоозерье» в городе Томске представляют фрагмент провинциального губернского города России середины XIX — начала XX в. Достопримечательное место включает в себя территорию нескольких исторических районов — Воскресенской горы, Болота и Белоозерья.

Исторический район Воскресенская гора, где в 1604 г. возник город Томск, демонстрирует признаки градостроительных традиций России — это выбор места на пересечении водных и сухопутных путей, на возвышенных участках местности, в устьях небольших рек при впадении их в более крупные водные артерии. «Так, на узкой высокой косе (впоследствии названной Воскресенской горой) на Томи, в устье реки Ушайки закладывается Томская крепость с пяти башнями, сразу же получившая статус города» [Романова, 2004, с. 16]. В процессе формирования исследуемой территории пространственным модулем становится усадьба. Сохранившаяся до наших дней историческая застройка района преимущественно деревянная, относящаяся к классицистическому периоду и периоду эклектики.

Воскресенская гора — самое высокое место города. Оно играет определяющую роль в формировании силуэтно-панорамной композиции. Здесь сохранилась дорегулярная планировка. Культовые сооружения являются доминантами, которые просматриваются с других районов города.

Исторический район Болото возник на месте заболоченной территории, на насыпных грунтах. Застройка этой территории началась в XVIII в. Планировочная структура включает фрагменты дорегулярного периода и реализованного регулярного плана 1830 г. Планировочным и пространственным модулем территории является усадьба. Объемно-пространственная композиция подчинена застройке Воскресенской горы и окружающих территорий. Сохранившаяся до наших дней историческая застройка района преимущественно деревянная, относящаяся к классицистическому периоду и периоду эклектики.

Исторический район Белоозерье представляет свой определенный этап развития города, возникшего на Воскресенской горе (середина XIX — начала XX вв.). Яркой особенностью территории является Белое озеро, одна из природных достопримечательностей Томска, вокруг которой формируется застройка второй половины XIX — начала XX столетия. Планировочным и пространственным модулем территории является усадьба. Сохранившаяся до наших дней историческая застройка района преимущественно деревянная, относящаяся к классицистическому периоду и периоду эклектики.

В настоящее время на территории достопримечательного места располагается 146 объектов деревянного зодчества, не включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия, и 47 включенных объектов культурного наследия (каменных и деревянных). Фрагмент территории от южного мыса Воскресенской горы до ул. Октябрьской является памятником археологии федерального значения.

Обоснование критерия. Из шести культурных критериев, представленных в Конвенции об охране всемирного природного и культурного наследия, для

² Сибирский филиал института «Спецпроектреставрация» был создан в Томске в 1981 г. в качестве филиала московского института «Спецпроектреставрация». В 1991 г. преобразован в сибирский институт «Сибспецпроектреставрация».

данной территории подходит критерий №5. «Объект должен являться выдающимся образцом характерного для данной культуры (или культур) традиционного человеческого поселения, землепользования или водопользования, или выдающимся образцом взаимодействия человека с окружающей средой — особенно в тех случаях, когда такой образец стал уязвимым под воздействием необратимых перемен» [Конвенция].

Достопримечательное место «Воскресенская гора и Белоозёрье» в Томске является примером традиционного городского поселения России конца XIX — начала XX в. Территория является примером традиционного планировочного каркаса города, а ее объекты представляют типичную жилую застройку исследуемого периода. Велика роль ландшафта в формировании архитектурно-художественного своеобразия территории. Здесь можно наглядно увидеть, как наши предки взаимодействовали с окружающей средой, гармонично вписывая застройку в природный ландшафт.

Заявление о целостности. Достопримечательное место «Воскресенская гора и Белоозёрье» сохранило свою целостность. Этому способствовал перенос «столицы» Сибири из Томска в Новосибирск в 1920-е гг. Развитие исторического центра города остановилось. Целостность объекта обеспечивается сохранением его планировочного каркаса и силуэта, ритмичкой зданий и массивами деревянной застройки. На территории комплекса до настоящего времени сохранился его планировочный и пространственный модуль — усадебный участок с составляющими — основным домом и одним-двумя флигелями. Воскресенская гора сохранила до настоящего времени свою градоформирующую роль и составляет силуэтно-панорамную композицию в историческом центре Томска. Однако новое строительство, нарушающее архитектурно-художественный колорит и объемно-пространственную композицию территории, представляют реальную угрозу целостности исторического района.

Заявление о подлинности. Объект сохранил подлинность главных компонентов. Расположение территории на самой высокой отметке города и в пойме реки Ушайки подчеркивает живописность природного ландшафта, в целом сохранившегося к настоящему времени. Первоначальная планировка, объемно-пространственная композиция (доминанты храмов на фоне 1-2 этажной застройки), архитектурно-художественный колорит, проявленный в стилистике архитектуры и декоративном убранстве, традиционный строительный материал (дерево, кирпич), преобладание жилой функции транслируют подлинность номинируемого объекта.

Требования к охране и управлению. В настоящий момент территории охраняется следующими документами — Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», Приказом Комитета по охране объектов культурного наследия Томской области «Об утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории г. Томска, режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон охраны» (с изменениями на 18 января 2019 г.), законом Томской области «Об объектах

культурного наследия (памятниках истории и культуры) Томской области». Кроме того, разрабатывается предмет охраны и границы исторического поселения федерального значения. На часть объектов культурного наследия разработаны охранные зоны. При дальнейшей работе над подготовкой номинации рекомендуется разработать систему управления данной территорией. Базой для разработки такой системы могут служить:

– научно-практические рекомендации по сохранению и использованию территории, представленные в монографии Романовой [2004];

– эскиз «Концепции функционального использования территории, ограниченной улицами Пушкина, Октябрьской, Петропавловской, рекой Ушайка, улицами Обруб и Большой Подгорной в городе Томске (исторический район «Болото»)», 2015 г.

– ряд учебных проектов, выполненных на кафедре РИПАН ТГАСУ [Григорьева, 2009; Хамматов, 2009].

В результате выполняемого исследования можно сделать вывод, что территория достопримечательного места «Воскресенская гора и Белоозёрье» обладает потенциалом для включения в Список всемирного наследия. Для выполнения работы по подготовке номинации необходимо привлечь команду квалифицированных специалистов — архитекторов, реставраторов, краеведов, историков, культурологов, экономистов, юристов и т.д.

Список литературы

1. Романова Л.С. Принципы формирования музеефицированного комплекса в историческом центре города (на примере комплекса «Старый Томск»): дис. ... канд. арх. — Томск, 1999.
2. Романова Л.С. Здесь начинался Томск. Прошлое, настоящее, будущее. — Томск: Изд-во Томск. гос. архит.-строит. ун-та, 2004. — 217 с.
3. Сантос Х., Валенсиа П., Фернандес О. Исторический центр ЮНЕСКО в Порту: реабилитация и устойчивое развитие // *Energy Procedia*. — 2017. — №133. — С. 86–94.
4. Шепелев Ю.И., Зайцева З.А. Деревянное кружево Томска. Альбом. — СПб.: Изд-во Галарт, 1997. — 80 с.

References

1. Romanova L.S. Printsipy formirovaniya muzeefitsirovannogo kompleksa v istoricheskom tsentre goroda (na primere kompleksa «Staryi Tomsk»): dis. ... kand. arkh. Tomsk, 1999.
2. Romanova L.S. Zdes' nachinalsya Tomsk. Proshloe, nastoyashchee, budushchee. Tomsk: Izd-vo Tomsk. gos. arkhitek.-stroit. un-ta, 2004. 217 p.
3. Santos Kh., Valensiya P., Fernandes O. Istoricheskiy tsentr YuNESKO v Portu: reabilitatsiya i ustoychivoe razvitie. In *Energy Procedia*, 2017, No 133, pp. 86–94.
4. Shepelev Yu.I., Zaitseva Z.A. Derevyannoe kruzhevo Tomsk. Al'bom. Saint-Petersburg.: Izd-vo Galart, 1997. 80 p.

Список источников

1. Архив кафедры РиРАН ТГАСУ. Григорьева Е.В. Проект реконструкции исторического района «Болото» в г. Томске: выпускная квалификационная работа. 2009.
2. Архив кафедры РиРАН ТГАСУ. Хамматов А.Н. Историко-культурный парк в историческом районе «Болото» в г. Томске: выпускная квалификационная работа. 2009.
3. Архив кафедры РиРАН ТГАСУ. Романова Л.С. Эскиз «Концепции функционального использования территории, ограниченной ул. Пушкина, ул. Октябрьская, ул. Петропавловская, р. Ушайка, ул. Обруб, ул. Большая Подгорная в городе Томске (исторический район «Болото»)». 2015.
4. Градостроительный атлас Томска. — URL: https://map.admtomsk.ru/portal_new/map/atlas_quest/app.html#page=layers&bank=1&layers=-18,56,a3,osm&zoom=15¢er=9457702.646678805,7656885.053573994&mode=map
5. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. — URL: <https://www.un.org/>

ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml

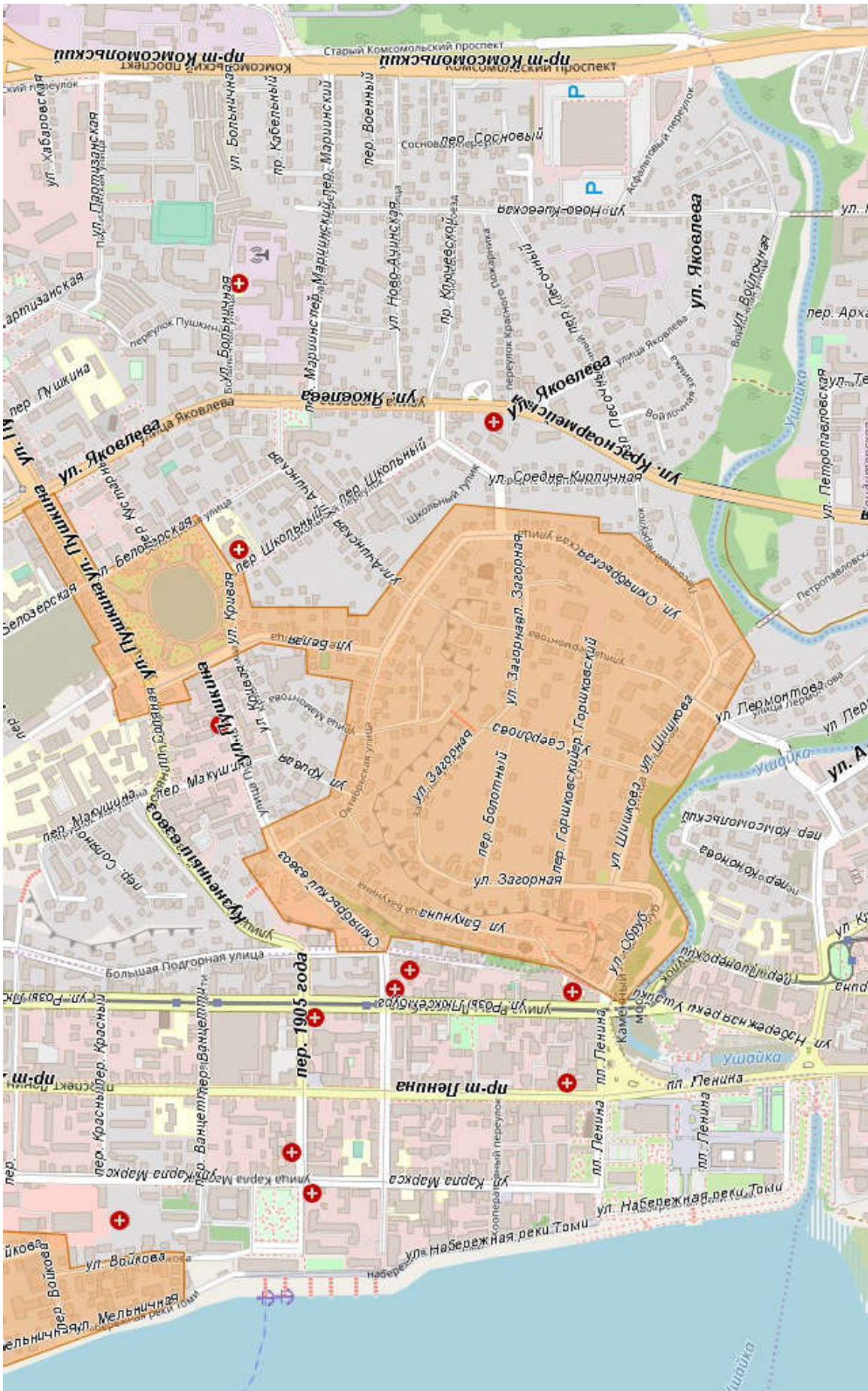
6. Подготовка номинаций объектов всемирного наследия (Второе издание, 2011 г.) — URL: <http://okn53.ru/tinybrowser/files/unesco/rukovodstvo-podgotovke-nominaciy.pdf>

7. Приказ об утверждении границ территорий выявленного объекта культурного наследия — достопримечательное место «Воскресенская гора и Белоозёрье», расположенного на территории г. Томска от 28 августа 2017 г. №102/01-07. — URL: <http://tomsk.gov.ru/documents/front/view/id/31299>

8. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. — URL: <http://www.nhpfund.ru/files/operational-guidelines-ru.pdf>

Список сокращений

РиРАН ТГАСУ — кафедра реконструкции и реставрации архитектурного наследия Томского государственного архитектурно-строительного университета

Ил. 1. Границы достопримечательного места регионального значения «Воскресенская гора и Белоозерье» в городе Томске [Градостроительный атлас Томска]

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10074
УДК 72.01:004.9

Е.В. Хохрин
hohrin@gmail.com
С.А. Смольков
smolkofs@gmail.com

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск

Механизмы формирования городской идентичности урбанизированных территорий

Исследование выполнено в рамках договора с администраций г. Иркутска

Аннотация

В статье рассмотрены теоретические основы механизма формирования городской идентичности и условия реализации способов трансляции специфической лексики формообразования и культурной традиции. Должное внимание уделено проблемам сохранения и развития городской идентичности, а также решению задач формирования современной урбанизированной среды, что позволит объективизировать процедуру выбора генерируемых вариантов в процессе проектирования и дизайна урбанизированных территорий. Рассмотренные нами аспекты городской идентичности исторической среды культурно-общественного центра сибирского поселения допускают проводить описанные операции над различными типами размерных величин, от формирования спектра параметров до их сопоставительной оценки, и получить в результате показатели соответствия исследуемой структуры композиции заданному эталону.

Ключевые слова: городская идентичность, городская общность, образ города, городской символ, регенерация, реновация

E.V. Hohrin
hohrin@gmail.com
S.A. Smolkov
smolkofs@gmail.com

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

Mechanisms of formation of city identity of the urbanized territories

Abstract

The article deals with the theoretical foundations of the urban identity formation mechanism and the conditions for the implementation of methods for transmission specific vocabulary of morphogenesis and cultural tradition. Due attention is paid to preserving and developing urban identity and to forming a modern urbanized environment. All that will make it possible to objectify a choice of the generated options while designing urbanized territories. The aspects of urban identity of the historical environment of the Siberian settlement cultural and social center that we have examined allow us to carry out the described operations on various types of dimensional quantities, from forming a spectrum of parameters to their comparative assessment. As a result we can obtain indicators of compliance of the studied structure of the composition with a given standard.

Key words: urban identity, urban community, image of the city, urban symbol, regeneration, renovation

Изменение роли городов в глобальном контексте, вовлеченность поселений в конкуренцию, постоянная трансформация социокультурного пространства, межгородские миграции обуславливают потребность в осмыслении феномена городской идентичности жителей города. В целях повышения уровня объективности оценки правительством разработаны критерии качества урбанизированной среды и механизм формирования территориальной идентичности сибирского города, изложенные в «Методике оценки качества городской среды проживания» [Местные нормативы..., 2011, с. 112] Там же введено понятие — «индекс качества городской среды», по которому устанавливается рейтинг городского поселения сре-

ди городов России.

В последние годы в российское научно-исследовательское пространство вошла тема городских исследований, давно уже теоретически и методологически обоснованная и эмпирически апробированная на Западе. В первую очередь необходимо определиться с понятиями, изучить сущность феномена городской идентичности, а также факторы ее проектирования и конструирования. Проанализировав материалы по теории айдентики и имеющиеся в литературе подходы к определению понятия «городская идентичность» [Дягилева, 2012], необходимо учесть следующие моменты:

– городская идентичность является продуктом

коллективной мыследеятельности, она связана с включенностью в долговременные стабильные социальные группы и определяет эмоциональную наполненность самоопределения индивида по отношению к такой группе в целом, к групповому имени, к «своим» и «чужим», а также групповые ценности, социальные нормы, стереотипы, поведенческие паттерны и т. д.;

– городская идентичность является социокультурным конструктом, который формируется в результате социализации и адаптации в конкретном территориальном поселении и детерминируется усвоением и воспроизводством культурных символов, принятых норм, традиций, отдельных паттернов и в целом — стиля жизни жителей данного поселения;

– городская идентичность является результатом отождествления человека с городской общностью как большой социальной группой, отличающейся от ряда иных категорий населения, выделяемых по признаку территориальной принадлежности.

Городская идентичность — это компонент социального отождествления личности, социокультурный конструкт, формируемый в результате самоидентификации человека с конкретным городским сообществом и определяемый усвоением и воспроизводством символического капитала города, социокультурных норм и стиля жизни, объединяющих жителей города.

Классификация факторов, которые воздействуют на процесс формирования городской идентичности:

а) стабильные структурные факторы: местоположение, климат и история города;

б) количественные и качественные факторы, изменяемые в долгосрочной перспективе: размер и население города, внешний облик города, благосостояние жителей, культурные традиции местного сообщества;

в) символические факторы — городская символика, политический климат, культурные коды поведения жителей, знаковые события, знаковые личности, мода на отдельные товары и услуги, характер коммуникаций внутри сообщества [Дягилева, 2013].

Общие положения организации процесса формирования городской идентичности задают область понятия о логике проектирования и механизме формирования городской идентичности, лежащей в основе разработки технологии стратегий творческого поиска [Хохрин и др., 2018а, с. 90]. В организации процесса проектирования важнейшее место для обеспечения оптимальной работы проектного механизма необходимо рассматривать процесс проектирования как феномен, реализующий себя одновременно в двух планах: плане организации проектной деятельности и плане организации предмета и тематики проектной деятельности [Щедровицкий, 1999, с. 111] Кроме того, как правило, выделяют три этапа конструирования логики проектирования — постановочный, собственно проектирования и оформительско-внедренческий, которые описаны в «Методике оценки качества городской среды проживания», позволяющей определить качество жизни на урбанизированных территориях. Рассмотрим далее основные положения документа [Хохрин и др., 2018б, с. 124].

Индекс качества — инструмент, который может руководителям городских администраций, исследовательским и проектным организациям вы-

явить ключевые проблемы городской среды и начать работу по их устранению. Индекс утвержден приказом Минстроя России и был применен ко всем 1112 городам России, и состоит из двух блоков:

– оценивается качество среды по 30 индикаторам, каждый из которых отвечает за определенный из 6 типов городского пространства и отображает степень качества среды по одному из 5 критериев.

– оценивается эффективность использования субсидии, выделенной в рамках реализации приоритетного проекта «Формирование городской среды», по 11 индикаторам.

Основные цели, установленные в «Методике оценки качества городской среды проживания»:

1. Создание методики на основе рейтинга с целью обеспечения объективной комплексной оценки муниципальных образований по критериям, определяющим уровень развития всех сфер жизнедеятельности города.

2. Создание эффективного прикладного инструмента:

– для определения негативных и позитивных аспектов в развитии муниципальных образований;

– для принятия решений по усилению конкурентных преимуществ и снижению негативных факторов в развитии;

– для нивелирования диспропорций в территориальной структуре муниципальных образований по ряду социально-экономических факторов.

3. Определение полюсов роста на территории Российской Федерации — с точки зрения условий, благоприятных для жизни населения, ведения бизнеса, инвестиций в недвижимость и т.д.

4. Описание существующей иерархической структуры городов и их типологии.

5. Организация интегральной системы анализа социально-экономических показателей городов, который делает возможным их сопоставление, а также проведение аналитических исследований по выявлению тенденций социально-экономического развития.

Так как основные цели сформулированы в теоретико-прикладном аспекте, то при их разработке проведена семантическая и эмпирическая интерпретация исходных понятий в соответствии с выделенной научной и практической проблематикой, логическим анализом рабочих гипотез и возможностью прикладного применения [Местные нормативы..., 2011, с. 62].

Основные задачи, установленные в «Методике оценки качества городской среды проживания»:

1. Проведение анализа существующих отечественных и зарубежных методик и практик сравнения субъектов административно-территориального деления макрорегионов и стран.

2. Проведение всестороннего исследования и определение критериев и базовых индикаторов оценки городов по средствам отобранных теоретических и методологических дисциплин, связанных с оценкой качественно-количественных характеристик исследуемых объектов.

3. Создание идентичного методологического аппарата для составления рейтинга, базируясь на лучших отечественных и зарубежных практиках, используя собственные разработки.

4. Разработка методики комплексного сравнительного рейтинга городов на основании применения и расчета системы экономических показателей.

5. Формирование системы экономических показателей, всесторонне характеризующих функционирование городов.

6. Расчеты интегральных показателей, индексов и групп индексов в соответствии с разработанным методическим аппаратом.

7. Выделение типичных групп (типология) объектов по ряду признаков, указание общих тенденций и различий в их развитии, выделение характерных индивидуальных различий, анализ полученных результатов.

8. Создание механизма мониторинговой системы социально-экономического положения исследуемых объектов.

9. Создание демонстрационного аналитического материала по результатам проделанной работы.

10. Предоставление материалов исследований всем заинтересованным лицам.

Область и предмет проектирования и исследования городской идентичности нетождественны понятию «объективная реальность» или понятию «объектная область проектирования». В качестве области исследования выступают связи, отношения, границы, рамки рассмотрения и свойства реального объекта, которые включены в процесс изучения. Предмет проектирования в этом случае — это определенные стороны структура свойств, качеств и отношений, которая существует независимо от познающего, но отражается им, служит конкретным полем проектной деятельности.

Объект проектирования городской идентичности в условиях исторической среды города — это некий феномен, некоторое явление, которое существует независимо от субъекта проектирования и на которое обращено внимание дизайнера. Понятие **предмета проектирования** городской идентичности еще конкретнее по своему содержанию: в предмете исследования фиксируется то свойство или отношение в проектируемом объекте, которое в данном случае подлежит глубокому специальному изучению и исследованию с целью выявления формирующих его противоречий и проблем. В одном и том же объекте могут быть выделены различные стороны, аспекты и темы проектирования.

Цели и задачи формирования городской идентичности — это обоснованное представление об общих конечных или промежуточных результатах предпроектных исследований в рамках проектного процесса. В нашем случае — обоснование и разработка методической системы формирования комфортной городской среды, отвечающей требованиям и потребностям сегодняшнего дня. Важным и необходимым этапом проектирования является конструирование и конкретизация общей цели в системе проектных задач [Хохрин и др., 2018а, с. 90].

Проектная задача представляет собой звено, шаг, этап достижения цели. С другой стороны задача — это цель преобразования конкретной ситуации или, иными словами, ситуация, т.е. многофакторная совокупность конкретных условий, требующая своего преобразования для достижения определенных смыслов. Среди значительного ряда задач, подлежащих решению, очень важно выделить приоритетные. Рекомендуется выделять в целом не более 6 задач по трем основным группам.

Первая из основных группа задач — **историко-**

диагностическая — связана с изучением истории возникновения и современного состояния проблемы, определением или уточнением понятий, общенаучных, профессиональных и культурно-исторических оснований проектирования;

вторая — **теоретико-моделирующая** — с раскрытием структуры, сущности изучаемого объекта, факторов его преобразования, формы структуры и функций городской идентичности и способов ее теоретической трансформации и построения модели развития;

третья — **практически-преобразовательная** — с разработкой и использованием методов, приемов, средств рациональной организации исследовательского и проектного процесса, их предполагаемых преобразований с разработкой практических рекомендаций и теоретических обобщений. Остальные, более частные задачи, относятся чаще всего в качестве подзадач к основным [Хохрин др., 2018а, с. 90].

Идея, замысел и гипотеза как теоретическое ядро формирования городской идентичности. Постановка задач и путей их решения подготавливает проектировщику «прорыв» в области формирования городской идентичности, а все последующие логические этапы будут представлять ступени движения к инструментальной проверке истинности и воплощению этого комплекса идей. Формой такого предвидения результатов действия механизма формирования дизайна урбанизированных территорий выступает проектная гипотеза, как совокупность отдельных идей — обоснованное предположение о том, как, каким путем, за счет чего можно получить требуемый результат. В способе внутренней организации сформулированной гипотезы дизайна проявляется реальное движение мышления проектировщика к новым, более глубоким обобщениям на основе прогнозирования и творческого предвидения.

Важным для формирования механизма городской идентичности представляется процедура «рождения» идеи, последующее претворение ее в замысле, а затем развертывание его в гипотезу и представляет собой самый сложный, творческий элемент проектирования и дизайна, его творческое ядро, составляющее основу идеирования и концептуализации.

Предпроектные исследования и анализ — изучение состояний и возможностей развития рассматриваемых процессов и явлений — предшествуют всему процессу формирования городской идентичности, сопровождает его, но особо выделяют исходную стадию (в начале исследования) и заключительный анализ, необходимый для ориентации поиска и определения его эффективности. Собственно говоря, предпроектные исследования количественных параметров изучаемых объектов строятся по общепринятой методике на основе предварительного разработанных критериев и показателей с помощью известных (в том числе стандартизированных) процедур, а также полученных на основе конструирования новых технологий.

Не следует забывать, что каждый этап проектирования включает в себе два плана, два аспекта — **практический и исследовательский**. На каждом этапе важен практический (обучающий, воспитыва-

ющий, консолидирующий) эффект и одновременно — приближение к выяснению проектно-исследовательских задач, **углубление** в предмет поиска и **уточнение** проектно-исследовательских и конструктивных методов [Потапова, Энгель, 2012, с. 111].

Образ города является лишь одним из трансляторов символической информации о городе, которая формирует городскую идентичность. Осознанию себя горожанином и пониманию отличий своего поселения от другого, формированию чувства гордости за территорию проживания способствуют также и иные трансляторы, которые участвуют в процессе городской идентификации — местные мифы и предания, обрядовые традиции, компоненты культурного ландшафта (памятники и т.д.), праздники и фестивали, городские знаки и символы. Все они служат для того, чтобы представлять и сохранять городскую уникальность, которая является ядром городской идентичности [Энгель, Потапова, 2013].

Общая схема механизма формирования городской идентичности системно состоит из 4-х основных блоков процесса (см. ниже) и 2-х блоков управления и методологической работы, названных «Организация рефлексии и методологическое обеспечение» и «Организация управления и кооперация деятельности» [Хохрин и др., 2018б, с. 124]. В свою очередь, каждый из боков процесса делится на 4 этапа со своей логикой и спецификой, обеспечивающей нормальное функционирование системы формирования городской идентичности:

1. КРИТИКА И СХЕМАТИЗАЦИЯ

1.1. Самоопределение в ситуации целевой неопределенности. Формулирование темы, целей и задач формирования городской идентичности.

1.2. Сбор и обработка исходного материала. Принципы систематизации и классификации данных.

1.3. Анализ ситуации. Формулирование противоречий и проблем в исходной ситуации.

1.4. Поиск закономерностей формирования городской идентичности в ситуации проектирования. Графический анализ.

2. ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ И ПРОГРАММИРОВАНИЕ

2.1. Выработка требований к форме и содержанию проекта. Моделирование формальных характеристик формирования объектов городской идентичности.

2.2. Анализ пропорциональных закономерностей проектной ситуации. Формулирование композиционного ключа и схем пропорционального строя объектов городской среды.

2.3. Идеирование и концептуализация. Принципы формообразования в условиях формирования городской идентичности.

2.4. Формулирование закономерностей формообразования. Стиль и факторы стилеобразования городской среды.

3. ПРОЕКТИРОВАНИЕ И КОНСТРУИРОВАНИЕ

3.1. Описание проекта в терминах профессионального языка. Мышление в проекциях.

3.2. Вариантная проработка формирования городской идентичности. Уяснение, углубление и уточнение смысла и содержания проекта.

3.3. Графическая интерпретация содержания модели преобразования городской среды. Формирование принципа «обратной связи»

3.4. Реализация принципов формообразования в объекте формирования городской идентичности. Устойчивое развитие. Динамика, статика и обратимость процессов.

4. ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И НОРМИРОВАНИЕ

4.1. Детальная проработка отдельных частей проекта формирования городской идентичности. Расширение формы и темы представления об объекте проектирования

4.2. Разработка формального языка. Логика и философия описания результатов процесса формирования городской идентичности.

4.3. Презентация проекта. Принципы НЛП и формализация продвижения проекта формирования городской идентичности.

4.4. Оформление материалов проекта. Оценка, рефлексия и осмысление результатов моделирования и проекта формирования городской идентичности.

Таким образом, можно предположить, что для формирования городской идентичности могут быть использованы проекты, направленные на выявление и осмысление уникальных механизмов формирования дизайна урбанизированных территорий, актуализацию значимых «мест силы» и «коллективной» памяти на проектируемых участках. Такого типа процедуры также следует отнести к факторам активного воздействия, поскольку они способны изменить отношение к городу, а также к символическим факторам, поскольку они будут способствовать установлению или укреплению символической связи между горожанином и городом [Хохрин и др., 2018а, с. 90].

Следовательно, механизмы формирования городской идентичности помимо достижения собственных целей способны выполнять и косвенные цели, т.е. оказывать более или менее сильное влияние на идентификационные процессы. Объектом проектирования и формирования городской идентичности выступает сложное образование, содержащее в себе наслаивающиеся друг на друга подсистемы — социум, культуру и городскую среду. И в этом случае проект построения механизма городской идентичности выступает в качестве способа сохранения или воссоздания социальных явлений и культурных феноменов, соответствующих (как количественно, так и качественно, содержательно) сложившимся культурным нормам [Хохрин и др., 2018б, с. 124]. Проектирование городской среды весьма многогранно, но целью проекта формирования городской идентичности все же будет являться рост уровня и расширение зоны комфорта для личности, что может непосредственно отражаться на городской идентичности. Человеку должна быть приятна его среда обитания, чтобы отсутствовала некая неустроенность в жизненных смыслах, чтобы место жизни ассоциировалось с наименьшим числом отрицательных переживаний, чтобы среда способствовала реализации личностных ресурсов [Щедровицкий, 1999, с. 111].

Следует отметить, что особое значение для формирования городской идентичности будут приобретать те механизмы построения городской идентичности, которые направлены на актуализацию и поддержание смыслов городского культурного и исторического наследия, поскольку в данном контексте идентификационный аппарат будет работать благодаря памяти как инструменту поддержания

культурной идентичности и развития коллективной мыследеятельности.

Список литературы

1. Дягилева Н.С., Журавлева Л.А. Городская идентичность: понятие, структура, основы // Социология города. — 2012. — №1. — С. 46–61.
2. Дягилева Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. — Екатеринбург: УрФУ, 2013. — С. 54–59.
3. Потапова А.В., Энгель Б. Перспективы развития исторического центра Иркутска с учетом немецкого опыта Дрездена // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. — 2012. — №1 (2). — С. 169–178. DOI: 10.21285/2227-2917-2012-1-169-178.
4. Хохрин Е.В., Смольков С.А., Хохряков А.А. Формирование городского стиля Иркутска: — Иркутск: Изд-во Иркутского национального исследовательского технического университета, 2018а. — 90 с.
5. Хохрин Е.В., Смольков С.А., Хохряков А.А. Дизайн городской среды на примере Иркутска. — Иркутск: Изд-во Иркутского национального исследовательского технического университета, 2018б, — 124 с.
6. Щедровицкий Г.П. Типология ситуаций проведения изысканий // Программирование научных исследований и разработок. Из архива Г.П. Щедровицкого. — М.: Путь, 1999. — Т.1. — 288 с.
7. Энгель Б., Потапова А.В. Наследие в опасности — исторический центр г. Иркутска // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. — 2013. — №1 (4). — С. 196–205. DOI: 10.21285/2227-2917-2013-1-196-205.

References

1. Dyagileva N.S., Zhuravleva L.A. Gorodskaya identichnost': ponyatie, struktura, osnovy. *Sociologiya goroda*, 2012, No. 1, pp. 46–61. (in Russ.)
2. Dyagileva N. S. Teoreticheskie aspekty gorodskoj identichnosti. In *Brending malyh i srednih gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy*. Yekaterinburg: UrFU, 2013, pp. 54–59. (in Russ.)
3. Engel' B., Potapova A.V. Nasledie v opasnosti – istoricheskij centr g. Irkutsk. *Izvestiya vuzov. Investicii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'*, 2012, No. 1 (2), pp. 169–205. DOI: 10.21285/2227-2917-2012-1-169-205. (in Russ.)
4. Hohrin E.V., Smol'kov S.A., Hohryakov A.A. Formirovanie gorodskogo stilya Irkutsk. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo nacional'nogo issledovatel'skogo tekhnicheskogo universiteta, 2018a, 90 p. (in Russ.)
5. Hohrin E.V., Smol'kov S.A., Hohryakov A.A. Dizajn gorodskoj sredy na primere Irkutsk. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo nacional'nogo issledovatel'skogo tekhnicheskogo universiteta, 2018b, 124 p. (in Russ.)
6. Potapova A.V., Engel' B. Perspektivy razvitiya istoricheskogo centra Irkutsk s uchetom nemeckogo opyta Drezdena. *Izvestiya vuzov. Investicii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'*, 2012, No. 1 (2), pp. 169–178. DOI: 10.21285/2227-2917-2012-1-169-178. (in Russ.)
7. Shchedrovickij G.P. Tipologiya situacij provedeniya izyskanij. In *Programmirovaniye nauchnyh issledovaniy i razrabotok*. Iz arhiva G.P.Shchedrovickogo. Moscow: Put', 1999, Vol. 1, 288 p. (in Russ.)

Список источников

Местные нормативы градостроительного проектирования г. Иркутска, утвержденные постановлением администрации города Иркутска от 15.07.2011 №031-06-1287/11. (https://www.glavbukh.ru/npd/edoc/97_256841)

Е.В. Хохрин
hohrin@gmail.com
С.А. Смольков
smolkofs@gmail.com

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск

К вопросу о регенерации исторической среды в условиях трансформации культурно-общественного центра сибирского города

Исследование выполнено в рамках договора с администраций г. Иркутска

Аннотация

Всестороннее рассмотрение проблем сохранения и развития исторического облика города, а также вопросов решения задач формирования современной городской среды составляет основу смысла и содержания статьи. В основе исследования лежат различные формы представлений о внутренней организации и структуре внешних связей, понимание и конструирование механизмов развития собственных типов деятельности и среды, обеспечивающей нормальное развитие и регенерацию архитектурного стиля. Изложены основные этапы формирования процедур создания городского стиля, который развивается в нескольких планах — организационно-деятельностном и предметно-тематическом — что обеспечивается межструктурными коммуникациями в процессе кооперации с предметной средой, образом жизни людей и их культурой. Результаты исследования подтвердили существующие теоретические положения, показав тем самым эффективность исследования.

Ключевые слова: архитектурный стиль, дизайн городской среды, формирование комфортной среды, образ города, регенерация, реновация

E.V. Hohrin
hohrin@gmail.com
S.A. Smolkov
smolkofs@gmail.com
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

To the question of the historical environment regeneration in transformation conditions of the Siberian city cultural and social center

Abstract

The article deals with problems of preserving and developing the city historical appearance and forming a modern urban environment. The study is based on various ideas about the structure and the internal organization of external relations and understanding and designing the mechanisms of the environment development. The environment in its turn can develop and regenerate the architectural style. The main stages of creating an urban style are outlined. The style is evolving in several plans — organizational and pragmatist; and thematic. This evolution is ensured by inter-structural communications in cooperation with the subject environment, people's way of life and their culture. The results confirmed the existing theoretical theses and the effectiveness of the study.

Keywords: architectural style, environmental design, comfortable environment formation, city image, regeneration, renovation

Сохранение и развитие городов, обладающих значительным историко-культурным потенциалом, является целью и смыслом проведения исследований и проектирования в области архитектуры и дизайна [Щедровицкий, 1986, с. 102], обновления и развития архитектурно-пространственных и художественно-образных качеств исторической среды и интеграции сохранившегося наследия в современную жизнь города [Хохрин и др., 2018а, с. 90].

Среда исторического города сегодня, как правило, не отвечает требованиям современного уровня

комфортности и потому остро нуждаются в защите и сохранении своих уникальных свойств, характеристик и качеств. Возникает конфликт между исторически сложившейся застройкой и инновационными объектами архитектурно-средового плана. Эти проблемы гармонизации и соответствия качества исторически сложившейся городской среды требованиям новейшего времени лежат в основе всех проектных проблем современного градостроительства и обеспечения комфорта в границах исторических поселений.

Один из эффективных путей решения проблем

взаимодействия исторически сложившегося образа и «новодела» — широкое использование инструментов и методов регенерации архитектурного образа городской среды как способа сохранения и возрождения изначальной среды исторического города, провоцирующего формирование новых тенденций в организации стиля жизни горожан, способствующего стабилизации ценностной картины мира, а также обеспечивающего поддержку и развитие традиций жизненного уклада городского обывателя, что придаст его жизни необходимый комфорт и сделает ее более динамичной.

Гармоничный городской дизайн должен стать не только эстетически предметным выражением духовной и материальной жизни человека, но и латентным инструментом управления и координации жизни общества посредством формирования ценностной картины мира, поддержки традиций, формирования новых тенденций стиля и образа жизни [Потапова, Энгель, 2012]. Создание повышенного уровня комфорта городской среды придает жизни в городе новые формы стабильности, что в конечном итоге делает ее более динамичной. Стабильное разнообразие стиля жизни и деятельности сообщества в городской среде в значительной мере зависит и от активного включения в среду комплексных объектов городского дизайна, а также от интенсивности формирования ими облика и образа города.

Дискомфорт и дисгармония современной среды исторических городов можно назвать непереносимыми атрибутами и явно выраженными признаками разрушения ментальности и духовной жизни современного общества [Энгель, Потапова, 2013]. Изучение средовых качеств исторического центра Иркутска позволило сформулировать основные проблемы, часть которых можно решить или нивелировать средствами дизайна:

- утрата архитектурно-ландшафтных качеств видовых точек и панорам;
- искажение масштабов новой и сложившейся городской среды исторического центра (например, включение неэстетичных, в большинстве случаев типовых, зданий в застройку центра);
- несоответствие реальных размеров визуальным параметрам функционального использования городских площадей и улиц (крупные, несоразмерные с масштабом окружающей застройки, пустующие площади при современных крупных административных и общественных зданиях);
- отсутствие благоустроенных улиц — разрушенное покрытие, «размытые» границы уличных профилей, запущенное озеленение;
- ветхость и запущенность физического состояния фасадов большинства зданий, непродуманное колористическое решение как отдельных объемов, так и улицы в целом; использование неприемлемых средств реконструкции и реставрации фасадов;
- перенасыщенность и слабая структурированность информационно-рекламных элементов; недопустимо низкое качество рекламы, несовершенный графический дизайн;
- отсутствие малых форм, символики, знаков и, в частности, брендового, знакового дизайна.

Постановка задач при комплексном решении проблем, связанных с формированием и организацией оптимального функционирования комфортной

среды исторического города, напрямую связано со способами включения формы и содержания его архитектурно-пространственных и художественных характеристик в основу построения будущего образа проектируемого архитектурного комплекса. Рассмотрим ниже основные методы трансформации архитектурно-художественной и предметной-пространственной среды городского исторического центра.

Другой стороной проблемы реконструкции в условиях сложившейся исторической среды [Постановление Администрации..., от 12.09.2008] представляется вопрос о реставрации, реновации и реанимации исторических зданий в связи с их сильным физическим или моральным износом, изменением функции, частичной самовольной перестройкой и другими бесконтрольными действиями собственников без нарушения композиционной целостности и гармоничного взаимодействия с окружающей средой, где процедуры принятия решения о судьбе отдельного объекта или даже целых комплексов принимают «субъекты юридического права и администрации», компетенции которых явно не соответствуют форме и содержанию принимаемых решений (как это было в недавней истории с «домом А.А. Рассушина» в Иркутске).

Исторические здания за всю свою многолетнюю историю подвергались многократным перестройкам, отвечая на запросы коммерческого вкуса и изменение социальных отношений, и, теряя особый неповторимый дух, во времени рушатся и приходят в негодность, теряя свой первоначальный облик и смысл собственного существования, не говоря уже о состоянии конструкций, сетей и нелепых перепланировках. Эти тенденции в отношении культурного наследия предусматривают целый комплекс консервативных мероприятий по сохранению первоначального облика и стиля как отдельного здания, так и исторического комплекса в целом, его взаимосвязи с окружающей средой и повышению социо-культурной ценности в жизни города. При этом основной аргумент «защитников исторической среды» заключается в том, что «... реконструируемые сегодня здания будут служить будущим поколениям, когда востребованность в эстетике и уровне комфорта станет выше и сегодняшние мероприятия, материальные расходы и трудовые затраты будут оценены по достоинству», но — кто и когда смоделировал систему ценностей и критериев оценки качества проведенных мероприятий «реконструкции архитектурного наследия» будущими поколениями жителей города?!

С развитием жизненного уклада и пространственно-функциональной организации города увеличивается потребность в разработке новых площадок, внедрении современных проектно-дизайнерских инноваций и расширении существующих архитектурно-пространственных комплексов [Генеральный план..., от 28.06.2007]. Историческое ядро является культурным, деловым и торговым центром и основной задачей является сохранение целостности исторической застройки и гармоничного взаимодействия сложившейся городской среды и проектируемых структур. Как правило, наиболее ценные памятники архитектуры находятся в центре поселения, где сосредоточена культурная и деловая жизнь городских сообществ. Чтобы сохранить художественно-образную целостность архитектурно-исторического объекта

при любом типе проектного воздействия на стиль, структуру, массу и масштаб исторической среды, в процессе проектирования необходимо уделять особое внимание построению механизма гармонизации целого и отдельных частей проектируемого объекта, моделированию деталей и нюансов моделирования композиции всех частей здания — цоколя, входных групп, фриза, карниза, декоративного обрамления проемов, цвето-световой гармонии и качества отделки фасада в целом.

Развитие благоустройства и применение элементов ландшафта в среде исторического города для достижения гармонии архитектурного дизайна городской среды с ландшафтной пластикой урбанизированных пейзажей — это важнейший комплекс проектных задач создания комфортной жизни, особенно в условиях исторического центра города, где ландшафт неотрывно связан с архитектурной средой. Городской пейзаж — неотъемлемая часть любого поселения, где он, будучи органично включенным в планировочную структуру, дополняет и развивает неповторимый художественный образ уникального городского ландшафта [Энгель, Потапова, 2013].

В структуре проектных целей и задач дизайн городской среды становится отдельным проектируемым элементом и инструментом формирования городского комфорта и, соответственно, самостоятельным объектом проектирования [Щедровицкий, 1986, с. 102], требующего сохранения визуальных связей с окружающим ландшафтом, исключения из городской среды стилистического диссонанса между архитектурно-дизайнерским решением городского ансамбля и объектов природно-ландшафтного комплекса (зеленые насаждения, городское оборудование и благоустройство, водные сооружения паркового хозяйства, системы аудио-визуального оформления и пр.).

Рассматривая ландшафтную архитектуру как средство взаимодействия городской культуры и природы, где она является инструментом культурной деятельности человека, элементы ландшафтного дизайна представляются как средства качественного обновления и возрождения исторических основ городской жизни и должны найти активное применение в преобразовании планировки и застройки центра города с целью создания уникального городского пейзажа, его художественного образа. Сохранение историко-культурных памятников, преемственное развитие города и создание художественно-выразительных пространств должно способствовать устойчивому развитию городской среды. При этом учитываются технологические и культурно-исторические аспекты деятельности городских сообществ, не нарушающие целостность и сохраняющие историческое наследие города.

Наполнение городского пространства малыми архитектурными формами составляет еще один комплекс проблем, связанный с явной нехваткой городской мебели и функционального оборудования общественных пространств. Эта проблема имеет две стороны — отсутствие должной и разнообразной номенклатуры оборудования соответствующего качества, а также способов и форм организации адресной типологии стилистических комплексов застройки городской среды, которая бы

соответствовала художественному качеству и уровню развития современного общества в целом. Оболванивание массового потребителя видимостью создания комфортной среды с использованием малых архитектурных форм (МАФ) — проблема, определяющая в будущем образ всего города и его исторической части. С помощью МАФ, являющихся составной частью благоустройства, можно оперативно решать проблемы физического комфорта и художественно-качества пространственных характеристик объектов городской среды, гармонично устроенных в историческом контексте. При этом под МАФ подразумеваются т.н. «временные сооружения», ситуативно предназначенные для архитектурно-планировочной и художественно-образной модернизации объектов ландшафтной архитектуры, создания комфортного отдыха посетителей, ландшафтного обогащения территории в целом, эстетически и функционально дополняющие общую композицию архитектурного ансамбля исторической застройки.

Некоторые из элементов МАФ не несут утилитарных функций и имеют исключительно художественно-декоративное или функционально-пространственное назначение. Находясь в городской среде, объекты городского дизайна насыщают среду эмоционально, информационно, художественно, приносят эстетическое удовольствие, повышают комфортность, несут информацию, необходимые для быстрой и удобной ориентации. И в этом смысле необходимо говорить о повышении информационно-эмоционального потенциала городской среды как важнейшего средства воздействия на формирование художественного вкуса, эмоционального состояния и психического тонуса городского жителя. Именно поэтому элементы, составляющие основу МАФ, должны быть ненавязчивыми и технически совершенными, пластичными и удобными, простыми и выразительными, красивыми по форме, цвету и фактуре материала, легкими, долговечными, эргономичными и экономичными, с хорошими пропорциями и соответствовать масштабу человека. Для нашего провинциального города наиболее подходящими объектами благоустройства могут выступать капитальные, устойчивые формы, что способствует формированию чувства гордости в горожанах и ощущению стабильности городской жизни.

Системный подход к размещению элементов информационного дизайна в среде исторического города оказывает существенное влияние на восприятие современного города, его художественный образ и архитектурно-декоративное оформление облика. Развитие форм, средств и приемов организации объектов дизайна городской среды имеет большое значение для формирования социокультурной и архитектурно-планировочной инфраструктуры города, выявления ее природно-пространственных компонентов и сохранения памятников историко-культурного наследия. Необходимо точно и адресно выстраивать систему размещения элементов информационного дизайна в структуре сложившейся городской застройки [Местные нормативы..., от 15.07.2011], в связи с чем возрастает потребность в разработке всесторонней архитектурно-художественной концепции, которая будет решать весь комплекс проблем размещения информационных конструкций и элементов навигации в историче-

ской части города. В рамках этой концепции должен быть сформирован полноценной архитектурно-художественной образ городской среды исторического поселения; разработан механизм построения художественной композиции и стиля городского оборудования, гармонично сочетающихся с архитектурными, художественными и колористическими особенностями городских зданий и сооружений; применением передовых технологий и материалов на основании изучения отечественного и зарубежного опыта и особенностей местной художественной национальной культуры [Правила размещения..., от 03.06.2013].

В реальной практике необходимо учитывать особенности архитектурного стиля фасада исторического здания, на котором будут установлены элементы городского дизайна. Вновь вводимые конструкции объектов городского дизайна должны органично вписываться в проектируемую среду и взаимодействовать с ней, образуя новые образы и смыслы в общем историческом и художественном контексте. Средств для этого в современных дизайнерских и маркетинговых технологиях более чем достаточно — конструкции, состоящие из отдельных элементов, символов, знаков и образов без подложки или с плоской подложкой, плоские и объемные баннеры, конструкции с включением эффектов иллюминации, конструкции, составленные в сложную трехмерную композицию отдельных элементов и знаков, лайтбоксы, афишные конструкции, панели-кронштейны, таблички, общие указатели, мобильные вывески на гибком материале, надписи на тротуаре и многое другое [Правила размещения..., от 03.06.2013]. Также часто используются приемы сложной компоновки объемных элементов и знаков, за которыми виден фрагмент фасада, а также композиция букв и знаков без подложки, отбрасывающая собственную тень на плоскость фасада и т.д.

Ребрендинг в условиях реконструкции исторического города составляет немаловажный момент, который необходимо учитывать при проектировании городской среды. Вне зависимости от размера, расположения и административного устройства, исторический город остро нуждается в осознании собственной уникальности, понимании истоков самобытности и неповторимости образа, социокультурной идентификации и узнаваемости его знаковых элементов. И для того чтобы сформировать требуемое отношение к городу, его положительный имидж на внешнем и внутреннем потребительском рынке, необходимо акцентировать историческую, культурную, художественную и экономическую привлекательность города. Для этого формируется и проводится системный комплекс различного типа мероприятий по анализу, разработке и внедрению бренда города, поддержанию его функционирования и обеспечению условий успешного развития, в котором вопросы формирования и развития нативного архитектурного стиля и художественного имиджа исторического поселения выступают на передний план.

Бренд города, по сути — имя его, странная сущность, лежащая между впечатлением коренных жителей — резидентов — и взглядом «со стороны» приезжих — интервентов — важная составляющая городской идентичности имиджа поселения. Как правило, он имеет визуальное выражение — знак,

символику, девиз, логотип, фирменный (корпоративный) блок и стиль, но имеет глобальную ценность прежде всего тогда, когда имманентно связан со стратегией развития города, его имиджевых и смысловых посылов. Фактически процедура продвижения бренда — это своего рода создание положительной репутации, что влечет за собой рост прямых и косвенных городских инвестиций, а также последующего его экономического развития и культурного процветания [Хохрин Е.В., и др. 2018а. с.90.].

Городские сообщества в любом регионе или поселении всегда надеются, что при помощи нового бренда или его части — логотипа и слогана — сможет расширить туристическую привлекательность города, привлечь внешние инвестиции и увеличить долю прибыли за счет стимуляции торгово-туристического сегмента экономики. Из-за возросшей конкуренции многие города по всему миру вынуждены все активнее позиционировать себя на рынке торговли и туризма, быть более активными в процессах привлечения новых людских и финансовых ресурсов. Однако главная проблема состоит в том, что практически все городские администрации мыслят одинаково и хотят, чтобы их воспринимали в качестве лучших по многим параметрам — культуре, расположении, истории [Хохрин Е.В., и др., 2018б, с.124.]. А истинный смысл привлечения интереса на внешнем рынке — создание особых условий для развития внутренней уникальности города и поддержка характерной неповторимости, своеобразия и беспрецедентности уникальных городских инициатив в истории развития рынка инновационных услуг.

Такой подход предполагает формирование актуальных процедур и методов регенерации архитектурного стиля городской среды не только по критериям «пользы, прочности и красоты», но и с точки зрения перспектив ее развития и функционально-пространственной гибкости решений в любом диапазоне проблем — от решения проблем транспорта и архитектурно-ландшафтных комплексов города до дизайна интерьера городских пространств, цвето-светового наполнения и устройства систем элементов городской мебели и оборудования [Правила размещения..., от 03.06.2013]. Методы и приемы преобразования городской среды опираются на современные инженерные технологии и социальные требования, во взаимодействии которых и возникают противоречия между требованиями сохранения исторических средовых ценностей и потребностью в наполнении новыми средовыми качествами, соответствующими современному пониманию комфорта городской среды [Местные нормативы..., от 15.07.2011]. Таким образом, создание механизма постоянного повышения комфорта среды проживания в городе, повышения уровня ее максимальной безопасности и обеспечение «атмосферы» доброжелательной активности всех элементов системы жизнеобеспечения и является одним из важных критериев оценки качества проектирования в условиях регенерации архитектурного стиля с точки зрения задач современного городского дизайна.

Список литературы

1. Потапова А.В., Энгель Б. Перспективы развития исторического центра Иркутска с учетом немец-

кого опыта Дрездена // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. — 2012. — № 1 (2). — С. 169–178. DOI: 10.21285/2227-2917-2012-1-169-178.

1. Хохрин Е.В., Смольков С.А., Хохряков А.А. Формирование городского стиля Иркутска: — Иркутск: Изд-во Иркутского национального исследовательского технического университета, 2018а. — 90 с.

2. Хохрин Е.В., Смольков С.А., Хохряков А.А. Дизайн городской среды на примере Иркутска. — Иркутск: Изд-во Иркутского национального исследовательского технического университета, 2018б, — 124 с.

3. Щедровицкий Г.П. Типология ситуаций проведения изысканий // Программирование научных исследований и разработок. Из архива Г.П. Щедровицкого. — М.: Путь, 1999. — Т. 1. — 288 с.

4. Энгель Б., Потапова А.В. Наследие в опасности – исторический центр г. Иркутска // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. — 2013. — № 1 (4). — С. 196–205. DOI: 10.21285/2227-2917-2013-1-196-205.

References

1. Engel' B., Potapova A.V. Nasledie v opasnosti — istoricheskij centr g. Irkutsk. *Izvestiya vuzov. Investicii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'*, 2013, No. 1 (4), pp. 196–205. DOI: 10.21285/2227-2917-2013-1-196-205. (in Russ.)

2. Hohrin E.V., Smol'kov S.A., Hohryakov A.A. Formirovanie gorodskogo stilya Irkutsk. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo nacional'nogo issledovatel'skogo tekhnicheskogo universiteta, 2018a, 90 p. (in Russ.)

3. Hohrin E.V., Smol'kov S.A., Hohryakov A.A. Dizajn gorodskoj sredy na primere Irkutsk. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo nacional'nogo issledovatel'skogo

tekhnicheskogo universiteta, 2018b, 124 p. (in Russ.)

4. Potapova A.V., Engel' B. Perspektivy razvitiya istoricheskogo centra Irkutsk s uchetom ne-meckogo opyta Drezdena. *Izvestiya vuzov. Investicii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'*, 2012, No. 1 (2), pp. 169–178. DOI: 10.21285/2227-2917-2012-1-169-178. (in Russ.)

5. Shchedrovickij G.P. Tipologiya situacij provedeniya izyskanij. In *Programmirovaniye nauchnyh issledovanij i razrabotok*. Iz arhiva G.P. Shchedrovickogo. Moscow: Put', 1999, Vol. 1, 288 p. (in Russ.)

Список источников

1. Генеральный план города Иркутска, утвержденный решением Думы города Иркутска от 28.06.2007 № 004-20-390583/7 (<https://admirk.ru/Pages/generalniy-plan-goroda.aspx>)

2. Местные нормативы градостроительного проектирования г. Иркутска, утвержденные постановлением администрации города Иркутска от 15.07.2011 № 031-06-1287/11. (<http://docs.pravo.ru/document/view/19781011>)

3. Правила размещения наружной рекламы и объектов информационного оформления на территории города Иркутска, утвержденные решением Думы города Иркутска от 03.06.2013 № 005-20-470795/3. (<http://docs.cntd.ru/document/440521345>)

4. Постановление Администрации Иркутской области от 12.09.2008 № 254-па «Об утверждении границ зон охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории города Иркутска, режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах данных зон» (<http://docs.cntd.ru/document/424069760>).

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10076
УДК: [72.035.5+7.025]

П.О. Чиркина
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
frankshirley@yandex.ru
Научный руководитель: кандидат архитектуры Е.А. Груздева

Приспособление памятников промышленной архитектуры Западной Сибири

Аннотация

В статье показываются различия западносибирских промышленных памятников по следующим параметрам — расположению в городе (центры крупных сибирских городов и небольшие промышленные города и поселки), объемно-пространственным характеристикам (высота и площадь помещений), материалам (кирпич, дерево, железобетон) и стилистике (кирпичный стиль и сибирский модерн). Также высказываются предложения по приспособлению и интеграции объектов в среду современных городов — превращение сибирских водонапорных башен в мини-отели и смотровые площадки, размещение в заброшенных заводах, вдали от городов, рекреационных функций.

Ключевые слова: Западная Сибирь; промышленная архитектура; памятники архитектуры; сибирский модерн; кирпичный стиль; реставрация

P.O. Chirkina
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
frankshirley@yandex.ru
Scientific adviser is PhD in art criticism E.A. Gruzdeva

Adaptation of monuments of industrial architecture in Western Siberia

Abstract

The article deals with the diversities of the industrial architectural monuments located in the Western Siberia. The authors reveal them according to following criteria: location in a city (centers of large Siberian cities and small industrial towns and villages); dimensional properties (height and floor-space); materials (brick, wood, reinforced concrete) and stylistics (brick-built style and Siberian modern). Also, suggestions are made for the adaptation and integration of objects into the environment of modern cities. The ideas about transformation of Siberian water towers into mini-hotels and observation platforms, accommodation in abandoned factories far from cities are proposed as well.

Keywords: Western Siberia; industrial architecture; architectural monuments; Siberian Modern; brick style; restoration

Исторические промышленные объекты составляют значительную часть от общего количества сохранившихся памятников архитектуры и, располагаясь в исторических районах, формируют городскую архитектурно-планировочную структуру и силуэт городов. В небольших промышленных городах они даже могут являться ядром исторической застройки, самым старым зданием или единственным памятником архитектуры. Они имеют не меньшую историческую и эстетическую ценность, чем памятники гражданской архитектуры, но понимание их эстетики и необходимости сохранения таких зданий не столь очевидно для большинства жителей. При отсутствии попыток приспособления памятников к современному использованию они образуют «мертвые зоны» в городской среде, нарушают пешеходную доступность других объектов и теряют свои культурно-эстетические функции, оставаясь невидимыми и недоступными для жителей. Сегодня, когда мы говорим о переосмыслении городской территории, речь

идет не только об использовании площади конкретного участка, но и обо всем городе, который теряет необходимость в строгом функциональном зонировании, как это было в прошлом с его четким разделением города на общественные и промышленные кварталы, и приобретает необходимость в комплексной, многофункциональной застройке, интеграции отдельных объектов в своеобразные «кластеры» — творческие, научные или со смешением разных функций. Интеграция таких объектов получила широкое распространение за рубежом и достаточно широкое в Москве и Санкт-Петербурге, что связано с высокой плотностью застройки в историческом центре крупных городов, большой стоимостью земли и активными инвестициями, но в крупных и тем более малых промышленных городах Сибири такие проекты остаются единичными или вовсе отсутствуют. Поэтому проблема приспособления промышленных зданий под современные функции и, таким образом, интегрирование их в городскую или сельскую среду

является достаточно актуальной.

Объектом исследования являются памятники промышленной архитектуры Западной Сибири, предметом исследования — приспособление таких объектов для современного использования.

Чтобы выделить отличительные черты сибирских памятников, требующих интеграции, необходимо было классифицировать их по некоторым основным параметрам (расположение в городе, объемно-пространственные характеристики, материалы, стилистика). Такая классификация выявила как возможности их приспособления и интеграции, так и факторы, которые препятствуют этому.

Всего был рассмотрен 61 объект, расположенный в Омской, Томской, Кемеровской, Новосибирской и Тюменской областях, а также в Алтайском крае). Рассматривая объекты по принципу их расположения, можно выделить две основные группы. Многие заводы-памятники находятся в самом центре крупных сибирских городов: это обусловлено как промышленным вектором развития старого города, так и тем, что со временем площадь центра увеличивалась, а город обрастал окраинами. Например, Омский пивоваренный завод, суконная и обувная фабрики находятся в пределах полутора километра от Тобольских ворот, центральной точки исторического Омска. Такое расположение в первую очередь вынуждает задумываться о реставрации и приспособлении, чтобы не допустить «слепого пятна» в центральной застройке. Кроме того, такие здания могут быть привлекательными для инвесторов: цена их сдачи высока. В этом случае необходим грамотный проект реставрации и приспособления, чтобы не нарушить эстетическую и историческую ценность памятника и не допустить, чтобы важные элементы были утрачены. В подобных зданиях могут располагаться магазины, музеи, офисы, галереи, выставочные центры и библиотеки.

Вторая группа объектов — это памятники, расположенные в небольших городах, поселках и селах относительно рядом с крупными городами (в Новосибирской области это, например, г. Каргат и Карасук, р.п. Сузун). В прошлом и позапрошлом веках такие населенные пункты быстро развивались, но теперь большинство старинных заводов заброшены, как, например, комплекс ликера-водочного завода в Змеиногорске (Алтайский край) и Петропавловский винокурный завод (Омская область). Сложность приспособления объектов в таких городах в том, что не всегда возможно привлечь заказчика проекта. Тем не менее, такие объекты можно использовать как гостиницы, музеи, санатории, дома отдыха или личные резиденции. Что касается Петропавловского винокурного завода, стоит упомянуть природную панораму вокруг него, которая очень живописна и может стать еще одним аргументом в пользу приспособления этого здания под рекреационные функции. В западных странах широкое распространение получила практика продажи таких зданий за символическую сумму тому, кто обязуется вложить деньги в ее реставрацию. Такое решение могло бы сработать и в малых российских городах. Кроме того, нередко такие здания находятся вблизи трассы до более крупного города, что также позволяет расположить там музей или гостиницу. Одна из проблем среды большинства малых российских городов — от-

сутствие символов или контекстной идеи, которые могли бы привлекать туристов или просто жителей. Памятники промышленной архитектуры хранят возможность стать такими символами, самым старым и красивым зданием города или поселка, доминантной его планировочной структуры, обеспечить ему рабочие места и хорошую репутацию.

Основной особенностью западно-сибирского региона в разрезе общего числа памятников промышленной архитектуры является большое количество хорошо сохранившихся водонапорных башен, иногда в комплексе с насосными станциями (например, насосная станция с двумя водонапорными башнями в г. Купино, насосная станция с водонапорной башней в г. Чулым, Новосибирская область). Классификация по объемно-пространственным характеристикам отделяет водонапорные башни от остальных видов зданий по их сравнительно небольшой площади. Их радиус обычно составляет от 4 до 12 метров, что не позволяет разместить там большинство функций, но оставляет возможность использовать башни как небольшие музеи, капсульные отели и смотровые площадки. В Европе существует практика размещения мини-отелей в недействующих маяках (Ulvesund Fyr, Норвегия, Corsewall, Шотландия), объемно-пространственные параметры которых схожи с параметрами сибирских водонапорных башен. Например, согласно чертежам проекта башни Новосибирского водопровода, диаметр башни составляет 8,6 м, а высота — 21,5 м, если не учитывать существующие перекрытия (ил. 1–2). Высота и расположение окон позволяют разделить объем перекрытиями на 6 этажей и получить площадь помещений около 353 квадратных метров (учитывая площадь лифта).

Практически все исторические промышленные здания имеют как большепролетные помещения с площадью больше ста квадратных метров и высотой 13 метров и выше, так и небольшие административные помещения. Помещения первой группы можно использовать как залы музеев, выставочные пространства, библиотеки, лекционные залы и коворкинг-пространства, помещения второй группы — как гардеробы, комнаты персонала, кабинеты администрации.

В процессе классификации всего было выявлено 22 фабрики или заводов (тяжелой и легкой промышленности), 4 электростанции, 6 водоподъемных зданий и 24 водонапорные башни, а также 5 комплексов складов. Каждое заводское помещение имеет свою специфику в объемно-пространственной организации, что на первый взгляд для приспособления для современного использования может показаться неудобным, но на самом деле позволяет создать неповторимое пространство, по-особому эстетичное и могущее стать настоящим центром притяжения людей благодаря своим планировочным особенностям.

Подавляющее большинство исследованных нами объектов выполнено из кирпича; часть водонапорных башен — с применением дерева, а более поздние фабрики и электростанции — с применением железобетонного каркаса (например, ТЭЦ №1 в Новосибирске). Увеличение пролета дает возможность создания многоуровневых пространств, выставочных, рекреационных и многофункциональных. «Для адаптации промышленных зон к современным условиям и благоприятной взаимосвязи их с окружающими

ми объектами в структуре городской среды выделяют следующие приемы:

- модификация — предполагает изменение формы, конфигурации или пропорций как всего объекта, так и его отдельных частей;
- замена — введение новых форм, конструкций, материалов и т. д. взамен старых;
- устранение или добавление — изменение количества форм, конструкций, функций с возможностью присоединения новых;
- сочетание — комбинирование идей, свойств, функциональных составляющих, элементов объекта между собой;
- инверсия — рассмотрение проблемы от противоположного с возможностью переверачивания» [Цитман, Богатырева, 2015, с. 31].

По стилистике можно выделить памятники кирпичного стиля и модерна (Омск, Барнаул, Тюмень, Томск) [Сведения...; Перечень...; Перечень...] Примечательны здания в стиле так называемого сибирского модерна, которые повлияли на архитектурный облик западно-сибирских городов (например, ансамбль бумажной фабрики Горохова в Томске). «Особенностью городской застройки Сибири <...> является сочетание как новых планировочных, архитектурных и других черт, так и сложившихся за несколько веков существования принципов, закономерностей и особенностей архитектуры и градостроительных традиций. Эта особенность повлияла и на характер зданий стиля модерн: в зависимости от ситуации, здания сибирского модерна либо помогали придать застройке современный городской характер или, наоборот, принимали черты традиционной сибирской архитектуры, несмотря на новаторский характер этот стиля и его европейское происхождение» [Груздева, 2011, с. 357]. Стоит выделить здание суконной фабрики Сибирского корпуса в Омске, построенное в 1822 г. — единственный пример классицизма в списке всех рассмотренных памятников и одно из самых старых подобных зданий (ил. 3).

Большинство же промышленных памятников Сибири относится к кирпичному стилю, который получил широкое распространение именно в провинции из-за относительной дешевизны нештукатуренного кирпича; сохранение и реставрация таких зданий важны еще и тем, что это поможет выявить своеобразие сибирской архитектуры.

Памятники промышленной архитектуры являются своеобразным резервом городской среды для ее развития, и их приспособление несет в себе большие возможности — повышение эстетических качеств городской среды, сохранение силуэта исторических городов Сибири, улучшение пешеходной доступности близлежащих территорий. Интеграция неиспользуемых промышленных объектов в общественную структуру города играет важную роль не только для эффективного использования территорий, но и для развития культуры, архитектуры и экономики города в целом. Объемно-планировочная организация заводов-памятников делает возможным их приспособление для широкого спектра функций — от индивидуального и массового жилья до абсолютно разных общественных и рекреационных функций, позволяя не задумываться о создании эстетически ценного пространства: эстетическая ценность уже заложена в существующем здании, и необходим только проект реставрации, учитывающий все особенности памятника.

Список литературы

1. Груздева Е.А. Здания стиля модерн в структуре сибирского города (Тюмень, Омск, Томск, Новониколаевск, Барнаул) // Региональные архитектурно-художественные школы. — 2015. — №1. — С. 357–362.
2. Перечень объектов культурного наследия Алтайского края. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://ukn22.ru/kulturnoe-nasledie/obekty-kulturnogo-naslediya/perechen-obektov-kulturnogo-naslediya/> (дата обращения: 28.03.2019).
3. Перечень объектов культурного наследия, расположенных в городе Тюмень. — [Электронный ресурс]. — URL: http://admtymen.ru/ogv_ru/society/culture/object2/cultur_tyumen.htm (дата обращения: 28.03.2019)
4. Сведения об объектах культурного наследия, расположенных на территории Томской области. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://heritage.tomsk.gov.ru/svedeniya-ob-obektah-kulturnogo-nasledija> (дата обращения: 28.03.2019)
5. Цитман Т.О., Богатырева А.В. Реновация промышленной территории в структуре городской среды // Инженерностроительный вестник Прикаспия: научно-технический журнал. — 2015. — №4 (14). — С. 29–35.

References

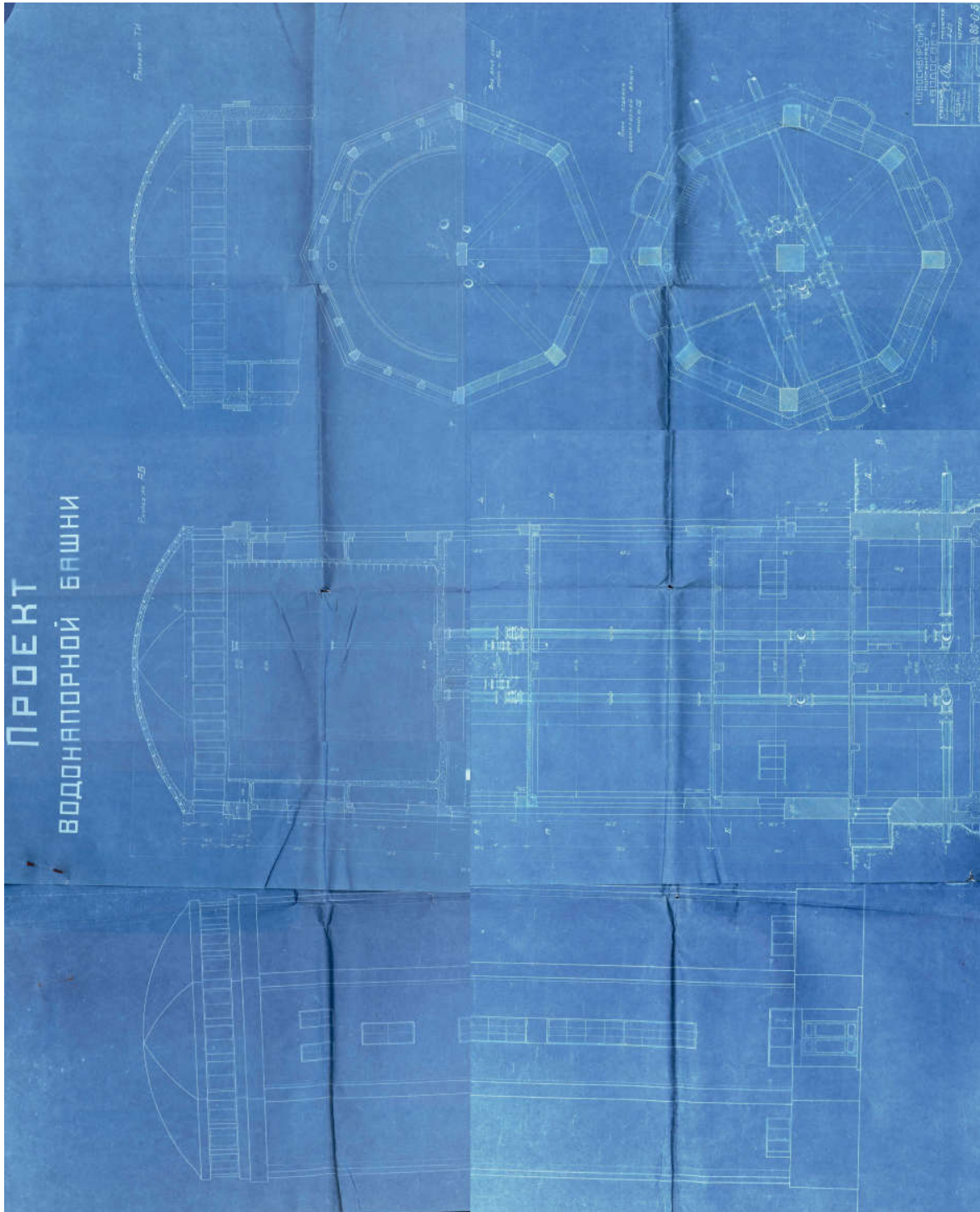
1. Gruzdeva E.A. Zdaniya stilya modern v strukture sibirskogo goroda (Tyumen', Omsk, Tomsk, Novonikolaevsk, Barnaul). In *Regional'nye arkhitekturno-khudozhestvennye shkoly*, 2015, No 1, pp. 357–362 (in Russ.).
2. Perechen' ob»ektov kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://ukn22.ru/kulturnoe-nasledie/obekty-kulturnogo-naslediya/perechen-obektov-kulturnogo-naslediya/> (data obrashcheniya: 28.03.2019). (in Russ.).
3. Perechen' ob»ektov kul'turnogo naslediya, raspolzhenykh v gorode Tyumen'. [Elektronnyi resurs]. URL: http://admtymen.ru/ogv_ru/society/culture/object2/cultur_tyumen.htm (data obrashcheniya: 28.03.2019) (in Russ.).
4. Svedeniya ob ob»ektakh kul'turnogo naslediya, raspolzhenykh na territorii Tomskoi oblasti. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://heritage.tomsk.gov.ru/svedeniya-ob-obektah-kulturnogo-nasledija> (data obrashcheniya: 28.03.2019) (in Russ.).
5. Tsitman T.O., Bogatyreva A.V. Renovatsiya promyshlennoi territorii v strukture gorodskoi sredy/ In *Inzhenernostroitel'nyi vestnik Prikaspiya: nauchno-tekhnicheskii zhurnal*, 2015, No 4 (14), pp. 29–35 (in Russ.).

Список источников

ГАО, Ф. Р-204. Оп. 3. Д. 58

Список сокращений

ГАО — Государственный архив Новосибирской области

Ил. 1. Проект водонапорной башни Новосибирского водопровода [ГАНО, Ф. Р-204. Оп. 3. Д. 58]

Ил. 2. Водонапорная башня Новосибирского водопровода, ул. Карла Либкнехта, 125, к. 1. Современное состояние. Снимок автора.

Ил. 3. Проект фасада главного здания суконной фабрики в г. Омске (<http://iaoo.ru/page87.html>)

И.П. Шавшина¹, В.Н. Чимитов²

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹shavshina.ngaha@yandex.ru; ²4imitov@mail.ru

**Старое и новое в городской среде
(на примере городских пейзажей из серии «Моя Москва» Н.Д. Грицюка)**

Аннотация

В статье анализируются городские пейзажи новосибирского художника Н.Д. Грицюка (1922–1976) из его серии «Моя Москва» (1964–1970), в которых городская среда рассматривается с точки зрения взаимодействия старого и нового. Выявлено, что художник осмысляет Москву через гармоничное единство памятников архитектуры и современных построек: древняя архитектура не изолирована, а включена в динамичную современную среду. Такое образное решение автор создает с помощью выразительных и пластических контрастных взаимодействий. Подход Грицюка к осмыслению города близок поискам архитекторов 1960–1970-х гг., стремящихся создать целостный и гармоничный облик города на основе контрастов, позволяющих памятникам архитектуры органично влиться в современную городскую среду.

Ключевые слова: городской пейзаж, городская среда, образ города, художественный метод, художественный язык

I.P. Shavshina¹, V.N. Chimitov²

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
¹shavshina.ngaha@yandex.ru; ²4imitov@mail.ru

**Old and new in an urban environment
(on the example of urban landscapes from the series "My Moscow" by N.D. Gritsiuk)**

Abstract

The article analyzes the cityscapes of the Novosibirsk artist N.D. Gritsiuk (1922–1976) from his series "My Moscow" (1964–1970). The urban environment in these landscapes is considered as interaction of the old and the new. It is revealed that the artist interprets Moscow through the harmonious unity of architectural monuments and modern buildings. In the landscapes of Gritsiuk, ancient architecture is not isolated, but included in a dynamic modern environment. The author creates such a figurative solution with the help of expressive and plastic contrasting interactions. Gritsiuk's approach to understanding the city is similar to the research of architects of the 1960s — 1970s. Architects also sought to create an integral and harmonious look of the city based on contrasts. These contrasts allowed architectural monuments to seamlessly integrate into the modern urban environment.

Key words: cityscapes, urban environment, image of the city, artistic method, artistic language

В 1960–1970-х гг. происходили интенсивные индустриальные и урбанизационные процессы, которые, в том числе, инициировали масштабное типовое строительство. При типовом архитектурно-градостроительном подходе застройщиками игнорировались вычурные и нестандартные памятники архитектурного наследия. Это приводило к необратимым изменениям в историческом облике городского пространства, в сложившейся среде поселений, а также к исчезновению «духа места». В этой связи у архитекторов и искусствоведов вполне обоснованно возникла «тревога за судьбу старых городов» и назрела необходимость во всеобъемлющем исследовании эстетической выразительности городской пространства и способов его создания [Борисова, 1973, с. 183]. Соотношение стандартного и уникального, нового и старого в городской среде стало ключевой проблемой, интересующей историков и теоретиков архитектуры.

Вопросы взаимодействия архитектурных памятников и современной городской застройки так же волновали и представителей художественной среды. «Старый город» и архитектурное наследие Древней Руси становятся излюбленным мотивом в городских пейзажах таких художников как В.Ю. Апфельбаум, И.В. Сорокин, Г.Ф. Захаров и др. Как правило, старина воспринимается ими «как неизбежность национального самосознания. К ней обращаются с мыслью воскресить традиции древнерусского искусства на новых основаниях, воспользоваться методом старых мастеров в создании одухотворенного образа, с желанием найти в великом прошлом народа непоколебимые эстетические и нравственные ценности» [Манин, 1973, с. 45–46].

Архитекторов и художников 1960–1970-х гг. одинаково интересует проблема сохранности архитектурного наследия и его взаимодействия с современной типовой застройкой. Взаимосвязь раз-

личных видов творческой и научной деятельности способствует решению многих фундаментальных вопросов. Поэтому методологической основой нашего исследования служит инструментарий, предложенный Т.П. Неклюдовой в своей диссертации, где она рассматривает городской пейзаж как отражение основных архитектурных тенденций 1950–1980-х гг. Ученый предлагает «увидеть одно искусство глазами другого, т.е. рассказать об архитектуре языком живописи. Такой подход позволит рассмотреть архитектуру не просто как вид искусства, а с позиций восприятия ее обществом. Ведь в сути своей архитектура представляет собой исторически сложившийся образ единства мира людей и предметов, определяется отношением человека к окружению» [Неклюдова, 1997, с. 3]. Нами допускается возможность выстраивания типологических параллелей и аналогий между развитием в 1960–1970-х гг. городского пейзажа в живописи и графике и советской архитектурной мысли.

В городских пейзажах новосибирского художника Н.Д. Грицюка образ города и городской среды представлен многогранно. Целью нашего исследования является выявление и анализ особенностей интерпретации Н.Д. Грицюком городской темы с точки зрения взаимодействия старого и нового на примере листов из его серии «Моя Москва» (1964–1970).

В московской серии образ современного города создается через взаимодействие архитектурных памятников с динамичной городской жизнью. Сам художник в одной из записок пишет: это — «мои представления о Москве как городе, с которым связана история России, отразившаяся в памятниках архитектуры, переплетающихся с современным ритмом жизни. Все вместе создало это своеобразие и красоту нашей столицы» [Николай Грицюк, 2007, с. 14]. Этот подход художника отчетливо проявился в акварелях «Москва» (1965), «Мост и храм» (1966), «Майский день» (1966) и др.

В листе «Москва» (1965) (ил. 1) изображен храм Василия Блаженного, который не изолирован от окружающего его урбанистического, типового ландшафта, а напротив, помещен в самую гущу современной городской жизни. У основания древнего архитектурного памятника мелькают движущиеся автомобили и мелкие, неотчетливо выписанные фигурки горожан и туристов, а позади него угадываются новые типовые здания и высотки. Грицюк в акварели широко использует приемы кинематографа, которые призваны еще более подчеркнуть современность и динамичность городского ландшафта. Так, художник изображает мотив с «подвижной» верхней точки зрения, фрагментарно выхватывая из городского пространства наклоненную в левую сторону Спасскую башню, шпиль которой обрезается верхним краем листа, и наклоненный в ту же сторону сам храм. Кинематографичность прослеживается и в отчетливой трехплановой композиции — за импровизированной кулисой (Спасская башня) зрителю постепенно открывается «архитектурный портрет» нарядного храма и затем панорамный вид современной Москвы с ее высотными зданиями.

В трактовке сюжета художник не использует буквальных тематических коллизий, не противопоставляет архаичное, средневековое многоцветное здание современной суете городских площадей и

стандартизированным, холодным, минималистичным зданиям, не стремится к усилению драматичности их столкновения. Напротив, нарядный, ажурный храм Василия Блаженного органично вливается в современные бурные городские процессы и является неотъемлемой их частью. «Облик храма не столько воскрешает седую, спокойную древность, сколько соотносится с нашим темпом жизни», — утверждает В.С. Манин [Манин, 1973, с. 46]. Здесь можно допустить и следующую интерпретацию созданного Грицюком образа: древний храм уподобляется нерушимому исполину, который неподвластен бурному потоку стремительной городской жизни, несущейся с большой скоростью мимо него. Такое образное решение взаимодействия старого и нового встречается и в других листах Грицюка, где оживленные улицы с автомобилями и людьми словно реки огибают старые сооружения и несутся куда-то вдаль (например, акварели «У Яузских ворот» (1966 г.), «У Солянки» (1966 г.) и др.).

В листе «Красная Москва» (1965 г.) (ил. 2) — очередной вариации на тему собора Василия Блаженного — художник и вовсе погружает весь город, его динамичное пространство в яркое многоцветное узорчье древнерусского храма. При этом насыщенное фольклорными мотивами и сказочными узорами пространство не лишается динамики, характерной для урбанистической среды. Динамика и экспрессия проявляются, например, в праздничном фольклорном колорите, составленном из контрастных друг другу и одновременно насыщенных красных и синих цветов. Такое колористическое решение объясняется тем, что художник во многом вдохновляется живописными находками народных умельцев, которые выстраивают свои удивительные гармоничные цветовые связи за счет умелого сочетания и соотношения ритмов большого и малого. Как и они, Грицюк не боится противопоставить и в то же время удачно сложить в единое гармоничное целое такие цвета, как холодный синий и теплый, почти горячий красный, вставляя их в дробные ритмичные мазки и ритмически выверенные пятна. Если говорить об особенностях художественного метода Грицюка, то можно утверждать, что он выстраивает свои художественные образы, основываясь не только на виртуозном сочетании контрастных по отношению друг к другу цветов, но и на других изобразительных компонентах, по природе своей так же противопологаемых друг другу. Это, например, наложение на бумагу мазков разной степени плотности и прозрачности (отношения прозрачного и плотного), сочетание различных фактур и штриховки (дробные, экспрессивные и сглаженные, почти прозрачные мазки), взаимодействие статичных и динамичных композиционных ритмов, и др. Все эти компоненты в умелых руках Грицюка непременно рожают гармоничную художественную и композиционную целостность образа.

«Красная Москва» — произведение собирательное, переработанное, что прослеживается и в авторском названии. Грицюк отказывается от конкретного названия архитектурного памятника (казалось бы, храм Василия Блаженного — главный герой его пейзажа) в пользу более обобщенного и символического и добавляет к слову «Москва» прилагательное, подчеркивая тем самым фольклорные коннотации. Это характеризует образ Москвы как города, тесно

связанного с народной культурой. Во многих последующих своих произведениях, в которых создается собирательный образ русского города (например, серия «Фантазии и интерпретации»), Грицюк вдохновляется, прежде всего, Москвой и осмысляет ее как город, наполненный фольклорной эстетикой, как город праздничный, как символ русского народа. И показывает столицу в ярких декоративных народных цветовых сочетаниях, соединяющих в себе как узорочье архитектурное, так и узорочье, характерное для народных промыслов. Так художником создается сказочная, фольклорная фантазия на городскую тему и складывается образ праздничной Москвы, среда в которой гармонично соединяет в себе как черты русской древности, так и черты современного города. Здесь праздничная древняя Москва берет вверх над урбанистической, индустриальной Москвой: фигурки горожан окрашиваются в яркое «дымковское» многоцветие, автомобили становятся игрушечными, почти живыми, а типовые постройки художник украшает разнообразными узорами и орнаментами, перекликающимися с декором древнерусских храмов и монастырей. При этом остается стремительность движения, подсказывающая зрителям, что речь идет все-таки о современном динамичном городе.

Другая составляющая образа Москвы представлена в работе «Московский мотив» (1965 г.) (ил. 3). Здесь художник изображает не видовое пространство города, а небольшой переулок с неприглядными коричневыми и темно-зелеными постройками. Выбранный художником мотив отличается суровостью и аскетичностью. Весь переулок затеняет большое здание, фрагмент которого изображен на переднем плане справа. К основанию этой высокой мрачной и холодной стены прижимаются прохожие. На дальнем плане изображена церковь, с разных сторон ее обступают статичные, уверенно стоящие на земле минималистичные, строгие здания. Церковь не противопоставляется разновысотным домам, она почти сливается с ними общим глухим, плотным терракотовым тоном. Темно-коричневые, темно-зеленые и бордовые оттенки и цвета объединяются в общий мрачный колорит сурового, аскетичного пейзажа, из которого выделяются только группы горожан — высветленные и представленные как подвижные, мерцающие яркие пятна, как поток современной городской жизни, и противопоставленные вечной, незыблемой суровой архитектуре. Безусловно, церковь представлена здесь органичной частью окружающего мрачного и неприглядного городского пространства. Вместе с тем художник подчеркивает и ее утонченность, легкую ажурность, изящество линий, придающих общему силуэту церкви почти антропоморфное, живое и непостоянное начало, что выделяет ее среди строгих геометрических зданий.

Привычные для Грицюка динамичность и стремительность здесь не нашли места. Художник создает, в первую очередь, образ суровой аскетичной Москвы, имеющей давнюю, многовековую историю. Это прослеживается в том, как Грицюк усиливает и подчеркивает общую статичность и незыблемость суровых зданий, представленных крепко и основательно стоящими на земле. Такое образное решение угадывается и в общем коричнево-бордовом колорите, а также в ярко проявившихся особенностях метода художника. Он мастерски владеет акварельной

и темперной техникой. Отсюда гармоничные сочетания прозрачных акварельных теплых слоев в осветленных частях зданий с плотными, почти глухими плоскостями в холодных тенях. Изображая небо, художник и вовсе использует принцип имприматуры: участок будущего неба он сначала покрывает прозрачной умброй, затем облака выделяет с помощью тамповки сухой кистью и губкой светлой охрой и сиреневой краской, и последним слоем добавляет холодную голубоватую легкую дымку. Тем самым, благодаря виртуозному владению многочисленными изобразительными и техническими приемами, бумага под кистью художника оживает, становится осязаемой, шершавой и фактурной и уподобляется монументальной фреске, что еще больше подчеркивает основную идею Грицюка: показать Москву древней и незыблемой, связанной непосредственно с историей России.

Монументальный, декоративный подход ярко проявился в акварели Грицюка «Москва» (1967) (ил. 4). Лист снова создан художником в суровых темно-коричневых, бордовых тонах на сравнительно большом формате, не привычном для графического произведения. Башня Кремля и церкви своей статичностью и строгим вертикальным положением в пространстве вторят мрачным бетонным зданиям — грозным и тесно связанным параллелепипедам. Пейзаж пронизан прямыми цветовыми блоками, сквозь которые проступают здания (здесь используется монтажный принцип построения композиции). Архитектурные сооружения в пейзаже художник изображает фронтально, расплывает их в уплощенном городском пространстве. Здесь отсутствует явное противопоставление старого и нового. Нет ажурности, кружев, тонких архитектурных узорчатых деталей. И старая, и новая архитектура представлены в бесспорном единстве. Это единство показано декоративно и монументально. Но каким образом? Художник использует широкий спектр изобразительных приемов: монотипия, многослойная акварельная живопись, тамповка. Такое пластическое и колористическое решение напоминает приемы, характерные для фрески. Бумага здесь словно стена древней церкви, словно расписанная штукатурка, выделяется своей шершавостью, фактурностью и тяжеловесностью. Монументальная декоративность проявляется и в блестящей оркестровке контрастными линейными ритмами: чередой прямых вертикальных линий, проступающих из-за свето-теневых переходов фронтально расположенных зданий, и ритмом дугообразных линий, символически показывающих беспокойное, тревожное небо.

В обобщенном, собирательном листе «Голубой город» (1965 г.) (ил. 5) Грицюк демонстрирует внимательное отношение к деталям, выверенное композиционное построение, а также мастерское владение различными живописными и графическими техниками. Здесь художник буквально расплывает и уплощает большое разнообразное городское пространство, разделяя его на две части (нижнюю и верхнюю, передний и дальний планы) и концентрирует внимание зрителя на наиболее важных деталях. На дальнем плане из всего сине-голубого динамичного городского пространства отчетливо выступает освещенная холодными лучами светлая розоватая и основательная в своей архитектонике церковь.

Она снова уподобляется незыблемому островку, живущему своей тихой и неподвижной жизнью среди городского потока. Городская среда, изображенная художником, динамична и стремительна. Такой образ создается благодаря темной полосе моста, который резко врезается по диагонали в груды больших и маленьких домов и отделяет их от пространства под мостом, решенного обобщенно большими небрежными плоскостями, окрашенными в многочисленные оттенки синего. Таким нетривиальным образом художник резко противопоставляет передний план пейзажа дальнему, принципиально разрушая законы линейной и воздушной перспективы. Усугубленная нематериальность действительности и нарушение незыблемых изобразительных законов и правил художник допускает, по всей видимости, для того, чтобы подчеркнуть символичность образа. Этот пейзаж отражает, прежде всего, личностное отношение автора, его настроение, а также самое главное — его размышления о городской теме. Художник запечатлел бурную современность, окрашенную в собирательный символический синий цвет и приукрашенную наивными народными узорами и орнаментами, берущими свое начало в древней истории России, в ее архитектуре и искусстве. Современная городская среда у Грицюка осмысливается неотделимой от древнерусской архитектуры. Художник пытается собрать эти два противоположных проявления городской среды воедино, но для этого, быть может, типовой холодной архитектуре необходимо окраситься в эти буйные орнаменты, вдохновленные как внешним убранством нарядного древнерусского храма, так и узорами и орнаментами народной игрушки.

В.С. Манин, анализируя московскую серию Грицюка, обращает внимание на то, что старина воспринимается им «не изолировано, не акцентируется в современном облике Москвы, а органично сливается с сегодняшним темпом жизни. Закономерно и целостно входит она своими памятниками в кругоборот действительности естественным неотделимым элементом» [Манин, 1973, с. 46]. Причем это органическое слияние старого и нового происходит у художника на основе многообразных образно-пластических решений тех или иных городских сюжетов и мотивов, суть которых заключается в постоянном их контрастном взаимодействии. Такая же позиция была близка и некоторым архитекторам 1960–1970-х гг., обеспокоенным проблемой сохранности архитектурного наследия. Так, известный историк архитектуры и искусствовед Е.А. Борисова допускает, что сочетание разновременных сооружений может рождать цельный, законченный образ города только в том случае, если архитекторы будут использовать «новые композиционные приемы, основанные в большинстве своем на контрасте, а не на слиянии, позволяющие памятникам архитектуры найти место в современном градостроительстве» [Борисова, 1973, с. 147]. Таким образом, найденные и обостренные Грицюком контрастные связи старой архитектуры и современных построек перекликаются с поисками архитекторов, направленными на создание целостного и гармоничного облика города.

По мнению В.С. Манина, у многих художников, посвятивших свои произведения теме русской старины, древнерусскому архитектурному наследию, как правило, сформировался и устоялся созерцательный

взгляд на старину [Манин, 1976, с. 46]. Грицюк же воспринимает древнюю архитектуру, органично соединенную со всем существом современного города, через ритм современной жизни и ее ускоренный темп. Точнее говоря, он исследует город не только с точки зрения его архитектуры, но и с точки зрения его среды, архитектурные памятники в его пейзажах становятся непосредственными участниками городской жизни, а сам художник выступает не сторонним наблюдателем, а непосредственным участником этого неустанного городского движения. Грицюк исследует город изнутри и старается выхватить наиболее точные ракурсы, ритмы и колорит интересующего его городского сюжета или мотива. Такой подход к исследованию и осмыслению города сближает художника с поисками архитекторов, его современников: И.А. Азизян, В.Л. Глазычева, А.В. Иконникова, К. Линча и др. Эти исследователи различают «натюрмортное», «ландшафтное» и подлинно средовое видение города, причем среда понимается ими как синтез предметно-пространственной ситуации и человеческих действий.

Таким образом, анализ взаимодействия старого и нового в городских пейзажах Грицюка показал, что он в своих произведениях создает гармоничное единство памятников архитектуры и современного города. В созданном им образе города древняя архитектура не изолирована, а включена в динамичную современную среду. Такое образное решение создается с помощью характерных для метода художника изобразительных приемов, по природе своей противопологаемых друг другу: виртуозное сочетание в колорите произведения контрастных цветов; наложение на бумагу мазков разной степени плотности и прозрачности, сочетание различных фактур и штриховки, гармоничное взаимодействие статичных и динамичных композиционных ритмов и др. Акцент на пластических приемах и средствах помогает художнику выработать оригинальную и яркую интерпретацию современного ему города.

Список литературы

1. Борисова Е. Памятники архитектуры и современный город // Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры. — М.: Советский художник, 1973. — С. 145–184.
2. Манин В.С. Николай Грицюк. — М.: Советский художник, 1973. — 144 с.
3. Москва глазами художников. — М.: Художник РСФСР, 1985. — 288 с.
4. Неклюдова Т.П. Городской пейзаж как отражение архитектурной культуры России в изобразительном искусстве 1950 — 1980-х годов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — М., 1997. — 28 с.
5. Николай Грицюк: каталог. — Т. 10. — Новосибирск: [б.и.], 2007. — 319 с.
6. Трушина Л.Е. Образ города и городской среды: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — СПб., 2000. — 20 с.

References

1. Borisova E. Pamjatniki arhitektury i sovremennyj gorod. In *Voprosy sovetskogo izobrazitel'nogo iskusstva i arhitektury*. Moscow: Sovetskij hudozhnik, 1973. pp.

145–184 (in Russ.)

2. Manin V.S. Nikolaj Gričuk. Moscow: Sovetskij hudožnik, 1973. 144 p. (in Russ.)

3. Moskva glazami hudožnikov. Moscow: Hudožnik RSFSR, 1985. 288 p. (in Russ.)

4. Nekljudova T.P. Gorodskoj pejzazh kak otrazhenie arhitekturnoj kul'tury Rossii v izobrazitel'nom

iskusstve 1950–1980-h godov: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedenija. Moscow, 1997. 28 p. (in Russ.)

5. Nikolaj Gričuk: katalog. Novosibirsk, 2007, Vol. 10. 319 p.

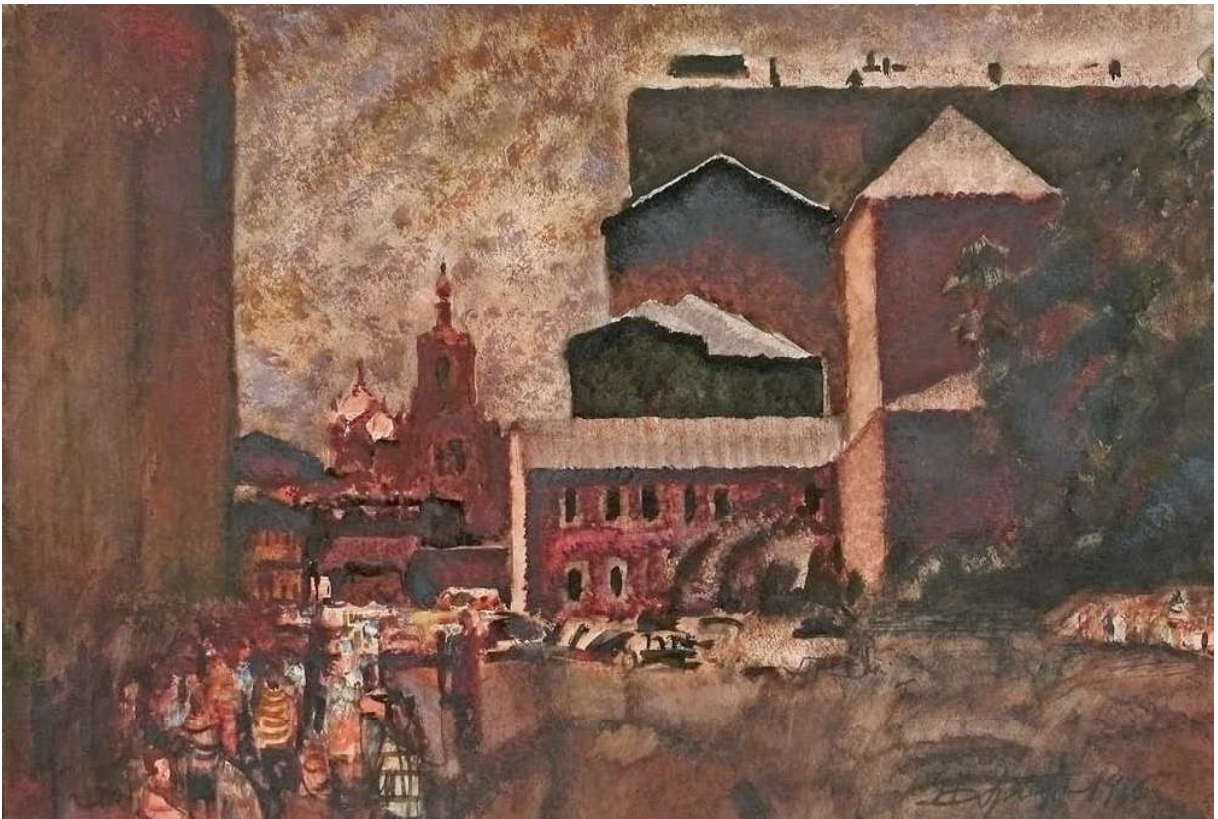
6. Trushina L.E. Obraz goroda i gorodskoj sredy: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. St. Petersburg, 2000. 20 p. (in Russ.)

Ил. 1. Москва. 1965 г. Бумага, акварель. 60*83,3 см. Новокузнецкий художественный музей

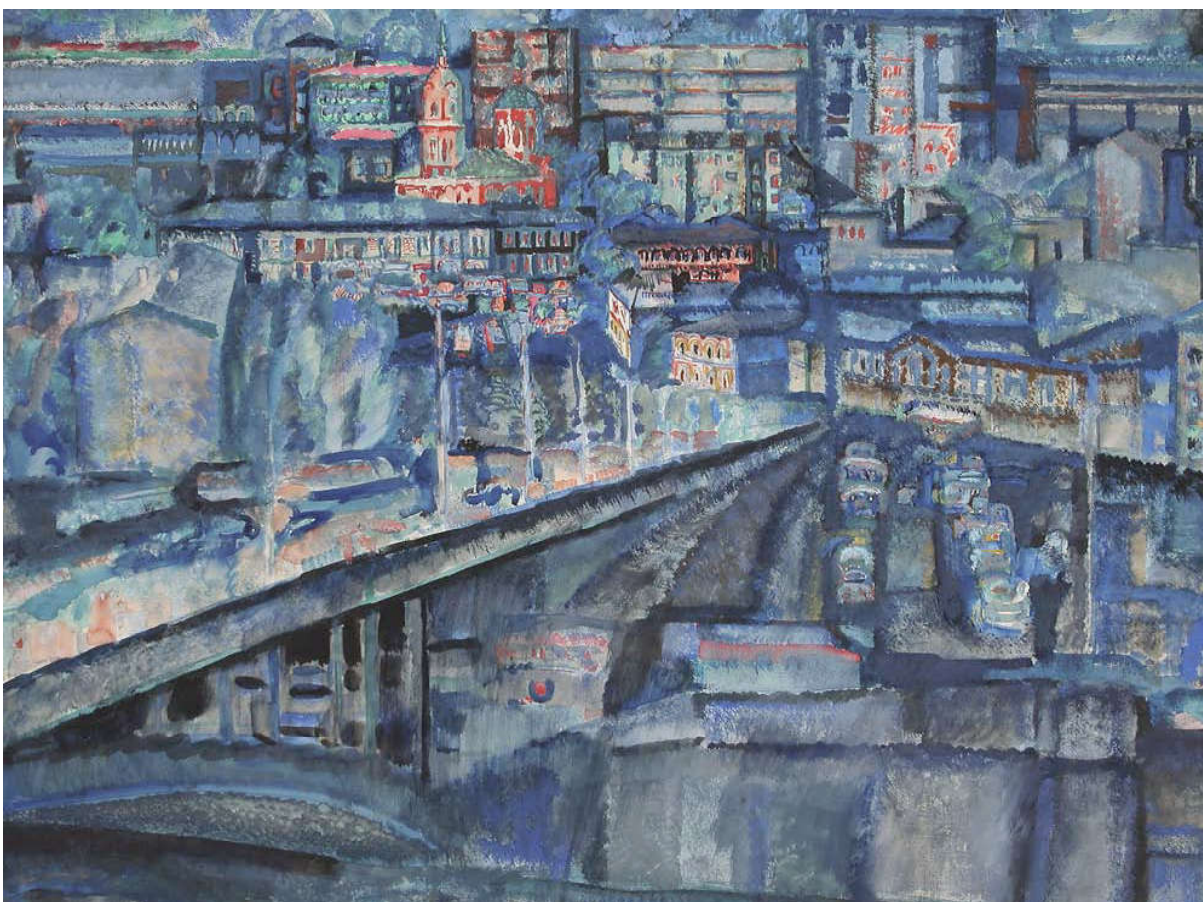
Ил. 2. Красная Москва. 1965 г. Бумага, акварель. 50,5*83 см.
Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля

Ил. 3. Московский мотив. 1965 г. Бумага, акварель. 43,4*61,7 см.
Новосибирский государственный художественный музей

Ил. 4. Москва. 1967 г. Бумага, акварель. 63*86,7 см. Новосибирский государственный художественный музей

Ил. 5. Голубой город. 1965 г. Бумага, акварель, темпера. 51,2*66,2 см. Новосибирский государственный художественный музей

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10078
УДК: 711.01/.09

Д.Н. Шалыгина¹, Г.П. Ерохин
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹dyudanova@yandex.ru

**Новейшая история пост-социалистического города: осмысление процессов
деиндустриализации и коммерциализации в конце XX — начале XXI века
(на примере Новосибирска)**

Аннотация

Конец XX в. был переходным периодом в социально-экономическом и политическом развитии государств Центральной и Восточной Европы, что способствовало трансформации пространственной структуры городов этого региона. Характерными тенденциями реструктуризации становятся интенсивная коммерциализация и деиндустриализация городского пространства, а также субурбанизация и социально-пространственная стратификация. Для пост-социалистических городов характерно наличие больших депрессивных промышленных территорий, которые нуждаются в реконструкции. Выявлен особый характер трансформации структуры торговли и обслуживания, выразившийся в стремительном росте предприятий торговли и обслуживания, в особенностях их размещения на разных этапах пост-социалистического развития. Очевидным для пост-социалистических городов становится усугубляющийся кризис транспортной инфраструктуры. В рамках данной работы анализируются пост-социалистические процессы реструктуризации пространства крупного российского города конца XX — начала XXI в. на примере г. Новосибирска.

Ключевые слова: пост-социалистический город, реструктуризация города, Новосибирск

D.N. Shalygina¹, G.P. Erohin
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
¹dyudanova@yandex.ru

**The newest history of the post-socialist city: comprehension the processes of deindustrialization
and commercialization in the end of the 20th — the early 21st centuries
(on the example of Novosibirsk)**

Abstract

The end of the 20th century was a transitional period in the socio-economic and political development of the countries of Central and Eastern Europe. That influenced the transformation of the cities spatial structure of this region. The characteristic trends of restructuring were intensive commercialization and de-industrialization of urban space, as well as suburbanization and socio-spatial stratification. Post-socialist cities are characterized by the presence of large depressed industrial territories that need reconstruction. The special character of the transformation of trade and services structures is revealed. It was expressed in the rapid quantitative growth of trade and service enterprises, in the features of their location at different stages of post-socialist evolution. An aggravating crisis in transport infrastructure is becoming apparent to post-socialist cities. The processes of post-socialist restructuring of a large Russian city space of the late 20th — early 21st century are analyzed on the example of Novosibirsk.

Keywords: post-socialist city, restructuring of the city, Novosibirsk

Социально-экономические и политические изменения, происходившие в государствах Центральной и Восточной Европы в конце XX в., вызвали значительные процессы реструктуризации городов этого региона. Со второй половины 1990-х гг. в литературе появляется множество публикаций, анализирующих влияние этих изменений на трансформацию города. В данных исследованиях сформулировано понятие «пост-социалистический город», который понимается как некий переходный период в городском развитии, которому присущи определенные характеристики [Borén, Gentile, 2007, с. 95]. Принципиальные характеристики пост-социалистического

города могут быть экстраполированы и на российские города [Stanilov, 2007, с. 6], поскольку масштабные социально-экономические и политические изменения распространялись стремительно на всем пост-советском пространстве в конце XX в. [Tsenkova, 2008, с. 291]. Наиболее заметные из них — рост третичного сектора экономики, с одной стороны, и сокращение роли государственного сектора — с другой. Первая тенденция в городском пространстве, в первую очередь, выразилась в количественном росте предприятий торговли и обслуживания, вторая — в спаде производства, появлении в структуре города депрессивных, неиспользуемых промышленных

территорий.

Деиндустриализация

До реформ конца XX в. промышленность была основой экономической системы и социалистическая собственность на средства производства была закреплена в Конституции СССР 1977 г. После принятия в 1987 г. постановления «О перестройке планирования и повышении роли Госплана СССР в новых условиях хозяйствования» малые и средние промышленные предприятия (а после 1991 г. и крупные предприятия) переводились на самоокупаемость и самофинансирование. В условиях социально-экономического кризиса многие из них оказались на грани банкротства из-за отсутствия рынков сбыта (в том числе, отсутствия оборонных заказов) и гарантированных цен на свою продукцию. В результате, большие промышленные территории превратились в заброшенные промышленные районы, требующие серьезных финансовых вложений для их реконструкции. В качестве примера можно привести одно из старейших предприятий Новосибирска — Новосибирский мясоконсервный комбинат (строительство начато в 1915 г.). Предприятие было акционировано в 1993 г., а в 2009 г. было продано компании «СПК». Частично производство на этой территории сохраняется, однако по состоянию на 2013 г. часть корпусов (скотобойня, котельная, консервный цех и пр.) находились в разрушенном или законсервированном состоянии. Крупной депрессивной территорией в структуре города сегодня можно назвать территорию новосибирского завода «Химпласт» на ул. Фабричной. Предприятие было эвакуировано из Московской области в 1941 г., в 2000-х гг. закрыто, корпуса брошены. В силу того что производство было вредным, территория нуждается в крупных вложениях для реконструкции и последующего использования.

С принятием в 1990 г. «Закона о собственности» предприятия приватизировались, территории начали сдавать в аренду под торговые и офисные помещения. Процесс этот проходил повсеместно на многих промышленных площадках города, часто меняя функциональное наполнение больших участков городской среды. Нами проанализирована территория т. н. «левого бережного промышленного ядра» (предприятия ПО «Сибсельмаш», Новосибирский завод им. Кузьмина, Новосибирский завод металлоконструкций, завод «Сибтескстильмаш» и др.). По состоянию на 2006 г. на территории располагались более 140 различных торговых и офисных компаний (автосалоны, автосервисы, торговые центры и т. д.), кроме того имеется несколько заброшенных и недостроенных цехов (сталеплавильный цех, очистные сооружения и пр.). На Красном проспекте, на территории Новосибирского электровакуумного завода с 1998 по 2012 г. размещался крупный Выставочный центр «Сибирская ярмарка» (была якорным арендатором 10-го корпуса).

С 2000-х гг., с укрупнением коммерческого строительства, на бывшей промышленной территории города размещаются крупные торговые центры. Например, промышленные территории в районе пл. Калинина (Новосибирский электровакуумный завод «Керамикс», Новосибирский приборостроительный завод, Новосибирский завод полупроводниковых приборов и др.) открыты ТЦ «Метро Кэш энд кэри»

(2009 г.), ТВК «Большая медведица» (2007 г.). В результате процесса встраивания коммерческих и обслуживающих организаций, меняется функциональное назначение отдельных улиц. Наиболее яркий пример — ул. Большевикская (завод «Труд», Новосибирский инструментальный завод, Новосибирский завод «Станкосиб», деревообрабатывающее предприятие «Большевик»). С 2000-х гг. здесь открываются автосервисы, торговые и транспортные предприятия, торговые центры, начато строительство жилых и офисных комплексов.

В 2000-х гг. с постепенным выходом из экономического кризиса возникает вопрос о переносе промышленных предприятий, ранее расположенных в центральной части города на окраины. Например, Новосибирский жировой комбинат, открытый в 1918 г. С 2010-х гг. начинается перенос производства в район промышленной зоны на Толмачевском шоссе. На его месте запланировано строительство нового жилого комплекса.

Помимо появления в структуре города депрессивных, неиспользуемых промышленных площадей, кризис промышленного производства отразился на состоянии учреждений и территорий, находившиеся на балансе промышленных предприятий. Сюда относятся дома культуры, поликлиники, детские сады и пр. Сегодня многие из них нуждаются в реконструкции, являются ценными для истории города, обладают ценной самобытной архитектурой, уникальными планировочными решениями.

Коммерциализация

Параллельно и во взаимосвязи с процессом деиндустриализации российских городов осуществлялась их стремительная коммерциализация. В Новосибирске, согласно статистическим данным, темп коммерциализации был на высоком уровне (к примеру, количество предприятий бытового обслуживания выросло более чем в 3 раза — с 457 в 1992 г. до 1557 в 2003 г.). Применительно к характеру коммерциализации 1990-х гг. используется термин «мелкозернистая коммерциализация», поскольку розничные торговые предприятия имели мелкий масштаб и с высокой скоростью, зачастую бессистемно и хаотично, появлялись на карте городов. На начальном этапе коммерциализации они концентрировались в основном в центральных частях городов, на главных городских улицах, из-за хорошей доступности общественным транспортом этих территорий [Hirt, 2013, с. 234]. Торговые точки и офисы возникали в переоборудованных нижних этажах и подвалах жилых домов. Появилось значительное количество киосков, функционирующих как розничные точки, и эта форма розничной торговли стала одной из самых распространенных в рассматриваемый период [Trambull, 2012, с. 375].

Распространенной формой торговли в 1990-х гг. стала торговля на рынках. Самый известный — Гусинобродский рынок, образованный в 1970-х гг. и значительно выросший в 1990-е, — стал в это время структурообразующим для торговой сети всего Западно-Сибирского региона. Крупный стихийный рынок появился на пл. К. Маркса, в 1994 г. для него составлялся проект планировки, однако предложение не было принято, и территория впоследствии была хаотично застроена без единой концепции развития. Кроме того, существовало множество мелких рынков

в структуре жилых районов города.

Вследствие роста коммерциализации в центре города вырос спрос на коммерческие площади и часто под объекты торговли и обслуживания реконструировались исторические здания. Нередко при этом утрачивались уникальные конструктивные особенности, терялись и искажались планировочные особенности. И в 1990-е гг. это не было связано с отсутствием законодательства об охране исторических памятников. В СССР, а затем и в России действовал Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры», который запрещал снос зданий и серьезные изменения. Проблема 1990-х гг. была не в отсутствии законов о сохранении памятников, а в отсутствии их реализации [Hirt, Stanilov, 2009, с. 76]. Если говорить о внедрении новых функций в исторические здания, не включенные в реестры, здесь право реконструкции полностью оставалось за собственником.

Таким образом, в 1990-х гг. коммерческое строительство имело относительно мелкий масштаб (киоски, реконструированные нижние этажи зданий и т.д.), располагалось в центральных частях жилых районов и существовало, в основном, в рамках теневой экономики, так как было следствием стратегии выживания населения, с одной стороны, и спросом на недорогие товары, с другой. С начала 2000-х гг. происходит укрупнение коммерческого строительства, распространение сетевых магазинов, появление крупных супермаркетов и гипермаркетов.

Кризис строительного сектора

Характерной чертой пост-социалистических городских пейзажей были так называемые «долгострои» — термин, появившийся в 1990-х гг. и обозначавший незавершенное строительство, которое возникло вследствие существенного сокращения вложений средств в этот сектор экономики. Было приостановлено проектирование 30 и строительство 15 объектов (например, МЖК «Афганец», ЖСК «Алмаз», «Вега» и др.) [История города..., 2006, с. 75]. В Новосибирске в жилищном строительстве объемы ввода нового жилья снизились с 1986–1990 гг. по 2000 г. более чем в два раза [Основные показатели..., 1991, с. 122].

Если в первой половине 1990-х гг. в строительном секторе еще продолжалось движение «по инерции», то во второй половине десятилетия продолжилось снижение инвестиций в строительство и строить могли только крупные инвесторы. Таким образом, строительство велось преимущественно на главных городских магистралях (Вокзальная магистраль, проспект Димитрова, ул. Сибревкома, ул. Серебрянниковская, Щетинкина, Народная, Фрунзе). Объемы жилищного строительства в Новосибирске снижались до 2001 г. и первое увеличение наблюдалось только в 2002 г. [История города..., 2006, с. 88].

Изменение в жилищном строительстве

Новое жилищное строительство, особенно в центральной части города, было ориентировано на население с высоким уровнем доходов, и доступность нового жилья для жителей с низкими доходами значительно снизилась. С 2000-х гг. В пост-социалистических городах возникает новая тенденция, обозначенная в литературе как «социально-пространственная стратификация» — процесс возникновения нового элитного жилья рядом

с неблагоустроенными районами. Развитие в пространственной близости участков «богатства и бедности» характерно именно для переходных пост-социалистических обществ.

Субурбанизация является также характерным явлением для пост-социалистических городов [Sailer-Fliege, 1999, с. 14]. Самым важным фактором ее развития стала приватизация земли (1991 г. — «Закон о приватизации жилищного фонда в РСФСР»; с 2001 г. стала возможна приватизация земельных участков на основании Земельного Кодекса). И в Новосибирске тенденции субурбанизации стремительно развиваются в 2000-х гг., с постепенным выходом из экономического кризиса. В границах города и за его пределами появляются новые коттеджные поселки и малоэтажные жилые комплексы.

Улично-дорожная сеть

Острейшей проблемой пост-социалистического города стало значительное увеличение заторов на городских магистралях. Быстрый рост автомобильного движения в центре города вызван взаимным сочетанием нескольких факторов, включая общий рост автомобилизации, сдвиг по видам транспорта в пользу личного использования в сравнении с общественным транспортом и коммерциализацию центра города, так как коммерческая недвижимость приносит больше людей и машин, чем такое же количество жилых помещений [Сукога, 1999, с. 85]. Кроме того, в условиях социально-экономического кризиса в России строительство улично-дорожной сети запаздывало и велось фрагментарно (в 1990-е гг. — ул. Ипподромская, Гусинобродское шоссе, дорога от ул. Петухова до ул. Ватутина). В сумме перечисленные факторы вызвали значительное усугубление заторов на городских магистралях.

Новосибирск, в силу своих размеров, истории, пространственного положения имел особый характер пост-социалистического развития. Прежде всего, он проявился в стремительном (по сравнению с другими регионами) росте количества предприятий торговли и обслуживания, что в целом позволило городу пройти через кризисные явления 1990-х гг., сохранив статус крупнейшего торгового, делового, культурного, промышленного, транспортного, образовательного и научного центра Сибири. Предпосылки пространственного развития города позволяют сделать предположения относительно будущего развития структуры общественных пространств и структуры промышленных предприятий в сторону их усложнения, реструктуризации. В жилищном строительстве можно сделать предположения относительно дальнейшего усиления социально-пространственной стратификации и жилищной субурбанизации, что характерно для других стран переходного периода. Однако, независимо от конкретного пути дальнейшего развития города, сегодня необходимо искать решения насущных проблем реконструкции существующих депрессивных промышленных территорий в структуре города, проблемы совершенствования облика города, сохранения исторического наследия в новых социально-экономических условиях.

Список литературы

1. История города. Новониколаевск — Новосибирск. Исторические очерки: в 2-х томах. — Ново-

сибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2006. — Т. 2. — 633 с.

2. Основные показатели экономического и социального развития Новосибирской области за 1985–1990 годы. Статистический сборник (перечень №56). — Новосибирск: [б. и.], 1991. — 218 с.

3. Borén T., Gentile M. Metropolitan Processes in Post-Communist States: an Introduction // *Geografiska Annaler. Series B. Human Geography*. — 2007. — No. 89. — Pp. 95–110.

4. Hirt S. Whatever happened to the (post)socialist city? // *Cities*. — 2013. — No. 32. — Pp. 29–38.

5. Hirt S., Stanilov K. Twenty Years of Transition: The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union, 1989–2009 // *Human Settlements. Global Dialogue Series*. — 2009. — No. 5. — Pp. 1–146.

6. Sailer-Fliege Ul. Characteristics of post-socialist urban transformation in East Central Europe // *GeoJournal*. — 1999. — No. 49. — Pp. 7–16.

7. Stanilov K. Taking stock of post-socialist urban development: A recapitulation // *The Post-Socialist City*. — Springer, 2007. — Pp. 3–17.

8. Sykora L. Changes in the internal spatial structure of post-communist Prague // *GeoJournal*. — 1999. — No. 49. — Pp. 79–89.

9. Trambull N. Redevelopment and conservation in the built fabric of post-socialist St. Petersburg // *Urban Geography*. — 2012. — No. 33. — Pp. 370–400.

10. Tsenkova S. Managing change: the comeback of post-socialist cities // *Urban Research & Practice*. — No. 3. — 2008. — Pp. 1–18.

References

1. Borén T., Gentile M. Metropolitan Processes in Post-Communist States: an Introduction. *Geografiska Annaler. Series B. Human Geography*, 2007, No. 89, pp. 95–110.

2. Istorija goroda. Novonikolaevsk – Novosibirsk. Istoricheskie ocherki. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2006, Vol. 2, 633 p. (in Russ.)

3. Osnovnye pokazateli ekonomicheskogo i social'nogo razvitiya Novosibirskoj oblasti za 1985–1990 gody. Statisticheskij sbornik (perechen' No 56). Novosibirsk, 1991, 218 p. (in Russ.)

4. Hirt S. Whatever happened to the (post) socialist city? *Cities*, 2013, No. 32, pp. 29–38.

5. Hirt S., Stanilov K. Twenty Years of Transition: The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union, 1989–2009. *Human Settlements. Global Dialogue Series*, 2009, No. 5, pp. 1–146.

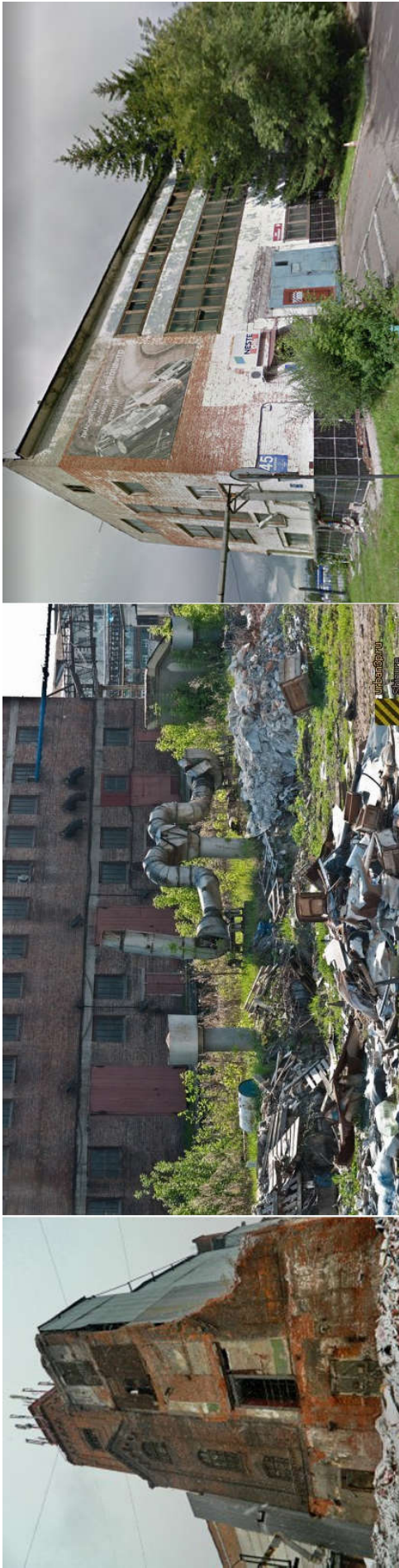
6. Sailer-Fliege Ul. Characteristics of post-socialist urban transformation in East Central Europe. *GeoJournal*, 1999, No. 49, pp. 7–16.

7. Stanilov K. Taking stock of post-socialist urban development: A recapitulation.. In *The Post-Socialist City*. Springer, 2007, pp. 3–17.

8. Sykora L. Changes in the internal spatial structure of post-communist Prague. *GeoJournal*, 1999, No. 49, pp. 79–89.

9. Trambull N. Redevelopment and conservation in the built fabric of post-socialist St. Petersburg. *Urban Geography*, 2012, No. 33. pp. 370–400.

10. Tsenkova S. Managing change: the comeback of post-socialist cities. *Urban Research & Practice*, 2008, No. 3, pp. 1–18.

Илл. 1: а — Новосибирский мясоконсервный комбинат (<https://urban3p.ru/object16442>); б — Новосибирский завод «Химпласт» (<https://urban3p.ru/object14170>); в — бывший корпус Новосибирского электровакуумного завода (Google Maps)

Илл. 2: а — ул. Большевикская в 2010-х гг. (<https://www.google.com/maps/>); б — ул. Станционная в 2010-х гг. (Google Maps); в — корпус бывшего Новосибирского электровакуумного завода — МВЦ «Сибирская ярмарка» (Wikimapia)

Ил. 3: а — Красный проспект, 2010 г. (снимок Д.Н. Шалыгиной); б — киоски в Новосибирске (<https://info.sibnet.ru/article/524308/>)

Ил. 4: а — Площадь К. Маркса в 1990-е гг. (снимок Е. Иванова); б — Гусинобродский рынок (<http://liveblogger.ru/photo-novosibirsk-nskprom/gusinobrodsky-rynok-novosibirska.html>)

Ил. 5: а — ул. Пролетарская; б — коттеджный поселок «Заречный» (Google Maps)

История зодчества Сибири и сопредельных территорий
с древнейших времен до Нового времени

The history of Architecture of Siberia and Neighboring Areas
From the Ancient Times Till the Modern Age

И.В. Балюнов
Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (Тобольск)
balyunoff@mail.ru

Археологические материалы для реконструкции тобольской городской усадьбы XVII–XVIII веков

Аннотация

Городская усадьба (или двор) является основной единицей, формирующей планировочную структуру города Тобольска в XVII–XVIII вв. Существующие исторические источники лишь отчасти позволяют выполнить реконструкцию усадебного комплекса. В настоящее время в археологических материалах города нет ни одного полностью исследованного двора, но представлены многочисленные фрагменты, которые можно попробовать объединить и сопоставить с данными других памятников Западной Сибири. В настоящей публикации сделан обзор результатов раскопок, и на их основе дана краткая характеристика основных элементов городской усадьбы Тобольска XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: усадьба; жилище; XVII–XVIII вв.; ограда; печь; постройка; археология

I.V. Balunov
Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve (Tobolsk)
balyunoff@mail.ru

Archaeological materials for the reconstruction of Tobolsk town mansion of the 17th–18th centuries

Abstract

The town mansion (or courtyard) was the main unit which formed planning structure of the town of Tobolsk in the 17th–18th centuries. Existing historical sources only partially allow the reconstruction of the mansion complex. Currently, there is not a single fully explored yard in the archaeological materials of the town, but there are numerous fragments that can be combined and compared with the data of other monuments of the Western Siberia. The article deals with the results of excavations and gives a brief description of the main elements of the town mansion of Tobolsk of the 17th–18th centuries.

Key words: manor house; dwelling; the 17th–18th centuries; fence; furnace; construction; archeology

В научной литературе уже неоднократно отмечалось, что отсутствие самих памятников деревянного зодчества и подробных свидетельств письменных и картографических источников XVII–XVIII вв. заставляет исследователей все больше и больше обращаться к археологическим материалам, которые позволяют получить значительную по объему информацию об облике «деревянных» городов и острогов Западной Сибири. Это касается как военно-оборонительных сооружений, так жилых и хозяйственных построек. При раскопках, как правило, выявляется самый «нижний контур», а верх «дорисовывается» уже с привлечением письменных, картографических, редких изобразительных источников и этнографических параллелей [Визгалов, Пархимович, 2017, с. 27]. В названных территориальных и хронологических рамках значительный опыт в этом направлении был получен в результате исследований Казымского и Умревинского острогов, городов Тары, Томска [Черная, 2015], Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2017].

Касаемо города Тобольска, можно отметить, что здесь были последовательно сначала изучены и

позднее реконструированы два такие объекта как Пороховой (Зелёный) погреб и участок крепостной острожной стены с башней. Названные объекты являются нерядовыми, они имели особый статус и значение в структуре городской планировки и по этой причине не могут служить для представления основной застройки города. Как аксиому стоит принять, что многократно повторяющейся ячейкой, создающей структуру русского сибирского города, является «усадьба» (или «двор», как синоним в широком смысле слова) [Черная, 2015, с. 14]. Это отчасти справедливо и для современного Тобольска, когда микрорайоны с многоквартирными домами перемежаются с кварталами частного строительства, где в несколько рядов чередуются огороженные участки, включающие в себя как жилые постройкой, так и хозяйственные помещения и огороды. В реалиях XVII–XVIII вв. при отсутствии земельной тесноты и относительной доступности строительного материала каждый хозяин стремился обзавестись своим пространством.

На основе археологических материалов была проделана работа по изучению деревообработки в

городе Тобольске, где, в том числе, представлены инструментарий и строительные принадлежности [Балюнов, 2015а], но вместе с тем, по целому ряду причин, создать реконструкцию городской усадьбы прошедших столетий не так уж и просто. Наиболее перспективные участки культурного слоя (это собственно та территория, где начинался город), находятся в местах, испытавших многократную застройку и перепланировку; не пустуют они и сегодня. Археологические исследования, как правило, осуществлялись как спасательные раскопки ограниченными площадями. Не всегда имелась возможность расчистить выявленные объекты полностью, многие из них были разрушены поздними перекопами. Плохая сохранность построек объясняется еще целым рядом причин, а именно отсутствием фундаментов, плохой сохранностью дерева и последующей интенсивной строительной деятельностью. Еще одной причиной, определяющей такую ситуацию, являлись частые пожары XVII в.: например, в 1643, 1677, 1680 гг. и др. деревянный Тобольск выгорал практически полностью [Балюнов, 2015а, с. 213]. Все это обуславливает ситуацию, когда в настоящее время в археологических материалах города нет ни одного полностью исследованного усадебного комплекса, но представлены многочисленные фрагменты, которые можно попробовать объединить и сопоставить с данными других памятников Западной Сибири.

В 2000 г. под руководством А.А. Адамова состоялись одни из первых археологических исследований на территории Архирейского двора Тобольского кремля. На месте предполагаемого строительства новой иконной лавки был заложен раскоп около 200 кв. м., где кроме многочисленных каменных фундаментов конца XVII–XIX вв. были изучены остатки полуземляночной постройки XVII в. Она представляла собой подпрямоугольную в плане яму (2,9×3,7 м), где находился деревянный сруб (2,18×2,6 м), поставленный на настил из жердей. В заполнении постройки найдено несколько фрагментов керамики и костей животных. По предварительному определению, сделанному А.А. Адамовым, выявленный объект являлся хозяйственной постройкой, служившей для содержания мелкого скота [Балюнов, 2015б, с. 69–70].

В 2004 г. проводились исследования на территории Тобольского музея-заповедника, в ходе которых были выявлены фрагменты сооружений — остатки погребов и полуземляночных котлованов, каменных построек. Особого внимания заслуживает находка погребца, имеющего деревянные, сильно обугленные стены, размером (2,3×2,22) м, в заполнении которого обнаружено большое количество печных изразцов XVIII в. и других предметов хозяйственно-бытового назначения (изделия из стекла и фарфора, фрагменты керамики, дверные навесы, наперсток, шпора, таганок и пр.). Эти обстоятельства позволяют считать, что погреб находился под жилым домом, который пострадал во время очередного пожара [Адамов, и др., 2008, с. 62].

В 2005 г. были проведены археологические исследования на территории Воеводского двора Тобольского Кремля на месте строительства епархиального общежития на 400 мест. Здесь было обнаружено сразу несколько объектов, которые дают дополнительную информацию о домостроительстве XVII в.

Один из объектов представляет собой яму подпрямоугольной (300×266 см) формы с округлыми краями. В основном заполнении была зафиксирована достаточно мощная линза (до 28 см), состоящая из желтого суглинка, мешанного с кирпичной крошкой. Насколько можно судить, такой слой образуется на месте разрушения глинобитной печи. В заполнении найдено несколько обувных подковок, костяные гребень и шахматная фигурка, несколько бусин, обломки и развал гончарной посуды, фрагменты ножей и пр. Наличие печи и большое количество индивидуальных находок позволяет сделать предложение, что выявленный объект является либо жилой полуземляночкой, либо остатками подпола жилой постройки XVII в. [Адамов, 2005, с. 4].

В соседних квадратах был частично изучены остатки деревянного сруба. Его бревна имели плохую сохранность, кроме того, значительный участок объекта был разрушен фундаментом каменного здания, к которому примыкает одна из стенок раскопа. Известная сторона сруба имеет длину 405 см. Внутри него выявлены остатки еще одного бревна, которое, возможно, являлось балкой, делившей жилище на две неравные части. К северу от сруба обнаружено еще несколько деревянных деталей — остатки бревен и столбиков. Эти детали, вероятно, образуют некую конструкцию, внутри которой исследована яма (диаметром около 140 см, глубина 70 см от уровня материка), являющаяся, очевидно, остатками погребца. К этому комплексу относятся находки обувных подковок, бусин, фрагментов керамики, обломок ручного жернова и фрагмент железной сковороды. Можно предполагать, что обнаруженный сруб являлся жилым помещением XVII в., рядом с которым стоял хозяйственный пристрой [Адамов, 2005, с. 7–10].

В 2006 г. А. А. Адамов произвел раскопки на улице Семена Ремезова рядом со зданием Духовного училища, в рамках проводимой дорожниками реконструкции дорожного полотна. В раскопе площадью в 153 кв. м. были выявлены деревянные сооружения, которые образуют собой единый комплекс — усадьбу XVIII в.: остатки рубленого жилого помещения (известны размеры только одной стены — 590 см), остатки ограды, остатки мостовой улицы. Кроме того, собран массовый материал, относящийся, преимущественно, к концу XVII–XVIII вв.: костяные расчески, берестяные туеса, фарфоровые и стеклянные изделия, фрагменты керамики [Данилов, 2010, с. 79–83].

В 2007 г. под руководством И.В. Балюнова были проведены археологические исследования (два раскопа и шурф общей площадью 153 кв. м) в Тобольском Кремле. Раскоп 1 находится возле северной границы Воеводского двора, раскоп 2 — на его территории. В раскопе 1 были полностью изучены остатки небольшой срубной постройки (3,6×3,6 м), в одном из углов которой хорошо фиксировалось основание глинобитной печи. Рядом с объектом были расчищены деревянные столбики, вкопанные вертикально — может быть, это остатки ограды или фрагмент стены хозяйственного сооружения — и другие примыкающие к ним деревянные детали, не вошедшие в исследуемую площадь целиком (возможно, углы срубов). Возле одной из стен жилища обнаружено скопление закопченного кирпича, возможно

остатки летней печи, стоявшей на подворье [Черная, 2015, с. 28]. Археологические находки (обувные подковки, несколько развалов керамических сосудов, множество фрагментов керамики, наконечник, пальмы, шарнирные ножницы, нож и пр.) позволяют датировать выявленный комплекс концом XVII–XVIII вв. [Балюнов, 2014, с. 53–54].

В раскопе 2 был выявлен углубленный в материковый суглинок погреб жилого дома, датированный по полученному материалу XVII в. Сохранились две стенки погребца, сложенные из трех венцов сильно обугленных жердей. В заполнении выявлен развал кирпичной печи мощностью до 20 см, обрушившейся внутрь при пожаре. Печь стояла на глиняном опечке с деревянной опалубкой — сохранились куски окарины со следами от кирпича и волокнами досок. Под нижним слоем угля выявлены сильно обугленные две доски, видимо остатки пола погребца. В заполнении погребца найдены четыре железные обувные подковки, скопление белого бисера, свинцовая пуля с необрезанным краем, обломок медного нательного креста, синяя бусина, серебряная монета — «чешуйка», одна костяная шахматная фигурка [Балюнов, 2007, с. 24–25].

В 2007–2008 гг. тюменские археологи производили достаточно масштабные (более 700 кв. м.) археологические исследования на участке, расположенном к северу от Гостиного двора. Здесь были выявлены остатки 24 разновременных сооружений жилого, хозяйственного и производственного назначения. Значительная часть из них представляют собой котлованы, впущенные в материк, деревянные детали были обнаружены лишь в единичном случае. По мнению автора, они являются погребями хозяйственного назначения и могут быть датированы XVII в. Многие деревянные конструкции имеют плохую сохранность и частично разрушены. Особого внимания заслуживают постройки 8 и 11, расположенные в котлованах на одной линии и объединенные общими деталями, что позволяет определять их как единый жилищно-хозяйственный комплекс. Объект 15 состоит из двух частей — жилой и хозяйственной (видимо, сени). В жилой части изучены остатки пола, печи из слабообожженных кирпичей и подполье, котлован которого в верхней части был обшит досками. Отдельные постройки 6 и 7 представляют собой срубы, поставленные в котлованы, внутри них сохранились остатки полов, в одном случае развал кирпичной печи [Аношко, 2014, с. 139–140].

Можно констатировать, что в период 2000–2007 гг. ни разу не был исследован полностью единый комплекс городской усадьбы. С другой стороны, существует возможность выполнить примерную реконструкцию на основе найденных фрагментов. Как минимум несколько раз раскопками в 2006 и 2007 г. были исследованы достаточно крупные участки именно усадебных комплексов, которые с некоторыми оговорками можно назвать рядовыми. Воеводский и Архирейский дворы Тобольского кремля являлись резиденцией местных администраторов, с большим количеством разнообразных построек, внушительной территорией и множеством жильцов, но при этом они также относятся к категории провинциальной городской усадьбы, хотя имеют свои особенности. Названные дворы можно представить, благодаря сохранившимся рисункам С.У. Ремезова,

которые являются неплохим сравнительным материалом.

Основой для рядовой городской усадьбы является жилая постройка. Известные по раскопкам срубы, сравнительно небольшие по размеру, в плане имеют почти квадратную форму — около 4×4 м. Жилища большего размера являлись скорее исключением, чем правилом. Фундаменты как таковые при строительстве не использовались, нижний венец ставился часто прямо на землю, в единственном случае зафиксировано использование лежней, которые были помещены под углы сруба. Примеры, когда при сооружении построек выкапывался котлован, стоит отметить особо. Строительство жилых полуземлянок в Тобольске вызывает определенные сомнения, при этом есть основания предполагать, что дома ставились на подклетах, заглубленных в землю на несколько венцов [Черная, 2015, с. 59]. Следует отметить, что ниже культурного слоя находится материк, представленный слоем плотного желтого суглинка, который является прочным основанием, но требует выравнивания. Подклет, заглубленный на несколько венцов в материк, частично компенсирует отсутствие фундамента, дополняет хозяйственные площади и приподнимает жилое пространство выше уровня земли. Этот же признак в совокупности с небольшими размерами срубов позволяет утверждать, что двухэтажное строительство не имело широкого распространения. Скромные размеры жилища, вероятно, компенсировались пристройками, которые исполняли хозяйственную функцию. Пол имел деревянное покрытие, о чем, кроме находок самих досок, свидетельствуют остатки погребов, находящихся под жилищами. Для освещения помещения в дневное время служили слюдяные оконницы. Фрагменты слюды с металлическими пластинами являются достаточно частой находкой в культурном слое этого времени.

На протяжении всего XVII в. и какой-то период XVIII столетия для обогрева жилища использовались, преимущественно, глинобитные печи. Похожие объекты известны, например, по раскопкам Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2017, с. 342]. Одной из причин такой ситуации является то, что каменное строительство в Западной Сибири началось на рубеже XVII и XVIII веков, но и позднее кирпич являлся дорогостоящим материалом. В двух случаях, когда место печей было четко зафиксировано, они находились в северо-восточном углу. Их нижним основанием является опечек, собранный из деревянных деталей и скрепленный слоем материковой глины. Размеры печей заметно отличаются, что, очевидно, обусловлено размерами самих жилищ.

К домам могли примыкать пристройки — сени, амбары и другие хозяйственные помещения. На примере нескольких объектов можно говорить о том, что могла использоваться двух- и трехрядная планировка, когда жилое и хозяйственное помещения находятся на одной линии. Не существовало четкого правила, под какой из построек располагать погребца, поскольку их остатки изучены как внутри, так и за пределами жилищ. Известны примеры небольших деревянных сооружений, частично заглубленных в землю, которые служили, вероятно, для содержания свиней или мелкого рогатого скота. Погребца могли иметь капитальные стены, собранные из жердей, до-

сок и даже бревен, для указанного периода характерна, преимущественно, срубная конструкция. Соответственно, такие объекты имеют прямоугольную в плане форму.

В археологических материалах представлены остатки ограждений, которые были возведены из жердей (диаметром около 10 см), вкопанных вертикально. Такой способ строительства являлся самым доступным для местных жителей, во-первых, ввиду простоты изготовления и ремонта ограды, во-вторых, из-за определенного дефицита толстоствольного строительного леса. Но, безусловно, существовали и ограждения, набранные в «заплот», когда в пазы опорных столбов горизонтально помещались деревянные плахи. Например, именно набранные ограждения можно видеть на многих рисунках С.У. Ремезова. Возле частокола в раскопе 2006 г. были обнаружены остатки уличной мостовой [Данилов, 2010, с. 82], говорить о дворовых мостовых у нас пока нет оснований.

При раскопках на ул. Ремезова в 2006 г. и в Тобольском кремле в 2007 г. к югу от жилых построек были обнаружены участки, свободные от деревянных конструкций, где было найдено сравнительно малое количество археологических находок. Можно предполагать, что на этих придомовых территориях находились огороды. Их существование в период рубежа XVII–XVIII вв. подтверждается тем, что огород, например, изображен и подписан все тем же С.У. Ремезовым на плане Воеводского двора.

Характеризуя тобольскую городскую усадьбу рубежа XVII–XVIII вв., можно констатировать, что для этого времени, скорее всего, не существовало некой типовой планировки, но известные материалы позволяют составить усредненное описание жилого двора. Это земельный участок, окруженный частоколом, набранным из жердей. Жилое помещение из небольшого одноэтажного сруба (может быть на подклете) возводилось без фундамента, с глинобитной печью и деревянным полом. Хозяйственные постройки также могут быть срубными, примыкают к жилью, образуя с ним рядовую планировку. Ниже этой конструкции находится погреб, стены которого выложены из плах или жердей. В черте огороженной территории также имеется место под огород. В целом, можно предполагать, что имело место некая стихийная планировка, когда жилище дополнялось, по возможности, небольшими постройками хозяйственного назначения.

Список литературы

1. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. — Тобольск: ИАЭТ СО РАН; ТГПИ им. Д. И. Менделеева; ТГИАМЗ, 2008. — 114 с.
2. Аношко О.М. Посадские постройки Тобольска XVII–XIX вв.: описание, датировка, назначение (по материалам Первого и Второго гостиных раскопов) // Культура русских в археологических исследованиях: сборник научных статей. В 2 т. — Омск, Тюмень, Екатеринбург: Изд-во Магеллан, 2014. — Т. I. — С. 138–142.
3. Балюнов И.В. Остатки жилой постройки XVIII века: материалы археологических исследований 2007 г. на территории Тобольского кремля // Балан-

динские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2014. — Т. IX. — Ч. 1. — С. 52–56.

4. Балюнов И.В. Деревообработка в городе Тобольске в конце XVI–XVII веков по материалам археологических исследований // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — Т. 14. — Вып. 7: Археология и этнография. Серия: История, филология. — 2015а. — С. 210–217.

5. Балюнов И.В. Сельскохозяйственные занятия жителей города Тобольска в XVII в. (по материалам археологических исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2015б. — №1 (28). — С. 67–73.

6. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: усадьба заполярного города. — Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа Караван, 2017. — 360 с.

7. Данилов П.Г. Новые материалы к истории домостроения первой половины XVIII в. в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2010. — №2 (13). — С. 79–84.

8. Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске, 1660–1760 гг.: историко-археологическая реконструкция. — Томск: Д-Принт, 2015. — 275 с.

References

1. Adamov A.A., Baljunov I.V., Danilov P.G. Gorod Tobol'sk. Arheologicheskij ocherk. Tobolsk: IAET SB RAS; TGPI im. D. I. Mendeleeva; TGIAMZ, 2008, 114 p. (in Russ.).
2. Anoshko O.M. Posadskie postrojki Tobolska XVII–XIX vv.: opisanie, datirovka, naznachenie (po materialam Pervogo i Vtorogo gostinyh raskopov). In *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovanijah: sbornik nauchnyh statej*. Omsk, Tyumen, Yekaterinburg: Izd-vo Magellan, 2014, Vol. I, pp. 138–142. (in Russ.).
3. Baljunov I.V. Ostatki zhiloi postrojki XVIII veka: materialy arheologicheskikh issledovanij 2007 g. na territorii Tobol'skogo kremlja. In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: NGAHA, 2014, Vol. IX, Pt. 1, pp. 52–56. (in Russ.).
4. Baljunov I.V. Derevoobrabotka v gorode Tobol'ske v konce XVI–XVII vekov po materialam arheologicheskikh issledovanij. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija*, Vol. 14, iss. 7: Arheologija i jetnografija. Serija: Istorija, filologija, 2015a, pp. 210–217. (in Russ.).
5. Baljunov I.V. Sel'skohozjajstvennye zanjatija zhitelej goroda Tobol'ska v XVII v. (po materialam arheologicheskikh issledovanij). *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii*, 2015b, No. 1 (28), pp. 67–73. (in Russ.).
6. Chernaja M.P. Voevodskaja usad'ba v Tomske, 1660–1760 gg.: istoriko-arheologicheskaja rekonstrukcija. Tomsk: D-Print, 2015, 275 p. (in Russ.).
7. Danilov P.G. Novye materialy k istorii domostroenija pervoj poloviny XVIII v. v Tobol'ske. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii*, 2010, No. 2 (13), pp. 79–84. (in Russ.).
8. Vizgalov G.P., Parhimovich S.G. Mangazeja: usad'ba zapoljarnogo goroda. Neftejugansk; Yekaterinburg: Izdatel'skaja gruppa Karavan, 2017, 360 p. (in Russ.).

Список источников

1. Адамов А.А. Археологические исследования на территории Тобольского Кремля на объекте «Общезижитие на 400 мест» в 2005 г. // НА ТИАМЗ. Тобольск. 2005. №1750.
2. Балюнов И.В. Отчет о проведении археологических исследований на объекте «Инженерные сети Тобольского Кремля» в 2007 году. // НА ТИАМЗ. Тобольск. 2007. №1746.

Список сокращений

- ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
- НА ТИАМЗ — Научный архив Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.
- НГАХА — Новосибирская государственная архитектурная академия
- ТППИ — Тобольский педагогический институт.

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10080
УДК: 72.03.+ 908.05

Е.С. Бушуева
Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск)
spasite.tserkov1712@gmail.com
Научный руководитель: доктор исторических наук П.А. Новиков

Графический набросок Нерчинской Троицкой церкви как исторический документ эпохи (к истории Нерчинской Успенской церкви)

Аннотация

В статье представлены малоизвестные документальные материалы и уникальные фотографии конца XIX в., а также неизвестная широкому слою населения репродукция рисунка первого художника Забайкальского края — Прокопия Николаевича Рязанцева, — хранящаяся в фондах Забайкальского краевого краеведческого музея г. Читы. На рисунке запечатлен облик безвозвратно утраченного историко-архитектурного объекта православного культа начала XVIII в. — Троицкой церкви, некогда возведенной близ Нерчинского острога. Исходным образцом для нее послужила монастырская Успенская церковь — первая каменная церковь, сооруженная в начале XVIII в. на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Сохранившиеся фотографии помогли проследить архитектурно-строительную идентичность двух старинных каменных храмов Нерчинска.

Ключевые слова: Старый город Нерчинск, Троицкий собор, Нерчинская Успенская церковь

E.S. Bushueva
Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk)
spasite.tserkov1712@gmail.com
Scientific adviser is Dr. habil. in history P.A. Novikov

Graphic sketch of the Nerchinsk Trinity Church as a historical document of the epoch (to the history of the Nerchinsk Assumption Church)

Abstract

The article deals with little-known documentary materials and unique photographs of the end of the 19th century, as well as an unknown to the wider population reproduction of a drawing by Prokopy Nikolaevich Ryazantsev, the first artist of the Trans-Baikal, which is preserved in the funds of the Trans-Baikal Regional Museum of Local Lore in the city of Chita. The drawing captures an appearance of the Trinity Church, an irretrievably lost historical and architectural object of the Orthodox cult of the early 18th century, which was erected near the Nerchinsky stockaded town. The monastery Assumption Church, the first stone church built in the beginning of the 18th century, served as the initial model for it on the territory of the Eastern Siberia and the Far East of Russia. The preserved photographs helped trace the architectural and building identity of two ancient stone temples of Nerchinsk.

Keywords: old city of Nerchinsk, Nerchinsk Trinity Cathedral, Nerchinsk Church of Assumption

В фонде Забайкальского краевого краеведческого музея в 2002 г. был обнаружен любопытный графический рисунок, выполненный тушью, с изображением старинной каменной церкви (ил. 1). На листе сохранились записи, благодаря которым удалось установить автора наброска, время и место его исполнения. Автором оказался сорокалетний художник-самоучка Прокопий Николаевич Рязанцев (1829–1897) — первый художник Забайкальского края, 190-летний юбилей которого отмечается в этом году [Первый художник Забайкалья..., 2003, с. 18–34]. Набросок был сделан в Старом Нерчинске 14 апреля 1868 г. — в год 210-летия с момента за-ложения на этом месте первого деревянного Нерчинского острога, возведенного в 1658 г. воеводой Афанасием Филипповичем Пашковым.

Особый интерес представляет надпись в левом

верхнем углу листа — «заключенный мирный договор с китайцами в 1689 году». Анализ текста дает возможность предположить, что графическая зарисовка должна была стать частью большого художественного произведения, задуманного художником к 180-летию заключения первого русско-китайского мирного договора. По какой причине П.Н. Рязанцев не смог реализовать намеченные творческие планы, выяснить не удалось. Тем не менее, дошедший до нас рисунок является своего рода уникальным, по той причине, что изображенная на нем каменная Троицкая церковь, возведенная в 1719 г. близ Нерчинского острога, ныне является безвозвратно утраченным историко-архитектурным объектом культового зодчества. От легендарной церкви остались лишь фрагменты фундамента, занесенные песком.

В свое время для каменной Троицкой церкви, вы-

строенной вблизи Нерчинска (1712–1719/1720 гг.) исходным образцом послужила Нерчинская Успенская церковь — главное культовое сооружение Успенского мужского монастыря [Бушуева, 2016, с. 43–44]. Сравнительный анализ двух первых каменных культовых сооружений Нерчинска начала XVIII в., проведенный по сохранившимся в фондах архива Забайкальского края старинным фотоснимкам, выявил абсолютную архитектурно-конструктивную идентичность форм основных объемов зданий храмов и элементов их декора (ил. 2). Этот факт дает основание считать, что ранее построенная монастырская Успенская церковь была взята за исходный образец для возводимого позднее возле Нерчинского острога каменного кафедрального собора во имя Святой Живоначальной Троицы. Два однотипных каменных храма, отличающиеся лишь размерами, расположили друг против друга на противоположных берегах реки Шилки — один — в ограде Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря, другой — у стен Нерчинского острога.

Выбор того же «корабельного» типа для городского кафедрального собора был обусловлено рядом факторов. Главным из них явился интенсивный рост Нерчинска. Город, благодаря своему выгодному географическому положению, оказался в центре оживленной международной торговли. Через него шли богатые торговые караваны, груженные ценными заморскими товарами. Сюда для торгового приезда купцы из многих российских и сибирских городов, поэтому именно данный архитектурно-конструктивный тип храма был максимально востребован в тех социально-экономических условиях. В то же время, между двумя первыми каменными храмами Нерчинска были и различия, обусловленные их назначением. Так, Успенская церковь изначально возводилась как монастырская, а соборная Троицкая церковь — как приходская.

Одним из ключевых отличий между этими храмами стал выбор расположения главных входов. Согласно первоначальному архитектурно-строительному замыслу подмастерья каменных дел Василия Степановича Горяева, в монастырской Успенской церкви парадный портал должен был располагаться с ее западной стороны. Именно на это указывает богатое декоративное убранство дверного проема на западном фасаде трапезной. Вход обрамляли высокие полуколонны, вытесанные из кирпича, не отделанные от стены и покоящиеся на массивных базах. Изящные резные капители полуколонн, по форме напоминающие головки полевых цветов, поддерживали разорванный треугольный фронтон внушительных размеров. Учитывая тот факт, что первоначально нижняя часть четверика церковной колокольни была открытой и, как уточняет архитектор Н.П. Крадин, «стояла на четырех мощных столбах, из которых восточные совпадали со стеной трапезной» [Крадин, 1985, с. 80–81], можно сделать вывод, что в этом случае западный портал изначально предполагался главным входом в храм. На это указывала и открытая на тот момент площадка под колокольней, выложенная из отшлифованного плитняка, выполняющая функцию традиционной паперти.

Анализируя специфику декоративного оформления парадного портала монастырской церкви, Крадин пришел к заключению, что «характер деко-

ра ее портала соответствует декору среднего окна абсиды» Успенской церкви. По мнению же автора, помимо вышесказанного, принцип декорирования парадного портала Успенской церкви был заимствован из декоративного оформления главного входа Верхотурского Свято-Троицкого собора [Бушуева, 2016, с. 45–46]. Исходя из проведенного сравнения, появилась возможность объяснить использование разорванного фронтона. Так, если в Верхотурском Троицком соборе в разрыв фронтона была вставлена икона, которая встречала многочисленных богомольцев, проезжающих через крупный торговый город, то в Нерчинской Успенской церкви, после того как арочные проемы нижнего четверика колокольни с трех сторон были заложены, о чем «напоминают следы в виде швов», разрыв фронтона стал лишь малопонятной спецификой декора. По всей вероятности, уставщик церковного строительства В.С. Горяев начал возводить монастырскую Успенскую церковь в аналогии с хорошо знакомыми ему приходскими храмами — Верхотурским Троицким, Ныробским Николаевским, Соликамским Спасским и пр. И только после вмешательства заказчиков нижняя часть четверика колокольни была заложена, превратившись в дополнительное помещение для хранения дорогостоящих товаров, а трапезная Успенского храмового комплекса перестала быть проходной, в связи с чем главным входом в храм стали северные церковные двери.

Вместе с тем, для удовлетворения религиозных нужд многочисленных горожан, а также приезжих торговых и служилых людей в 1712 г. в Нерчинске приступают к строительству новой каменной церкви во имя Святой Живоначальной Троицы, за исходный образец для которой была взята монастырская Успенская церковь. Как пишут источники, «церковь сия была заложена по благословению Тобольского и Сибирского митрополита Иоанна в 1712 или 1713 годах, а освящена при митрополите Филофее Лещинском в 1720 году» [ГАЗК. Ф. Р-2676. Оп. 1. Д. 8. Л. 17]. Действительно, подряд на строительство Троицкой церкви артельщиками во главе с Василием Горяевым был подписан в ноябре 1712 г. Непосредственно к возведению культового сооружения приступили в 1713 г. Строительство каменной церкви во имя Святой Живоначальной Троицы завершилось в 1719 г. Однако торжественного освящения в указанный год не состоялось по той причине, что антиминс «утонул в море Байкал». Новый антиминс, подписанный митрополитом в Тобольске, благополучно доставили лишь год спустя (в 1720 г.).

Нерчинский Троицкий храм являлся приходским. Первоначально он был построен без колокольни. Заказчики не стали тратить на нее по той причине, что неподалеку уже стояла деревянная колокольня, относящаяся к старинной деревянной соборной Воскресенской церкви. Троицкий храмовый комплекс на тот момент включал в себя лишь алтарную часть, основной объем здания церкви и притвор.

Архивные материалы сохранили имя зодчего, возводившего эти две каменные церкви в Нерчинском округе: им был «ярославец», подмастерье каменных дел из Соликамска Василий Степанович Горяев, который спустя несколько лет принял участие в строительстве Иркутского Богоявленского собора и в сооружении его величественной восьмигранной шатровой колокольни. Под его руководством рабо-

тало двенадцать каменщиков, приобретших богатый практический опыт на строительстве монастырской Успенской церкви. Удалось установить некоторые имена и фамилии артельщиков, среди них были Конан Юдин, Иван Лодыгин, Каменщиков, Котельников, Кирпичников³ и др.

В 1736 г. в землях Древней Даурии работала научная экспедиция под руководством С.П. Крашенинникова, который в дорожном журнале так описал увиденное им: «В версте от устья над помянутою рекою Нерчою, на восточном ее берегу стоит Нерчинск. В нем крепость рубленая, четырехугольная, в крепости канцелярия, воеводский двор и артиллерия, за крепостью две церкви, одна каменная «Во имя Живоначальной Троицы», а другая деревянная «Во имя Воскресения Господня», с двумя приделами: «Во имя Пресвятой Богородицы» и «Святителя Николая» [Записки путешественников..., 2007, с. 193].

В 1746 г. город Нерчинск пострадал от сильного пожара. В огне сгорели не только жилые дома, амбары, казенные постройки, но и древний деревянный храм «во имя Воскресения Иисуса Христа», сооруженный еще в 1658 г. казаками-первопроходцами из отряда Афанасия Пашкова. Сгорела и деревянная колокольня. После постигшего город бедствия многочисленные прихожане приняли решение пристроить к Троицкому храму каменную колокольню с приделом.

Если внимательно присмотреться к графическому рисунку Троицкого храма, выполненному П.Н. Рязанцевым, то с правой стороны колокольни можно увидеть широкую каменную лестницу без перил, ведущую наверх в новый освященный придел. Удачный ракурс изображения архитектурного объекта, выбранный талантливым художником, позволил показать специфику острожного храмового комплекса, в то время как на единственном дошедшем до наших дней фотоснимке не просматривается данная архитектурная особенность.

Руководить строительными работами пригласили каменщика Ивана Лодыгина, бывшего ученика Василия Горяева. Новый уставщик справился с определенной ему задачей, кроме одного — не смог поставить восьмигранное шатровое завершение. По этой причине широкую каменную колокольню он перекрыл легким металлическим куполом, несложным в плане технического исполнения.

На сохранившемся в фонде ГАЗК фотоснимке конца XIX в. Троицкий храмовый комплекс представлен в том виде, который он имел после вынужденной перестройки конца 40-х гг. XVIII в., произведенной под началом Ивана Лодыгина [ГАЗК. Ф. Р-2676. Оп. 1. Д. 8. Л. 3] (ил. 2, справа). В 1812 г. Нерчинск вследствие частых затоплений был перенесен на новое более возвышенное и сухое место — Сажиков Яр. Поэтому «понемногу старый Нерчинск, носящий теперь название «старый город», стал небольшим селением, в котором еще долго сохранялся старейший исторический памятник — каменная Троицкая церковь» [ГАЗК. Ф. Р-1411. Оп. 1. Д. 12. Л. 22]. До наших дней это культовое сооружение не дошло, оказалось

безвозвратно потерянным. Его не пощадили ни время, ни стихия, ни люди. Тем не менее, о значимости каменной соборной Троицкой церкви для духовной жизни края мы можем судить по тому наследию, которое сохранилось до настоящего времени.

В фондах архива ГАЗК и ГАРБ были найдены и впервые введены в научный оборот исторические документы, в которых говорилось, что каменная Нерчинская Троицкая церковь стала, в свою очередь, исходным образцом для ряда церквей Нерчинского заката [Бушуева, 2016, с. 42–47]. Во-первых, каменная Троицкая церковь из (старого) города Нерчинска выступила исходным образцом для возведенной в 1770 г. в селе Курлыч деревянной двухпрестольной Спасской церкви. На это указывает и тот факт, что ее строителем являлся Кирилл Васильевич Суханов, в то время священнослужитель каменной Нерчинской Троицкой церкви. Вместе с тем краевед О.А. Малахова полагает, что «своей архитектурой обитель (то есть Спасская церковь в селе Курлыч — Авт.) напоминает кирпичную церковь мужского Успенского монастыря в селе Калинино Нерчинского района <...> Обе забайкальские церкви объединяет то, что они построены в стиле московского барокко. Это подтверждает пышность и причудливость шатровых форм храмов. Курлыченскую церковь можно сопоставить также с церковью Покрова в Филях, построенной в 1693 г.» [Малахова, 2013, с. 261–262]. И здесь вновь будет уместно подчеркнуть, что исходным образцом для деревянной Курлыченской Спасской церкви послужила соборная Нерчинская Троицкая церковь, а не «церковь Покрова в Филях, построенная в 1693 г.», как пишет О. А. Малахова [Малахова, 2013, с. 261–262]. В свою очередь, для Троицкого собора в Нерчинске прототипом явилась монастырская Успенская церковь.

Во-вторых, каменный Троицкий собор близ Нерчинского острога был взят за исходный образец и для деревянной Михайло-Архангельской церкви (широко известной в наше время как «Церковь декабристов»), возведенной в Читинском остроге взамен сгоревшей в 1748 г. первой деревянной Архангельской церкви. Первая церковь, согласно исследованию забайкальского краеведа, ныне покойного А.Н. Халецкого, была сооружена еще в 1698 г. [Халецова, 2012, с. 5], и как удалось установить автору статьи, при содействии сына боярского влиятельного нерчинского казака, основателя Читинского острога, учрежденного на месте прежнего плотбища, Карпа Юдина «со товарищи» [Бушуева, 2016, с. 47]. Второй Архангельской церкви, возрожденной на месте пепелища, придали облик, схожий с Нерчинской соборной Троицкой церковью. Об этом свидетельствуют не только архивные материалы, но и то, что родной брат Карпа Юдина, нерчинский конный казак Конан Юдин, стоял во главе работ по строительству деревянной двухпрестольной церкви во имя архистратига Михаила Архангела в Читинском остроге. Конан Юдин к этому времени считался опытным и признанным мастером. Ранее он в качестве соруководителя Василия Горяева работал в составе артели каменщиков на сооружении двух каменных церквей — монастырской Успенской и соборной Троицкой в Нерчинске. Вторая деревянная церковь простояла недолго и погибла в огне пожарища. Счастливая судьба выпала на долю лишь четвертой — деревян-

³ В связи с кражей у автора монографии из квартиры собранных им за восемь лет изыскательской работы архивных материалов, на данный момент не представляется возможности привести полный список имен и фамилий всех членов строительной артели.

ной Михайло-Архангельской церкви. Возведенная в 1776 г., она стоит до сих пор. Однако проследить ее преемственность в строительно-конструктивном плане второй по счету сгоревшей Михайло-Архангельской церкви не представляется возможным. Но даже в нынешнем виде она отдаленно напоминает безвозвратно утраченный каменный Троицкий храм.

Таким образом, Нерчинскую Успенскую церковь можно отнести к некогда широко распространенному типу бесстолпного посадского храма с одной световой главой, с небольшим, но просторным помещением основного объема здания церкви, двумя ярусами окон на фоне ложного членения стен на этажи, способствующих увеличению освещенности храма. Исходными образцами для Успенской церкви стали два храма — Верхотурский Троицкий собор и Ныробская Никольская церковь, чьи конструктивно-строительные особенности, декоративное убранство, объемно-пространственное решение были творчески переработаны уставщиком Василием Степано-вичем Горяевым, систематизированы, преобразованы и воплощены в новом удивительно гармоничном архитектурном ансамбле Успенской церкви. В свою очередь, Успенская церковь, максимально отвечающая культурным запросам заказчиков, стала исходным образцом для двух других известных каменных храмов — Нерчинского Троицкого и отчасти Иркутского Богоявленского кафедральных соборов, а также прообразом для двух деревянных культовых зданий Нерчинского заказа — Курлычской Спас-ской и Читинской Михайло-Архангельской церквей [Бушуева, 2016, с. 48–49].

Список литературы

1. Бушуева Е.С. Наследие Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря: приходской храм и его настоятели 1775–1930 гг. (к 310-летию основания монастыря). — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. — 319 с.
2. Записки путешественников и исследователей (вторая половина XVII–XVIII вв.): Хрестоматия. Т. 1.— Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. — 480 с.
3. Крадин Н.П. Памятники архитектуры Нерчинска XVIII–XIX веков // Архитектурное наследие: город и его застройка. — М.: Стройиздат, 1985. — Вып. 33. — С. 78–88.
4. Малахова О.А. Спасская церковь в деревне Курлыч Чернышевского района Забайкальского края // Баландинские чтения: сб. статей VIII научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2014. — С. 261–266.

5. Первый художник Забайкалья — Рязанцев Прокопий Николаевич: Учебно-методическое пособие по региональному компоненту образования. — Чита: Степанов М.А., 2003. — 65 с.

6. Храмова Л.В. «Тот храм, построенный из бревен...». — Чита: Экспресс-издательство, 2012. — 140 с.

References

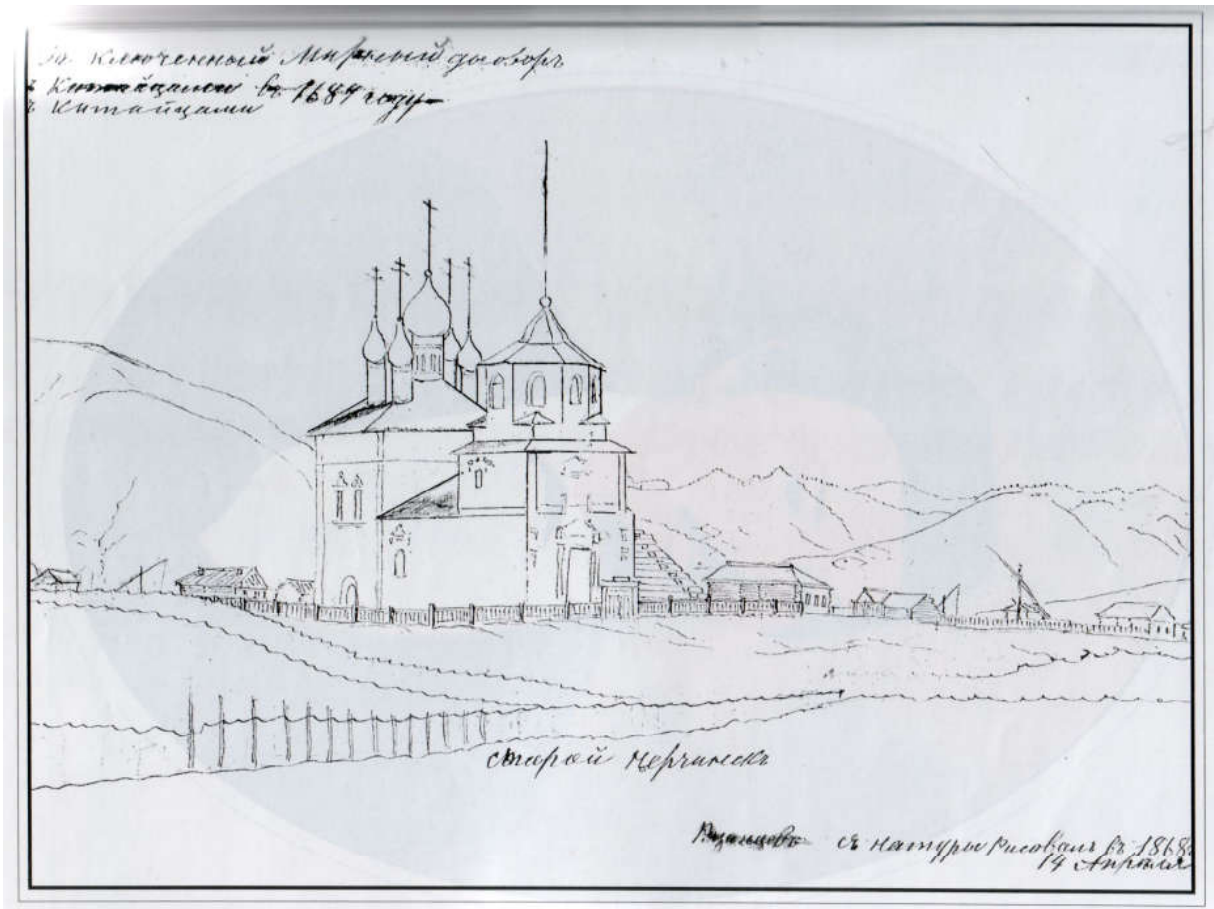
1. Bushueva E.S. Nasledie Nerchinskogo Svyato-Uspenskogo muzhskogo monasty`rya: prihodskoj xram i ego nastoyateli 1775–1930 gg. (k 310-letiyu osnovaniya monasty`rya). Irkutsk: Irkutskij gosudarstvenny`j universitet Publ., 2016, 319 p.
2. Kradin N.P. Pamyatniki arxitektury` Nerchinska XVIII–XIX vekov. In *Arxitekturnoe nasledstvo: gorod i ego zastrojka*. Moscow: Strojizdat, 1985, Iss. 33, pp. 78–88.
3. Malaxova O.A. Spasskaya cerkov` v derevne Kurly`ch Cherny`shevskogo rajona Zabajkal`skogo kraja In *Balandinskie chteniya: sb. statej VIII nauchny`x chtenij pamyati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosibirskaya gosudarstvennaya arxitekturno-xudozhestvennaya akademiya, 2014, pp. 261–266.
4. Pervyj hudozhnik Zabajkal`ja — Rjazancev Prokopij Nikolaevich: Uchebno-metodicheskoe posobie po regional`nomu komponentu obrazovanija. Chita: Stepanov M.A. 2003. 65 p.
5. Xramova L.V. «Tot xram, postroenny`j iz breven...». Chita: E`kspress-izdatel`stvo, 2012, 140 p.
6. Zapiski puteshestvennikov I issledovatelej (vtoroja polovina XVII–XVIII vv.). Hrestomatija. Vol. 1. Novosibirsk, 2007. 380 p.

Список источников

1. ГАЗК, Ф. Р-2676. Оп. 1. Д. 8.
2. ГАЗК, Ф. Р-1411. Оп. 1. Д. 12.

Список сокращений

ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края

Ил. 1. П.Н. Рязанцев. Каменная кафедральная Свято-Троицкая церковь в «старом городе» на месте бывшего Нерчинского острога [из фондов Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова г. Читы]

Ил. 2. Слева: Нерчинская Успенская церковь, построенная в 1708–1712 гг. Снимок Ф.Д. Соседко, начало XX в. ГАЗК, [ГАЗК. Ф. Р-2676. Оп. 1. Д. 8. Л. 1]. Справа: Церковь во имя Святой Живоначальной Троицы в Нерчинске, построенная в 1712–1720 гг. Снимок конца XIX в. ГАЗК, [ГАЗК. Ф. Р-2676. Оп. 1. Д. 8. Л. 3]

Е.С. Бушуева¹, Т.Ю. Смертина
Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск)
М.И. Алферина
Забайкальский краевой краеведческий музей (Чита)
¹spasite.tserkov1712@gmail.com

Воссоздание облика цогчен-дугана Цугольского дацана в Забайкалье по акварелям П.Н. Рязанцева

Аннотация

В статье представлены репродукции нескольких акварелей из фонда Забайкальского краевого краеведческого музея, выполненных в начале XIX в. первым художником края П.Н. Рязанцевым. Ценность художественных произведений мастера состоит в том, что на его акварелях были запечатлены уникальные историко-архитектурные объекты, ныне безвозвратно утраченные. Благодаря акварельным наброскам художника появилась редчайшая возможность воссоздать внешний вид главного цогчен-дугана Цугольского дацана периода первого поколения храмов северного буддизма, познакомиться со спецификой его архитектурно-пространственного решения, проследить особенности образно-композиционных принципов внутреннего убранства интерьеров буддийских храмов рассматриваемого исторического периода.

Ключевые слова: Нерчинск, художник-самоучка, Цугольский дацан, цогчен-дуган, буддийский храм первого поколения

E.S. Bushueva¹, T.Yu. Smertina
Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk)
M.I. Alferina
Trans-Baikal Regional Museum of Local Lore (Chita)
¹spasite.tserkov1712@gmail.com

Recreation of appearance of tsokchin-dugan Tsugolsky Datsan in Trans-Baikal Region on the base of the P.N. Ryazantsev's watercolors

Abstract

The article deals with reproductions of several watercolors from the collection of the Trans-Baikal regional museum of local lore, made in the early 19th century by P.N. Ryazantsev, the first artist of Trans-Baikal. The value of the master's works is that his watercolors depicted unique historical and architectural objects, now irretrievably lost. Thanks to the artist's watercolor sketches, there was a rare opportunity to recreate the appearance of the main tsokchin-dugan Tsugolsky datsan of the first generation of northern Buddhist temples, to learn the specifics of its architectural and spatial solutions, to trace the features of figurative and composite principles of interior decoration of Buddhist temples and monasteries of the reviewed historical period.

Keywords: Nerchinsk, self-taught artist, Tsugolsky datsan, tzogchen-dugan, Buddhist temple of the first generation

В фондах краеведческого музея Забайкальского края хранятся произведения талантливого художника-самоучки Прокопия Николаевича Рязанцева (1829–1897), выполненные маслом, акварелью и тушью. В условиях зарождения фотографии, когда территорию обширного края обслуживали всего два фотосалона (в Нерчинске и Чите), являясь для большей части населения невиданным дорогостоящим чудом, работы П.Н. Рязанцева стали бесценными этнографическими и историческими документами эпохи [Алферина, 2001, с. 131]. На его акварелях запечатлены уникальные историко-архитектурные объекты, ныне безвозвратно утраченные [Бушуева, 2016, с. 43–45]. Благодаря акварельным наброскам, появилась возможность воссоздать их внешний вид,

познакомиться со спецификой архитектурно-пространственного решения храмов первого поколения северного буддизма и православных храмов начала XVIII в., передать особенности образно-композиционных принципов внутреннего убранства интерьеров буддийских монастырей.

Прокопий Николаевич родился в г. Нерчинске в большой небогатой семье. Из восьми детей его единственного отдала учиться в приходское учебное заведение. После успешного окончания отец, Николай Иванович, перевел сына в первый класс Нерчинского уездного училища. Здесь мальчик продолжил с глубоким интересом учебу, и к третьему классу особенно ярко проявились его природные способности к рисованию, черчению, чистописанию и каллиграфии.

В трудное для Рязанцева время на его работы обратил серьезное внимание и оценил их мастерство местный богатый купец и известный золотопромышленник Михаил Дмитриевич Бутин, который выступил меценатом и предоставил художнику возможность много и плодотворно рисовать. Рязанцев работал, выполняя заказы М.Д. Бутина. Вместе с ним художник не раз выезжал на подведомственные купцу прииски, ездил и по бурятским степным улусам. Благодаря этому Рязанцев побывал в Аге, Цуголе и других живописных местах Восточного Забайкалья. Во время таких поездок им было выполнено много зарисовок с натуры. Это были и сооружения буддийской культовой архитектуры, и разнообразные бытовые сцены из жизни бурят. При посещении в 1859 г. Цугольского дацана художник исполнил несколько портретов лам и небольшую акварельную зарисовку усадьбы дацана, ставшей впоследствии уникальной.

Первый исследователь его творчества А.В. Харчевников, подчеркивая мастерство художника Рязанцева, особо отмечал его «поразительную наблюдательность и понимание самых разных сторон местной инородческой жизни» [Харчевников, 1924, с. 2]. Национальные психологические образы, повседневный быт местных народностей, шаманство, ламаизм, улусы, моления — все нашло отражение в небольших набросках художника, многие из которых позднее были разработаны в целый ряд картин. С несколькими наиболее интересными и этнографически ценными произведениями мастера познакомимся поближе.

Акварель «**Старый Цугольский дацан**» была написана П.Н. Рязанцевым в 1859 г. (ил. 1). На ней изображены серые, без какой-либо раскраски деревянные строения крупнейшего в крае монастырского ансамбля северного буддизма на фоне бесконечной гряды низких забайкальских сопок, нежно освещенных лучами заходящего солнца. Теплый, приглушенный свет заполняет картину «до краев», привнося в нее ощущение высокой одухотворенности сюжета, безбрежного покоя и утонченной гармонии и в то же время придавая ей мажорную тональность. На акварели художник смог уместить до удивления большую панораму окружающего его пространства. Это стало возможным благодаря специфическому выбору композиции, основанной на повторе параллелей. Если внимательно присмотреться к рисунку, то на нем четко читается пять условных планов, устремленных в безграничную даль. Сюжет картины и ее колорит реалистично передают цветовую гамму, с преобладанием темно-зеленого и коричнево-золотистых тонов, столь характерных для степной местности Забайкальского края. На переднем плане акварели размещены две небольшие группы людей, которые свободно и непринужденно komponует художник. Каждый персонаж взаимосвязан с другими и в целом органично вплетается в пейзажно-архитектурный мотив художественного произведения. Несмотря на малый размер изображенных человеческих фигур, каждая из них детально прописана. Художник постарался реалистично передать особенности национальной одежды бурят, их манеры общения, в виде неторопливого разговора мужчин, помог зрителю ощутить гармоническую связь их жизни с окружающей природной средой.

В глубине картины просматриваются деревянные

постройки Цугольского дацана, одного из крупных и значительных степных монастырских комплексов Забайкалья первой половины XIX в. Дацан был широко известен и под тибетским названием Даши Чойпэллинг, которое он получил в честь главного божества буддийского пантеона — Чойжил. Из документального «списка Ламайских дацанов Восточной Сибири» известно, что Цугольский дацан первоначально был основан в 1801 г. и существовал в виде «войлочной кумирни» вблизи хребта Урдунуй и лишь в 1831 г., по настоятельной просьбе нескольких крупных бурятских родов (харгана, хуацай, галзут) начались строительные работы по возведению двухэтажного деревянного цогчен-дугана, который был закончен в 1834 г. Чертеж первого стационарного здания дацана — цогчен-дугана — обнаружен на сегодняшний день лишь в фондах архива РГИА [Жамсуева, 2001б, с. 54]. К 1840 г. дацан уже имел вид законченного архитектурного комплекса, включавшего главный храм буддийского монастыря цогчен-дуган, выполненный из дерева, четыре малых храма-сумэ и несколько небольших жилых домиков лам [Жамсуева, 2001б, с. 22]. Бурятский буддийский монастырь, распланированный по принципу хурээ (кольца), был обнесен невысокой кирпичной оградой, очерчивающей границы культового комплекса, что хорошо передано в художественном произведении мастера.

Особого внимания и отдельного разговора на акварели художника заслуживает главное культовое сооружение архитектурного ансамбля Цугольского дацана, относящееся к первому поколению храмов северного буддизма — «трехглавое» стационарное здание цогчен-дуган (ил. 2). На протяжении долгих десятилетий он считался жемчужиной бурятского культового зодчества Забайкалья начала XIX в. Здание квадратное в своем основании, с небольшими колоколенками на крышах, в плане по периметру за счет прирубов представляющая крест. Если внимательно присмотреться к его фасаду, то заметно сходство с русскими православными церквями. Данные характеристики были присущи всем бурятским культовым сооружениям первого поколения. Объясняется это тем, что буряты в период конца XVIII — начала XIX вв. не имели практических навыков строительства деревянных зданий и поэтому вынуждены были обращаться за помощью к русским мастерам и плотникам. Неудивительно поэтому, что первоначально основой бурятского храмового строения служила русская строительная техника и конструкция деревянного сруба избы. Возведенные таким образом цогчен-дуганы внешне украшались восточными декоративными элементами, имитирующими специфические технические особенности конструкции «восточного стиля» тибетских, монгольских и китайских культовых построек [Жамсуева, 2001б, с. 57]. Основное здание Цугольского храма, цогчен-дуган, по периметру было окружено открытой галереей, поддерживаемой многочисленными деревянными колоннами без традиционной красной окраски. К особенностям бурятских храмов первого поколения можно отнести прямые края крыш еще без внешних буддийских символов (украшений), что хорошо видно на акварели художника П.Н. Рязанцева.

Обобщая вышеизложенное, видим, что в бурятской культовой архитектуре начала XIX в. свободно преодолевались границы национальных культур,

происходило их взаимообогащение по принципам «восток-запад», что проявилось в уникальном синтезе русских, тибетских, монгольских и китайских архитектурно-строительных традиций.

Историко-этнографическая значимость акварели П.Н. Рязанцева «Старый Цугольский дацан» заключается в сохранении им для последующих поколений первоначального облика буддийского монастыря, характерного для первого периода. К настоящему времени, архитектурный вид Цугольского дацана кардинально изменен. Это было связано с политикой царизма в сфере вероисповедания коренных народов. Исследователь Д.С. Жамсуева замечает, что архитектурный стандарт в строительстве бурятских дацанов появился в начале XIX в., в рамках реформаторских преобразований в Сибири графа С.С. Сперанского. С 1822 г. царское правительство стало целенаправленно заниматься вероисповедными делами бурят. К 1854 г. были составлены и утверждены в «Положении о ламайском духовенстве Восточной Сибири» типовые чертежи-планы дацанов [Жамсуева, 20016, с. 54]. Согласно данному документу, образцом для главных культовых сооружений буддийских дацанов — цогчен-дуганов — были определены пятиглавые, трех- и одноглавые русские церкви в форме креста. Восточная стилистика придавалась этим образцам за счет изменения конфигурации их крыш, башенок глав и кровли. Прямые ассоциации с объектами русской культовой архитектуры не могли не вызывать недовольства среди хоринского духовенства, которое всевозможными средствами пыталось избавиться от русских традиций (вплоть до умышленных поджогов культовых построек). А с последней четверти XIX в. буддийское духовенство приступило к повсеместной стилиевой реконструкции старых зданий цогчен-дуганов. Отдельные из них намерено перестраивались, возводились новые храмы, теперь уже в традициях тибетского, монгольского и китайского культового зодчества [Асалханова, 2015, с. 43; Жамсуева, 20016, с. 59].

Цугольский дацан в начале XIX в. являлся крупным религиозным, культовым и просветительским центром Восточного Забайкалья. Подтверждение этому находим в дневниковых записях исследователя Б. Барадина, который заметил, что дацан имел выдающуюся роль в деле распространения буддизма в Забайкалье. В нем впервые были открыты и впоследствии получили широкое развитие философская школа — цаннит-чойра, и отделение тибетской медицины — манба. В 1845 г. первым настоятелем Цугольского дацана Лубсаном Дандаровым при монастыре была основана цаннитская школа буддийской философии. Для обучения в ней «собирались лучшие» ламы «со всех сторон инородческого Забайкалья» [Жамсуева, 2001а, с. 118].

В данном аспекте особую историческую ценность представляет другая акварель Прокопия Рязанцева — «Философский диспут в Цугольском дацане», написанная им в 1858 г. (ил. 3). На ней мастер запечатлел традиционный урок на философском факультете школы чойра (цаннит). Зритель получает уникальную возможность познакомиться не только с методикой преподавания на данном факультете, но и увидеть убранство интерьера цаннит-дацана. Перед зрителем предстает просторное помещение зала для молебнов, со статуей божества по центру. Зал

разделяют шесть рядов высоких деревянных колонн без окраса по четыре в каждом ряду (размер зала — приблизительно 20 м в ширину, 25 м в длину, с 24-мя опорами). Основания деревянных колонн вставлены в массивные продольные базы-балки, представляющие собой единый массив. Эти базы зачастую использовались как скамейки. На картине все присутствующие в зале храма разделены на пары: сидящий учитель-лама в желтой шапочке и ученик-хуварак, стоящий без головного убора. Основной методикой обучения в этих школах было заучивание наизусть главных доктринальных текстов буддизма и повседневные теоретические споры, так называемые учебные диспуты, выстроенные по строгим правилам логики и диалектики. В ходе длительных дискуссий опровергались ложные толкования учения, объяснялись и закреплялись истинные теологические положения буддизма. В свою очередь все цугольские учителя-ламы проходили обучение в монастырях Центрального Тибета и Амдо (Лавран). Современные исследователи ламаизма свидетельствуют о том, что уровень получаемого образования в школах цаннит «был достаточно высоким». Выпускники дацанской школы были известны далеко за пределами Забайкалья. Их нередко приглашали для служения в Монголию и даже в Тибет.

Ценнейшей в историко-этнографическом плане является и акварель П.Н. Рязанцева «Благословение ширетуя» (ил. 4). Акварель была завершена в 1859 г. Она уникальна тем, что является единственным сохранившимся в истории портретным изображением выдающейся личности Восточного Забайкалья Джебцзуна Агван Лубсана Данзина Одер Лхундуб Балсанбо, который был широко известен под кратким именем Лубсан Дандаров. На ней первый настоятель Цугольского дацана изображен глубоким старцем, одетым в желтое ламское орхимжо. Согласно традициям северного буддизма, течение «желтошапочников», или школы гелукпа, появилось в Тибете в XIV в. в монастыре под названием Гелук. Ее основателем считается тибетский монах Цзонхава. Палитра рассматриваемого художественного произведения насыщена желто-золотистыми, красными, оранжево-коричневыми тонами красок, создающими ощущение торжественно-праздничной атмосферы и одновременно придающими обряду благословения некую таинственность.

Настоятель Лубсан Дандаров, наиболее известный представитель бурятского буддийского духовенства в крае, зарекомендовал себя талантливым мыслителем и философом. Под его непосредственным руководством началось строительство первого стационарного здания главного культового сооружения заложенного им же ранее первого Цугольского дацана. Впоследствии Дандаров возглавил монастырь в должности настоятеля. При нем в Цугольском дацане основываются первые школы буддийского школьного образования, закладываются самобытные традиции, позволившие монастырю превратиться в крупный буддийский учебный центр Забайкальского края. Как человек широко образованный, Лубсан Дандаров ощущал необходимость создания прочной научной базы школы. Под его руководством разворачивается активная деятельность по переводу религиозных, медицинских, литературных, философских и пр. источников с тибетского,

монгольского, китайского языков. Им тратятся немалые деньги на закупку дорогостоящего комплекса ксилографического Ганжура, печатавшего красной киноварью. С его помощью приступают в дацане к изданию собственных книг и формированию уникальной монастырской библиотеки. Просветительно-образовательная многообразная и разносторонняя деятельность Лубсана Дандарова была признана и высоко оценена на правительственном уровне: «в 1832 г. высочайше пожалован золотой нашейной медалью, а в 1842 г. — золотыми карманными часами и избран в члены Императорского Вольного Экономического общества» [Алферина, 2001, с. 132]. Более полный материал о биографии этого незаурядного человека можно найти в работах современных исследователей Д.С. Жамсуевой, Гончикова Бато-Цырен лама, Ц.П. Ванчиковой [Жамсуева, 2001а, с. 16-22; Гончиков Бато-Цырен лама, 2001; Ванчикова, 2001].

Глубокое знание П.Н. Рязанцевым разных сторон жизни бурят, запечатленные на его акварелях, представляют нам редкую возможность прикоснуться ко многим малоизвестным сторонам истории этнокультуры нашего края и вновь открыть их для себя. Будучи признанным мастером, в творчестве которого реалистично отображалась окружающая его действительность, в 1862 г. он принимает участие в первой «Сельскохозяйственной и промышленной выставке», проходившей в Чите. На сегодняшний день, к сожалению, не удалось установить точное число представленных им на выставку художественных произведений. Сохранившиеся сведения довольно противоречивы: так, согласно отчету сотника Амурского казачьего войска князя П.А. Кропоткина, художник выставил пять своих работ, в то время как известный краевед А.В. Харчевников, опирающийся на уцелевшие отрывочные записи из личных документов и переписки Рязанцева, говорит о шести произведениях. Тематика акварелей, выставленных на ярмарке, освещала специфику бурятского быта. Жизненная достоверность, композиционная выразительность, почти профессиональная техника письма — все это не могло не привлечь внимание общественности. Высокая оценка, данная всем его работам, позволила Рязанцеву получить премию в двадцать рублей серебром. Позднее эти акварели были приобретены для пополнения личной коллекции известным читинским купцом И.И. Шиловым [Харчевников, 1924; Описание...», с. 171; Выставка..., 1898].

Неслучаен и тот факт, что проезжающему в 1873 г. через небольшой провинциальный г. Нерчинск великому князю Алексею Александровичу была подарена картина местного художника-любителя, изображающая моление лам у ключа в момент, когда буряты бросают монеты в источник. Картина произвела положительное впечатление, и за нее П. Рязанцев получил от великого князя золотые именные часы с цепочкой и соответствующую грамоту. Это возвысило его художественный авторитет и открыло перед ним дорогу серьезного признания.

Находясь в уже преклонном возрасте, Прокопий Николаевич в 1887 г. подает прошение об отставке и уступает место одному из своих талантливых учеников — Афиногену Пантелеймоновичу Колосову, который из преподавателя искусств Нерчинского уездного училища смог впоследствии вырасти до

уровня известного художника края. После отставки Рязанцев вместе с семьей сразу же выехал в Благовещенск, к старшему сыну. Служивший на частных приисках сын смог обеспечить отца всем необходимым для жизни. Прокопий Николаевич продолжил свою творческую деятельность — много и плодотворно работал, рисовал виды Амура и прекрасные таежные пейзажи, делал портретные зарисовки коренного населения (гиляков) и их быта.

Незабываемое событие в жизни маленького, провинциального Благовещенска — встреча с проезжающим из Японии в 1891 г. наследником Российского престола Николаем — стало новой яркой страницей в творческой судьбе художника Рязанцева. Одну из своих картин, на которой изображена езда гиляков на собаках, художник поднес именитому гостю. Колоритное изображение жизни коренного населения Амура понравилось молодому цесаревичу Николаю, работа была оценена по достоинству: за нее Рязанцев получил серебряную медаль с изображением императора Александра III. Попытка современных исследователей (Е.С. Бушуевой) разыскать в 2003 г. данное художественное произведение привела в фондохранилище Эрмитажа. В дошедших до наших дней описях действительно имелось упоминание о данном художественном произведении П.Н. Рязанцева. В них сохранились указания конкретных размеров работы, описаны техника исполнения и сюжет картины, дословно приводится краткая запись на обороте произведения, исполненная, по всей вероятности, ее автором. Тем не менее, самой работы найти не удалось, т.к. согласно архивным записям Эрмитажа она в 20-40-е гг. XX в. была отправлена в один из провинциальных музеев Центральной России для пополнения и разнообразия его фондов. В какой конкретно музей была передана реликвия, к сожалению, не указывалось [Бушуева, 2016, с. 140].

Дожив до глубокой старости, Прокопий Николаевич скончался 7 сентября 1897 г. на прииске Николаевском, находящемся в глухой тайге, «в 12 верстах от реки Амура и в 200 верстах от города Николаевска». Здесь он и был похоронен, затерявшись в неизвестности.

Личность Прокопия Николаевича Рязанцева столь значительна в истории культуры края, что разговор о ней требует своего продолжения. Его творческое наследие, с присущей историко-этнографической направленностью, с годами приобретает все большую ценность.

Список литературы

1. Алферина М.И. Забайкальские дацаны в документах и фотографиях Читинского областного краеведческого музея им. А.К. Кузнецова // Мир Буддийской культуры: мат. международного симпозиума. — Агинское; Чита: [б. и.] 2001. — С. 131–135.
2. Асалханова Е.В. Буддийский храм в Петербурге (1909–1915 гг.). К столетию со дня основания. Концепция и программа историко-художественной реконструкции живописного убранств. — Иркутск: Изд-во ИРНТИУ, 2015. — 191 с.
3. Бушуева Е.С. Наследие Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря: приходской храм и его настоятели (1775–1930 гг.). — Иркутск: ИГУ, 2016. — 319 с.

4. Ванчикова Ц.П. Тибетские и монгольские источники о деятельности первых настоятелей Цугольского дацана // Мир Буддийской культуры: мат. международного симпозиума. — Агинское; Чита: [б. и.] 2001. — С. 81–192.

5. Выставка в Забайкальской области сельских и других произведений в г. Чите в 1862 г. (Доклад, прочитанный А.К. Кузнецовым 24 июля 1898 г. в заседании членов комитета сельскохозяйственной и промышленной выставки) — Чита: типограф. Заб. обл. правления, 1899. — 24 с.

6. Гончиков Бато-Цырен лама. Современная история Цугольского дацана // Мир Буддийской культуры: мат. международного симпозиума. — Агинское; Чита: [б. и.] 2001. — С. 22–34.

7. Жамсуева Д.С. Агинские дацаны как памятники истории культуры. — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001а. — 142 с.

8. Жамсуева Д.С. Цугольский дацан: страницы истории // Мир Буддийской культуры: мат. международного симпозиума. — Агинское – Чита – Улан-Удэ [б. и.] 2001б. — С. 16–22.

9. Харчевников А.В. Материалы к биографии П.Н. Рязанцева. — Чита: типограф. Военпура, 1924. — 68 с.

References

1. Alferina M.I. Zabajkal'skie daczany` v dokumentax i fotografiyax Chitinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya im. A.K. Kuznecova. In *Mir Buddijskoj kul'tury` : mat. mezhdunarodnogo simpoziuma*. Aginskoe; Chita: [b. i.] 2001, pp. 131–135.

2. Asalxanova E.V. Buddijskij xram v Peterburge (1909–1915 gg.). K stoletiyu so dnya osnovaniya. Konceptsiya i programma istoriko-xudozhestvennoj rekonstrukcii zhivopisnogo ubranstv. Irkutsk: Irkutskij nacional'ny`j issledovatel'skij texniceskij universitet Publ., 2015, 191 p.

3. Bushueva E.S. Nasledie Nerchinskogo Svyato-Uspenskogo muzhskogo monasty`rya : prihodskoj xram i ego nastoyateli (1775–1930 gg.). Irkutsk: Irkutskij gosudarstvenny`j universitet Publ., 2016. — 319 p.

4. Gonchikov Bato-Cyren lama. Sovremennaya istoriya Czugol'skogo daczana. In *Mir Buddijskoj kul'tury` : mat. mezhdunarodnogo simpoziuma*. Aginskoe; Chita: [b. i.] 2001, pp. 22–34.

5. Vanchikova Cz.P. Tibetskie i mongol'skie istochniki o deyatel`nosti pervy`x nastoyatelej Czugol'skogo daczana/ In *Mir Buddijskoj kul'tury` : mat. mezhdunarodnogo simpoziuma*. Aginskoe; Chita: [b. i.] 2001, pp. 81–92.

6. Vy`stavka v Zabajkal'skoj oblasti sel'skix i drugix proizvedenij v g. Chite v 1862 g. (Doklad, pročitanny`j A.K. Kuznecovy`m 24 iyulya 1898 g. v zasedanii chlenov komiteta sel'skoxozyajstvennoj i promy`shlennoj vy`stavke). Chita: tipograf. Zab. obl. pravleniya, 1899, 24 p.

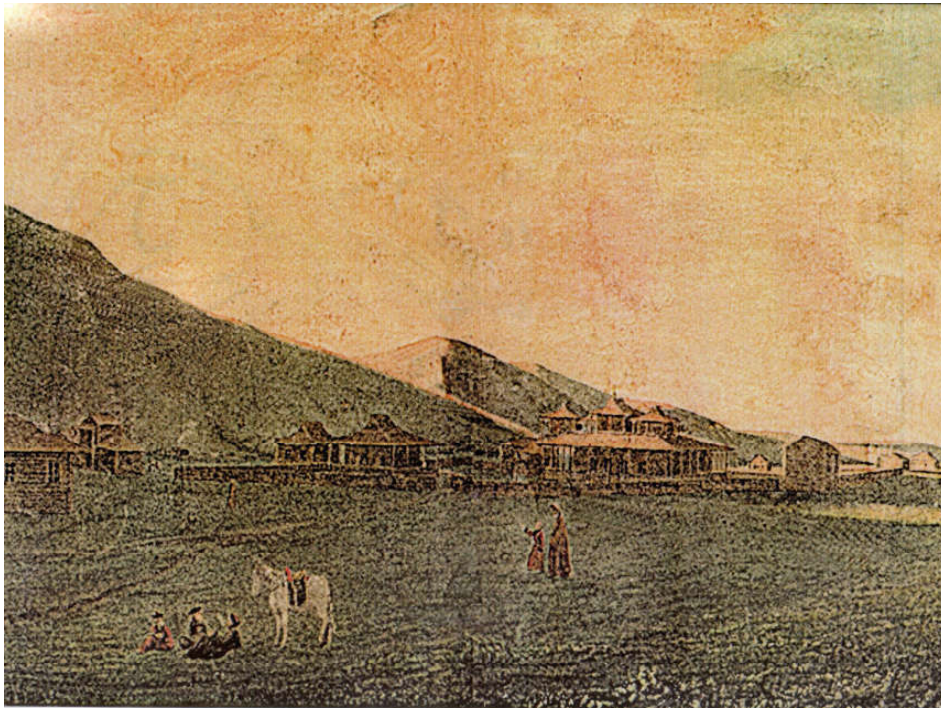
7. Xarчевников A.V. Materialy` k biografii P.N. Ryazanceva. Chita: tipograf. Voенпура, 1924, 68 p

8. Zhamsueva D.S. Aginskie daczany` kak pamyatniki istorii kul'tury`. Ulan-Ude`: Buryatskij nauchny`j centr SB RAS Publ., 2001a, 142 p.

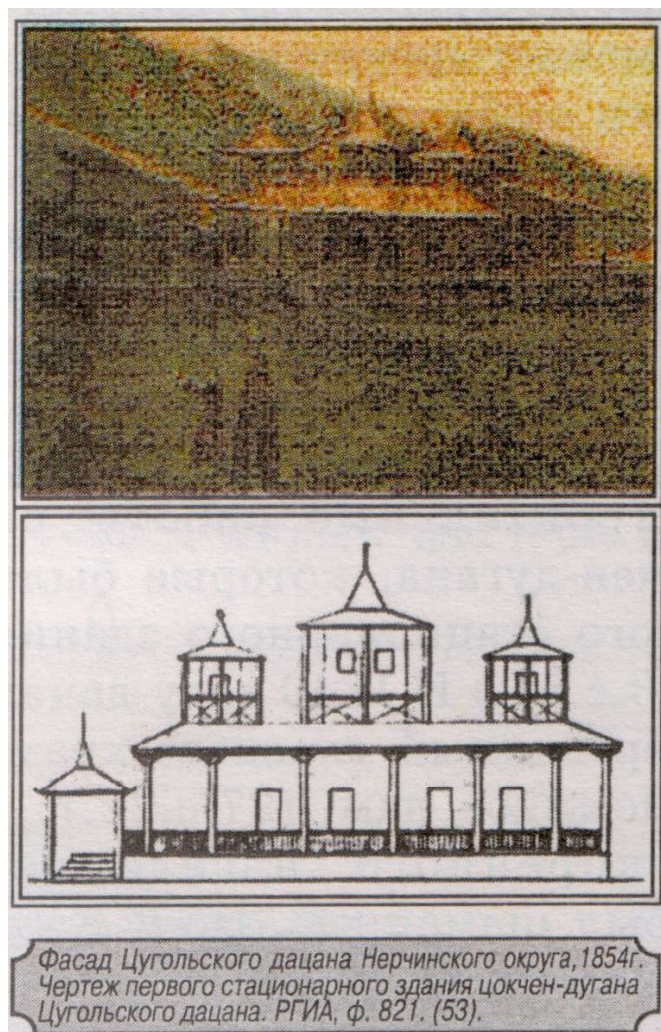
9. Zhamsueva D.S. Czugol'skij daczan: stranicy istorii. In *Mir Buddijskoj kul'tury` : mat. mezhdunarodnogo simpoziuma*. Aginskoe; Chita: [b. i.] 2001b, pp. 16–22.

Список источников

Описание первой Забайкальской выставки сельских и других произведений, бывшей в г. Чите в 1862 г. (составлено по поручению комитета о Выставке сотником Амурского казачьего войска кн. Кропоткиным). Рукопись. [Из фондов Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова г. Читы].

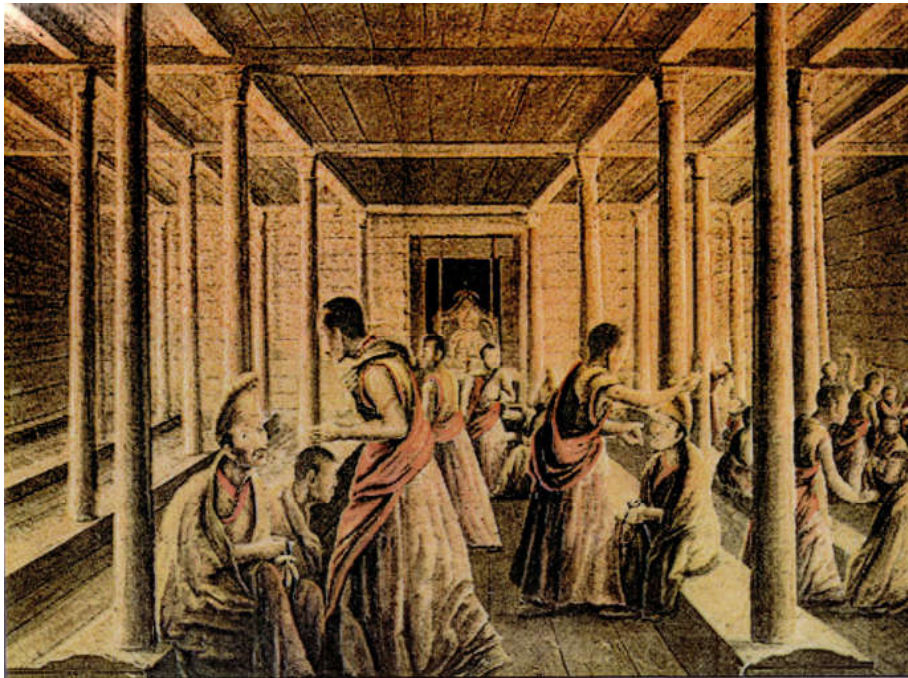

Ил. 1. П.Н. Рязанцев. «Старый Цугольский дацан». Акварель. 1859 г.
Из фондов Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова г. Читы

Фасад Цугольского дацана Нерчинского округа, 1854г.
Чертеж первого стационарного здания цокчен-дугана
Цугольского дацана: РГИА, ф. 821. (53).

Ил. 2. Вверху: фасад Цугольского дацана Нерчинского округа, 1854 г. Внизу: Чертеж первого «трехглавого» стационарного здания цокчен-дугана Цугольского дацана. [Жамсуева, 20016, с. 54]

Ил. 3. П.Н. Рязанцев. «Философский диспут в Цугольском дацане». Акварель. 1858 г. Из фондов Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова г. Читы

Ил. 4. П.Н. Рязанцев. «Благословение ширетуя». Акварель. 1859 г. Из фондов Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова г. Читы

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10082
УДК: 902/904 + 902.6

Ю.Н. Гаркуша
Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
garkusha@archaeology.nsc.ru

Развитие дендрохронологических исследований археологических и архитектурных объектов в Западной Сибири

Аннотация

В статье выделяются и рассматриваются этапы развития дендроархеологических исследований в Западной Сибири. Первые опыты датирования археологической древесины в стране приходятся на рубеж 1950-х — 1960-х гг. Они были проведены на материалах сибирских памятников и дали толчок развитию отечественной дендроархеологии. Тем не менее, на протяжении последующих более 30 лет дендроархеология в археологических и исторических исследованиях в регионе была задействована эпизодически, в отличие от европейской части страны. Переход к относительно регулярному применению метода произошел лишь в середине 1990-х гг. под воздействием ряда факторов. В этот период активизировались археологические исследования на севере Западной Сибири и в высокогорных районах Южной Сибири, где были обнаружены памятники с древесиной хорошей сохранности, пригодной для проведения дендрохронологических исследований. Ставка на комплексные исследования стимулировала развитие дендроархеологии и появление специалистов в этой области в ряде научно-исследовательских организаций и в ВУЗах Сибири. С первой половины 2000-х гг. дендрохронология активно внедряется в процесс исследования сибирских памятников деревянного зодчества.

Ключевые слова: дендрохронология, дендроархеология, памятники деревянного зодчества, Западная Сибирь, археологическая древесина

Y.N. Garkusha
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
garkusha@archaeology.nsc.ru

Development of year-ring analysis of archeological and architectural objects of the Western Siberia

Abstract

The author reveals and describes stages of year-ring analysis development of the cultural objects of the Western Siberia. The first analysis was carried out at the turn of the 1950s and 1960s. The scientists analyzed archeological wood from Siberian cultural monuments and it gave a boost for development of Russian dendroarcheology. At the same time, during the next 30 years in archeological and historical researches in the region dendroarcheology was used only sporadically in contrast to its application in the European part of the country. Siberian specialists started to use the year-ring analysis regularly only in the middle of 1990s. There was a range of factors for that change. First of all, there were active archeological researches at the north of the Western Siberia and in the high-mountain regions of the Southern Siberia in this period. During these researches the cultural monuments with well-preserved wood were found. That wood was suitable for the year-ring analysis. Complex investigation had got priority in the region and stimulated dendroarcheology development. Specialists in this sphere appeared in a number of scientific centers and universities of Siberia. The year-ring analysis has been actively used in the researching of Siberian wooden monuments since the first half of the 2000s.

Keywords: year-ring analysis, dendroarcheology, monuments of wooden architecture, Western Siberia, archeological wood

Фактически становление отечественной дендрохронологии и одного из ее направлений, дендроархеологии, задачами которой является датирование «деревянных предметов, конструкций, предметов искусства из дерева» [Карпунин, 2016, с. 52], происходило в одно время — в 1950-е — 1960-е гг. [Черных, 1996, с. 20, 24]. Первые опыты по датированию археологической древесины в нашей стране приходятся на конец 1950-х гг. Работы проведены на материалах, поступивших именно с азиатской части СССР. И.М. Замоториным (Ленинградское отделение ИА АН СССР) по образцам древесины, полученной

при раскопках в Горном Алтае, была установлена относительная хронология Больших курганов пазырыкской культуры, эпохи раннего железа [Замоторин, 1959; 1963].

Следующее обращение к методу дендрохронологии для датирования историко-культурных памятников, расположенных за Уралом, приходится на конец 60-х — начало 70-х гг. Базу для применения метода составили образцы древесины от археологизированных построек Мангазеи — русского города XVII в. на Севере Западной Сибири (ЯНАО). Мангазея — это и первый успешный пример календарного датирова-

ния археолого-архитектурных объектов в Западной Сибири⁴. Дендроанализ выполнен сотрудником Института экологии растений и животных УНЦ АН СССР (ныне ИЭРиЖ УрО РАН) С.Г. Шиятовым. Именно с деятельностью сотрудников лаборатории дендрохронологии этого научного учреждения будут связаны основные достижения сибирской дендроархеологии, полученные до начала 2000-х гг.

За первое десятилетие своего развития, к началу работ на Мангазее, отечественная дендроархеология, опираясь на материалы северной половины европейской части СССР, достигла значительных успехов [Черных, 2009, с. 14]. Тем не менее, возможность проведения соответствующих работ на Мангазее, вероятно, изначально не рассматривалась: они стали результатом инициативы самих дендрохронологов [Шиятов и др., 2000, с. 52].

Итог работ — датирование образцов древесины, полученных от двух десятков строений различного назначения — оборонительных сооружений, церковных построек, ряда жилых, ремесленных, служебных строений. Для построенной относительной дендрохронологической шкалы по образцам археологического дерева удалось получить календарную привязку посредством датирования с хронологией по живым деревьям. Данный путь получения абсолютных датировок является общепринятым, но не всегда реализуемым из-за возрастных ограничений роста деревьев. Установлено, что полученные для ряда объектов даты заготовки древесины совпадают с информацией об их строительстве, изложенной в письменных источниках [Шиятов, 1972]. Более детально методика отбора образцов, их характеристика, методика проведения измерений и перекрестного датирования рассмотрены исследователем в последующей публикации [Шиятов, 1980].

В 1972 г. был произведен сбор дендрообразцов от башен Казымского острога (ХМАО-Югра) сотрудником ИЭРиЖ Г.Е. Коминым, но результаты дендроанализа были опубликованы значительно позже [Комин, 1980]. Существенная часть образцов была датирована серединой XVIII в. Учитывая незначительную выборку, исследователь указывает, что для корректной интерпретации результатов датирования необходимо привлечь дополнительное количество образцов.

К сожалению, перечисленными работами исчерпаны примеры применения метода для нужд западносибирской археологии и истории на долгие годы. Основной причиной сложившейся ситуации сами ученые-дендрохронологи называли нехватку специалистов и специализированных научных подразделений в регионе. Вместе с тем, подчеркивалась важность этого направления, т.к. построение длительных хронологий во многих районах возможно только за счет привлечения археологической древесины [Шиятов, Комин, 1986, с. 8].

Возрождение дендроархеологических исследований в Сибири приходится на середину 1990-х — начало 2000-х гг. Фактически только с этого

времени можно говорить об активном внедрении дендроанализа в исследовательский процесс в сфере исторических наук: метод датирования по древесно-кольцевым хронологиям нередко сопутствует археологическим и историко-архитектурным изысканиям в регионе.

«Вторая жизнь» дендроархеологии за Уралом была обусловлена активизацией археологических работ на севере Западной Сибири и в высокогорных районах Южной Сибири, где в силу специфических природных условий археологическая древесина сохранилась значительно лучше. Обнаружение ряда памятников с мерзлым культурным слоем стимулировало стремления археологов, направленные на поиски подобных объектов. В значительной мере это оказалось связано с появлением в Сибири новых исследовательских организаций, которые свои усилия направили на изыскательские работы в тех частях Западной Сибири, которые оставались еще слабо охваченными археологическими исследованиями, и делали, при этом, ставку на проведение комплексных археологических исследований. Примером такого сотрудничества специалистов в области дендрохронологии и археологов является деятельность НПО «Северная археология» (г. Нефтеюганск).

Немаловажным моментом является и то, что исследовательский интерес археологов в определенной мере был направлен на те памятники, в отношении которых было заранее известно о присутствии в культурных отложениях остатков древесины хорошей сохранности (Мангазее, Надымский городок и др.).

Безусловно, важнейшим фактором развития дендроархеологии за Уралом явилось появление в этот период новых специалистов и исследовательских групп, которые достаточно регулярно проводили и проводят изыскания по различным направлениям в этой области. Среди таковых организаций следует назвать лабораторию «Естественнонаучные методы в археологии и истории» Гуманитарного института СФУ (г. Красноярск), ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск), кафедру экономической географии и картографии АГУ (г. Барнаул).

Значительные достижения в сфере сибирской дендроархеологии в начале ее нового этапа связаны с деятельностью В.М. Горячева (ИЭРиЖ) по датированию ряда памятников Севера Западной Сибири, ставших базовыми для изучения культуры коренных жителей региона эпохи средневековья — нового времени: Надымского городка, Полуйского мысового городка, городища Бухта Находка⁵, а также русского города Мангазее (все перечисленные памятники находятся в ЯНАО).

Исследователем обработана коллекция образцов древесины, взятой из культурных слоев Надымского городка в 1998–2005 гг. — 1-го периода стационарных исследований на памятнике. За эти годы была сформирована крупнейшая в Сибири коллекция образцов археологической древесины, происходящей из одного памятника — около 1600 спилов [Шиятов и др., 2005, с. 49]. С учетом продолжавшихся в последующие годы работ она остается таковой и по сей день.

Наиболее ранние остатки древесины были дати-

⁵ Более подробно об особенностях дендроархеологических исследований на указанных поселенческих памятниках коренных жителей региона см.: [Гаркуша, 2018].

⁴ Рассматривается история дендроархеологических исследований памятников на территории Западно-Сибирской равнины; примеры исследований в Южной и Восточной Сибири приводятся для сравнительной характеристики общего состояния дендроархеологических исследований за Уралом.

рованы 1-ой половиной X в.; поздняя группа образцов была датирована началом XVIII в. Промежуток между крайними временными периодами был заполнен образцами с относительно равномерно распределенными датами, что позволило предположить долговременный характер существовавшего на этом месте населенного пункта. [Горячев и др., 2002; Горячев, 2003].

Основные результаты, представленные в данных публикациях, с некоторыми корректировками и дополнениями были воспроизведены в обобщающем исследовании, посвященном результатам комплексного археологического изучения этого уникального памятника [Кардаш, 2009, с. 33-34, 61, 358–359]. Собранные материалы были приурочены, главным образом, к «верхнему слою городища», характеризующего поздний этап функционирования укрепленного поселения, временные границы которого на основе дендроанализа были определены концом XVI — первой трети XVIII вв. [Там же, с. 27]. Исследователем, совместно с красноярскими коллегами из СФУ В.С. Мыгланом и Г.П. Омуровой, был проведен дендроанализ образцов древесины из строений Полуйского мысового городка, отобранных в процессе археологического исследования памятника в 2004–2005 гг. Время основания городка было определено как 2-я половина XVI в., завершение его истории отнесено к 1-ой трети XVIII в. [Горячев и др., 2013].

Исследователем были датированы образцы древесины из построек городища Бухта Находка, полученных в процессе раскопок 2007–2008 гг. Начало 20-х гг. XIII в. было определено как возможное время появления городища; поздняя серия дат образцов пришлась на 1-ю половину 80-х гг. XIII в. [Кардаш, 2011, с. 20]. В.М. Горячевым также было обеспечено проведение нового дендрохронологического исследования на Мангазее, в ходе возобновленных работ на памятнике в 2001–2004 гг. [Шиятов и др., 2005, с. 46; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 6, 166]⁶. В конце 1990-х гг. исследователем, по запросу археологов, также были проведены работы по датированию ряда историко-археологических объектов на территории г. Верхотурья (Свердловская обл.): [Горячев, 1997; 1998].

С.Г. Шиятовым и Р.М. Хантемировым (ИЭРиЖ) были определены даты двух образцов, взятых на средневековом поселении Зеленая горка, расположенном в городской черте Салехарда. Время их заготовки было отнесено к концу XIII — началу XIV вв. [Шиятов и др., 2000, с. 54].

Этим же исследователям было выполнено датирование образцов древесины из памятника Усть-Полуй, также расположенного в черте г. Салехард. Единичные образцы были получены во время раскопок 1995 и 2010 г. Несмотря на сомнения авторов в корректности результатов проведенного датирования, их обоснованность была подтверждена датированием по С14: время гибели древесины отнесено ко 2-й половине I в. до н. э. [Хантемиров, Шиятов, 2012].

Среди работ этих исследователей обращает внимание дендроанализ древесины из средневекового могильника Зеленый Яр, исследовавшегося в 1999–2002 гг. (ЯНАО). Из всего количества отобранного для датирования материала, дату удалось получить

⁶ В публикациях присутствует только достаточно краткая информация о результатах дендроанализа.

только для одного образца, происходящего из погребения №27, приходящуюся на 1282 г. [Шиятов, Хантемиров, 2005, с. 303]⁷. Однако, вызывает сомнение интерпретация этой даты археологами как времени совершения захоронения [Зеленый Яр, 2005, с. 108]: согласно контексту нахождения, образец получен от предмета, который мог находиться в употреблении некоторое время.

С.Г. Шиятовым и Р.М. Хантемировым проведена работа по датированию остатков древесины, извлеченных при раскопках поселения Ярте VI в 1991 г. (ЯНАО). Как подчеркивают сами исследователи, полученные результаты имеют особое значение. Материал для датирования — обрубки стволов от нескольких видов кустарниковых ив. Результатом явился вывод, имеющий важное практическое значение для применения метода именно в условиях Крайнего Севера: древесно-кольцевые хронологии, полученные для различных видов хвойных деревьев, произрастающих в регионе, можно использовать также для датирования древесины кустарников. В данном случае в качестве инструмента для датирования использовалась хронология по листовнице: период распределения дендродат составил последнюю треть XI — начало XII вв. Полученные результаты имеют принципиальное значение, т.к. позволяют расширить географию и временной диапазон применения дендроархеологии в условиях Крайнего Севера, где ареал тундровых сообществ превышает ареал распространения древесной растительности [Шиятов, Хантемиров, 2000; Шиятов и др., 2005, с. 47–48].

Вместе с тем касаясь связи полученных дат и материалов поселения необходимо отметить, что исследователи только по прошествии времени получили в свои руки извлеченные из культурного слоя и оставленные на поверхности фрагменты древесины, т.е. сведениями об археологическом контексте они, вероятно, не располагали.

Дендрохронологические исследования сопровождали археологические работы, проведенные в 2003–2008 гг., еще на одном поселенческом памятнике эпохи средневековья — нового времени — городище Усть-Войкарское (ЯНАО). Сбор материала и работы по датированию осуществлены М.А. Гурской (ИЭРиЖ). Даты образцов древесины, происходящей из различных строений и залегавшей в слое, укладываются в период с конца XIII по конец XIX вв. Однако активная строительная деятельность на основе имеющихся материалов завершилась концом XVII — началом XVIII вв. [Гурская, 2008]⁸.

Отдельные примеры локальных дендроархеологических исследований к началу 2000-х гг. известны для археологических объектов, расположенных в среднетаежной зоне. Есть сообщение о проведении Л.И. Агафоновым (ИЭРиЖ) датирования небольшой партии образцов, собранной во время раскопок селища Кушниково-1 (Сургутский р-он ХМАО). Календарный возраст образцов удалось установить с помощью предварительно построенной исследователем хронологии по сосне обыкновенной: датированные деревья были срублены в самом начале XIX в.

⁷ В указанной публикации данных авторов это погребение ошибочно указано как №23.

⁸ Особенности применения дендроанализа в контексте изучения архитектурных объектов городища см.: [Гаркуша, 2018a].

[Шиятов и др., 2005, с. 54].

Этим же исследователем проведено датирование остатков речного судна — барки, обнаруженной под г. Мегион (Сургутское Приобье). Сложность задачи определялась неизвестным источником происхождения древесины для строительства, на основании которого производится выбор известных календарных хронологий, с помощью которых могло быть проведено перекрестное датирование. Фактор необходимости такого выбора актуален для природных зон, расположенных южнее северного предела произрастания древесной растительности. Установлено, что возможным источником происхождения древесины для строительства судна является северо-запад ХМАО; заготовка произведена в самом начале XX в. [Шиятов и др., 2005, с. 54]⁹.

Есть также краткие упоминания о другом направлении применении метода, реализованного на западносибирских материалах — датировании предметов из музейных коллекций (выполнено Шиятовым С.Г. (ИЭРИЖ) для нужд ОМВК г. Салехарда). Однако отсутствие в широком доступе подробной информации о проведенных работах не позволяет составить представление о происхождении и хранении данных предметов, об их типах, о количестве датированных предметов, о методических особенностях работы с таким источником [Шиятов и др., 2005, с. 53].

Значительный рост исследований в области сибирской дендроархеологии на рубеже веков позволил специалистам в данной сфере подвести некоторые итоги этого периода. Было констатировано, что наиболее благоприятные условия для применения метода дендрохронологии для датирования историко-археологических объектов объективно существуют на севере Западной Сибири¹⁰. Этому способствуют ряд факторов:

— значительный по площади регион расположен в пределах одного дендроклиматического района, где фактором, оказывающим наибольшее влияние на прирост деревьев различных видов, является температурный сигнал;

— для этого региона уже существует ряд длительных (от нескольких сот до нескольких тысяч лет) древесно-кольцевых хронологий;

— особенность почвенно-грунтовых и климатических условий позволяет в культурных слоях археологических объектов сформироваться условиям, в целом, обеспечивающим хорошую сохранность древесины.

Совокупность этих факторов обусловила ситуацию, при которой древесина из историко-археологических объектов региона может быть датирована при помощи любой древесно-кольцевой хронологии, полученной для этого района, что позволяет с меньшими затратами времени и сил производить датировки. В пределах средней и южной тайги дендрохронологические датировки историко-археологических объектов также возможны, но их проведение требует дополнительных методик и построения более длительных шкал [Шиятов и др., 2000; 2005].

⁹ К сожалению, развернутой информации о проведенных Л.И. Агафоновым исследованиях обнаружить в широком доступе не удалось.

¹⁰ В рассматриваемом контексте в этот район входят природные зоны современной тундры, лесотундры, северной тайги [Шиятов, Хантемиров, 2000, с. 113].

В последующие годы дендроархеологические исследования в Западной Сибири были связаны, в значительной степени, с продолжением изучения известных многослойных поселенческих комплексов с сохранившимися строительными объектами на ее северных территориях.

Так, продолжение исследования Надымского городка привело к появлению серии работ как по датированию новых архитектурных объектов, так и выделенных с акцентом на решение палеоэкологических вопросов. Продолжающиеся раскопки позволили выявить строительные горизонты, предшествующие появлению исследованной ранее застройки конца XVI — первой трети XVIII вв.: дендродаты и их интерпретация рассматриваются в контексте отдельных построек, что выгодно отличает появившиеся публикации от материалов, представленных ранее.

Были представлены результаты датирования образцов древесины из построек №2 и 12, полученных в ходе сборов 2011 г. Работы по датированию были выполнены красноярскими специалистами (СФУ) [Омурова и др., 2013]. Для 1-ой постройки время заготовки строительного материала определены интервалом с 60-х — 70-х гг. XV в. по 20-е — 30-е годы XVII в.; для 2-ой — 30-е—70-е годы XV в. Однако интерпретация дат вызывает сомнение, т. к. образцы были получены уже от демонтированных построек, без указания принадлежности мест их отбора.

Датирование образцов древесины из построек №13.4, 21, 22 выполнено М.О. Сидоровой, В.С. Мыгланом (СФУ): время строительства первых двух объектов отнесено к 40-м — 50-м годам XV в., а постройки №22 — к 40-м годам XIV в. [Кардаш и др., 2018, с. 352–356]. Таким образом, по новым дендрохронологическим данным были выделены строительные периоды XIII — середины XV вв., середины XV — середины XVI вв. [там же, с. 347, 349].

Археологическая древесина Надымского городка в разные годы была также использована как источник для получения палеоклиматической информации [Горячев, 2003; Омурова и др., 2018].

Археологические работы на городище Бухта Найдка были связаны с доисследованием построек, выявленных ранее, а также увеличением площади раскопа в пределах «верхнего строительного горизонта», в результате чего было выявлено еще две постройки. Дендрохронологическое исследование было выполнено также красноярскими специалистами из СФУ [Сидорова и др., 2017; Sidorova et al., 2017]. Полученные даты укладываются в период, установленный ранее по данным В.М. Горячева, но вызывает удивление, что их интерпретация произведена без учета результатов этого исследователя, что приводит к некорректной аргументации вывода о времени возникновения городища. Вызывает недоумение, что новые исследования характеризуются как впервые проведенные на памятнике [Sidorova et al., 2017, p. 146].

В ходе археологического исследования поселения эпохи энеолита Горный Самотнёл-1 (ЯНАО), произведенного в 2010–2014 гг., в одном из жилищ были обнаружены остатки двух лиственничных столбов, являвшихся элементами конструкции постройки. Р.М. Хантемировым (ИЭРИЖ) установлено, что гибель деревьев приходится на 2-ю пол. III тыс. до

н. э. Полученные по другим материалам радиоуглеродные даты подтвердили хронологическую атрибуцию памятника [Тупахина, Тупахин, 2014, с. 41]. Без сомнения, данные результаты являются примером наиболее раннего, на сегодняшний день, календарного датирования методом дендрохронологии археологического объекта на территории России.

В.С. Мыгланом (СФУ) выполнено датирование археологизированной постройки, раскопанной в ходе археологических работ 2006 г. на поселении, примыкающем к границам Казымского острога, интерпретированного исследователями как хантыйское поселение Юильский городок. Установлено, что объект был сооружен не ранее 1896 г. [Казымский., 2018, с. 145, 146].

С начала 2000-х гг. происходит активизация археологических работ на территории ряда первых городских поселений, основанных русскими на территории Западной Сибири — Тобольска, Березова, Тары и др. Для исследователей становятся доступны культурные слои городских поселений XVII–XIX вв. с остатками разной степени сохранности архитектурных объектов. К сожалению, увеличение источниковой базы по деревянному домостроению не способствовало внедрению практики планомерных дендрохронологических исследований при проведении археологической изысканий на памятниках такого рода. Так, нет информации, что при археологических работах в Березове, несмотря на большое количество построек, применялся метод дендрохронологии [Визгалов, Пархимович, 2008а; Визгалов, Кардаш, 2011].

Есть краткая информация о применении метода при проведении археологических исследований в исторической части Тобольска — датировании образцов от частокола, обнаруженного в ходе работ в 2007 г. Дендроанализ был проведен В.М. Горячевым (ИЭРиЖ) и С.П. Арефьевым (ИПОС СО РАН). Время заготовки полученных образцов отнесено к 1-ой трети XVII и середине XVIII вв. [Матвеев и др., 2008, с. 118, 125]. Данный пример пока остается единственным в исследовании Тобольска [Данилов, 2017, с. 57].

В какой-то мере планомерный подход был реализован при археологическом изучении г. Тара, активно ведущегося с 2009 г. [Татауров и др. 2017, с. 418; Татауров, 2018, с. 34]. Работы проводились специалистами СФУ, однако результаты этого исследования пока не представлены научному сообществу.

Исследователям из СФУ удалось датировать ряд внутримогильных деревянных конструкций, обнаруженных при исследовании могильника Горноправдинский в 2015 г. — одного из немногих исследованных некрополей русского населения в северной части Западной Сибири (ХМАО). Дендрообразцы получили календарную привязку посредством перекрестного датирования с построенной для этого района древесно-кольцевой хронологией. Полученные даты укладываются в период 2-й трети XIX в. [Баринов и др., 2016, с. 92–93].

С начала 2000-х гг. в сферу применения метода дендрохронологии начинают активно включаться объекты историко-архитектурного наследия, происходящие из различных регионов Западной Сибири. Но, вероятно, начало подобным работам в азиатской части России было положено в 1980-х гг., когда на территории Свердловской области проводились ис-

следования по воссозданию исторической последовательности изменения форм деревянного народного зодчества Урала конца XVIII — начала XX вв., основанные на дендрохронологической датировке привлекаемых к исследованию объектов. Работы по установлению возраста 32 построек проводились специалистами ИЭРиЖ [Долгов, 1990].

В первой половине 2000-х гг. для продления региональных хронологий по живым деревьям лесостепной и степной части Алтайского края сотрудниками АГУ Н.И. Быковым, В.А. Быковой, Н.В. Малышевой (Рыгаловой) было выполнено дендрохронологическое обследование древесины из старых построек ряда алтайских сельских исторических поселений. Среди полученных индивидуальных хронологий присутствовали ряды, датированные XVII–XVIII вв. Однако собственно историко-дендрохронологические исследования при этом не являлись основной задачей исследователей. Самые ранние образцы, относящиеся к последней трети XVII в., были получены при раскопках в центре Барнаула [Быков и др., 2005, с. 245; Рыгалова, 2018, с. 204]. Предпринята попытка датирования объекта горнодобывающего производства из действующего месторождения Мурзинское-1 (Алтайский край, предгорья) [Быков, Малышева, 2012].

В 2003 г. силами НПО «Северная археология» в п. Горноknязевск (ЯНАО) были проведены работы по выявлению и обследованию традиционных жилых построек северных ханты. В процессе были получены дендрообразцы с двух построек, входящих в состав усадьбы известного хантыйского рода князей Тайшиных. Время их сооружения на основе дендроанализа отнесено к периоду не позднее 20-х — 30-х гг. XIX в. [Кардаш, Ивасько, 2004; Митина, 2010, с. 42, 43; Кардаш, 2013, с. 58]¹¹.

В ходе комплексных археолого-этнографических работ по исследованию окрестностей Казымского острога (ХМАО) в 2006 г. В.С. Мыгланом (СФУ) был проведен сбор образцов от руинированных остатков традиционных жилищ казымских ханты. Были датированы дендрообразцы, отобранные от 6 жилых построек. Установлено, что время сооружения этнографических архитектурных объектов приходится на конец XIX — начало XX в. [Казымский., 2018, с. 142–150].

В 2008 г. В.С. Мыгланом в сотрудничестве с сотрудником ИАЭТ СО РАН И.Ю. Слюсаренко был проведен отбор дендрообразцов с башен Казымского острога, находящихся с 1973 г. в экспозиции Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН и выполнен повторный дендроанализ объектов зодчества. Фактически был подтвержден результат, полученный ранее по этим же сооружениям Г.Е. Коминым [Мыглан и др., 2010в].

В этом же году были отобраны образцы от 19 памятников деревянного зодчества, расположенных в п. Березово (ХМАО) — одном из первых поселений русских за Уралом. Сбор образцов и работы по датированию архитектурных объектов выполнены В.С. Мыгланом при участии на определенных этапах исследования О.А. Жарниковой (СФУ). Данные работы явились примером первого массового обследо-

¹¹ Следует отметить, что в разных публикациях краткие упоминания результатов датирования незначительно, но тем не менее варьируются в пределах обозначенного периода.

ния архитектурных памятников на территории Сибири, с целью реконструкции детальной строительной истории исторических поселений [Мыглан, Жарникова, 2009; 2010; Мыглан и др., 2010].

В 2015 г. группой специалистов из СФУ произведен сбор образцов от четырех построек, расположенных в исторической части п. Горноправдинск, и выполнено их датирование. Сбор был выполнен с целью возможного продления хронологии по живым деревьям, создаваемой для датирования археологических объектов (мог. Горноправдинский). Время строительство объектов распределено в интервале с конца XIX до 2-ой трети XX вв. [Баринов и др., 2016].

В 2014–2015 гг. специалистами СФУ было проведено дендрохронологическое изучение архитектурных объектов в Омской обл. Дендроанализу была подвергнута древесина из построек, расположенных в исторической части г. Тара (11 объектов), а также из историко-архитектурных объектов, перемещенных на территорию историко-культурного комплекса «Старина Сибирская» (п. Большеречье; 9 объектов) [Сидорова и др., 2016; 2017а; 2017б].

В 2015 г. Л.И. Агафоновым и Н.Е. Колчевой (ИЭРиЖ) был проведен сбор образцов с бревен заброшенной часовни в бывшей дер. Комса, известной со 2-ой пол. XVIII в. (север Красноярского края). Датирование показало, что время сооружения часовни, для которой не удалось обнаружить каких-либо документальных свидетельств о времени ее возникновения, можно отнести к середине 1910-х гг. [Агафонов, Колчева, 2017]¹².

Не редкость, когда решение задач, находящихся в компетенции дендрoarхеологии, осложняет влияние различных факторов: в значительной степени их негативное воздействие сказывается при работе с археологической древесиной, происходящей из памятников срединной и южной части Западно-Сибирской равнины. В середине 1990-х гг. на волне достижений дендрoarхеологии, полученных на материалах высокогорных комплексов эпохи раннего железа на территории Горного Алтая, были предложены методические обоснования возможности проведения подобных исследований и для сопредельных равнинных территорий. Важной предпосылкой являлось наличие остатков древесины в археологических памятниках, относящихся к различным историческим периодам. Однако относительно плохая сохранность археологической древесины, по сравнению с историко-архитектурными объектами, указывалась как фактор, значительно ограничивающий возможность применения метода в этой части Западной Сибири [Слюсаренко, Бородовский, 1996].

Специалисты в области дендрoarхеологии указывают на ряд универсальных обстоятельств, помимо сохранности древесины, ограничивающих проведение соответствующих исследований на указанной территории:

1) трудновыполнимой задачей является поиск участков леса, особенно вокруг исторических поселений, с древесиной, возраст которой превышает более полутора веков (крайне редко удается получить хронологию длительностью более 300 лет), необходимой для построения календарной древесно-коль-

цевой хронологии как инструмента датирования. С одной стороны, это обусловлено биологическими особенностями произрастания деревьев в данных климатических условиях; с другой — степенью лесохозяйственной освоенности региона;

2) в природных условиях, где прирост деревьев происходит в условиях слабо выраженного лимитирующего фактора, принципиальное значение приобретает определение породового состава измеряемого образца и его соответствие породовому составу календарные хронологии;

3) важное значение приобретает принадлежность места произрастания строительной древесины к одному дендроклиматическому району, с имеющейся локальной хронологией [Сидорова и др., 2016; 2017а; 2017б; Рыгалова, 2018, с. 202].

В силу этих причин, например, пока не увенчалась успехом работа по датированию образцов из раскопок 2014 г. зимовья русских поселенцев на Карачинском острове, южнее Тобольска [Матвеева и др., 2018, с. 111, 113]¹³; образцов древесины из раскопок Умревинского острога, основанного в начале XVIII в., которые ведутся с определенными промежутками времени с 2002 г. (север Новосибирской обл.) [Бородовский, Горохов, 2009, с. 22–24]; образцов древесины из инженерных конструкций Сузунского медеплавильного завода (юг Новосибирской обл.) [Сидорова, 2014].

В этой ситуации уникальными являются редкие примеры выполненных работ по датированию археологической древесины из памятников юга Западной Сибири, имеющих значительную древность. Сохранность древесины обеспечивалась уникальной для каждого случая совокупностью факторов. В данных обстоятельствах не приходится говорить о точной календарной привязке образцов древесины, но успехом является получение относительной хронологии по каждому памятнику.

Первым опытом для лесостепной части Западной Сибири стало датирование древесного материала из внутримогильных конструкций курганной группы эпохи раннего железа Быстровка-2 (Верхнее Приобье), исследованной на рубеже 1990-х — 2000-х гг. Обращает внимание массовость использованного материала — 109 образцов из 40 погребений. Датирование выполнено И.Ю. Слюсаренко (ИАЭТ СО РАН). Относительно плохая сохранность древесины обусловила вероятностный характер полученных результатов. Тем не менее, материалы Быстровки продемонстрировали принципиальную возможность проведения дендроанализа для археологических древностей юга Западной Сибири. Календарная привязка относительной хронологии по курганам Быстровки-2 оказалась возможной посредством метода «подгонки по зубцам» («wiggle matching») на основе имеющейся серии радиоуглеродных дат, полученных для ряда дендрообразцов из данной группы [Бородовский и др., 2003].

Другой пример применения метода дендрохронологии в археологии лесостепной части Западной

¹² Данные материалы условно отнесены к западносибирским, исходя из общепринятого определения восточной границы Западно-Сибирской равнины.

¹³ Л.И. Агафоновым (ИЭРиЖ) было отобрано и проанализировано 22 образца археологической древесины. Между тем, на основе анализа калиброванных дат древесины времени основания памятника, по мнению исследователей, может относиться ко 2-й половине XVII в.

Сибири относится к Притоболью и также связан с памятником эпохи раннего железа — захоронением Царев Курган. Памятник исследовался в 1959–1960 гг.; по археологическим материалам время его возведения отнесено к 2-ой пол. I тыс. до н. э. Характеризуется сохранившимися в удовлетворительном состоянии фрагментами крупногабаритной деревянной погребальной конструкции; семь образцов древесины поступили на хранение в Курганский областной краеведческий музей. Дендрохронологическое исследование было предпринято в 2017 г. С.П. Арефьевым (ИПОС). Помимо получения оценочных (вероятно, только в одном случае сохранилось подкорковое кольцо) данных по относительной хронологии удалось установить, что деревья относились к одному породовому составу, но произрастали в разных экотипических условиях [Зах, Арефьев, 2018].

Алтайскими специалистами в области дендрохронологии предприняты попытки датирования древесины из средневековых погребальных комплексов — памятников сrostкинской культуры, исследованных в степной и лесостепной зонах Алтайского края [Быков и др., 2013].

Представленный обзор публикаций позволяет, в значительной степени, получить представление о развитии дендрoarхеологических исследований в Западной Сибири, о включенности в этот процесс различных исследовательских коллективов.

Не будет преувеличением сказать, что со середины 2000-х гг. центр дендрoarхеологических исследований в Сибири фактически переместился в Красноярск, где в 2008 г. в составе Гуманитарного института СФУ была создана лаборатория «Естественно-научные методы в археологии и истории» [Гуманитарный институт. Лаборатория...]. Одним из основных исследовательских направлений основанной лаборатории, помимо традиционной для дендрохронологии экологической проблематики, стало дендрохронологическое датирование археологических и архитектурных памятников Сибири. Особенностью работы этого исследовательского подразделения является широкий географический ареал дендрохронологических изысканий, проводимых в различных дендроклиматических условиях. Первые исследования были посвящены датированию зимовий русских поселенцев на п-ве Таймыр [Мыглан, Ваганов, 2005]. В продолжение развития направления по дендрохронологическому обследованию памятников деревянного зодчества были проведены, например, работы по обследованию Спасской церкви из Зашиверска (совместно с И.Ю. Слюсаренко (ИАЭТ)) [Мыглан и др., 2009], юго-западной башни Братского острога [Мыглан и др., 2010a], Спасской башни Илимского острога и Илимской церкви Казанской иконы Божией Матери [Мыглан и др., 2010b], датирование историко-архитектурных объектов г. Енисейска [Жарников, Мыглан, 2017; Жарников и др., 2017], датирование отдельных историко-архитектурных объектов в исторических поселениях Приангарья [Жарников, Мыглан, 2011; 2013].

Работа с археологическими объектами представлена, например, датированием древесины из погребений Чурапчинского улуса (Якутия) [Мыглан, 2010], датированием построек Нижнеколымского (Стадухинского) острога (Якутия) [Жарников и др., 2014], построек Старотуруханского городища (Новая Мангазея; север Красноярского края) [Жарников и др.,

2014a], датированием древесины из элитного кургана эпохи раннего железа Аржан-2 (Тува; совместно с коллегами из ИАЭТ) [Мыглан и др., 2006].

По итогам процесса датирования историко-архитектурных объектов были обобщены методические наблюдения по работе с происходящей из них древесиной [Мыглан, Жарников, 2014]; на примере памятников деревянного зодчества г. Енисейска апробирован метод датирования *blue intensity*, основанный на измерении оптической плотности древесины и призванный повысить эффективность работы с древесиной, произрастающей в условиях слабо выраженного лимитирующего фактора [Мыглан и др., 2018].

Сотрудниками лаборатории подготовлены диссертационные исследования, где во главу угла поставлены результаты дендрохронологических исследований археологических и историко-архитектурных объектов Сибири [Мыглан, 2012; Жарников, 2012].

Дендрoarхеология представлено также в стенах ИАЭТ СО РАН; направление связано с деятельностью И.Ю. Слюсаренко. Первые работы в этом направлении в Институте относятся к середине 1990-х гг. и были стимулированы многолетними исследованиями памятников пазырыкской культуры на высокогорном плато Укок, где были обнаружены хорошо сохранившиеся различные деревянные внутримогильные конструкции [Слюсаренко, 1997]¹⁴. Исторически сложилось, что и по сей день дендрохронологическое исследование древностей Саяно-Алтая остается основным направлением дендрoarхеологических исследований в стенах Института [см. например: Seifert, Sljusarenko, 1996; Слюсаренко, Гаркуша, 1999; Слюсаренко, 2000; Слюсаренко и др., 2000; Слюсаренко, 2010; Слюсаренко, Мыглан, 2010; Мыглан и др., 2012; Слюсаренко, Мыглан, 2015]. Учитывая значительную древность привлекаемой для исследования археологической древесины, речь могла идти только о получении относительной хронологии объектов. В связи с этим важной задачей стало получение для «плавающих» хронологий календарных привязок с помощью радиоуглеродного датирования с использованием метода «wiggle matching» [см. например: Slusarenko et al., 2001]¹⁵.

С определенной регулярностью проводятся комплексные исследования археологических памятников с применением дендрoанализа археологами и специалистами в области дендрохронологии АГУ. Помимо уже упомянутых ранее публикаций, отметим ряд исследований, проведенных на территории Горного Алтая и его северо-западных предгорий. Так,

¹⁴ Отметим, что к началу планомерных дендрoarхеологических исследований, развивающихся под эгидой ИАЭТ СО РАН, для территории Саяно-Алтая помимо ранее упомянутых работ И.М. Замоторина было выполнено только два дендрохронологических исследования, которые были направлены на переосмысление введенных в оборот Замоториным данных по хронологии Больших курганов пазырыкской культуры. Единственным новым объектом приложения метода дендрохронологии в этих работах явился «царский» курган Аржан в Туве, раскопанный в 1971–1974 гг. [Захариева, 1974; Марсадалов, 1985 и др.].

¹⁵ Только в последние годы благодаря построению календарной 2367-летней древесно-кольцевой хронологии «Монгун-Тайга» [Мыглан и др., 2012] появилась возможность абсолютно датировать памятники Саяно-Алтая, но не древнее первой трети I тыс. до н. э. и расположенных в высокогорной зоне [Мыглан и др., 2012a].

были предприняты попытки датирования археологической древесины из ранних погребальных комплексов Яломанского археологического микрорайона: объектом исследования послужила древесина из комплексов пазырыкской и булан-кобинской культур (сер. I тыс. до н. э. — начало I тыс. н. э.) [Быков и др. 2003; 2004; 2005]. Дендроанализ был применен в отношении древесины из пазырыкских погребальных комплексов Чинетинского археологического микрорайона (Северо-Западный Алтай) [Быков и др., 2014].

Приведенный обзор публикаций в значительной степени исчерпывает, на сегодняшний день, корпус доступной научной общественности информации о дендроархеологических исследованиях, проведенных в Западной Сибири за, без малого, пятьдесят лет. Отметим, что многие исследования в этой области проводятся в кооперации между представителями упомянутых исследовательских организаций.

Список литературы

1. Агафонов Л.И., Колчева Н.Е. Определение времени постройки деревянной часовни на кордоне Комса (Туруханский район, Красноярский край) // Вестник ТГУ. Серия: история. — 2017. — №46. — С. 110–116.
2. Баринов В.В., Жарников З.Ю., Зайцева Е.А., Кениг А.В., Мыглан В.С., Сидорова М.О. Дендрохронологическое датирование памятников истории и культуры п. Горноправдинск // Вестник угроведения. — 2016. — №2. — С. 85–97.
3. Бородовский А.П., Горохов С.П. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, НГПУ, 2009. — 244 с.
4. Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж. А, Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж.С., Джал Э.Дж.Т. Хронология погребальных комплексов раннего железного века в Верхнем Приобье по данным древесно-кольцевого и радиоуглеродного методов (на примере курганной группы Быстровка-2) // АЭАЕ. — 2003. — №3. — С. 79–92.
5. Быков Н.И., Быкова В.А., Горбунов В.К., Тишкин А.А. Дендрохронологический и ксилотомический анализ древесины с Яломанского археологического комплекса // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. — Т. IX. — Ч. I. — С. 286–288.
6. Быков Н.И., Быкова В.А., Горбунов В.К., Тишкин А.А. Дендрохронологический и анатомический анализ древесины из могильника Яломан-II (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. — Т. X. — Ч. II. — С. 192–194.
7. Быков Н.И., Быкова В.А., Горбунов В.К., Тишкин А.А. Результаты дендроархеологических исследований на юге Западно-Сибирской равнины и Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. — Т. XI. — Ч. I. — С. 243–246.
8. Быков Н.И., Малышева Н.В. Дендрохронологический анализ исторического объекта горнодобывающего производства на Алтае // Журнал СФУ. Серия: Биология. — 2012. — Т. 5. — №1. — С. 89–96.
9. Быков Н.И., Малышева (Рыгалова) Н.В., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Дендрохронологический анализ древесины из памятников сrostкинской культуры // Вестник алтайской науки. — 2013. — №1. — С. 208–212.
10. Быков Н.И., Рыгалова Н.В., Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Дендрохронологический анализ археологической древесины из памятников Северо-Западного Алтая // Вестник алтайской науки. — 2014. — №1. — С. 267–272.
11. Визгалов Г.П., Кардаш О.В. «Остяцкая усадьба» в посаде города Березова XVIII в. (по материалам археологического исследования 2008 г.) // ВААЭ. — 2011. — №1. — С. 87–97.
12. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). — Екатеринбург-Нефтеюганск: Магеллан, 2008. — 296 с.
13. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск: Апельсин, 2008а. — С. 166–178.
14. Гаркуша Ю.Н. Дендрохронология городища Усть-Войкарское: опыт историографического исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. — Т. XXIV. — С. 242–245.
15. Гаркуша Ю.Н. Архитектура поселений коренного населения Севера Западной Сибири: дендрохронологический аспект // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГУАДИ, 2018. — Т. XIV. — С. 30–35.
16. Горячев В.М. Датировка образцов древесины из археологических раскопок на территории Николаевского монастыря г. Верхотурья // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Екатеринбург: «Екатеринбург», 1997. — С. 166–174.
17. Горячев В.М. Некоторые итоги датировки остатков деревянных строений из археологических раскопок на территории г. Верхотурья // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. — С. 6–13.
18. Горячев В.М. Использование остатков древесины «Надымского городища» для построения длительных хронологий и реконструкции температурных условий // Экология древних и современных обществ. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. — Вып.2. — С. 30–33.
19. Горячев В.М., Горячева Т.А., Кардаш О.В. Хронология «Надымского городища» с помощью древесно-кольцевого анализа // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. — Тюмень: ИПОС СО РАН, 2002. — С. 22–24.
20. Горячев В.М., Мыглан В.С., Омурова Г.Т. Определение возраста образцов древесины из строений Полуевского мысового городка по дендрохронологическому методу // В кн.: Кардаш О.В. Полуевский мысовый городок князей Тайшиных. — Екатеринбург-Салехард: Магеллан, 2013. — С. 370–375.
21. Гуманитарный институт СФУ. Лаборатория «Естественнонаучные методы в археологии и истории» — URL: // <http://hi2.sfu-kras.ru/node/255>.
22. Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауна

- и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. — Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. — С. 212–231.
23. Данилов П.Г. Междисциплинарные исследования в археологическом изучении материальной культуры города Тобольска / В. кн.: Тобольск: времена, события, люди. — Тобольск: ТКНС УрО РАН, 2017. — С. 54–60.
24. Долгов А.В. Применение метода перекрестного датирования древесины при определении возраста сельских построек Урала // Вопросы исследования памятников архитектуры. — М.: [Б. и.], 1990. — С. 141–146.
25. Жарников З.Ю. Историко-дендрохронологический анализ памятников деревянного зодчества Севера-Запада Иркутской области: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 2012. — 23 с.
26. Жарников З.Ю., Визгалов Г.П., Князева Е.В., Коноваленко М.В., Мыглан В.С. Результаты дендрохронологической датировки Стадухинского острога // РА. — 2014. — №1. — С. 122–128.
27. Жарников З.Ю., Гевель Е.В., Мыглан В.С. Бревенчатое наследие Сибири — старейшие сооружения деревянного зодчества Енисейска // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2017. — №5. — С. 24–36.
28. Жарников З.Ю., Мыглан В.С. К истории создания церковно-приходских школ Восточной Сибири на пример датировки церковно-приходской школы из с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области // Мир Евразии. — 2011. — №3. — С. 33–36.
29. Жарников З.Ю., Мыглан В.С. К вопросу о времени строительства усадьбы Непомилуева из д. Гарманка Иркутской области // Вестник ТГУ. Серия: история. — 2013. — №4. — С. 49–52.
30. Жарников З.Ю., Мыглан В.С. Определение времени сооружения больничного комплекса в южной нагорной зоне г. Енисейска // Древности Приенисейской Сибири. — Красноярск: СФУ, 2017. — Вып. VIII. — С. 105–115.
31. Жарников З.Ю., Визгалов Г.П., Князева Е.В., Коноваленко М.В., Мыглан В.С. Результаты дендрохронологической датировки Стадухинского острога // РА. — 2014. — № 1. — С. 122–128.
32. Жарников, З.Ю., Рудковская, М.А., Визгалов, Г.П., Мыглан, В.С. Дендрохронологическая датировка построек центральной части посада Старотуруханского городища. // АЭАЕ. — 2014а. — №2. — С. 67–76.
33. Замоторин И.М. Относительная хронология Пазырыкских курганов // СА. — 1959. — №1. — С. 21–30.
34. Замоторин И.М. О возможности установления относительных датировок территориально удаленных сооружений методом анализа древесных стволов в условиях Горного Алтая // СА. — 1963. — №2. — С. 131–138.
35. Зах В.А., Арефьев С.П. Дерево из конструкции Царева Кургана на Тоболе // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. — С. 276–293.
36. Захариева Е.И. Археологическое дерево как исторический источник (Дендрохронология Саяно-Алтайских курганов VIII–III вв. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1974. — 21 с.
37. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Алексашенко Н.А., Брусницына А.Г., Литвиненко М.Н., Косинцев П.А., Перевалова Е.В., Ражев Д.В., Федорова Н.В. — Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2005. — 368 с.
38. Казымский археолого-этнографический комплекс / Молодин В.И., Новиков А.В., Кениг А.В., Добжанский В.Н., Выборнов А.В., Ведмидь Г.П., Мыглан В.С., Зайцева Е.А., Майничева А.Ю., Шиль А.А. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. — 264 с.
39. Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. — Екатеринбург-Нефтеюганск: Магеллан, 2009. — 360 с.
40. Кардаш О.В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). — Нефтеюганск: АНО «Институт археологии Севера»; Екатеринбург: АМБ, 2011. — 60 с.
41. Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки конца XVI — первой половины XVIII в. История и материальная культура). — Екатеринбург-Салехард: Магеллан, 2013. — 379 с.
42. Кардаш О.В., Ивасько Л.В. Историко-архитектурные исследования в п. Горнокнязевске Приуральского района ЯНАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск-Ханты-Мансийск: ТГУ, 2004. — Вып. 2. — С. 475–478.
43. Кардаш О.В., Липс С.А., Сидорова М.О., Мыглан В.С., Лобанова Т.В. Надымский городок: новые данные о хронологии в русском освоении Севера Западной Сибири в XIII–XIV веках // Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований. — Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. — Ч. I. — С. 346–381.
44. Карпухин А.А. Дендрохронология в археологии: методические аспекты // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) — М.: ИА РАН, 2016. — С. 52–68.
45. Комин Г.Е. Дендрохронология Казымского городка // Историко-архитектурный музей под открытым небом. — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 121–126.
46. Марсадалов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII – IV вв. до н. э.): автореф. дис. канд. ист. наук. — Л., 1985. — 16 с.
47. Матвеев А.В., Аношко О.М., Сомова М.А., Селиверстова Т.В. Исследование объекта с частоколом и подземным ходом на территории Тобольского посада // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск: Апельсин, 2008. — С. 115–127.
48. Матвеева Н.П., Якимов А.С., Ларина Н.С., Агафонов Л.И. Стоянка сибирских первопроходцев на Карачинском острове (Нижнее Притоболье) // АЭАЕ. — 2018. — Т. 46. — №1. — С. 108–116.
49. Митина Н.Н. Хозяйственные и жилые постройки обских угров // Академический вестник УралНИИ-проект РААСН. — 2010. — №1. — С. 40–45.
50. Мыглан В.С. Дендрохронологический анализ погребений Чурапчинского улуса (Республика Саха) // Мир Евразии. — 2010. — №3. — С. 41–48.
51. Мыглан В.С. Историко-культурные процессы в Сибири в контексте климатических изменений по данным археологии, дендрохронологии и истории (XVII–XIX вв.): автореф. дисс. док. ист. наук. — Новосибирск, 2012. — 38 с.

52. Мыглан В.С., Ваганов Е.А. К вопросу о датировке исторических памятников на Таймырском полуострове: дендрохронологический и исторический аспекты // Вестник КрасГУ. — 2005. — №5. — С. 176–182.
53. Мыглан В.С., Ведмидь Г.П., Майничева А.Ю. Березово: историко-архитектурные очерки. — Красноярск: СФУ, 2010. — 152 с.
54. Мыглан В.С., Жарников З.Ю. Датирование исторических памятников Сибири дендрохронологическим методом. Методический аспект // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. — Том I. — С. 112–117.
55. Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Майничева А.Ю., Лыхин Ю.П. Результаты дендрохронологического обследования Братского острога. // РА. — 2010а. — №3. — С. 164–168.
56. Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Майничева А.Ю., Лыхин Ю.П. Дендрохронологическое обследование Илимского острога // Мир Евразии. — 2010б. — №4. — С. 36–41.
57. Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Сидорова М.О., Баринов В.В., Тайник А.В. Применение метода blue intensity для датирования памятников деревянного зодчества Сибири // АЭАЕ. — 2018. — Т. 46. — №4. — С. 109–113.
58. Мыглан В.С., Жарникова О.А. Датировка памятников деревянного зодчества п. Березово ХМАО-Югры методом дендрохронологии // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2009. — Вып. 7. — С. 294–301.
59. Мыглан В.С., Жарникова О.А. Применение дендрохронологического метода для датировки памятников деревянного зодчества в п. Березово // Мир Евразии. — 2010. — №1. — С. 43–46.
60. Мыглан В.С., Ойдупаа О.Ч., Ваганов Е.А. Построение 2367-летней древесно-кольцевой хронологии для Алтае-Саянского региона (горный массив Монгун-Тайга) // АЭАЕ. — 2012. — №3. — С. 76–83.
61. Мыглан В.О., Слюсаренко И.Ю., Ойдупаа О.Ч., Гаркуша Ю.Н. Царский курган Аржан-2 в Туве: дендрохронологический аспект // АЭАЕ. — 2006. — №4. — С. 130–138.
62. Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Майничева А.Ю. Спасская церковь из Зашиверска: дендрохронологический аспект // АЭАЕ. — 2009. — №3. — С. 103–110.
63. Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Майничева А.Ю. Дендрохронологическое обследование башен Казымского острога // АЭАЕ. — 2010в. — №1. — С. 61–66.
64. Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Хойсснер К.-У. Дендрохронологический анализ древесины из пазырыкских курганов Северо-Западной Монголии / В кн.: Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). — Москва: ИД Триумф принт, 2012а. — С. 507–523.
65. Омурова Г.Т., Баринов В.В., Кардаш О.В., Мыглан В.С. Установление времени строительства (перестройки) Надымского городка: дендрохронологический аспект // Журнал СФУ. Серия: Биология. — 2013. — Т. 6. — №2. — С. 185–195.
66. Омурова Г.Т., Баринов В.В., Кардаш О.В., Ваганов Е.А., Мыглан В.С. Реконструкция экстремальных палеоклиматических событий на севере Западной Сибири по археологической древесине (на примере Надымского городка) // АЭАЕ. — 2018 — Т. 46. — №3. — С. 32–40.
67. Рыгалова Н.В. Создание длительных древесно-кольцевых хронологий для лесостепной и степной зон Алтайского края и их использование в исторических исследованиях // Известия АГУ. Историческая наука и археология. — 2018. — №5. — С. 201–206.
68. Сидорова М. О. Дендрохронологические исследования инженерных конструкций Сузунского медеплавильного завода в Новосибирской области (по данным раскопок 2010–2013 гг.) // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2014. — Т. IX. — №2. — С. 75–77.
69. Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Мыглан В.С. Определение календарного времени сооружения памятников деревянного зодчества историко-культурного комплекса «Старина Сибирская» (Омская область) // Academia. Архитектура и строительство. — 2016. — №1. — С. 33–39.
70. Сидорова М.О., Омурова Г.Т., Кардаш О.В., Мыглан В.С. Дендрохронологическое датирование поселения Бухта Находка (п-ов Ямал) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда: в 3-х томах. — Барнаул: АГУ, 2017. — Т. III. — С. 75–78.
71. Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Майничева А.Ю., Мыглан В.С. Архитектурный ансамбль по ул. Карбышева в г. Таре: архитектурно-этнографический и дендрохронологический аспекты // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. — Иркутск: ИГУ, 2017а. — Вып. 7. — С. 377–384.
72. Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Доржу З.Ю., Майничева А.Ю., Мыглан В.С. Дендрохронологические методы в архитектурно-этнографическом обследовании поселений русских в Сибири (на примере города Тары Омской области) // АЭАЕ. — 2017б. — Т. 45. — №4. — С. 122–131.
73. Слюсаренко И.Ю. Начало дендрохронологических исследований в Институте археологии и этнографии СО РАН // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. — Т. III. — С. 276–280.
74. Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // АЭАЕ. — 2000. — №4. — С. 122–130.
75. Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическое датирование археологических памятников скифской эпохи Алтая: автореф. дис. канд. ист. наук. — Новосибирск, 2010. — 34 с.
76. Слюсаренко И.Ю., Бородовский А.П. Перспективы и проблемы дендрохронологических исследований в Новосибирском Приобье // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Новосибирск-Омск: НГПУ, ОГУ, Омск. филиал ОИИФФ, 1996. — С. 56–61.
77. Слюсаренко И.Ю., Быков Н.И., Быкова В.А. Дендрохронология кургана 2 могильника Уландрык I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. — Барнаул: АГУ, 2000. — Вып. IX. — С. 182–184.
78. Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н. К вопросу об относительной хронологии пазырыкских курганов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии

гии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. — Т. V. — С. 497–501.

79. Слюсаренко И.Ю., Мыглан В.С. Календарная хронология пазырыкских памятников Южного Алтая по данным древесно-кольцевого анализа // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). — Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. — С. 49–54.

80. Слюсаренко И.Ю., Мыглан В.С. Дендрохронологический анализ погребальных конструкций из курганов хунну в горах Ноин-Ула (Северная Монголия) // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. — С. 297–305.

81. Татауров С.Ф. Археологические и исторические источники об использовании древесины в г. Таре в XVII — XVIII вв. // ВИАЭ. — 2018. — №1. — С. 28–35.

82. Татауров С.Ф., Черная М.П., Тихонов С.С. Некоторые итоги раскопок Тарской крепости (по материалам 2007–2017 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. — Т. XXIII. — С. 417–420.

83. Тупахина О.С., Тупахин Д.С. Стратиграфия и планиграфия поселения эпохи энеолита Горный Сомотнёл-1 // УИВ. — 2014. — №2. — С. 41–52.

84. Хантемиров Р.М., Шиятов С.Г. Дендрохронологические датировки древесины из археологического памятника Усть-Полуй // Археология Арктики. Древнее святилище Усть-Полуй. — Екатеринбург: Деловая пресса, 2012. — С. 62–64.

85. Черных Е.Н. Лаборатории естественнонаучных методов 50 лет // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. — М.: ИА РАН, 2009. — С. 6–24.

86. Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. — М.: Нох, 1996. — 216 с.

87. Шиятов С. Г. Дендрохронология Мангазеи // Проблемы абсолютного датирования в археологии. — М.: Наука, 1972. — С. 119–121.

88. Шиятов С.Г. Датировка деревянных сооружений Мангазеи дендрохронологическим методом // В кн.: Белов М.И., Овсяников О.Ф., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. — Л.: Гидрометеоиздат, 1980. — Ч. 1. — С. 93–107.

89. Шиятов С.Г., Комин Г.Е. Итоги дендрохронологических исследований в восточных районах страны за 1968–1982 гг. и перспективы их развития // Дендрохронология и дендроклиматология. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 3–19.

90. Шиятов С.Г., Мазепа В.С., Хантемиров Р.М., Горячев В.М. Итоги и перспективы использования дендрохронологического метода для датировки археологических, исторических и этнографических памятников на территории ЯНАО // Научный вестник ЯНАО. — 2000. — Вып. 3. — С. 49–56.

91. Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М. Дендрохронологическая датировка древесины кустарников из археологического поселения Ярте VI на полуострове Ямал // Древности Ямала. — Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. — Вып. I. — С. 112–120.

92. Шиятов С. Г., Хантемиров Р.М. Климат Полярного Урала и Ямала в VII–XIV вв., реконструированный при помощи древесных колец деревьев // В кн.: Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Алексашенко Н.А.,

Брусницына А.Г., Литвиненко М.Н., Косинцев П.А., Перевалова Е.В., Ражев Д.В., Федорова Н.В. — Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2005. — С. 301–303.

93. Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М., Горячев В.М., Агафонов Л.И., Гурская М.А. Дендрохронологические датировки археологических, исторических и этнографических памятников Западной Сибири // Археология и естественнонаучные методы. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — С. 43–57.

94. Seifert M., Sljusarenko I. Dendrochronologische Daten von Graebnern der Pazyrik-Kultur (5./4. Jh. v. Chr.) im Altai // Dendrochronologia. — 1996. — Vol. 14. — S. 153–164.

95. Sidorova M.O., Buntgen U., Omurova G.T., Kardash O.V., Myglan V.S. First dendroarchaeological evidence of a completely excavated medieval settlement in the extreme north of Western Siberia // Dendrochronologia. — 2017. — Vol. 44. — Pp. 146–152.

96. Slusarenko I.Y., Christen J.A., Orlova L.A., Kuzmin Y.V., Burr G.S. C14 Wiggle Matching of the «Floating» Tree-Ring Chronology from the Altai Mountains, Southern Siberia: the Ulandryk 4 Case Study // Radiocarbon. — 2001. — Vol. 43. — No. 2. — Pp. 425–431.

Список сокращений

АГУ — Алтайский государственный университет
 АН СССР — Академия наук СССР
 АЭАЕ — Археология, этнография, антропология Евразии
 ВИАЭ — Вестник археологии, антропологии, этнографии
 ГАГУ — Горно-Алтайский государственный университет
 ИА — Институт археологии
 ИАЭТ — Институт археологии и этнографии
 ИГУ — Иркутский государственный университет
 ИПОС — Институт проблем освоения Севера
 ИЭРиЖ — Институт экологии растений и животных
 КрасГУ — Красноярский государственный университет
 НГАХА — Новосибирская государственная архитектурная академия
 НГУАДИ — Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
 НГПУ — Новосибирский государственный педагогический университет
 НПО — научно-производственное объединение
 ОГУ — Омский государственный университет
 ОИИФФ — Объединенный институт истории, филологии, философии
 ОМВК — Окружной музейно-выставочный комплекс
 РА — Российская археология
 РААСН — Российская академия архитектуры и строительных наук
 РИО — рекламно-издательский отдел
 СА — Советская археология
 СО РАН — Сибирское отделение РАН
 СФУ — Сибирский федеральный университет
 ТГУ — Томский государственный университет
 ТКНС — Тобольская комплексная научная станция
 УИВ — Уральский исторический вестник
 УНЦ — Уральский научный центр
 УралНИИпроект — Уральский научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт

С.В. Горохов
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
gorokhov.sv@gmail.com

Локализация и планиграфия Усть-Тартасского паса (форпоста) в Барабинской степи

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РФФИ, проект №18-09-00150

Аннотация

По письменным и картографическим источникам известно, что в Барабинской степи в 1722 г. было возведено три паса (форпоста), однако эти археологические памятники до настоящего времени не были локализованы на местности. В статье на основании данных из путевого дневника И.Г. Гмелина, осуществлена локализация Усть-Тартасского паса на участке местности 370 x 1120 м. Дальнейшее уточнение месторасположения форпоста возможно только археологическими методами. Выполнена реконструкция планиграфии паса. Установлено, что форпост имел четырехугольную форму, стены в виде заплота, двое ворот и одну башню. На территории паса помещалось семь казарм. С внешней стороны в некоторых местах форпост был укреплен рогатками. За пределами паса располагались часовня, амбар и баня. Весь комплекс строений в 1741 г. находился в крайне ветхом состоянии, что может быть обусловлено поспешным восстановлением сооружений после пожара, а также низкими строительными качествами материала (береза).

Ключевые слова: Усть-Тартасский пас; форпост; Барабинская степь; И.Г. Гмелин; XVIII в.

S.V. Gorokhov
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
gorokhov.sv@gmail.com

Localization and Planigraphy of the Ust-Tartassky Pas (outpost) in the Baraba steppe

Abstract

According to the written and map sources, three pases (outposts) were constructed in the Baraba steppe in 1722, however these archeological monuments have not been localized until now. Based on the data contained in I.G. Gmelin's itinerary, this article provides information on localization of the Ust-Tartassky pas on the site of 370 m x 1,120 m. The outpost location can be further specified only by archeological methods. The pas planigraphy is reconstructed. It is determined that the outpost was four-cornered, had fence walls, two gates, and one tower. There were seven barracks on the territory of the pas. The outer walls of the outpost were fortified by chevaux de fries in some places. Outside the pas there was a chapel, a barn, and a bath house (banya). In 1741, the entire set of the buildings was in the state of extreme disrepair, which can be determined by urgent restoration of the buildings after the fire, as well as by low quality of the employed construction material (birch).

Key words: Ust-Tartassky Pas; outpost; Baraba steppe; I. G. Gmelin; the 18th century

Исследование, результаты которого представлены в настоящей статье, является частью более масштабного проекта, цель которого состоит в реконструкции маршрута Московско-Сибирского тракта и связанных с ним объектов на участке от Тары до Томска в первой половине XVIII в. по письменным, картографическим и археологическим источникам. К настоящему времени нами реконструирован маршрут тракта через Угуйский волок (между Усть-Тартасским пасом и Бергамакской слободой) [Горохов, 2019a], установлено месторасположение Усть-Тартасского паса [Горохов, 2017], определено месторасположение и планиграфия Убинского паса [Горохов, 2019b], реконструирована планиграфия Чаусского острога [Горохов, 2018], локализовано Абаханское зимовье [Горохов, Бородовский, 2018]. Наиболее полно в археологическом и историческом

отношении нами изучен Умревинский острог [Бородовский, Горохов, 2009; Горохов, 2011].

В 1976 г. В.И. Соболев открыл на левом берегу р. Омь напротив устья р. Тартас археологический памятник, который он интерпретировал как Усть-Тартасский форпост [Троицкая и др., 1980, с. 31, 32, рис. 19]. В последующие годы этот памятник обследовали А.В. Новиков, А.П. Бородовский, С.В. Колонцов [Колонцов, Воробьев, 2001; Новиков, 1990]. В 2007 г. автором настоящей статьи был проведен анализ расположения Усть-Тартасского форпоста на основании данных путевого дневника посла в Китай С.Л. Владиславича-Рагузинского. Было установлено, что пас располагался на правых берегах рек Омь и Тартас, следовательно, памятник, открытый В.И. Соболевым, не является пасом, через который проехал посольство в 1725 г. [Горохов, 2017; Русско-ки-

тайские отношения..., 1990, с. 194]. На карте 1771 г. форпост обозначен на правых берегах рек Омь и Тартас у места их слияния [РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 478. Л. 1]. Но уже на картах 1777 и 1794 гг. форпост перемещается на левый берег р. Омь напротив устья р. Тартас [РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 224. Л. 1; РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 480. Л. 1]. Возможно, что в 1770-х гг. пас был перенесен на новое место и дал начало современному с. Старый Тартас. В таком случае археологические разведки, проводившиеся на левом берегу р. Омь, вполне могли затронуть и территорию форпоста, но не первоначального, а перенесенного на это место в последней трети XVIII в.

Цель исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, состояла в уточнении локализации и реконструкции планиграфии Усть-Тартасского паса.

Источниковая база исследования представлена путевым дневником И.Г. Гмелина, который 24 июня 1741 г. проследовал через форпост, направляясь из Томска в Тару. Его записи были опубликованы в 1752 г. в Геттингене на немецком языке и с тех пор не переиздавались, поэтому мы приведем здесь полностью перевод интересующего нас фрагмента текста на русский язык.

«Если Убинский пас плох, то, принимая во внимание этот, он находится в превосходном состоянии. Он расположен на устье реки Тартас при впадении в Омь, на западном берегу Тартаса и северном берегу Оми. Он выглядит более подобным забору в жалкой деревне, чем пасу. Хотя он и четырехугольный, но построен не из лежащих березовых бревен, а из лежащих березовых палок. Сторона с реки и противоположная сторона двадцать три сажени в длину, две другие – семнадцать. С северной стороны также, как и с южной есть ворота, которые едва ли так хороши, как те ворота, с помощью которых требуется закрывать выгоны для скота. С восточной стороны от северных ворот расположена завалившаяся сторожевая башня, которая выглядит более подобно голубятни. Под той (башней — Авт.) расположена совсем маленькая камера, которая должна была быть очень своеобразно выстроена, так как она одновременно выглядит и как амбар и как цейхгауз. Невозможно себе представить, чтобы в столь малом пространстве можно было разместить еще больше зданий. Но внутри расположено еще семь казарм, которые в беспорядке рассеяны то тут, то там и большая часть из них развалилась, так что осталось очень мало свободного места, хотя еще так много можно было бы разместить, если бы все прямо поставили. Но что осталось свободным от строений на площадке, то занято отвалившимися от казарм балками. За пределами паса с южной стороны, где она с восточной стеной соединяется, расположена баня, а несколько западнее амбар одного казака, а также часовня, построенная казаками на свое усмотрение, в которой ничего кроме самодельной картины Воскрешения Спасителя нет. Вокруг северной и западной стороны паса то тут, то там установлены рогатки, почти все зубья которых выпали от старости или гниения. Кроме этого, этот пас для своей защиты имеет полуфунтовую железную пушку и пятьдесят казаков, над которыми поставлен казачий голова (сотник). Они сменяются из Тары так же, как казаки из предыдущего паса каждый год сменяются из Томска или, по

крайней мере, должны сменяться. <...> Кстати, пас имеет самое выгодное расположение во всем мире; кроме того, он большую часть времени повсюду окружен открытой водой. Водоем, называемый Цат-бёрен (Zat-bögen), расположен примерно в трех верстах к западу от паса и примерно тридцать сажени в ширину. Он имеет значительный сток в Тартас как со своего южного, так и северного конца, тот (южный конец — Авт.) вплотную ниже паса, а этот (северный конец — Авт.) примерно в нескольких верстах выше паса. Тот (южный конец — Авт.) пересыхает только поздней осенью, а этот (северный конец — Авт.) пропадает летом в затяжное сухое время года. Озеро, из которого эти стоки идут, и которое, тем не менее, полно водой, создает трудности тем, что мы не можем следовать через Тартасский пас, через который обычно идет путь, если вдоль северной стороны паса не пересохнет сток. <...> Хотя этот, как и Каинский пас, имел несчастье уже однажды сгореть, несмотря на это они, как и Убинский, выстроены едва ли более двадцати лет назад. Тем более удивляет плохое состояние этого паса» [Gmelin, 1752, s. 121–124].

Путевой дневник И.Г. Гмелина содержит ряд указаний на место расположения Усть-Тартасского паса, которые интерпретированы в таблице 1 и на иллюстрации 1.

Таким образом, данные из путевого дневника И.Г. Гмелина указывают на то, что Усть-Тартасский пас располагался на северном берегу р. Омь и западном берегу р. Тартас в месте их слияния, то есть в южной части небольшой возвышенности, которая остается незатопленной в течение всего года. При этом в течение всего теплого времени года пас окружен водой, и лишь осенью пересыхает участок местности к северу от форпоста, делая возможным сухопутную связь с пасом. Эти выводы находятся в полном соответствии с результатами анализа данных из путевого дневника С.Л. Владиславича-Рагузинского [Горохов, 2017] и с данными наиболее ранней из доступных нам карт [РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 478. Л. 1].

Согласно описанию И.Г. Гмелина, пас имел стену из тонких лежащих березовых бревен. Под стеной из лежащих бревен может подразумеваться стена заплотного типа, городни или тарасы. Убинский пас, вероятнее всего, имел стену в виде заплота, так как в противном случае автор путевого дневника, который достаточно подробно описал архитектуру острога и строения на его территории, должен был бы упомянуть о помещениях в городнях или тарасах. Кроме этого, наличие городней и тарасов существенно уменьшило бы и без того недостаточное внутреннее пространство форпоста. Бревна, из которых была выстроена стена, имели диаметр менее 15–20 см (средний размер бревен, из которых возводились острожные стены различных конструкций).

Форпост имел четырехугольную форму. Протяженность западной и восточной стен составляла около 46 м, северной и южной — около 34 м. В северной и южной стороне были устроены ворота, которые, как и стены, по своей конструкции не представляли серьезного оборонительного сооружения. Между северными воротами и северо-восточным углом паса в стене располагалась ветхая башня, первый этаж которой использовался в качестве хозяйственного помещения. С северной и западной стороны пас был

окружен ветхими рогатками, которые не образовывали сплошной линии обороны (ил. 2). Расположение рогаток свидетельствует в пользу того, что пас располагался в юго-восточной части возвышенности. В таком случае южная и восточная стены были защищены естественными водными преградами (ил. 1).

На территории внутреннего двора форпоста беспорядочно размещались семь ветхих казарм, которые занимали все внутреннее пространство. Это означает, что стены казарм не являлись одновременно стенами форпоста. Гарнизон паса состоял из 50 человек. Согласно нашим расчетам, проведенным для Убинского форпоста, на одного казака приходилось 10 кв. м площади казарм [Горохов, 2019b]. Поэтому общую площадь казарм мы приняли равной примерно 500 кв. м. Следовательно, одна казарма имела размеры 8 х 9 м или 72 кв. м. Возможно, протяженность стен казарм имела иные соотношения. Именно такая площадь строений на территории внутреннего двора паса позволяет полностью его заполнить с учетом хаотического расположения строений, как это указано в источнике.

С внешней стороны, между южными воротами и юго-восточным углом паса размещались часовня, выстроенная казаками по собственному почину, частный амбар и баня (ил. 2).

Чрезвычайная ветхость и конструктивная несообразность паса, возможно, вызвана тем, что он был восстановлен после пожара собственными силами «на скорую руку» в условиях отсутствия опасности нападения противника, а также низкими деловыми качествами березы как строительного материала.

Результаты исследования, представленные в настоящей статье, позволили существенно уточнить месторасположение Усть-Тартасского паса. Более точная его локализация возможна только археологическими методами. Данные о конструкции и планировке форпоста являются достаточными для точной интерпретации архитектурных остатков, которые могут быть обнаружены при проведении археологических раскопок. Рассмотренные картографические материалы позволили выдвинуть гипотезу о переносе Усть-Тартасского форпоста на левый берег р. Омь напротив впадения р. Тартас в 1770-х гг.

Список литературы

1. Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. — 244 с.
2. Горохов С.В. Путевой дневник С.Л. Владиславича-Рагузинского как источник по локализации на местности Усть-Тартасского форпоста // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. — С. 303–306.
3. Горохов С.В. Сведения из путевого дневника И.Г. Гмелина о планиграфии Чаусского острога // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Т. XIII. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. — С. 132–136.
4. Горохов С.В. Угуйский волок в первой половине XVIII в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». — 2019а. (в печати)
5. Горохов С.В. Убинский пас: месторасположе-

ние и планиграфия // Гуманитарные науки в Сибири. — 2019b. (в печати)

6. Горохов С.В. Умревинский острог как археологический источник. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Новосибирск: [Б. и.], 2011. — 26 с.

7. Горохов С.В., Бородовский А.П. Локализация Абаханского зимовья и Уеньского городища по данным из путевого дневника И. Г. Гмелина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. — 2018. — Т. 17. — №5. — С. 37–49.

8. Колонцов С.В., Воробьев А.А. Материалы Усть-Тартасского форпоста // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2001. — Т. 3. — №3. — С. 154–158.

9. Ласковский Ф. Карты, планы и чертежи к I части материяловъ для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. — СПб.: в типографии Императорской Академии Наук, 1858. — 29 с.

10. Новиков А.Н. Гончарное производство Усть-Тартасского форпоста // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. — С. 175–181.

11. Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования. — СПб.: Невская Книжная Типография, 2018. — 536 с.

12. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. — Т. 2 (1725–1727). — М.: Главная редакция восточной литературы, 1990. — 668 с.

13. Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. — Новосибирск: Наука, 1980. — 184 с.

14. Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. — Göttingen: verlegt Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752. — 700 с.

References

1. Borodovskii A.P., Gorokhov S.V. Umrevinskii ostrog. Arkheologicheskie issledovaniya 2002–2009 gg. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 244 p. (in Russ.)
2. Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen: verlegt Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752. 700 s.
3. Gorokhov S.V. Putevoi dnevnik S.L. Vladislavicha-Raguzinskogo kak istochnik po lokalizatsii na mestnosti Ust'-Tartasskogo forposta. In Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017. pp. 303–306. (in Russ.)
4. Gorokhov S.V. Svedeniya iz putevogo dnevnika I.G. Gmelina o planigrafii Chauskogo ostroga. In Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2018, Vol. XIII, pp. 132–136. (in Russ.)
5. Gorokhov S.V. Uguiskii volok v pervoi polovine XVIII v. Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki», 2019a. (in print) (in Russ.)
6. Gorokhov S.V. Ubinskii pas: mestoraspolozhenie i plagigrafiya. Gumanitarnye nauki v Sibiri, 2019b. (in print) (in Russ.)
7. Gorokhov S.V. Umrevinskii ostrog kak arkheologicheskii istochnik: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2011, 26 p. (in Russ.)

8. Gorokhov S.V., Borodovskii A.P. Lokalizatsiya Abakhanskogo zimov'ya i Uen'skogo gorodishcha po dannym iz putevogo dnevnika I. G. Gmelina. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya, 2018, Vol. 17, No 5, pp. 37–49. (in Russ.)

9. Kolontsov S.V., Vorob'ev A.A. Materialy Ust'-Tartasskogo forposta. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, 2001, Vol. 3, No 3, pp. 154–158. (in Russ.)

10. Laskovskii F. Karty, plany i chertezhi k «I chasti materialov» dlya istorii inzhenernago iskusstva v» Rossii. St. Perersburg: v tipografii Imperatorskoj Akademii Nauk, 1858, 29 p. (in Russ.)

11. Novikov A.N. Goncharnoe proizvodstvo Ust'-Tarskogo forposta. In Drevnyaya keramika Sibiri: tipologiya, tekhnologiya, semantika. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1990, pp. 175–181. (in Russ.)

12. Nove v arkheologii Staroi Ladogi: materialy i issledovaniya. St. Perersburg: Nevskaya Knizhnaya Tipografiya, 2018, 536 p. (in Russ.)

13. Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII veke. Materialy i dokumenty. Vol. 2 (1725–1727). Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1990, 668 p. (in Russ.)

14. Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1980, 184 p. (in Russ.)

Список источников

1. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 224. Л. 1 // Генеральная карта ведения Канцелярии Колывановоскресенского горного начальства, заводов и приписным к оным селениям; с показанием около оно и во внутренности, ведения губернского и линейного жительство. Сочинена 1777 года.

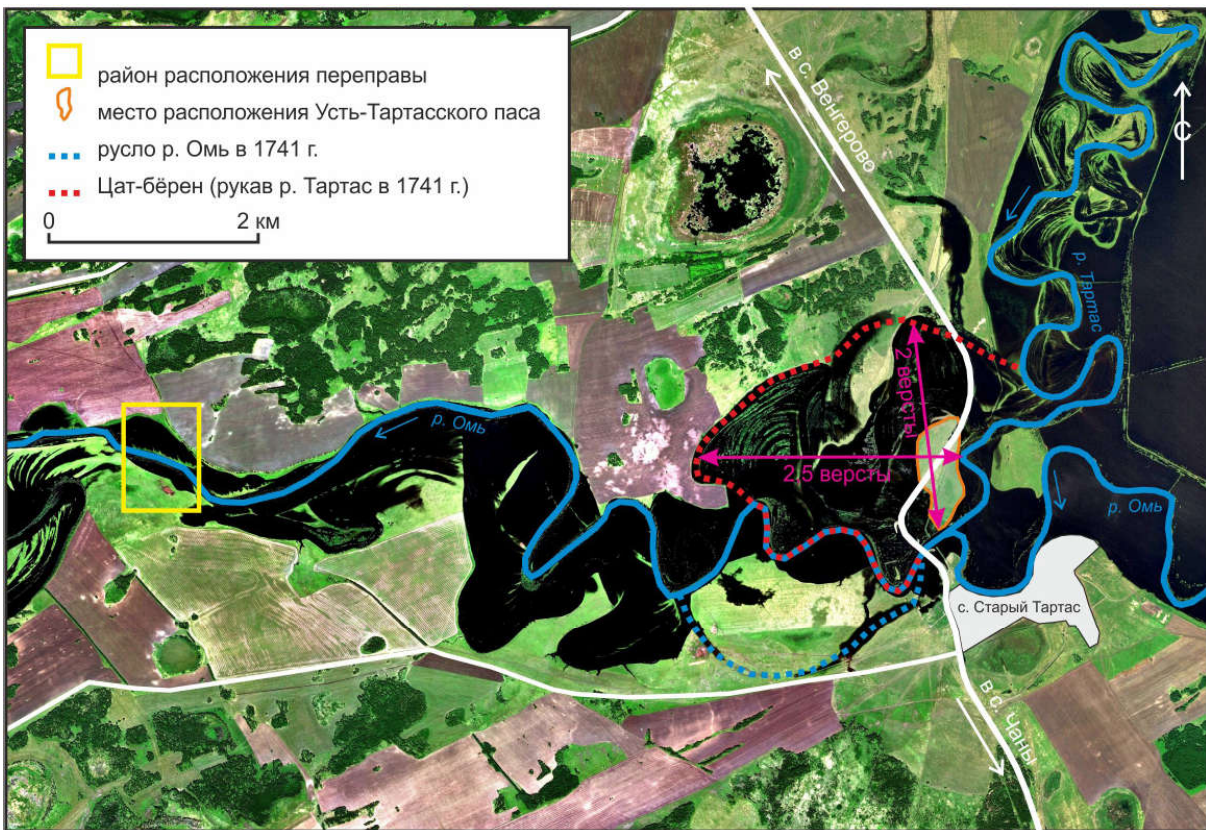
2. РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 480. Л. 1 // Карта Колывано-воскресенским Заводам и Рудникам, лежащим в Колыванском Наместничестве, сочиненная из разных специальных карт по учиненным с заводской стороны описаниям по 1794 год.

3. РГИА. Ф. 485. Оп. 5. Д. 478. Л. 1 // Карта находящегося в ведении Канцелярии Колывано-воскресенского горного начальства крестьянских жилищ, в каком оные расстоянии отстоят от заводов и рудника также и при каких положениях мест находятся. Сочинена 1771 года февраля 14 дня.

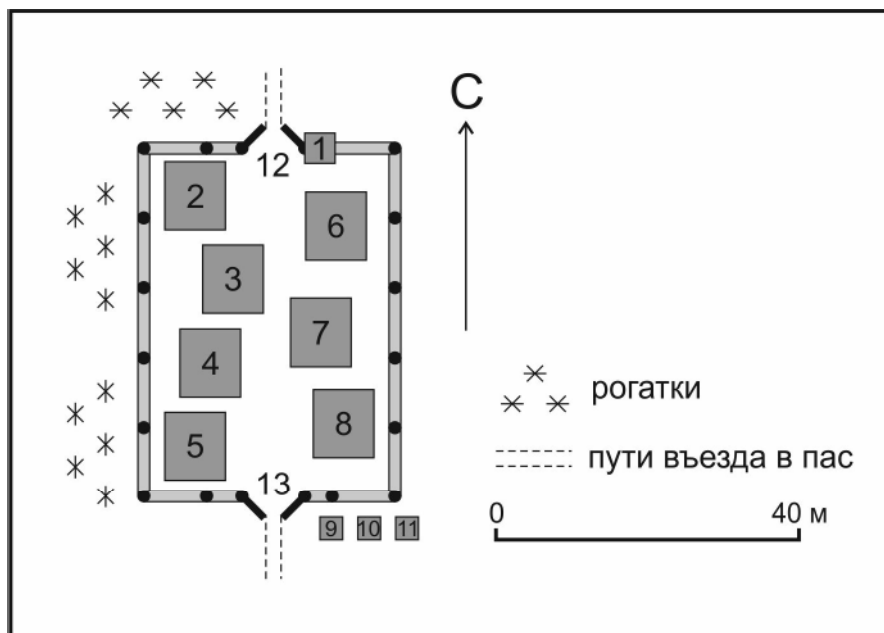
Таблица 1

Интерпретация указаний И.Г. Гмелина на месторасположение Усть-Тартасского паса

Данные из дневника И.Г. Гмелина	Интерпретация
«расположен на устье реки Тартас при впадении в Омь, на западном берегу Тартаса и севером берегу Оми»	При таких указаниях на месторасположение форпоста он мог находиться только на небольшой возвышенности размерами 370 на 1120 м, расположенной на правых берегах рек Омь и Тартас у места их слияния, которая не подвержена затоплению во время паводка и через которую в настоящее время проходит участок автомобильной дороги Чаны-Венгерovo (ил. 1).
«он большую часть времени повсюду окружен открытой водой»	На расстоянии в 2,5 версты к западу от предполагаемой площадки паса находился один из рукавов р. Тартас, ширина которого в настоящее время 25–55 сажень.
«Водоем, называемый Цат-бёрен, расположен примерно в трех верстах к западу от паса и примерно тридцать сажень в ширину»	В настоящее время Цат-бёрен (бывший рукав р. Тартас) не связан с р. Тартас в своей северной части, однако в середине XVIII вв. он мог соединяться с р. Тартас через старичные протоки, сохранившиеся до нашего времени, как это показано на иллюстрации 1. Современная гидрологическая ситуация в районе Усть-Тартасского форпоста исключает возможность соединения Цат-бёрен с р. Тартас своим южным концом. Однако, вероятно, что русло р. Омь западнее слияния с р. Тартас имело иную конфигурацию и пролегалo через современную пересохшую старицу. В этом случае южный конец рукава Цат-бёрен подходил очень близко к слиянию рек Омь и Тартас, но соединялся все же с р. Омь. Это противоречие может быть легко объяснено тем, что на протяжении всего теплого времени года берега рек Омь и Тартас в месте их слияния были затоплены водой на сотни и тысячи метров от русел рек, поэтому не представлялось возможным наблюдать, каким образом происходит соединение трех водных объектов, сошедшихся в одном месте — рукава Цат-бёрен, р. Омь и р. Тартас (ил. 1).
«Он (Цат-бёрен — Авт.) имеет значительный сток в Тартас как со своего южного, так и северного конца»	То, что Цат-бёрен протекает вплотную ниже паса можно понимать только как ниже по течению р. Тартас. Это свидетельствует о том, что Усть-Тартасский пас располагался в южной части возвышенности, о которой речь шла выше. При таком расположении форпоста на возвышенности, северный конец рукава Цат-бёрен будет располагаться в двух верстах севернее паса и выше по течению р. Тартас (ил. 1).
«тот (южный конец Цат-бёрен — Авт.) вплотную ниже паса, а этот (северный конец Цат-бёрен — Авт.) примерно в нескольких верстах выше паса»	

Ил. 1. Месторасположение Усть-Тартасского форпоста

Ил. 2. Планиграфия Усть-Тартасского форпоста. 1 — башня; 2–8 — казармы; 9 — часовня; 10 — амбар; 11 — баня; 12, 13 — ворота (графическая реконструкция автора)

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10084
УДК: 902.03+930.2+908

П.Г. Данилов
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (Тобольск)
danilovpg@mail.ru

Протогородской ландшафт Тобольска: о чем говорит история

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках темы №0408-2019-0008 Рег. № НИОКТР 116020510080 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.)»

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о протогородском культурном ландшафте на месте основания города Тобольска. Анализируются письменные свидетельства о дорусских татарских городках, оставленные неизвестным иностранным офицером в 1666 г., и С.У. Ремезовым, Г.Ф. Миллером в первой половине XVIII в. Делается вывод о необходимости проведения комплексных исследований в изучении протогородского ландшафта Тобольска.

Ключевые слова: Тобольск, культурный ландшафт, татарские городки, С.У. Ремезов, Г.Ф. Миллер

P.G. Danilov
Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk)
danilovpg@mail.ru

The proto-urban landscape of Tobolsk: historical facts

Abstract

The article deals with the issue of the proto-urban cultural landscape at the site of the founding of the city of Tobolsk. The written evidence of the pre-Russian Tatar towns, left by an unknown foreign officer in 1666 and also by S.U. Remezov and G.F. Miller in the first half of the 18th century are analyzed. It is concluded that there is a need for conducting comprehensive research in the study of the proto-urban landscape of Tobolsk.

Key words: Tobolsk, cultural landscape, tatar towns, S.U. Remezov, G.F. Miller

В России исследования по истории освоения человеком территорий, палеоэкологии, адаптации человеческого общества на ранних этапах его становления, как и работы по изучению влияния хозяйственной деятельности на природное окружение, становятся все более актуальными. Изучение взаимоотношений человека и ландшафта относятся к основным проблемам современной науки, привлекающим внимание исследователей как гуманитарного, так и естественного направлений. Комплексные ландшафтно-исторические исследования являются одним из наиболее перспективных направлений как в пространственно-временном, так и в историко-археологическом изучении территорий [Низовцев, 2010, с. 5].

С середины XX в. до сегодняшнего дня в отечественной науке ведется дискуссия по поводу определения понятия и наполнения термина антропогенный ландшафт. По определению Ф.Н. Милькова, антропогенными ландшафтами следует считать как заново созданные человеком ландшафты, так и все те природные комплексы, в которых коренному изменению под влиянием человека подвергся любой из их компонентов, в том числе и растительность с животным миром [Мильков, 1973, с. 25]. По мнению исследователей, до настоящего времени не выра-

ботаны четкие критерии разграничения коренных и некоренных изменений компонентов [Дроздов, 1988, с. 17]. Определение антропогенного ландшафта, данное Ф.Н. Мильковым, позволяет сегодня ученым разных областей знаний трактовать этот термин по-разному. Так, этнографы, изучающие народы Сибири, термины антропогенного и культурного ландшафта считают синонимами [Степанова, 2018, с. 423]. Этому мнению придерживается и автор публикации.

Под культурным ландшафтом понимается историческая система взаимодействия природного и антропогенного ландшафтов, основанная на закономерностях развития материальных и духовных ценностей общества [Скуднева, 2005, с. 3]. Понятие культурного ландшафта также остается сегодня спорным [Чупахин, 1987, с. 72; Низовцев, 2010, с. 7; Родоман, 2017, с. 331]. В отечественной науке выделяется несколько направлений в изучении культурных ландшафтов — физико-географическое, информационно-аксиологическое, этнокультурное, перцептивное, эстетическое [Кулешова, Стрелецкий, 2017, с. 322–324]. Представители этнокультурного направления считают, что народы, их поселения (существующие или заброшенные), одиночные постройки разного назначения, кладбища, культовые объекты, соору-

жения хозяйственного назначения, пути передвижения (водные и сухопутные) формируют антропогенный ландшафт территории [Степанова, 2018, с. 424].

На сегодняшний день накоплен большой опыт исследований в области антропогенного ландшафтоведения. Издан значительный массив публикаций, посвященных данной тематике. Однако до сих пор нет четко выработанных критериев в отношении идентификации и диагностики антропогенно измененных ландшафтов. Практически в пионерной стадии находятся работы по их картографированию, изучению структуры и антропогенной динамике. Дальнейшее развитие антропогенного ландшафтогенеза видится в совершенствовании и комплексности методов исследований, в интеграции усилий ландшафтоведов, историков, археологов и других специалистов естественных и гуманитарных наук.

Сегодня культурный ландшафт Сибири, по общему мнению, остается малоизученным явлением, несмотря на значительный интерес к теме исследования [Скуднева, 2005, с. 3]. На Дальнем Востоке анализом особенностей формирования и развития различных типов природно-антропогенных и антропогенных комплексов, характеристик их компонентов в условиях ландшафтов лесной зоны в пределах южной и центральной частей Амурско-Зейского междуречья занимается Е.Н. Борисенко [Борисенко, 2016].

Для территории Западной Сибири М.А. Харитоненков на основе комплексного хронологического анализа палинологических, археологических и исторических данных реконструирует историю лесных экосистем Среднего Прииртышья, анализирует роль различных аспектов традиционного хозяйства, а также крупных миграционных процессов в формировании современной природной зональности района, прослеживает основные этапы трансформации лесов района, начиная с раннего железного века [Харитоненков, 2017]. На этнографическом материале О.Б. Степанова через исследование антропогенных ландшафтов бассейна рек Таз и Турухан изучает культуру северных селькупов [Степанова, 2018]. Активно проводятся такие исследования как оценка антропогенной преобразованности Обь-Иртышского речного бассейна [Красноярова и др., 2017]; изучение туристско-рекреационного потенциала ландшафтных комплексов юга Тюменской области, в том числе Тобольска [Лось, 2017]. В.Н. Курилов, Д.Я. Резун, А.А. Люцидарская, М.В. Скуднева, С.С. Тихонов изучают проблемы генезиса, формирования и развития культурного ландшафта городов Западной Сибири периода русского освоения [Курилов, Резун, 1986; Люцидарская, 1986; Скуднева, 2005; Тихонов, 2018].

Целью данного исследования является анализ известных исторических источников, содержащих сведения о состоянии дорусского протогородского ландшафта в Тобольском Прииртышье к началу русского освоения.

В центральной России антропогенные и культурные ландшафты формируются в железном веке, с возникновением постоянной, длительно существовавшей, поселенческой и сельскохозяйственной структуры [Низовцев, 2013, с. 211; Хохлов, 2017, с. 154]. Для территории Западной Сибири М.А. Харитоненков выделяет периоды активизации и спада антропогенных изменений. Периоды активизации автор связывает с развитием производящего хозяй-

ства в бронзовом веке и с началом освоения Сибири русскими в XVII в. Периоды спада антропогенных изменений связываются с ранним железным веком и средневековьем [Харитоненков, 2012, с. 24]. Ограниченность вклада коренных народов в формирование культурных ландшафтов Сибири в средневековый период перед приходом русского населения отмечают многие авторы, указывая на то, что приход русских в Сибирь знаменовал собой «переход от присваивающей экономики к производящей, к созданию окультуренного природного ландшафта», ландшафта «неурбанизированной среды» [Курилов, Резун, 1986, с. 10; Скуднева, 2005, с. 10].

В этом отношении интерес для изучения представляет территория Тобольского Прииртышья. Природные ландшафты Тобольского Прииртышья за период освоения человеком в дорусский и русский период были в значительной степени преобразованы антропогенными воздействиями. Антропогенные ландшафты данной территории, процессы их формирования, развития в дорусский и русский периоды освоения мало изучены. Район исследований находится на Западносибирской низменности в пределах Тобольского материка, представляющего собой приподнятую, по отношению к окружающей ее территории, равнину, которая имеет абсолютные высоты 85–95 м, на севере 75–85 м. В сторону Иртыша равнина повсеместно заканчивается обрывом высотой 40–60 м над уровнем реки. Климат района континентальный, среднемесячная температура января — -19°C , июля — $+18^{\circ}\text{C}$, среднегодовое количество осадков — 400 мм. Район располагается в пределах умеренно-теплой хорошо увлажненной агроклиматической области. Зимы с высоким снежным покровом, защищающим почву от промерзания. Почвообразующие породы Тобольского материка представлены светлобурими и желто-бурими средними и тяжелыми суглинками [Сванидзе, 2015, с. 55–56]. Ширина русла реки от 200 до 1200 м; ширина долины реки Иртыш в районе города Тобольска колеблется в пределах от 10 до 20 км. Тобольский материк богат поверхностными водами и отличается хорошо развитой гидрографической сетью. Пойма характеризуется мелкогрядистым рельефом, изобилует протоками, озерами, сорами, старицами и болотами. Здесь также встречаются озера-старицы, которые являются местом нагула многих видов промысловых рыб. Растительность представлена смешанными березово-сосновыми лесами с участием осины, пихты, ели и липы. Район богат грибными, ягодными местами, промысловыми видами животных, характерных для южной тайги.

Русские первопроходцы, осваивая Сибирь, ставили поселения исключительно удачно: в контрастных точках ландшафта, комфортных для обитания. А.М. Буровский [2017] выделяет три фактора комфорта при выборе места для основания поселения — удобство для жизни, удобство для ведения хозяйства и психологический комфорт. В Тобольском Прииртышье такой точкой ландшафта стал участок коренной террасы чуть ниже слияния двух крупных рек — Тобола и Иртыша. На этом месте в 1587 г. был основан второй в Сибири русский город — Тобольск. За небольшой отрезок времени с момента основания в 1587 г. до начала XVIII в. город прошел путь от небольшого острога до военно-административно-

го, экономического и духовного центра всей русской Сибири.

Возникает закономерный вопрос — какими критериями руководствовались первопроходцы при выборе конкретного места для основания острога, почему было выбрано место ниже слияния двух рек, а не аналогичное место выше по течению Иртыша. Представляется, что ответ следует искать в существовавшем на тот момент антропогенном ландшафте на данной территории. Попытаемся реконструировать возможную картину местности, увиденную первыми поселенцами на основе имеющихся источников. В нашем распоряжении имеется ряд разнородных свидетельств, позволяющий составить мнение о степени освоенности этого участка Тобольского материка ко времени прихода русских.

Наиболее ранние сведения о существовавших на месте будущего русского города Тобольска поселений находим в рукописи неизвестного иностранного офицера, датированной 1666 г. Он пишет: «В Сибири живет много этих татар ... они имели также своего собственного царя, резиденция которого была на горе, на том месте, где сейчас стоит Тобольск. Это место еще видно; точно так же, неподалеку оттуда, на другой горе, на расстоянии мушкетного выстрела жили два мурзы или князя; там видны еще рвы и валы вокруг их жилищ» [Алексеев, 2006, с. 286]. Сообщение неизвестного офицера, судя по всему, следует считать на сегодняшний день единственным достоверным источником информации по дорусской топографии Тобольска, поскольку все более поздние авторы, писавшие о ранних памятниках на территории города, в натуре эти памятники уже не застали. В частности, С.У. Ремезов на рубеже XVII—XVIII вв. в «Краткой сибирской летописи» в статье 21 писал: «Поблизу же городского места, за рекою Курдюмкою, на мысу, город и окопи, зовом Бицик Тура, живяще мурза Девлетим Бай» [Краткая сибирская..., 1880, с. 7]. В то же время на чертежах Тобольска у С.У. Ремезова есть только городище на Чувашском мысу [Чертежная книга..., 1882, л. 4], расположенное на другом краю Тобольской излучины Иртыша, т.е. к началу XVIII в. следов городка Бицик Тура на Панином бугре уже не было видно. Аналогичную ситуацию наблюдал Г.Ф. Миллер, побывавший в Тобольске в начале 1740-х гг. Он отмечал, что на Панином бугре нет никаких следов городка Бицик Тура [Миллер, 1937, с. 196; Миллер, 1998, с. 39], а на Чувашском мысу «можно еще видеть следы двух старых татарских укреплений» [Миллер, 1990, с. 243]. В «Описании города Тобольска» Г.Ф. Миллер дополнительно приводит сведения о том, что на месте городского собора была «татарская крепость», однако и ее следов не видно [Миллер, 1990, с. 243]. В качестве источника для Г.Ф. Миллера служили труды С.У. Ремезова, и в дальнейшем сведения последнего переходили из одной работы в другую вплоть до последнего времени, несколько видоизменяясь. Так, К. Голодников в конце XIX в. пишет: «По горе этой, на пространстве нескольких верст, стояли ханские городки, в которых жили ханы с их семействами и родственниками» [Голодников, 1886, с. 1]. Почти слово в слово описание К. Голодникова повторил В.В. Кириллов в монографии «Тобольск», вышедшей в 1984 г. [Кириллов, 1984, с. 11].

Таким образом, судя по приведенным сведениям,

на территории города Тобольска в древности находилось не менее трех городков (ил. 1): Бицик Тура на Панином бугре, городок — «резиденция царя» и «татарская крепость» на месте городского собора. Городище на Чувашском мысу, вследствие его удаленного расположения от Тобольска на начало XVII—XVIII вв., следует рассматривать отдельно. Исходя из известных нам сведений, попытаемся определить местонахождение этих поселений. И здесь перед исследователем встает больше вопросов, чем ответов.

Вызывает вопрос, что послужило источником Г.Ф. Миллеру для написания о существовании «татарской крепости» на месте городского собора, поскольку С.У. Ремезов применительно к городскому собору сообщает сведения иного характера. В «Краткой сибирской летописи» территории мыса, на котором впоследствии был построен собор, посвящено три статьи — 18, 19 и 20. В них, по мнению исследователей, нашли отражение некоторые природные феномены, имевшие место под Тобольском, которые служили их очевидцам «знаками-предвестниками каких-либо грядущих событий, скверных по обыкновению» [Белич, 2015, с. 226]. Как пишет в летописи С.У. Ремезов, видения местным татарам начались задолго до прихода отряда Ермака. Среди видений он указывает на «христианский со светом град в воздухе, и церкви и звон велий» (статья 18); «на градском же месте ... искры златы и сребрены блещашеся» (статья 19); «огненный столб от земли и до небеси» (статья 20) [Краткая сибирская..., 1880, с. 6]. И.В. Белич, рассматривая эти сюжеты, пришел к выводу, что С.У. Ремезов при написании статей летописи пользовался одним источником. В качестве источника мог выступить мурза Девлетим/Давлетбай, живший в городке Бицик Тура, бывший, таким образом, реальной исторической личностью [Белич, 2015, с. 227]. И.В. Белич, изучая название «Алафейские горы», пишет о возможности нахождения на Тобольской горе в дорусский период татарского поселения с названием «Афкалары», правда, без конкретной привязки на местности. Автор делает данный вывод, основываясь на записи из «Родословия святых из страны Мавераннахр», опубликованной А.К. Бустановым [Белич, 2015, с. 229]. Таким образом, гипотетически, поселение «Афкалары» можно связать с «татарской крепостью» Г.Ф. Миллера.

Изучение культурного ландшафта территории города Тобольска в дорусский период в последнее время получило новый стимул в свете проведения археологических исследований. Раскопки 2012 г., проведенные на Чукманском мысу в Саду Ермака, выявили этапы заселения человеком этого участка города Тобольска, начиная с эпохи поздней бронзы. В IV—II вв. до н. э. (ранний железный век) на кромке мыса существовало городище, фортификационные сооружения которого состояли из двух валов и рва [Адамов, Турова, 2017, с. 14]. Представляется, что именно данное городище следует соотносить с «резиденцией царя», описание которой дал неизвестный офицер в 1666 г. Опираясь на эту точку зрения, Е.П. Загваздин и Н.П. Турова выдвинули предположение, где необходимо вести поиск городка Бицик Тура на Панином бугре, очертив радиус поиска в пределах 150–650 м от стрелки Чукманского мыса. В своих построениях исследователи опираются на известную запись в рукописи неизвестного офице-

ра о том, что городок находится «... на расстоянии мушкетного выстрела ...» и экспериментальных данных по баллистическим характеристикам мушкетов XVI–XVII вв. [Загваздин, Турова, 2017, с. 158]. Исследователи впервые на основании анализа разных исторических источников попытались соотнести выявленный археологический памятник (городище Чукман) с летописным городком и локализовать на местности другой городок (Бицик Тура).

На сегодняшний день наши представления о до-русском антропогенном ландшафте на месте основания города Тобольска очень расплывчаты. Только один из городков — «резиденция царя» — получил привязку на местности к археологическому памятнику — городищу Чукман. Городок Бицик Тура, как и «татарская крепость», не имеют на сегодняшний день точной локализации на местности. Освоение территории сопровождалось коренными изменениями ландшафта: леса вырубались, луга и очищенные от леса участки распахивались, овраги засыпались. Полностью и необратимо изменились все компоненты — рельеф, растительность и почвы, — сформировав новый антропогенный ландшафт. В этой связи нам представляется, что только проведение комплексных исследований силами представителей гуманитарных и естественных наук позволит пролить свет на вопрос, как менялся антропогенный ландшафт в месте слияния двух крупных сибирских рек — Тобола и Иртыша с эпохи бронзового века до начала русской колонизации в конце XVI в.

Список литературы

1. Адамов А.А., Турова Н.П. Городище раннего железного века на мысу Чукман в городе Тобольске // Тобольск: времена, события, люди: коллект. моногр. / Труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. Вып. 5. Исторические науки — Тобольск: ТКНС УрО РАН, 2017. — С. 7–16.
2. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв. — Новосибирск: Наука, 2006. — 504 с.
3. Белич И.В. Мыс «Алтын Яргинак», «Бицик-Тура на Паньине бугре» и гора «Алафейская»: к исторической топонимике города Тобольска // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. — Курган: Курганский дом печати, 2015. — С. 220 – 231.
4. Борисенко Е.Н. Природно-антропогенные и антропогенные ландшафты южной и центральной частей Амурско-Зейского междуречья: характеристика и оценка: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. — Томск, 2016. — 19 с.
5. Буровский А.М. Чего не видит археология // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск: Наука, 2017. — С. 93–96.
6. Голодников К. Город Тобольск и его окрестности: ист. очерк. — Тобольск: [Б. и.], 1886. — 139 с.
7. Дроздов К.А. Проблемы систематики антропогенных ландшафтов // Антропогенные ландшафты: структура, методы и прикладные аспекты изучения. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1988. — С. 13–20.
8. Загваздин Е.П., Турова Н.П. Тобольские древности в сочинении неизвестного иностранца 1666 года // Тобольск научный — 2017: Материалы XIV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной Году эко-

логии в России. — Тобольск: ООО «Аксиома», 2017. — С. 155–159.

9. Кириллов В.В. Тобольск. — М.: Искусство, 1984. — 240 с.

10. Красноярова Б.А., Шарабарина С.Н., Гармс Е.О. Оценка антропогенной преобразованности территории Обь-Иртышского бассейна // Региональные аспекты изменения природной среды и общества: Материалы XIX научной конференции молодых географов Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2017. — С. 145–147.

11. Краткая сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. — СПб.: Тип. Ф.Г. Елконского, 1880. — 110 с.

12. Кулешова М.Е., Стрелецкий В.Н. Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте // В фокусе наследия. Сб. ст., посвященный 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. — М.: Ин-т географии РАН, 2017. — С. 313–329.

13. Курилов В.Н., Резун Д.Я. К проблеме генезиса культурно-исторического ландшафта Сибири // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 6–27.

14. Лось М.А. Ландшафтно-рекреационное районирование тюменско-тобольского туристско-рекреационного каркаса // Региональные аспекты изменения природной среды и общества: Материалы XIX научной конференции молодых географов Сибири и Дальнего Востока. — Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2017. — С. 149–152.

15. Люцидарская А.А. Роль антропогенного фактора в природных комплексах Сибири XVII в. (на примере Томского уезда) // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 68–85.

16. Миллер Г.Ф. История Сибири. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — Т. 1. — 607 с.

17. Миллер Г.Ф. Описание города Тобольска в 1741 году // Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. — Новосибирск: Наука, 1990. — С. 234–243.

18. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. Книга первая. — М.: Либерия, 1998. — 416 с.

19. Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты: очерки антропогенного ландшафтоведения. — М.: Мысль, 1973. — 224 с.

20. Низовцев В.А. К теории антропогенного ландшафтогенеза // География и природные ресурсы. — 2010. — № 2. — С. 5–10.

21. Низовцев В.А. Становление антропогенного ландшафтогенеза Московского региона // Ландшафтный сборник (Развитие идей Н.А. Солнцева в современном ландшафтоведении). — М.; Смоленск: Ойкумена, 2013. — С. 196–226.

22. Родоман Б.Б. Культурный ландшафт России: географическая специфика и уникальность // В фокусе наследия. Сб. ст., посвященный 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. — М.: Ин-т

географии РАН, 2017. — С. 330–340.

23. Сванидзе И.Г. Воздействие минерализованных пластовых вод на ландшафты речных долин южной тайги Западной Сибири (на примере юга Тюменской области): дисс. ... к. геогр. наук. — Барнаул, 2015. — 155 с.

24. Скуднева М.В. Культурный ландшафт исторического города Сибири: автореф. дисс. ... канд. архитектуры. — Новосибирск, 2005. — 28 с.

25. Степанова О.Б. Антропогенный ландшафт бассейнов Таза и Турухана в XVII — XIX вв.: история vs теория // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской научной конференции. — Тюмень: ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. — Вып. 4. — С. 422–425.

26. Тихонов С.С. Планиграфические особенности сибирских городов конца XVI — начала XVII века (по материалам «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова) // Баландинские чтения: сб. научных статей памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГУАДИ, 2018. — Т. XIII. — С. 195–198. DOI 10.24411/9999-001A-2018-10028.

27. Харитonenков М.А. История лесов Среднего Прииртышья в железном веке (2500 л. н.) — современность // Russian Journal of Ecosystem Ecology. — 2017. — Vol. 2 (4). — P. 1–53. DOI 10.21685/2500-0578-2017-4-2.

28. Харитonenков М.А. Роль антропогенного фактора в формировании растительного покрова юга Западно-Сибирской равнины в эпоху традиционного природопользования (с позднего палеолита до конца XIX в.): автореф. дисс. ... канд. биол. наук. — М., 2012. — 26 с.

29. Хохлов А.Н. Древняя Тверь: к вопросу формирования антропогенного ландшафта и городской территории // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2017. — № 3. — С. 154–155.

30. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. — СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1882. — 49 с.

31. Чупахин В.М. Основы ландшафтоведения. — М.: Агропромиздат, 1987. — 168 с.

References

1. Adamov A.A., Turova N.P. Gorodishche rannego zheleznoogo veka na mysu Chukman v gorode Tobol'ske. In *Tobol'sk: vremena, sobytiya, lyudi: kollekt. monogr. Trudy Tobol'skoj kompleksnoj nauchnoj stancii UrO RAN. Iss. 5. Istoricheskie nauki*. Tobolsk: TKNS UrO RAN, 2017, pp. 7–16. (in Rus.)

2. Alekseev M.P. Sibir` v izvestiyax zapadno-evropejskix puteshestvennikov i pisatelej, XIII–XVII vv.: Vvedenie, teksty` i kommentarij. Novosibirsk: Nauka, 2006, 504 p. (in Rus.)

3. Belich I.V. Mys «Altyn YArginak», «Bicik-Tura na Pan'ine bugre» i gora «Alafejskaya»: k istoricheskoj toponimike goroda Tobol'ska. In *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda. Sbornik nauchnyh statej Vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Kurgan, 2015, pp. 220–231. (in Rus.)

4. Borisenko E.N. Prirodno-antropogennyye i antropogennyye landshafty yuzhnoj i central'noj chastej Amursko-Zejskogo mezhdurech'ya: harakteristika i oценка: avtoref. diss. ... kand. geogr. nauk. Tomsk,

2016. 19 p. (in Rus.)

5. Burovskij A.M. Chego ne vidit arheologiya. Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyah: sb. nauch. st. Pod red. L.V. Tataurovoj. Omsk: Nauka, 2017, pp. 93–96. (in Rus.)

6. Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlenaya tobol'skim sy`nom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 godu. St. Petersburg: A.M. Kotomina Publ., 1882, 49 p. (in Rus.)

7. Chupahin V.M. Osnovy landshaftovedeniya. Moscow: Agropromizdat, 1987, 168 p. (in Rus.)

8. Drozdov K.A. Problemy sistematiki antropogennykh landshaftov. In *Antropogennyye landshafty: struktura, metody i prikladnye aspekty izucheniya*. Voronezh: Izd-vo VGU, 1988, pp. 13–20. (in Rus.)

9. Golodnikov K. Gorod Tobol'sk i ego okrestnosti: ist. ocherk. Tobolsk: B. i., 1886, 139 p. (in Rus.)

10. Haritonenkov M.A. Istoriya lesov Srednego Priirtysh'ya v zheleznom veke (2500 l. n.) — sovremennost'. *Russian Journal of Ecosystem Ecology*, 2017, vol. 2 (4), pp. 1–53. DOI 10.21685/2500-0578-2017-4-2. (in Rus.)

11. Haritonenkov M.A. Rol' antropogennogo faktora v formirovanii rastitel'nogo pokrova yuga Zapadno-Sibirskoj ravniny v epohu tradicionnogo prirodopol'zovaniya (s pozdnego paleolita do konca XIX v.): avtoref. diss. ... kand. biol. nauk. Moscow, 2012. 26 p. (in Rus.)

12. Hohlov A.N. Drevnyaya Tver': k voprosu formirovaniya antropogennogo landshafta i gorodskoj territorii. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2017, No. 3, pp. 154–155. (in Rus.)

13. Kirillov V.V. Tobol'sk. Moscow: Iskusstvo, 1984, 240 p. (in Rus.)

14. Krasnoyarova B.A., SHarabarina S.N., Garms E.O. Ocenka antropogennoj preobrazovannosti territorii Ob'Irtyshskogo bassejna. In *Regional'nye aspekty izmeneniya prirodnoj sredy i obshchestva: Materialy XIX nauchnoj konferencii molodyh geografov Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Irkutsk: Izd-vo In-ta geografii im. V.B. Sochavy SO RAN, 2017, pp. 145–147. (in Rus.)

15. Kratkaya sibirskaya letopis` (Kungurskaya) so 154 risunkami. St. Petersburg: F.G. Elkon'skogo Publ., 1880, 110 p. (in Rus.)

16. Kuleshova M.E., Streleckij V.N. Formirovanie i evolyuciya predstavlenij o kul'turnom landshafte. In *V fokuse naslediya. Sb. st., posvyashchennyj 80-letiyu Yu.A. Vedenina i 25-letiyu sozdaniya Rossijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya im. D.S. Lihacheva*. Moscow: In-t geografii RAN, 2017, pp. 313–329. (in Rus.)

17. Kurilov V.N., Rezun D.Ya. K probleme genezisa kul'turno-istoricheskogo landshafta Sibiri. In *Problemy ohrany i osvoeniya kul'turno-istoricheskikh landshaftov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1986, pp. 6–27. (in Rus.)

18. Los' M.A. Landshaftno-rekreacionnoe rajonirovanie tyumensko-tobol'skogo turistsko-rekreacionnogo karkasa. In *Regional'nye aspekty izmeneniya prirodnoj sredy i obshchestva: Materialy XIX nauchnoj konferencii molodyh geografov Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Irkutsk: Izd-vo In-ta geografii im. V.B. Sochavy SO RAN, 2017, pp. 149–152. (in Rus.)

19. Lyucidarskaya A.A. Rol' antropogennogo faktora v prirodnykh kompleksah Sibiri XVII v. (na primere Tom'skogo uezda). In *Problemy ohrany i osvoeniya kul'turno-istoricheskikh landshaftov Sibiri*. Novosibirsk:

Nauka, 1986, pp. 68–85. (in Rus.)

20. Miller G.F. *Istoriya Sibiri*. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1937, vol. 1, 607 p. (in Rus.)

21. Miller G.F. *Opisanie goroda Tobol'ska v 1741 godu* In *E`lert A.X. E`kspedicionny`e materialy` G.F. Millera kak istochnik po istorii Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1990, pp. 234–243. (in Rus.)

22. Miller G.F. *Opisanie Sibirskogo czarstva i vsekh proissledshix v nem del ot nachala, a osoblivo ot pokoreniya ego Rossijskoj derzhave po sii vremena*. Kniga pervaya. Moscow: Libereya, 1998, 416 p. (in Rus.)

23. 17. Mil'kov F.N. *CHelovek i landshafty: ocherki antropogennogo landshaftovedeniya*. Moscow: Mysl', 1973, 224 p. (in Rus.)

24. Nizovcev V.A. *K teorii antropogennogo landshaftogeneza*. *Geografiya i prirodnye resursy*, 2010, No. 2, pp. 5–10. (in Rus.)

25. Nizovcev V.A. *Stanovlenie antropogennogo landshaftogeneza Moskovskogo regiona*. In *Landshaftnyj sbornik (Razvitie idej N.A. Solnceva v sovremennom landshaftovedenii)*. Moscow; Smolensk: Ojkumena, 2013, pp. 196–226. (in Rus.)

26. Rodoman B.B. *Kul'turnyj landshaft Rossii: geograficheskaya specifika i unikal'nost'*. In *V fokuse naslediya. Sb. st., posvyashchennyj 80-letiyu YU.A. Vedenina i 25-letiyu sozdaniya Rossijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta kul'turnogo i prirodnogo naslediya im. D.S. Lihacheva*. Moscow: In-t geografii RAN, 2017, pp. 330–340. (in Rus.)

27. Skudneva M.V. *Kul'turnyj landshaft istoricheskogo goroda Sibiri: avtoref. diss. ... kand. arhitektury*. Novosibirsk, 2005, 28 p. (in Rus.)

28. Stepanova O.B. *Antropogennyj landshaft*

bassejnov Taza i Turuhana v XVII–XIX vv.: istoriya vs teoriya. In *Chelovek i Sever: Antropologiya, arheologiya, ekologiya: Materialy vserossijskoj nauchnoj konferencii. Tyumen: FIC TyumNC SO RAN, 2018, iss. 4, pp. 422–425. (in Rus.)*

29. Svanidze I.G. *Vozdejstvie mineralizovannykh plastovykh vod na landshafty rechnykh dolin yuzhnoj tajgi Zapadnoj Sibiri (na primere yuga Tyumenskoj oblasti): diss. ... k. geogr. nauk*. Barnaul, 2015, 155 p. (in Rus.)

30. Tihonov S.S. *Planigraficheskie osobennosti sibirskih gorodov konca XVI — nachala XVII veka (po materialam «CHertezhnoj knigi Sibiri» S.U. Remezova)*. In *Balandinskie chteniya*. Novosibirsk, 2018, vol. XIII, pp. 195–198. DOI 10.24411/9999-001A-2018-10028. (in Rus.)

31. Zagvazdin E.P., Turova N.P. *Tobol'skie drevnosti v sochinenii neizvestnogo inostranca 1666 goda. Tobol'sk nauchnyj — 2017: Materialy XIV Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchenoj Godu ekologii v Rossii*. Tobolsk: OOO «Aksioma», 2017, pp. 155–159. (in Rus.)

Список сокращений

ВГУ — Воронежский государственный университет

ТКНС УрО РАН — Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук.

ТюмНЦ — Тюменский научный центр

ФИЦ — Федеральный исследовательский центр

★ - Бицик Тура ◆ - городище Чукман
 ■ - Афкалары

Ил. 1. Предполагаемая локализация татарских городков на месте города Тобольска (схема автора).

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10085
УДК 17.00.04

А.Н. Журин
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
zhurin.andrew@yandex.ru

Феномен двойственности и его реализация в жилой архитектуре сибирского города первой половины XIX века

Аннотация

В статье рассматривается противоречие между рекомендованным образцовым классицистическим уличным фасадом массового жилого дома первой половины XIX в. и его планировочной структурой, характеризующейся чертами практицизма и региональными особенностями, свойственными крестьянскому народному зодчеству Сибири. Двойственность внешнего и внутреннего явилась своеобразным прологом в развитии массовой архитектуры сибирского города нового типа, где это противоречие было в дальнейшем преодолено в стилистике эклектики. В статье указывается составляющая перехода от классицизма к эклектике в архитектуре, в основе которой лежали идеи народной составляющей романтизма, противопоставляющие нормативные узаконенные установки в стилистике и собственные практические устремления населения в области обустройства своего жилища в местных условиях.

Ключевые слова: архитектура первой половины XIX в., переход от классицизма к эклектике, феномен двойственности, противоречие между внутренним и внешним, народное зодчество, образцовые проекты

A.N. Zhurin
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
zhurin.andrew@yandex.ru

The phenomenon of duality and its implementation in the residential architecture of the Siberian town in the first half of the 19th century

Abstract

The article deals with the contradiction between the recommended standard classic street facades of mass residential buildings of the first half of the 19th century and its planning structure, characterized by practical features and regional peculiarities of the peasant folk architecture of Siberia. The external and internal duality was a kind of prologue in the development of the mass architecture of the Siberian town of a new type, where this contradiction was later overcome in the stylistics of eclecticism. The article indicates the component of the transition from classicism to eclecticism in architecture, which was based on the national ideas of romanticism, normative legal stylistic requirements and the practical aspirations of the population in the field of home improvement in local conditions.

Key words: architecture of the first half of the 19th century, the transition from classicism to eclecticism, the phenomenon of duality, the internal and external contradiction, folk architecture, standard projects

Массовая городская архитектура в сибирских городах, развиваясь в общем контексте русской архитектуры XIX в. с ее переходом от классицизма к историзму и эклектике, имела свою специфику и, безусловно, заслуживает своего исследования, в котором анализируются общестилистические влияния своего времени, на которые наслаиваются региональные традиции из области народного зодчества.

Феномен двойственности как сочетание двух противоположных начал в архитектуре и градостроительстве достаточно ярко проявился в сибирском городе второй половины XIX в. В это время отмечается наличие двух полярных составляющих — крестьянской традиции в обустройстве своего жилища и усадебного участка и государственной идеи преобразования городского пространства и мест проживания городских жителей согласно единой норматив-

ной классицистической стилистике. Противоречие между внешней формой и внутренним содержанием — это важная характеристика архитектурной теории и практики эпохи перехода от классицизма к эклектике. Эта идея реализовывалась в проектах дворцовых и парковых сооружений ведущих архитекторов эпохи — А.И. Штакеншнейдера, Г.А. Боссе [Борисова, 1999, с. 49–67]. Противоположность между нормативностью классицистического фасада и свободной в своей утилитарности внутренней планировкой была также характерной для архитектуры русской провинции, где практические соображения застройщиков сталкивались с идеальным образом города, внедряемом на государственном уровне [Саваренская, 1989, с. 160–164]. Феномен двойственности в архитектуре и градостроительстве приобретает особую остроту в периоды смены стилистических

направлений, что и отмечается в первой половине XIX в. в связи с переходом от эстетики классицизма к эклектике, прежде всего, к ее национальной составляющей. Философские истоки эклектики были декларированы в мировоззрении эпохи романтизма: свобода и культ индивидуальности, приоритет личности, уход в мечтательный историзм прошлого. В эпоху романтизма «...противостоящие концепции нации и государства развивались вместе с двумя соответствующими концепциями культуры. С одной стороны, культура идентифицировалась с тем, что стало называться высокой культурой и что рассматривалось как универсальный канон лучшего, из того что было осмысленно и сказано. С другой стороны, культура также стала идентифицироваться с антропологической моделью особенных национальных культур» [Kaiser, 1999, p. 3]. В русской эстетике в первой половине XIX в. отмечается стремление осознать свою историю, своеобразие местности и природного окружения в качестве стилеобразующих факторов в архитектуре. Романтическая эстетическая мысль в архитектуре призывала к соединению стилистики универсального канона классицизма в архитектуре с местными народными традициями. Эти взгляды развивают сторонники славянофильского движения, и профессиональная архитектура отвечает новым стилистическим течениям — русско-византийскому стилю и русскому национальному стилю второй половины XIX в., которые долгое время незаслуженно носили название псевдорусских.

Столкновение и взаимодействие двух противоположностей — народной крестьянской и государственной классицистической архитектуры — явилось характерной чертой образа сибирского города этого исторического периода. Двойственность в культуре и материальной деятельности в области обустройства своего жилища была характерна и для других периодов развития сибирского градостроительства и стала наиболее выраженной на протяжении конца XIX — начала XX в. в связи со строительством Транссибирской магистрали и промышленным развитием городов, впечатляющий рост населения которых обеспечивался в основном за счет сельского населения.

Жилище сибирского крестьянина той поры было традиционным и апробированным в течение длительного исторического периода. Изба в виде клетки, изба со связью, изба-пятистенка, крестовая изба являлись основой организации жилого пространства сибирского крестьянина [Ащепков, 1950, с. 42–55]. Строительным материалом жилища являлось дерево, в те годы рубленые стены не маскировались и не декорировались, скромный национальный декор присутствовал в обрамлении небольших оконных проемов. Такой тип жилого дома хорошо сохранял тепло, имел веками отработанную технологию проживания в нем. Ориентация жилых помещений избы на южную сторону обеспечивала высокий уровень естественной инсоляции. Подсобные хозяйственные помещения соответственно ориентировались на северную сторону и не требовали устройства крупных оконных проемов [Ащепков, 1950, с. 52–55].

Перемещение такого типа жилища в город практиковалось в Сибири в предшествующий первой половине XIX в. период. Однако, этот процесс натолкнулся на серьезные трудности — идея органи-

зации традиционного функционального личного пространства столкнулась с государственной политикой создания «идеального» города. Если народное зодчество в сельской местности развивалось, вырабатывая свои исторически устоявшиеся типы жилища, то в первой половине XIX в. в сибирском городе культивировалось направление в массовом жилищном и хозяйственном строительстве, тесно связанное с внедряемой государством архитектурой классицизма.

Противоречивость народных традиций и внешних, чуждых климату классицистических декоративных приемов отразил Н.И. Надеждин в своем труде «О современном направлении изящных искусств». Он подчеркивал взаимосвязь архитектурной формы жилища с местными традициями, что было характерно для народного зодчества: «Перенесите сии туземные местные знания под чужое небо, поставьте их в других рамах, окружите их другими декорациями — они потеряют свою прелесть» [Надеждин, 2000, с. 349]. Надеждин отмечает, что классицизм с его ордерными формами неуместен в российском климате. Безусловно, эти высказывания относились, прежде всего, к более крупным постройкам русского классицизма, однако и менее крупные массовые жилые постройки, фасады которых были выполнены в классицистических традициях, вступали в определенное противоречие с климатическими особенностями местности.

Концепция идеального городского пространства получила развитие в 1809 г., когда были опубликованы и начали законодательно внедряться классицистические проекты из «Собрания фасадов Его Императорским Величеством высочайше апробированных для частных строений в городах Российской империи» (ил. 1). В 1812 г. вышли еще два альбома с проектами (125 фасадов), выполненные архитектором-классицистом В.П. Стасовым. Проекты пятого альбома предписывали городским застройщикам даже внешний вид оград и ворот. Подобные альбомы с проектами получили городничие не только губернских, но и уездных сибирских городов, которые вынуждены были приступить к реализации этого обязательного важного государственного постановления [Ожегов, 1984, с. 79–92] (ил. 2, 3).

Типовое и повторное жилищное строительство активно развивалось в России на протяжении всего XVIII в., однако только в первой половине XIX в., с ростом населения городов за счет сельской провинции, противоречие между городом и деревней получило свое развитие на фоне грядущих перемен в архитектурной стилистике. В этом важнейшем и качественно новом для сибирского города преобразовании была уже заложена основа столкновения двух противоположностей: с одной стороны — стремление государства пропагандировать единый классицистический единый облик российского и сибирского города, с другой стороны — естественное желание большинства горожан, за счет которых и велось частное домостроение, сохранить определенный крестьянский прагматизм и здравый смысл в планировании своего жилища. Это достаточно частое и типичное для архитектуры противоречие между формой и содержанием, с появлением узаконенных фасадов индивидуального жилого дома, приобрело определенную остроту в сибирских городских условиях первой по-

ловины XIX в. Решение внешней формы — главного фасада — было за государством, тогда как организация плана собственного жилища оставалась за застройщиком. Следует отметить, что в типовых проектах в зданиях, возводимых в губернских городах для государственных целей, это противоречие между фасадом и планом фактически отсутствовало. За классицистическим симметричным фасадом находился соответствующий ему план здания.

Противоположность двух полярных по своим целям составляющих в проектах индивидуального жилого дома — классицистический фасад и свободно от него решенный план жилого дома — породили своеобразный тип сибирского жилища горожанина первой половины XIX в. При реализации типовой композиционной идеи классицистического фасада со строгой симметрией возникало противоречие с конструктивными особенностями организации планов основных типов, почерпнутых из народного зодчества.

Исследователь архитектуры забайкальских городов Л.К. Минерт приводит ряд ассиметричных планов жилых домов первой половины XIX в., которые на симметричных уличных фасадах не получили отражения. В данных случаях противоречивая двойственность, полярность внешнего и внутреннего прослеживается в полной мере [Минерт, 1983б, с. 76–77]. Л.К. Минерт, опираясь на местные архивы, отмечает симптоматичный факт, связанный с реализацией застройщиками этого противоречия между симметричным классицистическим решением фасада и свободной трактовкой плана жилого дома сибирского горожанина (ил. 4, 5). Губернская Строительная комиссия в Иркутске предписывала жителям Верхнеудинска представлять проекты переделок фасада, таких как «пробивка двух дверей» или «исправления старого крыльца», что могло бы внести изменения в классицистический облик фасада, заимствованный из «образцовых», типовых проектов [Минерт, 1983а, с. 234–235]. Следует заметить, что подобные изменения уличного фасада жилых домов диктовались практическими соображениями застройщиков, однако вплоть до 1853 г. в Верхнеудинске местной администрацией утверждался неоспоримый приоритет формы фасада над внутренним содержанием объемно-пространственной композиции жилого дома.

Выйдя на простор более свободного от административного контроля жилищного строительства, частные застройщики в сибирских городах все чаще использовали различные типы планов своего жилого дома, которые уходили по своему объемно-пространственному решению в сторону теории и практики проектирования городского жилого особняка. Решение фасада становилось следствием индивидуальных особенностей его планировки, диктовавшейся традициями, экономическими возможностями и эстетическими предпочтениями застройщиков. Фасад жилого дома утрачивает регламентированные властью классицистические черты, а композиционная свобода в его трактовке, многочисленные резные детали, исполненные в дереве и кирпиче, придают ему всё большую индивидуальность, проявляющуюся в зависимости от вкусов и экономических возможностей застройщика. При этом появление новых типов массового городского жилища диктовало возникновение композиционных форм фасадов жи-

лых зданий, где входные узлы, торговые помещения определяли индивидуальную композицию.

Архитектурная форма эпохи свободы выбора опосредованно отражала идеи романтизма и историзма, что было характерно для профессиональной архитектуры перехода от классицизма к эклектике [Борисова, 1999, с. 5–23]. При этом крупный массив городского непрофессионального жилищного строительства нес в себе специфичные стилистические черты эпохи, воспринятые через призму массовой городской культуры. Это отразилось в полувековом внедрении форм классицизма в фасадах жилых домов городских обывателей в Сибири. Этот процесс, при всей его административной энергии, не коснулся планировочных решений самих жилых построек. Идея фасада как классицистической ширмы была преодолена в пореформенный период середины XIX в. и далее стремление к свободе в принятии планировочных решений своего жилища стало более охватывало и привлекало массового застройщика, а романтическая эстетическая мысль, с ее национальной составляющей, давшая начало этому движению, явилась, наряду с развивающейся экономикой, значительной силой в архитектурном формообразовании.

Список литературы

1. Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. — М.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1950. — 140 с.
2. Борисова Е. А. Русская архитектура в эпоху романтизма. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. — 316 с.
3. Дом Дементьева в Енисейске // Красноярский край: история архитектуры — URL: http://naov.ru/objects/article/91_dom-dementeva-v-eniseyiske-istoriya-stroitelstva.html
4. Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. — Улан-Удэ: Бурт. кн. изд-во, 1983а. — 248 с.
5. Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. — Новосибирск: Наука, 1983б. — 201 с.
6. Надеждин Н. И. Сочинения в двух томах. — СПб.: Издательство РХГИ, 2000. — 976 с.
7. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII — XIX веках. — М.: Стройиздат, 1984. — 168 с.
8. Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Петров Ф.А. История градостроительного искусства. — М.: Стройиздат, 1989. — 391 с.
9. Kaiser, D. Romanticism, Aesthetics, and Nationalism (Cambridge Studies in Romanticism). — Cambridge: Cambridge University Press, 1999. — 172 p.

References

1. Ashhepkov E. A. Russkoe narodnoe zodchestvo v Zapadnoj Sibiri. Moscow: Izdatel'stvo Akademii arhitektury SSSR, 1950, 140 p. (in Russ.)
2. Borisova E. A. Russkaja arhitektura v jepohu romantizma. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 1999, 316 p. (in Russ.)
3. Dom Dement'eva v Enisejske // Krasnoyarskij kraj: istoriya arhitektury — URL: http://naov.ru/objects/article/91_dom-dementeva-v-eniseyiske-istoriya-stroitelstva.html
4. Kaiser, D. Romanticism, Aesthetics, and Nationalism (Cambridge Studies in Romanticism).

Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 172 p.

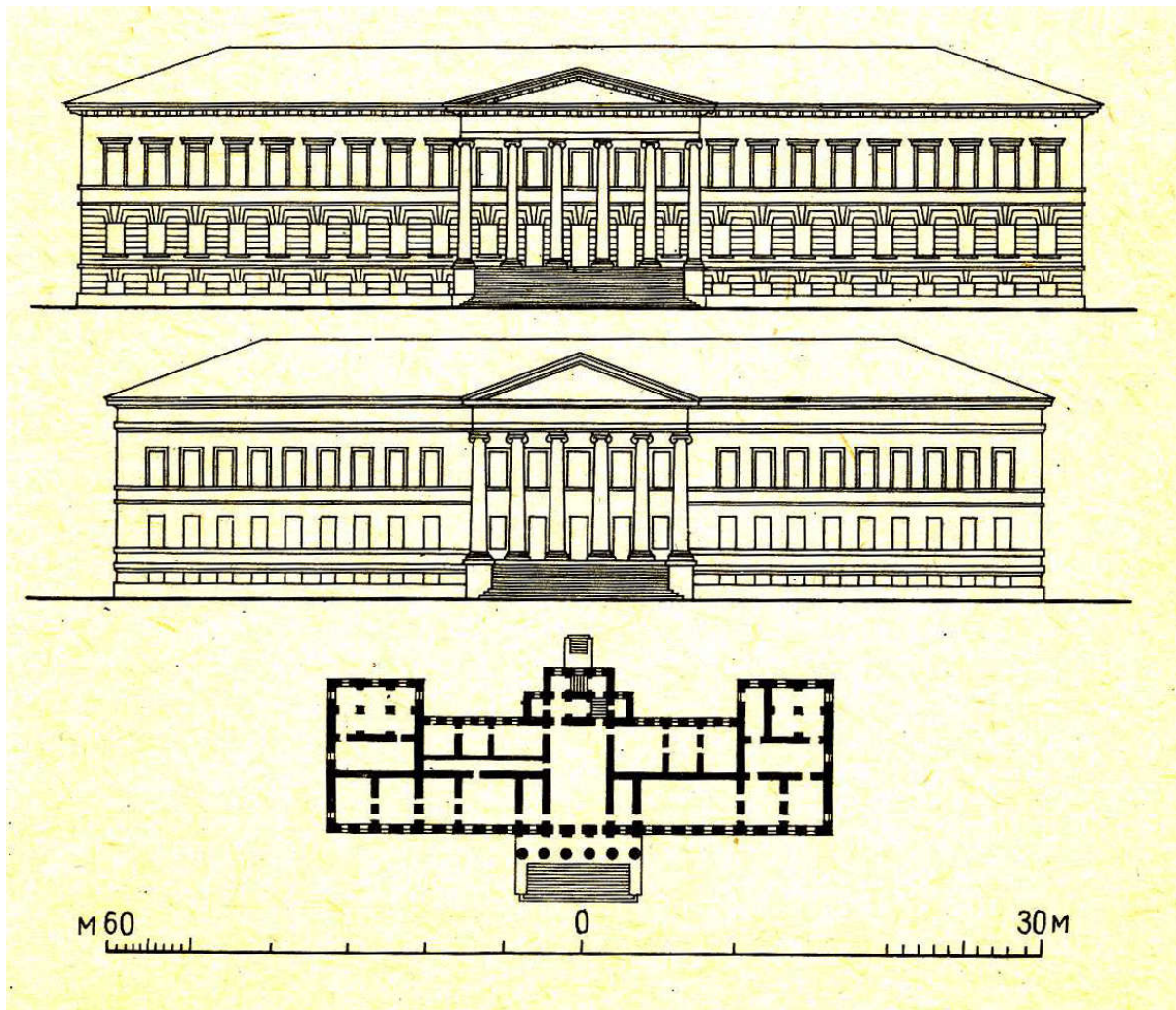
5. Minert L.K. Arhitektura Ulan-Udje. Ulan-Udje: Burt. kn. izd-vo, 1983a, 248 p. (in Russ.)

6. Minert L.K. Pamjatniki arhitektury Burjatii. Novosibirsk: Nauka, 1983b, 201 p. (in Russ.)

7. Nadezhdin N. I. Sochinenija v dvuh tomah. Moscow.: Izdatel'stvo RHGI, 2000, 976 p. (in Russ.)

8. Ozhegov S. S. Tipovoe i povtornoje stroitel'stvo v Rossii v XVIII – XIX vekah. Moscow: Strojizdat, 1984, 168 p. (in Russ.)

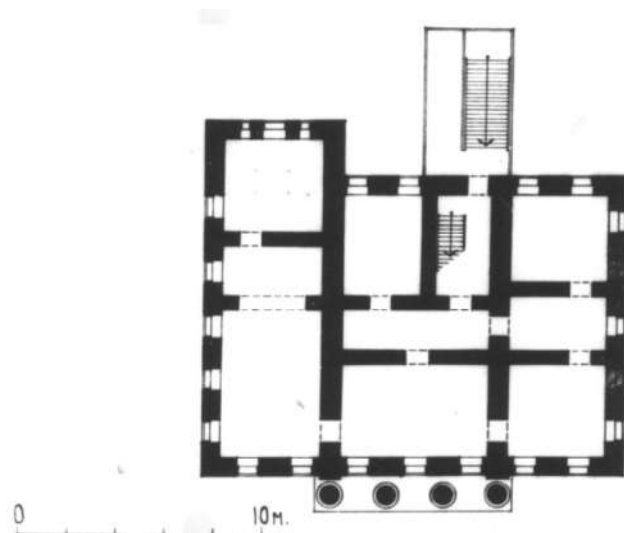
9. Savarenskaja T.F., Shvidkovskij D.O., Petrov F.A. Istorija gradostroitel'nogo iskusstva. Moscow: Strojizdat, 1989, 391 p. (in Russ.)

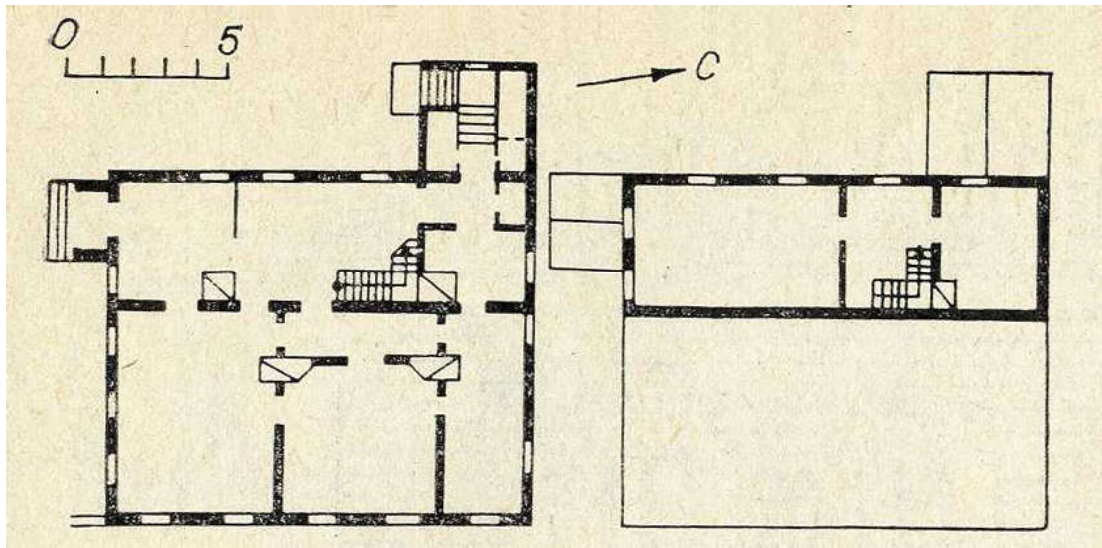
Ил. 1. Типовой проект присутственных мест с соответствием плана здания и его фасада.
Источник: [Ожегов, 1984, с. 105]

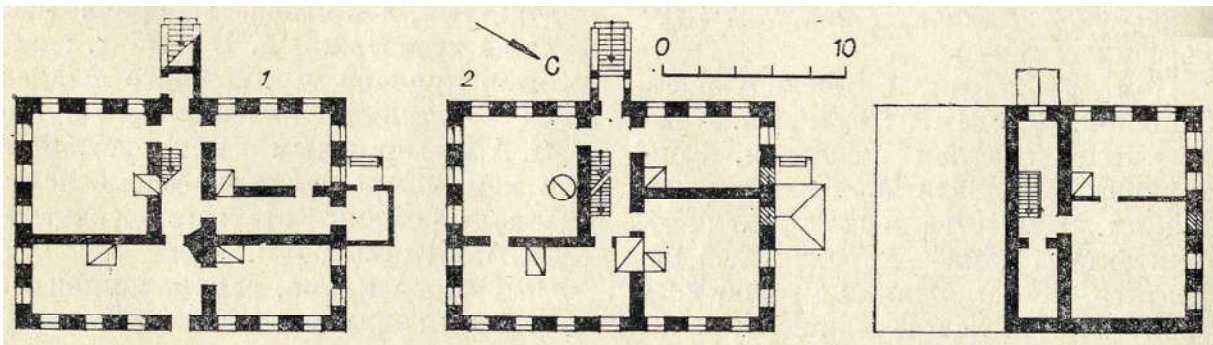
Ил. 2. Общий вид дома Дементьева в Енисейске: фасад выполнен в соответствии с типовым проектом из альбома Свода типовых и образцовых проектов 1809 г. Источник: [Дом Дементьева в Енисейске]

Ил. 3. План основного этажа дома Дементьева в Енисейске, находящегося в соответствии с главным фасадом здания. Источник: [Дом Дементьева в Енисейске]

Ил. 4. Планы жилого дома середины XIX века в Троицкосавске с крупными по высоте помещениями со стороны уличного типового фасада и антресольным этажом со стороны двора усадьбы. Источник: [Минерт, 19836, с. 76]

Ил. 5. Жилой дом середины XIX в в Троицкосавске. Асимметричные планы 1-го, 2-го и 3-го этажей. Источник: [Минерт, 19836, с. 76]

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10086
УДК: 351.853.3 + 004.275.1

Е.П. Загваздин
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (Тобольск)
kulay_arx@mail.ru

**Тобольский кремль с «полуденной» стороны:
новые данные по архитектуре крепости в XVIII–XIX веках**

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках темы № 0408-2019-0008 Рег. № НИОКТР 116020510080 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. — II тыс. н.э.)»

Аннотация

В статье представлены некоторые итоги археологических исследований, проведенных в Тобольском кремле в 2006 г. Спасательные раскопки были организованы в юго-восточной части кремля на месте строительства пешеходной зоны. На этом участке был заложен раскоп площадью 110 кв. м. Удалось изучить фрагменты капитального здания XVIII – XIX вв. и опорного столба. Сопоставление расположения центральной постройки, зафиксированной в раскопе, с архивными планами XVIII – XIX вв. показало, что на месте исследований находилось здание служебного назначения. Некоторое представление об его облике дают графические источники начала XIX в.: одноэтажное длинное здание с двускатной крышей, встроенное в крепостную стену. Более детальная информация об обстоятельствах его строительства и разрушения в исторической литературе отсутствует. Нижняя дата его возведения по планам фиксируется с конца 1740-х гг. Верхняя дата существования этого строения ориентировочно определяется концом 30-х гг. XIX в.

Ключевые слова: Тобольский кремль, спасательные раскопки, архитектура

E.P. Zagvazdin
Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the RAS (Tobolsk)
kulay_arx@mail.ru

**Tobolsk Kremlin on the south side:
the new architectural information about the fortress in the 18th–19th centuries**

Abstract

The article deals with some results of archaeological research conducted in the Tobolsk Kremlin in 2006. Rescue excavations were organized in the south-eastern part of the Kremlin at the construction site of the pedestrian zone. An excavation area of 110 square meters was laid on this site. It managed to study the fragments of the capital building of the 18th–19th centuries and a support post. Comparison of the location of the central building with the archival plans of the 18th–19th centuries, recorded in the excavations, showed that there was an office building at the place of research. Graphic sources of the beginning of the 19th century give an idea of its appearance: a one-story, long building with a gable roof, built into the fortification wall. More detailed information about the circumstances of its construction and destruction lacks in the historical literature. The earliest date of its construction according to plans is fixed from the end of the 1740s. The latest date of existence of this structure is approximately determined by the end of the 30s of the 19th century.

Keywords: Western Siberia, Tobolsk Kremlin, archeology, excavations, restoration

Археологические работы, активно проходившие с 2000-го по 2012 гг. на территории Тобольского кремля, позволили ввести в научный оборот качественно новую информацию, касающуюся развития оборонной архитектуры города. Новейшие результаты исследования по археологии Тобольского кремля отражены в статьях А.А. Адамова, И.В. Балюнова, П.Г. Данилова, Е.П. Загваздина [Адамов, 2000; Балюнов, 2014; Данилов, 2016; Загваздин, 2018]. Несмотря на широкий фронт исследований, не все результаты изучения тобольской крепости получили должное освещение в научной литературе. Цель данной пу-

бликации — ввести в оборот материалы археологических исследований, относящиеся к изучению утраченных архитектурных объектов, располагавшихся вдоль южной крепостной стены.

Поводом для проведения в 2006 г. спасательных археологических раскопок¹⁶ стало строительство туристической пешеходной зоны на территории кремля. В ходе подготовительных земляных работ строи-

¹⁶ Археологические исследования проводились при участии студентов Тобольского педагогического института и Тобольского филиала Тюменского нефтегазового университета.

телями был поврежден культурный слой на площади около 5000 кв. м. Достаточно сильному разрушению подверглись участки вдоль внутренней стороны южной крепостной стены, а также по линии восточной стены, вплоть до Братского (Монашеского) корпуса. На южном участке этого маршрута работы удалось приостановить и раскопками исследовать фрагменты кирпичных сооружений, попавших под нож бульдозера.

Раскоп площадью 110 кв. м. был заложен у северо-западного угла южной квадратной башни таким образом, что перекрыл по ширине сектор корыта будущей пешеходной дорожки (ил. 1–4). Сразу же после начала раскопок были обнаружены остатки крестообразного в плане кирпичного фундамента (объект 1). Фундамент с запада на восток протянулся на 11 м, а с юга на север — на 9,9 м. Ширина фундамента составила 1,42–1,6 м. Его северный край в секторе 1 примыкал к фундаменту объекта 4, но не перерезал его. Тогда как западный край, наоборот, пересекал кладку объекта 4. Фундамент объекта 1 целиком сложен из кирпича. Заглублен в материк на 0,15–0,2 м. Сохранившаяся высота кладки 1,37 м.

В центральной части секторов 3 и 4 изучен объект 2. Его кладка была разрушена с северной стороны строительной техникой, поэтому удалось установить, что эта кирпичная площадка надстроена позже и располагалась поверх фундамента объекта 1. Размер сохранившейся части объекта составил 5,4 x 3 м.

В 4 секторе раскопа изучена кладка подквадратной формы объекта 3 размерами 93 x 57 см, вошедшая в раскоп частично. Кирпич, из которого он был сложен, имеет размеры 28–29 x 15 x 7 см. В этом же секторе, в юго-восточном углу, зафиксирован развал кирпичей, по всей видимости, оставшийся после демонтажа этого же объекта. После окончательной расчистки кладки выяснилось, что фундамент мелкозаглубленный, не перерезает материк, а покоится на подстилавшем его слое материкового суглинистого выброса. Общая высота кирпичного столбика 78 см. Мощность известково-кирпичной подушки (основание столбика) — 40 см.

Вдоль восточной и северной стенок раскопа изучен фундамент объекта 4. Он четко фиксируется в виде известково-кирпичной подушкой белого цвета. Эти остатки фундамента вошли в раскоп частично и прослежены вдоль западной и северной стенок раскопа. С запада конструкция оказалась разрушена фундаментом современного забора. Длина фундамента в секторе 3 составила 2,74 м, ширина 2 м. Самая длинная его часть проходила по всей длине северной стенки раскопа — 11 м. В секторе 1 в северо-западном углу раскопа на остатках фундамента сохранились два ряда цокольных кирпичей. Кирпичи располагаются длинной стороной вдоль западной бровки раскопа. Их размеры 28 x 15 x 7 см. Фундамент заглублен в материк на 0,1 м. Мощность сохранившегося фундамента составила 1,28–1,43 м.

Таким образом, в ходе археологических исследований были изучены различные строительные конструкции. Во-первых, это остатки фундамента, сложенного на известково-кирпичной подушке белого цвета, прослеженный по западной и северной стороне раскопа, который представляет собой часть периметра здания (объект 4). Во-вторых, это крестообразный в плане кирпичный фундамент, про-

легающий по центру раскопа. Фундамент частично перерезает первый фундамент, а северным краем примыкает внутренней стороной к объекту 1. В третьих, это небольшая кирпичная надстройка (объект 2) над крестообразным кирпичным фундаментом. Последний «слой» фундаментов в раскопе приходится на небольшое подквадратное столбчатое кирпичное сооружение с основанием в виде небольшой известково-кирпичной подушки. Уже значительно позже, в советский период, линию древних фундаментов с юга на север перерезал бетонный фундамент ограды архиерейского сада.

Главная задача, которая возникла при раскопках, заключалась в выяснении назначения капитальной постройки, которая здесь была возведена. Облик и расположение этого здания легко определяется по ряду графических источников первой половины XIX в. (ил. 5: 1–2). Одно из ранних изображений этой постройки известно по рисунку из альбома планов и фасадов казенных строений города Тобольска Тобольской губернии 1800 г. губернского архитектора П. Лукина [РГИА, Ф. 1399. Оп. 1. Д. 792]. Известный рисунок Тобольска, на котором эта постройка изображена, был выполнен Е.М. Корнеевым в 1802 г. [Тобольск..., 2019; ил. 5: 1]. Гравюра с этого рисунка, позже выполненная С. Химли, стала хрестоматийной и опубликована в ряде монографий [Гончарова, 1987, с. 125; Заварихин, 1987, с. 68–70]. На более детальном изображении Тобольска 1811 г. это строение нарисовано ровнее, в фронтальном ракурсе [Кириллов, 1984, с. 144–145, рис. 72; ил. 5: 2]. В графике постройка показана в виде вытянутого одноэтажного строения, встроенного в крепостную стену. Рисунки начала XIX в. дают достаточно ясное представление о внешнем виде этого сооружения. К сожалению, они не полностью проясняют вопрос о том, когда постройка появилась в южной части стены, исчезла, а, самое главное, — какое ее назначение. Прояснить этот проблему помогли планы Тобольска XVIII — 30-х гг. XIX вв.

Анализ серии планов XVIII в. г. Тобольска показал, что первоначально ближе к южной круглой башне, близ которой был заложен раскоп, располагалась постройка, отмеченная на плане 1748 г. как «прочее строение» [РГВИА, Ф. 349. Оп. 39. Д. 2181] (ил. 5: 3). На плане 1767 г. наблюдается расширение объема этой постройки, где она пристраивается к южной круглой башне [Кочедамов, 1963, с. 74 (рис. 43), с. 76 (рис. 44), с. 82 (рис. 48)].

Далее, на плане города начала 1780-х гг. архитектора А. Гучева отмечено, что постройка 1760-х гг. на самом деле не монолитна: обозначено два здания, пристроенных друг к другу, с различными по ориентации скатами крыш [Рахимов, 2004, с. 179 (рис. 2)] (ил. 5: 4). Судя по пропорциям и расположению на планах 1767 г. и начала 1780-х гг., западная постройка пристроена позже, в конце 1740-х — 1760-х гг. Расположение и пропорции постройки 1748 г. свидетельствует о том, что в последующем она органично вошла в расширенный объем здания.

После 1780-х гг. трансформация здания по линии южной крепостной стены продолжилась. Уже на плане 1804 г. видно, что ее западная часть меняется [ТФ ГАТО, Ф.И. 154, Оп. 21, Д. 5] (ил. 5: 5). Расширение корпуса, вероятнее всего, началось между 1826 г. [ТФ ГАТО, Ф.И. 154. Оп. 21. Д. 2] и 1831 г.

[ТФ ГАТО, Ф.И. 154. Оп. 21. Д. 21]. На плане 1835 г. [ТФ ГАТО, Ф.И. 154. Оп. 21. Д. 27] наблюдаем, что здание уже полностью занимает прясло стены между двумя южными круглыми башнями. Абрис здания при этом приобретает вычурную угловатую форму. Если судить по экспликациям к планам, то существенных изменений в назначении здания на протяжении XVIII–XIX вв., вероятно, не было. Даже на поздних планах 1831 г. и 1835 г., как и прежде, постройка фигурирует как служебная. На плане 1835 г. корпус вместе с Архиерейским домом полностью вошёл в состав закрытого двора. Край этого двора, вероятно, маркирует кирпичный столбик от ограды, обнаруженный при раскопках. Вхождение служебного корпуса в состав закрытого двора служит дополнительным доводом в пользу того, что она использовалась в хозяйственных надобностях ведомством тобольского архиерея. Более детальные обстоятельства постройки, а также демонтажа здания в литературе не известны. Относительно верхней даты ее существования предположим, что она простояла до конца 1830-х гг. [Кочедамов, с. 124, рис. 84].

Исследования 2006 г. позволили пролить свет на один из малоизученных и загадочных архитектурных объектов Тобольского кремля, который существовал с конца 1740-х и, вероятно, до конца 1830-х гг. Несмотря на то что облик этого здания, встроенного в южную крепостную стену, известен по опубликованному рисунку начала XIX в., других более детальных сведений о нем в литературе не известно.

С самого начала возведения эта хозяйственная постройка постоянно трансформировалась от небольшого квадратного в плане дома (деревянного, кирпичного (?)) до вытянутого вдоль южной стены кирпичного корпуса. Следы трансформации здания, помимо графических источников, фиксируются и археологически. Явное переустройство конструкции здания выражено в виде надстроенной кирпичной площадки подквадратной формы, перекрывающей центральный крестообразный фундамент.

Постройка показательна в нескольких ракурсах. Остатки здания демонстрируют различные строительные приемы, применявшиеся при его возведении и переустройстве за достаточно непродолжительный срок. Археологические исследования фундаментов и межфундаментного пространства показали, что они были устроены разным способом: целиком кирпичные и с устройством известково-кирпичной подушки. Заглубление их в материковый суглинок было небольшим, до 20 см. Ширина фундамента по периметру здания, вероятно, приближалась к 2 м; ширина фундамента внутренних стен была меньше — в среднем 1,5 метра. Толщина стены здания ориентировочно составляла 1 м. От линии крепостной стены ширина здания была около 11,5 м.

В более общем виде на примере изменений в облике этого здания отражена бурная история застройки Тобольского кремля, проходившая на протяжении XVIII — первой половины XIX вв. Однако исследованная постройка демонстрирует негативную сторону этих изменений. Деструкция южной линии стен, постепенное встраивание в нее сооружений гражданского назначения, свидетельствует лишь о снижении оборонной значимости Тобольского кремля. Последними аккордами краха оборонной концепции крепости стало конструктивное приспособление

части южной стены кремля под служебный корпус, а затем и ее снос вместе с этим строением.

Список литературы

1. Адамов А.А. Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. — С. 450–451.

2. Балюнов И.В. Остатки жилой постройки XVIII в.: материалы археологических исследований 2007 г. на территории Тобольского кремля // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит. - худ. акад., 2014. — Т. IX. — Ч. 1. — С. 52–55.

3. Гончарова Н.Н. Е.М. Корнеев. Из истории русской графики начала 19 века. — М.: Искусство, 1987. — 384 с.

4. Данилов П.Г. Святые ворота в Тобольском кремле (по данным письменных и археологических источников) // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2016. — Т. IX. — С. 39–42.

5. Заварихин С.П. В древнем центре Сибири. — М.: Искусство, 1987. — 192 с.

6. Загваздин Е.П. Новые данные об устройстве фортификаций Тобольского кремля (по материалам исследований 2006 года) // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. — Т. XIII. — С. 153–159.

7. Кириллов В.В. Тобольск. — М.: Искусство, 1984. — 240 с.

8. Кочедамов В.И. Тобольск (как рос и строился город). — Тюмень: Тюм. кн. изд-во, 1963. — 156 с.

9. Рахимов В.Г. Подпорные стены Прямынского взвоза Тобольского кремля // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. — 2004. — №2(31). — С. 176–201.

10. Тобольск в начале XIX века // Аукционный дом «Литфонд». 2019. — URL: <http://www.litfund.ru/news/4269/> (дата обращения 08.04.2019).

References

1. Adamov A.A. Arheologicheskie issledovaniya v Tobol'skom kremle. In Russkie starozhily. Materialy III-go Sibirskogo simpoziuma «Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoj Sibiri». Tobol'sk, Omsk: OmGPU, 2000, pp. 450 – 451. (in Russ.).

2. Balyunov I.V. Ostatki zhiloy postrojki XVIII v.: materialy arheologicheskikh issledovaniy 2007 g. na territorii Tobol'skogo kremlya. In Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosib. gos. arhit. - hud. akad., 2014, Vol. IX, Part 1, pp. 52 – 55 (in Russ.).

3. Danilov P.G. Svyatye vorota v Tobol'skom kremle (po dannym pis'mennyh i arheologicheskikh istochnikov). In Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arhitektury, dizajna i iskusstv, 2016, Vol. IX, pp. 39 – 42 (in Russ.).

4. Goncharova N.N. E.M. Korneev. Iz istorii russkoj grafiki nachala 19 veka. Moscow: Iskusstvo, 1987, 384

p. (in Russ.).

5. Kirillov V.V. Tobol'sk. Moscow: Iskusstvo, 1984, 240 p. (in Russ.).

6. Kochedamov V.I. Tobol'sk (kak ros i stroilsya gorod). Tyumen: Tyum. kn. izd-vo, 1963, 156 p. (in Russ.).

7. Tobol'sk v nachale XIX veka // Aukcionnyj dom «Litfond», 2019. URL: <http://www.litfund.ru/news/4269/> (data obrashcheniya 08.04.2019). (in Russ.).

8. Rahimov V.G. Podpornye steny Pryamskogo vzvoza Tobol'skogo kremlya. Ezhegodnik Tobol'skogo muzeya-zapovednika, 2004, No. 2(31), pp. 176-201 (in Russ.).

9. Zagvazdin E.P. Novye dannye ob ustrojstve fortifikacij Tobol'skogo kremlya (po materialam issledovanij 2006 goda). In Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyj chtenij pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arhitektury, dizajna i iskusstv, 2018, Vol. XIII, pp. 153 – 159 (in Russ.).

10. Zavarihin S.P. V drevnem centre Sibiri. Moscow: Iskusstvo, 1987, 192 p. (in Russ.).

Список источников

1. ТФ ГАТО, Ф.И. 154. Оп. 21. Д. 2.
2. ТФ ГАТО, Ф.И. 154, Оп. 21, Д. 5.
3. ТФ ГАТО, Ф.И. 154, Оп. 21, Д. 21.
4. ТФ ГАТО, Ф.И. 154, Оп. 21, Д. 27.
5. РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 792.
6. РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 21.
7. РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 2181.

Список сокращений

НГАХА — Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия

НГУАДИ — Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств

ТФ ГАТО —Тобольский филиал Государственного архива в Тюменской области.

РГИА — Российский государственный исторический архив.

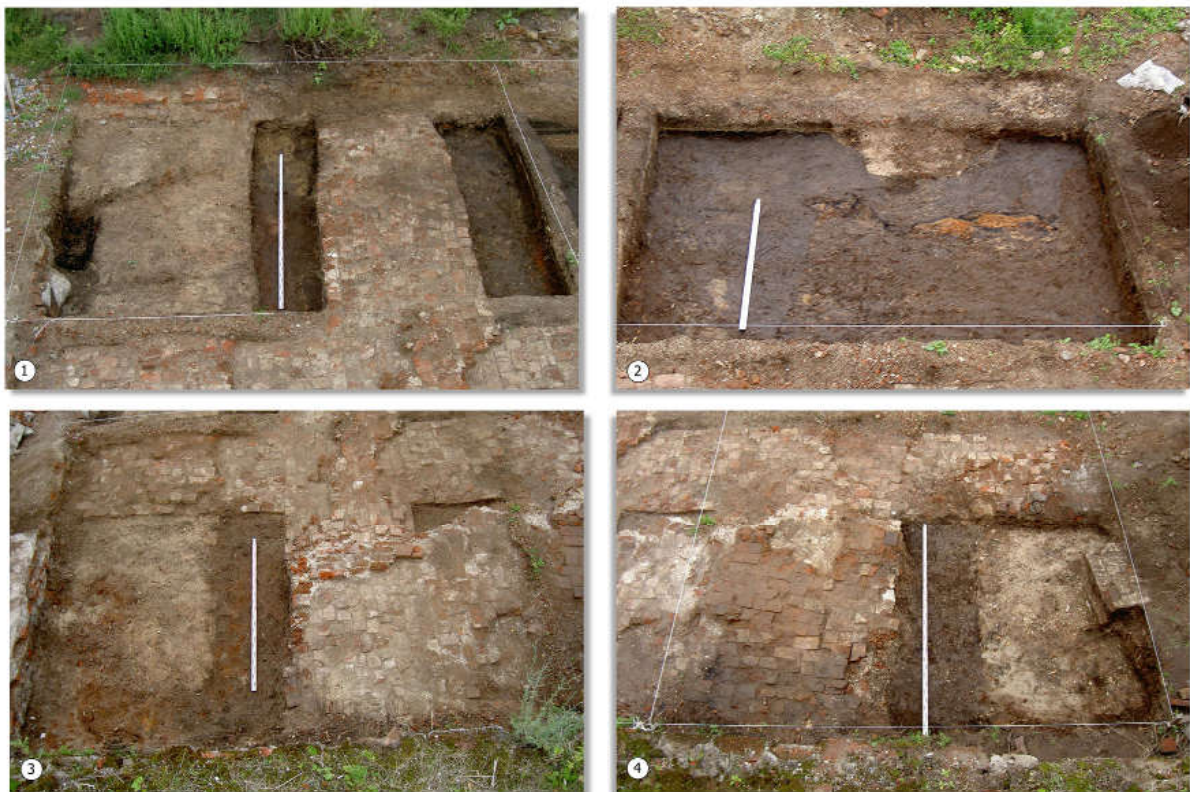
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив.

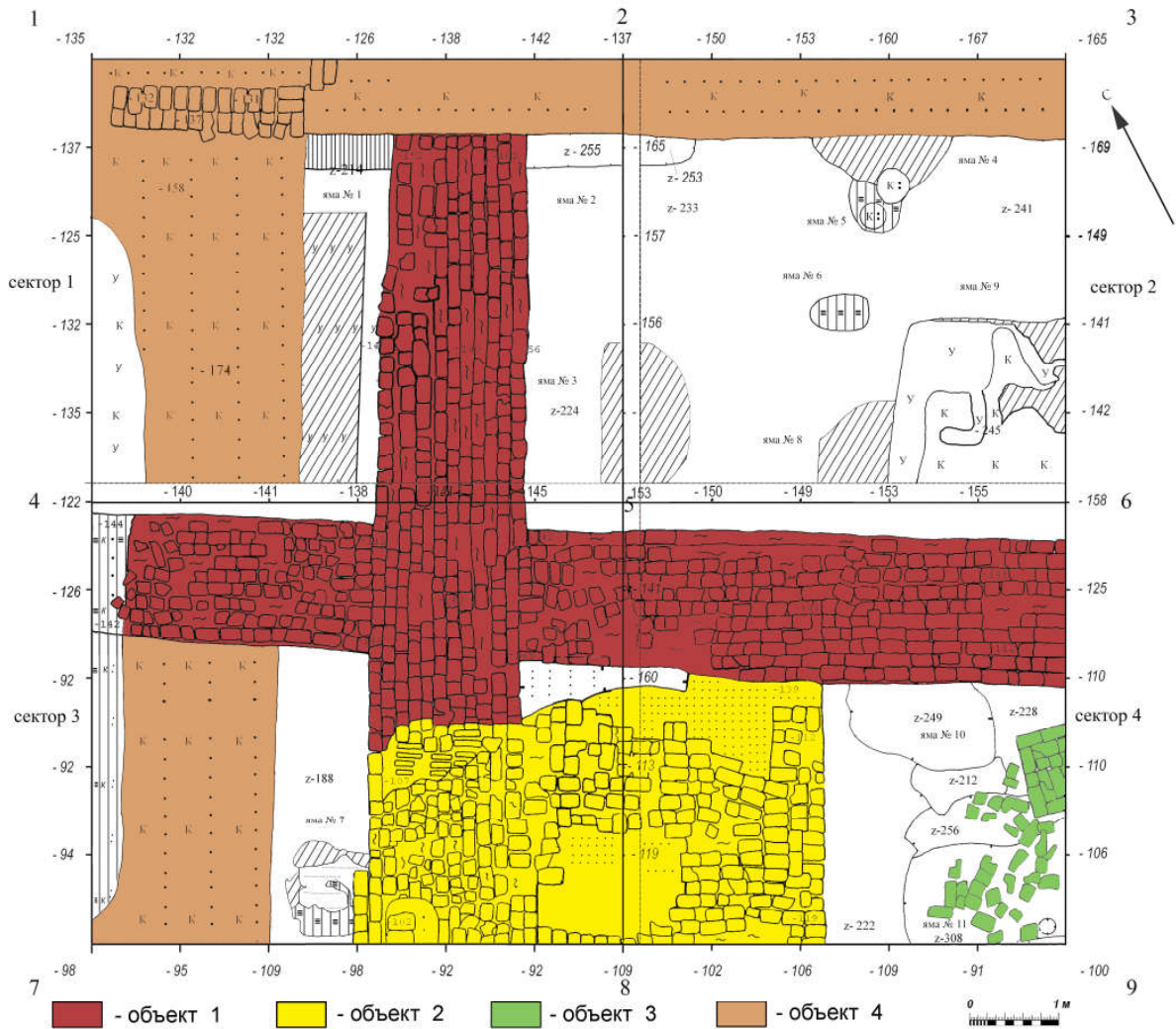
Ил. 1. ПМА. План участка исследований в Тобольском кремле в 2006 г.

Ил. 2. ПМА. Дневная поверхность у крепостных стен в процессе подготовки к раскопкам (1 — до расчистки, 2 — после расчистки)

Ил. 3. ПМА. Снимок секторов раскопа в процессе изучения культурного слоя (1–4 — нумерация в соответствии с планом раскопа)

Ил. 4. ПМА. План раскопа с выявленными фундаментами

Ил. 5. Тобольск с южной стороны на рисунках и планах XVIII–XIX вв. с обозначением изученной постройки (1 — рисунок Е.М. Корнеева 1802 г.; 2 — рисунок города 1811 г.; 3 — план 1748 г. (фрагмент); 4 — план начала 1780-х (фрагмент); 5 — план 1804 г. (фрагмент); 6 — план 1835 г. (фрагмент))

Н.И. Павлова

Музейный комплекс города Куйбышева Куйбышевского района Новосибирской области
pavlova_ni_1@mail.ru

Сибирский тракт. Село Антошкино

Аннотация

Село Антошкино — старейшее поселение на территории Куйбышевского района Новосибирской области (основано Указом императрицы Елизаветы Петровны от 24 сентября 1746 г.). Зимовье, а затем село и деревня Антошкино обслуживало «ямскую гоньбу» на проезжем пути из Тары в Томск. Московско-Сибирский тракт проходил по главной улице села, поэтому в Антошкине побывали многие известные путешественники и выдающиеся ссыльные времен Российской империи. Их дневниковые записи дают представление о том, как заселялась и осваивалась данная территория. В конце 60-х гг. XX в. село перестало существовать в связи с государственной политикой по разукрупнению сел. Но удачное расположение деревни, красота и разнообразие природных ландшафтов, наличие плодородных земель, богатых сенокосных угодий, возможно, привлечет городских предпринимателей, и появится возможность возрождения села Антошкино.

Ключевые слова: Московский тракт, Московско-Сибирский тракт, Антошкино

N.I. Pavlova

The Museum Complex of the Town of Kuibyshev (the Kuibyshev district of the Novosibirsk region)
pavlova_ni_1@mail.ru

Siberian highway. Village of Antoshkino

Abstract

The village of Antoshkino is the oldest settlement on the territory of the Kuibyshevsky District of the Novosibirsk Region. It was founded by the Decree of Empress Elizaveta Petrovna of September 24, 1746. Zimovye, and then the village served the "Yamskaya gonba" located on the road from Tara to Tomsk. The Moscow-Siberian highway passed along the main street of the village, so a lot of famous travelers and outstanding Russian Empire exiles visited Antoshkino. Their notes tell us about settling and developing of this territory. In the late 60s of the 20th century the village ceased to exist because of the state policy on the disaggregation of villages. But the good location of the village, the beauty and diversity of natural landscapes, the presence of fertile land, rich grasslands, may attract urban businessmen, and there will be an opportunity to revive the village of Antoshkino.

Keywords: Siberian highway, Antoshkino, rural, church

Статья отражает историю одного из самых старейших сел, расположенных в живописном месте Барабы вдоль Московско-Сибирского тракта. Описание села, быт, традиции его жителей, содержатся в дневниковых записях многих ученых и выдающихся личностей, проезжавших и останавливающихся здесь в разное время. Эти сведения собраны в статье и дают представление о том, как заселялась и осваивалась данная территория. В конце 60-х гг. XX в. Антошкино практически перестало существовать в связи с государственной политикой по разукрупнению сел. Но удачное расположение деревни, красота и разнообразие природных ландшафтов, наличие плодородных земель, богатых сенокосных угодий, возможно, привлечет городских предпринимателей и появится возможность возрождения села Антошкино.

Антошкино является одним из старейших поселений Новосибирской области. «В 1746 г. отдельным распоряжением от 24 сентября приказывалось на проезжем пути из Тары в Томск поставить зимовки, на которых крестьяне ведомства Томского и

Кузнецкого ямскую гоньбу отправляли бы. В следствии этого распоряжения в Барабе появились пять следующих зимовок: Брызгаловское, Антошкинское, Убинское, Черепановское, Овсянниковское... В 1760 году 13 декабря состоялся сенатский указ о приеме на поселение в Сибирь и в Барабу помещичьих крестьян с зачетом в рекруты. С этого времени в Барабу стали являться почти ежегодно партии крестьян из центральной России...» [МККНО НВФ -7218. Л. 12].

В 1773 г. по тракту проезжал естествоиспытатель, академик Петр (Пьер) Симон Паллас. В его записях есть упоминание «Антошкина зимовья» и краткое описание природного ландшафта от Каинска до Антошкина: «...через Усаклань до Антошкина зимовья 20 верст...» [МККНО НВФ-7627].

10 марта 1797 г., возвращаясь из ссылки, А.Н. Радищев в путевых заметках отметил, что в Антошкино квас пахнет как испорченная зельтерская вода. «...Переезжая через озеро, из которого жители берут воду, обоняли тот же запах...» [Радищев, 1797, с. 278]. Надо сказать, что из этого озера брали воду

жители близлежащих к нему домов, остальные жители брали хорошую воду из ближе к ним расположенных озер. Неприятному запаху воды дает объяснение штатный смотритель Каинского уездного училища А. Якимовский. Описывая болота, он пишет, что в окрестностях Каинска находятся «на большом пространстве довольно количество болот, некоторые от жаров сами по себе иссыхают, а другие от застоя воды принимают гнилость и испускают удушительный запах — на большое от себя расстояние, особливо же в июле месяце» [МККНО. НВФ-7217. Л. 4]. Радищев отмечал также, что «в Антошкиной много бедных стариков. Приметно, что по сию сторону Каинска, в коем есть такие поселщики, они бедные ...» [Радищев, 1954, с. 278]. А как можно было за несколько лет создать крепкое хозяйство на пустом месте с минимальным скарбом, привезенном за тысячи километров по бездорожью, через сотни рек без мостов и переправ? Радищев открыл дорогу ссыльным в Сибирь. На многие годы зазвенели по тракту кандалные цепи. Жители Антошкино, как и жители других деревень, оставляли на ночь у домов хлеб для незваных гостей, предотвращая таким образом воровство.

Фрагмент старого сибирского тракта (центральная улица села) (ил. 1) в первозданном виде сохранился до сегодняшнего дня. Здесь проезжали академики И.П. Фальк и П.С. Паллас, выдающийся историк Сибири Г.Ф. Миллер, путешественники и ученые С.П. Крашенников, И. Гмелин, ссыльные А.Н. Радищев и Н.Г. Чернышевский, А.П. Чехов (проездом во время своей поездки на Сахалин), декабристы, их жены, последовавшие за своими мужьями в Сибирь, члены различных политических партий и др.

Исследователь-натуралист Александр Гумбольд с коллегами Энеберггом и Розе и декабристом Семеновым в 1829 г. для исследования быта и нравов населения и окружающей природы совершали поездки по Барабинской степи, предгорьям Алтая и Северного Казахстана, неоднократно проезжали и останавливались здесь. В 1889 г. в г. Томске в «Известиях Императорского Томского университета» опубликована статья В.М. Флоринского «Топографические сведения о курганах Западной Сибири», где он приводит описание курганов Томской губернии, в том числе, Каинского уезда: «...от следующей станции Антошкиной по правой стороне дороги находится 4 плоских распавших кургана...». Кроме того, ссылаясь на слова ямщика, В.М. Флоринский пишет, что 4 больших кургана находятся на другой гриве, южнее дороги, а также их много рассеяно в стороне от дороги по высоким полям [МККНО. НВФ-7632. Л. 2]. В 1895–1896 гг. прозектор Томского университета С.М. Чугунов обследовал курганы у г. Каинска и провел разведку по р. Омь. Им были обследованы курганы у села Абрамово, Антошкино и Ново-Кондаково [Там же].

В «Кратком статистическом описании Томской губернии окружного города Каинска» за 1842 г., составленным штатным смотрителем Каинского уездного училища коллежским асессором Александром Якимовским, описывается качество земли в Каинске и в округе, и свойство глины, которая состоит из трех сортов — красной, серой (калошной) и белой: «... последняя — белая — привозимая в большом количестве комками, из деревень в 33-х и 60-ти верстах от города расстояния: из Каменево и Антошкиной,

употребляется — разведенная в молоке и клее — на отбелку. Продается от 5 до 10 коп. ассигнациями». Описывая климат, Якимовский пишет: «В отношении сибирского климата умеренной полосы, можно сказать, что оный весьма благоприятствует здоровым и большое имеет влияние на растения разного рода. В окрестностях города Каинска на лугах достаточно сенокосов, а на гривах частью хлебопахотных мест, где рожь в изобилии: пшеница, рожь, ярица, овес, ячмень, греча, горох, картофель, мак, конопля, лен и прочие жизненные потребности...» [МККНО. НВФ-7217. Л. 4].

Русские люди, проникая в Сибирь, несли с собой более передовую культуру, новые формы хозяйства. Антошкино возникло благодаря Московскому тракту как остановочный пункт на долгом и нелегком пути. Но довольно быстро село разрасталось, крепло. О его значении в местной округе говорит тот факт, что в Антошкино были и церковь, и полицейский.

Природно-растительные условия Барабы позволяли прибывшим в эти края людям заниматься строительными работами. Первоначально для строительных работ использовали лишь березовый лес. Распространенным видом жилья были избы, покрытые берестой и дерном, и хатки-мазанки, в которых стены делали из тонкомера, обмазанного глиной и соломой. Позже стали строить избы простой планировки — одно помещение с четырьмя стенами, — к которому пристраивали сени (ил. 2). Встречались избы-«пятистенки», где, кроме наружных стен, имелась внутренняя стена, разделяющая помещение на две части. Внутри избы по стенам располагались лавки, в красном углу висел образ и стоял стол. Большую часть помещения занимала печь, а при входе в избу ближе к потолку устраивали полати. Строили и «крестовые дома», где поперечная стена пересекается продольной, образуя четыре самостоятельных помещения. Крестовые дома рубили из сосны (заготавливали в урмане) и березы. Большинство домов составляли именно рубленные дома (ил. 3).

Жители занимались хлебопашеством и огородничеством. «... Промыслы ежегодные бывают от рыбной ловли, которым себя и семейством пропитывают, а иногда и пушак в придачу, продать аржаную муку с отвозом оной на линию Ирбитскую, ходят с купеческими товарами до Ирбитской ярмарки и обратно до городов Томска и Красноярска ..., многие делают бани, дровни и телеги как для себя так и для продажи ...» [МККНО НВФ-7626. ЛЛ. 42–43].

Согласно справочной книги Томской епархии за 1899 г., «В селе Антошкинском значится деревянная церковь во имя Святого Архистратига Божия Михаила. Построена была в 1851 г. Прихожан мужского пола — 1272, женского пола — 1317. Священник — Ипполит Павлович Вавилов, 53 лет, окончил курс Томской духовной семинарии. Церковно-приходская школа, открытая в 1888 г., помещалась в «собственном доме», обучалось в ней 7 мальчиков и 7 девочек. Имелись также 3 домашние школы грамоты, которых содержались за счет средств местного сельского общества, обучалось в них 61 мальчик и 9 девочек ...». Сруб церкви сложен из толстых кедровых бревен, доставленных из урмана, вверху купол и колокольня, звон которой разносился по округе на дальнейшее расстояние. Внутреннее убранство, по воспоминаниям старожилов, поражаало великолепи-

ем — богатый иконостас, настенные росписи, лики святых, красивые люстры, церковный хор. Церковь окружала кованая ограда. «В 1914 г. земли при церкви пахотной и сенокосной 99 десятин. Священником в церкви был Адриан Алексеевич Викторов, 60 лет, окончивший курс в Барнаульском духовном училище, определен псаломщиком 16 октября 1876 г., рукоположен в священники 11 марта 1890 г., определен к сей церкви 16 июня 1907 г. В состав прихода входили с. Антошкино, деревни Назарово, Сергина и Погорельская. Прихожан насчитывалось 2696 душ» [Справочная книга..., 1914, с. 2].

Со временем менялось и внешнее оформление домов. Появлялись палисадники. Окна домов украшались наличниками с различными орнаментами (ил. 4, 5). Рядом с домами строились амбары, бани (по-черному) и другие постройки.

Рубили дома плотники, и их главным орудием труда были топоры. Житель с. Чумаково Куйбышевского района Геннадий Тимофеевич Шамаков на протяжении всей своей жизни занимался строительством домов и во время работы часто повторял своим помощникам: «Ты строгой рубанком, я потом топором поправлю», «Ни клин, да не мох, плотник бы сдох».

К началу XX в. в селе появились крепкие хозяйства, мельницы, кузны, маслобойки. После 1917 г., как и по всей стране, в Антошкино ломается старый уклад жизни, создается колхозное хозяйство, многих репрессировуют, кому-то удается тайно уехать в другие края. В 1937 г. церковь официально была закрыта, но еще в годы войны жители села открывали ее и молились. В 1950 г. колокольня была разобрана, затем разобрали и главный купол. Со слов Н.М. Дмитриева, уроженца села, из этих бревен сделали кузницу. В церкви устроили зерносклад, затем клуб, несмотря на то, что жители села пытались отстоять церковь, некоторые — ценою собственной жизни. В 2006 г., во время ночного пожара, вместе с несколькими пустующими домами, стены церкви сгорели, остался один фундамент. В канун 270-летия с. Антошкино на этом месте земляки установили Поклонный памятный крест и заложили аллею Памяти. 24 сентября, в день юбилея села, Епископ Каинский и Барабинский Владыка Феодосий освятил крест.

В настоящее время в селе осталось несколько домов, но только в одном из них проживают люди. Стоят дома в окружении небольших озер, березовых

рощ, цветущих полей. Чистый воздух, тишина нарушается лишь пением птиц и стрекотом кузнечиков, а зимой — шумом проезжающих по объездной дороге машин.

Список литературы

1. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. — Т. 3. — М.-Л.: издательство Академии наук СССР, 1954. — 676 с.
2. Справочная книга по Томской епархии / сост. служащими консистории под рук. В. А. Карташева в янв. — марте мес. 1914 г. — Томск: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1914. — 669 с.

References

1. Radishchev A.N. Polnoe sobranie sochinenii. Vol. 3. Moscow--Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954. 676 p.
2. Spravochnaya kniga po Tomskoi eparkhii. Sost. sluzhashchimi konsistorii pod ruk. V. A. Kartasheva v yanv. — marte mes. 1914 g. Tomsk: Tovarishchestvo «Pechatnya S.P. Yakovleva», 1914. 669 p.

Список источников

1. МККНО. НВФ-7217. Якимовский А.Я. Краткое статистическое описание Западной Сибири Томского окружного города Каинска. 1842 г. 14 л. (копия).
2. МККНО. НВФ-7218. Филимонов Е.С. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. 1892 г. 43 л. (копия).
3. МККНО НВФ-7626. Шалабанов П.А. Географические сведения о жителях с. Покровского Каинского уезда Томской губернии. 1848 г. 58 л. (копия).
4. МККНО НВФ-7627. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. — Ч.3 П.2 — СПб.: Императорская академия наук, 1788. (копия стр.)
5. МККНО. НВФ-7632. Сумин В.А. Краткая история исследования Куйбышевского района. 2017 г. 7 л.

Список сокращений

МККНО — Музейный комплекс города Куйбышева Новосибирской области.

Ил. 1. Старый Московский тракт (фрагмент). 2018 г. Снимок автора

Ил. 2. Изба постройки нач. XX в. 2018 г. Снимок автора

Ил. 3. Рубленый дом в д. Антошкино. Нач. XX в. Из личного архива Г.А. Шихалевой

Ил. 4. Дом в д. Антошкино постройки 1-ой пол. XX в. 2018 г. Снимок автора

Ил. 5. Дом в д. Антошкино постройки сер. XX в. 2018 г. Снимок автора

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10088
УДК 902/904(571)+930.2

П.И. Романов
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск)
p.romanov@g.nsu.ru
Научный руководитель: доктор исторических наук А.П. Бородовский

Обветшание и ремонт оборонительной конструкции приобских острогов Томского уезда в XVIII веке

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту «Комплексные археологические, исторические и этнографические исследования Умревинского острога» РФФИ, проект 18-09-00150

Аннотация

Общей проблемой в ходе изучения истории острогов Сибири является изменение их конструкции в процессе их функционирования. Предположительно оно было обусловлено обветшанием острогов (деревянные укрепления, как известно, подвержены гниению) и проведением ремонта оборонительных сооружений. Археологическими исследованиями Умревинского острога была выявлена реконструкция тына острога и строительные периоды. В данной статье рассматривается периодичность ремонта острогов, периоды, в течение которых остроги успевали обветшать, и конкретные (по письменным источникам) примеры обветшания острогов на берегах Оби в Томском уезде XVIII в. Описывается разрушение к 1740 г. Уртамского острога, развал Умревинского острога в 1738 г. и обветшание к 1786 г. Чаусского острога, а также ремонт Уртамского острога в 1746 г. Обосновывается вывод о зависимости состояния острогов региона от политической обстановки и реальной потребности в исполнении ими оборонительных функций.

Ключевые слова: Уртамский острог, Умревинский острог, Чаусский острог, обветшание острогов, ремонт острогов, Томский уезд, штык-юнкер Красносельцев

P.I. Romanov
Novosibirsk State University (Novosibirsk)
p.romanov@g.nsu.ru
Scientific adviser is Dr. habil. in history A.P. Borodovsky

Repairs and dilapidation of defensive structure of ostrogs on the Ob River in Tomskiy Uyezd in the 18th century

Abstract

A general problem in the study of the history of Siberian ostrogs is the change of their design while functioning. It may be because of dilapidation of the ostrogs (wooden fortifications, as it is known, are subject to decay) and the fortifications repair. During archeological studies of Umrevinsky Ostrog there were revealed construction periods and a number of cases of poling repairs. This article deals with the frequency of the ostrogs repairs and the periods during which the ostrogs could decay. Some specific (according to written sources) examples of the decay of the forts on the banks of the Ob River in the 18th century Tomsk are given. The destruction of the Urtamsky ostrog by 1740, the collapse of the Umrevinsky ostrog in 1738, and the decay of the Chaussky ostrog by 1786, as well as the repair of the Urtamsky ostrog in 1746 is described in the article. There was made a conclusion about the dependence of the state of the region's ostrogs on the political situation and their real need to perform defensive functions.

Key words: Umrevinsky ostrog, Urtamsky ostrog, Chaussky ostrog, dilapidation of ostrogs, Tomsk Uyezd, Müller, I.G. Gmelin

В рамках изучения истории приобских острогов Томского уезда (Уртамского, Умревинского и Чаусского) мы решили обратиться к важному для интерпретации результатов археологических исследований (и археологизации острогов, в принципе) вопросу реконструкции и обветшания острогов в процессе их функционирования в течение XVIII в.

Известно, что деревянные укрепления острогов в Сибири постепенно приходили в негодность и периодически нуждались в ремонте. И хотя срок обветша-

ния деревянного сооружения во многом зависит от совокупности природных факторов и качества воздвигнутой конструкции, эту проблему можно назвать общей для всех острогов региона.

В данной статье мы вводим термин «обветшание» как наиболее подходящий по смыслу к ее содержанию — **приходить в ветхость, негодность от времени, от долгого употребления** [Ефремова, 2000]. Основное внимание будет уделено именно процессу обветшания острогов, а также процессу и

времени их ремонта.

В исследованиях сибирских городов и острогов данная проблема поднимается не один раз. М.П. Черная, рассматривая в своей монографии причины строительства Томского кремля середины XVII в., проводит детальный анализ письменных источников по вопросу обветшания и ремонта старого Томского города [Черная, 2002, с. 93–100]. Автор выдвигает предположение, что причиной скорого ветшания укреплений были конструктивные недостатки. Ю.П. Лыхин, анализируя в своей статье письменные источники по истории Илимского острога, упоминает о нескольких этапах ремонта острога в 1694 г. и в середине XVIII в. [Лыхин, 2010]. Исследователь также упоминает и о ремонтах в XIX и начале XX вв., проводившихся уже с целью сохранности башен острога.

По результатам полевых исследований Умревинского острога было выдвинуто предположение о проводившемся ремонте тына, обоснованное парным (в некоторых случаях) расположением столбовых и тыновых ямок [Бородовский, Горохов, 2008, с. 77]. Для Умревинского острога А.П. Бородовским и С.В. Гороховым также выделены строительные периоды, предусматривающие изменения конструкции острога — тын — тын и башни — разрушение острога — и использование его территории как некрополя XVIII–XIX вв. [Бородовский, Горохов, 2009, с. 51].

Очень важной в контексте данного исследования является статья А.П. Бородовского и С.В. Горохова «Музеефикация деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога». Натурная реконструкция Умревинского острога по материалам археологических исследований на месте его первоначального расположения в XVIII в. позволила проследить темпы гниения тыновин-новоделов, которые покрылись гнилью до нескольких миллиметров вглубь древесины в участках верхней части их основания [Бородовский, Горохов, 2017]. Несколько реконструированных бревен фундамента юго-западной башни острога, в диаметре более крупных, чем тыновины, полностью истлели за 10 лет. Соответственно, тын и башни Умревинского острога нуждались в ремонте в промежутки, близкий к двадцати и десяти годам соответственно, что подтверждается наблюдениями Д.Г. Мессершмидта, отметившего, что Умревинский острог спустя 19 лет после его возведения оказался частично разрушен [Бородовский, Горохов, 2009, с. 40].

Проведение археологических исследований на месте Чаусского и Уртамского острога невозможно на данный момент в силу их расположения на месте современных сел¹⁷, поэтому изучение периода обветшания и ремонта этих острогов возможно лишь по письменным источникам. Иная ситуация с Умревинским острогом, корпус письменных источников которого гораздо меньше и неинформативен по данному вопросу.

Соответственно, для выявления общих периодов обветшания и ремонта, а также для рассмотрения самого процесса гниения конструкций острога требуется коррелировать данные письменных и археологических источников, детерминируя ими разные остроги одной географически-административной

единицы — Обского стана Томского уезда — и хронологически ограничиваясь XVIII в. Основные принципы корреляции письменных и археологических источников изложены нами в статье, посвященной перспективам данного метода на примере Умревинского острога [Романов, 2017а].

В Государственном архиве Томской области сохраняются «Росписные списки» Чаусского и Уртамского острогов с 1735 по 1786 гг. [ГАТО. Ф. 521]. Являясь наиболее информативным источником по данной теме, они позволяют проследить постепенное обветшание конструкции административно-оборонительных сооружений. Данный документ, как правило, составлялся приказчиком или комиссаром острога при передаче острога в ведение сменяющего его управляющего. Чиновник сначала расписывался за получаемое им имущество, а потом отчитывался, передавая его. Были случаи, когда комиссары сбегали из острога до прибытия нового комиссара. Такой случай описан в документе фонда Д-107 «Умревинский острог и судная контора», интерпретированном нами как черновик для написания дальнейшего рапорта о данном прецеденте [ГАО. Ф. Д-107. Оп. 1. Д. 1. Л. 27]. Основываясь на этих фактах, можно предположить, что за все время существования острогов должно было быть составлено не менее тридцати подобных документов (учитывая смену приказчиков и комиссаров острога в среднем каждые два года), но в архивах сохранилась лишь их небольшая часть.

Отсутствуют сведения о материальном состоянии данных острогов с момента их основания (Уртамский — 1684 г., Чаусский — 1713 г.) до 1735 г. (составления первого Росписного списка из фондов ГАТО). Исключением является отчет Томских воевод о состоянии острогов Томского разряда за 1706 г., в котором описывается конструкция Уртамского острога [Из истории земли Томской, 1970, с. 60–61]. Соответственно, мы не можем судить об обветшании и ремонте острогов в период с начала XVIII в. до 1735 г. Сведения, присутствующие в историко-географическом описании Томского уезда Г.Ф. Миллера за 1734 г., предоставляют информацию лишь о конструкции острогов, не затрагивая вопросы их ветхости и ремонта [Элерт], и, следовательно, не рассматриваются в данной статье.

Росписной список Чаусского острога 1735 г. (на тот момент стратегически важного центра Верхнего Приобья) сообщает о том, что его башни и тыновые укрепления находятся в полном порядке. Приказчик также сообщает, что судная изба острога подверглась реконструкции: «Вновь построена судная изба, где имеются приказные дела» [ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2об.]. Можно предположить, что статус острога влиял на то, что его текущему ремонту уделялось большее внимание. Тем не менее, и здесь были ветхие сооружения, например, «у правых передних ворот ветхая караульная изба». Известно, когда эта изба была построена и за какое время она обветшала. Полностью описываемую конструкцию острога мы уже анализировали в другой статье [Романов, 2017б].

Приказчик Василий Астраханцев в том же году посылает в Томскую воеводскую канцелярию Росписной список Уртамского острога, в котором утверждает, что в его административно-оборонитель-

¹⁷ Поскольку культурный слой Уртамского острога на данный момент археологически не выявлен, его локализация на месте села является предположением автора.

ном сооружении нет ветхих зданий [ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 30]. Ситуация изменилась в 1740 г., когда приказчики Уртамского острога сделали очень важную приписку в данной отчетной документации: острог к тому времени «весь сгнил и повалился» [Там же, л. 44]. Повторяется такая приписка и в 1742 г. [Там же, л. 53].

Такая формулировка, равно как и другие формулировки того же времени, малоинформативна, но расширяет ее другой источник — единственный документ, который связан непосредственно с ремонтом острога — указ из Томской воеводской канцелярии о постройке стены Уртамского острога возле берега р. Обь от 10 декабря 1746 г.

В 1746 г. в Уртамский острог приехала команда, состоящая из плотника, колесника, кузнеца и артиллериста штык-юнкера Красносельцева, которая занялась строительством батареи данного административно-оборонительного сооружения. Под руководством артиллериста соорудились лафеты, места для пушек на башнях и колеса. Для производства работ штык-юнкер забирал до сорока жителей Уртамского острога, и по этой причине на него даже была составлена жалоба [ГАО. Ф. Д-104. Оп. 1. Д. 1. Л. 52].

Вероятно, в задачи Красносельцева входило не только обеспечение Уртамского острога боееспособной артиллерией, но и приведение в порядок оборонительного сооружения в целом. Для решения этой задачи по его предложению и был издан указ о строительстве стены Уртамского острога «от берега реки Оби», которая к тому времени разрушилась, и обновлению рвов и рогаток вокруг острога, что было успешно выполнено [Там же, л. 58].

Есть указания на то, что ремонтные работы под руководством Красносельцева велись и в Чаусском остроге [Бортникова, 2013].

Таким образом, можно утверждать, что проведение капитального ремонта острогов было централизованным и велось под руководством Томской воеводской канцелярии. И.Г. Гмелин, посещая Умревинский острог в 1740 г., также отметил, что к этому времени острог настолько развалился, что в 1738 г. Томской воеводской канцелярией был выпущен указ, по которому «его следует почти весь заново построить» [Gmelin, 1752, s. 78]¹⁸.

К 1740 г. многие остроги и форпосты Томского уезда находились в плачевном состоянии и не были готовы отбить приход возможного врага. Каинский и Убинский форпост, находясь на передовой линии борьбы с «вражескими неприятельскими людьми», приходившими из Барабинской степи, и будучи наиболее отдаленными от центра оборонительными пунктами, разваливались, а люди в них погибали «голодной смертью» [Романов, 2018, с. 600]. В связи с этим не стоит рассчитывать, что издававшиеся почти каждый год сенатом указы «о крепкой предосторожности» могли подействовать на местную власть, решительно ничего не предпринимавшую в вопросах обеспечения и ремонта острогов и форпостов.

В ходе обсуждения доклада, прочитанного автором по данной теме на XIV Баландинских чтениях, некоторые археологи-исследователи острогов Сибири высказали предположение, что ремонтные рабо-

¹⁸ Свой перевод источника предоставил С.В. Горохов, за что ему выражается благодарность.

ты в острогах Приобья были мотивированы Джунгарской угрозой границам России в этот период.

Необходимо подчеркнуть, что остроги в рассматриваемое время находились не в идеальном состоянии, а Уртамский и Умревинский острог к 1740 г. и вовсе требовалось перестраивать почти полностью. Кроме того, после анализа целого комплекса письменных источников можно с уверенностью утверждать, что потенциальную угрозу для острогов Приобья представляли вовсе не джунгары, а «неприятельские люди казаки» (казахи) и «вражеские неприятельские люди», т.е. все формирования местного населения, неподчиненные российской власти и ведущие против нее в Сибири активную борьбу.

В Росписных списках 1750–1755 гг. нет указания на ветхость тех или иных строений в Чаусском и Уртамском острогах [ГАТО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 1. Л. 224–242]. Также не совсем понятно, откуда в различных работах появляется информация о ремонте Чаусского острога в 1750 г. В Росписных списках данная информация отсутствует, равно как отсутствует она в делопроизводстве Чаусского острога данного периода. Справедливости ради стоит сказать, что фонд Чаусского острога в Государственном архиве Новосибирской области сохраняется с большими упущениями. Так, дело с наименованием «о строительстве стены и починке пушек в Уртамском остроге» не выдается за ветхостью, но очевидно, что под ним имеется в виду описанный выше документ, обнаруженный совсем в другом деле [ГАО. Ф. Д-104. Оп. 1. Д. 2]. В одном из дел фонда Чаусского острога, также некорректно наименованного, мы не найдем ни одного документа, связанного с этим административно-оборонительным объектом, зато обнаружим весьма ценные документы о строительстве и функционировании крепостей Иртышской оборонительной линии. В силу данных причин вполне возможно, что документы о ремонте 1750 г. могут обнаружиться в различных делах ГАО.

Росписной список селения Чаусского острога 1786 г. сообщает много интересных деталей относительно его обветшания. Чаусский острог в то время уже не имел статуса «острога», который прослеживается в документах, но по состоянию на 1786 г. его значение неочевидно для исследователей.

Росписной список составляет уже не комиссар, а староста, а отчитываются не за острог как таковой, а за «селение Чаусского острога». Самые интересные сведения сообщаются в начале документа: «Селение Чаусского острога над рекой Чаусом. Посреди оно-го крепость деревянная, бревенчатая, двустенная, крыта тесом, с шестью башнями о четырех углах. Однако от реки Чауса этой стены саженой на десять не имеется затем, что в этом месте для управляющего был построен дом, но оный сгорел. Все ветхое...» [ГАТО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. Л. 280].

Поскольку дом управляющего не указывается в Росписном списке 1755 г., можно сделать вывод о том, что дом был построен в период с 1755 по 1780 гг. и к 1786 г. успел сгореть. Известно, что в 1755 г. в Чаусском остроге уже был управитель Копиев, которому пришлось столкнуться с печально известным массовым (погибло около 200 человек) самосожжением старообрядцев в деревне Мальцева Чаусского воеводства [Беликов, 1905, с. 38].

В 1755 г. острог еще имел значение как важный

оборонительный пункт, и поэтому трудно предположить, что в остроге ради строительства дома управляющего разобрали стену. Скорее всего, стена просто сгнила со временем, и ее не стали ремонтировать, а соорудили на том месте дом.

Очевидно, что к 1786 г. начало происходить тотальное обветшание конструкции Чаусского острога, что постепенно привело к тому, что границы острога внутри села оказались стерты, и на сегодняшний день его локализация является очень сложной задачей. Такой же процесс последовал в то же время и в Уртамском и Умревинском острогах. Границы Уртамского острога оказались стерты, а из Умревинского острога к концу XVIII в. в Ояш были перенесены административные учреждения, в том числе и церковь Трех Святителей.

Сопоставляя состояние острогов с их оборонительным значением в тот или иной промежуток XVIII в., можно определить, что конструктивное состояние острогов Приобья было тесно связано с потребностью Томской воеводской канцелярии в возможном исполнении ими военных функций. Тын и башни очень быстро сгнивали и нуждались в реконструкции. Ремонт проводился под руководством томских чиновников, а с падением оборонительного значения этих сооружений за острогами переставали следить и они постепенно либо сливались с окружающими их посадом, либо, как в случае с Умревинским острогом, лишение его статуса административного центра района приводило к уходу из него жителей в конце XVIII в.

Еще одна беда острогов, повлекшая их полное исчезновение, — пожары. Археологически зафиксирован пожар в юго-западной башне Умревинского острога, по письменным источникам прослеживается факт пожара в доме управителя Чаусского острога. Один из природных факторов разрушения острогов — грозы и молнии. 10 июля 1736 г. в Усть-Каменогорской крепости от «ударения грома расшибло на канцелярии дощаной чулан, и в той канцелярии внутри дверь» [Историко-географические ... , 2010, с. 38].

Натурной реконструкцией тына и башни Умревинского острога было установлено, что гниение тына в Приобье проходит очень быстро и требует постоянного ремонта сооружения. Археологическими исследованиями определен последний этап существования острога, когда сгнившие тыновины уже не менялись на новые. По архивным документам такая же ситуация зафиксирована на Чаусском остроге к 1786 г. К этому времени все остроги Обского стана Томского уезда были в запущенном состоянии и потеряли свое первоначальное значение. В дальнейшем в селах, оставшихся после них, сохранились лишь административные функции, а содержание острогов в боевой готовности в связи со стабилизацией политической обстановки стало не нужным.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что поддержание эксплуатационных характеристик сооружений острогов Приобья было тесно связано с постепенным перемещением границы Российской империи в сторону Алтайских гор в первой четверти XVIII в. Кроме того, внимание к состоянию острогов определялось нестабильностью ситуации в Барабинской степи в 1730–1740-х гг., откуда на русские и ясачные деревни нападали «вражеские

неприятельские люди». Когда граница была отодвинута на дальнейшее расстояние от Томского уезда, а Барабинская степь стала относительно безопасной, эпоха приобских острогов подошла к концу.

Список литературы

1. Беликов Д.Н. Старинный раскол в пределах Томского края. — Томск: Паровая типография Н.И. Орловой, 1905. — 68 с.
2. Бородовский А.П., Горохов С.В. Оборонительные сооружения Умревинского острога (археологические исследования 2002-2004 гг.) // Археология, этнография, антропология Евразии. — 2008. — № 4 (36). — С. 70–82.
3. Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН; НГПУ, 2009. — 244 с.
4. Бородовский А.П., Горохов С.В. Музеефикация деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2017. — Т. XII. — Ч. 1. — С. 93–98.
5. Бортникова Е.А. История Чаусского острога в дореволюционных фондах государственного архива Новосибирской области // Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Чаусского острога. — Новосибирск: Агентство «Сибпринт», 2013. — С. 131–134.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — М.: Русский язык, 2000. — 1209 с.
7. Из истории земли Томской (сборник документов и материалов). Выпуск 1. — Томск: Западно-Сибирское книжное издательство. Томское отделение, 1978. — 225 с.
8. Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В.Н. Татищева): сборник документов. — СПб: Европейский дом, 2010. — 260 с.
9. Лыхин Ю.П. Об Илимском остроге и Спасской проездной башне // Тальцы. — 2010. — № 2 (35). — С. 3–18.
10. Романов П.И. Проблемы и перспективы корреляции архивных документов и археологического материала на примере Умревинского острога // Вестник Томского государственного университета. История. — 2017а. — № 45. — С. 93–98.
11. Романов П.И. Информационный потенциал делопроизводства сибирских острогов на примере Умревинского, Чаусского и Уртамского острогов // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. — Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2017б. — С. 49–54.
12. Романов П.И. Башни Умревинского острога по материалам письменных источников // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАУДИ, 2018. — Т. XIII. — Ч. 1. — С. 598–600.
13. Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — 187 с.
14. Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // [Электронный ресурс] — URL: <http://www.vostlit.info/Texts/>

rus16/Miller/pred6.phtml?id=9712 (дата обращения 30.04.2019).

15. Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. — Göttingen: verlegt Abram Vandenhoeks seel. Wittwe, 1752. — 700 с.

References

1. Belikov D.N. Starinnyj raskol v predelah Tomskogo kraja. Tomsk: Parovaja tipografija N.I. Orlovoj, 1905, 68 p. (in Russ.)

2. Borodovskij A.P., Gorohov S.V. Oboronitel'nye sooruzhenija Umrevinskogo ostroga (arheologicheskie issledovanija 2002–2004 gg.). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2008, No. 4 (36), pp. 70–82. (in Russ.)

3. Borodovskij A.P., Gorohov S.V. Umrevinskij ostrog. Arheologicheskie issledovanija 2002–2009. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ; NGPU, 2009, 244 p. (in Russ.)

4. Borodovskij A.P., Gorohov S.V. Muzeifikacija derevjannyh oboronitel'nyh sooruzhenij Umrevinskogo ostroga. In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: NGAHA, 2017, Vol. XII, Pt. 1, pp. 93–98. (in Russ.)

5. Bortnikova E.A. Istorija Chauskogo ostroga v dorevoljucionnyh fondah gosudarstvennogo arhiva Novosibirskoj oblasti. In *Osvoenie i razvitie Zapadnoj Sibiri v XVI–XX vv. Materialy mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 300-letiju Chauskogo ostroga*. Novosibirsk: Agentstvo «Sibprint», 2013, pp. 131–134. (in Russ.)

6. Chjornaja M.P. Tomskij kremľ' serediny XVII–XVIII v.: Problemy rekonstrukcii i istoricheskoj interpretacii. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2002, 187 p. (in Russ.)

7. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. Moscow: Russkij jazyk, 2000, 1209 p. (in Russ.)

8. Elert A.H. Istoriko-geograficheskoe opisanie Tomskogo uezda G.F. Millera (1734 g.) // [Elektronnyj resurs] URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/pred6.phtml?id=9712> (data obrashhenija 30.04.2019). (in Russ.)

9. Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. Göttingen: verlegt Abram Vandenhoeks seel. Wittwe, 1752, 700 s.

10. Iz istorii zemli Tomskoj (sbornik dokumentov i materialov). Vypusk 1. Tomsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, Tomskoe otdelenie, 1978, 225 p. (in Russ.)

11. Istoriko-geograficheskie opisanija Verhnego Priob'ja i Priirtysh'ja 1730-1740-h godov (po anketam V.N. Tatishheva): sbornik dokumentov. St. Petersburg: «Evropejskij dom», 2010, 260 p. (in Russ.)

12. Lyhin Ju.P. Ob Ilimskom ostroge i Spasskoj proezzhej bashne. Tal'cy, 2010, No. 2 (35), pp. 3–18. (in Russ.)

13. Romanov P.I. Problemy i perspektivy korrelyacii arhivnyh dokumentov i arheologicheskogo materiala na primere Umrevinskogo ostroga. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istorija, 2017a, No. 45, pp. 93–98. (in Russ.)

14. Romanov P.I. Informacionnyj potencial deloproizvodstva sibirskih ostrogov na primere Umevinskogo, Chauskogo i Urtamskogo ostrogov. In *Aktual'nye problemy istoricheskij issledovanij: vzgljad molodyh uchenykh*, Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj universitet, 2017b, pp. 49–54. (in Russ.)

15. Romanov P.I. Bashni Umrevinskogo ostroga po materialam pis'mennyh istochnikov. In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: NGUADI, 2018, Vol. XIII, Pt. 1, pp. 598–600. (in Russ.)

Список источников

1. ГАТО, Ф. 521. «Уртамский острог».
2. ГАНО, Ф. Д-107. «Умревинский острог и судная контора».
3. ГАНО, Ф. Д-104. «Чаусская судная изба Томской губернии».

Список сокращений

- ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
 ГАТО — Государственный архив Томской области

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10089
УДК: 903.2

Ю.С. Худяков
khudjakov@mail.ru

А.Ю. Борисенко
aborisenko2@mail.ru

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск)

Особенности фортификации уйгурских крепостных сооружений (на примере цитадели столичного города Орду-Балыка)

Аннотация

В статье проанализированы результаты изучения цитадели столицы Уйгурского государства в Центральной Азии, крепости Орду-Балыка. Высказано предположение, согласно которому уйгуры могли сооружать свои крепости с помощью согдийских архитекторов и мастеров. В статье описаны основные конструктивные особенности оборонительных сооружений этой крепости. Отмечена определенная сложность оборонительных сооружений Орду-Балыка по сравнению с другими уйгурскими крепостями, изученными археологами в предшествующие десятилетия на территории Монголии и Тувы. Несмотря на отмеченную сложность оборонительных сооружений крепости Орду-Балыка, уйгурским войскам, которые ее обороняли, не удалось успешно противостоять войскам енисейских кыргызов. Уйгуры и другие телесские племена были вынуждены бежать с территории Монголии и попытались обратиться за помощью к правителям китайской империи Тан.

Ключевые слова: Уйгурское государство, Центральная Азия, Орду-Балык, фортификация, крепостные сооружения

Yu.S. Khudjakov
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
khudjakov@mail.ru
A.Yu. Borisenko
Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk)
aborisenko2@mail.ru

Features of the Uyghur fortification (on the example of the citadel of Ordu-Baliq)

Abstract

The article analyzes the results of a study of the fortress of Ordu-Balyk that was the citadel of Uyghur state capital in Central Asia. There was made an assumption that Uyghurs could build their fortresses with the help of Sogdian architects and craftsmen. The article describes the main design features of defense constructions of this fortress. A certain complexity of the defense constructions of Ordu-Balyk was indicated in comparison with other Uyghur fortresses studied by archaeologists in previous decades on the territory of Mongolia and Tuva. Despite the noted complexity of the fortifications of the Ordu-Balyk fortress, the Uyghur troops that defended it were not able to confront the Yenisei Kyrgyz forces successfully. The Uyghurs and other tribes were forced to leave the territory of Mongolia and tried to ask the rulers of the Chinese Tang Empire for help.

Keywords: Uighur State, Central Asia, Ordu-Baliq, fortification, fortress constructions

В период существования на территории современных Монголии и Тувы Уйгурского каганата в течение второй половины VIII и до середины IX в. развивалось фортификационное строительство: возводились различные оборонительные сооружения, в числе которых были цитадели, крепости и длинные стены.

Среди этих фортификационных сооружений выделяется наиболее сложными конструктивными особенностями столичная цитадель Уйгурского государства, расположенная в долине р. Орхон в центральной части современной Монголии, которая по-монгольски называется Хара-Балгасун, а по-уйгурски — Орду-Балык. Эта крепость, так же как и известные памятники

древнетюркской знати, была впервые обнаружена и обследована известным российским путешественником и исследователем Н.М. Ядринцевым, который нашел в окрестностях этого городища обломанную каменную стелу с триумфальными надписями, нанесенными в честь одного из каганов — правителей Уйгурского государства [Войтов, 1985, с. 116].

В течение нескольких лет в 80-х гг. XIX в. некоторые оборонительные сооружения были осмотрены и исследованы на территории Тувы другим известным краеведом и любителем археологии, бывшим в течение некоторого времени сотрудником Минусинского музея, Д.А. Клеменцем. В 90-х гг. XIX в. подобные сооружения были обследованы известным российским

ученым, тюркологом, возглавлявшим Орхонскую экспедицию, академиком В.В. Радловым [Войтов, 1985, с. 117–121].

В течение середины и второй половины XX в., советскими исследователями было изучено несколько крепостных сооружений, окаймленных оборонительными стенами и внешними рвами. Особое внимание было уделено изучению уйгурской крепости Пор-Бажин [Вайнштейн, 1964]. Наряду с отдельными крепостными сооружениями, на территории Тувы была исследована оборонительная стена, образующая с некоторыми крепостями единую оборонительную линию, которая служила для обороны от нападений со стороны енисейских кыргызов [Кызласов, 1969, с. 59]. Вполне вероятно, что свои оборонительные сооружения уйгуры возводили при определенном содействии со стороны согдийских архитекторов и мастеров.

Значительно более сложной по своим конструктивным особенностям, в сравнении с другими уйгурскими оборонительными сооружениями, является цитадель столичного уйгурского города Орду-Балык. Благодаря усилиям первых известных российских исследователей фортификационного сооружения был составлен план этой крепости и определена ее принадлежность к средневековой уйгурской культуре [Худяков, Цэвээндорж, 1982, с. 86]. На площади этого памятника было собрано значительное количество орнаментированной уйгурской гончарной керамики. Археологические исследования этого средневекового городища проводил известный отечественный археолог С.В. Киселев. Материалы из раскопок памятников средневековых кочевников из долины р. Орхон были изучены Л.А. Евтюховой. Во второй половине 1970-х гг. оборонительные сооружения цитадели уйгурского столичного города были обследованы монгольскими и советскими археологами [Худяков, Цэвээндорж, 1982, с. 86–87].

Вполне вероятно, что исследованное в течение предшествующего периода монгольскими и российскими археологами крепостное сооружение служило цитаделью Орду-Балыка, столичного города Уйгурского каганата. Одновременно она являлась резиденцией правителей государства — уйгурских каганов. Она представляла собой достаточно сложное и мощное оборонительное сооружение: крепостная стена подквадратной в плане формы, охватывающая площадь около 600 на 600 м. Вдоль глинобитных стен этого крепостного сооружения расположено четырнадцать угловых и простеночных, выступающих с внешней стороны стен, башен. Данные башни имеют с внешней стороны пологие наклоны, плавно расширяющиеся от верхней части к основанию башен. Проем ворот для входа внутрь крепости расположен в центральной части восточной стороны этой глинобитной цитадели. На юго-восточном углу крепости расположен встроенный в нее мощный оборонительный бастион, подквадратный в плане. Еще один прямоугольный бастион находится на западной стороне крепости. Одна часть этого бастиона выступает наружу от крепостной стены, другая часть бастиона расположена с внутренней стороны этого же крепостного сооружения. Вокруг трех сторон крепости, за исключением стены с входными воротами, расположен неглубокий обводной ров. Вдоль южной стены цитадели установлены невысокие, цилиндрические, сужа-

ющиеся к верхней части, обособленные глинобитные башни. Ворота внутрь крепости с внешней стороны окаймлены пологим земляным валом, охватывающим сравнительно небольшую, прямоугольную площадь. Внутри самого крепостного сооружения, вдоль ее стен расположен неглубокий ров. Сама площадь, расположенная внутри крепостной стены, дополнительно окаймлена невысоким, вероятно, глинобитным валом. Внутри территории, ограниченной валом, расположена сторожевая башня — донжон, а также остатки некоторых других прямоугольных невысоких построек. К цитадели Орду-Балыка с внешней стороны от входных ворот примыкают глинобитные валы, образующие невысокое внешнее ограждение прямоугольной формы, расположенное со стороны входа в крепость. Согласно некоторым предположениям, в средние века в восточном направлении от крепости находились огороженные валами сады [Худяков, Цэвээндорж, 1982, с. 87].

Крепостная цитадель Орду-Балыка отличается значительно более сложными конструктивными особенностями по сравнению с другими уйгурскими крепостными сооружениями, которые были изучены на территории Тувы и Монголии. У большей части таких крепостей преобладает прямоугольной формы планировка внешней оборонительной стены, при отсутствии каких-либо дополнительных валов и рвов. По сравнению с обычными уйгурскими крепостями несколько более сложной конфигурацией отличается крепость Бай-Балык в долине р. Селенги в Монголии и одна из крепостей в окрестностях Шагонара в Туве, у которой имеется внутренняя цитадель. Однако по своей сложности оба эти крепостные сооружения значительно уступают цитадели Орду-Балыка.

Несмотря на обладание достаточно развитой системы крепостей и оборонительных сооружений на территории Центральной Азии, уйгурам не удалось сколько-нибудь успешно противостоять в ходе длительной ожесточенной войны атаковавшим их енисейским кыргызам и союзным им племенам. Они смогли преодолеть все препятствия, в том числе и оборонительные сооружения, смогли взять ряд уйгурских крепостей, в том числе Орду-Балык, в ходе военных действий, продолжавшихся два десятилетия в течение IX в. Вполне вероятно, что после обострения противоборства в уйгурской правящей элите, завершившегося захватом власти в Орду-Балыке, уйгурские войска, возглавляемые полководцем Гюйлу Мохэ перешли на сторону енисейских кыргызов. Они помогли енисейским кыргызам разгромить уйгурские войска, захватить столицу и цитадель. После этого поражения уйгуры и союзные им телесские племена не могли защищать уйгурские крепостные сооружения и были вынуждены бежать от наступавших кыргызских войск в отдаленные, южные и восточные окраины своего государства, на которых через некоторое время возникло еще несколько уйгурских государственных образований. Один из уйгурских принцев провозгласил себя каганом и попытался заручиться поддержкой со стороны китайской империи Тан. Некоторые группы уйгуров и телесских племен бежала на территорию Синьцзяна, где через некоторое время образовалось Уйгурское Турфанское княжество. Однако китайские правители из династии Тан считали, что имеют отдаленное родство в правящим родом енисейских кыргызов.

Они предпочли установить определенные союзные отношения с правителями Кыргызского каганата, которых китайцы считали потомками древнего, взятого в плен хуннами, известного ханьского полководца Ли Лина.

Опыт строительства уйгурских крепостей на территории Монголии и Тувы наглядно показал, что подобные крепостные сооружения не помогли уйгурам успешно противостоять енисейским кыргызам в ходе длительной войны.

Список литературы

1. Вайнштейн С.И. Древний Пор-Бажин // Советская этнография. — 1964. — № 6. — С. 105–111.
2. Войтов В.Е. Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889–1958 гг.) // Древние культуры Монголии. — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 114–136.
3. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. —

М.: Изд-во МГУ, 1969. — 211 с.

4. Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. — Новосибирск: Наука, 1982. — С. 85–94.

References

1. Khudyakov Yu.S., Tseveendorzh D. Keramika Ordu-Balyka. In: *Arkheologiya Severnoi Azii*, Novosibirsk: Nauka, 1982, pp. 85–94.
2. Kyzlasov L.R. Istoriya Tuvy v srednie veka. Moscow: MGU Publ., 1969, 211 p.
3. Vainshtein S.I. Drevnii Por-Bazhin. *Sovetskaya etnografiya*, 1964, no. 6, pp. 105–111.
4. Voitov V.E. Khronika arkheologicheskogo izucheniya pamyatnikov Khusho-Tsaidam v Mongolii (1889–1958 gg.). In: *Drevnie kul'tury Mongolii*, Novosibirsk: Nauka, 1985, pp. 114–136.

В.И. Царев
НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства (Москва)
Сибирский федеральный университет (Красноярск)
vits_2004@mail.ru
В.В. Царев
НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства (Москва)
Министерство строительства Красноярского края (Красноярск)
tsarev103@yandex.ru

Первоисточники о формировании Красноярска в XVII веке

Аннотация

В статье представлены результаты исследования архитектурно-планировочных особенностей одного из первых русских городов Центральной Сибири — Красноярска, которые получены на основе анализа документальных материалов центральных архивов страны. Архитектурная летопись сибирского города семнадцатого столетия во многом остается незавершенной, что определяет необходимость дальнейшего изучения ранее известных и вновь выявленных документальных источников, которые позволяют показать наиболее полную картину преобразований планировки и застройки крепости-города в рассматриваемый период. На основе исторических документов предложена графическая реконструкция архитектурно-планировочной ситуации на отдельных этапах формирования Красноярска в XVII в.

Ключевые слова: Сибирь; русские крепости; острог; «острожное ставление»; храм; расписной список; деревянная архитектура; Красноярск

V.I. Tsarev
Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (Moscow)
Siberian Federal University (Krasnoyarsk)
vits_2004@mail.ru
V.V. Tsarev
Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (Moscow)
Ministry of Construction of Krasnoyarsk Region (Krasnoyarsk)
tsarev103@yandex.ru

Primary sources on the formation of Krasnoyarsk in the 17th century

Abstract

The article presents the results of the study of architectural and planning features of Krasnoyarsk as one of the first Russian cities in Central Siberia. The results are obtained due to the analysis of documentary materials of the country central archives. The architectural chronicle of the Siberian city of the seventeenth century is, to a great extent, incomplete. It determines the need for further study of previously known and newly identified documentary sources. In this case we can see the most complete picture of the transformation of the planning and development of the fortress-city during the period under consideration. On the basis of historical documents the graphic reconstruction of architectural and planning situation at separate stages of formation of Krasnoyarsk in the 17th century is offered.

Key words: Siberia; Russian fortress; jail; «the ostrogsetting-up»; temple; painted list; wooden architecture; Krasnoyarsk

Особенности архитектурно-планировочного формирования Красноярска в первое столетие его существования не получили до сих пор глубокого изучения и анализа в научных исследованиях. Первые авторы представляют систематизированные выдержки из архивных документов о преобразованиях Красноярского острога в XVII в., многие из которых ранее не публиковались. Введение в научный оборот этих материалов позволяет проследить достаточно подробно первые этапы и специфические черты ран-

ней архитектурно-строительной истории одного из старейших русских городов Сибири — Красноярска.

По инициативе енисейского воеводы Якова Игнатъевича Хрипунова в 1624 г. была организована экспедиция для выбора места под новую крепость на среднем Енисее, руководил которой Андрей Ануфриевич Дубенский.

«Во 131 (1623) году послан на государеву службу в Сибирь в Енисейской острог воевода Яков Хрипунов да с ним Яковом отпущен был с Москвы Андрей

Дубенской и в прошлом во сте 33 (1625) году писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси из Сибири из Енисейсково острогу воевода Яков Хрипунов и прислал с государевою соболною казною Ондreja Дубенсково да служилых людей да Яков же Хрипунов писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси что он посылал из Енисейского острогу Андрея Дубенского с служилыми людьми вверх по Енисею реке в новые земли приводити под государеву царскую высокую руку и для ясашиново збору Андрей Дубенской с служилыми людьми ходил вверх по Енисею реке для ясашиново збору в новые земли и ясак на государя вновь взяли и присмотрели Андрей Дубенской со служилыми людьми в новой Качинской земле на реке на Енисее на яру место угоже высоко и красно и лес блиско всякой есть и пашенных мест и санных покосов много и государев быть острог на том месте поставити мочно и прислал ко государю к Москве с Андреем Дубенским тому месту красново яру чертеж а другой чертеж Яков Хрипунов из Енисейсково острогу послал в Тоболеск» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 477. Ч. 2. №7. Портфели Миллера, л. 27].

В Москве поддержали инициативу енисейцев, дав разрешение к новому «острожному ставлению», которое произвел в 1628 г. отряд служилых людей под руководством А.А. Дубенского. О сложностях похода отряда, собранного в Тобольске, сообщают документы: «А шли государь мы холопи ваши государевы по Иртышу и по Обе реке наслах и днем и ночью беспеременно чтобы на лде замороз не взял и как мы холопи ваши пошли по Кети реке и ... на Кети реке мели великие ... и мы государь холопи ваши бродили на многих мелях... и шли из Енисейсково острогу до болшова порогу грузными дощаниками три недели и на пороге государь мы дощаники лехчили запасы из дощеников изо всех на берег носили и на порог государь мы поднимались всеми дощениками две недели и поднимаючися на пороге и досталное свое платишка и обувишка от воды перегнуили и на работе государь подрали и от порогу государь мы шли до Краснова острогу три же недели» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 160, л. 73–77] (ил. 1).

Преодолев все трудности похода, отряд выполнил поставленную задачу: «Во 137 (1629) году писали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси из Сибири из Тобольска воеводы князь Алексей Трубецкой с товарищи в нынешнем де в 137 (1629) году октября в 15 день писал к нам в Тоболеск из Качинские земли с Красново яру Ондрей Дубенской с атаманом с Иваном Астраханцом что в прошлом в 136 (1628) году пришед Ондрей Дубенской с служилыми людьми в Качинской земле на верхней изголови Красного яру на реке на Каче острог поставили и крепости всякие поделали и в остроге съезжую избу и для государевы казны анбар и дворы себе поставили и около де Красноярсково острогу пашенные земли а в качинской земле пашут и родитца ячень и курлук и санных покосов много» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 477. Ч. 2. №7. Портфели Миллера, л. 31] (ил. 2).

Большой боевой опыт сибирской жизни «городников» сказался в своевременно принятых ими мерах безопасности. По прибытии отряда на место (в середине июля), первоначально был спешно поставлен «городок дощаной»: «И пришед мы холопи

ваши государевы на красной яр городок дощаной поставили и круг острожново места мы холопи ваши государевы надолобы укрепили ж и двойные сцеты поклали ж и острожное место укрепили накрепко а лесу березова и на надолобы носили на себе к острожному месту с версту и болши и судовое государь пристанище упротив острожново места очистили и надолобы государь привели от острогу где судовому пристанищу быти до Енисея реки по горе сто сажень и учили государь мы холопи твои березовой лес носити на себе к надолобам учили острог ставит» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 160. Л. 74].

Строители крепости достаточно точно знали необходимое количество бревен для возведения «башенных и хоромных» построек, которые заготавливались в два приема.

«А иные государь мы холопи ваши государевы пошли по сосново лесу вверх по Енисею реке с атаманом с Иваном Колцовым сто шестьдесят человек для башенново и хоромново лесу выше красново яру и ехали до бору в стругах в есаулных два дни и наехали бор и добывали сосново лес на твои государев острог и на башни и на съезжую избу и на онбар и на воевотцака двор и на тюрьму и на всякую поделку и добывали мы тот лес две недели а лес волочили з бору до Енисея реки за версту и дале на себе и припровалили мы холопи твои сосново лесу тысячу двесте слег болших ... и которои государь лес был сосново припроважен водою и тот лес ишел весь на острожной ставке и на хоромной и на башни и на съезжую избу и на онбар и во всякую в государеву поделку» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 160. Л. 74].

Второй раз: «Да мы же государь после острожные ставки ходили с атаманом с Ермаком Остафевым сто восьмьдесят человек и ехали в стругах по Енисею реке вверх три днища и наехали бор и припровалили сосноваго лесу тысячу восьмь сот дерев болших а тот государь до добывали на свои избенка и добывали ево три недели и волочили на себе к Енисею реке болши версты ис тово государь лесу зимовя себе после острожные ставки поставили на десяток по избенку» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 160. Л. 76].

Этот факт подтверждает тщательность предварительного изучения руководителями экспедиции прилегающего района и наличие у служилых людей хорошо отработанных навыков в осуществлении всех этапов строительства. Наглядным свидетельством тому же является небольшой срок возведения острога. Его «поставили на боголепное Преображение господа нашего Иисуса Христа (6 августа) и на Успениев день острог весь отделали (18 августа)» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 160. Л. 47].

Из первых описаний крепости на стрелке Енисея, составленных самими строителями, выясняется, что «две башни проезжие срубили в стене всякия башня и с углами по четыре сажени трех аршинных а на башнях по караулне по теплои зделали да мы ж поставили на столбах три башенки рубленые и башни все покрыли дранем» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 160. Л. 75].

О составе и некоторых особенностях первых строений Красноярского острога строители сообщали следующее: «да мы ж государь поставили онбар четырех сажень трех аршинных для ваших государевых хлебных запасов и твою государеву съезжую избу поставили на потклете трех сажень и тюрьму

поставили трех сажень и двор воевоцкаи устроили со всем наготово повалушу на потклете горницу на потклете промежу горницы и повалуши сени с подсеньем и баню поставили ж... и зимовья себе после острожные ставки поставили на десяток по избенку» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 160. Л. 75–76].

Поставив острог, служилые люди в августе 1628 г. ходатайствовали о разрешении воздвигнуть в нем церковь: «Милосердный государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси пожалуи государь нас холопеи своих государевых своим государевским жалованем и вели государь нам в новой качинской землице в Красном острошке храм возвести во имя боголепное Преображения господя нашего Иисуса Христа и другои престол пресвятые Владимирские и третей престол твоево государева ангела хранителя Михаила Малеина и вели государь к нам прислати божия милосердия образы местные и царские двери на три престола и священника и книги и колокола и все церковное строелна почему бы было служит литоргея ж и за тобя за государя бога молит» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 160. Л. 46].

В царской грамоте за 1629 г. сообщается об исполнении просьбы красноярских служилых людей: «И по нашему указу послано в новой острог на красной яр церковное строене образы да книги и ризы и все церковное строене и колокола и кадило и поп Дмитрией Климов сын Попов с Москвы и как к тебе ся наша грамота придет от Красноярского острогу челобитчики пятидесятник Васка Яковлев да десятник Петрушка Ондреев и поп Дмитрией в Тоболеск приедут и ты б по ся нашей грамоте в новом остроге на красном яру благословил храм воздвигнути во имя Преображения господя бога Иисуса нашего Иисуса Христа да предел пресвятые богородицы Владимирские да другои предел преподобного ангела нашего Михаила Малеина и к той церкве указали образы и книги и ризы послати с Москвы и по нашему указу послано в новой острог на красном яру церковное строене образов пречистые богородицы запрестолные Владимирские с коруною на золоте да два образа пречистые богородицы запрестолные на красках да деисус в девяти иконах да два деисуса по девяти ж икон все на красках да трои двери царские с сенми ис столпцы да вместо месных образов образ Преображение господя нашего Иисуса Христа да образ пречистые богородицы Владимирские да образ месной Михаила Малеина сосуды церковные деревянные крест благословенной да книг Евангиле напрестолное печатное в бархате ... да к церкве два колокола весу один пуд с четю другои в пуд без чети ... и как к тебе ся наша грамота придет и Красноярского острогу челобитчики пятидесятник Васка Яковлев да десятник Первушка Ондреев то церковное строене привезут и ты б у них по сеи нашей грамоте той все церковное строене велел все взяти в нашу казну да как воздвигнут наше богомоле храм богоявлене господя нашего и на три престола антиминсы им попу Дмитрию велел дати от себя переходную грамоту да для освящения храму в новой острог на красной яр велел бы послати диякона ис Тоболсково города и об нем отписал в Томской город к воеводам ко князю Петру Пронскому с товарищи а ис Томского городу воеводе князю Петру Пронскому в новой острог на красной яр велел отписати к воеводе к Архипу Акинфову чтоб освятя храм все три престола диякона от-

пустил назад в Томской город» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 160. Л. 67–71] (ил. 3).

О последующих строительных работах в Красноярской крепости имеются сведения за 1635–1636 гг.: «Июля ... куплена изба для закладчиков государевами на то держать дано ... рублей Ноября в 10 день дано плотникам Климку Иванову с товарищи от избу ново дела что на воевоцком дворе избу делали востм рублей Февраля 27 день куплено на государев обиход на воевоцкой двор востмдесять семь бревен да обо дверины да востм мехов моху за все дано 3 рубля 30 алтына Апреля 26 день куплено у пашенных крестьян у Ивашка Черново с товарищи двести осянеи на аманатцкой двор из того лесу поставлен аманатцкой двор дано за лес 20 рублей Июня 2 день дано плотникам Ивану Черному с товарищи за дело что делали на воевоцком дворе сени да баню от дела дано сем рублей ... алтын Июня в ... день куплено на аманатцкой двор на кровлю на избу триста драниц да моху дано 3 рубли 30 алтын Августа 3 день куплено на воевоцкой двор на сени на баню досок дано рубль Сентября 20 день куплена изба 1 на караульную к оманатцкому двору дано 4 рубля» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 70. 1635–1636 гг. Л. 361–382].

О неудовлетворительном состоянии Красноярского острога сообщается в переписке царя и воеводы П.Д. Протасева за 1646 г.: «Государю царю... Михаилу Федоровичу... холоп твой Петрушка Протасев челом бьет... прислан я... на государеву службу... в Красноярской острог... и всякие острожные крепости осмотри которые места у острога худы и то покрепил и Красноярской... острог весь худ и крепил ... и места починиваны ... а дворишко воевоцкой поставлен сначала вместе с острогом и розвалился ... что ты государь укажешь ... острог и воевоцкой дворишко велишь ставить своею ли государевою казною или служилыми людьми и пашенными крестьяны ... Царя великого князя Алексея Михайловича ... в Сибирь в Красноярской острог воеводе... Петру Даниловичу Протасеву ... во 154 (1646) году ноября в 8 день писал ты блаженные памяти к отцу нашему к великому государю царю Михаилу Федоровичу ... что ... Красноярской острог весь худ ... к тебе ся наша грамота придет и тебе велеть острог ставить служилыми рускими людьми и пашенными крестьянами ... воевоцкой двор ... строить неболшим строением ... написано на Москве лета 154 (1646) года декабрь в 28 день» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 146. 1646 г. Л. 88–89].

В 1647 г. воевода П.Д. Протасев сообщал царю о том, что: «писал я ... о Красноярском остроге что государь острог конечно худ розвалился весь починит никакими делы нечем и дворишко государь воевоцкой весь же розвалился и ко мне холопу твоему о том вашего государева указу нет ставит ли Красноярской острог внов и кем ево ставит а для государь приходу колмацких и брацких всяких воинских людеи без острогу быт неумет а на воевоцком государь дворе поставил я холоп твои избу на подклети и двор огородил ис твоеи государь казны и с красноярских денежных доходов потому что было государь жьть мне холопу твоему вперед иным воеводам негде и о том мне холопу своему что ты государь царь и великий князь Алексеи Михайлович всея Руси укажешь» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 259. 1647 г. Л. 104].

В 1648 г. новый красноярский воевода М. Дурной

сообщал царю Алексею Михайловичу о трудностях проведения строительных работ: «Красноярской государь острог подгнил весь свалился и я холоп твои с служилыми людьми со всякими чинами старои острог поставил ево изнова а вышины счѣту сажѣн а в ыных государь клетѣх сажѣни а присланы государь твои государева царева и великого князя Алексея Михайловича всея Руси грамота за приписью дьяка Григория Протопопова во 155 (1647) году февраля в 25 день к прежнему воеводе к Петру Протасеву а велено государь поставит служилыми людьми и пахотными крестьяны новои острог розверстав по окладом поставит и нового государь острогу поставит некому служилые люди на твоих государевых службах а пахотные твои государевы крестьяны в нынешнем во 156 (1648) году ставили у себя в деревнях башни и надолобы и по пашням клетки для приходу воинских людеи а красноярские государь дети боярские и атаманы и служилые и всяких чинов люди бьют челом тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси мочи вся их нет лесу готовит и острогу ставит без пристани на твоих государевых службах а вовсех де государь сибирских городех ставит города и острошки твоею государевою казною а надобно государь на острог лесу трех сажѣнново пяти вершков вотрубе три тысячи сто бревен и на башни на подрубку а купит государь лесу мошно по шти рублев что и о том государь мне холопу как укажешь» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 296. 1648–1649 гг. Л. 81].

В 1649 г. из Москвы пришел ответ со следующими указаниями новому воеводе А.А. Бунакову: «А у Красноярского острогу которые места гораздо будет худы и подгнилы и ты красноярским всяких чинов служилым и жилецким людям и пашенным крестьяны Красноярской острог велел поделывать розверстав по прежнему нашему указу и теми поделками и весь Красноярской острог будет не в один год новои а красноярским всяким людям будет не втягости» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 296. 1648–1649 гг. Л. 83].

Указ царя был выполнен в том же 1649 г., который стал новым этапом планировочных преобразований Красноярской крепости, связанным с разделением ее территории на малый и большой остроги. «Государю царю ... Алексею Михайловичу ... холоп твои Андришка Веригин челом бьет в прошлом государь во 136 (1628) году по твоему великого государя ... указу поставили красноярские служилые люди около соборные церкви и около воевоцково и аманатцкого двора и казачьева двора острог малои а в прошлом государь во 157 (1649) году поставили красноярские дети боярские и конные и пешие служилые люди и ружники и оброчники около красноярского посаду около дворов и слобод для иноземских всяких приходов и для всякого бережения другои острог болшой новои с башнями а городничего государь к тем острогам и к аманатцкому двору до меня холопа твоего не устроено а без городничего государь у тех острогов и у аманатцкого двора в таком украинном городе быти опасно и о том что ты великий государь ... укажешь» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 380. 1650 г. Л. 84–85].

26 апреля 1679 г. в Красноярске «учинился пожар, и от того меньшей острог выгорел, и соборная церковь и иконы и книги и колокола, и ... великого государя анбар, где была яшашная соболина казна,

и ... государевы хлебные запасы, и приказная изба с ... государевыми делами, и воевоцкой и аманатцкой дворы, и судовые всякие припасы и ружье сгорело, и зелейной погреб с порохом взорвало» [Дополнения к актам историческим., 1862, с. 240].

Крупные ремонтные и восстановительные работы в Красноярске были проведены в 1688–1689 гг. Из челобитной воеводы Льва Поскочина, направленной в Москву в 1690 г., следует, что к концу 1680-х годов малый и большой остроги находились в разрушенном состоянии. «Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу Петру Алексеевичу всея великия и малыя и белыя Росии самодержцем холоп ваш Левка Поскочин челом бьет по вашему великих государей указу по грамоте и по наказу каков мне холопу вашему дан из Сибирского приказу и велено мне холопу вашему быть на вашей великих государей службе в Сибири в Красноярском и в прошлом государи во 197 (1689) году августа в 27 день приехав я холоп ваш в Красноярской у прежнего воеводы Игнатъя Башковского малои и болшой остроги приняв осмотрил всяких городовых крепостей и малои и болшой остроги со все стороны подгнил а в ыных местех острог повалился да в прошлом государи во 196 (1688) году в вашей великих государей цареи и великих князеи Иоанна Алексеевича Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержцев грамоте писано в Красноярской к воеводе к Игнатъю Башковскому велено в Красноярском в степную сторону острогу прибавить и вновь острог поставить и всякими крепостями укрепить и до моево холопа вашего в Красноярской приезду при Игнате Башковском поставлено того нового острогу толко двести девяносто девят сажѣн а не поставлено государи того нового острогу со степную ж сторону и от Енисея реки и от Качи речки ста двенатцети сажѣн и в нынешнем государи во 198 (1690) году в Красноярском я холоп ваш со степную сторону и от Енисея реки и от Качи речки нового острогу сто двенатцѣть сажѣн поставить и около того острогу и ров выкопат и надолобы поставит и малои и болшой остроги все переставить велел и крепостми укрепил и к новому острогу башню старую подрубя поднять и каковой башне верх зделат велел же да с приезду ж моего холопа вашего в Красноярской месяца сентября в первых числах в малом остроге ваш великих государей зелейной и винной погребы обвалились и я холоп ваш те зелейной и винной погребы внов построил и у двоих проезжих ворот караулни новые велел поставит да я ж холоп ваш велел красноярским служилым людем для приходу воинских людеи и вылоски во всех пятидесятных зделат рогатки и те рогатки зделаны наготово да у полковых у шти пушек станки были ветхи и изломаны и те станки зделаны и окованы железом совсем наготовом» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1052. 7199–1691 г. Л. 358–359]. Таким образом, при реконструкции острога было возведено всего 411 сажѣней (около 876 м) новых тыновых стен, охвативших со всех сторон посад.

Наиболее образную и полную картину состояния Красноярска семнадцатого столетия дают его росписной список и рисунок города из «Чертежной книги Сибири» Семена Ульяновича Ремезова, составленные почти в одно время, в 1698–1699 гг. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 5. Д. 1354; Чертежная книга..., 1882, л. 17].

«Красноярской. По росписному списку 207 (1699) году. Присылки 1700 году Малою острог мерою кругом старого строения 71 сажень, да нового 120 сажень а по тому острогу 2 башни старые проезжие на башне часовня Спаская да колоколя крыта тесом а у тои колоколя часы боевые да колокол вестовой которой прислан с Москвы весом 19 пуд 32 гривенки. Другая башня крыта драницами, да потому ж острогу 3 башни новые из них 2 некрыты в острожной же стене калитка. Большой острог мерою кругом 324 сажени да старова погнилова и местами розвалилос и песком занесло 514 сажень а по тому острогу 2 башни проезжие а крыты башни драницами без шатров по тому ж острогу 4 ворота проезжие да калитка да бык выводной» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 5. Д. 1354 Л. 288об.].

На чертеже С.У. Ремезова город Красноярск изображен с двухчастной планировочной структурой, состоящей из малого и большого острогов, первый из которых имел четырехугольную форму плана, определившуюся при закладке крепости в 1628 г. (ил. 4).

Рассмотренные документальные первоисточники характеризуют особенность градостроительной ситуации Красноярска в XVII в. — ее динамичность, когда по государеву указу или воле случая (частых пожаров, военных действий и природных факторов) элементы застройки исчезали и появлялись в непродолжительные сроки; они раскрывают процесс строительства острога, который осуществлялся под значительным воздействием государственной регламентации планировки и застройки русских крепостей Сибири, что отразилось на общих приемах возведения укреплений и на идентичном составе строений.

Список литературы

1. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археологической комиссией. — Т. 8. Докты 1678–1681 гг. — СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. — 374 с.
2. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. — СПб.: [б. и.] 1882. — 58 с.

References

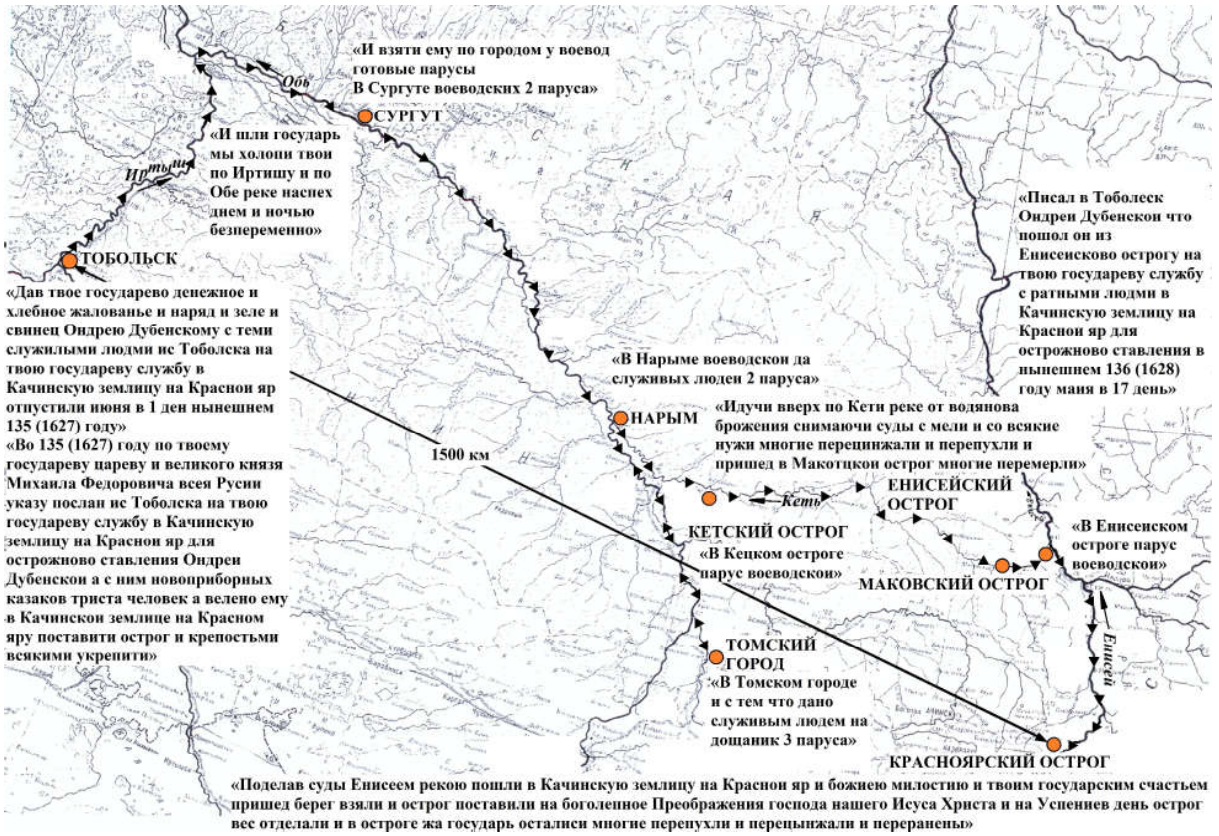
1. Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arheologicheskoy komissiej. Vol. 8. Dok-ty 1678–1681 gg. St. Petersburg: tipografiya E`duarda Pracza, 1862, 374 p. (in Russ.)
2. Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlennaya tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 godu. St. Petersburg, 1882, 58 p. (in Russ.)

Список источников

1. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 477. Ч. 2. №7. Портфели Миллера.
2. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 160. О посылке из Москвы Андрея Дубенского в Качинскую землицу на Красный яр. 1627–1628 гг.
3. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 70. 1635–1636 гг.
4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 146. 1646 г.
5. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 259. 1647 г.
6. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 296. 1648–1649 гг.
7. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 380. 1650 г.
8. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1052. 1699–1691 г.
9. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 5. Д. 1354. Ведомость сибирских городов. 1698–1699 гг

Список сокращений

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Москва

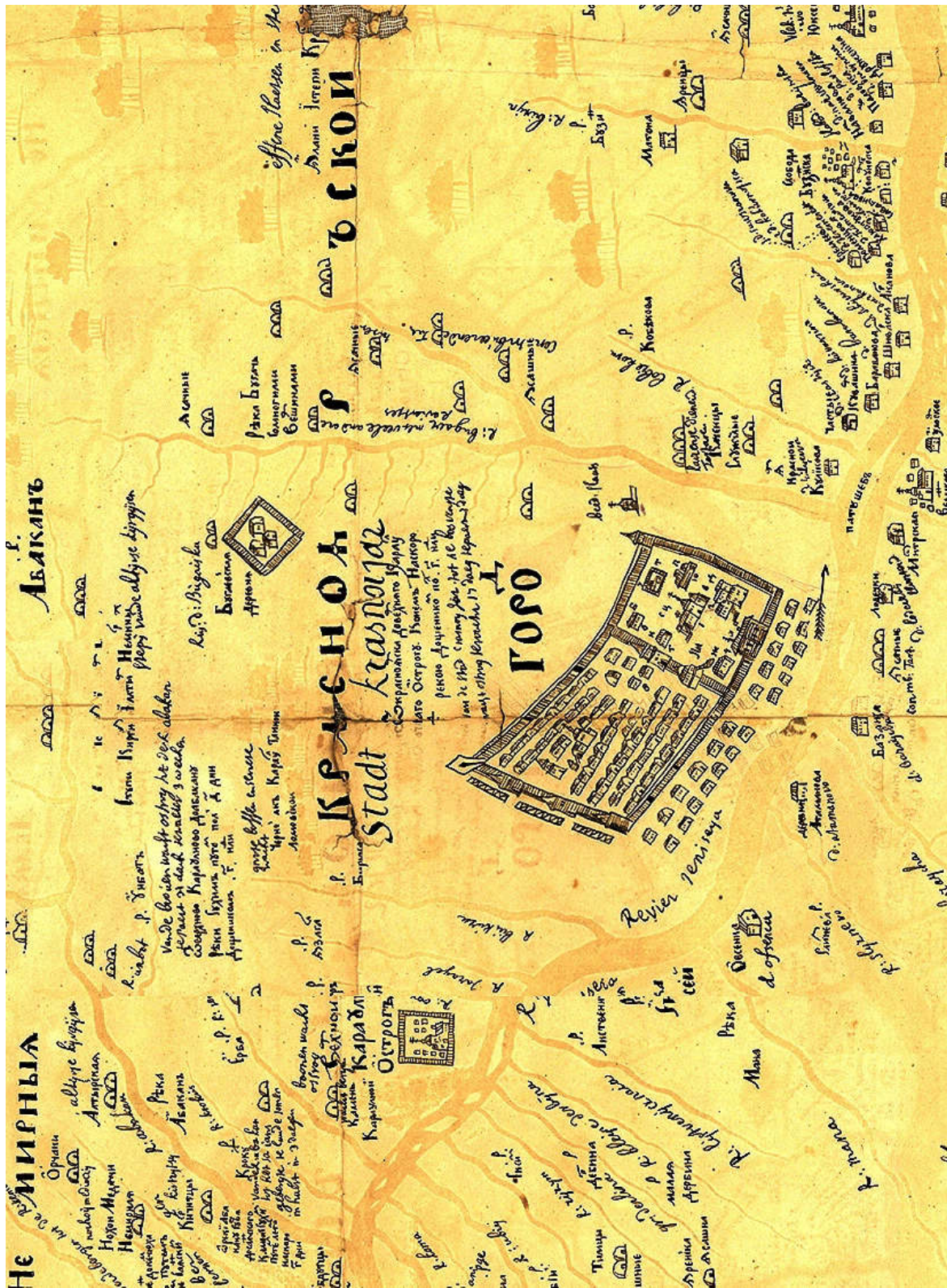
Ил. 1. Графическая реконструкция маршрута отряда А.А. Дубенского 1627–1628 гг. Выполнили авторы

Ил. 2. Графическая реконструкция местоположения Красноярского острога 1628 г. Выполнили авторы

Ил. 3. Графическая реконструкция Красноярского острога 1628–1629 гг. Выполнили авторы

Илл. 4. Красноярский город в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова 1701 г.

П.И. Шульга
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
shulgapi55@yandex.ru
Д.П. Шульга
Сибирский институт управления РАНХиГС (Новосибирск)
alkaddafa@gmail.com

Особенности погребальных конструкций культуры чауху IX–VI веков до н. э. в Синьцзяне (Китай)

Аннотация

В статье рассматривается погребальный обряд и внутримогильные конструкции одной из наиболее ярких на территории Синьцзяна (Китай) археологической культуры чауху, существовавшей в Южном Притяньшанье в IX–VI вв. до н. э. На основе анализа уже известных могильников из ущелья Чаухугоу (более 500 могил), а также недавно исследованного самого раннего могильника Мохучахань (235 могил), авторы приходят к следующим выводам: 1) «классические» склепы культуры чауху с последовательными захоронениями появляются только к VII в. до н. э.; 2) конструкции в виде склепов в культуре чауху возникли на местной основе в ходе постепенной эволюции погребального обряда.

Ключевые слова: культура чауху, погребальный обряд, внутримогильная конструкция, склеп, относительная хронология, планиграфия могильника, Синьцзян, Южное Притяньшанье

P.I. Shulga
Institute of Archeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk)
shulgapi55@yandex.ru
D.P. Shulga
Siberian Institute of Management, RANEPА (Novosibirsk)
alkaddafa@gmail.com

Features of the burial constructions in the Chawuhu culture in Xinjiang (China) during the 9th–6th centuries BC

Abstract

This article examines with the burial rites and inner grave constructions of the Chawuhu culture — one of the most striking archeological cultures on the Xinjiang (China) territory, that existed in the South Tien Shan region in the 9th–6th centuries BC. Based on the analysis of the already known burial grounds in the Chawuhugou valley (more than 500 graves) and the recent-explored earliest burial ground called Mohuchahan (contains 235 graves), the authors come the following conclusions: 1) the «classic» Chawuhu crypts with consecutive burials didn't appear till the 7th century BC; 2) constructions in the form of crypt have locally emerged during the incremental evolution of the burial rite.

Key words: Chawuhu culture, burial rite, burial construction, crypt, relative chronology, planigraphy of the burial ground, Xinjiang, South Tien Shan

Археологическая культура чауху является одним из наиболее хорошо исследованных и ярких образований раннескифского времени в Синьцзяне. Она выделена по материалам необычайно крупных могильников в Южном Притяньшанье, насчитывавших до 250–700 погребений. Большинство известных памятников относится к (VIII) VII–VI вв. до н. э. Оставлена европеоидным населением, предположительно, сформировавшимся в результате миграций (III–II тыс. до н. э.) в Синьцзяне носителями афанасьевской и андроновской культур из Алтая и Казахстана [Кузьмина, 2010, с. 117]. Судя по особенностям погребального обряда и природно-климатическим условиям Южного Притяньшанья, носители культу-

ры чауху проживали оседло, занимаясь земледелием и скотоводством. Оружие, конское снаряжение и некоторые типы украшений в чауху близки культурам Казахстана и Южной Сибири того времени, но погребальные конструкции имели существенные отличия. В частности, «классические» захоронения VII в. до н. э. в Чаухугоу представляли собой склепы, еще не известные в то время на территории Казахстана и Южной Сибири. Истоки появления в скифское время этих необычных конструкций и самого обряда коллективных захоронений на Саяно-Алтае не установлены [Шульга, Шульга, 2018]. В связи с этим, особый интерес представляет культура чауху, где впервые на востоке скифского мира прослеживается возник-

новение и эволюция данного обряда на протяжении почти четырех веков в IX–VI вв. до н. э.

Обычай устраивать особые внутримогильные конструкции (склепы) для совершения последовательных захоронений соплеменников (до 9–21 человек) достоверно зафиксирован в погребениях культуры чауху (VIII) VII–VI вв. до н. э. на могильниках Чаухугоу-1, -4, -5 расположенных неподалеку от г. Карашар [Синьцзян Чауху, 1999; Худяков, Комиссаров, 2002; Шульга, 2010]. Однако в единственном полностью исследованном могильнике Чаухугоу-4 [Чауху в Синьцзяне, 1999], коллективные погребения и склепы отмечены уже на раннем этапе [Шульга, 2010, рис. 8]. Из этого можно было бы сделать вывод о появлении данного обряда в самом начале формирования культуры чауху, возможно, под влиянием еще не известной нам культуры. В то же время, материалы недавно обнаруженного более раннего могильника Мохучахань не подтверждают этого предположения. Они демонстрируют последовательные изменения погребального обряда культуры чауху на раннем этапе ее развития, в конечном итоге приведшие к появлению склепов.

Судя по инвентарю и радиоуглеродным датам, могильник Мохучахань функционировал уже в IX в. до н. э., за 100–150 лет до появления могильников в Чаухугоу [Тенань и др, 2016]. При этом как и в Чаухугоу-4, на могильнике Мохучахань прослеживается последовательность совершения захоронений во времени и пространстве. Могильник Мохучахань разделен надвое оврагом, образованным в глубокой древности сезонными водотоками. Первоначально захоронения совершались вдоль юго-восточной стороны оврага (сектор 1). Затем умерших стали погребать на северо-западной стороне оврага (сектор 2). В секторе 1 зафиксировано и исследовано 170 могил культуры чауху, совершавшихся в IX–VIII вв. до н. э. В секторе 2 обнаружено 66 могил VIII–VII вв. до н. э. Могильник в секторе 1 формировался последовательно с юго-запада на северо-восток на трех близко расположенных возвышенных участках (группы могил 1, 2, 3). Зная эту хронологическую последовательность, мы можем с большой степенью достоверности проследить все основные изменения погребального обряда и конструкций, начиная с IX в. до н. э.

На начальном этапе (юго-западная часть группы 1, около 30 могил) умерших погребали в мелких могилах по одному на левом или правом боку с подогнутыми ногами, головой на север или север-северо-восток (ил. 1: 1, 2). В области головы и груди погребенных располагали керамические сосуды, украшения, оружие, различные изделия и части жертвенных овец (коз). Длина ранних могил составляла 130–170 см, глубина — 20–60 см. На дне устраивалась невысокая (30–50 см) погребальная камера из плоских камней, уложенных вдоль стенок в 1–2 слоя. В северном или южном торцах камер большинства могил с юга или севера оставался характерный для культуры чауху промежуток (проход *kaikou*) (ил. 1: 1). Конструктивно такие проходы похожи на входы в погребальную камеру, но таковыми они стали много позже — в VII в. до н. э. (ил. 1: 6, 7). Сверху камеры перекрывались уложенными поперек плитами и плоскими камнями, почти выходящими на поверхность. На поверхности по периметру могилы из камней в один ряд выкладывалась овальная (иногда

округлая) в плане ограда (ил. 1: 2). При сооружении последующих 140 могил групп 1, 2 и 3 сектора 1 погребальный обряд оставался почти таким же, но длина и глубина могил постепенно увеличивалась, соответственно, до 200–220 см и 160–200 см (ил. 1: 2–4). Проходы *kaikou* начинают устраивать почти во всех камерах, при этом у большей части из них проходы имелись с двух сторон (с юга и севера) (ил. 1: 3). Высота погребальных камер в отдельные периоды несколько увеличивалась до 50–60 см, но не превышала 70 см. За время функционирования кладбища в секторе 1 постепенно увеличивались и размеры овальных оград. Стали появляться одиночные ограды стремевидной формы, ставшей основной в позднем секторе 2.

В позднем секторе 2 (66 могил), датируемом, преимущественно, VIII в. до н. э., большинство погребений содержали также по одному умершему (иногда по двое). Форма оград поменялась на стремевидную с дополнительными округлыми жертвенниками, но в целом погребальный обряд изменился незначительно. Вместе с тем, на северном краю сектора 2 зафиксировано три обособленно расположенные относительно поздние могилы с четырьмя умершими в каждой (ил. 1: 4). По мнению китайских исследователей именно эти погребения синхронизируются с ранними склепами в Чаухугоу-1 и -4 [Тенань и др, 2016, с. 321], где прослеживается завершающий этап культуры чауху до VI в. до н. э. Эта точка зрения подтверждается проработанным авторами анализом инвентаря. Действительно, в секторе 2 могильника Мохучахань в большом количестве представлены своеобразные «чайники» со сливом, получившие широкое распространение в ущелье Чаухугоу, расположенном всего лишь в 48 км к востоку.

На могильниках Чаухугоу-1, -4 могилы с 3–5 умершими встречаются уже на ранних этапах, в рамках VIII в. до н. э. (ил. 1: 5). Такой обряд с захоронением небольшого количества умерших сохранялся там довольно долго. Собственно склепы высотой до 1–1,5 м с 10–21 умершими появляются уже на поздних этапах в VII в. до н. э. В финале высота погребальных камер увеличилась настолько, что перекрытие их уже несколько возвышалось над поверхностью земли. Таким образом, присыпанное камнями и грунтом перекрытие склепа превратилось в курганную насыпь. Наиболее хорошо такие конструкции прослежены в Чаухугоу-2, -4 (ил. 1: 6–8). Тогда же проходы *kaikou* начинают использоваться как подхоронительные ходы (ил. 1: 6, 7). Как видим, эволюция сложенных из камня ранних погребальных камер с одним умершим в склепы заняла около 200–250 лет. «Классические» склепы культуры чауху с последовательными захоронениями появляются только в VII в. до н. э. Очевидно, что конструкции в виде склепов в культуре чауху возникли на местной основе в ходе постепенной эволюции погребального обряда. Это положение подтверждается и отсутствием подобного обряда в это время, как в Синьцзяне, так и на сопредельных территориях.

Список литературы

1. Кузьмина Е.Е. Предыстория Великого шёлкового пути: Диалог культур Европа. — М.: КомКнига, 2010. — 240 с.

2. Тенань Ч., Нияз А., Нинчжи Т. Могильник Мохучахань в Синьцзяне. — Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2016. — 410 с. (на кит. яз.)

3. Худяков Ю.С., Комиссаров С.А. Кочевые цивилизации Восточного Туркестана: Учебное пособие. — Новосибирск: НГУ, 2002. — 156 с.

4. Чауху в Синьцзяне — отчет о раскопках больших родовых могильников. Синьцзянский институт археологии и культурного наследия. — Пекин: Дунфанчубаньшэ, 1999. — 416 с. (на кит.)

5. Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. Погребальные комплексы. Хронология и периодизация. — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. — 238 с.

6. Шульга П.И., Шульга Д.П. Сравнение погребальной архитектуры скифов Предгорного Крыма с внутримогильными конструкциями ранних кочевников Сибири и Дальнего востока (IV–III века до нашей эры) // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. — Т. XIII. — С. 210–213.

References

1. Kuz'mina E.E. Predystoriya Velikogo shelkovogo puti: Dialog kul'tur Evropa—Aziya. Moscow: KomKniga, 2010, 240 p. (in Russ.)

2. Khudiakov Y.S., Komissatov S.A. Nomadic Civilizations of Eastern Turkestan: Teaching medium. Novosibirsk: NSU, 2002, 156 p. (in Russ.)

3. Shul'ga P.I. Sin'tszian v VIII–III vv. do n. e. Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya. Barnaul: AltSTU Publ., 2010, 238 p. (in Russ.)

4. Shul'ga P.I., Shul'ga D.P. Sravnenie pogrebal'noi arkhitektury skifov Predgornogo Kryma s vnutrimogil'nymi konstruktsiyami rannikh kochevnikov Sibiri i Dal'nego vostoka (IV–III veka do nashei ery) In *Balandinskie chteniya: sbornik statei nauchnykh chtenii pamyati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t arkhitektury, dizaina i iskusstv, 2018, Vol. XIII, pp. 210–213. (in Russ.)

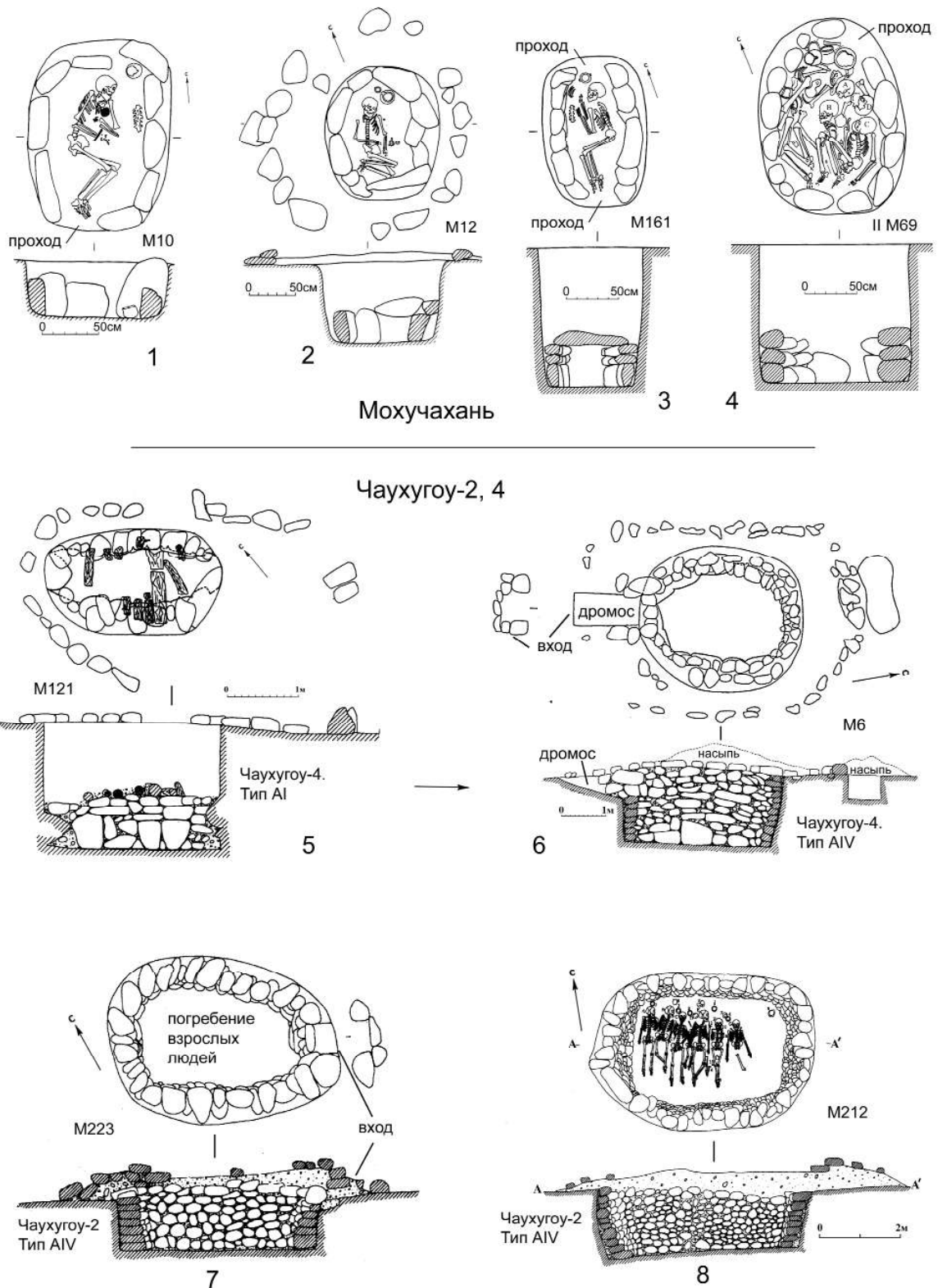
5. Tienan Z., Niyazi A., Ningzhi T. Xinjiang Mohuchahan cemetery. Beijing, Science press, 2016, 410 p. (in Chin.)

6. Xinjiang Chawuhu: large-scale clan cemetery excavation report. Xinjiang Institute of cultural relics and archaeology. Beijing: Dong fang Press, 1999, 416 p. (in Chin.)

Список сокращений

СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук

РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы

Ил. 1. Погребальный обряд культуры чауху. Эволюция простых погребальных камер до склепов с дромосами и насыпями на могильниках Мохучахань (1-4) и Чаухугоу-2, -4 [Тенань и др, 2016, рис. 17, 21, 236, 348; Чауху в Синьцзяне 1999, рис. 21, 34, 173, 175; Шульга, 2010, рис. 6, 7]/

История градостроительства в Сибири:
новые материалы и подходы

The History of Siberian Urban Planning.
New Materials and Approaches

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10092
УДК 72.036 (571.14)

О.С. Альсова¹, Н.П. Жури
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹o.alsova@ngaha.ru

Из истории уплотнения застройки земельного надела в Новониколаевске начала XX века

Аннотация

В статье рассматривается развитие застройки земельного усадебного надела в условиях динамично развивающегося в начале XX века сибирского города на примере города Ново-Николаевска, будущего Новосибирска. Отмечается стадийность развития планировочного решения усадебного участка, связанная со следующими факторами — стремлением переселенцев к сохранению традиций сибирского народного зодчества; трансформацией усадебного надела в условиях городского поселения в связи с требованиями пожарной безопасности; появлением новой функциональной направленности застройки земельного надела в связи с развивающимся доходным домостроением, кустарным и промышленным производствами; заполнением усадебного участка коммерческой застройкой. Отмечается возрастание общей плотности застройки усадебного участка, усложнение дворовой застройки, повышение этажности объектов, размещенных на усадебном участке, отмечается их разнообразное типологическое назначение.

Ключевые слова: градостроительство, Новониколаевский поселок, Ново-Николаевск, усадебная застройка, плотность застройки, периметральная застройка земельного участка, народное сибирское зодчество

O.S. Alsova, N.P. Zhurin
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
¹o.alsova@ngaha.ru

From the history of urban densification in Novo-Nikolaevsk at the beginning of the 20th century

Abstract

The article deals with the development of land estate in the conditions of a fast growing Siberian town in the beginning of the 20th century by the example of Novo-Nikolaevsk, the future Novosibirsk. There is a staged development of the layout concept of the land estate, associated with the preservation of the traditions of Siberian folk architecture, the transformation of the land estate in connection with the requirements of fire safety, new functional orientation of land development, in connection with growing profitable house-building, artisanal and industrial production and filling the land estate with commercial building. There is an increase in the overall density of buildings, a complexity of yard development, an increase in the number of floors of buildings and their typological appointment.

Keywords: urban planning, Novikolayevsky settlement, Novo-Nikolaevsk, land estate building, building density, perimeter building of the land plot, Siberian folk architecture

Исследование качественных изменений в архитектуре и градостроительстве в различных аспектах является важной составляющей научной работы в этой области. Характер застройки земельного надела характеризует историческую эпоху в области градостроительства не в меньшей степени, чем изучение стилистических особенностей отдельного здания.

Характер застройки отдельного земельного надела, интерьер двора формирует не только пространственную составляющую этого градостроительного микромира, но и устройство быта его обитателей. Детальное исследование характера застройки отдельного земельного надела (усадебного участка) выводит исследователя на более высокие уровни — изучение влияния отдельной ячейки городского организма на характер формирования застройки улич-

ного пространства и исследование застройки города в целом.

Феноменальный рост города Ново-Николаевска — будущего Новосибирска — сопровождался качественными изменениями в формировании застройки, от трансформации застройки индивидуальной городской усадьбы до эволюции принципов застройки квартала, жилого района.

Первый этап формирования будущей городской территории начался со строительства железнодорожного моста через Обь и железнодорожной станции «Обь» переселенцами, прибывшими на мало обжитое место лесного массива, принадлежавшего Кабинету Его Императорского Величества. Стихийно сформировалось два очага расселения строительных рабочих и инженерных кадров — один в устье р. Каменки, при ее впадении в р. Обь, и второй у

строящейся железнодорожной станции Сибирской железной дороги с ее развитой структурой — крупными инженерными сооружениями, пассажирским зданием, депо, переселенческим пунктом, церковью, школой, больницей [Журин, 2014, с. 22–29].

Оба очага расселения, в отличие от инженерной составляющей организации самих строительных работ, были сформированы стихийно и в первые годы существования будущего Ново-Николаевского поселка не имели разработанной планировочной структуры — землянки, примитивные избы, бараки строителей формировали бессистемно застроенную территорию, о чем свидетельствуют первые фотографии и живописные свидетельства данного периода. Например, выполненные с натуры акварели П.Я. Пясецкого и профессиональные фотографии тех лет, запечатлевшие строительство Великой Сибирской железнодорожной магистрали (ил. 1). На акварели Пясецкого изображены свежие разнообразные деревянные постройки, живописно размещенные их владельцами в сохранившемся лесном массиве. Стихийно появляются заборы, которыми самостоятельно ограждаются поселенцы и ведомства, ведущие строительную и коммерческую деятельность в формирующемся поселении. Этот этап заселения будущего городского образования зачастую характеризовался свободным захватом земли.

Вокруг Николаевского поселка сохранилось много деревень, возникших в более ранний период и имевших твердые крестьянские традиции, в том числе, в размещении построек на своем дворе. Часть этого крестьянского населения устремилась в перспективный поселок и заводила там свое традиционное хозяйство — держало домашний скот, птицу, сохраняло огороды. Вследствие этого принципы застройки усадьбы сохранялись прежними — крестьянскими. Исследователь народного зодчества Сибири Е.А. Ащепков описывает тип застройки в деревнях и селах Томской губернии как периметральную застройку участка: на улицу выносятся фасад избы, затем с некоторым отрывом глухой фасад амбара с въездными воротами посередине. В глубине застраиваемого с высокой плотностью интерьера усадебного земельного надела появляются в его торце помещения и крытые пространства для содержания домашнего скота, хранения фуража, топлива, как правило, предусмотрен выход на огород [Ащепков, 1950, с. 25–26]. Вариантов застройки крестьянских дворов в Западной Сибири встречается много, но их неизменным принципом в местных климатических условиях являлось стремление к уплотнению застройки усадебного участка по периметру, устройство крытых переходов между постройками и даже полностью перекрытого дворового пространства.

В дальнейшем по мере развития меняющихся условий проживания в городских условиях некоторые элементы застройки усадьбы, почерпнутые из народного зодчества, исчезали, но общие периметральные принципы застройки земельного участка долго сохранялись в Николаевском поселке, а в дальнейшем и в городе Ново-Николаевске. При рассмотрении примеров застройки усадебного участка выявлено, что плотность застройки варьировалась от 30% до 50% (ил. 2).

Стихийный рост Ново-Николаевского поселка приобрел новое качество в связи с градострои-

тельными мероприятиями конца XIX — начала XX в., предпринятыми Кабинетом Его Императорского Величества, владельцем земли. Эти мероприятия были вынужденной ответной мерой на стихийно начавшийся бурный процесс освоения территории самостоятельными поселенцами. Будущий первый староста поселения И.Г. Титлянов писал, что «..... строились бесконтрольно, кто где вздумал... Такое заселение поселка продолжалось более года, и лишь только в 1893 г. приехал окружной старший лесничий из города Барнаула и первоначально было решено им выдворить всех из бора... но выдворить было уже невозможно, т.к. настроено было более 500 домов» [Баландин, 1978, с. 15–16]. В 1897 г. присланный из Барнаула землемер Кузнецов составил регулярный план поселка, начавший его путь к цивилизованному городскому поселению. Три части поселка (Центральная, Железнодорожная и Закаменская) получили прямоугольную (шахматную) планировочную структуру. Кварталы прямоугольной формы были разделены на земельные участки для сдачи в аренду застройщикам. Площадь участка, предлагаемая застройщикам, была в основном 15 сажень (32 м) по фронту и 17 сажень (36 м) в глубину квартала [Новокшенов, 2013, с. 31–36].

С 1904 г. наступает **второй этап** освоения городской территории, качественно отличающийся от первого. Переход 7 января 1904 г. поселка в статус безуездного города привел к качественно новому, упорядоченному этапу освоения владельцами своего земельного надела. Этот процесс приобрел еще более упорядоченный характер после грандиозного пожара 1909 г., вызванного, в том числе, стихийным уплотнением деревянной застройки земельных участков без учета противопожарных мер.

Согласно «Обязательному постановлению Городской Думы» и с появлением в городской администрации в должности городского архитектора Ф. Раммана застройщики должны были представить проект возводимых сооружений, а также план их размещения на земельном участке. Правила «Строительного устава» (параграф 199) требовали соблюдения 4-саженного разрыва (8,5 м) от деревянной жилой постройки до левой межи земельного надела [Строительный устав...]. Данное ограничение касалось исключительно жилых строений, фасады которых выходили на улицу. Противопожарные разрывы не требовались, если возводились вспомогательные деревянные строения без печного отопления. Тем не менее, выполнить требования закона фактически было затруднительно, учитывая размер земельного надела и все растущее количество построек различного назначения на усадебном участке. «Строительный устав» намечал выход из этого положения — владелец должен был с левой стороны участка возвести несгораемую противопожарную стену — брандмауэр — из кирпича или естественного камня [Строительный устав...]. В связи с этим возникал непрерывный фронт застройки вдоль центральных улиц с требуемыми брандмауэрами для дерева или их отсутствием — при каменных строениях. Предписывая выполнять эти необходимые требования, городской архитектор при рассмотрении проекта застройки земельного участка не вмешивался в вопросы ограничения плотности его застройки.

Достаточно высокая для многих застройщиков

арендная плата, взимаемая в привлекательных центральных кварталах Ново-Николаевска, заставляла их владельцев повышать плотность усадебной застройки. При этом сохранялись традиционные для сибирского города начала XX в. внутриусадебные постройки — конюшни, бани, складские и торговые помещения, амбары для хранения фуража и сельскохозяйственных продуктов, необходимых для ведения хозяйственной деятельности и внутреннего потребления. Вдоль уличной границы усадебного участка начал выстраиваться непрерывный фронт жилой застройки, повышалась ее этажность. Постепенно исчезали такие атрибуты крестьянской усадьбы как ворота, заборы, стены амбаров, ранее часто выходившие на улицу. В отдельных случаях уличная сторона земельного надела полностью застраивалась единым жилым комплексом в два этажа, а ворота заменялись внутридомовым проездом. Трансформировалась и периметральная застройка самого земельного участка в зависимости от направленности деловой и хозяйственной деятельности его владельца. Иногда по периметру разворачивалось строительство жилых помещений, предназначенных для сдачи в наем или проживания членов разросшейся семьи, иногда это было целое кустарное производство по переработке сельскохозяйственной продукции, изготовление упряжи, гужевых транспортных средств, верхней одежды, обуви. Процент застройки участка доходил в отдельных случаях до 60–75% процентов его территории [Журин, 2014, с. 110–118].

Таким образом, за сравнительно небольшой временной период в характере застройки земельных участков динамично развивающегося в конце XIX — начале XX в. молодого городского поселения произошли коренные изменения. При использовании в первоначальный период традиции усадебной застройки народного зодчества Западной Сибири, частично сохраняя их и в дальнейшем, довольно быстро были освоены качественно новые приемы застройки земельного надела, характерные для русского города второй половины XIX — начала XX в. [Саваренская и др., 1989, с. 294–300]. Принятые в Ново-Николаевске противопожарные меры при застройке частной усадьбы — брандмауэры, зоны исключительно каменного строительства — также способствовали повышению плотности застройки. В центральных районах города плотность застройки усадьбы резко возросла, свободное дворовое пространство сокращалось, этажность построек достигала 2–3-х этажей. Использование земельного надела в коммерческих и производственных целях способствовали более индивидуальному характеру наполнения его внутриусадебного устройства. В отдельных случаях преобладало доходное домостроение, в других в усадьбе среди дворовых построек присутствовали складские помещения, предназначенные для хранения и переработки сельскохозяйственной продукции, появлялись частные торговые предприятия. Довольно часто эти, уже чисто городские функции наполнения усадьбы объединялись, порождая типологически новые типы комбинированных усадебных построек [Журин, 2014, с. 119].

В деле сохранения архитектурного наследия Ново-Николаевска — Новосибирска представляется возможным комплексное восстановление ряда

характерных типов застройки усадебного участка сибирского горожанина, учитывая сохранившуюся строительную документацию тех лет, фотографические изображения и отдельные постройки, дошедшие до наших дней.

Список литературы

1. Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. — М.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1950. — 137 с.
2. Баландин С.Н. Новосибирск: история градостроительства. 1893–1945 гг. — Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1978. — 177 с.
3. «Великий путь». Виды Сибири и Великой Сибирской железной дороги. — Красноярск, изд. М.Б. Аксельрод и К°, 1899. — 124 с.
4. Виды города Ново-Николаевска. 1895–1913. — СПб.: Т-во художественной печати, 1914. — 30 с.
5. Журин Н.П. Архитектура сибирского города конца XIX — начала XX века. Учебное пособие — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. — 146 с.
6. Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Петров Ф.А. История градостроительного искусства. — М.: Стройиздат, 1989. — 391 с.
7. Строительный устав Российской империи. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://fire-consult.ru/catalog/20/20-5/stroitelnyj-ustav-rossijskoj-imperii.html>

References

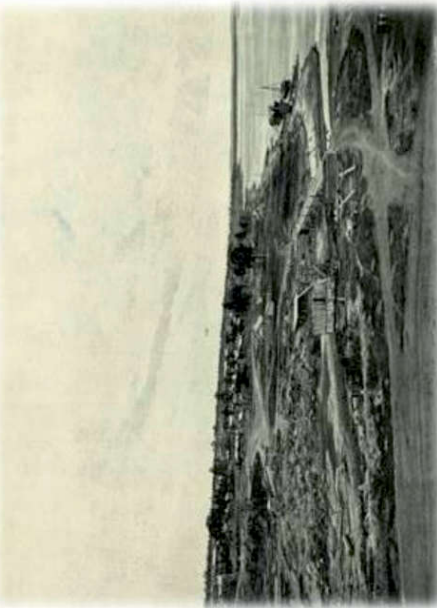
1. Ashchepkov E.A. Russkoe narodnoe zodchestvo v Zapadnoy Sibiri. Moscow: Izdatelstvo Akademii arkhitekturi, 1950. 137 p.
2. Balandin S.N. Novosibirsk: istoria gradostroitelstva. 1893–1945. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1978. 177 p.
3. Savarenskaya T.F., Shvidkovsky D.O., Petrov F.A. Istoria gradostroitel'nogo iskusstva. Moscow: Stroizdat, 1989. 391 p.
4. Stroitel'niy ustav Rossiyskoy imperii. [Electronic resurs]. URL: <http://fire-consult.ru/catalog/20/20-5/stroitelnyj-ustav-rossijskoj-imperii.htm>
5. «Velikiy put'. Vidi Sibiri b Velikoy Sibirskoy zheleznoy dorogi. Krasnoyarsk, izd. M.B. Axel'rod i Ko., 1899. 124 p.
6. Vidy goroda Novo-Nikolaevska. 1895–1913. SPb.: T-vo khudozhestvennoy pechati, 1914. 30 p.
7. Zhurin N.P. Arkhitektura sibirskogo goroda kontsa XIX — nachala XX veka. Uchebnoe posobie. Novosibirsk: Novosib. gos. archit.-khud. akad., 2014. 146 p.

Список источников

- ГАНУ. Ф. 97, Оп. 1. Д. 72
МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ, инв. №869.

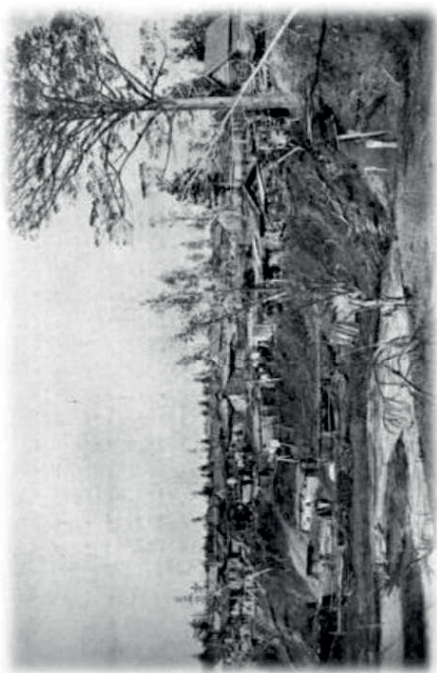
а)

б)

в)

г)

Илл. 1: а) П.Я. Пясецкий. Вид Ново-Николаевского поселка. Акварель, 1890-е гг. [МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ, инв. №869, набор открыток «Панорама «Великий Сибирский путь»]; б) стихийное начало заселения территории в устье р. Каменки, конец XIX в.; в) вид на Центральную часть города, 1913 г.; г) стихийное заселение территории оврага вдоль р. Каменки, конец XIX в. [«Великий путь», 1899]

а)

б)

Ил. 3: а) каменная застройка фрагмента Николаевского проспекта; б) жилой особняк А.И. Когана [Виды города, 1914]

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10093
УДК: [712.253+502.2.05]

Г.П. Ерохин¹, Л.Н. Чиндяева, К.О. Тимофеев, Е.В. Харламова, Л.И. Черновская
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹grad@ngaha.ru

История создания и современное состояние памятника природы областного значения «Дендрологический парк» в городе Новосибирске

Исследование выполнено в рамках четырехстороннего соглашения №47 от 25 июля 2018 г.

Аннотация

В статье описываются результаты научно-исследовательской работы по оценке современного состояния памятника природы областного значения «Дендрологический парк» в Новосибирске. В ходе исследования была установлена история создания и развития парка, последовательность изменения его границ, выявлены основные группы пользователей, современный уровень благоустройства и состав дендрологической коллекции. Также выявлено, что количество видов коллекционных растений сократилось более чем в три раза, пешеходно-тропиночная сеть не соответствует реализации основной функции парка, на территории зафиксированы виды деятельности, противоречащие режиму охраны. Однако при этом выявлен значительный рекреационный и экспозиционно-образовательный потенциал территории.

Ключевые слова: дендрологический парк, история ландшафтной архитектуры, градостроительство, Новосибирск

Gr.P. Erohin¹, L.N. Chindyaeva, K.O. Timofeenko, K.V. Kharlamova, L.I. Chernovskaya
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
¹grad@ngaha.ru

Origin, evolution and current state of the natural monument of regional significance Dendrological Park in Novosibirsk

Abstract

The article deals with the results of the research rating work of the current state of a natural monument of regional significance Dendrological Park in Novosibirsk. The research includes the origin and development of the park, the series of its territorial changes, the main groups of users, the present state of its facilities and structure of a dendrological collection. It is also revealed that the quantity of species of collection plants was reduced more than three times, the pedestrian network does not correspond with the main function of the park, some types of activity in the territory contradict the security arrangement. At the same time the research reveals significant recreational, demonstrational and educational potential of the park territory.

Keywords: dendrological park, history of landscape architecture, urban planning, Novosibirsk

Исследование памятника природы областного значения «Дендрологический парк» носит прикладной характер и выполнено в рамках подготовки для последующей разработки архитектурно-планировочной концепции его развития и обоснования принимаемых проектных решений. Основной целью выполнения научно-исследовательской работы является установление вероятных перспектив развития и комплексная оценка современного состояния дендропарка. Для достижения поставленной цели в исследовании решались следующие задачи:

- установить историю создания и развития дендрологического парка в Новосибирске;
- выявить локализацию и состояние дендрологической коллекции;
- установить положение Дендрологического парка в структуре города, доступность для населения и позиционирование в системе общественных про-

странств;

- оценить современное состояние и уровень благоустройства;

- установить характер современного использования территории Дендрологического парка, целевые группы посетителей;

- выявить действующие и перспективные планировочные ограничения, а также потенциал и перспективы развития Дендрологического парка.

Новосибирский «Дендрологический парк» был заложен в 1946 г. как основная часть Центрального Сибирского ботанического сада, который был организован по инициативе академика В.П. Комарова в составе медико-биологического института Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР. Центральный Сибирский ботанический сад (далее ЦСБС) — это крупнейшее ботаническое научно-исследовательское учреждение на территории азиатской части страны.

В 1957 г. Ботанический сад на правах самостоятельного научно-исследовательского подразделения вошел в состав СО АН СССР и получил статус Центрального Сибирского Ботанического сада АН СССР как научно-исследовательский институт первой категории. Тогда же на территории нынешнего дендропарка началось строительство здания, где были размещены лаборатории микробиологии и биохимии растений. За два десятилетия с момента основания на территории Ботанического сада на площади 23 га под руководством А.В. Скворцовой был создан дендрарий — ценная коллекция древесных растений, состоящая из 300 видов разного географического происхождения, относящихся к 35 ботаническим семействам и 87 родам. Также были созданы георгинарий, розарий, экспозиции ценных травянистых растений (ил. 1).

Дендрарий создавался на участке с естественными сосново-березовыми насаждениями, которые сохранялись специалистами Ботанического сада, а посадки новых видов проводили на открытых пространствах, полянах, прогалинах, редианах.

Территория дендрария была организована по проекту ландшафтного специалиста ЦСБС Т.Н. Кормачевой и имела развитую и благоустроенную дорожно-тропиночную сеть и регулярную планировку (ил. 2). В основу размещения коллекционных растений был положен систематический принцип: древесные растения располагались по родам и семействам, виды одного рода размещались поблизости друг от друга. Ландшафтный стиль, используемый при формировании объемно-пространственной композиции дендрария, позволил в полной мере выявить декоративные качества растений и создать пейзажи, гармонично вписанные в живописный облик природного ландшафта.

В 1964 г. Центральный сибирский ботанический сад был переведен в район строящегося Академгородка (Советский район г. Новосибирска). Существующий дендрарий и весь дендрологический парк в 1974 г. перешел в ведение Новосибирского лесхоза и получил статус Ботанического лесничества. Территория оставалась около 30 лет под наблюдением специалистов ЦСБС, практические работы по поддержанию и дальнейшему формированию уникальной в Сибири коллекции древесных растений осуществляли специалисты Новосибирского лесхоза.

За время существования дендропарка его границы и площадь менялись неоднократно. До 1964 г. Новосибирский Ботанический сад занимал территорию в 232 га, которая включала лесопарковую зону, питомники и дендрарий. В 1976 г. более 50 га было отведено под строительство нового зоопарка.

В 1977 г. Новосибирским облисполкомом принимается решение о признании территории Ботанического лесничества площадью 104 га лесным памятником природы, «имеющим большую лесоводственную и природоохранную ценность», но, несмотря на особый статус, в 1992 г. очередная часть территории дендропарка была выделена под строительство малоэтажного жилья. Жилищное строительство на территории дендропарка удалось остановить во многом благодаря активному вмешательству общественности и специалистов, занимающихся проблемами экологии городской среды.

В 1997 г. постановлением главы администрации

Новосибирской области дендропарку придали статус особо охраняемой природной территории, общая площадь дендропарка составила 177,30 га, но уже в 2005 г. решением губернатора постановление отменено и снят режим охраны, а после принятия Лесного кодекса территория Дендропарка исключена из состава государственного лесного фонда. В 2009 г. часть территории дендрария (около 8 га) была передана Новосибирскому зоологическому парку и изолирована от Дендропарка капитальным металлическим ограждением. В 2011 г. был установлен новый забор между зоопарком и дендропарком и была занята очередная часть территории под строительство дельфинария.

В 2013 г. Постановления Правительства Новосибирской области утверждаются новые границы особо охраняемой природной территории (далее ООПТ) «Дендрологический парк», а через год, в 2014 г., — новое положение о режиме использования. В 2017 г. вновь происходит изменение границ и согласно постановлению Правительства Новосибирской области современная площадь Дендрологического парка составляет 166,58 га [Особо охраняемые...].

Таким образом, можно констатировать, что границы дендропарка меняются на протяжении всей истории его существования, а его территория сокращается (ил. 3). Это происходит по нескольким причинам, основные из которых перенос ботанического сада в район Академгородка; развитие города в северо-восточном направлении и рост градостроительной активности на его границе; создание Новосибирского зоопарка и его последующее расширение за счет территории дендропарка.

В период с 2005 по 2013 гг. отсутствие режима, регламентирующего использование и охраны, отсутствие квалифицированного наблюдения и ухода за территорией дендропарка приводит к негативным для него последствиям. В частности, сокращается количество коллекционных растений [Чиндяева, Киселева, 2010], территория лишается соответствующего ухода и деградирует.

В рамках настоящего исследования специалистами лаборатории дендрологии ЦСБС в августе — сентябре 2018 г. проведена оценка состояния коллекционных насаждений на территории ООПТ Дендропарк. Оценка показала, что сохранилась значительная часть видов коллекции дендрария, заложенной в 1950-х гг., включая некоторые редкие экзотические древесные растения. Всего выявлено 104 вида древесных растений разных жизненных форм, принадлежащих к 25 ботаническим семействам и 51 роду, в составе коллекции преобладают кустарники (40 видов), встречается 36 видов деревьев, 20 видов с жизненной формой дерева или высокого кустарника, два вида полукустарников, 5 видов лиан.

При этом нужно отметить, что по сравнению с периодом 1970-х гг. число коллекционных видов на данной территории сократилось более чем в три раза, на 36 родов уменьшилось число ботанических родов (ил. 4).

Растения в дендрологическую коллекцию поступали из разных ботанико-географических зон и регионов страны, а также из-за рубежа. Это в значительной степени обеспечило положительный интродукционный опыт по акклиматизации древесных растений в условиях Сибири [Чиндяева, Киселева, 2010].

Коллекционные виды древесных растений на территории Дендропарка представлены в разнообразных типах парковых насаждений — в виде пейзажных групп, куртин, солитеров, а также в регулярных посадках — в аллеях, рядах, живых изгородях. На значительной части дендрария наблюдается обильный самосев и подрост местных видов древесных растений, который является конкурентом культивируемым древесным интродуцентам. В результате этого основная масса коллекционных растений в настоящее время оказалась в глубине залесенных массивов и закрыта для визуального восприятия посетителями, растения целого ряда видов имеют признаки ослабленного состояния, значительная часть деревьев и кустарников нуждаются в восстановлении, замене на молодые растения, в омоложении и санитарной обрезке кроны.

В ходе исследования также установлено, что сегодня дендропарк активно используется жителями города. В частности, здесь реализуются следующие функции — рекреационно-прогулочная, научно-исследовательская, спортивно-оздоровительная, культурно-просветительская, хозяйственно-озеленительная. Также выявлены виды деятельности, противоречащие режиму ее охраны (следы стоянок туристов и бивуаки, костровища, свалки мусора).

Возрастающая востребованность горожанами парка как места отдыха в природном окружении обусловлена тем, что в ходе территориального развития города положение дендропарка из периферийного изменилось на активно включенное в городскую ткань. Сегодня Дендрологический парк располагается в пешеходной доступности от интенсивно развивающегося массива жилой и общественной застройки, сравнительно хорошо обеспечен разными видами городского общественного транспорта, в пределах получасовой транспортной доступности проживает около 300 тыс. горожан. При этом существующая тропиноподобная сеть и уровень благоустройства территории дендропарка не соответствует росту антропогенной нагрузки и целям реализации культурно-просветительской функции, в частности, организации экскурсий и образовательных маршрутов.

Для изучения характера современного использования дендропарка было проведено натурное обследование. Установлено, что в пределах территории дендропарка наблюдается крайне неравномерный уровень благоустройства и оснащения уличным оборудованием и парковой мебелью, сравнительно высокий уровень благоустройства выявлен вдоль главной и «лиственничной» аллей. Дорожно-тропиноподобная сеть дендропарка представляет собой Т-образный пешеходный каркас, от которого отходит разветвленная система прогулочных тропинок в различных направлениях. Плотность покрытия территории тропиноподобной сетью неравномерная. Затруднена пешеходная связь между правобережной и левобережной частями дендропарка ввиду отсутствия безопасных мостовых переходов через речку 2-ю Ельцовку.

С целью установления степени востребованности территории дендропарка у горожан проведено исследование посещаемости дендропарка в дневные и вечерние часы, в будние и выходные дни. Наибольшая концентрация посетителей наблюдается во входных зонах и на пересечениях благоустроенных

аллей. В ходе анализа целевой аудитории выявлены следующие группы посетителей — велосипедисты, родители с колясками, владельцы собак, бегуны, транзитные пешеходы, люди, занимающиеся скандинавской ходьбой (ил. 5). Значительная часть посетителей осуществляет выгул собак, что противоречит режиму охраны. Также было выполнено измерение шума в опорных точках дендропарка. На территории наблюдается шумовое загрязнение локальное и постоянное в районе входных узлов, а также рассредоточенное по парку периодическое (шумовые всплески). Согласно анализу геотегов на предмет плотности фотофиксации, территория дендропарка не является популярным местом для проведения фотосъемок на лоне природы.

На основе собранных материалов была составлена схема современного использования территории и разработаны рекомендации по развитию Дендропарка.

Таким образом, в ходе исследования установлен и описан процесс развития дендрологического парка, последовательность изменения его границ, изменения видового состава, локализация и современное состояние дендрологической коллекции, а также общий уровень благоустройства.

Территория дендропарка на всем протяжении своего существования имеет тенденцию к изменению границ в сторону уменьшения. Антропогенная нагрузка на территорию возрастает, растет градостроительная активность по ее периметру. Природные комплексы парка деградируют, число коллекционных видов растений сокращается, основная масса коллекционных растений закрыта от посетителей подростом, лесные массивы нуждаются в санитарной чистке. На территории дендропарка отсутствует минимальный перечень объектов обслуживания посетителей парка, что приводит к снижению комфорта пребывания и сужению целевой аудитории посетителей.

При этом территория дендрологического парка в связи с частично сохранившейся дендрологической коллекцией, его положением в структуре города и прилегающих рекреационных пространств обладает значительным природно-рекреационным и экспозиционно-образовательным потенциалом, реализация которого возможна без нанесения ущерба охраняемым природным комплексам и объектам. Наиболее предпочтительным вариантом развития дендрологического парка является его интеграция в систему пространств Заельцовского рекреационного кластера в качестве специализированного природного элемента.

Список литературы

1. Особо охраняемые природные территории России. Дендрологический парк. Нормативная и правовая основа функционирования ООПТ. — URL: <http://oopt.aari.ru/oopt/Дендрологический-парк> (дата обращения 02.02.2019).
2. Чиндяева Л.Н., Киселева Т.И. Таксономический состав и состояние коллекции древесных растений новосибирского дендропарка // Труды Томского государственного университета. Т. 274. — Сер. биологическая: Ботанические сады. Проблемы интродукции. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. — С. 426–428.

References

1. Chindyaeva L.N., Kiseleva T.I. Taksonomicheskii sostav i sostoyanie kollektzii drevesnykh rastenii novosibirskogo dendroparka. In *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. biologicheskaya: Botanicheskie sady. Problemy introduksii. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010, Vol. 274, pp. 426–428. (in Russ.).

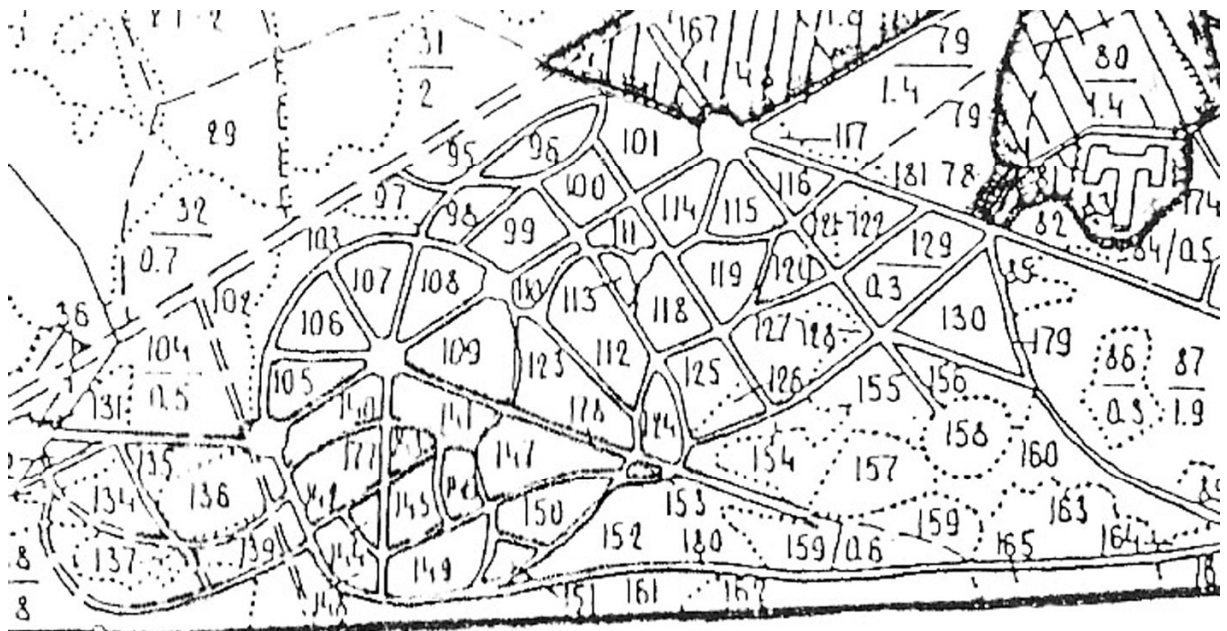
2. Osobo okhranyaemye prirodnye territorii Rossii. Dendrologicheskii park. Normativnaya i pravovaya osnova funktsionirovaniya OOPT. — URL: <http://oopt.aari.ru/oopt/> Dendrologicheskii park (in Russ.).

Список сокращений

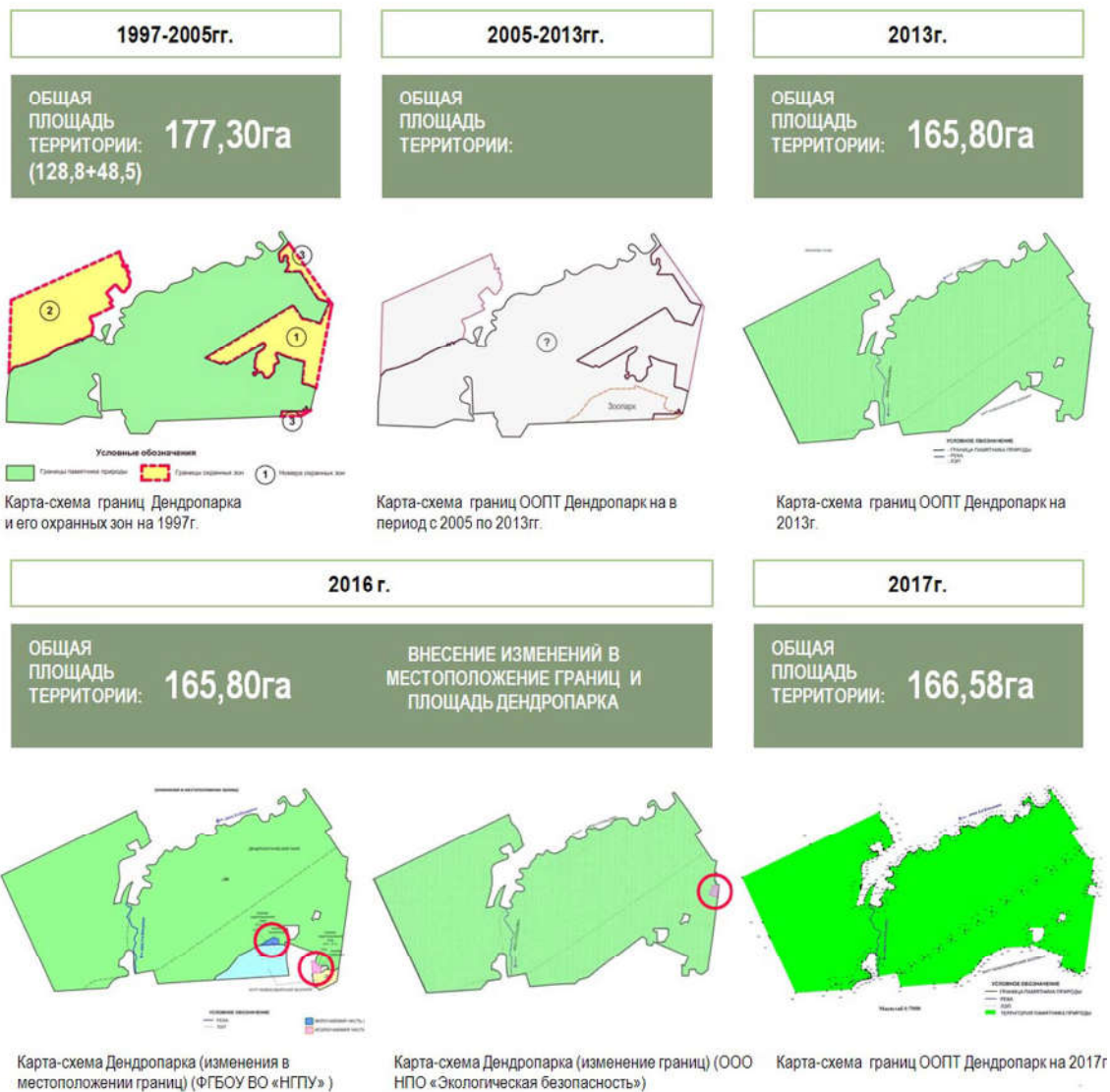
АН — Академия Наук
ООПТ — Особо охраняемая природная территория
СО — Сибирское отделение
ЦСБС — Центральный Сибирский ботанический сад

Ил. 1. Территория Ботанического сада в 1950-х гг. вблизи административного корпуса (ныне здание Западно-сибирского филиала Института леса СО РАН; снимок из экспозиции Ботанического музея Сибири)

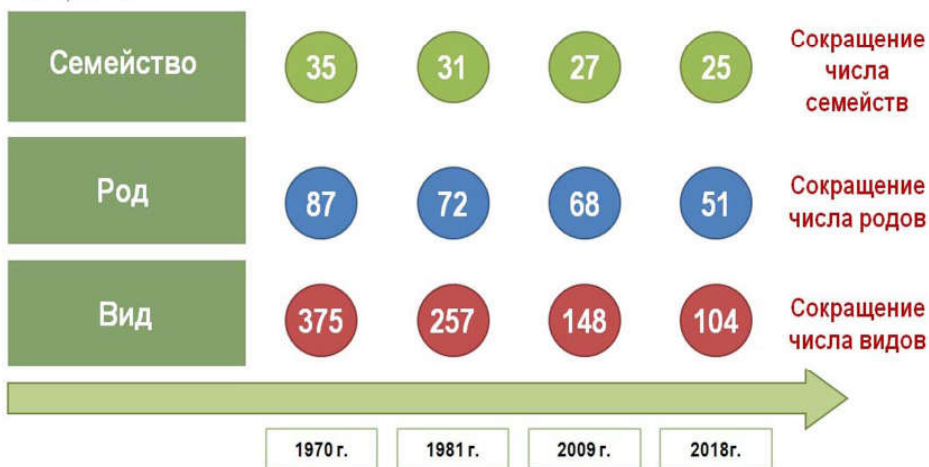

Ил. 2. Планировка дендрария — фрагмент карты-схемы из паспорта памятника природы областного значения «Дендрологический парк», 1997 г.

Ил. 3. Изменение границ ООПТ «Дендрологический парк»

Сравнительная характеристика дендрологической коллекции по состоянию на 1970г., 1981г, 2009г. и 2018г.

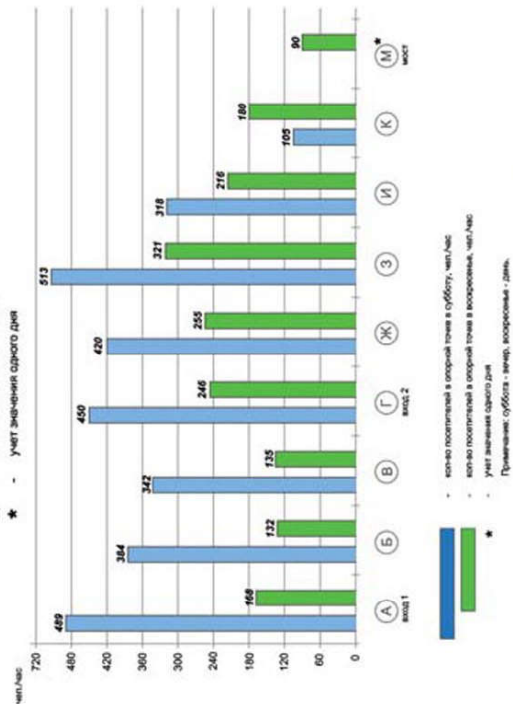
Ил. 4. Сокращение видового разнообразия дендрологической коллекции

СХЕМА АНТРОПОГЕННОЙ НАГРУЗКИ НА ТЕРРИТОРИЮ

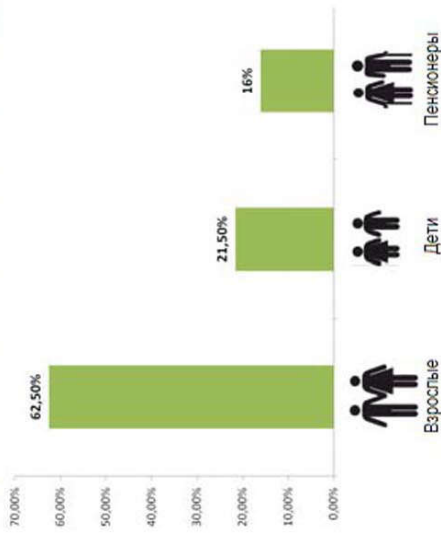
Условные обозначения

- количество посетителей парка в точке наблюдения, чел./час (средненное)
- 450
- 300
- 90
- 30
- ⊙ - точка фиксации посетителей
- * - учет значений одного дня

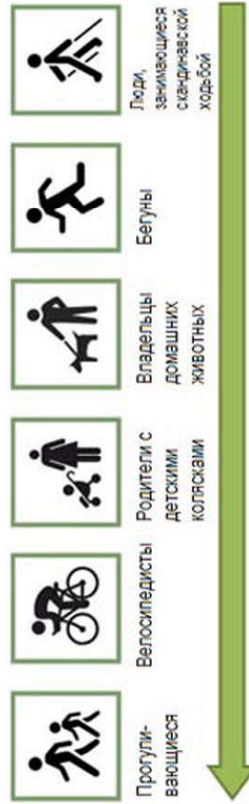

Сравнительная гистограмма количества посетителей дендропарка в точках наблюдения в разное время суток и дни недели

Распределение количества посетителей по возрастным группам

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ДЕНДРОПАРКА

МАЛОЧИСЛЕННЫЕ ГРУППЫ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ДЕНДРОПАРКА

Ил. 5. Основные группы посетителей ООПТ «Дендрологический парк»

А.Ю. Кочериди
Казахский национальный научно-исследовательский
технический университет имени К.И. Сатпаева (Алматы)
arch.all.1555@gmail.com

Научный руководитель: доктор архитектуры Б.У. Куспангалиев

Влияние российского зодчества на историческое развитие ландшафтной организации на территории нынешнего города Алматы

Аннотация

Внимание исследования направлено на изучение исторического опыта формирования градостроительства в границах территорий Казахстана и России. Новизна работы определяется выявлением ряда изменений градостроительной системы Казахстана в XVIII–XIX вв. под влиянием России, среди которых трансформация территориального деления, урбанизация и распространение деятельности российских специалистов в проектировании казахских городов. В результате проведенного исследования получены конкретные выводы, которые показывают постепенное перенимание Казахстаном опыта формирования российского зодчества и его воздействие на историческое развитие ландшафтной организации на территории нынешнего города Алматы. Об этом говорит тот факт, что сохранились фрагменты системы, присущие российским городам, например, регулярная планировочная структура; прослеживается формирование традиции паркостроения, строительства скверов, бульваров. В этих процессах выявлена роль российских специалистов, таких Г.К. Крештопенко, И.А. Поклевский-Козелл, Э.О. Баум и других.

Ключевые слова: ландшафтная организация; градостроительство; историческое формирование городов; исследование ландшафтной организации; анализ исторического формирования городов; ландшафтное строительство Алматы; генеральный план города

A.U. Kocheridi
Satbayev University (Almaty)
arch.all.1555@gmail.com

Scientific adviser is Dr. habil. in architecture B.U. Kuspangaliev

The influence of Russian architecture on the historical development of landscape organization on the territory of city of Almaty

Abstract

The article deals with the study of historical experience of urban development within the area boundaries of Kazakhstan and Russia. The novelty of research is connected with identifying of some changes of the urban system of Kazakhstan in the period of the 18th–19th centuries under the influence of Russia. These changes are transformation of the territorial division, urban growth and extension of the Russian specialists in the design of the Kazakh cities. The result of the research is specific findings, which show a gradual adoption of development experience of Russian architecture by Kazakhstan and the influence of Russian architecture on the historical development of landscape organization on the territory of the city of Almaty. It can be traced in fragments of the system characteristic to the Russian cities — for example — regular planning structure; park, public garden and boulevard constructions. Russian experts such as G.K. Krishtopenko, I.A. Poklevskiy-Kozell, E.O. Baum, and others took part in this work.

Keywords: landscape organization; urban planning; historical urban organization; study of landscape organization; analysis of the historical urban organization; landscape construction of Almaty; city general plan

Градостроительство формирует материально-пространственную среду жилой застройки, которая организует ландшафт крупных систем расселения. Нынешнее градостроительство Республики Казахстан — это результат эволюции взаимоотношений различных поселений, которые находились на территории Казахстана, и их взаимодействия с соседними странами [Яргина и др., 1986, с. 326].

Первые предпосылки трансформации историче-

ски сложившейся градостроительной системы Казахстана возникли под влиянием Российской империи:

— первой предпосылкой территориальных изменений казахских земель стало поданное в 1730 г. прошение Абулхаир хана Российской императрице Анне Иоанновне о принятии российского подданства казахами Младшего жуза;

— второй предпосылкой стало территориальное присоединение Казахского ханства к России, кото-

рое произошло после участия его в подавлении Пугачевского восстания 1773–1775 гг.;

— третья предпосылка — изменение административного деления Казахского ханства, которое впервые было предложено российскими властями в 1787 г. Они инициировали разделение территории казахских земель на западную, центральную и южную области, которые управлялись выборными советами старейшин и пограничными судами. По мере перехода верховных властных функций Казахского ханства, власть ханов стала носить номинальный характер, и в 1818 году титул хана был упразднен в Среднем жузе, после в 1824 г. — в Младшем жузе. В 1820—1840 гг. на территории казахских степей была проведена реформа, разработчиком которой был М.М. Сперанский, генерал-губернатор Западной Сибири в 1819–1821 гг. («Сибирское уложение» от 1822 г.). Целью реформы было утверждение среди казахов территориального административного деления вместо существовавшего ранее родового, и интеграция Казахстана в административную систему Российской империи. В результате этих реформ казахская степь была разделена на 4 округа, которые в свою очередь делились на 87 волостей [Жантурин, 2005].

Основным событием, которое способствовало преобразованию территорий Казахстана, явилась российская урбанизация 1860–1914 гг. Урбанизация — трансформация цивилизации, в условиях которой города становятся центрами, концентрирующими в себе экономический, промышленный, административный, научный, духовный потенциал общества. Переход от сельского к преимущественно городскому обществу сопровождается сосредоточением в городе большого количества населения — не менее 8 тыс. жителей [Сенявский, 2003, с. 80]. С середины XIX в. в Российской империи происходил процесс капиталистической урбанизации, который захватил и степные районы Казахстана. Статус города получили многие поселения: Павлодар (1861 г.), Гурьев (1865 г.), Верный (1867 г.), Усть-Каменогорск (1868 г.) и другие. Кроме того, были основаны и новые города: Зайсан (1871 г.), Актюбинск (1878 г.), Кустанай (1880 г.), Темир (1897 г.) [Саваренская и др., 1989, с. 289].

При исследовании исторических материалов — генеральных планов городов XVIII–XIX вв. городов, расположенных на территории Российской империи, включая и территорию современного Казахстана — была выявлена схожесть в их планировочных решениях. Градостроительство в Российской империи носило регулярную планировочную структуру, которая была принята за основу проектирования с 1762 г., согласно уставу императрицы Екатерины II [Основы формирования..., 1981, с. 192]. Анализ графического материала показал, что аналогичные принципы прослеживаются при строительстве крупных городов на территории современного Казахстана: Верного (Алматы), Павлодара, Усть-Каменогорска и других (ил. 1). В отношении принципов трансформации городского устройства М.М. Мендикулов, заслуженный архитектор Казахской ССР, отмечает появление регулярной планировки городов и общественных объектов ландшафтной архитектуры как привнесение опыта российского градостроительства XVIII–XIX вв. [Козбагарова, 2001].

Формирование ландшафтной организации Казахстана начинается с предложений по проектирова-

нию объектов ландшафтного строительства. По проекту российского военного инженера А.В. Макарова во второй половине XIX в. на территории городских поселений России, в том числе, и в Туркестанском генерал-губернаторстве, организованном в составе Российской империи в 1867 г., часть улиц должна была стать бульварами, на других должна быть произведена высадка зеленых насаждений вдоль тротуаров, а также произведено строительство центров озеленения — питомников, парков. «Зеленое» проектирование повсеместно включалось в городскую среду и распространялось и на казахские земли [Саваренская и др., 1989, с. 291].

Продолжение идеи озеленения городов на территории Казахстана будет рассмотрено нами на примере укрепления Верного, генеральный план которого был впервые утвержден 15 января 1858 г. По данному плану развивалась Алматинская станица (с 1867 г. — столица Семиреченского казачьего войска), предвестник Большой Алма-Аты, ее градостроительное ядро. В 1859 г. геодезист и географ А.Ф. Голубев определил географические координаты Верного, нанеся тем самым на карты мира будущую Алма-Ату [Голубев, 1861].

Согласно информации, в «Своде памятников истории и культуры г. Алматы» [Свод памятников истории..., 1994] и по данным исследования Б.Т. Тукбаевой [2008], мероприятия по ландшафтной организации укрепления Верного проводились на территориях Большой (1855 г.) и Малой Алматинской станиц (1861 г.) и Ташкентской (или Татарской) слободы (1857 г.) (ил. 2). Затем начались мероприятия по озеленению улиц, садов, территорий при сооружении культового назначения в общественных центрах станиц: Софийского бульвара (1856 г.), а также при соборе в Большой станице и церковного сада при Казанском соборе в Малой станице [Энциклопедия «Алма-Ата», 1983, с. 233].

В 1856 г. в г. Верном (ныне Алматы) появились первые бульвары, в 1868 г. был утвержден проект благоустройства бульвара шириной более 70 м, в последствии названного Ташкентской аллеей. По проекту российского архитектора П.М. Зенкова, западнее Большой станицы в 1869 г. был возведен земляной вал, где с помощью высаженных в четыре ряда деревьев образован Пушкинский бульвар [Козбагарова, 2002].

В городе формировались бульвары — линейные озелененные территории, которые вследствие природно-климатических условий (размещения города во впадине вблизи гор Зайлийского Алатау, уклона рельефа с юга на север, наличия рек, континентального климата) имели меридиональную ориентацию, являлись «коридорами» для прохода горно-долинных бризов и создавались вблизи рек Малая и Большая Алматинка. Бульвары способствовали созданию непрерывной системы озелененных территорий. На сегодняшний день данная система не поддерживается и город Алматы характеризуется наличием разрозненной сети объектов ландшафтной архитектуры [Кочериди, Куспангалиев, 2018].

Городские площади декорировались по периметру живой изгородью, что являлось европейской архитектурно-ландшафтной традицией, пришедшей на территорию Казахстана из России. Поквартальная регулярная планировка станиц определяла прямоу-

гольную конфигурацию церковных и общественных садов, где посадка насаждений осуществлялась строго по рядам-линиям или по периметру (ил. 3). Смешанный состав декоративных и плодовых древесно-кустарниковых насаждений являлся характерной чертой городских парков, садов, скверов и бульваров города Верного [Козбагарова, 2002].

В 1856 г. по идее генерал-губернатора Семиреченской области Г.К. Колпаковского в г. Верном (на сегодняшний день г. Алматы) на территории 43,6 га был заложен Казенный сад (ныне Центральный парк отдыха и культуры), который, согласно архивным данным, являлся первым крупным объектом ландшафтной архитектуры. Спланирован парк ученым-садоводом Г.К. Крештопенко [Зодчие..., 1998, с. 60]. Территориально сад располагался за рекой Малая Алматинка, напротив основного массива застройки города (ил. 3). Планировочно данный объект через проезды связывался с территорией садовых участков горожан. Широкие и меридиональные оси дают раскрытие на реку и панораму гор Заилийского Алатау.

Первичной функцией парка являлась прогулочная. Здесь проводили досуг офицеры Верненского гарнизона. Со временем парк стал местом отдыха и других горожан: оборудовали места общественного питания, построили концертную площадку, благоустроили аллеи и тротуары. В архитектурно-планировочном решении сада не присутствует композиционного центра, а описаний принципов объемно-пространственного решения парка нами не выявлено. Сад характерен широкими прогулочными теневыми аллеями с зелеными сводами деревьев. Ученый-этнограф В.Е. Недзвецкий писал о том, что Казенный сад состоит из двух частей — декоративной и плодовой (сад с питомниками) [Недзвецкий, 1913]. К концу XIX в. площадь парка увеличилась (более 63,22 га), что способствовало повышению декоративных качеств сада. Российский инженер И.А. Поклевский-Козелл создал первый пруд в парке и систему арыков, по его проекту были построены также головной арык и арычная сеть Верного. Также под руководством Г.К. Крештопенко в Казенном саду было высажено множество лиственных и хвойных деревьев.

С увеличением территории города Верного расширилась типология объектов ландшафтного строительства. Вместе с Казенным и Пушкинским садами, формировался и лесопарк. Планировочная структура лесной рощи, ныне именуемой Рощей Баума (140 га), была решена традиционно по принципу кварталов с регулярной планировкой. Анализ исторических данных показал, что роща существовала до приезда Э.О. Баума в Семиречинский край и была создана для нужд строительства города. Природно-климатические условия Семиречья позволяли выращивать карагачи и тополя достаточно быстро, и деревья служили лесом для будущего строительства. Исторический документ — «Прошение есаула Б.А. Карпова о безвозмездном приведении в порядок казенной рощи» — подтверждает существование рощи до начала селекционной работы в ней Э.О. Баума. В тексте Б.А. Карпова о прошении отмечается, что «городская роща не только составляет украшение города и его пользу, но и безобразнейшее пятно города Верного». Есаул рассказывает, что человеку, приезжающему сюда из благоустроенного города, нельзя пройти мимо этой рощи «без особенной

боли под ложечкой — так она безобразна, уродлива и дика от абсолютного заброса и непонимания». В продолжение автором прошения излагается просьба о разрешении привести рощу в должный порядок [Проскурин, 2009, с. 70–73].

Другие исторические источники датируют основание рощи по времени приезда Э.О. Баума в Верный в 1874 г. Областной лесничий при генерал-губернаторе Семиреческого края Баум производил селекционную работу, был организатором зеленого строительства, отбирал в России посадочный материал, завез и интродуцировал 44 лиственных, 17 хвойных пород и 52 вида кустарников. Он также доставил саженцы 74 сортов яблонь, 49 сортов груш и других плодовых растений.

К 1907 г. в Верном зафиксировано несколько парков общественного пользования: Пушкинский сквер (ныне парк им. 28 гвардейцев-панфиловцев), Казенный сад (ЦПКиО), Роща Баума. В Верненском училище садоводства в 1908 г. было 20 воспитанников, их обучение оплачивалось из казны города [Проскурин, 2009].

Таким образом, исследованные данные о создании первых крупных объектов ландшафтного строительства г. Верного (Алматы) позволяют выявить историческую иерархию формирования ландшафтной организации (ил. 4).

Исследование исторического опыта градостроительства Казахстана в период XVIII–XIX вв. показало, что на планировочные решения и формирование ландшафтной организации городов существенное влияние оказало российское градостроительство. Выявлен ряд изменений, происходивших на территории Казахского ханства в период XVIII–XIX вв. под влиянием Российской империи, а именно: трансформация территориального деления, урбанизация, распространение деятельности российских специалистов в проектировании казахских городов. Происходило постепенное перенятие опыта российского зодчества, которое оказывало воздействие на историческое развитие ландшафтной организации на территории нынешнего г. Алматы.

Изучение исторических данных о развитии градостроительства Казахстана и России в период XVIII–XIX вв. показал, что на территориях современного Казахстана преимущественно сохранились фрагменты систем российских городов:

- регулярная планировочная структура города;
- паркостроения и повсеместное озеленение города;

- бульвары — своеобразные артерии для проветривания города - которые в связи с влиянием природно-климатических условий имели меридиональную ориентацию и являлись «коридорами» для прохода горно-долинных бризов.

Привнесение опыта российских специалистов на территории Семиреченского края получило отражение в строительстве крупных объектов ландшафтной архитектуры и принципах озеленения городов. Ландшафтная организация г. Верного (Алматы) формировалась под руководством российских кадров, таких как архитекторы П.М. Зенков, ученый-садовод Г.К. Крештопенко, инженер И.А. Поклевский-Козелл, ученый-лесовод Э.О. Баум и другие.

Список литературы

1. Голубев А. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. Заилийский край // Записки Императорского Русского Географического общества. — Кн. 3. — Санкт-Петербург, 1861. — С. 77—130.
2. Жантурин Арыстан // Казахстан. Национальная энциклопедия. — Алматы: Главная редакция Казак энциклопедиясы, 2005. — Т. II. — С. 298—299.
3. Зодчие. Материалы к циклу лекций «Памятники градостроительства г. Алматы. — Алма-Ата: фонд «Веди», 1998. — 60 с.
4. Козбагарова Н.Ж. Развитие культуры ландшафтного дизайна Казахстана на современном этапе // Приоритеты развития культуры и искусства Казахстана на современном этапе: сб. материалов Между. конф. к 10-летию независимости Республики Казахстан. — Алматы: КазНИИКИ, 2001. — С. 299—303.
5. Козбагарова Н.Ж. Природный ландшафт и застройка центральной части г. Алматы // Региональные проблемы экологии и безопасности жизнедеятельности: Материалы Международной научно-практической конференции. — Алматы: КазГАСА, 2002. — С. 457—460.
6. Кочериди А.Ю., Куспангалиев Б.У. Особенности формирования ландшафтной организации на примере крупных городов Казахстана (Алматы) // Творчество и современность. — 2018. — №4 (8). — С. 60—69.
7. Недзвецкий В.Е. Административное устройство, оседлые пункты и кочевые волости Семиреченской области/ сост. член-секр. Стат. ком. В.Е. Недзвецкий. — Верный: Семиреченский статистический комитет, 1913. — 213 с.
8. Основы формирования архитектурно-художественного облика городов. — М.: Стройиздат, 1981. — 192 с.
9. Проскурин В.Н. Алма-Атинские дворики: краеведческие статьи, эссе, рассказы. — Алматы: Искандер, 2009. — 396 с.
10. Саваренская Т.Ф., Швидковский Д.О., Петров Ф.А. История градостроительного искусства. — М.: Стройиздат, 1984. — 373 с.
11. Свод памятников истории и культуры Казахстана: Южно-Казахстанская область — Алматы: Главная редакция «Казак энциклопедиясы», 1994. — 368 с.
12. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. — М.: Наука, 2003. — 288 с.
13. Туякбаева Б.Т. Алматы: древний, средневековый, колониальный, советский этапы урбанизации. — Алма-Ата: World Discovery, 2008. — 245 с.
14. Энциклопедия Алма-Ата. — Алма-Ата: Главная редакция «Казахской советской энциклопедии», 1983. — 608 с.
15. Яргина З.Н., Косицкий Я.В., Владимиров В.В., Гутнов А.Э., Микунин Е.М. Основы теории градостроительства. — М.: Стройиздат, 1986. — 326 с.
2. Entsiklopediya Alma-Ata. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya «Kazakhskoi sovetskoj entsiklopedii», 1983. 608 p. (in Russ.)
3. Kocheridi A.Yu., Kuspangaliev B.U. Osobennosti formirovaniya landshaftnoi organizatsii na primere krupnykh gorodov Kazakhstana (Almaty). *Tvorchestvo i sovremennost'*. 2018. No 4 (8). Pp. 60–69. (in Russ.)
4. Kozbagarova N.Zh. Razvitie kul'tury landshaftnogo dizaina Kazakhstana na sovremennom etape. In *Prioritety razvitiya kul'tury i iskusstva Kazakhstana na sovremennom etape: sb. materialov Mezhd. konf. k 10-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan*. Almaty: KazNIKI, 2001. Pp. 299–303. (in Russ.)
5. Kozbagarova N.Zh. Prirodnyi landshaft i zastroika tsentral'noi chasti g. Almaty. In *Regional'nye problemy ekologii i bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Almaty: KazGASA, 2002. Pp. 457–460. (in Russ.)
6. Nedzvetskii V.E. Administrativnoe ustroistvo, osedlye punkty i kochevye volosti Semir'chenskoi oblasti. Sost. chlen-sekr. Stat. kom. V.E. Nedzvetskii. Vernyi: Semirechenskii statisticheskii komitet, 1913. 213 p. (in Russ.)
7. Osnovy formirovaniya arkhitekturno-khudozhestvennogo oblika gorodov. Moscow: Stroizdat, 1981. 192 p. (in Russ.)
8. Proskurin V.N. Alma-Atinskije dvoriki: kraevedcheskie stat'i, esse, rasskazy. Almaty: Iskander, 2009. 396 p. (in Russ.)
9. Savarenskaya T.F., Shvidkovskii D.O., Petrov F.A. Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva. Moscow: Stroizdat, 1984. 373 p. (in Russ.)
10. Senyavskii A.S. Urbanizatsiya Rossii v XX veke: rol' v istoricheskom protsesse. Moscow: Nauka, 2003. 288 p. (in Russ.)
11. Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Kazakhstana: Yuzhno-Kazakhstanskaya oblast'. Almaty: Glavnaya redaktsiya «Kazakh entsiklopediyasy», 1994. 368 p. (in Russ.)
12. Tuyakbaeva B.T. Almaty: drevnii, srednevekovyi, kolonial'nyi, sovetskii etapy urbanizatsii. Alma-Ata: World Discovery, 2008. 245 p. (in Russ.)
13. Yargina Z.N., Kositskii Ya.V., Vladimirov V.V., Gutnov A.E., Mikulin E.M. Osnovy teorii gradostroitel'stva. Moscow: Stroizdat, 1986. 326 p. (in Russ.)
14. Zhanturin Arystan. In *Kazakhstan. Natsional'naya entsiklopediya*. Almaty: Glavnaya redaktsiya Kazak entsiklopediyasy, 2005. Vol. II. Pp. 298–299. (in Russ.)
15. Zodchie. Materialy k tsiklu lektzii «Pamyatniki gradostroitel'stva g. Almaty. Alma-Ata: fond «Vedi», 1998. 60 p. (in Russ.)

Список источников

Центральный государственный архив города Алматы. Ф. 276. Оп. 1. Д. 18.

Список сокращений

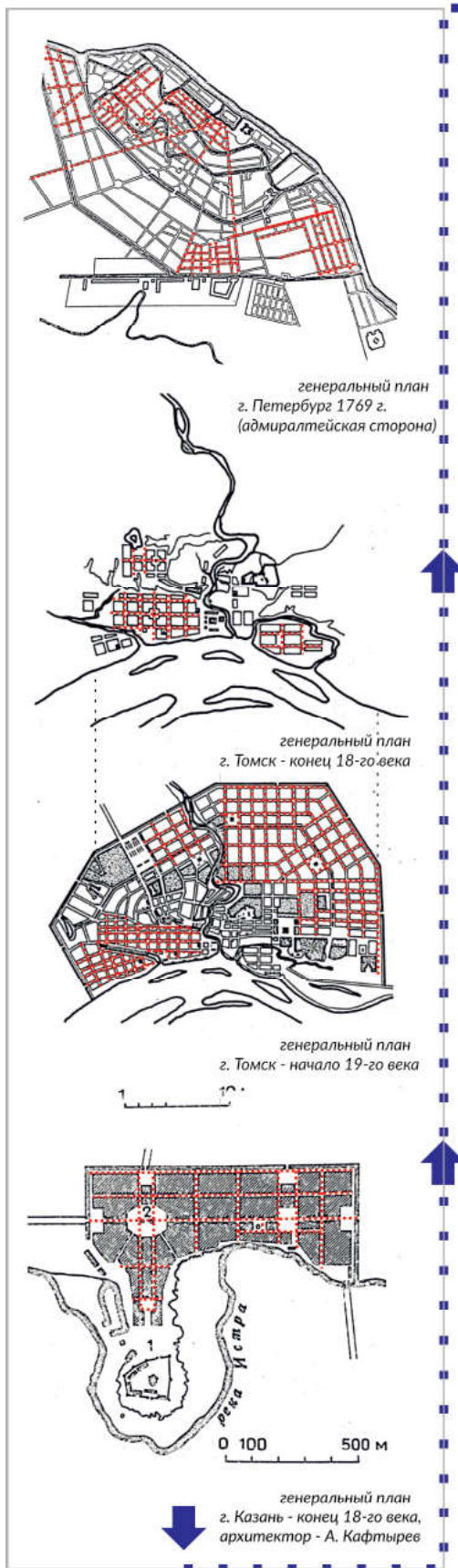
КазГАСА — Казахская головная архитектурно-строительная академия

КазНИИКИ — Казахстанский научно-исследовательский институт культуры и искусствознания

References

1. Golubev A. Otryvok iz puteshestviya v Srednyuyu Aziyu. Zailiiskii krai. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. Vol. 3. Saint-Peterburg, 1861. Pp. 77–130. (in Russ.)

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ
РОССИИ 18 - 19 ВВ.

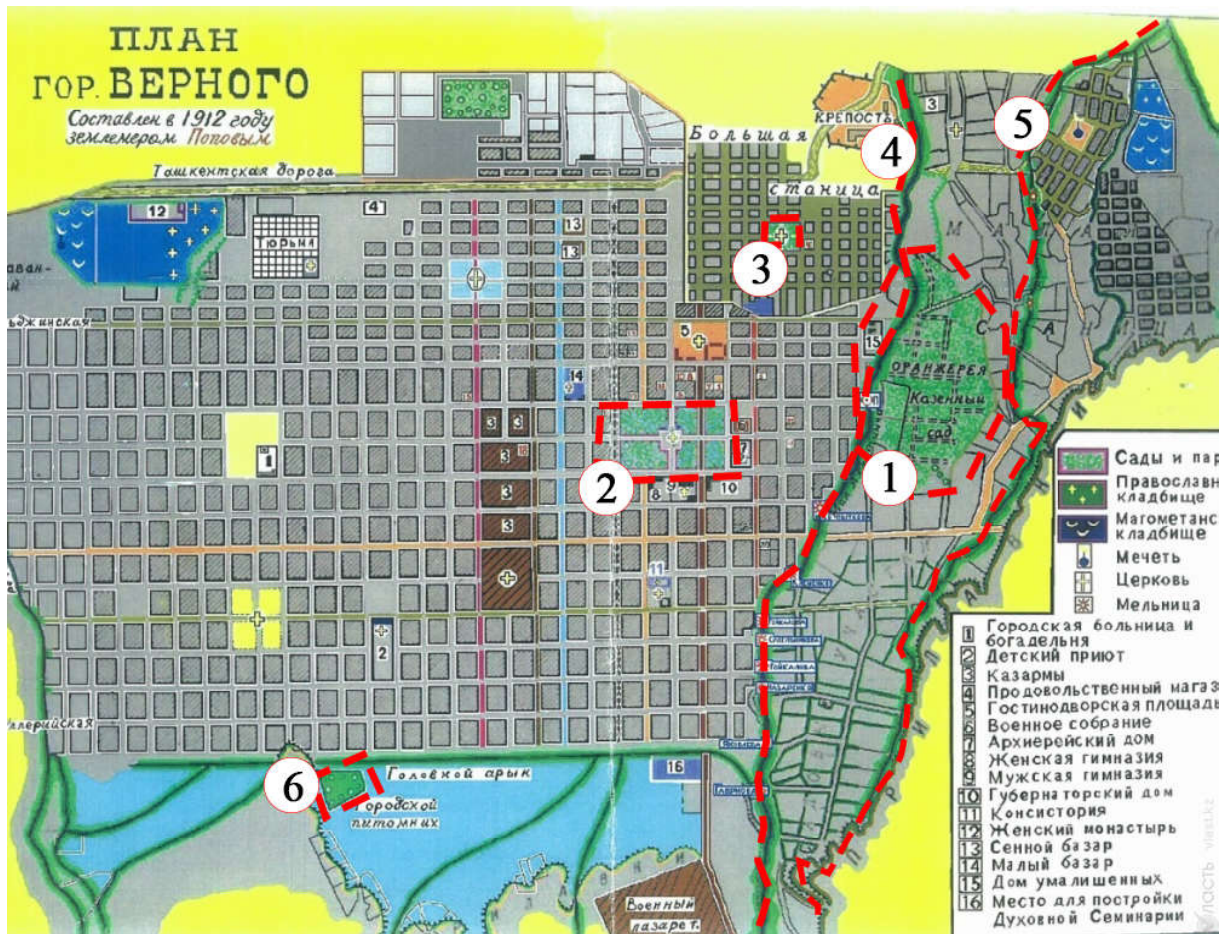
ПЕРВЫЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ
КАЗАХСТАНА 19 ВВ.
(ПОСЛЕ ПОЛИТИКИ УРБАНИЗАЦИИ СССР)

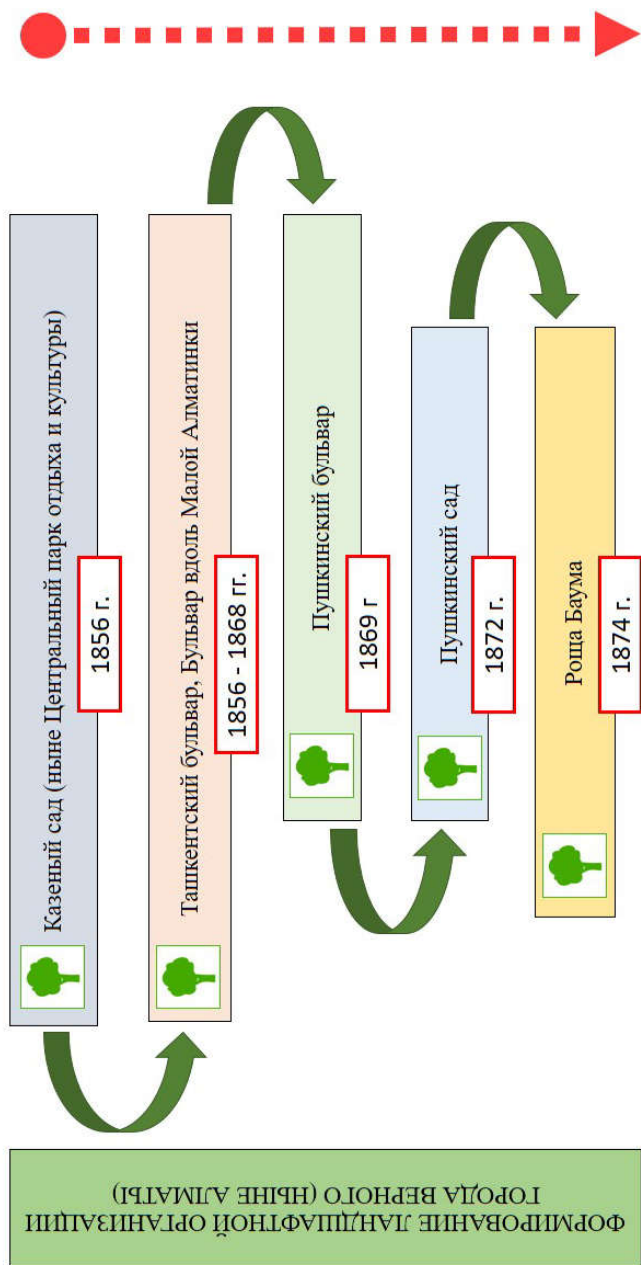
Ил. 1. Схема анализа исторического опыта градостроительства территории России и Казахстана. Составлена автором. Изображения по [Саваренская и др., 1984] (Синяя пунктирная линия показывает последовательность рассмотрения планировочных структур, от городов Российской империи к городам Казахстана)

Ил. 2. Генеральный план укрепления Верное от 15 января 1858 г. [Энциклопедия Алма-Ата, 1983]

Ил. 3. Схема генерального плана Верного: 1 — Казенный сад, 2 — Пушкинский сад, 3 — Софийский бульвар, 4 — бульвар вдоль Малой Алматинки, 5 — бульвар, 6 — питомник [Центральный государственный архив города Алматы. Ф. 276. Оп. 1. Д. 18]

Ил. 4. Схема формирования ландшафтной организации на территории г. Верного (Алматы). Составлена автором

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10095
УДК:711.4(571.14)

О.А. Лечунова
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
olgaalex2009@rambler.ru

Анализ развития планировочной структуры малых городов Новосибирской области в 1950-е — 1970-е годы

Аннотация

В статье проводится анализ изменения планировочной структуры малых городов Новосибирской области в 50-е — 70-е гг. XX в. Анализ планов городов позволил проследить динамику их развития, структурные пространственные трансформации. В ходе исследования были впервые определены планировочные структуры городов с эффективным использованием городских пространств: линейный тип застройки вдоль железной дороги, линейно-расчлененный тип с разделением территории на две части вдоль железной дороги, компактный тип вдоль реки, рассредоточенный тип с разделением территории устьями рек.

Ключевые слова: малый город, планировочная структура города, градостроительное развитие, областной центр, промышленная зона.

O.A. Lechunova
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
olgaalex2009@rambler.ru

Analysis of planning structure development of the small towns of Novosibirsk region in 1950s–1970s

Abstract

The article deals with the changes in the planning structure of small towns in the Novosibirsk region in the 1950s — 1970s. Analysis of city plans allowed to trace the dynamics of their development, structural and spatial transformations. The study revealed for the first time the planning structures of towns with efficient use of urban spaces: linear type of building along the railway, linear split type with separation of the territory into two parts along the railway, compact type along the river, dispersed type with separation of the area by the estuaries.

Key words: small town, planning structure of a city, town-planning development, regional center, industrial zone

Перемещение промышленных предприятий в Сибирь во время Великой Отечественной войны, быстрое развитие производительных сил на основе использования сырьевых ресурсов региона вызвало значительный рост промышленных территорий и появление высокоэффективных предприятий в городах Новосибирской области. В практике городского планирования складывались благоприятные предпосылки для дальнейшего развития городов, при этом на их планировочную структуру в значительной степени влияли железнодорожные и автомобильные дороги в зависимости от функционального назначения территорий. Сформировавшиеся планировочные решения малых городов первой половины XX в. стали основой их дальнейшего градостроительного развития.

1950-е годы стали исходным рубежом градостроительного развития малых городов Новосибирской области и характеризовались упорядочением их планировки и застройки в связи с происшедшими изменениями в военные годы и новыми требованиями послевоенного развития. Города расширяли свои границы, появлялись новые промышленные зоны, которые формировались не всегда в соответ-

ствии с ранее намеченными планами, что создавало дополнительные сложности при решении проблем перспективного формирования городских планировочных структур. При отсутствии схем районных планировок, города развивались исходя из самых общих экономических прогнозов, не всегда полностью обоснованных, и условий их формирования с преимущественным, но ограниченным ростом промышленности. В результате планировочные схемы городов расходились с тенденциями их развития.

Для дальнейшего развития сибирских городов в 1960-е гг. была создана сеть территориальных проектных институтов промышленного профиля для решения задач по разработке проектно-планировочных схем. Промышленное развитие городов сопровождалось созданием определенных структурных связей между промышленной и селитебной территориями, получающих свое постепенное воплощение в планировочной структуре города. Являясь одними из главных составляющих архитектурно-планировочных структур города, промышленные территории оказывали влияние на принципы организации городского пространства. При формировании пла-

нировочной структуры города учитывалось его перспективное развитие, связанное с ростом основных функциональных зон — промышленной и селитебной. Промышленные и селитебные территории были взаимосвязаны. Эта взаимосвязь с развитием предприятий, с ростом территории города существенно менялась в связи с ростом строительства жилья, инфраструктуры и транспортных коммуникаций. В эти годы была поставлена задача обеспечения жильем и улучшением социальных условий проживания населения. [Попов, 2013].

Местоположение городов Новосибирской области с исторически сложившейся планировочной структурой и с различным уровнем развития — Бердска, Искитима, Черепанова и Тогучина — не равнозначно, что определило их значение и выполняемую роль в промышленной застройке. Большое влияние на интенсивность и степень развития города оказывала его удаленность от областного центра, наличие природной ресурсной и встроенности в существующую сеть транспортных магистралей. Железнодорожные магистрали Томского (ветка Новосибирск — Кузбасс) и Алтайского направлений повлияли на формирование планировочной структуры этих городов, которые обеспечивали торговые связи, как главного фактора функционирования пространства.

Рост численности населения и перемещение предприятий промышленности в годы Великой Отечественной войны послужили бурному росту городов: Бердск и Искитим, которые ближе расположены к областному центру и имели более тесные экономические и транспортные связи с ним. В связи с этим их городские территории более активно трансформировались, приобретая направления развития в зависимости от тенденций изменения планировочной структуры. Благодаря удобному экономико-географическому положению и интенсивности развития в названных городах быстро росло промышленное строительство.

К 1950-м гг. планировочная структура города Бердска сложилась компактная, со свободной схемой построения уличных сетей. Однако со строительством Новосибирской ГЭС в 1950 г. основная часть исторической территории Бердска оказалась в зоне затопления водохранилища. Город был выстроен заново, рядом с железнодорожной станцией. Перенос продолжался четыре года, и с 1957 г. Бердск стал интенсивно развиваться на новом месте, поэтому появилось новое планировочное решение, не связанное с предыдущей застройкой. На новую территорию перенесли 10 промышленных, строительных и транспортных предприятий. Схема построения уличной сети изменилась и стала более регулярной. В результате концентрации эвакуированных из европейской части страны в военные годы предприятий произошли значительные преобразования и развитие планировочной структуры городской территории. Промышленное строительство интенсивно продолжилось. В 1956 г. артель «Большевик», специализировавшаяся в годы войны на изготовлении граблей, лопат и металлической посуды, была переименована в Бердский металлзавод «Большевик», занимавшийся обработкой металлов. С 1946 г. действовал Бердский радиозавод, выпускающий радиоприемники и радиолы. В марте 1959 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о

строительстве в разных концах Советского Союза сети заводов по производству приборов управления ракетными комплексами и гироскопических приборов для обороны и некоторых отраслей народного хозяйства. В соответствии с этим постановлением строится «Бердский электромеханический завод», и на территории завода открывают электромеханический техникум. В 1960-е гг. в городе создаются строительные организации, быстрыми темпами строится жилье. В 1959 г. было открыто строительное училище №1, которое в марте 1964 г. переименовали в городское профессионально-техническое училище №16, где обучалось строительным специальностям 60 человек. В 1961 г. на базе пищекомбината был создан Бердский винодельческий завод, разместившийся тогда в нескольких деревянных помещениях, перенесенных из старого города. В 1970-х гг. строится хлебозавод, новое здание швейной фабрики, создаются строительные организации [Бердск..., 2019].

В планировочной структуре города сформировались три промышленные зоны — северная, восточная и юго-западная. Самая большая по занимаемой территории — восточная — делилась на две части федеральной трассой, в состав этой промзоны входили завод биопрепаратов, строительные предприятия, транспортные и коммунально-складские объекты. Ряд предприятий промышленной зоны имели подъездные железнодорожные пути. Северная и юго-западная промышленные зоны были расположены рядом с селитебной территорией и резервной территории для своего развития не имели. На территории северной промышленной зоны размещались: мебельная фабрика, завод по производству металлических изделий, хлебокомбинат, птицефабрика. Часть предприятий располагались в структуре селитебной территории. Площадь промышленных территорий к 1970 г. увеличилась.

Планировочная структура города Искитима развивалась по линейному типу застройки территории, с прямоугольной схемой построения уличной сети, с кварталами, вытянутыми вдоль железной дороги реки Бердсь север на юг. В Искитиме с его высоким уровнем промышленного развития ведущее место занимало производство строительных материалов, работали известковый и цементный заводы, котельно-радиаторный завод, деревообрабатывающий комбинат, мебельная фабрика, кондитерская фабрика, хлебокомбинат, два маслозавода. В 1950 г. начинается расширение производственных мощностей цементного и котельно-радиаторного заводов, строительство литейно-механического и ремонтно-механического заводов.

Застройка промышленных территорий велась хаотично без четкого зонирования и учета санитарных норм и образовала три планировочные зоны — северную, центральную и южную. В северной зоне размещались заводы — котельно-радиаторный, ЖБИ-13, две площадки цементного завода, мебельная фабрика №5. В центральную группу входили: завод №545, известковый завод, завод ЖБК-5, деревообрабатывающий комбинат, механический завод, кондитерская фабрика, маслозавод, промкомбинат РПС, хлебозавод, завод безалкогольных напитков, типография. В южной промышленной зоне — комбинат стеновых материалов, щебеночный завод, предприятие п/я №1. Шел быстрый рост промышленно-

сти и, соответственно, промышленной застройки, в связи с этим схема построения уличных сетей изменилась и стала комбинированной.

Города Черепаново и Тогучин обладают месторождениями строительных известняков, глинистых сланцев, мрамора, строительных песков и кирпичных суглинков, а также расположены в благоприятных для развития сельского хозяйства условиях. Закономерно, что эти города развивались в двух направлениях — освоение месторождений и развитие производства стройматериалов и переработка сельскохозяйственного сырья.

В Черепанове к 1950 г. сформировался линейно-расчлененный тип планировочной структуры, с прямоугольной схемой построения уличной сети, с делением территории железной дорогой с севера на юг на две части — западную и восточную. До 1965 г. город не имел генерального плана, велась стихийная застройка. Промышленные предприятия располагались в основном на южной окраине города, со стороны господствующих ветров и вдоль железной дороги. Железная дорога к мясокомбинату опоясывает город с южной и западной стороны, ограничивая развитие в наиболее благоприятном направлении. Рост промышленного строительства интенсивно продолжался. В городе работали: завод строительных материалов, механический завод, мелькомбинат, мясокомбинат, райпищекомбинат, маслозавод и хлебокомбинат.

С учетом географического положения и природно-климатических условий планировочная структура города Тогучина складывалась по рассредоточенному типу и состояла из трех районов со свободной

схемой построения уличной сети. В планировочной структуре города некоторые промышленные территории мало связаны с селитебной территорией. Они являются частью города и, в тоже время, резко выражена обособленность промышленных территорий.

Основная часть промышленных объектов располагалась в левобережной части города — это Гормолозавод, ЗНАС «Тяжкостанпресс», где сформировались три промышленные зоны и практически отсутствовала обособленная селитебная зона. На правом берегу промышленные территории представлены в северной части — льнозаводом «Тогучинский» и деревообрабатывающим комбинатом, «ПивВинКомбинатом», в южной части — плодово-овощным комбинатом. Ряд промышленных предприятий расположены в четко выделенной зоне на значительном расстоянии, а ряд других — рассредоточены по территории города в селитебной застройке. Из-за отсутствия объездных дорог транспортные связи между промышленными районами осуществляются через жилые районы.

Анализ пространственных изменений в городах позволил определить развитие их планировочной структуры (табл.1). Исторически сложившиеся типы планировочной структуры Бердска, Черепанова и Тогучина остались без изменений. Структура Искитима из линейной трансформировалась в линейно-расчлененную. Развитие планировочной структуры происходило в существующих границах города, за счет внутренних ресурсов с учетом сложившейся ситуации, связанной с развитием промышленных предприятий.

Таблица 1

Тип планировочной структуры малых городов Новосибирской области с начала 1950-х по 1970-е гг.

город	Тип планировочной структуры	
	1950 г.	1970 г.
Бердск	компактный	компактный
Искитим	линейный	линейно-расчлененный
Черепаново	линейно-расчлененный	линейно-расчлененный
Тогучин	рассредоточенный	рассредоточенный

В процессе развития городов темпы изменения промышленных зон оказались различны (табл. 2).

Таблица 2

Доля площади промышленных территорий от общей площади города

Город	Год получения статуса города	Расстояние до Новосибирска, областного центра (км)	1950 г.	1970 г.
Бердск	1944	48	4.3%	6.2%
Искитим	1938	66	4.7%	5.5%
Черепаново	1925	107	7.3%	8.1%
Тогучин	1945	118	2.9%	3.3%

Как видно из таблицы 2, площадь промышленных территорий резко выросла в Бердске (в 1,5 раза) благодаря близкому расстоянию до областного центра, в Искитиме, Тогучине и Черепанове отмечен лишь незначительный рост.

В проделанном исследовании малых городов Новосибирской области в 1950-е — 1970-е гг. прослеживается интенсивное развитие промышленности и в связи с этим рост промышленных территорий. Было установлено, что формирование промышленных территорий зависит от архитектурно-планировочной организации города (рационального расположения функциональных зон, создания удобных транспортных связей между зонами), так как определяет возможности развития производства. Выявлена специфика производства в малых городах Новосибирской области — преобладающие отрасли промышленности — производство строительных материалов, деревообрабатывающая, легкая и пищевая, промышленность, машиностроение и металлообработка.

Скорость развития промышленных объектов на территории города определяет их планировочную структуру. Рост промышленности не повлиял на изменения планировочной структуры Бердска, Черепанова и Тогучина. Принципиальное изменение планировочной структуры в рассматриваемый период отмечено только в Искитиме, что связано с интенсивным использованием природных ресурсов. Темпы увеличения промышленных зон различны — от 1,5% в Бердске, расположенном наиболее близко к областному центру, до 1,1% в Черепанове, наиболее удаленном от областного центра.

Список литературы

1. Бердск: великое переселение (Продолжение исторической справки) // Народные новости. 28 апреля 2019. — [Электронный ресурс]. — URL: http://www.iberdsk.ru/narod_news/221782/?sphrase_id=21366
2. Попов А.В. Архитектурно-пространственное преобразование территорий промышленных предприятий в городской застройке // Академический Вестник УралНИИпроект РААСН. — 2013. — №1. — С. 25–27.

References

1. Berdsk: velikoe pereselenie (Prodolzhenie istoricheskoi spravki). Narodnye novosti. 28 aprelya 2019. [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.iberdsk.ru/narod_news/221782/?sphrase_id=21366 (in Russ.).
2. Popov A.V. Arkhitekturno-prostranstvennoe preobrazovanie territorii promyshlennykh predpriyatii v gorodskoi zastroyke. *Akademicheskii Vestnik UralNIIProekt RAASN*. 2013. No 1. Pp. 25–27 (in Russ.).

Список сокращений

РПС — районный потребительский союз
ЗНАС — завод насосно-аккумуляторных станций
УралНИИпроект РААСН — Уральский научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт Российской академии архитектуры и строительных наук

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10096
УДК 502.05+711.42

О.Г. Литвинова¹, О.С. Воронина
Томский государственный архитектурно-строительный университет (г. Томск)
¹litvinovalga1982@gmail.com

Планировочные особенности развития малых и средних населенных пунктов Среднего Приобья по материалам полевых исследований

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ),
проект № 18-012-00464 А «Градостроительная ретроспектива средних и малых населённых
пунктов на Обь-Енисейском водном пути»*

Аннотация

Серьезными факторами разрушения культурного наследия на пойменных территориях Средней и Нижней Оби сегодня выступают климатические и русловые процессы рек, в результате которых происходит утрата культурного слоя, архитектурно-планировочных элементов поселений, трансформация культурно-социальных общностей. Наиболее сложной является проблема удаленного доступа специалистов архитекторов-реставраторов к объектам древних поселений. В связи с этим необходимы полевые исследования для сбора первичной информации с целью создания наиболее достоверных историко-градостроительных моделей поселений Средней и Нижней Оби. Фактологический материал позволил создать графическую реконструкцию с целью выявления планировочных каркасов малых и средних населенных пунктов во взаимодействии их с природным ландшафтом прибрежной зоны водного пути, определить и выявить особенности формирования планировочных каркасов и функционального зонирования.

Ключевые слова: графическая ретроспектива, планировка населенных пунктов, функциональное зонирование, инфраструктура, ландшафт Среднего Приобья

O.G. Litvinova¹, O.S. Voronina
Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk)
¹litvinovalga1982@gmail.com

Planning features of the development of small settlements and towns of the Middle Ob region based on field research

Abstract

Today, climatic and river bed evolutions, resulting in the loss of the cultural layer, architectural and planning elements of settlements, and the transformation of cultural and social communities, are major factors in the destruction of cultural heritage in the floodplain territories of the Middle and Lower Ob. The most difficult problem is the remote access of conservation architects to the objects of ancient settlements. In this regard, field research is necessary to collect raw information in order to create the most reliable historical and town planning models of settlements of the Middle and Lower Ob region. The factual material allowed to create a graphic reconstruction in order to identify the planning structure of small settlements and towns in their interaction with the natural landscape of the coastal zone, to determine and reveal the formation features of the planning structure and functional zoning.

Keywords: graphic retrospective, settlement planning, functional zoning, infrastructure, landscape of the Middle Ob region

Полевые исследования были проведены в 2018 г. с целью сбора первичной информации для создания историко-градостроительных моделей поселений Средней и Нижней Оби. В задачи исследований входили — фиксация местоположения и планировки малых и средних населённых пунктов в бассейне Обь-Енисейского водного пути, включая поселения озерного типа, природные и архитектурные элементы; определение технического состояния и степень сохранности первоначального облика поселений; визуальное обследование окружающей территории и выявление элементов инфраструктуры.

Исследования основывались на методе ланд-

шафтно-визуального анализа, который позволил выявить пространственно-визуальные связи объектов застройки, определить характер рельефа местности, изучить планировочную структуру и функциональное зонирование средних и малых населенных пунктов в прибрежной зоне реки Оби и ее правого притока — р. Кети [Федосеева, 2013, с. 2]. Предварительно собранный историко-архивный материал был использован для выявления первоначальной планировки населенных пунктов, что позволило отделить историческое ядро от современной части застройки поселений.

Исследовательской группой были зафиксирова-

ны местоположение, планировка и архитектурные особенности тридцати одного населенного пункта — это Парабель, Нарым, Шпалозавод, Талиновка, Тюхтерево, Песчановка, Городище, Каргасок, Павлово, Пашня, Нефтяников, Геологический, 5-й километр, Бондарка, Лозунга, Новоюгино, Староюгино, Большая грива, Усть-Старица, Казальцево, Тымск, Усть-Тымск, Вертикос, Карга, Киндал, Щючий мыс, Мизуркино, Малый подъяльник, Сосновка, Восток, Луговское, Алатаево, Копыловка.

Степень сохранности населенных пунктов определялась, в целом, по наличию жилых дворов, а также на основе картографического материала второй половины XX в., где поселения числились жилыми. В итоге, семь из тридцати одного населенного пункта оказались полностью утрачены, два брошены, территория трех поселений преобразована в частную собственность.

В числе полностью утраченных числятся Песчановка, Усть-Старица, Мизуркино, Малый-Подъяльник, Щучий мыс, 2-е Пыжино, Табинак. Оставленные населенные пункты, Алатаево и Городище, вошедшие в полевой маршрут экспедиции, были в разное время покинуты людьми и в настоящий момент являются заброшенными. Однако, в отличие от ранее перечисленных, в этих населенных пунктах еще сохранились постройки, свидетельствующие об уровне и достатке их жителей.

Деревня Алатаево была оставлена совсем недавно, и дома, расположенные на ее центральной улице, пока имеют хорошую сохранность (ил. 1). Населенный пункт Городище был покинут давно, один дом периодически эксплуатируется рыбаками и охотниками, а ранее существовавшую улицу обозначают несколько сохранившихся остовов домов (ил. 2). Особый интерес представляет обнаруженная система водоотводных каналов, свидетельствующая о серьезных мелиоративных мероприятиях, проведенных в советские годы.

Анализ визуального облика поселений базировался на методе выявления признаков архитектурно-конструктивных решений исторической застройки, который позволил определить исторические центры, сложившиеся в дореволюционный период, а также фрагменты последующих этапов их градостроительного развития [Веденин, Кулешова, 2004, с. 13]. В целом из общего числа обследованных поселений 60% населенных пунктов сохранили первоначальное историческое ядро.

Фиксация планировочного каркаса позволила осуществить объективную планировочную привязку поселений к природному ландшафту. Натурное обследование реконструированных планов малых и средних населенных пунктов выявило границы поселений. Последующее изучение исторических картографических материалов, где были отслежены первые упоминания о поселениях, позволило установить, что большинство населенных пунктов уже существовали на картах XVIII — XIX вв. [РГАДА, Ф. 1354. Оп. № 523. Д. 1-40]. Все они, как правило, в настоящее время имеют дорегулярную планировочную структуру с элементами регулярной планировки, возникшей в первой половине XX в.

Характер рельефа и гидрографические условия местности позволили выявить участки планировки, которые были организованы первыми. Планы рекон-

струкции были совмещены со спутниковыми картами поисково-информационной картографической службы Яндекс. Выступающие поверхности суши в период сильного половодья на р. Оби в 2015 г. демонстрируют границы селитебных пятен, которые расположены на вершинах грив (ил. 3).

Традиционными элементами селитебных территорий являются комплексы инженерной и социально-бытовой инфраструктуры. При проведении натурного обследования фиксировалось их наличие и состояние. Централизованные инженерные сети (отопление, водоснабжение, электроснабжение) присутствуют только в средних по масштабам населенных пунктах — Парабель, Каргасок, Вертикос. Там же сосредоточены и градообразующие предприятия газодобывающей отрасли. Социально-бытовая и культурная инфраструктура присутствуют в полном объеме. Частично весь комплекс инфраструктурных объектов присутствует в с. Нарым. Электроснабжение обеспечивается дизельными электростанциями и станциями, работающими на основе угля. Водоснабжение осуществляется системой скважин и колодцев. Отопление жилых и общественных зданий осуществляется за счет печного отопления.

Транспортный каркас во всех поселениях представлен насыпными грунтовыми дорогами, частично с асфальтовым покрытием, организована система водоотвода в виде продольных канавок. Прочие населенные пункты не обеспечены инфраструктурой в полном объеме.

Социально-бытовая инфраструктура имеет ограниченный перечень функций. Все школы и детские сады требуют капитального ремонта, фельдшерские пункты включают минимальный набор оборудования и не способны оказывать серьезную помощь в случаях чрезвычайных ситуаций, отсутствуют акушерские пункты. Пункты связи также представлены не во всех поселениях. Снабжение населенных пунктов товарами первой необходимости затруднено в весенне-осенний период, но, тем не менее, удовлетворяет основные потребности населения. Культурно-досуговые функции ограничены.

Работа предприятий лесоперерабатывающей промышленности сведена к частным производственным фирмам. Все предприятия расположены на окраинах квартальной жилой застройки и не оказывают заметного влияния на процессы развития планировочной структуры.

Полевые исследования выявили активный процесс трансформации природного ландшафта практически во всех населенных пунктах на протяжении экспедиционного маршрута. Выявлена деструкция береговой линии прибрежных поселков и деревень, которая длительный период сдерживалась причальными стенками и береговыми дамбами. На период обследования инженерные берего-укрепительные сооружения находились в аварийном состоянии. Выстраивание новых дамб по периметру селитебных участков приводит к изменению гидрологического режима грунтов и способствует заболачиванию низин в планировочной структуре поселений. В качестве примера следует указать на с. Нарым, вокруг которого продолжается процесс формирования нового русла и длится уже более ста шестидесяти лет (ил. 4). Те же процессы наблюдаются в местах расположения населенных пунктов на высоких гри-

вах. Деструкция береговой линии способствует распределению селитебных участков вглубь материка, тем самым провоцируя постепенную миграцию всего населенного пункта. Влияние трансформации природного ландшафта на планировочный каркас населенных пунктов в данном случае очевидно.

На основе собранных в экспедиции фактологических материалов и при использовании в качестве подосновы спутниковых карт была проведена графическая реконструкция с целью выявления планировочных каркасов малых и средних населенных пунктов во взаимодействии их с природным ландшафтом прибрежной зоны водного пути (ил. 5). Определены и выявлены особенности формирования планировочных каркасов и функционального зонирования, которые заключаются в следующих ключевых факторах:

1. Выбор места для поселений определялся гидрографическими условиями местности — соотношением затапливаемых и не затапливаемых в весеннее половодье участками суши.

2. Общая площадь развития планировочной структуры поселения изначально определялась в пределах границ лесных грив (грива — элемент рельефа, который представляет собой невысокие, узкие, линейно вытянутые поднятия, относительная высота которых обычно составляет несколько метров, иногда 20 м и выше; ширина изменяется от 300 м до 1 км, а длина — от нескольких до десятков километров).

3. Планировочная структура населенных пунктов претерпевала непрерывную трансформацию, связанную с тремя факторами. К первому относятся государственные программы освоения территорий и комплексные программы хозяйственного развития региона, преимущественно в XX в. Ко второму — непрерывные и мало прогнозируемые изменения морфологии поймы р. Оби, связанные как с естественно-природными процессами, так и с человеческой деятельностью. Третьим фактором являются градостроительные традиции, направленные на преобразование среды в процессе планировочного развития. Особое значение в данной местности имеют инженерно-технические решения по водоотведению и мелиорации.

4. Функциональное зонирование поселений напрямую связано с их расположением относительно главной транспортной артерии — реки и ее притоков. Основной состав включает — зону пристани, которая связана с зоной административно-общественной застройки; объекты с торговой функцией, которые распределены в соответствии с принципом шаговой доступности в структуре жилой застройки; производственные площади (преимущественно лесодобывающей промышленности), которые расположены, как правило, в северной части поселений, на окраинах жилой квартальной застройки; жилые зоны, которые преимущественно сформированы в кварталы, за исключением населенных пунктов с малой численностью линейного типа; объекты энергоснабжения, которые размещены с учетом санитарно-защитных норм, за пределами границ жилой застройки; зоны отдыха, которые размещены вблизи административных зданий.

5. Планировочная схема представлена в трех типах: линейная свободная — организованная на

основе естественного природного ландшафта, расчлененная — которая сформировалась в результате изменения природного ландшафта — и компактная регулярная — данный тип возник в первой половине XX в. (как правило — это рабочие поселки).

Список литературы

1. Веденин, Ю.А., Кулешова, М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 — 620 с.

2. Федосеева О.С. Методы комплексного анализа приречных территорий для многонаселенного города (на примере города Москвы) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. — Краснодар: КубГАУ, 2013. — № 1(85). — С. 380—389. — Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2013/01/pdf/30.pdf>.

References

1. Fedoseeva O.S. Metody kompleksnogo analiza prirechnykh territorij dlya mnogonaselennogo goroda (na primere goroda Moskvy). *Politematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta (Nauchnyj zhurnal KubGAU)* [Elektronnyj resurs]. Krasnodar: KubGAU, 2013. No1(85). Pp. 380—389. Rezhim dostupa: <http://ej.kubagro.ru/2013/01/pdf/30.pdf>. (in Russ.)

2. Vedenin, Yu.A., Kuleshova, M.E. Kulturnye landshafty kak kategoriya naslediya. In *Kulturnyj landshaft kak obekt naslediya*. Moscow: Institut naslediya, 2004. 620 p. (in Russ.)

Список источников

РГАДА, Ф. 1354. Оп. № 523. Д. 1-40.

Список сокращений

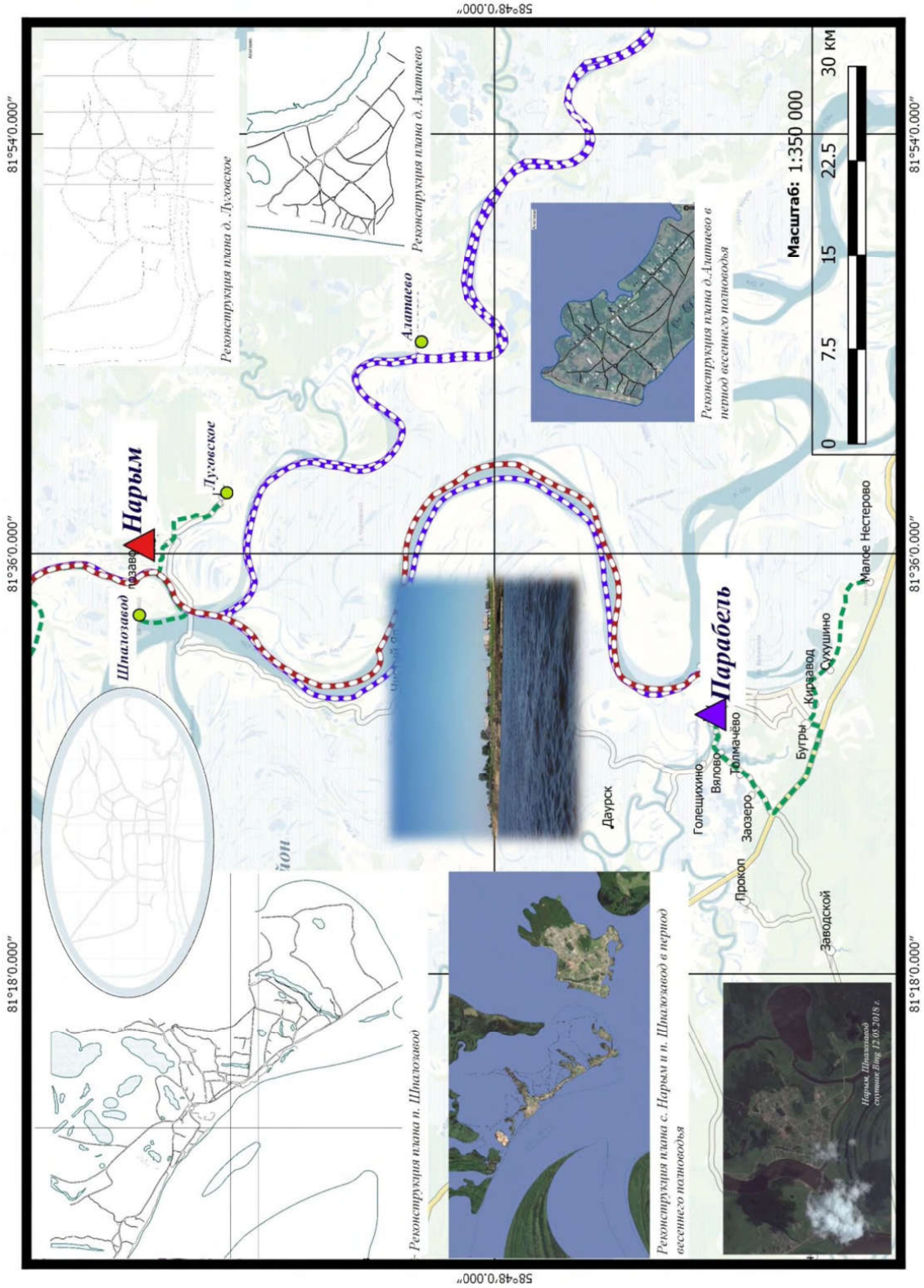
д. — деревня
п. — поселок
ПМА — полевые материалы авторов
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
с. — село

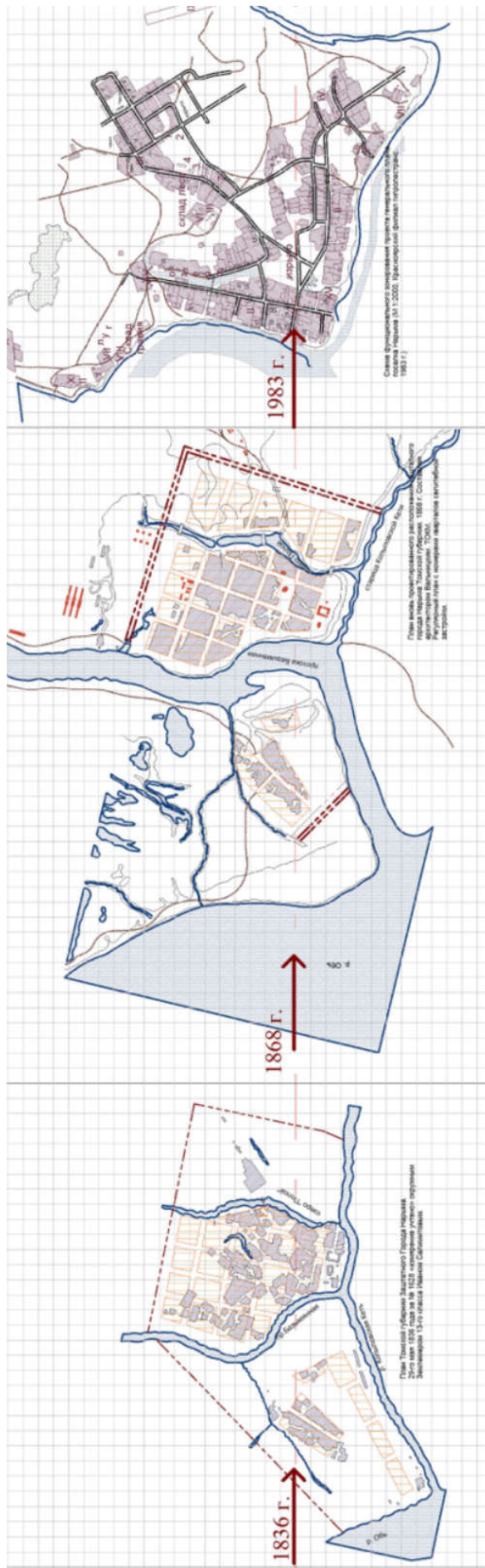
Ил. 1. Общий вид улицы в д. Алатаево, Томская область, Парабельский район. ПМА

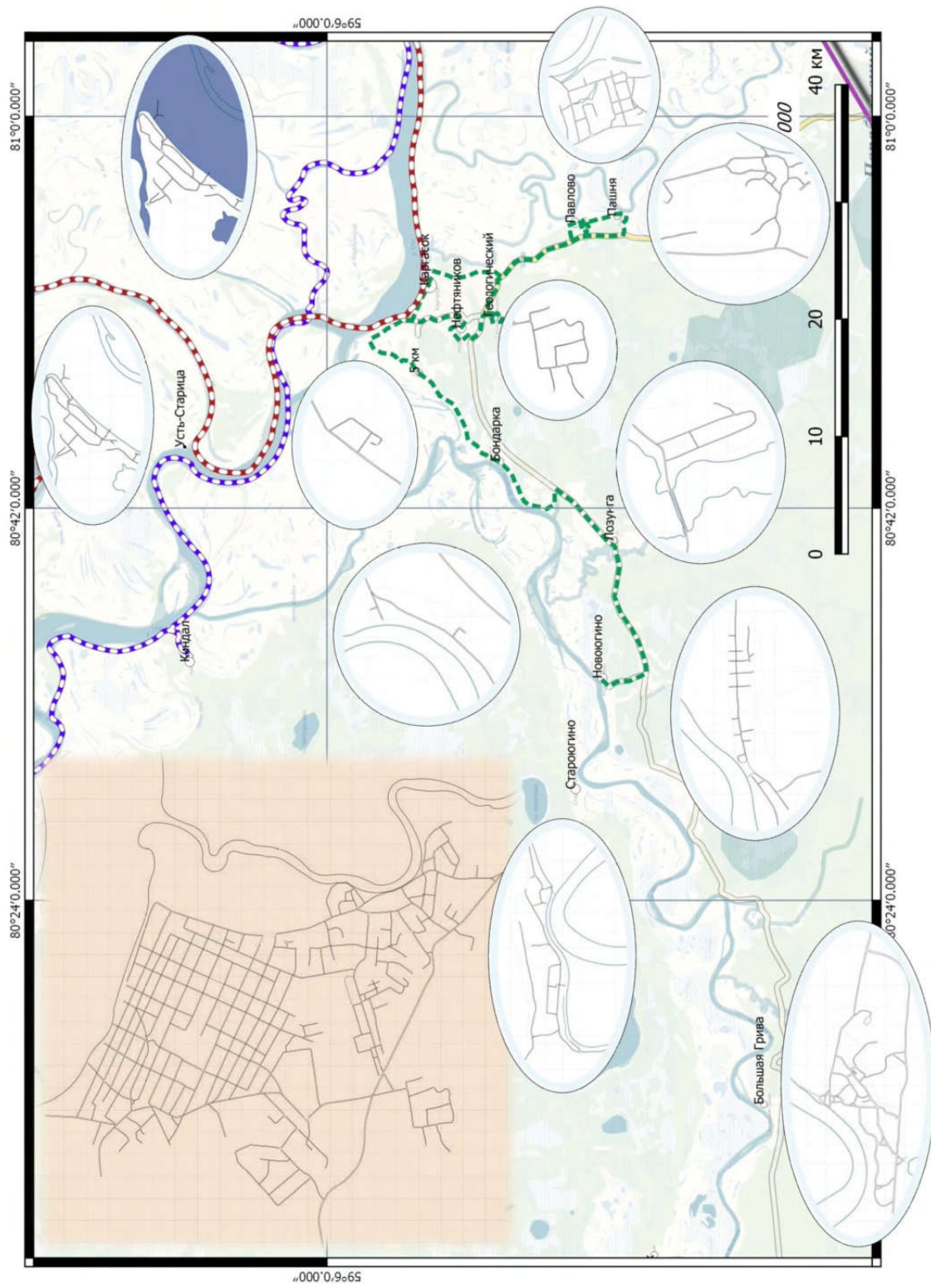
Ил. 2. Вид на заброшенный дом в д. Городище, Томская область, Парабельский район. ПМА

Ил. 3. Реконструкция плана д. Алтаево и п. Шалозово в период весеннего половодья. Томская область, Парабельский район, Графическая реконструкция О.С. Ворониной

Ил. 4. Ретроспектива планировочного развития с. Нарьям, Томская область, Парабельский район. Графическая реконструкция О.С. Ворониной

Ил. 5. Графическая реконструкция агломерации п. Каргасок. Томская область, Каргасокский район.
Графическая реконструкция О.С. Ворониной

Г.Н. Туманик¹, А.Г. Туманик
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹g.tumanik@yandex.ru

Поиск концепции градостроительного развития древней сибирской столицы (Тобольск)

Аннотация

Проблемы реконструкции исторических городов, помимо всего прочего, обострены выводом в 2010 г. из перечня населенных мест, обладавших этим статусом, основной массы поселений, в том числе таких уникальных городов как Тобольск. В статье рассмотрены попытки поиска градостроительных концепций форсированного развития Тобольска в условиях резкого расширения градообразующей базы (начало 1970-х гг.) и представлены результаты этих поисков, которые во многом являются итогом отсутствия в стране государственной градостроительной политики, направленной на сохранение историко-культурного наследия, а в целом — на формирование удобной, гармоничной и безопасной городской среды.

Ключевые слова: исторический город, историко-культурное наследие, градостроительное формирование, преемственность градостроительного развития

G.N. Tumanik¹, A.G. Tumanik
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
¹g.tumanik@yandex.ru

Searching the urban development concept of ancient Siberian capital (Tobolsk)

Abstract

The problem of reconstruction of historical cities, among other things, became aggravated by the withdrawal most of settlements, including such unique cities as Tobolsk, from the special list of settlements possessing this status in 2010. This article examines attempts to search for architectural concepts of forced development of Tobolsk in the context of extension of city-forming base (early 1970s). The results of these searches reveal absence of a state urban development policy in the country aimed at preserving the historical and cultural heritage. In general, it can be said about the absence of a comfortable, harmonious and safe city environment policy.

Keywords: historical city, historical and cultural heritage, urban formation, the continuity of urban development

Уникальность старого Тобольска, его природного ландшафта, планировочно-пространственной структуры и архитектурного наследия, его истории и судьбы все больше и больше привлекает к себе внимание общественности, и не только специалистов — архитекторов, историков, искусствоведов (ил. 1). Тем более, что после почти 400-летнего эволюционного развития, город в начале 70-х гг. минувшего столетия получил мощный импульс физического роста, обнаживший целый пласт проблем реконструкции исторических городов, присущих практически каждому развивающемуся старому городу, но в условиях Тобольска проявившихся наиболее ярко и выпукло.

Статус исторического города (ил. 2) ко многому обязывает. Очевидно именно поэтому в 2010 г. совместным постановлением Минкультуры и Минрегионразвития перечень исторических городов был сокращен в 11 раз. В числе 41 поселения, оставшихся в списке, 5 сибирских городов: Верхотурье, Енисейск, Иркутск, Кяхта и Томск. А где же Тобольск?

Валентин Распутин, пораженный картиной гибнущего старого Тобольска, в своей книге «Сибирь...», изданной впервые в 1991 г., писал: «... Что ждет тебя, Тобольск, громкая, славная, старая

столица Сибири?! Достанет ли у нас сил, мужества, убедительности, памяти и доброй воли, чтобы тебя отстоять?»

Еще в начале 1970-х гг. было решено разместить в Тобольске крупный нефтехимический комплекс, обросший впоследствии, как этого и следовало ожидать, целым рядом сопутствующих производств и вспомогательных служб. Всё это резко увеличивало градообразующую основу города и поднимало на небывало высокий уровень темпы роста Тобольска. По своему масштабу эта градостроительная акция была несоизмерима с масштабами города и, естественно, не имела аналогов в длительной истории его становления и развития. Достаточно сказать, что население города предполагалось увеличить за 25–30 лет в 5 раз.

Несоизмеримость и немасштабность градоформирующих процессов, начавшихся в Тобольске в 70-х гг. прошлого столетия, обусловлены не только резким увеличением градообразующей группы населения, но и гигантскими по площади территориями нового промрайона, обширными нормативными санитарно-защитными зонами между формируемым промрайоном и развивающейся жилой зоной горо-

да, сложностью и обширностью комплекса проблем, связанных с жизнеобеспечением города, быстро расплывающегося на значительных по площади территориях. До сего времени жизнь и развитие Тобольска измерялись совсем иными мерками. А проблемы городского хозяйства не могли носить столь обширного и всеобъемлющего характера.

Революционность ситуации в градостроительном развитии Тобольска обострилась еще теми обстоятельствами, что резкий рост города происходил на фоне многолетнего спада в хозяйственном, социально-экономическом, культурном развитии древней сибирской столицы. Вряд ли кого-то могут убедить сегодня столь привычные слова о том, что после революции 1917 г. город «переживал свое второе рождение». Возрождения города не состоялось. Напротив, львиная доля культурных ценностей, составлявших гордость не только Тобольска, но и всей России, безвозвратно утрачена. То, что не было разрушено в первые годы советской власти, обречалось на медленную гибель в последующие годы.

В первую очередь необходимо было разработать генеральный план растущего города. Подготовка к разработке этого ответственного документа и сама работа над ним пришлось на конец 1960-х — начало 1970-х гг. В это время еще сильны были тенденции нигилистического отношения к историческому и культурному наследию. Однако нужно отдать должное и заказчику этой работы — Тюменскому облисполкому, и прежде всего, проектировщику — Ленгипрогору, что эту ответственную работу они выполняли параллельно с разработкой проекта зон охраны памятников истории и культуры Тобольска, стоявшего в то время в списке исторических городов страны.

Отвергая в целом концепцию генерального плана города Тобольска (ил. 3), предложенную Ленгипрогором в 1974 г., мы не можем не обнаружить в нем и положительные стороны, обеспечивших ему благополучную экспертизу, согласование и утверждение самых высоких инстанций. Как говорится, нет худа без добра. Резкое возрастание объемов жилищного строительства, перевод его на индустриальные методы требовали иных подходов к размещению этого строительства. Только в кошмарном сне можно себе представить возведение пяти-девятиэтажных панельных жилых домов на территориях, прилегающих к исторической зоне, к Кремлю. Хотя в то время такой подход не выглядел бы шокирующим, так как именно в 1960-е гг. на территории Кремля было построено из силикатного кирпича примитивное пятиэтажное здание общежития. Именно тогда в каких-нибудь нескольких десятках метров от Петропавловской церкви был построен комплекс гостиницы «Турист» в Верхнем городе, резко ослабив градформирующие функции замечательного памятника архитектуры классицизма. Именно в те годы в зоне охраны памятников истории и культуры Нижнего города, на месте разрушенной часовни, освященной посещениями российским императором Николаем II и его семьей, по типовому проекту было построено лапидарное здание кинотеатра. Это беспардонное внедрение в богатейшую по своим художественным качествам и святую по духу исторически сложившуюся городскую среду примитивных объемов новых зданий без всякого даже поверхностного учета гра-

достроительных принципов формирования застройки свидетельствует о том, что в те годы оголтелого волюнтаризма и воинствующей профессиональной некомпетентности все было возможно.

Поэтому нельзя не признать, что предложенный генеральным планом выход новым строительством на удаленные от исторического ядра площадки в северном и северо-восточном направлениях в условиях тотальной индустриализации строительства по типовым сериям проектов жилых и общественных зданий был обоснованным. Однако, в той же степени этот подход, в силу своей ортодоксальности, был и губителен для исторического ядра: отвлекая на себя все внимание и практически все средства. Новое строительство ускорило темпы старения старого города, физической деградации исторически сложившейся городской среды Тобольска. Поистине — «спасение во имя гибели».

Чтобы убедиться в правомочности таких, внешне весьма парадоксальных выводов, необходимо более подробно остановиться на основных положениях градостроительного развития Тобольска на 25-летний период, определенных генеральным планом 1974 г., а вначале — немного о ситуации в нашем градостроительстве в этот период.

На карте Западной Сибири появился целый ряд населенных пунктов, которые быстро из поселков выростали в города: Нижневартовск, Уренгой, Нефтеюганск, Ноябрьск, Стрежевой... На первых порах темпы развития городов сдерживались отсутствием местной строительной базы: строительные материалы и изделия привозились из других регионов страны. Затем, с развитием местной базы стройиндустрии, процессы развития новых, а также роста и реконструкции старых городов стали более стабильными. По своему размаху эти процессы сопоставимы разве только со строительством и обустройством городов и поселков в зоне строительства БАМа.

На реализацию программ Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, как и БАМа, были направлены усилия всей страны. Все республики Союза проектировали для новых, необычных для себя условий и везли за тысячи километров строительные конструкции, чтобы построить запроектированное. Несколько десятков проектных институтов вели разработку проектно-планировочной и рабочей документации, среди которых были такие, которые не имели опыта подобного комплексного проектирования.

Нельзя сказать, что Тобольск, как и все другие новые и развивающиеся города, оказался в этом водовороте «конвейерного» производства. Во-первых, градостроительные задачи развития Тобольска решались в одном из крупнейших специализированных проектных институтов страны — Ленгипрогоре. Это институт с большим творческим потенциалом, во всяком случае, в те годы, опытом, своими традициями. Эстафета проектирования Тобольска на дальнейших стадиях была передана, причем в результате Всесоюзного конкурса, в руки другого авторитетного коллектива — ЦНИИПГрадостроительства, института, призванного определять градостроительную политику в стране, разрабатывать и внедрять целесообразные, научно обоснованные принципы и подходы в градостроительстве.

С самого начала, с момента принятия решения о размещении в Тобольске нефтехимкомбината,

этот город с его перспективными проблемами развития оказался под особым контролем не только в Госстрое РСФСР, но и в Госгражданстрое, и в Союзе архитекторов СССР. Именно уникальность Тобольска как одного из древнейших сибирских городов с богатым историческим и культурным наследием была причиной особого внимания к этому городу со стороны вышеназванных организаций.

Градостроительство как «архитектура больших пространств» является наиболее сложной и весьма специфичной сферой деятельности архитектора. Не так далеко от нас время, когда эта работа выполнялась, за редким исключением, только центральными институтами, длительная монополия которых в стране отнюдь не способствовала их поступательному профессиональному совершенствованию. Поэтому в работе над Тобольском обнаружилось и бесхребетность нашей градостроительной науки, зачастую паразитирующей на практике, и шаблонность нашего градостроительного мышления, приведшие не только к тотальной типовой застройке, но и к типовым городам.

Да простят нас столичные архитекторы-градостроители, среди которых немало талантливых и самоотверженных профессионалов, доказавших это своими работами и отношением к работе, за столь самоуверенные обобщения. Но, честное слово, все реже и реже мы видели зрелые, профессионально сработанные проекты, и все чаще и чаще вместо этого периферия получала откровенно слабые, равнодушно-холодные работы.

Генеральный план Тобольска к слабым работам не отнесешь (ил. 3). Однако, здесь, как может быть нигде в другой работе, проявилось равнодушие его авторов к судьбе уникального города, их неспособность или нежелание отойти от сухой теоретической схемы к генеральному плану органично развивающегося города со своим, только ему присущим характером.

Поиск индивидуальных черт в планировочной организации города всегда составляет наиболее сложную часть работы. Постигание и развитие характерных особенностей городского организма связано в первую очередь с поиском этих особенностей. Они далеко не всегда лежат на поверхности и не всегда раскрываются профессионалу-архитектору. К сожалению, так произошло и в работе над генпланом Тобольска.

Определив старому Тобольску роль периферийного района в структуре развивающегося крупного города, авторы генерального плана тем самым отодвинули на задний план значение исторических факторов, сообщающих городу уникальность и неповторимость. Одним движением руки разрушена многовековая преемственность в развитии города. И здесь вряд ли следует списывать неудачи генплана на масштабы резкого роста города, на революционную этапность градостроительного развития.

Отдавая приоритет развитию города в северном и северо-восточном направлениях, авторы генплана вынуждены были от традиционной для города радиально-лучевой структуры перейти к линейной. Жертвуя принципами живописной композиции в организации городских пространств, что было обусловлено природным ландшафтом центральной части города, они приходят к лапидарной микрорайонной схеме, в

которой вообще невозможно обнаружить какие-либо характерные принципы и приемы формирования пространств.

Разрывая естественную эволюцию в развитии планировки города, генеральный план последовательно пересматривает и концепцию развития центра города. Новый центр намечено создавать на новых территориях на значительном удалении от исторически сложившегося. При этом его местоположение определено не столько природными условиями, что характерно для старого центра, сколько прорисовкой транспортно-планировочных связей. Старый центр с прилегающей к нему исторической застройкой согласно генеральному плану объявлен заповедной зоной с введением жестких ограничений по застройке и с определением мероприятий по сохранению старого Тобольска.

Таким образом, еще одним движением руки прервалась многовековая история формирования и развития центра Тобольска, одного из шедевров русского градостроительства, запечатленного и в старинных гравюрах и рисунках, и в живописных полотнах, и в документальных кинолентах. Историко-культурная значимость старого центра Тобольска послужила основной причиной проведения Всесоюзного закрытого конкурса на проект планировки и застройки центра города [Приказ №122, 1974] по следам только что разработанного генерального плана. Однако, как предписывалось программой конкурса [Программа и условия., 1974], «архитектурно-планировочное решение Центрального района города Тобольска должно учитывать структуру улично-дорожной сети, предлагаемую планом красных линий для центральной части города», т.е. в основу конкурсных решений должна быть положена планировочная структура по генеральному плану Ленгипрогора. Всем участникам конкурса, в котором участвовали, кроме ленинградских зодчих, архитекторы из Москвы, Таллина, Новосибирска и Тюмени, была выдана схема красных линий центральной части города. Поэтому естественно, что конкурс, в силу заданности общей концепции развития центра Тобольска, не дал разнообразия решений и, как нам кажется, положительных творческих результатов. Первую премию «за относительно лучшее решение» жюри присудило авторскому коллективу ЦНИИП градостроительства (г. Москва). Выполнив конкурсный проект планировки и застройки центра в русле идей ленгипрогоровского генплана, в орбиту проектирования Тобольска включился и центральный институт Госгражданстроя. Были ли причины для беспокойства, если к решению ответственных градостроительных задач привлечены, казалось бы, лучшие силы проектировщиков-градостроителей, да еще оснащенные передовой градостроительной наукой? Таких причин у руководства тогдашнего Госгражданстроя СССР и Госстроя РСФСР, по-видимому, не было. К сожалению.

А тот факт, что «за интересное предложение по развитию городского центра» жюри конкурса в своем решении [Решение жюри., 1974] попросило Тобольский горисполком изыскать дополнительно к смете затрат по конкурсу 400 рублей на поощрение авторской группы института Новосибиргражданпроект, остался всеми забытым эпизодом. Об этом сегодня приходится только сожалеть. Сожалеть приходится

о том, что в 1974 г. забыли на целых полтора десятка лет о предложенной идее развития города и его центра (ил. 4, 5).

«...Мы стремимся продумать все до мелочей, — говорил в одном из интервью корреспонденту АПН Петру Дедову бывший главный архитектор Тобольска Б. Козлов. — Чтобы не заслонить Кремль, оригинальный памятник русского зодчества, прилегающие к нему кварталы застраиваться не будут. Высотные здания поднимутся в северной части города, где планируется новый центр Тобольска. Но как «привязать» к Кремлю этот центр, чтобы все смотрелось единым ансамблем? Задача не из легких. Эта проблема решается совместными усилиями проектных институтов Москвы, Новосибирска, Эстонской ССР, Тюмени».

Борис Федорович правильно формулировал задачу — создать единый организм центра, единый ансамбль. Но решить эту задачу, как показали результаты конкурса (интервью записывалось в период проведения конкурса, когда еще не были подведены его итоги), можно было только пересмотрев концепцию генерального плана. Именно с таким предложением вышли новосибирские архитекторы-градостроители, впервые приглашенные Госгражданстроем СССР к участию в закрытом Всесоюзном конкурсе, сознательно нарушив его условия [Программа и условия., 1974].

Идея преемственного развития планировки города и всех городских систем, в т.ч. и системы центра, была положена в основу конкурсного проектного предложения. При этом ядро городского центра с его особыми общественными функциями и уникальным содержанием развивается вокруг Кремля на верхней и нижней террасах. «...Предлагаемая трактовка ядра центра, подчеркивающая большую историческую и художественную значимость единственного в Сибири каменного ансамбля Кремля, продолжает лучшие традиции русского градостроительства, где укрепленный центр — кремль или «детинец» — становился, в отличие от зарубежных средневековых городов, основным ядром развивающегося города. <...> В предлагаемом варианте центр города Тобольска в схеме складывается из ядра центра, размещенного в геометрическом центре города, и двух фланкирующих подцентров, выполняющих одновременно функции центров двух планировочных районов: северного и юго-восточного» [Проект планировки., 1974].

В систему ядра центра включаются сложившиеся и проектируемые ансамбли подгорной части с развитыми торговыми, культурными, учебными и другими функциями.

Главное, что определяет характер и композицию ядра городского центра, — это уникальный ансамбль Тобольского Кремля в сочетании с неповторимыми ландшафтами окружающих Кремль территорий. Историческая глубина, материализованная в архитектурных сооружениях прежних эпох, наполняет центр особым ароматом, придает ему массу характерных черт. В условиях обезличенной и выхолощенной архитектуры построек периода тотальной индустриализации и типизации проблема своеобразия города, особенно его центра, стоит сейчас в ряду наиболее актуальных проблем отечественного градостроительства. Поэтому неиспользование этой

бесценной сокровищницы Тобольска при формировании перспектив развития городского центра, по меньшей мере, безрассудно.

Пожалуй, ничто так не вредит градостроительству, как разрушение преемственности. И в конце 1980-х гг., т.е. после 15-летнего периода реализации генерального плана, это стало настолько очевидным, что необходимость корректировки прежних замыслов почувствовали и осознали даже их авторы — специалисты Ленгипрогора, давшие согласие участвовать в выездном конкурсе-семинаре. Конкурс на идею нового подхода к градостроительному развитию Тобольска проводился по инициативе Союза архитекторов РСФСР и Госстроя РСФСР в г. Тобольске в марте 1989 г.

Что же произошло в городе за этот период? Новое строительство, как и предписывалось генпланом, велось практически только в Новом городе. Старый Тобольск, оставшийся без средств на реконструкцию, катастрофически разрушался. Этому процессу способствовал выход из строя старой дренажной системы в Нижнем городе, осложнив инженерно-геологические и гидрологические условия пойменной террасы. Участились пожары в деревянном жилищном секторе. В довершение ко всему сгорело уникальное здание Тобольского драмтеатра. Резко снизилась в результате всего этого потребительская ценность, престижность старого города. Люди стали стремиться в благоустроенные квартиры Нового города.

Желание уберечь исторически сложившуюся часть города от типового панельного строительства, высказанное генеральным планом и поддержанное последующими проектно-планировочными решениями, обернулось на практике ускорением темпов старения и гибели старого Тобольска.

С другой стороны, новая застройка на периферийных по отношению к историческому ядру территориях, освобожденная от задач увязки с исторически сложившейся застройкой, закономерно являет собой пример безликости и ординарности, столь характерной практически для всех районов индустриального строительства любого сибирского города.

Конкурс-семинар окончательно подтвердил несостоятельность идей прежнего генерального плана и дал ответ на главный вопрос о перспективах развития планировочной структуры города и формирования городского центра в материалах конкурсного проекта группы новосибирских архитекторов, отмеченного первой премией [Решение жюри., 1989] (ил. 6).

Пойдет ли нам на пользу этот весьма красноречивый и поучительный урок? Не говорит ли этот эпизод из недалекой истории отечественного градостроительства о том, что архитектурные и градостроительные конкурсы следует проводить не ради конкурсов, не ради получения чиновниками политических дивидендов, а для поиска решений сложных профессиональных задач? И еще один злободневный вопрос хотелось бы поставить: когда же, наконец, у нас результаты конкурсов будут зависеть от профессионального уровня конкурсных предложений, а не от конъюнктуры, складывающейся на арене конкурсной борьбы? Ведь это не только вносит дезориентацию в поиске путей развития архитектурной и градостроительной мысли, но, самое главное, — приводит

к непоправимым потерям, которые мы получили, в частности, на сегодняшний день в городе Тобольске.

Тем не менее, по результатам конкурса-семинара, проведенного в Тобольске в марте 1989 г., в условиях противодействия со стороны столичных коллег, работавших на тобольской ниве много лет, по заданию Тюменского облисполкома и за счет средств государственного бюджета авторским коллективом новосибирских архитекторов в том же году была выполнена «Схема генерального плана города Тобольска» (ил. 7), которая в ходе работы получила одобрение на заседании Государственного архитектурного совета при Госкомархитектуры (июль, 1989 г.), впоследствии — на заседании Бюро Президиума правления Союза архитекторов РСФСР (февраль, 1990 г.).

Утвержденная Тюменским облисполкомом в сентябре 1990 г. «Схема генерального плана города Тобольска» на сегодняшний день является практически основным градостроительным документом, дающим лишь представление о планировочно-пространственном развитии города в тех параметрах (250 тыс. жителей), которые были определены Ленгипрогором в старом генеральном плане.

Резкое изменение социально-экономической ситуации в стране требует, естественно, радикального пересмотра многих основных положений схемы генплана. Проводившаяся в начале 1990-х гг. работа над новым генпланом (работа была поручена администрацией города авторскому коллективу новосибирских специалистов) призвана была дать ответы на принципиальные вопросы развития и совершенствования планировочной структуры и застройки города в современных условиях. Изменение социально-экономических условий требует иного подхода к разработке материалов генерального плана, а главное — к определению градообразующей основы города, его экономической базису.

Работа велась два года. К сожалению, ситуация с финансированием и обеспечением проектирования необходимыми исходными материалами и данными заставила работу прекратить. В этом нет большой беды, так как отсутствие стабильности в социально-экономической обстановке в стране на протяжении целого ряда лет не позволяло определить основу для принятия хоть в какой-то степени надежных решений.

Тем не менее работу необходимо было продолжить. Более того, в современной обстановке проектирование городского развития приобретает непрерывный характер. Перманентность работы над проблемами формирования города является требованием времени. Здесь важную регулятивную градоформирующую роль играет не только генплан, но и сам город, как организм, развивающийся в условиях значительной активизации своих возможностей самоорганизации. Это вовсе не означает, что управлять развитием города не следует. Безусловно, должна быть разработана стратегия градостроительного развития города, которая, непременно должна периодически корректироваться вместе с уточнением тактических ходов по ее реализации в зависимости от постоянно меняющихся условий рынка. Работа эта для всех нас нова — мы никогда не жили в этих новых условиях.

По инициативе Сибирского регионального отделения Российской академии архитектуры и стро-

ительных наук в программу работы РААСН в 2000–2001 гг. была включена и проведена работа над комплексным исследованием «Разработка научных рекомендаций и методики возрождения и развития исторических городов Сибири и Дальнего Востока на примере г. Тобольска» [Комплексная тема., 2000–2003].

Институтом СибАкадемНИИпроект, образованном при СО РААСН, по согласованию с администрацией Тобольска был подготовлен и направлен в Тобольск договор на разработку генплана города. Два года велась подготовительная работа и разработка концепции нового генерального плана. Кроме того, институтом с участием Правления Союза архитекторов России была предложена программа конкурса на концепцию формирования и развития исторического центра Тобольска. Налаживались контакты с новым городским руководством. Однако, как нам объяснили, из-за отсутствия необходимых средств работа была прекращена.

В последующем работа над генпланом была возобновлена, но передана другому коллективу — РосНИПИурбанистики (Санкт-Петербург), который образован на базе бывшего Ленгипрогора — разработчика прежнего генплана. Об этом было объявлено на представительном совещании, которое было проведено в городе Тобольске весной 2003 г. и в котором, помимо специалистов из Новосибирска и Санкт-Петербурга, участвовали первые лица из Союза архитекторов России и Российской академии архитектуры и строительных наук. Совещание поставило очередное многоточие в длительной истории разрушения исторического города Тобольска. На стенах зала городской администрации вновь висел генплан 1974 г. Схема генерального плана, выполненная по результатам творческого конкурса и утвержденная в сентябре 1990 г., отсутствовала.

Смешно и обидно сознавать, что гигантские средства, получаемые от реализации нефти и газа, не участвуют в решении актуальных задач сохранения уникальных историко-культурных ценностей сибирских исторических городов. Позиция современных капиталистов-предпринимателей — это позиция временщиков, пришедших в Сибирь с одной целью — использовать ситуацию для личных целей. Колониальный государственный подход к Сибири в прежние времена, сменился еще более зловещим колониально-криминальным подходом со стороны воинствующей олигархической верхушки.

В настоящее время Тобольск формируется по новому генеральному плану, разработанному РосНИПИурбанистика (Санкт-Петербург), по которому городу предложена прежняя концепция линейного развития вдоль Иртыша, а Панин бугор задействован для размещения «особо выразительной малоэтажной застройки». Из этого вытекает, что территории, предусмотренные для органичного развития города вокруг Кремля, в соответствии с утвержденной ранее схемой генплана, сегодня осваиваются строительством элитного жилья для местной чиновничьей и коммерческой «элиты»

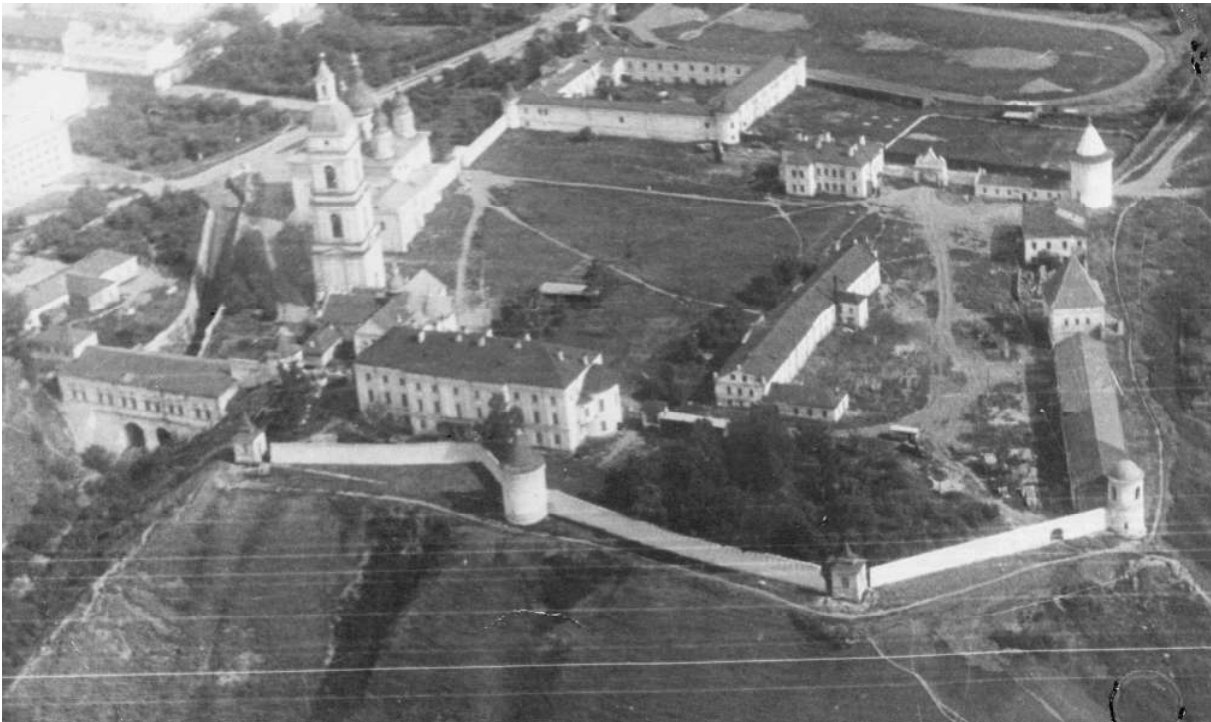
В этой ситуации очень трудно надеяться, что хватит у нас «сил, мужества, убедительности, памяти и доброй воли», чтобы, по словам писателя, отстоять «тебя, Тобольск, громкая, славная старая столица Сибири».

Список источников

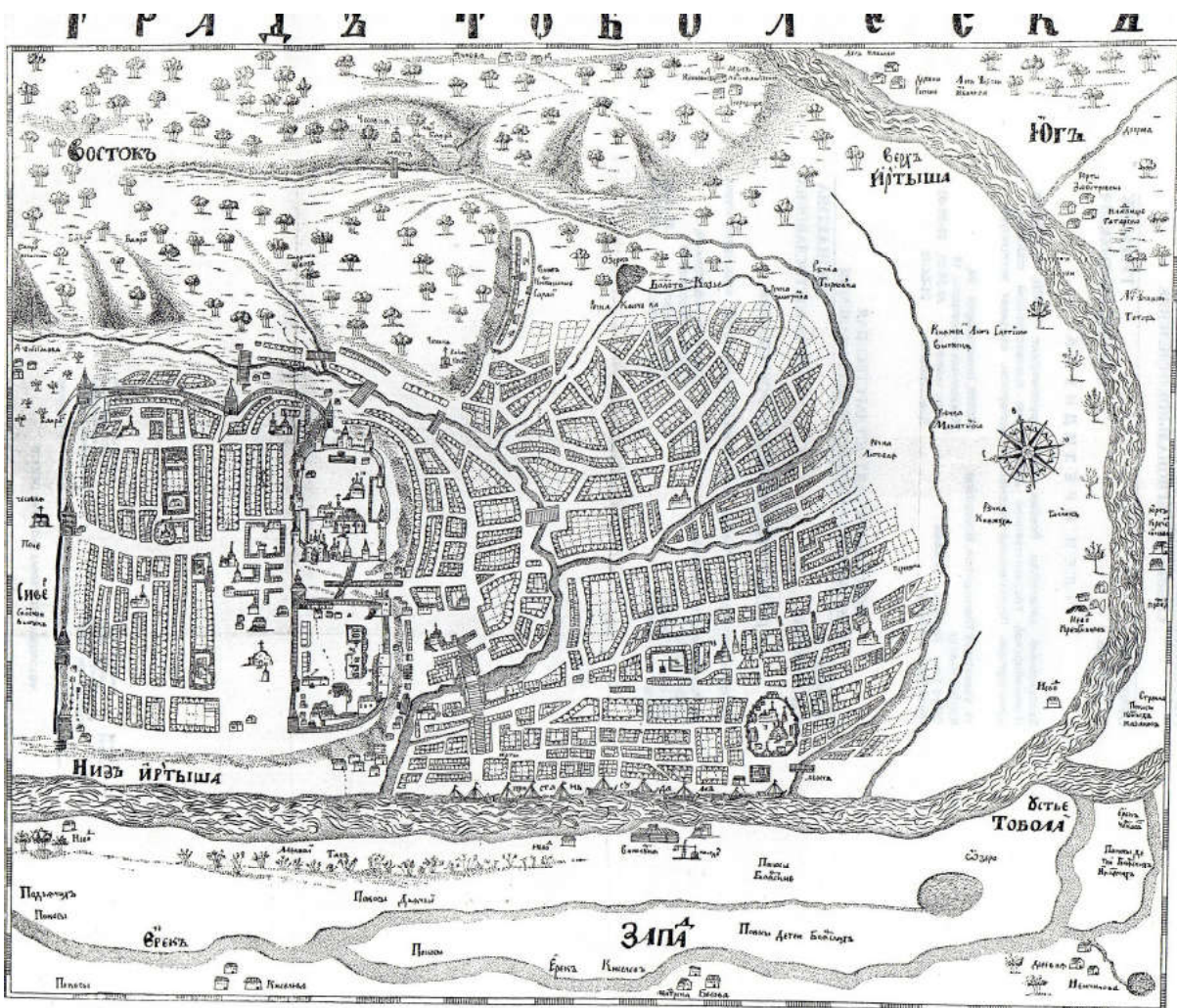
1. Приказ №122 от 10 июня 1974 г., Госгражданстрой СССР, г. Москва «О проведении закрытого конкурса на разработку проекта планировки и застройки центра г. Тобольска». Из личного архива Г.Н. Туманика.
2. Программа и условия закрытого конкурса на разработку проекта планировки и застройки центра г. Тобольска. Приложение к приказу Госгражданстроя СССР от 10 июня 1974 г. №122. Из личного архива Г.Н. Туманика.
3. Проект планировки и застройки центра г. Тобольска (закрытый конкурс). Краткая пояснительная записка. Новосибиргражданпроект, 1974 г. Из личного архива Г.Н. Туманика.
4. Решение жюри конкурса на разработку проекта планировки и застройки центра г. Тобольска, декабрь 1974 г. Из личного архива Г.Н. Туманика.
5. Решение жюри Всероссийского конкурса-семинара на эскиз-идею генерального плана г. Тобольска, 23.03.1989 г. Из личного архива Г.Н. Туманика.
6. Комплексная тема «Разработка научных рекомендаций и методология возрождения и развития исторических городов Сибири и Дальнего Востока». Рук. темы Белоусов В.Н., координатор работ Товмасьян Э.О., ответственный исполнитель Туманик Г.Н. (СибАкадемНИИпроект СО РААСН), 2000–2003 гг. Из личного архива Г.Н. Туманика.

Список сокращений

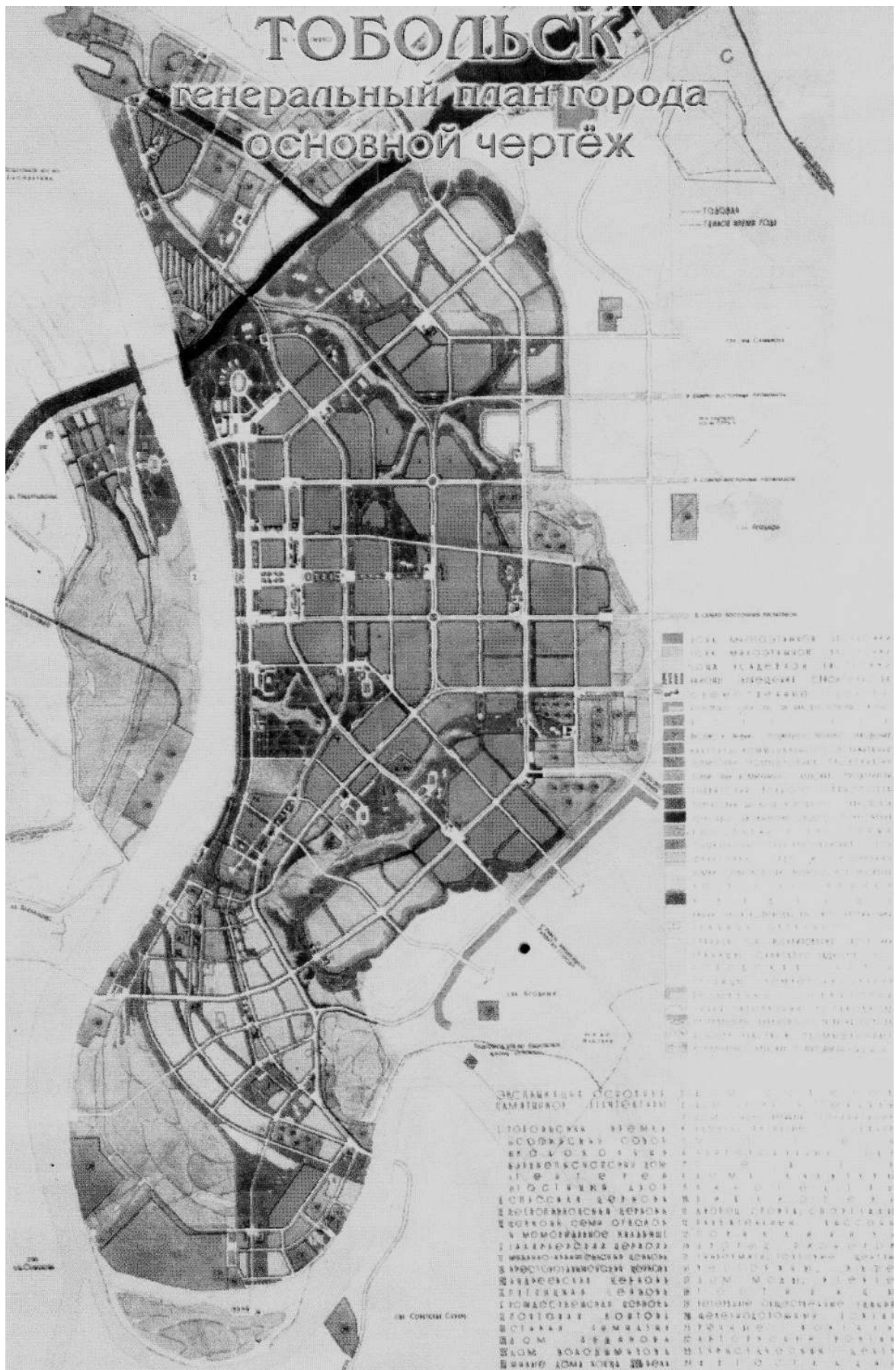
БАМ — Байкало-Амурская магистраль
 Госстрой РСФСР — Государственный комитет РСФСР по архитектуре и строительству
 Госгражданстрой (Госкомархитектуры) — Государственный комитет по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР
 Ленгипрогор — Ленинградский государственный институт проектирования городов
 Новосибиргражданпроект — проектный институт по жилищному, гражданскому и коммунальному строительству Новосибирского облисполкома
 РосНИПИурбанистики — Российский научно-исследовательский и проектный институт урбанистики
 СО РААСН — Сибирское отделение Российской академии архитектуры и строительных наук
 ЦНИИПградостроительства — центральный научно-исследовательский и проектный институт по градостроительству

Ил. 1. Тобольский кремль. Фотография Г.Н. Туманика. 1974 г.

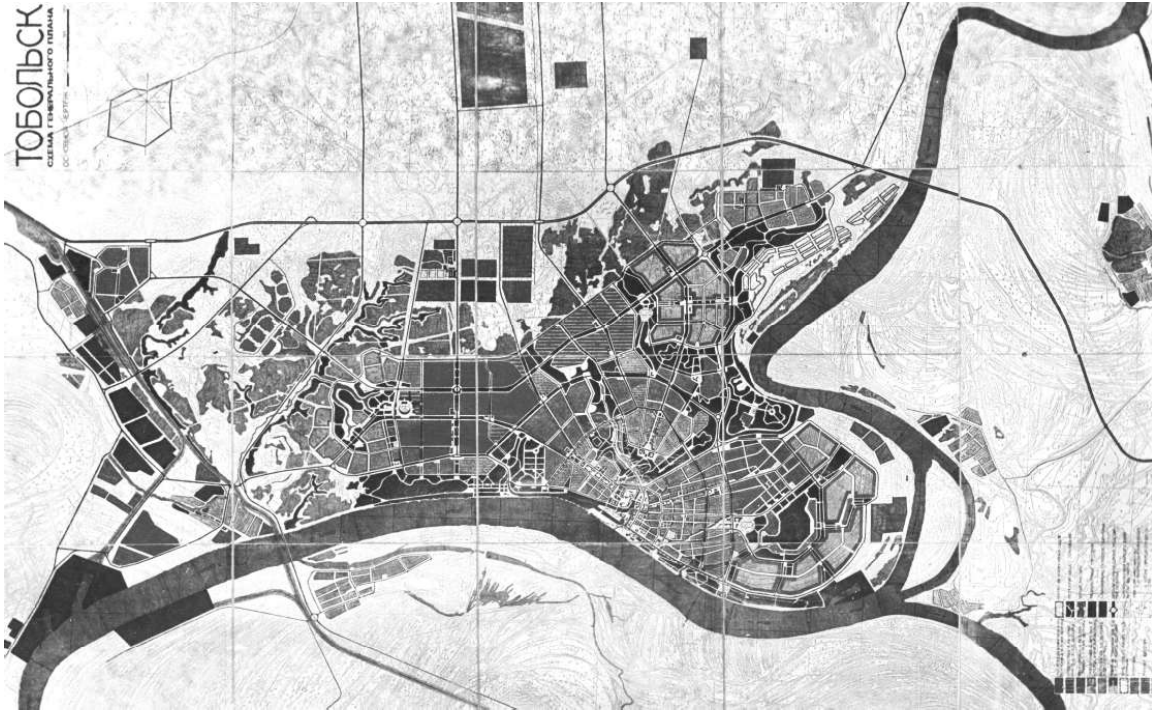
Ил. 2. План Тобольска в конце XVII в. Из «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова. 1699–1701 гг.

Ил. 3. Генеральный план г. Тобольска. Основной чертёж. Ленгипрогор, 1974 г.

Илл. 4. Конкурсный проект планировки и застройки центра г. Тобольска. Макет. Фотография. Всесоюзный закрытый конкурс. 1974 г. Поощрительная премия. Новосибирскгражданпроект. Архитекторы: Б.А. Жеребятев и Г.Н. Туманик (руководители проекта), А.Н. Лаптяйкин, В.М. Галямов, А.В. Бондаренко и др., инженер В.С. Кирш. Консультант — доктор архитектуры, профессор Е.А. Ащепков

Ил. 7. Схема генерального плана г. Тобольска. Утверждена в 1990 г. Архитекторы: Г.Н. Туманик (рук.), В.П. Блишков, В.П. Арбатский

Ил. 6. Конкурсный проект схемы генерального плана г. Тобольска. Всероссийский проектный конкурс-семинар. 1989 г. Первая премия. Архитекторы: В.П. Арбатский, В.П. Блишков, А.П. Долнаков, Г.Н. Туманик

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10098
УДК 72:94(571.56-25)

Д.С. Федотова
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
darya-rozhina@mail.ru
Научный руководитель: доктор искусствоведения Е.К. Блинова

Архитектурно-художественный облик советского парка в Якутске

Аннотация

Автор рассматривает архитектурно-художественные решения в первом проекте Центрального парка культуры и отдыха в Якутске 1936 г. как пример обобщенного подхода в раннем советском градостроительстве, не учитывающего региональные особенности территорий. Во второй части статьи рассматривается скульптура послевоенного советского периода в Якутске как часть общего феномена советской парковой идеологической скульптуры. В заключении автор делает выводы о том, какие факторы определили архитектурно-художественный облик Центрального парка в Якутске.

Ключевые слова: ЦПКиО в Якутске, архитектурно-художественный облик, садово-парковая скульптура, советская архитектура, ленинградские архитекторы в Сибири

D.S. Fedotova
The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg)
darya-rozhina@mail.ru
Scientific adviser is E. K. Blinova

Architectural and artistic image of Soviet park in Yakutsk

Abstract

The author considers architectural and artistic solutions in the first draft of the Yakutsk Central Park of Culture and Leisure of 1936 as an example of a generalized approach in early Soviet urban planning that does not take into account the regional features of the territories. The second part of the article examines the sculpture of the post-war Soviet period in Yakutsk as part of the general phenomenon of the Soviet park ideological sculpture. In conclusion, the author draws conclusions about factors that determined the architectural and artistic appearance of the Central Park in Yakutsk.

Keywords: Yakutsk Central Culture and Leisure Park, architectural and artistic image, landscape gardening sculpture, Soviet architecture, Leningrad architects in Siberia

Феномен центральных парков культуры и отдыха является историко-культурной и архитектурно-художественной ценностью, проверенной временем. В соответствии с советской архитектурной политикой градостроительные организации принимали кардинальные решения по строительству и смело приступали к их реализации. Однако подчас такие проекты не учитывали региональную специфику предполагаемой застройки. Примером такого несоответствия проекта и возможностей его реализации может служить Центральный парк культуры и отдыха в городе Якутске.

В середине 1930-х гг. институт ЛЕНГИПРОГОР начал разработку центральной части Якутска (ил. 1) [ЦГАНТД СПб. Ф. 46. Оп. 3–5. Д. 55.], в том числе, и парка культуры и отдыха (ил. 2). Проект парка был принят в 1936 г., в следующем году принята и смета на его реализацию. Авторы, ленинградские градостроители под руководством главного архитектора Ленинграда Ивана Ивановича Малоземова, выбрали для парка сосновый бор, находящийся на северо-западе города. Еще в 1929 г. силами местных комсомольцев на этой территории была основана культбаза

[История]. К 1938 г., к 15-летию Якутской автономной социалистической республики, были сооружены бетонированные дорожки, ряд строений, аттракционы, место для настольных игр, проката велосипедов, буфет-киоск. В планировке парка опирались на проект ЛЕНГИПРОГОРА, однако многие парковые архитектурные объекты в стилистике советской неоклассики, обозначенные в проекте, городской бюджет не потянул. Таким образом, проект ЛЕНГИПРОГОРА был реализован лишь фрагментарно, однако интересно рассмотреть его как феномен советского градостроительства второй половины 1930—х гг.

По проекту территория связывалась с центром города через улицу Кирова, отсюда проход вел к набережной Чернышевского — основному месту торговли. По плану к парку ведут улицы Пушкинская, Ворошилова и Габышева. Улица Лермонтова пролегает вдоль парка, подводя посетителей из северных и южных районов города. Главный вход в парк от набережной и центра города расположен по улице Кирова.

Руководитель проекта парка И.И. Малоземов разрабатывал два уровня парка — верхний и нижний

(впоследствии нижний парк стал именоваться Комсомольской площадью). По задумке автора, парк представлялся единым целым с городской средой. Данная концепция прекрасно прочитывается в перспективе улицы Кирова. Проектное задание по озеленению верхней и нижней площадки парка, ее дендрологическая часть и пояснительная записка к этим работам представлены С.О. Айнсберг, чертеж к нему выполнен под руководством И.И. Малоземова (ил. 3). Единственный недостаток территории будущего якутского парка, выделенный ленинградскими архитекторами — это отсутствие водоема. Его планировали создать искусственно. Предложение осталось без внимания, сейчас частично его отсутствие компенсируют фонтан и аттракционы, функционирующие с водой.

На выбранной территории ленинградские архитекторы создали грандиозный проект, полностью отвечающий градостроительной политике Советского Союза. По проектным документам, хранящимся в ЦГАНТД СПб, можно проследить лишь за архитектурно-планировочной идеей парка. В ней отчетливо читается сталинский неоклассицизм — планировка симметрична относительно главной оси. Подобное расположение напоминает классические регулярные сады французского ландшафтного архитектора Андре Ленотра, основной идеей которого было подчинение ландшафта геометрическим формам.

Проект ЛЕНГИПРОГОРА 1936 г. не был реализован, за исключением некоторых фрагментов. Ширина парадного входа и главной аллеи, размеры других аллей нынешнего ЦПКИО в Якутске выполнены в соответствии с проектом. Материалом для главного входа в парк послужило дерево, которое не является долговечным в условиях резко континентального климата, срок службы материала сокращается в разы. Вследствие этого входные ворота неоднократно перестраивались¹⁹. Проект не был реализован именно из-за недостаточного учета региональных особенностей территории. Команда разработчиков не могла не знать о климатических особенностях и отсутствии профессиональных кадров на местах. Для реализации проекта не хватало специалистов — архитекторов, строителей, инженеров, имеющих профессиональные знания в области проектирования в условиях северного ландшафта. Тем не менее, проект оформлен с размахом в твердой концепции раннего советского периода, как это регламентировалось советским правительством.

Советское архитектурное сообщество в период работы над проектом переживало кризис вследствие искусственного возвращения в неоклассицизм настолько, что конструктивистские проекты могли обрастать, в том числе и в сибирских городах, деталями неоклассики. Тотальная реформа создала вакуум творческого подхода в архитектуре страны.

Роль ленинградской школы градостроительства

¹⁹ Проблема разрушения коснулась и других городских построек. По наблюдениям автора, сделанным на основе изучения документов в ЦГАНТД СПб, в настоящее время здания, построенные в Якутске в конце 1950-х гг., имеют высокий процент износа (более 50% и выше) и подлежат демонтажу. Многоэтажные здания возводились в вечномерзлом грунте экспериментально, с помощью экономных строительных материалов. На сегодняшний день средний возраст этих построек составляет всего 66 лет с момента их возведения.

в формировании центральной части Якутска, в том числе ЦПКИО, выражается во внедрении планировки тоталитарного градостроительства в исторически иную среду дореволюционного Якутска. Если сравнивать с другими сибирскими городами, художественное отражение петербургской архитектуры на видах Якутска выражено слабо, фрагментарно. В дореволюционный период архитектор К.А. Лешевич, петербургский архитектор и изобретатель конца XIX в., приехавший по приглашению якутского губернатора Крафта, создал несколько сооружений, которые до сих пор приковывают взгляд жителей и гостей города на фоне большинства зданий, лишенных в значительной мере декоративного убранства. Ленинградские образы продолжают проявляться в период работы в городе выпускника Ленинградского института инженеров коммунального строительства И.Г. Смолькова, который приступает к обязанностям архитектора в 1937 г. В 1943 г. он стал первым главным архитектором Якутска, проработал до конца 1950-х гг. Сталинский неоклассицизм проявился в столице Республики Саха особенно скромно. Архитектурный стиль тоталитарного государства прочитывается по симметричному фасаду, наличию портика, рустованному первому этажу и в пропорциях оконных проемов зданий.

Образы Ленинграда прочитываются в сибирских городах очень отчетливо. Например, в Новосибирске в советское время несколько поколений архитекторов-ленинградцев проектировали административные и жилые дома. В период Великой Отечественной войны в город было эвакуировано множество ленинградцев, многие из которых были носителями особого культурного кода, оставившего отпечаток в духовной и материальной культуре города²⁰. ЛЕНГИПРОГОР нес в своем подходе архитектурные классицистические традиции европейских городов, которые гармонично сочетались с раннесоветскими директивами в градостроительстве и архитектуре. Данные образы и легли в основу проекта центральной части Якутска, в том числе, и ЦПКИО. Однако социально-экономические условия второй половины 1930-х — 1940-х гг. не позволили проекту быть реализованным до конца.

Коммунистическая идеология должна была прочитываться в облике парка. С этой целью и в лучших традициях садово-паркового искусства, помимо парковых сооружений, пространство парка заполняли скульптурой. Советская скульптура — особый пласт в истории изобразительного искусства, направленный на визуальное воплощение образа идеального гражданина, образов рабочих и трудящихся. Идеологическое и воспитательное значение скульптуры утратилось лишь к моменту распада СССР.

Неясно, какими скульптурами предполагалось заполнить парк, так как в ЦГАНТД СПб сохранился лишь общий план проекта. Известно, что, начиная с 1950-х гг., шла установка разных скульптур. Так, известный образ «девушки с веслом» был использован и в якутском парке. В отличие от прообраза, расположенного в центр фонтана в парке Горького, стоял отдельно. В центре нижнего парка располагалась скульптурная группа «Рабочий и комсомолец» из бронзы.

²⁰ Устное сообщение Д.Д. Гаркуша, заведующей Музеем истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина НГУАДИ.

21 июня 1957 г. в честь «сороковой годовщины победы Великой октябрьской социалистической революции» в ЦПКИО был торжественно открыт монументальный бронзовый памятник В.И. Ленину, высотой 2,5 м (ил. 5). В 1967 г. памятник переместили на площади Ленина, а позднее перевезли в город Нюрба, центр Нюрбинского улуса (в 1930–1992 гг. — Ленинский район Якутского автономной социалистической республики). 30 мая 1957 г. в ЦПКИО был установлен памятник М.И. Калинину. После переноса первого памятника Ленину в центр города, монумент Калинина занял его место и сохранился до наших дней. В том же 1957 г. возле летнего читального зала ЦПКИО был установлен памятник Серго Орджоникидзе (в 1915 г. Орджоникидзе был выслан в Якутскую область.) В настоящее время памятник находится в г. Покровске возле краеведческого музея Хангаласского улуса, который до 1992 г. именовался Орджоникидзевским районом. Здание музея было домом-лечебницей, где Орджоникидзе жил и работал фельдшером. На территории ЦПКИО непродолжительное время находился и памятник И.В. Сталину [Фотоэкскурсия...].

Основной используемый материал у большинства скульптур — гипс, покрытый олифой, сохранились также скульптуры, выполненные из бронзы. Памятники, установленные в якутском ЦПКИО, приравнены к типовым объектам, не имеющим художественной уникальности, вследствие чего не получали специального ухода. После конца 1980-х гг. многие скульптурные группы, например, пионера, дискоболла и др., выполненные из гипса, со временем потеряли свой первоначальный вид.

В ходе исследования составлена классификация парковых скульптур, расположенных в ЦПКИО Якутска:

1. Политические деятели СССР.

2. Образы советского гражданина. Знаковая статуя советских парков — «Девушка с веслом», танцовщица, девочка-пионер, мальчик-атлет, дискболл. Памятник «Рабочий и комсомолец».

3. Анималистическая скульптура — олень, установленный в центре фонтана (ил. 4).

С распадом СССР ЦПКИО, как один из феноменов советской культуры, перестает быть востребованным. Его идеологическое воздействие постепенно сокращается, воспитательная функция утрачивает былое значение. Однако постепенно нарастающий темп жизни вновь актуализирует форму паркового отдыха. На сегодняшний день задача адаптации парка к ценностям информационной эпохи особенно актуальна. Современный парк в России во многом развивается по принципу американских парков развлечений, при этом парки, созданные в советское время, сохраняют свою стилистику и элементы советской эпохи. Например, парк им. А.М. Горького в Москве наполняется необходимыми функциями для отдыха современного общества, сохраняя советское наследие.

Климатические и экономические условия влияют на архитектурный облик современного Якутска, в связи с чем облик города сегодня видоизменяется, сохраняя основные магистрали. Незаполненность современного ЦПКИО позволяет моделировать или трансформировать классическую регулярную планировку в соответствии с новыми предложениями по реконструкции парка. Подытоживая проведенный анализ, можно отметить, что на архитектурно-художественный облик современного ЦПКИО в Якутске повлияли:

– советское паркостроение — проект, выполненный ЛЕНГИПРОГОРОМ;

– представления коренного народа саха о пространственной организации освоенной территории;

– период распада советского государства, характеризующийся исчезновением парковой скульптуры;

– потребности общества информационной эпохи в комфортном пребывании на территории парка — возникающая современная парковая инфраструктура.

Архитектурное сообщество Якутска признает необходимость обновления паркового пространства. В 2016 г. при поддержке мэрии состоялся конкурс на разработку концепции развития центрального парка, победителем которого стал Николай Николаевич Алексеев, заведующий кафедрой архитектуры и городского строительства Инженерно-технического института Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова [Мэрия Якутска..., 2017]. Ключевым аспектом проекта выступает рациональное зонирование и расширение зоны активного использования территории парка. Эклектичность архитектурного облика, включающего в себя элементы традиционной якутской архитектуры, параметризма и классики, не противоречит с существующей пространственной средой. Второй из известных проектов предложен в 2018 г. магистрантом того же вуза Виталием Ермолаевым (руководитель — кандидат архитектуры Кузьма Афанасьевич Лыткин). Проект выполнен с современным подходом к организации композиционно-пространственной структуры, использует принципы органической архитектуры, однако в случае его реализации планировка советского парка будет полностью утрачена.

Список литературы

1. История // Официальный сайт парка культуры и отдыха в Якутске // [Электронный ресурс]. — URL: <http://park-yakutsk.ru/history> (дата обращения 18.04.2019).

2. Мэрия Якутска объявила конкурс на лучший общественный проект // Новости Якутии. — 21.04.2017 — [Электронный ресурс]. — URL: <https://news.ykt.ru/article/55961> (дата обращения 18.04.2019).

3. Федотова Д. С. Концепция проекта ЦПКИО г. Якутска // Архитектон: Известия вузов. — 2019. — №1 (65). — URL: http://archvuz.ru/2019_1/12

4. Фотоэкскурсия по памятникам городского парка. Якутск, 1962 год // Блог А. Дьяконова. — URL: <http://dnevnik.ykt.ru/alex02/720146>

References

1. Fedotova D. S. Kontseptsiya proekta TsPKiO g. Yakutsk. Arkhitekton: *Izvestiya vuzov*. 2019. No 1 (65). URL: http://archvuz.ru/2019_1/12 (data obrashcheniya 18.04.2019).

2. Fotoekskursiya po pamyatnikam gorodskogo parka. Yakutsk, 1962 god. Blog A. D'yakonova. URL: <http://dnevnik.ykt.ru/alex02/720146> (data obrashcheniya 18.04.2019).

3. Istoriya // Ofitsial'nyi sait parka kul'tury i otdykha v Yakutsk. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://park-yakutsk.ru/history> (data obrashcheniya 18.04.2019).

4. Meriya Yakutsk ob»yavila konkurs na luchshii obshchestvennyi projekt. *Novosti Yakutii*. 21.04.2017 — [Elektronnyi resurs]. URL: <https://news.ykt.ru/article/55961> (data obrashcheniya 18.04.2019).

Список источников

ЦГАНТД СПб. Ф. 46. Оп. 3–5. Д. 55. Государственный трест по проектированию городов и гражданских сооружений, г. Ленинград, 1940 г.

Список сокращений

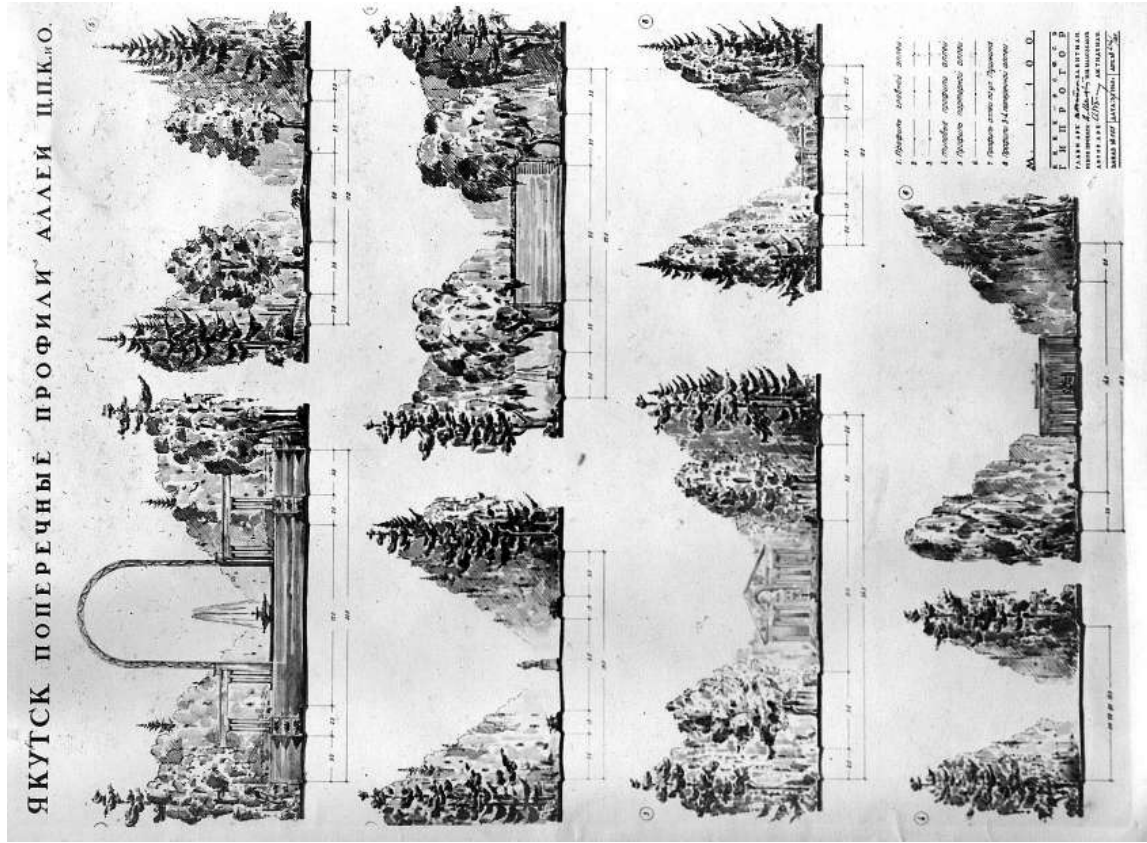
ЛЕНГИПРОГОР — Ленинградский институт проектирования городов

ЦГАНТД СПб — Центральный государственный архив научно-технической документации г. Санкт-Петербурга

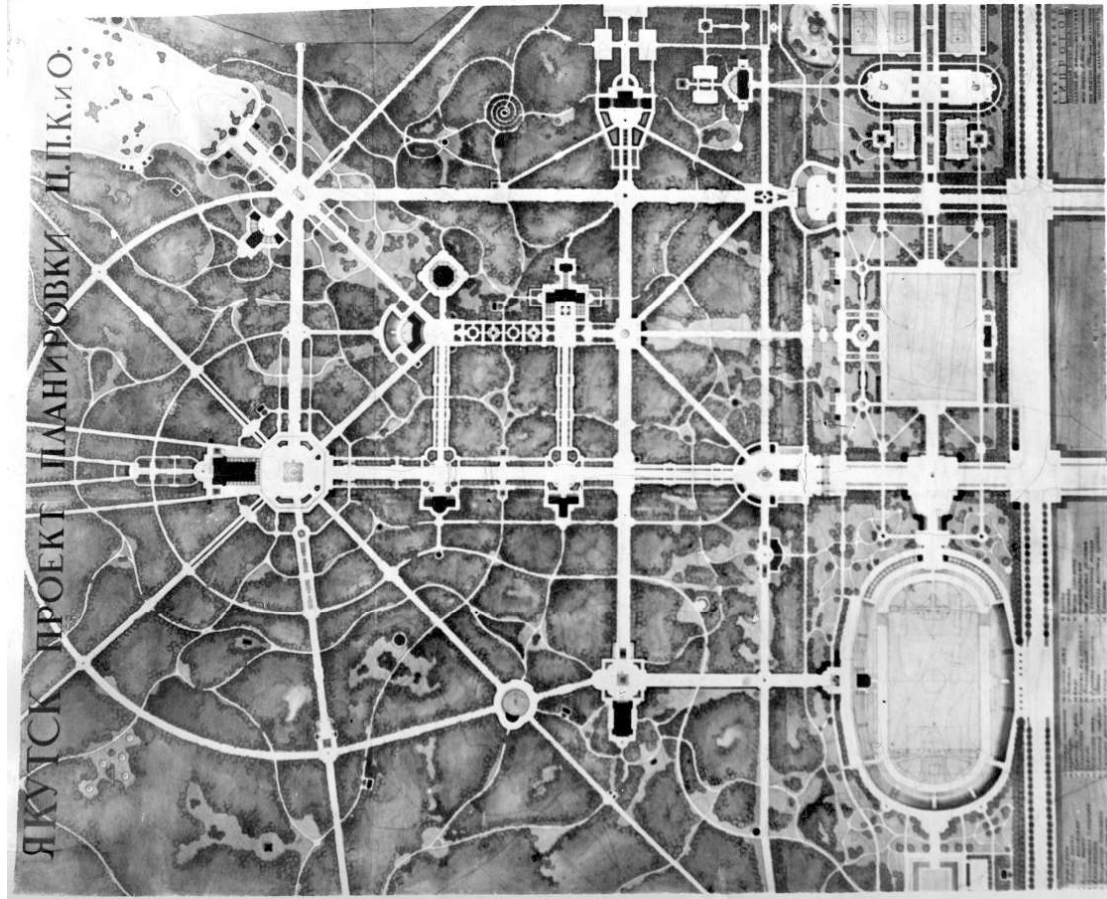
ЦПКИО — Центральный парк культуры и отдыха

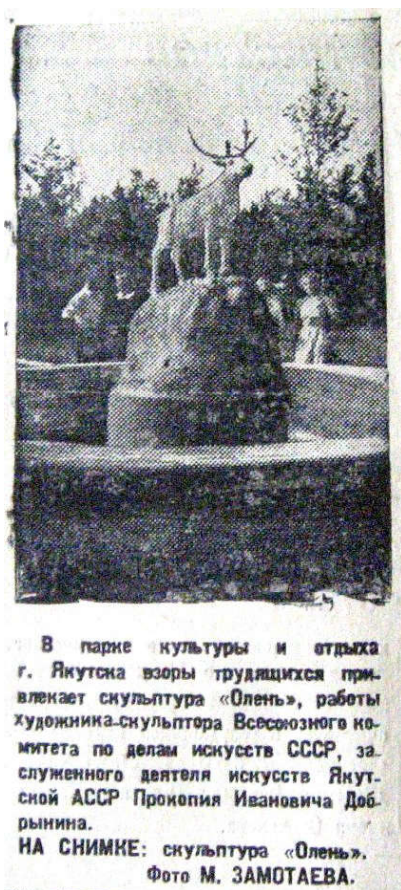
Ил. 1. Генеральный план г. Якутска, 1936 г. [ЦГАНТД СПб. Ф. 46. Оп. 3–5. Д. 55. Л. 3]

Ил. 2. План центрального парка культуры и отдыха в г. Якутске [ЦГАНТД СПб. Ф. 46. Оп. 3-5. Д. 55. Л. 11]

Ил. 3. Поперечные профили аллеи ЦККиО в г. Якутске, 1940 г. Руководитель проекта И.И. Малоземов, главный архитектор В.А. Витман, автор — архитектор А.И. Тидеман [ЦГАНТД СПб. Ф. 46. Оп. 3-5. Д. 55. Л. 13]

Ил. 4. Фонтан со скульптурой «Олень». Скульптор П.И. Добрынин [История]

Ил. 5. На центральной аллее ЦПКИО [История]

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10099
УДК 394.014

Е.Ф. Фурсова
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
mf11@mail.ru
М.В. Васеха
Институт этнологии и антропологии РАН (Москва)
maria.vasekha@gmail.com

Поселение — «город»? Междисциплинарный анализ подходов к определению понятия «город»

Аннотация

В статье рассматривается концептуальное понятие «город». Понятие «город» настолько многогранно, что не поддается осмыслению с позиций только одной науки или дисциплины. Исследователи — историки, этнографы, культурологи — проделали большую работу по разработке этого феномена поселения людей, истоков его формирования, отличительных особенностей на фоне сельских поселений в разные исторические эпохи. Сегодня особенно актуальным представляется уделить внимание явлениям, входящим в фонд городской бытовой культуры, соотношению унифицированных неэтнических и этнических компонентов.

Ключевые слова: концепт «город», историография проблемы, детерминанты понятия «город», городская бытовая культура

Е. F. Fursova
Institute of Archeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)
mf11@mail.ru
M. V. Vaseha
Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
maria.vasekha@gmail.com

Settlement is a city, isn't it? Interdisciplinary analysis of approaches to the definition of the concept «city»

Abstract

The article deals with the concept of «city». The concept of «city» is so multifaceted that it cannot be understood from the standpoint of only one science or discipline. Researchers — historians, ethnographers, culturologists, sociologists — have done a great job in developing this phenomenon of human settlement, the origins of its formation, and its features distinguished from rural settlements in different historical epochs. Today, it seems particularly relevant to pay attention to the phenomena included in the fund of urban household culture, and to the ratio of standardized non-ethnic and ethnic components.

Key words: concept "city", problem of historiography, determinants of the concept "city", urban household culture

Как указал в своем историографическом обзоре В.В. Карлов, в настоящее время в рамках исторического под хода мы располагаем достаточно обширным списком литературы как по общим проблемам горообразование и урбанизации, так и конкретными исследованиями по истории русского, советского, феодального и капиталистического города [Карлов, 1980, с. 67]. С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.Д. Чечулин, а вслед за ними фактически все современные историки, использовавшие терминологию источников без соответствующих оговорок, считали городами те поселения, которые названы этим словом в источниках. Сегодня уже очевидно, что официальный статус поселения не всегда отражал его реальное состояние. Если говорить относительно периода раннего и позднего средневековья, то Н.А. Рожков, Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин,

К.С. Сербина и пр. относят к городам торгово-промышленные поселения. М.Н. Тихомиров, А.М. Сахаров, Л.В. Черепнин, Я.Е. Водарский и пр. считают городами поселения, где наблюдалось сочетание торгово-промышленных функций с оформившейся или формирующейся городской (посадской) общиной [Карлов, 1980, с. 67; Сахаров, 1959, с. 130–144, 232]. В работах В.В. Мавродина и И.Я. Фроянова в рамках ленинско-марксистской концепции развита теория, согласно которой поселенческие центры племен становятся городами в результате разложения родового строя [Мавродин, Фроянов, 1970, с. 7–15].

М.Г. Рабинович, обобщив большой фактический материал о феодальных городах России, встал перед трудностями методологического характера. Автор выступает против разделения городов на «истинные», «города в научном смысле» и на поселения,

лишь названные городами в источниках [Рабинович, 1978, с. 16–17]. «Город мог возникнуть и из рядового сельского поселения, и из центра сельской общины («погоста»), и из феодального замка, и из пограничной крепости, и из промысловой слободы, и из торгово-ремесленного ряда, и из религиозного центра», — подытожил автор [Рабинович, 1978, с. 17]. Он видел задачу историков в выяснении причин, по которым современники квалифицировали поселение как город. Однако здесь важно вспомнить, на что справедливо обращал внимание А.М. Сахаров, — на факты именованья **городом** обнесенных забором усадеб вотчинников. Видимо, слова «град», «город» не имели однозначного смысла для современников [Сахаров, 1959, с. 22–23].

М.Н. Тихомиров, Б.Д. Греков заостряли внимание на занятиях жителей, считая городами населенные пункты с сосредоточением ремесленного, торгово-промышленного населения, в разной степени оторванного от земледелия [Тихомиров, 1946, с. 8–9; Греков, 1949, с. 95]. Сторонник «замковой теории» М.Ю. Брайчевский как на наиболее важный фактор становления города указывал на раннефеодальные крепости-замки (кремли), на основе которых выросло абсолютное большинство древнерусских городов [Брайчевский, 1951, с. 32–34].

Историки, таким образом, в своих работах ориентировались в понимании «город» на критерий людности поселения, занятия его жителей и территориальную принадлежность. Детерминанты в причислении к городам они видели в общей площади или заданной численности жителей, высоком уровне развития ремесла, торговли и промышленности, а также в наличии посадской общины и наборе административных функций [Загороднюк, Томилов, Федотова, 2016, с. 86].

Исследователи историко-культурного формирования городской среды прошли в отечественной историографии длинный путь от примитивной системы М. Ходаковского, считавшего, что город есть просто ограда, венец, круг...», до работ Н.П. Анциферова, заложившего комплексный культурологический подход к изучению городского пространства. Последний рассматривал город как живой организм, обладавший своим «языком», «душой» и «судьбой». Интерпретируя этот своеобразный организм как набор специфических знаков и символов, исследователь определял поселение как носителя информации о прошлом, текущем и будущем городской культурной среды: «Город мы воспринимаем в связи с природой... как каждый исторический памятник, но во всей своей цельности; наконец, он не только прошлое, он живет с нами своей современной жизнью, будет жить и после нас, служа приютом и поприщем деятельности наших потомков» [Погодин, 1837; Анциферов, 1991, с. 29, 38]. Знаково-символическое направление развивали другие ученые (И.М. Гревс, Ю.М. Лотман, Б.Н. Миронов и пр.). П.Г. Рындзюнский высказал мысль, что городу непременно должны быть присущи особые черты городского быта и образа жизни [Рындзюнский, 1976, с. 105–128]. Как социально-пространственный феномен в купе со спецификой жизни его обитателей рассматривается город в исследованиях О.В. Гефнер. Изначально люди формируют городское пространство, но позднее среда развивает духовный образ человека [Геф-

нер, 2012, с. 216–220].

Н.И. Загороднюк, И.С. Томилов, Д.Ю. Федотова предприняли попытку раскрыть многогранность понятия «город» и обобщить в своем историографическом обзоре различные точки зрения, предложив считать городом «сложный симбиоз общественно-экономических, административно-управленческих и социокультурных элементов, сложившихся искусственно в результате антропогенного фактора, где главным обуславливающим детерминизмом выступает формирование жизненного пространства человека с общественным укладом в качестве его сущности» [Загороднюк, Томилов, Федотова, 2016, с. 88].

Обращаясь к понятию «город» в целях этнографического изучения М.Г. Рабинович, вслед за историками, пришел к следующему выводу, что город — это местный центр (промышленный, торговый, политический, административный, военный, культурный, религиозный), однако, добавил к уже имеющимся характеристикам сложность этнического состава и «городской образ жизни» [Рабинович, 1983, с. 24].

О.Р. Будина и М.Н. Шмелева рассматривали проблему формирования русского городского населения через призму культурной преемственности, соотношения культурных явлений, входящий в современный фонд бытовой культуры. «Известно, что в современном фонде бытовой культуры, — пишут авторы, — содержатся как унифицированные неэтнические компоненты, так и этнические, имеющие разное происхождение и разные ареалы. Для городского варианта бытовой культуры в особенности характерна, как мы убедились, большая насыщенность этнически не маркированными явлениями. Вместе с тем он непременно включает культурные формы, в которых реализуется этническая специфика культуры» [Будина, Шмелева, 1987, с. 16]. Внимание к малым городам России присутствует в работах В.Л. Глазычева, который считал, что в выигрыше оказываются те малые города, что удачно лежат на основных путях, обеспечивавших разумную трату времени на дорогу [Глазычев, 2008, с. 38–39]. По мнению автора, идеологическая направленность науки в советское время надолго затормозила исследование малых городов, и в планы институтов включались, в основном, либо города-новостройки, либо описание «показательного» колхозно-совхозного села [Глазычев, 2008, с. 41].

Л.Р. Кызласов, анализируя воздействие города на разработку новых форм культурного развития людей, обратил внимание, что у многих народов, в их числе у славян, человеческое тело и жилище имеют общие названия для различных своих членов и частей: лоб, лицо, окно (око), усы, устье (уста), чело, ноги, зад. Общеизвестно, что при трудных родах женщин в старину непременно открывали дверь дома, а также ворота [Кызласов, 1991, с. 46]. В ранних представлениях человека огороженное поселение или город обретали антропоморфные формы или принимали образы стихийных явлений природы или воспринимались как символы вселенной. Очевидно, что «великим» в глазах народа являлся тот город, который как бы был создан Богом и затем дарован людям. Древние города, окруженные стенами и рвами, имели две основные схемы городской планировки — круг (овал) и квадрат (прямоугольник), т.е. по представлениям жителей земель в семантическом

смысле олицетворяли образ космоса — вселенной [Кызласов, с. 46–47].

Что касается сибирских материалов, то здесь ситуация требовала особого подхода, так как под понятие «город» попадали и военные крепости («остроги»), и укрепленные деревни. Новосибирский историк Д.Я. Резун пришел к выводу, что в ходе освоения Сибири и осуществляющегося при этом градостроительства происходила эволюция терминов «город» и «острог» [Резун, 1979, с. 176]. Реальной основой этого процесса был рост социально-экономического и культурного значения многих уездных городов и расширение их административных прав. Вначале правительство рассматривало уездные «остроги» как поселения в административном отношении рангом ниже «городов», но в 70–80-е гг. XVII в., а тем более в конце этого столетия, когда Сибирь превратилась в «страну городов», смешивать эти понятия уже было нельзя. В своих последующих работах автор писал еще более определенно: «...экономическая, социальная и культурная функция этого небольшого числа «городов» могла эффективно работать только потому, что находилась в окружении и тесном взаимодействии с громадной массой небольших городских поселений типа «острогов» и «слобод». Можно категорически утверждать, что исторический опыт освоения Сибири указывает на малые и средние города как на наиболее эффективную форму колонизации необжитых и малообжитых территорий» [Резун, 1998, с. 9]. В последние годы заметно возрос интерес к проблемам сибирского города, истории его возникновения, развития городской культуры и хозяйства, различным аспектам общественной жизни, архитектурного развития и пр., о чем свидетельствуют серии сборников статей «Сибирский город XVIII — начала XX веков» (Иркутск).

Феномену западноевропейского города посвящено множество солидных исследований (И.М. Кулишер, Ф. Бродель, В. Зомбарт, О. Шпенглер и др.), выделяется несколько видов городов, обосновывается целый ряд версий их происхождения и наличия специфических признаков (города-«господа», города-«слуги» или даже «рабы», города чиновников, промышленные города и пр.). В качестве особого типа выделяются города-столицы. Этот феномен характеризуется Ф. Броделем как своего рода общенациональный «паразит», поскольку потребляет ресурсов больше, чем производит, но выполняет необходимые функции поддержания порядка в масштабах государства [Бродель, 2011, с. 469, 490]. В западноевропейских языках, как и в русском («град», «город»), очевидным признаком города было «огороженное место», «место, укрепленное валом и рвом — бург» [Хохлов, 2010, с. 134]. В работе Ф. Броделя признаками города названы практика свободы, стремление к самоизоляции, желание подчинить окружающее пространство, наличие рынка и пр. [Бродель, 2011, с. 473, 480]. По проблеме происхождения европейского города были выдвинуты идеи происхождения из римских городов, из городских гильдий, из сельской общины, из вотчины, наконец, как следствие развития рынка [Кулишер, 2004, с. 215, 217]. Возникновение тысяч мелких городков эпохи средневековья объяснялось медленностью перевозок того времени, необходимостью существования остановок: «Те 3 тысячи горо-

дов разных размеров, что насчитывала Германия в XV в., были в такой же мере и этапными пунктами на дорогах: в 4–5 часах пути один от другого на юге и на западе страны, в 7–8 часах пути — на севере и на востоке» [Бродель, 2011, с. 466].

В сформировавшейся за рубежом науке урбанистике исследователи сосредотачивались на раскрытии современных социальных проблем, разработке теорий и подходов. Проблемы урбанистики, связанные со спецификой городского образа жизни, его воздействию на традиционные социальные отношения, трансформациях городского социума и пр. были поставлены в зарубежной социологии с XIX в. [Habbard, 2006; Трубина, 2013, с. 41]. По Г. Зиммелю способы бытия людей неразрывно связаны с вариантами поведения, мышления, отношения к окружающим и ценностям («сила денег»), этического измерения жизни [Zimmel, 2006; Трубина, 2013, с. 48, 55, 57]. В исследованиях классической чикагской школы можно выделить несколько специфических для них концептуальных направлений: нацеленность на углубленное изучение города, в котором жили ученые (Чикаго), сочетание эволюционизма и натурализма в подходах к изучению города («городская экология») и т.д. [Трубина, 2013, с. 65–66].

Как следует из обзора, авторы разных направлений науки и идеологических убеждений сходятся в том, что понятие «город» всегда представляло собой сложное социокультурное явление, постоянно трансформировавшееся под воздействием разного рода факторов (социально-экономических процессов, форм городского управления, проводимой политики, характера взаимодействия этнических и неэтнических элементов и пр.).

Для этнографов важно, что семантическое осмысление города-вселенной находит подтверждение по этнографическим материалам в среде сельских жителей конца XIX — начала XX в. Интересно, что переселенцы Сибири хранили память о сакральной связи «огорода», «городьбы» своих усадеб («вотчин») на Троицкой неделе с последующим «наказанием» как сделанного в неуточное время. Память об этом сохраняется и среди современных сельских жителей, которые считают, что нарушение таких запретов может нанести вред сельскому сообществу, т.е. вызвать град, засуху и пр. (ПМА, 1990-е гг.). Как известно, у разных славянских народов запреты городьбы (или града) могли быть приурочены к дням христианских святых (у болгар, македонцев, сербов), особо почитаемым дням троицкой недели (напр. среды в Полесье) [Славянские древности, с. 536]. Таким образом, огораживание рассматривалось как символический акт, который должен был осуществлен в «правильное» время, чтобы охранять, т.е. «удержать» место [Фурсова, 2016, с. 65–68].

Что касается антропоморфизма поселения и жилища человеческому телу, то здесь также находится много подтверждений в полевых этнографических материалах. Сельские переселенцы в российских (сибирских) городах принесли с собой многие этнические элементы разного происхождения, что, безусловно, выделяло и выделяет их на фоне унифицированных форм городской культуры XX в. Очевидно, что в разные исторические периоды взаимодействие этнических и неэтнических культурных форм различалось интенсивностью противостояния, обуслов-

ленного направленною демографических, социально-политических, экономических процессов.

Список литературы

1. Анциферов Н.П. «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. — СПб.: Лениздат, 1991. — 335 с.
2. Будина О.Р., Шмелева М.Н. Проблема традиционности современной бытовой культуры русского городского населения // СЭ. — 1987. — №6. — С. 15–25.
3. Браичевский М.Ю. К происхождению древнерусских городов // КСИА. — 1951. — Вып. 41. — С. 32–34.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. — Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. — М.: Прогресс, 2006. — 679 с.
5. Гефнер О.В. Военные и горожане в западно-сибирском городе второй половины XIX века: опыт ситуационного исследования // Проблемы культуры городов России: теория, методологи, историография, исследовательские модели и практики. — Омск: Наука, 2012. — С. 216–220.
6. Глазычев В.Л. Урбанистика. — М.: Издательство «Европа», 2008. — 220 с.
7. Греков Б.Д. Киевская Русь. — М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1949. — 510 с.
8. Загороднюк Н.И., Томилов И.С., Федотова Д.Ю. Определение понятия «город» в отечественной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — №5 (67). — С. 86–89.
9. Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранные работы. — Киев: Ника-Центр, 2006. — С. 61–79.
10. Карлов В.В. К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии // Русский город (проблемы городского образования). — М.: Издательство Московского университета, 1980. — Вып. 3. — 66–83.
11. Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. — Т. 1–2. — Челябинск: Социум, 2004. — 617 с.
12. Кызласов Л.Р. О понятии «город» в древности и средневековье // Вестник Московского университета. — 1991. — №4. — С. 43–48.
13. Мавродин В.В., Фроянов И.Я. Ф. Энгельс об основных этапах развития родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник Ленинградского университета. — 1970. — №20. — С. 7–15.
14. Погодин М.Н. Русский исторический сборник. — М.: Тип. МГУ, 1837. — Т. 1. — Кн. 3: Историческая система Ходаковского. — 128 с.
15. Пориев Я. Об экономическом понятии существенных различий между городом и деревней // Известия Академии наук Латвийской ССР. — 1964. — №8 (205). — С. 3–13.
16. Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. — М.: Наука, 1978. — 328 с.
17. Рабинович М.Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) // СЭ. —

1983. — № 3. — С. 19–24.

18. Резун Д.Я. Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII века // Вестник истории. — 1979. — №10 — С. 172–176.

19. Резун Д.Я. О некоторых проблемах современной сибирской исторической урбанистики // Сибирский город XVIII — начала XX веков. Вып. 1. — Иркутск: Издательство Иркутской высшей школы МВД России, 1998. — С. 4–10.

20. Рынзюнский П.Г. Основные факторы городского образования в России второй половины XVIII в. // Русский город: ист.-методол. сб.: в 2-х т. — М.: МГУ, 1976. — Т. 1. — С. 105–128.

21. Сахаров А.М. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. — М.: Изд-во Московского университета, 1959. — 236 с.

22. Славянские древности. Этнолингвистический словарь. — М.: Международные отношения, 1995. — Т. 1: А-Г. — 77 с.

23. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. — 520 с.

24. Тихомиров М.Н. Древнерусские города // Ученые записки Московского университета. — М., 1946. — Вып. 99. — С. 8–9.

25. Фурсова Е.Ф. Запреты в Троицкую (русальную) неделю у славянских переселенцев Западной Сибири // Баландинские чтения: сборник статей памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2016. — Т. XI. — С. 65–68.

26. Хохлов Е.Б. Западноевропейский город в эпоху средних веков: понятие и признаки // Правоведение. — 2010. — №6. — С. 133–143.

27. Hubbard P. City. — L.; N.Y.: Routledge, 2006. — 232 с.

References

1. Anciferov N.P. «Nepostizhimyj gorod...». Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Peterburg Pushkina. St. Peterdurg: Lenizdat, 1991, 335 p. (In Russ.).
2. Budina O.R., Shmeleva M.N. Problema tradicionnosti sovremennoj bytovoj kul'tury russkogo gorodskogo naseleniya. Sovet Ethnography, 1987, No 6, pp. 15–25. (In Russ.).
3. Brajchevskij M.YU. K proiskhozhdeniyu drevnerusskih gorodov. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury*. Moscow: Academy of Sciences of SSSR, 1951, Iss. 41, pp. 32–34. (In Russ.).
4. Brodel' F. Material'naya civilizaciya, ehkonomika i kapitalizm, XV – XVIII vekah. Vo. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe. Moscow: Progress, 2006, 679 p. (In Russ.).
5. Fursova E.F. Zaprety v Troickuyu (rusal'nuyu) nedelyu u slavyanskih pereselencev Zapadnoj Sibiri. In *Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: NGAHA, 2016, Vol. XI, pp. 65–68. (In Russ.).
6. Gefner O.V. Voennye i gorozhane v zapadnosibirskom gorode vtoroj poloviny XIX veka: opyt situacionnogo issledovaniya. In *Problemy kul'tury gorodov Rossii: teoriya, metodologi, istoriografiya, issledovatel'skie modeli i praktiki*. Omsk: Nauka, 2012, pp. 216–220. (In Russ.).
7. Glazychev V.L. Urbanistika. Moscow:

Izdatel'stvo «Evropa», 2008, 220 p. (In Russ.).

8. Grekov B.D. Kievskaya Rus'. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1949, 510 p. (In Russ.).

9. Hohlov E.B. Zapadnoevropejskij gorod v ehpohu srednih vekov: ponyatie i priznaki. Pravovedenie. 2010, No. 6, pp. 133–143. (In Russ.).

10. Habbard R. City. L.; N.Y.: Routledge, 2006. 232 p. (In Engl.).

11. Karlov V.V. K voprosu o ponyatii rannefeodal'nogo goroda i ego tipov v otechestvennoj istoriografii. In *Russkij gorod (problemy gorodoobrazovaniya)*. Iss. 3. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980, pp. 66–83. (In Russ.).

12. Kulisher I.M. Istoriya ehkonomicheskogo byta Zapadnoj Evropy. Vol. 1, 2. Chelyabinsk: Socium, 2004, 617 p. (In Russ.).

13. Kyzlasov L.R. O ponyatii «gorod» v drevnosti i srednevekov'e. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 1991, No. 4, pp. 43–48. (In Russ.).

14. Mavrodin V.V., Froyanov I.YA. F. Ehngel's ob osnovnyh ehtahap razvitiya rodovogo stroya i vopros o vozniknovenii gorodov na Rusi. *Vestnik Leningradskogo universiteta*, 1970, No. 20, pp. 7–15. (In Russ.).

15. Pogodin M.N. Russkij istoricheskij sbornik. M.: Tipografia MGU, 1837. Vol. 1. Pt. 3. *Istoricheskaya sistema Hodakovskogo*, 128 p. (In Russ.).

16. Poriētis YA. Ob ehkonomicheskom ponyatii sushchestvennyh razlichij mezhdou gorodom i derevnej. *Izvestiya Akademii nauk Latvijsskoi SSR*, 1964, No. 8, pp. 3–13. (In Russ.).

17. Rabinovich M.G. Ocherki ehtnografii russkogo feodal'nogo goroda. Gorozhane, ih obshchestvennyj i domashnij byt. Moscow: Nauka, 1978, 328 p. (In Russ.).

18. Rabinovich M.G. K opredeleniyu ponyatii «gorod» (v celyah ehtnograficheskogo izucheniya). *Sovet Ehnography*, 1983, No. 3, P. 19–24. (In Russ.).

19. Rezun D.YA. Ehvoluciya ponyatij «gorod»

i «ostrog» v prikaznom delo proizvodstve XVII veka. *Vestnik istorii*, 1979, No. 10, pp. 172–176. (In Russ.).

20. Rezun D.YA. O nekotoryh problemah sovremennoj sibirskoj istoricheskoi urbanistiki. In *Sibirskij gorod XVIII — nachala XX vekov*. Iss. 1. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskoj vysshej shkoly MVD Rossii, 1998, pp. 4–10. (In Russ.).

21. Ryndzyunskij P.G. Osnovnye faktory gorodoobrazovaniya v Rossii vtoroj poloviny XVIII v. In *Russkij gorod: istoriko — metodologicheskij sbornik: v 2-h tomah*. Moscow: MGU, 1976, Vol. 1, pp. 105–128. (In Russ.).

22. Saharov A.M. Goroda Severo-Vostochnoj Rusi XIV — XV vekov. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1959, 236 p. (In Russ.).

23. Slavyanskie drevnosti. Ehtnolingvisticheskij slovar'. A–G. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995, 577 p. (In Russ.).

24. Trubina E. Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 520 p. (In Russ.).

25. Tihomirov M.N. Drevnerusskie goroda. *Uchenye zapiski Moskovskogo universiteta*, 1946, Iss. 99, pp. 8–9. (In Russ.).

26. Zagorodnyuk N.I., Tomilov I.S., Fedotova D.YU. Opredelenie ponyatiya «gorod» v otechestvennoj istoriografii. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2016, No. 5, pp. 86–89. (In Russ.).

27. Zimmel' G. Konflikt sovremennoj kul'tury. Zimmel' G. Izbrannye raboty. Kiev: Nika-Centr, 2006. P. 61–79. (In Russ.).

Список сокращений

СЭ — Советская этнография

Сибирский город на рубеже XIX и XX веков

Siberian Town at the Turn of the 19th and 20th Century

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10100
УДК 72 (571.1)

А.В. Брянская¹, Л.Ю. Исаева²

¹Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова (Томск)

²Томский областной художественный музей (Томск)

²lisa20051963@mail.ru

«Подворовые обходы» архитектуры. Томск. 1920 год

Аннотация

В докладе рассматриваются архитектурные «подворовые обходы», которые проводила в 1920 г. в Томске Секция по охране памятников искусства и старины. С июня по октябрь Секцией было проведено 20 осмотров томской архитектуры, составлены протоколы. Протоколы, заполненные художниками и архитекторами Б.Н. Засыпкиным, А.Л. Шиловским, П.С. Тарским, В.М. Мизеровым, сопровождалась быстрыми карандашными зарисовками. Позже на основе протоколов были сделаны фотографические снимки или выполнены акварельные зарисовки объектов, проведены обмеры отдельных деталей. Об обходах было известно по воспоминаниям художников, но протоколы отсутствовали. Коллекция, поступившая в декабре 2018 г. в Томский областной краеведческий музей, демонстрирует масштаб деятельности Секции и поражает количеством памятников деревянной архитектуры, украшавших старый Томск.

Ключевые слова: Томск, секция охраны, памятники архитектуры, «подворовые обходы», протоколы осмотров, эскизы, наличники, ворота

A.V. Bryanskaya¹, L.Y. Isaeva²

¹ShatilovTomsk Regional Museum of Local Lore (Tomsk)

²Tomsk Regional Art Museum(Tomsk)

²lisa20051963@mail.ru

Architectural "courtyard observations".Tomsk. 1920

Abstract

The article deals with architectural «courtyard rounds», which were conducted in Tomsk in 1920 by the Society of preservation of monuments of art and antiquity. From June to October, the Society conducted 20 examinations of the Tomsk architecture, reports were drawn up. Reports filled out by artists and architects B.N. Zasyppkinym, A.L. Shilovsky, P.S. Tarsky, V.M. Mizerov, accompanied by quick pencil sketches. Later, on the basis of the reports, photographs were taken or watercolor sketches of objects were made, separate details were measured. The rounds were known from the memoirs of artists, but the reports were missing. The collection, received in December 2018 in the Tomsk Regional Museum of Local Lore, demonstrates the range of the Society's activities and amazes with the number of wooden architectural monuments that adorned old Tomsk.

Key words: Tomsk, Society of preservation, architectural monuments, courtyard rounds, inspection reports, sketches, platbands, gates

Томский губернский комиссариат по народному образованию (далее – Губоно) был создан 17 декабря 1919 г. Через десять дней при подотделе искусств Губоно начинается деятельность секции по охране памятников искусства и старины. Заведовал секцией²¹ М.М. Берингов. В ее состав входили подсекции — археологическая, музейно-выставочная, искусств и архитектуры, занимающаяся «охраной и изысканиями народного творчества в области архитектуры» [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 143. Л. 2, 177об.].

Видя состояние томских домов, приехавший из Петрограда в Томск к родителям выпускник Ака-

²¹ Секция, подсекция, отдел, подотдел — название, структура, состав подразделения и руководящий состав в течение года постоянно меняется на основании постановлений Наркомпроса РСФСР от 18.09, 05.10.1918 г., 07.03.1921 г. и Губоно от 09.01, 02.05, 02.09.1920 г., 08.05. 1921 г., сохраняя неизменными функции защиты и охраны памятников.

демии художеств архитектор Андрей Леонидович Шиловский (1887–1921) [Исаева, 2009, с. 23–25], руководитель подсекции архитектуры, подготовил докладную записку в подотдел, в которой писал о необходимости срочного обследования томской архитектуры. Он отмечал, что «многие деревянные постройки, представляющие собой большой художественно-исторический интерес и относящиеся к древнейшему традиционному типу русского деревянного зодчества, ныне покосились и могут бесследно погибнуть <...> пожары, являющиеся бичом сибирских городов, <...> завершат дело разрушения, и тогда только придется вздыхать да гадать о былом историческом Томске» [Труды..., 2002, с. 7].

Профессиональные знания Шиловского позволили организовать научную работу отдела. Современники писали: «Им же выработан план работ по ар-

хитектурной секции. Оставаясь постоянно идейным вдохновителем и практическим исполнителем большей части начинаний, Шиловский поставил дело охраны памятников деревянной томской архитектуры на твердую почву, в 20-ти обходах, протоколы которых сопровождаются ценными набросками. Шиловский совместно с организованной им комиссией спецов, в состав которой вошли: художники Берингов, Тарский, Засыпкин и др. зафиксировали большую часть подлежащих охране в г. Томске и того, что нужно зарисовать в 1, 2, 3 очередь. Часть особенно ценных памятников были отмечены как уникальные, которые А.Л. Шиловский называл «уники» [Архив ТОКМ/ Ф.1. Оп. 4. Д. 310; Оп. 1. Д. 143. Л. 2].

Обращая внимание на важность сохранения памятников архитектуры, Шиловский настаивал на необходимости изучения и фиксации памятников Томска: «Зная, что секция не имеет еще разработанного плана для этих работ, считаю нужным обратить внимание секции на необходимость, в первую очередь, произвести «подворовые обходы» — обследование всех старинных деревянных построек и домов: как-то ворот, заборов, беседок, амбаров, относящихся к усадьбам» [Труды ..., 2002, с. 7].

А.Л. Шиловский был знаком с методами современной архитектурной науки. Молодой специалист получил практический опыт реставрационных работ под руководством Н.К. Рериха, принимая участие в летних экспедициях в Кострому и Новгород. Поэтому, разрабатывая собственную программу научного исследования томской архитектуры, он выдвигал предложения по обследованию не только отдельных стоящих зданий, но и проведению мероприятий, охватывающих исследование всего комплекса усадебных построек, характеризующих городскую среду.

«Подворовые обходы» начались 2 июля 1920 г. В первую очередь было обследовано одно из самых старинных сооружений города — Томский Богородице-Алексеевский мужской монастырь. Сотрудниками секции М.М. Беринговым, П.С. Тарским, Б.Н. Засыпкиным, А.Л. Шиловским был составлен протокол осмотра территории монастыря и деревянной домово́й церкви [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 310. Л. 21об.].

В качестве примера однодневного «подворового обхода» мы взяли обход №3, который насчитывал 29 адресов по маршруту Нечаевская (Фрунзе), 12 — Монастырская (Крылова), 28 — келья старца Федора — Монастырская, 27 — Банный пер. (часть Белинского), 4, 6, 9 — угол Нечаевской и Банного пер., 9 — ворота около синагоги и Нечаевской — угол Монастырского пер. (ул. Плеханова) и Монастырской, 15 — Монастырская, 20 — Семинарский пер. (Юрточный), 8, 9, 11, 14, 20 — река Игуменка — Колпашевский пер. (Рузского), 22, 15 и двор, 26 — вид у мостика через Игуменку с Колпашевского переуллка — Монастырский луг (Заливная), 25, 13, 3, 4 — Шумихинский пер., 5 — Орловский пер., 3, 10, 12.

На маршруте обхода было осмотрено 39 памятников. По 24 объектам группа прошла вместе, 15 записей занес в протокол Шиловский, завершая обход «в одиночку». Следует учесть, что отдельным объектом исследования мог быть не только сам дом, но и его отдельные части, например, балкон или терраса, а также постройки, располагающиеся на усадебном участке — флигель, амбар, ворота или заплот.

Протокол состоял из шести колонок, где указы-

вались порядковый номер, название улицы, номер дома, название объекта, давалось описание (тип постройки, этажность, стилевое направление, цветовые характеристики) и план задания по фиксации объекта. В последней графе цифрами 1, 2, 3²² указывался порядок очередности проведения зарисовок.

Сначала участники экспедиции осмотрели три двухэтажных дома и зафиксировали в протоколе: «1) Рубленый в традициях ампира. Мансарда вверху. Дом на каменном полуподвальном этаже. Зарисовать со двора крыльцо. Обмерить наличники, окна, карниз. Интересны планы всех этажей как типичный пример ампирического решения дома с мезонином. 2) Дом двухэтажный с мансардой. Интересны со двора крыльцо. Традиции ампира, типичен в своем плановом решении. Необходимо измерить планы этажей. Сфотографировать. 3) Дом двухэтажный. Зарисовать со двора с крыльцом. Красив по пропорциям и хранит очарование рубленой стены».

Затем была обследована келья «Федора Кузьми́ча с записью интересных икон. Хороши деревянные простые ампирические киоты. В домике — его келье сохранились старинные ставни изнутри и характерная пристройка у уборной. Хорош ампирический стул с резьбой. Келью необходимо детально обмерить: план, разрез, фасад. В келье имеется чертеж. Сделать выемку этого чертежа с отдачей кельи копии. Описать произвести подробную всего и немедленно взять под охрану секции. Решить вопрос о перенесении или оставлении икон».

Далее сотрудники секции осмотрели ворота по улице Монастырской, 27 и приняли решение сделать зарисовки «из-за интересных висящих монументальных модульонов. 2». Следующий объект по переулку Банному, 4: «...Уника. Ворота. Зарисовать, обмерить. Очень интересны по зеленому фону белой резьбой. Замечательна композиция филенок, полотенец. Ворота без калитки. Акварель обязательна. 1» (ил. 1).

Еще одни ворота показали интересные исследователям у дома №9: «Ценны колонки как декоративный мотив. Зарисовать». Рядом с этим домом, но на углу Нечаевской, нужно было «зарисовать портал с колонками. 2». Около синагоги и Нечаевской улицы была сделана запись: «Ворота. Разрушающиеся. Измерить по отделке. Пропорции строго — ампирические. Неминуемо зимой исчезнут. Обмерить. 1». На углу Монастырского переуллка и Монастырской улицы, 15 требовалось зафиксировать «дом, ворота и следующий дом по Монастырской. Зарисовать общий вид как характерный старый деревянный Томск времен, пожалуй, ампира. 1». 12-м объектом обследования по протоколу стал двухэтажный дом по Монастырской, 20, о котором записано: «Ампир. Замерить все: план, фасад, разрез. Красота в простых вписанных пропорциях и обшивной простой отделке. 1»

На Семинарском переуллке был отмечен двухэтажный дом под №8 в стиле ампирический. Для дома №9 «необходима акварель. Обмерить наличники окон. Заплот при этом доме интересен, хоть и крайне прост 2».

²² Сохраняя язык документа и считая очередность проведения зарисовок (особенно разрушающихся домов) важной позицией в плане проводимых секцией работ, здесь и ниже по тексту в цитируемых протоколах в конце каждого авторского текста цифрами указывается порядок — 1, 2 или 3. Чтобы подчеркнуть значение этой величины, цифры даны курсивом.

Двухэтажный дом №14, у которого «характерный фасад со щипцом над перебитым карнизом», также внесен в протокол. В доме №20 привлекла внимание вывеска: «Интересна, как имеющая по впечатлению что-то с футуризмом. Обратит внимание на композицию, сообразно которой и орфография претерпела эволюцию. 1». Дважды в протоколе подчеркивалась «живописность Семинарского переулка для этюдов художников» (ил. 2). Рекомендовано было «снять долину реки Игуменки как характернейшую картину старого Томска. 1».

«Подворовые обходы» по Колпашевскому переулку добавили в протокол «Наличники и общий вид, на дворовый флигель с крылечком. Наличники в первом — ампириные, ступенчатые, на втором — сочными фестонами. 3» дома №22, двухэтажный дом №15, который «удивителен по композиции и в выполнении. Ныне уже, по-видимому, снята обшивка. Интересно устройство навесного этажа внутри здания» и «домик во дворе одноэтажный. Интерес в полихромии. Штукатуренный. Обмерить и зарисовать наличники окон. Акварель обязательна. 1». Отмечены также достопримечательности дома №26 — «заплот и сохранившуюся еще часть ворот, от которых уцелела только калитка. 1». Завершался обход по Колпашевскому переулку предложением «сфотографировать дом №12 с близлежащими домами или зарисовать. Интересен воздушный объем в перспективе между домами. 1».

Большой блок в протоколе занимает осмотр Монастырского луга — огромной территории сенокосов и пастбищ, принадлежавших монастырю и сдававшихся в аренду под застройку с середины XIX в. На этой улице, застроенной хаотично небогатыми жителями, было найдено шесть показательных архитектурных объектов и сделано восемь зарисовок, сохранившихся в фондах музеев.

Привлекло внимание «спецов» ворота по Монастырскому лугу, 25: «Красные, с сохранившейся еще резьбой над калиткой. Акварель обязательна. Нужен обмер. Интересна обшивка полотнищ ворот. Резьба выпилки примитивнейшая. Знаменует начало выпилочного ажурного позднейшего стиля. Зарисовать выпилку эту точно с сохранением характера. 1». Примечательным показался исследователям традиционный для Сибири тип амбара для хранения продуктов — охотничьего лабаза на высоких столбах у дома №13: «Зарисовать амбурушку на куриных ножках высяняющий этот сказочный образ, с характернейшей для севера высокой крышей. Амбар этот стоит во дворе и важен общим видом на гору, к которой примкнут, и домишками, громоздящимися по склону горы. Амбар этот по Шумихинскому переулку. Зарисовать его и сверху и с опорными ножками. 1» (ил. 3)

Отмечены были для зарисовки наличники дома №3 и ворота дома №4, которые «являются редким изысканным типом решетчатых ворот». Сам дом выделен на полях примечанием «Уника!» и далее записано: «Представляют старинную богатейшую усадьбу времени постройки дачи Сосулина на Степановке. Окна с барочными мотивами. Одни старые, другие новые. Интересны по замыслу. **Взять под охрану!** В пристройке цветные стеклышки. Интересно происхождение решетки наверху по бокам мансарду, вызванное, вероятно, постоянными весенними потопами (как складочное место). Современные жильцы

говорят, что все они перебираются в эту крошечную мансарду. Нижний этаж уже под землю ушел. Необходимо зарисовать, замерить. В калитке на пороге прибита подкова (бытовая черта) как знак счастья. Выяснить в историческом и бытовом отношении эту деталь. Исследовать всю эту усадьбу. Не было ли это богатое поместье какого-либо купца. 1».

Впечатлила А.Л. Шиловского лестница к переулку Орловскому: «Обязательно разгородить ворота и сделать доступ на лестницу из улицы для прохожих. Лестницу зарисовать. Это в будущем достопримечательное место города Томска, напоминающее по своим природным условиям один из спусков, устроенных Палладио в Виченцах²³. Даже сейчас этот спуск хранит печать очарования своей воздушной перспективой. Хозяин проходу пешеходов препятствует и по рассказам собирается сделать взвоз, что недопустимо, да едва ли и нужно будет строить дорогу и нарушать естественную красоту узкого круглого спуска, так хорошо вяжущего с обрывом горы. 1» (ил. 4).

Далее был осмотрен Орловский переулок, 3: «Дом сибирских пропорций. Сделать рисунок. Интересный типичный сибирский дом. Интересны ступенчатые наличники и фронтоны решетки фасада. 1». Затем архитектор отметил ворота у дома №10 с «верхней частью, обработанной двумя полудугами. 1» и дом №12, сделав запись в протоколе: «...зарисовать полуоткрытые ворота с куском дома, так чтобы попала дымовая труба. 2».

В завершении обхода А.Л. Шиловский пишет: «Зарисовать общий вид конца Орловского переулка. Желательно акварелью. Мотив пейзажа, окаймленного архитектурой».

В архиве ТОКМ сохранился протокол №1 заседания комиссии по регистрации памятников архитектуры, на которой присутствовали гражданский инженер А.Д. Крячков, профессор Б.П. Деннике, архитекторы Б.Н. Засыпкин и А.Л. Шиловский. Документ недатирован, но можно сделать предположение, что комиссия заседала в ноябре 1920 г., когда были завершены «подворовые обходы». В пятом пункте протокола указывается, что «желательно кроме фотографий и обмеров производить зарисовки акварели и этюды, как отдельных памятников, так и характерных улиц, домов, уголков и пейзажей» [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 310. Л. 8]. Пункт шестой поручает Борису Николаевичу Засыпкину подготовить инструкцию для обмеров памятников архитектуры.

Разработанная инструкция предусматривала вопросы, которые могли возникнуть у исследователя, была снабжена множеством рисунков с примерами и пояснениями. План работ для обмеров включал в себя обязательные пункты: «1) зарисовка плана и его измерение; 2) зарисовка разреза по плану; 3) зарисовка фасада в геометрии, соблюдая пропорции, показывая характерность и особенности. Сложные и мелкие детали, орнаменты и профили зарисовы-

²³ Андреа Палладио (1508–1580) — великий итальянский архитектор позднего Возрождения, основоположник палладианства и классицизма. Автор литературных произведений «Римские древности» и «Четыре книги об архитектуре» (1570). Виченца — город в итальянской области Венеция, в котором Андреа создал много архитектурных сооружений. Андрей Шиловский посещал город и знакомился с архитектурой мастера после окончания Академии художеств в 1914 г.

вать отдельно...» [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 310. Л. 122–122 об.] и требование — отдельно зарисовывать наличник.

К протоколу был приложен список «Сооружений г. Томска, подлежащих охране подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины, как высокохудожественное недвижимое имущество» [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 310. Л. 8]. В списке, кроме объектов деревянного зодчества, содержится перечень из 12 культовых зданий и памятников на кладбищах по Иркутскому тракту и в Алексеевском мужском монастыре, а также 15 старинных гражданских зданий. Текст документа откорректирован А.Л. Шиловским. Он исправил номера домов, указал дополнительные сведения об этажности домов, их месторасположении — во дворе или на улице. В верхней части листа, рядом с заголовком, имеется его пометка о том, что список опубликован в бюллетене газеты «Знамя революции» от 28 октября 1920 г.

Документ был подготовлен на основании 20 «подворовых обходов», проведенных секцией со 2 июня по 3 ноября 1920 г. В обходах принимали участие М.М. Берингов, Б.Н. Засыпкин, Л.П. Проскуракова, А.Л. Шиловский, П.С. Тарский, И.С. Аввакумов, А.В. Внуков и И.М. Мягков от археологической секции. Следует отметить, что семь обследований городских улиц А.Л. Шиловский провел один (2-й, 6-й и с 15-го по 20-й). Сотрудниками было осмотрено 500 объектов (без учета памятников на католическом, еврейском и православном кладбищах возле Вознесенской церкви), составлены протоколы и принято решение о ценности каждого.

В приложении к газете «Знамя революции» опубликовано «Обязательное постановление по охране памятников подотдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины», в котором говорится, что на основании декрета об охране памятников искусства и старины от 5 октября 1918 г. «впредь до постановления общего списка памятников архитектуры художественным древностям воспрещаются всякие сломки, переделки по всей губернии и реставрации старинной архитектуры, сооружений имеющих художественный или исторический интерес...» [Знамя..., 1920].

Чтобы выделить эти здания на фоне городской застройки, А.Л. Шиловским была разработана и изготовлена охранная табличка — деревянная доска с надписью: «Дом взят под охрану как памятник искусства. Никакие переделки, перестройки и ремонт не разрешаются без ведома подотдела. О случаях разрушения доносить подотделу. Декрет 28 апреля 1920 г. Цените и охраняйте красоту. Жизнь коротка, искусство вечно» [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.] (ил. 5).

О деятельности секции рассказывают документы из архива ТОКМ. В отчете за период с июля 1920 по май 1921 г. говорится, что «...секцией велась работа по обследованию архитектуры и искусства старого Томска. Зарегистрированы и обследованы почти все улицы, где найдено много уник, причем сделано около 300 зарисовок со старого деревянного Томска и 50 фотографий...» [Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 17–20; Оп. 3. Д. 151. Л. 2–2 об.].

Пример Шиловского, его убежденность в необходимости охраны памятников, сыграли свою роль. К зарисовкам старинных домов и усадеб Томска были

привлечены томские художники. Среди них Н.И. Жегалов, А.Н. Тихомиров. М.М. Берингов, А.Н. Внуков, А.В. Лобанов, К.Н. Земский, Г. Фатеев, Б.Н. Засыпкин, Б.Л. Кутуков, М.М. Марго, В.А. Рыфтин, В.М. Мизеров, П.Ф. Федоровский, И.С. Аввакумов, С.К. Просвиркина, М.Б. Вериго-Чудновская, А.Ф. Пигалев, И.И. Писарев, Х.А. Гусева, М.А. Козмин, А.В. Станкевич, Базилевский, Сычев, Бутаков и другие, фамилии которых из-за сокращений не установлены [Хроника..., 2019, с. 167–205].

Сравнивая количество памятников, опубликованных в бюллетене «Знамя революции», с теми, что были зарисованы и хранятся в ТОКМ и ТОХМ, можно сделать вывод, что третья часть плана фиксации объектов секцией была выполнена, так как 32 зарисовки из 90 адресно совпадают. Всего в коллекциях томских музеев находится около 260 работ с архитектурными зарисовками. На некоторых из них нет никаких надписей, на других — улицы и дома, не указанные в газете. Благодаря протоколам можно расширить представление о масштабе деятельности секции и продолжить атрибуцию рисунков.

Пока сделан только предварительный осмотр документов. На его основе публикуется эта статья, анонсирующая направление исследовательской работы. Нами проводится систематизация документов, их расшифровка, так как тексты плохо читаются, бумага и чернила выцвели, карандаш осыпался...

К 1922 г. деятельность секции постепенно прекратилась, во многом из-за ухода руководителя. В некрологе на смерть «европейски образованного человека», Андрея Леонидовича Шиловского, археолог И.М. Мягков пишет, что, кроме зарисовок улиц старого Томска, в музее хранятся рукописи художника:

«1. Папка обходов и протоколов регистрации старинных построек с рисунками и чертежами.

2. Рукописи: предсмертная — «Деревянный Томск».

3. Кладбище Кольванского завода с большим количеством рисунков.

4. Политично или аполитично искусство.

5. Описание Загорной улицы и других» [Мягков, 1927, с. 210].

Долгие годы исследователям были доступны не все указанные материалы. В 2018 г. вдова известного российского архитектора Александра Петровича Долнакова, Елена Алексеевна, разбирая архив, обнаружила старые пожелтевшие листы с печатью «Томский краевой музей». Она приехала в Томск и передала их в фонды Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова. Теперь эта папка с протоколами «подворовых обходов», вернувшаяся в Томск почти через 100 лет, позволит открыть еще одну интересную страницу истории культурной жизни города.

Список литературы

1. Знамя революции — 1920. — №20.
2. Исаева Л.Ю. Вклад А.Л. Шиловского в изучение и сохранение памятников архитектуры в Томске. — Томск: СТТ, 2009. — 304 с.
3. Мягков И. Художник-архитектор А.Л. Шиловский (некролог) // Труды Томского краевого Музея. — Томск: [Красное знамя], 1927. — Т. 1. — С. 208–210.

4. Труды Томского областного краеведческого музея. — Томск: Изд-во Томского университета, 2002. — Т. XI. — 267 с.

5. Хроника художественной жизни Томска. 1920–1926. — Томск: [Б. и.], 2019. — 224 с.

References

1. Hronika hudozhestvennoj zhizni Tomska. 1920–1926. Tomsk, 2019, 224 p. (in Russ.)

2. Isaeva L.YU. Vklad A.L. Shilovskogo v izuchenie i sohranenie pamyatnikov arhitektury v Tomske. Tomsk: STT, 2009. 304 p. (in Russ.)

3. Myagkov I. Hudozhnik-arhitektor A.L. Shilovskij (nekrolog). In Trudy Tomskogo kraevogo Muzeya. Tomsk: [Krasnoe znamya], 1927, Vol. 1, pp. 208–210. (in Russ.)

4. Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2002, Vol. XI, 267 p. (in Russ.)

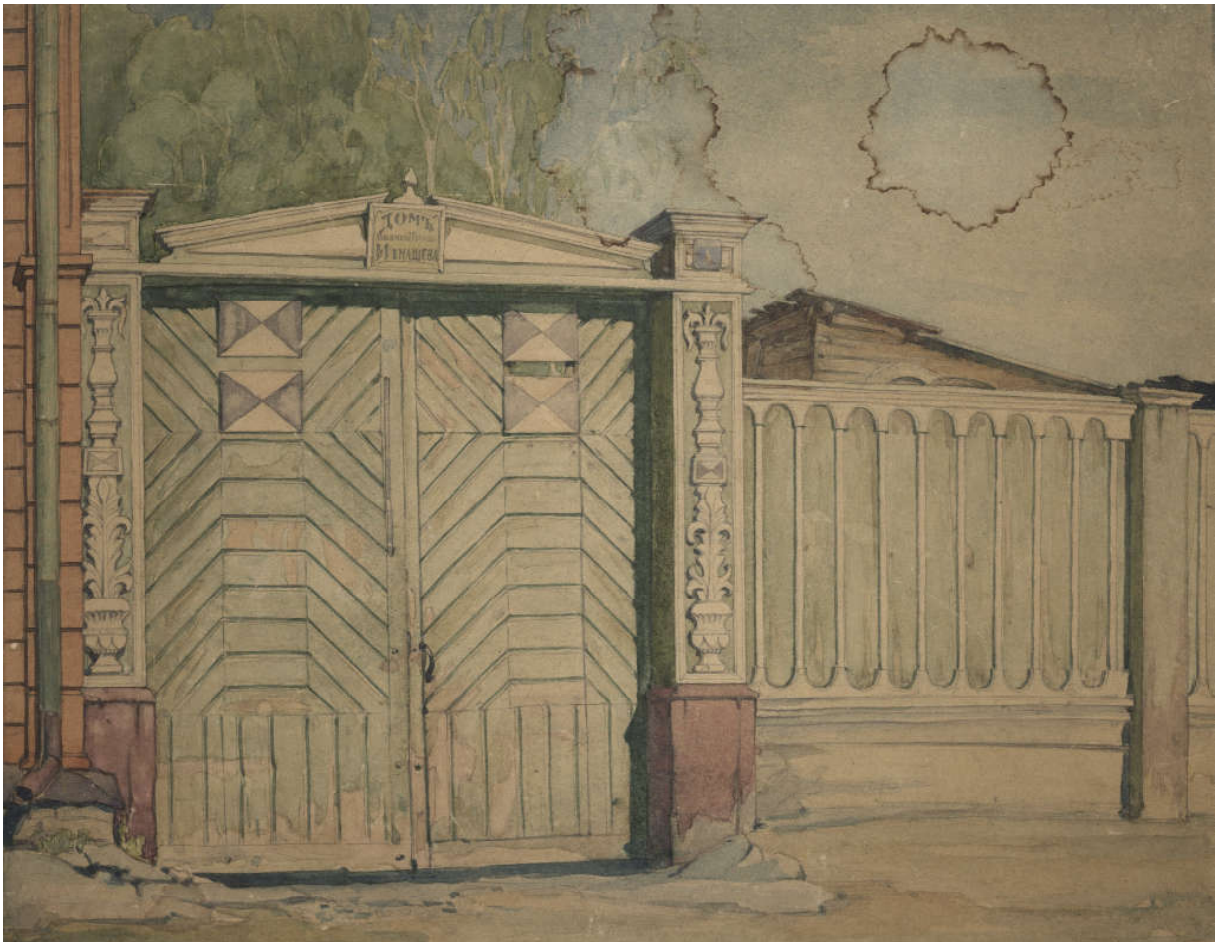
5. Znamya revolyucii, 1920, No. 20. (in Russ.)

Список источников

1. Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
2. Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.
3. Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 143.
4. Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 151.
5. Архив ТОКМ. Ф. 1; Оп. 4. Д. 310.
6. Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 11.

Список сокращений

- ВХУ — Высшее художественное училище
Губнаробраз — губернский отдел народного образования
Губоно — губернский отдел народного образования
ТОКМ — Томский областной краеведческий музей
ТОХМ — Томский областной художественный музей

Ил. 1. А.Л. Шиловский. Переулок Банный, 4. Из фондов ТОКМ

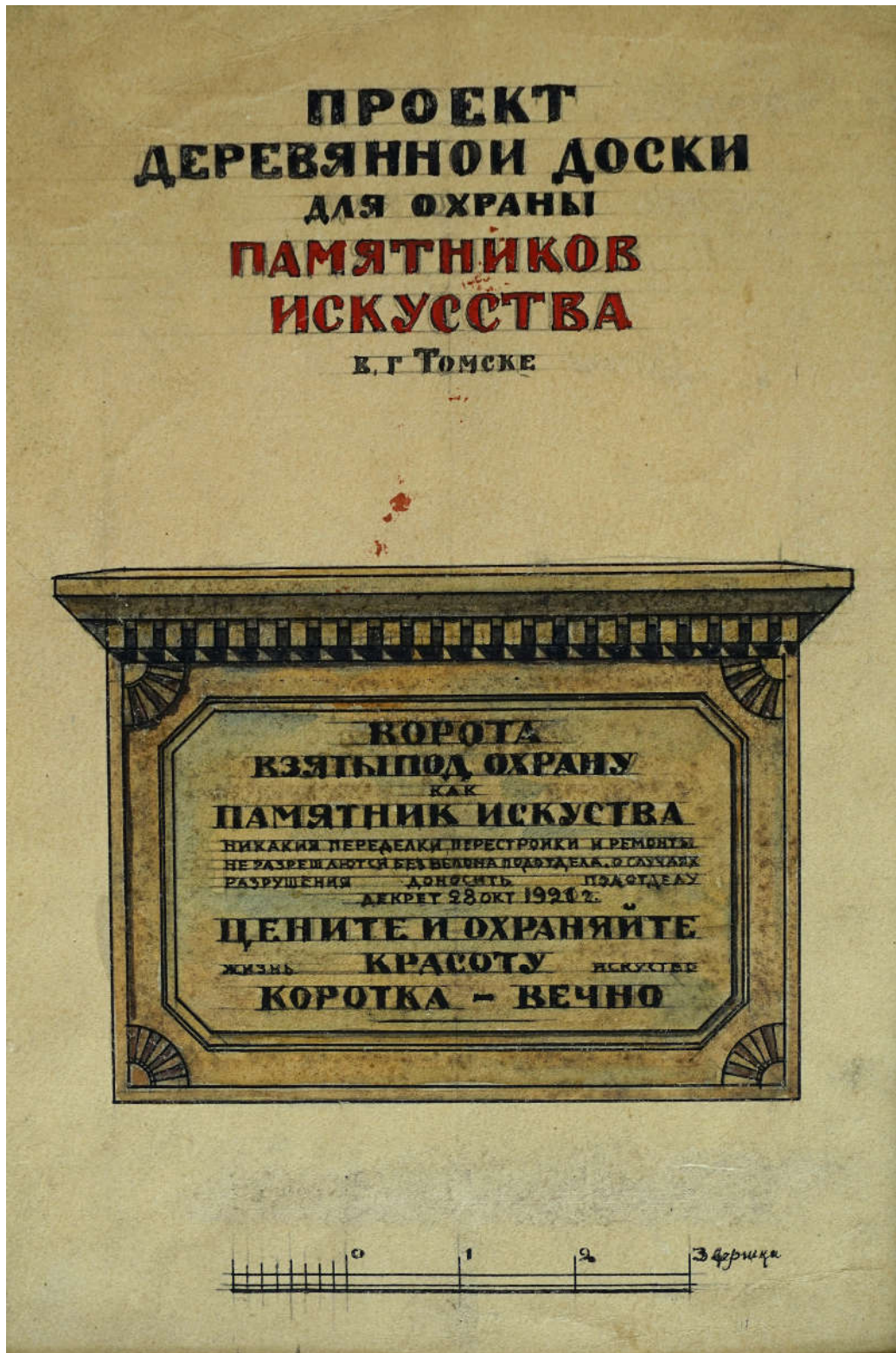
Ил. 2. А.Л. Шиловский. Семинарский переулоч. Из фондов ТОКМ

Ил. 3. М.М. Берингов. Амбар на Монастырском лугу. Из фондов ТОКМ

Ил. 4. В.М. Мизеров. Монастырский луг. Томск. 1921 г. Из фондов ТОХМ

Ил. 5. А.Л. Шиловский. Проект деревянной доски. Из фондов ТОХМ

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10101
УДК 72.03+711.5

М.С. Вельдина¹, В.В. Паршуков²
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹mmargarrita8@gmail.com, ²vvp.novosib@rambler.ru

Архитектурно-пространственный анализ улицы Гудимовской (Коммунистической) в городе Новониколаевске (Новосибирске) на период 1893–1920 годов

Аннотация

В статье рассмотрены некоторые аспекты истории становления ул. Гудимовской (Коммунистической) в городской структуре Новониколаевска (Новосибирска) в период 1893–1920 гг. Выявлена главная функция улицы как связующей нити между застройкой центральной части города и пристанью. Выполненный архитектурно-пространственный анализ улицы показал различие в застройке кварталов начала и конца улицы. Размещение гостиничных, банковских и прочих учреждений обслуживающей функции в структуре улицы характеризуют ее как одну из главных улиц города в период его становления.

Ключевые слова: Новониколаевск, архитектура, градостроительство, улица в структуре города, городской квартал

M.S. Veldina¹, V.V. Parshukov²,
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
¹mmargarrita8@gmail.com, ²vvp.novosib@rambler.ru

Architectural and spatial analysis of the Gudimovskaya (Kommunisticheskaya) Street in the city of Novonikolayevsk (Novosibirsk) in the period of 1893–1920

Abstract

The article deals with some historical aspects of the creation of the Gudimovskaya (Kommunisticheskaya) Street in the urban structure of Novonikolayevsk (Novosibirsk) in the period of 1893–1920. The main function of the street as a connecting thread between the buildings of the central part of the city and the pier is revealed. Conducted architectural and spatial analysis of the street showed the difference in the building blocks of the beginning and end of the street. The arrangement of hotels, banks and other service institutions in the structure of the street determines it as one of the main streets of the city during its formation.

Keywords: Novonikolayevsk, architecture, urban planning, street in the structure of the city, city block

С каждым годом интерес к истории города Новосибирска возрастает как со стороны обычных жителей и гостей города, так и со стороны специалистов в области культуры, истории, архитектуры. Городская среда как сложный элемент находится в постоянном движении, всегда имеет определенную степень изменчивости в каждый момент своего развития.

Актуальность представленной темы обусловлена потребностью в изучении данной темы профессиональными специалистами архитектурного сообщества, занимающимися формированием городской среды, ее структуры и развития.

Архитектурная среда и, в частности, архитектура, в большей степени, чем любое другое искусство, являются живыми свидетелями истории. Каждое здание, квартал и улица — продукт своего времени, пересечение социальных, политических, культурных и технологических явлений. Изучая архитектуру улицы, можно наиболее полно представить ту эпоху, в которой оно было создано.

Цель исследования — генезис архитектурно-пространственного развития и структурно-функционального изменения ул. Гудимовской (Коммунистической) в период с начала становления города Новониколаевска (Новосибирска) по настоящее время, с определением хронологических этапов. С подобной целью в 2014–2015 гг. В.В. Паршуковым и С.Н. Еремеевым было выполнено исследование квартала № 22 по этой улице, результаты которого позволили уточнить периодизацию строительных изменений застройки и дали основу для охвата исследованием всей улицы [Паршуков, Еремеев, 2015]. Кроме этого, эволюцию застройки в кварталах №17–18 по ул. Коммунистической исследовал Д.И. Поповский [Поповский, 2016]. Выявленные хронологические этапы позволили уточнить задачи исследования каждого из них.

Настоящий первый этап исследования ул. Гудимовской охватывает период с 1893 по 1920 гг. и решает следующие задачи:

- рассмотрение условий становления планировочной структуры города, определившей направления улиц, взаимосвязь частей города и доступность береговой территории;

- выявление роли улицы Гудимовской в градостроительной системе центральной части Новониколаевска;

- анализ структурно-функциональной организации застройки кварталов улицы;

- раскрытие ее архитектурного образа в период становления города.

Планировочная структура будущего города-миллионника Новосибирска получила свое развитие с упорядочения самовольной застройки территории на правом берегу Оби у устья речки Каменки рядом с местом строительства железнодорожного моста. На захват Кабинетских земель, активно начавшийся с прибытием большого количества рабочих на строительство моста, достаточно оперативно отреагировали чиновники Главного управления Алтайского горного округа (далее ГУ АГО): уже к концу 1894 г. стихийно развивающееся поселение получило первый регулярный план, составленный в соответствии с противопожарными требованиями Строительного устава. И следом, с учетом темпов роста, в 1896 г. межевщик Кузнецов разбил сетку кварталов, расчертив план территории, объединяющий поселок Кривошековский (под таким названием он упоминается в документах ГУ АГО) и застройку станции Обь в единое поселение [Минина, 2015, с. 147]. Через 10 лет поселок Новониколаевский (официально получивший это название в начале 1898 г.), удачно расположившийся на пересечении главных направлений перемещения грузов и товаров железнодорожным и водным транспортом, с населением более 27 тысяч человек, получает статус безуездного города Томской губернии, и в 1910 г., с населением выросшим до 60 тысяч человек, становится уездным городом.

Функционально-планировочная организация города была предопределена застройкой первоначального поселения у устья Каменки, трассировкой Транссибирской магистрали и организацией перевалки грузов, перевозившихся по реке Обь, а также пассажирскими перевозками по реке и железной дороге [Новокшенов, 2013, с. 16].

По плану межевания территория Новониколаевска состояла из трех частей — Центральной, Вокзальной и Закаменской, разделенные на прямоугольные кварталы, сетка которых была ориентирована в соответствии с характером существующего рельефа, расположением линии железной дороги и береговой линии Оби [Новокшенов, 2013, с. 33–34]. Сетка кварталов Центральной части, начинавшаяся от устья речки Каменки, поднималась вверх в северном направлении, заданном формировавшейся главной улицей, ось которой почти совпадала с географическим направлением на север, при этом перпендикулярные ей улицы вдоль длинных сторон кварталов получили ориентацию запад-восток.

Кварталы исследуемой территории города относятся к его Центральной части, имеют стандартные размеры 100 x 50 саженей (213,3 x 106,65 м) и площадь 5000 кв. саженей (2,27 га). Кварталы, примыкавшие к полосе отвода железной дороги, а также упировавшиеся в правобережные склоны речки Камен-

ки, имели другие размеры. Кварталы разбивались на участки под застройку размером 10 x 25 саженей (21,3 x 53,3 м) и площадью 250 кв. саженей (1135,3 кв. м), таким образом, стандартный квартал содержал 20 участков.

По плану межевания центральной части один из перекрестков в начале двух взаимно перпендикулярных улиц пришелся на участок, где в одном уровне расположились проезды улиц и земляное изолотно Трассибиурской магистрали, поднявшееся из глубокой выемки после мостового перехода. Улица, идущая в восточном направлении, была названа Гудимовской в честь Павла Константиновича Гудима-Левковича, управляющего местным Кабинетом Его Императорского Величества Николая II (на землях Кабинета и возник город Новониколаевск). Улица северного направления была названа Дворцовой. В 1920 г. постановлением Горюездного исполкома в числе 14 улиц города Гудимовская была переименована в Коммунистическую, Дворцовая — в улицу Революции [Памятники истории..., 2011, с. 263].

С перекрестка Гудимовской и Дворцовой был организован один из четырех переездов Транссиба с выходом на прибрежную территорию [ГАНУ. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 49. С. 5], где располагались склады грузов и товаров для перевалки с речного транспорта на железнодорожный и наоборот. Рядом был и лесопильный завод, ближе к железнодорожному мосту несколько жилых участков, а также дебаркадеры пассажирских причалов. Кроме этого, вдоль железной дороги сохранилась полоса лесного бора (так называемые «Сосновские дачи»), которая была благоустроена и оформлена в городской парк «Александровский сад», просуществовавший до 1941 г. Таким образом, Гудимовская улица стала одной из главных городских магистралей, связав портовую (пристанскую) часть и городской парк с застройкой центральных кварталов города и Базарной площадью, располагавшейся рядом с собором Св. А. Невского. Это предопределило функциональное назначение улицы в рассматриваемый период. На планах города 1906 и 1915 гг. обозначена структура кварталов, расположение церквей, рынка и прочих объектов, указан существовавший переезд через Транссибирскую магистраль к Оби (ил. 1А, Б).

По ул. Гудимовской было сформировано 14 кварталов, включавших около 215 участков. Первоначальное межевание составило 9 стандартных участков и один, близкий к треугольному, в начале улицы, с последовательной нумерацией от №14 до №23. Нумерация нестандартных кварталов № 34, 35, 38 — в конце и № 46 — в начале улицы показывает, что они были размежеваны позже, следуя потребностям развития города (ил. 1А, Б). Общая длина улицы от Дворцовой (Революции) до Логовской (Семьи Шамшиных) составила 1,5 км. Квартальная разбивка отчасти сохранилась; кварталы №№ 14, 19, 34, 38 исчезли, их застройка была снесена при строительстве в 1930-е гг. и прокладке Октябрьской магистрали в 1980-е гг. Тем самым улица была разделена на две неравные части, в конце остался только квартал № 35. До революции 1917 г. ул. Гудимовская, наряду с соседними улицами и Николаевским проспектом, входила в престижную часть города, где селились преимущественно зажиточные купцы, банкиры и другие предприимчивые люди.

Первоначальная застройка кварталов в основном была деревянной: часть строительного материала росла непосредственно на участках, предоставлявшихся под застройку, поскольку будущий город расположился в сосновом бору. Застройку составляли разнообразные по типу одноэтажные рубленые дома, крепкие двухэтажные особняки, часть из которых имела каменный или кирпичный цоколь, просторные подвалы с освещением через окна в приятках. Подробную характеристику архитектуры деревянной застройки Новониколаевска первых десятилетий приводит в своей книге об истории градостроительства Новосибирска С.Н. Баландин, известный сибирский исследователь архитектуры [Баландин, 1978, с. 31–40].

Структура застройки улицы подчинялась межеванию участков. Уличные фасады зданий выравнивались по границе квартала. Первоначально большинство участков застраивалось многоквартирными домами усадебного типа в один и два этажа, входы в которые располагались с дворовой территории, и небольшими хозяйственными постройками. Плотность застройки не превышала 20%. По мере увеличения населения города происходило уплотнение застройки кварталов. Существующие дома расширяются пристройками и надстройками вторых этажей, на участках возводятся вторые жилые дома. Строения некоторых соседних домовладений сливаются в сплошную линию. Формируется городской тип застройки с «парадными» входами со стороны улицы. На некоторых пересечениях улиц угловые участки объединяются для строительства крупных зданий, такое же решение применяется в кварталах, примыкающих к Николаевскому проспекту. Процесс уплотнения интенсивнее шел на главных улицах, к которым относилась Гудимовская. Плотность застройки в некоторых кварталах повышается до 50–60 % [Баландин, 1978, с. 31].

Процессу уплотнения способствовало изменение видов использования участков. Застройка кварталов, кроме жилой, получает характерную для центральной части города развитую обслуживающую функцию [Новокшенов, с. 64–69]. Интенсивные связи улицы с пристанью и рынком, с торговыми и финансовыми учреждениями на Николаевском проспекте предопределили ее функциональное наполнение. На ул. Гудимовской расположились гостиницы, доходные дома, торговые заведения, банки, управляющие конторы и пр. Владельцами многих объектов были купцы с фамилиями Каган, Минович, Розенфельд, Бейлин, Зейдан — от чего улица в народе считалась «еврейской». «Из этого вытекают некоторые особенности планировочной структуры домов и усадеб, например участки Миновича и Розенфельда объединены по закону “о субботних пределах”, согласно которому иудей по субботам должен был находиться только в пределах своего участка, за который нельзя ничего выносить. Объединение участков по договоренности облегчало выполнение сего предписания» [Паршуков, Еремеев, 2015, с. 262].

В начале улицы со стороны подъезда с пристани было построено двухэтажное деревянное здание гостиницы «Метрополь», дом № 12 (в настоящее время утрачено). Кстати, рядом на ул. Дворцовой (Революции) расположились двухэтажное кирпичное здание гостиницы «Метрополитен» и деревянное двухэтажное здание почтово-телеграфной конторы.

На ул. Гудимовской, в собственном доме разместились парходные пассажирские конторы Е.И. Мельниковой. Хлебный коммерсант А.О. Каган отстроил одноэтажный кирпичный дом с оранжереей на двух участках в квартале № 22, который оформил перекресток улиц Гудимовской и Гондатти (Революции). В квартале № 21 на участке № 8 было построено двухэтажное кирпичное здание Сибирского торгового банка, в подвале которого размещался оптовый склад мануфактурных товаров Н.Н. Машинского. В собственных домах проживали гласные городской думы Н.А. Котельников, И.Ф. Ларин, Л.И. Лапшин, в доме Вершинина — редактор-издатель «Обской жизни» А.Г. Новицкий, сотрудничавший с известным новониколаевским издателем Н.П. Литвиновым, типография которого размещалась в квартале № 17 со стороны ул. Воронцовской (Свердлова). На ул. Гудимовской в доме №26 размещались подготовительные классы для средне-учебных заведений и проживал директор реального училища Г.А. Бутович. В доме № 14 была фотография Пожидаева, в доме № 58 — часовая мастерская Благодетского, в конце улицы — склад земледельческих орудий Столля. Эта небольшая выборка взята из справочника по городу Новониколаевску, изданному Литвиновым в 1912 г. [Справочник..., 1992, с. 113–132].

Во время катастрофического городского пожара в мае 1909 г. пострадали кварталы в конце ул. Гудимовской, восточнее Николаевского проспекта. Томский вице-губернатор выпускает обязательное постановление, которым предписывалось в кварталах центральной части строить жилые и торговые дома каменными, допускалось надворные постройки делать деревянными с крышами покрытыми железом [ГАНУ. Ф. Д-97. Оп.1, Д. 22. С. 28]. Кроме этого, в соответствии с противопожарными требованиями действующего в то время Строительного устава можно было возводить дома вплотную по границе участков при обязательном возведении каменного брандмауэра. Пример такой блокировки сохранился на усадьбах Миновича и Розенфельда (квартал № 22, участки № 4–5). В период 1910–1913 гг. на ул. Гудимовской было построено несколько полностью каменных (кирпичных) одно- и двухэтажных зданий, в которых разместились банковские учреждения, страховые общества и торговые заведения. Пример застройки такими зданиями сохранился на усадьбах Ефремова, Жернаковой, Зейдана (квартал № 20, участки № 2–4).

Таким образом, анализ распределения плотности застройки, концентрации обслуживающих функций, мест проживания населения с большим достатком (купцы, чиновники, юристы, врачи и пр.) позволяет выделить ареалы активности (ил. 1В). Наиболее активно движение и концентрация функций в кварталах, расположенных вблизи Николаевского проспекта, главной городской магистрали. Западная часть улицы не менее активна: ее поддерживает связь между пристанской территорией и рынком, а также сезонное использование рекреации парка «Александровский парк». Наименьшую плотность застройки и объема обслуживающих функций наблюдается в восточных кварталах за ул. Александровской, эта часть улицы тупиковая упирающаяся в крутые овражные склоны речки Каменки.

В настоящее время сохранившаяся историческая

застройка ул. Коммунистической (Гудимовской) насчитывает 18 зданий, занесенных в реестр памятников истории и архитектуры, из них 13 объектов по времени возведения относятся к рассматриваемому периоду (ил. 2). Такого количества зданий-памятников периода становления города и расположенных на одной улице не встречается нигде в городе. Следует отметить, что к их числу можно добавить еще один объект, находящийся в руинированном состоянии — двухэтажный кирпичный дом по адресу ул. Коммунистическая, 14. В 1998 г. его включили в реестр выявленных памятников, но он так и не получил свой охранный статус, в дальнейшем произошло его разрушение в результате пристройки пятиэтажного жилого дома [Поповский, 2016, с. 140].

В одном материале нет возможности привести полное описание объемно-планировочных и архитектурно-стилистических особенностей выявленных объектов первоначального периода застройки ул. Гудимовской, так что авторы оставляют за собой возможность представления этих материалов в отдельной публикации.

В связи с переводом органов государственной власти Сибревкома из города Омска в 1921 г. начинается развитие Новониколаевска как столицы Сибирского края. С этого момента начинается новый этап развития улицы Гудимовской, которым открывается следующий период (и второй этап нашего исследования ее архитектурно-планировочных и структурно-функциональных изменений).

В заключение необходимо отметить, что в градостроительной перспективе современного Новосибирска народное зодчество начального периода становления города представлено очень малой частью того, что еще имелось к началу XXI в. и могло быть сохранено. В этой ситуации вызывает сожаление оценка многих официальных экспертов по историко-культурному наследию, когда в их заключении любая постройка этого периода не может представлять исторической или архитектурной индивидуальности, тогда как каждый оставшийся дом нужно сохранять как реликвию, имеющую антикварную ценность.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства. 1893–1945гг. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд., 1978. — 136 с.
2. Минина Н.А. Образование города Новониколаевска: землеустройство в 1893–1895 гг. // Вестник Томского государственного университета — 2015. — №397. — С. 147–153.
3. Новокшонов С.М. Градостроительное развитие города Ново-Николаевска (Новосибирска) с 1893 по 1917 годы. — Новосибирск: ГАУ НСО НПЦ, 2013. — 148 с.
4. Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области: каталог. — Кн. 1. Город Новосибирск: памятники, стоящие на государственной охране. — Новосибирск: ГАУ НСО НПЦ, 2011. — 278 с.
5. Паршуков В.В., Еремеев С.Н. История преобразований квартала №22 в Новосибирске // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2015. — Т. X. — Ч. 1. — С. 260–268.

6. Поповский Д.И. Эволюция застройки в 17 и 18 кварталах Центральной части Ново-Николаевска (Новосибирска). Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГУАДИ, 2016. — Т. XI. — Ч.1. — с. 139–148.

7. Справочник по городу Ново-Николаевску. К 100-летию города. — Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма, 1992. — 231 с.

References

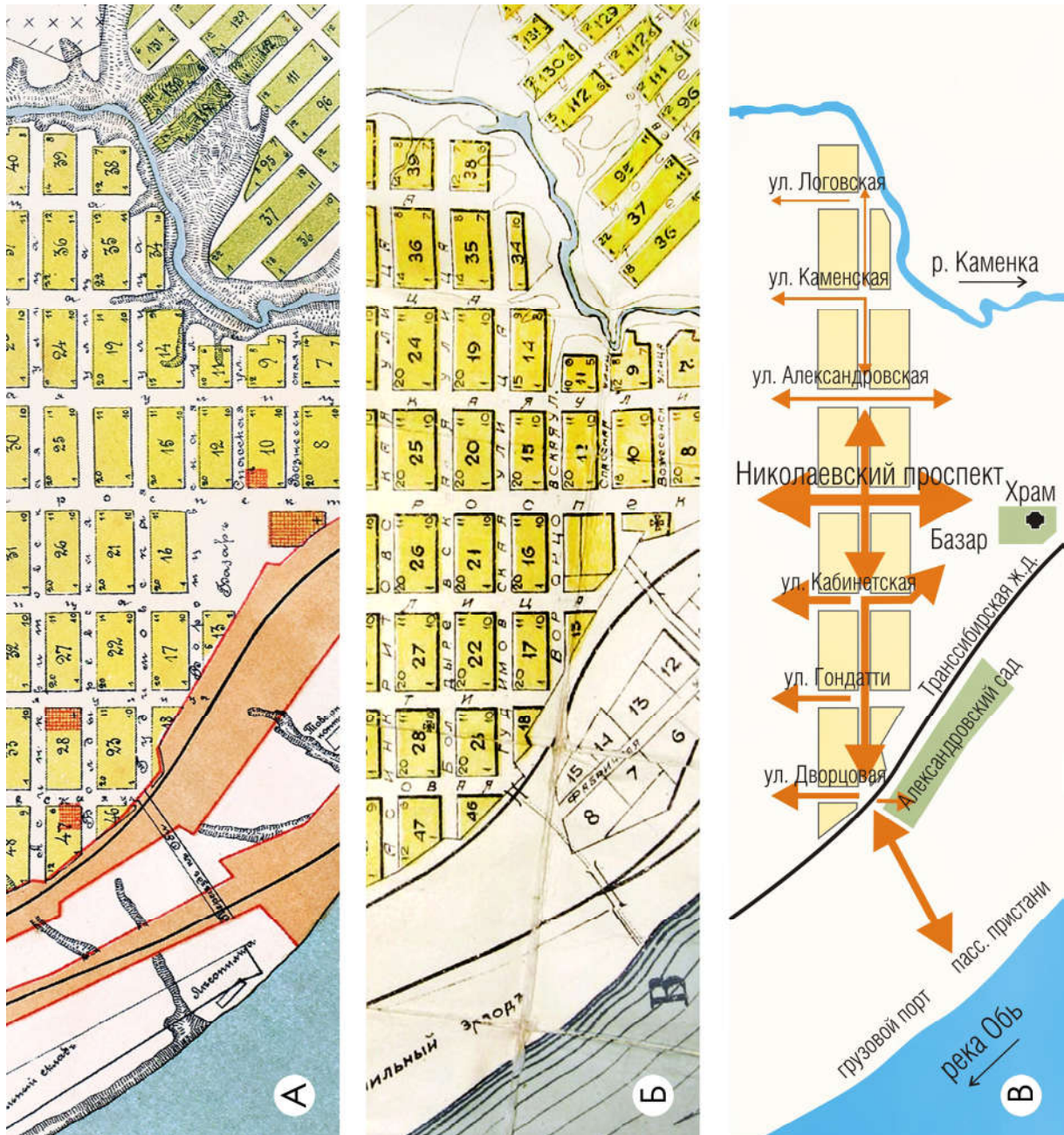
1. Balandin S.N. Novosibirsk: Istoriya gradostroitel'stva. 1893–1945. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978, 136 p. (in Russ.)
2. Minina N.A. Obrazovanie goroda Novonikolaevska: Zemleustrojstvo v 1893–1895. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015, No. 397, pp. 147–153. (in Russ.)
3. Novokshonov S.M. Gradostroitel'noe razvitie goroda Novo-Nikolaevska (Novosibirska) s 1893 po 1917 gody. Novosibirsk: GAU NSO NPC, 2013, 148 p. (in Russ.)
4. Pamyatniki istorii, arhitektury i monumental'nogo iskusstva Novosibirskoj oblasti: katalog. Vol. 1. Gorod Novosibirsk: pamyatniki, stoyashchie na gosudarstvennoj ohrane. Novosibirsk: GAU NSO NPC, 2011, 278 p. (in Russ.)
5. Parshukov V.V., Eremeev S.N. Istoriya preobrazovaniy kvartala № 22 v Novosibirske. In Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosibirskaya gosudarstvennaya arhitekturno-xudozhestvennaya akademiya, 2015, Vol. X, pt. 1, pp. 260–268. (in Russ.)
6. Popovskij D.I. Evolyuciya zastrojki v 17 i 18 kvartalakh Central'noj chasti Novo-Nikolaevska (Novosibirska). In Balandinskie chteniya: sbornik statej nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina, Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj universitet arhitektury, dizajna i iskusstv, 2016, Vol. XI, pt. 1, pp. 139–148. (in Russ.)
7. Spravochnik po gorodu Novo-Nikolaevsku. K 100-letiyu goroda. Novosibirsk: Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1992, 231 p. (in Russ.)

Список источников

1. ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 22.
2. ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 49.

Список сокращений

ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
 ГАУ — Государственное автономное учреждение
 НГУАДИ — Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств

Ил. 1. Схемы ул. Гудимовской (Коммунистической) в структуре центральной части города:

А) фрагмент плана г. Ново-Николаевска, 1906 г. Типография Макушина, г. Томск.

[URL: <http://map.etomesto.ru/base/54/1906novosibirsk.jpg>]

Б) фрагмент плана города Новониколаевска, 1915 г. [URL: http://retromap.ru/show_pid.php?pid=g3337]

В) схема связей ул. Гудимовской с соседними улицами, базаром, пристанской частью и парком «Александровский сад». Величина стрелок показывает интенсивность связей. Разработка авторов.

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10102
УДК: [9.908]

И.Н. Гайер
Музейный комплекс города Куйбышева (Куйбышевский район Новосибирской области)
tatyana.gajer@yandex.ru

**«Дворовое купеческое хозяйство конца XIX — начала XX веков» —
экспозиция под открытым небом в Музейном комплексе
города Куйбышева Новосибирской области**

Аннотация

В статье дается описание экспозиции «Дворовое купеческое хозяйство конца XIX — начала XX веков», расположенной во внутреннем дворе особняка купца И.А. Левако в Музейном комплексе г. Куйбышева. Дом представляет собой распространенный в то время образец купеческой застройки с лавками, складами, жилыми помещениями и внутренним двором — это типичный пример доходного дома, построенного в стиле эклектики начала XX в. Подобные купеческие дома во многом определили облик гражданской архитектуры исторической части г. Каинска (совр. Куйбышева Новосибирской области).

Ключевые слова: экспозиция, дворовое купеческое хозяйство, И.А. Левако, эклектика, Музейный комплекс города Куйбышева

I.N. Gayer
The Museum Complex of the Town of Kuibyshev (the Kuibyshev district of the Novosibirsk region)
tatyana.gajer@yandex.ru

**Courtyard merchant enterprise of the end of the 19th — the beginning of the 20th century.
An open-air exposition in the Museum complex of the city of Kuibyshev
of the Novosibirsk region**

Abstract

The article deals with a description of the exposition "Courtyard merchant enterprise of the end of the 19th — the beginning of the 20th centuries", located in the central court of the mansion of the merchant I.A. Levako in the Museum complex of the city of Kuibyshev. The house is a model of merchant building that was widespread at that time, with trading shops, warehouses, private premises and a central court — this is a typical example of a commercial apartment building erected in the style of eclecticism of the beginning of the 20th century. Similar merchant houses largely determined the appearance of civil architecture of the historical part of the city of Kainsk (Kuibyshev) of the Novosibirsk region.

Key words: exposition, courtyard merchant enterprise, I.A. Levako, eclecticism, Museum complex of the city of Kuibyshev

Город Куйбышев (Каинск) — один из старейших городов Западной Сибири. В 1990 г. ему был присвоен статус исторического города Российской Федерации. Современный Куйбышев является преемником культурных традиций, составляющих специфическое наследие города. Несмотря на значительные утраты, Куйбышев сохраняет облик старинного малого сибирского города. Основной и наиболее характерной для Куйбышева группой памятников являются купеческие дома конца XIX — начала XX вв. Своеобразные архитектурные приемы, свойственные исторической застройке, придают городу черты уникальности и неповторимости, делают город узнаваемым. С другой стороны — сам процесс наслоения традиций становится важным фактором формирования социальной жизни, повседневной деятельности людей в городской среде.

Совершенно очевидно, что вопросы обновления и сохранения исторической среды — это две сторо-

ны одной проблемы, по сути, все это — неразрывный процесс, включающий реставрацию, ремонт, благоустройство, строительство музейных экспозиций.

Наша обязанность сохранить то ценное, что накапливалось десятилетиями и веками, что создает «историческое ядро» города Куйбышева, являясь достоинством и источником художественной выразительности, его архитектуры, «историческим материалом», воспитывающим патриотические чувства у молодого поколения граждан.

Одну из важных ролей в этом процессе играет Куйбышевский краеведческий музей. Музей входит в состав Музейного комплекса г. Куйбышева и расположен в доме купца И.А. Левако. Здание имеет статус памятника истории как «дом, в котором с 1919 г. размещался уездный комитет комсомола» и представляет собой двухэтажное кирпичное строение. Дом был возведен в 1911 г. и, по сведениям старожилов, принадлежал кожезаводчику, купцу И

гильдии Илье Абелевичу Левако. Большой купеческий дом с лавками, складами, жилыми помещениями — типичный пример доходного дома, построенного в стиле эклектики начала XX в. Дом занимает угловой участок и выходит двумя главными равнозначными фасадами на улицы Коммунистическая (бывш. Иркутская) и Папшева (бывш. Думская) в историческом центре Куйбышева. Строение сохранило в целом первоначальный облик, но почти полностью утратило прежнюю планировку, существуют незначительные изменения на фасадах и ряд утрат первоначального вида.

Здание представляет историко-культурный интерес, так как связано с общественно-политической и экономической историей Каинска — Куйбышева. Как было сказано выше, в 20–е гг. XX в. здесь находился Каинский уездный комитет комсомола, в годы гражданской войны — штаб контрразведки «белых», позднее — Каинское ОГПУ, в первые годы советской власти — городской спортивный зал, позже — редакция и типография местной газеты «Знамя стахановца», в 60–е — 70–е гг. XX в. — городской банк, в 80–е гг. XX в. — начале XXI в. — магазин одежды, с 2002 г. — Куйбышевский краеведческий музей.

В краеведческом музее в 2009–2012 гг. была создана экспозиция по открытым небом «Дворовое купеческое хозяйство конца XIX — начала XX вв.», включающая дворовые коммуникации, колодец, коновязь, летнюю беседку для отдыха, качели, будку для собаки и нужник. Все объекты экспозиции — новоделы, выполненные с опорой на исторические источники. Кроме того, для создания у посетителей полноценного представления об устройстве двора купеческого дома в Сибири на рубеже веков, были открыты экспозиционные объекты «Конюшня» и «Кузница».

Хозяйственная постройка. Во внутреннем дворе дома была расположена хозяйственная постройка, примыкавшая к стене, отделявшей двор от улицы Иркутской (ныне Коммунистической). Постройка не сохранилась, на ее территории в 2009–2011 гг. сотрудниками Научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, Новосибирского государственного краеведческого музея и Института археологии и этнографии СО РАН были проведены археологические раскопки. По результатам работ можно сделать вывод о том, что раскопанный фундамент является подземной частью складского помещения, располагавшегося во дворе. Характер и конструкция раскопанного фундамента указывают на то, что складской амбар имел погреб, который выполнял функцию ледника, загрузка продовольствия в который могла проходить с улицы, через выступающий люк. Через этот же люк проходила уборка мусора и сезонная чистка ледника. Сам фундамент — это неопровержимое доказательство наличия амбара, примыкавшего к стене и относящегося ко времени строительства и функционирования дома — типичное купеческое подворье с хозяйственными помещениями (ил. 1).

Колодец. Во дворе восстановлен деревянный колодец (реконструкция — новодел) на историческом месте. Подъем воды осуществлялся вращением ручки, веревка (80–х гг. XX в. изг.) одним концом прибивалась к деревянному валику, на противоположном конце веревки крепилось ведро. Ручка вращалась, веревка наматывалась на валик, и таким незамысловатым образом поднималось ведро, полное воды.

Деревянный колодец — это шахта, облицованная изнутри деревянным срубом, с оголовком и подъемным воротом. Сруб был изначально выполнен из «красного леса». Оголовок деревянного колодца (выступающая над землей часть сруба) не требовательна к качеству материала, может быть выполнена из дерева дешевых пород — в нашем случае, из сосны. Землю вокруг оголовка присыпали мелким гравием.

Колодец имеет в сечении квадратную форму — соединение бревен под прямым углом является наиболее прочным и плотным. Сторона колодца длиной 1 м. Соединение бревен в углах выполнено «в чашу» (ил. 2).

Коновязь. Во дворе восстановлена коновязь (реконструкция — новодел) — приспособление для привязывания лошадей на открытом воздухе. Представляет собой укрепленное горизонтально на вкопанных в землю столбах бревно. Высота — 90 см, длина рассчитана на две лошади из расчета 150 см на каждую (ил. 3).

Летняя беседка для отдыха. Отдых с родственниками и знакомыми в летнее время «на воздухе» для купеческого сословия являлся частым времяпровождением. Летняя беседка (новодел) — закрытое сооружение, которое преимущественно использовалось для отдыха и посиделок, массивная конструкция из деревянных бревен с резным украшением в традициях города Каинска.

Качели. Во дворе построены качели (новодел) классического вида, то есть те, которые имеют раскачивающееся вперед-назад сиденье, стационарные. Возможно, качели устраивалась для развлечения купеческой дочке (в семье Левако была одна дочь).

Будка для собаки. Во дворе построена будка для собаки (новодел), ведь купеческий двор не мог обойтись без дворовой собаки. Крыша будки с двумя скатами, украшена резьбой (в традициях города Каинска). Будка имеет небольшой размер, рама днища изготовлена из четырех брусков, каждая сторона которых составляет 50 см. В углах закрепляются стойки в вертикальном положении. Их размер соответствует высоте будки. В верхней части они обвязываются с помощью таких же брусков. Прочность каркаса будки повышается за счет закрепления дополнительных перемычек на днище и с обеих сторон лаза. Лаз круглый.

Нужник. Во дворе восстановлен нужник (новодел). Нужник был подсоединен к канализационным лоткам (как показали археологические раскопки), выходящими к выступающему люку хозяйственной постройки. Нужник выполнен из дерева, имеет двускатную крышу, украшенную резьбой (в традициях города Каинска).

Экспозиция «Конюшня купца И.А. Левако». В мае 2011 г. была открыта экспозиция «Конюшня купца И.А. Левако», которая является еще одной частью экспозиции «Дворовое купеческое хозяйство конца XIX — нач. XX вв.». Цель экспозиции — воссоздать первоначальный вид купеческого подворья, расширить экспозиционные площади и подойти в перспективе к созданию городского историко-культурного заповедника «Каинск исторический».

Экспозиция расположена в исторической части купеческого дома, где изначально располагалась купеческая конюшня. По воспоминаниям старожилов города, в конюшне Левако содержалось две лошади

«для выезду», а также на заимке близ Каинска — до 300 лошадей для извоза.

В экспозиции представлены дрожки XIX в. (легкий четырехколесный двухместный открытый экипаж на рессорах), сани XIX — первой половины XX вв., телега с широкой платформой, седла, уздечки, сбруи, хомуты, шаркунцы, поддужные колокольчики и т. п.

Конюшня была двухэтажная, в плане прямоугольная (ближе к квадрату), кирпичная, неотапливаемая. Для экспозиции было подведено отопление (хранение экспонатов предполагает определенную температуру и влажность), температура порядка +10°C благоприятна и для работы персонала, и для экспонатов. Для уменьшения конденсации используются вентиляционное окно с сохранившейся решеткой XIX в. и два окна второго этажа. Цель вентиляции состояла в постоянном обмене внутреннего воздуха на свежий наружный, без переохлаждения лошадей. В конюшне купца Левако использовался (и сейчас сохранился) один способ вентиляции — проветривание, когда воздух перемещается через конюшню, проходя через открытые двери, окна или вытяжные отверстия, расположенные на одной стороне стены конюшни. Вытяжка под крышей обеспечивает удаление теплого влажного воздуха, позволяя свежему воздуху поступать внутрь — эту функцию и выполняют высоко расположенные окна, которые, кроме того, обеспечивают доступ естественного света в конюшню. Стоит отметить, что для сотрудников музея закрытие и открытие этих окон составляет определенное неудобство.

На второй этаж была сооружена деревянная лестница, которая в настоящее время не сохранилась. На втором этаже был сеновал, где хранили сено, подстилки для лошадей, различное оборудование или другие запасы.

Центральное место в экспозиции занимает стойло с двумя перегородками, изолирующими лошадей. Наилучшую изоляцию дают установленные в экспозиции конюшни сплошные дощатые перегородки, изготовленные из оструганной доски толщиной 5 см и установленные от наружной стены на расстоянии 2,5 м. Кормушка в стойле прямоугольная в плане и рассчитана для скармливания концентрированных кормов и сена. Кормушка размещается вдоль продольной наружной стены на высоте 1 м от пола до верхнего края.

Полы в конюшне — деревянные, при их устройстве проводилась просмолка досок и заливка швов смолой. Полы из досок укладывались на лаги, утопленные в глину, чтобы не допускать образования воздушной прослойки между дощатым настилом и грунтом. В конюшне была устроена канализация в виде открытых сточных лотков из дерева, расположенных вдоль кормонавозных проходов за стойлами. Полы имеют небольшой уклон от наружной стены к проходу, пороги отсутствуют. В целях сохранения тепла конюшненные двери оборудованы тамбуром (вторые двери тамбура не сохранились).

Двери конюшни 1911 г. изготовления, металлические, в настоящее время окрашенные суриком (ил. 4). Двери легко открываются (наружу) и при этом достаточно широкие — их ширина 3 м, что позволяет дрожкам свободно проезжать, — и без острых краев или выступов, которые могут повредить лошадь или зацепить попону.

Стиль конюшни И.А. Левако — это не только выражение его индивидуальности, но и определен-

ная философия владельца лошадей. Видимо, купец Левако взял за аксиому выражение американского архитектора Льюиса Генри Салливана «форма вытекает из функции» и спроектировал свою конюшню исходя из практических целей и задач. Конюшня обеспечивала полную защиту в любую погоду, так что лошадей можно было кормить и обслуживать, не покидая конюшни.

Экспозиция «Кузница». В ноябре 2014 г. открыта экспозиция «Кузница», которая также входит в комплекс экспозиции «Дворовое купеческое хозяйство конца XIX — начала XX вв.» и знакомит посетителей с металлическими предметами повседневного быта XIX — начала XX вв.

Экспозиция представляет собой мастерскую, в которой производится ручная обработка металла ковкой. Данная экспозиция включает очаг (горн), сложенный из кирпича с железным вытяжным зонтом, двурогую наковальню, кожаные меха с запасной кожей, тиски и инструменты — кувалду, клещи с разными губками, ручное точило, молоток, фигурные прорезчики, матрицу для изготовления ключей, фасонные вырубки, инструмент для пайки, емкости для воды и масла — все относящиеся к XIX — началу XX вв., фартур кузнеца (новодел). Также в экспозиции представлены кованые изделия конца XIX — первой половины XX вв., которые иллюстрируют процесс превращения железа в орудия сельского хозяйства и промыслов, ремесленные инструменты, конскую сбрую, подковы, хозяйственный инвентарь и домашнюю утварь. Работу кузнеца показывают три графических панно «Кузнец», «В кузнице» и «Кузница времён», выполненные художником Ю.Е. Скультецким (угольный карандаш).

Данная экспозиция вводит посетителя в мир наших предков, помогает увидеть прекрасное в обычных вещах и сохранить связь времен. Кузнецы изготавливали сельскохозяйственные орудия и детали, инструменты для столярных и плотничных работ, предметы быта — котлы и сковороды, таганы и ухваты, ножи и ножницы, светцы и подсвечники, окованные металлом сундуки. Если от орудий труда требовались, прежде всего, прочность и удобная рациональная форма, то к домашней утвари заказчики предъявляли дополнительные требования: они хотели иметь не только удобные, но и красивые изделия. Значительная часть кованых из железа работ предназначалась для включения их в архитектуру. Оконные проемы закрывались ажурными решетками, кровли — подзорами, украшенными просечным узором. Для деревянного дома из железа кузнецами делались дверные петли, замки, дверные ручки и кольца, различные гвозди.

Таким образом, «Музейный комплекс» города Куйбышева уделяет большое внимание экспозиционной деятельности — экспозиция под открытым небом «Дворовое купеческое хозяйство конца XIX — начала XX вв.» имеет целью привлечь внимание посетителей к истории своей Родины, родного края, способствовать популяризации исторических знаний, содействовать нравственному, патриотическому, эстетическому воспитанию, дает посетителям символический доступ в пространство другого времени.

Список сокращений

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление

Ил. 1. Археологические раскопки на хозяйственной постройке двора в 2011 г.
Снимок автора. 2019 г.

Ил. 2. Колодец (новодел.) Снимок автора. 2019 г.

Ил. 3. Коновязь (новодел.) Снимок автора. 2019 г.

Ил. 4. Вход в конюшню купца И.А. Левако. Снимок автора. 2019 г.

А.И. Голомянов
Новосибирский государственный аграрный университет (Новосибирск)
mr.maklai@mail.ru
Е.Ф. Фурсова
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
mf11@mail.ru

«Тайные клады» Новониколаевска — Новосибирска (к вопросу о сохранении наследия)

Аннотация

В современной урбанистике немалое внимание уделяется явлениям, входящим в фонд городской бытовой культуры. Материалы о кладе торговца железными и скобяными изделиями жителя г. Новониколаевска (Новосибирск) Киселева не относятся к категории мифов, а представляют собой реальные факты, основанные на интервью с потомками собирателя «сокровищ» и непосредственно находками содержимого. В статье авторы ставят вопрос о том, можно ли рассматривать городские клады в качестве культурного наследия, и приходят к выводу, что эти документальные свидетельства раскрывают перед современниками особенности материального быта, нравов и обычаев первых горожан Новониколаевска. Собранные материалы в виде клада и информации о собирательской деятельности Киселева дают основание называть его «сибирским Плюшкиным» по аналогии с известным псковским стяжателем старины Ф.М. Плюшкиным.

Ключевые слова: городские бытовые традиции, тайные клады, Новониколаевск, торговец Киселев — «Плюшкин»

A.I. Golomyanov,
Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk)
mr.maklai@mail.ru
E.F. Fursova
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk)
mf11@mail.ru

«Secret treasures» of Novonikolayevsk and Novosibirsk (on the issue of heritage preservation)

Abstract

In modern urbanism, considerable attention is paid to the phenomena of urban everyday culture. The materials on the treasure of iron and hardware merchant of Novonikolayevsk (Novosibirsk) Kiselev do not belong to the category of myths, but are real facts based on interviews with the descendants of the collector of "treasures" and directly found content. In the article, the authors raise the question of whether city treasures can be regarded as cultural heritage, and come to the conclusion that these documentary records reveal to contemporaries the peculiarities of the material routine, customs and mores of the first citizens of Novonikolayevsk. The collected materials in the form of a treasure and information about Kiselev's collecting activity give reasons to call him "Siberian Plushkin" by analogy with the famous Pskov collector of antiques F.M. Plyushkin.

Keywords: urban everyday traditions, secret treasures, Novonikolayevsk, merchant Kiselev — "Plyushkin"

Во времена НЭПа в городе Новониколаевске на Базарной площади располагалась небольшая лавка торговца железными и скобяными изделиями Киселева, бывшего приказчика томского купца И.М. Некрасова. Надпись на металлической вывеске гласила: «Продаем разная металлические изделия, покупаем старые вещи». Усадьба Киселева располагалась на улице Депутатской, недалеко от пересечения улиц Орджоникидзе и Семьи Шамшиных, и состояла из жилого дома и надворных построек — трех сараев, конюшни и бани, а также двух погребов. В конце 1920–х гг. на смену НЭПу пришло время строительства социализма в нашей стране, но Киселев никак не мог смириться со сменой общественного строя и

до самого конца своей жизни (он умер уже после Отечественной войны) все ждал, что старые времена свободной торговли вернутся.

В конце 1980–х гг. усадьба была намечена под снос, и одинокую хозяйку дома, бабу Катю Киселеву, дочку бывшего торговца скобяными товарами, переселили в новую однокомнатную квартиру в панельной девятиэтажке недалеко от ее старого дома. Деревянные постройки со всем содержимым, находящимся внутри, были брошены на произвол судьбы.

О том, что на территории усадьбы находятся большие исторические ценности, авторам статьи стало известно от одного городского собирателя антикварных изделий. Похвастав найденными там

старинными карманными часами и серебряными ложками, он, однако, не сказал, где находится хранилище этих ценностей, а только неопределенно махнул рукой в сторону дамбы, идущей в Октябрьский район мимо котлована со множеством гаражных кооперативов: «Где-то там». Он также сообщил, что первооткрывателем усадьбы бабы Кати был Николай Иванович Логутенко, работник Оперного театра и известный в городе коллекционер карманных часов. По его словам, Логутенко вывез оттуда на обычной ручной тележке несколько сотен килограммов металлических изделий, вполне пригодных для коллекционирования.

Имея одну только зацепку — то, что бывшую хозяйку звали баба Катя, один из авторов статьи решил попытаться счастья и отправился на поиски. Из воспоминаний А.И. Голомянова: «Потратив полдня и обойдя два десятка домов в частном секторе за Оперным театром, я, наконец, добрался до усадьбы». Счастье улыбнулось, соседи указали на дом, где ранее жила эта старушка. То, что было обнаружено во дворе, превзошло все ожидания: на чердаке покосившегося дома были найдены — ствол от американской винтовки «Винчестер» 1894 года выпуска, старинное плетеное кресло и несколько стульев, белые замшевые перчатки, мундир белогвардейского офицера без погон, но с позолоченными пуговицами, на которых были изображены двуглавые орлы, милицмейская буденовка синего сукна, жестяная коробка с новенькими бронзовыми значками, имеющими надписи типа «Да здравствует свобода, равенство, братство, 1917 год», штык-нож в ножнах от японской винтовки «Арисака», которыми снабжалась армия адмирала Колчака в грозные годы Гражданской войны, и множество других вещей. В чулане дома также оказались: глиняная корчага (для приготовления и хранения суслу²⁴) емкостью 20 л, старинные чугунные каслинские статуэтки и ажурная шкатулка, пара бронзовых позолоченных подсвечников прекрасной работы, увесистый мешочек с десятками корпусов от карманных часов, связки книг дореволюционного издания, из которых самыми интересными оказались тома «Живописной России».

Но самое интересное было впереди: в сарае был обнаружен целый «Клондайк» древностей, которых вполне хватило бы для укомплектования антикварного магазина средних размеров типа «Сибирской горницы» или «Азиатского вернисажа»²⁵. Там находились десятки самоваров различной формы и размеров — от миниатюрного, емкостью в две чашки, до ведерного, известных самоварных фирм Баташова, Тейле, Шемариных, Романова. Один из их числа, фирмы Тейле, конца 1880-х гг. — медный, сделан в форме вазы с ажурными ручками и находится в полном комплекте и в рабочем состоянии (ил. 1). На крышке выбиты две медали: одна — с надписью «Александр III, самодержец Всероссийский», на второй медали просматривается «1889 г.»; между медалями помещено изображение пушки с надписью «Фабричная марка». Такие ведерные самовары приобретались весьма обеспеченными новониколаевцами и использовались при праздничных чаепитиях. Как признак достатка они стояли в доме на видном

месте и служили украшением. Еще один медный самовар, фирмы торгового дома «братьев Шемариных в Туле», имеет на крышке надпись «Поставщик Д.Е.В. шаха персидского». Он выглядит значительно проще: небольшого объема (до 2-х л), цилиндрической формы, с деревянными ручками. На корпусе выбито 9 медалей, полученных на разных ярмарках и выставках (ил. 2).

Сохранилось два серебряных подстаканника с позолотой, выполненных в технике «чернь» и «скань». Один подстаканник изготовлен на Кавказе в ауле Кубачи, происхождение второго, выполненного в технике скань, неизвестно (ил. 3).

Было найдено и несколько ручных кофемолок: например, одна из них из жести, жернова ее приводились в действие при помощи рычага с деревянной рукояткой; молотый кофе попадал в деревянную коробочку (ил. 3). Найдены были конфетницы и сахарницы. Одна из конфетниц, в форме вазы, была изготовлена в Варшаве и имеет надпись «Фраже» (посеребренная медь фирмы «Фраже») (ил. 4). По краю конфетница орнаментирована меандром. Другие предметы посуды, каслинского литья, изготовлены из чугуна (ил. 5, 6). Круглая конфетница выполнена в виде тарелки с орнаментом в виде виноградной лозы по краям и сценой из древнегреческой мифологии в центре. С оборотной стороны круглое полустертое клеймо с неразборчивой надписью в виде герба со львом и короной. Другая ажурная конфетница в форме ромба с витиеватым растительным орнаментом по краям и в центре имеет на оборотной стороне клеймо с надписью «Куса» (Кусинский завод).

Кроме предметов, связанных с традициями чаекофепития, у Киселева хранились столь разнообразные предметы, что не всегда можно понять их назначение и происхождение. В большом ящике с надписью «Патроны к японским винтовкам» лежали комплекты дубовых телефонных аппаратов фирмы Густав Эрикссон. На полках рядами стояли еще не побывавшие в употреблении керосиновые лампы с корпусами из золоченой бронзы, шпигатра и стекла, в картонных коробках находились навесные шведские замки, хорошо смазанные маслом. Были найдены кавалерийское седло, летный шлем из пробки, старинные автомобильные колеса из красного каучука, несколько пар стремян, шпор, десятки килограммов лошадиных подков, штыки к русским винтовкам двух типов — четырехгранные и трехгранные в сечении, четвертные стеклянные бутылки и многое другое.

Разбирая самые нижние «культурные слои» в дальнем сарае за домом, который в первые дни работы не был обнаружен, мы неожиданно наткнулись на истлевший брезентовый мешок, который развалился при попытке оторвать его от земли. В нем хранились сокровища на черный день — медные монеты дореволюционной чеканки. Их было много: более 2000 штук монет достоинством 1 копейка, все — 1916 года выпуска, более 1500 двухкопеечных монет 1914, 1915 и 1916 гг.; гораздо меньше (около 300 штук) 3-х и 5-ти копеечных монет. Они не были в обращении и так хорошо сохранились. Незначительное количество (около 100 штук) составляли более древние медные и серебряные монеты, в их числе два десятка так называемых сибирских монет разного достоинства.

²⁴ Суслу — напиток из пропаренной ржаной муки с добавлением солода.

²⁵ Известные антикварные магазины Новосибирска.

Однако явившись повторно на это «поле чудес», мы обнаружили, что строители готовят почву для фундамента. Из воспоминаний А.И. Голомянов тех лет: «Я увидел, что бульдозерист сгребаёт все постройки в одну большую кучу. Понаблюдав немного за его работой, увидел, что из отвала посыпались блестящие кругляши — это были серебряные «царские» рубли. Пока бульдозерист делал холостой ход, я подбежал и успел собрать 29 монет. Во время второго рабочего хода нож бульдозера навечно засыпал все это толстым слоем земли. Через несколько дней на стройплощадке стали забивать сваи, а затем возвели каркас многоэтажного жилого дома. Затем на долгое время по какой-то причине стройку заморозили... Как будто сокровища все еще ждали своих открывателей».

Впоследствии авторы разыскали бабу Катю в девятиэтажном доме на улице Каменской, где она занимала маленькую квартирку, забитую всяким антикварным хламом, который ей помог перевезти знакомый на своей «Ниве». Баба Катя рассказала много интересного о своем отце-торговце и упомянула, что этот человек, лишившийся рассудка от жадности, жил с семьей впроголодь, а в кирпичном подвале своего дома закопал жестяную банку с «рыжиками» — золотыми десятирублевками, которые так и остались лежать под землей, ожидая своего часа. Мы очень удивились, когда узнали, что баба Катя — Екатерина Николаевна Киселева закончила в свое время авиационный техникум и всю войну работала конструктором на авиационном заводе имени Чкалова. На прощанье она подарила нам серебряную стопку с монограммой и несколько безделушек.

Второй раз мы решили зайти к бабе Кате года через два. Дверь открыла молодая женщина. «Вы к бабе Кате? Она умерла в прошлом году. Я ее родственница. Мне пришлось много потрудиться, чтобы вынести весь хлам на помойку».

Пример с наследием старых вещей Е.Н. Киселевой — не единственный в нашей практике, к сожалению, таких примеров можно привести много (например, приемный пункт на ул. Писарева, в районе здания Облсуда, существовал еще в начале 1960-х гг.). Однако до образования отдела охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН и проведения археологических разведок при осуществлении строительных работ в Новосибирске изыскательские работы не осуществлялись вообще [см. напр.: Колонцов, Присекайло, 2018, с. 481]. Предметы быта, посуды конца XIX — первой четверти XX в., случайно обнаруженные в кладе «бабы Кати», позволяют говорить о достаточно высокой городской культуре новониколаевцев, их обеспеченности и приверженности модным веяниям своего времени [Фурсова, 2011]. Большое количество самоваров собирателя Киселева и записанные в ходе интервьюирования сибирских старожилов обычаи чаепития свидетельствуют о популярности этого напитка, как, вероятно в меньшей степени, и кофе [Фурсова, 2008, с. 51].

Традиции собирания ненужного железного лома и, в целом, старых вещей по дворам Новониколаевска бытовала на радость местной детворе, которую собиратели одаривали свистульками и петушками-леденцами [Сибирь и Русский Север, 2014, с. 187]. Пожилые люди, родившиеся до Октябрьской революции 1917 г., с ностальгией вспоминали об этих

эпизодах своего детства. Здесь ссылка на коллективную монографию, но считаю, что ее можно убрать совсем. Можно сослаться на полевые материалы [Интервью..., 1994].

Городские клады являются культурным наследием русских сибиряков, эти документальные свидетельства раскрывают перед современниками особенности материального быта, нравов и обычаев первых горожан Новониколаевска. Собранные материалы в виде клада и информации о собирательской деятельности Киселева дают основание называть его «сибирским Плюшкиным» по аналогии с известным псковским стяжателем старины Ф.М. Плюшкиным [Плюшкин, 2003].

Список литературы

1. Колонцов С.В., Присекайло А.А. К вопросу о местонахождении Малышевской слободы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. — Т. XXIV. — С. 481–484.
2. Плюшкин С.А. Совсем не тот Плюшкин. — Псков: Псков. гос. ист.-архитектур. и художеств. музей-заповедник, 2003. — 72 с.
3. Фурсова Е.Ф. Традиции сибирского чаепития в конце XIX — начале XX века // Хмельное и иное. Напитки народов мира. — М.: Наука, 2008. — С. 45–57.
4. Фурсова Е.Ф. Западная Сибирь XIX — начала XXI в. // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. — М.: Индрик, 2011. — С. 491–550.

References

1. Koloncov S.V., Prisekajlo A.A. K voprosu o mestonahozhdenii Malyshevskoj slobody In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, Vol. XXIV, pp. 481–484. (in Russ.)
2. Fursova E.F. Traditsii sibirskogo chaepitiya v kontse XIX – nachale XX veka. In *Hmel'noe i inoe. Napitki narodov mira*. Moscow: Nauka, 2008, pp. 45–57. (in Russ.)
3. Fursova E.F. Zapadnaya Sibir' XIX – nachala XXI v. In *Russkaya narodnaya odezhda. Istoriko-etnograficheskie ocherki*. Moscow: Indrik, 2011, pp. 491–550. (in Russ.)
4. Plyushkin S.A. Sovsem ne tot Plyushkin. Pskov: Pskov. gos. ist.-arhitekt. i hudozhestv. muzej-zapovednik, 2003, 92 p. (in Russ.)

Список источников

Интервью с Александром Ивановичем Кирилловым, 1910 г.р., уроженцем г. Ново-Николаевска. Потомок вятских переселенцев конца XIX в. ПМА, 1994 г.

Список сокращений

ПМА — полевые материалы авторов

Ил. 1. Самовар-«ваза» (ложчатая), 1889 г. Снимок Е.Ф. Фурсовой

Ил. 2. Самовар-«банка», торговый дом «Братьев Шемариныхъ в Туле», конец XIX в. Снимок Е.Ф. Фурсовой

Ил. 3. Подстаканники и кофемолка, конец XIX — начало XX в. Снимок Е.Ф. Фурсовой

Ил. 4. Конфетница фирмы «Фраже», конец XIX в. Снимок Е.Ф. Фурсовой

Ил. 5. Конфетница, начало XX в. Снимок Е.Ф. Фурсовой

Ил. 6. Конфетница с надписью «Куса» (Кусинский завод), начало XX в. Снимок Е.Ф. Фурсовой

18 04 2011

Е.А. Груздева
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
gruzdeva.evgenya@gmail.com

Архитектура жилого дома усадьбы купчихи Смирновой в селе Битки Сузунского района Новосибирской области

Аннотация

В статье исследуются архитектурные, функционально-планировочные и декоративные особенности объекта культурного наследия регионального значения «Дом жилой купчихи Смирновой», расположенного в с. Битки Сузунского района Новосибирской области. Исследования выполнялись при подготовке к реставрационным работам на памятнике. В статье осуществлен анализ объемно-планировочной и конструктивной структуры здания и их первоначальной взаимосвязи, проведен анализ композиционной структуры фасадов и декора здания, стилистических особенностей декоративных элементов. Выявлены утраты, поздние наслоения и изменения, появившиеся в связи с изменением функции здания. Приведены новые данные о предполагаемых первых владельцах дома.

Ключевые слова: реставрация объектов культурного наследия, памятники архитектуры, деревянная архитектура Сибири, усадьба Смирновой

Е.А. Gruzdeva
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
gruzdeva.evgenya@gmail.com

Architecture of the merchant Smirnova's manor house in the village of Bitki (Suzunsky district of the Novosibirsk region)

Abstract

The article deals with the architectural, decorative, functional and planning features of the cultural heritage site of regional significance «House of the residential merchant Smirnova», located in the village Bitki Suzunsky district of the Novosibirsk region. The research was carried out while preparing for the restoration the monument. The article analyzes the space-planning and design structure of the building and their initial interconnection. There was analyzed the compositional structure of the facades, decor of the building and the stylistic features of decorative elements. Losses, late stratifications and changes that appeared in connection with a change in the function of the building are revealed. New data on the possible first owners of the house are reported.

Keywords: The restoration of cultural heritage, architectural monuments, wooden architecture of Siberia, Smirnova's manor house

Объекты культурного наследия, в частности, памятники архитектурного наследия являются важной частью определенного места, значительной составляющей его аутентичности и самобытности. Эти объекты несут множество различных функций — память и историю места, его узнаваемость, являются сосредоточением культурного и творческого потенциала живших ранее и проживающих в настоящее время в данном месте людей, становятся ориентирами для дальнейшего развития архитектуры. Эти качества особенно актуальны в связи с общемировой тенденцией к сохранению культурного разнообразия и с российской федеральной программой развития комфортной среды.

Данные тезисы актуальны не только для городской, но и для сельской среды, где внимание к таким объектам гораздо меньше и осознание их ценности ниже, а значит, объекты культурного наследия сельской местности подвергаются куда большей опасно-

сти их разрушения и утраты.

Целью данного исследования является анализ архитектуры сельского купеческого жилого дома, построенного в конце XIX в., на примере жилого дома купчихи Смирновой в с. Битки Сузунского района Новосибирской области, который является примером деревянного сельского купеческого дома, построенного по образцу городского деревянного доходного дома.

Летом 2017 г. были проведены исследования этого объекта. Исследования были выполнены Научно-производственным центром по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области с целью будущего проведения реставрационных работ на памятнике. Были осуществлены обмеры здания методом лазерного сканирования, фотофиксация экстерьера и интерьеров, а также ручные обмеры деталей фасадов и декоративных элементов, оформлены обмерные чертежи, сделана фотограмметрия

фасадов. Итоговое облако модели объекта содержит более 39 млн. точек. Были выполнены также обследования и оценка технического состояния строительных конструкций, зондажи стен, перекрытий, кровли.

История памятника

Село Битки (в 1899 г. — село Битковское Чигинской волости Барнаульского уезда Томской губернии [ГАТО, Библ., Списки населенных мест, 1899, стр. 452–453], в 1911 г. — село Битковское Битковской волости Барнаульского уезда Томской губернии [ГАТО, Библ., Списки населенных мест, 1911, стр. 156–157]) располагалось на пути из села Сузун к поселкам, расположенным на берегу р. Оби. Усадьба и магазин Смирновых были построены на главной улице, соединяющей выезды из села (ныне ул. Ленина), на берегу р. Черемшанки. В начале XX в. дороги выходили в сторону с. Сузун, а также в сторону д. Нижне-Каменка и Завьялово, расположенных на берегу Оби.

Исследуемое здание было главным домом усадьбы. По некоторым данным, дом был построен в 1880 г. для семьи купчихи Смирновой ее мужем [Архив ГАУ НСО НПЦ. Комплексные научные исследования]. Семья проживала здесь до 1919 г. На территории усадьбы, помимо главного жилого дома, располагались хозяйственные постройки. Каменная лавка была построена рядом с территорией усадьбы в 1904 г. и сохранилась до настоящего времени.

Здание лавки в советский период использовалось по прямому назначению — в качестве магазина, в то время как здание главного дома в 1919 г. было перепрофилировано под функции сельской больницы [Памятники истории, 2012, с. 331]. В настоящее время здание является памятником регионального значения.

Информация о предполагаемых первых владельцах

По данным метрических книг Благовещенской церкви села Битковского и церкви Свято-Троицкой села Артамоновского, в период с 1894 г. по 1920 г. в Битковском приходе проживало три семьи Смирновых: семья мещан Пензенской губернии, состоявшая из трех человек [ГАО. Ф. №Д-1. Оп. 1. Д. 3490. С. 23об. — 24], семья дьякона Благовещенской церкви села Битковского Николая Ивановича Смирнова и его сына (предположительно) потомственного почетного гражданина Василия Николаевича Смирнова, и семья барнаульского мещанина Лаврентия Михайловича Смирнова. Сопоставляя данные метрических книг [ГАО. Ф. №Д-1. Оп. 1. Д. 3482], свидетельства местных жителей [МИАС] и данные исследований [Архив ГАУ НСО НПЦ. Комплексные научные исследования...; Архив ГАУ НСО НПЦ. Научно-проектная документация...], можно предположить, что первоначальными владельцами исследуемой усадьбы и лавки являлась семья барнаульского мещанина Л.М. Смирнова, а после смерти главы семьи в 1897 г. [ГАО. Ф. №Д-1. Оп. 1. Д. 3482. С. 81об. — 82] — его вдова Евдокия Стефановна. К купеческому сословию, по данным метрических книг, семья не принадлежала, но по положению о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г. представители мещанского сословия могли заниматься коммерческой деятельностью без получения гильдейских свидетельств. Поэтому вполне вероятно, что Евдокия Стефановна Смирнова, имевшая к началу XX в. двух

взрослых сыновей (принадлежавших к барнаульскому мещанству) [ГАО. Ф. №Д-1. Оп. 1. Д. 3481. С. 14; Д. 3486. С. 54], могла быть владелицей усадьбы и магазина. После революционных событий, по свидетельствам местных жителей, Смирнова уехала в Петроград²⁶.

Данных о других семьях купеческого сословия в селе Битковском (Битки) не выявлено.

Описание современного состояния памятника

Территория бывшей усадьбы, а теперь сельской амбулатории, расположена в центре села, на пересечении улиц Ленина и Советской. Въезд на участок осуществлялся с юго-восточной стороны (с ул. Советской), через утраченные деревянные ворота. В северо-восточной части участка располагались каменные сараи [Архив ГАУ НСО НПЦ. Научно-проектная документация...]. Жилой дом расположен в юго-западной части участка, на высокой части берега реки, который спускается к центральной улице населенного пункта (ул. Ленина). Перепад высот между уровнем улицы Ленина и основанием дома — не менее семи метров. Расположение и рельеф придают зданию значимость в архитектурно-пространственной среде поселка (ил. 1). Здание бывшей лавки расположено с южной стороны участка, непосредственно на пересечении улиц (ил. 2).

Дом двухэтажный на каменном основании, с подвалом и четырехскатной крышей. Стены сложены из сосновых бревен круглого сечения, стыки выполнены с остатком (в обло). С дворовой, северо-восточной стороны к основному объему выполнена каменная пристройка, в которой расположен спуск в подвал. В более позднее время объем пристройки с северо-восточной стороны был дополнен каркасно-обшивной конструкцией входного тамбура, построенного для нужд больницы. Габариты основного прямоугольного в плане объема 14,1 x 11,3 м.

Подвал расположен под юго-восточной частью дома и состоит из двух помещений — собственно подвального и ведущего к нему коридора. Основное помещение подвала имеет размеры 4,2 x 6,9 м, высоту около 3,5 м. Уровень пола этого помещения ниже уровня пола коридора на 1,6 м, поэтому в него ведет деревянная лестница (современная). В стенах коридора устроено шесть небольших ниш (по три в каждой стене) размером 0,5 x 0,5 м и глубиной 0,35–0,4 м. Ниши имеют лучковую перемычку. Потолок в обоих помещениях сводчатый, выполнен из кирпича, пол земляной. Стены и своды обоих помещений выложены историческим кирпичом, размером 270 x 130 x 75 мм. Из коридора наружу ведет деревянная современная лестница. В настоящее время подвал используется в качестве кочегарки, в связи с чем в наружных стенах были проделаны отверстия для доставки угля (в юго-восточной стене) и вывода дымоходной трубы, расположенной с юго-западной стороны (ил. 1).

Планировочная структура дома была изменена в соответствии с новыми функциональными требованиями. Продольные и поперечные стены и перегородки делят первый и второй этаж основного объема здания на девять помещений на каждом этаже.

Планировочная структура первого этажа пред-

²⁶ Со слов местной жительницы, бывшей у Смирновых домохозяйкой, а затем работавшей в сельской больнице.

ставляет группу комнат, организованных вокруг центрального коридора, в который ведет еще один коридор, расположенный при входе. На второй этаж ведут две лестницы (ил. 3), одна — из коридора при входе в здание, вторая — из центрального коридора. Планировочная структура второго этажа идентична первому.

Результаты лазерного сканирования и визуального осмотра конструкторской чердачного пространства показывают, что северо-восточная часть основного объема дома конструктивно отличается: отметка низа перекрытия второго этажа ниже на 35 см, верхние венцы внешней стены отличаются от верхних венцов остального объема и выполнены из бруса квадратного сечения.

Стилистический анализ

Основой архитектурного облика служит городской двухэтажный деревянный доходный дом. Данный тип жилого дома появился в результате влияния различных факторов на протяжении всего XIX в. — сказались влияние городской каменной архитектуры и образцовых проектов классицизма, эклектики (необарокко, неорусского стиля, национально-романтического направления в архитектуре), взаимовлияние профессиональной архитектуры, на которую ориентировались и заказчики, и строители, и народной архитектуры, которую привносили артели плотников [Герасимов, 1998, с. 102]. Подобные типы зданий (со схожей композицией фасадов и, частично, декором) особенно характерны для Томска. Похожие примеры можно также найти в Барнауле, Колывани, Камна-Оби, ряде сел, деревень и других населенных пунктах Сибири (табл. 1). И, если в городах описываемый тип дома использовался именно в качестве доходного, то в сельской местности (как в рассматриваемом случае) такой дом встречается в качестве усадебного, как, например, дом купца Удонова и дом купца Стригина в с. Павловск Алтайского края.

Композиция фасадов исследуемого дома в основном асимметричная и, за исключением юго-восточного фасада, отражает тектонику здания: декоративные панели-лопатки закрывают врезку внутренних несущих стен. Интересно отметить, что асимметрия фасадов противоречит объемной структуре всего здания, но она, по-видимому, продиктована предположенной выше планировочной структурой здания.

Главный, юго-западный фасад, обращенный на ул. Ленина, разделен вертикальными декоративными панелями-лопатками на три неравные части. Центральная выделена большими по размеру и более сложными трехчастными оконными проемами на первом и втором этажах.

Под современной обшивкой плоскости стен фасадов, представляющей собой листы картона и пластика, сохранилась первоначальная отделка — обшивка филенчатой доской. Направления досок обшивки в границах первого этажа горизонтальное, второго — вертикальное. Первый и второй этажи на фасаде разделены профилированным поясом с резным декором.

Композиция фасадов дома в основном отражает классические тенденции в деревянной архитектуре городов Сибири XIX в.: филенчатая обшивка фасадов, декоративные панели, имитирующие пилоны с капителями, профилированные пояса и карниз, стилистика оконных наличников. Существующие отклонения от классических требований, такие как

асимметричное расположение оконных проемов и декоративных панелей, связаны с функциональной структурой, а не с требованиями классической композиции.

Наличники оконных проемов первого и второго этажа значительно отличаются по декоративному и стилистическому решению. Нижний ряд оконных проемов обрамлен простыми по декору наличниками с прямолинейными классическими формами. Наличники второго этажа имеют значительно более сложное декоративное оформление: лобовая доска завершается криволинейным профилированным навершием с декором в виде валют и пальметтой, подоконная доска имеет также криволинейные очертания в нижней части, боковые доски наличника украшены токарными элементами. Наиболее близкими аналогами по композиции и декору наличников являются дома в Новосибирске (ул. Коммунистическая, 19 и ул. Чаплыгина, 65) и дом в с. Сузун (ул. Советская, 2) [МИАС] (табл. 2).

Декоративные панели представлены в виде рамы классического профиля, высотой в этаж, с размещенным внутри декоративным сложносоставным элементом. Декоративные элементы выполнены в технике объемной резьбы. Композиция декоративных элементов составлена из растительных, геометрических и архитектурных форм. Такие деревянные панели (орнаментированные и без орнамента) типичны для деревянной архитектуры Сибири XIX в., но данный орнаментальный декор имеет много общих черт с образцами жилых домов в Томске (ул. Мельничная, 27; ул. Мельничная, 31; ул. Мельничная, 33; ул. Татарская 20; ул. Татарская 46; ул. Шишкова, 10). Рисунок этих элементов представляет собой плоскостную имитацию объемных сложносоставных декоративных столбиков теремов в национальном русском стиле, вошедшем в моду в конце XIX в. и публиковавшиеся во многих периодических изданиях, таких как «Зодчий», и альбомом (например, «Мотивы русской архитектуры» под редакцией А. Рейнбота и Архитектурная энциклопедия Барановского [Барановский, 2001]) (табл. 3).

В связи с недостаточностью документального материала и невозможностью в настоящее время провести полное обследование памятника, поскольку здание функционирует, остаются открытыми вопросы, связанные с конструктивными и планировочными особенностями здания. Тем не менее, на основании проведенных исследований можно сделать некоторые предварительные выводы об этапах строительства и первоначальном облике здания.

Предположительно, северо-восточная часть дома была пристроена позже основного объема, но не позднее 1917 г. На основании косвенных признаков (конструктивной основы здания, расположения оконных проемов, следов от дымоходов на чердаке) можно сделать предположение, что разделенные в настоящее время перегородками помещения 5–6 и 7–8 на первом этаже и 3–4 — на втором являлись едиными комнатами (ил. 3). Возможно, данная гипотеза прояснится при проведении реставрационных работ на памятнике.

По следам от дымоходов на чердаке (отверстия в кровле, подпалины на стропильных ногах и балках) можно предположить, что в доме было три печи (ил. 3)

С большой долей вероятности можно утверждать

дать, что в доме сохранились оригинальные элементы интерьеров — внутренние наличники оконных и дверных проемов, двери, кованая фурнитура (петли, дверные ручки).

Анализ декоративных элементов дома купчихи Смирновой и их сопоставление с декоративными элементами деревянной и каменной архитектуры ближайших городов позволяет утверждать, что стилистика дома представляет собой компиляцию стилистических элементов неоклассицизма, неорусско-го стиля и необарокко.

Список литературы

1. Барановский В.Г. Архитектурная энциклопедия: Виллы, дачи, загородные дома. — М.: Стройиздат, 2001. — 50 с.
2. Барановский В.Г. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX в. Детали (избранные таблицы). — М.: Стройиздат, 2002. — Вып. 2. — 50 с.
3. Герасимов А.П. Стилиевые особенности деревянной архитектуры Томска второй половины XIX — начала XX в. // История и культура Томской области / Томский областной художественный музей; под ред. Я.А. Яковлева, Л.И. Овчинниковой. — Томск: Издательство Томского университета, 1998. — С. 101–107
4. Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области. Кн. 2: Районы и города Новосибирской области (памятники, состоящие на государственной охране). Каталог, 2-е издание, переработанное. — Новосибирск, 2012. — 331 с.

Reference

1. Baranovskij V.G. Arhitekturnaja jenciklopedija: Villy, dachi, zagorodnye doma. Moscow: Strojizdat, 2001, 50 p. (in Russ.)
2. Baranovskij V.G. Arhitekturnaja jenciklopedija vtoroj poloviny XIX v. Detali (izbrannye tablicy). Moscow: Strojizdat, 2002, Iss. 2, 50 p. (in Russ.)
3. Gerasimov A.P. Stilevye osobennosti derevjannoj arhitektury Tomskaja vtoroj poloviny XIX— nachala XX v. In *Istorija i kul'tura Tomskoj oblasti*. Tomskij oblastnoj hudozhestvennyj muzej; pod red. Ja.A. Jakovleva, L.I. Ovchinnikovej. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1998, pp. 101–107 (in Russ.)
4. Pamjatniki istorii, arhitektury i monumental'nogo iskusstva Novosibirskoj oblasti. Kn. 2: Rajony i goroda Novosibirskoj oblasti (pamjatniki, sostojashhie na gosudarstvennoj ohrane). Katalog, 2 izdanie, pererabotannoe. Novosibirsk, 2012, 331 p. (in Russ.)

Список источников

1. ГАНУ. Ф. №Д-1. Оп. 1. Метрическая книга о рождении, браке, смерти Благовещенской церкви с. Битки. Д. 3479, 3481, 3482, 3485, 3486, 3487, 3488, 3490.
2. ГАТО. Библ. Список населенных мест Барнаульского уезда Томской губернии, 1899 г. — URL: <http://pereselenie.gato.tomica.ru/snm/1899/document-741-5622.html?scan-left=120>
3. ГАТО. Библ. Список населенных мест Барнаульского уезда Томской губернии, 1911 г. — URL: <http://pereselenie.gato.tomica.ru/snm/1911/document-6-365>.

[html?scan-left=100](#)

4. Архив ГАУ НСО НПЦ. Комплексные научные исследования. Проект реставрации фасадов и ремонта крыши объекта культурного наследия регионального значения «Дом жилой купчихи Смирновой», расположенного по адресу Новосибирская область, Сузунский район, с. Битки, ул. Советская, 576. Часть 3. Инженерно-технические исследования здания. Зондажи и шурфы. Отчет (ИП Тюкова Н.М.).

5. Архив ГАУ НСО НПЦ. Научно-проектная документация по сохранению объекта культурного наследия. Раздел II. Часть 4. Отчет по комплексным научным исследованиям. Комплексные научные исследования. Проект реставрации фасадов и ремонта крыши объекта культурного наследия регионального значения «Дом жилой купчихи Смирновой», расположенного по адресу Новосибирская область, Сузунский район, с. Битки, ул. Советская, 576.

6. МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ. Коллекция «Экспедиция НСО 1988–1992». Л. 369, 370, 372.

7. МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ. Материалы экспедиций по выявлению памятников архитектуры в Новосибирской области, 1988–1992. Т. 2. Архитектура жилых и общественных зданий.

Список сокращений

ГАНУ — Государственный архив Новосибирской области

ГАТО — Государственный архив Томской области

ГАУ НСО НПЦ — Государственное автономное учреждение НСО «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области»

МИАС им. С.Н. Баландина — Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина

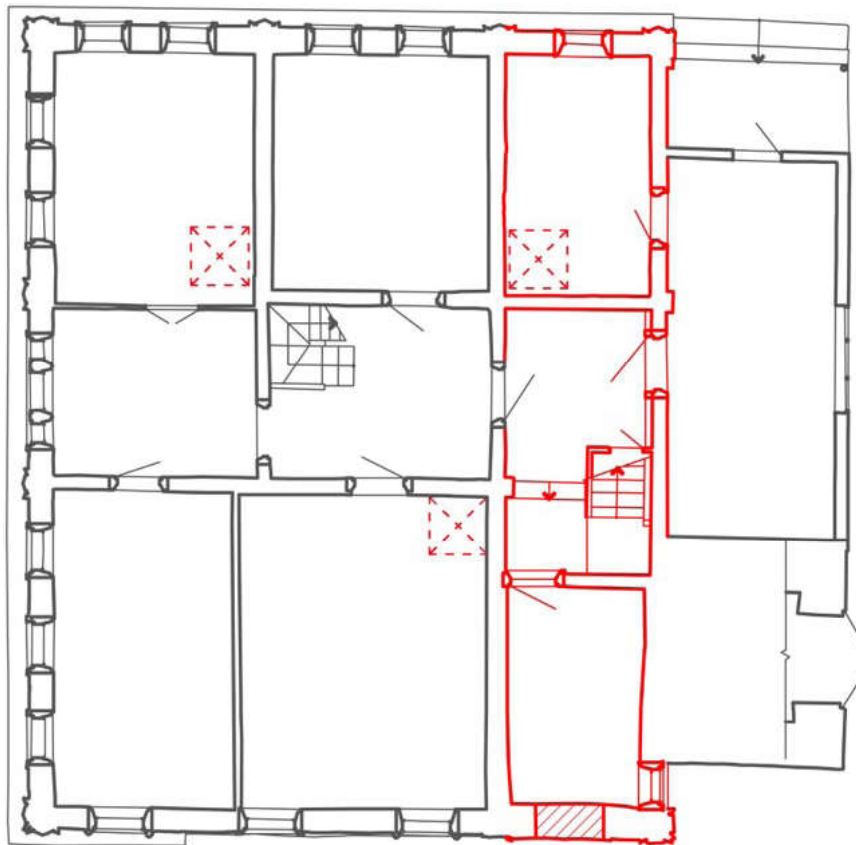
НГУАДИ — Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств

Ил. 1. Дом купчихи Смирновой. Вид с ул. Ленина от р. Черемшанки (снимок автора)

Ил. 2. Лавка купчихи Смирновой (снимок автора)

Ил. 3. Дом купчихи Смирновой. План первого этажа (чертеж автора)

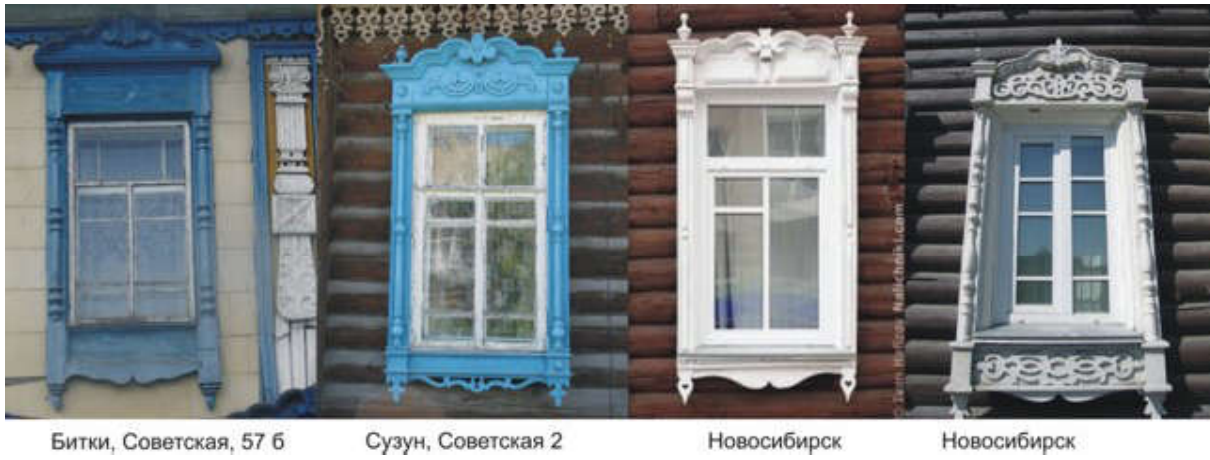
Таблица 1

Сравнительная таблица объемного решения жилого дома купчихи Смирновой и доходных домов в Томске, Новосибирске и Камне на Оби

Таблица 2

Сравнительная таблица декора оконных наличников

Битки, Советская, 57 б

Сузун, Советская 2

Новосибирск

Новосибирск

Таблица 3

Сравнительная таблица декоративных элементов

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10105
УДК: 72.035.5

К.О. Гуляева
Иркутский национальный исследовательский технический университет (Иркутск)
rgnks2874@gmail.com
Научный руководитель: доцент А.А. Ляпин

Мастера эпохи историзма конца XIX — начала XX века в Иркутске

Аннотация

Автор выделяет группу архитекторов конца XIX — начала XX вв. в Иркутске, чье творчество можно отнести к направлению историзма (В.А. Рассушин, А.П. Артюшков, В.А. Кудельский, А.И. Кузнецов и Г.В. Розен). Дается перечень и краткая история основных построек этих архитекторов. Здания эпохи историзма составляют существенную часть архитектурного наследия Иркутска и придают ему ценное своеобразие.

Ключевые слова: историзм, эклектика, архитектура Сибири, архитектура Иркутска, архитектурное образование, Институт гражданских инженеров

K.O. Gulyaeva
Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk)
rgnks2874@gmail.com
Scientific adviser is A.A. Lyapin

Masters of the historicism of the end of the 19th century — the beginning of the 20th century in Irkutsk

Abstract

The author determines a group of architects of the end of the 19th — the beginning of the 20th century in Irkutsk, whose professional legacy can be referred to historicism (V.A. Rassushin, A.P. Artyushkov, V.A. Kudelsky, A.I. Kuznetsov and G.V. Rosen). The article deals with a list of the buildings designed by these architects and their brief history. Buildings of historicism are a significant part of Irkutsk architectural heritage and give the city its originality.

Keywords: historicism, eclecticism, architecture of Siberia, architecture of Irkutsk, architectural education, Institute of Civil Engineers

Историзм — особое направление в архитектуре и декоративном искусстве XIX в., которое выступает как сочетание различных архитектурных, уже «прошлых», «исторических» стилей. Синонимом историзма в советской литературе выступает термин эклектика [Российская академия художеств].

Период бытования историзма, конец XIX — начало XX вв., представляет особое значение для исследователей, так как именно в это время архитекторы в своей деятельности содействуют использованию многообразия архитектурных стилей. Это явление дало начало такому направлению как «историзм». Исследователь О.Н. Беседина в своей статье «Памятники архитектуры Иркутска» разделяет историю развития архитектурно-планировочной композиции Иркутска на три периода [Беседина, 1990, с. 53–57]:

Первый этап развития города (середина XVII — конец XVIII вв.) характеризуется формированием сети русских поселений в Восточной Сибири. Архитектура этого этапа характеризуется отсутствием строгой регулярности в городском строительстве.

Второй этап развития города (1780–1792 гг.) характеризуется утверждением Генерального плана

города и развития классицизма в архитектуре Иркутска до конца XIX в.

Третий этап формирования архитектуры Иркутска приходился на период после страшного пожара 1879 г. и продолжался до конца 1910-х гг. Здесь Беседина выделяет два этапа — 1880-е — 1890-е гг. — время развития эклектики, не сдерживаемой рамками традиционной застройки, и 1900-е — 1910-е гг. — период распространения архитектуры модерна.

В своей статье, посвященной историзму, А.В. Иконников, историк и теоретик архитектуры, дает такое определение этому направлению: «Историзм, в отличие от предшествующих стилей Нового времени, где общие принципы находили выражение в единообразных формах и композициях, как стиль воплощает единые принципы в разнохарактерных стиливых формах» [Иконников, 2012, с. 12].

Одной из главных отличительных черт архитектуры конца XIX — начала XX вв. в Иркутске является особая роль украшения зданий, которая осуществлялась с помощью декора фасадов в сочетании с объемно-пространственными решениями архитектуры зданий в целом, с целью создания оригинального

произведения. Для историзма характерно смешение архитектурных элементов стилей, присущих архитектуре Возрождения, барокко, классицизма. Своеобразие застройки Иркутска сформировало особый архитектурный облик города.

Как утверждает А.А. Ляпин в своей статье «Городские архитекторы Иркутска начала XX века», информация об архитекторах Иркутска этого времени в исторической научной литературе сегодня представлена достаточно фрагментарно [Ляпин, 2018, с. 148]. В предложенной публикации мы рассмотрим деятельность архитекторов В.А. Рассушина, А.П. Артюшкова, В.А. Кудельского, А.И. Кузнецова, Г.В. Розена, работавших в Иркутске в эпоху историзма, и ставших признанными мастерами в этом направлении архитектуры. Для Рассушина, Кудельского и Розена историзм являлся главным направлением творчества, реализуемым с помощью архитектуры. В свою очередь, для А.П. Артюшкова и А.И. Кузнецова историзм был отправной точкой на пути к модерну в архитектуре.

Владимир Александрович Рассушин (1858–1934)— один из самых ярких архитекторов Иркутска конца XIX — начала XX вв. После того, как в 1886 г. Владимир Александрович окончил Институт гражданских инженеров, получив специальность инженера-архитектора, его назначили на должность иркутского городского архитектора, в которой он работал по 1894 г. Рассушин был едва ли не самым молодым и амбициозным специалистом в этой области в Иркутске — должность первого иркутского городского архитектора он занял в свои 28 лет [Калинина, 2007, с. 48].

Здания, построенные по проекту Рассушина, сегодня являются памятниками архитектуры города. Архитектор занимался преобразованием здания бывшей гауптвахты для размещения там городской общественной библиотеки (ныне здание снесено, на его месте построена гостиница «Ангара»). В 1889 г., под руководством Рассушина были сданы в эксплуатацию все начальные приходские училища, построенные по его проекту — Успенское, Глазковское, Знаменское, Крестовоздвиженское (ныне Дом дружбы). В 1890 г. началось проектирование здания Общественного собрания, законченное к середине июня 1891 г. Декабрь 1902 г. ознаменован завершением строительства второй очереди здания с большим театральным-концертным залом на 1000 зрителей (ныне здание Иркутской областной филармонии и, временно, Областной театр юного зрителя).

В январе 1891 г. Городская дума Иркутска поручает Рассушину спроектировать два моста — понтонный мост через реку Ангару и шпренгельный мост через реку Иркут. В конце июня этого же года было проведено торжественное открытие моста через Ангару, приуроченное к прибытию в Иркутск наследника престола Николая Александровича, будущего императора России. К этому же событию, по замыслу мастера, была возведена Триумфальная арка государя наследника. Рассушиным также были выполнены план сквера возле памятника Александру III и проект пятиклассного Александро-Мариинского городского начального училища, которое было построено в честь 25-летия супружества императора Александра III и Марии Федоровны — это здание было одним из лучших проектов выдающегося иркутского архитектора. Здание было заложено 30 апреля 1894

г., а уже 31 августа следующего года освящено и открыто для занятий. Бюджет строительства — 53900 рублей. В 1932–1933 гг. здание полностью перестроено для Финансово-экономического института (позднее — Институт народного хозяйства, Байкальский государственный университет экономики и права, современный адрес — ул. Ленина, 11).

Двухэтажный деревянный дом справа от Иркутского драматического театра — бывший особняк архитектора, в котором сегодня находится фармацевтический факультет Иркутского государственного медицинского университета (ил. 1). Крыша здания сплошная с восьмигранным куполом, который выполнен с фигурным завершением: на его металлическом шпиле указана дата постройки особняка — «1902». Лестницы на второй этаж и в подвал — деревянные, с ограждениями из фигурных балясин. На втором этаже из комнат устроены выходы на балконы, а на потолках можно было увидеть гипсовую лепнину.

После революции здание было национализировано, а с 30 декабря 1923 г. в особняке начал работать Сибирский музей социальной медицины, созданный при медицинском факультете Иркутского университета.

Также по проекту Рассушина была осуществлена реконструкция здания Городской управы (ул. Ленина, 14). Сейчас в нем находятся администрация и дума Иркутска. Рассушин занимался также благоустройством парков и садов города, обустройством дорог, являлся председателем комиссии по улучшению садов и бульваров города. Как утверждает И.В. Калинина в своей статье «Постройки иркутского архитектора В.А. Рассушина» [2007], здания, построенные по проектам архитектора Рассушина выделяются из круга массовой застройки города четкой ориентацией архитектурного замысла на образцы классической архитектуры.

Александр Петрович Артюшков (1867–1938) — архитектор, педагог и общественный деятель. В «Иркутской летописи» Ю.П. Колмакова первое упоминание об Артюшкове относится к 1896 г., когда тот прибыл в город на соискание государственной службы [Колмаков, 2003, с. 318–319]. Выпускник Петербургского института гражданских инженеров, Артюшков в 1898 г. вступил в должность губернского архитектора и пребывал в ней до 1904 г. Артюшков считали признанным специалистом, поэтому ему поручали серьезные заказы.

К самым ранним постройкам Артюшкова в Иркутске можно отнести корпуса зданий пивоваренного завода товарищества «В.А. Белоголовый и Ко», позднее известного как корпуса дрожже-винокурного завода Ф.Ф. Кузнецов (ул. Гаврилова, 1, построен в 1897–1899 гг.). Также по проекту архитектора был возведен доходный дом купца С.Н. Родионова, строительство которого продолжалось с 1885 по 1887 г. (ныне «Детский мир»). При простом лаконичном решении общего объема здесь присутствует живописное декоративное убранство: верхняя часть фасада украшена прихотливой вязью растительного декора. Декор для того времени был новаторским. Позже его повторяли в других зданиях, но именно в этом проекте Артюшков использовал его впервые. Уникальные интерьеры здания и некоторые его детали, такие как витражное окно, исполненное по рисунку Артюшкова, выполненное во Франции [Ляпин, 2012,

с. 14] до сих пор привлекают внимание. В 1980-х гг. здание было отреставрировано, причем облик дома остался близок к первоначальному и сохраняет его до сих пор (ил. 2).

В 1899 г., по проекту Александра Петровича была построена усадьба купцов Сапожниковых. Декор фасада одноэтажного здания усадьбы был выполнен в тенденциях историзма: фасад выдержан с использованием архитектурных форм эпохи Возрождения. Дорический ордер применен здесь не как самостоятельная архитектурная система, а как декорация, наложенная на плоский фасад. Здание имеет трехосевую симметричную композицию; оси проходят по центральному и боковым ризалитам. Подобно ордеру, здание имеет трехчастное деление: у него есть цоколь, немного выдвинутый вперед, основная плоскость стены и венчание, что придает разнообразие фасаду. Центральная ось зафиксирована высоким аттиком, на котором размещен герб Иркутска. В 1897 г. усадьбу Сапожниковых приобрело иркутское «Общество взаимного страхования имущества от огня». 26 марта 1922 г. в здании состоялось первое собрание бывших политкаторжан и политических ссыльных, после чего усадьба полностью перешла в их распоряжение. В 1924 г. усадьба была муниципализована советской властью. Позднее дом был передан в ведомство иркутского губернского отдела местного хозяйства. С 1935 г. в здании начал работу детский кинотеатр «Пионер».

В 1906–1908 гг. по проекту Артюшкова было построено здание типографии И.П. Казанцева (ул. Марата, 4). Из проектов архитектора, выполненных в советское время, можно назвать жилой дом для инженерно-технических работников Иркутской чаепрессовочной фабрики на углу ул. Сурикова и Марата (1931 г.).

Владислав Андреевич Кудельский (1838—1893)— архитектор, коллежский советник, художник, гласный городской думы. Учился вольноприходящим учеником на архитектурном отделении императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге [Щербин, 2005, с. 48]. Окончил Императорскую Академию художеств в звании неклассного художника. В этом звании был утвержден общим собранием Академии художеств 6 апреля 1858 г. «с правом производить строения и пользоваться преимуществами Всемиловитнейшее дарованною Академии привилегиею художникам». Прибыл в Иркутск в 1860 г. Должность городского архитектора занимал с 1880 по 1881 г. Много проектировал и составлял сметы на сооружение казенных, общественных и других зданий, особое внимание уделял церковному зодчеству. По проектам Кудельского в Иркутске были построены Вознесенский собор в одноименном мужском монастыре, выполненный в русско-византийском стиле (1863–1873 гг., утрачен); Благовещенская (1888–1890 гг., утрачена) и Князе-Владимирская (1885–1895 гг.) церкви; Иркутская синагога (1878–1882 гг.); паперть к Иркутской Крестовоздвиженской церкви (1860 г.) (ил. 3); дом купчихи Х.Я. Колыгиной (1881–1883 гг., ныне Дом офицеров); часовня Иверской Божией Матери на Ивановской площади (1891–1892 гг., не сохранилась), а также Зиминская Троицкая (1880 г.) и Кимильтейская Николаевская (1882–1885 гг.) церкви, и другие здания. Наряду с архитекторами Г.В. Розеном и В.А. Рассушиным, Кудельский принимал участие в

проектировании комплекса Иркутского технического училища (1882–1884 гг., ныне здание биолого-почвенного факультета ИГУ). Кроме того, под его руководством были осуществлены перестройки Спасской церкви (1861 г.) и Богоявленского собора (1870 г.) [Там же, с. 161–164]. Большая часть построек Владислава Андреевича выполнена в неорусском стиле, одним из направлений историзма, основанном на использовании элементов византийской архитектуры в сочетании с традициями древнерусского зодчества.

Алексей Иванович Кузнецов (1865 — 1904) — городской архитектор Иркутска с 1895 по 1903 г. Сын чиновника, происходил из обер-офицерских детей. Окончил Императорскую академию художеств; в период обучения получил две серебряных медали за творческие работы — в 1888 г. и в 1890 г. В Иркутске Кузнецовым были спроектированы и построены дом инженера путей сообщения И.И. Никитина (1902–1903 гг., ул. Литвинова 1), дом купца М. Бутина (1897–1898 гг., ныне пер. Хасановский, 1), аптека М.Г. Писаревского (1897–1899 гг., ныне ул. Дзержинского, 34) и Иркутская больница для хронических больных, дом почетного гражданина И.Л. Медведникова и его жены (1899–1901, ныне ул. 2-ая Железнодорожная, 4) и другие сооружения. Архитектор спроектировал и свои собственные дома — деревянный по современной ул. 5-й Армии, 51 и каменный на углу ул. Карла Маркса и Сухэ-Батора, 18 (последний — полностью перестроен после пожара арх. Н.И. Бойковым).

Кузнецов реконструировал и существовавшие здания, благодаря чему они приобрели тот облик, который мы видим сегодня на улицах Иркутска. Это владения купца С.И. Теплых (каменный двухэтажный магазин) на ул. Большой (1895 г., ныне ул. К. Маркса 33), дом Брянцевых-Гиллера (1902–1907 гг., ныне ул. Ленина, 13), А. Воллернера (1896 г., ныне ул. К. Маркса, 25), часть дома купчихи И.Г. Ямпольской (ул. Фурье, 1; надстроена также вторая часть, выходящая на ул. К. Маркса; в 1899 — начале 1900-х гг.), внутренние помещения трехэтажного здания гостиницы «Деко» (1901 г., ныне ул. Сухэ-Батора, 17).

Гостиница «Гранд-Отель», построенная в 1906 г. по проекту Кузнецова, — также одно из наиболее заметных зданий современной ул. К. Маркса (ил. 4). Гостиница занимает участок на углу улиц К. Маркса и Литвинова, удачно акцентируя их пересечение. Здание расположено в окружении разностилевой каменной застройки конца XIX — начала XX вв., среди которой заметно выделяется благодаря сложной объемно-пространственной композиции, разнообразному декору, а также сложному рисунку наличников окон и башенке, завершающей угол здания. Здание гостиницы является ярким примером общественной постройки, возведенной на стыке веком, с характерным для этого времени декором, выполненным в стиле историзма. Большая часть зданий Алексея Ивановича Кузнецова выполнена в одном из направлений архитектуры историзма — вариативном и демократичном итальянском стиле [Гарашенко, 2016, с. 285].

Генрих Владимирович Розен (1847 — после 1915) — архитектор. После окончания строительного училища в Санкт-Петербурге до приезда в Иркутск Розен работал во многих городах России, таких как Гродно, Казань, Санкт-Петербург, где по его про-

ектам построены казенные и частные здания, в том числе Воскресенский собор в Казани. Также он успел принять участие в строительстве железных дорог.

В Иркутск Розен приезжает в конце 1879 или 1880 г. Работает в должности управляющего строительной и дорожной частями при Иркутском генерал-губернаторе, в 1892 г. покидает город в связи переходом на должность инспектора подъездных путей в Киеве [Калинина, Красная, 2013, с. 337].

В своей работе Розен применял кирпич без оштукатуривания, обладающий хорошими прочностными свойствами, а также красивым цветом и пластической выразительностью. В Иркутске Генрих Владимирович Розен построил комплекс зданий музея Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ныне здание краеведческого музея по ул. К. Маркса, 2), построенных в 1883–1891 гг.; Кафедральный собор во имя иконы Казанской Божией Матери, выполненный с участием В.А. Кудельского и М.Н. Огонь-Догоновского (1875–1894 гг., не сохранился); Лютеранскую церковь (кирху) во имя Вознесения Господня (1885 г., не сохранилась); здание городского училища «Детский сад» (1882 г., деревянное — ныне перенесено на ул. Горького, 5а); комплекс Базановского воспитательного дома с родильным приютом (1880–1883 гг., ныне ул. Свердлова, 14); надгробие на могиле А.П. Щапова (1886 г.) и другие здания и сооружения.

Здание городского училища «Детский сад» является образцом высокопрофессиональной деревянной архитектуры. В нем нашли свое отражение общерусские увлечения древнерусскими формами. В оформлении здания использовались стилизованные декоративные элементы, характерные для русского деревянного зодчества — гирьки, дыньки и другие детали.

Комплекс зданий музея Восточно-Сибирского Отделения Русского Географического общества стал настоящей жемчужиной гражданской архитектуры Иркутска. Все постройки комплекса ориентированы на современную ул. К. Маркса, лишь сам музей боковым фасадом обращен на бульвар Гагарина, в окружение памятников архитектуры конца XIX в. (ил. 5). Двухэтажное здание выполнено в мавританском стиле. Архитектором был создан впечатляющий ансамбль, который имеет выгодное восприятие со всех видовых точек. Декор фасадов, выполненный в кирпичной пластике, содержит такие декоративные элементы как ступенчатые машикули, решетчатые филенки, эллиптические завершения проемов, розетки с восточным орнаментом. Небольшой флигель решен в тех же формах, что и основное здание, но является более простым по своему декору и построению плана. Проезжие ворота выполнены в виде стреловидной арки, опирающейся на два небольших объема-столба, которые, в свою очередь, завершены фиалами. Декор ворот перекликается с формами остальных построек ансамбля. В целом, комплекс построек Общества представляет собой один из наиболее известных памятников архитектуры историзма, отражающий направленность творческого поиска одного из наиболее деятельных сибирских архитекторов, Генриха Владимировича Розена.

Одним из основателей исследования деятельности творчества архитекторов Иркутска периода историзма является искусствовед, историк иркутской

архитектуры Валерий Трофимович Щербин. Вклад Валерия Трофимовича в изучение истории архитектуры города огромен: он первым стал заниматься обучением студентов истории искусств и истории архитектуры на новой для Иркутска специальности «архитектура», открытой в городе 1973 г. [Ляпин, 2014, с. 319]. В список его свершений входит становление Иркутской архитектурной школы, а также деятельность по изучению и охране архитектурных памятников, которая заслужила признание всего архитектурного сообщества в городах Байкальского региона. Труды В.Т. Щербина получили самую высокую оценку Министерства культуры РФ. В общественной деятельности исследователь много внимания уделял пропаганде архитектурного наследия городов Сибири. Именно благодаря Валерию Трофимовичу, проходя сегодня по центральным улицам города Иркутска, мы имеем возможность получить неоценимый опыт соприкосновения с прошлым, что помогает понимать и чувствовать историю архитектуры разных периодов времени, так как сохранились не только отдельные здания и сооружения, но и историческая среда, которая придает городу особый исторический дух.

В заключении хотелось бы отметить, что период историзма в архитектуре — ценное явление в градостроительной истории Иркутска. Благодаря ему Иркутск имеет уникальную архитектуру. Несомненно, в Иркутске отразились те же тенденции развития историзма, что и в других городах, так как городскими архитекторами на тот момент были специалисты петербургской архитектурной школы, учителями которых, в свою очередь, были такие выдающиеся личности, как Николай Владимирович Султанов (1850–1908) — академик архитектуры, наиболее крупный теоретик и историк архитектуры конца XIX в. — начала XX в., и Павел Юрьевич Сюзор (родился 1844–1919) — академик архитектуры, член правления нескольких строительных обществ [Ляпин, Валеев, 2015, с. 38–39].

В конце XIX — начале XX в. в Иркутске велась интенсивная строительная деятельность, развивались художественные традиции города, преобладал высокий уровень строительного и плотницкого дела. [Калинина, Красная, 2013, с. 57–76]. Эти явления отразились в насыщенности и разнообразии архитектурно-пространственной среды Иркутска и позволили сделать этот город уникальным явлением в русской градостроительной культуре.

Список литературы

1. Беседина О.Н. Памятники истории и архитектуры Иркутска: Культурное зодчество. — Новосибирск: УД СО АН СССР, 1990. — 65 с.
1. Гаращенко А.Н. Иркутский исторический некрополь: Иерусалимское кладбище. — Иркутск: Земля Иркутская, 2016. — 463 с.
2. Иконников А.В. Историзм — стиль архитектуры XIX столетия // Архитектура эпохи историзма: традиции и новаторство. Сборник статей международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения архитектора Геральда Боссе (1812–1894). — Санкт-Петербург: Палаццо, 2012. — С. 12–23.
3. Калинина И.В., Красная Н.Н. Город и дере-

во. Архитектура и ремесло. — Иркутск: Агентство «МайР», 2013. — 452 с.

4. Калинина И.В. Постройки иркутского архитектора В.А. Рассушина // Проект Байкал. — 2007. — № 13. — С. 48–52.

5. Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. — Иркутск: Оттиск, 2003. — С. 318–319.

6. Ляпин А.А. Архитекторы — выпускники Института гражданских инженеров в Иркутске в начале XX века // Вестник гражданских инженеров. — 2012. — № 2 (31). — С. 12–16.

7. Ляпин А.А. Искусствовед Валерий Щербин и формирование иркутской школы архитектуры // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2014. — № 10 (93). — С. 318–322.

8. Ляпин А.А. Городские архитекторы Иркутска в начале XX века // Известия лаборатории древних технологий. — 2018. — Т. 14. — № 1 (26). — С. 147–154.

9. Ляпин А.А., Валеев Р.И. Петербургские учителя иркутского архитектора Владимира Рассушина // Рассушинские чтения: Сборник научных работ участников межрегиональной научно-практической конференции. — Иркутск: типография «На Чехова», 2015. — С. 35–40.

10. Российская академия художеств. Словарь терминов. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://clck.ru/HML4V> (дата обращения: 18 апреля 2019 г.).

11. Щербин В.Т. Забвению не подлежит. О судьбе Казанского Кафедрального собора в Иркутске // Известия архитектурно-этнографического музея «Тальцы». — 2005. — № 4. — С. 48–52.

12. Щербин В.Т. Кудельский Владислав Андреевич: 175 лет со дня рождения // Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2013 г. — Иркутск, изд. Иркут. обл. гос. универс. науч. б-ки им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2013. — С. 161–164.

References

1. Besedina O.N. Pamyatniki istorii i arkhitektury Irkutsk: Kul'tovoe zodchestvo. Novosibirsk: UD SO AN SSSR, 1990. 65 p.

1. Garashchenko A.N. Irkutskii istoricheskii nekropol': Ierusalimskoe kladbishche. Irkutsk: Zemlya Irkutskaya. 2016. 46 p.

2. Ikonnikov A.V. Istorizm — stil' arkhitektury XIX stoletiya. In *Arkhitektura epokhi istorizma: traditsii i novatorstvo. Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 200-letiyu so dnya rozhdeniya arkhitekтора Gera'da Bosse (1812–1894)*. Saint-Peterburg: Palatstvo, 2012. Pp. 12–23.

3. Kalinina I.V., Krasnaya N.N. Gorod i derevo. Arkhitektura i remeslo. Irkutsk: Agentstvo «MaiR», 2013. 452 p.

4. Kalinina I.V. Postroyki irkutskogo arkhitekтора V.A. Rassushina. *Proekt Baikal*. 2007. No 13. Pp. 48–52.

5. Kolmakov Yu.P. Irkutskaya letopis' 1661–1940 gg. Irkutsk: Ottisk, 2003. Pp. 318–319.

6. Lyapin A.A. Arkhitektory — vypuskniki Instituta grazhdanskikh inzhenerov v Irkutске v nachale XX veka. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*. 2012. No 2 (31). Pp. 12–16.

7. Lyapin A.A. Iskusstvoved Valerii Shcherbin i formirovanie irkutskoi shkoly arkhitektury. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2014. No 10 (93). Pp. 318–322.

8. Lyapin A.A. Gorodskie arkhitektory Irkutsk v nachale XX veka. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii*. 2018. Vol. 14. No 1 (26). Pp. 147–154.

9. Lyapin A.A., Valeev R.I. Peterburgskie uchitelya irkutskogo arkhitekтора Vladimira Rassushina. In *Rassushinskije chteniya: Sbornik nauchnykh rabot uchastnikov mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Irkutsk: tipografiya «Na Chekhova», 2015. Pp. 35–40.

10. Rossiiskaya akademiya khudozhestv. Slovar' terminov. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://clck.ru/HML4V> (data obrashcheniya: 18 aprelya 2019 g.).

11. Shcherbin V.T. Zabveniyu ne podlezhit. O sud'be Kazanskogo Kafedral'nogo sobora v Irkutске. In *Izvestiya arkhitekturno-etnograficheskogo muzeya «Tal'tsy»*. 2005. No 4. Pp. 48–52.

12. Shcherbin V.T. Kudel'skii Vladislav Andreevich: 175 let so dnya rozhdeniya. In *Priangar'e: gody, sobytiya, lyudi: kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat Irkutskoi oblasti na 2013 g.* Irkutsk, izd. Irkut. obl. gos. univers. nauch. b-ki im. I.I. Molchanova-Sibirskogo, 2013. Pp. 161–164.

Ил. 1. Бывший особняк В.А. Рассушина — здание Иркутского государственного фармацевтического факультета (ул. К. Маркса, 10) (URL: <https://clck.ru/HMPMU>)

Ил. 2. Здание магазина «Детский мир» в Иркутске (ул. Урицкого, 1), архитектор А.П. Артюшков (URL: <https://clck.ru/HMPZA>)

Ил. 3. Паперть Крестовоздвиженской церкви в г. Иркутске (ул. Седова, 1), архитектор В.А. Кудельский. Снимок С. Попова (<https://clck.ru/HMPec>)

Ил. 4. Здание гостиницы «Гранд-Отель» в Иркутске (ул. Литвинова, 1), архитектор А.И. Кузнецов (URL: <https://clck.ru/HMQ3w>)

Ил. 5. Здание Иркутского областного краеведческого музея (ул. К. Маркса, 2), архитектор Г.В. Розен (URL: <https://clck.ru/HMQ9L>)

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10106
УДК 72.007

П.А. Долнаков, Е.А. Долнакова¹
ООО «ЗАПСИБНИИПРОЕКТ.2» (Новосибирск)
¹dol.el@mail.ru

Городской архитектор Барнаула Борис Леонидович Шиловский

Аннотация

Статья содержит неизвестные ранее сведения о работавшем в начале XX в. в г. Барнауле городском архитекторе Борисе Леонидовиче Шиловском — старшем брате архитектора-художника Андрея Леонидовича Шиловского, выпускника Императорской Академии художеств, внесшего значительный вклад в сохранение памятников деревянного зодчества г. Томска и организацию Томского краеведческого музея. Современные исследователи истории архитектуры Алтая и Барнаула ошибочно приписывают А.Л. Шиловскому работу барнаульским городским архитектором в 1908–1910 гг. В статье приведены также ранее неизвестные сведения из биографии гражданского инженера И.Ф. Носовича, много лет работавшего в Барнауле.

Ключевые слова: городской архитектор, Шиловский, синаматограф, архитектура Барнаула, И.Ф. Носович

P.A. Dolnakov, E.A. Dolnakova¹
ZAPSIBNIIPROEKT.2 Ltd (Novosibirsk)
¹dol.el@mail.ru

Barnaul city architect Boris Leonidovich Shilovsky

Abstract

The article deals with previously unknown information about the city architect Boris Leonidovich Shilovsky, the elder brother of the artist Andrey Leonidovich Shilovsky, a graduate of the Imperial Academy of Arts, who made a significant contribution to the preservation of wooden architecture monuments of the city of Tomsk and organization of the Tomsk Regional Museum. Modern researchers of the history of architecture of Altai and Barnaul wrongly associate the work as the Barnaul city architect in 1908–1910 with A.L. Shilovsky. The article also includes previously unknown information from the biography of civil engineer I.F. Nosovich, who worked for many years in Barnaul.

Keywords: city architect, Shilovsky, cinematograph, Barnaul architecture, civil engineer I.F. Nosovich

В конце первого десятилетия XX в. в Барнауле работали профессиональные архитекторы — выпускник Императорского Института гражданских инженеров Иван Феодосиевич Носович в должности техника по строительной и дорожной части и городской архитектор по фамилии Шиловский. Большинство современных исследователей истории и архитектуры г. Барнаула называют городским архитектором этого периода Андрея Леонидовича Шиловского, приписывая ему авторство ряда городских архитектурных объектов. Другие авторы вообще не упоминают о деятельности Андрея Шиловского в Барнауле.

Сегодня можно с уверенностью утверждать, что Андрей Леонидович Шиловский никогда не был в Барнауле. Обратившись к биографии этого выдающего архитектора-художника, выпускника Императорской Академии художеств, нельзя не заметить того факта, что Андрей Шиловский, родившийся в 1887 г., в 1906 г. в возрасте девятнадцати лет только поступил в Высшее художественное училище при Академии. 28 мая 1914 г. он получил звание художника-архитектора за проект здания Государственного Совета. В годы учебы активно осваивал

профессию архитектора, изучал русскую архитектуру, ездил по старинным русским городам, делая там зарисовки, участвовал в архитектурных конкурсах, а после успешной защиты дипломного проекта стажировался в Италии. «Для более широкого знакомства с темой русского деревянного зодчества в 1910 г. Шиловский отправился под руководством академика Н.К. Рериха на летнюю практику в Новгород и участвовал в реставрации Новгородского кремля. Его студенческие альбомы полны зарисовок памятников архитектуры старинных русских городов — Кострома, Москвы, Ярославля. После окончания обучения в академии А.Л. Шиловский совершенствовал знания, знакомясь с шедеврами итальянской архитектуры в Генуе и Флоренции... По возвращении в Россию А.Л. Шиловский жил в Петербурге на Васильевском острове и работал с архитектором В.А. Щуко над переустройством и реконструкцией здания Николаевского вокзала...» [Исаева, 2009а, с. 143].

Осенью 1917 г. Андрей Леонидович Шиловский отправил в Томск из Петрограда свою супругу Ольгу Владимировну, в девичестве Рудневу, с маленькой дочерью Тамарой, 1916 г. рождения. Сам же остался

в Петрограде для завершения работ по Николаевскому вокзалу, сильно простудился и, чуть оправившись от болезни, поехал к семье на Рождество, откуда вновь вернулся в Петроград, так как дал слово архитектору Щуко, что вернется для завершения работ по Николаевскому вокзалу. Но события, развернувшиеся в стране в 1918 г., нарушили все его планы. Оставшись без средств к существованию, вынужден был перебиваться случайными заработками. Принимал активное участие в закладке временного памятника на Марсовом поле вместе со своим конкурником и родным братом супруги Львом Владимировичем Рудневым, преподавал на Женских курсах высших архитектурных знаний Е.Ф. Багаевой в Санкт-Петербурге. Здоровье Андрея Леонидовича становилось все хуже, и он решил уехать к семье в Томск, но из-за перебоев в работе железной дороги добраться смог только до Кунгура, где вынужден был остаться на полгода. И в Кунгуре деятельная натура творческого человека не давала ему сидеть без дела. Он зарисовывал старинные здания и памятники на местном кладбище, организовал рисовальную школу для кунгурских детей, разработал проект временного памятника Карлу Марксу. На учительском съезде в Кунгуре прочитал доклад «Принцип и задачи эстетического воспитания в социалистической школе» [Исаева, 2009б, с. 4]. Когда, наконец, восстанавливается железнодорожное сообщение с Томском, Андрей Шиловский, серьезно больной, приезжает в родной дом, где пройдут последние годы его короткой, но очень активной творческой жизни. Едва поправив здоровье, А.Л. Шиловский включается в проектирование зданий для рабочих поселков, отдает все силы работе в подотделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины отдела народного образования Томского губернского исполнительного комитета. В 1920–1921 гг. он подготовил комплекс документов для научного описания памятников архитектуры, организовал проведение обмеров и зарисовок старинных томских деревянных зданий и сам в них участвовал, работал над сводом памятников архитектуры Томской губернии, способствовал созданию Томского краеведческого музея и комплектации его фондов, созданию Общества охраны памятников старины, писал философские статьи на темы искусства и общественной жизни. Умер А.Л. Шиловский от тяжелой формы туберкулеза 10 мая 1921 г. [Шиловская, 1995, с. 24].

Собирая материалы об архитекторах Алтая в начале 2000-х гг., кандидат архитектуры А.П. Долнаков обнаружил в Государственном архиве Алтайского края документ о том, что с 13 мая 1910 г. городской архитектор Б. Шиловский находился в отпуске. Было найдено Постановление Городской Думы от 20 июня 1910 г. об увольнении Б. Шиловского по причине болезни (туберкулез легких) [ЦХАФ АК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 11. Л. 178]. В архивных документах, касающихся истории проектирования и строительства в Барнауле римско-католического костела (автор проекта И.Ф. Носович), обнаружены материалы об отводе места под постройку костела, датированные 5 февраля 1909 г. Выкопировку из плана города подписали член Управы Быков и городской архитектор Б. Шиловский [ГААК, Ф. 65, Оп. 1, Д. 232].

Указанные архивные материалы однозначно указывают на тот факт, что в 1909–1910 гг. городским

архитектором Барнаула был нигде более не упоминаемый Б. Шиловский, а не широко известный Андрей Леонидович Шиловский. Никаких сведений о неизвестном Б. Шиловском найти долго не удалось. Все ресурсы, которые были задействованы в поисках разрешения этого вопроса, повторяли одно и то же: автор проектов барнаульских синемаграфов — архитектор А.Л. Шиловский. В одном из материалов о нем в интернете был найден короткий комментарий, в котором говорилось, что в Барнауле работал брат А.Л. Шиловского Борис [Чурилов, 2014]. Этот комментарий подтолкнул к поиску сведений о семье Шиловских, и выяснилось, что семья была весьма примечательной.

Отец Андрея Леонидовича Шиловского Леонид Иванович Шиловский 1846 г. рождения был архитектором и строителем, работал в Петербурге, Томске и других городах России [Никитина, 1996, с. 99]. В 1887 г. он служил помощником начальника материальной службы Управления Сибирской железной дороги. Семья Леонида Ивановича и Олимпиады Николаевны Шиловских тогда жила в Уфе. Там и родился один из их сыновей — Андрей. Позднее Л.И. Шиловского перевели в Томск, где семья поселилась в деревянном особняке на ул. Гоголя у сада «Буфф». В семье было восемь детей. Имена шести известны. Это Мария, Борис, Ольга, Эмилия, Андрей и Александр. Исследователь творчества А.Л. Шиловского Л.Ю. Исаева пишет о том, что Андрей Леонидович Шиловский, закончив в Томске реальное училище в 1906 г., уехал в Петербург, где уже учился его старший брат Борис [Исаева, 2009а, с. 143].

Дети из этой семьи были щедро одарены талантами. Известно, что одна из сестер, Мария Леонидовна Шиловская, была выдающимся музыкантом, преподавала в частной музыкальной школе в Томске [Жилой дом...]. Другая сестра, Ольга Леонидовна Шиловская, училась в Московской консерватории по классу пения у профессора Мазетти. Оставив учебу там из-за болезни, с отличием окончила зубоучебную школу в Томске и в годы первой мировой войны была сестрой милосердия [Шиловская, 1995]. Наиболее известна актриса Шиловская Эмилия Леонидовна (1884–1952), которая в 1902 г. поступила в школу-студию Московского Художественного театра, училась у Станиславского и Немировича-Данченко. Играла с В. Мейерхольдом и В. Комиссаржевской, в 1924 г. снялась в первом сибирском художественном фильме «Красный газ» у своего мужа, режиссера И.Г. Калабухова. С 1943 г. некоторое время была ведущей актрисой театра «Красный факел» в Новосибирске [Лендова, 2013, с. 205]. Творчество архитектора-художника Андрея Леонидовича Шиловского многие годы изучают современные исследователи, раскрывая все новые грани его блистательного таланта.

Можно без сомнения сказать о том, что из этой семьи вышел еще один русский архитектор, трудившийся в г. Барнауле в начале XX в. — Борис Леонидович Шиловский. Родился он примерно в 1882 г. В 1906 г. еще учился в Петербурге, в каком именно учебном заведении, выяснить пока не удалось. В 1907 г. Б. Шиловский проектировал в Москве деревянные строения для владельца Торгового Дома «Волковъ с сыновьями и К^о» на втором участке Суцевской части [Зодчий, 1907, с. 460].

Барнаульская городская дума пригласила Б.Л. Шиловского на должность городского архитектора в 1908 г. Он проектирует в Барнауле несколько синематографов. В 1908 или 1909 гг. на углу Московской и Пушкинской улиц начинает работать синематограф «Триумф» мещанина А.И. Шицина. На первом этаже пассажа купца И.Ф. Смирнова на Пушкинской улице в конце 1909 — начале 1910 г. открылся электротئاتр «Триумф». В нем имелись зрительный зал на 314 мест и два зала ожидания площадью 132,3 кв. м. 14 января 1910 г. городская дума постановила разрешить строительство в городе деревянных зданий для синематографов с обязательным устройством аппаратной будки со стенами, полом и потолком из негорючих материалов. В 1910 г. на углу ул. Пушкинской и Соборного переулка открылся деревянный электротئاتр Е.И. Лебзиной «Иллюзион» с вестибюлем, зрительным залом на 179 мест и каменной аппаратной (ил. 1). В зрительном зале архитектором были предусмотрены два входа из вестибюля и пять выходов во двор. В здании синематографа были запроектированы два служебных помещения, а также помещения уборных для посетителей. В том же году по проекту Б.Л. Шиловского был построен еще один деревянный синематограф «Грот» со зрительным залом на 120 человек.

В обязанности городского архитектора входило утверждение проектов и смет частных застройщиков, составление проектов и смет на новые муниципальные постройки, отвод линий частных владений для разрешенных построек, наблюдение за частным строительством, контроль за состоянием улиц, технический контроль за строящимися муниципальными объектами и пр. Городской архитектор, кроме того, обязан был входить в состав различных строительных и технических комитетов и комиссий, отвечающих за благоустройство городских территорий и проведение ремонтных работ. Несомненно, Б.Л. Шиловский выполнял все эти предписанные ему по должности функции. В 1908–1910 гг. в Барнауле был построен ряд интересных деревянных и кирпичных зданий. Строились они по проектам, утверждение которых также входило в обязанности городского архитектора Б.Л. Шиловского.

В августе 1909 г. в Барнауле на берегу городского пруда была заложена каменная старообрядческая Крестовоздвиженская церковь с деревянной колокольней (ил. 2). Проектные материалы по храму не найдены, что привело к различным суждениям о том, кто мог быть автором проекта — И.Ф. Носович или Шиловский?

Возьмем на себя смелость предположить, что проект старообрядческой церкви составил городской архитектор Борис Леонидович Шиловский. Обосновать это предположение можно тем, что активно работающий в Барнауле гражданский инженер католик И.Ф. Носович тогда занимался проектированием часовни на Соборной площади и римско-католического костела на Московском проспекте, вел наблюдения за строительством каменной православной церкви в селе Сорокинском. С 1 июля 1909 г. он уволился с должности техника по строительной и дорожной части, а 1 августа того же года дал подписку о взятии на себя наблюдения за строительством костела. В конце мая 1910 г. Носович получил назначение на должность губернского архитектора строительного

отдела Харьковского губернского правления и уехал в Харьков [Правительственные распоряжения, 1910, с. 186]. Старообрядческая Крестовоздвиженская церковь была возведена в 1911 г., но внутренние работы затянулись надолго. Освятили церковь только 13 декабря 1915 г.

Городской архитектор Б.Л. Шиловский, как и его брат Андрей, был болен туберкулезом и после отпуска подал прошение об отставке по болезни. Городская дума приняла постановление об его увольнении 20 июня 1910 г. В сентябре того же года Барнаульская городская управа разместила в журнале «Зодчий» объявление о приглашении на работу «опытного, имевшего практику архитектора» [Зодчий, 1910].

Должность городского архитектора Барнаула оставалась вакантной до мая 1912 г., когда к исполнению его обязанностей приступил вернувшийся сюда по приглашению городской думы гражданский инженер Иван Феодосиевич Носович. Интересно отметить, что в архивных документах старообрядческой Крестовоздвиженской общины имеется запись от 5 мая 1913 года о подписке И.Ф. Носовича, данной Томскому строительному отделению, по наблюдению за постройкой каменной церкви, что свидетельствует о том, что Носович контролировал проведение отделочных работ на завершающем этапе строительства храма [Дементьева, 2002, с. 34].

Дальнейшая судьба городского архитектора Барнаула Бориса Леонидовича Шиловского остается неизвестной. Ни один из запроектированных им объектов в Барнауле не сохранился. При пожаре 2 мая 1917 г. сгорели здания синематографов. Старообрядческая Крестовоздвиженская церковь, лишенная крестов и куполов, простояла на ул. Мамонтова (бывшей Подгорной) до февраля 1967 г. и была взорвана при прокладке трамвайных путей в нагорную часть Барнаула.

В Томском областном краеведческом музее в фонде семьи Шиловских хранятся семейные фотографии. На двух из них запечатлены братья Борис и Андрей Шиловские (ил. 3).

Список литературы

1. Ведомость ходатайствам о постройках, поступившим в Московскую городскую Управу с 23 по 29 октября 1907 года // Зодчий. — 1907. — №44. — С. 460.
2. Дементьева Л.С. Строительство храма во имя Воздвижения Креста Господня в Барнауле // Архитектура и строительство Сибири. — 2002. — №4. — С. 34.
3. Жилой дом конца XIX века. — URL: <http://qrtdomsk.ru/ru-RU/Places/18>. (дата обращения 5.07.2016).
4. Зодчий. — 1910. — №37. — С. III
5. Исаева Л.Ю. Формирование коллекции архитектора А.Л. Шиловского в Томском областном краеведческом музее // Академические и вузовские музеи: роль и место в научно-образовательном процессе. — Томск: Том. гос. ун-т, Науч.-образ. центр «Музей и культурное наследие», 2009. — С. 141–146.
6. Исаева Л. Художник Андрей Шиловский: Благодаря ему запечатлен облик старинного Кунгура // Искра. — №44. — 23.4.20096. — URL: https://iskrakungur.ru/uploads/files/1241004685_44-23.04.09-

chetverg.pdf (дата обращения 20.03.2019).

7. Лендова В.Н. Эмилия Шиловская: жизнь и судьба // Театральные вечера длиною в жизнь. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. театр. ин-тута, 2013. — С. 199–209.

8. Никитина В.Р. Дом окнами на закат: Воспоминания. — М.: Интерграф Сервис, 1996. — 351 с. (URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=9809> (дата обращения 9.04.2019))

9. Правительственные распоряжения // Зодчий. — 1910. — №17. — С. 186.

10. Слово Церкви. — 1915. — №44. — С. 847.

11. Чурилов Д. Торгово-офисный пассаж купца Смирнова. — URL: <http://kapitalist.tv/2014/01/17/torgovo-ofisnyj-passazh-kupca-smirnova> (дата обращения 12.04.2014).

12. Шиловская О. Жизнь, полная духовной красоты // Сибирская старина. — 1995. — №9 (14). — С. 19–24.

References

1. Churilov D. Torgovo-ofisnyj passazh kupca Smirnova. — URL: <http://kapitalist.tv/2014/01/17/torgovo-ofisnyj-passazh-kupca-smirnova> (дата обращения 12.04.2014). (in Russ.)

2. Dement'eva L.S. Stroitel'stvo hrama vo imya Vozdvizheniya Kresta Gospodnya v Barnaule. *Arhitektura i stroitel'stvo Sibiri*, 2002, No. 4, p. 34. (in Russ.)

3. Isaeva L.YU. Formirovanie kollekcii arhitekтора A.L. SHilovskogo v Tomskom oblastnom kraevedcheskom muzee. In *Akademicheskie i vuzovskie muzei: rol' i mesto v nauchno-obrazovatel'nom processe*. Tomsk: Tom. gos. un-t, nauch.-obraz. centr «Muzej i kul'turnoe nasledie», 2009. pp. 141–146. (in Russ.)

4. Isaeva L. Hudozhnik Andrej SHilovskij: Blagodarya emu zapечатlen oblik starinnogo Kungura. *Iskra*, No. 44, 23.4.2009b. — URL: <https://iskra-kungur.ru/>

uploads/files/1241004685_44-23.04.09-chetverg.pdf (дата обращения 20.03.2019). (in Russ.)

5. Lendova V.N. Emiliya SHilovskaya: zhizn' i sud'ba. In *Teatral'nye vechera dlinoyu v zhizn'*. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. gos. teatr. in-tuta, 2013, pp. 199–209. (in Russ.)

6. Nikitina V.R. Dom oknami na zakat: Vospominaniya. Moscow: Intergraf Servis, 1996. 351 p. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=9809> (дата обращения 9.04.2019)

7. Pravitel'stvennye rasporyazheniya. *Zodchij*, 1910, No. 17, p. 186. (in Russ.)

8. Shilovskaya O. Zhizn', polnaya duhovnoj krasoty. *Sibirskaya starina*, 1995, No. 9 (14), pp. 19–24. (in Russ.)

9. *Slovo Cerkvi*, 1915, No. 44, p. 847. (in Russ.)

10. Vedomost' hodatajstvam o postrojkah, postupivshim v Moskovskuyu gorodskuyu Upravu s 23 po 29 oktyabrya 1907 goda. *Zodchij*, 1907, No. 44, p. 460. (in Russ.)

11. Zhiloi dom konca XIX veka. URL: <http://qrtomsk.ru/ru-RU/Places/18>. (дата обращения 5.07.2016). (in Russ.)

12. *Zodchij*, 1910, No. 37, p. III (in Russ.)

Список источников

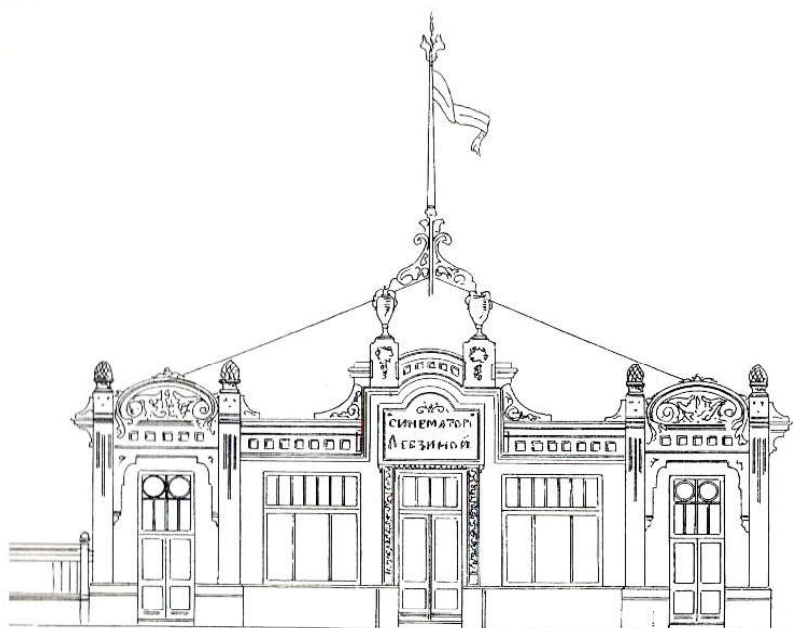
1. ГААК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 232.

2. ЦХАФ АК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 11.

Список сокращений

ГААК — Государственный архив Алтайского края
ТОКМ — Томский областной краеведческий музей

ЦХАФ АК — Центр хранения архивного фонда Алтайского края

Ил. 1. Фасад синематографа Е.И. Лебзиной на ул. Пушкинской, г. Барнаул, 1910 г. [ЦХАФ АК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 11. Лл. 5–6.]

Ил. 2. Барнаул. 24 мая 1915 г. Крестовоздвиженская старообрядческая церковь. Поднятие крестов [Слово Церкви, 1915]

Ил. 3. Семейная фотография Шиловских. Андрей Шиловский (на переднем плане слева), Борис Шиловский (в центре на заднем плане). Архивный фонд ТОКМ 6708/124

Е.А. Кузнецова
Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия
Новосибирской области (Новосибирск)
lenkas@ngs.ru

Результаты проведения работ по установлению историко-культурной ценности объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, расположенных на территории Военного городка в городе Новосибирске

Аннотация

В статье изложены результаты дополнительного обследования территории Военного городка и сведения о выявленных в результате объектах. Определена их историко-культурная ценность как неотъемлемой части инфраструктуры Военного городка и как единственных сохранившихся образцов сооружений подобного функционального назначения (баня, конюшня, ледник). При атрибуции объектов использовались уникальные фотографии 1913 г., сделанные в период завершения строительства. Дополнили информацию подробные пояснения, сопровождающие типовые проекты сооружений военных городков, опубликованные в 1900 г.

Ключевые слова: Военный городок, Новосибирск, дом жилой, конюшня, баня, ледник, историко-культурная ценность

Е.А. Kuznetsova
Scientific and Production Centre on the Conservation of Historic and Cultural Heritage
of the Novosibirsk Region (Novosibirsk)
lenkas@ngs.ru

Results of works on identification of historical and cultural value of the objects located in the territory of the Voennyj Gorodok in the city of Novosibirsk

Abstract

The article presents the results of an additional survey of the territory of Voennyj Gorodok and information about the identified objects. Their historical and cultural value was determined both from the point of view as an integral part of the infrastructure of Voennyj Gorodok and the only surviving examples of structures with functional purpose (bath, horse stable, pantry). When studying objects unique photographs 1913 made in the period of completion of the Voennyj Gorodok were used. The information was supplemented by detailed explanations accompanying the typical projects of the military base buildings, published in 1900.

Keywords: Voennyj Gorodok, Novosibirsk, residential house, bath, horse stable, pantry, historical and cultural value

Одной из серьезных проблем, стоявших перед российской армией во второй половине XIX в., являлось размещение войск и обеспечение их казарменными помещениями. В 1876 г. по распоряжению правительства Российской империи был учрежден особый капитал на скорейшее устройство казарм для воинских частей. При этом строительство велось главным образом в военных округах европейской части России.

После окончания Русско-японской войны вернувшиеся из Манчжурии воинские части были переведены в Сибирский военный округ (с 1906 г. — Омский военный округ). По мнению командования, попрежнему сохранялась реальная угроза нового вооруженного конфликта на восточных границах России. К тому же, в Сибири было заметно увеличено количество новобранцев из местного населения, а также размещены воинские подразделения, пере-

веденные из европейской части страны в военные округа азиатской части Российской империи — Омский, Иркутский, Приамурский. Все эти мероприятия существенно повлияли на численность войск, находящихся в пределах Омского военного округа, и обострили вопрос о строительстве новых казарменных помещений. В связи с этим необходимо было решить вопрос о возведении казарм в ряде крупных городов региона — Ново-Николаевске, Томске, Красноярске, Иркутске и других для размещения воинских частей на постоянной основе.

Город Ново-Николаевск (Новосибирск) Томской губернии в силу выгодного географического положения являлся крупным транспортным, перевалочным, торгово-промышленным узлом не только гражданского, но и военно-стратегического значения. Для постройки казарм в Ново-Николаевске была образована войсковая строительная комиссия (соглас-

но приказу по военному ведомству №119, 1908 г.) [Фабрика, 2014, с. 89].

Площадку для строительства Военного городка отвели на территории современного Октябрьского района г. Новосибирска. Сейчас участок ограничен ул. Тополевая, Военная, Пролетарская, Бориса Богаткова, а с севера — поймой и оврагом р. Каменка.

Сооружение воинских казарм в Ново-Николаевске началось весной 1910 г. При строительстве использовались типовые проекты, разработанные и опубликованные Военным ведомством [Последние типы..., 1900, с. 176—177].

Возведение комплекса из 37 каменных зданий (жилые дома, казармы, церковь, склады, госпиталь и другие) завершилось за год до начала Первой мировой войны — в августе 1913 г. На его территории первоначально разместился 41-й Сибирский стрелковый полк, 2-я Сибирская артиллерийская бригада и 1-й Сибирский артиллерийский дивизион.

Военный городок делился на расположенные обособленно пехотный и артиллерийский участки, которые включали жилые дома для офицерского состава, солдатские казармы, а также конюшни, пакугазы и другие сооружения для размещения снаряжения и вооружения. Кроме того, каждая полковая инфраструктура имела канцелярию, кухни, пекарни и столовые. Церковь, офицерское собрание, госпиталь, приемный покой и помещения для учебных команд были для всех воинских подразделений общими.

Планировочные принципы, применявшиеся при строительстве Военного городка, были сформулированы в статье «Последние типы солдатских казарменных помещений и офицерских квартир»: «... все жилые солдатские помещения расположены отдельно от хозяйственных зданий; офицерские помещения также составляют отдельный квартал; хозяйственные постройки, требующие охраны, для лучшего их окарауливания, сгруппированы в одном месте. Между батальонными флигелями расположен обширный плац для строевых занятий, площадью в шесть десятин; при кавалерийских казармах плац для конных учений, при которых образуется много пыли, отводится в стороне от жилых зданий» [Последние типы..., 1900, с. 169].

В 2001–2002 гг. проводилось обследование территории Военного городка, по результатам которого в 2005 г. ансамбль «Военный городок. Комплекс зданий военного ведомства», в который входил 31 объект, был принят на государственную охрану как памятник истории регионального значения в соответствии с постановлением администрации Новосибирской области от 27.07.2005 г. №54.

За истекшие годы воинские части постепенно меняли дислокацию, Военный городок пустел. В 2018 г. специалистами ГАУ НСО «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области» были обследованы ранее недоступные закрытые территории. В результате обнаружен и изучен ряд объектов Военного городка, относящихся к первому застроечному периоду — 1910–1913 гг. — и второму застроечному периоду — концу 1930-х гг.

«Дом жилой для четырех семей старших офицеров» (г. Новосибирск, территория Военного городка, 56) (ил. 1). Объект расположен на территории, отведенной для строительства жилых домов

офицерского состава артиллерийских частей. Здания сгруппированы в одном квартале, где образуют участок компактной застройки. В 1910–1913 гг. здесь было возведено 6 жилых домов — одноэтажный дом для командира полка и 5 двухэтажных домов для семей офицеров.

В середине XX в. один из офицерских жилых домов был значительно перестроен: при сохранении габаритов в плане он был надстроен на два этажа, с утратой подлинного второго этажа и изменением архитектурного облика (г. Новосибирск, территория Военного городка, 57).

В настоящее время в данном квартале в первоначальном виде сохранилось 4 двухэтажных жилых дома, три из которых продолжают использоваться под жилые функции.

В отличие от аналогичных соседних зданий, имеющих статус объектов культурного наследия, дом №56 был оштукатурен под шубу, ориентировочно во второй половине XX в. Первоначально предназначался для проживания четырех семей старших офицеров [Кузнецова, 2013, с. 65].

«Офицерская и солдатская баня» (г. Новосибирск, территория Военного городка, у юго-восточного фасада объекта культурного наследия «Военный городок. Комплекс зданий военного ведомства. Дом жилой» (объект №28)) (ил. 2). Здание расположено в юго-восточной части Военного городка, на территории, примыкавшей к казарменному участку пехотного полка.

На рубеже XIX–XX вв. постройка при казармах бань допускалась только в тех случаях, когда из-за удаленности от города посещение частных бань было затруднено. Со временем, строительство помещений бани в комплексе военных городков стало общим правилом. При одноэтажных каменных банях предусматривалась отдельная солдатская прачечная [Последние типы..., 1900, с. 168].

Исследуемый объект — единственная в регионе сохранившаяся армейская баня, построенная в 1910–1913 гг., рассчитанная на пехотный и артиллерийский участки Военного городка [Кузнецова, 2013, с. 76]. Достоверно неизвестно, когда здание было частично надстроено до второго этажа и возведена труба котельной. Судя по декору второго этажа — в начале XX в. Возмозно, достройка проходила в несколько этапов. Баня использовалась по первоначальному назначению до начала 2010-х гг.

«Конюшня» (г. Новосибирск, территория Военного городка, 770/2) (ил. 3). Расположена в юго-восточной части Военного городка, на территории, примыкавшей к казарменному участку пехотного полка, построена в 1910–1913 гг.

Полковые конюшни для офицерских и обозных лошадей возводились одновременно с прочими объектами инфраструктуры Военного городка. Они размещались компактно, единым хозяйственным комплексом, на окраине селища [Кузнецова, 2013, с. 82].

Исследуемый объект — единственная сохранившаяся конюшня, относящаяся к пехотному участку Военного городка. Достоверно неизвестно, когда здание перестало использоваться по первоначальному назначению. Ориентировочно в 1950-е гг. была проведена реконструкция и приспособление объекта для торгового помещения магазина «Военторг». Были значительно увеличены подлинны

оконные проемы, проведена перепланировка, интерьер оформлен с применением элементов стиля классицизм.

«Дома жилые» (г. Новосибирск, ул. Тополевая, 4, ул. Тополевая, 8) (ил. 4). В конце 1930-х гг. в связи с увеличением численности войск, дислоцированных в Новосибирске, на территории Военного городка возводились дополнительные здания, в том числе и дома для семей офицерского состава. Жилые помещения в этот период размещали на ул. Тополевая, в непосредственной близости от дореволюционной застройки. Соблюдение заданных высотных параметров жилых домов, использование аналогичных строительных материалов, стремление к стилизации внешнего облика сооружений, несмотря на уплотнительный характер застройки, позволили деликатно включить новые здания в сложившийся облик улицы. Всего было построено четыре жилых дома. Три из них — ул. Тополевая, 4, ул. Тополевая, 8, ул. Тополевая, 12 — возведены по сходным проектам. А дома по ул. Тополевая, 4 и ул. Тополевая, 8 — по аналогичным.

На основании проведенных исследований в соответствии с действующим законодательством статус **выявленных объектов культурного наследия** получили:

– «Дом жилой для четырех семей старших офицеров» как хорошо сохранившийся образец каменного жилого дома для офицерского состава, возведенный в соответствии с проектом застройки комплекса зданий Военного городка в начале XX в.;

– «Офицерская и солдатская баня» и «Конюшня» — единственные известные и хорошо сохранившиеся образцы зданий подобного назначения, построенные в начале XX в. в г. Ново-Николаевске (Новосибирске);

– «Дома жилые» (ул. Тополевая, 4 и 8) как хорошо сохранившиеся образцы кирпичных жилых домов для офицерского состава, возведенные в предвоенный период; как объекты, связанные с историей развития г. Новосибирска и с историей страны в целом в переломные периоды начала и середины XX в.

В перспективе перечисленные объекты могут войти в состав ансамбля объекта культурного наследия регионального значения «Военный городок. Комплекс зданий военного ведомства».

В ходе обследования территории квартала офицерских жилых домов пехотного участка, расположенного на ул. Тополевая, были выявлены кирпичные одноэтажные **«погреб-ледники»** (ил. 5). Ледники для запаса провизии, как и сараи для хранения дров, предназначались к использованию жильцами нескольких домов, поэтому размещались в пешеходной доступности от группы жилых зданий [Последние типы..., 1900, с. 175]. Согласно планировочным принципам, применявшимся при строительстве Военного городка, наличие ледника, рассчитанного на несколько офицерских семейств, рассматривалось как мера формирования жилой инфраструктуры и максимально комфортных условий проживания военнослужащих.

В период создания Военного городка с 1910 г. по 1913 г. на ул. Тополевая было построено семь кирпичных ледников. Можно выделить два типа подобных сооружений — имеющие Т-образную форму плана и прямоугольные в плане.

Ледники являются объектами инфраструктуры Военного городка, построенными в 1910–1913 гг. **Как подлинные ценные элементы исторической застройки**, ряд ледников, расположенных на территории объекта культурного наследия «Военный городок. Комплекс зданий военного ведомства», **рекомендован к включению в предмет охраны указанного объекта культурного наследия.**

Список литературы

1. Военный городок в г. Новониколаевске. Первые годы истории / составитель Е.А. Кузнецова. 2-е изд. — Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2013. — 87 с.
2. Последние типы солдатских казарменных помещений и офицерских квартир, с чертежами // Военный сборник. — 1900. — №11–12. — С. 158–178.
3. Фабрика Ю.А. Сибирь сражающаяся. — Т. 2. Новониколаевск и новониколаевцы в Первой мировой войне, 1914–1918 гг. — Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2014. — 306 с.

References

1. Fabrika Ju.A. Sibir' srazhajushhajasja. T. 2. Novonikolaevsk i novonikolaevcy v Pervoj mirovoj vojne, 1914–1918. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2014. 306 p. (in Russ.).
2. Poslednie tipy soldatskih kazarmennyh pomeshhenij i oficerskih kvartir, s chertezhami. *Voennyj sbornik*. 1900. No 11–12. P. 158–178. (in Russ.).
3. Voennyj gorodok v g. Novonikolaevske. Pervye gody istorii. Sostavitel' E. A. Kuznecova. 2-e izd. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyj centr po sohraneniju istoriko-kul'turnogo nasledija Novosibirskoj oblasti, 2013. 87 p. (in Russ.).

Список сокращений

ГАУ НСО — Государственное автономное учреждение Новосибирской области

Ил. 1. Дом жилой для четырех семей старших офицеров. Юго-восточный фасад. Завершение ризалита. 2018 г. Снимок из архива ГАУ НСО НПЦ

Ил. 2. Офицерская и солдатская баня. Северо-западный и юго-западный фасад. 2018 г. Снимок из архива ГАУ НСО НПЦ

Ил. 3. Конюшня. Северо-восточный фасад. 2018 г.
Снимок из архива ГАУ НСО НПЦ

Ил. 4. Дом жилой. Общий вид на здание по ул. Тополевая, 4 с востока. 2018 г.
Снимок из архива ГАУ НСО НПЦ

Ил. 5. Ледник, расположенный рядом с объектом культурного наследия «Дом жилой» по ул. Тополевая, 10. 2018 г.
Снимок из архива ГАУ НСО НПЦ

Н.А. Минина
Новосибирский государственный краеведческий музей (Новосибирск)
mi.nata.12@yandex.ru

История улицы Инской, последней сохранившейся улицы Новониколаевска

Аннотация

Статья посвящена истории первых кварталов улицы Инской, где до сих пор сохраняется комплекс жилых домов, построенных до революции. Рассматривается процесс формирования улицы, ее роль и место на первоначальном этапе развития города. На основе архивных источников, в том числе уникальных, опровергается миф о «нахаловках» и стихийном развитии Закаменской части. Цель работы — выявить историко-культурную ценность Инской улицы и привлечь внимание к необходимости реконструкции кварталов как последнему шансу комплексного сохранения городской застройки дореволюционного Новосибирска.

Ключевые слова: Новониколаевск, Инская улица, Нахаловка, исторический квартал, реконструкция

N.A. Minina
The State Novosibirsk Historical Museum (Novosibirsk)
mi.nata.12@yandex.ru

History of Inskaya Street, the last preserved street of Novonikolayevsk

Abstract

The article deals with the history of the first blocks of Inskaya Street, where a group of residential houses built before the revolution is still preserved. The article describes the process of the street construction and the role of the street at the initial stage of the city development. This article uses unique archives where the myths about "Nakhalovka" and spontaneous development of Zakamenskaya part are refuted. The goal of the work is to identify the historical and cultural value of Inskaya Street and draw attention to the need for the reconstruction of neighborhoods as the last chance for the comprehensive preservation of urban development in pre-revolutionary Novosibirsk.

Keywords: Novonikolayevsk, Inskaya Street, Nakhalovka, historic quarter, reconstruction

Инская — действительно последняя улица Новосибирска, сохранившая свою изначальную планировку и жилые дома, построенные в начале XX в., здесь минимум более поздних советских и совсем нет современных построек. В целом это позволяет говорить о сохранности городской среды начала XX в.²⁷, что является уникальным случаем для нашего города. Отметим, что речь идет не о всей улице, историческая граница которой доходит до ул. Грибоедова, а лишь об одном квартале между улицами Ипподромской и Маковского. В пешей доступности от этого квартала расположены исторические объекты, в том числе охраняемые государством, что повышает его значение.

Очевидно, что для сохранения какого-либо объекта необходимо осознавать его историко-культурную ценность, а в данном случае такое осознание отсутствует. Улица Инская, как и весь исторический Октябрьский район, в массовом сознании воспринимается достаточно негативно: Закаменка — родина трущоб и «нахаловок», а Инская улица «прославлена» литературной и устной молвой как рассадник разврата, так как на ней в новониколаевские времена находился целый ряд публичных домов [Память

сердца, 2009, с. 115]. Исследуя фактическую сторону сложившегося образа места, в который раз приходим к выводу о мифологизации дореволюционной истории Новосибирска. Миф об очагах самовольного заселения в Закаменке происходит из двух источников: первый — это устные воспоминания жителей каменных трущоб 1940-х — 1950-х гг. (как известно, появившихся в пойме Каменки в 1920-е — 1930-е гг.), которые активно воспроизводятся в публицистике и музейно-экскурсионной деятельности. Второй источник — это книга «Новосибирск в историческом прошлом», где сообщается следующее: «...на левом берегу Каменки сложился «явочным порядком» целый поселок под названием «Братолюбовка». Еще с 1894 г. там стали селиться прибывавшие на заработки рабочие, а к 1908 г. в самовольном поселке насчитывалось 213 домохозяев...» [Горюшкин и др., 1978, с. 98]. Замечательно, что этот «факт» авторы подкрепили ссылкой на архивный документ — журнал заседания уполномоченных Новониколаевска за 11 марта 1908 г. На заседании уполномоченные рассматривали заявление жителей «Нахаловки» о легализации их самовольного поселка. Городские власти отказали заявителям, а в журнале изложили следующие факты: «В заявлении своем просители

²⁷ В рассматриваемом квартале улицы таких домов 8.

как лично от себя, так и других объяснили, что они заселились в 1894 году на свободном участке Кабинета Его Величества, находящемся между станцией Обь Сибирской железной дороги и рекой Обь, под названием поселок «Братолюбовка», он же «Нахаловка» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 35. Л. 97об.] Таким образом, «Братолюбовка» и «Нахаловкой» — один и тот же самовольный поселок, находящийся отнюдь не в Закаменке, а в Железнодорожном районе. Не каждому исследователю доступны иногородние архивы, однако первый и самый главный источник в изучении градостроительной истории Инской улицы — это сама улица. Распространенный в урбанистике экскурсионный метод еще раз подтверждает, что улица появилась в результате планировки, но никак не стихийно, а современные ГИС-системы и спутниковые карты позволяют, буквально не вставая с места, сравнить самовольно возникшие участки частного сектора, ту самую Нахаловку-Братолюбовку, сохранившуюся до наших дней в Железнодорожном районе, с рассматриваемой улицей Инской. Проведя это несложное сравнение, мы увидим, что, несмотря на крайне деградированное состояние, Инская сохранила исторически сложившуюся планировку: улица — прямая, дома — вдоль красных линий, следов самовольного заселения — нет.

Инская улица формировалась вместе с Октябрьским (Закаменским) районом, история которого начинается с памятного для Новосибирска 1893 года. Летом 1894 г. был разработан план поселка, и самовольно поселившиеся строители и разночинцы обязывались его соблюдать. Ранее была выполнена реконструкция и подробно изложена история первого плана города, в результате которого и появилась улица Инская [Минина, 2015], тем не менее, остался вопрос: был ли реализован первый план, или советские историки правы в своем утверждении? Детально разобраться в этом вопросе позволяют два важных источника по ранней истории города — это список арендаторов Новоиколаевского поселка, составленный в июне 1897 г. [ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 81. Л. 52–83] и список «первых жителей Новосибирска», поселившихся самовольно у берегов Каменки в 1893–1894 гг. [Горюшкин].

Подобно адресной книге, список арендаторов дает точное место проживания всех 1229 человек, арендовавших участки в поселке на момент 1897 г., в том числе и на улице Инской (табл. 1). При публикации в 1993 г. списка «первых жителей» в предисловии к нему была выпущена важная деталь, объясняющая смысл документа: он был составлен не только для взимания арендной платы, но в первую очередь для упорядочивания самовольно образованного поселения согласно плану поселка. Сопоставление имен из этих двух списков дало поразительный результат — среди арендаторов 2-го и 3-го кварталов улицы Инской присутствуют 12 «первых жителей», это —

Некрасов Андрон, крестьянин Пермской губернии, рабочий;

Дмитрий Налимов, крестьянин села Сузунского, Томской губ., рабочий;

Наталья Ярцева, барнаульская мещанка, ничем не занимается;

Бахтин Константин, крестьянин Томской губ., рабочий;

Сторожев Евдоким, крестьянин Пермской губ., ничем не занимается;

Владимир Масман, томский мещанин, торговец;
Илья Пономарев, крестьянин Воронежской губ., рабочий;

Матвей Щепин, крестьянин Оренбургской губ., рабочий;

Самуил Самсонов, крестьянин Тобольской губ., ничем не занимается;

Самсон (Семен) Мамаев, барнаульский мещанин, рабочий;

Михаил Кислицин, крестьянин Вятской губ., рабочий;

Иван Белоусов, крестьянин деревни Ини Томской губ., ничем не занимается.

Приписка «ничем не занимается» чиновника М.С. Сергеева, который и составлял этот список, означает то, что домовладельцы промышляли арендой жилья или мелкой торговлей, не афишируя на первых порах свой «бизнес», либо просто не успели поступить на работу.

Однако список «первых жителей» нельзя считать полным. Так, 14 августа 1894 г. кривошековский сельский староста взял подписку с разночинцев, живущих по оба берега Каменки, в том, что они обязуются перенести свои самовольно построенные дома согласно плану поселка и оплатить аренду за занятые усадьбы в сумме 1 рубль в год. В данной подписке значатся имена 32-х человек из списка «первых жителей» города, в том числе упомянутый выше Д. Налимов, а также Илья Григорьевич Пасмарев и Иван Федорович Бухаров — жители Инской на момент 1897 г. [ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 913. Л. 76]. Еще один житель 2-го квартала, Михаил Шмаков — кривошековский крестьянин, поселившийся в Кривошековском выселке на правом берегу еще до строительства моста. Как видим, минимум 15 первых жителей города, поселившихся сначала самовольно, «как попало», в 1897 г. уже являются жителями Инской улицы. Таким образом, само существование этой улицы подтверждает факт реализации первого плана города.

Дальнейшую судьбу первых жителей улицы Инской позволяют проследить архивные данные, выявленные В.Е. Яковлевой при реконструкции усадебной застройки Инской [Яковлева, Наволоцкая, 2018]. Судя по этим данным, в 1910-е гг. в указанных границах улицы осталось шесть старожилов, то есть тех, кто поселился здесь в 1890-е гг.

1. Владелец участка №5 во 2-м квартале Матвей Щепин в 1913 г. продал усадьбу Алексею Васильевичу Киселеву, который занимался извозом.

2. На участке №8 вплоть до 1905 г. жил Роман Татаркин; вполне возможно, что сохранившийся на этом участке дом (Инская, 10) ему и принадлежал.

3. На участке №9 проживал в 1910-е гг. еще один старожил, крестьянин Вятской губернии Михаил Кислицин.

4. Угловой участок №11, выходящий на Тракторную улицу (Большевицкую), занимал Самуил Самсонов, построивший позже большой дом, сохранившийся до наших дней (Большевицкая, 29).

5. Участок №12 с 1897 г. арендовала Матрена Филипповна Санкина, а в 1912 г. супругами Санкиными был построен кирпичный одноэтажный жилой дом, дошедший до наших дней (Большевицкая, 27). О

первых годах проживания в поселке свидетельствует небольшая история, приключившаяся с Матреной Санкиной. В 1899 г. на ее участке оставался флигель, принадлежавший Будаговской школе, и Санкина обратилась к управляющему Томским имением с просьбой снести его как ненужный. Из рапорта управляющего следует, что во флигеле жил школьный учитель, «который в силу разных неприятностей с арендаторшей принужден был выселиться из него и в настоящее время здание действительно не занято и стесняет арендаторшу». Документально известно, что в 1897 г. Г.М. Будагов передал этот флигель Алтайскому округу вместе со всем имуществом школы бесплатно, причем стоимость флигеля по описи была определена в 200 рублей. Руководство округа умело считать копейку и просьбу Санкиной решило «уважить и флигель с её усадьбы убрать» путем... продажи на снос с аукциона с первоначальной ценой в 100 рублей. [ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2464. Л. 341–344].

6. Участок №2 во 2-м квартале первоначально арендовал Михаил Шмаков — кривошековский крестьянин, живший до строительства железной дороги в выселке на правом берегу. В Новониколаевском поселке кроме участка на Инской он арендовал еще три участка в центральной части поселка [ГААК. Ф. 3. Оп.1. Д. 913. Л. 33, 33об]. Позже участок Шмакова заняла известная бийская купчиха Е.Г. Морозова.

Некоторые вопросы оставляет происхождение названия улицы. Инская была названа естественным образом, по направлению движения в деревню Усть-Иню, находившуюся в 3 верстах от города. Точной даты наименования пока не установлено, но первые упоминания улиц Новониколаевска относятся к 1896 г., а самый ранний документ, упоминающий Инскую, датирован 9 февраля 1899 г. В прошении Томскому губернатору крестьянин Тобольской губернии Яков Федорович Опарин²⁸, происходящий «из ссыльных», просит разрешить ему жить в поселке: «с 1894 года я проживаю в поселке Ново-Николаевском ... и имею два собственных дома... жительство имею на ст. Обь в поселке Ново-Николаевском Томского уезда по Инской улице кв. №3 уч. №9, свой дом». [ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4427. Л. 1]. Исследование процесса формирования Закаменской части города обнаружило любопытный факт: оказалось, что Инская улица — не только одна из первых улиц города, но и первая «гражданская» улица Закаменской части. Дело в том, что кварталы №№ 1 и 2 появились в процессе постройки моста, когда их территория, непосредственно прилегающая к речному берегу и строительной площадке, использовалась для складирования материалов и строительства жилья для инженеров. Даже через 10 лет после постройки моста 1-й квартал кабинетские чиновники называли «березинские склады», по имени подрядчика на постройке моста В.И. Березина. В связи с этим в первых двух кварталах участки в основном принадлежали железнодорожному ведомству, «гражданских» же арендаторов, особенно в 1-м квартале, почти не было. После окончания строительства железнодорожного моста эти кварталы перешли кабинетскому ведомству, получив при этом названия «оброчная статья Кабинетская-1» и «Кабинетская-2». В 1907 г. в результате

²⁸ Яков Опарин также числится в «списке первых жителей» как крестьянин Вятской губернии, рабочий

выкупной сделки кварталы стали городскими (кроме застроенных Кабинетом участков). Составленный в целях межевания земель план первых двух кварталов Закаменки позволяет уточнить процесс формирования Инской улицы и установить «адреса» ее исторического окружения — Будаговской школы, дома Г.М. Будагова, В.М. Алперса и других инженеров, усадьбы управляющего Томским имением и других чиновников кабинетского ведомства (ил. 1). До наших дней сохранились некоторые из этих объектов, что, безусловно, повышает ценность Инской улицы. Таким образом, улица Инская была основана «простыми» строителями моста и формировалась одновременно с первыми двумя кварталами Закаменки, в которых трудились и жили знаменитые инженеры-мостостроители. Этот факт наделяет ее новым смыслом: исторически она является частью парка «Городское начало», поэтому при реконструкции необходимо соединить улицу Инскую с Михайловской набережной.

Событием, изменившим Инскую, стало строительство Алтайской железной дороги вдоль соседней Зырянской улицы, в связи с чем восточная часть Инской была отчуждена для нужд дороги. Еще одно событие общегородского масштаба оказало грандиозное влияние на жизнь улицы — это выкуп городом кабинетских земель в 1907 г. В результате сделки арендаторы усадеб превратились в полноправных владельцев, поэтому оформляли «ипотечные кредиты» и обзаводились солидными домами, в том числе кирпичными. Увы, самые лучшие из них до нашего времени не дошли, но проект реконструкции Инской мог бы восстановить эту историческую несправедливость.

Существует перспектива продолжения исследования истории Инской улицы в разных направлениях — расширение границ исследования за пределы рассмотренных кварталов, генеалогические исследования, которые могут иметь такие интересные результаты, как обнаружение связи с современными новосибирцами. Однако продолжение исследования, как и уточнение уже полученной информации, должно иметь практический смысл, каким является сохранение, реконструкция и включение Инской улицы в культурно-исторический ландшафт города — без этой практической цели изыскания теряют всякое значение.

Подведем итоги. Инская улица в смысловом отношении является частью «Городского начала», поэтому она имеет почти сакральное значение для Новосибирска, но пока находится в деградированном состоянии. В то же время, это первая улица, которую заселили «обычные люди» — строители, крестьяне, разночинцы, составившие затем городское сообщество. Сохранившиеся от них дома пусть не уникальны с точки зрения архитектуры, но на сегодняшний день они дают единственную возможность наглядно рассказывать о том, как появился город, чьими усилиями он развивался. Улица Инская — это не просто одна из улиц исторического центра, это улица, которая непосредственно фиксирует начальный период истории Новосибирска и в случае реконструкции станет той культурно-исторической средой, которая запустит процесс восстановления и развития Октябрьского района, связав прошлое всего города с его настоящим.

Список литературы

1. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом: конец XIX — нач. XX в. — Новосибирск: Наука, 1978. — 293 с.
2. Горюшкин Л.М. Первые жители Новосибирска. — URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/science/schools/goryush/works/1993.ssi>.
3. Минина Н.А. Первый «градостроительный» план в истории Новосибирска // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2015. — Т. X. — Ч. 1. — С. 248–255.
4. Память сердца. Воспоминания сибиряков. — Новосибирск: ИД «Сибирская горница», 2009. — 352 с.
5. Яковлева В.Е., Наволоцкая А.В. Локальный исторический комплекс усадебного типа «кварталы улицы Инской» в Новосибирске: реконструкция планировки на 1919 год // Творчество и современность. — 2018. — №4(8). — С. 19–37.

References

1. Gorjushkin L.M., Bochanova G.A., Cepljaev L.N. *Novosibirsk v istoricheskom proshlom: konec XIX — nach. XX v.* Novosibirsk: Nauka, 1978, 293 p. (in Russ.)
2. Gorjushkin L.M. *Pervye zhiteli Novosibirska.* URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/science/schools/goryush/works/1993.ssi>.

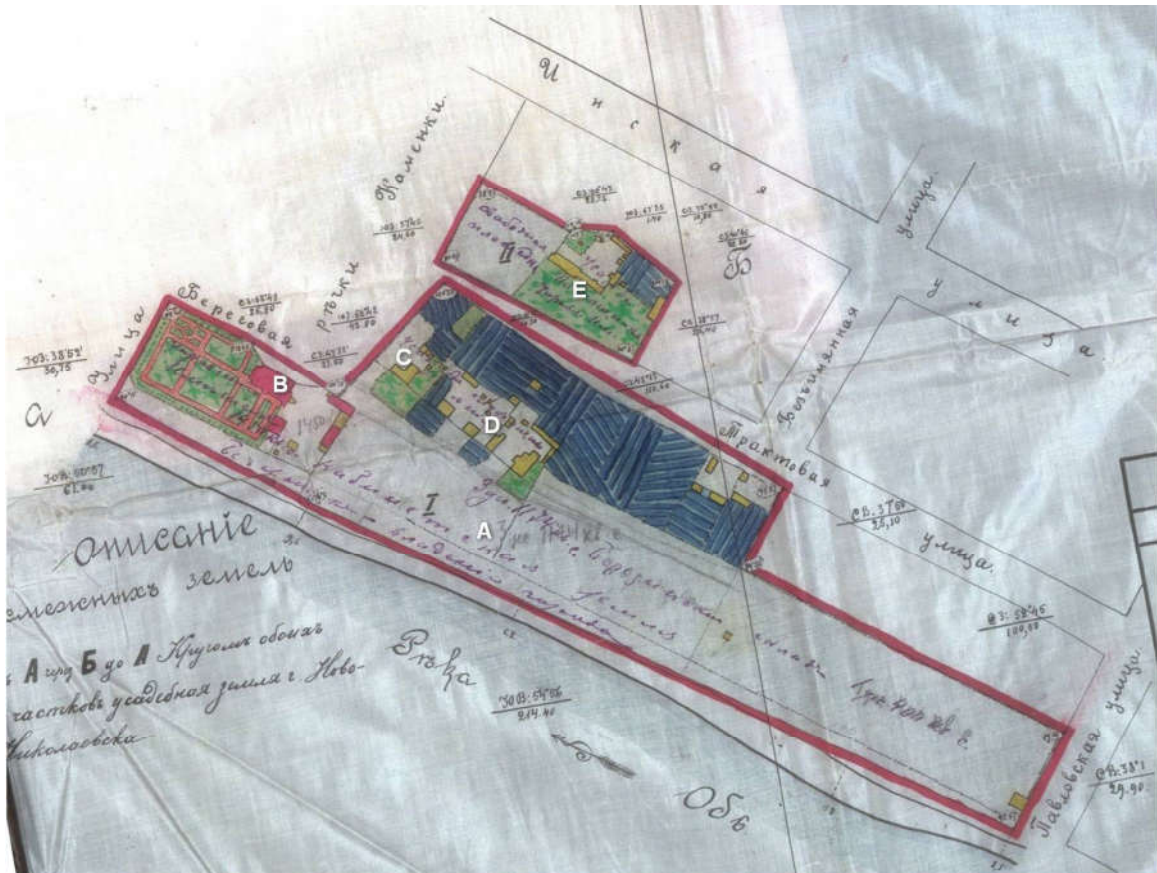
3. Minina N.A. *Pervyj «gradostroitel'nyj» plan v istorii Novosibirska.* In *Balandinskie chtenija: sbornik statej nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina.* Novosibirsk: NGAHA, 2015, Vol. X, Pt. 1, pp. 248–255. (in Russ.)
4. *Pamjat' serdca. Vospominanija sibirjakov.* Novosibirsk: Sibirskaja gornica, 2009, 352 p. (in Russ.)
5. Jakovleva V.E., Navolockaja A.V. *Lokal'nyj istoricheskij kompleks usadebnogo tipa «kvartaly ulicy Inskoj» v Novosibirske: rekonstrukcija planirovki na 1919 god.* *Tvorcestvo i sovremennost'*, 2018, No. 4 (8), pp. 19–37. (in Russ.)

Список источников

1. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 913.
2. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 81.
3. ГААК. Ф. 4. Оп.1. Д. 2464.
4. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2938.
5. ГАТО. Ф. 3. Оп. 23. Д. 35.
6. ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4427.

Список сокращений

- ГААК – Государственный архив Алтайского края.
 ГАТО – Государственный архив Томской области.
 НГАХА – Новосибирская государственная архитектурная академия

Ил. 1. Кварталы №№ 1, 2 и улица Инская, 1907 г. Условные обозначения: А — Березинские склады; В — здание управляющего Томским имением Алтайского округа КЕИВ (Обская, 4); С — Будаговская школа; D — усадьбы служащих Томского имения; Е — усадьба помощника управляющего Томским имением [ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2938. Л. 431, План оброчной статьи Томского имения под названием «Кабинетская»]

Таблица 1

Арендаторы усадеб Инской улицы (кв. № 2, 3) по данным 1897 г.

Квартал № 3

		17		16		15		14		13		12	
		Ярцева Наталья		Солдатов Яков		Колмагоров Осип		Кандалинцев Александр		Бахтин Константин		Белоусов Иван	
1		2		3		4		5		6		7	
Русин Никон	Ступников Александр	Сторожев Евдоким	Пшеничных Иван	Налимов Дмитрий	Ярцева Наталья	Бухарев Иван	Пасмарев (Пасмуров) Андриан	Некрасов Андрон	Бабушкин Ефим	Бабушкин Ефим	Бабушкин Ефим	Бабушкин Ефим	Бабушкин Ефим

Квартал № 2

		18		17		16		15		14		13		12		11		10	
		Масман Осип		Щепин Матвей		Мамаев Семен		Сюркаев Федот		Татаркин Роман		Кислицин Михаил		Замиралов (?) Петр		Самсонов Самуил		Самсонов Самуил	
1		2		3		4		5		6		7		8		9		10	
Масман Владимир	Шмаков Михаил	Масман Осип	Пономарев Илья	Щепин Матвей	Мамаев Семен	Сюркаев Федот	Татаркин Роман	Кислицин Михаил	Замиралов (?) Петр	Самсонов Самуил	Самсонов Самуил	Самсонов Самуил	Самсонов Самуил	Самсонов Самуил	Самсонов Самуил	Самсонов Самуил	Самсонов Самуил	Самсонов Самуил	Самсонов Самуил
20		19		18		17		16		15		14		13		12		11	

Подчеркнуты — состоящие в списке «первых жителей».
 Полуужирным — старожилы улицы.

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10109
УДК 72.025

Т.Ю. Резниченко
Томский государственный архитектурно-строительный университет (Томск)
reznichenkotanja@mail.ru
Научный руководитель: доцент И.Ю. Болтовская

Этапы формирования объемно-планировочного и архитектурно-художественного облика объекта культурного наследия по ул. Никитина, 2а в Томске

Аннотация

В статье освещена история строительства и эксплуатации объекта культурного наследия регионального значения по адресу ул. Никитина, 2а в г. Томске. В ходе архивных и историко-библиографических изысканий были выявлено 8 этапов формирования объемно-планировочного и архитектурно-художественного облика здания. Установлено, что данный дом в 1860 г. принадлежал Фердинанду Юлиановичу Маткевичу — доктору медицины, действительному статскому советнику, во второй половине XIX в. — губернскому врачебному инспектору — и что более 15 лет (примерно с 1914 г.) 2-х комнатную квартиру на 1-м этаже дома снимал Владислав Станиславович Пирусский — выдающийся врач и педагог, Герой труда, заложивший основы физического воспитания в Сибири, организатор второго в России Общества содействия физическому развитию, организатор строительства школы-манежа. Приведены фотографии, иллюстрирующие исторический и современный облик здания. На основании проведенных исследований с учетом ценностных характеристик объекта предлагается метод реставрации — фрагментарная реставрация. Выбрана оптимальная дата для привязки проекта реставрации — начало 1909 г., так как к этому времени полностью сформировался исторический облик здания.

Ключевые слова: деревянная архитектура, дом с мезонином, архитектура Томска, XIX век

T.Yu. Reznichenko
Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk)
reznichenkotanja@mail.ru
Scientific adviser is I.Yu. Boltovskaya

Stages of the formation of space-planning and architectural design of the object of cultural heritage in Tomsk, Nikitina Street, 2a

Abstract

The article covers the history of the construction and operation of a cultural heritage site of regional significance in Tomsk, Nikitina Street, 2a. In the course of archival and historical bibliographic research, 8 stages of the formation of the space-planning and architectural-artistic appearance of this building were identified. It was established that this house belonged to Ferdinand Yulianovich Matkevich in 1860. Ferdinand Yulianovich was a doctor of medicine, state councilor, provincial medical inspector in the second half of the 19th century. For more than 15 years (approximately since 1914) Vladislav Stanislavovich Pirusky rented a 2-room apartment on the 1st floor of this building. Pirusky was an outstanding physician and teacher, Hero of Labor, who laid the foundations of physical education in Siberia, organized the second Russian Society for the Promotion of Physical Development, and organized the construction of an "arena-school". The photos illustrating historical and modern look of the building are given. Taking into account conducted studies and the valuable characteristics of the object a restoration method (fragmentary restoration) is proposed. The beginning of 1909 was chosen as an optimal restoration date since the historical appearance of the building had been fully formed by that time.

Key words: wooden architecture, house with a mezzanine, architecture of Tomsk, 19th century

Двухэтажный жилой дом с мезонином по ул. Никитина, 2а — уникальный представитель деревянной архитектуры Томска. Его первый и часть второго этажа — кирпичные; другая часть второго этажа и мезонин — деревянные (ил. 1–3). Рассматриваемый объект находится в историческом районе города Томска «Юрточная гора» на территории достопримечательного места «Дворянская» в квартале, ограниченном улицами Никитина, Советской, Крылова и

переулком Плеханова в охранной зоне ОЗР 3-28. В соседних кварталах встречаются и другие дома с мезонинами, что является одной из особенностей архитектуры данной территории (ул. Никитина, 3; ул. Советская, 34; Крылова, 24; пр-т Фрунзе, 12 и др.).

Первоначальная функция здания — жилая. Установлено, что более 15 лет (примерно с 1914 г.) 2-х комнатную квартиру на 1-м этаже дома снимал Владислав Станиславович Пирусский — выдающийся

врач и педагог, Герой труда, заложивший основы физического воспитания в Сибири, организатор второго в России Общества содействия физическому развитию, организатор строительства школы-манежа [Иконников, 2005, с. 90–91, 256–259].

На основании историко-архивных и натурных исследований, выполненных автором, было выявлено 8 этапов в формировании архитектурно-планировочной и объемно-пространственной структуры исследуемого объекта (ил. 4).

1 этап (1860–1909 гг.) — первоначальный этап строительства. Установлено, что дом построен в 1860 г., владельцем был «доктор медицины, губернский врачебный инспектор во второй половине XIX в., действительный статский советник» Фердинанд Юлианович Маткевич [Островский, 2013, с. 91–96; ГАТО. Ф. ф233. Оп. 4. Д. 1696. Л. 3–3об].

Участок граничил с домами по улицам Спасской, 24 (совр. ул. Советская, 28/1) и Никитинской, 4 (совр. ул. Никитина, 4а). В 1892 г. на участке располагались одноэтажный жилой дом с сенями, погреб, амбары, навес и дровяник [ГАТО. Ф. Р1860. Оп. 5. Д. 8740. Л. 1, 1а, 1а об; ГАТО. Ф. Р1860. Оп. 5. Д. 8740. Л. 11–12].

Итак, предположительно, на момент строительства дом был одноэтажным, кирпичным, прямоугольным в плане. В 1901 г. было выдано разрешение «на ремонт полукаменного дома его [Маткевича — Т.Р.], находящегося в пятом полицейском участке гор. Томска по Никитинской улице. Ремонт был разрешен в виду подписи городского архитектора П. Федоровского, что дом «строился в 1860 году» [ГАТО. Ф. ф233. Оп. 4. Д. 1696. Л. 3–3об]. По нашему предположению, в этот период дом был расширен на север, были достроены второй этаж и мезонин (о достройке свидетельствует разрыв шва и разная кирпичная кладка первого этажа).

Данный объем здания выполнен в стиле «эkleктика». Горизонтальный междуэтажный пояс отделяет каменную часть здания (первый этаж и часть второго) от рубленной «в обло», обшитого профильной доской (часть второго этажа и мезонин). Карниз, венчающий фасад, декорирован накладной и пропиленной деревянной резьбой. Интенсивность декоративных элементов нарастает снизу вверх. Мезонин и входной узел завершаются обшитым треугольным фронтоном. Оконные проемы кирпичной части здания выполнены с лучковыми перемычками, деревянной — декорированы наличниками с накладной резьбой с растительным орнаментом. Некоторые окна южного и западного фасадов обрамлены профилированными тягами, центральный проем южного (главного) фасада украшен замковым камнем.

2 этап (1909–1932 гг.). Установлено, что в 1909 г. с северной стороны к зданию был пристроен «двухэтажный каменный дом купца Ивана Ивановича Житкова», купца II гильдии [ГАТО. Ф. ф233. Оп. 4. Д. 1696. Л. 1]. Постройка была выполнена с элементами классического стиля: горизонтальный междуэтажный пояс, оконные проемы на одной оси, карниз представлен в виде ряда сухариков и поребрика между двумя выступающими поясами. Оконные проемы первого этажа выполнены с клинчатыми перемычками с замковым камнем, выступающим из их плоскости, а проемы второго этажа и дверной проем — с лучковыми перемычками, обрамленными

снаружи выступающими рядами кирпичей. Установлено, что в этот период на участке была разобрана часть хозяйственных построек [ГАТО. Ф. Р1860. Оп. 5. Д. 8740. Л. 1, 1а, 1а об].

3 этап (1932–1963 гг.). Данный этап характеризуется частой сменой владельцев как самого здания, так и проживающих в нем жильцов. Первоначальная планировка дома значительно изменилась. В период уплотнения жилого фонда увеличилось количество квартир, так как сдавались отдельно комнаты, что привело к раздроблению внутреннего пространства и увеличению количества входных узлов. Поэтому появляются две деревянные пристройки с восточного фасада и тамбур с западного.

С 1932 г. жилой дом был муниципализирован и принадлежал Горкомхозу [ГАТО. Ф. Р1860. Оп. 5. Д. 4672, Л. 2]. С 1932 по 1956 г. дом сдавался Жилкооперации т. № 104 по договору аренды на 24 года.

Установлено, что в 1932 г. на территории располагался дровяник [ГАТО, Ф. Р1860. Оп. 5. Д. 4672. Л. 1об], а в 1938 г. на месте располагавшийся ранее хозяйственных построек в северной части участка строится двухэтажный деревянный жилой дом с сенями, сохранившийся до нашего времени (совр. ул. Советская, 28/1) [ГАТО. Ф. Р1860. Оп. 5. Д. 4672. Л. 5, 13, 14, 15, 16об], а в южной части участка — открытая веранда [ГАТО, Ф. Р1860. Оп. 5. Д. 4672, Л. 1об, 5].

4 этап (1938–1980-е гг.) характеризуется тем, что исследуемый дом потерял всю принадлежащую ему территорию, постройки усадьбы или были разрушены, или стали самостоятельными.

Установлено, что с 1938 г. владельцем здания был «фонд местного Совета» [ГАТО, Ф. Р1860. Оп. 5. Д. 4672. Л. 20], пользователем — домоуправление № 45 [ГАТО, Ф. Р1860. Оп. 5. Д. 4672. Л. 1]. Продолжает меняться планировка исследуемого дома, так как у него нет постоянных жильцов.

К 1963 г. одноэтажный жилой дом с сенями и дровяник были снесены, на их месте и на территории сада строится двухэтажный каменный жилой дом (совр. ул. Советская, 28/ул. Никитина, 2) и тепловой узел, сохранившиеся до нашего времени.

5 этап (1981–1987 гг.) отличается от предыдущего тем, что с 1950 г. здание сдавалось Домоуправлению № 53 [ГАТО, Ф. Р1860. Оп. 5. Д. 4672. Л. 4, 16], и продолжает меняться архитектурно-планировочная и объемно-пространственная структура дома, появляются деревянная и блочная пристройки с восточного фасада.

Во время **6 этапа (1994–2010 гг.)** утрачена часть второго этажа — входной узел с фронтоном и большим окном (затем «восстановлена» из досок). В 2004 г. дом был поставлен в очередь на расселение в связи с признанием не пригодным для проживания²⁹.

В период **7 этапа (2011–2016 гг.)** начался процесс расселения дома, однако была утрачена кровля части основного объема, деревянная пристройка на восточном фасаде заменяется, появляется еще одна — у кирпичного объема.

В 2012 г. здание было передано на неопределенный срок в пользование Томской городской национально-культурной автономии «Узбекистан» для

²⁹ Постановление Мэра г. Томска № 224 от 17 мая 2004 «О расселении жилого дома по ул. Никитина, 2а (с изменениями на 15 ноября 2004 г.)»

размещения русско-узбекского культурного центра³⁰ (в 2013 г. решение отменено). Однако, вопреки обязательствам, дом подвергся не реставрации, а дальнейшему разрушению.

В 2014 г. в доме случился пожар. В этом же году здание было включено в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации³¹ регионального значения и зарегистрирован в 2015 г. под номером 701410139850005³².

8 этап (2017 г.) — время обследования дома автором. В настоящее время здание расселено, не эксплуатируется. Утрачена часть деревянного второго этажа, разрушены пристройки. На восточном фасаде обнаружен фундамент под новую пристройку.

Проведенные натурное обследование и историко-библиографические и архивные изыскания показали, что здание обладает исторической, градостроительной, архитектурно-эстетической, функциональной, эмоционально-художественной и научно-реставрационной ценностями по системе ценности, введенной О.И. Пруцыным [Пруцын и др., 1990].

Историческая ценность заключается в том, что здание расположено в историческом районе «Юрточная гора» и построено на одной из старинных улиц Томска — Никитина (ранее ул. Никитинская). Дом связан с историческими персоналиями врачей Ф.Ю. Маткевича и В.С. Пирусского, купца И.И. Житкова.

Градостроительная ценность заключается в том, что здание является элементом исторически сложившейся объемно-пространственной композиции в исторической среде; имеет сомасштабные пропорциональные архитектурно-пространственные соотношения в системе квартала, соблюдает пропорции в отношении других зданий; является частью ценной исторической застройки, архитектурного и планировочного ансамбля улицы; поддерживает красную линию застройки квартала и панораму улицы; формирует силуэт ул. Никитина.

Архитектурно-эстетическая ценность заключается в том, что здание, построенное в конце XIX в., является представителем деревянной архитектуры Томска периода эклектики; построено с применением традиционных конструкций; сохранило особые архитектурно-художественные элементы, такие как фронтон треугольной формы, пропиленная и накладная резьбой, сложная обшивка, кирпичная кладка подкарнизной части, арочные перемычки и др.

Эмоционально-художественная ценность заключается в том, что здание оказывает положительное воздействие на человека, так как сомасштабно ему, удачно вписывается в окружающую сре-

³⁰ Решение Думы города Томска № 297 от 7 февраля 2012 «О передаче в безвозмездное пользование объекта муниципальной собственности, расположенного по адресу: г. Томск, ул. Никитина, 2а»

³¹ Распоряжение Администрации Томской области № 255-ра от 29.04.2014 «О включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории города Томска»

³² Приказ Минкультуры России №211-р от 20.05.2015 «О регистрации объекта культурного наследия регионального значения «Дом жилой», втор. пол. XIX в. (Томская область)»

ду и обладает богатым декоративным оформлением.

Научно-реставрационная ценность здания связана с тем, что у него был изменен первоначальный вид: утрачены часть стен (второй этаж до объема, над которым расположен мезонин), некоторые наличники и все оконные заполнения второго этажа здания, чердачное перекрытие (междуэтажное — частично обрушено), стропильная система и кровельное покрытие основного объема; плоскость кирпичной кладки стен первого этажа побелена; западный фасад искажен новым объемом входного узла из кирпича, отличным от первоначального, восточный фасад — поздней дисгармоничной одноэтажной пристройкой из теса, остатками от пристроек из блоков и бетона и залитым бетонным фундаментом для одной из пристроек; утрачены водосточные трубы.

Функциональная ценность здания состоит в том, что оно может быть приспособлено под разные назначения. Так, по-прежнему целесообразна первоначальная жилая функция; после грамотного проведенных ремонтно-реставрационных работ и приспособления дом может являться объектом показа как образец исторической деревянной застройки конца XIX — начала XX вв.

В связи с угрозой утраты объекта в качестве первоочередных реставрационных работ необходима срочная консервация здания, санация объекта и территории, в дальнейшем — реставрация и приспособление объекта культурного наследия. На основании проведенных исследований с учетом ценностных характеристик объекта предлагается метод реставрации — фрагментарная реставрация. Выбрана оптимальная дата для привязки проекта реставрации — начало 1909 г., так как к этому времени полностью сформировался исторический облик здания. Фрагментарная реставрация может сводиться только к раскрытию одного фрагмента, например, к освобождению его от искажающих наслоений. К такому роду реставрации относится удаление поздних, не представляющих ценности обновлений, которое позволяет восстановить целостную композицию здания или интерьера и выявить скрытые части архитектурно-художественного убранства (ил. 5).

В ходе историко-библиографических изысканий автором было установлено, что история данного дома связана с именами известных поляков XIX в., поэтому предлагаемое приспособление может быть проведено не под первоначальную функцию жилого дома, а под центр польской культуры. На начало 2018 г. в Томске действуют два центра — Томская региональная общественная организация «Центр польской культуры «Дом польский» в Томске» и местная общественная организация национально-культурная автономия поляков города Томска «Томская Полония», у которых нет своего здания, места для собраний, репетиций и т. д. Все мероприятия проходят (как и у большинства центров культуры города) в Доме дружбы Дворца народного творчества «Авангард». В случае реставрации здания оно могло бы быть удачно приспособлено под подобное новое использование.

Список литературы

1. Иконников С.К. Доктор Пирусский. — Томск: [б. и.], 2005. — 371 с.

2. Островский Л. К. Вклад поляков в развитие здравоохранения Западной Сибири (1890–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — № 375. — С. 91–96.

3. Пруцын О.И., Рымашевский Б., Борусевич В. Архитектурно-историческая среда. — М.: Стройиздат, 1990. — 408 с.

4. Старые дома Томска. — URL: <http://www.oldtomsk.ru> (дата обращения: 1.10.2018)

5. Томские кружева. Хроника гибели. Часть 3 / Блог «Внедорожное краеведение» Романа Петрушина — 5 апреля 2013. — URL: <https://volos-t.livejournal.com/51755.html> (дата обращения: 1.10.2018)

References

1. Ikonnikov S.K. Doktor Pirusskii. Tomsk, 2005, pp. 90–91, 256–259 (in Russ.)

2. Ostrovskii L.K. Vklad polyakov v razvitie zdavookhraneniya Zapadnoi Sibiri (1890–1917). In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, No 375, pp. 91–96. (in Russ.)

3. Prutsyn O.I., Rymashevskii B., Borusevich V. Arkhitekturno-istoricheskaya sreda. Moscow: Stroizdat, 1990. 408 p. (in Russ.)

4. Starye doma Tomska. URL: <http://www.oldtomsk.ru> (data obrashcheniya: 1.10.2018) (in Russ.)

5. Tomskie kruzheva. Khronika gibeli. Chast' 3. Blog «Vnedorozhnoe kraevedenie» Romana Petrushina. 5 aprelya 2013. URL: <https://volos-t.livejournal.com/51755.html> (data obrashcheniya: 1.10.2018) (in Russ.)

Список источников

1. ГАТО. Ф. Р-1860. Оп. 5. Д. 4672

2. ГАТО. Ф. Р-1860. Оп. 5. Д. 8740

3. ГАТО. Ф. ф233. Оп. 4. Д. 1696

Список сокращений

ГАТО — Государственный архив Томской области

Ил. 1. Главный фасад дома по ул. Никитина, 2а в г. Томске. Справа фотография П.Н. Коханенко 1968–1974 гг. [Старые дома...], слева фотография автора, октябрь 2017 г.

Ил. 2. Входной узел дома по ул. Никитина, 2а в г. Томске. Справа фотография П.Н. Коханенко 1968–1974 гг. [Старые дома...], слева фотография П. Андрущенко, 2008 г. [Томские кружева]

Ил. 3. Вид с ул. Никитина. Фотография автора, октябрь 2017 г.

год и название	декартский план	план 1 этажа	план 2 этажа	план этажности	планы кровли	восточный фасад	северный фасад	западный фасад
1860 г. каменная Спасская церковь, Ф. Ю. Шварцман.								
1909 г. каменная Бригадная площадь в центре МО с 1914 по 1917 годы проектировал В. С. Пирогов.								
1938 г. каменная Гурьевская архитектор Федор Иванович ССЗ								
1963 г.								
1981-7 г.								
1994 г.								
2011 г. с 2004 г. реконструкция Жилое здание №204								
2017 г.								

Ил. 4. Этапы формирования архитектурно-планировочной и объемно-пространственной структуры дома. Схема автора

Ил. 5. Визуализация авторского проектного решения по реставрации объекта

М.А. Целищева
Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтай» (Барнаул)
c.marina64@mail.ru

Пассаж Клевцова — образец торгового здания купеческого зодчества конца XIX века с эклектичным декором

Аннотация

На основе архивных документов автор представляет историю и современное состояние здания памятника архитектуры «Пассаж Клевцова» г. Бийска, построенного в конце XIX в. Предположительно, в 1909 г. торговый корпус был перестроен, удлинен вдоль ул. Торговой. Здание являлось одним из первых универмагов в г. Бийске — «пассажем», где на первом и втором этажах располагались торговые залы. В 1918 г. в здании разместилось бийское Общество народных университетов. Дом является образцом торгового здания купеческого зодчества конца XIX в. с эклектичным декором и элементами псевдорусского стиля. Объект культурного наследия связан с деятельностью В.В. Бианки, исследователя природы и писателя. В годы Великой Отечественной войны здесь размещался военный госпиталь.

Ключевые слова: культурное наследие, памятник архитектуры, объекты культурного наследия, общество народных университетов, военный госпиталь

М.А. Tselishcheva
Altai Regional Local History Non-government Organization Altai Heritage (Barnaul)
c.marina64@mail.ru

Klevtsov's Passage as a sample of the trade building of merchant architecture of the end of the 19th century with an eclectic decoration

Abstract

Based on the archival sources the article presents the history and the current state of the architectural monument Klevtsov's Passage in Biysk (Altay Region), constructed at the end of the 19th century. Apparently in 1909 the trade house was rebuilt and extended along Torgovaya Street. The building was one of the first department stores in Biysk, named passage, with salesrooms on the first and the second floors. In 1918 the Biysk Society of Public Universities was placed in the building. Klevtsov's passage is a sample of the merchant architecture of the end of the 19th century with an eclectic decoration and elements of the pseudo-Russian style. The object of cultural heritage is associated with the activities of V.V. Bianchi, nature researcher and writer. During the Great Patriotic War, a military hospital was located here.

Key words: cultural heritage, architectural landmark, cultural heritage objects, Society of Public Universities, military hospital

Историческое наследие Алтайского края является уникальной составляющей культуры России, и среди него Бийск — один из самых ярких исторических городов. История Бийска насчитывает более 300 лет. Это один из 6 городов России, основанных по именному Указу императора Петра I как имеющих военно-стратегическое значение. Через Алтайские горы пролегли важнейшие караванные тропы, связывающие северную и центральную Азию. С развитием капитализма в России Бийск становится городом купцов, где улицы застраиваются торговыми домами, магазины сочетаются с жилыми помещениями. В конце XIX в. растет количество купеческих особняков. Архитектурные проекты купцы утверждали в строительном отделении Томского губернского управления. В начале XX в. центром города являлась базарная площадь, вокруг площади были построены торговые дома купцов Фирсова, Платонова, Второва,

Клевцова, Сычева, Игнатьева. На Торговой улице (с 1910 — ул. Л. Толстого) начали строиться большие магазины с зеркальными окнами и металлическими шторами [Степанская, 2009, с. 223–225].

В конце XIX в. в г. Бийске на углу базарной площади и Торговой улицы были построены двухэтажные каменные торговые помещения, принадлежащие Агнии Мефодьевне Зильбербарт (в девичестве Гилевой). По данным бюро технической инвентаризации здания были введены в эксплуатацию в июле 1896 г. А.М. Зильбербарт была дочерью М.А. Гилева — бийского купца 2-й гильдии, владельца кожевенного завода в Бийске и скупщика скота в Монголии [ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1472. Л. боб.]. Скорей всего, усадьба купцов Гилевых занимала весь квартал от ул. Успенской по Базарному пер. до ул. Торговой. На усадьбе, кроме двухэтажных зданий, находились деревянные жилые дома и службы.

Агния Гилева вышла замуж за бийского купца А.А. Зильбербарта. По раскладной ведомости городской Управы по налогу с недвижимого имущества за 1902 г. у мещанки А.М. Зильбербарт по ул. Торговой находилось следующее имущество: двухэтажный деревянный дом, винная лавка, завозня. На усадьбе проживало 11 мужчин и 4 женщины, в хозяйстве имелись одна лошадь и одна корова. Недвижимое имущество было оценено в 600 руб. [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 484. Л. 22об.]. В 1903 г. здание на углу Торговой ул. и Базарного пер. все еще принадлежало А. Зильбербарт. Об этом свидетельствует чертеж, составленный городской управой по поводу жалобы купца А.И. Хакина на неправильное устройство базарной лавки на ул. Торговой напротив его магазина [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 411. Л. 50]. Торговые площади А.М. Зильбербарт сдавала в аренду (ил. 1).

В 1905 г. Максим Прокопьевич Клевцов, бийский мещанин, проживавший в доме на углу пер. Владимирского и ул. Подгорной, заплатил в городскую Управу промысловый налог на 1905 г. [ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 34. Л. 11]. В 1906–1907 гг. М.П. Клевцов по торговому свидетельству 2-й гильдии торговал в Бийске мануфактурными товарами [Сибирский, 1907, с. 57]. В 1909 г. чета А.М. и А.А. Зильбербарт переехали в г. Томск, где купили дом по ул. Офицерской, 28 [Известия, 1909]. После 1909 г. усадьба на углу ул. Торговой и пер. Базарного перешла М.П. Клевцову. Скорее всего, в этот период здание было перестроено, удлинено вдоль ул. Торговой. Здание являлось одним из первых универмагов в г. Бийске — «пассажем», где на первом и втором этажах размещались торговые залы.

В 1911 г. были составлены налоговые ведомости городской Управы на недвижимое имущество. У М.П. Клевцова на усадьбе по ул. Л. Толстого, 1/5 (быв. ул. Торговая) находилось следующее недвижимое имущество: двухэтажный торговый корпус, одноэтажный деревянный дом, двухэтажный деревянный флигель, амбар, завозня, навес, баня. Все имущество было оценено в 15000 руб., в хозяйстве была одна лошадь. Проживало 3 мужчин и 2 женщины [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 26. Л. 20об.]. По другим данным, страховая оценка имущества в этот период составила 19718 руб., облагаемая доходность — 1864,4 руб., налог — 111,86 руб. [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 398. Л. 88об.]. В составленных в 1911 г. городской управой списках лиц, владеющих в г. Бийске не менее 20 десятинами земли и недвижимым имуществом на сумму не менее 500 руб., у М.П. Клевцова (39-ти лет) недвижимое имущество было оценено в 13000 руб., как и в следующем, 1912 г. [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 299. Л. 47, 58]. В дальнейшем Клевцов не выбрал купеческое свидетельство. Так, по данным памятной книжки Томской губернии за 1911 г., в бийскую городскую Думу был избран мещанин М.П. Клевцов [Памятная книжка, 1911, с. 26]. В списках лиц и учреждений, пользующихся правом выбора гласных городской управы был и М.П. Клевцов, имеющий ценз в 15000 руб. [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 312. Л. 4]. В 1912 г. М.П. Клевцов был избран гласным Бийской городской думы на период 1912–1915 гг. [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 326. Л. 199]. По данным сибирского торгово-промышленного ежегодника за 1914–1915 гг., Клевцов в г. Бийске торговал мануфактурными товарами, бельем и др. товарами [Сибирский, 1914,

с. 72, 74]. 7 января 1917 г. он же обратился в городскую управу с просьбой выдать справку на недвижимое имущество. Управа в выданной справке указала, что недвижимое имущество Клевцова состоит во 2-й части г. Бийска по ул. Л. Толстого и оценено на 1916 г. в 31600 руб. [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 641. Л. 1]. В 1917 г. Клевцов часть помещений сдавал в аренду Союзу Сибирских маслоделов [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 12. Л. 10об.]. В 1917 г. двухэтажный каменный корпус был оценен в сумму 132480 руб., а двухэтажный деревянный дом на его усадьбе — в 5800 руб. [ГАРФ. Ф. Р.4041. Оп. 4. Д. 929. Л. 5]. Из составленного списка плательщиков губернского земского сбора с недвижимого имущества на 1917–1919 гг. мы можем узнать, что М.П. Клевцов за недвижимое имущество должен был заплатить налог в сумме 61,17 руб. за каждый год [ГААК, Ф. 174. Оп. 1. Д. 330. Л. 101].

В январе 1918 г. два помещения в бывшем двухэтажном торговом здании по ул. Л. Толстого Клевцов сдал К.П. Мочалову под аптеку, об этом известно из письма самого Мочалова, направленного в городскую управу [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 12. Л. 9]. В феврале 1918 г. оставшиеся помещения Клевцов по договору сдал в аренду бийскому Обществу народных университетов. 20 мая 1918 г. общим собранием учредителей был принят Устав общества. Своей целью Общество народных университетов ставило оказание содействия внешкольному просвещению народа, популяризации научных знаний, поднятию культурного уровня населения г. Бийска и Бийского округа [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 12. Л. 4]. В Обществе народных университетов выступали с лекциями М.И. Авиллов — народный художник РСФСР, А.А. Хребтов — доктор сельскохозяйственных наук, художники А.О. Никулин и М.И. Курзин, писатель А.С. Новиков-Прибой, этнограф, композитор А.В. Анохин и др. На первом этаже разместилась художественная студия, а на втором читались лекции. В народном университете преподавали А.Э. Мако — художник, педагог, организатор художественной студии, В.А. Сенгалевич-Копылова, ученица Родена — скульптор, педагог, организатор художественного отдела бийского музея, Д.И. Кузнецов — художник-педагог, В.В. Бианки — исследователь природы и писатель, географ Б. Добрынин и др. [Материалы, 1990, с. 49].

В ноябре 1918 г. М.П. Клевцов написал заявление в городскую управу по поводу спора между Мочаловым и правлением Алтайского народного университета из-за двух помещений, сданных в аренду первому под аптеку. Клевцов надеялся, что городское самоуправление уведомит университет о том, что их притязания на два помещения несостоятельны [ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 12. Л. 10–11]. В дальнейшем, с января 1920 г., дом был занят военным госпиталем для раненых красноармейцев [ГАРФ. Ф. Р.4041. Оп. 4. Д. 929. Л. 37, 41об.]. Вскоре здание отошло городу, в нем была изменена планировка. В составленных в 1922 г. списках муниципализированных домов Бийска значится и бывшая усадьба служащего М.П. Клевцова (находящегося в данное время в бегах), на которой находилось следующее имущество: магазин двухэтажный каменный, торговавший мануфактурой (308 кв. м), флигель деревянный, два дома деревянных, каменная кладовая. С 1924 г. по 1941 г. в здании находились городская библиотека, бийская «Сельхозтехника», затем школа колхозных кадров. В

то время городская библиотека стала центральной в Бийском округе. Фонд ее составлял 29205 экземпляров, штат — 8 человек. При библиотеке работали 54 передвижки в городе, 78 изб-читален и 18 библиотек — в округе. В 1930-х гг. на 1 этаже здания была организована столовая, а потом ресторан. В июле 1941 г. бывший пассаж был отдан под военный госпиталь №1236. Он занимал еще несколько зданий в г. Бийске и был рассчитан на 600 койко-мест. В первый год войны в Бийске находился 21 эвакуогоспиталь, в число которых входили и госпитали, прибывшие с Западных областей Советского Союза. Самым сложным в 1941–1942 гг. было привести здания в соответствующее состояние: многим из них требовался ремонт систем отопления, побелка, установка внутренних перегородок. Обеспечение госпиталей инвентарем, топливом, продуктами питания и медикаментами было делом сложным и постоянно требующим внимания начальников госпиталей и шефских организаций. Но главным было обеспечить госпитали специалистами. Военный госпиталь в Бийске по адресу ул. Л. Толстого, д. 119 просуществовал в этом здании до 2005 г.

В 1989 г. здание поставили на государственный учет как памятник архитектуры регионального значения. В 2004 г. специалисты НПЦ «Наследие» в присутствии представителя государственного учреждения «Бийская квартирно-эксплуатационная часть Сибирского военного округа», лазарет в/ч 52237 составили акт технического состояния здания. На момент осмотра общее состояние памятника было неудовлетворительное. В заключении специалисты центра рекомендовали провести комплексную реставрацию, включая гидроизоляцию фундаментов [Акт, 2004].

С 2005 г. администрация г. Бийска пыталась решить судьбу здания бывшего военного госпиталя — в Правительство РФ были направлены письма с просьбой передать в муниципальную собственность ряд объектов Бийской КЭЧ Сибирского военного округа, в том числе исследуемое здание. В августе 2012 г. специалисты НПЦ «Наследие» вновь произвели осмотр здания с составлением акт о причинении вреда объекту культурного наследия. На момент осмотра здание было в ведении ФГКУ «Сибирское территориальное управление имущественных отношений Министерства обороны Российской Федерации». В результате обследования были выявлены следующие дефекты: кровля была разрушена, имелись многочисленные следы ремонтов (латание дыр), кровельный материал оторван, наблюдались многочисленные протечки. Водосточные трубы по большей части отсутствовали, у существующих наблюдалось нарушение крепления колен друг к другу, отсутствие нижних колен. В цокольной части стен северо- и юго-западного фасадов наблюдались большие участки обрушения штукатурного слоя и выпадения кирпичей наружной версты кладки вследствие отсутствия организованного водостока. Состояние отделки фасадов было неудовлетворительное. Отмостка по уличным и юго-западному фасадам отсутствовала, что приводило к дополнительному увлажнению фундамента. В итоге специалисты центра отметили, что большая часть повреждений конструкций здания возникла в результате несоблюдения режима эксплуатации объекта культурного на-

следия и не проведения ремонтно-реставрационных работ. Специалисты рекомендовали в ближайшее время выполнить консервацию объекта культурного наследия с целью защиты конструкций от дальнейшего разрушения, провести мероприятия по результатам инженерного заключения, выполнить проект комплексной реставрации и реставрацию фасадов с воссозданием утраченных элементов на основе проектной документации [Акт, 2012]. В дальнейшем здание было передано в собственность муниципального образования г. Бийск на основании приказа Министра обороны Российской Федерации от 29.10.2012 №3397 вместе с сетями водоснабжения, канализации, теплоснабжения и земельным участком общей площадью 4132,11 кв. м. Право муниципальной собственности было зарегистрировано в декабре 2012 г. В 2013 г. специалисты НПЦ «Наследие» в присутствии представителя муниципального казенного учреждения «Управление муниципальным имуществом Администрации города Бийска» вновь обследовали здание по ул. Л. Толстого, 119 / ул. Двойных, 5 и составили акт технического состояния. Были обследованы нежилые помещения двухэтажного кирпичного здания Литера А общей площадью 1303,40 кв. м. На момент осмотра здание не эксплуатировалось, внутренние помещения были завалены мусором. В итоге специалисты НПЦ «Наследие» рекомендовали выполнить проект комплексной реставрации здания и его приспособления, включая инженерное обследование конструкций, провести противоаварийные мероприятия по ремонту кровли и перекрытий, выполнить комплексную реставрацию здания [Акт, 2013].

В 2015 г. бийские власти пытались продать здание на улице Л. Толстого, 119, где располагался госпиталь, но не смогли. Годы запустения не прошли без потерь: стекла были разбиты, внутри скопился мусор, кирпичи выпадают. В 2017 г. в здании произошло два пожара. Долгие годы здание никак не эксплуатируется.

Приказом управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 24.12.2014 №551 были утверждены предмет охраны, границы территории и правовой режим земельного участка в границах территории объекта культурного наследия.

Здание расположено в исторической части города на пересечении улиц, главным северо-западным фасадом ориентировано вдоль красной линии застройки улицы Л. Толстого, северо-восточным — вдоль улицы Двойных. Двухэтажное торговое здание в плане прямоугольной формы состоит из разновременных объемов, примыкающих со стороны дворового фасада. Здание имеет угловую композицию фасадов, акцентом которой является срезанный угол с парадным входом. Капитальная внутренняя стена здания делит интерьер на неравные части, большую из которых первоначально занимали торговые помещения, расположенные вдоль уличных северо-западного и северо-восточного фасадов. Северный угол образует входная группа помещений. Со стороны дворового юго-восточного фасада располагались подсобные помещения, имеющие отдельный вход.

Этажи связывают два лестничных блока, один размещен со стороны улицы Л. Толстого по восьмой оси, второй — со стороны дворового юго-восточного фасада. План второго этажа почти полностью повто-

ряет план первого. Стены и декоративные элементы выполнены из красного кирпича лицевой кладки. Конструкция крыши чердачная со слуховыми окнами, кровля из листового металла, водосток организованный.

Каждый из уличных фасадов имеет богатый кирпичный декор, характеризующийся сложностью и нагроможденностью объемов и форм. Горизонтальное членение уличных фасадов подчеркнута многоступенчатым карнизом и фризом, дополненным нишами и рядом сухариков. Первый и второй этажи разделяет сложной формы пояс, декорированный спусками по центру оконных проемов. Карниз дворовых фасадов состоит из двух рядов сухариков, продолжен по пристроенным объемам. Срезанный угол с парадным входом завершен фигурным аттиком со слуховым окном арочной формы и башенками треугольной и полукруглых форм, фланкирован на углах пилястрами, декорированными в уровне размещения карниза двумя рядами сухариков, в уровне размещения верха оконных проемов второго этажа — накладным кирпичным декором в виде треугольного сандрика и прямоугольных элементов в виде алмазной грани.

Дверь парадного входа филанчатая двупольная с фрамугой, над ней лучковой формы сандрик. Основная плоскость северо-восточного фасада, обращенного на улицу Двойных, симметрична и разделена на три неравные части пилястрами, крайние завершены в уровне кровли фигурными аттиками с башенками полукруглой формы. В уровне первого этажа окна витринные, в уровне второго — парные арочные, обрамленные полуналичниками с подвесками в верхней части, в нижней декорированы нишами прямоугольной формы. В средней части в уровне первого этажа междуэтажный пояс поддерживается полуколоннами с перехватами.

Северо-западный фасад, ориентированный на улицу Л. Толстого, выполнен в одиннадцать осей проемов на первом этаже, разделенных пилястрами. По четвертой, восьмой и десятой осям находятся дверные проемы. Седьмая ось фасада акцентирована в уровне кровли фигурной аттиковой стенкой и повторяет декоративное оформление левой фланговой оси северо-восточного фасада. Основным акцентом фасада является аттик с волютами, вазонами и килевидным слуховым окном, расположенный с третьей по пятую оси. Пилястры с правого фланга фасада продолжены в уровне кровли парапетными столбиками. Арочные оконные проемы второго этажа — парные, в месте расположения дверных проемов — одиночные. Обрамление оконных проемов различно. По третьей и пятой осям окна выполнены с рустованными арочными наличниками и подвесками, над ними лучковой формы накладной декор в сочетании с треугольными элементами. По второй и шестой осям в уровне первого этажа междуэтажный пояс поддерживается полуколоннами с перехватами.

Основная плоскость юго-восточного дворового фасада ассиметрична и разделена на три неравные части пилястрами. В уровне первого этажа правого фланга расположен дверной проем, в уровне второго — парные арочные оконные проемы, обрамленные арочными полуналичниками. Низ проемов декорирован полочками. Центральная часть фасада в уровне второго этажа выполнена в семь оконных осей, в

уровне первого в восемь, по первой оси — дверной проем. Междуэтажный пояс состоит из ряда сухариков. Окна лучковой формы обрамлены прямоугольными наличниками, завершенными треугольными сандриками с нишами и замковым камнем в вершине. По третьей и четвертой осям первого этажа расположено два узких оконных проема, обрамленных общим наличником. Левый фланг дворового фасада выполнен в виде ризалита, имеет по два проема, в уровне первого этажа — вход (ил. 2, 3).

Дом является образцом торгового здания купеческого зодчества конца XIX в. с эклектичным декором и элементами псевдорусского стиля. Объект культурного наследия связан с деятельностью Виталия Валентиновича Бианки, исследователя природы и писателя. Имеет важное градостроительное значение, оформляя пересечение улиц. В годы Великой Отечественной войны здесь размещался госпиталь раненых.

В 2018 г. автор принял участие в работе коллектива по разработке проекта реставрации здания, в разделе проведения историко-архивных изысканий и написания исторической записки (ил. 4, 5).

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Бийск, ул. Л. Толстого, 119/ ул. Двойных, 5 является объектом культурного наследия регионального значения «Пассаж Клевцова», 1890 г., согласно решения исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от 24.03.1989 №108. Объект включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему регистрационного номера 221410141840005.

Список литературы

1. Известия Томского городского общественного управления. Год седьмой. — Томск: Томское городское общественное управление (Паровая типография Н. И. Орловой). — 1909. — №185 (сент.) — С. 581–585. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://elibr.tomsk.ru/purl/1-10393/>
2. Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Алтайский край. — М.: НИИК, 1990. — 113 с.
3. Памятная книжка Томской губернии на 1911 г. — Томск: типография губернского управления, 1911. — 287 с.
4. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1907 год. Год четырнадцатый. — Томск: Издание М. П. Кедровливанского, (Паровая типография Н. И. Орловой), 1907. — 1128 с.
5. Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914–1915 гг. — [Петроград]: [Тип. АО «Аргус», Т-ва «Труд»], 1914. — Ч. 2. Отд. 3, 4: Описания губерний и областей Сибири, Степного Края и Русского Туркестана. — 942 с.
6. Степанская Т.М. Памятники архитектуры г. Бийска // Бийск: энциклопедия. — Бийск: БГПУ им. В.М. Шукшина, 2009. — С.223–225.

References

1. Izvestiya Tomskogo gorodskogo obshchestvennogo upravleniya. Tomsk: Tomskoe

gorodskoe obshchestvennoe upravlenie, 1887–1916 (Parovaya tipografiya N. I. Orlovoi). No 185 (sent.) (1909). Pp. 581–585. In Russ.

2. *Materialy Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury RSFSR. Altaiskii kraj*. Moscow: NIIK, 1990, 113 p. (In Russ)

3. *Pamyatnaya knizhka Tomskoi gubernii na 1911 g.* Tomsk: tipografiya gubernskogo upravleniya, 1911, 287 p. (In Russ).

4. *Sibirskii torgovo-promyshlennyi i spravochnyi kalendar' na 1907 god. God chetyrnadtsati.* Tomsk: Izdanie M. P. Kedrolivanskogo, (Parovaya tipografiya N. I. Orlovoj), 1907, 1128 p. (In Russ).

5. *Sibirskij torgovo-promyshlennyj ezhegodnik 1914–1915 gg.* [Petrograd]: [Tip. AO «Argus», T-va «Trud»], 1914, Pt. 2, Otd. 3, 4: *Opisaniya gubernij i oblastej Sibiri, Stepnogo Kraja i Russkogo Turkestana*, 942 p. (In Russ).

6. *Stepanskaya T.M. Pamyatniki arkhitektury g. Biiska.* In *Biisk: entsiklopediya*. Biisk: BGPU im. V.M. Shukshina, 2009, pp. 223–225. (In Russ).

Список источников

1. Акт технического состояния от 2004 г. // Архив НПЦ «Наследие».

2. Акт о причинении вреда объекту культурного наследия от 2012 г. // Архив НПЦ «Наследие».

3. Акт технического состояния от 2013 г. // Архив НПЦ «Наследие».

4. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1472.

5. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 12.

6. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 26.

7. ГААК. Ф. 175. Оп. 1. Д. 34.

8. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 299.

9. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 312.

10. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 326.

11. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 330.

12. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 398.

13. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 411.

14. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 484.

15. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 641.

16. ГАРФ. Ф. Р.4041. Оп. 4. Д. 929.

Список сокращений

ГААК — Государственный архив Алтайского края.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

НИИК — Научно-исследовательский институт культуры

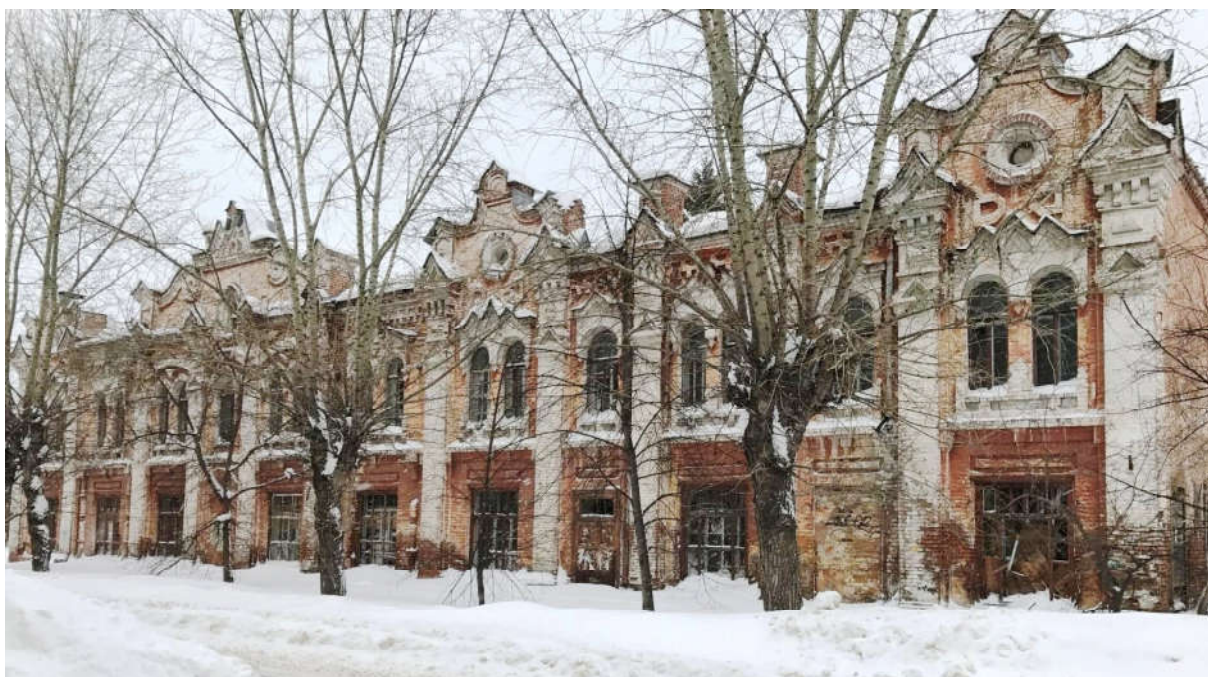
НПЦ — научно-производственный центр

Ил. 1. Общий вид ул. Торговой (ул. Л. Толстого) в начале XX в., до перестройки здания в 1909 г. Из архива НПЦ «Наследие»

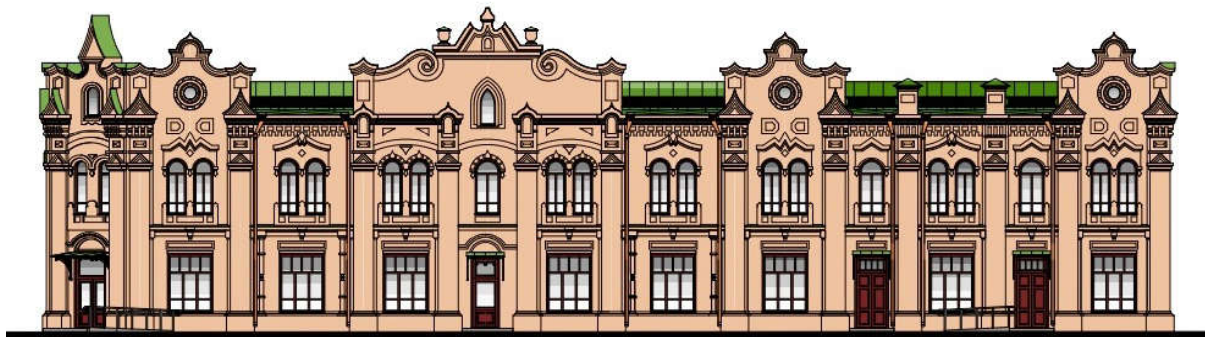

Ил. 2. «Пассаж Клевцова» по ул. Л. Толстого, 119. Современный вид с северо-востока. Из архива НПЦ «Наследие»

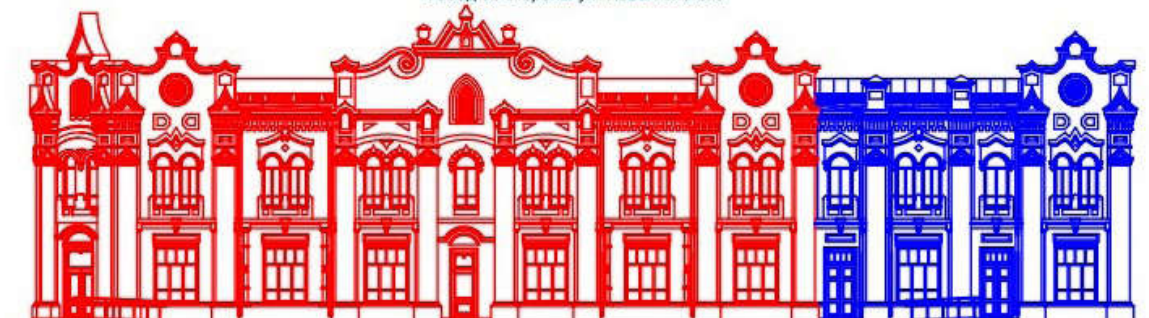
Ил. 3. «Пассаж Клевцова». Северо-западный фасад по ул. Л. Толстого. Современный вид. Из архива НПЦ «Наследие»

Главный фасад

Ил. 4. Эскизный проект реставрации объекта культурного наследия «Пассаж Клевцова». ИП Тюкова Н.М., архитектор А.А. Машонкин. 2018 г.

Фасад со стороны ул. Льва Толстого

Ил. 5. Фасад со стороны ул. Л. Толстого, с показом пристроенной части после 1909 г. ИП Тюкова Н.М., архитектор А.А. Машонкин. 2018 г.

Архитектурно-градостроительная практика
в советской Сибири

Architecture and Urban Planning
of the Soviet Period in Siberia

И.И. Атапин
Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск)
ivatapin@gmail.com
Научный руководитель: канд. ист. наук О.В. Богданова

Архитектура советского авангарда в Томске: история и новые материалы

Аннотация

Статья посвящена малоизученной теме — архитектуре Томска эпохи советского авангарда. Рассматривается история появления и развития направлений конструктивизм и постконструктивизм в застройке города. Дается развернутая характеристика отдельных зданий, уточнены годы постройки и имена архитекторов. Используются архивные документы, впервые введенные в научный оборот. Особое внимание уделено истории строительства принципиально нового типа общественного здания — одной из первых фабрик-кухонь в Западной Сибири, а также студенческих общежитий Томского государственного университета и Сибирского технологического института. В результате исследования выявлено, что крупнейшими архитектурными объектами эпохи авангарда в Томске стали учебные корпуса и общежития. Это было обусловлено главным образом расширением сети вузов в годы первой пятилетки.

Ключевые слова: Томск, конструктивизм, постконструктивизм, ОСА, историко-культурное наследие

I.I. Atapin
Tomsk State University (Tomsk)
ivatapin@gmail.com
Scientific adviser is PhD in history O.V. Bogdanova

Soviet avant-garde architecture in Tomsk: history and new evidence

Abstract

The article deals with a little-studied topic of the architecture of Tomsk during the Soviet avant-garde period. The author analyzes the history of the emergence of Constructivism and Postconstructivism in the architecture of Tomsk. A detailed description of individual buildings is given, the building date and the names of architects are specified. Archival documents introduced in scientific circulation are used in this article. Particular attention is paid to the history of the construction of a fundamentally new type of a public building (one of the first commercial kitchens in Western Siberia), as well as student dormitories of Tomsk State University and Siberian Institute of Technology. The study reveals that educational buildings and dormitories became the largest buildings in Tomsk during the avant-garde period. This was mainly due to the expansion of the network of universities during the first Five-year plan period.

Key words: Tomsk, Constructivism, Postconstructivism, OSA, historical and cultural heritage

Архитектурный облик Томска связан, прежде всего, с дореволюционной застройкой — памятниками барокко, классицизма, эклектики, модерна и неоклассицизма. Направления советского авангарда не получили здесь ни распространения, ни признания, и немногочисленные здания 1920–1930-х гг. зачастую смотрятся на улицах города чужеродно. Стоит отметить, что к настоящему времени данный период истории архитектуры Томска исследован крайне слабо, многие объекты не атрибутированы. Это обусловило необходимость выявления исторической и культурной ценности построек. При написании статьи использовались как материалы томской газеты «Красное знамя», так и ранее неопубликованные документы из фондов Государственного архива Томской области (ГАТО).

Гражданская война оставила коммунальное хозяйство Томска практически в полном упадке. Как

отмечал Томский горсовет, в период с 1920 по 1930 г. «никакого нового жилищного строительства не велось, если не считать незначительного по размерам частного строительства» [цит. по: Из истории..., 2001, с. 48]. Это же утверждение верно и для общественных зданий. В 1925 г. была упразднена Томская губерния, и Томск вошел в состав Сибирского края, став окружным центром. Вместе с тем в городе продолжали работать первые в Азиатской России Томский государственный университет (ТГУ) и Томский технологический институт (с 1925 г. — Сибирский, СТИ), которые играли важную роль в научной и культурной жизни региона.

На протяжении 1920-х гг. инженерно-строительный факультет СТИ оставался центром сибирского архитектурного образования. Участники томской группы Объединения современных архитекторов (ОСА), организованной в институте в 1927 г., отста-

ивали принципы конструктивизма — наиболее распространенного направления архитектурного авангарда. В то же время выпускники СТИ тех лет почти не внесли какого-либо вклада в архитектурный облик Томска. Вероятно, причиной этому послужил отток инженеров-строителей в быстро растущие административные и промышленные центры — Новосибирск, Свердловск, города Кузбасса. В 1930 г. СТИ был разделен на несколько отраслевых институтов, а спустя три года бывший инженерно-строительный факультет, выделенный в Сибирский строительный институт (Сибстрин), перевели в Новосибирск.

Утрата городом административных функций, спад экономической и промышленной активности косвенно повлияли на то, что авангардные направления появились в застройке Томска заметно позже, чем в Новосибирске, Омске или Кемерове — на рубеже 1920–1930-х гг. К этому времени был практически исчерпан фонд дореволюционных зданий, пригодных к эксплуатации. В начале 1930-х гг. в архитектуре Томска происходит переход к конструктивизму, совпавший с кратковременным оживлением строительной деятельности и увеличением числа вузов.

Одним из первых конструктивистских сооружений города стал четырехэтажный жилой дом дирекции Томской железной дороги, также известный как «дом железнодорожников» (пр. Ленина, 46). Торжественная закладка его фундамента состоялась 5 мая 1930 г. В первый этаж здания предполагалось встроить столовую и продуктовый магазин, на верхних располагались 37 квартир [Постройка большого..., 1929; Состоялась закладка..., 1930]. В дальнейшем строительство затянулось, сказывались дефицит материалов и отсутствие квалифицированной рабочей силы. Жесткая экономия отразилась на внешнем облике: фасады здания предельно аскетичны и лишены каких-либо характерных стиливых черт (за исключением «лежачих» окон), из-за чего оно резко контрастирует с находящимися на другой стороне проспекта особняком Асташева и доходным домом Кухтерина.

В годы первой пятилетки в крупных городах Западной Сибири остро стал вопрос организации доступного общественного питания. «На смену патриархальной русской печи идет фабрика-кухня, — писала газета «Красное знамя». — Кухонный горшок упраздняется» [Фукс, 1930]. В 1929 г. открылась фабрика-кухня в Ленинске-Омском, летом 1930 г. — в Новосибирске. Для первой в Томске фабрики-кухни Центрального рабочего кооператива (ЦРК) в 1930–1931 гг. перестроили дом на пр. Фрунзе, 16, возведенный наследниками купца С.Ф. Хромова. Это было двухэтажное здание в духе «кирпичного стиля» с симметричным главным фасадом. Оно сохранило свое объемно-планировочное решение, но получило новое оформление. Декор был частично сбит, стены оштукатурили и окрасили. Крупные оконные проемы обеспечивали хорошее освещение цехов. В комплекс фабрики-кухни также входило большое отдельно стоящее овощехранилище, соединенное с главным зданием подземным туннелем [Ветров, 1930; ГАТО. Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 109, листы не нумерованы].

Фабрика-кухня должна была обслуживать томские столовые, основным «контингентом» которых являлись студенты и рабочие. «Обеденного зала фабрика-кухня иметь не будет. Обеды будут развоз-

иться на грузовиках...» — отмечала газета «Красное знамя» [В Томске..., 1930]. Именно это обстоятельство и стало в дальнейшем объектом критики. Спустя четыре года та же газета писала: «Нет обеденного зала, и вся фабрика стоит! Пробовали развозить с фабрики обеды по столовым, но это делалось так неудачно, что столовые вынуждены были отказаться от обедов...» [Лужной, 1934]. Не была реализована одна из важнейших целей фабрики-кухни — то, что историк Н.Б. Лебина называет «культурно-воспитательным процессом» [Лебина, 2016, с. 36], связанным с приобщением населения к питанию вне дома. Негативные отклики стал вызывать и облик сооружения: «На проспекте Фрунзе, отражая в громадных окнах полуденное солнце, одиноко и холодно выглядит красное, двухэтажное, кубообразное здание. <...> Архитектурно здание куцое, недостроенное...» [Лужной, 1934]. В 1970-е гг. бывшую фабрику-кухню переоборудовали под ресторан и вновь перестроили.

В 1930 г. также началось возведение пятиэтажного жилого здания на углу улиц Семашко и Никитинской (современный адрес — ул. Никитина, 4). Первоначально оно называлось «домом коммунальников» или «коммунальным домом». По проекту в нем должны были находиться 42 квартиры с отдельными кухнями. Такое решение с квартирами традиционного типа, не соответствовавшее идее обобществления быта, вызвало дискуссию в местной прессе. «Каждый вновь приехавший в Томск работник изумится, услышав, что новый коммунальный дом, стоимостью больше, чем в полмиллиона рублей, будет строиться летом 1930 года по типу отдельных 3-х и 4-х комнатных квартирок мещанско-томского стиля. <...> Мы призываем всю рабочую и советскую общественность протестовать против этого типа постройки и добиваться замены его домом-коммуной», — писала в марте 1930 г. газета «Красное знамя» [Нам нужны..., 1930]. В апреле состоялись обсуждения проекта дома в окружном совете профсоюзов. По их результатам в проект были внесены изменения, заключавшиеся в замене «системы квартир» на «систему комнат» и в добавлении общественно-бытовых помещений (торгово-распределительный пункт, зал совещаний, комнаты отдыха и др.). Также предлагалось оборудовать «помещение для детей и для детских яслей» и оставить часть комнат (не более 5%) смежными [Коммунальный дом..., 1930].

Строительство дома вновь освещалось в «Красном знамени» в августе 1930 г. Здание объявили «скопичем кухни» и «купеческим домом». Газета писала: «[Горкомхоз] строит дом на 42 самостоятельных квартиры с 42 кухнями. <...> Нет ни детских, ни спортивных площадок. Нет ни ванн, ни прачешной. Нет даже читальни или красного уголка. <...> Здание не будет иметь никакой общественной ценности». «Как же отвечает этот строящийся дом на требования, предъявляемые жилищу в настоящее время? Да никак!» — негодовал один из авторов [Горкомхоз вместо..., 1930].

Любопытно, что в статье отмечалось: «Строители не знают как следует назначение дома. На чертежах он не имеет названия, в сметах он назван “Домом-коммуной”, теперь же зав. [строительным] отделом заявляет: “Мы строим просто дом с “обобществленным сектором”» [Там же]. Возможно, смена названия и функционального назначения была связана с

постановлением ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта». Так или иначе, здание на ул. Никитина не стало ни домом-коммуной, ни домом с «обобществленным сектором». В 1934 г. ТГУ отмечал 50-летний юбилей (который намечался еще на 1930 г., но был перенесен), и недостроенный дом передали на баланс университета. К сентябрю следующего года его сдали в эксплуатацию как студенческое общежитие. На тот момент многие томские общежития размещались в непригодных деревянных домах, и появление нового здания значительно улучшило материально-бытовые условия студентов: «ТГУ имеет одно из лучших во всей Сибири общежитий <...> Это общежитие — огромный пятиэтажный дом, имеющий свыше 200 комнат, в которых живут по 3–4 студента» [Шеляков, 1937, с. 116]. В общежитии также были устроены столовая, буфет, библиотека и комнаты для самостоятельных занятий.

Облик здания на ул. Никитина, прозванного «Пятихаткой» по количеству этажей³³, продиктован его планировочной структурой (ил. 1). Угловую часть акцентирует поставленная с отступом прямоугольная башня со сплошным вертикальным остеклением лестничных клеток. Здесь видно большое, даже несколько подозрительное сходство с проектом дома-коммуны в Клинцах известного архитектора А.З. Гринберга (1927 г.; см. [Ежегодник МАО, 1928, с. 44–45]), вплоть до размещения главного входа. Можно говорить о том, что проект Гринберга своеобразно «адаптировали» для Томска. В остальном внешний вид общежития был достаточно скромным, ряды широких окон перебивались лишь остеклением лестниц.

В годы Великой Отечественной войны в здании размещался эвакогоспиталь. С 1989 г. оно стало общежитием для сотрудников университета и дошло к настоящему времени с заметными утратами.

Говоря о студенческих общежитиях Томска, следует упомянуть и об одном неосуществленном проекте. В 1930 г. должно было начаться возведение общежития СТИ напротив бывших винных складов у Лагерного сада. Здание планировалось построить по типу общежития Иваново-Вознесенского политехнического института [СТИ переходит..., 1930]. Этот вариант был раскритикован на совместном совещании архитектурной секции научно-технического кружка студентов СТИ и томской группы ОСА как имеющий крупные экономические и «идеологические» недостатки. В марте 1930 г. бригада СТИ в составе инженера-строителя Н.С. Кузьмина, инженера М.И. Ковальского и студентов Д.М. Голованова, И.И. Жалмана, Я.Е. Кузнецова, М.А. Малова, Б.Я. Низовцева, А.Н. Постникова выполнила альтернативный проект общежития-коммуны на 2320 (!) человек. Выявленные автором архивные документы свидетельствуют, что в нем были использованы наработки Н.С. Кузьмина по его знаменитому дипломному проекту дома-коммуны для анжеро-судженских шахтеров [ГАТО. Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 158. Л. 9–18 об.]. Строительство

³³ В ряде работ приводится утверждение, что общежитие являлось первым пятиэтажным зданием в Томске. Между тем еще в 1910-е гг. в городе были построены ломбард с шестиэтажным служебным корпусом (ул. К. Маркса, 26) и университетская библиотека с пятиэтажным книгохранилищем. Общежитие ТГУ следует назвать первым пятиэтажным жилым зданием Томска.

общежития-коммуны началось в 1931 г., уже после разделения СТИ, но вскоре было свернуто.

Характеризуя данный этап истории архитектуры Томска, исследователь А.И. Попов справедливо отметил, что зданий, построенных в формах конструктивизма, «было слишком мало, чтобы заметно воздействовать на изменение облика города» [Попов, 1959, с. 100]. Наметившийся после 1932 г. поворот советской архитектуры к «освоению классического наследия» не мог не отразиться на застройке Томска. В период расцвета постконструктивизма многие построенные или еще возводившиеся конструктивистские здания получили внешнее «обогащение» различными декоративными элементами.

Так, комплекс мукомольно-элеваторного учебного комбината (позже — института) на Соляной площади, возведенный в 1932–1938 гг., приобрел классицистическую «оболочку» в процессе строительства. Комплекс состоял из студенческого общежития, столовой и 16-квартирного жилого дома для преподавателей, скомпонованных в единое здание. Проектирование осуществлял уроженец Австро-Венгрии, выпускник Венского политехникума (Высшей технической школы) Франц Карлович Кресадло³⁴ [ГАТО. Ф. Р-435. Оп. 1. Д. 517. Л. 2]. Он же являлся и начальником строительства, но был снят с должности по причине неудовлетворительного качества работ [Архитектор Кресадло..., 1932; На строительстве..., 1936]. На завершающей стадии в доработке проекта (железобетонные плиты и перекрытия, электрооборудование и т.д.) принимал участие целый ряд архитекторов и инженеров, в т. ч. В.В. Аранович, Е.К. Ковалевский, Г.И. Телегина [ГАТО. Ф. Р-1159. Оп. 1. Д. 2. Л. 42–50 и др.]. При возведении использовался кирпич, оставшийся после сноса Троицкого кафедрального собора — крупнейшего храма города.

Фасады четырехэтажного, конструктивистского в своей основе здания (со сложной конфигурацией плана, лежащими окнами, остекленными лестничными клетками) были «обогащены» штукатуркой под руст, лопатками, горизонтальными тягами. Между третьим и четвертым этажом появились медальоны с профилями мужчины и девушки в платке. Балконы получили ограждение с бетонными балясинами, на угловой башенке установили барельеф с изображением снопов и элеватора, а также датой «1937» (год окончания основных работ). В результате декор здания выглядит избыточным, однако оно сумело вписаться в ансамбль Соляной пл., сформированный дореволюционными постройками К.К. Лыгина — Коммерческим училищем и Окружным судом. В 1952 г. здание было передано строительному институту, сейчас это 3-й корпус ТГАСУ (ил. 2).

Более удачным примером «обогащения» можно назвать учебный корпус горного факультета Томского индустриального института (ныне 8-й корпус ТПУ; ул. Советская, 82). Первоначально в этом здании, заложенном в 1930 г., должен был разместиться химико-технологический институт. В проекте оно имело эффектный конструктивистский облик (ил. 3). Строительство шло с большими трудностями, в середине 1930-х гг. завершили лишь первую очередь корпуса — по ул. Советской. В 1939 г. архитектор

³⁴ Встречается ошибочное написание «К.П. Кресабло» (см., напр.: [Залесов, 1992]).

Б.А. Алексеев выполнил проект амфитеатра с лекционным залом (не осуществлен) и нового оформления фасадов [Алексеев Борис...]. Трехэтажное здание декорировано пилястрами, поддерживающими мощный межэтажный пояс, полуподвал выделен рустом. Парадный вход акцентировался небольшим портиком с балконом, на крыльце была установлена статуя С.М. Кирова. Автора проекта, представителя ленинградской архитектурной школы Б.А. Алексеева, сослали в Западно-Сибирский край в 1933 г. и впоследствии повторно репрессировали. Порттик и статуя были утрачены при реконструкции здания в 1950-е — 1960-е гг., когда к нему пристроили объем по ул. Усова, выдержанный в духе «сталинского неоклассицизма».

Образцом архитектуры, уже значительно отошедшей от конструктивистских принципов, является трехэтажное студенческое общежитие медицинского института на пр. Кирова, 16 (1936–1938 гг.) [Общежитие для студентов..., 1936]. Советские исследователи считали решение этой постройки удачным: «Правильно найденный масштаб здания <...> удобная планировка, выразительность композиции — все это позволяет считать его одним из лучших примеров предвоенного строительства...» [Попов, 1959, с. 105]. Особенность главного фасада — размещенный на уровне третьего этажа бюст Кирова. Его присутствие здесь не случайно: художественному оформлению зданий, которые возводились на улице, «священной с памятью безвременно погибшего вождя», должно было уделяться особое внимание [О конкурсе..., 1935]. Символично, что в этом районе находились сразу три Кирова — бюст на фасаде общежития и статуя у горного корпуса (они размещались почти по диагонали квартала), а также памятник в начале пр. Кирова.

В 1937–1939 гг. возводится общежитие ТГУ №2 (пр. Ленина, 68) — характерный пример завершающей стадии постконструктивизма. Расположенное на возвышенности, оно по сей день остается вертикальным акцентом этой части проспекта. Проект был выполнен в томском филиале треста «Запсибпроект» архитекторами Е.К. Ковалевским, Боковым, Вайло и др. [ГАТО. Ф. Р-1159. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–18]. Композиция четырехэтажного здания симметрична, выдвинутые на красную линию улицы боковые крылья и отодвинутый вглубь центральный объем образуют небольшой курдонер (ил. 4). Стилизованные сандрики, обрамления окон, карнизы и аттик тактично увязывают здание с окружающей дореволюционной застройкой. В оформлении встречаются и элементы стиля «ар деко». Подобный декор имеют жилые дома в Омске (ул. Красный Путь, 79) и Новосибирске (дом Крайплана), также построенные во второй половине 1930-х гг.

Подводя итоги, можно заключить, что архитектура советского авангарда в Томске представлена двумя направлениями — конструктивизмом и постконструктивизмом. Как уже упоминалось выше, конструктивизм появился в застройке города достаточно поздно, только в начале 1930-х гг. Особенность архитектурного наследия эпохи авангарда в Томске состоит в том, что наиболее значимыми объектами являются общежития и учебные корпуса вузов (ТГУ, индустриального, мукомольно-элеваторного, медицинского институтов и др.). Строительство этих зда-

ний в 1930-е гг. укрепляло статус Томска как одного из важнейших научно-образовательных центров страны.

Архитектура советского авангарда в Томске не особенно заметна на фоне более известной дореволюционной застройки, но необходимо помнить, что конструктивистские и постконструктивистские здания также представляют собой немаловажную часть историко-культурного наследия города. Это актуально в связи с проблемой сохранения и восстановления памятников архитектуры. Из семи сохранившихся зданий, которые рассмотрены в данной статье, лишь одно (8-й корпус ТПУ) имеет статус выявленного объекта культурного наследия. Остальные в большинстве своем находятся в плачевном состоянии.

Список литературы

1. Алексеев Борис Алексеевич // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». — URL: <http://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/alekseev-boris-alekseevich/> (дата обращения: 20.04.2019).
2. Архитектор Кресadlo безграмотно составляет чертежи // Красное знамя. — 1932. — 2 авг.
3. В Томске строится фабрика-кухня // Красное знамя. — 1930. — 2 окт.
4. Ветров Г. Постройка фабрики-кухни закончена // Красное знамя. — 1930. — 2 нояб.
5. Горкомхоз вместо дома-коммуны строит скопище кухонь // Красное знамя. — 1930. — 2 авг.
6. Ежегодник МАО. — 1928. — №5. — 140 с.
7. Залесов В.Г. Соляная площадь // Томская старина. — 1992. — №3 (5). — С. 6–7.
8. Из истории земли Томской. 1930–1933. Народ и власть. — Томск, Новосибирск: Наука, 2001. — 447 с.
9. Коммунальный дом будет отвечать требованиям нового быта // Красное знамя. — 1930. — 12 апр.
10. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 488 с.
11. Лужной И. Фабрика-кухня на положении безработного // Красное знамя. — 1934. — 29 мая.
12. На строительстве общежития института технологии зерна и муки // Красное знамя. — 1936. — 23 июля.
13. Нам нужны не отдельные, мещанские квартиры, а дома-коммуны // Красное знамя. — 1930. — 21 марта.
14. О конкурсе на составление эскизов архитектурно-художественного оформления проспекта имени С.М. Кирова, площадей: Революции, Базарной и района Белого озера // Красное знамя. — 1935. — 9 марта.
15. Общежитие для студентов мединститута // Красное знамя. — 1936. — 10 апр.
16. Попов А.И. Томск. — М.: Госстройиздат, 1959. — 132 с.
17. Постройка большого дома для железнодорожников // Красное знамя. — 1929. — 27 дек.
18. Состоялась закладка дома железнодорожников // Красное знамя. — 1930. — 6 мая.
19. СТИ переходит в ведение ВСНХ // Красное знамя. — 1930. — 14 февр.
20. Угол Буткеевской и Советской — под бдительный пролетарский контроль // Красное знамя.

— 1930. — 31 июля.

21. Фукс М. Томский ЦРК готовится к 8 марта // Красное знамя. — 1930. — 7 марта.

22. Шеляков В. Общежития ТГУ // Томский государственный университет им. В.В. Куйбышева. — Томск: Красное знамя, 1937. — С. 116–117.

References

1. Alekseev Boris Alekseevich. Memorial'nyj muzej «Sledstvennaya tyur'ma NKVD». URL: <http://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/alekseev-boris-alekseevich> (retrieved: 20.04.2019) (in Russ.).

2. Arhitektor Kresadlo bezgramotno sostavlyaet chertezhi. *Krasnoe znamya*, 1932, Aug. 2 (in Russ.).

3. V Tomske stroitsya fabrika-kuhnya. *Krasnoe znamya*, 1930, Oct. 2 (in Russ.).

4. Vetrov G. Postrojka fabriki-kuhni zakonchena. *Krasnoe znamya*, 1930, Nov. 2 (in Russ.).

5. Fuks M. Tomskij CRK gotovitsya k 8 marta. *Krasnoe znamya*, 1930, March 7 (in Russ.).

6. Gorkomhoz vmesto doma-kommuny stroit skopishche kuhon'. *Krasnoe znamya*, 1930, Aug. 2 (in Russ.).

7. Ezhegodnik MAO. 1928, No. 5, 140 p. (in Russ.).

8. Iz istorii zemli Tomskoj. 1930–1933. Narod i vlast'. Tomsk, Novosibirsk: Nauka, 2001, 447 p. (in Russ.).

9. Kommunal'nyj dom budet otvechat' trebovaniyam novogo byta. *Krasnoe znamya*, 1930, Apr. 12 (in Russ.).

10. Lebina N.B. Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu. 2nd edition. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 488 p. (in Russ.).

11. Luzhnoj I. Fabrika-kuhnya na polozhenii bezrabortnogo. *Krasnoe znamya*, 1934, May 29 (in Russ.).

12. Na stroitel'stve obshchezhitija instituta tekhnologii zerna i muki. *Krasnoe znamya*, 1936, July 23 (in Russ.).

13. Nam nuzhny ne otdel'nye, meshchanskie kvartirki, a doma-kommuny. *Krasnoe znamya*, 1930, March 21 (in Russ.).

14. O konkurse na sostavlenie eskizov arhitekturno-hudozhestvennogo oformleniya prospekta imeni S.M.

Kirova, ploshchadej: Revolyucii, Bazarnoj i rajona Belogo ozera. *Krasnoe znamya*, 1935, March 9 (in Russ.).

15. Obshchezhitie dlya studentov medinstituta. *Krasnoe znamya*, 1936, Apr. 10 (in Russ.).

16. Popov A.I. Tomsk. Moscow: Gosstrojizdat, 1959, 132 p.

17. Postrojka bol'shogo doma dlya zheleznodorozhnikov. *Krasnoe znamya*, 1929, Dec. 27 (in Russ.).

18. Sostoyalas' zakladka domazheleznodorozhnikov. *Krasnoe znamya*, 1930, May 6 (in Russ.).

19. STI perekhodit v vedenie VSNH. *Krasnoe znamya*, 1930, Feb. 14 (in Russ.).

20. Ugol Butkeevskoj i Sovetskoj – pod bditel'nyj proletarskij kontrol'. *Krasnoe znamya*, 1930, July 31 (in Russ.).

21. Shelyakov V. Obshchezhitija TGU. Tomskij gosudarstvennyj universitet im. V.V. Kujbysheva. Tomsk: *Krasnoe znamya*, 1937, pp. 116–117 (in Russ.).

22. Zalesov V.G. Solyanaya ploshchad'. *Tomskaya starina*, 1992. No. 3 (5), pp. 6–7 (in Russ.).

Список источников

1. ГАТО. Ф. Р-1159. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАТО. Ф. Р-1159. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАТО. Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 109.
4. ГАТО. Ф. Р-174. Оп. 1. Д. 158.
5. ГАТО. Ф. Р-435. Оп. 1. Д. 517.

Список сокращений

Горкомхоз — Отдел коммунального хозяйства Томского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

МАО — Московское архитектурное общество.

ТГАСУ — Томский архитектурно-строительный университет.

ТПУ — Томский политехнический университет.

ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

АРХ.-ХУД. А. З. ГРИНБЕРГ.
„ДОМ КОММУНА“ В Г. КЛИНЦАХ.
1927.
A. Z. GRINBERG.
„KOMMUNALHAUS“ IN DER STADT KLINTZY.

1

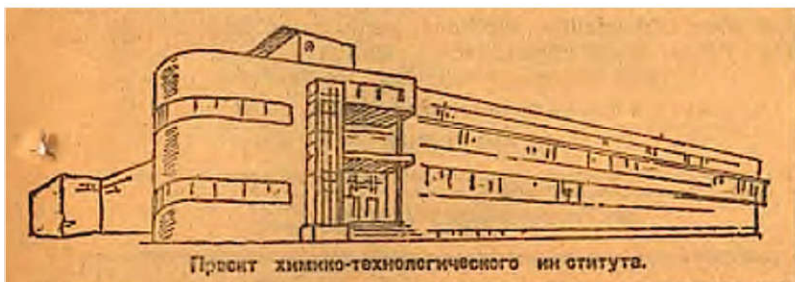

2

Ил. 1. 1 — проект дома-коммуны в Клинцах. 1927 г. Арх. А.З. Гринберг. Перспектива [Ежегодник МАО, 1928, с. 45];
2 — общежитие ТГУ №1 в Томске. 1930–1935 гг. Снимок 1930-х гг. Музей истории ТГУ.

Ил. 2. Комплекс мукомольно-элеваторного учебного комбината. 1932–1938 гг.
Арх. Ф.К. Кресadlo. Снимок автора, 2019 г.

1

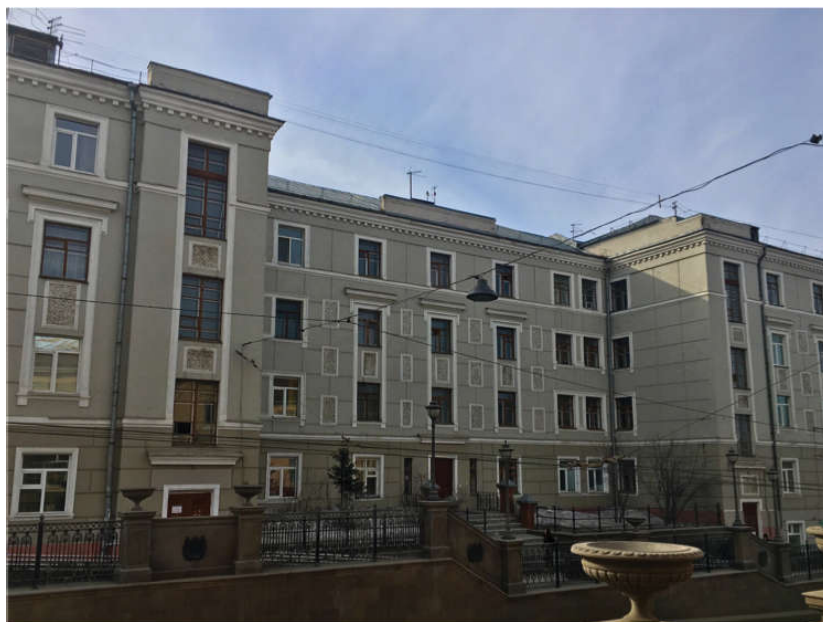

2

Ил. 3. 1 — проект здания Сибирского химико-технологического института. 1930 г. Перспектива [Угол Буткевской..., 1930]. Реализован объем по ул. Советской (на перспективе — справа); 2 — учебный корпус горного факультета индустриального института. Оформление фасадов — Б.А. Алексеев. Снимок конца 1930-х гг. [Алексеев Борис...]

1

2

Ил. 4. 1 — проект общежития ТГУ №2. 1937 г. Арх. Е.К. Ковалевский, Боков, Вайло и др. Главный фасад [ГАТО. Ф. Р-1159. Оп. 1. Д. 5. Л. 9]; 2 — реализованный проект. 1937–1939 гг. Снимок автора, 2019 г.

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10112
УДК 002.2(7.074+379.824)

И.П. Бедулина
Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева (г. Иркутск)
ipbedulina@mail.ru

**Владельческая коллекция архитектора города Иркутска
Бориса Михайловича Кербеля в редком фонде библиотеки
Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева**

Аннотация

В статье впервые проведено научное историко-книговедческое описание уникальной владельческой (личной) коллекции иркутского архитектора «Библиотека Бориса Михайловича Кербеля (1910—1992)». Научная новизна исследования и его актуальность заключается в отсутствии публикаций по данной проблеме. Рассматривая состав книжного собрания, автор акцентирует внимание на наиболее ценных изданиях, опубликованных в лучших дореволюционных и советских издательствах и отражающих высшие достижения в книгопечатании. Особое внимание уделено экземплярам книг, владельцами которых некогда были известные деятели культуры, искусства, науки. На основе проведенного анализа определена историко-культурная ценность коллекции. Изучение и популяризация библиофильской коллекции Б.М. Кербеля, прослужившего около 3-х десятков лет главным архитектором города Иркутска, одного из видных отечественных деятелей культуры, позволит пополнить копилку культурных ценностей Иркутской области.

Ключевые слова: Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева, библиотека, владельческая коллекция, Борис Михайлович Кербель, архитектор, книжный памятник

I.P. Bedulina
V.P. Sukachev Irkutsk Regional Art Museum (Irkutsk)
ipbedulina@mail.ru

**Ownership collection of Boris Mikhailovich Kerbel, Irkutsk architect, in a rare stock
of the V.P. Sukachev Irkutsk Regional Art Museum's library**

Abstract

The author carries out the first scientific historical and bibliological description of a unique personal collection owned by Boris Mikhailovich Kerbel (b. 1910, d. 1992), an Irkutsk architect. Scientific novelty of the study and its relevance is in the lack of publications on this issue. Considering the composition of the book collection, the author focuses on the most valuable publications published in the best pre-revolutionary and Soviet publishing houses, reflecting the highest achievements in typography. Particular attention is paid to copies of books whose owners were once famous figures of culture, art, and science. Based on the analysis, the historical and cultural value of the collection is determined. Study and popularization of the bibliophile collection of B.M. Kerbel, who served for about 3 decades as the chief architect of the city of Irkutsk and one of the prominent Russian cultural figures, will allow replenishing the treasury of cultural values of the Irkutsk region.

Key words: Irkutsk Regional Art Museum of V.P. Sukachev, library, owner's collection, Boris M. Kerbel, architect, book monument

Библиотека Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева — это богатейшее собрание печатных изданий по искусству: книг, альбомов, каталогов, журналов, а также рукописных книг. Объем фонда составляет около 25 тыс. экз., хронологические рамки охватывают период с конца XV по XXI вв. В музейном библиотечном фонде за почти 100-летнюю историю накопились собрания из личных библиотек знаменитых российских коллекционеров, библиофилов, меценатов, выдающихся деятелей культуры.

Работа с владельческими (личными) коллекциями проводится на основе современного российского законодательства в сфере библиотечного дела

— Федерального закона от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле» (статья 161 «Книжные памятники») [Федеральный закон, 2009, с. 7419–7421], приказа Министерства культуры РФ от 03.05.2011 г. № 429 «Об утверждении порядков отнесения документов к книжным памятникам, регистрации книжных памятников, ведения реестра книжных памятников» [Об утверждении, 2011]. В этих документах закреплены понятия «книжный памятник» и «книжный памятник — коллекция», даны их определения, утверждены критерии отнесения документов к книжным памятникам.

Книжные памятники — коллекции, являясь особой ценной частью национального библиотечного

фонда, представляют собой совокупности документов, приобретающих свойства книжного памятника только при их соединении вместе в силу своего происхождения, видового родства либо по иным признакам. В соответствии с социально-ценностным критерием отнесения коллекций к книжным памятникам выделено три вида, один из которых это «коллекции рукописных книг и/или экземпляров печатных изданий, сформированные выдающимися государственными или общественными деятелями, выдающимися деятелями науки и культуры» [Об утверждении, 2011].

В 1992 г. в Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева (ИОХМ им. В.П. Сукачева) поступила в качестве дара библиотека Бориса Михайловича Кербеля (1910–1992) — видного сибирского архитектора, главного архитектора (1944–1970) города Иркутска, члена Союза архитекторов СССР. Совладельцем книжного собрания была его супруга Ольга Григорьевна Иванова (1916–1990), известная спортсменка-волейболистка, стоявшая «у истоков иркутского женского волейбола», создатель и тренер иркутской женской команды «Спартак», мастер спорта (1946 г.), заслуженный тренер СССР (1964 г.), серебряный призер 30-го Чемпионата СССР по волейболу среди женщин в 1968 г. [Иркутск, 2006, с. 122] (ил. 1). Необходимо отметить, что часть книг и журналов по архитектуре (64 экз. за 1888–1985 гг.) сегодня хранится в Музее архитектуры города Иркутска, открытом в 2005 г. [Гордеева, 2006].

В библиотеке художественного музея была сформирована владельческая (личная) коллекция «Библиотека Бориса Михайловича Кербеля (1910–1992)», объем которой составляет около 700 экз. печатных изданий за 1854–1985 гг. По тематике предпочтению отдано изданиям по культуре и искусству, а также художественной литературе. Часть собрания составляют книги на иностранных языках. Видовой состав — печатные книги, альбомы, журналы. Библиотека систематизирована и имеет несколько разделов: справочные издания, история культуры, изобразительное искусство, книжная графика, художественная литература, иностранная литература, периодическая печать.

Автор статьи впервые делает попытку научного историко-книговедческого исследования владельческой коллекции Б.М. Кербеля, которое заключается в описании ее состава с целью установления степени ценности собрания, его места в истории и культуре Прибайкалья и Сибири. Изучение библиотеки раскрывает собирательские пристрастия, увлечения, интересы одного из ведущих иркутских архитекторов, обогащает его творческий портрет. Кроме того, ввод в научный оборот ценного библиофильского собрания, его популяризация способствует реализации принципа мемориальности. Всем этим определяются актуальность и новизна рассматриваемой темы.

Свидетельством трепетного отношения коллекционера к своей библиотеке являются несколько вариантов владельческого знака — экслибриса, который менялся на протяжении многих десятилетий. Вероятно, на начальном этапе формирования своей библиотеки из-за отсутствия печатного экслибриса владелец оставлял на приобретенных книгах владельческие надписи, выполненные чернилами фиолетового, синего или красного цветов. Очевидно, по

окончании Томского технологического института и получении специальности инженера появился штемпель (шрифтовой) без рамки, на котором значилось: «ИНЖЕНЕР/Борис Михайлович/Кербель» (оттиск, штемпельная краска черного цвета).

На первом, судя по надписи, гравированном книжном знаке вписана только одна фамилия коллекционера. Экслибрис, представляет собой бумажный ярлык из пожелтевшей тонкой бумаги прямоугольной формы размером 52x45 мм. Изображение — гравюра на металле, одноцветная, размером 43x35 мм. Композиция представляет собой двойную прямоугольную фигурную рамку, стилизованную под фрагмент архитектурно-строительного плана, внутри которой между тремя горизонтальными линиями помещены — на второй слово «КНИГИ», обрамленное ромбами, на третьей — «КЕРБЕЛЬ», ниже — «№». Под ними расположены две закрытые книги. Бумажный ярлык наклеен в верхнем левом углу форзаца (ил. 2). С нашей точки зрения, описанный книжный знак был произведен в 1930-е гг., когда Кербель еще не был женат. После 1940 г. он, соединив свою жизнь с Ольгой Григорьевной, внес на всех последующих владельческих знаках имя супруги.

Весьма любопытны два варианта экслибриса с одним сюжетом. Перед нами оригинальное произведение графического искусства: в прямоугольной рамке слева от центра расположились два рядом стоящих мака, разрывающих ключую проволоку, один отрывок которой тугим завитком взмывает вверх, а внизу, у подножия цветов, другой отрывок причудливо заплетается в надпись «Ex libris». Справа от маков художник изобразил раскрытую книгу и над ней уже две фамилии, начертанные колючим шрифтом вертикально: «КЕРБЕЛЬ Б.М. / ИВАНОВА О.Г.» (размеры 55x40 мм.). Первый вариант — гравюра на металле, оттиск на бумажном ярлыке (цинкография, рисунок черной линией на белом фоне) (ил. 3). Второй — фотография на глянцевой либо матовой бумаге, где изображение нанесено белой линией на черном фоне.

Значительная часть книг имеет прямоугольный штемпель (шрифтовой) в рамке, со словом «БИБЛИОТЕКА», расположенном слева, вертикально. Из слова выходят горизонтально две фамилии: сверху от первой буквы «И» — «Ивановой О. Г.», внизу от буквы «К» — Кербель Б. М.» (размеры 36x35 мм.).

О библиотеке Б.М. Кербеля не удалось найти публикаций, чего не скажешь о самом владельце. Из имеющихся печатных и электронных изданий узнаем, что, будучи уроженцем Иркутска, выходцем из семьи типографского рабочего, Борис Кербель в 1930 г. закончил архитектурное отделение Томского технологического института (позже Сибирский строительный институт), получив диплом инженера-архитектора. После стажировки в проектно-институте «Гипрогор» (Москва) молодой архитектор в 1933 г. возвратился в Иркутск, где работал во вновь открытом филиале Московского проектного института «ВостСибпроект». Он принимал активное участие в организации Отделения Союза советских архитекторов Восточной Сибири (образовано в 1935 г.), был делегатом от архитекторов Восточной Сибири на Первом и Втором съездах Союза советских архитекторов, где был избран в состав центрального правления Союза. В 1944 г. Бориса Михайловича назначили начальником отдела по делам строительства и

архитектуры Иркутского облисполкома, он прослужил в этой должности 26 лет [Иркутск, 2006, с. 170; Иркутские архитекторы, 2011, с. 7–8].

Под руководством Кербеля, которого называли «великим архитектором», «легендарной личностью», был преобразован центр Иркутска, построены целые предместья на окраинах, обновлены генеральные планы других городов области. Талантливый архитектор проектировал и строил поликлиники, кинотеатры, санатории, жилые дома, ставшие «неотъемлемой частью улиц и площадей обновленного Иркутска» [Ляпин, 2009, с. 161]. Так, привлекает внимание своей изысканностью и стильностью архитектуры одно из творений Б.М. Кербеля, жилой дом в центре города (Богдана Хмельницкого, 1), построенный в 1947 г. в стиле так называемого «сталинского ампира». Дом отличается помпезностью, обилием декоративной лепнины, наличием портика с фронтоном и колоннадой. Здание сохраняет традиции градостроительства конца XIX — начала XX вв., не выпадает «из характера сложившейся застройки...», а формирует «достаточно своеобразный и целостный облик» улицы. [Оглы, 1982, с. 77, 81].

Мемориальные доски на знаменитом доме с колонами увековечивают память прославленных литературных деятелей нашей страны — Константина Федоровича Седых (1908–1979), Елены Викторовны Жилкиной (1902–1997) и Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского (1903–1958) [Путешествие, 1985, с. 26]. И Б.М. Кербель вместе с О.Г. Ивановой жил в своем архитектурном шедевре с 1950 г. до конца своих дней. В 2010 г. была установлена мемориальная доска в честь супругов.

Б.М. Кербель был страстным коллекционером. Кроме увлечения филателией, он был азартным библиофилом. Не выносивший небрежности ни в чем, архитектор формировал свою библиотеку исключительно книгами, отражающими высшие достижения в книгоиздании, иллюстрированными выдающимися русскими и советскими художниками и графиками: И. Билибиным, В. Васнецовым, Н. Кузьминым, Б. Дехтеревым, Ю. Коровиным, Е. Кибриком, Г. Нарбутом, В. Фаворским, КУКРЫНИКСами, А. Пахомовой и др. Кербель приобретал книги лучших дореволюционных и советских издательств — «Товарищество А.Ф. Маркс», «И. Кнебель», «Товарищество М.О. Вольф», «Товарищество И.Д. Сытина», «ACADEMIA», «Детгиз», «Аврора», «Художник РСФСР», «Искусство» и др.

Предварительный анализ позволяет сделать вывод, что будущий архитектор начал собирать библиотеку будучи еще подростком. Об этом говорит ранняя владельческая надпись Бориса, сделанная в апреле 1924 г., когда ему не исполнилось и 14 лет, на обороте фронтисписа первого тома сочинений Н.В. Гоголя (1893, Тов-во А.Ф. Маркс)³⁵. Начиная коллекционер написал витиеватым почерком: «Книга принадлежит Борису Кербель. 20/IV 1924 года» (ил. 4). Зарождающийся в мальчишке художественный вкус не мог оставить незамеченными три ярких тома в празд-

ничном красном цельноколенкоровом издательском переплете с тисненым золотом портретом Н.В. Гоголя в многослойной парадной рамке с растительным орнаментом, декорированным золотым, цветным и конгревным тиснением и мраморным обрезами.

Нас привлекла весьма любопытная деталь. Все три книги снабжены издательскими декоративно-орнаментальными форзацами. Левая сторона — типографский экслибрис со сложным тематическим рисунком. На правой стороне наклеены наградные свидетельства от 1893 г. Кавецкой Варваре, воспитаннице 1-го класса Каменец-Подольской Мариинской женской гимназии «за отличные успехи в науках и примерное благонравие», подписанные начальником гимназии и заверенные гербовой печатью. В третьем томе Кербель черными чернилами «подправил» документ, изменив имя на «Борис Кербель», «женской» на «мужской», «ученице» на «ученику», исправил год с 1893 на 1918. А слева, в экслибрисе вписал карандашом свои инициалы и фамилию. Борис Михайлович был человеком с хорошим чувством юмора.

Истинными жемчужинами в собрании архитектора являются два французских фолианта, которые украсят любую коллекцию. Роскошные подарочные издания знаменитой французской фирмы Ашетт (Hachette), редкие прижизненные экземпляры, обладающие признаками книжных памятников. Обе книги облачены в роскошные издательские цельнокожаные переплеты, крышки и корешки которых украшены конгревным, блинтовым и золотым тиснением. Фаски на крышках и бинты на корешках переплетов также указывают на высокий стиль переплетного мастерства. Завершает картину внешнего великолепия книг трехсторонний золотой обрез.

Автор первой книги Франсуа-Эмиль Мишель (1828–1909)³⁶ — французский художник и историк искусства — кроме создания картин занимался публикациями о фламандских и голландских живописцах. В 1893 г. в издательстве Ашетт была выпущена небольшим тиражом его монография о великом голландском художнике, представителе золотого века голландской живописи Рембранте Харменс ван Рейне (1606–1669).

Вторая книга вышла из-под пера французского историка искусства, специализировавшегося по Итальянскому Возрождению, Эжена Мюнца (1845–1902)³⁷, в которой автор, опираясь на документальное наследие Леонардо да Винчи (1452–1519), впервые внимательно и подробно изучил и описал его склад ума, характерные черты, особенности мировоззрения. Критики высоко оценили фундаментальный труд Мюнца, который был переведен на евро-

³⁶ Michel Emile. Rembrandt: sa vie, son oeuvre et son temps / E. Michel. — [S. l.]: Librairie Hachette et C-ie, 1893. — 632 p. Ouvrage contenant 343 reproductions directes d'après les OEuvres du Maître. (Мишель Франсуа-Эмиль. Рембрандт. Его жизнь, его творчество и его время. — Париж: Ашетт, 1893. — 632 с.)

³⁷ Muntz Eugene. Leonard de Vinci: l'Artiste, le Penseur, le Savant / E. Muntz. — [S. l.]: Librairie Hachette et C-ie, 1899. — 553 p. Ouvrage contenant 238 reproductions dans le texte 20 planches en taille-duce et 28 planches en couleurs ou en noir d'après les OEuvres du Maître. (Евгений (Эжен) Мюнц. Леонардо да Винчи. Художник, философ, ученый, 1899. — Париж: Ашетт, 1899. — 554 с., 48 л. ил.)

³⁵ Гоголь Н.В. Сочинения Н.В. Гоголя / Ред. [и предисл.] Н.С. Тихонравова; С 2 портр. Гоголя, грав. на стали Ф.А. Брокгаузом в Лейпциге, 2 автогр. и 3 собственноруч. рис. Т. 1-5. — 11-е изд. — Санкт-Петербург: А.Ф. Маркс, 1893. — Т. 1. XII, 488 с., 1 л. портр.; Т. 2. [4], 592 с.; Т. 3. [4], 584 с., 3 л. факс.

пейские языки. Однако парижское издание 1899 г. было непревзойденным по полиграфическому и художественному исполнению.

Оба французских издания отличаются богатством и высоким качеством иллюстраций, как цветных, так и черно-белых, чем всегда славилось издательство Ашетт. Оно было создано в 1826 г. французским издателем Луи Кристофом Франсуа Ашеттом (1800–1864) с целью производства учебников для школ, позже выпускало классиков французской литературы (Вокзальная библиотека). Но мировую известность уже в XIX в. издательство приобрело, печатая роскошные подарочные издания — образцы книжного искусства.

Отлично сохранившиеся книжные раритеты, прибывшие в Россию из Парижа, до того как попасть в библиотеку Б.М. Кербеля находились во владении Калерии Александровны Козьминой (1872–1941)³⁸ [Горбунов, 2011]. Об этом свидетельствует шрифтовой экслибрис (штемпель), проставленный на обеих книгах.

Библиофильскую ценность коллекции иркутского архитектора дополняют отечественные книги, выпущенные в начале XX в. лучшими издательствами России. К ним относится уникальное издание главного произведения Николая Васильевича Гоголя (1809–1854) «Мертвые души»³⁹, осуществленное в 1901 г. петербургским издателем Адольфом Федоровичем Марксом (1838–1904) в своей новой типографии, оснащенной по последнему слову техники полиграфии.

Подарочный фолиант (формат in folio), ставший самым роскошным дореволюционным изданием творения Н.В. Гоголя, был приурочен А.Ф. Марксом к 60-летнему юбилею бессмертного произведения писателя. Книга готовилась к выпуску 5 лет. Издатель привлек к работе над ней самых знаменитых художников, создавших 10 гелиографур и 355 иллюстраций: Е.П. Самокиш-Судковскую, Н.С. Самокиша, В.А. Андреева, Н.Н. Бажина, Н.В. Пирогова, А.С. Афанасьева, В.И. Быстренина, М.М. Далькевича и др. Гелиографуры были изготовлены в Вене у Рихарда Паулуссена, автотипии — в Штутгарте у Августа Шулера. В издании использована бумага Товарищества Красносельской писчебумажной фабрики К.П. Печаткина. Шрифт был заказан в Акционерном обществе словолитни О.И. Леман в С.-Петербурге. Текст поэмы печатался в последней редакции видного академика Н.С. Тихонравова.

Внешнее облачение шедевра полиграфии столь же восхитительно: составной переплет из коленкора благородного бардового цвета (крышки) и коричневой кожи (корешок) украшен пейзажем Н.Н. Бажина и изображением несущейся тройки. Золотое

38 Козьмина К.А. (урожд. Яковлева). Родилась в Красноярске. Окончила Бестужевские курсы, историк, педагог, преподавательница женской гимназии в Иркутске, жена сибирского ученого-историка, этнографа, профессора Иркутского государственного университета и общественно-го деятеля Николая Николаевича Козьмина (1872–1938). Сотрудничала в газете «Восточное обозрение», журнале «Мир Божий».

39 Гоголь Н.В. Похождения Чичикова или Мертвые души: поэма / Н.В. Гоголь; Текст по посл. ред. акад. Н.С. Тихонравова; Худ. отдел выполнен под набл. П.П. Гнедича и М.М. Далькевича. — СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, [1900 (ценз.)]. — VIII, 572 с., [1] л. фронт. (портр.), [10] л. ил.

тиснение, фаски, а также двухсторонний торшонированный и односторонний золотой обреза, декоративно-орнаментальные форзац и нахзац завершают великолепие этого книжного памятника. На фронтисписе помещен портрет Н.В. Гоголя, гравированный на стали.

Шрифтовые экслибрисы указывают на то, что книга некогда принадлежала Николаю Павловичу Курбатову (1861–?)⁴⁰. Солидное и дорогое издание впоследствии заняло почетное место в библиотеке архитектора Кербеля.

Неменьший интерес представляют три тома шикарного издания «История русского искусства» Игоря Эммануиловича Грабаря (1871–1960)⁴¹, вышедшего в 1910–1913 гг. в типографии Иосифа Николаевича Кнебеля (1854–1926), первом в России специализированном издательстве по искусству.

В шеститомном фундаментальном труде приняли участие яркие представители культуры и науки России: художники А. Бенуа, И.Я. Билибин, А.М. Васнецов, барон фон Н.Н. Врангель, архитекторы Ф.Ф. Горностаев, С.П. Дягилев, В.А. Покровский, Н.К. Рерих, академики художественных искусств Н.П. Кондаков, С.К. Маковский, профессора архитектуры В.В. Суслов, В.К. Трутовский, архитекторы И.А. Фомин, А.В. Щусев, профессора Г.Г. Павлуцкий, А.И. Успенский, Б.В. Фармаковский, М.И. Ростовцев. Неслучайно это богато иллюстрированное издание до сих пор является наиболее основательным исследованием по русской живописи, архитектуре и скульптуре.

Учитывая высокий научный уровень, нельзя не сказать о внешнем художественном оформлении книг. Издательские составные переплеты (коленкор, кожа) светло-коричневого цвета украшены изысканным золотым тиснением и аппликациями (на корешке). Один экземпляр имеет трехсторонний золотой обреза, остальные два — мраморный. Считается, что «История русского искусства» является самым роскошным из выпущенных И. Кнебелем изданием и представляет сегодня большую художественную и историческую ценность.

Описанные тома изначально принадлежали одному из представителей авторского коллектива, видному ученому Михаилу Ивановичу Ростовцеву (1870–1952), оставившему в книгах свой рукописный автограф⁴². Следующим владельцем книг был Федор

40 Курбатов Н.П. — иркутский купец, гласный Иркутской городской думы (1906–1911; 1914–1917; 1919–1920 гг.). Член различных комиссий, решающих вопросы благоустройства города Иркутска, строительства, в том числе, моста через Ангару, приемке новостроек и прочее. Известен постройкой «курбатовской бани». См.: [Колмаков, 2003, с. 113].

41 История русского искусства / Игорь Грабарь; в обраб. отд. частей изд. приняли участие: А. Бенуа, И.Я. Билибин, А.М. Васнецов, Н.Н. Врангель [и др.]. — Москва: издание И. Кнебель, [1910–1913]; Т. 1: Архитектура. До-Петровская эпоха. — М.: Изд-во И. Кнебеля, [1910]. — [6], 508, [5] с.: ил.; 1 л. фронт.; Т. 2: Архитектура. До-Петровская эпоха. (Москва и Украина). — М.: Изд-во И. Кнебеля, [1911]. — 478, [2] с.: ил.; 1 л. фронт.; Т. 3: Архитектура. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. — М.: Изд-во И. Кнебеля, [1912]. — 584 с.; 1 л. фронт., 4 л. илл.

42 Ростовцев М.И. — русский историк античности, археолог, профессор Петербургского, Мадисонского (штат Висконсин, США) и Йельского университетов (Нью-Хейвене, США), действительный член Российской Академии наук

Федорович Верномудров (отец Федор) (1864–1938)⁴³[Колмаков, 2003, с. 775; Романов, 1994, с. 61, 70, 403], о чем говорят владельческая надпись и печатный экслибрис (бумажный ярлык).

Издатель И. Кнебель активно сотрудничал с художниками «Мира искусства», издавал детские книги, олицетворяющие изысканность подлинного искусства. Непреходящую ценность в коллекции Кербеля имеют два таких издания: русская сказка «Морозко» с рисунками Петра Семеновича Афанасьева (1866–1960)⁴⁴ и веселая история, сочиненная поэтом Василием Андреевичем Жуковским (1783–1852), иллюстрированная непревзойденным мастером книжной графики Георгием Ивановичем Нарбутом (1886–1920) «Как мыши кота хоронили»⁴⁵. Обе книжки одеты в цветные издательские обложки, иллюстрации воспроизведены в технике хромолитографии, представляют сегодня значительную редкость (ил. 5).

Объем нашего исследования не позволяет сделать всеобъемлющее описание коллекции Б.М. Кербеля. За рамками статьи осталось еще немало важных данных, указывающих на уникальность и ценность библиофильского собрания иркутского архитектора с признаками коллекции — книжного памятника регионального уровня, имеющего непреходящее значение для истории и культуры Приангарья.

Список литературы

1. Горбунов Юний Алексеевич. Писательницы России: материалы для библиографического словаря. Электронные тексты и коллекции. Свердловская областная универсальная научная библиотека им. В.Г. Белинского. [2011]. — URL: <http://book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov/sl-10.htm>, свободный (дата обращения: 14.04.2019).

2. Гордеева О. Спасибо ему за воздух // Пятница. — 2006. — 28 апр. — 5 мая (№ 16). — С. 15.

3. Иркутские архитекторы. — Иркутск: Репроцентр А 1, 2011. — 272 с.

4. Иркутск: энцикл. слов. — Иркутск: Агентство «Комсомольская правда — Байкал», 2006. — 368 с.

5. Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. — Иркутск: Отгиск, 2003. — 848 с.

6. Ляпин А.А. Кербель Борис Михайлович: 100 лет со дня рождения // Приангарье: годы, события, люди: календарь знаменат. и памят. дат Иркут. обл. на 2010 г. — Иркутск: изд. ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2009. — Вып. 43. — 161–163.

(1917 г.), член многих академий и научных обществ, почетный доктор ряда университетов мира. Из России уехал в 1918 г. Книги с автографом М.И. Ростовцева хранятся также в библиотеке Педагогического института Иркутского государственного университета.

⁴³ Верномудров Ф.Ф. — иркутский православный священник, гласный Иркутской городской думы (1902–1906, 1915–1917 гг.), председатель Братства во имя Святителя Иннокентия при Иркутском кафедральном соборе. С 1920 по 1925 гг. четырежды подвергался аресту. В 1937 г. арестован как «руководитель террористической группы». Расстрелян вместе с сыном Владимиром.

⁴⁴ Морозко: Сказка / Рис. П.С. Афанасьева. — Москва: И. Кнебель, [1909]. — 11 с.: цв. ил.

⁴⁵ Жуковский, Василий Андреевич. Как мыши кота хоронили / Соч. В. Жуковского; Рис. Г. Нарбут. — Москва: И. Кнебель, [1910]. — [11] с.: ил.

7. Об утверждении порядков отнесения документов к книжным памятникам, регистрации книжных памятников, ведения реестров книжных памятников: приказ Министерства культуры Российской Федерации от 3 мая 2011 г. № 429 // Российская газета. — 2011. — 22 авг.

8. Оглы Б.И. Иркутск: О планировке и архитектуре города. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1982. — 112 с.

9. Путешествие по улице Карла Маркса. — Иркутск: Ред.-изд. отд. Упрполиграфиздата, 1985. — 30 с.

10. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. — 560 с.

11. Федеральный закон № 119 от 03.06.2009 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “О библиотечном деле”» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 23. — С. 7419–7421.

References

1. Federal'nyj zakon No 119 ot 03.06.2009 g. «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “O bibliotechnom dele”». *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*, 2009, No 23, pp. 7419–7421. (in Russ.).

2. Gorbunov Junij Alekseevich. Pisatel'nicy Rossii: materialy dlja bibliograficheskogo slovarja. *Jelektronnye teksty i kolekcii. Sverdlovskaja oblastnaja universal'naja nauchnaja biblioteka im. V.G. Belinskogo*. [2011]. — URL: <http://book.uraic.ru.elib.authors.gorbunov/sl-10.htm>, svobodnyj (data obrashhenija: 14.04.2019). (in Russ.).

3. Gordeeva O. Spasibo emu za vozdukh. *Pyatnitsa*, 2006, 28 apr. — 5 maya (No 16), p. 15. (in Russ.).

4. Irkutskie arhitektory. *Irkutsk: Reprocentr A 1*, 2011, 272 p. (In Russ.).

5. *Irkutsk: e`nciklopedicheskij slovar`*. Irkutsk, 2006, 368 p. (in Russ.).

6. Kolmakov Ju.P. *Irkutskaja letopis' 1661–1940 gg.* Irkutsk, 2003, 848 p. (in Russ.).

7. Ljapin A.A. Kerbel' Boris Mihajlovich: 100 let so dnja rozhdenija. In *Priangar'e: gody, sobytija, ljudi: kalendar' znamenat. i pamjat. dat Irkut. obl. na 2010 g.* Irkutsk: Irkut. obl., Irkut. obl. gos. univers. nauch. b-ka im. I.I. Molchanova-Sibirskogo, 2009, Iss. 43, pp. 161–163. (in Russ.).

8. Ob utverzhenii porjadkov otnesenija dokumentov k knizhnym pamjatnikam, registracii knizhnyh pamjatnikov, vedenija reestrov knizhnyh pamjatnikov: prikaz Ministerstva kul'tury Rossijskoj Federacii ot 3 maja 2011 g. *Rossijskaja gazeta*, 2011, No. 429, 22 avg. (in Russ.).

9. Ogly B.I. *Irkutsk: O planirovke i arhitekture goroda.* Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982, 112 p. (in Russ.).

10. *Puteshestvie po ulice Karla Marksa.* sost. Kolmakov Ju.P. *Vseros. obshh. ohrany pamjatnikov ist. i kul't.* Red.-izd. отд. Uprpoligrafizdata. Irkutsk, 1985, 30 p. (in Russ.).

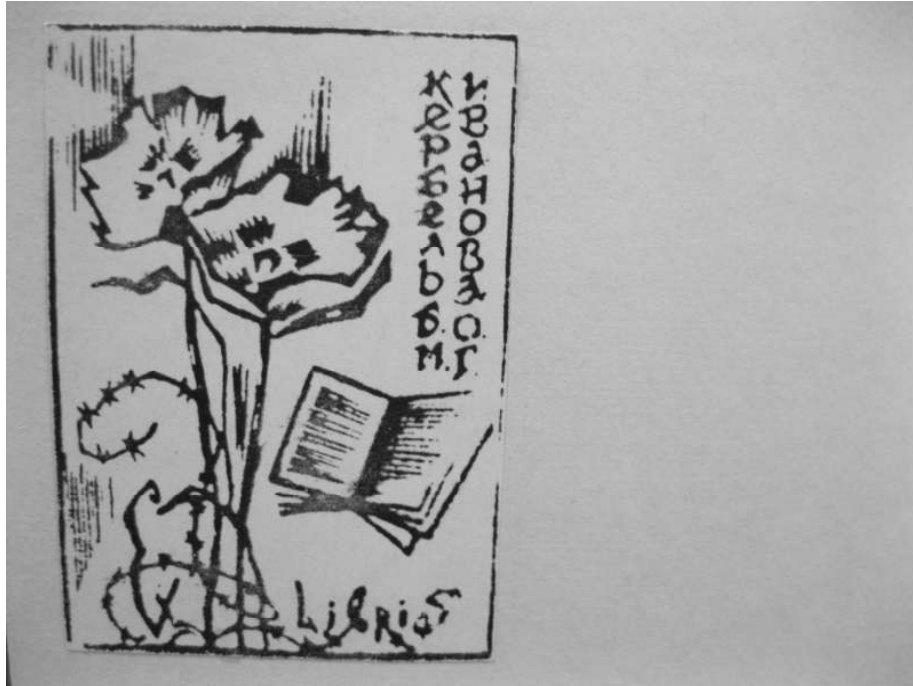
11. Romanov N.S. *Letopis' goroda Irkutsk za 1902–1924 gg.* Sost., predisl. i prim. N.V. Kulikauskene. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1994, 560 p. (in Russ.).

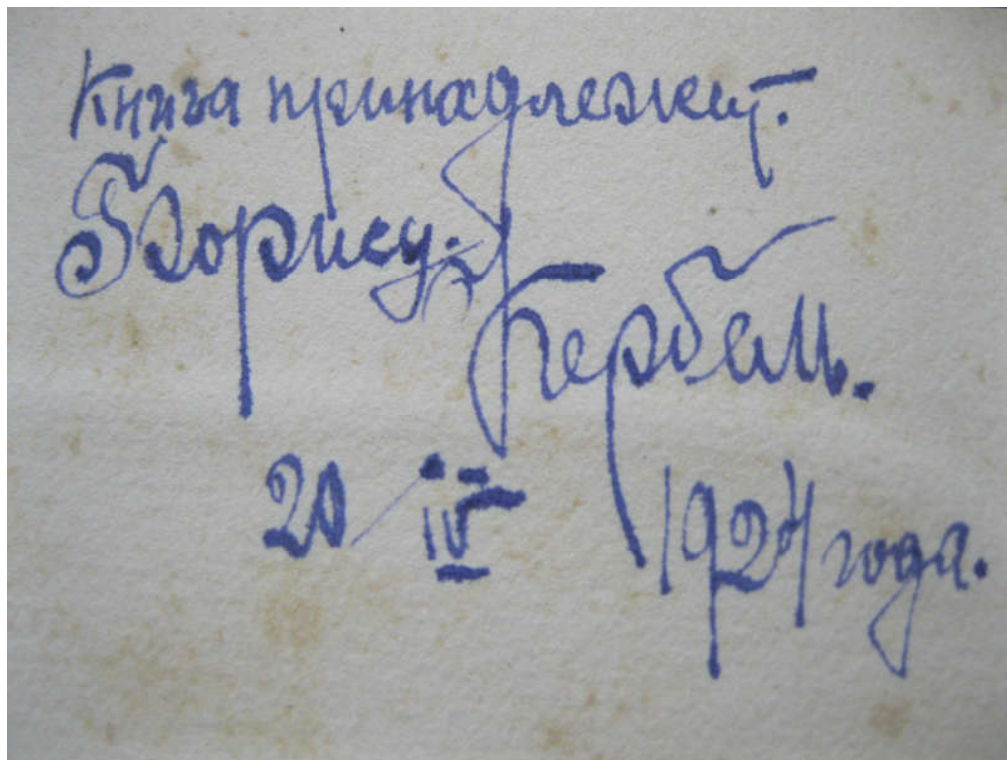
Ил. 1. Борис Михайлович Кербель и Ольга Григорьевна Иванова. Фонд Музея архитектуры Иркутской региональной организации «Союза архитекторов России»

Ил. 2. Эклибрис Бориса Михайловича Кербеля. Бумажный ярлык, прямоугольный, одноцветный (52x45), цинкография, 1930-е гг. Библиотечный фонд ИОХМ им. В.П. Сукачева. Снимок автора

Ил. 3. Эксилибрис Бориса Михайловича Кербеля. Бумажный ярлык, прямоугольный, одноцветный, сюжетный (55x40), цинкография, 1940-е гг. Библиотечный фонд ИОХМ им. В.П. Сукачева ИОХМ им. В.П. Сукачева. Снимок автора

Ил. 4. Владельческая надпись, чернила (синие). Библиотечный фонд ИОХМ им. В.П. Сукачева ИОХМ им. В.П. Сукачева. Снимок автора

Ил. 5. Книги из коллекции иркутского архитектора «Библиотека Бориса Михайловича Кербеля (1910–1992)». Библиотечный фонд ИОХМ им. В.П. Сукачева ИОХМ. Снимок автора

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10113
УДК: 728

В.А. Ворожейкина¹, Н.П. Журин
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
¹saalha@mail.ru

Владимир Александрович Ефимов — инженер-конструктор новосибирского комбината №179 в военные годы (1941–1942 гг.)

Аннотация

Статья посвящена исследованию пребывания в Новосибирске в 1941–1942 гг. московского инженера-конструктора Владимира Александровича Ефимова, эвакуированного из Москвы. В.А. Ефимов был направлен на работу на комбинат №179 (бывший Сибкомбайн) в Новосибирском левобережье, где разрабатывал конструкцию боевых снарядов и проводил их испытания. Авторами выяснено, что Ефимов и другие инженеры завода жили в Новосибирске по адресу 2-й переулок Пархоменко, 5, в городке Сибкомбайна. Приводится история возникновения комплекса, его планировочное решение и оценивается современное состояние зданий. В сентябре 1942 г. В.А. Ефимов скоропостижно скончался и был похоронен на Кривошековском кладбище в районе бывшего села Бугры. Имя инженера увековечено на обелиске Славы новосибирцев, погибших в годы Отечественной войны.

Ключевые слова: Владимир Александрович Ефимов, соцгород, архитектура Новосибирска, завод Сибкомбайн, комбинат №179

V.A. Vorozheykina¹, N.P. Zhurin
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
¹saalha@mail.ru

Vladimir Alexandrovich Efimov — design engineer of Novosibirsk plant No. 179 in the war's years (1941–1942)

Abstract

The article deals with Vladimir Alexandrovich Efimov, an engineer from Moscow, being in Novosibirsk in 1941–1942. Efimov was evacuated from Moscow for working at the plant No. 179 (former Sibcombain) on the left bank of the river Ob, where he developed the design of warheads and tested them. The authors identified that Efimov and his colleagues stayed at an address of the 2nd Pereulok Parkhomenko, No 5 — a house in the complex of Sibcombain. The article gives a history of construction and planning concept of the complex and appraises its current condition. In September of 1942 V.A. Efimov suddenly died and was buried at the Krivoshchekovskoe Cemetery near former Bygry village. The engineer's name was set on the Obelisk of the Glory of Novosibirsk Citizens died in the period of the Great Patriotic War.

Keywords: Vladimir Aleksandrovich Efimov; socialistic city; architecture of Novosibirsk; Sibcombain; plant No. 179

В 1941 г. инженер-конструктор Владимир Александрович Ефимов был эвакуирован вместе с другими специалистами Московского научно-исследовательского института под кодовым названием «почтовый ящик 24» (название нами установлено не было) в Сибирь. Ефимов был определен на комбинат №179 (ныне ОАО «НПО «Сибсельмаш») в Новосибирске, стратегически важном производственном и научном центре Западной Сибири. Комбинат был построен в годы первых пятилеток на свободном месте на левом берегу Оби как крупнейший машиностроительный комплекс для производства сельскохозяйственной техники (Сибкомбайн). Однако с первых дней войны завод был переориентирован на выпуск боеприпасов. Здесь разрабатывались новые типы снарядов, мин, взрыватели, торпеды, авиационные бомбы. В.А. Ефимов с коллегами сразу включились

в процесс их проектирования, изготовления и испытаний. В частности, инженер-конструктор Ефимов принял участие в усовершенствовании снарядов для реактивной системы залпового огня — легендарной «Катюши», производство которых было в кратчайшие сроки организовано в Новосибирске. Испытания боеприпасов непрерывно проводились на полигоне станции Чик, находящейся поблизости от Новосибирска, на Транссибе. Инженеры предприятия выезжали на полигон, испытывая новые модификации снарядов различных типов и видов для различных климатических условий.

В.А. Ефимов с коллегами жил в одном из десяти корпусов городка Сибкомбайна (2-й переулок Пархоменко, 5), построенного в 1930-е гг. Соцгородок был решен в комплексе с промышленным предприятием в духе функциональных градостроительных идей эпо-

хи советского авангарда 1920-х — начала 1930-х гг. (ил. 1, 2). Комплекс проектировался как автономное жилое образование при заводе. Журнальная заметка 1931 г. сообщает: «Составление проекта нового социалистического города при Кузнецком металлургическом заводе поручено архитектору Эрнсту Маю. Для ознакомления с проектами социалистических городов Кузбасса, Новосибирска (на левом берегу Оби) и др. Эрнст Май совершил большую поездку по Сибири» [Бригада художников, 1931]. Сохранившиеся чертежи планировки Левобережья, выполненные бригадой архитекторов из объединения ВОПРА, подтверждают тот факт, что изначально идея соцгорода на территории Новосибирского Левобережья была более масштабной и соответствовала градостроительной концепции советского конструктивизма. Для жилья рабочих и инженерных кадров промышленного предприятия использовалась идея дома-коммуны, что подразумевало проектирование с жильем и общественных обслуживающих зон соцгорода. Однако в реальности были построены только десять домов строчной кирпичной застройки, запроектированные в стилистике минимализма 1920-х — начала 1930-х гг. В настоящее время эти дома относятся к Первому и Второму переулкам Пархоменко. Несмотря на то, что от масштабной идеи авангардного соцгорода отказались, этот микрорайон по сей день сохранил название «соцгородок» как материализованное небольшое воплощение гигантского замысла.

Прибывшие в первый год войны из Москвы квалифицированные рабочие расселялись во временных жилых строениях — бараках — и в малопригодном для жилья немногочисленном жилом фонде Новосибирского Левобережья. Кирпичные 4-х этажные корпуса соцгородка предназначались для инженеров и администрации заводского комплекса. В.А. Ефимов, будучи высококвалифицированным инженером-конструктором, жил в небольшой комнате жилого корпуса по адресу «Соцгородок, корпус 5, кв. 38», ныне Второго переулка Пархоменко, 5. Нумерация запроектированных жилых домов 1, 3, 5, 7 и 9 не менялась, что можно понять, сравнив проект 1932 г. (ил. 3) и современную карту города. То есть нумерация дома, в котором проживал В.А. Ефимов, осталась прежней с момента постройки; изменилось только название улицы (переулка).

Планировка обследованных жилых корпусов современных Первого и Второго переулков Пархоменко оказалась различной. Это связано с тем, что от идеи соцгорода отказались уже в процессе строительства. С.Н. Баландин пишет: «Подобного рода жилые комплексы и здания неквартирного типа оказались нежизнеспособными в условиях Новосибирска. Они не соответствовали ни социальному состоянию населения города, ни экономическому укладу жизни того времени, и перестраивались в ближайшие же годы в жилища квартирного типа, но, конечно, без удовлетворительных результатов» [Баландин, 1978, с. 99]. Дома №№ 8, 10, 12, 14, 16 в Первом переулке Пархоменко — одинаковые внешне и по внутренней планировке. В домах по два подъезда и 28 квартир, соответствие современной и первоначальной нумерации таково — 8-й дом был 6-м, 10-й — 8-м, 12-й — 10-м, 14-й — 12-м, 16-й — 14-м. Дома №1, 3 и 5 были построены одними из первых в непосредственной близости от дома культуры им. К. Цеткин, что

дает основание предполагать, что их внутренняя планировка и являлась изначальным проектом социалистического жилья. В этих домах, в том числе и в доме, где проживал В.А. Ефимов, было больше индивидуальных жилых помещений, чем в домах с более крупными по площади малометражными квартирами. В пятом корпусе — четыре этажа, 17 окон на каждом. По рассказам очевидцев, каждое окно относилось к комнате, где проживала в военные годы одна семья, но эта комната называлась в документах тех лет квартирой. Данный тип планировки жилого корпуса был выдержан в духе коллективного жилища с небольшими индивидуальными помещениями, эксплуатация которых предполагала развитую сеть бытового обслуживания, которая, естественно отсутствовала в предвоенные и военные годы.

Следует предположить, что В.А. Ефимов в период 1941—1942 гг. проживал в небольшой комнате, с минимальной меблировкой. Все подобные небольшие жилые помещения выходили в длинные коридоры, включавшие общий санузел, умывальник и прачечную, что сохранилось от предвоенной идеи организации коллективного жилища. По воспоминаниям бывшего директора музея проектного объединения «Луч» И.О. Пунцуль, во время войны во дворах домов находились хозяйственные строения, где в военные и послевоенные годы жители держали кур, коз, свиней, запасы топлива.

Каждое утро В.А. Ефимов пешком добирался до завода, где шла непрерывная круглосуточная работа по изготовлению военной продукции. Путь от места проживания до Комбината №179 был неблизким и занимал, по нашим подсчетам, около сорока минут. Ежедневно отправляясь на завод в суровых зимних условиях Сибири, подолгу находясь в малоотапливаемых помещениях, отведенных для проектной и производственной деятельности, проводя много времени на открытом всем ветрам Чикском полигоне, получая питание по жестким нормам самых тяжелых начальных лет войны, инженер-конструктор В.А. Ефимов простудился и тяжело заболел. 11 сентября 1942 г. в возрасте 36 лет он скончался. В.А. Ефимов был похоронен на Кривошековском кладбище в районе бывшего села Бугры неподалеку от побережья Оби (ил. 4). Вот уже давно нет села, отсутствует кладбище, ныне на этом месте стоят несколько корпусов Новосибирской областной больницы. Имя Владимира Александровича Ефимова справедливо увековечено на Обелиске Славы новосибирцев, погибших в годы Отечественной войны (ил. 5).

В ноябре 2018 г. в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств читал курс лекций по колористике Андрей Владимирович Ефимов, сын инженера Владимира Александровича Ефимова, профессор Московского архитектурного института, заведующий кафедрой дизайна архитектурной среды, автор научных трудов, проектировщик городской среды, дважды лауреат Государственной премии. Так А.В. Ефимову удалось лично познакомиться с местами, где провёл последние годы жизни его отец.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск: история градо-

строительства. 1893–1945 гг. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. — 135 с.

2. Бригада художников. — 1931. — №5–6.

3. Левобережье Новосибирска: Страницы истории. — Новосибирск: Сибирская горница, 1999. — 487 с.

4. Невзгодин И.В. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. — Новосибирск: ООО «Деал», 2013. — 320 с.

5. Сибиряки на фронтах Великой Отечественной войны. Вклад в победу тружеников тыла [Электронный ресурс]. — URL: <https://cont.ws/@hodanov/357094><https://cont.ws/@hodanov/357094>.

References

1. Balandin, S.N. *Novosibirsk: istorija gradostroitel'stva 1893–1945 gg.* Novosibirsk: Zapadno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978, 135 p. (in Russ.)

2. *Brigada hudozhnikov*, 1931, No. 5–6. (in Russ.)

3. *Levoberezh'je Novosibirska: Stranicy istorii.*

Novosibirsk: Sibirskaja gornica, 1999, 487 p. (in Russ.)

4. Nevzgodin I.V. *Konstruktivizm v arhitekture Novosibirska.* Novosibirsk: Deal, 2013, 320 p. (in Russ.)

5. *Sibirjaki na frontax Velikoj Otechestvennoj vojny`. Vklad v pobedu truzhenikov ty`la.* — URL: <https://cont.ws/@hodanov/357094><https://cont.ws/@hodanov/357094>. (in Russ.)

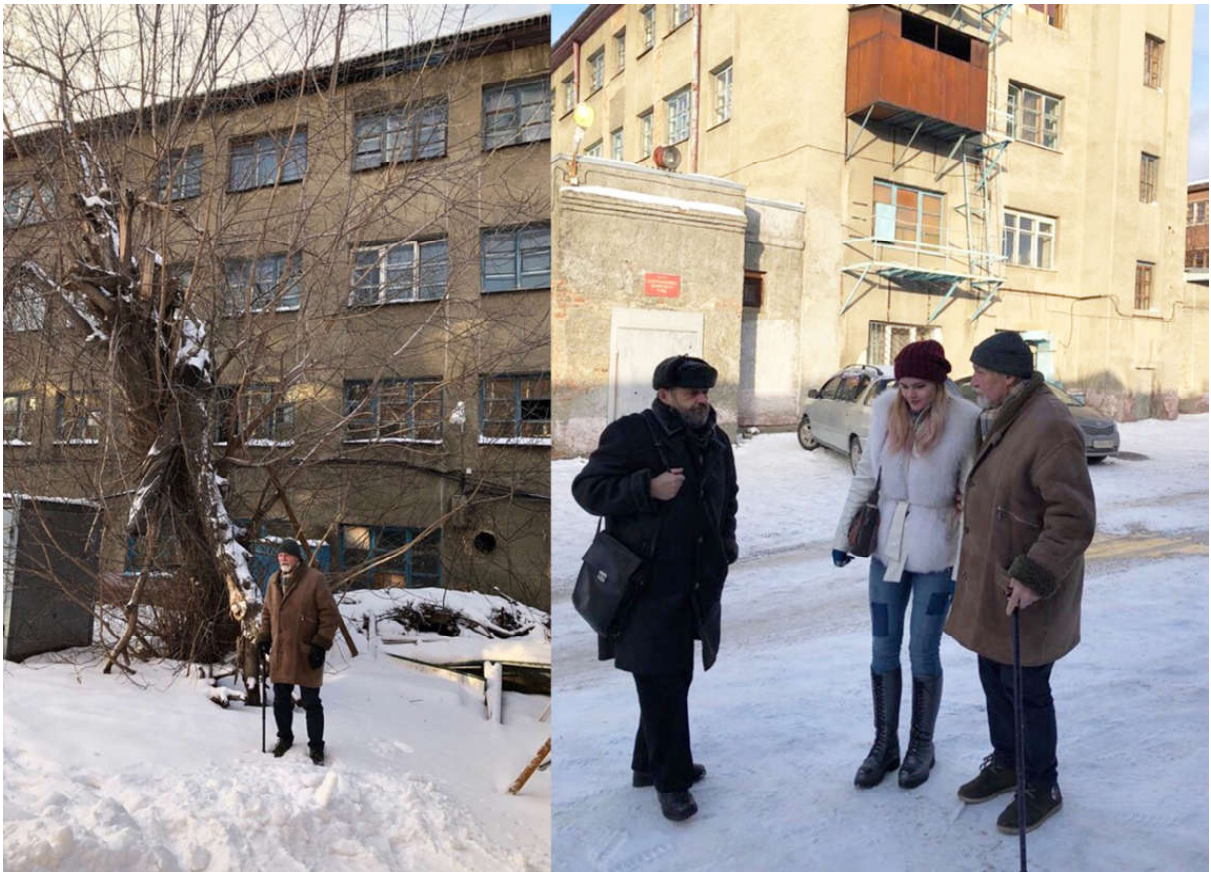
Список источников

МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ.

Список сокращений

ВОПРА — Всесоюзное объединение пролетарских архитекторов

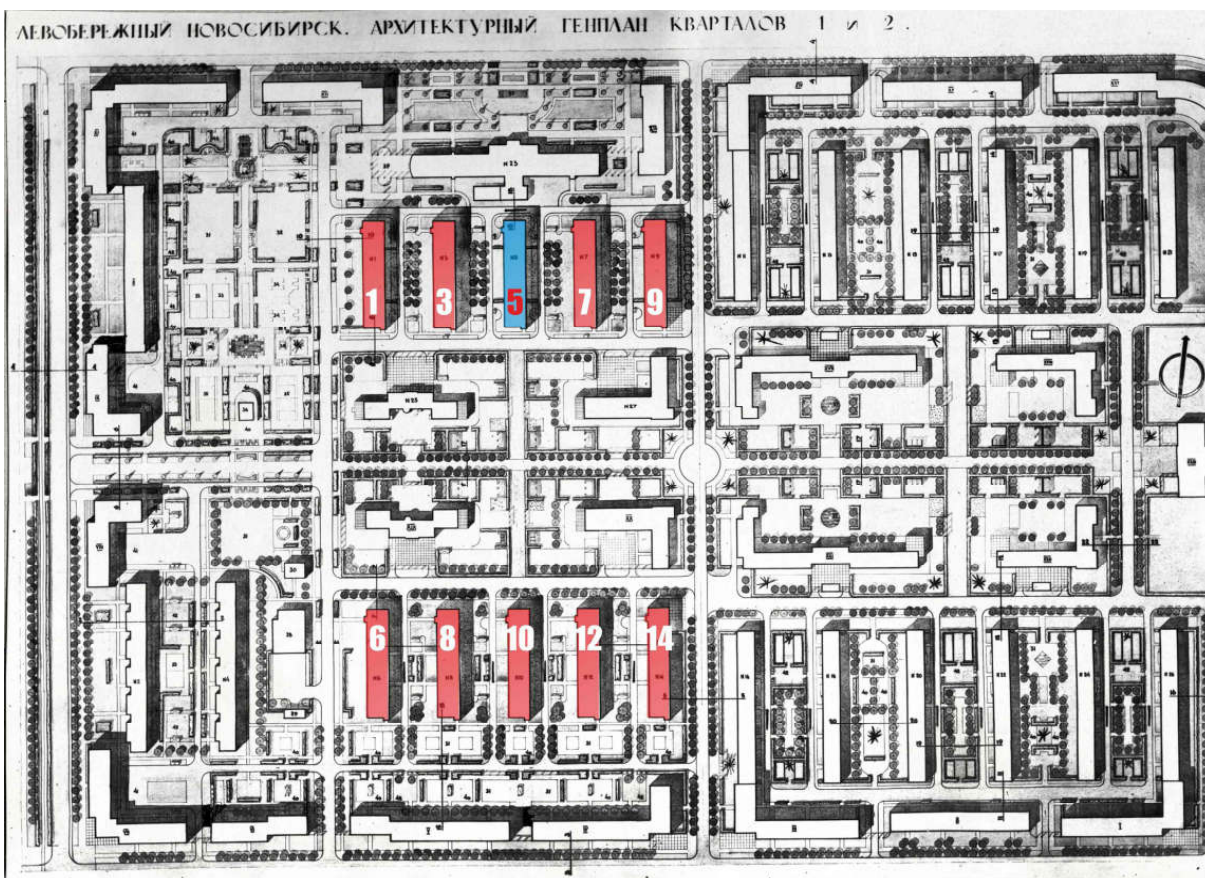
МАРХИ — Московский архитектурный институт (государственная академия)

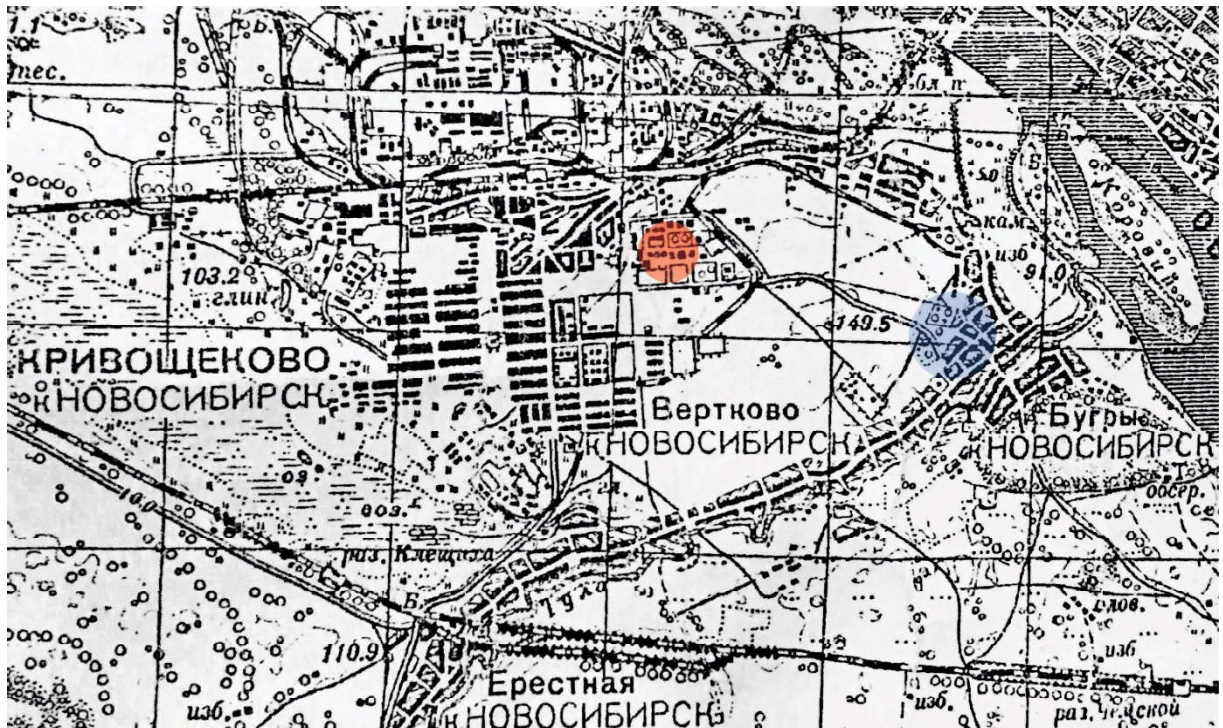
Ил. 1, слева: Андрей Ефимов, сын инженера-конструктора В.А. Ефимова, на фоне жилого корпуса Соцгородка в Новосибирске, в котором с 1941 по 1942 г. проживал его отец; справа: авторы статьи и А.В. Ефимов. 2018 г.

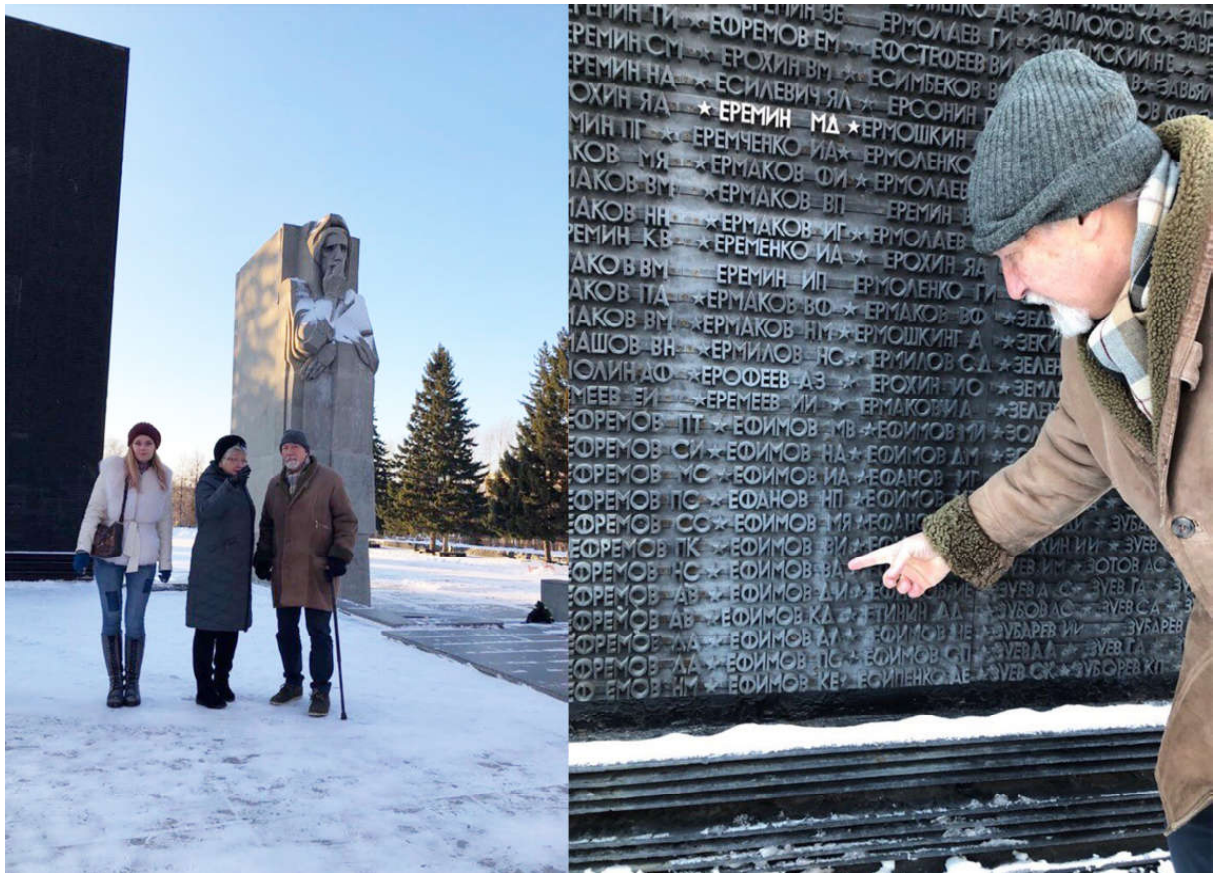
Ил. 2. Общий вид Соцгорода в Левобережье Новосибирска. На первом плане (слева направо) — корпуса 1, 3, 5. 1931 г. Альбом работ И.С. Моторина [<http://nsk-kraeved.ru/viewtopic.php?id=363>]

Ил. 3. Генеральный план Соцгорода Левобережья Новосибирска 1932 г. Фрагмент проекта детальной планировки жилых кварталов «Сибкомбайна» (синим цветом отмечен дом, в котором проживал В.А. Ефимов) [МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ]

Ил. 4. Выкопировка из плана Новосибирска 1939 г. Синим цветом отмечено место расположения кладбища, где в 1942 г. был похоронен В.А. Ефимов. Красным отмечен соцгородок. [МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ]

Ил. 5. А.В. Ефимов, И.О. Пунцель, В.А. Ворожейкина на Монументе Славы у скульптуры Скорбящей матери. Снимок 2018 г/

А.Е. Гашенко
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
antongashenko@yandex.ru

Эскизы инвентаризации новосибирского архитектурного авангарда

Аннотация

В статье приводятся результаты предварительной инвентаризации новосибирского авангарда. На основе авторской стилистической атрибуции объектов авангардной архитектуры составлен их систематизированный список, включающий как памятники архитектуры, так и потенциальные объекты наследия. В работе применялись методы систематизации литературных источников и данных натурных наблюдений, технологии геоинформационного анализа и картирования. Архитектурный авангард дифференцирован на смежные течения, среди которых самые значимые — конструктивизм и рационализм. Исследование проведено в пределах современной территории Новосибирска и включает здания, построенные в первой половине XX в. Выделено более 200 объектов архитектурного авангарда. Половина их локализуется в центральной части города, значительная часть — на левом берегу. Результаты исследования направлены на популяризацию авангардной архитектуры.

Ключевые слова: архитектурный авангард; конструктивизм; рационализм; советское ар-деко; Новосибирск

A.E. Gashenko
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
antongashenko@yandex.ru

Inventory original drawings of Novosibirsk avant-garde architecture

Abstract

The article deals with preliminary inventory results of the Novosibirsk avant-garde. Based on the author's stylistic attribution of avant-garde architectural objects, a systematic list of them was compiled. It includes both architectural monuments and potential heritage objects. The paper uses methods of literary sources systematization and field observation data, geoinformation analytical and mapping technologies. The architectural avant-garde is differentiated into connected directions. Constructivism and rationalism are the most significant ones among them. The study was conducted within the existing territory of Novosibirsk and includes houses built in the first half of the 20th century. More than 200 architectural avant-garde objects have been identified. Half of them are located in the central part of the city, considerable part of them — on the left bank of the river. The research results are aimed at popularization of the avant-garde architecture.

Key words: soviet avant-garde architecture; constructivism; rationalism; soviet art deco; Novosibirsk

Введение. В январе 2019 г. в Новосибирске снесли дом-коммуна «Рабочая пятилетка», один из ценных образцов конструктивизма. Для архитектурной общественности произошедшее было неожиданным: во-первых, снос был осуществлён в традициях, претендующих на городскую землю застройщиков — быстро и незаметно. Во-вторых, выяснилось, что дом-коммуна не значилась ни в перечне объектов культурного наследия (ОКН), ни в списках выявленных ОКН. Ранее, в конце 2018 г., аналогичную ситуацию удалось отчасти предотвратить. Начавшийся снос кинотеатра «Металлист» удалось остановить оперативной реакцией регионального управления по охране наследия, включившей здание в перечень выявленных объектов.

Оба здания — и «Пятилетка», и «Металлист» — были описаны лишь в научной и научно-публицистической литературе и не имели охранных статусов. И

если кинотеатр «Металлист» как культурно-исторический объект был в достаточной степени известен не только в профессиональной среде, но и среди обывателей, то дом-коммуна «Рабочая пятилетка» выглядел даже среди архитекторов «случайно найденным шедевром» — во многом благодаря своему сносу.

Этот прецедент в очередной раз обострил проблему выявления и сохранения объектов архитектурного авангарда и поставил вопрос о том, а сколько в Новосибирске вообще существует объектов этого направления? Где они дислоцируются? Какие объекты стоят на государственной охране, а какие не имеют охранного статуса? Поставленные проблемные вопросы послужили поводом к проведению инвентаризационного анализа объектов авангардной архитектуры, что и стало целью данной работы. Материалы и методы исследования. Поставлен-

ная цель требовала решения ряда задач: 1) определить объем понятия «новосибирский архитектурный авангард», 2) установить источники инвентаризационного анализа; 3) систематизировать объекты архитектурного авангарда и смежных с ним направлений в виде атрибутивной базы данных. Прагматический интерес в этом составляла необходимость учета авангардных объектов, не являющихся действительными или выявленными объектами наследия, что определило новизну исследования.

Первые две задачи выявили соответственно две методические проблемы.

Проблема стилистической идентификации уже рассматривалась в исследованиях автора [Гашенко, 2017, с. 13] как сложность выявления «чистого» объема понятия новосибирского архитектурного авангарда. Авторская его трактовка включала в состав несколько направлений и течений российской и советской архитектуры с начала XX в. до середины 1940-х гг., взаимосвязанных между собой и взаимопроницающих друг в друга (ил. 1). В данной статье мы ограничимся лишь их перечислением:

1. рациональный (рационалистический) модерн;
2. революционная романтика (романтический символизм);
3. конструктивизм;
4. рационализм;
5. постконструктивизм;
6. советское ар-деко;
7. неоклассика (частично).

Следует отметить, что последние три направления (нередко также и первые два) в некоторых трудах сводят к одному — советскому ар-деко. В нашей трактовке мы придерживаемся позиции более частной дифференциации. Также можно выделить два базовых направления — конструктивизм и рационализм, составляющих «ядро» советского авангарда в целом и новосибирского — в частности. Именно эти два направления не выходят за концептуальные пределы авангарда, имея свои идеологические «начала» и «конец» [Меерович, 2015, с. 79]. На иллюстрации 1 представлена схема объема рассматриваемого понятия.

Рассмотренная проблема стилистической атрибуции имеет сугубо научный характер и может быть разрешена только в рамках авторской интерпретации. С прагматических позиций структура архитектурного авангарда не так существенна, так как для выявления и сохранения наследия эти нюансы не имеют большого значения. Как уже неоднократно отмечалось, обывательское представление об объектах архитектурного авангарда сводит все к популяризованному термину «конструктивизм».

Проблема источников в самом общем виде заключается в отсутствии исчерпывающих сведений о количестве конкретных объектов авангарда, их наличии и местоположении в городе.

В исследовании выделено несколько категорий источников.

1. Списки (перечни) объектов культурного наследия (ОКН) — как действительных (стоящих на госохране), так и выявленных [Объекты...] — самый определенный источник информации, содержащий, по нашим оценкам, до 35% всех объектов авангарда. Однако, в силу описанной выше проблемы, учет этих списков затрудняется выделением в их составе

авангардной архитектуры.

2. Научные и околонаучные издания — статьи, монографии, книги — содержат (помимо указанных в перечнях ОКН) ещё около 30% интересующих нас объектов. Сложностью в их обработке являются авторские интерпретации стилистической принадлежности зданий. Историей и атрибуцией новосибирского авангарда в течение последних 30 лет занимались местные ученые, в том числе (на достаточно хорошем уровне) магистранты НГАХА-НГУАДИ.

И.В. Невзгодин и Е.Н. Блинов рассматривали общий контекст дореволюционной и советской архитектуры Новосибирска первой половины XX в., выделяя авангард как интернациональное явление и особенности его местной локализации [Невзгодин 2005, 2013; Блинов, 1993].

Е.В. Хиценко детально анализировал деятельность жилищно-строительных кооперативных товариществ Новосибирска — от деревянного барачного жилища до домов-коммун [Хиценко, 2006].

С.С. Духанов совместно с Н.П. Журиным рассматривали концептуальные различия конструктивизма, рационализма и других течений на примере рабочих клубов [Духанов 2006, 2011, 2017].

Н.П. Журин и К.В. Чернявский проводили специализированные исследования советского ар-деко [Журин, 2016, 2017, Чернявский, 2017а, 2017б].

Направление рационализма в Новосибирске исчерпывающе представлено в работах И.В. Добкина [2016а, 2016б, 2017а, 2017б, 2017в].

Таким образом, в публикациях авторов с разной степенью подробности и глубины отражены все рассмотренные направления авангарда, наиболее подробно — рационализм и советское ар-деко (по этим трудам можно составить почти конечные списки объектов). Остальные исследования носят характер обзоров творческих направлений, либо выборочно рассматривают отдельные здания или проекты и не ставят цель охватить весь их перечень.

Указания краеведов и «народных экспертов» служат хорошим подспорьем для идентификации «затерянных» или «неочевидных» объектов новосибирского авангарда. Такие списки (составленные совместными усилиями Т.Ю. Тайченачевой, Н.А. Миной и К.А. Голодяевым, а также А.М. Архиповой), опубликованные в социальных сетях, были проанализированы нами для верификации, сопоставления с данными официальных и научных источников и выявления ранее не рассматриваемых объектов (доля которых составила около 25%). В это число входят и объекты, выявленные автором на основе собственных наблюдений. При уточнении данных был использован краеведческий портал [Новосибирск в фотогазетах...]. Также использовались данные портала о наследии авангарда [The Constructivist Project...]. Материалы портала не везде имеют корректную привязку и уточнялись по более надежным источникам.

Материал, собранный на основе указанных источников, был структурирован в виде базы данных, содержащей сведения о местоположении объекта, его стилистической атрибуции, охранном статусе, датировке и авторстве. Не учитывались при инвентаризации здания, построенные по типовым проектам.

Результаты и обсуждение. В процессе инвентар-

ризации было выделено и рассмотрено 207 объектов «ядра» новосибирского авангарда и смежных направлений. Объекты были картированы в геоинформационной системе, в результате чего удалось наглядно визуализировать их локализацию (ил. 2, 3).

Выявлен ряд «ареалов» нахождения объектов исследования.

1. Центральная часть, в пределах которой сконцентрировано наибольшее количество объектов авангарда, в том числе 3 ансамбля (жилые комбинаты «Кузбассуголь», «Печатник» и жилой комплекс на привокзальной площади), включает все многообразие интерпретаций этого течения. Объекты авангарда задают, наряду со сталинскими и модернистскими объектами, «канву» архитектурной среды центральной части, а в особенности ее ядра — площади Ленина.

2. Закаменская часть отражает в большей степени индустриально-технологический контекст авангарда с дисперсно-локализованными зданиями, среди которых — конструктивистский химико-технологический техникум; уже практически незаметный в поглотившей его реконструкции и окружающей застройке рабочий клуб района; скрытый за забором аффинажного завода и потому недоступный крычковский сельскохозяйственный техникум в традициях рационального модерна и еще несколько зданий конструктивистской и постконструктивистской трактовки.

3. Левобережный соцгород включает в себя, во-первых, ряд домов строчной застройки завода «Сибкомбайн». Их можно поделить на три типа: 1) аутентичные четырехэтажные корпуса из нештукатуренного кирпича, 2) более примитивные (хоть и построенные годом ранее) трехэтажные дома и 3) преобразованные в постконструктивистской стилистике два дома первого типа. Особенностью локализации этих корпусов является их последующее включение в периметр зданий «культуры два» (по В. Паперному), представленной образцами советского ар-деко и сталинской неоклассики. Кроме этого, интерес представляют здание заводоуправления «Сибкомбайна», кинотеатр «Металлист», а также целостные группы застройки жилыми домами постконструктивистского характера по ул. Плеханова и Титова.

4. Соцгородки заводов «Сибмашстрой» и «Точмаш», в целом являющиеся селитебными образованиями второго поколения, содержат несколько объектов постконструктивистского периода. По ул. Республиканской — группа строчной застройки из 8-ми домов; спрятанные в глубине периметральной застройки советского ар-деко и неоклассики два характерных Г-образных дома рядом с ДК им. Калинина, и brutальное здание в стилистике советского ар-деко по ул. Промышленной.

5. Комплекс зданий краевой больницы в работе автора [Гашенко, 2017, с. 17] и других исследователей [Казусь, 2017, с. 118] атрибутировался как конструктивистский. Однако согласно специальным исследованиям [Добкин, 2016б, с. 143], его корректно отнести к рационализму. В пользу этого говорит тот факт, что авторство комплекса приписывается рационалисту А.З. Гринбергу. Совсем рядом, вдоль по улицам Дуся Ковальчук и Медкадры можно обнаружить здания в духе конструктивизма и ар-деко,

ранее относящиеся к комплексу института инженеров железнодорожного транспорта.

6. Жилая группа постконструктивистских домов, авторство которой приписывается Р. Волтерсу [Невзгодин, 2013, с. 30–31], дублирует приемы застройки и стилистической обработки фасадов аналогичных зданий поселка «Сибмашстрой».

Ряд объектов выходит за пределы обозначенных ареалов.

Результаты инвентаризации сведены в аналитическую таблицу и представлены в виде базы данных (табл. 2).

Кроме того, построена хроностилистическая диаграмма распределения архитектурного авангарда (ил. 4), показывающая, что только объекты конструктивизма имели «апогей» своего появления: их треть (а именно 35 зданий) были построены в 1932 г. Объекты остальных направлений, хоть и имеют выраженные периоды возникновения, но распределены по ним более равномерно. Это еще раз говорит об инерционности советской архитектуры первой половины XX в, взаимопроникновении различных направлений.

Выводы. В результате проведенного автором инвентаризации новосибирского авангарда выявлено по меньшей мере 207 объектов различных течений — как ядра авангарда (конструктивизм и рационализм) — 112 объектов, так и смежных направлений — рационального модерна, революционной романтики, советского ар-деко и постконструктивизма (табл. 1). Исследование не претендует на однозначную завершенность, поскольку имеется возможность выявления новых объектов авангарда. Зафиксирована сложность стилистической интерпретации, в особенности в сочетании постконструктивизма и ар-деко. Это связано с быстрыми темпами развития города и взаимопроникновением стилистических течений.

Исследование не ставило задачей оценку качества проявления «стилистической чистоты» и выраженности архитектурных течений в объектах авангарда, степени их сохранности от реконструктивного вмешательства, а также качества архитектуры в целом. В то же время такое различие очевидно и контрастно: выделяются как «шедевры», так и неприметные средовые объекты. Менее трети объектов стоит на государственной охране (из «ядра» авангарда — половина). В целях сохранения архитектурного наследия возможно проведение исследований, направленных на дифференциацию объектов новосибирского авангарда по указанным критериям и определяющих круг приоритетных объектов для постановки на государственную охрану. Результаты инвентаризации также могут быть полезны при разработке культурных проектов: путеводителей и карт новосибирского архитектурного авангарда.

Список литературы

1. Архитектор Борис Гордеев. «Жизнь, отданная городу». К 110-летию со дня рождения (1903–1943). — Новосибирск: Научно-произв. центр по сохран. историко-культурн. наследия Новосиб. обл.: Управл. по гос. охране культурного наследия Новосиб. обл., 2013. — 48 с.

2. Блинов Е.Н. Архитектурно-планировочное развитие индустриальных городов Сибири в годы пер-

вых пятилеток: дис. ... канд. архитектуры. — Новосибирск, 1993. — 185 с.

3. Гашенко А.Е. Новосибирский архитектурный авангард: вопрос стилистической дифференциации // Будущее памятников архитектуры конструктивизма: материалы научно-практической конференции. — Новосибирск: НГУАДИ, 2017. — С. 12–24.

4. Добкин И.В. Особенности архитектуры жилого дома РЖСКТ «Печатник» в Новосибирске (инж. Б.А. Коршунов, Д.Е. Бабенков, Р.А. Петерфреунд, Д.Е. Жилин, 1928 г.) // Региональные архитектурно-художественные школы. — 2016а. — № 1. — С. 409–414.

5. Добкин И.В. Творческая концепция АСНОВА-АРУ и ее реализация в архитектуре Новосибирска 1920-х — 1930-х гг. // Баландинские чтения: сборник научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГУАДИ. 2016б. — Т. 11. — № 1. — С. 277–280.

6. Добкин И.В. К вопросу изучения концепции АСНОВА-АРУ на материале Новосибирска // Региональные архитектурно-художественные школы. — 2017а. — № 1. — С. 142–147.

7. Добкин И.В. Творчество архитектора А.Н. Ширяева в Новосибирске // Региональные архитектурно-художественные школы. — 2017б. — № 1. — С. 148–153.

8. Добкин И.В. Творчество инженера И.А. Бурлакова в Новосибирске // Будущее памятников архитектуры конструктивизма: материалы научно-практической конференции. — Новосибирск: НГУАДИ, 2017в. — С. 25–31.

9. Духанов С.С. Источниковедческие проблемы исследования архитектурного авангарда в Новосибирске (на примере рабочих клубов и дворцов культуры) (2007 г.) // Баландинские чтения: сборник научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2011. — Т. 6. — № 1. — С. 37–39.

10. Духанов С.С. Конструктивизм и рационализм в архитектуре клубов начала 1930-х гг. (на примере г. Новосибирска) // Известия высших учебных заведений. Строительство. — 2006. — № 9 (573). — С. 64–68.

11. Духанов С.С. Неизвестные проекты архитектора Б.А. Алексеева в Новосибирске начала 1930-х годов // Архитектон: известия вузов. — 2017. — № 3 (59). — С. 9.

12. Журилин Н.П. Советское ар-деко — стилистический язык бывших конструктивистов в предвоенные годы в Новосибирске // Будущее памятников архитектуры конструктивизма материалы научно-практической конференции. — Новосибирск: НГУАДИ, 2017. — С. 40–47.

13. Журилин Н.П. Стилистика ар-деко в архитектуре Новосибирска — до и после конструктивизма // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. — 2016. — № 6 (59). — С. 65–72.

14. Казусь И.А. Проект окружной больницы А.З. Гринберга в Новосибирске (1927–1929): неизвестное об известном // Баландинские чтения: сборник научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: НГУАДИ, 2017. — Т. 12. — № 1. — С. 118–132.

15. Меерович М.Г. Почему в Советском союзе был запрещён конструктивизм // «Новая жизнь памятников архитектуры конструктивизма»: м-лы научно-

практич. конф. / отв. ред. Т.Ю. Тайченачева, Н.А. Алексеева. — Новосибирск: НГАХА, 2015. — С. 79–83.

16. Невзгодин И.В. Архитектура Новосибирска: первые крупные каменные здания, революционный романтизм, рационализм, функционализм, конструктивизм, архитектура переходного периода, хрущевский модернизм и интернациональный стиль эпохи застоя. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. — 204 с.

17. Невзгодин И.В. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. — Новосибирск: НГАХА, 2013. — 320 с.

18. Хиценко Е.В. Идеи нового быта в архитектуре жилых зданий Новосибирска в годы первой пятилетки // Архитектон: известия вузов. — 2006. — № 3 (15). — С. 4.

19. Чернявский К.В. Городские пейзажи г. Новосибирска в фотографиях И.С. Моторина - от конструктивизма к сталинскому ар-деко 1930-х — начала 1940-х годов // Будущее памятников архитектуры конструктивизма материалы научно-практической конференции. — Новосибирск: НГУАДИ, 2017а. — С. 128–134.

20. Чернявский К.В. Стилистика ар-деко в архитектуре Новосибирска 1933–1941 гг.: дисс... магистр арх. — Новосибирск, 2017б. — 60 с.

References

1. Arkhitekto Boris Gordeyev. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya 1903–1943. Upravl. po gos. okhrany kul'turnogo nasl yediya Novosib. obl., Nauchno-proizv. tsentr po sokhran. istoriko-kul'turn. naslediya Novosib. obl. Novosibirsk, 2013, 50 p. (in Russ.).

2. Blinov E.N. Arkhitekturno-planirovochnoye razvitiye industrial'nykh gorodov Sibiri v gody pervykh pyatiletok: dis. ... kand. arkhitektura: 18.00.01. Novosibirsk, 1993, 185 p. (in Russ.).

3. Chernyavskiy K.V. Gorodskiy peyzazhi g. Novosibirsk v fotografiyakh I.S. Motorina — ot konstruktivizma k stalinskomu ar-deko 1930-kh — nachalo 1940-kh godov. In *Budushcheye pamyatnikov arkhitektury, konstruktivizma materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 2017, pp. 128–134. (in Russ.).

4. Chernyavskiy K.V. Stilistika ar-deko v arkhitekture Novosibirsk 1933–1941 gg. : diss... magistra arkh. Novosibirsk, 2017, 60 p. (in Russ.).

5. Dobkin I.V. Osobennosti arkhitektury zhilogo doma RZHSTK "Pechatnik" v Novosibirsk (inzh. B.A. Korshunov, D.E. Babenkov, R.A. Peterfreund, D.E. Zhilin, 1928 g.). *Regional'nyye arkhitekturno-khudozhestvennyye shkoly*, 2016a, No. 1, pp. 409–414. (in Russ.).

6. Dobkin I.V. Tvorcheskaya kontseptsiya ASNOVA-ARU i yeye realizatsiya v arkhitekture Novosibirsk 1920-kh—1930-kh gg. In *Balandinskiye chteniya*, 2016b, Vol. 11, No. 1, pp. 277–280. (in Russ.).

7. Dobkin I.V. K voprosu izucheniya kontseptsii ASNOVA-ARU na materiale Novosibirsk. *Regional'nyye arkhitekturno-khudozhestvennyye shkoly*. 2017a, No. 1, pp. 142–147. (in Russ.).

8. Dobkin I.V. Tvorchestvo arkhitekto A.N. Shirayeva v Novosibirsk. *Regional'nyye arkhitekturno-khudozhestvennyye shkoly*. 2017b, No. 1, pp. 148–153. (in Russ.).

9. Dobkin I.V. Tvorchestvo inzhenera I.A. Burlakova v Novosibirsk. In *Budushchiye pamyatniki arkhitektury*,

konstruktivizma materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 2017в, pp. 25–31. (in Russ.).

10. Dukhanov S.S. Istochnikovedskiye problemy issledovaniy arkhitekturnogo avangarda v Novosibirske (na primere rabochikh klubov i dvortsov kul'tury) (2007 g.). In *Balandinskiye chteniya*, 2011, Vol. 6, No. 1, pp. 37–39. (in Russ.).

11. Dukhanov S.S. Konstruktivizm i ratsionalizm v arkhitekture klubov nachala 1930-kh gg. (na primere g. Novosibirska). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Stroitel'stvo*, 2006, No. 9 (573), pp. 64–68. (in Russ.).

12. Dukhanov S.S. Neizvestnyye proyekty arkhitekтора В.А. Alekseyeva v Novosibirske nachala 1930-kh godov. *Arkhitекton: izvestiya vuzov*. 2017, No. 3 (59), p. 9. (in Russ.).

13. Gashenko A.E. Novosibirskiy arkhitekturnyy avangard: vopros stilisticheskoy differentsiatsii. In *Budushchiye pamyatniki arkhitekтуры konstruktivizma materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 2017, pp. 12–24. (in Russ.).

14. Kazus' I.A. Projekt okruzhnoy bol'nitsy A.Z. Grinberga v Novosibirske (1927–1929): neizvestnoye ob izvestnom. In *Balandinskiye chteniya*. 2017, Vol. 12, No. 1, pp. 118–132. (in Russ.).

15. Khitsenko E.V. Idei novogo byta v arkhitekture zhilykh zdaniy Novosibirska v gody pervoy pyatiletki. *Arkhitекton: izvestiya vuzov*. 2006, No. 3 (15), p. 4. (in Russ.).

16. Meyerovich M.G. Pochemu v Sovetskom soyuze byl zapreshchen konstruktivizm. «Novaya zhizn' pamyatnikov arkhitekтуры konstruktivizma»: m-ly nauchno-prakt. konf. Novosibirsk, 2015, pp. 79–83. (in Russ.).

17. Nevzgodin I.V. Arkhitektura Novosibirska: pervyye krupnyye kamennyye zdaniya, revolyutsionnyy romantizm, ratsionalizm, funktsionalizm, konstruktivizm, arkhitektura perekhodnogo perioda, khrushchevskaya modernizatsiya i internatsional'nyy stil' epokhi zastoya. Novosibirsk, 2005, 204 p. (in Russ.).

18. Nevzgodin I.V. Konstruktivizm v arkhitekture Novosibirska. Novosibirsk, 2013, 320 p. (in Russ.).

19. Zhurin N.P. Sovetskoye ar-deko — stilisticheskiy yazyk byvshikh konstruktivistov v predvoyennyye gody v Novosibirske. In *Budushchiye pamyatniki arkhitekтуры konstruktivizma materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. 2017, pp. 40–47. (in Russ.).

20. Zhurin N.P. Stilistika ar-deko v arkhitekture Novosibirska — do i posle konstruktivizma. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. 2016, No. 6 (59), pp. 65–72. (in Russ.).

Электронные ресурсы

1. «The Constructivist Project / «Конструктивистский проект» — портал о наследии авангарда, 1920-1930-е годы. Исследование, карта, мониторинг, популяризация» [Электронный ресурс]. URL: <http://theconstructivistproject.com>. Дата обращения: 20.04.2019.

2. НОВОСИБИРСК в фотозагадках. Краеведческий форум — история Новосибирска, его настоящее и будущее [Электронный ресурс]. URL: nsk-kraeved.ru. Дата обращения: 20.04.2019.

3. Мой дом — Региональный оператор капитального ремонта многоквартирных домов Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: www.fondgkhnso.ru/my-house. Дата обращения: 20.04.2019.

4. Объекты культурного наследия Новосибирской области / Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: <https://ugookn.nso.ru/page/129>. Дата обращения: 20.04.2019.

Список сокращений

ОКН — объект культурного наследия

Таблица 1

Результаты инвентаризации объектов новосибирского архитектурного авангарда

Но-мер	Наименование	Адрес	О.С.	Датиров-ка	Атрибуция	Авторы
1	Электроподстанция	Маковского, 4	Б		Посткон-структивизм	
2	Дом жилой Речного Флота («Дом грузчиков»)	Фабричная, 6	А	1936–1937	Ар-деко, Неоклассицизм	К.Е. Осипов
3	Общежитие Промбанка	Красный проспект, 10 (Каинская, 2)	А	1927	Рационализм	И.А. Бурлаков
4	Дом жилой	Красный проспект, 8	А	1930-е гг.	Конструктивизм	
5	Дом жилой Сибметаллтреста	Красный проспект, 6	Б	1929	Конструктивизм	Д.М. Агеев
6	Дом жилой	Серебренниковская, 9	Б	1932–1933	Конструктивизм	
7	Ж.б. мост через Каменку	Сибревкова, 7	Б	1926	Конструктивизм, Ар-деко	Г.В. Ульяновский

8	Здание 100-квартирного жилого дома	Красный проспект, 16 (Сибревкома, 1)	А	1935–1937	Ар-деко, Французский неоклассицизм	А.Д. Крячков, В.С. Масленников
9	Управление «Запсибзолото»	Красный проспект, 1	А	1930–1936	Постконструктивизм	А.И. Бобров, В.М. Тейтель
10	Госпиталь ветеранов войн	Советская, 2	Б		Рациональный модерн	
11	Дом ЖСКТ Заготзерно	Урицкого, 3	Б	1935	Конструктивизм, Постконструктивизм	
12	Дом ЖСКТ Заготзерно	Урицкого, 1	Б	15	Конструктивизм	
13	РЖСКТ специалистов Крайисполкома	Коммунистическая, 26	Б	1935	Постконструктивизм	
14	Дом жилой	Советская, 10	Б	1937	Ар-деко, Центральный	
15	Дом для специалистов Сибкомбайна	Октябрьская, 40	Б	1930–1931	Конструктивизм, Искажено	Б.А. Гордеев, Д.И. Козьмин, С.П. Тургенев
16	Библиотека	Советская, 6	Б	1938	Постконструктивизм	Т.Я. Бардт
17	Дом областных организаций	Красный проспект, 5	А	1925–1926	Рациональный модерн, Ар-деко	А.Д. Крячков
18	Здание облисполкома	Красный проспект, 18 (Спартака, 9)	А	1931–1933	Конструктивизм	А.Д. Крячков, С.П. Тургенев, Б.А. Гордеев
19	Жилой дом («Дом с часами»)	Красный проспект, 11 (Коммунистическая, 44)	А	1931–1934	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, Н.В. Никитин
20	Жилой дом Сибстройпути	Красный проспект, 13	Б	1932	Постконструктивизм, Ар-деко	И.Т. Воронов, В.М. Тейтель
21	Библиотека	Красный проспект, 26 (Октябрьская, 50)	А	1920-е гг.	Революционная романтика	
22	Жилкомбинат «Динамо»	Красный проспект, 28	Б	1930-е гг.	Конструктивизм	Гордеев, Тургенев, Никитин
23	Административное здание УПП ОГПУ по Запсибкраю	Коммунистическая, 49	Б	1930	Конструктивизм	Б.А. Гордеев
24	Дом-комбинат, жилой	Серебренниковская, 23 (Свердлова, 23)	А	1930-е гг.	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, И.Т. Воронов
25	Дом жилой	Серебренниковская, 16 (Свердлова, 25)	А	1932	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, И.Т. Воронов
26	Спортивный клуб «Динамо»	Коммунистическая, 60	А	1933	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, Н.В. Никитин

27	Санитарная часть	Коммунистическая, 75	Б	1932	Конструктивизм, Искажено	Б.А. Гордеев, Б.И. Алексеев
28	Управление Запсибкраймилиции	Каменская, 12	Б	1932–1933	Конструктивизм, Искажено	Б.А. Гордеев, К.М. Лукашевский
29	Общежитие Управления милиции Запсибкрая	Октябрьская, 84	Б	1936	Конструктивизм	
30	Дом жилой «Союззолото»	Каменская, 16 (Октябрьская, 79)	А	1932	Конструктивизм, Неоклассика	А.И. Бобров, Б.А. Гордеев
31	Дом жилой ЖАКТ «Пятилетка»	Каменская, 18 (Чаплыгина, 92)	У	1930-е гг.	Рационализм	
32	Больница	Чаплыгина, 75	А	1926	Рациональный модерн	
33	Дом Соцземледелия	М. Горького, 38	Б	1936	Ар-деко	
34	Контора «Госэлектросиндиката»	Горького, 64	А	1928–1929	Рационализм	И.А. Бурлаков
35	Дом жилой	Советская, 21	Б	1938	Конструктивизм, Неоклассика	
36	Дом жилой	Максима Горького, 40	Б	1935	Конструктивизм, Постконструктивизм	
37	Дом жилой	Чаплыгина, 39	Б	1941	Конструктивизм	
38	Дом жилой	Чаплыгина, 35	Б	1934	Конструктивизм	
39	Дом жилой для служащих банка	Урицкого, 15 (Горького, 28)	А	1932–1935	Рациональный модерн, Ар-деко	А.Д. Крячков
40	Дом жилой	Урицкого, 17 (Щетинкина, 36)	А	1930-е гг.	Ар-деко	А.Н. Ширяев
41	Дворец труда	Щетинкина, 33	А	1926	Революционная романтика, Ар-деко	С.А. Шестов, Т.Я. Бардт, И.С. Алексеев
42	Кинотеатр «Пролеткино» («Победа») в составе комплекса «Дворец Труда»	Ленина, 7	А	1926	Революционная романтика, Неоклассика	В.С. Масленников, Г.Ф. Кравцов
43	Жилой дом кооператива «Медик»	Ленина, 17	Б	1929–1930	Рационализм	Рамман, П.А. Лесневский
44	Жилой дом кооператива «Химик»	Ленина, 20	Б	1929–1930	Рационализм	Р.А. Петерфреунд, П.А. Лесневский
45	Дом-коммуна	Революции, 36	Б	1930-е гг.	Конструктивизм, Искажено	
46	Клуб Совторгслужащих им. Сталина	Ленина, 24	И	1928	Рационализм	И.А. Бурлаков
47	Дом жилой жилищного кооператива «Сибирь на рельсы»	проспект Димитрова, 6	А	1934–1936	Конструктивизм	Я.Е. Кузнецов

48	Дом жилой	Урицкого, 37	А	1935	Ар-деко, Неоклассицизм	А.Н. Ширяев
49	Дом жилой Томской железной дороги	Урицкого, 35	А	1930-е гг.	Неоклассицизм, Ар-деко	А.И. Лоскутов
50	Жилой дом Сибкрайсоюза	Урицкого, 34	Б	1929	Рационализм, Ар-деко	И.А. Бурлаков
51	Здание Управления Западно-Сибирской железной дороги	Вокзальная магистраль, 14	А	1935	Постконструктивизм	А.Н. Ширяев, Венгеров
52	Дом жилой	Вокзальная магистраль, 18	Б	1935	Постконструктивизм	
53	Контора Текстильсиндиката	Советская, 18 (Ленина, 6)	А	1925	Рациональный модерн	А.Д. Крячков
54	Здание Госбанка	Красный проспект, 27 (Ленина, 2)	А	1930	Конструктивизм, Рационализм	А.Д. Крячков
55	Здание делового дома (ныне Центрального универмага)	Красный проспект, 25 (Ленина, 1)	А	1926–1928	Рационализм	Д.Ф. Фридман
56	Здание Промбанка	Красный проспект, 34 (Щетинкина, 41)	А	1926–1954	Революционная романтика, Неоклассика	А. Швидковский, Г.П. Гольц
57	Дом-памятник Ленину В.И., сооруженный в 1925 году на средства го	Красный проспект, 32 (Щетинкина, 56)	И	1925–1944	Революционная романтика, Неоклассика	И.А. Бурлаков, В.М. Тейтель
58	Поликлиника	Серебренниковская, 42 (Депутатская, 40)	А	1928	Конструктивизм, Рационализм	П. Щекин
59	Здание Новосибирского театра оперы и балета	Красный проспект, 36	А	1931–1945	Рационализм, Сталинский ампир	А.З. Гринберг, Т.Я. Бардт, и др.
60	Дом жилой	Трудовая, 14	Б	1932	Конструктивизм	
61	Райвоенкомат (Управление Следственного комитета)	Трудовая, 9	Б	1937	Постконструктивизм	
62	Институт потребительской кооперации	Красный проспект, 42	Б	1932	Конструктивизм	
63	Здание госучреждений («Сибирское подворье»), первый ВУЗ города	Красный проспект, 38	А	1923–1937	Рациональный модерн, Неоклассика	А.Д. Крячков
64	Здание Облпотребсоюза (Сибкрайсоюз)	Красный проспект, 29 (Трудовая, 4)	А	1925–1926	Рациональный модерн	А.Д. Крячков
65	Комплекс жилых домов кооператива «Печатник»: 5-ти этажный кирпичный дом	Трудовая, 7 (Красный проспект, 31)	А	1928–1930	Рационализм	Б.А. Коршунов, Д.Е. Бабенков, Р.А. Петерfreund, Д.Е. Жилин

66	Комплекс жилых домов кооператива «Печатник»: 4-х этажный кирпичный дом	Трудовая, 3	А	1928–1930	Рационализм	Б.А. Коршунов, Д.Е. Бабенков, Р.А. Петерфреунд, Д.Е. Жилин
67	Комплекс жилых домов кооператива «Печатник»: 4-х этажный кирпичный дом	Трудовая, 1	А	1928–1930	Рационализм	Б.А. Коршунов, Д.Е. Бабенков, Р.А. Петерфреунд, Д.Е. Жилин
68	Дом «Аэрофлота»	Красный проспект, 44 (Ядринцевская, 17)	А	1930-е гг.	Конструктивизм	
69	Облсберкасса и дом жилой	Красный проспект, 46	А	1936	Неоклассицизм	Д.М. Агеев, Я.Е. Кузнецов
70	СНИИГГиМС	Красный проспект, 35	Б	1930-е гг.	Постконструктивизм	
71	Дом жилой ЖАКТ Госбанка	Советская, 55	Б	1933	Конструктивизм, Искажен	
72	Дом жилой	Красный проспект, 43	Б	1937	Постконструктивизм	
73	Дом жилой («Дом артистов»)	Романова, 35	А	1930-е гг.	Постконструктивизм	Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев
74	Жилой дом общества политкаторжан	Фрунзе, 8	И	1933	Конструктивизм	Б.А. Гордеев
75	Здание медицинского института	Красный проспект, 52	Б		Конструктивизм	
76	Дом жилой	Мичурина, 17	Б	1936	Постконструктивизм	
77	Дом жилой «Облплана»	Красный проспект, 56	А	1939	Неоклассицизм	Н.С. Кузьмин
78	Комплекс жилого кооператива «Кузбассуголь»: 4-х этажный кирпичны	Красный проспект, 49 (Фрунзе, 7)	А	1931–1933	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, Д.М. Агеев, Б.А. Биткин
79	Комплекс жилого кооператива «Кузбассуголь»: 4-х этажный кирпичн	Красный проспект, 51 (Красный проспект, 51/2)	А	1931–1933	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, Д.М. Агеев, Б.А. Биткин
80	Комплекс жилого кооператива «Кузбассуголь»: 5-ти этажный кирпичн	Державина, 10 (Красный пр., 51/3)	А	1931–1933	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, Д.М. Агеев, Б.А. Биткин
81	Комплекс жилого кооператива «Кузбассуголь»: 4-х этажный кирпичны	Державина, 4 (Красный пр., 51/6)	А	1931–1933	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, Д.М. Агеев, Б.А. Биткин
82	Комплекс жилого кооператива «Кузбассуголь»: 4-х этажный кирпичны	Державина, 6 (Красный пр., 51/5)	А	1931–1933	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, Д.М. Агеев, Б.А. Биткин

83	Комплекс жилого кооператива «Кузбас-суголь»: 5-ти этажный кирпич	Державина, 8 (Красный пр.,51/4)	А	1931–1933	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, Д.М. Агеев, Б.А. Биткин
84	Комплекс жилого кооператива «Кузбас-суголь»: 3-х этажный кирпичны	Державина, 2 (Советская, 38)	А	1931–1933	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, Д.М. Агеев, Б.А. Биткин
85	Штаб СибВо	Красный проспект, 53	Б	1933–1934	Рационализм	Венгеров, Ширяев
86	Дом жилой	Красный проспект, 57 (Крылова, 10 а)	А	1933	Конструктивизм	
87	Здание 1-го в Новосибирске Аэроклуба — памятник развитию авиации	Крылова, 24	И	1934	Конструктивизм, Неоклассика	В.М. Тейтель, Апонасенко
88	Дом жилой	Крылова, 5	Б	1932	Конструктивизм	
89	Дом жилой	Крылова, 3	В	1930-е гг.	Постконструктивизм, Неоклассицизм	
90	Дом жилой Сибкрайсовпрофа	Крылова, 1	Б		Конструктивизм	Рамман
91	Дом жилой ЖАКТ Сельтрансстрой	Сибирская, 33	Б	1934	Конструктивизм	
92	Дом жилой	Сибирская, 31	Б	1938	Постконструктивизм	
93	Общежитие начсостава войск ПП ОГПУ по ЗапСибКраю	Ленина, 53	Б	1935	Конструктивизм	Б.А. Гордеев
94	Здание клуба железнодорожников, в котором в 1926–1970 г. проходи	Дмитрия Шамшурина, 39	И	1926	Рациональный модерн	
95	Новосибирский вокзал	Дмитрия Шамшурина, 43	И	1939	Постконструктивизм, Неоклассицизм	Н.Г. Волошинов, Б.А. Гордеев, Б.А. Биткин, С.П. Тургенев и др.
96	2-этажное здание универмага	Ленина, 86	А	1927	Рациональный модерн	
97	4-х этажный кирпичный жилой дом	Ленина, 90	А	1928–1933	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев
98	Жилой комплекс в районе Железнодорожного вокзала: 4-х этажный ки	Ленина, 88 (Челюскинцев, 5)	А	1928–1933	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев
99	4-этажный кирпичный жилой дом	Омская, 87 (Челюскинцев, 7)	А	1928–1933	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев
100	4-х этажный кирпичный жилой дом	Омская, 89	А	1928–1933	Постконструктивизм	Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев
101	Фабрика-кухня №2	Ельцовская, 5	Б	1930–1933	Рационализм, Искажено	Проект Нарпита

102	Дом жилой	Ельцовская 7	Б	1936	Конструктивизм, Ар-деко	
103	Жилые дома «Красный кожевник»	Д. Ковальчук, 2	Б	1930	Конструктивизм	П.А. Лесневский, Р.А. Петерфреунд
104	Дом жилой	Парковая, 7	Б	1937	Постконструктивизм	
105	Дом жилой	Дуси Ковальчук, 63	Б	1937	Постконструктивизм	
106	Дом жилой хладокомбината	Дуси Ковальчук, 61	Б	1934	Постконструктивизм	
107	Дом жилой	Железнодорожная, 9	Б	1932	Конструктивизм	
108	Преобразовательная тяговая подстанция № 1	Кольцова, 44	Б	1934	Конструктивизм	
109	Клуб мылзавода	Семьи Шамшиных, 88	Б	1932	Конструктивизм	Б.А. Гордеев, И.Т. Воронов
110	Дом жилой	Ольги Жилиной, 108	Б	1936	Конструктивизм	
111	Дом жилой	Демьяна Бедного, 58	Б	1937	Конструктивизм	
112	Дом жилой	Красный проспект, 218	Б	1943	Ар-деко	
113	Институт военных инженеров транспорта (корпус № 1)	Дуси Ковальчук, 179Б	Б	1930-е гг.	Ар-деко	
114	Институт военных инженеров транспорта (корпус № 2)	Дуси Ковальчук, 179Б	Б	1930-е гг.	Конструктивизм	
115	Дом жилой	Дуси Ковальчук, 181	Б	1932	Конструктивизм	
116	Дом жилой	Дуси Ковальчук, 183	Б	1932	Конструктивизм	
117	Профессорский дом	Дуси Ковальчук, 185	А	1938	Неоклассика, Ар-деко	Б.Н. Шатнев
118	Дом жилой	Медкадры, 4	Б	1931	Конструктивизм	
119	Дом жилой	Медкадры, 3	Б	1931	Конструктивизм	
120	Дом жилой	Медкадры, 2	Б	1931	Конструктивизм	
121	Окружная больница. Комплекс. Корпус 1	Залесского, 6 к. 1	А	1936	Рационализм	А.З. Гринберг, Н.Ф. Гофман, А.Г. Климухин
122	Окружная больница. Комплекс. Корпус 2	Залесского, 6 к. 2	А	1932	Рационализм	А.З. Гринберг, Н.Ф. Гофман, А.Г. Климухин
123	Окружная больница. Комплекс. Корпус 3	Залесского, 6 к. 3	А	1930	Рационализм	А.З. Гринберг, Н.Ф. Гофман, А.Г. Климухин

124	Окружная больница. Комплекс. Корпус 4	Залесского, 6 к. 4	А	1931	Рационализм	А.З. Гринберг, Н.Ф. Гофман, А.Г. Климухин
125	Окружная больница. Комплекс. Корпус 5	Залесского, 6 к. 5	А	1937	Рационализм	А.З. Гринберг, Н.Ф. Гофман, А.Г. Климухин
126	Окружная больница. Комплекс. Морфологический корпус	Залесского, 6 к.	А	1930-е гг.	Постконструктивизм	А.З. Гринберг, Н.Ф. Гофман, А.Г. Климухин
127	Дом жилой	Аэропорт, 5	Б	1937	Ар-деко	
128	Заводоуправление Сибсельмаша	Станционная, 38	Б	1930-е гг.	Конструктивизм	
129	ФЗУ завода Сибкомбайн	Станционная, 30	Б	1930	Конструктивизм	
130	Дом жилой	Станиславского, 7	А	1941	Ар-деко	В.М. Тейтель
131	Дом жилой	1-й пер. Пархоменко, 4	Б	1932	Конструктивизм	
132	Дом жилой	Станиславского, 5	Б	1932	Конструктивизм	
133	Дом жилой	Станиславского, 3	А	1941	Ар-деко	В.М. Тейтель
134	Дом культуры им. Клары Цеткин	Котовского, 19	Б	1933	Конструктивизм	
135	Поселок «Сибкомбайн-строя»	1-й пер. Пархоменко, 28	Б	1932	Конструктивизм	Э. Май
136	Поселок «Сибкомбайн-строя»	2-й пер. Пархоменко, 3	Б	1932	Конструктивизм	Э. Май
137	Поселок «Сибкомбайн-строя»	2-й пер. Пархоменко, 5	Б	1932	Конструктивизм	Э. Май
138	Поселок «Сибкомбайн-строя»	2-й пер. Пархоменко, 7	Б	1932	Конструктивизм	Э. Май
139	Поселок «Сибкомбайн-строя»	2-й пер. Пархоменко, 9	Б	1932	Конструктивизм	Э. Май
140	Поселок «Сибкомбайн-строя»	2-й пер. Пархоменко, 11	Б	1933	Конструктивизм	Э. Май
141	Поселок «Сибкомбайн-строя»	2-й пер. Пархоменко, 13	Б	1931	Конструктивизм	Э. Май
142	Поселок «Сибкомбайн-строя»	2-й пер. Пархоменко, 15	Б	1931	Конструктивизм	Э. Май
143	Поселок «Сибкомбайн-строя»	2-й пер. Пархоменко, 17	Б	1931	Конструктивизм	Э. Май
144	Поселок «Сибкомбайн-строя»	2-й пер. Пархоменко, 19	Б	1932	Конструктивизм	Э. Май
145	Поселок «Сибкомбайн-строя»	2-й пер. Пархоменко, 21	Б	1931	Конструктивизм	Э. Май
146	Поселок «Сибкомбайн-строя»	2-й пер. Пархоменко, 1	Б	1932	Конструктивизм	Э. Май
147	Поселок «Сибкомбайн-строя»	1-й пер. Пархоменко, 26	Б	1932	Конструктивизм	Э. Май
148	Поселок «Сибкомбайн-строя»	1-й пер. Пархоменко, 24	Б	1932	Конструктивизм	Э. Май
149	Поселок «Сибкомбайн-строя»	1-й пер. Пархоменко, 22	Б	1931	Конструктивизм	Э. Май

150	Поселок «Сибкомбайн- строля»	1-й пер. Пархомен- ко, 20	Б	1932	Конструкти- визм	Э. Май
151	Поселок «Сибкомбайн- строля»	1-й пер. Пархомен- ко, 18	Б	1930	Конструкти- визм	Э. Май
152	Поселок «Сибкомбайн- строля»	1-й пер. Пархомен- ко, 16	Б	1932	Ар-деко	Э. Май
153	Поселок «Сибкомбайн- строля»	1-й пер. Пархомен- ко, 14	Б	1932	Ар-деко	Э. Май
154	Поселок «Сибкомбайн- строля»	1-й пер. Пархомен- ко, 12	Б	1932	Конструкти- визм	Э. Май
155	Поселок «Сибкомбайн- строля»	1-й пер. Пархомен- ко, 10	Б	1932	Конструкти- визм	Э. Май
156	Поселок «Сибкомбайн- строля»	1-й пер. Пархомен- ко, 8	Б	1932	Конструкти- визм	Э. Май
157	Дом жилой	Котовского 3/1	Б	1933	Посткон- структивизм	
158	Дом жилой	Котовского 5/2	Б	1933	Посткон- структивизм	
159	Башня водонапорная	Ватутина, 29/1	А	1938–1939	Ар-деко	
160	Кинотеатр "Металлист"	Римского-Корсако- ва, 1/1	В	1934	Конструкти- визм	
161	Дом жилой	Плахотного, 17	Б	1930	Посткон- структивизм	
162	Дом жилой	Плахотного, 19	Б	1930	Посткон- структивизм	
163	Дом жилой	Плахотного, 21	Б	1930	Посткон- структивизм	
164	Дом жилой	Титова, 34	Б	1938	Посткон- структивизм	
165	Дом жилой	Титова, 36	Б	1937	Посткон- структивизм	
166	Дом жилой	Титова, 38	Б	1937	Посткон- структивизм	
167	Дом жилой	Титова, 40	Б	1939	Посткон- структивизм	
168	Дом жилой	Титова, 42	Б	1939	Посткон- структивизм	
169	Комплекс зданий (соц- город) поселка ж.д. станции Эйхе	Первомайская, 94	Б	1934	Посткон- структивизм, Неокласси- цизм	Р. Волтерс (предполо- жительно)
170	Комплекс зданий (соц- город) поселка ж.д. станции Эйхе	Первомайская, 92	Б	1934	Посткон- структивизм	Р. Волтерс (предполо- жительно)
171	Комплекс зданий (соц- город) поселка ж.д. станции Эйхе	Первомайская, 90	Б	1934	Посткон- структивизм	Р. Волтерс (предполо- жительно)
172	Комплекс зданий (соц- город) поселка ж.д. станции Эйхе	Первомайская, 88	Б	1934	Посткон- структивизм	Р. Волтерс (предполо- жительно)
173	Комплекс зданий (соц- город) поселка ж.д. станции Эйхе	Первомайская, 86	Б	1934	Посткон- структивизм	Р. Волтерс (предполо- жительно)
174	Техникум химико-тех- нологический	Садовая, 26	А	1932	Конструкти- визм	

175	Закаменская амбулатория им. X-летия советской медицины	Якушева, 41	Б	1969	Ар-деко	
176	Институт связи	Кирова, 86	Б		Постконструктивизм	
177	Техникум сельскохозяйственный	Кирова, 103	А	1927	Рациональный модерн	А.Д. Крячков
178	Жилой дом Института сооружений	Чехова 144	Б	1934	Конструктивизм	
179	Дом жилой	Ленинградская, 111	Б	1933	Ар-деко	
180	Здание Строительного института	Ленинградская, 133	Б	1931–1933	Постконструктивизм, Искажено	А.Д. Крячков, Н.С. Кузьмин, Ф.Ф. Барницкий
181	Водонапорная башня	К. Либкнехта, 125	У	1927–1929	Ар-деко	
182	Рабочий клуб Закаменского р-на	Добролюбова, 16	Б	1927	Романтический символизм, Искажено	А.В. Брюханов
183	Завод «Электросигнал»	Зырянская	У	1941	Постконструктивизм	
184	Дом жилой ЖАКТ завода «Труд»	Большевицкая, 22	Б	1933	Конструктивизм	
185	Дом жилой	Большевицкая, 24	Б	1931	Постконструктивизм	
186	Мелькомбинат	Большевицкая, 135	Б	1941	Постконструктивизм	
187	Дом жилой	Большевицкая, 48	Б	1941	Постконструктивизм	
188	Административное здание	Промышленная, 1	Б	1949	Ар-деко	
189	Комплекс зданий завода Сибмашстрой	Республиканская, 1	Б	1932	Постконструктивизм	
190	Комплекс зданий завода Сибмашстрой	Республиканская, 3	Б	1932	Постконструктивизм	
191	Комплекс зданий завода Сибмашстрой	Республиканская, 5	Б	1932	Постконструктивизм	
192	Комплекс зданий завода Сибмашстрой	Республиканская, 7	Б	1932	Постконструктивизм	
193	Комплекс зданий завода Сибмашстрой	Республиканская, 9	Б	1932	Постконструктивизм	
194	Комплекс зданий завода Сибмашстрой	Республиканская, 11	Б	1936	Постконструктивизм, Неоклассицизм	
195	Комплекс зданий завода Сибмашстрой	Трикотажная, 49	Б	1932	Постконструктивизм	
196	Комплекс зданий завода Сибмашстрой	Трикотажная, 49а	Б	1932	Постконструктивизм	
197	Дом культуры им. М.И. Калинина	Театральная, 1	Б	1945	Конструктивизм, Неоклассика	
198	Дом жилой	Авиастроителей, 3	Б	1936	Ар-деко, Неоклассика	
199	Дом жилой	Авиастроителей, 2а	Б	1933	Постконструктивизм	

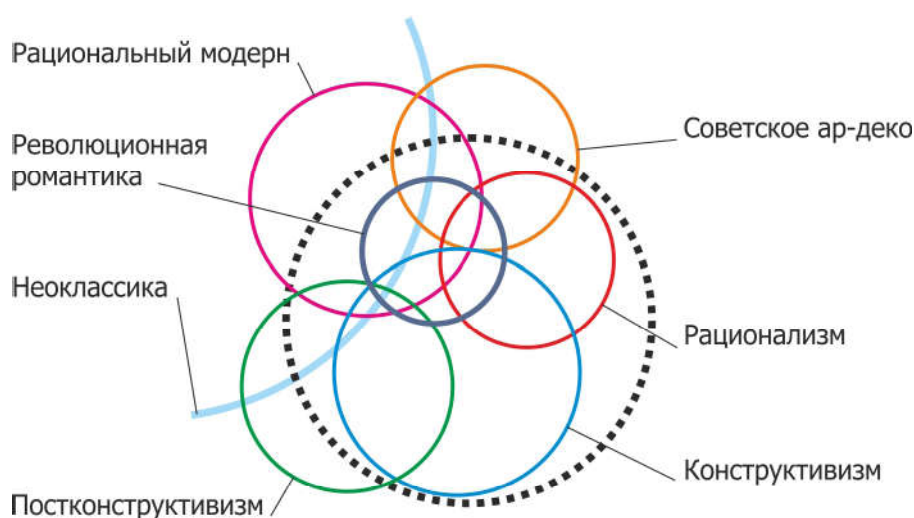
200	Дом жилой	Авиастроителей, 4	Б	1938	Посткон- структивизм	
201	Дом жилой	Авиастроителей, 6а	Б	1937	Посткон- структивизм	
202	Дом жилой	Авиастроителей, 6	Б	1937	Ар-деко, Не- оклассика	
203	Дом жилой	Авиастроителей, 3	Б	1941	Ар-деко, Не- оклассика	
204	Дом жилой	Ползунова, 3	Б	1935	Ар-деко	
205	Пожарная часть завода им. Чкалова	Ползунова, 5 к2	Б	1930-е гг.	Конструк- тивизм, Ис- кажено	
206	Здание заводоуправле- ния ЗГО	Ползунова, 15	Б		Посткон- структивизм, Неоклассика	
207	Поликлиника и больни- ца ЗГО	Ползунова, 21	Б	1932	Конструк- тивизм, Ис- кажено	

Примечания: О.С. — охранный статус, А — памятник архитектуры, И — памятник истории, Б — без охранного статуса; В — выявленный объект наследия. Ар-деко — советское ар-деко. Адрес объектов приводится применительно к Новосибирску.

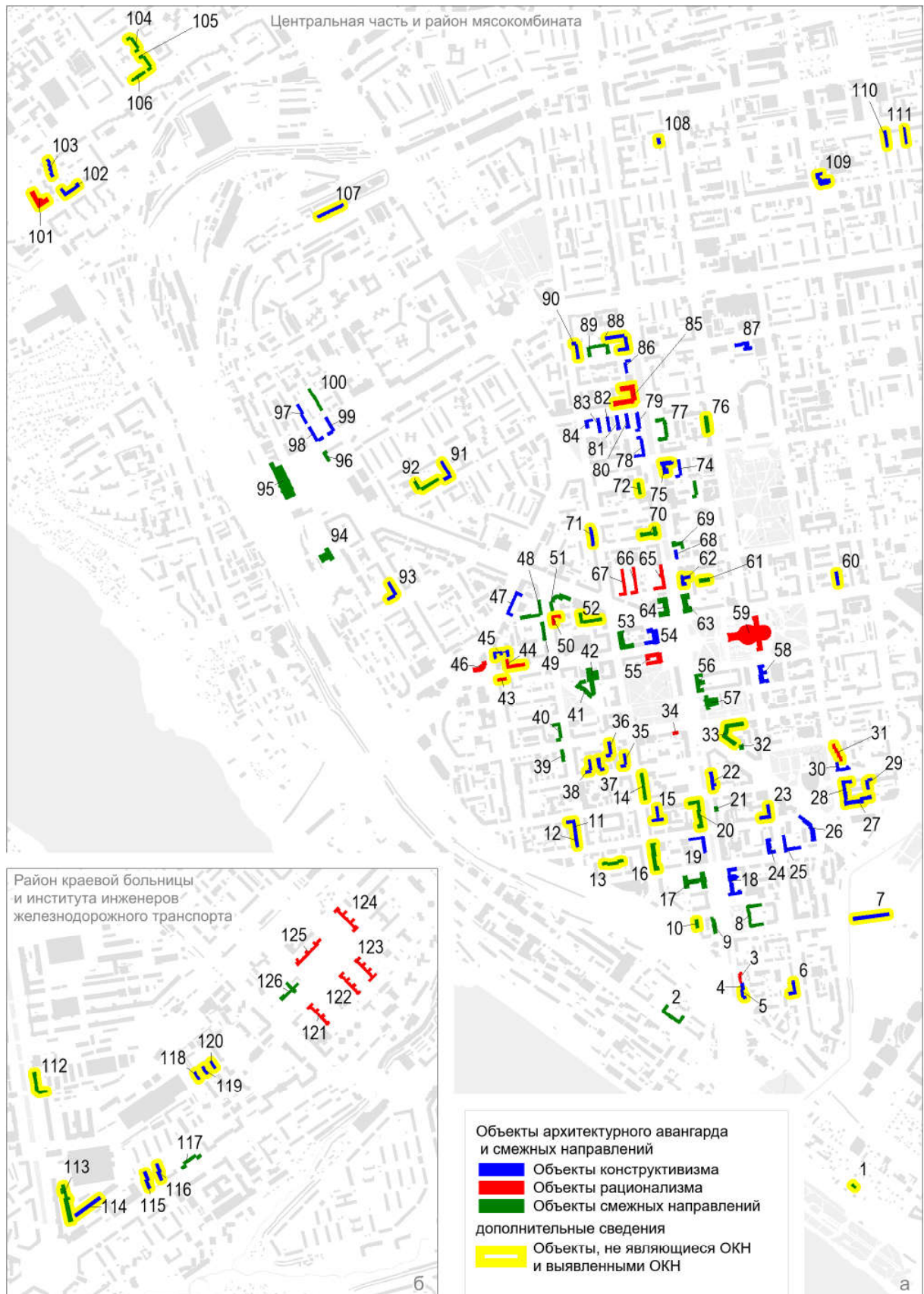
Таблица 2

Сводная статистика объектов новосибирского авангарда

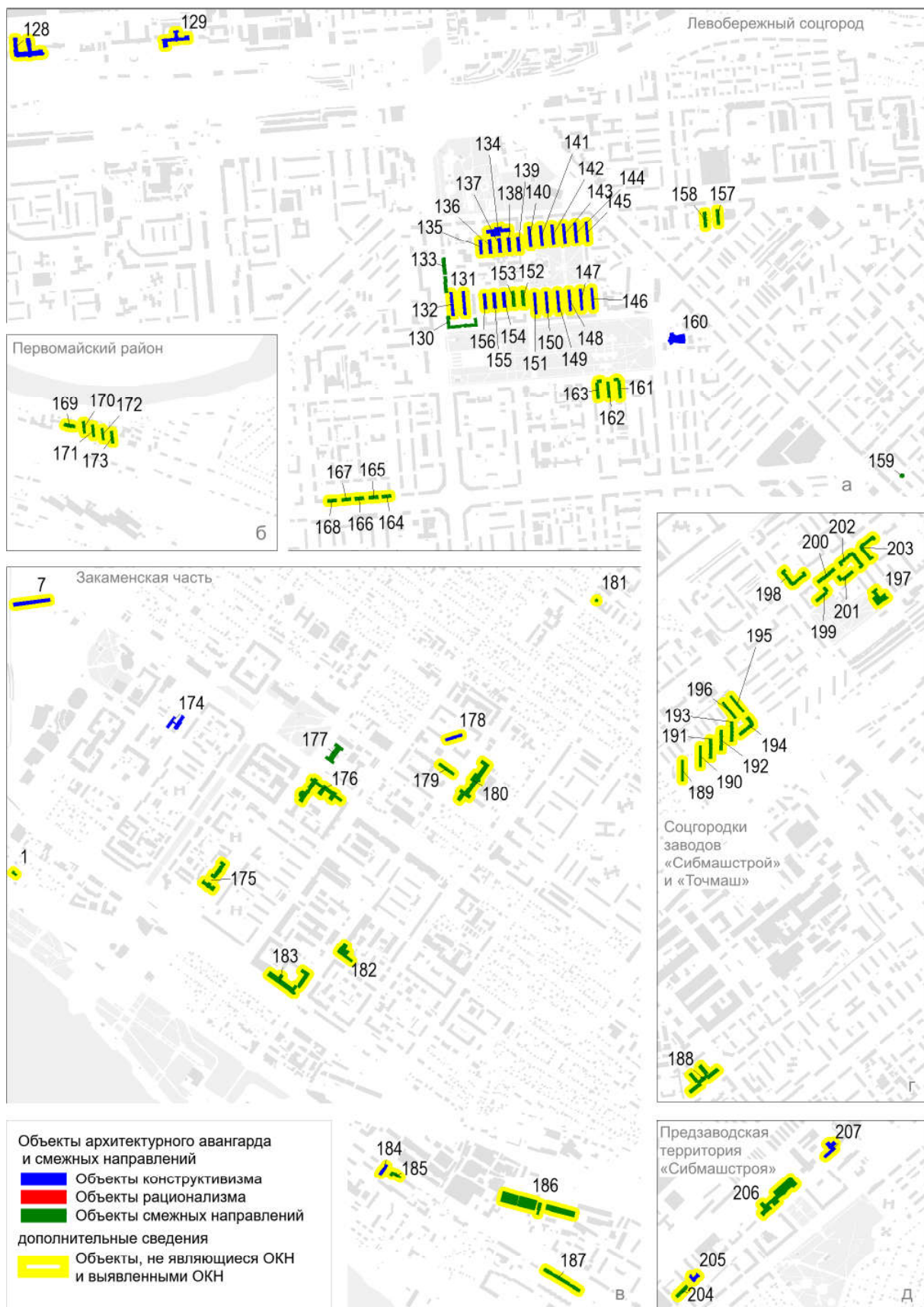
Направление	ОКН	Объекты без охранного статуса	Выявленные ОКН	Утраченные объекты в 2018–2019 гг.	Всего
Конструктивизм	25	67	1	-	93
Рационализм	13	5	-	1	19
Смежные на- правления авангарда	31	61	1	2	95
Итого	69	133	2	3	207

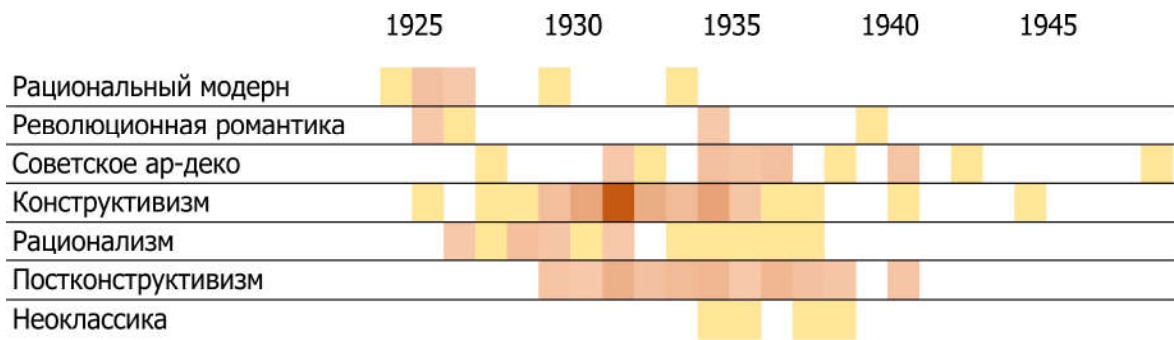
Ил. 1. Объём понятия «новосибирский архитектурный авангард». Схема автора

Ил. 2. Локализация объектов новосибирского архитектурного авангарда: а) центральная часть; б) района краевой больницы и института инженеров железнодорожного транспорта. Схемы автора

Ил. 3. Локализация объектов новосибирского архитектурного авангарда: а) левобережный соцгород; б) посёлок железнодорожников в Первомайском районе; в) Закаменская часть города; г) соцгородки заводов «Сибмашстрой» и «Точмаш»; д) предзаводская территория «Сибмашстроя». Схемы автора

Ил. 4. Хроностилистическая диаграмма распределения архитектурного авангарда. Градиентом от жёлтого к красному показана частота появления объектов. Схема автора

К.А. Голодяев
МКУК «Музей Новосибирска» (Новосибирск)
golod62@mail.ru

Стройтрест №30. Город и судьба

Аннотация

В данной работе описана история создания, взлета и падения одного из крупнейших строительных трестов города Новосибирска — №30. Архивное исследование документации предприятия охватывает временной отрезок с конца 1930-х до начала 1990-х гг., до реорганизации в ПТК-30. В работе максимально приведены объекты, возводимые трестом, обозначены производственные и социальные аспекты жизни его коллектива, его значение в развитии города Новосибирска.

Ключевые слова: Новосибирск, строительный трест, цирк, ТЮЗ, ПТК-30

K. Golodyaev
The Museum of Novosibirsk City (Novosibirsk)
golod62@mail.ru

Construction trust number 30. City and history

Abstract

The article deals with the history of creation, rise and fall of one of the largest construction trusts in Novosibirsk — trust No. 30. The archival study of enterprise documentation covers the time period from the late 1930s to the early 1990s, before the reorganization of PTK-30. The article gives information on the objects erected by the trust, the manufacturing and social aspects of the life of staff, the significance of the trust in the development of the city of Novosibirsk.

Keywords: Novosibirsk, construction trust, circus, Youth Theatre, PTK-3

Военные строители

Начало деятельности Стройтреста №30 находится в 1938 г., когда при Главвоенстрое было образовано Сибирское окружное военно-строительное управление (СибОВСУ). Оно создано 03.08.1938⁴⁶, и в его состав на самостоятельном балансе вошло «Управление военно-строительных работ (УВСР) №379, г. Новосибирск».

Самый старый документ, обнаруженный в архивах, это годовой отчет СибОВСУ, 379-го УВСР, 837-го ОСБ за 1941 г. [ГАНУ. Ф. 1452. Оп. 1. Д. 1. Лл. 190–207]. В СибОВСУ на тот момент входило 16 рабочих колонн от Омска до Красноярска, которые имели в своем активе леспромхозы, деревообделочные комбинаты, кирпичные заводы, карьеры стройматериалов и даже угольные шахты. В Новосибирске был дислоцирован 379-й УВСР, при котором 20.07.1941 г. был сформирован 837-й отдельный строительный батальон (ОСБ), который и стал «предком» нынешнего Стройтреста №30.

В годы Великой Отечественной войны строительные организации города испытывали жесткий дефицит трудовых ресурсов. Крайне выросла роль военно-строительных формирований. Именно их в первую очередь использовали на тяжелых физи-

ческих работах. В те годы бойцами 837 ОСБ было построено значительное количество объектов на территории нашего города. Это производственные корпуса на заводе №69 им. Ленина, на заводе им. Воскова, Лесозаводе №1-2, дезостанция Горздрова и др. (здесь и далее детали приводятся по ГАНУ. Ф. 1452. Оп. 1 и Ф. 1452. Оп. 2)

Самоотверженным, изматывающим, но слаженным трудом, в тяжелейших условиях, в кратчайшие сроки был обеспечен быстрый запуск предприятий, эвакуированных с западных областей страны. Из цехов, построенных военными строителями, фронт бесперебойно получал оптическое оборудование, прицелы, снаряды, а тыл — контрольно-мерительный и режущий инструмент для производства боеприпасов.

Комплектование батальона шло не по производственному признаку, а по политическим и другим началам, положенным в основу при формировании строевых частей для фронта, из которых и поступали красноармейцы и младшие командиры на комплектование батальона. Первым командиром батальона был интендант III ранга А. Лагунов. На 01.01.1942 списочный состав батальона составлял 1330 человек. Батальон обслуживал большое количество организаций в разных местах, поэтому его подразделения были «разбросаны» по городу. Основные силы батальона дислоцировались в военном

⁴⁶ Приказ начальника ВСУ РККА от 20.02.1938 №155; приказ начальника Главвоенстроя при СНК СССР от 20.07.1938 №1

городке (УВСП №379), а также при железнодорожной станции Обь, на лесозаводе, на шорно-седельной фабрике, на улице Обская (ДОК-3). Отдельные подразделения работали на Кузбассе. В батальоне было 5 рот, большая часть красноармейцев жила в палатках. В течение пяти месяцев личный состав батальона менялся несколько раз. Не только отдельными группами, но даже отдельными ротами.

Техобслуживание обеспечивалось десятью лошадьми и автомашиной грузоподъемностью 1,5 тонны. В отчете также отмечено крайне скудное питание красноармейцев, ветхое обмундирование, недостаток инструментов и материала, жилья. Большой состав неквалифицированной рабочей силы (до 50%) приводил к замедлению работ и снижению заработной платы до 5,60 руб. в день вместо 6,91 плановых.

Многие работы выполнялись практически на голом энтузиазме. Но именно этот энтузиазм и выливался в трудовой героизм. Каждый положенный кирпич — удар по врагу, каждый новый цех — приближение Победы.

Тем не менее, основные производственно-финансовые показатели работы батальона на 01.01.1942 включают даже экономию 146 008 руб. при фактическом расходе средств в 1 039 328 руб.

Проводилось и стимулирование труда. Между ротами было развернуто социалистическое соревнование. По итогам 1941 г. на 1 место вышла 4-я рота с 107% нормы выработки. За доблестный труд на доску почета газеты «На стройке» занесены работники, показавшие лучшие личные показатели. Лидеры производства награждались денежными премиями и скромными подарками.

Активно проводилась изобретательская и рационализаторская работа. Так, в 1945 г. к рассмотрению поступило 188 предложений, 137 из них были внедрены в производство. Это различные станки, подъемники, приемники и другие устройства.

Ведущими заказчиками в годы войны выступили Наркомат вооружения (20,24% объема заказов), Наркомтяжмаш (15,31%), Наркомминвооружения (14,3%), Наркомбоеприпасов (10,72%). В 1945 г. сдано в эксплуатацию объектов сметной стоимостью 4 8361000 руб.

Закончилась война, нужно было приступать к мирному жилищному строительству. Строительная отрасль переживает сильный подъем, количество стройорганизаций вырастает в два раза. В январе 1946 г. значительный сектор производства СибОВСУ Главвоенпромстроя СНК СССР был передан строительно-квартирному управлению: площадка №1 в военном городке вместе с детсадом и клубом, которыми к тому времени успели обзавестись строители, №2 (жилье бараки на ул. Карамзина, 6), №5 на ст. Разъезд-1, а также вся автотехника (ЗИС-5 — 1, ГАЗ АА — 1, автоприцеп — 1). Начальником УВСП в тот период был инженер-майор Петр Федорович Калинин, а начальником СибОВСУ инженер-полковник Зиновий Яковлевич Дворкин.

15 марта 1946 г. СибОВСУ реформируется в ВСУ-30 1-й категории Главвоенсибсредазстроя Министерства строительства военных и военно-морских предприятий СССР — «Военстрой 30»⁴⁷ [ГАНУ. Ф. 1452. Оп. 1. Д. 74. Лл. 2-4]. Приказом №59 от 02.04.1946

47 Постановление СНК СССР от 06.03 1946 №512

по ВСУ-30 утверждена сеть хозрасчетных организаций «...4. УВСП №3 (1 категории с отделом рабочего снабжения) с местонахождением в Новосибирске» (на ст. Заводская (Пашино)). Кроме того: управление по производству строительных материалов, ДОК-3, шлакоблочные мастерские, мехремзавод-2 (в п. Обь), транспортно-экспедиционная контора, контора по снабжению стройматериалами, управление рабочего снабжения, лаборатория по испытаниям строительных материалов, типография. Чуть позднее из Юрги была переведена УВСП-13, разместившаяся на Сухарке. В целом по ВСУ числилось 4 УВС, 6 УВСП, 2 ДОК, 5 заводов, 1 кирзавод, 2 ремонтно-механических, 3 леспромхоза, 3 подсобных хозяйства, угольная шахта, автобаза и ряд специальных и вспомогательных производств. География управления огромна — от Новосибирска до Читы.

Первый приказ ВСУ (№1 от 09.04.1946) касался проведения противопожарных мероприятий в первомайские праздники. Начальником ВСУ-30 был назначен инженер-подполковник О.П. Смирнов. Наследство ему досталось очень большое и тяжелое. Документы говорят, что новое управление получило от предшественника большое количество хозяйств, надстроек и штата (67 единиц и 1472 человека персонала). «В результате реорганизационных работ в системе ВСУ-30 остался только самый необходимый минимум хозяйств в количестве 49 единиц с 1040 человек» [ГАНУ. Ф. 1452. Оп. 2. Д. 35. Л. 79]. Если на начало года в единовременном производстве было около 500 объектов, то к концу года их осталось 300.

1946 г. выдался для ВСУ-30 тяжелейшим. Сокращение структуры, при этом резкое увеличение программы строительства. План капстроительства в 1946 г. в основном распределялся по министерствам цветной металлургии (25,45%), сельхозмашиностроения (19,09%), вооружений (12,72%), электропромышленности (12,25%). В Новосибирске строители ВСУ-30 работали на объектах заводов №№386 и 635 (старое Пашино практически было выстроено ими), 631 и 653, 208 и 690, 75, 69, 369, 660. Кроме того, среди заказчиков — Канский хлопчатобумажный комбинат, Томская ГРЭС, Красноярский комбайновый завод (№703). Большую подмогу в строительстве оказывали военнопленные и заключенные, чьи лагерные отделения находились на многих стройплощадках. Например, только при заводе №208 в конце 1946 г. содержалось 1500 человек [Герасимова, 2004, с. 130].

Но реорганизационный момент сыграл свою злую роль, план был провален, годовой отчет ВСУ за 1946 г. получил разнос в Министерстве и был признан неудовлетворительным, а начальнику управления и его заместителям объявлены строгие выговоры.

В 1947 г. дело наладилось. ВСУ активно осваивал промышленное, жилое, культурно-бытовое строительство, и по результатам года 66,2% объектов были сданы с оценкой «хорошо». Программа по строительству в Новосибирске стремительно возрастала. В 1946 г. она составляла 991 тыс. руб., в 1947 г. — 4964 тыс. руб., а в план 1948 г. было заложено уже 18–20 млн. руб.

В 1948 г. новые реорганизации — УВСП-3 становится УНР-201, а в 1949 г. ему дается другой номер — УНР-285⁴⁸.

⁴⁸ Приказ Министерства строительных предприятий маши-

Контора ВСУ-30 занимала южное крыло четырехэтажного здания по Мичурина, 25. Дом этот строился специально для Главвоенпромстроя под контору и жилье сотрудников. В здании находилась столовая, во дворе служебный гараж (140 кв. м), ОРСовский промтоварный магазин, а также сапожная и портновская мастерские. Управление Стройтреста №30 занимало здесь помещения до 1980-х гг.

Широко внедрялся метод скоростного строительства, применялись стахановские вахты по внедрению метода кирпичной кладки знаменитого лауреата Сталинской премии С.С. Максименко. В январе 1949 г. УНР-205 работала на строительстве детсадов и детских лагерей. Бригада каменщиков Келле с подсобной бригадой Велк встали на стахановскую вахту и, работая поточно-кольцевым методом, добились производительности труда 260% при товарной выработке на человека 600 руб./день, а «звено каменщиков т. Трайберг с подсобной бригадой т. Арбидан... выполнили норму выработки на 307%... при товарной выработке на человека 640 руб./день» [ГАНУ. Ф. 1452. Оп. 1. Д. 18. Л. 52].

За январь-апрель 1949 г. было сдано в эксплуатацию более 1500 кв. м жилья. Одним из последних объектов ВСУ-30 была достройка административного здания Обкома ВКП(б) (Красный проспект, 18) со сдачей к 07.11.1949, а также площадки на заводах им. Коминтерна, им. Ленина, стекольного. Все они стали и первыми основными заказчиками нового объединения — Строительного треста №30.

Постановлением Совета Министров СССР от 9 марта 1949 г. №997 были объединены Министерство строительства военных и военно-морских предприятий Союза ССР и Главмашстрой при СМ СССР. Постановлением от 28 марта 1949 г. военно-строительное управление №30 преобразовано в гражданский общестроительный Строительный трест №30 (территориального типа 1-й категории в г. Новосибирске) Главного управления районов Сибири и Дальнего Востока «Главвостокстрой» Министерства строительства предприятий машиностроения [ГАНУ. Ф. 1452. Оп. 1. Д. 74. Л. 10].

Созидание для человека

Инженер-полковник О.П. Смирнов стал первым управляющим Стройтреста №30, его заместителем — главный инженер треста инженер-подполковник Валерий Михайлович Волков, ставший позднее начальником управления строительства новосибирского Совнархоза. В связи с реорганизацией «сеть хозрасчетных организаций СТ-30 вновь претерпела коренные изменения. Из пяти УНР осталось только два: УНР-285 и УНР-286 в Новосибирске... влился только УНР №290 в г. Томске (б. Сибмашстрой) для осуществления строительства нового завода №590 и завода радиодеталей организован новый УНР №287 в г. Новосибирске, ст. Алтайская» [ГАНУ. Ф. 1452. Оп. 2. Д. 54. Л. 3]. Помимо основного производства, в составе нового треста были десятки строительных промпредприятий и лесоконтор на территории от Омска до Красноярска. Трест потерял более половины людских ресурсов, значительную часть производственной и жилой базы. Положительная сторона реорганизации заключалась «в резком сокращении разбросанности организаций и облегчении руководства стройками». В 1950 г. трест запускает в Заель-

новском районе собственный асфальтовый завод, потом комбинат стройдеталей №1. К 1950 г. трест №30 почти полностью выполнил свои производственные обязательства.

Главным видом деятельности по-прежнему выступает промышленное строительство. Но, помимо этого, предприятия треста работают на собственном производстве на Дзержинской площадке, Заельцовской промплощадке, строят жилые дома на Гусинобродском шоссе, больницы, детские ясли (при заводе радиодеталей), школы (з-да им. Ленина), пионерлагеря, благоустраивает территорию, восстанавливает Сухарную дамбу после разрушения ливневыми водами, проводит освещение жилпоселков.

Выполнение планов идет с большим трудом, контроль за ним очень жесток — вплоть до уголовной ответственности. Планы выпуска продукции 1952 г. значительно перекрыты. Его фактическое выполнение к уровню 1951 г. составило от 108,5 до 224% при снижении себестоимости продукции на 9,87% (при плане 9,38%). Особенно отличился асфальто-бетонный завод (270,1%). Министерством особенно было отмечена сдача в эксплуатацию котельной завода №208, за что коллектив был отмечен большой премией в 23609 руб.

В 1950-х гг. прошла новая полоса реорганизаций и переподчинений. Из треста выделяются и вновь вливаются заводы и строительные участки. В 1950 г. из Стройтреста №43 в 30-й передается УНР-277, но из треста уходит Реммехзавод №2⁴⁹. В 1951 г. 30-й трест передан Главному управлению по строительству в районах Урала и Сибири «Главуралсибстрой» Министерства строительства предприятий машиностроения СССР⁵⁰, с мая 1953 г. — Главному управлению по строительству промышленных предприятий в районах Сибири «Главсибстрой»⁵¹, с октября 1955 г. — Главному управлению специального промышленного строительства «Главспецпромстрой» Министерства строительства СССР⁵².

Непрерывно рос уровень и объем поставленных правительством задач. Одновременно в стране начинается период сокращения административно-хозяйственных расходов, и стройорганизации начинают укрупняться, происходит резкое усиление оснащенности производственной базы. К концу 1953 г. в состав СТ-30 входят уже 9 УНР, ДОК, асфальто-бетонный, кирпичный, ремонтно-механический, 4 прочих завода, 2 комбината строительных деталей. В состав треста было включено крупнейшее деревообрабатывающее предприятие города — ДОЗ «Большевик»⁵³, которое объединяют с ДОК-3⁵⁴, временно законсервированным в 1951 г. Но уже 25.11.1955 ДОК-3 снова выделяют из «Большевика» и передают Министерству городского и сельского строительства

⁴⁹ Приказ Министерства строительных предприятий Машиностроения от 20.01.50 №35.

⁵⁰ Приказ Министерства строительных предприятий Машиностроения от 14.04.51 №181.

⁵¹ Приказ Министерства строительства СССР от 11.05.53 №94.

⁵² Приказ Министерства строительства СССР от 21.10.55 №408.

⁵³ Приказ Министерства строительства СССР от 11.05.1953 №94.

⁵⁴ Приказ Министерства строительства СССР от 03.11.1955 №423.

РСФСР⁵⁵. Организации передаются активы СТ-126, -133, строительные тресты радиотехнической промышленности, Министерства высшего образования, СМУ треста №25, Сибздравпромстроя.

В 1953 г. работники СТ-30 работают на строительстве высотных зданий в Москве, где перевыполняют план по объему работ на 139%, в Новосибирске возводят такие знаковые объекты как семиэтажные дома, обрамляющие площадь Калинина. В целом, государственный план строительного-монтажных работ 1953 г. трестом выполнен на 115,2%.

Начал расширяться парк строительных машин. Понемногу стали появляться башенные краны, увеличилось число автокранов, бульдозеров, экскаваторов, скреперов. Но общий уровень механизации все равно оставался очень низким. Еще в январе 1952 г. на VII пленуме Новосибирского обкома партии отмечалось: «земляные работы механизированы только на пятьдесят, изготовление деревянных конструкций и деталей — на сорок, штукатурные и отделочные работы — на тридцать процентов, а погрузочно-разгрузочные, как правило, велись вручную» [Вечный двигатель, 2006, с. 50].

В сентябре 1954 г. состоялась городская техническая конференция по строительству, на которой были отмечено существенное продвижение материально-технической базы строительства. «Так, если одна из ведущих строительных организаций города — трест №30 — в 1953 г. располагал лишь небольшим цехом сборного железобетона и арматурной мастерской, то уже следующем году в его составе действовали цех армопенобетонных изделий, завод товарного бетона и раствора, цех ячеистого бетона и два полигона по изготовлению сборных железобетонных конструкций. Производственная база треста позволяла теперь самостоятельно изготавливать фундаментные блоки, стеновые панели, перекрытия, лестничные марши и т.д.» [Вечный двигатель, 2006, с. 50, 51].

С 1954 г. трест возглавляет В.А. Калединцев. Объекты, возводимые трестом, покрывают весь правый берег Новосибирска. В 1954 г. работы велись на 396 площадках. Строители работают на десятках заводов, строят лабораторный корпус строительного института, электротехникум завода №208, школу завода №386, нефтебазу в Бердске. Огромное количество объектов отразилось на качестве. Произошел провал по плану. К объему 1953 г. он был повышен на 133,8%, а реально выполнен только на 100,3%, что составило всего 73,4% от заданного. Также были допущены убытки от удорожания стоимости строительства.

В 1955 г. из треста переведены 2 УНР, но взамен приписаны еще 4 строительные организации других министерств, в т. ч. СМУ-25 Министерства обороны. В этот раз план предусматривал увеличение объема работ к факту 1954 г. только на 8,3%. Он охватывал 46 заказчиков для 20 министерств. Среди них здания сельскохозяйственного, инженерно-строительного института (лабораторный корпус и общежитие №6), НИИГАиКа (восьмиквартирный дом), Академии наук (39-квартирный дом), жилые дома, а также 17 зерноскладов на территории области. План был выполнен на 90,1% (150700 тыс. руб. против 167260 тыс. руб.).

⁵⁵ Приказ Министерства строительства СССР от 25.11.1955 №454.

Для эффективного развития тресту срочно требовалось максимальное внедрение индустриальных методов работы и концентрация работ.

В 1956 г. трест ведет строительные-монтажные работы на промышленных, жилых, культурно-бытовых объектах Министерства авиационной промышленности (завод №153, СибНИА, НИИ-19, Гипроавиапром), выполняет заказы Министерства электростанций, хлебопродуктов, лесной промышленности, строительства, в т. ч. на селе. Трест наконец-то обзавелся собственными детскими садами. План года по генподряду был перевыполнен на 107,0% при производительности труда 131%.

С ноября 1956 г. управляет трестом Борис Ионович Иванковский. В следующем году тресты №№30, 45, 145 и др. были из состава Главсцепромстроя переданы управлению по строительству в городе Новосибирске и Новосибирской области Министерства строительства СССР с исключением из его состава КПП (всех промышленных предприятий) по состоянию на 01.01.1957 и включением их в трест производственных предприятий «Стройдеталь-79»⁵⁶. На 15.08.1957 на самостоятельном балансе в трест входят УНР 1-й категории №№277, 285, 286, 287 (ст. Алтайская), 288 (Матвеевка), СМУ-1, ЖКК и типография.

В августе СТ-30 передается строительная школа №8 на ул. Давыдова 4, на базе которой создается строительное училище №8. Среди сдаточных объектов предприятия — жилые дома на Крылова 7, Чаплыгина 39, Никитина 126, сельскохозяйственный институт, геологоразведочный техникум. Начато строительство объектов Сибирского отделения Академии наук СССР. Правобережные стройки академии возложены на Стройтрест-30. Это жилые дома, здания Ботанического сада, институт радиофикации, институт физики.

Возглавляет организацию Н. Патрикеев, но объектов много, строки жесткие и работа треста в 1957 г. признана неудовлетворительной, и с февраля 1958-г. новым управляющим назначен Г.С. Кравцов. В трест добавляется и СМУ-2. Ведутся реконструкция и строительство городского аэропорта, стадиона «Спартак», дома по Революции 32, Заельцовской АТС, правобережного водопровода, водозабора, насосных станций, канализационных и очистных сооружений. Трест прокладывает ЛЭП в НФС-1.

Конец 1950-х гг. ознаменован эскалацией холодной войны. Не могло это не задеть и наш город. Работы засекречиваются. Объекты зашифровываются. Архивные документы напоминают тревожные сводки сороковых: коды, координаты, цифры, штабы, командные пункты, приказы по личному составу. Среди заказчиков треста: п/я 30, 63, 83, 92, 66, 89, 25, 202, 155, 105, 5, 23, 159, 167, 1 и др. На предприятиях активно строятся объекты МПВО: спецсооружения, аптечные склады, бомбоубежища. Обеспечивается их герметизация, подводка коммунальных сетей. Рабочие буквально зарылись в землю, строится буквально подземный город. Трест оборуодует бомбоубежища и в жилых домах, в том числе в собственной жилищно-коммунальной конторе. Создаются группы и звенья самозащиты на Свердлова, 37, Крылова, 7, Дзержинского, 10, Весенняя, 12, Давыдова, 4, Бота-

⁵⁶ Приказ Министерства строительства СССР от 21.02.57 №68.

ническая, 29, Малиновского, 10, Ленинградская, 201.

План строительно-монтажных работ 1960 г. был утвержден в размере 128646 тыс. руб. с ростом к 1959 г. в 107,3%. Основными заказчиками выступали горисполком — 76,2 млн. руб., Академия наук — 4,7 млн., п/я 82, 39, сельхозинститут, совхоз Кочковский (всего 175 объектов). Выполнение плана по генподряду составило 104,7%, т. е. 12,5% к прошлому году. Причем 82,5% сданных объектов были приняты с оценкой «хорошо».

Гигант правобережного строительства

В начале 1960-х гг. опять происходят реорганизации: из треста активно выделяются самостоятельные организации, переименовываются, вливаются вновь. На 01.01.1961 в тресте — УНР-277, 286, 287, СМУ-2, ЗЖБИ-15, ЖКК, машсчетбюро, типография, детсады №№79, 106 и 124. 10.02.1961 на базе СМУ-2 образован Жилстрой-2 для жилищного строительства горисполкома.

Начато возведение сложного и новаторского в техническом отношении здания ГПНТБ, Дома проектных институтов, регулярно командированы специалисты на строительство Чернореченского цементного завода в Искитиме.

С 1962 г. трест возглавляет Дмитрий Вакулович Корольков. В этом году УНР переименованы в СУ-9, -10, -11, -12, а сам Стройтрест-30 «в целях усиления работ по строительству промышленных объектов и особенно на объектах радиотехнической промышленности» был переименован в Промстрой-1⁵⁷. Через полтора года, Промстрой-1 и Промстрой-2 переходят из подчинения новосибирского Совнархоза в Главзапсибстрой⁵⁸.

Коллектив новой организации с воодушевлением встретил новый строительный год. В социалистических обязательствах, принятых на 1963 г. сказано: «Претворяя в жизнь исторические решения XXII съезда КПСС, ... коллектив строителей Промстрой-1 принимает на себя следующие обязательства: 1) годовой план по строительству 1963 г. в сумме 16454 тыс. руб. выполнить досрочно к 27.12.1963... 3) построить и сдать в эксплуатацию сверх плана жилой площади в количестве 1320 кв. м, из них по СУ-9 — жилой дом Обкома КПСС — 1320 кв. м.». [ГАНУ. Ф. 1452. Оп. 1. Д. 346. Лл. 85, 86]. Здесь же, в перечне культурно-бытового строительства — реконструкция областной больницы, школа на 920 мест и Дворец пионеров, автовокзал, детский сад шоколадной фабрики, комплекс водопровода Центрального района, общежитие мединститута и мн. др. В заключение обязательств коллектив Промстрой-1 вызвал на социалистическое соревнование коллектив Промстрой-2.

Весной 1964 г. название треста было возвращено: «с 01 апреля ликвидировать Промстрой-1 и Промстрой-2 и на их базе создать Строительный трест №30 первой группы в составе СУ №№9, 10, 11, 19, 20, 21, 27, правобережного ЗЖБИ, ЖКО, детских садов №№79, 119, и 124»⁵⁹ [ГАНУ. Ф. Р-1452. Оп. 1. Д. 426. Л. 31–32]. К тому же СТ-30 приобщил историю Государственного союзного строительно-монтажного треста №7, учрежденного 08.10.1940 г.

⁵⁷ Приказ управления строительства новосибирского Совнархоза от 01.11.62 №224.

⁵⁸ Постановление Совета министров РСФСР от 02.03.63.

⁵⁹ Приказ Главзапсибстроя от 31.03. 64 №98.

постановлением правительства СССР при Наркомате авиационной промышленности СССР. Именно это трест строил наш знаменитый завод имени Чкалова и многие другие объекты авиационной промышленности.

Производительность труда обновленного СТ-30 напрямую зависела от четкой, стабильной и ритмичной работы всего коллектива, и за увеличением уровня индустриализации и механизации в Стройтресте-30 последовали серьезные изменения в организации труда и производства. «Возникла необходимость в разработке и строгом соблюдении технологических правил, четкой последовательности выполнения работ, как для промышленного, так и жилищного строительства» [Вечный двигатель, 2006, с. 62]. В тресте широко развернулось движение «Бригад коммунистического труда».

Широко внедрялась рационализация производственных процессов, совершенствовались формы и методы работы. Постоянное совершенствование технологий потребовало плотной связи производства с наукой, роста культуры производства. В первой половине 1960-х гг. Стройтрест №30 первым в Новосибирске освоил и широко применял поточные методы строительства, что существенно сокращало сроки выполнения работ. Планирование и управление строительством также претерпело качественные изменения путем внедрения прогрессивных сетевых методов. За 1963 г. сотрудниками треста было внесено 136 рационализаторских предложений с экономической эффективностью 148240 руб. Из них 95 принято, 83 внедрено. Лучшим новатором года были признан старший прораб Ю.П. Стрельников, подавший 5 рациональных предложений с общей экономической эффективностью 5631 руб.

В 1964 г. главным инженером Стройтреста-30 стал Николай Калинович Кружинский, переведенный из Стройтреста №43. С марта 1965 г. он возглавил трест, но вскоре стал руководителем «Новосибирскстрой-1», а после перешел в аппарат «Главновосибирскстрой» [Комякова, 2015]. А во главе Стройтреста №30 с мая 1965 г. стал П.П. Начаров. Это время отмечено строительством новых цехов металлургического завода им. Кузьмина, Сибсельмаша, Текстильмаша, ЖБИ-12, пивкомбината, центрального универмага на 300 рабочих мест.

В апреле 1966 г. в Ташкенте произошло разрушительное 8–9 бальное землетрясение. Центр города лежал в руинах. Вся страна пришла на помощь братской республике. В составе Строительного треста №30 для восстановления Ташкента также был организован Новосибирский строительный поезд в составе 150 человек с необходимым количеством транспорта и оборудования⁶⁰, который работал на месте бедствия до начала 1970 г.

В планах 1967 г. — государственный цирк, инсектарий института биологии, институт связи, монтажный техникум, больница №32, крытый рынок в Октябрьском районе, реконструкция больницы облисполкома, консерватории, драмтеатра, пединститута, педучилища Макаренко; 1968 г. — швейная фабрика «Северянка», кожкомбинат, макаронная фабрика, институт геологии и геофизики. Выполнение годового плана 1967 г. составило 103%.

В конце 1960-х гг. работы ежегодно велись бо-

⁶⁰ Приказ Главзапсибстроя от 27.05.66 №27.

лее чем на 500 объектах промышленного и жилого строительства. Кроме того, отряды рабочих треста постоянно командированы на строительство многочисленных объектов как в области (щебеночный и льнозаводы в Буготаке, туберкулезный санаторий в Мочище, спальные корпуса на курорте «Озеро Карачи»), так и за ее пределами (Карагандинский металлургический завод, гостиница «Интурист» в Самарканде).

С августа 1967 г. Стройтрест №30 подчинен Новосибирскому управлению строительства Министерства строительства СССР, начальником которого и становится П.П. Начаров. Стройтрест-30 возглавил В.И. Абраменко. Активно внедряются скоростные методы строительства жилья. В третьем квартале 1967 г. СТ-30 «освоил и осуществил эффективный метод щитовой проходки коллекторного тоннеля под зданиями, железнодорожными и трамвайными путями. Данным методом построено 396 погонных метров коллектора и получен экономический эффект в сумме 44000 рублей» [ГАНУ. Ф. 1452. Оп. 1. Д. 490. Л. 39]. Для обмена опытом управляющий СТ-30 Абраменко направляется в рабочую командировку в Японию в составе общесоюзной группы специалистов.

В 1969 г. на родине вождя революции, в Ульяновске, возводят Ленинский мемориал. На его строительство отбирают лучших рабочих со всей страны. Новосибирскому тресту №30 приказано направить на этот государственный объект одного электросварщика и десять квалифицированных плотников. К 100-летию В.И. Ленина мемориал был торжественно сдан.

С декабря 1970 г. трест переподчиняется территориальному строительному объединению в Новосибирской области «Новосибирскстрой» Министерства строительства СССР в районах Урала и Западной Сибири. Интересный факт, подтверждающий, что строительная работа никогда не считалась легкой. Когда в 1970 г. вышло известное Постановление «О мерах по усилению борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»⁶¹, то в Новосибирске в список предприятий для трудового воспитания таких лиц под №1 встал именно Стройтрест-30. На объектах, возводимых трестом, работали и условно-осужденные и условно-освобожденные.

С 1970 г. управляющим Стройтреста №30 стал Заслуженный строитель РСФСР Евгений Федорович Яров. В годы 9-й пятилетки (1971—1975) Стройтрест ведет работы по возведению Дворца культуры строителей на 800 мест, поликлиники строителей, Дворца пионеров, биатлонной базы с гостиницей и лыжным трамплином, дюкера через речку Каменку и мн. др. Работы по сооружению монумента В.И. Ленину на центральной площади города тоже выполняли рабочие Стройтреста-30. Своими объектами трест завоевал репутацию коллектива, способного решать сложные задачи.

Особенно стоит остановиться на строительстве здания нового цирка с самым большим в городе зрительным залом 2300 мест. Проект этого «сложного по объемно-планировочному и конструктивному решению здания» предусматривал возможность его многофункционального использования: «как цирка,

киноконцертного зала, зала массовых собраний, спортивных демонстраций, устройства выставок» [Баландин, 1986, с. 91]. Это было здание совершенно нового типа. Так, в начале 1930-х гг. по этому же принципу задумывался ДНИК (Дом науки и культуры), в результате ставший тем самым знаменитым Оперным театром.

И недаром строительство этого цирка было доверено коллективу Стройтреста-30. Технический прогресс шел вперед, стали внедряться абсолютно новые технологии: это и нетрадиционная планировка зала, и сплошное стекло ограждение, и купол в виде гиперболического параболоида. При возведении круглого здания цирка впервые в строительной практике города применялся уникальный башенный кран БТК-5/8, который передвигался вокруг стройки по циркульному подкрановому пути. Одна опора передвигалась по внутреннему рельсу, а две — по внешнему.

Строительство продолжалось почти 6 лет. Вокруг здания был разбит большой сквер — Нарымский, который и сегодня является одним из любимейших мест тихого отдыха горожан. К сожалению, здание цирка (как в свое время и ДНИК) не удалось сделать многофункциональным, но опыт работа треста был передан другим организациям, и вскоре такие же цирки были построены во многих городах СССР.

В феврале 1971 г. на торжественной передаче здания цирка строителями его коллективу был вручен символический ключ и большое деревянное панно, изображающее царя зверей и любимца публики, льва. Надо сказать, что с самого начала строительства в нем символически принимали участие и артисты будущего цирка. В частности, директор цирка Д.К. Бабин, его заместитель Е.В. Шурупов, Народный артист Узбекской ССР Акрам Юсупов принимали участие в закладке первого бетонного блока в фундамент здания, под который по старинному обычаю была брошена горсть монет. Весь коллектив участвовал в благоустройстве территории по завершению строительства.

Первое представление в новом здании 11 февраля 1971 г. было показано строителям цирка. В той первой программе приняли участие «Звездные канатоходцы» под рук. Народного артиста СССР, лауреата Государственной премии В. Волжанского, группа тувинских артистов под рук. Народного артиста СССР Оскал-Оол, джигиты «Иристон» под рук. Народной артистки Северо-Осетинской АССР Д. Тугановой, акробаты Канагины, комические жокеи Ю. Тамарин и А. Калугин, воздушные гимнасты под рук. Н. Тарасова, клоун В. Мусин и др. [История цирка, 2015].

В 1972 г. рационализаторы СТ-30 стали лучшими в отрасли. Он завершили год с отличными результатами. Число изобретателей за год выросло с 89 до 120, а экономический эффект от внедрения предложений и 292000 руб. до 395000 руб.

Не оставалась в стороне и социальная политика треста. В его ведении были несколько детских садов, к которым еще добавился и детский ясли-сад №119 на Золотой горке, ухоженный пионерский лагерь «Звездный городок» на 240 мест в 5 км от села Мочище. Было начато строительство собственного жилого дома на Дзержинского, 18.

В 1973 г. коллектив треста работал для 52 заказ-

⁶¹ Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 23.02.70 №136.

чиков на 326 объектах. Отдельной строкой в отчетах упоминались «объекты, строящиеся на импортном оборудовании». Это здание крупнейшего в Сибири магазина самообслуживания «Универсам» на 70 рабочих мест торговой площадью 1270 кв. метров.

В 1974 г. было начато внедрение автоматических систем управления и диспетчерской связи для оперативного хода управления строительством: АСУ «Аккорд», «Супер», «Асут». Применение «Аккорда» позволило достичь экономической эффективности в 35 тыс. руб. на каждый миллион выполненных строительно-монтажных работ.

В тресте широкую поддержку получил почин бригады А.Д. Басова: «Работать высокопроизводительно, без травм и аварий», по которому все члены бригады, от ученика до бригадира, постоянно заботятся о безопасности труда на рабочем месте, своевременно выявляют и ликвидируют причины, по которым могут возникнуть случаи производственно-го травматизма.

В те годы очень популярным были различные соревнования между коллективами. Трест №30 участвовал, конечно, и во всесоюзном соревновании, и вызвал на соревнование Стройтрест №5 города Омска. Кроме того, были организованы конкурсы по различным критериям между управлениями, участками, мастерами самого треста, между молодыми рабочими, на звание лучшего молодого рабочего, а также к годовщинам со дня рождения и разных дат.

Эпоха расцвета

План 9-й пятилетки по генеральному подряду был трестом перевыполнен на 100,1%. Рост объемов к соответствующему периоду 8-й пятилетки составил 16,5 и 14,8% (по генподряду и собственными силами).

В период руководства Е.Ф. Ярова Стройтрест №30 стал передовым предприятием, неоднократно выходил победителем социалистического соревнования. Многие объекты, построенные трестом в эти годы, до сих пор являются украшением города Новосибирска.

«За успешное выполнение задания 9-й пятилетки и социалистических обязательств по строительству промышленных предприятий, объектов культуры, здравоохранения и высокое качество работ» строительный трест №30 награжден Орденом Трудового Красного Знамени⁶². [ГАНУ. Ф. Р-1452. Оп. 1. Д. 865. Л. 29]. Торжественная церемония вручения наград происходила 9 апреля. Управляющему Е.Ф. Ярову также был вручен орден Ленина — «за успешное выполнение заданий девятой пятилетки и достигнутые высокие показатели в работе»⁶³. Другие работники также были награждены орденами и медалями. Списки награжденных опубликованы в газете «Вечерний Новосибирск» от 28.03.1976 г. Стройтрестом был учрежден и собственный наградной знак, которым награждали ежегодно ко Дню строителей — «Ветеран труда Строительного треста №30» 1 и 2 степени.

На десятую пятилетку был намечен рост плана от 30461 тыс. руб. в 1976 г. до 38000 в 1980-м, с ростом — 124,74%. План 1976 г. по генподряду выполнен на 102%.

⁶² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.02.1976 №2989-IX.

⁶³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.03.1976 №3571-IX.

Евгений Федорович Яров из треста перешел на работу в горисплоком, а потом возглавил Главновосибирскстрой. Но в конце 1990-х гг., уже будучи на пенсии, Евгений Федорович продолжал работать, занимая должность председателя Совета директоров ОАО «Строительный трест №30». С лета 1977 г. управляющим трестом стал Рим Михайлович Бабкин.

Параллельно со зданием цирка правительство поручило Стройтресту №30 «Главновосибирскстрой» еще один важный объект, ставший одним из символов Новосибирска. Это один из старейших театров Новосибирска — театр юного зрителя (ныне молодежный театр «Глобус») по ул. Каменной (автор — заслуженный архитектор РФ А.А. Сабиров). В 1989 г. этот проект получил Серебряную медаль ВДНХ СССР. Здание со зрительным залом на 1000 мест, стилизованное под парусник, оказалось инженерно очень сложным объектом с несколькими оригинальными сценическими коробками, двумя вращающимися дисками, трехмерным вантовым покрытием, многоуровневой пространственной композицией вестибюля. Театр строился вместе с окружающей зеленой зоной и в транспортной увязке с Октябрьской магистралью. Здесь на строительстве тоже применялся циркульный башенный кран.

В 1970 г. начали строить нулевой цикл. Работы выполнялись строительным управлением №23. Сложность проекта, нарушения договорных сроков подрядчиками привела к задержке сдачи здания в эксплуатацию. Этот долгожданный день наступил 30 октября 1984 г. Директору нового театра Заслуженному работнику культуры РФ Н.И. Никульковой был вручен символический ключ от театра, также выполненный в виде парусника, который был установлен на втором этаже фойе. Далекая мечта стала реальностью. Так, строительный трест №30 отправил по волнам культуры свою очередную «бригантину».

Во второй половине 1970-х гг. правительство особое внимание уделяет завершению строительства самого крупного в СССР Новосибирского электродного завода. Он объявлен всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Со всей страны сюда ехали строители, монтажники, водители, крановщики, станочники. В строительстве активно участвуют и бригады Стройтреста №30.

В Новосибирске в жилых микрорайонах трест во множестве строит между домами вставки торгового и культурно-бытового назначения. Производится благоустройство Волочаевского жилмассива, проспекта Дзержинского, улиц Б. Хмельницкого, Учительской, и др. — освещение, укладка тротуаров, ремонт дорожного полотна, устройство остановок общественного транспорта, установка агитационных и памятных стел. Одним из объемных объектов работ становится Заельцовский бор. Здесь возводятся зоопарк, санаторий «Заельцовский бор», коллектор зоны отдыха.

Список строительных объектов внушительен. Это по-прежнему многочисленные объекты на заводах, градирня ТЭЦ-5 высотой 86 м, плавательный бассейн «Спартак», здания торгового и культурно-бытового назначения, благоустройство, установка агитационных и памятных стел. Кроме того, регулярно оказывается шефская помощь совхозам и колхозам области.

В 1970-е — 1980-е гг. объем работ, выполненных

Стройтрестом №30, составлял ежегодно 5–5,5 млн. руб. по договорам генерального подряда и еще 2–2,3 млн. руб. — собственными силами (в ценах 1984 г.).

Последний год 10-й пятилетки, 1980, трест работал с 49 заказчиками на 278 объектов и закончил его с выполнением плана на 100% (26249 тыс. руб. к факту 26252 тыс. руб.). 42 бригады выполнили пятилетку досрочно; 67 лучших работников награждены знаком «Ударник X пятилетки», 70 — знаком «Победитель социалистического соревнования 1980 г.», 140 — Почетной грамотой треста, 140 — ценными подарками и денежными премиями, 10 человек занесены в «Книгу почета» треста, 24 — на Доску почета треста, один на районную Доску почета.

Победители социалистического соревнования награждались также переходящим Красным знаменем и выпелами. В 1980 г. 84 работника подало рационализаторские предложения. В большинстве своем они касались изменения различных конструкций. 77 предложений было принято положительно, а 76 — применено. Экономических эффект от их использования составил за год 504,1 тыс. руб.

В рамках «безусловного выполнения решений Майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС «О продовольственной программе СССР...», предложений на нем Генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Л.И. Брежнева» трест активно приступил к строительству подсобных хозяйств для заводов города: им. Чкалова, Электроагрегат, Коминтерна. В план дополнительно вошли свинарники, коровники, телятники, птичники, хранилища.

Период зстоя

В XI пятилетку трест вступил успешно. План генподряда 1981 г. включал 49 заказчиков на 232 объектах в восьми районах города и трех области (Искитимском, Кочковском, Ордынском) и был выполнен на 100%.

Среди объектов треста по-прежнему большой блок занимают промышленные предприятия, объекты Новосибирского метрополитена, гостиница «Интурист» (ныне «Азимут»). Кроме того, работники треста принимали участие в комплексном капитальном ремонте знаменитого здания Новосибирского театра оперы и балета, в т. ч. его уникальной чешуйчатой кровли.

Следующие несколько лет коллектив преследовали неудачи. От администрации города, от депутатов трудящихся в адрес работы треста поступают частые претензии о неудовлетворительном строительстве фруктохранилища, плодоовощной базы, ТЮЗа⁶⁴.

План 1982 г. выполнен лишь на 89%. За год было сдано только 24 объекта. Срыв плана обуславливался постоянными изменениями в проектно-сдаточной документации, задержкой поставок заказчиками и работ субподрядчиками, а также недостатком материалов и людских ресурсов у самого треста. План 1983 г. тоже был провален. Генподряд был выполнен только на 84%, план 1984 г. — на 80%. Лишь в 1985 г. удалось снова выйти на заданный уровень и план был выполнен на 104%. План XI пятилетки в целом все же остался невыполненным.

В тоже время были достигнуты хорошие результаты по экономической и идеологической работе.

⁶⁴ Решение Новосибирского исполкома Совета народных депутатов от 15.09.82 №385.

Выполняя решения июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС была развернута система экономического образования, в которой занимались 389 сотрудников треста (около 1/3), «созданы и утверждены:

— 7 школ конкретной экономики с изучаемым курсом «Экономная экономика»... с общей численностью 109 человек,

— 8 школ коммунистического труда с изучением курса «Бережливость — черта коммунистическая»,

— 7 школ партийной учебы, из них 6 школ научного коммунизма, изучающих тематику «Идеологическая борьба двух мировых систем» и политшкола ЖКХ, где изучаются вопросы внутренней и внешней политики КПСС» [ГАНО. Ф. 1452. Оп. 1. Д. 1278. Лл. 185, 188].

С 1984 г. управляющим трестом стал его главный инженер Николай Кондратьевич Цюпка, проработавший в этой должности до 1991 г. С начала 1985 г. Стройтрест №30 подчинен территориальному главному управлению по строительству в Новосибирской области (Главновосибирскстрой), а в июне 1988 г., в связи с преобразованием последнего, Стройтрест №30, как и многие другие строительные организации, были переданы в «Новосибирскстрой» с подчинением Министерству строительства СССР. В его составе находятся СУ №№9, 10, 11, 19, 21, нормативно-исследовательская станция (НИС), управление проектно-технической комплектации (УПТК), ЖКК. В 1987 г. ЖКК была передана специализированному тресту.

В 1986 г. трест находился в подчинении Министерства строительства в районах Урала и Сибири, в который был преобразован Минстрой СССР. План генподряда 1986 г. был выполнен на 95%, а 1987 г. — на 100%. Трест работал для 37 заказчиков на 177 объектах (7 районов города и 1 области).

В 1985–1987 гг. ЦК КПСС разворачивает в стране антиалкогольная кампания. На отчетном собрании партийно-хозяйственного актива Стройтреста отмечается, что в 1987 г. число прогульщиков составило 220 человек, которые прогуляли в общей сложности 1379 рабочих дней, а в медвытрезвителе побывало 92 человека.

Пришли новые времена — перестройка, идеологическая и экономическая. Весной 1988 г. трест начинает «оказывать платные услуги населению». Первым таким коммерческим объектом стал гаражно-строительный кооператив «Горизонт» Управления государственной безопасности.

К осени в подразделениях треста сложилось крайне тяжелое финансовое положение. В СУ-11 неплатежи поставщикам и банкам составили 800 тыс. руб.

7 декабря 1988 г. в Армении произошло катастрофическое землетрясение (10 баллов по 12-балльной шкале). За 30 секунд пострадал 21 город, а также 350 сел (из которых 58 были полностью разрушены). По официальным данным погибло 25 тысяч человек, 140 тысяч стали инвалидами, а 514 тысяч человек лишились крова. 17 декабря на всех объектах Стройтреста-30 был организован субботник «высокопроизводительного и эффективного труда» для оказания помощи пострадавшим. На восстановительные работы в республику со всей страны приехали 45 тысяч строителей. Не остался в стороне и коллектив Стройтреста. Для восстановления города Ленина-

кан на базе треста на правах структурной единицы был создан строительно-монтажный поезд «НовосибирскАрменстрой» (СМП-10)⁶⁵.

Несмотря на сложные экономические условия, план 1988 г. был выполнен на 101%. В последних коротких социалистических обязательствах Стройтреста на 1989 г. коллектив, «сознавая свою причастность и ответственность в реализации решений XIX партконференции и 27-го съезда КПСС в реализации курса партии на ускорение социально-экономического развития страны», не поставил ни одной конкретной экономической задачи, обойдясь формулировками: сдать, помочь, организовать, отработать, продолжить.

Годовой отчет 1989 г. говорит, что трест работал для 27 заказчиков на 257 объектах в 7 городских районах, 6 областных и в Ленинкане. Годовой план был выполнен на 110%. В тресте начали создаваться кооперативы.

13 марта 1989 г. в СТ-30 было принято указание «О дополнительных мерах по обеспечению сохранности денег». Для сопровождения кассира при перевозке денег «назначаются постоянные работники треста, зарекомендовавшие себя всесторонне положительно, с высоким сознанием общественного и гражданского долга» [ГАНУ. Ф. 1452. Оп. 1. Д. 1510. Л. 4].

И во всей стране, и в тресте наступило нестабильное и беспокойное время — время реорганизации. В 1991 г. трест стал арендным предприятием, а в 1992 г. было создано Акционерное общество открытого типа «Стройтрест №30». В 1993 г. было реорганизовано большинство предприятий страны. АОТ «Стройтрест №30» разделился на 8 самостоятельных предприятий. Самой крупной из них стала производственно-техническая компания «ПТК-30». Помимо исторического номера, она сохранила за собой и основную производственную и материально-техническую базу.

Сегодня предприятие переживает глубочайшие финансовые и кадровые проблемы, но в его уже 90-летней истории остались сотни объектов на обширнейшей территории от Прииртышья до Забайкалья. Они были большие и малые, важные и не очень, но главное — они были нужными, добротными построенными и хорошо показали себя в эксплуатации. Многие сибиряки, эксплуатирующие сегодня цеха, детские сады, школы, больницы, предприятия торговли, квартиры, построенные Стройтрестом №30, благодарны строителям за прочность и качество строений.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск: История градостроительства. 1945—1985 гг. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1986. — 135 с.

2. «Вечный двигатель» развития // История города: Новониколаевск-Новосибирск. Исторические очерки: в 2-х томах — Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2006. — Т. II. — С. 5—92.

3. Герасимова Л.И. На страже рубежей России (завод имени Коминтерна) // История промышленности Новосибирска. Исторические очерки. — Ново-

сибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2004. — Том III: Второй фронт (1941—1945). — С. 109—150.

4. История цирка // Новосибирский государственный цирк. — URL: <http://nscircus.ru/istoriya-tsirka.html> (дата обращения 13.10.2015).

5. Комякова Е. Он строил Новосибирск, ему 90 // Комсомольская правда — Новосибирск. — 17.11.2015. — URL: nsk.kp.ru/daily/26458/3329144/ (дата обращения 19.12.2015).

References

1. Balandin S.N. Novosibirsk: Istoriya gradostroitel'stva 1945—1985 gg. Novosibirsk: Kn. izd-vo, 1986. 155 p.

2. Gerasimova L.I. Na strazhe rubezhei Rossii (zavod imeni Kominterna). Istoriya promyshlennosti Novosibirska. Vol. III. (Vtoroi front, 1941—1945). Istoricheskie ocherki. Novosibirsk, 2004. Izdatel'skii dom «Istoricheskoe nasledie Sibiri». Pp. 109—150.

3. Istoriya tsirka. Novosibirskii gosudarstvennyi tsirk URL: <https://www.circus-novosibirsk.ru/istorija-tsirka.html> (data obrashcheniya 13.10.2015)

4. Komyakova E. On stroil Novosibirsk, emu 90. Komsomol'skaya pravda Novosibirsk 17.11.2015 URL: nsk.kp.ru/daily/26458/3329144/ (data obrashcheniya 19.12.2015)

5. «Vechnyi dvigatel'» razvitiya. Istoriya goroda: Novonikolaevsk-Novosibirsk (istoricheskie ocherki). Vol. II. Novosibirsk, 2006. Izdatel'skii dom «Istoricheskoe nasledie Sibiri». Pp. 5—92.

Список источников:

1. ГАНУ. Ф. 1452. Оп. 1.
2. ГАНУ. Ф. 1452. Оп. 2.

Список сокращений

АОТ — акционерное общество открытого типа
 БТК — башенный трубчатый кран
 ВСУ — военно-строительное управление
 ГАНУ — Государственный архив Новосибирской области.

Главвоенибсредазстрой — Главное управление Сибири и Средней Азии

ГПНТБ — Государственная публичная научно-техническая библиотека

ДНИК — Дом науки и культуры

ДОЗ — дерево-обрабатывающий завод

ДОК — дерево-обрабатывающий комбинат

ЖКК — жилищно-коммунальная контора

ЖКХ — жилищно-коммунальное хозяйство

ЗапСибВО — Западно-Сибирский военный округ

ЗЖБИ — завод железобетонных изделий

КПП — контора производственных предприятий

ЛЭП — линия электропередачи

МПВО — местная противовоздушная оборона

Наркотяжмаш — народный комиссариат тяжелого машиностроения

Наркоминвооружения — народный комиссариат минного вооружения

Наркомбоеприпасов — народный комиссариат боеприпасов

НИС — нормативно-исследовательская станция

⁶⁵ Приказ Главновосибирскстроя от 13.01.1989 №4.

НКО — народный комиссариат обороны
НФС — насосно-фильтровальная станция
ОАО — открытое акционерное общество
ОСБ — отдельный строительный батальон
ПТК — производственно-техническая компания
РККА — Рабоче-крестьянская красная армия
СибОВСУ — Сибирское окружное военно-строительное управление

СМУ — строительно-монтажный участок
СНК — Совет народных комиссаров
СТ — строительный трест
УВР — Участок военных работ
УВСР — Управление военно-строительных работ
УНР — управление начальника работ
УПТК — управление проектно-технической комплектации

Н.Г. Гончарова¹, И.П. Шавшина
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹n.goncharova@ngaha.ru

Объекты монументальной живописи в городе Новосибирске. Творчество Сергея Гриницына

Аннотация

В статье освещается творческий вклад художника-монументалиста С.Н. Гриницына в художественную жизнь г. Новосибирска. Материал подготовлен на основе впервые вводимого в научный оборот архива эскизов С. Гриницына из личной коллекции члена Союза художников России С.Ю. Шишкова, который включает в себя эскизы учебных и творческих работ, созданных в период пребывания Гриницына в Новосибирске. Творчество С.Н. Гриницына заслуживает внимательного анализа и оценки его вклада в художественную жизнь Новосибирска, так как произведения такого уровня должны занять достойное место в списке памятников монументального искусства города. Исследование нацелено на формирование понимания ценности монументальных произведений не только С.Н. Гриницына, но и ряда других художников-монументалистов, чьи имена постепенно стираются из памяти, а работы уходят в небытие.

Ключевые слова: Гриницын, монументальная живопись, стенопись, роспись, Новосибирск, памятники монументального искусства, художники Новосибирска, живопись

N.G. Goncharova¹, I.P. Shavshina
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
¹n.goncharova@ngaha.ru

Objects of monumental painting in the city of Novosibirsk. Sergei Grinitsyn art

Abstract

The article deals with the creative contribution of the muralist S.N. Grinitsyn to the artistic life of Novosibirsk. The article was prepared on the basis of archive sketches by S.N. Grinitsyn which were first introduced into scientific discourse. The archive sketches were taken from the personal collection of a member of the Russian Union of Artists S.Yu. Shishkov, which includes sketches of educational and artistic works created in the period Grinitsyn was living in Novosibirsk. The work of S. Grinitsyn deserves careful analysis and evaluation of his contribution to the artistic life of Novosibirsk. Works of this level should take a worthy place in the list of monuments of monumental art of Novosibirsk. This study is aimed at understanding of the value of monumental works not only by S. Grinitsyn, but also by a number of other muralists, whose names and works are gradually sinking into oblivion.

Keywords: Grinitsyn, monumental painting, wall painting, mural, Novosibirsk, monuments of monumental art, artists of Novosibirsk, painting

Монументальному искусству принадлежит особая роль в формировании облика городской среды, так как художник-монументалист своим произведением способен передать дух времени, общие идейные предпочтения и духовные поиски людей, живущих в среде города. Своим произведением автор художественно оформляет не только городскую среду, но и общественные интерьеры, реализуя тем самым функцию эстетического и нравственного воспитания не только современников, но и тех поколений горожан, которые будут жить, работать и продолжать формировать художественный облик города. На художника-монументалиста ложится достаточно серьезный уровень ответственности в формировании художественного и пластического языка декоративной стилизации, которые окажутся способны выдержать проверку временем и соответствие идеологическим, интеллектуальным и художественным запросам различных социальных групп.

Новосибирск является быстрорастущим городом, с еще формирующейся городской структурой и поиском своего уникального архитектурно-художественного облика. В результате этого часть произведений монументального искусства, создаваемых вроде бы на века, «уходит» из городской среды, авторы произведений остаются безызвестны, а произведения так и остаются не описанными, не имеющими структурного анализа. В результате такого подхода происходят ситуации, когда произведения монументальной живописи сначала предаются забвению, а спустя несколько лет признаются объектами культурного наследия. В этом ключе более углубленное изучение художественного наследия региона представляется необходимым.

Цель данного исследования — пополнить список художественного наследия города Новосибирска именами и произведениями автора, который внес свой творческий вклад в художественную жизнь го-

рода, однако его произведения не нашли своей временной ниши в истории города.

Теоретической и практической базой в изучении выбранного объекта явились труды ряда отечественных авторов, освещающих вопросы монументального искусства, таких как А.В. Иконников, Г.П. Степанов [1963], С.Б. Базазянц [1983], Б.В. Раушенбах [2001], П. Флоренский [1993], а также искусствовед П.Д. Муратова [2015] и теоретический труд художника-монументалиста Е.М. Тищенко «Опыт структурного анализа» [2010].

В 1984 г. в Новосибирск приехал художник, чье имя и произведения монументальной живописи, созданные им для Новосибирска могли бы стать не только предметом культурной гордости, но и мощным воспитательным и образовательным инструментом в процессе подготовки подрастающего поколения монументалистов. Сергей Николаевич Гриницын родился в г. Омске в 1955 г. В 1973–1978 гг. учился в Омском педагогическом институте на факультете графического искусства. После завершения учебы в Омске обучался в 1979–1985 гг. в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В.И. Мухомовой, одном из немногих образовательных учреждений в России, где готовят художников-монументалистов. Учеба шла на факультете монументальной живописи у О.И. Кузнецова и В.Г. Леканова. С 1991 г. — член Союза художников России, и с этого же времени живет и работает в Санкт-Петербурге.

Автор более 20 монументальных объектов:

1982 г. — «Студенты» и «Искусство и ремесло» (Омский государственный университет);

1982 г. — «Сказки Андерсена», «Русские сказки», «Детство», фойе школы, роспись (г. Нижневартовск);

1984 г. — «Творчество» (Омский государственный университет);

1984 г. — «Ностальгия», муниципальный корабль «Люблин», роспись (г. Гданьск, Польша);

1985—1989 гг. — «Святой Франциск», фасад костела св. Франциска, мозаика (г. Люблин, Польша);

2003—2005 гг. — интерьеры кафе «Сладкоежка», графика; объекты на ул. Малая Морская, Невский пр., Большой пр. (г. Санкт-Петербург);

2007 г. — «Джунгли», бассейн, (арх. Т. Бучкина), цветной левкас; темпера; полимеры, роспись, совместно с П. Обухом (г. Санкт-Петербург);

2008 г. — «Музыканты», кабинет арх. А. Галушко, роспись (г. Санкт-Петербург).

С.Н. Гриницын — участник множества групповых и нескольких персональных выставок:

1990 г. — групповая выставка, галерея «Дельта» (г. Санкт-Петербург);

1990 г. — групповая выставка, галерея «Слобода» (г. Великий Новгород);

1992 г. — групповая выставка, галерея «Раиса» (г. Эрфурт, Германия);

1994 г. — групповая выставка, галерея «Палитра» (г. Санкт-Петербург);

1996 г. — «На двоих», Бизнес центр «Смольный», с П. Обух (г. Санкт-Петербург);

1996 г. — персональная выставка, галерея «Св. Михаила» (г. Ля-Рошель, Франция);

1999 г. — «Невольные грешники», офис издания «Аргументы и факты» (г. Москва);

2006 г. — «Чудеса в решете», Галерея «Ди-Ди»

(г. Санкт-Петербург);

2008 г. — «Учитель и его ученики», выставочные залы Союза художников (г. Санкт-Петербург);

С 1991 г. — участник всех «Весенних» выставок Союза художников Санкт-Петербурга⁶⁶.

В Новосибирске в частной коллекции сохранился архив эскизов художника — на основе данного материала и был подготовлен материал статьи. Архив включает в себя эскизы учебных работ и творческих работ, созданных в период пребывания художника в Новосибирске.

Еще обучаясь на кафедре монументальной живописи, в своих учебных проектах Гриницын проявил себя как художник невероятно цельного взгляда, обладающий умением работать с плоскостью с точки зрения общего восприятия интерьера, умением сопоставлять и ритмизировать композиционные схемы монументального произведения с ключевыми параметрами интерьера. Ему присуще умение работать с большой формой и большим пятном, которое, по мере разработанности и перехода в плоскость стены, обретает новые смыслы, пространственные связи и глубину. Конечно, сейчас уже сложно сказать, каким функциональным задачам должен был отвечать интерьер на эскизах художника, но не отметить цельность создаваемого пространства, игру больших и малых форм, гармоничность, соразмерность и найденное отношение масштабов мы не можем. Также и в своем дипломном проекте художник идет от поиска места и характера больших пятен на плоскости стены, их ритмического, тонального и цветового наполнения, что и отвечает первостепенным задачам в работе художника-монументалиста.

Целесообразно подробнее остановиться на нескольких монументальных работах, созданных Гриницыным для Новосибирска в период с 1986 по 1991 г.

В 1986 г. Гриницыным создан проект оформления вестибюля гостиницы «Новосибирск» (ил. 1). Проект создавался в соавторстве с архитектором А. Мальцевым. Проект предполагал включение керамических пластов, созданных по авторским эскизам Гриницына, в интерьерную среду гостиницы. Свободная, мягкая пластика абриса пластов задает лиричный строй всему произведению. Каждый пласт — выхваченный фрагмент из сценок народной жизни, решенный в графическом ключе, — оставляет достаточное цельное восприятие за счет гармоничного распределения крупных цветовых пятен в структуре пластов. Богатство линейного решения, внутренняя живая пластика, разнообразие фактурных находок и разномасштабность, создающая глубину, дает зрителю полное погружение в среду произведения, фабулу народной жизни. В процессе работы был создан и обожжен один пласт. К сожалению, процесс оформления гостиницы на этом остановился и так и не был реализован.

1986 г. — роспись «История медицины» в Центральной психиатрической больнице в Заельцовском районе г. Новосибирска (ил. 2). Роспись представляет собой летопись истории медицины, начиная с повествования о древнеиндийских и египетских врачевателях, и до научной деятельности таких ученых как Дмитрий Менделеев и Иван Павлов. К сожалению

⁶⁶ Сведения о работах художника и его участии в выставках получены из открытых источников, в частности, интернет-ресурса ArtRu.Инфо

нию, не сохранилось полного эскиза данной росписи, поэтому сложно судить о том, какая логика была заложена в общем композиционном замысле. Но очевидно, что разные временные периоды, так же как и повествование об отдельных ученых, замкнуто в отдельные композиционные блоки, а пространство между этими блоками жестко структурировано. Внутри блока художник выстраивает ритмическую игру между фигурой и атрибутикой, свойственной данной теме. Все элементы атрибутики — формулы, знаки, предметы — выстраиваются в орнамент. Автор находит гармоничное соотношение между локально решенным пространством (плоскостью стены), мощной, плоскостной расшивкой фигур и мелкими элементами атрибутики орнамента. Цветовая схема произведения представляет собой структурную взаимосвязь трех основных цветов — насыщенно-голубого, белого и золота. В результате такого сочетания роспись, несмотря на информативную составляющую и обилие деталей, воспринимается легко, внятно и вместе с тем достаточно цельно. Роспись была реализована, но в какой-то период ремонтов и внутренних перестроек была утеряна. Не сохранились и фотографии этого объекта.

1988 г. — композиция «Песочные замки» в детском бассейне, роспись по керамической плитке и мозаика (ил. 3). В данном произведении также читается цельное решение интерьера, особенно это отчетливо видно на изометрическом эскизе бассейна. Художник продумывает структуру и ритм укладки плитки, ее масштаб, и найденные параметры заводит в тело росписи. В интерьере находят свои отклики и цветовые акценты, взятые из колорита росписи. В целом о колористическом решении росписи можно сказать, что оно выстроено на основе белого цвета. За счет присутствия в композиции больших пятен серого и оранжевого и обилия мелких деталей у Гриницына пространство белого не пустое, оно информативно насыщено, в нем чувствуется масса, энергия, информативность. Белый не работает как фон, он органично входит в фигуры людей, в ритмику орнаментальных фрагментов, работает на создание контраста. В композиции каждый цвет, если рассматривать его как самостоятельный элемент, создает свою отдельную структуру, и, если мысленно «выключить» остальные цвета, композиция не потеряет свой цельности и динамичности. Интересно наблюдать, как отдельные элементы композиции цепляются друг за друга, создавая бесконечную череду взаимосвязей, ничего в этой игре невозможно ни добавить, ни убрать, а это один из самых главных показателей завершенности данного решения и высочайшего уровня профессионального мастерства. Разные ритмы волнообразных линий в структурном построении композиции, вкупе с тональными и цветовыми контрастами, поддерживают идейную динамику композиции — детскую игру. В решениях фигур подкупает удивительная декоративная простота и лаконичность найденного решения. Данная мозаика также не сохранилась в перечне монументальных произведений Новосибирска.

1991 г. — роспись в школе №151 новосибирского микрорайона «Снегири» (ил. 4). Данный объект был спроектирован также в соавторстве с архитектором А. Мальцевым. Гриницыным были созданы эскизы росписи, но в связи с его скорым отъездом

проект был реализован бригадой художников комбината Новосибирского регионального отделения «Союза художников России». Сохранившийся фрагмент эскиза росписи свидетельствует о смелом композиционном решении — фигуры людей, собранные в тональные пятна, распределены по краям динамичной композиции, но, за счет точного найденного цвета, его количества и тональной массы, композиция удерживается. Динамичная композиция строится на равносторонних треугольниках и уравновешена прямоугольными треугольниками, равномерно распределенными по плоскости. Наличие большой локальной массы оранжевого цвета уравновешивается вкраплениями фактурных элементов. Условность и силуэтность в решении фигур компенсируется небольшими графическими элементами в одежде и лицах. По словам свидетелей процесса создания данного проекта, художников С.Ю. Шишкова и Р.З. Вышинского, вся рекреация школы была разделена на такие условные чередующиеся зоны черного (расписанного) пространства и белого (не расписанного). Такой прием достаточно часто встречается в произведениях монументальной живописи и противоположен ковровому решению. К слову сказать, С.Ю. Шишковым и Р.З. Вышинским в данной школе в этот же период были выполнены витражи, которые сохранились до сих пор. Роспись же Гриницына не сохранилась.

Уникальное произведение, созданное Сергеем Гриницыным в Новосибирске — это роспись 1989 г. «Корни. Слои. Пласты» в интерьере здания «Новосибирскгражданпроект» (ил. 5). В самом названии произведения кроется глубина и многогранность духовных восхождений, связанных с историей Руси. В плоскости стены совмещаются крупные локальные цветовые пятна, решенные фактурно, что обеспечивает определенную глубину, информативность пространства, и изобразительные силовые поля. Данный прием дает мощное визуальное напряжение для зрителя, стенопись не отпускает. Отчетливо видны иконографические связи между элементами архитектуры и фигур. Принцип сквозных нелинейных напряжений позволяет удержать динамику композиции в единой структуре стены. Общая динамичность композиции, резкая вспышка световой части, обилие деталей и динамических форм архитектурных элементов уравновешивается спокойной, текучей пластичностью фигур, решенных плоскостно и локально-монументально. Линии фигур выстраиваются в вертикали и, в совмещении с целостным тональным и цветовым решением, создают ощущение мощи и незыблемости русской духовности. Иерархичная разномасштабность фигур иконописца и архангела, фрагменты с использованием золотой потали с библейскими сценами работают как золотые оклады икон; неразрывная связь ближних и дальних планов, архитектурные элементы, решенные в традициях византийской стенописи, так или иначе, отсылают нас к примерам традиционной храмовой стенописи. Но смелое цветовое решение, обилие фактур, да и само выбранное место для данной композиции относят эту роспись к новаторским примерам стенописи. Возникает ощущение, что данная работа была реализована художником в некоем эмоциональном порыве, и данная стена и проходная ситуация не совмещаются с глубокими смыслами, заложенными в изобрази-

тельности данной стенописи. Редкое умение художника-монументалиста — создать в одной целостной композиции еще несколько самостоятельных картин — а именно такого принципа построения композиций стенописи придерживался Дионисий, свидетельствует о том высоком уровне профессионализма, к которому должны стремиться и на котором должны воспитываться подрастающие поколения живописцев-монументалистов.

Каждое монументальное живописное произведение С. Гриницына выстроено на тонком чутье и умении сформировать среду. Взаимоотношения стены и изображений в его работах можно охарактеризовать словами, которые искусствовед С.Б. Базазьянц отметил у Е. Муриной: «...стена превращается в живопись, а живопись в стену, и возникает нечто третье: стенопись, которая принимает на себя образно-тектоническую связь с окружающим пространством» [Базазьянц, 1983, с. 83]. Умение художника создать новую среду и превратить стену с изображением в стенопись предписывалось искусствоведами в разные периоды истории искусства исключительно великим мастерам монументального искусства.

Творчество Сергея Гриницына оказалось настолько смелым, новаторским, свежим и вместе с тем глубоким, наделенным не поверхностными идеями и смыслами, что видимо, пришлось не ко времени. Наше общество оказалось не готовым впитать, принять и существовать в среде его произведений. Видимо поэтому так сложилось, что ни одно произведение стенописи Сергея Гриницына не сохранилось и не вошло, соответственно, в список памятников монументальной живописи Новосибирска.

Данный архивный материал и его аналитическое исследование впервые вынесены на публичные обсуждения. Творчество Сергея Гриницына заслуживает внимательного анализа и оценки его вклада в художественную жизнь города Новосибирска. Произведения такого уровня должны были занять достойное место в списке художественного наследия города Новосибирска. Данное исследование позволит воспитать уважительное отношение и сформировать понимание ценности монументальных произведений — не только Сергея Гриницына, но и ряда других художников-монументалистов, чьи имена постепенно стираются из памяти, а работы уходят в небытие.

Список литературы

1. Базазьянц С.Б. Художник, пространство, среда. — М.: Советский художник, 1983. — 240 с.
2. Иконников А.В., Степанов Г.П. Эстетика социалистического города. — М.: Издательство Академии художеств СССР, 1963. — 287 с.
3. Муратов П.Д. Новая эра // Идеи и идеалы. — 2015. — №3(25). — Т. 1. — 177с.
4. Раушенбах Б.В. Геометрия картины и зрительное восприятие. — СПб.: Азбука классика, 2001. — 312с.
5. Тищенко Е.М. Опыт структурного анализа. — Кемерово, 2010. — 42 с. — (Рукопись).
6. Флоренский П. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. — М.: Издат. группа «Прогресс», 1993. — 324 с.

References

1. Bazaz'yan S.B. Hudozhnik, prostranstvo, sreda. Moscow: Sovetskij hudozhnik, 1983. 240 p. (in Russ).
2. Ikonnikov A.V., Stepanov G.P. Estetika socialisticheskogo goroda. Moscow: Izdatel'stvo Akademii hudozhestv SSSR, 1963. 287 p. (in Russ).
3. Florenskij P. Analiz prostranstvennosti i vremeni v hudozhestvenno-izobrazitel'nyh proizvedeniyah. Moscow: Izdat. gruppa «Progress», 1993. 324 p. (in Russ).
4. Muratov P.D. Novaya era. *Idey i idealy*. 2015. No 3(25). V. 1. 177 p. (in Russ).
5. Raushenbah B.V. Geometriya kartiny i zritel'noe vospriyatie. St. Petersburg: Azbuka klassika, 2001. 312 p. (in Russ).
6. Tishchenko E.M. Opyt strukturnogo analiza. Kemerovo. 2010. 42 p. Rukopis' (in Russ).

Список источников

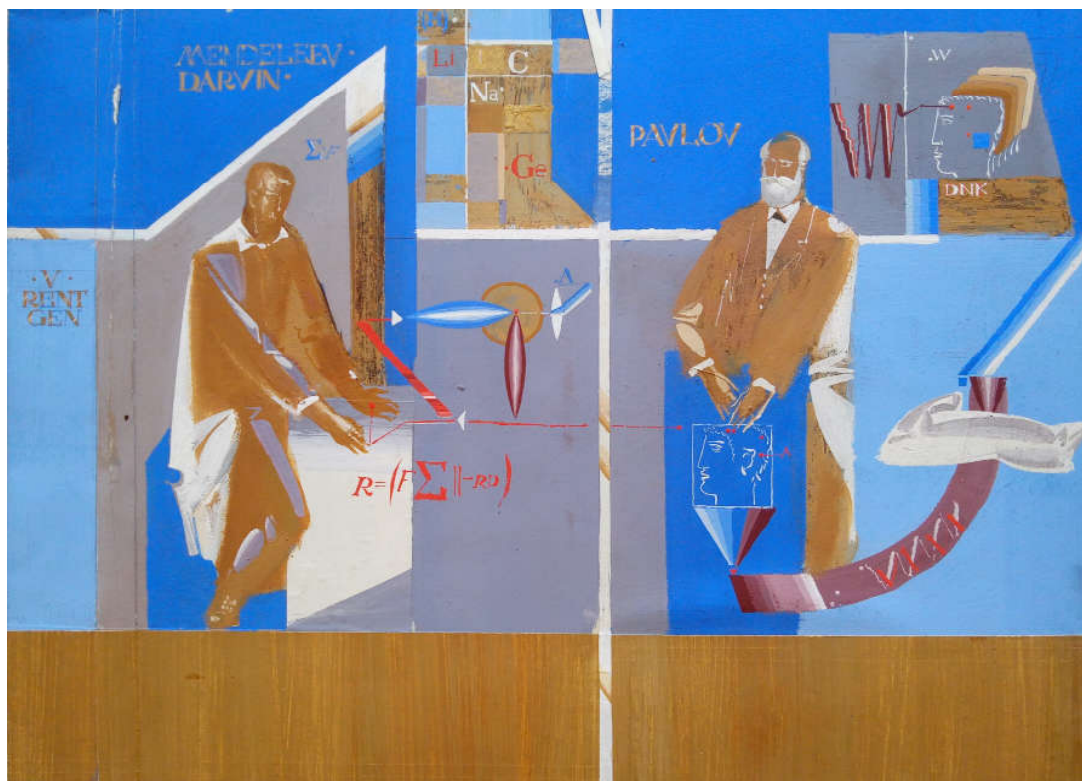
1. Архив эскизов С. Гриницына из личной коллекции члена Союза художников России С.Ю. Шишкова
2. Интервью автора С.Ю. Шишковым и Р.З. Вышинским, художниками, членами НРОО СХР

Список сокращений

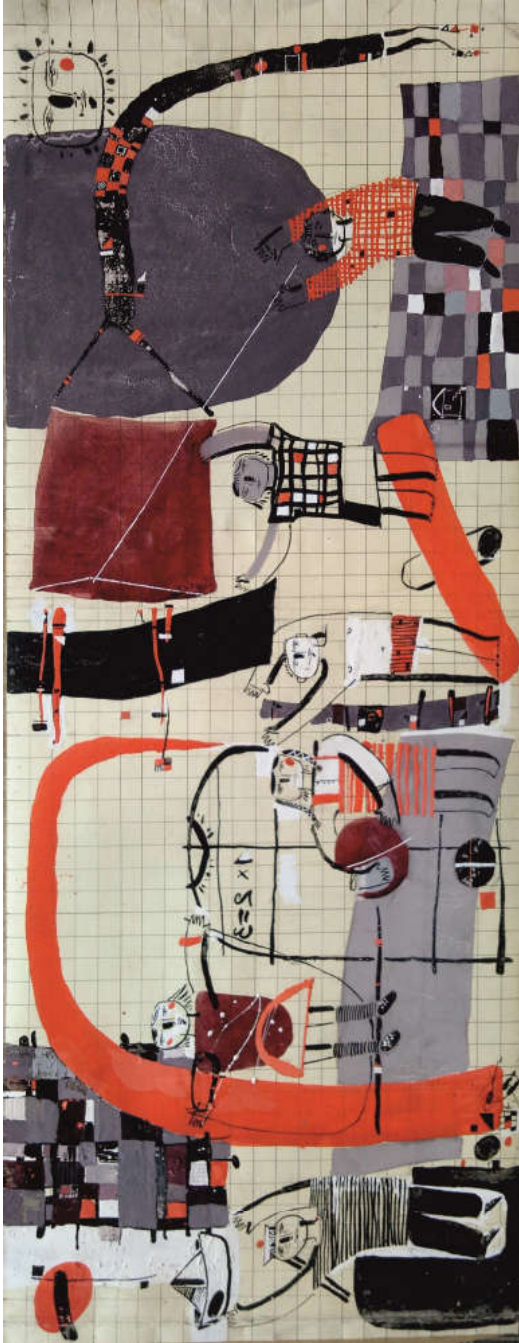
НРОО СХР — Новосибирское региональное отделение организации Союза художников России

Ил. 1. С.Н. Гриницын. Эскизы керамических пластов для оформления вестибюля гостиницы «Новосибирск», 1986г. [Архив эскизов С. Гриницына из личной коллекции члена Союза художников России С.Ю. Шишкова]

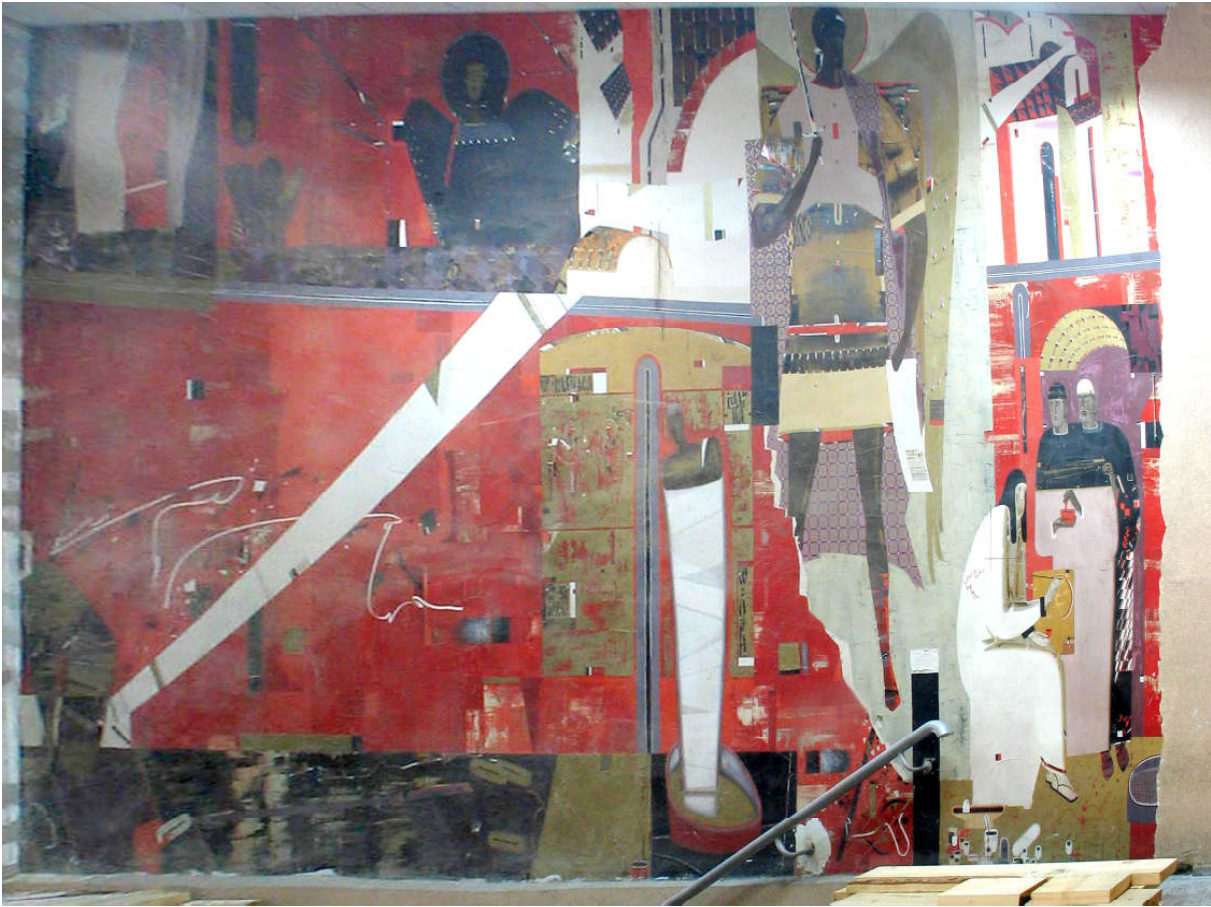
Ил. 2. С.Н. Гриницын. Эскизы росписи «История медицины». Центральная больница г. Новосибирска, 1986г. [Архив эскизов С. Гриницына из личной коллекции члена Союза художников России С.Ю. Шишкова]

Ил. 3. С.Н. Гриницын. Эскиз росписи «Песочные замки», бассейн г. Новосибирск, 1988 г.
[Архив эскизов С. Гриницына из личной коллекции члена Союза художников России С.Ю. Шишкова]

Ил. 4. С.Н. Гриницын. Эскиз росписи рекреации школы №151, г. Новосибирск, 1991 г.
[Архив эскизов С. Гриницына из личной коллекции члена Союза художников России С.Ю. Шишкова]

Ил. 5. С.Н. Гриницын. Роспись «Корни. Слои. Пласты» в здании «Новосибирскгражданпроект», 1989 г.
Снимок Е. Иванова

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10117
УДК: 94 (57)+314.4

О.А. Громова¹, Е.И. Красильникова²
Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск)
¹olga-gromova-91@mail.ru
²katrina97@yandex.ru

**Система мест памяти о советских героях в городе Куйбышеве Новосибирской области
(по документам Всероссийского общества охраны
памятников истории и культуры 1960-х — 1980-х годов)**

*Работа подготовлена при поддержке РФФИ. Проект р-а 19-49-540003
«Мемориальное пространство городов Новосибирской области в исторической динамике»*

Аннотация

В статье характеризуется система мест памяти о героях советского времени, существовавшая в городе Куйбышеве Новосибирской области в 1960-х — 1980-х гг. Показана роль Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в процессах увековечивания и актуализации памяти, под воздействием которых развивалось мемориальное пространство города. Прослеживается зависимость мемориальных инициатив ВООПИиК от государственной политики памяти.

Ключевые слова: памятник, мемориальное пространство, коммеморативные практики, историческая память, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры

О.А. Gromova¹, E.I. Krasil'nikova²
Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk)
¹olga-gromova-91@mail.ru
²katrina97@yandex.ru

**The system of places of memory of Soviet heroes in the city of Kuybyshev, Novosibirsk Region
(according to documents of the All-Russian Society for the Preservation
of Historical and Cultural Monuments of the 1960s — 1980s)**

Abstract

The article deals with a system places of memory of the Soviet heroes, which existed in the city of Kuybyshev, Novosibirsk Region, in the 1960s — 1980s. The study shows the role of the All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments in commemoration work, which shaped memorial space of the town. The article traces dependence of memorial initiatives of All-Russian Society for the Preservation of Historical and Cultural Monuments on the state memorial policy.

Keywords: monument, memorial space, commemorative practices, historical memory, All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments

В настоящее время перед обществом остро стоят вопросы сохранения исторического наследия. Особую актуальность представляют проблемы поиска адекватных форм увековечивания памяти об исторических личностях в городском пространстве, а также признания памятниками архитектуры старых городских строений, связанных со значимым прошлым. Современность как «мемориальная эпоха» может быть охарактеризована главным риторическим вопросом: что необходимо помнить, а что стоит (можно, требуется) забыть. Общественность и субъекты власти далеко не всегда приходят к компромиссным решениям по этим вопросам, что подчас вызывает настоящие «войны памяти», в эпицентрах которых могут оказаться и большие города, и мелкие населенные пункты.

Для современного общества граница между сегодня и вчера размыта, прошлое и настоящее не-

разделимы [Курилла, 2018, с. 118–119]. Различные социальные группы и политические акторы решают задачи самоопределения и артикуляции собственных позиций, используя разные образы, символы прошлого, исторические нарративы и концепции. «Владение историей», которое проявляется, кроме прочего, в наличии возможностей увековечить свою версию памяти в «твердой», монументальной форме, означает для коммеморатора шанс эффективно реализовывать собственную политику памяти, а значит широко транслировать и внушать массам собственную версию истории. В современном мире принимаются многочисленные «мемориальные законы», призванные контролировать разнородные мемориальные процессы на уровне государства. Прошлое не знало «мемориальных законов». В советское время мемориальные процессы не были столь разнонаправленными, как сегодня. С подачи советской

власти в населенных пунктах нашей страны формировалось однотипное, гомогенное мемориальное пространство, выражавшее строго определенные смыслы и ценности. Возведение памятников, альтернативных советским, не допускалось. Мемориальная среда воспитывала советского гражданина, настраивала его на строго определенное отношение к прошлому. Советские памятники и сейчас составляют основу мемориального пространства малых городов, однако их символическое прочтение во многом изменилось. Изучение истории формирования мемориального пространства малых городов имеет однозначную актуальность в свете понимания проблем современного мемориального пространства, которое далеко не всегда воспринимается позитивно нашими современниками, живущими в этих городах.

К осуществлению задач политики памяти государство в советское время привлекало музеи, архивы, школы, средства массовой информации, а с 1960-х гг. — и Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Делопроизводственная документация этого общества, сохранившаяся от периода 1960-х — 1980-х гг., позволяет прояснить то как именно протекали процессы увековечивания памяти в разные годы, какие мемориальные формы становились доминирующими, чьи мемориальные инициативы поддерживались государством, как зависели процессы увековечивания памяти от смены политического курса. Цель нашего исследования — охарактеризовать систему мест памяти о советских героях в городе Куйбышеве Новосибирской области 1960-х — 1980-х гг. в контексте изучения исторической динамики его мемориального пространства, опираясь на документы Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Для этого нам необходимо решить следующие задачи: выявить главные идеологические установки и приоритеты в деятельности ВООПИиК в 60-х — 80-х гг. XX в.; установить основные инициативы этого общества, нацеленные на увековечивание памяти о героях советского исторического дискурса; определить способы популяризации памятных мест, к которым прибегало ВООПИиК в городе Куйбышеве; проследить зависимость мемориальных инициатив ВООПИиК от государственной политики памяти.

Роль ВООПИиК в формировании мемориального пространства города Куйбышева Новосибирской области ранее специально не изучалась. Однако наши предшественники — А.Г. Букштынович, Ю.А. Тихонов, Г.А. Федоров-Давыдов [Букштынович и др., 1983, с. 203–205], Г.И. Маланичева, В.А. Ливцов [Маланичева, Ливцов, 2016] и А.В. Слабуха [Слабуха, 2016, с. 94–102] — освещали основные направления и результаты деятельности этого общества в изучаемый период. Общие контексты политики памяти этого времени были охарактеризованы Н.Е. Копосовым [Копосов, 2011]. А краеведами и специалистами по охране памятников были собраны и оформлены в справочном виде материалы по отдельным памятным местам города Куйбышева [Каталог «Памятники..», 2010], которые, однако, не были осмыслены с точки зрения концепции мемориального пространства.

Памятники героям гражданской и Великой Отечественной войн, а также тем, кто чтились как герои социалистического строительства, занимали в советское время центральное место в мемориальном

пространстве малых городов, таких как Куйбышев. Понятие мемориального пространства (среды) нередко используют архитекторы и градостроители. Они рассматривают мемориальное пространство города как целостную систему, но прежде всего, с эстетической и дизайнерской точек зрения, а не с позиции решения задачи выявления смыслов, стоящих за мемориальными символами. Однако, стоит учитывать и работы классиков средового подхода урбанистики, таких как К. Линч, который рассматривал городскую среду в ее целостности, в непрерывности развития, в единстве старого и нового, а пространственное окружение человека как средство усиления ощущения от образов времени, выражающих те или иные актуальные ценности [Линч, 1982]. При этом все же мы должны признать, что проблемы перехода духовных ценностей в предметный мир городского пространства и далее, при его освоении обществом, — в мир образов и идеалов, интересуют, скорее, культурологов и философов, обычно концентрирующих внимание на идеях и смыслах, а не на эстетике городских мемориалов. Понятие мемориального пространства еще мало разработано в философском смысле. В «рабочем варианте» мы называем мемориальным пространством систему памятных мест и связанных с ними коммеморативных практик, состоящую из исторически локализованных символических элементов, которые особым образом функционируют в пространственно-временных координатах города.

Образы прошлого, запечатленные городскими памятниками, которые были установлены в советское время, продолжают и сегодня воздействовать на историческую память, во многом определяющую идентичность современного человека. Постигнуть смыслы и ценности, которые в разное время было призвано транслировать городское мемориальное пространство возможно, на наш взгляд, постепенно реконструируя символические пласты, формировавшиеся системами памятных мест разных периодов. Именно поэтому важно понять, опираясь на базу делопроизводственных и публицистических источников, какие именно памятные места акцентировались как таковые в разные периоды, в чем виделась их значимость поколениями наших предшественников, как эти памятные места соотносились между собой в понимании коммемораторов. Памятные места неизбежно отражают напластования смыслов, который им придают разные поколения и социальные группы. Смыслы могут быть противоречивыми и взаимоисключающими. Именно поэтому мемориальное пространство должно изучаться в исторической динамике. Без понимания идей, заложенных в памятники изначально, невозможно глубокое понимание их современных значений.

Основными источниками нашего исследования послужили материалы делопроизводства ВООПИиК (протоколы заседаний, отчеты, доклады, планы работы, справки, статистические данные, письма), хранящиеся в фондах Государственного архива Новосибирской области. С 1965 г. началась активная деятельность этого общества по всей стране. ВООПИиК заботилось о реконструкции и охране памятников истории и культуры, устраивало многочисленные мемориальные мероприятия, вовлекая в свою деятельность множество людей и широко освещая

эту деятельность в средствах массовой информации. Историография этого общества отмечает «улучшение отношения к памятникам и наследию» с середины 1960-х гг., когда даже прежде неинтересные государству памятники дореволюционной эпохи стали восстанавливаться. Стоит учитывать, что это «улучшение отношения» зависело от политических обстоятельств. После отказа от культа личности Сталина во время «оттепели» власти находились в поиске новых способов идеологического воспитания советских граждан в духе патриотизма. На этом фоне советская пропаганда все чаще обращалась к сюжетам революционной истории и истории героических подвигов советского народа во время Великой Отечественной войны. В это время широко распространялись практики, которые демонстрировали связь жизни отдельного современного человека с исторической общностью, с погибшими в предыдущие кровопролитные десятилетия героями борьбы за светлое социалистическое будущее [Копосов, 2011, с. 102–105]. Деятельность ВООПИиК, созданного с одобрения Совета министров РСФСР, служила, прежде всего, задачам политико-идеологического просвещения, что в частности, отражалось в официальных формулировках его целей: создание большого круга активистов, занимающихся изучением героических страниц своего народа и оказание методической помощи государству в деле изучения и выявления содержания памятников [ГАНУ, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 104. Л. 3–4].

Деятельность Новосибирского отделения ВООПИиК, пропагандировавшего знания о памятниках истории и культуры, широко освещали средства массовой информации. От лица этого общества по местному телевидению в программе «Отечество» под рубриками «История нашего края в памятниках» и «Моя Сибирь» выступали наиболее авторитетные историки — А.П. Окладников, А.П. Деревянко, В.А. Тимохин, М.И. Угрин, В.С. Познанский, Т.Н. Троицкая, а также ответственный секретарь областного отделения Л.И. Федорова, журналист В.П. Тарасов и др. [ГАНУ, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 50. Л. 2].

Свой филиал Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры открылся и в Куйбышеве. Рассмотрим его деятельность. Для начала общество определило для себя основные вехи истории этого города и связанные с ними памятные места. Нетрудно заметить, что схема дореволюционной истории Куйбышева (до 1935 г. — Каинска) соответствовала уже существующему в советской историко-краеведческой литературе нарративу, который очернял «времена царизма». Аналогичное содержание в советское время выражали и музейные репрезентации истории сибирских городов [Красильникова, 2015]. В справке куйбышевского отделения ВООПИиК фиксировалось, что город Куйбышев, признаваемый памятником исторического прошлого, был основан еще в 1722 г. и до революции влачил незавидное существование места ссылки. Однако считалось, что жителям города есть чем гордиться, поскольку волей судьбы в Каинске отбывали ссылку многие прогрессивные люди, наказанные за антиправительственную политическую деятельность. При этом не упоминалась важная роль этого города в экономике Сибири как крупного центра торговли, промышленности, и транспортного узла. Акцентировалось

внимание лишь на связи Каинска с историческими деятелями, считавшимися до революции героями, прославившимися борьбой с царизмом. Так подчеркивалось, что через Каинск в 1797 г. после отбытия ссылки проезжал А.Н. Радищев, а в 1826 г. через этот городок проехали декабристы, следовавшие в ссылку в Восточную Сибирь и останавливавшиеся по дороге у городничего Степанова. Сообщалось и то, что в 1864 г. через Каинск проезжал Н.Г. Чернышевский. В Каинске в 1907–1909 гг. отбывал ссылку под надзором полиции за революционную деятельность девятнадцатилетний В.В. Куйбышев, прославившийся в дальнейшем как герой революции и социалистического строительства. Сообщалось, что в 1935 г. в память о В.В. Куйбышеве город Каинск переименовали в город Куйбышев [ГАНУ, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 178. Л. 2]. Предполагалось, что память о пребывании этих людей в Каинске (Куйбышеве) будет со временем увековечена в городском мемориальном пространстве путем установки мемориальных досок и других инициатив. Соответствующим образом вскоре был отмечен дом, где останавливались декабристы. Одновременно стоит обратить внимание на то, что с 1960-х до конца 1980-х гг. ВООПИиК не признавал памятниками истории и культуры большинство из тех построек досоветского периода, которые сегодня считаются достопримечательностями. Прежде всего, это купеческие особняки и культовые здания — дом купца Тинкера, дом И.В. Шкряева, доходный дом купца Н.И. Досманова, церковь Иоанна Предтечи. Не обращалось внимания и на исторический некрополь, который приходил в запустение.

В начальный период своей деятельности куйбышевский филиал ВООПИиК был нацелен, прежде всего, на актуализацию в памяти местных жителей системы мест памяти о борцах за власть советов. Во-первых, она была представлена соответствующим памятником, установленным у братских могил жертв «колчаковщины» 1 декабря 1920 г. на центральной площади в годовщину освобождения города от белогвардейцев. Обществу охраны памятников удалось узнать то, что этот монумент был реставрирован в 1928 г., после чего ему не уделялось особенного внимания со стороны властей, что отвечало общей для всей Сибири тенденции довоенного десятилетия. Теперь же превозносилась его значимость как символа памяти обо всех героях гражданской войны из Каинска и уезда. Во-вторых, эта система включала в себя памятник на городском кладбище, возведенный в 1920 г. на братской могиле жертв белогвардейской расправы, произошедшей 26 июля 1919 г. [ГАНУ, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 178. Л. 3]. В-третьих, в эту систему были также включены здания, связанные с событиями военно-революционных лет в Каинске, к примеру, здание бывшего Ревкома. ВООПИиК отдавало себе отчет в том, что в Куйбышеве и его округе, на старых кладбищах должны существовать также и давно забытые памятники партизанам, погибшим в годы Гражданской войны. Их выявление и популяризация ставилась в задачи общества еще в первый год работы общества [ГАНУ, Ф. Р.-2054. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Отмеченные места памяти использовались для различных мемориальных мероприятий (коммемораций), в которые вовлекались широкие массы. Образовательные организации города брали шефство над каждым подобным памятником: школь-

ники под руководством учителей за ним ухаживали, а в дни советских праздников возлагали к нему цветы и проводили около памятника торжественные мероприятия в честь военно-революционных героев. Но, для реализации задач политики памяти, связанных с героизацией местного военно-революционного прошлого, важно было развивать соответствующую инфраструктуру, которая в середине 1960-х гг. была достаточно бедной.

Отдельно стоит сказать, что еще в 1935 г. в городе открылся мемориальный музей В.В. Куйбышева, занимавший в 1960-х гг., пожалуй, центральное место в системе мест памяти о советских героях этого города. В 1960-х гг. музей стал значимой площадкой для мемориальных мероприятий и центром идеологического просвещения. Мемориальная доска на здании музея кратко сообщала его важность как памятника истории: «В этом доме жил верный сын коммунистической партии В.В. Куйбышев во время ссылки в 1907–1909 гг.» [ГАНУ, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 178. Л. 3]. Экспозиция музея В.В. Куйбышева отражала его жизнь и революционную деятельность, которая вписывалась в контекст истории КПСС. Валериан Куйбышев, «карликовый» культ личности которого был сформирован во второй половине 1930-х гг. после его смерти, в 1960-х гг. воспринимался в целом в стране как герой прошедшей сталинской эпохи. Однако в городе Куйбышеве его исторический образ сохранял актуальность, не в последнюю очередь из-за бедности мемориального пространства, слабо насыщенного памятными местами. В 1960-х гг. музей, куда приходили организованные группы на официальные мероприятия, добивался хороших показателей по посещаемости. Только в 1976 г. более 12000 человек посетило музей В.В. Куйбышева [ГАНУ, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 178. Л. 3].

Система памятников советским героям дополнилась по инициативе ВООПИиК в 1967 г., в связи с 50-летием Советской власти, памятником погибшим участникам Великой Отечественной войны на Первомайской площади, у вокзала. Памятник выполнен по проекту скульптора П.В. Мартыненко. Это место было признано знаковым — отсюда новобранцы уходили на фронт, о чем хорошо помнили жители города. [ГАНУ, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 178. Л. 4].

Тема памяти, связанная с героями Гражданской и Великой Отечественной войн, оставалась главной в деятельности общества и в последующие два десятилетия. Помимо мероприятий, связанных с установкой и реставрацией памятников, устраивались тематические лекции в школах, домах культуры, библиотеках и музеях. Только в 1971 г. было организовано более 80 лекций, бесед о памятниках, исторических событиях и памятных датах, об истории города, о В.В. Куйбышеве, состоялся ряд встреч с ветеранами Гражданской и Великой Отечественной войн, а также с комсомольцами 1920-х гг. [ГАНУ, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 70. Л. 10].

ВООПИиК старалось вовлекать в свою деятельность все новых членов, как коллективных, так и индивидуальных. В 1970 г. было привлечено 20 организаций, а в 1971 г. — 28. Заметно прирастало количество индивидуальных членов общества. В 1970 г. их насчитывалось 1683, в 1971 г. — 2699. Массово привлекались дети, не достигшие 16-летнего возраста. В 1970 г. их числилось 1260 человек, а в 1971

г. — 1044. [ГАНУ, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 51. Л. 58]. Подобные показатели были характерны и для других районных отделений. С одной стороны, эти цифры свидетельствуют о проявлении массового интереса к памятникам и советским коммеморативным практикам, с другой же стороны, ясно, что это членство в большинстве случаев было пассивным и даже формальным, о чем, в частности, свидетельствует то, что в Куйбышеве мемориальное пространство сравнительно мало изменилось за период с 1965 г. до распада СССР.

Популяризация памятных мест города Куйбышева осуществлялась и с помощью привлечения внимания к памятным датам. Коммеморативные действия, приуроченные к юбилеям исторических событий, условно оживляли прошлое в местах, максимально ассоциировавшихся с историей. На изучаемый нами период приходятся следующие юбилейные даты, которые были актуальными для Куйбышева, как и для всей страны — 50-летие образования СССР, 150-летие со дня восстания декабристов, 200-летие народной войны под предводительством Емельяна Пугачёва. Также в Куйбышеве проходили мероприятия в честь 250-летия города. В связи с этими памятными датами устанавливались мемориальные доски, проводились лекции, в кинотеатрах шли показы исторического кино. Одновременно звучали призывы сохранять памятники историко-культурного наследия.

Начало деятельности ВООПИиК в СССР происходило в условиях политики памяти начала брежневского периода, когда на фоне частичной десталинизации по всей стране возрождалось повышенное внимание к героям революции и гражданской войны, основательно забытым в период с начала 1930-х до середины 1960-х гг. Этим можно объяснить ревизии памятников, установленных в первое десятилетие советской власти, и новые мемориальные инициативы. Еще одна примета времени — формирование культа Победы в условиях ослабления других идеологических опор советского государства, также отразившееся на мемориальном пространстве города Куйбышева. В перестроечный период по всей стране стали актуализироваться альтернативные официальному советскому нарративу версии истории. Однако эта тенденция мало коснулась мемориального пространства Куйбышева.

Подводя итоги, отметим, что в 1960-х — 1980-х гг. мемориальное пространство города Куйбышева осознавалось специалистами по охране памятников и широкой общественностью, вовлеченной в деятельность ВООПИиК, как гомогенная система памятных мест, связанных, прежде всего с историей революции, Гражданской и Великой Отечественной войны. Для этого периода характерна актуализация той системы памятных мест, которая сложилась еще в начале 1920-х гг., а в 1930-х — первой половине 1960-х гг. вызывала мало интереса у комментаторов. Важно и то, что дореволюционное историко-культурное наследие преимущественно не осознавалось как таковое, о чем особенно ярко свидетельствовало запустение старого кладбища. Охраняемых памятных мест в городе было немного, и все они преимущественно концентрировались в наиболее посещаемых населением местах. Памятники слабо выражали специфику местной истории, которая вплоть до конца 1980-х гг. преподносилась сугубо

официально, под соусом идеологии. Современное мемориальное пространство города Куйбышева выглядит иначе, оно включает места памяти о местных знаменитостях дореволюционной эпохе, чья жизнь не была связан с историей политической ссылки, однако проблема бедности и «однобокости» мемориального пространства этого исторического города до сих пор не преодолена.

Список литературы

1. Букштынович А. Г., Федоров-Давыдов Г. А., Тихонов Ю. А. 15 лет деятельности секции исторических памятников Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры // История СССР. — 1983. — №1. — С. 203–205.
2. Каталог «Памятники новосибирцам-защитникам Отечества». Справочное изд. / С.Б. Виноградов, Т.В. Воеводина, В.Д. Данилевский, А.В. Кошелев, Е.М. Щипина. — Новосибирск: Сибирское книжное издательство, 2010. — 480 с.
3. Копосов Н.Е. Память строгого режима: История и политика в России. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 320 с.
4. Красильникова Е.И. История городов Западной Сибири в репрезентациях краеведческих музеев региона (1920-е — 1930-е гг.) // Третьи Ядринцевские чтения: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Омска (Омск, 26–28 нояб. 2015 г.) — Омск: ОГИКМ; Амфора, 2015. — С. 223–225.
5. Курилла И.И. История или прошлое в настоящем. — СПб.: изд-во Европейского университета, 2018. — 168 с.
6. Линч. К. Образ города. — М.: Стройиздат, 1982. — 328 с.
7. Маланичева Г.И., Ливцов В.А. Этапы истории ВООПИиК. К 50-летию образования Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. — Орел: Орловский фил. РАНХиГС, 2016. — 169 с.
8. Слабуха А.В. Полвека Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры: опыт общественно-государственного партнерства (на примере отделения ВООПИиК в Красноярском крае) // Культурное наследие России. — 2016. — №4. — С. 94–102.

References

1. Bukshtynovich A. G., Fedorov-Davydov G. A., Tihonov Ju. A. 15 let dejatel'nosti sekcii istoricheskikh pamjatnikov Central'nogo soveta Vserossijskogo obshhestva ohrany pamjatnikov istorii i kul'tury. *Istorija SSSR*, 1983, No. 1, pp. 203–205. (in Russ.)

2. Katalog «Pamjatniki novosibircam-zashhitnikam Otechestva». Spravochnoe izdanie. Vinogradov S.B., Voevodina T.V., Danilevskij V.D., Koshelev A.V., Shhipina E.M. Novosibirsk:Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2010, 480 p. (in Russ.)

3. Kopusov N.E. Pamjat' strogogo rezhima: Istorija i politika v Rossii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 320 p. (in Russ.)

4. Krasil'nikova E.I. Istorija gorodov Zapadnoj Sibiri v reprezentacijah kraevedcheskih muzeev regiona (1920-e — 1930-e gg.). In *Tret'i Jadrincevskie chtenija: materialy III Vseros. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 300-letiju Omska (Omsk, 26–28 nojab. 2015 g.)*. Omsk: OGIK muzej; Amfora, 2015, pp. 223–225. (in Russ.)

5. Kurilla I.I. Istorija ili proshloe v nastojashhem. St. Petersburg: Evropejskij universitet Publ., 2018, 168 p.

6. Linch K. Obraz goroda. Moscow: Strojizdat, 1982, 328 p. (in Russ.)

7. Malanicheva G.I., Livcov V.A. Jetapy istorii VOOPIiK. K 50-letiju obrazovaniya Vserossijskogo obshhestva ohrany pamjatnikov istorii i kul'tury. Orel: Orlovskij fil. RANXiGS, 2016, 169 p. (in Russ.)

8. Slabuha A.V. Polveka Vserossijskomu obshhestvu ohrany pamjatnikov istorii i kul'tury: opyt obshhestvenno-gosudarstvennogo partnerstva (na primere otdelenija VOOPIiK v Krasnojarkom krae). *Kul'turnoe nasledie Rossii*, 2016, No. 4. P. 94–102. (in Russ.)

Список источников

1. ГАНО, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 1. Л. 1
2. ГАНО, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 50. Л. 2
3. ГАНО, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 51. Л. 58
4. ГАНО, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 70. Л. 10
5. ГАНО, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 104. Л.3–4.
6. ГАНО, Ф.Р.-2054. Оп. 1. Д. 178. Л. 2–5

Список сокращений

- ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
 ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
 ОГИКМ — Омский государственный историко-краеведческий музей им. Врубеля
 РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

И.А. Казусь

НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства (Москва)

igorkazus@mail.ru

Проектирование и строительство Дома Советов в Иркутске (1931–1941): новые данные

Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2019 г., тема 1.2.3

Аннотация

На базе новых архивных материалов рассмотрена и уточнена история проектирования и строительства в 1930-е гг. Дома Советов в Иркутске, прослежено совпадение ее хронологии с этапами конкурса 1931–1933 гг. на проект Дворца Советов в Москве. Показано, что проекты иркутского Дома Советов, выполненные А.Д. Крячковым (1934 г.), а затем И.И. Виноградовым (1936), трактуемые в литературе как конкурсные, таковыми не являются. В контексте планов первых пятилеток, проблемы Ангары и разработки генплана Иркутска выявлены обоснование замены проекта в 1936 г. и причины, вследствие которых, несмотря на предпринятые в 1937–1940 гг. попытки форсировать строительство Дома Советов, в довоенный период он достроен не был, среди них: задержка разработки проекта генплана города, приоритет строительства других социально-необходимых зданий за счет отсрочки постройки Дома Советов, неоднократные административно-территориальные реорганизации и ротации руководителей.

Ключевые слова: проблема Ангары, архитектурный конкурс, И.И. Виноградов, Восточно-Сибирский край, Гипрогор, Дворец Советов, Дом Советов, Иркутск, А.Д. Крячков, К.В. Миталь, Наркомхоз РСФСР, Н.Ф. Попов

I.A. Kazus

Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (Moscow)

igorkazus@mail.ru

Design and construction of the House of Soviets in Irkutsk (1931–1941): new data

Abstract

On the basis of new archival materials, the history of design and construction of the House of Soviets in Irkutsk in 1930 was reviewed and clarified, the chronology of the beginning of this process coincided with the stages of the competition of 1931–1933 for the project of the Palace of Soviets in Moscow. It is shown that the projects of the Irkutsk House of Soviets, made first by A.D. Kryachkov (1934), and then by I.I. Vinogradov (1936), defined in the literature as competitive, are not such ones. In the context of the first five-year plans, the Angara problem and the development of the general plan of Irkutsk the rationale for project replacement of 1936 and the reasons were revealed for which the House of Soviets in Irkutsk was not completed in the pre-war period, despite of attempts made in 1937–1940 to speed up its construction. The reasons included the delay of the development of the general plan of the city, the priority of building social types of structures due to the postponing construction of the House of Soviets, the continuous administrative and territorial reorganization and the turnover of responsible executives.

Key words: Angara, architectural competition, I.I. Vinogradov, East-Siberian region, Giprogor, Palace of Soviets, House of Soviets, Irkutsk, A.D. Kryachkov, K.V. Mital, People's Commissariat for Communal Services RSFSR, N.F. Popov

Практика проектирования и строительства Домов Советов в СССР 1920-х — 1930-х гг. была весьма разнообразной, каждое из этих зданий-символов имело уникальную историю, обусловленную не только конкретной градостроительной ситуацией, но и социально-экономическими, а подчас и политическими факторами. С точки зрения их формирования как нового типа зданий специфичен иркутский Дом Советов, строительство которого завершилось лишь в 1959 г. Видный исследователь зодчества Сибири

Б.И. Оглы полагал, что в довоенный период здание строилось по проекту А.Д. Крячкова и В.С. Масленникова в результате состоявшегося в 1936 г. конкурса [Оглы, 1982, с. 67–68]. Версию конкурса, хотя и не подкрепленную документами, поддержал архивист Ю.П. Колмаков [Колмаков, 2003, с. 628], с фактом проведения конкурса согласился известный мастер архитектуры Л.Ф. Антипин [Антипин, 2016, с. 32]. Но В.Г. Лисицин, сославшись относительно конкурса на Б.И. Оглы и Ю.П. Колмакова, показал, что автором

проекта здания, строившегося в 1930-е гг., был архитектор И.И. Виноградов [Лисицин, 2014, с. 274]. Эти пертурбации требуют вновь обратиться к остающейся не вполне ясной истории проектирования главного здания краевого (затем областного) центра советской эпохи и его строительства.

Актуальность постройки Дома Советов в Иркутске предопределило Постановление ВЦИК от 30 июля 1930 г. «Об образовании Восточно-Сибирского края и о переименовании Сибирского края в Западно-Сибирский» [Собрание узаконений..., 1930, с. 548 (№935, ст. 445)], с реализацией которого было связано создание краевых государственных, советских и партийных организаций и необходимость помещений для них. Даже в Новосибирске, где функции Дома Советов первоначально выполняло здание Сибревкома (1925–1926, архитектор А.Д. Крячков), потребовалось новое здание, первые проекты которого в том же 1930 г. были выполнены А.Д. Крячковым и А.З. Гринбергом [Казусь, 2018, с. 211]. Названное постановление отразило тенденцию разукрупнения административно-территориальных единиц, сформированных по предшествовавшей программе районирования 1920-х гг., когда Сибирский край территориально оказался в РСФСР самым большим — 20,5% [Тоцкий, 1928, с. 256] и трудноуправляемым.

Инициаторами нового районирования Сибири были основатели советской экономико-географической школы И.Г. Александров и Н.Н. Колосовский. Производственный принцип, положенный Александровым в основу разделения районов, определял границы экономических областей не местными или национальными, а общесоюзными требованиями [Александров, 1928, с. 53]. Выделяя Ангару как мощный источник дешевой электроэнергии, Колосовский утверждал, что природные ресурсы дают реальную возможность в 10–15 лет заложить основы новой экономики Сибири [Колосовский, 1926]. В связи с этим Сибкрайисполком уже в январе 1930 г. обратился к Александрову с просьбой разработать «план комплексных исследований по проблеме использования запасов Ангарской энергии», имея в виду пуск первых промышленных объектов Ангарстроя к началу второй пятилетки [Малышев, 1935, с. 8]. Творец Днепрогэса и Днепровского энергопромышленного комбината, И.Г. Александров был убежден, что «практическое разрешение Ангарской проблемы будет означать величайшее достижение социализма. Оно превратит огромный район <...> в один из крупнейших промышленных районов Союза» [Александров, 1933, с. 67]. Подготовленный им совместно с Н.Н. Колосовским и видным ученым-экономистом В.М. Малышевым план, принятый затем на Первом Восточно-Сибирском краевом научно-исследовательском съезде в Иркутске (апрель 1931 г.), предусматривал прежде всего создание на базе гидроэнергии Ангары и углей Черемховского бассейна «Черемхово-Иркутского энергопромышленного комплекса», оба узла которого являлись «основными промышленными базами в Восточной Сибири для второго пятилетия» [Щегляев и др., 1933, с. 30–31].

Формирование Иркутска как политического, административного и культурного центра Восточно-Сибирского края безотлагательно потребовало разработки проекта планировки города, отвечающего его новому статусу. После утверждения «технических

условий» на постройку Ангарского моста [ГАИО. Ф. Р-600. ОЦ. Д. 26. Л. 18об.], принципиально важного в этом контексте для дальнейшего развития города, 9 октября 1930 г. президиум Иркутского Горсовета, заслушав сообщение заведующего Подотделом благоустройства Городского коммунального отдела (ГКО) инженера Н.Т. Супруненко, предложил отделу создать «временное Планировочное бюро» (комиссию) и «немедленно приступить к работе по перепланировке» Иркутска [Там же. Л. 19]. На заседании президиума Горсовета 15 декабря 1930 г. с докладом инженера П.Е. Викмана⁶⁷, «в основном» согласившись «с выработанным комиссией планом города», решили, учитывая недостаток местных специалистов, «работу по дальнейшей планировке передать в Московское планировочное бюро», т.е., в созданный тогда Гипрогор. Городскому коммунальному отделу (заведующим которого на заседании был назначен инж. А.Я. Вдовин [Там же. Л. 56]) было поручено «в 3-х месячный срок составить план города <...>, предусмотрев его дальнейший рост в течение пятилетки». Для взаимодействия с «Московским планировочным бюро» была создана новая комиссия [Там же. Л. 51 и об.], в состав которой, утвержденный президиумом Горсовета 20 декабря 1930 г., вошли А.Я. Вдовин — председатель, архитекторы А.П. Артюшков и К.Л. Жилкин, инженер Н.Т. Супруненко и санитарный врач М.И. Шварцман [Там же. Л. 67об.].

Учитывая, что «отсутствие архитектора в ГКО тормозит строительство города», президиум Горсовета 15 февраля 1931 г. постановил просить Крайисполком и Крайтрудотдел откомандировать инженера Управления строительного контроля Крайкомхоза А.П. Артюшкова «на должность городского архитектора», поручив Вдовину «проработать вопрос о привлечении к работе по перепланировке города всех государственных и общественных организаций» [Там же. Л. 91об., 95об.]. Был ли он назначен городским архитектором, неизвестно, но Президиум Крайисполкома 30 апреля 1931 г. принял решение «Об образовании при Крайкомхозе Экспертного совета» «по экспертизе проектов зданий и сооружений непромышленного и коммунального строительства»: Войцеховский (председатель), представители Крайздрава, Крайтруда, Крайжилсоюза и других краевых организаций — отделения Цekomбанка, Управления пожарной охраны, ИТС Союза коммунальников и Союза строителей, в состав которого А.П. Артюшков вошел заместителем председателя [ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 261. Л. 245].

Ускорения движения в этом направлении вскоре потребовал Июньский 1931 г. Пленум ЦК ВКП(б), резолюция «О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР» которого наметила пути реконструкции и развития всех городов страны [О Московском..., 1970]. После рассмотрения резолюции в преломлении к задачам Иркутска на Пленуме Крайисполкома (27–30 июня 1931 г.) последовало постановление Пленума Горсовета от 15 августа 1931 г. «О практических мероприятиях по улучшению и развитию городского хозяйства гор. Иркутска». Ориентируясь на установки Наркомхоза

⁶⁷ Викман Петр Ефимович (1892–?) — в 1920-х гг. работал в Инженерной дистанции (г. Канск) [Иольсон, 1925, с. 11], в 1938 г. репрессирован, но в 1939 г. реабилитирован [Викман Петр..., 2019].

РСФСР, Пленум Горсовета констатировал не только «резкое отставание городского хозяйства от темпов индустриального развития» Иркутска, но и тот факт, что «развертывание краевых учреждений идет за счет использования жилищного фонда» города, в результате чего 50 тыс. кв. м его оказалось «занято не по прямому назначению» [ГАИО. Ф. Р-600. ОЦ. Д. 26. Л. 241]. Именно Крайисполком, его отделы и другие краевые организации в тот период были размещены, например, в одном из наиболее крупных исторических зданий Иркутска — гостинице «Гранд-отель» (1901–1903, архитектор А.И. Кузнецов), — получившем наименование «Первого Дома Советов», заняв и другие здания, при том, что Горсовет преемственно занимал бывшее здание Городской Думы.

«В связи с острым <жилищным> кризисом», возникшим на фоне быстрого роста населения Иркутска (в 1926 г. — 108 тыс., в 1930 — 130 тыс., в 1931 — 142 тыс. человек [Там же. Л. 248]), названный Пленум признал «необходимым запроектировать на 1932 год строительство» зданий для новых краевых «учреждений»: прежде всего, Дома Советов, затем Дома книги, Дома Госбанка, Дома колхозника, зданий Востсиблеспрома, Управления Забайкальской железной дороги, Желдорстроя, «учебного Горного комбината», Финансово-экономического и Геолого-разведочного институтов и др. с одновременным жилищным строительством в объеме 154 тыс. кв. м [Там же. Л. 248–249] и постройкой Ангарского моста [ГАИО. Ф. Р-600. ОЦ. Д. 9. Л. 208].

Контроль за решением вопроса о строительстве Дома Советов воспринял краевой комитет ВКП(б), первым секретарем бюро которого тогда был избран Ф.Г. Леонов⁶⁸. На заседании фракции ВКП(б) Президиума Крайисполкома 19 сентября 1931 г. для разработки проекта постановления исполкома о состоянии коммунального хозяйства Иркутска была создана комиссия, включившая секретаря Президиума Крайисполкома Д.Д. Студенецкого, председателя Горсовета П.Г. Важнова⁶⁹, председателя Крайплана Л.Л. Преферансова, заместителя заведующего Крайкомхозом А.П. Пясецкого, представителя Финансового отдела исполкома В.Г. Полозова, представителя Крайсовпрофа П.И. Персикова и др. с поручением «обсудить особо вопрос о целесообразности строительства в г. Иркутске второй гостиницы или Дома Советов» [ГАИО. Ф. Р-600. ОЦ. Д. 10. Л. 45]. Эта альтернатива, надо полагать, возникла в связи с тем, что при утверждении проекта гостиницы на 400 мест (архитектор К.В. Миталь) на заседании Президиума Горсовета 14 апреля 1931 г. Стройобъединению было предложено окончить ее постройку уже в 1931 г. [ГАИО. Ф. Р-600. ОЦ. Д. 26. Л. 119 об].

С учетом объемов намеченного строительства и принимая во внимание, что «единственная в крае госпроекторганизация «Стройобъединения» <КрайСНХ> не может охватить развернувшегося не промышленного строительства», Президиум Крайи-

сполкома 23 сентября 1931 г. постановил к 15 октября организовать при Крайкомхозе «Проектное бюро на хозрасчете» (которое возглавил архитектор А.П. Артюшков [Краевое проектное., 1932]). КрайСНХ было предложено передать Крайкомхозу все непромышленное проектирование, а также «в декадный срок выявить имеющиеся кадры проектировщиков, работающих на проектировании непромышленного строительства или занятых не по специальности, и передать их в распоряжение Крайкомхоза для укомплектования Проектного бюро» [ГАИО. Ф. Р-600. ОЦ. Д. 9. Л. 219]. Кроме того, учитывая «что намеченная перепланировка городов и рабочих поселков и ударная задача планировки новых промышленных центров не обеспечена наличием в крае соответствующих кадров специалистов», признали необходимым просить Наркомхоз открыть в крае филиал Гипрогора, прислать «руководящих работников из состава последнего», вновь предложив «Крайкомхозу принять меры к ускорению подготовительных работ по перепланировке городов Иркутска, Читы и Красноярска» [Там же. Л. 210]. Одновременно «вследствие расширения гражданского, жилищного и коммунального строительства в крае» Крайисполком решил к 1 января 1932 г. организовать при Крайкомхозе контору «Жилгражданстрой» [Там же. Л. 212], формируя тем самым проектно-строительный комплекс, дополненный краевым Экспертным советом нового состава, председателем которого в июле 1932 г. Президиум Крайисполкома утвердил А.Я. Соосара⁷⁰ и заместителем К.В. Миталья [О повышении., 1932]. Факт создания Проектного бюро подтверждается объявлением в «Восточно-Сибирской правде» от 24 января 1932 г., информировавшим, что бюро «принимает заказы на составление проектов по жилищному, коммунальному, школьному, больничному, административному, культурному, кооперативному и др. непромышленному нижелимитному строительству» [Краевое проектное., 1932].

Формирование Проектного бюро Крайкомхоза было приурочено к рассмотрению 15 октября 1931 г. на заседании фракции ВКП(б) Президиума Крайисполкома вопроса «О строительстве Дома Советов <в> 1932 г. и о подготовительных мероприятиях к строительству в 1931 г.» с докладом председателя фракции, председателя Президиума Крайисполкома Н.Н. Зимины⁷¹. По результатам обсуждения, в котором из 20 присутствовавших приняли участие М.С. Кришталь (от Крайплана), П.Г. Важнов (от Горсовета), Н.В. Камбалин⁷² (от КрайСНХ) и управляющий Стройобъединением А.Г. Андрейчик, местом строительства Дома Советов определили «площадь, занимаемую <кафедральным Казанским> собором», поручив А.П. Артюшкову, как руководителю Проект-

⁷⁰ Соосар Александр Янович (1899–1938, репрессирован), в 1931–1932 гг., видимо, заведующий Восточно-Сибирского Крайкомхоза [Книга памяти., 2019].

⁷¹ Зимин Николай Николаевич (1895–1938, репрессирован) — председатель Оргкомитета Президиума ВЦИК по Восточно-Сибирскому краю (1930–1931), затем председатель Президиума Крайисполкома в 1931–1932 гг. [Зимин Николай., 2019].

⁷² Камбалин Николай Варламович (1889–1938, репрессирован) — председатель Президиума Восточно-Сибирского КрайСНХ в 1930–1932 гг., председатель Президиума исполкома Иркутского Горсовета в 1933–1937 гг. [Иркияedia Ру. Именной., 2019].

⁶⁸ Леонов Фёдор Григорьевич (1892–1938, репрессирован) — председатель Организационного бюро ЦК ВКП(б) по Восточно-Сибирскому краю (1930–1931), затем первый секретарь Восточно-Сибирского Крайкома ВКП(б) в 1931–1933 гг. [Иркияedia Ру. Именной., 2019].

⁶⁹ Важнов Павел Григорьевич (1891—после 1934) — председатель Президиума исполкома Иркутского Горсовета в 1931–1932 гг. [Иркияedia Ру. Именной., 2019].

ного бюро, «составление расчетов на здание, проектируемое для Дома Советов». Председателю Горсовета П.Г. Важнову и представителю Крайдортранса В.Г. Георгиеву было предложено к 18 октября 1931 г. определить срок и место для перевода размещавшегося в соборе гаража [ГАИО. Ф. Р-600. ОЦ. Д. 10. Л. 55об.].

Организационная подготовка, проведенная фракцией ВКП(б), дала возможность Президиуму Крайисполкома на заседании 23 ноября 1931 г. под председательством Н.Н. Зимина и с участием от Крайкомхоза А.А. Соосара по вопросу «О постройке Дома Госучреждений в г. Иркутске»: «1. Признать необходимым не позднее весны 1932 г. приступить к постройке Дома Госучреждений в г. Иркутске. 2. Ориентировочно наметить к размещению в Доме Госучреждений следующие организации: Крайисполком, Крайком ВКП(б), Крайком ВЛКСМ, КрайРКИ, Крайздрав, КрайФУ, Крайплан, КрайОНО, Крайснаб<сбыт> с его объединениями, Крайсобес, Крайкомхоз. 3. Ориентировочно объем зданий принять в 105 тысяч куб. метров. Местом постройки наметить площадь III-го Интернационала <...> 4. Поручить тов. Соосар<у> не позднее 1-го декабря внести на утверждение Президиума Крайисполкома мероприятия по составлению проекта здания, подготовки площадки строительства и обеспечении строительства необходимыми стройматериалами и рабочей силой. 5. Поручить <заместителю председателя Президиума> тов. Попову (находящемуся в Москве) провести необходимые переговоры с Цekomбанком относительно отпуска кредитов на строительство Дома Госучреждений» [ГАИО. Ф. Р-600. ОЦ. Д. 9. Л. 373об.-374]. Условное наименование «Дом Госучреждений», которое Крайисполком использовал лишь однократно, видимо, при обращении в Цekomбанк, свидетельствует, что в таком статусе в ситуации преодоления жилищного кризиса краевая власть полагала ходатайство о кредитовании строительства Дома Советов более результативным. Однако, как следует из реалий тех лет, Цekomбанку для оформления кредита уже на данной стадии был необходим проект Дома Советов со сметами, одобренный НТС Наркомхоза и утвержденный наркомом.

В связи с этим Президиум Крайисполкома 3 декабря 1931 г. по вопросу «О мероприятиях по устройству Дома Советов», постановил: «1. Для рассмотрения существующих проектов Домов Советов и представления Президиуму Крайисполкома окончательного проекта создать комиссию в составе тт. Сулимова⁷³, Камбалина и Соосар<а>. Срок — не позднее 20 декабря. Указанной комиссии поручить к 8/XII — <19>31 г. подобрать и представить на утверждение Президиума кандидатов на должности начальника и гл<авного> инженера строительства, а также рассмотреть и представить на утверждение Президиума расчеты по исчислению аванса на первый период работ и систему финансирования всего строительства Дома Советов. 2. Местом постройки Дома Советов утвердить площадку под бывш. собором с примыкающей к ней частью площади III-го Интернационала. Управлению строительством предложить работы по разборке бывш. собора и полной

очистке площади закончить к 15/II — <19>32 г., начав эти работы не позднее 20/XII — <19>31 г. 3. Утвердить ориентировочный план потребностей строительства в раб<очей> силе: землекопов — 100, каменщиков — 350, плотников — 150, штукатуров — 300. 4. Управлению строительства подготовку квалифицированной рабочей силы закончить в следующие сроки: к 10/III — <19>32 г. — 100 чел., к 20/IV — 500 и к 1/VII — 300 <чел.> <...> 5. Предложить тов. Соосар<у> дать задание Иркутскому Горкомхозу о дополнительном развертывании <заготовки> специально для нужд строительства местных строительных материалов (кирпич, камень бутовый, песок, гравий). Обязать тов. Быстрова (Крайснабсбыт) дать в Москву дополнительную заявку на централизованные фонды строительства <а>. Поручить тов. Арсеньеву (В<остоchno->С<ибирское> представительство <в Москве>) добиться полного удовлетворения этих заявок» [Там же. Л. 400об.-401].

Говоря о «рассмотрении существующих проектов Домов Советов», в Крайисполкоме не могли не знать об опыте проектирования иркутскими архитекторами одного из первых в стране и первого в Сибири Дома Советов в Верхнеудинске, построенного в 1930–1931 гг. по конкурсному проекту ленинградского архитектора А.А. Оля (1928), детальную разработку которого выполнил К.В. Миталь, конструктивные решения — Н.И. Бойков, рабочие чертежи — студент ЛИГИ В.И. Шастин. Третьей премией на этом конкурсе был удостоен проект А.Д. Крячкова [Казусь, 2015, с. 178]. Кроме того, к 1931 г. по проектам известных архитекторов уже были построены Дома Советов в Брянске, Н.-Новгороде, Алма-Ате, Махачкале, Элисте, Хабаровске, Ленинграде, строились Дома Советов в Новосибирске, Ростове-на-Дону и др., каждый из которых получил уникальное функциональное и художественно-образное решение.

Не исключено, что под «существующими проектами» имелись в виду и результаты предконкурсного проектирования и Всесоюзного открытого конкурса на проект Дворца Советов в Москве, который рассматривался символом успешного завершения Первой пятилетки. Сопоставление хронологии приведенных выше постановлений Пленума Иркутского Горсовета, Президиума Крайисполкома и фракции ВКП(б) о выборе места для Дома Советов в Иркутске, его проектировании и строительстве, с хронологией конкурса (18 июля — объявление конкурса и публикация программы со сроком представления проектов 20 октября [Постановление о конкурсе., 1931], с последовавшим в сентябре уточнением задания и переносом окончательного срока подачи проектов на 1 декабря [Дворец Советов., 1933, с. 7–8]), а также с учетом взрыва Храма Христа Спасителя 5 декабря 1931 г., демонстрирует неслучайную связанность решений о строительстве главного здания Иркутска с событиями, происходившими в Москве. Тем более, что выставка предварительных проектов открылась в столице 19 июля [Выставка проектов., 1931], их «первый общественный просмотр и обсуждение» состоялся 27 сентября [Первый общественный., 1931], после чего 15 декабря 1931 г. открылась выставка проектов открытого конкурса [Самый большой., 1931]. Эта связь выступила с очевидностью после объявления графика работ по Дворцу Советов, «стройсезон 1932 г.» которого был «предназначен

⁷³ Сулимов А.Г. — член Президиума Восточно-Сибирского Крайисполкома, член правления Союззолота [Справочник по Иркутску., 1930, с. 154].

для постройки здания вчерне» [Дворец Советов., 1931]. Выявленную синхронность, несомненно, сформировали возглавившие Восточно-Сибирский край в 1930 г. член ЦКК ВКП(б) Н.Н. Зимин, ранее руководивший Организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) [Зимин Николай., 2019], и Ф.Г. Леонов, до того секретарь Московского обкома ВКП(б) [Леонов Федор., 2019]. Их оперативный контакт с центром объясняет спешность принимавшихся в Иркутске решений и краткость назначавшихся для их исполнения сроков.

Одновременно с Домом Советов в Иркутске обсуждался вопрос об установке монумента на площади перед ним, в связи с чем «для проведения работ по подысканию проекта, контроля за сбором средств на постройку памятника В.И. Ленину» [ГАИО. Ф. Р-600. ОЦ. Д. 26. Л. 319об.] Президиум Иркутского Горсовета на заседании 17 декабря 1931 г. создал комиссию во главе с членом Президиума Л.Л. Преферансовым, в которую вошли «городской архитектор» Г.Н. Гарбуз, представитель Орготдела Горсовета А. Яровая, заведующий Городским финансовым отделом Кузнецов, представители «Коммунальной секции и Народного образования» Горсовета. Ввиду «организации специальной комиссии и привлечения научно-художественных сил» Президиум Горсовета отменил «объявление Всесоюзного конкурса в изменение предыдущих постановлений» и «для определения задания и типов памятника» указал комиссии «на необходимость в барельефах отразить революционную борьбу в Иркутске и индустриальные моменты» [Там же. Л. 326об.].

С учетом того, что «перспективного плана Иркутска» еще не было, Президиум Горсовета в декабре 1931 г. вновь пересмотрел и расширил состав Планировочной комиссии, в которую были включены: Л.Л. Преферансов (председатель), Г.Н. Гарбуз, от Саннадзора М.И. Шварцман, от Крайкомхоза «инженеры» А.П. Артюшков и П.Г. Мартынов, от Центральной электрической станции инженер Н.Н. Казанцев, а также архитектор Н.И. Бойков, инженеры Н.Т. Супруненко, П.А. Грика и А.П. Субботин [Там же. Л. 325]. В не меньшей степени ускорения работы по планировке города требовали результаты созванной Госпланом СССР весной 1932 г. Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил СССР и предшествовавшей ей «конференции инженеров, ученых, экономистов и плановых работников», посвященной «строительству гидростанций по бассейнам рек Ангары и Енисея, а также вопросам использования дешевой и массовой электрической энергии от этих установок» [Щегляев и др., 1933, с. 3]. Сформулированная в итоге научно-обоснованная гипотеза промышленного развития Ангаро-Енисейского региона, следующая за созданием Урало-Кузнецкого комбината, предполагала, что во Второй пятилетке в основном будут построены крупнейшие промышленные предприятия на Черемховской и Иркутской площадках Ангарстроя и пущена в эксплуатацию «Иркутская гидроцентральный» [Там же, с. 7]. В связи намечавшимся темпом строительства избранное на Первой Иркутской городской партийной конференции (7–9 марта 1932 г.) Бюро Горкома ВКП(б) своим решением от 23 марта 1932 г. обязало Горсовет к 1 ноября разработать пятилетний план развития городского хозяйства Иркутска, немедленно при-

ступить к перепланировке города [ГАНИИО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 4. Л. 44] и, рассмотрев контрольные цифры, утвердило список зданий учреждений и учебных заведений для строительства в 1932 г., первой позицией включивший Дом Советов [Там же. Л. 38, 40]. Эта линия 13 мая 1932 г. была продолжена на Втором Пленуме Горкома ВКП(б), который по докладу председателя Горсовета К.Ф. Шелестова⁷⁴ обязал Бюро Горкома и его фракцию в Горсовете обеспечить в 1932 г. разработку генерального плана развития Иркутска и организацию планировочной работы в следующем 1933 г. с расчетом на превращение поселка Ленино «в образцовый социалистический город», а Иркутска в целом «в образцово благоустроенный центр Восточной Сибири» [Превратить Иркутск., 1932].

В ходе разборки Казанского собора Бюро Горкома ВКП(б), заслушав 28 мая 1932 г. сообщение одного из ведущих иркутских архитекторов К.В. Митала о «Плане реконструкции площади III Интернационала», при обсуждении которого высказались первый секретарь Бюро Горкома ВКП(б) И.Ф. Гаркуш⁷⁵, председатель Президиума Горсовета К.Ф. Шелестов и заместитель заведующего Крайкомхозом А.П. Пясецкий, решило: «1. Предложенную схему реконструкции площади III Интернационала одобрить. Вынести ее на рассмотрение Бюро Крайкома <ВКП(б)>. 2. Поручить фракции <ВКП(б)> Горсовета обеспечить разработку окончательного проекта, рабочих чертежей и сметы этой площади не позднее 20 июня. 3. Поручить фракции Горсовета организовать конкурс на составление проекта памятника Ленина на площади III Интернационала, исходя из идеи площади и расположения памятника. 4. Поручить фракции Горсовета немедленно организовать проработку вопроса и подготовку перемещения площади из лучших материалов (брусчатка гранита, гнейс, асфальт и т.д.), а также улиц, окружающих площадь <...> 6. Поручить фракции Горсовета дать соответствующие указания строящимся организациям (<Забайкальская> ж<елезная> д<орога>, Госбанк и др.) обеспечить архитектурное оформление зданий, намеченных к строительству и прилегающих к площади, исходя из идеи плана реконструкции площади. 7. Обязать фракцию Горсовета немедленно добиться организации в гор. Иркутске отделения Гипрогора для проектировки, реконструкции и перепланировки Иркутска и других городов края <...> 9. Просить Бюро Крайкома дать указание об освобождении архитектора Митала от других работ на время проектирования площади» [ГАНИИО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 4. Л. 123–124].

Обширная бывшая Тихвинская площадь, после Октябрьской революции переименованная в Площадь III Интернационала (с 1935 г. — Площадь имени С.М. Кирова), являясь центром Иркутска, уже в период Февральской революции стала средоточием разнообразных общественных «действ»: 10 марта 1917 г. здесь, например, состоялся «Праздник Свободы», в послеоктябрьское время проводились

⁷⁴ Шелестов Кузьма Филиппович (1895–1937, репрессирован) — председатель Президиума исполкома Иркутского Горсовета в 1931–1933 гг. [Иркипедия Ру. Именной., 2019].

⁷⁵ Гаркуш И.Ф. — первый секретарь Иркутского Горкома ВКП(б) в марте — октябре 1932 г. [Иркипедия Ру. Именной., 2019].

праздничные демонстрации и митинги, парады Красной Армии и другие массовые акции — 1 мая 1921 г. была инсценирована мистерия «Борьба труда и капитала» с десятками тысяч зрителей в постановке Н.П. Охлопкова [Переломова, 2017], в 1926 г. Е.П. Медведев поставил «Пути к мировому Октябрю», в более позднем «Штурме Зимнего» действовали до 2,5 тыс. участников [Бусаргина, 1980, с. 124, 127]. Возведение на этой площади Дома Советов как символа Советской власти сохраняло историческую традицию главного городского пространства, хотя и с радикальным изменением его символики после разборки ценных с современной точки зрения памятников культового зодчества. Дом Советов, предположенный на месте композиционно вертикально ориентированного Казанского собора, призван был, казалось бы, воспринять функцию градостроительной доминанты в месте крутого поворота Ангары. Однако, в цитированном выше решении Горкома ВКП(б), предусмотревшем «архитектурное оформление зданий», «намеченных к строительству», не называется главное из них — Дом Советов, хотя при этом на фракцию ВКП(б) Горкома возлагается организация ранее отмененного конкурса на проект памятника Ленина на площади перед ним.

Откликнулась лишь «Восточно-Сибирская правда», опубликовав в июле 1932 г. заметку, автор которой (проводник поезда), вдохновленный, скорее всего, строящимся тогда зданием Московского райсовета в Ленинграде, писал: «На месте разбираемого в Иркутске собора предполагается построить Дом Советов для краевых учреждений. Таких домов край не строил. Поэтому уже сейчас надо поставить на обсуждение общественности вопрос о том, каким должен быть Дом Советов. Я предлагаю построить дом круглый, вышиной не менее 5 этажей. Посреди дома необходимо будет устроить большой двор <...>. Кабинеты должны быть расположены и по внешней, и по дворовой сторонам. От проходящих по всему дому коридоров надо сделать боковые ответвления в обе стороны для выхода на балконы <...>. Крыша дома должна быть совершенно плоской, имея небольшой уклон для стока воды. На крыше надо будет разбить сад <...>. Для точной распланировки комнат необходимо <...> учесть настоящие и будущие потребности учреждений, которые будут помещаться в доме <...> Необходимо побеспокоиться, чтобы с фасада здание имело возможно более красивый вид» [Смирнов, 1932]. Реакции на эту заметку не последовало: ни в архивных документах, ни в периодике второй половины 1932–1933 гг. следов работы над проектом Иркутского Дома Советов выявить не удалось. После демонстративной спешки 1931 г. пауза могла быть обусловлена предпринятыми заказными конкурсами на проект Дворца Советов в Москве в марте — июле 1932 г. и августе 1932 г. — феврале 1933 г., а затем ожиданием утверждения Советом Строительства Дворца Советов его эскизного проекта, последовавшего 19 февраля 1934 г. [Рогачев, 2014, с. 216, 220, 225], дав советской архитектуре и иркутским зодчим новые стилистические ориентиры.

Разрешение этой ситуации совпало с избранием в марте 1934 г. председателем Президиума Восточно-Сибирского Крайисполкома Я.З. Пахомова⁷⁶,
⁷⁶ Пахомов Яков Захарович (1897–1938, репрессирован) — председатель Президиума Восточно-Сибирского Крайис-

активно включившегося в архитектурно-градостроительную проблематику Иркутска. Уже в апреле 1934 г. прибывшая в город бригада Гипрогора (инженер-архитектор Д.Н. Пожарищенский, архитектор И.Б. Лехнер и инженер-экономист Е.Н. Цубербиллер) представила для обсуждения краевых организаций схему планировки Иркутска, исходя из роста населения краевого центра к 1937 г. до 180 тыс., а на перспективу до 600 тыс. человек [Большой Иркутск, 1934]. Вдохновленный «гипотезой решения Ангарской проблемы», первый этап разработки которой был завершен в 1934 г. [Малышев, 1935, с. 1], Пожарищенский подчеркнул на презентации проекта планировки «нового социалистического города» Иркутска и эскизов застройки в июне 1934 г. в Москве: «Дешевая электрическая энергия — неисчерпаемые запасы «белого угля», помноженные на каменный уголь, железную руду и редкие металлы Восточной Сибири, — вот те предпосылки, которые позволяют считать реальной законченную Гипрогором схему Большого Иркутска». Проект предусматривал, что город «раскинется на зеленых просторах в 15 тыс. га в юго-восточном направлении, вверх по течению Ангары», «особенно сильное развитие получит район пригорода Ленино, где запроектировано несколько социалистических городков, которые в дальнейшем сольются» при том, что «Дворец Советов, Дворец техники, Дом политкаторжан и другие административные, научные и общественные здания будут украшать центральную площадь» [Будущее Иркутска, 1934].

В контексте разработки проекта Большого Иркутска «эскиз строительства будущего Дома Советов» 4 ноября 1934 г. был выставлен в составе праздничного оформления города к XVII годовщине Октября «в витрине типографии «Восточно-Сибирской правды» [Иркутск готовится, 1934]. Затем проект «величавого» Дома Советов, как его характеризовала газета, экспонировался на открывшейся 1 декабря 1934 г. в Краевом историческом музее Выставке коммунального хозяйства. В конце декабря перспективный вид здания был опубликован без указания автора, но с пояснением, что это «проект Дворца Советов, который будет построен в ближайшие годы» [Луговской, 1934]. Тяготеющий скорее к эпохе конструктивизма, данный проект симметричного по композиции лишённого декора здания, с входной группой скругленного угла, отнюдь не может быть отнесен к 1934 г., когда поворот советской архитектуры к классическому наследию уже осуществился (ил. 1).

На практически одновременной архитектурной выставке при открывшемся 3 января 1935 г. II-м Краевом съезде Советов (после выделения в декабре 1934 г. из состава Восточно-Сибирского края Красноярского края) были представлены, как информировала «Восточно-Сибирская правда», «наиболее интересные объекты жилищного, коммунального и общественного строительства: Дом Советов, здание Госбанка, дома специалистов в Чите и Улан-Уде, мост через реку Ангару, проектно-планировочные работы по переустройству Иркутска, модели рабочих поселков при Букачинских и Черновских копиях, курорта «Дарасун» и много других» [На архитектурной.., 1935]. Работавшая 8 дней выставка сполкома (Облисполкома) в 1934–1937 гг. [Иркипедия Ру. Именной.., 2019].

[Волин, 1935, 17 янв.] была своего рода вернисажем создаваемого Восточно-Сибирского отделения ССА СССР, в состав оргбюро которого вошли заведующий Крайкомхозом инженер М.Е. Лондон⁷⁷ (председатель), директор Иркутского филиала Всесоюзного института сооружений инженер Г.А. Цейтлин, архитекторы К.В. Миталь, С.М. Заславский и И.Г. Ефимов [Отдел Союза., 1935]. «Особое восхищение делегатов съезда» вызывал проект Дома Советов, воспринимавшийся «документом эпохи, документом социализма» [Волин, 1935, 17 янв.], принципиально отличающийся от ранее опубликованного. В интервью газете «Восточно-Сибирская правда» К.В. Миталь подчеркнул: «Все нам хорошо памятен тот этап архитектурного творчества, который зафиксирован в нашей действительности домами-коробками, скучными фасадами без всякой отделки. Иначе выглядят проекты зданий, над которыми архитекторы работают теперь. Появились колонны, арки, фрески, скульптурные фигуры и т.д. Наши зодчие стали смелее. И как результат — такие прекрасные проекты как Дом Советов, Дворец каторги и ссылки и др. <...> В первую очередь сейчас ведутся работы по реконструкции площади III Интернационала, где будет сооружен Дом Советов (проект проф. Крячкова)» [Волин, 1935, 3 янв.]. Через несколько дней газета вновь подчеркнула, что «в текущем году в городе <...> одна из самых грандиозных строек — начало строительства Дома Советов» [Новые стройки., 1935, 8 янв.], опубликовав 11 января 1935 г. проект А.Д. Крячкова — «перспективный вид» (со стороны Ангары) [Будущий Иркутск., 1935] и 10 марта — главный фасад [Проект Дома., 1935], с использованием стилизованных пилястр упрощенного ордера, скульптурных групп и барельефного фриза демонстрирующий стилистику ар деко. Этот проект не был конкурсным, поскольку на выставке только в отношении соседних «трех эскизов оформления Дома курсов марксизма-ленинизма» было отмечено, что они, являя «блестящее подтверждение творческой перестройки и роста архитектурной мысли», представлены в порядке конкурса [Волин, 1935, 17 янв.].

Монументальность решения здания в проекте А.Д. Крячкова и проставленная на фотографии проекта из фондов МИАС им. С.Н. Баландина (перспектива главного фасада) дата «июнь 1934 г.» [МИАС. ФК. Оп. 1. Л. 45. Ф. 1] (ил. 2), свидетельствуют о создании проекта одновременно со схемой Большого Иркутска Гипрогора. Публикуя этот проект, тем не менее, с датировкой «1930-е гг.», Б.И. Оглы, не ссылаясь на источники, называет в качестве соавтора проекта архитектора В.С. Масленникова [Оглы, 1982, с. 67], который в этот период действительно тесно сотрудничал с Крячковым, но проект подписал только Крячков. Уверенность авторов публикаций в «Восточно-Сибирская правда» в скорой реализации данных проектов (музейного и съездовского) гипотетически может свидетельствовать, что они являются фазами разработки проекта А.Д. Крячкова, тем более с учетом композиционной идентичности центральной части фасадов, совпадающей семиэтажно-

сти, схожего построения светотени, использования в обоих проектах специфических рефлексов стен на мощности площади, излюбленного Крячковым цокольного этажа и др. Примечательно, что их объем, видимо, совпадает с ориентировочным объемом в 105 тыс. куб. м, установленным для Дома Советов цитированным выше решением Президиума Крайисполкома от 23 ноября 1931 г.

В преддверии намечавшегося Съезда советских архитекторов председатель Президиума Крайисполкома Я.З. Пахомов 8 апреля 1935 г. встретился с группой ведущих архитекторов Иркутска, в которую вошли А.П. Артюшков, К.В. Миталь, Б.М. Кербель, В.И. Коляновский, В.Н. Волков и И.Г. Ефимов, а также заведующий Крайкомхозом М.Е. Лондон и начальник Проектно-сметного отдела Крайкомхоза С.А. Соловьев. В ходе беседы архитектор В.Н. Волков настаивал на «ускорении перепланировки города», поясняя, что «не имея плана дальнейшего развития Иркутска, <...> архитектору трудно увязать проектируемое здание с общим стилем улицы, квартала» [Беседа тов., 1935]. К прошедшей 15–16 апреля архитектурной конференции, на которой было избрано правление Краевого отделения ССА, в «Восточно-Сибирской правде» от 15 апреля (№87) появилась подборка статей «Строить красивые здания» — К.В. Миталья («Против «коробочной» архитектуры»), И.И. Балтера («Первые шаги к перестройке») и И.Г. Ефимова («Создадим социалистический стиль»), активную творческую позицию которых поддержали выступившие кроме них на конференции А.П. Артюшков, Б.М. Кербель, В.Н. Волков и др. [Конференция архитекторов, 1935, 17 апр.]. Завершая конференцию, секретарь Бюро Горкома ВКП(б) А.С. Казарновский⁷⁸, подчеркнув, что «архитектор <...> передовой боец социалистического строительства» и «каждый успех советского архитектора — огромное событие», тем не менее, критически резюмировал: «Но вы, архитекторы Восточной Сибири, отстали от общего роста архитектурной мысли <...> Надо надеяться, что после конференции наступит оживление и <...> вы создадите образцы архитектурных произведений» [Конференция архитекторов, 1935, 18 апр.].

Наличие в фондах МИАС им. С.Н. Баландина фотографий нескольких листов проекта Дома Советов А.Д. Крячкова, в том числе аксонометрии, с авторской датировкой «декабрь 1935 г.» [МИАС. ФК. Оп. 1. Л. 57. Ф. 2], представляющих собой вариант проекта 1934 г. (ил. 3), свидетельствует, что работа над ним была продолжена. Именно поэтому «Восточно-Сибирская правда» в апреле 1936 г. писала: «В этом году начнется строительство Дома Советов. Здание будет самым крупным, и по художественной отделке самым красивым в городе. Целесообразно в качестве облицовочного материала применить белый мрамор в сочетании с розовым» [Шишкин, 1936]. Но реально, председатель Горсовета Н.В. Камбалин, перечисляя в интервью «Восточно-Сибирской правде» объекты первостепенной важности, строительство которых планировалось в 1936 г. (цирк, кино-комбинат, радиотеатр, универмаг, медицинский и педагогический институт, четыре школы, расширение театра и Центральной электростанции, жилищное

⁷⁷ Лондон Михаил Ефимович (1896–1938, репрессирован) — в 1934–1937 г. заведующий Восточно-Сибирским Крайкомхозом (Облкомхозом), затем Иркутским Облкомхозом [Книга памяти., 2019].

⁷⁸ Казарновский Абрам Савельевич (1897–1937, репрессирован) — первый секретарь Восточно-Сибирского Крайкома ВКП(б) в 1934–1937 гг. [Иркипедия Ру. Секретари., 2019].

строительство и др.) и говоря: «Надо строить по меньшей мере утроенными темпами, чтобы удовлетворить все требования быстро растущего центра Восточной Сибири», Дом Советов не назвал [Иркутск сегодня., 1935].

Для реализации творческого задания секретаря Горкома ВКП(б) и, прежде всего, — для разработки «схемы перспективного развития города», «опираясь на опыт московского Гипрогора», в августе 1935 г. при Президиуме Иркутского Горсовета под руководством архитектора Г.Г. Семенова была создана «Архитектурно-планировочная мастерская», в которой «оформление площади им. Кирова, набережной реки Ангары и площади у Ангарского моста» было возложено на молодых архитекторов Гаркавенко и Б.Л. Головченко [В архитектурно-планировочной., 1935]. Первые результаты ее деятельности были обсуждены с участием М.Е. Лондона на открывшейся 13 марта 1936 г. Краевой конференции архитекторов, посвященной вопросам генерального плана Иркутска, организации проектирования и практике архитектурных работ. Гаркавенко увлеченно сообщил, что «мастерская ведет <...> интереснейшую работу по коренной реконструкции краевого центра, разрабатывает план нового Иркутска, отталкиваясь от тех огромных социально-экономических изменений, которые произойдут в недалеком будущем в связи с постройкой мощной Байкальской гидроэлектростанции». «Работа находится еще в начальной стадии», сказал он, «схема распределения городской территории» закончена лишь на 30% и поэтому такие важные вопросы, «где будет главный транспортный узел, как будут связаны между собой отдельные части города, включая поселок Ленино и деревню Разводную, очерчены <...> очень схематично» [У архитекторов., 1936].

Хотя на конференции было констатировано, что «проект площади Кирова с грандиозным зданием Дома Советов в центре в основном готов» [Там же], в мастерской полагали, как стало известно в июле 1936 г., что из площадей «только одна (площадь у Ангарского моста) имеет актуальное значение». В этом, очевидно, сказались конфликт интересов краевой и городской ветвей власти, в результате чего — и это уже проявилось в приведенном выше высказывании Н.В. Камбалына — Дом Советов не рассматривался Горсоветом приоритетным объектом. В 1936 г. схема Большого Иркутска Гипрогора принималась лишь «к сведению», мотивируя это тем, что «Гипрогор, имея весьма приближенные данные <...>, значительно преувеличил темпы строительства края» [Головченко и др., 1936]. Действительно в 1934 г. Гипрогор исходил из содержания «гипотезы решения проблемы Ангары», однако, Второй пятилетний план предусмотрел, как то следует из доклада В.В. Куйбышева в феврале 1934 г. на XVII съезде ВКП(б), главным образом «бурное» развитие Западной Сибири, ее тяжелой промышленности, при том, что в Восточной Сибири планировалось лишь «широкое» развитие каменноугольной, золотой, горнорудной и лесной промышленности [Куйбышев, 1934, с. 47, 50].

В связи с тем, что по свидетельству Н.Н. Колосовского в 1935 г. работы по проблеме Ангары тем самым были «ликвидированы», он обратился как в Госплан СССР, АН СССР и Наркомтяжпром СССР, так и непосредственно к И.В. Сталину. Информировав его письмом от 9 октября 1935 г. о результатах изыска-

ний, Колосовский констатировал, что «когда первоначальные предположения подтвердились фактами исследований и блестящие свойства Ангарских централей (в частности Байкальской станции) выявлены и выяснены богатства ископаемых, когда выяснилось мобилизационное значение Прибайкалья, — к вопросу охладели <...>», но, полагал он, «чтобы иметь свободные развязанные руки на Западе, надо иметь для Востока особую восточную базу в Прибайкалье. Если это верно, то лучше начать ее строить до войны, чем во время войны» [Колосовский, 2006, с. 282–283].

Поскольку решение проблемы Ангары, тем не менее, было отложено на следующие пятилетки, возможности развития промышленности и градостроительного формирования Иркутска как нового индустриального центра, вопреки схемам Гипрогора оказались существенно ограничены. Кроме того, вследствие разногласий автора разрабатывавшегося проекта планировки города Г.Г. Семенова и нового начальника мастерской А.И. Казаковой⁷⁹ по вопросу о принципах дальнейшего взаимодействия с Наркомхозом РСФСР и Гипрогором работа над проектом планировки Иркутска была «совершенно приостановлена» [Головченко и др., 1936], что, как вскоре выявилось, также сказалось на судьбе проекта А.Д. Крячкова.

Прибывшая Комиссия Наркомхоза при обследовании жилищно-коммунального строительства Иркутска 9–12 августа 1936 г. в отношении Дома Советов установила, что утвержденного проекта здания и сметы на его строительство нет, договор с Цескомбанком о кредитовании строительства не заключен, Иргорстройтрест «не обеспечен необходимыми материально-техническими средствами», на строительной площадке ведутся лишь подготовительные работы — план, утвержденный на 1936 г. в объеме 2,0 млн. руб., выполнен на 10,4% (освоено 208 тыс. руб.) [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 225. Л. 1]. Задержку выполнения плана председатель Президиума Крайисполкома Я.З. Пахомов объяснил необходимостью форсирования школьного строительства [Там же. Л. 2 и об.].

Учитывая эту ситуацию, приказом заместителя наркома коммунального хозяйства Т.С. Хвесина Архитектурно-планировочному управлению Наркомхоза (начальник Н.Ф. Попов)⁸⁰ было предложено к 10 сентября 1936 г. «обеспечить составление и представление на утверждение сметы на постройку Дома Советов в г. Иркутске <...> (составляется мастерской НККХ)» [Там же. Л. 22], т.е., фактически выполнить новый проект здания. Такой ход событий соответствовал проводившейся Наркомхозом концентрации проектирования Домов Советов в своих архитектурных мастерских и выработке типовых проектов: например, на совещании под председательством наркома коммунального хозяйства К.Д. Памфилова 10 сентября 1939 г. директор Саратовского Облпроекта

⁷⁹ Казакова Александра Иосифовна (1889–1938, репрессирована), арестована 19 октября 1936 г. [Книга памяти., 2019].

⁸⁰ Попов Николай Филиппович (1882–1938, репрессирован) — председатель Московского губернского комитета содействию кооперативному строительству рабочих жилищ (1924–1925), начальник МУНИ (1922–1929), председатель Жилищно-строительного комитета при Президиуме Моссовета (1926–1928) и Строительного комитета Мособлсполкома (1929–1930) [Гарнюк, 2011, с. 327, 329–330, 351].

Русин сообщил, что после заказа на проект Дома Советов он «был встречен <в Наркомхозе> как конкурент Московских проектных организаций» и ему было указано, что Облпроект, в котором «нет специалистов», не должен проектировать Дома Советов [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 368. Л. 49].

Фактически за основу при срочной разработке нового проекта был принят одобренный НТС Наркомхоза в апреле 1936 г. и утвержденный наркомом Н.П. Комаровым проект областного Дома Советов в Оренбурге, разработанный в мастерской Наркомхоза архитектором И.И. Виноградовым при участии архитекторов М.С. Фиша и Е.А. Грошниковой (ил. 4). Ш-образное в плане 4–5-этажное здание объемом около 56 тыс. куб. м со сметной стоимостью строительства 4 млн. 407 тыс. руб. включало размещенный на его оси зал Съездов и конференций на 400 чел., залы совещаний при Президиуме Облсполкома и Секретариате Обкома ВКП(б) на 150 чел. каждый и 550 рабочих комнат. Плановое решение, вскоре ставшее типовым, было определено, видимо, влиянием консультанта проекта Б.М. Великовского, использовавшего подобную схему в нереализованном проекте Дома Советов в Элисте (1928) [Казусь, 2017, с. 102]. Оренбургский проект предусматривал неоклассическую трактовку сооружения – с четырехколонным портиком центрального входа, украшенными скульптурой двухколонными портиками боковых ризалитов с трибунами — и облицовку фасадов, как и интерьеров зала Съездов, полированными плитами яшмы или диорита [Дом Советов., 1936, 16 мая]. Повторное использование проекта, надо полагать, было обеспечено выполнением условий Наркомхоза, о которых Н.Ф. Попов писал: «Мы требуем от всех наших организаций, работающих над гражданскими сооружениями, таких высококачественных проектов, которые можно было бы с небольшими изменениями применять как типовые» [Попов, 1936].

Подчеркивая общность проектов, «Архитектурная газета» 8 сентября 1936 г. соединила в одной заметке информацию о начале строительства Дома Советов в Оренбурге и об утверждении НТС Наркомхоза нового проекта для Иркутска [Отовсюду., 1936]. Переключка объемного и стилистического решения обоих зданий очевидна из пояснения к проекту Иркутского Дома Советов самого И.И. Виноградова, который в интервью корреспонденту ТАСС в Москве, опубликованном 11 сентября 1936 г. «Восточно-Сибирской правдой», сообщил: «Дом Советов запроектирован в виде буквы «Ш». Главный фасад его обращен на Площадь им. Кирова <...> К заднему фасаду здания, со стороны реки Ангары, примыкает сад «Ударник», который по проекту расширяется и охватит зеленью здание Дома Советов с боков <...> Главный фасад <...> запроектирован в 5 этажей, боковые крылья – в 4 этажа. Все здание будет стоять на гранитном стилобате <...> с ведущими на него с площади ступенями, которые одновременно являются и трибунами <...>».

В центральной части <...> запроектирован зал Съездов и конференций на 400 мест <...> При Крайкоме ВКП(б) и Крайисполкоме запроектированы также залы заседаний. В первом этаже центральной части здания будут расположены телефонная станция, экспедиция, почта, сберегательная касса, парикмахерская, пожарный пост, медицинский пункт и т.д. В

помещении полуподвального этажа запроектированы котельная, вентиляционные камеры, небольшая ремонтная слесарно-водопроводная мастерская и др.

Внешний фасад здания украшается колоннами и пилястрами. В центре, у главного входа, колонны венчаются скульптурными группами и по оси здания — гербом Советского Союза. Облицовка колонн, входов и цокольного этажа производится слюдянским мрамором, добываемым в районе озера Байкал. Работая над проектом, мы стремились создать не только красивое, но и удобное светлое здание» [Дом Советов., 1936, 11 сент.].

Проект этого здания объемом 55 782 куб. м и смету строительства в 5 млн. 251 тыс. руб., как информировал «уполномоченный Крайисполкома по строительству Дома Советов» М.Е. Лондон, заместитель наркома коммунального хозяйства И.И. Нейбах утвердил 27 октября 1936 г. (ил. 5). Дополняя автора проекта, «Восточно-Сибирская правда» писала, что «Дом Советов будет самым крупным зданием в Иркутске. Его кубатура <...> равна кубатуре трех таких домов, как новое здание Госбанка <...> Главный фасад (к площади) облицовывается штукатуркой с мраморной крошкой. В некоторых местах здание облицовывается шлифованным мрамором <...> В каждом этаже запроектированы вестибюли. Полы паркетные и мозаичные. Панели стен зала заседаний, приемных и кабинетов будут отделаны под дуб <...>»

Громадное здание Дома Советов будет установлено на каменном, облицованном гранитом, стилобате, возвышающемся над землей на один метр 73 сантиметра. Со стилобата к земле поведут десять лестниц. Высота здания со стилобатом 21 метр, длина 103 метра, глубина 53 метра. Площадка для Дома Советов уже отведена. Для строительства здания требуется около 5 миллионов штук кирпича, свыше трех тысяч кубометров железобетона, 9–10 тысяч кубометров леса. Срок окончания строительства Дома Советов Совнаркомом установлен в 1938 году. Строительство Дома Советов уже началось. Сейчас идет копка котлована и подготовка тепляков для кладки фундамента» [Началось строительство., 1936].

Рецензируя этот проект в ноябре 1936 г., архитектор В.М. Кусаков, один из ведущих мастеров Архитектурно-проектной мастерской №4 Моссовета, которой руководил И.А. Голосов, подчеркнул, что «проектирование зданий Домов Советов – одна из наиболее значительных и почетных задач советской архитектуры», являющаяся вместе с тем «одной из наиболее <...> трудных тем в нашей стране». Рассмотрев проект для Иркутска в ряду других строящихся Домов Советов по проектам мастерских Наркомхоза — в Кирове, Оренбурге и Нарьян-Маре (мастерская №1, руководитель Н.З. Несис) и Ордоникидзе (мастерская №2, руководитель В.Н. Семенов) он, будучи приверженцем ар деко, признал: проект И.И. Виноградова разработан «очень внимательно и лишен каких-либо органических недостатков, но в решении грамотно прорисованного фасада хотелось бы видеть отображение достижений и истории края. Используя для этой цели барельефы или монументальную живопись, можно было бы наполнить эти фасады значительным и интересным содержанием». Исходя из уникальности иркутской градостроительной ситуации, Кусаков подчеркнул, что

«неправильная форма площади», на которой запроектирован Дом Советов, обусловленная существующей сетью улиц, «лишила ее той геометрической сухости, которая свойственна целому ряду других подобных площадей» (ил. 6). Он обратил внимание и на формальное решение и кварталов, «примыкающих к набережной, мало увязанных в проекте со зданием Дома Советов», и всего ансамбля [Кусаков, 1936], что, естественно, было следствием отсутствия проекта генплана Иркутска.

Повторно жилищно-коммунальное строительство в Иркутске Наркомхоз инспектировал 9–21 февраля 1937 г., т.е. после реорганизации Восточно-Сибирского края в область. В докладной записке в СНК РСФСР наркомат отметил: хотя запланированный на 1936 г. объем строительства Дома Советов по ходатайству Крайисполкома постановлением СНК РСФСР от 29 октября 1936 г. был сокращен вдвое, т.е. до 1,0 млн. руб., фактически было израсходовано всего 705 тыс. руб., «главным образом на проектирование подготовительных работ и заготовку строительных материалов». В зимних условиях была начата «кладка фундамента в тепляках при наличии на площадке 13 тонн цемента в расчете, что необходимое количество цемента (около 300 т) будет подвезено». Но, поскольку в январе 1937 г. поступило лишь 6 т цемента, работы были «приостановлены совершенно», причем затраты на обогревание открытых котлованов удорожили строительство [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 280. Л. 21]. По итогам проверки приказом заместителя наркома Т.С. Хвесина от 8 апреля 1937 г. внимание начальника Восточно-Сибирского Облкомхоза М.Е. Лондона было обращено «на неудовлетворительную организацию работ по строительству Дома Советов», приведшую к их «вынужденной консервации» [Там же. Л. 2].

В ситуации, потребовавшей активизации строительства в Иркутской области в целом и реального строительства Дома Советов, «Музей коммунального хозяйства» совместно с Востсибпроектком организовали «постоянную архитектурно-планировочную выставку», имея в виду, что «посменно через каждые 2–3 декады» будет экспонироваться «архитектура и строительство Дома Советов в Иркутске, реконструкция иркутской Центральной гостиницы, жилищно-бытовое и культурное строительство, планировка населенных мест и рабочих поселков в области, колхозная архитектура и жилищно-бытовое строительство». Первой 10 апреля 1937 г. открылась выставка, посвященная проекту Дома Советов [Мишура, 1937], в связи с чем «Восточно-Сибирская правда» 15 апреля 1937 г. вновь сообщила, что «в Иркутске началось строительство Дома Советов. Недавно инженеры и архитекторы Востсибпроекта тт. Артюшков, Кербель, Ляповецкая и Шабалина закончили разработку рабочего проекта строительства. Кроме того, разработан проект наружного и внутреннего архитектурного оформления здания <...> Все здание будет покоиться на громадном гранитном пьедестале. Отделка дома представит из себя имитацию кладки из крупного естественного камня. На выступах и площадках будут установлены скульптурные группы. Для стройки Дома Советов, — информировала газета, корректируя ранее называвшиеся цифры, — потребуется 3,5 миллиона штук кирпича, 2000 тонн цемента, 3,5 тысячи кубометров круглого

леса, 300 тонн железа; на отделку панелей и стен — 180 кубометров дубового леса, 318 тонн мраморной крошки, 1782 кв. метра стекла» [Дом Советов., 1937, 15 апр.]. Хотя на строительство Дома Советов в 1937 г. было «отпущено» 1,7 млн. руб. с тем, что «к концу сезона должны быть подведены под крышу из 10 секций Дома Советов — семь» [Эршон, 1937], дефицит стройматериалов и в этом году преодолеть не удалось: в необходимом количестве 1000 куб. м имелся лишь гравий, недоставало бутового камня и кирпича, из требовавшихся 490 т известки имелось только 210 т, цемента при годовой потребности 1300 т и арматурного железа при потребности 185 т — не было [ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 280. Л. 43]. Возможно, в этом сказалось предпринятое в сентябре 1937 г. разделение Восточно-Сибирской области на Иркутскую и Читинскую.

С назначением на пороге Третьей пятилетки в июне 1937 г. первым секретарем Восточно-Сибирского Обкома и Горкома ВКП(б) А.С. Щербакова⁸¹ (до того секретаря Ленинградского обкома партии) разработка проекта генплана Иркутска перешла в ведение Ленинградского отделения Горстройпроекта, действовавшего в Наркомтяжпроме СССР [Кореньков, 1936]. 29 августа 1938 г. специальный Пленум Горсовета утвердил составленную Горстройпроектом новую схему распределения территорий города [Кулешов, 1938], после чего в октябре в Иркутск прибыла его бригада во главе с архитектором С.Е. Бровцевым [Эршон, 1938]. Но ситуация с постройкой Дома Советов радикально не изменилась — в июне 1938 г. «Восточно-Сибирская правда» вновь сигнализировала: «По проекту архитектора Виноградова на Площади им. Кирова Иргорстройтрест ведет строительство областного Дома Советов <...> Плохо обстоит дело с качеством строительства. В каменной кладке получают пустые вертикальные швы <...> На стройке должно быть 130 рабочих, а фактически работает только 80 <...> Иргорстройтрест и Облкомхоз не заботятся о стройке. На стройке нет таких необходимых материалов как гвозди. Требуется 60 тонн арматурного железа, но неизвестно, когда оно будет. Облкомхоз не добился обеспечения стройки рабочими чертежами. До сих пор не уточнено, как будет производиться разбивка колонн. Облсполком не обсудил распределение помещений будущего Дома Советов. Не выяснено подробно архитектурное оформление и тематика скульптурных групп и барельефов <...> На сегодняшний день на стройку истрачено 1087616 руб., а сделан лишь фундамент и на несколько метров возведены стены <...> На таком большом строительном объекте, как Дом Советов, должен быть инженер, но его нет. Главный инженер Иргорстройтреста П.Е. Викман первый занялся вопросом строительства Дома Советов и изъявил свое согласие руководить им, однако, его оторвали от начато дела. Все эти факты говорят о том, что над строительством Дома Советов нет еще должного контроля» [Бескодаров, 1938].

Хотя начальник сектора культуры и быта Облплана Я. Гельфанд, говоря о «больших работах» в Иркутске «по реконструкции и расширению электростанции, замощению улиц, строительству первой

⁸¹ Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) — первый секретарь Иркутского Обкома и Горкома ВКП(б) в 1937–1938 гг. [Иркияпедия Ру. Именной., 2019].

очереди водопровода, Дома Советов, банно-прачечного комбината и т. д.» и, рассматривая Дом Советов в ряду сугубо коммунальных строителей, писал о запланированном завершении его строительства в 1939 г. [Гельфанд, 1939], инженер Востсибпроекта К.И. Семин в декабре 1938 г. констатировал, что «строительная программа по Дому Советов» вновь сорвана, объясняя это тем, что «капитальное строительство было до сих пор запущенным участком работы — как у руководящих областных организаций, так и у инженерно-технической общественности области» [Семин, 1938].

Ускорение постройки Дома Советов наметилось, когда председателем Президиума Иркутского Облсполкома был избран С.Я. Новак⁸². По завершении в марте 1940 г. Горстройпроектом генплана Иркутска [Проект планировки., 1940], он на сессии Областного Совета 26 апреля, отметив, что план капитального строительства области в объеме 33 млн. руб., «не пользуясь достаточным вниманием исполкомов областного, городских и районных советов», в 1939 г. был выполнен на 75%, а Иргорстройтрестом только на 49%, призвал в 1940 г. «полностью использовать средства на строительство Дома Советов» [Вторая сессия., 1940]. Решая задачу, новый главный инженер Иргорстройтреста В.И. Шасти́н, ранее проектировавший, как сказано выше, Дом Советов в Верхнеудинске, предложил «работы по завершению строительства Дома Советов» начать в октябре 1940 г., выполняя кирпичную кладку методом замораживания и, окончив ее «к марту или апрелю» 1941 г., с мая начать отделочные работы, завершив их «к октябрю или ноябрю». «Производство работ в зимнее время сопряжено, — пояснил он, — <...> с некоторым удорожанием, но оно, несомненно, окупилось бы скоростью быстрым вводом в эксплуатацию этого «хронически» переходящего объекта» [Шасти́н, 1941].

Вдохновленный, возможно, этой инициативой, директор Областного краеведческого музея П.С. Кассин в «Восточно-Сибирской правде» от 1 января 1941 г. описал, как ему представлялось, близкое будущее Иркутска: «Красивые улицы и площади окаймлены изящными многоэтажными зданиями с роскошной облицовкой из мрамора, гранита, лабрадора, порфира и других горных пород, которыми славится Прибайкалье <...> Мы спешим на площадь Кирова. Впереди нас высился Дом Советов — здание с великолепной отделкой. Живопись на фронто́не и фризы фасада украшали Дом Советов. Барельефы отражали героические дни борьбы и победы над интервентами и колчаковщиной. В мраморных статуях были увековечены первые стахановцы промышленных предприятий и социалистических полей области» [Кассин, 1941].

Однако, для исполняющего обязанности городского архитектора С.М. Заславского, как и в 1930-е гг., завершение строительства Дома Советов не было главной заботой. В том же январе 1941 г. он сообщил «Восточно-Сибирской правде», что «в соответствии с генеральной схемой планировки Большого Иркутска <...> возле строящегося Дома Советов <...> в этом году поднимется четырехэтажное здание Института иностранных языков. Это будет одно

⁸² Новак Семен Яковлевич (1902–после 1942) – председатель Президиума исполкома Иркутского Облсовета в 1939–1942 гг. [Новак Семен., 2019].

из красивейших сооружений города. Его фасад украсят колонны с коринфскими капителями, портики, цветной орнамент. Все эти элементы архитектурного оформления у нас в Иркутске будут применены впервые» [Новые стройки., 1941]. Вследствие новой конкуренции предложение В.И. Шасти́на осуществить не удалось – строительство Дома Советов прервала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В итоге «один из интересных проектов», как его оценил Л.Ф. Антипин, «не получил своего воплощения в натуре и был реализован в послевоенный период в измененной редакции фасадов» главным архитектором Иркутска К.М. Гурьевым [Антипин, 2016].

Таким образом, вновь привлеченные материалы не подтверждают конкурсного характера проектов Дома Советов в Иркутске А.Д. Крячкова и И.И. Виноградова. Выполненный со значительной задержкой (вызванной ожиданием результатов архитектурных конкурсов на проект Дворца Советов в Москве) проект Крячкова (1934–1935) руководством края рассматривался принятым к реализации, но строительство по нему должным образом организовано не было. Это было следствием, во-первых, затянувшейся (фактически связанной с решением Ангарской проблемы) разработки проекта планировки города, допускавшей осуществление лишь локальных градостроительных задач, но не формирование ансамбля главного здания города в целом, а, во-вторых, приоритета, отдававшегося в Иркутске в 1930-е гг. социально-необходимому строительству за счет отсрочки создания Дома Советов.

Его постройка, несмотря на наличие в Иркутске опытных архитекторов, началась в 1936 г. без утверждения проекта Наркомхозом и без необходимой рабочей документации. В связи с этим в Архитектурной мастерской наркомата был срочно выполнен новый проект, разработанный группой И.И. Виноградова на основе имевшегося проекта областного Дома Советов тех же авторов для Оренбурга, в итоге чего уже зимой 1936 г. началась закладка фундаментов. Однако административно-территориальные реорганизации и ротация советских и партийных руководителей края (затем области), сопровождавшиеся репрессиями, несмотря на предпринятые в 1937–1940 гг. попытки областной власти и специалистов форсировать строительство Дома Советов, ожидаемого результата в довоенный период не дали.

Список литературы

1. Александров И. Ангаро-Байкальский район // Плановое хозяйство. — 1933. — №7–8. — С. 67–78.
2. Александров И.Г. Производственное районирование и его методология // Плановое хозяйство. — 1928. — №4. — С. 46–65.
3. Антипин Л. Иркутск. Вчера, сегодня, завтра (проблемы, перспективы) // Проект-Байкал. — 2016. — №45. — С. 30–35.
4. Беседа тов. Я.З. Пахомова с архитекторами // Восточно-Сибирская правда. — 1935. — 10 апр. (№83).
5. Бескодаров Г. На строительстве Дома Советов // Восточно-Сибирская правда. — 1938. — 21 июня (№140).
6. Большой Иркутск // Восточно-Сибирская правда. — 1934. — 21 апр. (№92).

7. Будущее Иркутска // Восточно-Сибирская правда. — 1934. — 21 июня (№142).
8. Будущий Иркутск // Восточно-Сибирская правда. — 1935. — 11 янв. (№11).
9. Бусаргина Т. Иркутск в кумачевых декорациях // Сибирь. — 1980. — №5. — С. 124–128.
10. В архитектурно-планировочной мастерской // Восточно-Сибирская правда. — 1935. — 10 авг. (№183).
11. Викман Петр Ефимович — информация о репрессиях финнов в СССР. 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.inkeri.ru/rep/peoples/?id=1212> (дата обращения: 15.04.2019).
12. Волин Б. На архитектурной выставке // Восточно-Сибирская правда. — 1935. — 17 янв. (№15).
13. Волин Б. У архитекторов Восточной Сибири // Восточно-Сибирская правда. — 1935. — 3 янв. (№3).
14. Вторая сессия Иркутского областного Совета депутатов трудящихся. Дневник заседания 26 апреля // Восточно-Сибирская правда. — 1940. — 28 апр. (№98).
15. Выставка проектов Дворца Советов // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 1931. — 19 июля (№197).
16. Гарнюк С.Д. Московская власть: Советские органы управления. Март 1917 — октябрь 1993: Справочник. — М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2011. — 944 с.
17. Гельфанд Я. Культурно-бытовое строительство Иркутской области в третьей пятилетке // Восточно-Сибирская правда. — 1939. — 17 апр. (№87).
18. Головченко Б.Л., Немировский М.П., Балашев Е.Ф., Потемкина К.М. О схеме Иркутска // Архитектурная газета. — 1936. — 18 июля (№40).
19. Дворец Советов будет открыт в 1933 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 1931. — 27 сентября (№267).
20. Дворец Советов. Всесоюзный конкурс 1932 г. — М.: Всекохудожник, 1933. — 132 с.
21. Дом Советов в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. — 1936. — 11 сент. (№210).
22. Дом Советов в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. — 1937. — 15 апр. (№87).
23. Дом Советов в Оренбурге // Оренбургская коммуна. — 1936. — 16 мая (№111).
24. Зимин Николай Николаевич. 2019 [Электронный ресурс]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зимин,_Николай_Николаевич (дата обращения: 15.04.2019).
25. Иольсон Л.М. Адресная книжка коллекционеров денежных знаков и бон, выпущенных на территории бывшей Российской империи. — М.: Издание уполномоченного по филателии и бонам в СССР, 1925. — 37 с.
26. Иркипедия Ру. Именной указатель. 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <http://irkipedia.ru/browse/508> (дата обращения: 15.04.2019).
27. Иркипедия Ру. Секретари Иркутского горкома ВКП(б), КПСС. 2019 [Электронный ресурс]. — URL: <http://irkipedia.ru/node/2481/talk> (дата обращения: 15.04.2019).
28. Иркутск готовится // Восточно-Сибирская правда. — 1934. — 4 нояб. (№255).
29. Иркутск сегодня и завтра. Беседа с председателем Иркутского городского совета тов. Камбалиным // Восточно-Сибирская правда. — 1935. — 21 сент. (№218).
30. Казусь И.А. Дома Советов в архитектуре советского авангарда // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2016 году: сб. науч. тр. РААСН. — М.: Издательство АСВ, 2017. — Т. 1. — С. 98–107.
31. Казусь И.А. Дом Советов для Новосибирска, построенный в Йошкар-Оле (1930–1938) // Архитектурное наследие. — Вып. 69. — СПб.: Коло, 2018. — С. 204–218.
32. Казусь И.А. Дома Советов городов Сибири в контексте архитектуры конструктивизма // Баландинские чтения: сб. статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. Акад., 2015. — Т. X. — Ч. 2. — С. 175–186.
33. Кассин П. В Энском пятилетии // Восточно-Сибирская правда. — 1941. — 1 янв. (№1).
34. Книга памяти Иркутской обл. 2019 [Электронный ресурс]. — URL: https://ru.openlist.wiki/Категория:Книга_памяти_Иркутской_обл. (дата обращения: 15.04.2019).
35. Колмаков Ю.П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. — Иркутск: «Оттиск», 2003. — 848 с.
36. Колосовский Н.Н. По поводу статьи т. Белорусеца «Практические моменты построения перспективного плана народного хозяйства Сибирского края» // Плановое хозяйство. — 1926. — №2. — С. 309–310.
37. Колосовский Н.Н. Избранные труды. — Смоленск: Ойкумена, 2006. — 336 с.
38. Конференция архитекторов // Восточно-Сибирская правда. — 1935. — 17 апр. (№89).
39. Конференция архитекторов // Восточно-Сибирская правда. — 1935. — 18 апр. (№90).
40. Кореньков В. Новые города // Архитектурная газета. — 1936. — 31 дек. (№72).
41. Краевое проектное Бюро при Крайкомхозе // Восточно-Сибирская правда. — 1932. — 24 янв. (№19).
42. Куйбышев В.В. Второй пятилетний план. Доклад на XVII съезде ВКП(б) 3–4 февраля 1934 г. — М.-Л.: Партиздат, 1934. — 72 с.
43. Кулешов А. Будущий Иркутск // Восточно-Сибирская правда. — 1938. — 9 сент. (№208).
44. Кусаков В. Дома Советов // Архитектурная газета. — 1936. — 28 нояб. (№66). Приложение «Проекты и постройки».
45. Леонов Федор Григорьевич. 2019 [Электронный ресурс]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Леонов_Фёдор_Григорьевич (дата обращения: 15.04.2019).
46. Лисицин В.Г. Иркутский Дом Советов // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2014. — №3. — С. 271–276.
47. Луговской И. Иркутск старый и Иркутск новый // Восточно-Сибирская правда. — 1934. — 23 дек. (№295).
48. Малышев В.М. Гипотеза решения Ангарской проблемы. — М.-Иркутск: Восточно-Сибирское краевое издательство, 1935. — 229 с.
49. Мишура К. Выставка архитектуры и планировки города // Восточно-Сибирская правда. — 1937. — 10 апр. (№83).
50. На архитектурной выставке // Восточно-Сибирская правда. — 1935. — 20 янв. (№17).

51. Началось строительство Дома Советов // Восточно-Сибирская правда. — 1936. — 24 нояб. (№270).

52. Новак Семен Яковлевич. 2019 [Электронный ресурс]. — URL: // https://ru.wikipedia.org/wiki/Новак,_Семен_Яковлевич (дата обращения: 15.04.2019).

53. Новые стройки (беседа с и. о. городского архитектора С.М. Заславским) // Восточно-Сибирская правда. — 1941. — 14 янв. (№11).

54. Новые стройки в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. — 1935. — 8 янв. (№8).

55. О Московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР: Резолюция Пленума ЦК ВКП(б), 15 июня 1931 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. — М.: Политиздат, 1970. — Т. 4. — С. 544–558.

56. О повышении качества проектов строительства. Постановление Президиума Крайисполкома // Восточно-Сибирская правда. — 1932. — 2 июля (№147).

57. Оглы Б.И. Иркутск: о планировке и архитектуре города. — Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1982. — 112 с.

58. Отдел Союза советских архитекторов // Восточно-Сибирская правда. — 1935. — 21 февр. (№43).

59. Отовсюду // Архитектурная газета. — 1936. — 8 сент. (№50).

60. Первый общественный просмотр предварительных проектов Дворца Советов // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 1931. — 27 сентября (№267).

61. Переломова Ю. «Я мало что в тот момент соображал...». Архивы сохранили фото охлопковской мистерии на Тихвинской площади // Восточно-Сибирская правда. — 2017. — 7 февр. (№5) [Электронный ресурс]. — URL: // <http://www.vsp.ru/2017/02/07/567752/> (дата обращения: 15.04.2019).

62. Попов Н.Ф. Программа строительства городов // Архитектурная газета. — 1936. — 31 дек. (№72).

63. Постановление о конкурсе на составление проектов Дворца Советов // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. — 1931. — 18 июля (№196).

64. Превратить Иркутск в образцово-благоустроенный центр Восточной Сибири // Восточно-Сибирская правда. — 1932. — 16 мая (№108).

65. Проект Дома Советов в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. — 1935. — 10 марта (№57).

66. Проект планировки и реконструкции Иркутска // Восточно-Сибирская правда. — 1940. — 21 марта (№66).

67. Рогачев А.В. Москва. Великие стройки социализма. — М.: Центрполиграф, 2014. — 478 с.

68. Самый большой в истории советской архитектуры конкурс // Строительство Москвы. — 1931. — №12. — С. 30.

69. Семин К.И. Почему плохо строят в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. — 1938. — 23 дек. (№293).

70. Смирнов С. Каким должен быть дом Советов? // Восточно-Сибирская правда. — 1932. — 22 июля (№164).

71. Справочник по Иркутску и Иркутскому округу на 1930 год. — Иркутск: Изд-во «Власть Труда», 1930. — 315 с.

72. Собрание узаконений и распоряжений Рабо-

че-Крестьянского правительства РСФСР. Первый отдел. — М.: Изд-во «Советское законодательство», 1930. — 988 с.

73. Тоцкий Н.М. Удельный вес районов РСФСР в 1925/26 г. // Плановое хозяйство. — 1928. — №1. — С. 253–285.

74. У архитекторов. На краевой конференции // Восточно-Сибирская правда. — 1936. — 15 марта (№61).

75. Шастин В. О стройках и строительных материалах // Восточно-Сибирская правда. — 1941. — 25 янв. (№20).

76. Шишкин А. Байкальский мрамор // Восточно-Сибирская правда. — 1936. — 12 апр. (№85).

77. Щегляев Ф.М., Воздвиженский В.И., Архангельский В.А., Остроглазов Г.И., Дробышева Г.Н. Ангаро-Енисейстрой / Под редакцией и с предисловием Н.Н. Колосовского. — М.: Советская Азия, 1933. — 80 с.

78. Эршон Г. Что строит Иркутск // Восточно-Сибирская правда. — 1937. — 22 марта (№67).

79. Э<ршон> Г. К проекту нового Иркутска // Восточно-Сибирская правда. — 1938. — 22 окт. (№244).

References

1. Aleksandrov I. Angaro-Bajkal'skij rajon. *Planovoe hozyajstvo*. 1933. No 7–8. Pp. 67–78. (in Russ.)
2. Aleksandrov I.G. Proizvodstvennoe rajonirovanie i ego metodologiya. *Planovoe hozyajstvo*. 1928. No 4. Pp. 46–65. (in Russ.)
3. Antipin L. Irkutsk. Vchera, segodnya, zavtra (problemy, perspektivy). *Proekt-Bajkal*. 2016. No 45. Pp. 30–35. (in Russ.)
4. Beseda tov. Ya.Z. Pahomova s arhitektoram. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1935. 10 apr. (No 83). (in Russ.)
5. Beskodarov G. Na stroitel'stve Doma Sovetov. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1938. 21 iyunya (No 140). (in Russ.)
6. Bol'shoj Irkutsk. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1934. 21 apr. (No 92). (in Russ.)
7. Budushchee Irkutsk. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1934. 21 iyunya (No 142). (in Russ.)
8. Budushchij Irkutsk. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1935. 11 yanv. (No 11). (in Russ.)
9. Busargina T. Irkutsk v kumachevyh dekoracijah. *Sibir'*. 1980. No 5. Pp. 124–128. (in Russ.)
10. Dom Sovetov v Irkutске. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1936. 11 sent. (No 210). (in Russ.)
11. Dom Sovetov v Irkutске. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1937. 15 apr. (No 87). (in Russ.)
12. Dom Sovetov v Orenburge. *Orenburgskaya kommuna*. 1936. 16 maya (No 111). (in Russ.)
13. Dvorec Sovetov. Vsesoyuznyj konkurs 1932 g. Moscow: Vsekhudozhnik, 1933. 132 p. (in Russ.)
14. Dvorec Sovetov budet otkryt v 1933 g. *Izvestiya CIK SSSR i VCIK*. 1931. 27 sent. (No 267). (in Russ.)
15. Ershon G. Chto stroit Irkutsk. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1937. 22 marta (No 67). (in Russ.)
16. E<rshon> G. K proektu novogo Irkutsk. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1938. 22 okt. (No 244). (in Russ.)
17. Garnyuk S.D. Moskovskaya vlast': Sovetskie organy upravleniya. Mart 1917 — oktyabr' 1993: Spravochnik. Moscow: Izd-vo Glavnogo arhivnogo upravleniya goroda Moskvy, 2011. 944 p. (in Russ.)

18. Gel'fand Ya. Kul'turno-bytovoe stroitel'stvo Irkutskoj oblasti v tret'ej pyatiletke. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1939. 17 apr. (No 87). (in Russ.)
19. Golovchenko B.L., Nemirovskij M.P., Balashev E.F., Potemkina K.M. O skheme Irkutskaja. *Arhi-tekturnaya gazeta*. 1936. 18 iyulya (No 40). (in Russ.)
20. Iol'son L.M. Adresnaya knizhka kollecionerov denezhnyh znakov i bon, vypushchennyh na territorii byvshej Rossijskoj imperii. Moscow: Izdanie upolnomochennogo po filatelii i bonam v SSSR, 1925. 37 p. (in Russ.)
21. Irkipediya Ru. Imennoj ukazatel'. 2019 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://irkipedia.ru> (data obrashcheniya: 15.04.2019). (in Russ.)
22. Irkipediya Ru. Sekretari Irkutskogo gorkoma VKP(b), KPSS. 2019 [Elektronnyj resurs]. URL: http://irkipedia.ru/content/sekretari_irkutskogo_gorkoma_vkpb_kpss (data obrashcheniya: 15.04.2019). (in Russ.)
23. Irkutsk gotovitsya. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1934. 4 noyab. (No 255). (in Russ.)
24. Irkutsk segodnya i zavtra. Beseda s predsedatelem Irkutskogo gorodskogo soveta tov. Kamba-linym. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1935. 21 sent. (No 218). (in Russ.)
25. Kassin P. V Enskom pyatiletii. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1941. 1 yanv. (No 1). (in Russ.)
26. Kazus' I.A. Dom Sovetov dlya Novosibirskaja, postroennyj v Joshkar-Ole (1930–1938). *Arhitekturnoe nasledstvo*. Iss. 69. St. Petersburg.: Kolo, 2018. Pp. 204–218. (in Russ.)
27. Kazus' I.A. Doma Sovetov gorodov Sibiri v kontekste arhitektury konstruktivizma. Balandinskie chteniya: sb. statej nauchnyh chtenij pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosib. gos. arhit.-hud. akad., 2015. Vol. X. pt. 2. Pp. 175–186. (in Russ.)
28. Kazus' I.A. Doma Sovetov v arhitekture sovetskogo avangarda. Fundamental'nye, poiskovye i prikladnye issledovaniya RAASN po nauchnomu obespecheniyu razvitiya arhitektury, gradostroitel'stva i stroitel'noj otrasli Rossijskoj Federacii v 2016 godu: sb. nauch. tr. RAASN. Moscow: Izdatel'stvo ASV, 2017. Vol. 1. Pp. 98–107. (in Russ.)
29. Kniga pamyati Irkutskoj obl. 2019 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ru.openlist.wiki/index> (data obrashcheniya: 15.04.2019). (in Russ.)
30. Kolmakov Yu.P. Irkutskaya letopis' 1661–1940 gg. Irkutsk: «Ottisk», 2003. 848 p. (in Russ.)
31. Kolosovskij N.N. Izbrannye trudy. Smolensk: Ojumen, 2006. 336 p. (in Russ.)
32. Kolosovskij N.N. Po povodu stat'i t. Beloruseca «Prakticheskie momenty postroeniya perspektivnogo plana narodnogo hozyajstva Sibirskogo kraja». *Planovoe hozyajstvo*. 1926. No 2. Pp. 309–310. (in Russ.)
33. Konferenciya arhitektorov. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1935. 17 apr. (No 89). (in Russ.)
34. Konferenciya arhitektorov. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1935. 18 apr. (No 90). (in Russ.)
35. Koren'kov V. Novye goroda. *Arhitekturnaya gazeta*. 1936. 31 dek. (No 72). (in Russ.)
36. Kraevoe proektnoe Byuro pri Krajkomhoze. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1932. 24 yanv. (No 19). (in Russ.)
37. Kujbyshev V.V. Vtoroj pyatiletnij plan. Doklad na XVII s»ezde VKP(b) 3–4 fevralya 1934 g. Moscow-Leningrad: Partizdat, 1934. 72 p. (in Russ.)
38. Kuleshov A. Budushchij Irkutsk. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1938. 9 sent. (No 208). (in Russ.)
39. Kusakov V. Doma Sovetov. *Arhitekturnaya gazeta*. 1936. 28 noyab. (No 66). Prilozhenie «Proekty i postrojki». (in Russ.)
40. Leonov Fedor Grigor'evich. 2019 [Elektronnyj resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Leonov_Fyodor_Grigor'evich (data obrashcheniya: 15.04.2019). (in Russ.)
41. Lisicin V.G. Irkutskij Dom Sovetov. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 2014. No 3. Pp. 271–276. (in Russ.)
42. Lugovskoj I. Irkutsk staryj i Irkutsk novyj. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1934. 23 dek. (No 295). (in Russ.)
43. Malyshev V.M. Gipoteza resheniya Angarskoj problemy. Moscow – Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kraevoe izdatel'stvo, 1935. 229 p. (in Russ.)
44. Mishura K. Vystavka arhitektury i planirovki goroda. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1937. 10 apr. (No 83). (in Russ.)
45. Na arhitekturnoj vystavke. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1935. 20 yanv. (No 17). (in Russ.)
46. Nachalos' stroitel'stvo Doma Sovetov. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1936. 24 noyab. (No 270). (in Russ.)
47. Novak Semen Yakovlevich. 2019 [Elektronnyj resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Novak_Semen_Yakovlevich (data obrashcheniya: 15.04.2019). (in Russ.)
48. Novye strojki (beseda s i. o. gorodskogo arhitekora S.M. Zaslavskim). *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1941. 14 yanv. (No 11). (in Russ.)
49. Novye strojki v Irkutске. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1935. 8 yanv. (No 8). (in Russ.)
50. O Moskovskom gorodskom hozyajstve i o razvitiu gorodskogo hozyajstva SSSR: Rezolyuciya Plenuma CK VKP(b), 15 iyunya 1931 g. KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s»ezdov, konferencij i plenumov CK. 8-e izd. Moscow: Politizdat, 1970. Vol. 4. Pp. 544–558. (in Russ.)
51. O povyshenii kachestva proektov stroitel'stva. Postanovlenie Prezidiuma Krajispolkoma. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1932. 2 iyulya (No 147). (in Russ.)
52. Ogly B.I. Irkutsk: o planirovke i arhitekture goroda. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 1982. 112 p. (in Russ.)
53. Otdel Soyuzsa sovetskih arhitektorov. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1935. 21 fevr. (No 43). (in Russ.)
54. Otovsyudu. *Arhitekturnaya gazeta*. 1936. 8 sent. (No 50). (in Russ.)
55. Perelomova Yu. «Ya malo chto v tot moment soobrazhal...». Arhivy sohranili foto ohlopkovskoj misterii na Tihvinskoj ploschadi. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 2017. 7 fevr. (No 5) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.vsp.ru/2017/02/07/567752/> (data obrashcheniya: 15.04.2019). (in Russ.)
56. Pervyj obshchestvennyj prosmotr predvaritel'nyh proektov Dvorca Sovetov. Izvestiya CIK SSSR i VCIK. 1931. 27 sent. (No 267). (in Russ.)
57. Popov N.F. Programma stroitel'stva gorodov. *Arhitekturnaya gazeta*. 1936. 31 dek. (No 72). (in Russ.)
58. Postanovlenie o konkurse na sostavlenie proektov Dvorca Sovetov. Izvestiya CIK SSSR i VCIK. 1931. 18 iyulya (No 196). (in Russ.)
59. Prevratit' Irkutsk v obrazcovo-blagoustroennyj

centr Vostochnoj Sibiri. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1932. 16 maya (No 108). (in Russ.)

60. Proekt Doma Sovetov v Irkutske. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1935. 10 marta (No 57). (in Russ.)

61. Proekt planirovki i rekonstrukcii Irkutska. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1940. 21 marta (No 66). (in Russ.)

62. Rogachev A.V. Moskva. Velikie strojki socializma. Moscow: Centropoligraf, 2014. 478 p. (in Russ.)

63. Samyj bol'shoj v istorii sovetskoj arhitektury konkurs. *Stroitel'stvo Moskvy*. 1931. No 12. P. 30. (in Russ.)

64. Semin K.I. Pochemu ploho stroyat v Irkutske. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1938. 23 dek. (No 293). (in Russ.)

65. Shastin V. O strojkah i stroitel'nyh materialah. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1941. 25 yanv. (No 20). (in Russ.)

66. Shcheglyayev F.M., Vozdvizhenskij V.I., Arhangel'skij V.A., Ostroglazov G.I., Drobysheva G.N. An-garo-Enisejstroj. Pod redakciej i s predisloviem N.N. Kolosovskogo. Moscow: Sovetskaya Aziya, 1933. 80 p. (in Russ.)

67. Shishkin A. Bajkal'skij mramor. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1936. 12 apr. (No 85). (in Russ.)

68. Smirnov S. Kakim dolzhen byt' dom Sovetov? *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1932. 22 iyulya (No 164). (in Russ.)

69. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR. Pervyj otdel. Moscow: Izd-vo «Sovetskoe zakonodatel'stvo», 1930. 988 p. (in Russ.)

70. Spravochnik po Irkutsku i Irkutskomu okrugu na 1930 god. Irkutsk: Izd-vo «Vlast' Truda», 1930. 315 p. (in Russ.)

71. Tockij N.M. Udel'nyj ves rajonov RSFSR v 1925/26 gg. *Planovoe hozyajstvo*. 1928. No 1. Pp. 253–285. (in Russ.)

72. U arhitektorov. Na kraevoj konferencii. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1936. 15 marta (No 61). (in Russ.)

73. V arhitekturno-planirovochnoj masterskoj. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1935. 10 avg. (No 183). (in Russ.)

74. Vikman Petr Efimovich — informaciya o repressiyah finnov v SSSR. 2019 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.inkeri.ru/rep/peoples/?id=1212> (data obrashcheniya: 15.04.2019). (in Russ.)

75. Volin B. Na arhitekturnoj vystavke. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1935. 17 yanv. (No 15). (in Russ.)

76. Volin B. U arhitektorov Vostochnoj Sibiri. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1935. 3 yanv. (No 3). (in Russ.)

77. Vtoraya sessiya Irkutskogo oblastnogo Soveta deputatov trudyashchihsya. Dnevnik zasedaniya 26 aprelya. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1940. 28 apr. (No 98). (in Russ.)

78. Vystavka proektov Dvorca Sovetov. *Izvestiya CIK SSSR i VCIK*. 1931. 19 iyulya (No 197). (in Russ.)

79. Zimin Nikolaj Nikolaevich. 2019 [Elektronnyj resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Zimin,_Nikolaj_Nikolaevich (data obrashcheniya: 15.04.2019). (in Russ.)

Список источников

1. ГАИО. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 261.

2. ГАИО. Ф. Р-600. ОЦ. Д. 9.

3. ГАИО. Ф. Р-600. ОЦ. Д. 10.

4. ГАИО. Ф. Р-600. ОЦ. Д. 26.

5. ГАНИИО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 4.

6. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 225.

7. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 280.

8. ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 368.

9. МИАС. ФК. Оп. 1.

Список сокращений

АПУ — Архитектурно-планировочное управление
Востсиблеспром — Восточно-Сибирское лесопро-
мышленное объединение

Востсибпроект — Восточно-Сибирский проектный
трест

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия
(большевиков)

ВСНХ — Высший совет народного хозяйства

ВЦИК — Всероссийский центральный исполни-
тельный комитет

ГАИО — Государственный архив Иркутской об-
ласти

ГАНИИО — Государственный архив новейшей
истории Иркутской области

ГАРФ — Государственный архив Российской Фе-
дерации

Гипрогор — Государственный институт съемки и
планировки городов и проектирования гражданских
сооружений

Горком — Городской комитет

Горсовет — Городской совет

Горстройпроект — Государственный трест по
проектированию рабочих городов, поселков, жилищ,
учебных заведений и культурно-просветительных
учреждений тяжелой промышленности

ГорФО — Городской финансовый отдел

ГЭС — Гидроэлектростанция

Желдорстрой — Трест железнодорожного стро-
ительства

Жилгражданстрой — Жилищно-гражданское
строительное объединение

Иргорстройтрест — Иркутский городской строи-
тельный трест

ИТС — Инженерно-технический состав

Крайдортранс — Краевое управление шоссейных
и грунтовых дорог и автомобильного транспорта

Крайздрав — Краевой отдел здравоохранения

Крайисполком — Краевой исполнительный коми-
тет

Крайком — Краевой комитет

Крайкомхоз — Краевой отдел коммунального хо-
зяйства

КрайОНО — Краевой отдел народного образова-
ния

Крайплан — Краевая плановая комиссия

КрайРКИ — Краевая Рабоче-крестьянская ин-
спекция

КрайСНХ — Краевой Совет народного хозяйства

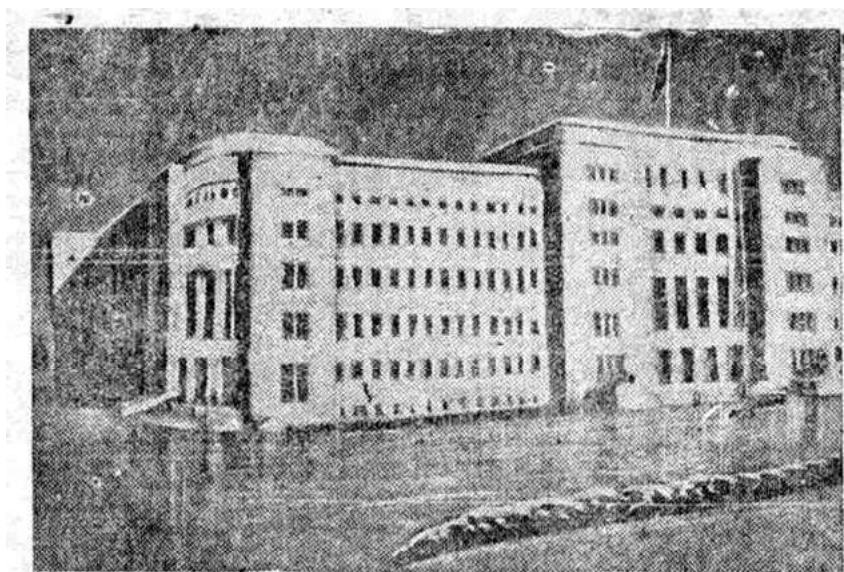
Крайсовпроф — Краевой совет профсоюзов

КрайФУ — Краевое финансовое управление

Крайснабсбыт — Краевое управление снабжения
и сбыта

Крайсобес — Краевой отдел социального обеспечения
 Крайтрудотдел -
 МИАС — Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств
 Моссовет — Московский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
 Мособлисполком — Московский областной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
 МУНИ — Московское управление недвижимых имуществ
 НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
 НКХХ, Наркомхоз — Народный комиссариат коммунального хозяйства
 НТС — Научно-технический совет
 Облисполком — Областной исполнительный комитет
 Облкомхоз — Областной отдел коммунального хозяйства
 Облплан — Областная плановая комиссия
 Облпроект — Областной проектный трест
 ОкрФО — Окружной финансовый отдел
 Орготдел — Организационный отдел

РААСН — Российская академия архитектуры и строительных наук
 Райсовет — Районный совет
 РИК — Районный исполнительный комитет
 РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 Саннадзор — Санитарный надзор
 Сибревком — Сибирский революционный комитет
 СНК, Совнарком — Совет народных комиссаров
 Союззолото — Всесоюзное государственное золотопромышленное акционерное общество
 Стройобъединение — Всероссийское государственное объединение строительной индустрии и промышленности строительных материалов минерального происхождения и новых строительных материалов
 ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза
 Цekomбанк — Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства
 ЦИК СССР — Центральный исполнительный комитет Союза Советских Социалистических Республик
 ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)

На коммунальной выставке в Иркутске. Проект здания Дворца Советов, который будет построен в ближайшие годы.

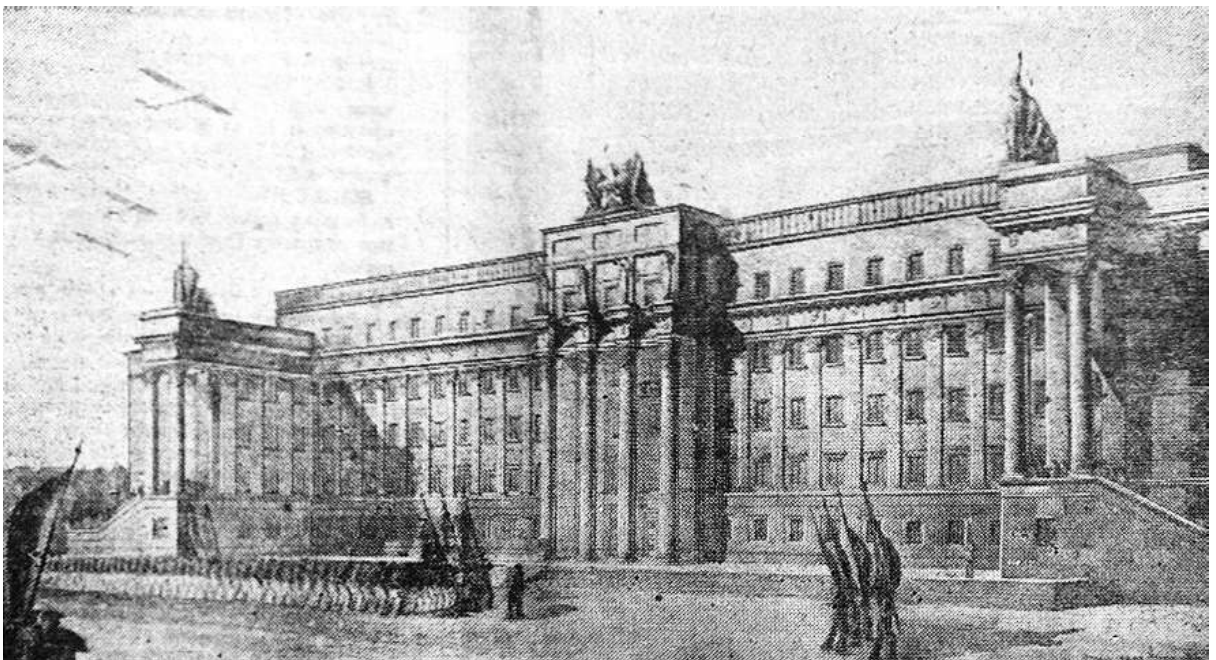
Ил. 1. Проект Дома Советов в Иркутске. 1932 г. (?) Автор неизвестен. Перспектива [Луговской, 1934]

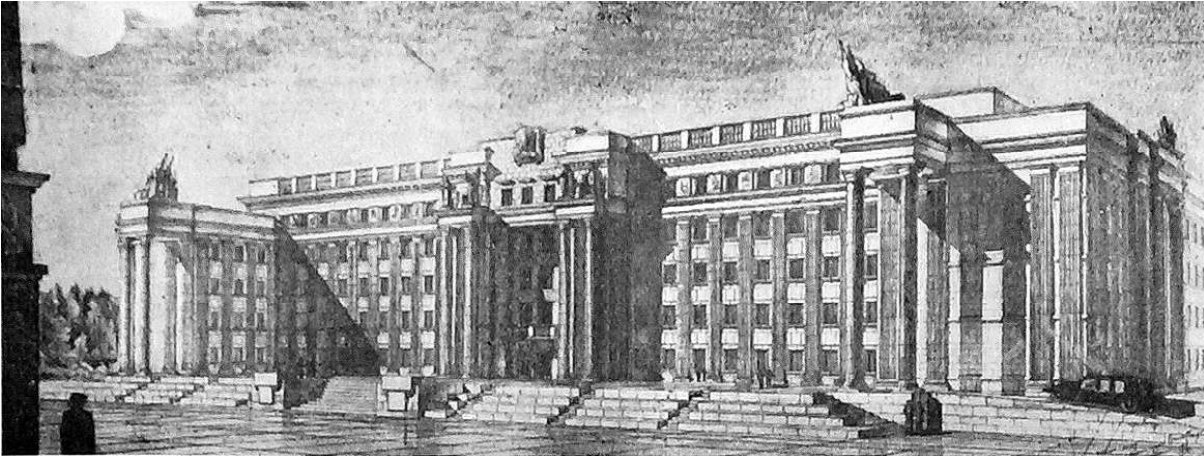
Ил. 2. Проект Дома Советов в Иркутске. Июнь 1934 г. Архитектор А.Д. Крячков. Перспектива со стороны Площади III Интернационала [МИАС. ФК. Оп. 1. Л. 45. Ф. 1]

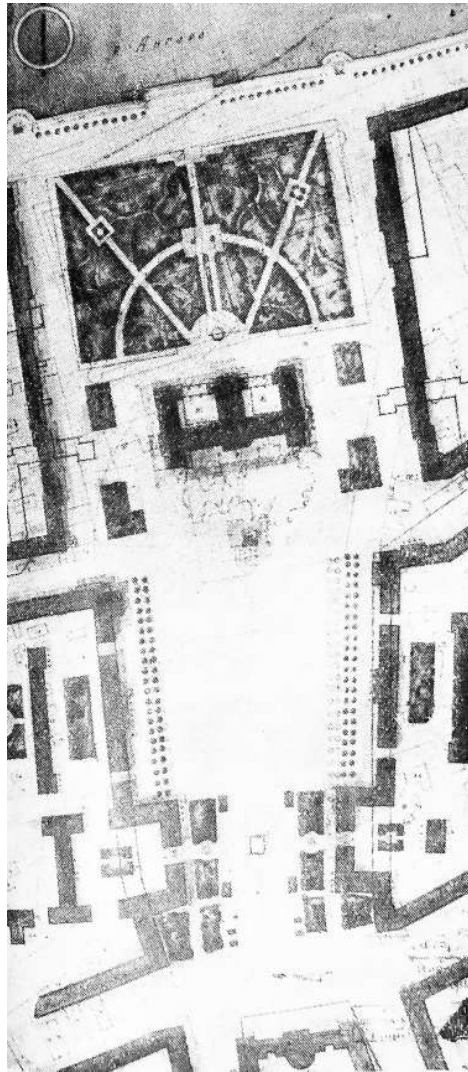
Ил. 3. Проект Дома Советов в Иркутске. Декабрь 1935 г. Архит. А.Д. Крячков. Аксонометрия (со стороны Ангары) [МИАС. ФК. Оп. 1. Л. 57. Ф. 2]

Ил. 4. Проект Дома Советов в Оренбурге. 1936 г. Архит. И.И. Виноградов при участии М.С. Фиша и Е.А. Грошниковой, консультант Б.М. Великовский. Перспектива [Дом Советов., 1936, 16 мая]

Ил. 5. Проект Дома Советов в Иркутске. 1936 г. Архит. И.И. Виноградов при участии Е.А. Грошниковой. Перспектива [Кусаков, 1936]

Ил. 6. Проект Дома Советов в Иркутске. 1936 г. Архит. И.И. Виноградов при участии Е.А. Грошниковой. Генплан [Кусаков, 1936]

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10119
УДК: 908+93/94

И.С. Келина
Бердский историко-художественный музей (г. Бердск, Новосибирская область)
irra@ngs.ru

Дом на улице Ленина и его первые жильцы. Бердск. Начало 1950-х годов

Аннотация

В фокусе исследования — история одного из первых капитальных домов на ул. Ленина в г. Бердске, построенных после переноса города на новое место в связи со строительством Новосибирской ГЭС. Дом рассматривается как символ эпохи, символ нового строящегося города. Интерес представляет не только история дома как архитектурного сооружения, но и судьба его первых жильцов, страницы их биографий. Дом объединил под своей крышей людей, многие из которых спустя годы достигли больших профессиональных высот и стали уважаемыми в городе людьми. Исследование основано на материалах фонда Бердского историко-художественного музея, городского архива и воспоминаниях старожилов.

Ключевые слова: история Бердска, перенос города, Новосибирская ГЭС, улицы Бердска, дома Бердска

I.S. Kelina
Berdsk Historical and Art Museum (Berdsk, Novosibirsk Region)
irra@ngs.ru

House on Lenin Street and its first residents. Berdsk. The beginning of the 1950s

Abstract

The article deals with a story of one of the first capital houses on Lenin street in the town of Berdsk, Novosibirsk Region, which was built after Berdsk transfer to a new place in the time of construction of Novosibirsk Hydropower Station. The house is regarded as a symbol of the era, a symbol of a new city under construction. Not only history of the house as an architectural structure is in the spotlight of interest, but also the lifestory of its first residents, their biographies. The house was inhabited by people, who achieved great results in their jobs and became respected citizens of Berdsk. The study is based on the materials of Berdsk Historical and Art Museum, town archive and memories of Berdsk old-timers.

Keywords: history of Berdsk, city transfer, Novosibirsk Hydropower Station, streets of Berdsk, houses of Berdsk

Моей бабушке посвящается

Современный Бердск, к сожалению, не может похвастаться уникальными архитектурными сооружениями или гордиться фактом участия выдающегося архитектора или скульптора в создании какого-либо объекта. Все дома в нашем городе типовые и, несмотря на трехсотлетнее развитие, в городе очень мало старины, в отличие от соседних сибирских городов с вековой историей. Но здесь уже 300 лет живут люди, проводя в границах городского пространства каждый день своей жизни. Проходит здесь и моя жизнь и жизнь моих детей в неразрывной связи с представителями старшего поколения нашей семьи, прожившими в Бердске более 65 лет.

У каждого жителя есть свои места памяти на карте города. Есть они и у меня. Как город проникает в душу, как появляется чувство причастности городу? Наверное, у каждого по-своему, и не всегда разберешься, что и когда возникло. Школа, где учился отец, а потом я и мой брат, детская площадка, где сын делал свои первые шаги, навсегда останутся моими личными местами памяти на карте Бердска. И, конечно, дом, в который 65 лет назад въехала моло-

дая семья — мои бабушка и дедушка вместе с другими такими же молодыми жильцами одного из первых домов в новом городе.

Это было удивительное время — время зарождения нового Бердска, новых улиц и домов. Перенос Бердска в 1953–1957 гг. был, по сути, возведением города на пустом месте, с нуля. Поражают масштабы проделанной работы, ее объемы и сроки проведения. К переносу подлежало более 10 тысяч построек, в том числе 2500 домовладений жителей, 4 школы, детские сады, ясли, Дом культуры, предприятия местной и кооперативной промышленности, государственные учреждения и учебные заведения. Все это надо было не просто перенести, но и заставить работать в кратчайшие сроки. Не меньше поражает объем работы, выполненный сотрудниками ЛенГИДЭПа в Бердске. Подготовительные изыскания по определению места постройки будущей ГЭС были начаты еще в августе 1945 г. В городском архиве есть обращение секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) Никитина к председателю Бердского горисполкома Гулину с просьбой мобилизовать для

экспедиции ЛенГИДЭПа 20 человек из числа населения города Бердска, пригодных для выполнения подсобных, вспомогательных, а также квалифицированных работ, в связи с неотложной необходимостью быстрейшего развертывания работ по выбору места строительства мощной Новосибирской гидроэлектростанции на реке Обь [ОАС администрации г. Бердска, Ф. 1. Оп. 1. Д. 12]. На каждое домовладение представителем ЛенГИДЭПа при участии техника-инвентаризатора и рулетчика была составлена карточка, которых в городском архиве более 1000. В каждой карточке содержится огромная информация, касающаяся даты, характера построек (фундамент, стены, полы, перекрытия), начиная от жилого дома и заканчивая стайками, свинарниками, уборными, воротами, заборами и изгородями. Указывается наличие приусадебного хозяйства, количество домашнего скота, плодово-ягодных и декоративных насаждений [ОАС администрации г. Бердска, Ф. 1. Оп. 1. Д. 71–90]. Карточки составлялись для наиболее полной компенсации всех затрат по переносу сооружений домовладельца. Думается, что именно благодаря такой кропотливой работе переселенцы в целом были довольны своим положением на новом месте, несмотря на безусловную ностальгию и тоску по месту, в границах которого веками протекала жизнь.

Но кроме домов, перенесенных из старого Бердска, в новом городе появляются объекты, призванные придать Бердску новый облик, подчеркнуть его городской статус. Речь идет о двухэтажных кирпичных домах, появившихся в 1952–1953 гг. на Искитимском шоссе. Позже здесь была образована улица Ленина, которая на долгие годы стала центральной улицей Бердска и остается ею по сей день. Тогда улица выглядела совсем по-другому — это был пустырь, на котором гордо возвышались два белоснежных красавца, призванные стать лицом нового советского города (ил. 1). Дома несли определенную смысловую нагрузку, создавая новый архитектурный код города, который менял менталитет и поведенческие характеристики его жителей. Статус города Бердск получил в 1944 г., но это не значит, что бердчане сразу стали осознавать себя полноценными горожанами. Произошло это намного позднее и не последнюю роль в этом сыграли дома на улице Ленина, выступив своеобразными маркерами нового городского пространства (ил. 2).

Дом по Искитимскому шоссе на участке №3/1 (ныне Ленина, 19) согласно акту приемки здания (сооружения) государственной комиссией от 21 июня 1953 г. был выполнен по типовому проекту № 208/1, разработанному Государственными архитектурными мастерскими. Данный проект был утвержден Министерством Госрезервов 17 января 1950 г. [ОАС администрации г. Бердска, Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 6–8]. Дом входил в серию типовых жилых домов малой этажности, которая позволяла комплексно застраивать территорию небольшими зданиями, что соответствовало курсу на малоэтажное жилищное строительство, принятому в СССР во второй половине 1940-х гг. Данная строительная парадигма позволяла в короткие сроки возводить небольшие кварталы из однообразных унифицированных одно и двухэтажных жилых домов. Именно этим, по мнению исследователей, объясняется быстрое послевоенное восстановление городов и огромный рост объемов

жилищного строительства в СССР в конце 1940-х — начале 1950-х гг. [Шпаков, 2010, с. 187]. Согласно акту, строительство дома было начато в четвертом квартале 1952 г. и окончено в июне 1953 г. Подрядчиком выступает УНР-806 треста № 30 — крупнейшее строительное предприятие Новосибирской области. Представленное здание является кирпичным, двухэтажным, 8-ми квартирным жилым домом с полезной площадью 388 кв. м и жилплощадью в 248 кв. м. В доме отсутствовали водопровод и канализация. Замечаний по качеству проекта в части планировки и конструкций комиссия не выявила, но отметила дефекты в выполненных работах, а именно «небрежную окраску дверей, полов и масляных панелей» [ОАС администрации г. Бердска, Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 6–8].

В качестве заказчика данного строительства выступила организация, которая в духе военного времени скрывалась под обозначением а/я 7 и относилась к Новосибирскому территориальному управлению Главного управления государственными материальными резервами (ГУГМР). На тот момент это была нефтебаза — закрытый резервный объект, строительство которого началось в 1939 г. и было закончено в 1942 г. Начальником предприятия с 1948 по 1955 гг. был Сергей Максимович Кислин, его подпись стоит в акте наряду с другими членами государственной комиссии. Именно для своих работников а/я 7 строил этот дом и другие, которые образовывали первую линию по улице Ленина. Надо сказать, что во многих городах строительство жилых домов велось ведомственными застройщиками, не был исключением и Бердск. Но по факту квартиры в доме получили не только работники данного объекта. Согласно решению бердского исполкома № 133 от 22 июля 1953 г. «начальник а/я 7 товарищ Кислин С.М. в соответствии с существующим законоположением должен был передать из общей жилой площади по 10% отделу коммунального хозяйства и военному ведомству» [ОАС администрации г. Бердска, Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 44]. Комендантом дома был назначен Петр Михайлович Чушкин — фронтовик, участник Великой Отечественной войны, который, согласно решению Бердского исполкома № 133 от 22 июля 1953 г., заселился в квартиру №3 вместе со своей семьей.

Территория, прилегающая к дому со стороны улицы, была обнесена забором, на ней по количеству были построены деревянные сараи. Постепенно территория была благоустроена, засажена деревьями и кустарниками, и автор статьи, родившаяся в начале 1980-х гг., застала это место утопающим в зарослях и ароматах сирени, где дети охотно играли в прятки.

Таким образом, дом по Искитимскому шоссе №3/1 в июне 1953 г. был готов к заселению и ждал своих первых жильцов. Кто были эти счастливицы? На первый взгляд может показаться, что это были особенные люди, избранные, занимающие высокие должности и имеющие определенный социальный статус. Но на самом деле это было не так. Дом объединил под своей крышей людей жадных до работы, трудолюбивых, многие из них, спустя годы, действительно достигли больших результатов в своих профессиональных сферах, получили признание и стали уважаемыми в городе людьми. Но это было потом. А

пока все новоселы были одинаково счастливы, осваиваясь на новом месте. Какими глазами они смотрели на свое новое жилье? С позиции сегодняшнего дня этот дом не представляет собой ничего особенного: типовая постройка с налетом старины и заброшенности. Но попробуем посмотреть на него глазами человека начала 1950-х гг. Просторные комнаты, высокие потолки, централизованное отопление, теплый туалет. Неизбалованные удобствами, перенесшие войну, жители нашей страны, думается, по-другому смотрели на эти вещи. О первых впечатлениях и надеждах на счастье в новом доме автор судит по воспоминаниям бабушки, Антонины Александровны Глушаница, 1928 г.р., которая вместе с дедушкой Николаем Константиновичем Глушаницей с большим нетерпением ждали этого заселения. Они, как и многие другие, жили в бараке, и переезд воспринимали как чудо. Дедушка в то время работал на объекте а/я 7 приемосдатчиком и по, по рассказам бабушки, пропал на работе днями и ночами, принимая и отгружая цистерны с топливом. Именно за большую работу, со слов бабушки, деду разрешили занять квартиру №1 в этом доме, которая изначально была отдана под гостиничный фонд.

По соседству, в квартире № 2, поселилась семья Александра Никитича Адоньева. Адоньевы — старожилы Бердска. Родители Александра Никитича приехали в Бердск из небольшого села близ города Ельца в 1906 г. Его отец Никита Николаевич с детских лет работал на мельницах, уходя на заработки, на этой работе его и застал доверенный купца Владимира Александровича Горохова, приехавший в Воронеж для вербовки мукомолов на мельницу в Бердск. Ему удалось уговорить на должность крупчатника Георгия Тимофеевича Иванникова, который, в свою очередь, отобрал несколько молодых рабочих, в их числе был и Никита Николаевич со своими братьями Макаром, Алексеем и Федором. Так Адоньевы оказались в Бердске. В их семье было восемь детей, старший Александр, 1907 г.р., после окончания Бердской ремесленной школы работал на мельнице. В сентябре 1924 г. вступил в комсомол, где развернул активную работу, возглавляя военно-спортивный участок. С 1927 по 1929 гг. был секретарем комсомольской организации мельницы и членом райкома ВЛКСМ. В 1927 г. принят в члены партии. Александр Никитич — участник Великой Отечественной войны; полк, в котором он служил, принимал самое прямое участие в разгроме Квантунской армии на Восточном фронте. После окончания войны с Японией полк был переброшен в Монголию. Демобилизовался Адоньев в 1946 г. Последние двадцать лет своей жизни работал на Бердском радиозаводе в отделе подготовки кадров. Умер на рабочем месте, в кабинете, в 1976 г. [БИХМ, фамильный фонд Адоньевых].

Жили в доме и другие фронтовики, в их числе Василий Павлович Сорокин, который уже в 17 лет оказался на передовой и прошел через страшные сражения Великой Отечественной войны, будучи радистом. Василий Павлович награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», орденом «Отечественной войны II степени». Орден Ленина бердчанин получил уже в мирное время, за восьмью пятилетку: Василий Сорокин 38 лет трудился на объекте п/я 7. Семья Сорокиных с двумя детьми занимала две комнаты из трех в квартире № 7 на

втором этаже дома.

В квартире № 4 жила семья Макаровых. Глава семьи Анатолий Кузьмич работал на радиозаводе, а его супруга, Лидия Георгиевна, была терапевтом и трудилась в городской больнице. Она первая в новом строящемся Бердске была назначена участковым врачом и одновременно обслуживала три школы — №№ 1, 3 и 6. С 1959 по 1963 гг. заведовала терапевтическим отделением, а с 1963 по 1971 гг. была заместителем главного врача по лечебной части. В 1969 г. Лидии Георгиевне было присвоено почетное звание Заслуженного врача РСФСР. [БИХМ, личный архив Л.Г. Макаровой]. Лидия Георгиевна была замечательным человеком, профессионально грамотным, занимающимся любимым делом по призванию, по особому дару, и одновременно доброй и чуткой, готовой помочь любому. Иметь в соседях доктора была большая удача. В каждой семье были маленькие дети, и Лидия Георгиевна никогда не отказывалась в просьбе посмотреть ребенка или посоветовать в выборе лекарств. Это касалось не только детей, но и взрослых. Когда-то именно она настояла на госпитализации бабушки, подозревая у нее аппендицит, и оказалась права.

В доме жили люди такие же, как и миллионы других, которые верили в свою страну, недавно защищая ее от врага, а теперь с огромной самоотдачей трудились на ее благо, на благо города, в котором жили в очень непростой период его истории.

По воспоминаниям бабушки, жили по-соседски очень дружно, двери не запирались на ключ (ил. 4). Все праздники отмечали вместе и очень весело, особенно Новый год. В это время в каждой квартире ставили елку и готовили небольшие подарки для детей. По очереди в каждой квартире ждали гостей и устраивали праздник. Можно сказать, что жили в доме одной большой семьей. Родители работали вместе на одном предприятии, дети учились в одной школе, порой и в одном классе, у них был общий двор, где они проводили все свое свободное время, играя в футбол, и главное — у них была общая крыша над головой — крыша их дома (ил. 3). Этот дом — место, где прошло детство детей 1950-х гг., такое счастливое и беззаботное — навсегда останется и моим местом памяти — там родился и вырос мой отец, а потом я и мой брат.

Люди переезжают с места на место, теряют связь со своей малой родиной, точкой, где началась их жизнь. А у меня есть эта тихая радость: по пути на работу и, возвращаясь домой, видеть свой дом (ил. 5). Дом, в который 65 лет назад заселилась моя молодая бабушка, где спустя тридцать лет я сделала свои первые шаги, а когда-то давно эти первые шаги делал Бердск, вступая в городскую жизнь. Теперь там живут другие люди и наверняка мечтают поскорее перебраться куда-нибудь из этого старого дома, который десятилетиями не ремонтировали. Сегодня на него смотрят по-другому, он не выдерживает конкуренции с многоэтажными красавцами, расползшимися неподалеку. Его время прошло, как и время его первых жильцов — строителей нового города.

Список литературы

Шпаков И. История серии типовых проектов малоэтажных жилых домов 1940–1950 гг. архитектора С.А. Маслиха // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. — 2016. — № 4 (21). — С. 185–193.

References

Shpakov I. Istorija serii tipovyh proektov malojetazhnyh zhilyh domov 1940–1950 gg. arhitekтора S.A. Masliha. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, Serija: Istorija i pravo*, 2016, No. 4 (21), pp. 185–193. (in Russ.).

Список источников

1. Отдел архивной службы г. Бердска, Ф.24, Оп. 1, Д. 91–97, 156
2. Отдел архивной службы г. Бердска, Ф. 42, Оп. 1, Д. 25, 27, 31, 32, 36, 42.

3. Отдел архивной службы г. Бердска, Ф. 20, Оп. 1, Д. 10, 12.

4. Отдел архивной службы г. Бердска, Ф. 1, Оп. 1, Д. 59, 60, 69, 85, 87, 88.

5. Бердский историко-художественный музей, фамильный фонд Адоньевых.

6. Бердский историко-художественный музей, личный архив Л.Г. Макаровой.

Список сокращений

БИХМ — Бердский историко-художественный музей

ГЭС — гидроэлектростанция

ЛенГИДЭП — Ленинградское отделение Всесоюзного проектного института «Гидроэнергопроект»

ОАС администрации г. Бердска — Отдел архивной службы администрации города Бердска

Обком ВКП(б) — областной комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)

Ил. 1. Город Бердск, ул. Ленина. Вид с запада. Начало 1950-х гг. Из фондов Бердского историко-художественного музея

Ил. 2. Дома на ул. Ленина в Бердске. Начало 1950-х гг. Из фондов Бердского историко-художественного музея

Ил. 3. Город Бердск, ул. Ленина. Маленькие жильцы в саду возле дома. 1956 г.
Из семейного архива А.А. Глушаница

Ил. 4. Коллективная поездка жильцов дома за грибами. Лето 1954 г.
Из семейного архива А.А. Глушаница

Ил. 5. А.С. Гульков. «Дома на улице Ленина», оргалит, масло. 1999 г.
Из фондов Бердского историко-художественного музея

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10120
УДК 72.03

Д.Ю. Кисельникова¹, В.Н. Филиппов²
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹kiselnikova.darya@yandex.ru, ²filippov58@gmail.com

Проявление эстетики советского модернизма в архитектуре Новосибирска конца XX века

Аннотация

Советский модернизм — заметное явление в архитектуре России, стран, бывших в составе СССР, а также стран так называемого «социалистического лагеря» во второй половине XX в. Сегодня актуальной становится проблема выявления, изучения и переоценки образцов советского модернизма и возможного их включения в перечень объектов культурного наследия. При этом сохраняется теоретическая проблема определения понятия «советский модернизм». В настоящей работе анализируется проявление эстетики советского модернизма в архитектуре жилых и общественных зданий Новосибирска конца XX в. и делаются выводы о необходимости изучения подходов к реставрации и реконструкции объектов этого периода для включения модернистских построек в новый контекст современной городской застройки Новосибирска.

Ключевые слова: советский модернизм, история советской архитектуры, архитектура Новосибирска; стиль

D.Y. Kiselnikova¹, V.N. Filippov²
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
¹kiselnikova.darya@yandex.ru, ²filippov58@gmail.com

The aesthetics of Soviet modernism in the architecture of Novosibirsk in the late 20th century

Abstract

Soviet modernism is a notable phenomenon in the architecture of Russia, the countries that were part of the USSR, as well as the countries of the so-called “socialist camp” in the second half of the 20th century. Today, the urgent problem is identification, studying and re-evaluating of Soviet modernism samples, and their possible inclusion in the list of cultural heritage. At the same time, the theoretical problem of the definition of the concept “Soviet modernism” still remains. This paper analyzes the manifestation of the aesthetics of Soviet modernism in the architecture of residential and public buildings in Novosibirsk at the end of the 20th century. Conclusions about the need to study approaches to the restoration and reconstruction of objects of this period to include modernist buildings in the new context of modern urban space in Novosibirsk are drawn.

Key words: Soviet modernism, the history of Soviet architecture, architecture of Novosibirsk, style

Термин «советский модернизм» закрепился в историко-архитектурных публикациях относительно недавно. Еще в начале 2000-х гг. не было общепринятого понятия, которое бы описывало архитектуру стран СССР 1960-х — 1980-х гг. [Казакова, 2014, с. 60]. Внимание отечественных исследователей советской истории архитектуры в основном было сосредоточено на изучении образцов авангарда и примеров сталинской архитектуры. При этом иностранные исследователи обращались к проблеме «послевоенного социалистического модернизма» восточной Европы еще 1990-е гг. В книге посвященной послевоенному восстановлению городов Европы, изданной в Мюнхене в 1993 г. [Durth, Gutschow, 1993], отдельная глава рассказывает об архитектуре 1960-х гг. Постепенно к этой тематике начинают обращаться и отечественные исследователи.

Благодаря таким проектам как издание книги французского фотографа Фредерика Шубена «Cosmic Communist Constructions Photographed» [Chaubin, 2011], в которой были собраны эффек-

ные фотографии 100 объектов разных республик СССР 1960-х — 1980-х гг. без предвзятого к ним отношения, было привлечено внимание к феномену архитектуры этого периода как со стороны широкой общественности, так и со стороны историков архитектуры. Другое издание 2010-х гг. — «Советский модернизм: 1955–1985» Феликса Новикова и Владимира Белоголовского [Новиков, Белоголовский, 2010] — окончательно закрепило термин «советский модернизм» и дало начало новым проектам, посвященным творчеству отдельных архитекторов этого времени, заставив по-новому взглянуть и оценить эстетические и функционально-планировочные качества построенных зданий и комплексов.

За последние десять лет опубликован ряд работ, посвященных отдельным архитекторам, объектам и городам, являющимися частью истории советского модернизма [Фахрутдинова, Ефимов, 2016, с. 64]. Однако на сегодняшний день так и не решены общие теоретические задачи осмысления понятия «советского модернизма». Это хорошо заметно по научным

публикациям на эту тематику, в которых во многом искусственно выделяются многочисленные направления — от неофункционализма и формализма до Био-тека и Хай-тека [Ефимов, Фахрутдинова, 2018, с. 31], при этом практически игнорируется проблема соотношения феномена «советского модернизма» с общемировым модернизмом и включения этого периода в общую российскую историю архитектуры. Во многом это связано с тем, что на сегодняшний день нет достаточной базы знаний об объектах этого времени, построенных в разных городах России и других странах бывшего Союза.

Таким образом, изучение объектов советского модернизма, построенных в разных городах и странах СССР, и выявление региональных особенностей становится актуальной историко-архитектурной задачей.

Новосибирск, как один из крупнейших городов РСФСР, бурный рост которого пришелся в том числе на период 1960-х — 1980-х гг., также не остался в стороне от этого явления. Здесь строились крупные общественные здания и комплексы, которые сегодня можно тоже рассматривать в контексте изучения феномена советского модернизма. Так же, как и в других городах, это в большей степени проявлялось в архитектуре «репрезентативных» построек — крупных общественных зданий. К сожалению, не все образцы этого направления сохранились до сегодняшнего дня.

Один из утраченных объектов — павильон пригородных касс, построенный в 1980-е гг. по проекту архитектора В. Авксентюка (ил. 1). Эстетика здания несла отпечаток влияния бруталистской архитектуры. Динамичная композиция создавалась благодаря контрасту горизонтальных пластин перекрытий и вертикального объема лестницы. Здесь были применены выдающиеся решения в области конструирования монолитного железобетонного каркаса с консолями. Открытая динамичная композиция контрастировала с расположенным рядом выдающимся памятником архитектуры — железнодорожным вокзалом Новосибирска. К сожалению, павильон был разобран в 2005 г. и на его месте было возведено новое здание пригородных касс (арх. Ф.М. Бунтовский, инженер О.М. Башарина), которое своим архитектурным обликом никак не связано ни с проектом В. Авксентюка, ни со зданием вокзала, и представляет собой, по мнению авторов, заурядное упражнение на тему эклектики (ил. 2).

Другой утраченный объект — Дом политпросвещения, построенный в 1967 г. по проекту архитектора Б.А. Захарова (ил. 3). Это здание в 1991 г. было передано Новосибирской филармонии. Так же, как и проект Авксентюка, постройка соседствовала с памятником архитектуры конструктивизма. В здании Дома политпросвещения нейтральный ритм главного фасада фиксировал створ улицы Спартака и основное внимание было сделано на крыльце с навесом. Во многом из-за несоответствия здания нуждам филармонии в 2008 г. было принято решение о сносе этого объекта и строительстве на этом месте нового концертного зала. Конкурс на новое здание вызвал большой интерес среди новосибирских архитекторов, часть из которых пыталась в своих проектах обратиться к решениям здания Дома политпросвещения. Однако победил проект, выполненный под

руководством В.В. Ермишкина — «белый рояль». Общее пластическое решение фасада в этой концепции никак не соотносилось со сдержанной эстетикой снесенного объекта. Однако в процессе реализации конкурсный проект Ермишкина претерпел серьезные изменения, и в конечном счете возведенное здание приобрело более спокойные очертания (ил. 4).

Образцы советского модернизма в Новосибирске страдают и от халатного обращения. Так здание Речного вокзала, построенное в 1974 г. по проекту А.А. Воловика, Ю.А. Захарова и М.М. Пирогова (ил. 5), которое являлось частью прибрежного комплекса, в 2003 г. сильно пострадало от пожара и нуждалось в серьезной реконструкции, которая затянулась на несколько лет. В результате в 2013 г. было возведено практически новое здание бизнес-центра «Речной вокзал» (проект ООО ««АрхиГрад», рук. проекта А. Перминов). Несмотря на частично сохранившееся композиционное решение предыдущего объекта, приходится признать, что здание 1974 г. было утрачено (ил. 6).

К сожалению, столь незавидная судьба может в скором времени наступить и для других объектов, построенных в 1960-е — 1980-е гг.

Одна из недавних публикаций новостного портала Новосибирска рассказывает о том, как отвалился кусок колонны от здания ТюЗа. При этом театр юного зрителя в Новосибирске (строительство в 1971–1984 гг., арх. СибЗНИИЭПа — А.А. Сабинов, М.Н. Стародубов, инж. В.И. Рожественский, Г. Родиков) является уникальным сооружением и с точки зрения архитектуры, и с точки зрения инженерного решения, и по праву является одним из символов города, заслуживающим сохранения.

Среди других знаковых для города объектов можно отметить здание ГПНТБ (1966 г., арх. А.А. Воловик, Г.Н. Бурханов, Е.В. Амосов). Этот пример является особенно значимым для изучения феномена советского модернизма, поскольку идеи и эстетика того времени отражены здесь на всех уровнях — от градостроительных и общих объемно-пространственных решений до внутреннего устройства, конструкций и уникальных интерьерных решений, соответствующих сложному функциональному наполнению здания.

На сегодняшний день в Новосибирске сохранились и другие объекты советского модернизма — Дворец культуры завода им. В.П. Чкалова (1969 г., арх. М.М. Пирогов), комплекс общественных зданий Академгородка и многие другие — все эти здания заслуживают внимательного изучения и сохранения. Но кроме знаковых репрезентативных объектов, нужно остановить внимание и на не столь заметных, но, тем не менее, представляющих интерес для исследователей феномена «советского модернизма» постройках — таких как пристройка к Новосибирскому горисполкому конца 1970-х гг. (арх. Н.З. Казаков, Г.К. Дергай). Это здание хорошо вписывается в сложный окружающий исторический контекст, при этом оставаясь в рамках сдержанной эстетики модернизма (ил. 7).

Жилая архитектура Новосибирска 1960-х — 1980-х гг. главным образом была представлена многоэтажными домами, построенными по типовым проектам. Однако существует ряд уникальных жилых зданий Новосибирска 1970-х — 1980-х гг. Например,

шумозащитный жилой дом по ул. Титова, 1 (1979 г., арх. М.К. Печерин, Г.В. Шорохова, И.И. Якобсон, В.В. Михайлова, В.Н. Чершин, Ю.Д. Окольников) — это экспериментальная постройка с уникальным объемно-планировочным решением, разработанная местными архитекторами (ил. 8).

В конце 1980-х гг. новосибирскими архитекторами разрабатывались проекты застройки крупных городских магистралей, проектировалось несколько крупных жилых комплексов — микрорайон по ул. Шевченко (постройка конца 1980-х — 1990-е гг., арх. В.В. Бородкин, А.В. Бондаренко, Е.А. Васехо, В.Я. Федоскина) и административно-жилой комплекс на Вокзальной магистрали (постройка 1993–2003 гг., арх. А.Г. Агафонов, А.Г. Скоробогатько, В.Г. Трапезников).

В объемно-пространственных решениях этих комплексов характерно стремление к созданию сложной многоплановой композиции из домов переменной этажности. Во многом это было ответной реакцией на монотонность массовой жилой застройки того времени.

Реализация этих жилых комплексов пришлось уже на 1990-е гг. и велась в новых социально-экономических условиях. Проекты не были реализованы в полной мере, а последние очереди комплекса по Вокзальной магистрали все больше отдалялись от эстетики советского модернизма, вбирая в себя признаки нарастающего эклектизма.

Проблема устаревания объектов 1960-х — 1980-х гг. является очень актуальной для многих городов России. Постепенно появляются примеры переоценки объектов советского модернизма и попытки включения их в новый контекст. Самый яркий из них — Музей современного искусства «Гараж» в Парке Горького в Москве, являющийся «реставрацией» ресторана «Времена года», выполненного по типовому проекту 1968 г. Реконструкцией руководил голландский архитектор Р. Колхас, который с вниманием отнесся к изначальному зданию и фактически возвел вокруг него новую оболочку, ставшую современным музейным пространством.

Сегодня можно выделить два блока задач, связанных с проблемой архитектуры «советского модернизма». Первая из них — всё возрастающая актуальность теоретического осмысления феномена «советского модернизма» как части мировой истории архитектуры XX в. Вторая сопряжена с рядом прагматических задач, связанных с проблемой выявления и сохранения историко-культурного наследия архитектуры «советского модернизма» в Новосибирске и других городах России, — выявлением и включением объектов, построенных в 1960-е — 1970-е гг., в реестр объектов культурного наследия, реконструкцией и включением этих построек в новый контекст городской застройки.

Список литературы

1. Баландин С. Н. Новосибирск: История градостроительства 1945–1985 гг. — Новосибирск: Кн. изд-во, 1986. — 155 с.
2. Белоголовский В.А. Взгляд из XXI века на советский модернизм 1955–1985 гг. // Жилищное строительство. — 2010. — №11. — С. 49–52.
3. Ефимов Д.Д., Фахрутдинова И.А. Истоки и на-

правления советского модернизма // Известия КГАСУ. — 2018. — №1 (43). — С. 28–40.

4. Казакова О. Советский архитектурный модернизм: формы времени. К итогам международной научной конференции. Москва, НИИТИАИГ, Центр авангарда в Еврейском музее, 21–22 ноября 2013 г. // Культурологический журнал. — 2013. — №4 (14). — С. 10.

5. Казакова О. Советский модернизм: второе пришествие // Проект Байкал. — 2014. — Т. 11. — №39–40. — С. 60–63.

6. Новиков Ф., Белоголовский В. Советский модернизм. 1955–1985. — Екатеринбург: Tatlin, 2010. — 232 с.

7. Орельская О.В. Методы изучения истории архитектуры // Приволжский научный журнал. — 2013. — №1. — С. 85–89.

8. Фахрутдинова И.А., Ефимов Д.Д. Архитектура общественных зданий периода советского модернизма как актуальная тема исследования регионально-го наследия (60–80 гг. 20 в.) // Известия КГАСУ. — 2016. — №2 (36). — С. 64–71.

9. Якушенко О. Советская архитектура и Запад: открытие и ассимиляция западного опыта в советской архитектуре конца 1950-х — 1960-х годов // Laboratorium: журнал социальных исследований. — 2016. — №2. — С. 76–102.

10. Chaubin F. Cosmic Communist Constructions Photographen. — Cölln: TASHEN, 2011. — 312 p.

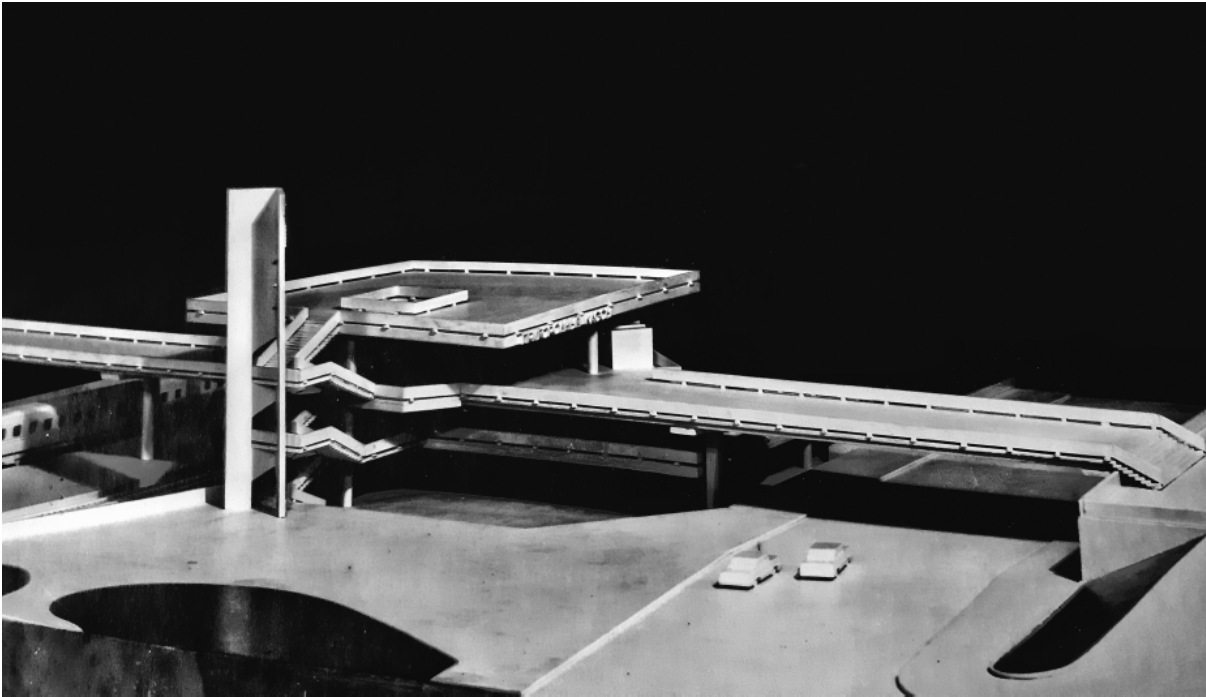
11. Durth W., Gutschow N. Träume in Trümmer: Standortplanung 1940–1950. — München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993. — 479 S.

References

1. Balandin S. N. Novosibirsk: Istoriya gradostroitel'stva 1945–1985. Novosibirsk: Kn. izd-vo, 1986, 155 p. (in Russ.)
2. Belogolovskij V.A. Vzglyad iz XXI veka na sovetskij modernizm 1955–1985. *Zhilishchnoe stroitel'stvo*, 2010, No. 11, pp. 49–52. (in Russ.)
3. Chaubin F. Cosmic Communist Constructions Photographen. Cölln: TASHEN, 2011. 312 p.
4. Durth Werner, Gutschow Niels. Träume in Trümmer: Standortplanung 1940–1950. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993, 479 s.
5. Efimov D.D., Fahrutdinova I.A. Istoki i napravleniya sovetskogo modernizma. *Izvestiya KGASU*, 2018, No. 1(43), pp. 28–40. (in Russ.)
6. Kazakova O. Sovetskij arhitekturnyj modernizm: formy vremeni. K itogam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, NIITIAIG, Centr avangarda v Evrejskom muzee, 21–22 noyabrya 2013. *Kul'turologicheskij zhurnal*, 2013, No. 4 (14), pp. 10. (in Russ.)
7. Kazakova O. Sovetskij modernizm: vtoroe prishestvie. *Proekt Bajkal*, 2014, Vol. 11, No. 39–40. pp. 60–63. (in Russ.)
8. Novikov F., Belogolovskiy V. Sovetskij modernizm. 1955–1985. Ekaterinburg: Tatlin, 2010, 232 p. (in Russ.)
9. Orel'skaya O.V. Metody izucheniya istorii arhitektury. *Privolzhskij nauchnyj zhurnal*, 2013, No. 1, pp. 85–89.
10. Fahrutdinova I.A., Efimov D.D. Arhitektura obshchestvennyh zdaniy perioda sovetskogo modernizma kak aktual'naya tema issledovaniya regional'nogo

naslediya. *Izvestiya KGASU*, 2016, No/ 2 (36), pp. 64–71. (in Russ.)

11. Yakushenko O. Sovetskaya arhitektura i Zapad: otkrytie i assimilyaciya zapadnogo opyta v sovetskoj arhitekture konca 1950-h — 1960-h godov. *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij*, 2016, No. 2, pp. 76–102. (in Russ.)

Ил. 1. Фото макета павильона пригородных касс, 1980-е гг., арх. В. Авксентюк (снимок из личного архива В. Авксентюка)

Ил. 2. Павильон пригородных касс, 2005 г., арх. Ф. Бунтовский, инженер О. Башарина (снимок Адамуса Петруса, Wikimedia Commons)

Ил. 3. Дом политпросвещения, 1967 г., арх. Б. Захаров (снимок из личного архива И. Поповского)

Ил. 4. Государственный концертный зал имени Арнольда Каца, 2013 г., проект В. Ермишкина (снимок Д. Кисельниковой)

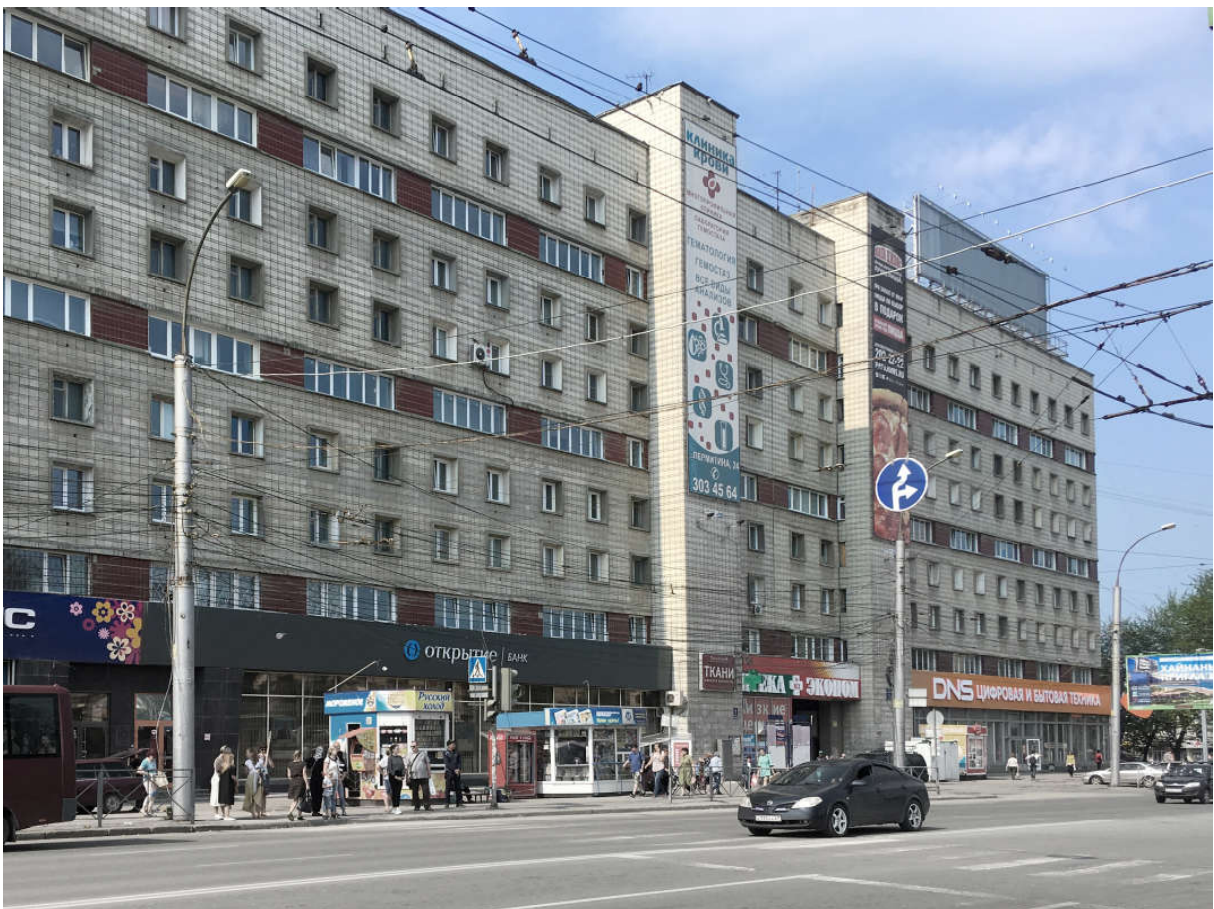
Ил. 5. Здание речного вокзала, 1974 г., арх. А. Воловик, Ю. Захаров, М. Пирогов
(снимок Дмитрия Афолина, URL: <https://1604.ru/show/item/238/Rechnoy-vokzal-g-Novosibirsk-1996-god>)

Ил. 6. Здание бизнес-центра «Речной вокзал», 2013 г., проект ООО «АрхиГрад», рук. проекта арх. А. Перминов
(снимок Сергея Мордвинова, URL: <https://sib.fm/interviews/2013/09/23/ostalos-odno-nazvanie>)

Ил. 7. Пристройка к Новосибирскому Горисполкому (в центре), конец 1970-х гг., арх. Н. Казаков, Г. Дергай (снимок Д. Кисельниковой)

Ил. 8. Шумозащитный жилой дом по ул.Титова, 1, 1979 г., арх. М. Печерин, Г. Шорохова, И. Якобсон, В. Михайлова, В. Чершин, Ю. Окольников (снимок Д. Кисельниковой)

В.С. Кузеванов
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск)
Kuzevanovvs@omsu.ru

Организационная структура и функции органов государственного архитектурно-строительного контроля в крупнейших городах — центрах областей Западной Сибири в 1940-х — начале 1950-х годов

Аннотация

В статье представлены история создания, структура, функции и полномочия органов государственного архитектурно-строительного контроля при управлениях главных городских архитекторов в крупных городах — центрах областей Западной Сибири. Контролирующий орган рассматривается в структуре управления архитектурной политикой городских властей как социальный институт второй половины 1940-х — начала 1950-х гг. Для выявления особенностей в процедуре проведения экспертного архитектурно-строительного контроля был проведен сравнительный анализ двух отделов управлений городского архитектора в административных центрах крупнейших областей Западной Сибири — исторического города (Омска) и «молодого города» (Новосибирска). На основе архивных документов выявлены участники архитектурно-строительной деятельности, контролирующие осуществление строительных работ и приемку зданий в эксплуатацию на территории городов.

Ключевые слова: государственный архитектурно-строительный контроль, сталинская политика, управление главного городского архитектора, города Западной Сибири

V.S. Kuzevanov
Dostoevsky Omsk State University (Omsk)
Kuzevanovvs@omsu.ru

Organizational structure and functions of the public oversight authorities for architecture and construction in the largest cities — centers of Western Siberia regions in the 1940s — early 1950s

Abstract

The article deals with the history of creation, structure, functions and powers of the public oversight authorities for architecture and construction at the offices of the main city architects in large cities — the centers of the Western Siberia regions. The oversight authority is regarded in the management structure of the architectural policy of the city authorities as a social institution of the second half of the 1940s — early 1950s. A comparative analysis was conducted of two departments of the city architect's offices in the administrative centers of the largest regions of Western Siberia — the historic city (Omsk) and the "young city" (Novosibirsk) to identify the features in the procedure for conducting expert control for architecture and construction. On the basis of archival documents, participants in the architectural and construction activity have been identified who monitor the construction work and the approval of a building in cities.

Keywords: public oversight authorities for architecture and construction, Stalin policy, office of the main city architect, cities of Western Siberia

Повышение качества проектных материалов и застройки городов являлось масштабной проблемой на всех этапах развития советского градостроительства. «Излишество» и качество не всегда были синонимами. В начале 1930-х гг. с появлением новых строительных материалов архитекторы предпринимали попытку сделать «качественный» скачок в архитектуре и строительстве. И наоборот, совершенствование строительной промышленности заставляло архитекторов получать новые знания, которые были необходимы в практической деятельности. Со стороны власти были приняты меры по обеспечению контроля за деятельностью архитекторов и качеством

строительства. Историки архитектуры и градостроительства не пришли к единому мнению по вопросу о государственном контроле архитектурно-строительной отрасли. Историки социальных институтов полагают, что общественный контроль, который осуществлялся внутри архитектурного сообщества, был сопоставим с государственным [Бирюков, 2009]. М.С. Ильченко приходит к выводу, что «в сотрудничестве с государством они ощущали свою сопричастность масштабным социальным изменениям и строительству новой реальности» [Ильченко, 2013]. Рассматривать Союз советских архитекторов как институт власти (даже с оговорками) некорректно

исходя из статуса самого творческого союза — это общественная профессиональная конгломерация. В соответствии с Уставом, Союз советских архитекторов СССР был призван повысить профессионализм архитекторов, а не осуществлять архитектурный надзор.

С момента появления должности главного городского архитектора в соответствии с нормативными актами контроль за выполнением строительных работ на территории города различными организациями и регулирование проектирования были возложены на аппарат горархитектора [Косенкова, 2009, с. 140–146]. За последние десятилетия появился ряд региональных исследований, посвященных городским службам архитектуры, строительства, благоустройства. Например, М.В. Князева изучает историю создания архитектурных органов в Рязани, но администрирование отрасли в городе и способы исполнения директив вышестоящих организаций (которые не могли не повлиять на деятельность местных органы) остается вне поля исследования [Князева, 2012]. Системный подход в исследовании архитектурной службы г. Магнитогорска использует Е.К. Казанцева [Казанцева, 2011]. Ей удается выстроить стройную схему развития управления главного городского архитектора, проследить трансформации всех основных органов административного аппарата. В ее статье четко видна линия формирования государственного архитектурно-строительного контроля (ГАСК) в ретроспективе. Автору, описывая военный период, следовало бы использовать термины в историческом контексте, т.к. положение (утв. Приказом Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР от 14 декабря 1972 г. №235) о структуре Госархстройконтроля было утверждено позже, чем упоминается в исследовании.

Другим направлением исследовательской деятельности является выявление специфики деятельности аппарата горархитектора сквозь библиографические истории [Сапрыкина, 2015] или творческий путь архитекторов [Олейников и др., 2010]. В исследованиях по истории градостроительства и архитектуре Западной Сибири [в частности: Оглы, 1980; Хиценко, 2014] слабо отражена специфика органа по архитектурному и строительному контролю. В связи с этим нами была поставлена цель — выявить специфику формирования органа государственного архитектурно-строительного контроля на материалах городов-центров самых крупных областей Западной Сибири начала 1940-х гг.: Омской и Новосибирской.

В годы Великой Отечественной войны архитекторы выполняли специфические задачи, связанные с реконструкцией городов под нужды фронта, возведением промышленных предприятий, перестройкой существующих фондов недвижимости под лечебные учреждения, расширением жилого фонда за счет строительства домов из некачественных материалов вследствие из-за острой нехватки материальной базы. В сложные военные годы требовалось упорядочить застройку стихийно расположенных эвакуированных предприятий. Первый уверенный шаг со стороны государственной власти был сделан в 1943 г. — это было Постановление Совета народных комиссаров (далее СНК) СССР от 29 сентября 1943 г. №1064 «Об образовании комитета по делам архи-

тектуры при Совнаркоме СССР». В целях повышения качества архитектуры, постановление предусматривало комплекс мер — создание областных и краевых отделов по делам архитектуры; установление в городах должности главных городских архитекторов при местных органах Комитета по делам архитектуры СНК СССР; создание при городских архитекторах архитектурных комиссий. Предполагалось, что городской архитектор наделен реальными полномочиями наблюдения за точным выполнением проектами, как это предписывалось Положением, утвержденным Постановлением СНК РСФСР от 4 сентября 1940 №693. Забегая вперед, отметим, что в декабре 1943 г. СНК РСФСР постановит создать при областных и городских исполкомах отделы по делам архитектуры. Необходимо подчеркнуть, что в п. 5 указывались перечень городов, среди которых единственным сибирским городом был Новосибирск (Постановление СНК РСФСР «Об образовании управления по делам архитектуры при Совнаркоме РСФСР» от 21 декабря 1943 г. №996). Функции органа четко были закреплены в постановлении (см. п. 3. пп. «б»): «государственный архитектурно-строительный контроль на территории РСФСР за качеством застройки городов». Пунктом 8 подпунктом «а» вновь созданной структуре была передана функция контроля в области строительства от государственного до местного уровня [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3]. С одной стороны, правовым документом были объединены под одним началом все сферы архитектурно-строительной деятельности, с другой, архитектурно-строительный контроль стал зависим от главного городского архитектора. Окончательное закрепление статуса было осуществлено Постановлением СНК СССР «О государственном архитектурно-строительном контроле» от 16 августа 1944 г. №1110, которое предписывало создать городские инспекции в управлениях главных городских архитекторов. Этим же постановлением за управлением был закреплен «контроль за качеством застройки крупных городов и населенных мест городского типа, за качеством строительства наиболее важных зданий и сооружений жилищного и гражданского назначения, а также за архитектурным оформлением фасадов промышленных зданий и сооружений, выходящих за городские магистрали и проезды, независимо от их ведомственного подчинения». Инспекция могла контролировать архитектуру строящихся объектов только жилого и административного назначения, а ведомственное строительство — только при соответствующем расположении или если объект возводился вблизи главных магистралей. Власть предоставляла возможность инспекции формировать общественное пространство, тогда когда внутрипроездные и внутривыевые дома могли отличаться стилистикой (или отсутствием ее), низким качеством, характером застройки. Однако это положение дел власти заметили спустя время. С.С. Духанов, проводя исследования деятельности архитекторов по проектированию городов Западной Сибири в 1945–1955 гг., выделил ряд проблем, среди которых — «отсутствие комплексной организации по проектированию» [Духанов, 2017]. Сложно не согласиться с таким выводом, так как проектные организации выполняли задания исходя из требований заказчика в угоду своей экономии, а не качеству

застройки, а главный архитектор города смиренно подписывал документы, поскольку единственным крупным источником финансирования масштабной застройки были промышленные предприятия [ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 2. Д. 724. Лл. 37–47].

Поднормативные акты, регламентирующие деятельность инспекции Госархстройконтроля, для исследования в полной мере не доступны, поэтому, применяя метод реконструкции и опираясь на архивные данные, нами предпринималась попытка восстановить отчетный процесс и организационную работу по контролю за строительством. Годовой отчет составлялся ежеквартально и по итогам года, что позволяло проследить за деятельностью всех коллективов, задействованных в текущем строительстве и проектной работе.

В годовых отчетах встречается так называемая «форма №1». Это универсальная «сетка», которая была разработана в 1940-х гг. центральными органами для оперативного сбора информации о строительстве, в основном, социальных объектов. Один из самых ранних отчетов, за 1943 г., был найден в Новосибирском городском архиве. В начале деятельности местных органов надзора это была простая «сводка основных показателей», в которую включали все объекты: жилые дома, школы, детсады, детясли, больницы, коммунальное строительство, специальное жилищное строительство и прочие объекты (табл. 1)⁸³.

Таблица 1

Сводка основных показателей Госстройконтроля города Новосибирска на 1943 г.
[НГА. Ф. 584. Оп.1. Д.5. Л.1]

Вид строительства. Виды оперативной работы	Всего	В том числе						Примечание
		Жилые дома	Школы	Детсады	Ком. стр-во	Специаль. жил. стр.	Прочее строительство	
РЕГИСТРАЦИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА А. выдано разрешений на право стр-ва	25	22		1	-	-	2	Клуб 1 и театр 1
Колич. разреш. на сумму в тыс. руб. на текущ. 1943 г.	3833000	2854000	-	93170			885837	400.00 клуб и 485.837 театр и столовая
Б. Зарегистр. перех. стр-во								
количествао регистр.	38	35		1	1	1		
На сумму в т.р. на текущий год 1943	19219	14279	4023	205737	400000	Ж1257700		Ж/Адм. корпус зав. 208 и ДК и жилдома
ПРОИЗ. ПОСЕЩЕНИЙ ПОДКОНТР. СТОИТ. ПО ПРОВЕРКЕ СТРОИТ. РАБОТ	731	641	-	32	24	16	18	
В. Колич. посещ.								
Колич. объектов	131	121		4	2	2	2	

⁸³ В связи с тем что не все графы были заполнены, в данной таблице приведены только установленные цифры. Стилестика документа, орфография и пунктуация сохранены.

Весь объем проблем, который возник у первых сотрудников ГАСК, кратко охарактеризовал в одном из отчетов начальник новосибирской инспекции В.Н. Попов — «невероятные трудности» [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 20. Л. 3]. В пояснительной записке к отчету 1943 г. дана картина состоянию дел: «Выявить весь объем подконтрольного строительства в городе и даже установить точный охват подконтрольного строительства регистрации по имеющимся в делах Госстройконтроля документации не представлялось возможным, поэтому, хотя мною и были приняты все меры для упорядочения работы, но за недостаточностью времени (конец IV квартала) и ограниченностью штата выявить все строительство и оформить в Госстройконтроле не удалось» [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 5. Л. 2].

Полный годовой отчет начала 1950-х гг. (сведения по «форме №1») включал в себя гораздо более широкие разделы:

1. Отчет о работе по контролю за качеством жилищного строительства.
2. Ведомость принятых в эксплуатацию объектов.
3. План основных мероприятий инспекции на следующий год.
4. Отчет о выполнении плана мероприятий за предыдущий (отчетный) год.
5. Ведомость наличия состава инспекции.
6. Сведения о важнейших объектах строительства.
7. Сведения об учете руководящих инженерно-технических работников.
8. Текстовая часть.
9. Решения Исполкома (областного/городского).
10. Фотографии [ИсА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 3. Л. 1].

Сопоставляя отчеты разных лет, видим, что главное управление пыталось максимально отразить все проблемы в разделах отчетов. Каждый пункт соответствует политическому решению государственной власти. Оставляя за рамками данного исследования архитектурно-градостроительные проблемы, с которыми сталкивался инспектор в годы войны, т.к. они изучаются ведущими учеными, сосредоточимся на организационной структуре местного органа ГАСК. Одной из заметных проблем здесь являлись кадры. Возможно, расширение штата была наиболее сложной задачей, которую за долгое время военных и послевоенных лет (с 1943 по середину 1950-х гг.) Главное управление государственного архитектурно-строительного контроля СССР не смогло решить в полной мере.

Омский руководитель инспекции госконтроля отмечает в своем отчете за 1950 г.: «Штата до сего времени нет. В продолжении шести лет работаю один, а раньше имел 6 чел.», которые отказывались работать на подрядной основе оплаты труда, обеспеченной горисполкомом [ИсА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 3. Л. 26]. Штатный состав местных органов власти утверждался Государственной штатной комиссией, поэтому перечень должностей в городах Сибири схож. В омской инспекции было 6 единиц (1943–1946 гг.): начальник отдела — начальник инспекции (в Омске было Управление по делам архитектуры, возглавляемое главными городским архитектором, поэтому госконтроль имел статус «отдела»), ученый секретарь, архитектор, бухгалтер, секретарь-машинист, уборщица [ИсА. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 4. Л. 15]. Долж-

ность архитектора отдела часто была вакантной по причине низкой зарплаты. Дополнительно кадровая проблема усугублялась отсутствием площади для административных работников, поэтому условия труда были крайне тяжелые [ИсА. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 4. Л. 15об]. С 1947 по 1949 г. в инспекции работал штат из 4 человек — начальник отдела (курирующий административную деятельность инспекции), начальник инспекции, инженер-инспектор, главный бухгалтер, также было три районных горинспектора (в городах области) [ИсА. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 7. Лл. 1–11].

В Новосибирском городском архиве было обнаружено штатное расписание отдела по делам архитектуры при исполкоме Новосибирского городского совета депутатов трудящихся, внесенное в реестр штатных расписаний под №1/6805 от 1 апреля 1944 г. и утвержденное заместителем председателя Государственной штатной комиссии при СНК СССР И. Фирсовым. Функции и деятельность омского и новосибирского органа регламентировались едиными нормативными актами, поэтому должностные оклады могли быть схожи: начальник инспекции — 1 ед., должностной оклад — 1200 руб. в мес.; старший инженер-инспектор — 2 ед., должностной оклад (каждого) — 900 руб. в мес.; итого 3000 руб. в месяц [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 8. Л. 4]. Если говорить об уровне оплаты труда, то в 1943 г. средняя зарплата по стране была выше 390 руб. в мес. [Рабин, 2015, с. 111]. Если говорить о фактическом обеспечении работниками, то в состав Госархстройконтроля по Новосибирской области входило 3 человека (согласно утвержденному штатному расписанию): Владимир Николаевич Попов — начальник инспекции, по совместительству заместитель начальника отдела по делам архитектуры горисполкома, Василий Васильевич Косолапов — старший инженер-инспектор; Бронислав Анатольевич Ляхович — старший инженер-инспектор [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 8. Л. 15].

Предположим, почему разнились списки специалистов. Во внутреннем организационно-распорядительном документе, подписанном главным городским архитектором Новосибирска А.М. Двориным, имеется иной список специалистов: старший инженер-инспектор (зам. нач. инспекции) — 1 ед., 1000 руб. в мес.; районные инженеры-архитекторы инспекторы — 8 ед. по 800 руб. в мес.; инженер-экономист — 1 ед., 600 руб. в мес.; техник-секретарь — 1 ед., 500 руб. в мес. [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 8. Л. 19]. В конце документа имеется примечание: «В случае увеличения объема производственной работы количество архитекторов и других специалистов, находящиеся на сдельной зарплате, может быть увеличено» [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 8. Л. 19об.]. Можно сделать предположение, что этот (внутренний) список утверждает главный городской архитектор, потому что эти специалисты находятся на сдельной оплате труда и финансируются из бюджетных средств города. Второе предположение, связано с финансовым обеспечением в суровых условиях Великой Отечественной войны, когда формировалась инспекция. Новосибирский горисполком смог сэкономить выделенный фонд оплаты труда (примерно на 15%) и обеспечить себя дополнительными должностями в первом квартале 1944 г. Штатные расписаны за 3,5 мес. 1944 г.: государственный контролер по строительству — 1

ед., 1000 руб. в мес.; старший инженер — 1 ед., 700 руб. в мес.; инженер — 1 ед., 600 руб. в мес.; секретарь-машинистка — 1 ед., 250 руб. в мес. [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 8. Л. 10].

Руководитель должен был собрать управленческий аппарат для успешного выполнения поставленных задач. Личная инициатива могла повлиять на тенденцию развития в строительной отрасли города. В.Н. Попов участвовал (на правах ответственного секретаря, в то время как председателем был гл. горархитектор А.М. Дворин) в организации смотров-конкурсов на лучшее здание, на лучший архитектурный проект [НГА. Ф.585. Оп. 1. Д. 6. Л. 15], и тем самым способствовал повышению качества застройки и улучшал конкурентоспособность творческих коллективов. Биографию Попова выяснить на данном этапе исследования не удалось. В годовом отчете о работе инспекции встречается информация только об образовании сотрудников ГАСК: В.Н. Попов — инженер, окончил Московский строительный институт в 1932 г.; Б.А. Ляхович (квалификация не указана) окончил Гомелевское техническое железнодорожное училище в 1901 г.; В.В. Косолапов — техник, окончил (не указана городская принадлежность учреждения) техническое железнодорожное училище в 1908 г. [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 10. Л. 10]. Примечателен один бюрократический штрих его профессиональной деятельности В.Н. Попова: на многих документах (в том числе и вышеупомянутом), где стоит его подпись, нет расшифровки фамилии и инициалов (что затруднило поиск данных о нем) и стоит штамп с универсальным набранным текстом «Государственный контролер по строительству гор. Новосибирска. Инженер», только в одном документе собственноручно указана должность начальника [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 10. Л. 26об].

Сам начальник инспекции должен был обладать немалым опытом. Роль личности на начальном этапе формирования подразделения крайне важна. Сведения об омских начальниках-инспекторах практически отсутствуют, поэтому приведем биографическую справку видного начальника инспекции, работавшего в интересующий нас временной период. Николай Леопольдович Эйхлер окончил Вышневолоцкое среднее техническое училище в 1904 г. по специальности «техник путей сообщения». С 23 апреля 1930 г. занимал должность старшего инспектора Управления строительного контроля. Постановлением Омского горсовета от 1 июня 1930 г. №466 был переведен в Госконтроль по строительству г. Омска. С 1943 г. — начальник инспекции Госархстройконтроля. С 25 января по 14 июня 1955 г. исполнял обязанности главного городского архитектора Омска [ИсА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 3. Л. 20–26]. Послевоенный период был временем реконструкции городов, наблюдались положительные изменения в градостроительстве. Из годового отчета Н.Л. Эйлера за 1945 г.: «К положительной стороне строительства 1945 года необходимо отнести то что Управление главного архитектора города, при твердой поддержке всего руководства города, наконец удалось окончательно прекратить капитальную застройку на периферии города, особенно во временных, созданных за период войны поселках предприятиями, и перейти на застройку магистралей города в пределах застройки первой очереди» [ИсА. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 4. Л. 3об.].

Безусловно, в начале 1950-х гг. в проектной деятельности должен был установиться самоконтроль (более жесткий авторский надзор), но он не распространялся на специальные объекты. Н.Л. Эйхлер отмечал в отчете за 1951 г.: «Авторский надзор осуществлялся на стройках только по проектам, выполняемым областным проектным трестом <...> Виду отсутствия у меня инспектуры /работаю один/ имею связь с техническим надзором заказчиков, которые о всех крупных дефектах мне сообщают для принятия мер» [ИсА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 10. Л. 45]. В этом же отчете: «Начальники инспекций не имеют ни каких прав применять взыскания к нарушениям строительного законодательства» [ИсА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 10. Л. 50]. В положение о государственном архитектурно-строительном контроле был п. 3 (пп. «г»), который наделял инспектора правом приостанавливать строительство с санкции исполкомов городских Советов депутатов трудящихся. Удалось обнаружить уникальный документ, разосланный по всем инспекциям РСФСР «Справка расхождения временной Инструкции, утвержденной Комитетом по делам архитектуры при СНК СССР, с положением о Государственном архитектурно-строительном контроле утверждение СНК СССР» [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 6. Лл. 15–15об]. В справке приводилось сравнение основных статей Положение о Госархстройконтроле и временной инструкции, введенной в годы войны. Временная инструкция не доступна для широкого круга исследователей, тем важнее содержание данной справки. Во временной инструкции начальник ГАСК имел право не только приостанавливать строительство, но и прерывать финансирование всех работ. В «новом» положении инспектор не мог останавливать финансирование, но имел право обращаться напрямую без посредничества главного городского архитектора в городской исполком. Однако местной власти было не выгодно останавливать строительство, которое велось на главных магистралях города, а застройщики пользовались этой ситуацией и возводили объекты исходя сугубо из своих технико-экономических показателей без учета мнения архитектурного общества.

Необходимо подчеркнуть, что не все стройки были подконтрольны строительной инспекции. Повторно обратимся к данным Пояснительной записки годового отчета по работе Госстойконтроля при Новосибирском горисполкоме за 1943 г. (табл. 2)⁸⁴. Если сравнивать подходы в деятельности инспекции двух соседних городов (Омска и Новосибирска), то можно отметить субъективность начальников ГАСК, в том числе в интерпретации категорий и терминов для «подтягиваний показателей». Из-за ограничений объемов данной статьи сравнительная характеристика будет дана по одному положению «о важнейших строящихся объектах». Список омских важнейших объектов, сданных в эксплуатацию за отчетный год, — 5-6-ти этажное кирпичное здание с магазинами и детским садом, корпус сельскохозяйственного института, административное здание Управления лагерей и колоний и пр. [ИсА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 35. Лл. 192–193]. Список новосибирских важных объектов — радиозавод, трикотажная фабрика, пивоваренный завод, строительство инстру-

⁸⁴ Стилистика документа, орфография и пунктуация сохранены.

ментального цеха, удлинение путей трамвая, жилой дом Трамвайтреста, детские ясли и др. [НГА. Ф. 33. Оп. 1 Д. 685. Лл. 1–3]. С полными перечнями можно ознакомиться в указанных источниках, важен сам порядок и тип объектов. В двух списка присутствуют жилые дома и детсады/ясли. Однако омский список включает в себя больше учебных объектов, а новосибирский список — промышленных предприятий. Были взяты не случайные документы, а подборка за разные года, но здесь приведен только основной

перечень из наибольших реестров. Ведомственность в омской практике строительства присутствовала, поэтому доступ на ведомственные стройки для инспектора был ограничен. Новосибирский инспектор делал упор на промышленные предприятия — основной «локомотив» экономики региона. Однако он упускал из виду важность благоустройства и озеленении территорий прилегающих к промзоне города, где был необходим более жесткий контроль [НГА. Ф. 634. Оп. 1. Д. 8 на 20 лл.].

Таблица 2

Общий объем строительства в 1943 г. [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 5. Л. 1]

	Новое строительство		Переходящее строит.		ИТОГО	
	Кол. объектов	Сумма в т.р.	Колич. объек.	Сумма в т.р.	Кол. объектов	Сумма в т.р.
Строительство зарегистрир. в ГСК	25	3.833	38	13219	63	23052
Стр-во не зарегистрированного в ГСК	25	8770	–	–	25	8.770
Подк. стр-во законсервирован.	–	–	46	13172	45	13172
Общий объем стр-ва	50	12603	84	32391	134	44994
-//- охвата регистрацией в ГСК	–	–	–	–	47%	151%

Таким образом, орган государственного архитектурно-строительного контроля осуществлял деятельность в крупных областных городах Западной Сибири не «по шаблону», учитывал специфику и возможность строительной отрасли городов и местной власти. Функциональные обязанности органа были закреплены в нормативных актах, но в полной мере их не удавалось применить из-за нехватки кадров и недостаточного финансирования инспекции. Новосибирский отдел Госстройконтроля активно вел статистический подсчет, контролировал ход строительства крупных общественных и промышленных объектов, но не обращал внимание на работы по благоустройству городской среды. Омский отдел из-за своей малочисленности больше вел просветительскую работу среди архитекторов, осуществлял взаимодействие с участниками ведомственных строек, которые становились надежным источником информации, но начальник инспекции не принимал решительные меры по устранению недочетов. В истории контролирующих органов остаются белые пятна, связанные с надзором в области авторского контроля, патронажем Госстройконтроля исполкомами, которые остаются для дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Бирюков А.Д. Создание системы внепроизводственного регулирования творчества советских архитекторов в 1930-е годы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2009. — Т. 8. — №1. — С. 161–164.
2. Духанов С.С. Проблемы организации проектирования и застройки городов Западной Сибири в послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.) // Сибирские строители: события и судьбы. — Сургут: Курганский Дом печати, 2017. — С. 485–496.
3. Ильченко М.С. Советские архитекторы и институты власти в 1930–1950-х годах: становление взаимодействия // Вестник Пермского университета. — 2013. — Вып. 2 (22). — С. 87–96.
4. Казанцева Е.К. Деятельность главных городских архитекторов и становление архитектурной службы в г. Магнитогорске // Интернет-Вестник ВолгГАСУ. — 2011 — №3 (17). — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17896779_34146249.pdf (дата обращения 06.03.2019)
5. Князева М.В. Формирование архитектурной службы в первое десятилетие советской власти (на примере города Рязани) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — №4–2 (18). — 2012. — С. 99–102.

6. Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов: от творческих поисков к практике строительства. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009. — 440 с.

7. Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. — Л.: Стройиздат, 1980 — 272 с.

8. Олейников П.П., Олейникова Е.П., Трофимов С.Н. Главные городские архитекторы Сталинграда // Интернет-Вестник ВолгГАСУ. — 2010. — 1(10) — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_13556827_38842904.pdf (дата обращения 06.03.2019).

9. Рабин П. Деньги СССР. — М: АСТ, 2015. — 229 с.

10. Сапрыкина Н.С. Главный городской архитектор Ярославля Аралов Всеволод Семенович // Архитектура и строительство России. — 2015. — №2 — С. 20–27.

11. Хиценко Е.В. Развитие жилой застройки городов Западной Сибири в послевоенное десятилетие // Архитектон: Известия вузов. — 2013. — №43. — URL: http://archvuz.ru/2013_3/15. (дата обращения 20.01.2014).

6. Knyazeva M.V. Formirovanie arhitekturnoj sluzhby v pervoe desyatiletie sovetsoj vlasti (na primere goroda Ryazani). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, No. 2 (18), pp. 99–102. (in Russ.)

7. Kosenkova, YU.L. Sovetskij gorod 1940-h pervoj poloviny 1950-h godov: Ot tvorcheskih poiskov k praktike stroitel'stva. Moscow: Knizhnyj dom «Librokom», 2009, 440 p. (in Russ.)

8. Ogly B.I. Stroitel'stvo gorodov Sibiri. Leningrad: Strojizdat, 1980, 272 p. (in Russ.)

9. Olejnikov P.P., Olejnikova E.P., Trofimov S.N. Glavnye gorodskie arhitekory Stalingrada. *Internet-Vestnik VOLGGASU*, 2010, No. 1(10). — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_13556827_38842904.pdf (data obrashcheniya 06.03.2019). (in Russ.)

10. Rabin P. Den'gi SSSR. Moscow: AST, 2015, 229 p. (in Russ.)

11. Saprykina N.S. Glavnyj gorodskoj arhitektor YAroslavlya Aralov Vsevolod Semenovich. *Arhitektura i stroitel'stvo Rossii*, 2015, No. 2, pp. 20–27. (in Russ.)

References

1. Biryukov A.D. Sozdanie sistemy vneproizv odstvennogo regulirovaniya tvorchestva sovetsojkh arhitektorov v 1930-e gody. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya*, 2009, Vol. 8, No. 1, pp. 161–164. (in Russ.)

2. Duhanov S.S. Problemy organizacii proektirovaniya i zastrojki gorodov Zapadnoj Sibiri v poslevoennoe desyatiletie (1945–1955 gg.). In *Sibirskie stroiteli: sobytija i sud'by. Surgut: Kurganskij Dom pečati*, 2017, pp. 485–496. (in Russ.)

3. Il'chenko M.S. Sovetskie arhitekory i instituty vlasti v 1930–1950-h godah: stanovlenie vzaimodejstviya. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2013, Iss. 2, pp. 87–96. (in Russ.)

4. Hicenko E.V. Razvitie zhiloj zastrojki gorodov Zapadnoj Sibiri v poslevoennoe desyatiletie. *Arhitekton: Izvestiya vuzov*, 2013, No. 43. — URL: http://archvuz.ru/2013_3/15. (data obrashcheniya 20.01.2014) (in Russ.)

5. Kazanceva E.K. Deyatel'nost' glavnyh gorodskih arhitektorov i stanovlenie arhitekturnoj sluzhby v g. Magnitogorske. *Internet-Vestnik VOLGGASU*, 2011, No. 3 (17). — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17896779_34146249.pdf (data obrashchenie 06.03.2019) (in Russ.)

Список источников

1. ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 2. Д. 724.

2. ИСА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 3.

3. ИСА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 10.

4. ИСА. Ф. 477. Оп. 1. Д. 35.

5. ИСА. Ф. 2127. Оп.1. Д. 4.

6. ИСА. Ф. 2127. Оп. 1. Д. 7.

7. НГА. Ф. 33. Оп. 1 Д. 685.

8. НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 5.

9. НГА. Ф. 584. Оп. 1 Д. 6.

10. НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 8.

11. НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 10.

12. НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 20.

13. НГА. Ф. 634. Оп. 1 Д. 8.

Список сокращений

ВолгГАСУ — Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет

ГАРФ — государственный архив Российской Федерации

ИСА — Исторический архив Омской области

НГА — Новосибирский городской архив

НГУ — Новосибирский государственный университет

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10122
УДК: 75.052+730

С.Д. Петренко
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
petrenkosergey@ngs.ru
Научный руководитель: кандидат архитектуры Е.Н. Блинов

Мозаичные панно и скульптурный рельеф общественных зданий городов Западной Сибири в 1960-е — 1980-е годы

Аннотация

Материал исследования посвящен анализу приемов композиционного взаимодействия монументальных изобразительных искусств и архитектуры общественных зданий на примере построек, находящихся на главных транспортных артериях и градостроительных узлах. Изучение ряда общественных зданий показало, что характер синтеза трех искусств в 1960-е — 1980-е гг. в большей мере зависел от объемно-пространственного, чем от стилистического решения зданий. В одном случае, следуя классической традиции предыдущего периода, монументальные мозаичные и скульптурные композиции, подчиняясь симметрии фасада, по-прежнему отмечали важнейшие тектонические участки сооружений. В другом случае, асимметричные построения архитектуры общественных зданий приводили к тому, что монументальное изобразительное искусство не участвовало в работе конструктивных узлов, утрачивая при этом и необходимую степень монументальности.

Ключевые слова: монументальное искусство, скульптурный рельеф, мозаика, города советской Сибири, архитектура Омска, архитектура Тюмени, архитектура Новосибирска, синтез искусств

S.D. Petrenko
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
petrenkosergey@ngs.ru
Scientific adviser is PhD in architecture E.N. Blinov

Mosaic panels and sculptural relief of public buildings in the Western Siberian cities in the 1960s — 1980s

Abstract

The material of the study deals with the analysis of the methods of compositional interaction of monumental fine arts and architecture of public buildings on the example of buildings located on the main transport arteries and urban centers. The study of a number of public buildings has revealed that the nature of the synthesis of the three arts in the period of 1960s — 1980s depended more on volume-space than on the stylistic decision of buildings. In one case, following the classical tradition of the previous period, monumental mosaic and sculptural compositions obeying the symmetry of the facade, still noted the most important tectonic areas of buildings. In the other case, the asymmetric architecture of public buildings led to the fact that monumental art was not involved in the work of structural units, while losing the necessary degree of monumentality.

Key words: monumental art, sculptural relief, mosaic, cities of Soviet Siberia, architecture of Omsk, architecture of Tyumen, architecture of Novosibirsk, synthesis of arts

Изменения, произошедшие в советской архитектурной практике в середине 1950-х гг., стали причиной мгновенной трансформации стилевых качеств и монументальных изобразительных искусств. Новая архитектура, отказавшаяся от декоративных излишеств в пользу максимальной экономии и аскетизма художественной формы, породила схожие формальные процессы в искусствах, которые традиционно участвовали в синтезе трех искусств — живописи и скульптуре. Плоские, лишённые пластической моделировки стеновые панели жилых и общественных зданий стали покрываться не менее плоскими и аппликативными, графически острыми, плакатными по своим характеристикам монументально-декоратив-

ными панно.

Наряду с этим, значительные изменения монументальные искусства испытали как минимум еще в двух отношениях — это смена внутривидовых приоритетов (утрата круглой скульптурой и скульптурным рельефом статуса доминирующего вида); а также появление новых технико-технологических приемов, в результате использования которых границы между монументальной живописью и скульптурным рельефом стали не столь очевидны. По мнению В. Лебедевой, «это многообразие техник было явлением отнюдь не случайным ... родилось новое отношение к красоте простых, дешевых, легкодоступных материалов, которое так характерно для этого этапа раз-

вития искусства» [Лебедева, 1973, с. 34].

Несмотря на произошедшую в стране смену стиля, полагает автор работы, характер советского монументального искусства остался прежним — произошла лишь смена одних визуальных штампов другими. Реалистически трактованных персонажей сталинского времени сменили «люди-манекены», стоящие перед зрителем в достаточно стандартных позах и ситуациях, с трактовкой формы тяготеющей к плакатной графике.

В Омске главным примером синтеза монументальной живописи и архитектуры является проект Дворца культуры «Нефтяников» (в настоящее время Дворца искусств им. А.М. Малунцева), разработанный в архитектурной мастерской А. Веснина (ил. 1). Создававшееся еще в начале 1950-х гг. сооружение испытало на себе все последствия государственного постановления 1955 г [2]. Стандартный образец сталинской ордерной архитектуры с колонным портиком, скульптурой и боковыми ризалитами (после внесенных в 1961 г. архитектором М. Мискевичем изменений) превратился в примитивный призматический объем, завершенный двускатной кровлей и глухими стенками на месте бывших боковых ризалитов. Вместо центрального колонного портика остался небольшой нависающий над входом козырек и тонкие межколонные пилоны, чья четкая ритмическая структура напоминает классические образцы.

Пустующие стены бывших ризалитов омский художник М. Слободкин украсил монументально-декоративными композициями в технике сграффито, символизирующих единство научной деятельности и культуры. Оставляя в стороне проблему привлекательности для массового зрителя созданных художником образов, нельзя не отметить их достаточно высокий профессиональный уровень. Панно сомасштабны архитектуре здания — в роли масштабного модуля выступают размеры оконных членений, пропорции которых послужили основой и для живописных композиций. Крайне аскетичная цветовая гамма сграффито ограничена лишь двумя цветовыми аккордами, один из которых повторяет цветовое решение стены. Но в целом выбор авторами проекта одного из главных классических принципов объединения живописи и архитектуры нельзя признать верным. Наличие зеркально-симметричных композиций по бокам здания только подчеркивают его генетическую связь со своим классическим прототипом, тем самым акцентируя пустоту треугольного поля, выступающего в роли античного фронтона, которое также требует полноценной визуальной наполненности.

Тюменский ДК «Нефтяник» (построенный к 1976 г.) по своим стилевым качествам уже будет принадлежать другой эпохе, но принципы взаимодействия скульптурного рельефа и самого здания здесь останутся прежними (ил. 2). Казалось бы, новая функциональная архитектура, в которой ни один из фасадов не выделяется в качестве главного, где отсутствует традиционная иерархия элементов, а вся композиция состоит из монотонного ритма жестких ребер несущих пилонов, — подобная архитектура предполагает такие же новые принципы объединения двух искусств. Но авторы проекта по-прежнему решают оставить для скульптурного рельефа две симметрично расположенные глухие стены на углах фасада. Крайне примитивный рисунок скульптурного

рельефа (на котором с трудом опознаются мужская и женская фигуры в окружении абстрактных декоративных элементов) может быть оправдан только применением в данном случае бетона, использованного в качестве основного материала и для здания дома культуры, что позволяет крайне обобщенным формам скульптурной пластики органично вписаться в пластический ритм архитектурных объемов.

В контексте рассматриваемой проблемы интерес представляет реконструкция этого здания, проведенная уже в наше время [3]. В результате изменений, внесенных в 2010-х гг., были подчеркнуты и усилены все возможные формально-композиционные нюансы, благодаря которым в здании зазвучали стилистические ноты неоклассицизма. Была увеличена высота угловых объемов, превращенных в ризалиты; объединены центральные ребра-пилоны по верхней линии, что привело к появлению ступенчатого аттика. Контрастный по цвету первый этаж превращен в тяжелый несущий цоколь; увеличена глубина объема центрального входа. Казалось бы, усиление классицистического начала должно максимально связать монументальную скульптуру с архитектурой здания, но использованные современные материалы только подчеркнули все слабые стороны советского монументального рельефа.

В начале 1970-х гг. в городе Тюмени по проекту местного архитектора В. Станкевского построят здание детского кукольного театра (ил. 3). Формальное решение театра отличается крайней степенью аскетизма и не выявляет в его образе выполняемую им функцию. Примитивная архитектура, состоящая из сплошной стеклянной витрины фасада и двух бетонных отрезков, отмечающих вход в здание и его верхнюю границу, сегодня выглядит безрадостно. Но основные принципы приверженцев функциональной линии проведены более последовательно (впрочем, последнее не дает более высокого художественного результата). Минимальный набор архитектурных форм исключает любые человеческие эмоции, превращая здание в упражнение по компоновке больших объемно-пространственных элементов. Асимметричные сдвиги лестничного марша, названия театра и навеса над входом усиливаются расположенным в правом углу фасада декоративным панно.

Возможно, первоначальная стерильная чистота и белизна проектного решения театра с отведенным под предполагаемый рельеф абстрактным белым полем формально могли казаться бесспорными, но фактура, цвет, мелкие сложные формы реального мозаичного рельефа создали резко конфликтное сочетание лапидарной пуристской архитектуры и наивных по своей трактовке изобразительных элементов, превратившихся в итоге в ненужную цветную заплатку.

Монументальные мозаичные композиции на улицах Новосибирска украсят различные по своим функциям здания — дома культуры, проектные институты, крупные издательские центры.

На одной из главных площадей Новосибирска — площади Калинина — в конце 1960-х гг. появляется здание Дома проектных институтов (арх. В. Жилкин, В. Печенков, художник Н. Миронова, 1968 г.). Восьмизэтажная бетонная пластина института со стороны главного входа дополнена огибающим ее одноэтажным павильоном, повторяющим

форму площади. Асимметричный объем последнего, а также пластический контраст вертикали призмы с горизонталью распластанного по земле павильона вносят элемент визуального разнообразия, компенсируя унылую монотонность безликого образца советского зодчества. Абсолютно плоскостная, не разрушающая поверхность стены мозаика гармонично впишется в модернистские формы проектного института, став, удачным образцом пластического и пространственного взаимодействия с современной функциональной архитектурой. «Чистота линий, четкость и напряженность композиционного строя, изящество моделировки, которое достигается также благодаря мелкому модулю мозаичных кубиков, изысканная гамма голубых и золотистых тонов — все это родственно нашим представлениям об эстетике современного машиностроения, которое с каждым днем все более становится неотъемлемой частью жизненной среды» [Войекова, 1974, с. 84]. Используемые автором эмоционально абстрактные и визуально нейтральные (как и архитектура здания) изобразительные элементы лишаются яркого образного звучания, что в некоторой степени защищает их от банальной клишированности, которой страдало большинство мозаик советских провинциальных городов.

Еще три крупных мозаичных панно города появляются на зданиях типографии «Советская Сибирь», ДК «Строитель» и жилом доме с административными помещениями на пересечении Красного проспекта и улицы Гоголя. Авторы мозаик — ведущие новосибирские художники-монументалисты В. Сокол и В. Кирьянов. Не останавливаясь в отдельности на анализе индивидуальной манеры каждого мастера, воспользуемся общей характеристикой монументальной живописи города, предложенной сибирским искусствоведам П. Муратовым: «Основным типом решения тогдашних монументальных росписей был плоскостный, «аппликативный», как позднее называли его сами художники. Бывали случаи применения действительно аппликации. Это делал Сокол, это же делал и Гороховский, когда готовил занавес для сцены клуба турбогенераторного завода. Но в середине 1960-х годов аппликативность стала тесной новосибирским монументалистам. Они начали использовать мозаику, керамику, роспись темперой по штукатурке и неизбежно должны были искать ходы, пригодные для применения техник. Эмблематичная формулировка художественной мысли перестала удовлетворять. Захотелось пошире, поподробнее, с нюансами цвета и смягченными переходами от формы к форме решать монументальную композицию» [Муратов].

Трудно сказать, какими формальными качествами обладала монументальная живопись Новосибирска до середины 1960-х гг., которая по словам того же Муратова не смогла сохраниться даже в фотографиях. Но учитывая общую тенденцию развития монументальной живописи в СССР, можно предположить, что десятилетием ранее в новосибирском искусстве доминировали все те же традиционные реалистические формы, отвечавшие основным требованиям позднесталинского искусства.

Более вероятной кажется гипотеза о том, что первые работы упомянутых мастеров попросту оказывались весьма невысокого художественного уров-

ня, что отмечали и сами художники: «В конце 1970-х годов В. Сокол стал относиться к сделанному ранее с тоном легкой извинительности: «аппликативный период, аппликативный стиль» и как должное отмечал отсутствие у него эскизов, этюдов, набросков того времени, того стиля. Без всякого сожаления он их сжег на пустыре возле мастерской» [Муратов]. Поэтому в данном контексте достаточно сложно понять, что П. Муратов называет аппликативным стилем и аппликативным периодом, поскольку в сравнении с натуроподобием монументального изобразительного искусства сталинского периода живопись новосибирских мастеров 1970-х — 1980-х гг. по-прежнему выглядит и аппликативной, и условной, и плоскостной.

Мозаики В. Кирьянова, украшающие фасад ДК «Строитель» (1974 г.), не только сохраняют условность в трактовке человеческой фигуры (как и всех остальных элементов изображения), но и имеют определенную степень аппликативности и монтажности, так как мозаичное панно буквальных образом набрано из самостоятельных прямоугольных элементах различных размеров, приставленных друг к другу с сохранением швов примыкания, а некоторые закреплены с отступом от основного изображения как самостоятельные независимые композиции (ил. 4). Подобный прием усилен на правой стороне главного фасада, где прямоугольные мозаичные блоки небольших размеров подвешены между окнами как станковая живопись. Говорить о синтезе искусств не имеет смысла, так же как и о качестве художественного решения самой мозаичной композиции.

Более удачной работой художника окажется панно «Труд», расположенное на торце пятиэтажного административного здания. Но и здесь архитектура рядового советского здания эпохи «брежневского застоя» не предполагает участие и помощь монументальной живописи, которая по причине отсутствия ее формальной необходимости на стене теряет монументальную значительность и превращается в рекламный политический плакат.

В более выгодном положении окажется художник В. Сокол, для которого архитекторы, кажется, специально спроектировали на торце одного из корпусов издательства «Советская Сибирь» крупный бетонный щит под мозаичную композицию «Письменность и печать» (ил. 4). Здание новосибирского издательства решено в крупных, монументальных формах, чьи простые и функциональные, геометрически чистые архитектурные объемы своей ярко выраженной асимметрией и динамичной разновысотностью корпусов, сложной ритмической комбинаторикой оконных проемов задают ощущение брутального напора, воплощающего образ крупнейшего печатного центра Западной Сибири. Торцевая сторона одного из блоков здания приобретет ступенчатость за счет двух приставленных к ней глухих бетонных пластин — одной более объемной, со скругленным углом, и второй, в виде плоского экрана, который и оформят монументальным панно. В итоге плоскостная и орнаментальная мозаика В. Сокола, яркая по цвету и декоративно-избыточная по элементам изображения, как эффектный рекламный баннер по-своему гармонично войдет в игру крупных и лаконичных архитектурных форм.

Таким образом, стилистика скульптурного рельефа и монументальной живописи окончательно

утрачивают характерные для предыдущего времени объемность и естественную пространственную среду. Плоскостность, уплощенность форм и аппликативность соответствуют аскетичному функционализму украшаемых зданий. При стилиевой унификации, наметившейся внутри монументальных изобразительных искусств и архитектуры, принципы композиционного взаимодействия в большинстве своем определяются объемно-пространственным решением зданий. Одна достаточно эклектичная линия советского зодчества 1960-х гг. сохраняет отголоски классической архитектуры, что заставляет монументальное искусство следовать законам классической тектоники (то же характерно и для симметричных архитектурных композиций отечественного модернизма). Другая линия, являющая в стилиевом отношении чистую версию советского модернизма, предлагает художникам варианты более сложного формального единства, в котором монументальные изобразительные искусства перестают подчеркивать работающие конструктивные архитектурные элементы, что приводит к утрате монументальным искусством его монументальных качеств и превращает последнее в рекламный плакат.

Список литературы

1. Войекова И. Монументальное искусство и современные проблемы синтеза // Синтез искусств и архитектура общественных зданий. — М.: Советский художник, 1974. — С. 67–109.

2. Лебедева В. Советское монументальное искусство шестидесятых годов. — М.: Наука, 1973. — 234 с.

3. Муратов П. Художественная жизнь Новосибирска. — URL: http://www.pdmuratov.org/hud_schisn_nsk/hud_schisn_IL.html (дата обращения: 13.04.2016).

References

1. Lebedeva V. Sovetskoe monumental'noe iskusstvo shestidesjatyh godov. Moscow: Nauka, 1973, 234 p.

2. Muratov P. Hudozhestvennaja zhizn' Novosibirska. URL: http://www.pdmuratov.org/hud_schisn_nsk/hud_schisn_IL.html (data obrashhenija: 13.04.2016).

3. Vojekova I. Monumental'noe iskusstvo i sovremennye problemy sinteza. In *Sintez iskusstv i arhitektura obshhestvennyh zdanij*. Moscow: Sovetskij hudozhnik, 1974, pp. 67–109.

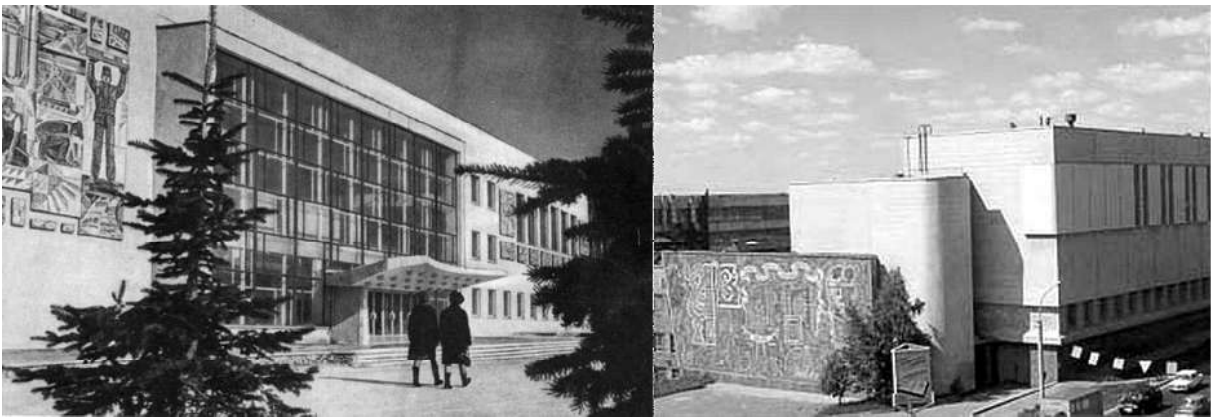
Ил. 1. ДК «Нефтяников» (арх. М. Мискевич, художник М. Слободин, середина 1960-х гг.)
Источник: <https://omchanin.livejournal.com/2347154.html>

Ил. 2. ДК «Нефтяник» (1976 г). Источник: <http://safe-rgs.ru/426-neftyantik-dvorec-kultury-v-tyumeni.html>

Ил. 3. Театр кукол (арх. В. Станкевский, начало 1970-х гг.).
Источник: <http://www.etoretro.ru/pic15855.htm>

Ил. 4: а — ДК «Строитель» (арх. Г. Гаврилов, художник В. Кирьянов, 1973 г.). Источник: <http://nsk.novosibdom.ru/node/298>; б — Здание типографии «Советская Сибирь» (арх. В. Хандошко, художник В. Сокол, 1979г.).
Источник: <https://ndn.info/novosti/13439-krupnejshaya-tipografiya-novosibirska-podeshevela-vdvoe>.

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10123
УДК 75.03

Н.В. Савельева
Томский государственный архитектурно-строительный университет (Томск)
sava5358@yandex.ru

Понятие «русское палладианство» в Сибири

Аннотация

В статье рассматривается некоторое стилистическое влияние известных памятников архитектуры — виллы Бодоер, виллы Фоскари («Ла-Мальконтента») и виллы Пьовене, возведенных в окрестностях Венеции по проектам известного практика и теоретика архитектуры Позднего итальянского Возрождения Андреа Палладио (1508–1580), и постройки послевоенного неоклассицизма — ДК «Горняк», возведенной в окрестностях поселка Шерегеш в Западной Сибири согласно типовому проекту № 2-04-06 «Клуб на 300 мест (1947 г.), арх. К.К. Барташевич». В типовом проекте клуба и реализованном здании ДК выделяются черты, свойственные русскому палладианству в Сибири.

Ключевые слова: Андреа Палладио, Вилла Пьовене, Дом культуры, русское палладианство

N.V. Savelyeva
Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk)
sava5358@yandex.ru

The concept of «Russian» Palladian architecture in Siberia

Abstract

The article deals with some stylistic influence of famous architectural monuments — villas Bodoer, Villa Foscari («La Malcontenta») and Villa Piovene, built in the vicinity of Venice by the famous practitioner and theorist of architecture of the Late Italian Renaissance Andrea Palladio (1508–1580). The buildings of the post-war neoclassicism — “Dom Kultury” (House of Culture) “Gornyak”, erected in the vicinity of the village of Sheregesh in Western Siberia according to model project No. 2-04-06 “Club for 300 seats (1947), architect K.K. Bartashevich» also have features of Russian Palladian architecture in Siberia.

Keywords: Andrea Palladio, Villa Piovene, House of Culture, Russian Palladian architecture

Что объединяет маленький городок Виченце в солнечной Италии и крохотный затерянный в горах Саяно-Алтая поселок Шерегеш Таштагольского района Кемеровской области? В пригороде знаменитой Венеции есть небольшой городок Виченце. Здесь жил и творил выдающийся зодчий Позднего Возрождения Андреа Палладио (1508–1580). Архитектурные идеи Андреа Палладио знакомы даже тем, кто никогда не слышал этого имени, но обязательно по жизни сталкивался с его проявлениями. Практически во всех архитектурных школах Европы, Америки, Англии и, конечно, в России легко усматриваются признаки следования замечательному зодчему.

В основе понятия «палладианизм» или «палладиева архитектура», которое относится к ранней форме классицизма, лежит строгое следование симметрии, учет перспективы и заимствование принципов классической античной архитектуры Древней Греции и Рима. Впервые имя «Палладия», а именно так его называли в России времен Петра I, прозвучало в России в 1699 г., когда сподвижник императора князь Долгорукий перевел трактат итальянского архитектора «Четыре книги об архитектуре». Палладианство четко прослеживается в истории созда-

ния новой столицы на Неве. Упорядоченная система Палладио как нельзя лучше соответствовала реформам первого российского императора, желавшего навести порядок в огромной стране. А, кроме того, Петру, прорубавшему «окно в Европу», пришлось по вкусу архитектурные образцы западных соседей [Андрей Палладио...].

Таким образом, одним из источников «русского палладианства» являются «Четыре книги об архитектуре». Второй перевод на русский язык данного монументального трактата осуществил Петр Еропкин, придворный зодчий Анны Иоанновны, в 1737–1740 гг. Третий был осуществлен в 1798 г. дворянином Николаем Львовым. И наконец, четвертый, и последний, вариант «Четырех книг об архитектуре» в переводе архитектора Ивана Жолтовского был издан в СССР в 1936 г.

Эта книга оказала большое влияние на многих архитекторов по всей Европе. В XVII в. многие зодчие, обучавшиеся в Италии, изучали труды Палладио как учебные пособия. Получив образование, они возвращались домой и пытались привнести палладианский стиль для другого климата, другой топографии и других предпочтений заказчиков. Подобным

образом идеи палладианской архитектуры распространились практически по всему миру, не обошло это стороной и Россию. «Русское палладианство», как архитектурный феномен в России можно условно разбить на **два этапа**:

1-й этап: 1780-е гг. — начало XIX в. Палладианский тип «дома с циркумференциями» был впервые применен Ч. Камероном. Большое значение в развитии и распространении палладианства в России сыграла деятельность архитектора Н.А. Львова. Палладианский стиль повсеместно применялся в русском усадебном строительстве [Палладианство].

Наивысший расцвет палладианства приходится на правление Екатерины II, которая обращается к античным образцам как противоположности елизаветинского барокко. Она приглашает в Россию архитекторов-«палладианцев» Чарльза Камерона и Джакомо Кваренги, чьими творениями мы по сей день восхищаемся в Петербурге или Царском Селе. Однако при Екатерине палладианство становится не просто архитектурой, а целой философией, мировоззрением. И если Москва — Третий Рим, то Петербург — Четвертый: «Идеалистическое русское палладианство — это архитектура мечты: мечты о Риме, Империи, Европе, величии и покое, законности и свободе», — пишет в своей статье Василий Успенский [Андреа Палладио...].

Во время правления Екатерина II отстраивала не только столицы и загородные резиденции, но и осуществляла массовую перепланировку русских городов: появилось понятие «красная линия», а вдоль широких проспектов выстроились типовые палладианские здания разного рода госучреждений — по всей стране, вплоть до Урала. Наряду с масштабными застройками велось активное строительство загородных дворянских усадеб, проекты которых в большинстве случаев принадлежали Николаю Львову. Таким образом, барские дома и последующих столетий, так или иначе, копируют его усадьбы, которые, как и знаменитая вилла Ротонда Андреа Палладио, узнаваемы во всем мире. Палладианская усадьба с фронтоном и четырехколонным портиком стала не просто элементом культуры, а важным культурологическим предпочтением.

Классицизм Палладио переходит и в Серебряный век. Представители «Мира искусства» устали от модерна и начали ностальгировать по Петербургу времен Петра I. В этот момент появился классический ретроспективизм на основе архитектурного наследия XVIII–XIX вв., который стал очередной реинкарнацией палладианства в России.

2-й этап: конец XIX — XX вв. Возрождается интерес к палладианству, потому что любая имперская архитектура в той или иной мере — классическая. Вот и в молодой советской стране она оказалась востребованной, тем более что архитекторы-неоклассики, как Иван Жолтовский, были выпускниками классической академии. К 1920-м гг. неоклассический период закончился, и вперед вышло авангардное искусство. В архитектуре главенствовал конструктивизм и рационализм. Однако, вся авангардная архитектура в России создавалась в постоянном внутреннем диалоге с Палладио, поскольку стремилась к идеальным формам и ритмичным членениям фасадов. В 1930-е гг. происходит очередной откат от авангарда в сторону классицизма, и в середине 40-х годов прошлого

столетия появляется «сталинский ампи́р», стиль, который можно определить, как «классицизм вне себя» или «социалистический маньеризм» [Андреа Палладио...]. Став предметом для размышлений зодчих-неоклассиков, и, прежде всего, И.В. Жолтовского, «русское палладианство» оказалось востребовано в сталинскую эпоху, многообразно воплотившись в до и послевоенной застройке городов СССР в период так называемого «сталинского ампи́ра» или «советского классицизма». Нас интересует именно этот период возрождения интереса к «русскому палладианству».

Но не только знаменитый трактат стал вдохновением зодчих всего мира, но и многочисленные постройки Андреа Палладио. Из всего богатого архитектурного наследия остановимся только на его знаменитых виллах. Вилла Бадоер (Villa Badoer) и вилла Фоскари («Ла-Мальконтента») в окрестностях Венеции имеют одну характерную черту — на фоне плоскости стены ярко выраженный шестиколонный портик ионического ордера с треугольным фронтоном (ил. 1).

Попробуем сравнить живописную панораму провинции Виченца (Италия) с виллой Пьовене и перспективу улицы пос. Шерегеш, Таштагольского района, Кемеровской области с видом на Дом культуры «Горняк» (ил. 2). Вилла Пьовене является объектом всемирного наследия ЮНЕСКО, Дом культуры «Горняк», образец так называемого «русского палладианства», статуса объекта культурного наследия не имеет (ил. 3).

Вилла Пьовене строилась в три этапа: первоначально (до 1541 г.) был построен основной объем, меньших размеров. Позднее он был расширен путем добавления пронаоса, на котором сохранилась дата — 1587 г. Лоджия, выдающаяся в центре и состоящая из шести ионических колонн с треугольным фронтоном, могла быть начата Палладио около 1570 г. и завершена уже после его смерти. Дальнейшее расширение виллы имело место в 1570-х гг. и было выполнено по проекту Палладио, но не самим архитектором. Наконец, в первой половине XVIII в. архитектор Франческо Муттони построил боковые крылья, двойную лестницу, ведущую к лоджии, и спроектировал сад, который стал живописным фоном Виллы и был разбит в XIX в. на равнине реки Астикко.

Спустя четыре века строится Дом культуры «Горняк» (1950-е годы) по типовому проекту №2-04-06 под названием «Клуб с залом на 300 мест» (1947 г., архитектор К.К. Барташевич). На территории СССР, в том числе и Сибири, в 1950-х гг. было построено 132 Дома культуры по данному типовому проекту [С гурьбой и гуртом]. Автор проекта — Константин Константинович Барташевич — советский инженер-архитектор, специалист в области проектирования общественных зданий социально-культурного назначения (в основном клубов, дворцов и домов культуры), окончил Архитектурно-строительный институт в Уфе (ныне Уфимский государственный нефтяной технический университет). Разрабатывались типовые проекты дворцов культуры в архитектурно-проектной мастерской ВЦСПС.

Первым серьезным проектом для Барташевича стало работа в коллективе, создающем проект Дома Техники в Москве. В 1933 г. управлением строительства столичного Дворца техники (далее ДТ) был проведен смешанный конкурс на лучший эскизный

проект научно-технического выставочного комплекса — Дома Техники, в котором приняли участие как молодые архитекторы и студенты архитектурно-строительных вузов, так и заслуженные архитекторы страны. К.К. Бартошевич принимал участие в этом проекте в составе авторского коллектива. Членами управления строительства ДТ были выбраны наиболее отличившиеся и интересные по проработке проекты. Довольно интересным и свежим был признан проект бригады в составе архитекторов К.К. Бартошевича, А.И. Диденко, Н.Н. Косточкина, И.В. Ламцова, Мелия, В.А. Шкварикова и скульптора Р.Р. Иодко при консультации инженера Тубина. В целом жюри конкурса оценило представленный проект положительно [Бартошевич...].

Всего на Кузбассе по проекту К.К. Бартошевича были построены восемь дворцов культуры: по одному в Кемерове и Сталинске (ныне Новокузнецке), два в Прокопьевске: это всем известные ДК шахты «Красногорская» (ныне Дворец культуры «Красная Горка») и Дворец культуры имени В. Маяковского. Дом культуры шахты «Красногорская» успели закончить до начала хрущёвской кампании по борьбе с архитектурными излишествами. Четыре дома культуры по типовому проекту №2-04-06 были построены в поселках Мундыбаш, Шерегеш и Шалым и городе Таштаголе.

Заказчиком Дома культуры «Горняк» в поселке Шерегеш выступало Шерегешское рудоуправление. В данный момент владельцем является Управление культуры администрации Таштагольского района [Управление культуры...]. Дом культуры «Горняк» является ярким представителем стиля советского классицизма, где легко усматриваются признаки «русского палладианства»:

- фиксация перспективы ул. Первомайская;
- симметричная композиция объемно-планировочной структуры;
- яркий акцент на главном фасаде в виде шести-колонного портика коринфского ордера;
- геральдическая символика в тимпане фронтона портика.

Сравнительный анализ композиционного построения двух объектов — виллы Пьовене (Италия) и Дома культуры «Горняк» (Россия, Сибирь) (ил. 4) позволяет сделать вывод, что последователи творчества Палладио ценили, прежде всего, ясность, компактность и завершенность планировочной структуры, органичную связь архитектуры с окружающей средой, строгую упорядоченность, сдержанность, отказ от избыточной декорации, разнообразие решений фасадов с фронтонным портиком в сочетании с открытой поверхностью стены, оконными проемами без обрамления.

Однако «русское палладианство» на то и «русское», что имеет свои специфические особенности, которые выражаются в относительно вольном прочтении классического ордера его пропорций, соотношений базы, колонны, антаблемента и фронтона. В архитектуре Дома культуры пьедестал, на котором покоится колоннада, практически отсутствует, его компенсирует рельеф. Колоннада имеет не традиционный для палладианства ионический ордер, а более сложный — коринфский. Тимпан и ниши-экседры, как правило, украшались символика и скульптурами, прославляющими Советский союз. Все эти

признаки не умоляют достоинств объекта, выполненного в духе «русского палладианства», а только придают особую черту и непосредственную связь с первоисточником, а именно:

- доминирующее положение в пространстве;
- симметричную композицию фасада и плана;
- уравновешенную осевую композицию: расположение главного входа на оси симметрии;
- крупный масштаб главного фасада (применение «большого ордера» на фоне нейтральной плоскости стены);
- использование объемной композиции портика;
- группировку помещений вокруг внутреннего двора.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что Дом культуры «Горняк» является ярким представителем «русского палладианства» в Сибири. Так почему же объекты Андрея Палладио являются объектами всемирного наследия, а наши родные Дома культуры в таком плачевном состоянии? Пришло время обратить на них особое внимание!

Список литературы

1. Андреа Палладио. Отец классицизма. — URL: <https://www.culture.ru/materials/50657/andrea-palladio-otec-klassicizma> (дата обращения: 18.09.2019).
2. Андрей Палладио: биография, учение архитектора, здания, построенные в стиле русское палладианство. — URL: <https://www.culture.ru/materials/50657/andrea-palladio-otec-klassicizma> (дата обращения: 22.04.2019).
3. Бартошевич (Барташевич) Константин Константинович. — URL: <http://tramvaiiskusstv.ru/grafika/spisok-khudozhnikov/item/3754-bartoshevich.html> (дата обращения: 18.09.2019).
4. Палладианство — URL: <http://wiki-org.ru/wiki/Palladianstvo> (дата обращения: 22.04.2019).
5. С гурьбой и гуртом. Советские типовые проекты 1930–50-х гг. Культурно-досуговые учреждения. 2-06-04 (ВЦСПС). 1947 г. Клуб со зрительным залом на 300/320 мест. Архитектор К.К. Барташевич. — URL: <https://sites.google.com/site/tipaussr/home/cult/2-06-04> (дата обращения: 10.10.2018).
6. Управление культуры администрации Таштагольского района. Учреждения. Центральная клубная система. ДК «Горняк» пгт. Шерегеш ул. 19 Партсъезда, 4 «а». — URL: <http://tashcult.ru/учреждения/центральная-клубная-система/дк-горняк-пгт-шерегеш/> (дата обращения: 22.04.2019).

References

1. Andrej Palladio: biografija, učenje arxitekatora, zdaniya, postroenny`e v stile russkoe palladianstvo. — URL: <https://www.culture.ru/materials/50657/andrea-palladio-otec-klassicizma> (data obrashheniya: 22.04.2019). (in Russ.)
2. Bartoshevich (Bartashevich) Konstantin Konstantinovich. — URL: <http://tramvaiiskusstv.ru/grafika/spisok-khudozhnikov/item/3754-bartoshevich.html> (data obrashcheniya: 18.09.2019).
3. Palladianstvo — URL: <http://wiki-org.ru/wiki/Palladianstvo> (data obrashheniya: 22.04.2019). (in Russ.)

4. S gur`boj i gurtom. Sovetskie tipovy`e proekty` 1930-50-x gg. Kul`turno-dosugovy`e uchrezhdeniya. 2-06-04 (VCzSPS). 1947 g. Klub so zritel`ny`m zalom na 300/320 mest. Arxitektor K.K. Bartashevich. — URL: <https://sites.google.com/site/tipaussr/home/cult/2-06-04> (data obrashheniya: 10.10.2018). (in Russ.)

5. Upravlenie kul`tury` administracii Tashtagol`skogo rajona. Uchrezhdeniya. Central`naya klubnaya sistema. DK «Gornyak» pgt. Sheregesh ul. 19 Parts` `ezda, 4 «a». — URL: <http://tashcult.ru/uchrezhdeniya/central`naya-klubnaya-sistema/dk-gornyak-pgt-sheregesh/> (data obrashheniya: 22.04.2019). (in Russ.)

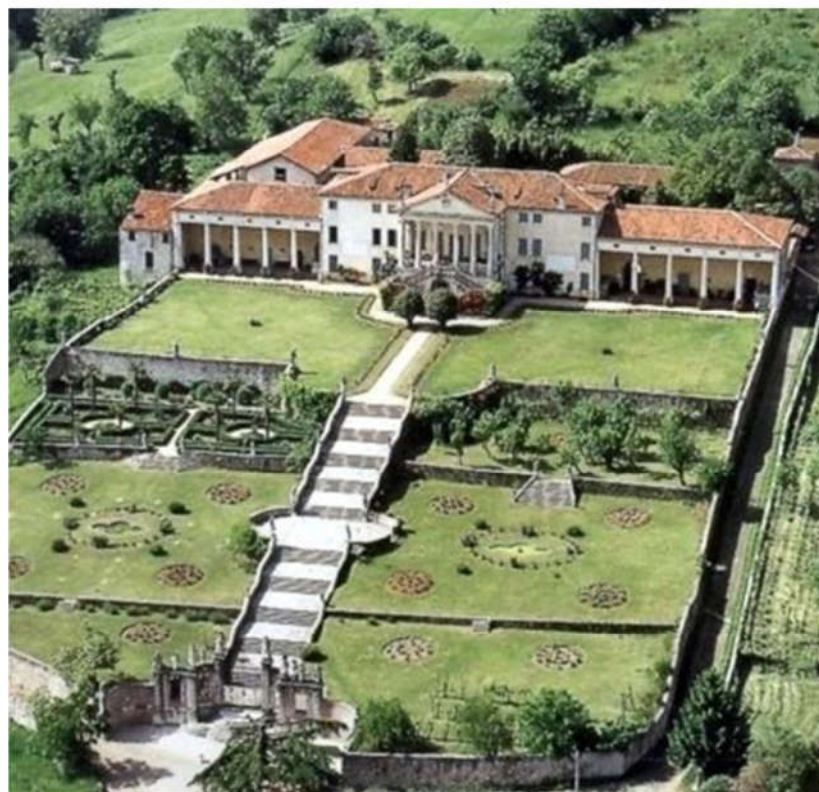
6. Andrea Palladio. Otec klassicizma. — URL: <https://www.culture.ru/materials/50657/andrea-palladio-otec-klassicizma> (data obrashhenija: 18.09.2019).

Список сокращений

ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

Ил. 1. Постройки великого зодчего Андрея Палладио в окрестностях Венеции (Италия): а) вилла Бадоев (Villa Badoer, <http://www.comune.frattapolesine.ro.it/welcome-to-fratta-polesine.html>) б) вилла Фоскари («Ла-Мальконтента», https://en.wikipedia.org/wiki/File:Villa_Foscari_20070710-1.jpg).

а

б

Ил. 2: а) панорама провинции Виченца (Италия) с виллой Пьювене (<https://alchetron.com/Villa-Piovene>); б) перспектива улицы пос. Шерегеш, Таштагольского района, Кемеровской области с видом на Дом культуры «Горняк» (снимок Ю. Леоновой, 2019 г.)

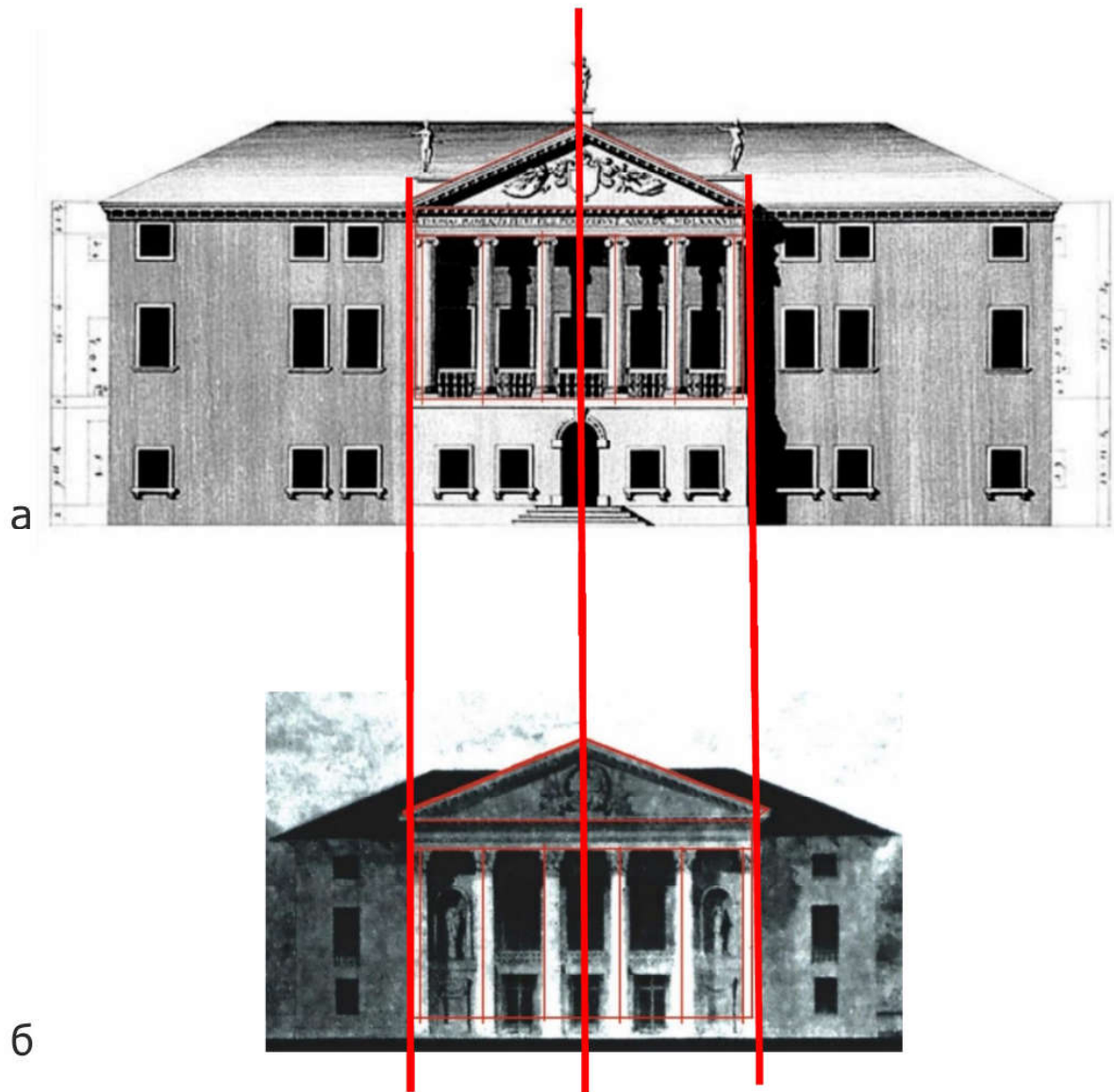

а

б

Ил. 3: а) Вилла Пьовене, объект всемирного наследия ЮНЕСКО (<https://turbina.ru/guide/Lugo-di-Vitcentsa-Italiya-137484/Otzyvy/Tchto-delat-dostoprimchatelnosti/Muzei/3/0/Villa-Povene-Villa-Piovene-57875/?display=objects>)
б) Дом культуры «Горняк» образец «русского палладианства» и не имеет статуса объекта культурного наследия (снимок Ю. Леоновой, 2019 г.)

Ил. 4. Сравнительный анализ композиционного построения: а) вилла Пьовене (Италия, <https://www.pinterest.ru/pin/463659724126479368/>); б) типовый проект №2-04-06 «Клуб с залом на 300 мест» (1947 г., архитектор К.К. Барташевич) [С гурьбой и гуртом]

О.Б. Свешникова
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
OSveshnikova@admnsk.ru

Эволюция массового жилища второй половины XX века на примере Новосибирска

Аннотация

Рассматривается жилище, строящееся в Новосибирске в социально-экономических условиях второй половины XX в.: индивидуальный жилой дом и квартира в жилом семиэтажном доме «сталинской» архитектуры, квартиры в индустриальных сериях и их эволюция, жилое строительство последнего десятилетия XX в. К концу 1950-х гг. в Новосибирске происходит переход на индустриализацию жилищного строительства. Архитектурно-композиционное построение первых индустриальных зданий было крайне упрощено. Простая конфигурация, аскетичный облик, плоскостное решение фасадов и одинаковая пятиэтажная высота вели к монотонности и однообразию жилой застройки. Постепенно происходит увеличение площади жилой ячейки, более разнообразными становятся планировочные решения. В строительную практику вводятся угловые и поворотные секции, этажность повышается до 9-ти, а затем до 12–16 этажей. С конца 1980-х гг. в строительную практику входит монолитное домостроение. В массовой застройке длительное время применялись общесоюзные серии, лишь в 1980-е гг. заводы начали осваивать региональные разработки.

Ключевые слова: массовое жилище, планировочные решения квартир, типовые проекты

O.B. Sveshnikova
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
OSveshnikova@admnsk

The evolution of mass housing in the second half of the 20th century on the example of the city of Novosibirsk

Abstract

The article deals with the history of dwelling which was built in Novosibirsk in the socio-economic conditions of the second half of the 20th century. There is reviewed an individual residential building and an apartment in a seven-story residential building of «Stalinist» architecture, apartments in industrial series and their evolution, residential construction of the last decade of the 20th century. By the end of the 1950s in Novosibirsk, there was a transition to the industrialization of housing construction. The architectural and compositional construction of the first industrial buildings was extremely simplified. A simple configuration, an ascetic appearance, a planar solution of the facades and the identical five-story height led to the monotony and uniformity of residential buildings. Gradually the area of dwelling unit was increasing, layout concepts became more diverse. Angular and rotary sections were introduced into construction practice, the number of storeys increased to 9, and then to 12–16. Since the late 1980s monolithic housing construction became part of construction practice. All-Union series were used in mass building for a long time, only in the 1980s, factories began to develop regional developments.

Keywords: mass housing, layout concepts of apartments, standard plans

В архитектуре жилых зданий более, чем в других свидетельствах, отражаются и эстетические идеалы, и экономические возможности своего времени. «Жилище — это ключ ко всему... — считал Ле Корбюзье, — В природе мельчайшая живая частица — клетка — определяет жизнеспособность всего организма. Все зависит от качества, эффективности и сохранности клетки. В строительстве городов и селений, улиц, домов, квартир — в деле создания человеческого жилья — все определяет первичная жилая ячейка» [Ле Корбюзье, 1977, с. 143, 192].

Во второй половине XX в. в России произошла смена стандартов потребления и условий жизни, значительные изменения произошли в городской среде, массовой жилой застройке и самом жилище.

В начале 1950-х гг. 88,5% селитебной территории Новосибирска занимала частная застройка. Индивидуальная застройка обладала низкой капиталностью, была недостаточно обеспечена транспортом, водоснабжением, электроэнергией, объектами культурно-бытового обслуживания (КБО). Радиус доступности объектов КБО и остановок общественного транспорта составлял 1–1,5, а иногда и 3–4 км [ГАНУ. Ф. 584. Оп. 1. Д. 70].

К документам при предоставлении участка застройщику выдавался утвержденный главным городским архитектором типовой проект. Один из распространенных — проект деревянного одноэтажного двухквартирного дома, соответствующий действующим нормам и правилам (серия 1-121-5, разработка

Гипрогора 1946 г., переизданная в 1953 г.). Проект содержал четыре варианта решений, которые касались особенностей планировочного, конструктивно-инженерного решений в зависимости от климатических зон применения [Паршуков, 2004]. Размер отапливаемой части — 11,3 x 6,4 метра. Общая площадь квартиры — около 32 кв. м (проходная кухня — 6 кв. м, две жилые комнаты — 8 и 16 кв. м), предусмотрены печное отопление, надворная уборная.

Квартиры в капитальных многоэтажных домах этого периода, строящихся на магистральных улицах и главных площадях города, были рассчитаны как на покомнатное, так и на поквартирное заселение. Планировочные решения квартир были весьма разнообразными. Чаще всего встречаются двух- и трехкомнатные квартиры.

Жилой дом по Красному проспекту на площади Калинина, построенный в 1956 г., состоит из пяти секций. На этаже — четыре квартиры, две — двух- и две — трехкомнатные. Площадь комнат — от 14,9 кв. м до 29,8 (в поворотных секциях), площадь кухонь — от 8,8 до 9,6 кв. м. Проходных комнат нет. Практически во всех квартирах количество встроенных шкафов соответствует количеству комнат. Санитарные узлы раздельные. Ширина прихожих от 1,6 до 2,25 м. Кухни расположены в глубине квартиры, смежно с санитарными помещениями. Средняя площадь двухкомнатной квартиры — 66,23 кв. м, трехкомнатной — 92,38 кв. м.

Планировочные решения квартир в домах индивидуальной планировки нередко содержали проходные комнаты; наряду с комнатами площадью около 30 кв. м применялись и небольшие комнаты площадью около 10 кв. м. Пропорции комнат благоприятные, в основном — 1x1,5. Однокомнатные квартиры встречаются очень редко, их площадь варьируется от 43,8 до 48,3 кв. м. Первый этаж жилых домов занимали учреждения обслуживания различного назначения — торговля, общественное питание, бытовое или культурно-просветительское обслуживание.

После 1956 г. проектирование квартир получило принципиально новую направленность. Разнообразие планировочных решений резко ограничилось и свелось к нескольким основным схемам. Преимущественное распространение приобретают малогабаритные квартиры с числом комнат от одной до трех. Нормы 1957 г. существенно снизили величину жилой и подсобной площади квартиры. Габариты кухонь, санитарных узлов и передних в квартирах были сведены к минимальным пределам.

Одной из первых серий типовых проектов, запущенных в индустриальное производство в Новосибирске, была общесоюзная серия 1-464 (Гипростройиндустрия, руководитель Н. Розанов). В ней приняты панели стен и перекрытий «на комнату», что исключило образование швов внутри помещения. В серии применены наиболее экономичные четырехквартирные секции, предусмотрены одно-, двух- и трехкомнатные квартиры. Был предусмотрен один тип совмещенного санитарного узла и один тип кухни — 5,5 кв. м. Планировочным ядром каждой квартиры становится общая комната, здесь совмещаются функции внутрисемейного общения, приема гостей и пр. Общая планировочная особенность большинства квартир — характерная взаимосвязь кухни с передней через проходное пространство общей комнаты. Расположение и взаимосвязь помещений имели вы-

нужденный характер (усложненная связь кухни и входного узла через общую комнату, разобщенность спальни и санитарного узла). Все это снижало функциональные качества квартиры.

Равновесность элементов способствовала эффективному использованию кранов при монтаже здания. Унификации конструктивных элементов серии способствовало применение только двух различных пролетов — 2,6 и 3,2 м в продольном и двух одинаковых 5,6 м в поперечном направлении здания.

Широкое применение в строительстве нашла и серия 1-447 с кирпичными стенами. Конструктивная схема — продольные несущие стены с шестиметровым шагом, плиты перекрытия — железобетонные балочные, перегородки гипсо-бетонные. Планировочные характеристики квартир такие же, как и в 464 серии: минимально возможная ширина прихожей — 1,2 м, кухня — 6 кв. м, связь кухни с входной зоной квартиры через проходное пространство общей комнаты, таким же образом связана и спальня.

Большое распространение в Новосибирске получили также крупнопанельные жилые дома серии 1-468, с продольно-поперечными несущими стенами и балочными плитами перекрытий. Планировочные характеристики этой серии сопоставимы с серией 1-464: площадь кухонь — 6 кв. м, спальни на одного члена семьи — около 7 кв. м, ширина прихожей — 1,2 м. Кухня имеет непосредственную связь с входным узлом, но зонирование здесь также носит вынужденный характер.

Объемы применения жилых домов указанных серий близки друг к другу и составляют: серия 1-464 — 38,8%; серия 1-468 — 32,3%; серия 1-447 — 28,9% [Тюленин, Пивкин, 1998].

В 1963 г. выходит новый СНиП на жилые здания, в котором более четко, по сравнению с предшествующими нормами, определяются нормативные требования к квартире: задаются минимальные параметры всех жилых и основных подсобных помещений, при этом впервые ограничивается верхний предел общей площади квартиры. В таком виде нормы достаточно жестко регламентировали необходимый уровень жилищного комфорта, исключая отклонения, как в большую, так и в меньшую сторону, эффективнее влияли на практику проектирования квартир. СНиП 1971 г. позволил несколько увеличить площади спален, кухни и, соответственно, общую площадь квартиры.

Во второй половине 1960-х гг. в Новосибирске разрабатываются и постепенно внедряются в индустриальное производство жилые дома с «улучшенной планировкой» — серия 1-464д. В основу новых проектов были положены старые серии с экономичными квартирами, но несколько переработанные: спальни, как правило, не связаны с общей комнатой, а имеют непосредственный выход в коридор или прихожую, немного увеличивается размер кухонь и спален на одного человека (до 8 кв. м). Повышение изолированности помещений квартиры вело к неизбежному удлинению внутриквартирных коридоров. Повышение качества квартир было не очень значительным. Улучшение шло за счет применения нескольких стандартных приемов (обеспечение изолированности спален и кухни, разделение уборной и ванной комнаты, незначительная корректировка площади помещений). Более разнообразными становятся варианты блокировки секций; строительный комплекс города осваивает производство девятиэтажных до-

мов, домов со встроено-пристроенным обслуживанием в первом этаже. Эта серия получила самое широкое распространение и применялась в строительной практике Новосибирска уже в то время, когда была разработана более совершенная 97 серия.

С конца 1960-х гг. проводятся широкомасштабные научные исследования проблем проектирования массового жилища. В 1968 г. Сибирским Зональным научно-исследовательским институтом типового и экспериментального проектирования (авторский коллектив под руководством М.К. Печерина) была разработана для климатических условий собственного региона новая серия жилых домов — 97-я. Эта серия типовых проектов была впоследствии признана одной из лучших в стране и принята к освоению на 40 заводах крупнопанельного домостроения Сибири, Казахстана и Дальнего Востока. Особенностью серии стал укрупненный модуль 150 x 150 см, положенный в основу планировочных и конструктивных решений (другие серии основывались на модуле 30 и 60 см). Это позволило на основе ограниченной номенклатуры изделий получить широкий набор квартир и блок-секций, различных по типам квартир и этажности. В этой серии была разработана широкая номенклатура зданий со стенами из кирпича. Внедрение безметаллического соединения наружных стен с внутренними позволило увеличить их надежность (от 5 до 16 этажей) и долговечность. Были улучшены объемно-планировочные решения квартир, главным образом, за счет хороших пропорций жилых помещений и исключения проходных комнат (существующие нормы заселения не позволяли обойтись без спального места в общих комнатах в наиболее распространенных типах квартир — двух- и трехкомнатных). Были разработаны разнообразные варианты блокировки секций. Наряду с пяти- и девятиэтажными секциями применяются трех-, семи-, 12-ти, 16-ти этажные.

В 1980-е гг. разработка массового жилища продолжалась; совершенствовалась, изменялась 97-я серия. В конце 1980-х гг. началось внедрение так называемых КОПЭ — конструктивных объемно-планировочных элементов, позволяющих менять саму секцию в зависимости от различных градостроительных условий. В строительную практику Новосибирска эта серия была введена позднее, чем в других городах Сибирского региона.

В последнее десятилетие XX в., на фоне системного кризиса и перехода к иным социально-экономическим отношениям, происходит сокращение общего объема строительства, в том числе жилищного. Строящееся жилище адресовано состоятельным горожанам. Новые жилые дома размещаются в центральной части города, на месте сносимых ветхих аварийных домов или просто на свободных участках, в сложившейся городской среде. Строятся здания с кирпичными стенами, также в строительную практику входит монолитный железобетон. Квартиры отличаются большой площадью — 90–190 кв. м; значительно возрастает площадь подсобных помещений — прихожих, санитарных узлов (особенно ванных комнат), появляются гардеробные, «модным» приемом становится объединение кухни и гостиной обеденной зоной. В профессиональной печати особое внимание уделяется интерьеру таких квартир. В построении внутреннего пространства встречаются искривленные перегородки, проемы, имитирующие арку; решения подчеркнута декоративны, несут функциональной (и рациональной) нагрузки. Массо-

вым такое жилище назвать нельзя, и уже в «нулевые» годы спрос на него оказался исчерпан.

Так как к концу 1950-х гг. в Новосибирске происходит переход на индустриализацию жилищного строительства, то архитектурно-композиционное построение первых индустриальных зданий было крайне упрощено. Из состава жилых зданий были исключены угловые секции, увеличивающие количество типовых элементов и усложняющие монтаж зданий. Совсем не использовались такие важные элементы жилища, как лоджии и эркеры, повышающие комфорт квартиры и обогащающие пластику жилого дома. Мало внимания уделялось прорисовке деталей балконов и входов, возможности создания различной фактуры стеновых панелей, мало использовался цвет. Простая конфигурация, аскетичный облик, плоскостное решение фасадов и одинаковая пятиэтажная высота вели к монотонности и однообразию жилой застройки.

Постепенно происходит увеличение площади жилой ячейки, более разнообразными становятся планировочные решения. В строительную практику вводятся угловые и поворотные секции, повышается этажность до 9-ти, а затем до 12–16 этажей. Во второй половине 1970-х гг. в крупнопанельном строительстве для отделки наружных стен используется цветная керамическая плитка, разрабатываются различные экраны для ограждения балконов, используются лоджии.

Крупнопанельное домостроение до конца 1980-х гг. было единственным видом индустриального жилища. С конца 1980-х гг. в строительную практику входит монолитное домостроение. В массовой застройке длительное время применялись общесоюзные серии, лишь в 1980-е гг. заводы начали осваивать региональные разработки.

Список литературы

1. Ле Корбюзье. Архитектура XX века. — М.: Прогресс, 1977. — 303 с.
2. Паршуков В. В. Индивидуальная застройка: правил все больше, проблем тоже // Проект Сибирь. — 2004. — №20. — С. 30–32.
3. Тюленин Г.А., Пивкин В.М. К вопросу преобразования жилищного фонда Новосибирска // Региональные особенности архитектурно-градостроительной организации жилой среды: тенденции, идеи, перспективы. — Новосибирск: [б.и.], 1998. — С. 83–86.

References

1. Le Korbyuz`e. Arxitektura XX veka. Moscow: Progress, 1977, 303 p. (in Russ.)
2. Parshukov V. V. Individual`naya zastrojka: pravil vse bol`she, problem tozhe. *Proekt Sibir`*, 2004, No. 20, pp. 30–32. (in Russ.)
3. Tyulenin G.A., Pivkin V.M. K voprosu preobrazovaniya zhilishhnogo fonda Novosibirsk. In *Regional`ny`e osobennosti arxitekturno-gradostroitel`noj organizacii zhilij sredy` : tendencij, idej, perspektivy`*. Novosibirsk, 1998, pp. 83–86. (in Russ.)

Список источников

- ГАНУ. Ф. 584. Оп. 1. Д. 70.

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10125
 УДК: 711.4.01 (571.51)

С.Ю. Слободчиков
 ООО «Гражданское проектирование» (Красноярск)
 sergsloboda@yandex.ru
 Н.Г. Харитоновна
 Лесосибирский педагогический институт —
 филиал Сибирского федерального университета (Лесосибирск)

«Большой стиль» в сибирской провинции

Аннотация

В статье делается попытка рассмотреть характерные черты сталинского классицизма, представленные в архитектуре сибирской провинции. В качестве примера взят город Лесосибирск Красноярского края, появившийся на карте России в 1975 г. Он сложился на основе рабочих поселков Маклаково, Новомаклаково и Новоенисейск, архитектурно оформившихся в 1950-е — 1960-е гг. Статья содержит информацию об утраченных и существующих архитектурных памятниках «Большого стиля», выполненных в основном в дереве. В работе использован визуальный материал, эго-источники, материалы местной периодической печати. Делается вывод о региональном переосмыслении Большого стиля в сибирской провинции.

Ключевые слова: индустриализация, сталинский классицизм, Большой стиль, Сибирь, Лесосибирск, Маклаково, Новоенисейск, Новомаклаково

S.Y. Slobodchikov
 Grazhdanskoe proektirovanie LTD (Krasnoyarsk)
 sergsloboda@yandex.ru
 N.G. Kharitonova
 Lesosibirsk's Pedagogical Institution — branch of Siberian Federal University (Lesosibirsk)

Great Style in the Siberian province

Abstract

The article deals with the characteristic features of Stalinist classicism, presented in the Siberian provincial architecture. The city of Lesosibirsk, Krasnoyarsk Territory, which appeared in 1975, was taken as an example. It was formed on the basis of the working villages of Maklakovo, Novomaklakovo and Novoeniseysk. These villages were architecturally formed in the 1950s and 1960s. The article contains information about the both lost and existing architectural monuments of the «Big Style», made mainly in wood. The work used visual material, ego-sources, data of local periodicals. The conclusion is made about the regional rethinking of the Big style in the Siberian province.

Keywords: industrialization, Stalinist classicism, Great Style, Siberia, Lesosibirsk, Maklakovo, Novomaklakovo, Novoeniseysk

Идеология и изобразительный ряд советской архитектуры предвоенных лет и первого послевоенного десятилетия строились на творческом освоении культурного наследия классицизма. Он органично вошел в сознание и повседневную жизнь советского поколения, победившего в Великой Отечественной войне, отражая дух и волю людей, строящих свое будущее. Совершенно очевидно, что людям импонировала не пышность и декоративность, а чистота и ясность высокого стиля. Героическое начало, присущее классицизму в форме ампира, трансформировалось в послевоенном советском обществе из героики военных побед в героике труда.

Классицизм, пронизывающий все области культуры в СССР, стал основой для такого культурного феномена середины XX в., который впоследствии получил название «Большой советский стиль».

В последнее десятилетие активно исследуются региональные тенденции в развитии данного стиля, позволяющие наиболее полно воссоздать картину советской архитектуры 1930-х — 1950-х гг. [Архитектура сталинской эпохи..., 2010; Жидченко, 2015; Костова, 2019 и др.]. Несомненный интерес представляют сибирские провинциальные города, где в силу географических, ландшафтных, исторических особенностей произошло переосмысление сталинского классицизма. К таким населенным пунктам относится Лесосибирск в Красноярском крае. Он находится в 300 км севернее краевого центра, статус города приобрел в 1975 г., объединив в себе несколько рабочих поселков.

Градостроительные идеи Большого стиля нашли свое отражение в застройке исторически сложившихся районов Лесосибирска — Маклаково, Ново-

енисейск и Новомаклаково, каждый из которых, в свою очередь, выстраивался в привязке к градообразующему предприятию. Если Маклаково было известно с XVII в., пройдя путь от деревни до рабочего поселка, то Новоенисейск и Новомаклаково были построены «с чистого листа» в 1950-е гг.

Жилая застройка района Новоенисейск структурно состоит из сориентированной по сторонам света сетки кварталов, близких в плане к квадрату со стороны приблизительно 250 метров. В планировке хорошо читаются две основные композиционные оси — улица Енисейская, задающая направление север-юг (магистраль Красноярск-Енисейск) и перпендикулярная ей улица 40 лет Октября, соединяющая заводскую площадь лесохимического комбината и площадь Дома культуры «Новоенисейский». Как отмечал М.Г. Меерович, ориентация композиционных осей на основное градообразующее предприятие — это характерный прием планировки советских фабрично-заводских поселков, учитывая, что основная масса жилья таких поселений была ведомственная [Меерович, 2018, с. 61].

Особое внимание было уделено оформлению улицы Промышленная, параллельной магистрали Красноярск-Енисейск всем своим протяженным фронтом, составляющим лицо района Новоенисейск. В его оформлении применяются такие свойственные классицизму приемы, как акцентирование углов кварталов — симметричное расположение фронтонов на пересечении с улицей Ленинградская; отступы от красной линии застройки, создающие рекреационные карманы и уменьшающие монотонность протяженной линии деревянных фасадов.

Следует отметить, что архитектура поселков создавалась проектировщиками, имеющими в своем распоряжении 4-5 типов двухэтажных деревянных многоквартирных жилых домов и нескольких общественных зданий. Градостроительная сетка района выполнена таким образом, что организованную застройку двухэтажными секционными жилыми домами получили только первые два ряда кварталов, прилегающих к основной городской магистрали — ул. Енисейская. Остальная сетка была разбита на более мелкие подэлементы и отдана под индивидуальное жилье, но вместе с тем крупный модуль основных кварталов хорошо читается в планировке (ил. 1). Такой градостроительный прием был хорошо разработан и совершенно осознанно применялся в послевоенном строительстве. Он позволяет развивать застройку во времени, заменяя при необходимости в пределах одной планировочной единицы (квартала) застройку одного типа на другой, не нарушая общей планировочной логики района (ил. 1).

Если Новоенисейск — это компактное поселение с ясно выраженными кварталами с равнозначными продольными и поперечными улицами, то Новомаклаково имеет явно выраженную протяженную структуру, ограниченную главной городской магистралью с одной стороны и рекой Енисей, с протянувшимся вдоль него парком, с другой.

Планировку Новомаклаково так же следует рассматривать в связке с основным градообразующим предприятием — Лесосибирским лесопильно-деревообрабатывающим комбинатом. На заводскую площадь ориентируется главная композиционная ось района — улица Победы. В отличие от Новоенисей-

ска, она находится в стороне от главной городской транзитной магистрали и связана с ней перпендикулярно расположенной улицей Белинского. Точка пересечения основных планировочных осей в 1950-е гг. была акцентирована деревянной аркой, которая находилась перед заводской площадью и замыкала на себя протяженную перспективу улицы Победы.

Аналогично Новоенисейску, застройка района была сформирована в 1950-х — 1960-х гг. несколькими типами деревянных двухэтажных домов и общественных зданий, поставленных строго по красным линиям.

Можно предположить, какое важное значение отводилось будущей улице Белинского в момент формирования планировочной структуры рабочего поселка. Сравнительно короткая улица с одной стороны связывает Новомаклаково с транзитом Красноярск-Енисейск, а с другой стороны, ориентируясь на деревянную ажурную арку, открывается на прибрежный парк и широкую перспективу полноводной, после слияния с Ангарой, реки и природное окружение правобережья Енисея. Раскрытие улиц на реку — эффектный прием, характерный для многих сибирских городов и широко применявшийся в застройке исторической части Красноярска и Енисейска.

Хотя в настоящее время градостроительное значение ул. Белинского несколько снижено несистемной застройкой 1970-х гг., о чистоте первоначальной идеи можно судить по уникальному источнику личного происхождения. Письмо, датированное началом 1955 г., принадлежит Марии Савёловой, жене ссыльного журналиста и писателя Р.А. Штильмарка. Семья проживала в этот период в строящемся поселке Новомаклаково. Фрагмент письма содержит рисунок автора, на эскизе хорошо читается заводская площадь и перпендикулярная улице Победы ось, ставшая впоследствии улицей Белинского. Первоначально она проходила несколько севернее нынешнего ее положения (ил. 2).

Характерное для советской власти внимание к идеологии выражалось в поддержке учреждений культуры. Это проявилось в постройке в 1957 г. Дома культуры лесопильщиков (ДКЛ) (ул. Горького, 28) в Маклаково, старейшем районе Лесосибирска. Дом культуры с шестиколонным портиком коринфского ордера являет собой характерный пример комплексного подхода к архитектуре. В самом здании, со скульптурами в нишах фасада и настенными росписями интерьера, была реализована идея синтеза искусств, свойственная советскому классицизму. В деталях декора проступают черты вольной трактовки ордерной системы. Особенно интересен круглый антаблемент дворового фасада (ил. 3).

Системный подход к архитектуре выразился в решении благоустройства площади перед Домом культуры. В одном стиле со зданием были выполнены скамейки, фонари, малые формы характерного дизайна того времени. В воспоминаниях местного поэта Виктора Фирера есть такие строки [Фирер, 2015, с. 24]:

«...Я видел, как строилось здание это.
Стояло в ту пору теплое лето.
И помнится, что-то особое было
Впервые в поселке — необычно и мило.
Может, дорожки бетонная лента —

Гравия смесь, воды и цемента.
 Рядом столбы в два ряда с фонарями,
 И чисто вокруг, и клумбы с цветами.
 Высокие двери, колонны, лепнина.
 Справа мужчина, и слева мужчина
 В проеме стены по бокам от балкона —
 Были в ту пору нам незнакомы.
 А больше всего впечатляла собою
 Огромная люстра над головою!...»

Для реализации был принят проект Дворца культуры с залом на 300 мест, выполненный в проектной мастерской ВЦСПС в 1947 г. Автор — архитектор К.К. Барташевич [Советские типовые..., №2-06-04].

Данный проект оказался настолько востребованным, что был повторен в Советском Союзе около 100 раз и, как минимум, еще два раза на территории Красноярского края — это ДК Строитель в Красноярске, (ул. Томская, 4, стр. 33) и районный Дом культуры в Шушенском (ул. Первомайская, 1).

Новоенисейский дом культуры (ул. 40 лет Октября, 14) начал свою работу 30 октября 1970 г. Занимая важное градостроительное положение, здание Дома культуры замыкает перспективу улицы, противоположная часть которой ориентирована на заводоуправление лесокombината. Площадь перед зданием ДК уравнивается заводской площадью с противоположной стороны.

Само здание Дома культуры, явно построенное по классицистическому проекту, было сильно упрощено в процессе строительства. О классицизме говорит симметричный фасад, увенчанный треугольным фронтоном, портик с колоннами, развитые карнизы кровли. Учитывая значительную протяженность строительства, все детали фасада выполнены с большими отступлениями от проекта.

В непосредственной близости от ДК лесопильщиков находился деревянный автомобильный мост через р. Маклаковка, просуществовавший до конца 1970-х гг. Визуальные источники 1950-х — 1960-х гг. позволяют сделать вывод, что обычная для своего времени деревянная бревенчатая конструкция пролетных строений и опор была дополнена двумя парами деревянных же обелисков (ил. 4). Выкрашенные в зеленый цвет с желтой окантовкой, они отмечали въезд и выезд с моста — архитектурная цитата, пришедшая к нам из Египта, где обелиски являлись солнечным символом. Данный прием прямо восходит к архитектуре русского ампира, наиболее вероятным прототипом примененного решения можно считать архитектурное оформление 1955 г. Египетского моста в Ленинграде [Бунин, 1986, с. 82]. В то же время важно отметить, что в СССР обелиски распространились как памятники воинской славы.

Для нашей страны это время проявилось характерной темой триумфа советского народа в Великой Отечественной войне. Становятся чрезвычайно важными памятники и монументы победителям. В Новомаклаково, как уже упоминалось выше, для закрепления пересечения градостроительных осей — улиц Белинского и Победы — в качестве акцента была применена деревянная арка. Она занимала важное градостроительное положение перед площадью заводоуправления Новомаклаковского ЛДК (в будущем — Лесосибирского ЛДК-1). Она замыкала протяженную перспективу улицы Победы, тянущуюся вдоль всего жилого района параллельно Енисею.

Это классический случай, когда арка предвляла планировочно важный элемент.

Анализируя фотографии 1950-х — 1960-х гг., можно судить о преобладающем декоративном, несколько наивном подходе к архитектуре данного элемента с упрощенными «неканоническими» деталями. В нем преобладает эмоциональный компонент, нежели выверенный архитектурный проект. По воспоминаниям лесосибирцев, арка была выкрашена в голубой цвет с красной окантовкой. Она была построена в честь 10-летия Победы над фашистской Германией и в связи с началом строительства поселка Новомаклаково. Возводили ее бывшие фронтовики под руководством начальника строительного управления №39 А.И. Михненко [Шалунов, 1994, с. 2].

Идеологическим прототипом такого сооружения, с большой долей вероятности, можно считать выполненную в формах классицизма деревянную арку академика И.В. Жолтовского на Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 г.

Деревянная архитектура «Большого стиля» была представлена также проектом школы, реализованным в городе не менее трех раз. Одно из зданий — семилетняя школа №52 (позже — коррекционная школа №17) было построено по ул. Победы, 34 с отступом от красной линии. Пример деревянного общественного объекта, просуществовавший до конца 1990-х гг. Для школы характерен симметричный фасад с деревянными пилястрами, фронтоном, украшенным барельефом, развитыми карнизами. Как пишет первый директор школы, она «среди барачных, щитовых домов выглядела красавицей». В школе была 21 печь, для отопления использовались дрова [Шалунов, 1994, с. 2].

Отдельная тема — деревянная двухэтажная застройка. Она была представлена преимущественно жилыми секционными домами серии 244 (Гипрогор), проекты 244-1, 244-2 и др. Общественные здания — серии 241 (Техбюро Академии архитектуры), проект 117, реализованный на территории Новомаклаково не менее трех раз [Советские типовые проекты...].

Во всех этих постройках дан лаконичный, сугубо функциональный вариант применения декора, архитектурных деталей и приемов классицизма.

В отдельных проектах предусмотрены ризалиты, чаще всего простая прямоугольная форма плана, иногда с сильно упрощенными деталями. В некоторых случаях применялся только руст на углах зданий, выполнявший утилитарную роль: в условиях сурового климата он защищал углы постройки от продувания. Вкупе с симметричным решением фасада все эти детали напоминали о классицизме.

Более развитой пластикой фасада с балконом, колоннами, архитектурно оформленными балками отличался проект 117 — общежитие на 25 комнат. В зависимости от ситуации такие здания иногда использовались как конторские. Например, одно из таких зданий (ул. Победы, 10) первоначально функционировало в 1959 г. как Новомаклаковская восьмилетняя школа-интернат №22 [Советские типовые..., №1-241-117].

Нельзя не отметить качество проектирования в этот период. Создававшиеся в центральных институтах проекты, массово использованные по всей стране, имели авторство, разрабатывались под руководством известных архитекторов. Например, автором

проекта 244-2 был архитектор Юрий (Георгий) Щуко (сын Владимира Алексеевича Щуко), руководителем — действительный член Академии архитектуры СССР В.Г. Гельфрейх [Советские типовые...].

Таким образом, застройку поселков, ставших основой Лесосибирска, можно рассматривать как конкретный пример реализации идей сталинского классицизма. Каждый элемент, начиная от градостроительной схемы и заканчивая архитектурой отдельных зданий и сооружений, пронизан духом «Большого стиля». В тоже время мы видим такие «провинциальные» мотивы как отклонение от канонов стиля, снижение качества выполненных работ из-за отсутствия квалифицированных кадров, широкое применение местного материала — дерева, протяженность во времени до 1960-х — 1970-х гг., когда в центре данный стиль был уже изжит.

Список литературы

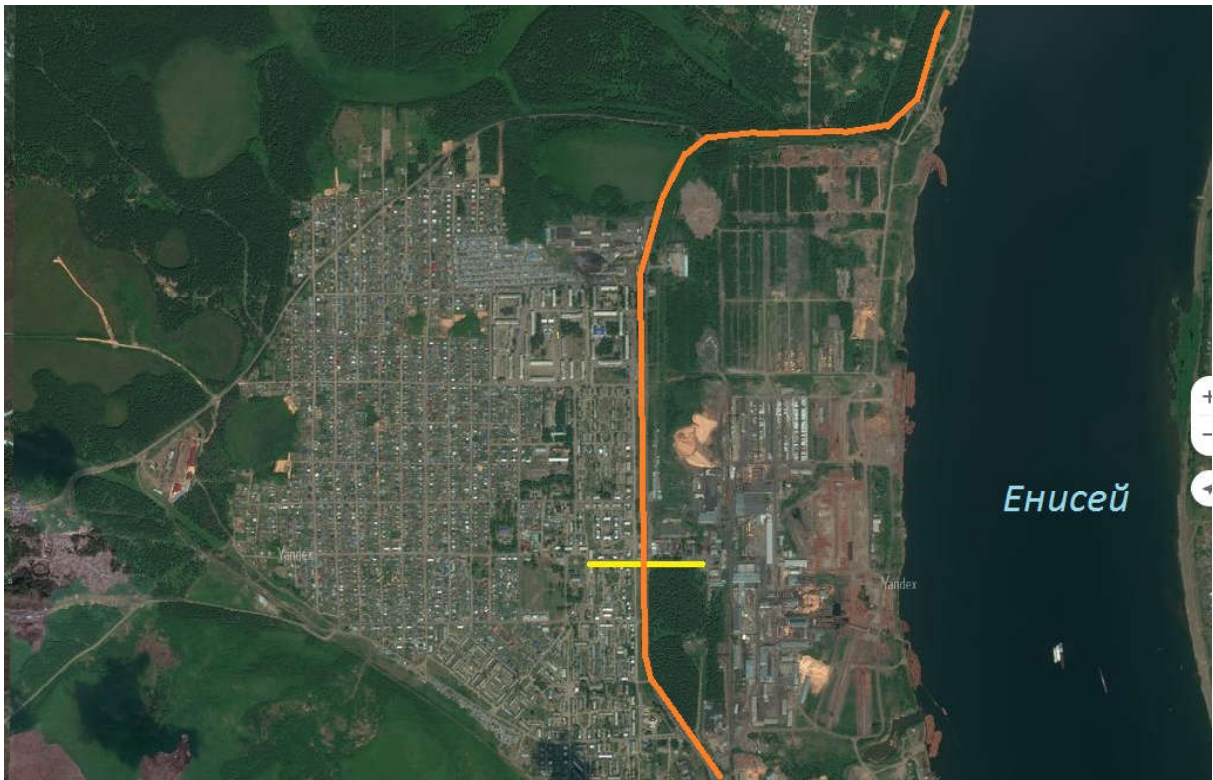
1. Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления. Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. — М.: КомКнига, 2010. — 496 с.
2. Бунин М.С. Мосты Ленинграда. Очерки истории и архитектуры мостов Петербурга — Петрограда — Ленинграда. — Л.: Стройиздат, 1986. — 280 с.
3. Жидченко А.В. Советская архитектура 1950-х гг. как городской бренд: к вопросу изучения историко-культурного ландшафта городов Сибири // Баландинские чтения: сборник статей X научных чтений памяти С. Н. Баландина. — Новосибирск: НГАХА, 2015. — Т. X. — Ч. 2. — С. 275–281.
4. Костова Е.В. Основные тенденции развития архитектуры «сталинского ампира» в Западной Сибири // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. — 2019. — Т. 21. — №1. — С. 9–17.
5. Меерович М.Г. Советские моногорода: история возникновения и специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2018. — №1. — С. 53–65.
6. Советские типовые проекты 1930–50-х гг. // С гурьбой и гуртом... — URL: <https://sites.google.com/site/tipaussr/home> (дата обращения: 26.03.2019).
7. Советские типовые проекты 1930–50-х гг. Типовой проект №1-241-117 // С гурьбой и гуртом... — URL: <https://sites.google.com/site/tipaussr/home/doma/1-241-117> (дата обращения: 26.03.2019).
8. Советские типовые проекты 1930–50-х гг. Типовой проект №1-244-2 // С гурьбой и гуртом... — URL: <https://sites.google.com/site/tipaussr/home/doma/1-244-2> (дата обращения: 26.03.2019).
9. Советские типовые проекты 1930–50-х гг.

Типовой проект №2-06-04 // С гурьбой и гуртом... — URL: <https://sites.google.com/site/tipaussr/home/cult/2-06-04> (дата обращения: 26.03.2019).

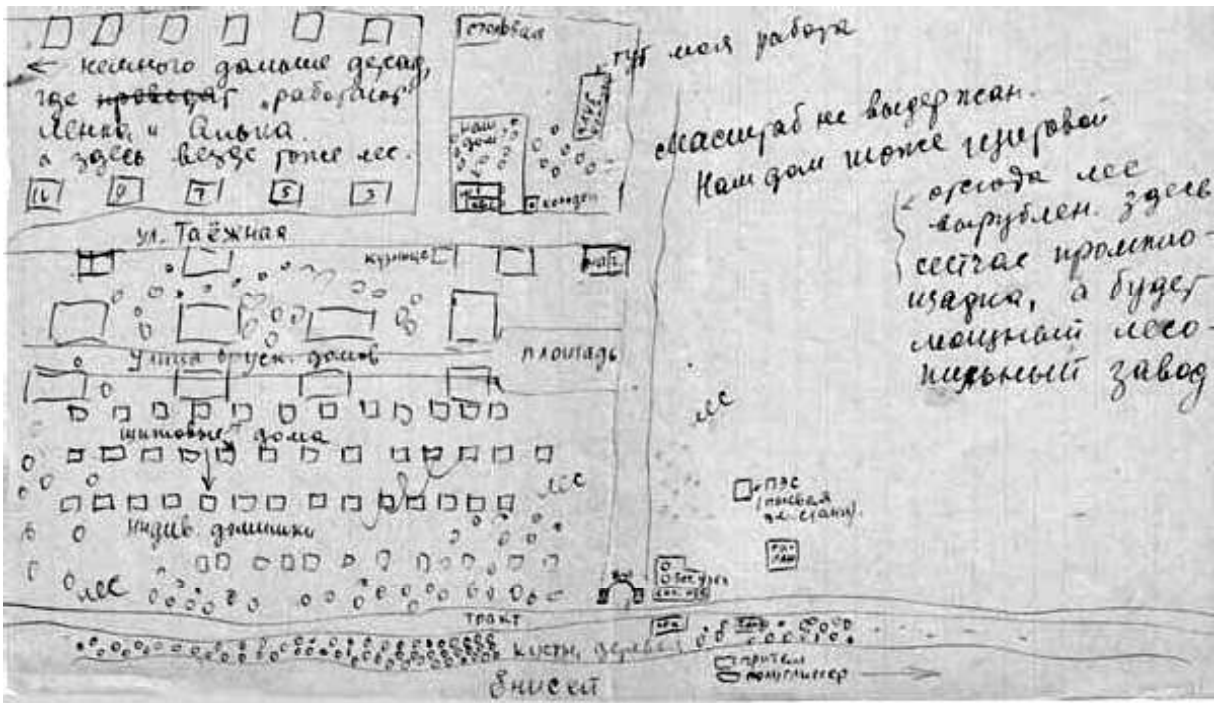
10. Фирер В.Н. Маклаковские этюды // Вовремя. — 2015. — №11. — С. 24.
11. Шалунов Г.А. Там, где стояла тайга вековая // Заря Енисея. — 1994. — №122. — С. 2.

References

1. Arhitektura stalinskoj jepohi: Opyt istoricheskogo osmyslenija. Sost. i отв. red. Ju.L. Kosenkova. — Moskow: KomKniga, 2010, 496 p. (in Russ.).
2. Bunin M.S. Mosty Leningrada. Ocherki istorii i arhitektury mostov Peterburga — Petrograda — Leningrada. Leningrad: Strojizdat. 1986, 280 p. (in Russ.).
3. Firer V. N. Maklakovskie jetjudy. *Vovremja*, 2015, No. 11, p. 24. (in Russ.).
4. Kostova E.V. Osnovnye tendencii razvitija arhitektury «stalinskogo ampira» v Zapadnoj Sibiri. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. 2019, Vol. 21, No. 1, pp. 9–17. (in Russ.).
5. Meerovich M.G. Sovetskie monogoroda: istorija vznikovenija i specifika. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, No. 1, pp. 53–65. (in Russ.).
6. Shalunov G. A. Tam, gde stojala tajga vekovaja. *Zarja Eniseja*, 1994, No. 122. (in Russ.).
7. Sovetskie tipovye proekty 1930–50-h gg. S gur'boj i gurtom.... URL: <https://sites.google.com/site/tipaussr/home> (access date: 26.03.2019). (in Russ.).
8. Sovetskie tipovye proekty 1930–50-h gg. Tipovoj proekt №1-241-117 // S gur'boj i gurtom.... URL: <https://sites.google.com/site/tipaussr/home/doma/1-241-117> (access date: 26.03.2019). (in Russ.).
9. Sovetskie tipovye proekty 1930–50-h gg. Tipovoj proekt №1-244-2 // S gur'boj i gurtom.... URL: <https://sites.google.com/site/tipaussr/home/doma/1-244-2> (access date: 26.03.2019). (in Russ.).
10. Sovetskie tipovye proekty 1930–50-h gg. Tipovoj proekt №2-06-04 // S gur'boj i gurtom.... URL: <https://sites.google.com/site/tipaussr/home/cult/2-06-04> (access date: 26.03.2019). (in Russ.).
11. Zhidchenko A.V. Sovetskaja arhitektura 1950-h gg. kak gorodskoj brend: k voprosu izuchenija istoriko-kul'turnogo landshafta gorodov Sibiri. In *Balandinskie chtenija: Sbornik statej X nauchnyh chtenij pamjati S.N. Balandina*. Novosibirsk: Novosibirskij gosudarstvennyj universitet arhitektury, dizajna i iskusstv, 2015, Vol. X, Pt. 2, pp. 275–281. (in Russ.).

Ил. 1. Схема квартальной застройки п. Новоенисейск (URL: https://yandex.ru/maps/20090/lesosibirsk/?l=sat%2Csk&ll=92.405537%2C58.299220&utm_source=geoblock_maps_krasnoyarsk&z=14)

Ил. 2. Фрагмент письма М. Савёловой (1955 г.)
(URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Work/Konkurs/Reprdeyat/Tkachenko/18.jpg>)

Ил. 3. Дом культуры Лесопильщиков (позже ЛДК Маклаковского)
(URL: <https://ok.ru/dorogieles/album/52669030858947/858032664259>)

Ил. 4. Деревянный мост в п. Маклаково
(URL: <https://ok.ru/dorogieles/album/52669030858947/805675310531>)

Ил. 5. Деревянная арка в п. Новомаклаково
(URL: https://vk.com/retrolesk?z=photo-95095359_409916260%2Falbum-95095359_00%2Frev)

М.А. Целищева

Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая» (Барнаул)
c.marina64@mail.ru

Памятник архитектуры «Дворец Пионеров» в городе Барнауле, выполненный в формах монументального советского классицизма: история и проблемы сохранения

Аннотация

В связи с выполнением проекта реставрации здания автором были проведены историко-библиографические изыскания на памятник архитектуры «Дворец Пионеров» (г. Барнаул). В ходе сбора информации было выявлено, что строительство здания осуществлялось за счет средств, оставшихся от денежно-вещевой лотереи, проведенной ЦК ВЛКСМ в связи с VI Всемирным фестивалем молодежи и студентов, по повторному проекту рязанского Дома пионеров (1957 г., арх. И.П. Антипов) с исключением архитектурных излишеств. Двухэтажное кирпичное с центральной трехэтажной частью здание было построено в 1963 г.

Ключевые слова: культурное наследие, памятник архитектуры, объекты культурного наследия, дворец пионеров

M.A. Tselishcheva

Altai Regional Local History Non-government Organization Altai Heritage (Barnaul)
c.marina64@mail.ru

Palace of Pioneers in the city of Barnaul as an architectural landmark of Soviet monumental classicism: history and problems of preservation of the building

Abstract

Due to the implementation of the restoration of the building, the author carried out historical and bibliographic researches about the architectural monument «the Palace of Pioneers». While collecting of information the author found out that construction of the building was carried out at the expense of the funds left from the monetary and clothing lottery conducted by the Komsomol Central Committee. The lottery was organized due to VI World Festival of Youth and Students and based on the multiple-unit housing project of the Ryazan House of Pioneers (1957, the architect I.P. Antipov) with an exception of an excessive decoration. The two-story brick building with a central three-story part was built in 1963.

Key words: cultural heritage, architectural landmark, cultural heritage objects, Palace of Pioneers

Дом пионеров, существовавший в г. Барнауле с 1936 г., не имел своего здания и размещался в арендованных помещениях. В 1950-х гг. в нем активно работали кружки технического творчества, усиливалась связь со школами города, сотрудники Дома пионеров помогали им интереснее и содержательнее строить пионерскую работу. Учитывая отсутствие необходимой материальной базы для организации пионерской работы в г. Барнауле, исполком краевого Совета депутатов трудящихся и бюро крайкома КПСС в марте 1958 г. приняли совместное постановление о строительстве в городе Дома пионеров за счет средств, оставшихся от денежно-вещевой лотереи, проведенной ЦК ВЛКСМ в связи с VI Всемирным фестивалем молодежи и студентов. Это была сумма, выделенная краю в размере 2,5 млн. рублей. Планировалось также доленое участие Совнархоза Алтайского экономического района. Строительство должно было осуществляться по повторному проекту рязанского Дома пионеров, описываемого как «богато украшенное здание, с колоннами и двусветными окнами, с декоративной башенкой» (1957 г., арх. И.П. Антипов), но

с исключением архитектурных излишеств. Было принято решение просить Совет Министров РСФСР направить на строительство выделенные краю по постановлению ЦК КПСС от 17.02.1957 (№59) средства и поручить Алтайскому проектному институту за счет лимитов крайисполкома в срок до 1 июня 1958 г. выполнить привязку и пересчет сметы, имея ввиду исключение архитектурных излишеств и спецподвала. Барнаульский горисполком должен был за счет городского бюджета принять на себя расходы по благоустройству территории, наружных сетей водопровода, канализации и электроосвещения. Подрядчиком строительства Дома пионеров должен был выступить трест «Стройгаз».

В 1958 г. необходимо было освоить средства по строительству Дома пионеров не менее чем на 1,5 млн. руб. и завершить строительство в 1959 г. Крайком и барнаульский горком ВЛКСМ должны были оказать помощь тресту «Стройгаз» трудовым участием молодежи города, объявив эту стройку молодежной. Горисполком обязали обеспечить получение рабочих чертежей повторного проекта Рязанского об-

лпроекта и выдать все исходные данные проектному институту до 1 апреля 1958 г. [ГААК. Ф. Р-834. Оп. 4. Д. 512. Л. 275–276]. Участок для строительства был отведен решением барнаульского Горисполкома от 17.03.1958 (№157) по ул. Семафорной (совр. ул. Пионеров, квартал 397а). Здание Дома пионеров должно было быть кирпичным двухэтажным с центральной трехэтажной частью, общим объемом 25282 куб. м. Общая строительная стоимость составила 5472,8 тыс. руб., в том числе 148 тыс. руб. выделялось на приобретение оборудования. Объект обеспечивался центральным отоплением и канализацией с присоединением к городским сетям [ГААК. Ф. Р-1466. Оп. 1. Д. 23. Л. 216].

3 сентября 1958 г. на заседании архитектурно-планировочной комиссии Управления главного архитектора г. Барнаула под руководством главного архитектора города Дидрихса выдали заключение (№102) по проектному заданию на строительство Дома пионеров в квартале №397а. В документе было отмечено, что городская Санэпидстанция предложила установить умывальники в мастерских-лабораториях, а также представить проект и расчет приточно-вытяжной вентиляции. Управление пожарной охраны УВД предложило устроить несгораемое покрытие над сценой, несгораемое перекрытие над сейфом, а щиты, закрывающие щель загрузки сейфа выполнить трудно-сгораемыми с пределом огнестойкости 0,75 часа. В лестничных клетках (в осях 3–4 и 11–12) необходимо было устроить люки и стремянки для выхода на чердак.

Комиссия указала на то, чтобы восточный проезд выполнять не нужно. Ширину внутривортовых проездов принять 3,5 метра. На плане вертикальной планировки указать уклон и расстояния по проездам. Организовать стоянку у главного фасада здания. Ограждение участка по всему периметру предусмотреть железобетонное. Необходимо было учесть, что в восточном углу участка размещается памятник Кире Баеву и ограждение в этом месте следует проектировать в соответствии с проектом памятника. Кроме того, поручалось предусмотреть канализацию от котельной и гаража, выполнить подробную съемку по трассе канализации с учетом действующей застройки, подготовить проект телефонизации и радиофикации.

Комиссия указала на необходимость переноса высоковольтной линии электропередачи, включив данные виды работ в смету. Опоры наружного освещения было предложено сместить с красной линии ул. Семафорной в зеленую зону в 5 м от красной линии, а также запроектировать поливочные краны для полива сельскохозяйственных и спортивных площадок.

По заданию Дома пионеров было предложено исключить площадку с балюстрадой на главном фасаде, убрать аттик над фронтоном главного фасада, сандрики над окнами выполнить прямыми, в торцах спортивного зала убрать окна согласно нормам действующих типовых проектов школьных спортивных залах. Необходимо было предусмотреть не менее 20 кв. м. под раздевалки в спортзале, кладовую для спортивного инвентаря. В дальнейшем проектное задание необходимо было согласовать с учетом выполненных замечаний, исправленные чертежи предоставить на дополнительное согласование. Инспекции

ГАСК предложено было выдать разрешение на производство работ нулевого цикла [ГААК. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 7. Л. 84–86]. 18 сентября 1958 г. отдел по делам строительства и архитектуры Алтайского крайисполкома под председательством начальника отдела В. Казаринова рассмотрел представленное отделом народного образования проектное задание и сводный сметно-финансовый расчет на строительство в г. Барнауле Дома пионеров [ГААК. Ф. Р-1466. Оп. 1. Д. 23. Л. 216].

Строительство шло медленно, в ходе его сменился подрядчик строительных работ. И лишь через пять лет, в 1963 г., здание сдали в эксплуатацию (ил. 1, 2). Так, решением исполнительного комитета барнаульского городского Совета депутатов трудящихся от 31.08.1963 (№458(б)) под председательством Налетова был утвержден акт государственной приемочной комиссии о приемке трехэтажного здания «Дом пионеров» без зрительного зала по ул. Семафорной, 2 (квартал 397а). Исполком горсовета разрешил отделу капитального строительства (ОКС) горисполкома вводить в эксплуатацию здания, а также обязал ОКС горисполкома и подрядчика БСУ-7 треста «Барнаулжилстрой», согласно выданному ими гарантийному письму, в срок до 1 ноября 1963 г. устранить все недоделки по принятому в эксплуатацию зданию: остеклить все оконные проемы зрительного зала и оббить двери в подвале железом по войлоку, пропитанному глиной [ГААК. Ф. Р-312. Оп. 7. Д. 23. Л. 176]. В газете «Алтайская правда» от 8 сентября 1963 г. (№212) была опубликована статья под заголовком «Чудесный дар детям», в которой вот как описывается здание: «Наконец-то сняты леса с этого здания, помывы окна. И вот он, огромный золотистый дворец с белоснежными колоннами. Широкое крыльцо, просторный вестибюль, при входе справа и слева гардеробные. Большие окна, высокие потолки, паркетные полы. Просторные комнаты, огромные залы. Особенно хорош зал для танцев и игр, выдержанный в нежных светло-зеленых тонах, с колоннами, лепным потолком и карнизами. Есть большой спортивный зал с душевыми, лекционный и балетная студия. Для занятий кружков выделяется больше двадцати комнат. Полезная площадь здания составляет 4300 кв. м, в нем 110 окон. Дом обошелся государству в 550 тыс. новых рублей. Кружки разделены на пять секций: науки и техники, художественного воспитания, пионерской и массовой работы, туристско-спортивный, натуралистов, всего 37 кружков. Предусмотрены помещения для библиотеки и читального зала, музея и театра кукол. Но пока не сданы театральные зал и сцена, подрядчик БСУ-7 «Барнаулжилстрой» обещает исправить недоделки к концу года. Много недоделок после себя оставили электрики тр. «Сибэлектромонтаж» [Паршукова, 1963, с. 4].

В сентябре 1963 г. городской Совет принял решение о переименовании барнаульского Дома пионеров в городской Дворец пионеров [ГААК. Ф. Р-312. Оп. 7. Д. 23. Л. 252]. В это время Дворец пионеров — активный организатор городских массовых мероприятий. Популярной формой работы становятся пионерские слёты, на которые собирается вся пионерия города, подводятся итоги работы, ставятся новые задачи. В 1964 г. Алтайский краевой театр юного зрителя (созданный в 1958 г. и работавший на сцене клуба Меланжевого комбината) был вынужден

уступить свою сцену коллективу театра музыкальной комедии и переехать в здание краевого Дворца пионеров. В этом помещении театр работал вплоть до 2011 г., занимая лишь часть здания, не приспособленного под театр.

В 1972 г. городской Дворец был переименован в Алтайский краевой дворец пионеров и школьников, взят курс на всестороннюю помощь открывающимся в районах края сельским домам пионеров, школам, пионерским лагерям. В марте 1973 г. исполком барнаульского городского Совета (постановление №158/13) разрешил Краевому дворцу пионеров и школьников строительство пристройки размером 50 x 18 м к существующему зданию (квартал 399 по пр. Калинина на ранее отведенном участке [ГААК. Ф. Р-312. Оп. 7. Д. 277. Л. 346–347]. В 1975 г. Дворцу было присвоено имя М.И. Калинина, политического деятеля Советского Союза. 17 ноября 1975 г. в здании состоялось открытие музея истории краевой пионерской организации. В 1978 г. в гостях во Дворце побывал земляк, Герой Советского Союза, лётчик-космонавт Герман Степанович Титов.

В 1983 г. была выполнена двухэтажная кирпичная пристройка. В 1980-х гг. во Дворце работало четыре отдела: методический, эстетический, оборонно-массовый, научно-технический, посещало кружки более 3,5 тыс. школьников.

В 1992 г. Дворец пионеров получает статус инновационного учреждения дополнительного образования детей 1 категории и название «Алтайский краевой детско-юношеский центр» (АКДЮЦ). В 1994 г. здание было поставлено на государственную охрану как памятник архитектуры регионального значения.

В 2009/2010 учебном году произошла реорганизация учреждения на основе слияния двух краевых учреждений: АКДЮЦ и Центра развития творчества детей и юношества. Дворец получил новое название — «Алтайский краевой дворец творчества детей и молодежи» (АКДТДиМ). Изменилась структура учреждения, был создан отдел информационных технологий и отдел поддержки молодежных инициатив.

В ноябре 2011 г. специалисты НПЦ «Наследие» обследовали здание и составили акт технического состояния. На момент осмотра здания техническое состояние конструкций было работоспособное. Состояние отделки неудовлетворительное. В итоге специалисты НПЦ «Наследие» рекомендовали выполнить проект комплексной реставрации с приспособлением к современному использованию, а также выполнить противоаварийные мероприятия: ремонт аварийного участка кирпичной кладки стены пристроя запасного выхода по западному фасаду; работы по консервации крылец по северному фасаду; выполнить ремонтно-реставрационные работы по фасадам; восстановить отмостки по северному и дворовым западному и восточному фасадам [Акт, 2011].

В декабре 2011 г. Алтайскому краевому дворцу творчества детей и молодежи была возвращена вторая половина здания (левое крыло), которую по договору безвозмездного пользования (на 49 лет) занимал с 1964 г. театр. После этого все здание закрепили за дворцом на праве оперативного управления. Вот как описывается переданный объект — здание имело сложную форму в плане и состояло из трех секций разной этажности с подвалом и чердаком, общие габариты здания составляли 80

x 74 м, высота в самой высокой точке — 19 м. По конструктивной схеме здание было стеновое с продольными и поперечными несущими стенами. Стены были выполнены из силикатного и керамического кирпича. Перекрытия — сборные из многопустотных железобетонных панелей. Чердачное пространство неотапливаемое и неэксплуатируемое. Перегородки кирпичные.

В большей части переданных помещений, в том числе в зрительном зале на 500 мест, проводить занятия и мероприятия было невозможно из-за их аварийного состояния. В 2012 г. приказом управления Алтайского края по культуре и архивному делу от 26.07.2012 №348 были утверждены предмет охраны, границы территории и правового режима земельного участка в границах территории объекта культурного наследия. В декабре 2012 г. специалисты НПЦ «Наследие» составили акт обследования о причинении вреда объекту культурного наследия. В результате визуального осмотра было установлено следующее: в объеме подвального помещения под сценической коробкой, расположенном в левом крыле здания, произошло разрушение пилона, на который опирается несущая балка портала сцены. Также были зафиксированы вертикальные трещины кирпичной кладки южной и западной стен сценической коробки и прилегающего к ней зрительного зала.

В этом же году пользователь здания заказал проект противоаварийных мероприятий организации, не имеющей лицензию Министерства культуры РФ. Проектная документация разрабатывалась без реставрационного задания и по техническим условиям, не согласованным с управлением Алтайского края по культуре и архивному делу. В последствии разработка проекта была передана ООО «Строительное дело-СГ», имеющему право работы на объектах культурного наследия. При выполнении работ специалистами данной организации в период с 29.11.2012 г. по 12.12.2012 г. были зафиксированы подвижки кирпичной кладки пилона и резкое ухудшение его технического состояния. В результате чего, по их мнению, на данном участке создалась аварийная ситуация с риском внезапного обрушения конструкции, о чем подрядчик уведомил заказчика письмом от 13.12.2012 (№203).

В 2012 г. ООО «Строительное дело-СГ» разработало проект организации демонтажа аварийного фрагмента здания по ул. Пионеров, 2 в г. Барнауле с выносом инженерных сетей. На момент осмотра доступ в аварийные помещения был ограничен. Одним из предлагаемых решений Подрядчиком предусматривалась необходимость выполнения контролируемого обрушения аварийных конструкций и демонтаж не обрушившихся конструкций, куда входили стены сценической коробки и часть западного фасада зрительного зала. В зону предполагаемого демонтажа попадали первоначальные интерьеры здания, составляющие предмет охраны данного объекта. Обмерных чертежей абрисов лепнины, планов потолков, отделки портала не имелось. Специалисты НПЦ «Наследие» рекомендовали: для сохранения объекта культурного наследия необходимо выполнить научно-проектную документацию по воссозданию первоначального вида здания.

В марте 2013 г. между ООО «Строительное дело-СГ» и Алтайский краевой дворец творчества детей

и молодежи был заключен договор на проведение авторского надзора за демонтажем аварийного фрагмента здания по ул. Пионеров, 2 с выносом инженерных сетей. Демонтаж произвести методом обрушения конструкций с помощью экскаватора.

Демонтаж части здания был выполнен ООО «СибСтройКомпания», на всю его высоту — конструкции покрытия (стальные фермы, деревянные прогоны, кровля, деревянные стропильные элементы), стены, перекрытия, инженерные сети. В 2016 г. госорган охраны памятников Алтайского края выдал КГБУ ДО «Алтайский краевой дворец творчества детей и молодежи» предписание от 01.06.2016 (№02-22/08) провести мероприятия по устранению замечаний, выявленных в ходе плановой выездной проверки, где были обследованы помещения двухэтажного кирпичного оштукатуренного здания с цокольным этажом. На момент осмотра внешние архитектурно-конструктивные и декоративные элементы находились в неудовлетворительном состоянии. В итоге специалисты зафиксировали, что техническое состояние здания ухудшилось.

В 2018 г. было составлено задание на проектирование «Реставрация и приспособление для современного использования здания КГБУ ДО «Алтайский краевой дворец творчества детей и молодежи» (ил. 3, 4). Государственным заказчиком выступило ГККУ «Единый стройзаказчик», источник финансирования — краевой бюджет. Предусматривается проведение работ в два этапа: 1-й этап — воссоздание несенной части здания, его фасадов и интерьеров; 2-й этап — реставрация и приспособление для современного использования центральной части и правого крыла здания. Необходимо было предусмотреть комплексную реставрацию фасадов здания. Общая площадь здания составляет 5507,1 кв. м. Автор принимал участие в работе коллектива по выполнению проекта реставрации здания, в части сбора архивно-библиографического материала и написания исторической записки.

Итак, исследуемое здание расположено на пересечении улицы Пионеров и проспекта Калинина. Главным южным фасадом ориентировано на улицу Пионеров. Объемно-планировочное решение и габариты здания на период 1963 г. были такие: двухэтажное здание с цокольным этажом, кирпичное, оштукатуренное, в плане близкое к П-образному, имеет симметричное объемно-планировочное решение. Стены — кирпичные, оштукатуренные, кровля из листового металла. Стены завершает профилированный карниз и фриз. Карниз южного фасада декорирован мелкими сухариками. Композиция главного фасада симметрична. Средняя его часть в три оси проемов значительно выше основного объема здания и акцентирована шестиколонным портиком, крайние колонны размещены парой.

Портик установлен на высоком крыльце и увенчан треугольным фронтоном. Колонны портика круглого сечения с капителями коринфского ордера. Карнизы фронтона по периметру декорированы мелкими сухариками и модульонами.

По центральной оси расположен парадный вход в здание, обрамленный наличником и дополненный прямым сандриком. Крылья главного фасада разделены с равным шагом широкими прямоугольными оконными проемами, расстекловаными в шесть ква-

дратов (трехстворчатое остекление с фрамугой). Проемы второго этажа, через один, дополнены прямыми сандриками на кронштейнах. В уровне второго этажа, в средней части фасада, располагаются три крупных арочных окна, с расстекловкой в шестнадцать квадратов каждое и фрамугой поделенной радиально на четыре сегмента.

Фланги главного фасада решены в виде ризалитов, увенчанных треугольными фронтонами. Ризалиты декорированы прямоугольными нишами, фланкированными колоннами круглого сечения с ионическими капителями. В нише в уровне первого этажа устроены оконные проемы, дополненные сверху прямыми сандриками на лепных кронштейнах. Подоконные полочки также опираются на кронштейны. В уровне второго этажа помещаются полочки, на которые опираются архивольты.

По центру дворового северного фасада выступает повышенный ризалит, завершенный треугольным фронтоном с разорванным карнизом. Под разрывом, в средней части ризалита, расположен крупный арочный проем лестничной клетки с витражным остеклением, углы и простенки ризалита оформлены пилястрами с каннелюрами и иониками в капителях. По центру ризалита размещен дверной проем. Крылья северного (дворового) фасада, западный и восточный фасады декоративного оформления не имеют. Торцы левого крыла северного фасада оформлены в виде четырехколонного портика с треугольным фронтоном. Мелкая пластика в декоре отсутствует. К правому крылу пристроен двухэтажный объем из силикатного кирпича, оштукатурен. Цветовое решение фасадов выполнено с применением двух колеров с выделением декоративных элементов белым цветом.

В здании имеются интерьеры, выполненные с применением классических форм и пионерской символики. По центральной оси здания расположен вестибюль, в нем использована система опор в виде колонн квадратного сечения с лепными капителями декорированными листом аканта и советской символикой, включающей пионерскую звезду. Аналогичная символика применена в оформлении вентиляционных металлических решеток. По периметру потолка и балок перекрытия устроены штукатурные и лепные карнизы с ионическими киматиями. Потолок декорирован лепными розетками у осветительных приборов.

Просторная трехмаршевая лестница с балюстрадным ограждением по кирпичным столбикам с филенками устроена также по центральной планировочной оси. Большого размера арочный оконный проем в лестничной клетке обращен в сторону дворового фасада, имеет остекление цветным витражом. Слева от вестибюля на первом этаже располагается фойе концертного зала. Декоративное оформление здесь представлено штукатурными и лепными карнизами, проходящими по периметру потолков и выступающих балок. В плафонах ограниченных балками и стенами имеются потолочные лепные розетки с листьями аканта, в них размещены трехрожковые люстры. Система опор представлена колоннами восьмигранного сечения с капителями, декорированными листьями аканта. Лепные вентиляционные решетки имеют оформление с использованием советской символики.

Большой концертный зал располагается в левом

крыле, его стены завершены плоским фризом и карнизом тянутой формы с модульонами, мелкими сухариками, ионическим киматием. По периметру стен — сдвоенные пилястры на пьедесталах, которые декорированы капителями коринфского ордера. В интерколумниях устроены арочные ниши, оформленные архивольтами. Декоративное оформление потолка представлено потолочными тягами и лепными поясками ионик, расположенной по центру розеткой усложненной пояском из гирлянд и четырьмя простыми розетками меньшего диаметра. В центре потолка — пятирожковая люстра.

В репетиционном зале на втором этаже в центральном ризалите стены завершены выносным карнизом тянутой формы, опирающимся на колонны и пилястры, украшенным лепными модульонами, мелкими сухариками. Колонны круглого сечения и квадратного сечения, а также пилястры имеют капители коринфского ордера. Фриз украшен лепным растительным орнаментом с включением арф. В интерколумниях устроены арочные ниши, оформленные архивольтами. Ниша на торцевой стене декорирована панно, по обе стороны от нее в интерколумниях располагаются круглые лепные розетки с растительным орнаментом. Плафон зала в местах осветительных приборов декорирован лепными розетками, которые имеют орнамент аналогичный орнаменту фриза, по периметру обрамлен потолочными тягами. В центре потолка массивная 11-ти рожковая люстра из желтого металла.

Малый репетиционный зал расположен на втором этаже слева от центрального ризалита и ориентирован окнами в три оси проемов на ул. Пионеров. Его декоративное оформление представлено штукатурным карнизом и потолочными тягами простой формы, проходящим по периметру потолка и выступающим из плоскости потолка балкам. На потолке имеются лепные розетки с листом аканта. Колонны квадратного сечения и пилястры, располагающиеся вдоль стен, декорированы лепными капителями композитного ордера. Две пилястры украшают простенки между окнами. На одной из поперечных стен устроена ниша с полуциркульным завершением. На противоположной стене находится арочный дверной

проем. Двери деревянные двупольные с витражным остеклением. Цветовое решение фасадов выполнено с помощью двух колеров с выделением декоративных элементов белым цветом. Благоустройство: открытые главный и боковой (восточный) фасады (без высоких сооружений и растительности) [Архив НПЦ].

Здание, расположенное по адресу: Алтайский край, г. Барнаул, ул. Пионеров, 2, является объектом культурного наследия регионального значения «Дворец Пионеров», 1963 г., согласно постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28.12.1994 г. №169, является примером крупного общественного здания, выполненного в формах монументального советского классицизма. Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 16.11.2012 №1398 Объект включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему регистрационного номера 221210002990005.

Список литературы

Паршукова Л. Чудесный дар детям // Алтайская правда. — №212. — 08.09.1963.

References

Parshukova L. Chudesnyi dar detyam. *Altaiskaya Pravda*, No. 212, 08.09.1963. (In Russ)

Список источников

1. Архив НПЦ «Наследие».
2. ГААК. Ф. Р-312. Оп. 7. Д. 23. Л. 176.
3. ГААК. Ф. Р-312. Оп.7. Д. 277. Л. 346–347.
4. ГААК. Ф. Р-490. Оп. 1. Д. 7. Л. 84–86.
5. ГААК. Ф. Р-834. Оп. 4. Д. 512. Л. 275–276.
6. ГААК. Ф. Р-1466. Оп. 1. Д. 23. Л. 216.

Список сокращений

ГААК — Государственный архив Алтайского края

Ил. 1. Завершение строительства Дома пионеров в г. Барнауле, 1963 г. (из архива НПЦ «Наследие»)

Ил. 2. Фрагмент главного фасада. 1963 г. (из архива НПЦ «Наследие»)

Ил. 3. Главный южный фасад. 2018 г., снимок автора.

Ил. 4. Дворовый фасад. 2018 г., снимок автора.

Мнение

Position

Переосмысление исторической, культурной ценности объекта культурного наследия «Монумент Славы» в Новосибирске

Процесс переоценки ценности объектов культурного наследия происходит постоянно, он происходит на наших глазах. Любовь к своей многовековой культуре объединяет народ в единое целое. А насаждение «массовой культуры» стало одним из популярных способов искажения и переосмысления исторического, культурного и других видов исторического наследия в постоянно меняющемся современном обществе. Поэтому сейчас особенно важно сохранить и донести до потомков историческую правду о культурном наследии наших предков в его первоизданном виде.

Открытие мемориального комплекса «Подвигу сибиряков в Великую Отечественную войну 1941—1945 гг.» («Монумента Славы») планировали приурочить к 50-летию Октябрьской революции, однако строительство начиналось и продолжалось с большими трудностями. Тогда считалось, что в таких городах, как Новосибирск, не надо строить подобных монументов, так как город был в годы Великой Отечественной войны далеко от тыла. Новосибирский горисполком объявил конкурс, но это было сделано «для галочки», власти не хотели брать на себя ответственность. Не дожидаясь итогов конкурса, руководство Кировского райисполкома приступило к реализации своего проекта, и только благодаря этим людям и первому секретарю райкома партии Кировского района Владимиру Федоровичу Волкову Монумент Славы в итоге был построен. Прототипом монументального сооружения было панно из музея Дома офицеров Сибирского военного округа. В результате изменения концепции панно превратилось в монументальный комплекс, стоимость которого составила 360 тыс. руб. Авторский коллектив Монумента был составлен из известных архитекторов и скульпторов Новосибирска — в него вошли художник-монументалист А.С. Чернобровцев, скульптор Б.Л. Ермишин, архитекторы М.М. Пирогов и Б.А. Захаров (ил. 1).

Стройка стала поистине всенародной, мемориал был возведен в очень сжатые сроки (всего за год и восемь месяцев) силами предприятий левобережной части города (ныне Кировского и Ленинского районов). В его создании принимали участие 27 предприятий и учреждений; от 2 до 20 тысяч рублей на открытый расчетный счет были перечислены от администраций заводов «Сибсельмаш», «Тяжстанкогидропресс» имени А.И. Ефремова, «Сибтекстильмаш», «Электротяжмаш», завода низковольтной аппаратуры, Оловозавода, металлургического завода им. Кузьмина; от трестов №43, «Строймеханизация», «Сибтеплоизоляция», «Новосибирскжилстрой», мостопоезда №429, ТЭЦ-2, а также различных комбинатов, управлений, мастерских. Строили монумент тысячи рабочих, студентов, жители района помогали вечерами и в выходные дни. Старались выполнить

работы как можно быстрее, так как знали, что процесс могут остановить.

В решении Новосибирского горисполкома от 16.08.1967 г. №758 «О прекращении работ по монументально-декоративному оформлению сквера кинотеатра «Металлист»» значится: «в связи с тем, что разрешения вышестоящих органов на [сооружение монумента, увековечивающего память новосибирцев, погибших в годы Великой Отечественной войны] не получено..., все работы по монументально-декоративному оформлению сквера кинотеатра «Металлист», за исключением благоустроительных работ по скверу, прекратить, ... произвести консервацию объекта, выполнив для этого все необходимые работы». Тем не менее, в акте комиссии о приеме объектов в эксплуатацию от ноября 1967 г. значится «предъявленный к приемке «монумент Славы» и оформление сквера «Металлист» (общей сметной стоимостью объекта 360 тыс. руб.) для передачи его во временную эксплуатацию принять».

Открытие Монумента Славы состоялось 6 ноября 1967 г. и было отмечено общегородским митингом. В постановлении Министерства культуры СССР от 26 января 1968 г. за подписью министра Е. Фурсовой было отмечено «имеются случаи создания памятников в городах и, особенно в колхозах, без разрешения правительства, а проект Монумента Славы в Новосибирске имеет низкий уровень художественного замысла». Тем не менее, уже в 1974 г. Монумент Славы был признан памятником республиканского значения (Постановлением СМ РСФСР от 04.12.1974 г. №624; в конце 1990-х гг. переведен в статус регионального памятника истории, Указ президента РФ от 05.05.1997 г. №452).

Но на этом строительство в сквере Монумента Славы не завершилось, оно продолжается практически и по сей день. В 1985 г., в канун 40-летия Победы, в 400 м от основной композиции Монумента была сооружена Аллея оружия, на которой представлены образцы военной техники времен Великой Отечественной войны. В 1987 г. появился «вечный огонь» над Могилей неизвестного солдата-сибиряка. На чугунной могильной плите были сооружены каска и надпись «Сибири сын. Родины неизвестный солдат» (ил. 2).

9 Мая 2000 г., так же по проекту А.С. Чернобровцева, на мемориале был открыт Памятник единству фронта и тыла — 18-метровый меч-obelisk, композиция которого украшена венком славы и орденами военных лет. По обеим сторонам обелиска расположены две стелы. На одной из них — перечень 55-ти дивизий, сформированных на территории Сибирского военного округа. На второй стеле — список новосибирских заводов, изготавливающих продукцию для фронта. Там же приводятся цифры, характеризующие объем выпуска основных изделий.

К 2002 г. завершилось сооружение часовни Георгия Победоносца — памятника воинам-сибирякам, погибшим за Отечество в войнах XX в. Часовня была построена на средства участников локальных конфликтов в память о погибших сибиряках.

24 октября 2003 г. по инициативе общественной организации «ЭХО», объединяющей тех, кто в годы войны потерял родителей, был открыт мемориал «Плакучая Ивушка» (автор — А.С. Чернобровцев). Плакучую иву окружает кольцо скамеек и лента с надписью «Отцов и дедов славные имена. Война была судьбою поколения. Их подвиг есть история сама. Он избежит и тлена, и забвенья».

3 мая 2005 г. на центральной аллее мемориала был открыт памятник героям и полным кавалерам ордена Славы. Композицию памятника составили бетонные стелы, облицованные гранитными плитами темно-бордового и серого цвета, которые были возведены по обеим сторонам аллеи. На стелах нанесены имена и фамилии 270-ти новосибирцев — героев и полных кавалеров ордена.

В 2014 г. на Площади скорби и печали были установлены пилоны с перечислением имен погибших в локальных войнах в таких государствах, как Афганистан, Ливан, Мозамбик, Йемен, Сирия, Камбоджа, Ангола, Лаос, Вьетнам, Эфиопия, Египет, Алжир, Бангладеш, и военных конфликтах в Карабахе, Осетии, Чечне, Абхазии, Таджикистане.

31 мая 2017 г. на монументе была открыта арка памяти, посвященная детям — узникам фашистских концлагерей 1941–1945 гг. Автор памятника — знаменитый новосибирский скульптор Александр Иванович Бортник.

В настоящее время ведутся работы по реставрации исторической части Монумента. Методом фотограмметрии делается объемная модель пилонов, чтобы в любой момент было возможно выполнить их реставрацию пилонов. На пилонах, с виду простых, прямоугольных, оказался нанесен тонкий и сложный рельеф, который нужно сохранить. Модели для пилонов скульптор А.С. Чернобровцев лепил из гипса вручную, размером метр на метр, потом их собирали в большие формы для отливки декоративных плит, и поэтому рельефы хранят живую неповторимую текстуру, вышедшую из-под рук художника (ил. 4).

Проектом приспособления объекта культурного наследия предусмотрено художественное освещение Монумента Славы, установка комплексной охранной системы и видеонаблюдения, музыкальное обеспечение. После выполнения работ появится возможность разрабатывать музыкальные программы военно-патриотического направления, показывать военные фильмы на военно-патриотическую тематику. Памятник должен работать каждый день и каждый час. Необходимо разработать туристическую программу для школьников, для иностранных туристов, организовывать встречи подрастающего поколения с ветеранами локальных конфликтов.

Сохранить наши памятники будет невозможно, если память народа к своей исторической культуре исчезнет. Наша главная задача, задача школ и высших учебных заведений, донести ценность исторической культуры нашей Родины до широких народных масс, до сердца каждого гражданина нашей страны, чтобы защита исторических достопримечательностей стала общенародным делом.

Ил. 1. Авторы Монумента Славы. Снимок представлен Благотворительным фондом имени А.С. Чернобровцева

Ил. 2. Могила неизвестного солдата. Снимок представлен Музеем города Новосибирска

Ил. 3. Пилон Монумента Славы. Снимок автора, 2018 г.

Создавая будущее:
теория и практика развития проектного мышления

Creating a Future:
Theory And Practice of the Project Thinking Development

УДК: 372.8

Н.А. Ануфриева
Детская художественная школа р. п. Краснообск (Новосибирская область)
na.88888@yandex.ru

Архитектурно-художественное проектирование: апробация предмета в детской художественной школе

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием архитектурно-художественного творчества в детской художественной школе, специфика преподавания программы «Архитектура» по федеральным государственным требованиям (ФГТ), особенности предметного цикла программы, условия апробации предмета «Архитектурно-художественное проектирование», структура заданий и их реализация.

Ключевые слова: архитектурно-художественное проектирование, дополнительная предпрофессиональная программа, апробация

N.A. Anufrieva
Children's Art School of the Worker's Settlement of Krasnoobsk (Novosibirsk Region)
na.88888@yandex.ru

Architectural and Artistic Design: Teaching the Subject in a Children's Art School

Abstract

The paper discusses issues related to the development of architectural and artistic creativity in a children's art school, the specifics of teaching the Architecture program according to federal state requirements (FSR). Features of the subject cycle of the program. Testing conditions for the subject "Architectural and Artistic Design", structure of tasks and their implementation.

Key words: architectural and artistic design, additional pre-professional program, testing

В настоящее время дополнительному предпрофессиональному образованию в России уделяется много внимания, что связано с подготовкой абитуриента к поступлению в вузы на специальности в области искусств [Федеральный закон, 2012]. Система дополнительного предпрофессионального образования включает организации, реализующие программы в области архитектурно-художественного творчества, к таким организациям относятся детские художественные школы (ДХШ), студии и подразделения при вузах (курсы). На сегодняшний день на базе ДХШ р. п. Краснообск происходит реализация дополнительной предпрофессиональной общеобразовательной программы «Архитектура» в области архитектурного искусства. Программа введена в действие согласно приказу Минкультуры России от 14.08.2013 № 1144 [Приказ Минкультуры, 2013].

Предметы дополнительной предпрофессиональной общеобразовательной программы в области архитектурного искусства «Архитектура»: «Архитектурно-художественное проектирование», «Изобразительная грамотность», «Художественные материалы и технологии», «Живопись», «Рисунок», «Объемно-пространственная композиция», «Компьютерное моделирование», «Черчение» и т. д.

Сроки освоения программы — 5 лет. Требования к минимуму содержания программы «Архитектура» закладываются в основном положении программы.

Требуемые результаты освоения предмета «Ар-

хитектурно-художественное проектирование» по ФГТ:

– знание основных элементов композиции, закономерностей построения объемно-пространственной формы;

– знание принципов сбора и систематизации подготовительного материала и способов его применения для воплощения творческого замысла;

– умение применять полученные знания о выразительных средствах композиции (ритм, линия, силуэт, тональность и тональная пластика, цвет, контраст) в композиционных работах;

– умение находить художественные средства, соответствующие композиционному замыслу;

– умение находить объемно-пластические решения для каждой творческой задачи;

– навыки по созданию композиционно-пространственной работы [Приказ Минкультуры, 2013].

Курс программы предмета был разработан с учетом всех требований ФГТ, а также дополнен навыками по ведению проекта, его структуре и методологии.

Основные разделы проектов, выполняемых по предмету «Архитектурно-художественное проектирование»:

– геометрические фигуры, шрифт (формообразование, композиция и графика) (1-й класс);

– проектирование простых пространств (методология, формообразование, композиция и графика)

(2–3-й классы);

– проектирование сложных пространств (методология, формообразование (более сложный уровень), композиция и графика) (3–4-й классы);

– концептуальное проектирование (методология, формообразование, композиция и графическая подача проекта с элементами компьютерной графики (3D-моделирование) (5-й класс).

Далее представлены результаты освоения программы «Архитектура» по ФГТ. Работы обучающихся выполнены с учетом ФГТ, композиционное решение достаточно сложное, уровень графики высокий.

Таким образом, реализация программы «Архитектура» в ДХШ требует особого внимания, так как является достаточно сложным процессом.

Список литературы

1. Литвинова Э.С. Специфика обучения по дополнительным предпрофессиональным общеобразовательным программам в детских художественных школах // Мир науки. — 2016. — Т. 4. — № 2 (март-апр.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/35PDMN216.pdf>.

2. Приказ Минкультуры России от 14.08.2013 № 1144 «Об утверждении федеральных государствен-

ных требований к минимуму содержания, структуре и условиям реализации дополнительной предпрофессиональной общеобразовательной программы в области архитектурного искусства «Архитектура» и сроку обучения по этой программе».

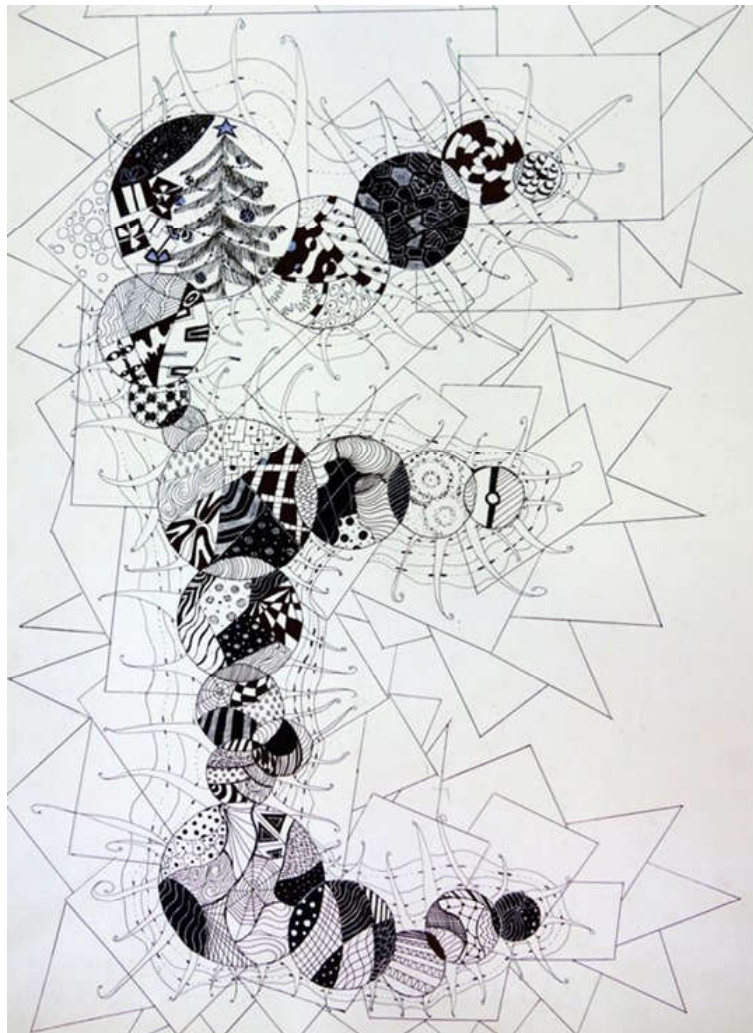
3. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

References

1. Federal Law «On Education in the Russian Federation» dated 29/12/2012 No. 273-FZ. (in Russ.).

2. Litvinova E.S. Specifics of Training under Additional Pre-Vocational General Education Programs in Children's Art Schools. World of Science Online Magazine, 2016, Volume 4, Issue 2 (March–April). — Access mode: <https://mir-nauki.com/PDF/35PDMN216.pdf> (in Russ.).

3. Order of the Ministry of Culture of Russia dated 14/08/2013 No. 1144 «On approval of federal state requirements for the minimum content, structure and conditions for the implementation of the additional pre-vocational general education program in the field of architectural art «Architecture» and the duration of training under this program» (in Russ.).

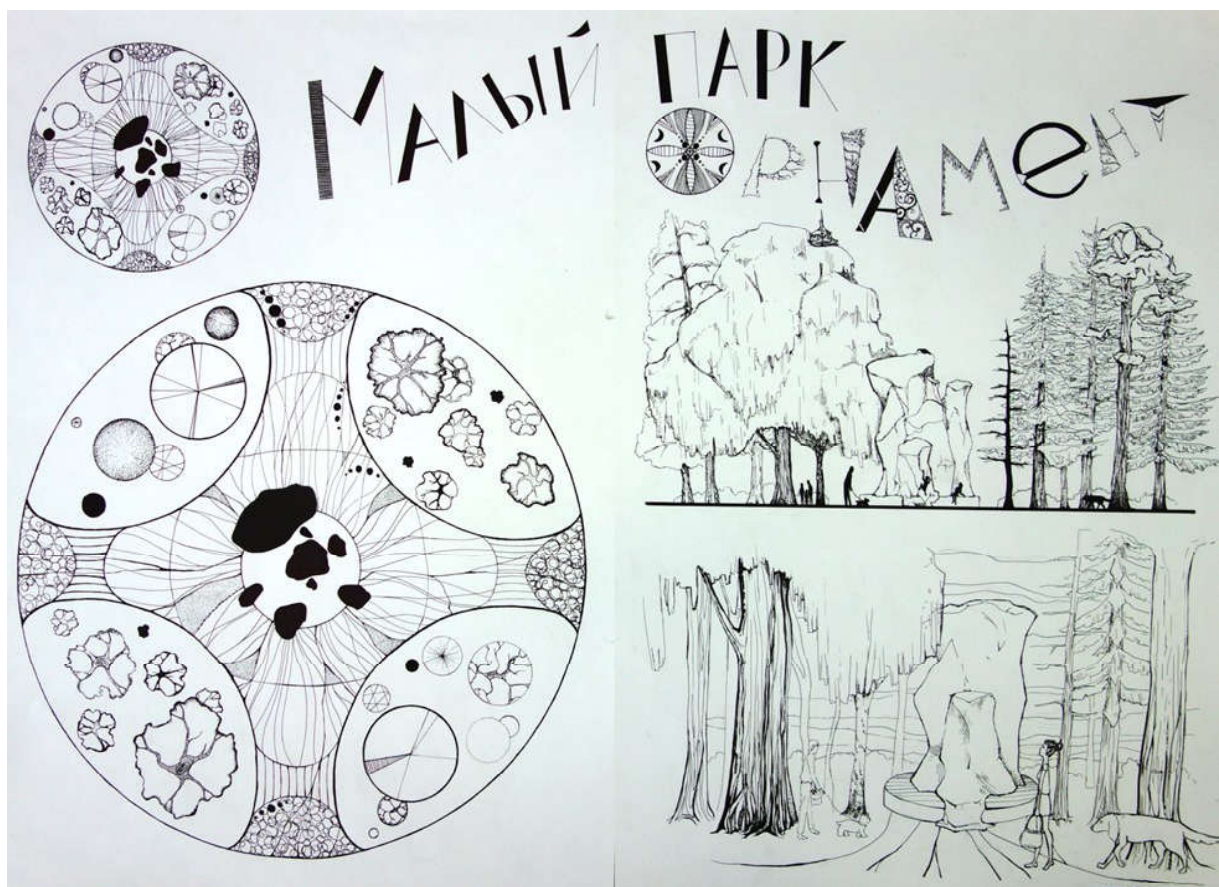
Ил. 1. Архитектурно-художественное проектирование: Композиция на основе геометрических фигур (формат А2). Юхименко Альбина, 1-й класс, 12 лет. ДХШ р. п. Краснообск

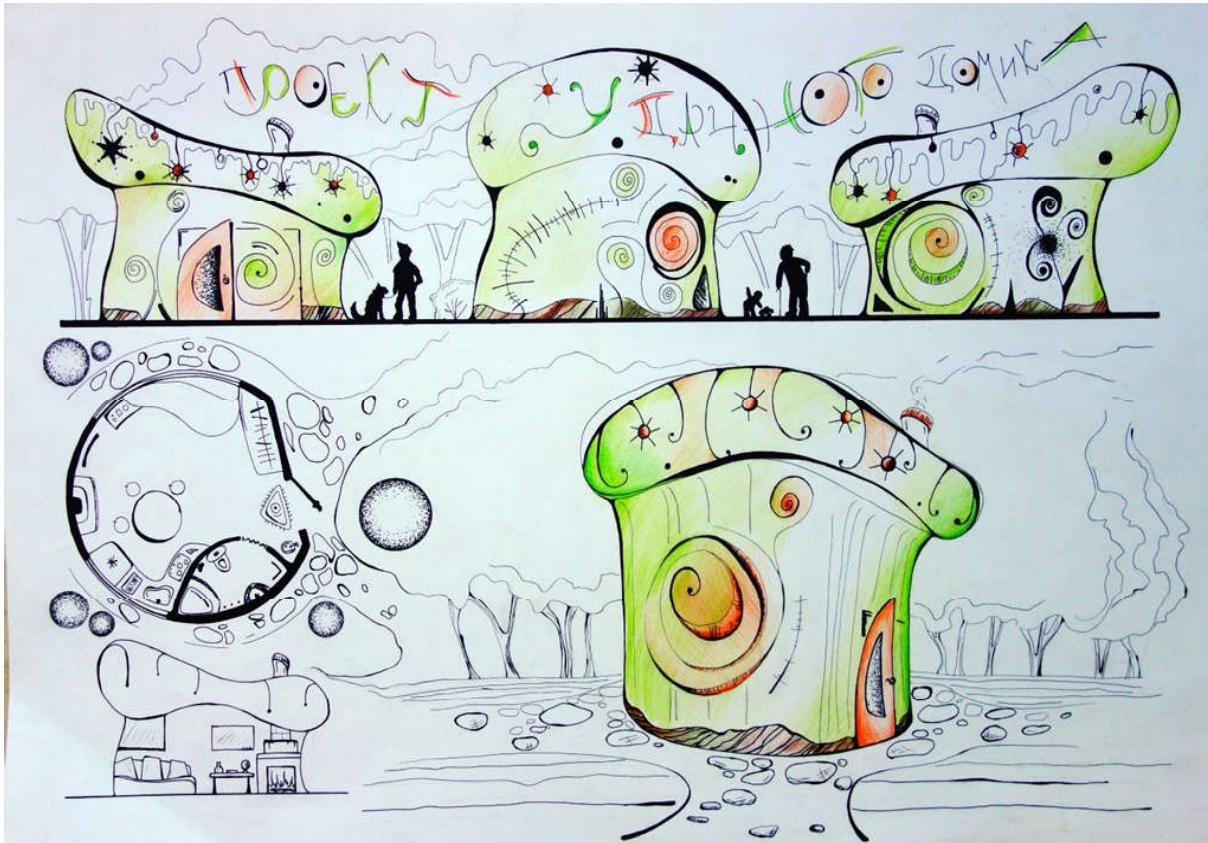
Ил. 2. Архитектурно-художественное проектирование: Дом на дереве (формат А2).
Екатерина Ануфриева, 1-й класс, 12 лет. ДХШ р. п. Краснообск

Ил. 3. Архитектурно-художественное проектирование: Детская площадка.
Арина Жукова, 2-й класс, 12 лет. ДХШ р. п. Краснообск

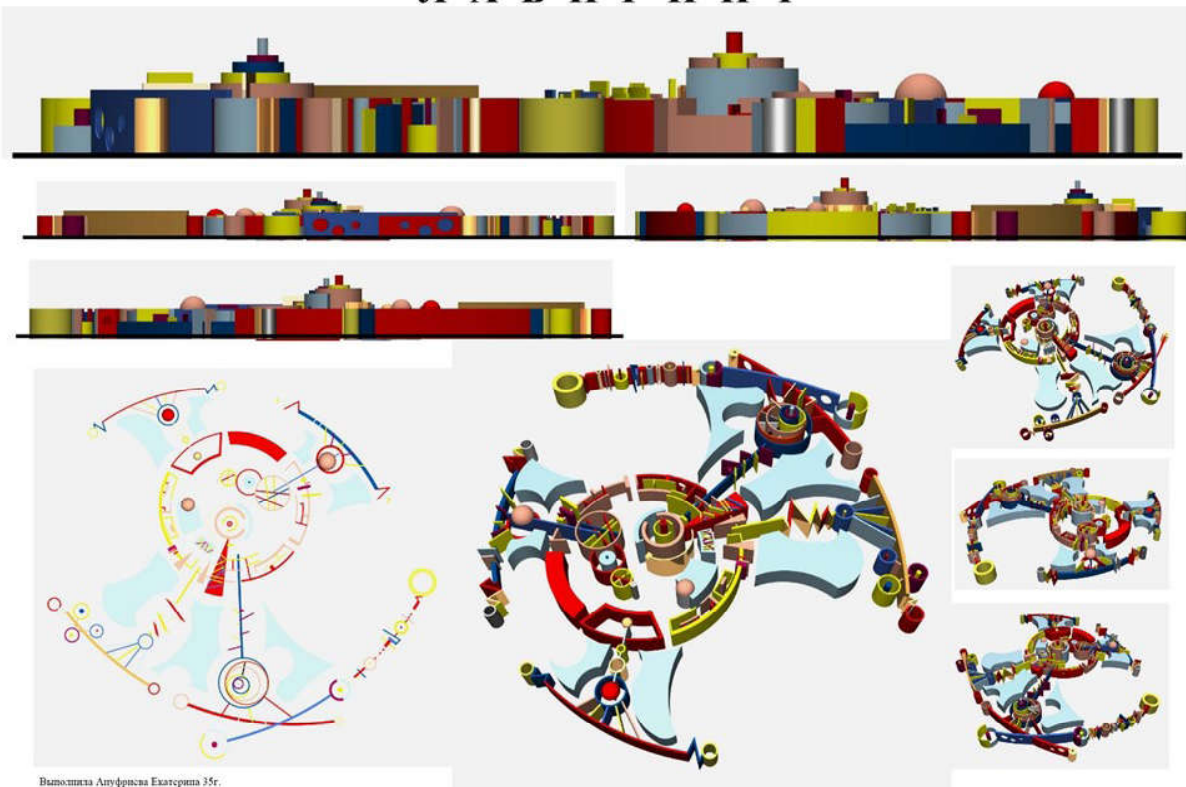

Ил. 4. Архитектурно-художественное проектирование: проект «Малый парк».
Лиза Кузнецова, 2-й класс, 13 лет. ДХШ р. п. Краснообск

Ил. 5. Архитектурно-художественное проектирование: проект «Дачный домик». Дима Виноградов, 2-й класс, 13 лет. ДХШ р. п. Краснообск

ЛАБИРИНТ

Выполнила Ануфриева Екатерина 13лет.

Ил. 6. Архитектурно-художественное проектирование: проект «Лабиринт». Екатерина Ануфриева, 2-й класс, 13 лет. ДХШ р. п. Краснообск

УДК 377.131.14

В.А. Ворожейкина
 Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
 saalha@mail.ru
 А.В. Алтухов
 Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)
 alexei.altoukhov@gmail.com

Со-созидание (co-creation) — решающий фактор развития творческого мышления

Аннотация

Работа основана на отечественном и зарубежном опыте исследования принципов проектного мышления. Цель исследования заключается в повышении уровня подготовки слушателей научно-образовательного центра Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств, а также студентов обучающихся проектным дисциплинам. Представленная методика поможет улучшить процесс усвоения информации слушателями, развить творческое мышление, а также наладить социальные связи внутри группы.

Ключевые слова: со-созидание, коммуникация, проектные дисциплины, городская навигация, творческое мышление

V.A. Vorozheikina
 Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
 saalha@mail.ru
 A.V. Altukhov
 M.V. Lomonosov's Moscow State University (Moscow)
 alexei.altoukhov@gmail.com

Co-creation as a key determinant of the development of creative thinking

Abstract

The work is based on domestic and foreign experience in the study of the principles of project thinking. The purpose of the study is to increase the level of training of participants in the courses of the Research and Educational Centre of the Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts, as well as of students studying design disciplines. The presented methodology will help in improving the process of assimilation of information by participants, developing creative thinking, and also building on social ties within the group.

Keywords: co-creation, communication, design disciplines, urban navigation, creative thinking

Актуальность выстраивания социальных связей внутри группы обучающихся проектному мастерству подтверждается спросом на рынке труда профессиональных проектировщиков. Согласно профессору Д. Гоулману, решающим преимуществом в XXI в. является развитый эмоциональный интеллект (EQ), позволяющий создавать межпроектные и междисциплинарные связи для реализации «проектов века» [Гоулман, 2013]. Нобелевский лауреат Д. Канеман считает, что успех ждет специалистов и компании с развитыми коммуникативными навыками [Канеман и др., 2005], поэтому необходимо обучать им детей старшего школьного возраста (15–18 лет). Взгляд на проблему проектирования объекта дизайна через призму со-созидания позволит значительно улучшить итоговый продукт, поскольку каждый раз решаемая задача будет рассматриваться с точки зрения потребителя, отвечая его запросам. Принцип со-созидания применим к любой проектной дисциплине, например для графического дизайн-объекта, промышленного или средового дизайн-объекта и

даже для моделирования костюма.

На основе сравнения мирового опыта выстраивания методики со-созидания были определены основные принципы, совершенствующие проектные дисциплины. Принципы бережливого производства (lean production) по Э. Рису позволяют разработчикам решать основные проблемы, возникающие в процессе проектирования объекта. Недостатки прототипа прорабатываются на уровне черного макета [Ries, 2011]. Итерационная модель С. Бланка также основана на принципе прототипирования только значимых характеристик объекта (MVP, Minimum Value Prototype) [Бланк, Дорф, 2013]. Методы тестирования удобства пользования интерфейсом (usability), предложенные Я. Нильсеном, базируются на обратной связи с клиентом [Нильсен, Будиу, 2013]. Таким образом, для достижения более высокой функциональности и эстетичности объекта проектирования необходимо ускорить процесс его разработки путем устранения ошибок на черновых макетах. Для определения недостатков проекта про-

водятся опросы предполагаемых потребителей по матрице тестирования (ил. 1).

Для демонстрации методики были выбраны студенты второго курса кафедры коммуникативного дизайна и графики Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств. Тема двух интенсивов, длящихся по четыре академических часа, — разработка устройства для нахождения пути в среде города. В ходе апробации исследования учащиеся были разделены на четыре группы по пять человек в каждой. В каждой группе были аналитики — те, кто собирают информацию, упорядочивают анкеты, создают графики; дизайнеры или разработчики прототипа с учетом полученных данных; социологи, разрабатывающие методику опроса и проводящие опросы потенциальных пользователей.

Каждая группа садится за отдельный стол и, получив задание для проектирования, генерирует идеи по методике «мозгового штурма». Появляется большое количество концепций, например ассоциации с навигацией: магический шар, фонарь и т. п. После тщательного отбора остается несколько самых инновационных идей. На иллюстрации запечатлен процесс макетирования второй группой студентов (ил. 3). Методика преподавания, основанная на выстраивании межличностных связей, также предполагает, что идеи, лишённые функциональности, совершенствуются или отбрасываются. Таким образом, из восьми макетов совместным голосованием были выбраны три наилучших (ил. 3, 4). Дизайнеры третьей группы разрабатывают методику и проводят анкетирование целевой аудитории. Первая группа (аналитики) обрабатывают данные и помогают второй группе доработать прототипы согласно полученным результатам. В процессе итерации прототип оптимизируется под целевую аудиторию (ил. 5).

Для оптимизации временных затрат необходимо следовать следующему регламенту:

1. Постановка задачи — 5–10 мин.
2. Мозговой штурм по тематике задачи — 20 мин.
3. Создание макета: «Думай руками» (learning by doing) — 40–60 мин.
4. Опрос целевой аудитории по методике — 20 мин.
5. Оптимизация объекта проектирования — 40 мин.
6. Итерация двух последних пунктов до полного принятия объекта проектирования 90 % опрошенных — 90 мин.

В процессе итерации, анкетирования и тестирования функциональности объекта учащиеся пришли к оптимальной концепции объекта-проектирования. Методика не является основой для курсового проекта, предполагается, что она будет представлена

в качестве коротких интенсивов. Отмечен повышенный интерес учащихся к теме курсового проекта и использования полученных знаний в индивидуальном проекте. Методика готовит учащегося к работе в динамичном высокотехнологичном стартапе или в крупной международной и межнациональной корпорации.

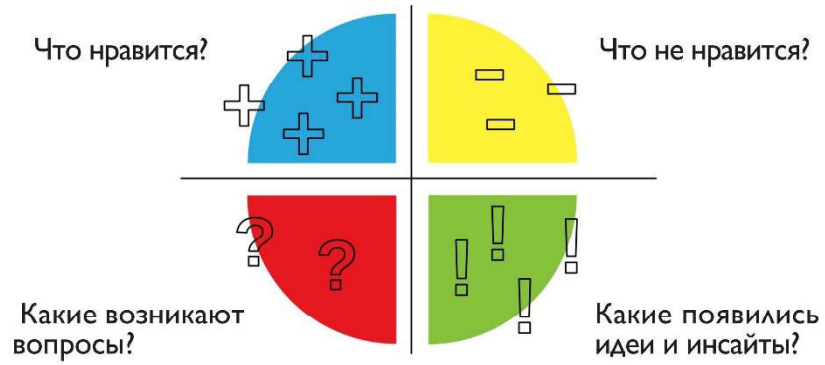
Таким образом, проектные дисциплины, основанные на программе «Со-созидание» помогают налаживать коммуникации между учащимися в малых группах, социализируют их в процессе проведения соцопроса, помогают освоить новейшие техники проектирования продукта.

Список литературы

1. Бланк С., Дорф Б. Стартап. Настольная книга основателя / пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2013.
2. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект: Почему он может значить больше, чем IQ. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
3. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: правила и предубеждения. — Харьков: Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005.
4. Нильсен Я., Будию Р. Mobile Usability. Как создавать идеально удобные приложения для мобильных устройств. — М.: Эксмо, 2013.
5. Ries E. The Lean Startup: How Today's Entrepreneurs Use Continuous Innovation to Create Radically Successful Businesses. — New York: Crown Business, 2011.

References

1. Blank S., Dorf B. The Startup Owner's Manual. Transl. from English. Moscow: Alpina Publisher, 2013 (in Russ.).
2. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2013 (in Russ.).
3. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Decision-making under uncertainty: Rules and Prejudices. Kharkov: Institute of Applied Psychology Humanitarian Center, 2005 (in Russ.).
4. Nielsen J., Budiu R. Mobile Usability. How to create perfectly convenient applications for mobile devices. Moscow: Eksmo, 2013 (in Russ.).
5. Ries E., The Lean Startup: How Today's Entrepreneurs Use Continuous Innovation to Create Radically Successful Businesses. New York: Crown Business, 2011.

Ил. 1. Матрица тестирования

Ил. 2. Студенты в процессе работы, снимок В.А. Ворожейкиной

Ил. 3. Прототип № 1, снимок В.А. Ворожейкиной

Ил. 4. Прототип № 3, снимок В.А. Ворожейкиной

Ил. 5. Итоговая визуализация прототипа № 3, авторы — коллектив студентов гр. 221 под руководством В.А. Ворожейкиной

УДК: 37.1174

Н.А. Гарашук
 Дом детского творчества (г. Куйбышев, Новосибирская область)
 garaschuk-nat@list.ru

Проект «Комфортная городская среда»: от эскиза до реализации

Аннотация

В данной статье описан опыт работы с учащимися школы, направленный на профессиональное ориентирование, а также на вовлечение юных жителей города в проблему благоустройства родного города. Результат проделанной работы — проект по реконструкции одного из скверов города. Проект сквера «Спортивный», стал не только призером городского конкурса дизайн-проектов, но и послужил основой для реального воплощения.

Ключевые слова: проект, дизайн, реконструкция городской среды, зонирование пространства

N.A. Garashchuk
 Kuibyshev House of Children's Creativity (Kuibyshev, Novosibirsk Region)
 garaschuk-nat@list.ru

Comfortable urban environment project: from sketch to implementation

Abstract

This paper describes the experience of working with school students, aimed at vocational guidance, as well as at involving young city residents in the problem of improving their city. The result of this work was a project for the reconstruction of one of the squares of the city. The Sports Square Project became not only the prize-winner of the city competition of design projects, but also served as the basis for the real implementation.

Key words: project, design, urban environment reconstruction, space zoning

Образовательный стандарт нового поколения ставит перед педагогами новые цели. Ученика должны научить не только читать, считать и писать, ему должны привить ряд новых умений: во-первых, универсальные учебные действия, которые составляют основу умений учиться, — навыки решения творческих задач, поиска анализа и интерпретации информации; во-вторых, сформировать мотивацию к обучению, самоорганизации и саморазвитию; в-третьих, сориентировать в плане профессии — ребенок с первых лет учебы в школе должен быть не только осведомлен о видах профессий, но и понимать свои желания по ее выбору, исходя из собственных наклонностей и способностей.

В настоящее время педагогическую систему невозможно представить без проектного метода обучения. Проектная деятельность является востребованной как в общеобразовательной практике, так и в системе дополнительного образования. Она побуждает ученика занять субъектную позицию, самостоятельно добывать, присваивать и применять новые знания и опыт, анализировать свою деятельность и её результаты, формировать адекватную самооценку, быть полезным обществу.

Говоря об инновации в образовании, организация проектной деятельности, на мой взгляд, представляет собой относительно высокий уровень сложности педагогической практики.

Критерием инновационной направленности педагогического опыта является компетентностный

подход и интегративность. Проектная деятельность учащегося вырабатывается в процессе выполнения учебных творческих проектов. В процессе проектной деятельности учащиеся изучают не только средства, но и способы конкретной деятельности. Эта сторона проектной деятельности приобретает особую важность в связи с возможностью получить начальные сведения о выбранной профессии, результатами деятельности с учетом ее социальных, экономических, экологических, психологических, этических и других факторов и последствий.

Я применяю проектную деятельность как один из методов обучения, побуждающий ученика занять активную, субъектную позицию. Управляя активностью учащегося на протяжении всего периода работы над проектом, учитель формирует у него необходимые предметные знания и умения, общеучебные умения и навыки, необходимые компетентности: деятельностьную, мыслительную, информационную, коммуникативную. Работая над тем или иным проектом, исследовательской работой, ученик пробует себя в различных ролях, примеряя портрет профессионала, изучая функциональные обязанности, профессиональную терминологию и т. д.

Хотелось бы в качестве примера рассмотреть работу над проектом, который не только стал основой в выборе профессии учащейся, но и частью реализованного проекта по благоустройству города.

Администрацией нашего города был объявлен конкурс дизайн-проектов по реконструкции город-

ских парков и скверов в рамках реализации муниципальной программы «Формирование комфортной городской среды города Куйбышева на 2018–2022 гг.». Решено было остановить свой выбор на сквере «Спортивный». Расположен он в центре города и является самым посещаемым местом у горожан. До реконструкции данная площадь перед спортивным комплексом «Олимп» была просто проходным местом, имела редкие лавочки и невзрачный фонтан (ил. 1). Поэтому в результате голосования жителей Куйбышева именно это место было выделено среди приоритетных направлений на обязательное благоустройство и реконструкцию. Была проведена предварительная работа — социальный опрос среди жителей города Куйбышева:

а) нравится ли Вам сквер возле спортивного комплекса и почему?

б) каким хотели бы видеть сквер?

в) хотели бы проводить семейный отдых с детьми в сквере, если будет чем их занять?

г) каким видом спорта занимаетесь в свободное время?

д) если бы в центре города в свободном доступе находились спортивные снаряды и сооружения, ходили бы Вы со своими близкими заниматься спортом в свободное время?

Исходя их данных опроса и потребностей куйбышевцев, а также учитывая особенности данного городского объекта, был разработан дизайн-проект (ил. 2), который получил высокую оценку конкурсного жюри.

Администрацией города был заключен контракт с подрядчиком для реализации программы «Формирование комфортной городской среды города Куйбышева на 2018–2022 гг.», в результате которого, учитывая пожелания жителей города и конкурсные работы, был составлен предварительный эскиз благоустройства территории сквера (ил. 3). 18 сентября 2019 г. состоялось торжественное открытие сквера. Министр жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Новосибирской области Денис Архипов, который возглавлял открытие, отметил: «Работы 2019 года по реализации национального проекта “Жилье и городская среда” в части благоустройства в Куйбышевском районе завершены. При проведении работ в сквере «Спортивный» был выдержан комплексный подход — здесь производилось обустройство площадок, озеленение, установка малых форм, а также ремонт фонтана и освещения. Принцип комплексности

благоустройства, его соответствие всем нормативам и своевременное завершение работ должны быть взяты за основу при реализации проектов благоустройства на всех территориях региона» (ил. 4).

Хочется отметить, что данный проект стал отправной точкой в выборе профессии ученицы, выполнявшей данную работу. На момент участия в конкурсе Софья Гаращук являлась ученицей 11-го класса общеобразовательной школы. А на момент завершения благоустройства она уже студентка 3-го курса НГАСУ (Сибстрин). Знания, полученные в школьные годы во время проектной работы, помогают ей быть успешной и в университете.

Список литературы

1. Борисович И.В. Проектно-исследовательская деятельность как эффективное средство профессиональной ориентации учащихся // Проблемы и перспективы развития образования: материалы V Международ. науч. конф. (г. Пермь, март 2014 г.). — Пермь: Меркурий, 2014. — С. 112–114.
2. Леонтович А.В., Саввичев А.С. Исследовательская и проектная работа школьников. — М.: ВАКО, 2016. — 19 с.
3. Чечель И.Д. Метод проектов: субъективная и объективная оценка результатов // Директор школы. — 1998. — № 4. — С. 6–8.

References

1. Borisovich I.V. Design and Research Activity as an Effective Means of Vocational Guidance for Students. In *Problems and Prospects for the Development of Education: Materials of the 5th Intern. Scientific Conf.* (Perm, March 2014). Perm: Mercuriy, 2014. Pp. 112–114 (in Russ.).
2. Chechel I.D. Project method: subjective and objective evaluation of results. *School Director*. 1998. No. 4. Pp. 6–8 (in Russ.).
3. Leontovich A.V., Savvichev A.S. Research and Design Work of School Students. Moscow: «VAKO», 2016. 19 p. (in Russ.).

Список сокращений

НГАСУ (Сибстрин) — Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет

Ил. 1. Сквер «Спортивный» до реконструкции. URL: <https://kainsk.nso.ru/formirovanie-komfortnoy-gorodskoy-s-2>

Ил. 2. Дизайн-проект Софьи Гарашук

Благоустройство сквера «Спортивный», г. Куйбышев

Эскизная 3д-визуализация территории

Панорама

14

Ил. 3. Эскиз 3D-визуализация сквера «Спортивный»

Ил. 4. Сквер «Спортивный» сегодня. Снимки автора

УДК 792.7:78.01-057.875

Я.Н. Губанова
 Центр дополнительного образования детей (г. Барабинск, Новосибирская область)
 cdodbar@mail.ru

Формирование художественного вкуса посредством театрального творчества

Аннотация

Дополнительная общеобразовательная общеразвивающая программа театрализованной деятельности относится к программам художественной направленности, так как ориентирована на развитие общей культуры учащихся, художественных способностей и склонностей, носит ярко выраженный креативный характер, предусматривая возможность творческого самовыражения, творческой импровизации.

Ключевые слова: театральное творчество, актерское творчество, творческий характер, спектакль

Y.N. Gubanova
 Centre for Children's Additional Education (Barabinsk, Novosibirsk Region)
 cdodbar@mail.ru

Formation of artistic taste through theatrical creativity

Abstract

The additional general education and general development program of theatrical activities refers to artistic orientation programs, as it focuses on the development of the general culture of students, their artistic abilities and temperament, and has a pronounced creative nature, providing for the possibility of artistic expression, creative improvisation.

Key words: theatrical creativity, acting, creative nature, stage performance

*Люби искусство в себе,
 а не себя в искусстве.*

К.С. Станиславский

Одной из форм активного приобщения детей к миру искусства выступает театральное воспитание как форма дополнительного образования. Театральная форма предполагает опору и тесную взаимосвязь с эстетическим циклом школьных предметов, позволяет наиболее полно реализовать творческий потенциал ребёнка, способствует развитию целого комплекса умений и активному восприятию разных видов искусства.

Воспитание средствами театра предполагает развитие полноценного восприятия искусства, понимание языка искусства и его специфики. Развитие чувственного восприятия, фантазии, эмоций, мысли в процессе воздействия искусства на человека происходит благодаря целостному переживанию и осмыслению в искусстве явлений жизни. Через это целостное переживание искусство формирует личность в целом, охватывая весь духовный мир человека.

Формирование у обучающегося эстетического вкуса и потребности в духовной культуре является одной из важных задач воспитательного процесса. Приобщение к искусству способствует воспитанию у ребенка убеждений и духовных потребностей, формирует его художественный вкус.

Театральное объединение дает детям множество

преимуществ: в школе, при общении с родителями, взрослыми и сверстниками, в развитии и познании мира... одним словом — в жизни!

Прежде всего занятия в театральной студии раскрывают творческий потенциал ребенка, воображение и самообладание, помогают избавиться от страхов, развить речевой аппарат, дикцию, правильное дыхание, расширить кругозор.

Театральное творчество объединяет в себе ряд искусств: литературу (драматическое произведение является основой спектакля), искусство действия и звучащего слова, изобразительное искусство, музыку и т. д. Именно такой синтез искусства определяет возможность «многостороннего» воздействия языка театра на сознание и чувства человека, в особенности ребенка, подростка.

Реализация программы по театральному творчеству предполагает освоение основ актерского мастерства в процессе выполнения упражнений творческого характера и технических приемов, характерных для различных видов театрального искусства. Образовательные программы по театральному творчеству полностью удовлетворяют требованиям к результатам образования.

Дополнительная общеобразовательная общеразвивающая программа театрализованной деятельности относится к программам художественной направленности, так как ориентирована на развитие общей культуры, художественных способностей и склонностей учащихся, носит ярко выраженный

креативный характер, предусматривая возможность творческого самовыражения и импровизации.

В играх-импровизациях ребенок-артист, самостоятельно создает образ с помощью комплекса средств выразительности (интонация, мимика, пантомима), производит собственные действия, исполняя роль. В игре-драматизации ребенок исполняет какой-либо сюжет, сценарий которого заранее существует, но не является жестким каноном, а служит канвой, в пределах которой рождается импровизация. Импровизация может касаться не только текста, но и сценического действия.

Для воспитанников театрального кружка наиболее привлекательным элементом является показ спектакля, участие в мероприятиях, конкурсах, фестивалях. Эта творческая деятельность, направленная на социализацию и развитие коммуникативных способностей, актуальна в современных условиях, так как появляются необходимые условия для осознания себя в качестве личности, повышается самооценка.

Работая над литературным произведением или отрывком, мы используем следующую схему:

- чтение произведения или отрывка;
 - беседа по этому произведению: обсуждение характеров персонажей, представление образов героев, распределение ролей;
 - проговаривание отдельных фрагментов с детьми, чтение по ролям;
 - подготовка декораций, бутафории и реквизита;
 - подготовка костюмов с учетом характеров и поведением героев;
 - работа над музыкальным оформлением;
 - непосредственно репетиции театрализованного действия по ходу всей подготовки спектакля;
 - показ спектакля;
 - коллективный анализ и рекомендации для исправления ошибок. Выстраивание перспектив.
- Участие в спектакле позволяет учащимся:
- развивать наблюдательность;
 - распределять обязанности в своем коллективе;
 - учиться лучше разбираться в собственных поступках и поведении окружающих;
 - проявлять творческий подход к решению поставленной задачи;
 - развивать воображение, внимание, волю, мышление и культуру речи;

– видеть реальный результат своей работы.

Занятия театральным творчеством и участие в постановке спектаклей помогают расширить творческий потенциал ребенка, обогатить словарный запас, сформировать нравственно-эстетические чувства, так как именно в детском возрасте закладывается фундамент творческой личности, закрепляются нравственные нормы поведения в обществе, формируется духовность.

Актуальность данной деятельности не вызывает сомнения: запрос со стороны детей и их родителей на программы художественного развития велик и работа в этом направлении имеет огромный успех и массу перспектив.

Список литературы

1. Гиппиус С.В. Гимнастика чувств. — М., 1981.
2. Доронова Т.Н. Играем в театр: Театрализованная деятельность детей 4–6 лет: метод. пособие. — М., 2004.
3. Козлянинова И. Сценическая речь. — М., 1995.
4. Колчеев Ю., Колчеева Н. Театрализованные игры в школе. — М., 2000.
5. Станиславский К. Работа актера над образом и над собой. — Т. 2. — М., 1954.
6. Станиславский К. Моя жизнь в искусстве. — М., 1980.

References

1. Doronova T.N. We Play in the Theatre. Theatrical Activity of Children Aged 4 to 6. Moscow, 2004 (in Russ.).
2. Gippius S.V. Gymnastics of Feelings . Moscow, 1981 (in Russ.).
3. Kolcheev Iu., Kolcheeva N. Theatrical Games in School. Moscow, 2000 (in Russ.).
4. Kozlianinova I. Scenic speech. Moscow, 1995 (in Russ.).
5. Stanislavski K. The Actor's Work on the Image and on Himself. Volume 2. Moscow, 1954 (in Russ.).
6. Stanislavski K. My Life in Art. Moscow, 1980 (in Russ.).

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10127
УДК 7.06+37

О.В. Морозова¹, Е.С. Духанина²
Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹o.morozova@nsuada.ru
²e.dukhanina@nsuada.ru

STEAM-технологии в дополнительном образовании детей

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос об использовании STEAM-технологий в сфере дополнительного образования детей. Цель статьи — раскрыть основные положения STEAM-технологии как синтеза науки, техники, инженерии, математики и искусства, а также определить роль дополнительного образования в реализации STEAM-образования. По теме исследования проведен краткий обзор междисциплинарных образовательных проектов, реализующих STEAM-технологии. В качестве примера реализации STEAM-подхода в дополнительном образовании детей авторами предложены варианты интегрированных образовательных программ, реализуемые в Научно-образовательном центре дополнительного образования детей и молодежи НГУАДИ.

Ключевые слова: STEAM-технологии, STEAM-образование, дополнительное образование детей, интегрированные программы

O.V. Morozova¹, E.S. Dukhanina²
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts
(Novosibirsk)
¹o.morozova@nsuada.ru
²e.dukhanina@nsuada.ru

STEAM technologies in children's additional education

Abstract

The paper discusses the use of STEAM technology in the additional education of children. The purpose of the paper is to cover the main provisions of STEAM technology as a synthesis of science, technology, engineering, mathematics and art, as well as to conceive the role of additional education in the implementation of STEAM education. A brief review of interdisciplinary educational projects implementing STEAM technologies is provided on the research topic. As an example of STEAM approach in children's additional education, the authors proposed options for integrated educational programs implemented at the Scientific and Educational Centre for Additional Education of Children and Youth of NSUADI.

Keywords: STEAM technologies, STEAM education, children's additional education, integrated programs

Сегодня все большую популярность в мире набирает образовательная технология STEM (science, technology, engineering, mathematics). STEM-технология — это комплекс академических и профессиональных дисциплин в естественных, технологических, инженерных науках и математике, направленных на подготовку специалистов с новым типом мышления, без которых невозможно развитие инновационной экономики [STEM-подход в образовании...Электронный ресурс]. Образовательную технологию STEM называют самым перспективным трендом в области образования. Согласно исследованию European Schoolnet, проведенному в 30 странах в 2015 г., 80 % стран отметили STEM-образование как свой приоритет. European Schoolnet представляет собой сеть из 31 европейского министерства образования, ее целью является распространение инноваций в преподавании и обучении среди ключевых заинтересованных сторон: министерств образования, школ, учителей, исследователей и отраслевых партнеров. Почти все страны-партнеры European Schoolnet внедряют образовательные реформы с

применением STEM-технологий [STEM-подход в образовании...Электронный ресурс].

Появление STEM-технологий связано с проблемой «раздробленности» изучаемых в школе дисциплин, неспособности школьников применить знания из разных дисциплин в одном проекте. Применение технологии STEM позволит развить у учеников высокоорганизованное мышление и обучить эффективному применению полученных знаний в жизни. Основная цель STEM-образования — развитие творческого мышления, навыков использования инженерного подхода в решении реальных задач, осознания роли технологий в их решении [Образование: STEM и STEAM...Электронный ресурс].

Кроме того, эксперты утверждают, что STEM-образование может рассматриваться как универсальная модель для качественной подготовки школьников и студентов к профессиональной деятельности в условиях экономики Индустрии 4.0 [Анисимова, 2018, с. 322–332]. Индустрия 4.0 — термин, обсуждаемый на 46-м Международном экономическом форуме в Давосе, обозначающий цифровиза-

цию и интеграцию производства, синоним четвертой промышленной революции. Главным теоретиком концепции «Индустрия 4.0» является Клаус Шваб, основатель и председатель Всемирного экономического форума. Он утверждает, что «мы живем в эпоху пока еще третьей промышленной (или цифровой) революции, начавшейся во второй половине прошлого века с создания цифровых компьютеров и последующей эволюции информационных технологий. Сегодня она постепенно трансформируется в четвертую промышленную революцию, которая характеризуется слиянием технологий и размыванием граней между физическими, цифровыми и биологическими сферами» [Четвертая промышленная революция...Электронный ресурс].

STEM-подход — это очень широкий комплекс действий, подходов, практик и методик, которые ориентированы на то, чтобы общество и отдельный человек были готовы к будущему. Чтобы пробудить интерес обучающихся к техническим предметам и придать готовому продукту эстетику и философию, решено было добавить к STEM-технологии составляющую искусства, в результате получилась технология STEAM (science, technology, engineering, arts, mathematics).

Идея использования метода разностороннего развития не нова, и появление STEM и STEAM-технологий является следствием развития уже существующих концепций комплексного изучения ряда дисциплин. Во-первых, существует концепция SEL, одним из авторов которой выступает Давиде Антоньяцца, эксперт в области социально-эмоционального образования и развития эмоционального интеллекта детей, профессор Университета прикладных наук Швейцарии (SUPSI). Концепция SEL предполагает развитие у детей социальных и эмоциональных навыков и вовлечение эмоций в процесс обучения [Давиде Антоньяцца про влияние...Электронный ресурс].

Во-вторых, существует метод феномено-ориентированного обучения и преподавания PBL («преподавание и изучение явлений»), целью которого является организация учебного процесса с помощью проблемной ситуации, взятой из практической жизни, чтобы полученные знания могли быть применены в будущей работе [Barrows, 1980, p. 143]. Финская школа активно использовала систему обучения PBL, предполагающую решение жизненных ситуаций через знание не только одной конкретной дисциплины, а комплекса знаний, позволяющих проанализировать возникшую проблему в целом. Кроме того, согласно международным показателям PISA (Programme for International Student Assessment — международная программа по оценке образовательных достижений учащихся), граждане Финляндии сегодня находятся на 5-м месте. Одним из параметров оценки обучающихся служит умение применить полученные в школе знания в жизни.

Методика PBL и упомянутая выше концепция STEM во многом схожи. Это касается не только использования комплексных знаний в обучении, но и того, что обе предусматривают подкрепление технических дисциплин гуманитарными. Кроме уже известной STEAM-технологии, появлялись и «союзы» технических дисциплин с музыкой (STEMM — наука, технология, инженерия, музыка и математика) и чте-

нием (STREAM — наука, технология, инженерия, чтение и математика).

Сегодня в России междисциплинарный подход в школе только начинает применяться. Одно из ранних исследований на эту тему было проведено авторами из Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (НИУ ИТМО). В исследовании представлен обзор междисциплинарных проектов, разработанных и апробированных за последние пять лет в НИУ ИТМО (Санкт-Петербург). Общая концепция реализуемых проектов — синтез наук, искусств и технологий как основа для междисциплинарных образовательных проектов. В качестве примеров междисциплинарных проектов НИУ ИТМО можно назвать курсы «Оптика и искусство: взгляд через призму времени» и «Оптика и искусство: театральная проекция». Основная идея Музея оптики заключалась в создании интерактивной междисциплинарной образовательной среды на принципах Edutainment'a (образование+ развлечение), которая возродила бы интерес школьников и абитуриентов к освоению лазерной физики, фотоники и классической оптики. Экспозицию можно считать междисциплинарной не только потому, что она содержит элементы физиологии, анатомии, биологии, информатики, но и потому, что классический научный базис становится доступным учащимся через интерактивные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и демонстрируется в приложении к популярным искусствам и аудиовизуальным арт-объектам [Стафеев, 2014, с. 26–28].

Другим решением междисциплинарного проекта стало сотрудничество МКОУ «Поротниковская СОШ» с Томским промышленно-гуманитарным колледжем. За три года сотрудничества был реализован исследовательский проект «Оценка качества питьевой воды с. Поротниково». Основной задачей проекта стало проведение исследования качества колодезной и водопроводной воды с. Поротниково. В 2017 г. МКОУ «Поротниковская СОШ» стала сотрудничать с Томским политехническим университетом. В рамках нового социального проекта учащиеся школы под руководством преподавателя ТПУ исследовали почву на наличие тяжелых металлов, воду на содержание железа в местах выхода на поверхность железной руды. На каждого из участников исследований был составлен индивидуальный образовательный маршрут. Все учащиеся четко представляли график работы над исследованием и его результаты [Щукина, 2018, с. 142–144]. Эти проекты не только объединили знания по биологии, химии и математике, но и приобрели социальную значимость.

Как говорилось выше, STEAM-технология появилась как своеобразный синтез техники и искусства. Аргументы в пользу включения составляющей искусства были разные: увеличение интереса к техническим предметам, развитие обоих полушарий мозга одновременно для большей эффективности в познавательной деятельности и др. Рассмотрим, что дает развитие творческих способностей людям технических и гуманитарных профессий.

1. Проектное мышление.

Проектный подход к решению задач позволяет анализировать проблему в несколько этапов: ис-

следование, формулировка проблемы, предложение вариантов их решения и выбор лучшего решения из всех возможных, а также этап создания презентации этого решения. Кроме того, проектный подход помогает выразить свою идею с помощью ярких и доступных визуальных средств — макета, подробного эскиза, компьютерной графики и др.

2. Пространственное мышление как фактор формирования предпосылок к успешной социальной реализации.

Пространственное мышление учит целостному восприятию объекта, способности смотреть на него со всех сторон. Развивает умозрительный навык — смотреть не только глазами, но и разумом, навык понимать структуру объемной формы, воспроизводить ее в уме, вообразить проекции, другие ракурсы и т. д.

Сотрудниками Томского государственного университета [Пространственные способности, 2018, с. 118–126] была изучена природа пространственных способностей и то, как эти способности могут сказаться на выборе дальнейшей профессиональной деятельности. Авторы исследования считают, что восприятие пространства в детском и подростковом возрасте может сказаться на будущем желании работать в области технической или естественнонаучной специальности. В данном исследовании также затрагивается тема различия пространственных способностей мужчин и женщин.

3. «Приметливый» взгляд, взгляд художника на явления мира и жизни.

Во время работы с натурой художник выполняет важные аналитические операции – чтобы изобразить предмет на плоскости листа, ему необходимо выделить присущие конкретно этому предмету черты, обобщить их, выделить только суть. Способность зафиксировать в своем сознании существенные черты объекта или явления, человека, ситуации и др. – это важнейший навык, который требуется не только художникам, но и деятелям любой области.

4. Гуманитарная составляющая культуры.

В объектах культуры, особенно в тех, что с течением временем доказали свою подлинность, люди научились выражать ценности, которые являются непреходящими для человека и общества в целом. Благодаря общению с подлинно художественными произведениями человек может научиться безошибочно определять, что является разрушительным, а что подлинно созидательным для человека, его мышления, для культуры и социума в целом. В настоящих произведениях искусства амплитуда культурных предельно-мировоззренческих стилистик не размыта, она показана ясно и отчетливо. Соприкасаясь с такими объектами, человек учится различать созидательную и разрушительную стилистику мышления и учится делать осознанный выбор в пользу созидательной стилистики не только в сфере искусства, но и в профессиональной и личной сфере.

Благоприятной средой для реализации STEAM-подхода являются программы дополнительного образования и программы общего среднего образования. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту, частью образовательного процесса является внеурочная работа, которую реализует школа и учреждения дополнительного образования, обеспечивающие подлинную вариатив-

ность образования, возможность выбора [ФГОС во внеурочной деятельности...Электронный ресурс].

На сегодня подходы STEM- и STEAM-образования движутся по двум основным направлениям: развитие STEM/STEAM-грамотности для всех и подготовка кадров для высокотехнологичных областей [STEM-подход в образовании ... Электронный ресурс]. Первое направление затрагивает обеспечение каждого учащегося инструментами инновационного мышления и опытом того, как использовать математику, инженерию и науку для решения разных профессиональных задач. Для этого необходимо развивать логику, цифровую грамотность, научный взгляд на мир и выполнять коллективные творческие проекты, которые помогут сформировать умение разбивать цель на задачи и использовать креативное мышление в решении поставленной проблемы. В этом ключе дополнительное образование детей и молодежи имеет большие перспективы, ведь оно дает вариативность образования и обеспечивает коллективные творческие проекты.

Значимость дополнительного образования в рамках концепции STEAM-образования прослеживается еще с нескольких сторон. Во-первых, современному образовательному процессу свойственна интеграция формального и неформального образования, что означает перенос акцента с процесса получения знания на его признание и оценку, вне зависимости от фактического места получения знаний и навыков [Четвертая промышленная революция...Электронный ресурс]. Это говорит об увеличении роли дополнительного образования в системе общего образования, фактически приравнивая их значимость в процессе получения образования.

Во-вторых, еще одним требованием к реализации STEAM-образования является активное использование творческих пространств и интеграционных площадок студентов различных специальностей и реального бизнес-сектора и промышленности, академического и профессионального образования [Четвертая промышленная революция...Электронный ресурс]. Оно может быть возможным только в рамках дополнительного образования. Обязательным условием работы таких площадок является совместная работа над проектами, инициированными реальными заказчиками, в рамках современной школы это не представляется возможным, так как необходимы соответствующие специалисты и определенное количество учебных часов. Для этого существуют интегрированные программы, которые помогают обеспечить интеграцию содержания из разных предметных областей.

В исследовании Е.Б. Евладовой говорится о том, что интегрированная программа — это продукт совместной деятельности педагогов, объединяющий отдельные образовательные области в единое целое. В термин «интеграция» в данном случае вкладывается понятие взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимопроникновения двух или нескольких ведущих идей или объектов [Евладова, 2006, с. 24]. В контексте темы нашей статьи интегрированные программы представляют собой сочетание традиционного художественного направления с цифровым.

Научно-образовательный центр дополнительного образования детей и молодежи НГУАДИ (НОЦ НГУА-

ДИ) реализует несколько интегрированных в учебный процесс программ. Программы ориентированы на обучающихся средних общеобразовательных учреждений 12–17 лет и проводятся в рамках профориентации и подготовки специалистов Национальной технологической инициативы (НТИ). Программы позволяют развивать творческие способности учащихся, пространственное восприятие и мышление, воображение, чувство формы. Обучающиеся получают навыки работы с различными художественными инструментами, техниками, компьютерными программами, знакомятся с современными тенденциями в архитектуре и дизайне.

НОЦ НГУАДИ реализует следующие интегрированные программы:

- Фирменный стиль и гайдлайн для школьных технопредпринимательских компаний.
- Дизайн-мышление.
- Промышленный дизайн и 3D-печать.
- Основы 3D-моделирования.
- Виртуальная и дополненная реальность.
- Веб-дизайн.
- Гейм-дизайн.
- Анимация.
- Цифровая живопись.
- Скетчинг.

Дополнительное художественное образование может быть полезно для всех. Школьникам, занимающимся техническим творчеством, художественно-проектный подход поможет принять участие в Чемпионатах JuniorSkills и WorldSkills Russia, конкурсе SAGE «Школьники за продвижение глобального предпринимательства», Олимпиаде Национальной технической инициативы (ОНТИ) и др. Практическим применением художественно-проектного метода в ходе STEAM-обучения может стать:

- возможность развивать пространственное мышление и работать с трехмерными формами;
 - развивать творческие способности обучающихся, знакомиться с современными тенденциями в дизайне и архитектуре;
 - улучшить навыки работы в специальных профессиональных программах;
- научить организовывать свою деятельность, вести свою идею от задумки до реализации.

Список литературы

1. Адашкина Н.Л. Художественная теория русского авангарда (К проблеме языка искусств) // Вопросы искусствознания. — 1993. — №1(93). — С. 20–30.
2. Детей зовут на архитектурный конкурс «Новосибирск — в авангарде». — URL: <http://nsknews.info/materials/detey-zovut-na-arkhitekturnyy-konkurs-novosibirsk-v-avangarde/>
3. Дружкова Н.И. Художественно-педагогический потенциал искусства международного авангарда первой трети XX века // Педагогика искусства. — 2014. — №4. — С. 1–14.
4. Ирина Антонова о современном искусстве. — URL: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2018/5/331/9015/irina-antonova-o-sovremennom-iskusstve?lang=ru>
5. Лаврентьев А. Лаборатория книги. — М.: Грантъ, 2004. — 72 с.
6. Левкина Л.И. Педагогический потенциал рус-

ского изобразительного искусства второй половины 19 — начала 20 вв.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. пед. наук — Владимир, 2000. — 22 с.

7. Рабочая программа по изобразительному искусству для 5 класса (ФГОС ООО) / Л.И. Переверзева. — URL: <https://nsportal.ru/shkola/izobrazitelnoe-iskusstvo/library/2015/09/14/rabochaya-programma-po-izobrazitelnomu-iskusstvu>

8. Рабочая программа по изобразительному искусству для 8 класса. — URL: <https://infourok.ru/adaptirovannaya-rabochaya-programma-po-iskusstvu-klass-shpikalova-3510976.html>

9. Сарабьянов Д.В. Русская живопись. Пробуждение памяти. — М.: Искусствознание, 1998. — 432 с.

References

1. Adaskina N.L. Xudozhestvennaya teoriya russkogo avangarda (K probleme yazy`ka iskusstv). Voprosy` iskusstvovznaniya, 1993, No. 1 (93), pp. 20–30. (in Russ.).
2. Detey zovut na arkhitekturny`j konkurs «Novosibirsk — v avangarde». — URL: <http://nsknews.info/materials/detey-zovut-na-arkhitekturnyy-konkurs-novosibirsk-v-avangarde/> (in Russ.).
3. Druzhkova N.I. Xudozhestvenno-pedagogicheskij potencial iskusstva mezhdunarodnogo avangarda pervoj treti XX veka. Pedagogika iskusstva, 2014, No. 4. pp. 1–14. (in Russ.).
4. Irina Antonova o sovremennom iskusstve. — URL: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2018/5/331/9015/irina-antonova-o-sovremennom-iskusstve?lang=ru> (in Russ.).
5. Lavrent`ev A. Laboratoriya knigi. Moscow: Grant`, 2004, 72 p. (in Russ.).
6. Levkina L.I. Pedagogicheskij potencial russkogo izobrazitel`nogo iskusstva vtoroj poloviny` 19 — nachala 20 vv.: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. kand. ped. Nauk. Vladimir, 2000, 22 p. (in Russ.).
7. Rabochaya programma po izobrazitel`nomu iskusstvu dlya 5 klassa (FGOS ООО) / L.I. Pereverzeva. — URL: <https://nsportal.ru/shkola/izobrazitelnoe-iskusstvo/library/2015/09/14/rabochaya-programma-po-izobrazitelnomu-iskusstvu> (in Russ.).
8. Rabochaya programma po izobrazitel`nomu iskusstvu dlya 8 klassa. — URL: <https://infourok.ru/adaptirovannaya-rabochaya-programma-po-iskusstvu-klass-shpikalova-3510976.html> (in Russ.).
9. Sarab`yanov D.V. Russkaya zhivopis`. Probuzhdenie pamyati. Moscow: Iskusstvovznanie, 1998, 432 p. (in Russ.).

Список сокращений

НОЦ НГУАДИ — Научно-образовательный центр дополнительного образования детей и молодежи Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств.

СФУ — Сибирский федеральный университет.

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10128
УДК: 373

Е.П. Олесина
Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования (Москва)
eolesina@yandex.ru

**Проектные формы освоения социокультурного пространства региона
в контексте реализации концепции преподавания предметной области «Искусство» в школе**

Аннотация

В статье показаны новые формы работы на уроке изобразительного искусства в начальной школе. Концепция преподавания предметной области «Искусство» предлагает строить образовательную деятельность на основе вариативных сквозных модулей с использованием музейной среды региона (на примере московских школ). Развитие проектного мышления школьников происходит в «социокультурном образовательном пространстве», которое представляет собой особый вид образовательной деятельности, интегрирующей образовательные, культурные и социальные компоненты.

Ключевые слова: проектное мышление, сквозные вариативные модули, музейная среда, социокультурное образовательное пространство

E.P. Olesina
Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education (Moscow)
eolesina@yandex.ru

**Project forms for the development of the socio-cultural space of the region
in the context of the implementation of the concept of teaching the discipline of art in school**

Abstract

The paper shows the new forms of work in the visual arts classes in elementary school. The concept of teaching the discipline of art suggests building educational activities on the basis of variable end-to-end modules using the museum environment of the region (in terms of Moscow schools). The development of project thinking of school students takes place in a «socio-cultural educational space», which is a special type of educational activity that integrates educational, cultural and social components.

Keywords: project thinking, variable end-to-end modules, museum environment, socio-cultural educational space

Современный мир становится глобальным и ин-формационным, меняется социальная и культурная ситуация, что влечет за собой и изменения в системе обучения. Реформирование общего образования вносит изменения в контент изучаемого материала, формы его преподнесения и отношения между учителем и учениками. Необходимость появления новых концепций преподавания разных предметов в школе определяется принципиально новым подходом к обучению и воспитанию.

Несомненная востребованность новой Концепции преподавания предметной области «Искусство» в образовательных организациях Российской Федерации объясняется противоречиями, сложившимися в системе школьного образования, когда в государственных документах (Закон об образовании в Российской Федерации, ФГОС ОО и пр.) декларируются многие важные задачи, такие как направленность образования на социализацию и инкультурацию; необходимость воспитания духовности и культуры гражданина; усиление в стандартах значимости метапредметных результатов; развитие креативности как основного качества выпускника, а в школьной

практике уменьшается количество часов на уроки искусства (изобразительное искусство, музыка, мировая художественная культура). По этой причине становится понятно, что необходимо искать новые пути освоения художественной культуры в широком смысле современными обучающимися, так как изучение предметов искусства в школе является единственной возможностью для детей, подростков и молодежи научиться разбираться в огромном информационном потоке массовой культуры, различать настоящее искусство и произведения низкого качества, прикоснуться к большому искусству через собственную творческую деятельность.

Основными задачами преподавания искусства в общеобразовательной школе при небольшом количестве учебного времени, выделенного на данные предметы, становятся:

- понимание искусства в школе как уникального пространства становления креативной личности, системного ресурса развития творческого мышления учащегося;
- воспитание грамотного зрителя и слушателя, т. е. человека, у которого сформирована потребность в

общении с искусством, который создает социальный запрос к качеству произведений искусства;

- приобретение обучающимися навыков художественной и музыкальной деятельности;

- выявление одаренных в области искусства детей и дальнейшее их педагогическое сопровождение.

Понятно, что дополнительного учебного времени на искусство в сетке обязательных часов в школьном образовании никто не даст. Значит, необходимо искать новые формы освоения искусства и художественной культуры школьниками.

В Концепции преподавания предметной области «Искусство» в образовательных организациях Российской Федерации, утвержденной в декабре 2018 г., подчеркнута необходимость развития разнообразных форм преподавания предметов искусства в школе, в том числе развитие проектного мышления школьников на базе освоения искусства и во с музеев на базе – внеурочной деятельности обучающихся [Концепция преподавания...Электронный ресурс].

В данном контексте очень важно использовать возможности проектных форм освоения социокультурного пространства региона обучающимися. Проектность сегодня является основной характеристикой современного мышления, означающей переход к обобщенному и опосредованному научному познанию [Штомпф, 2012, с. 68–72]. Современная наука определяет проектное мышление как комплексную и системную деятельность, направленную на решение практических задач. Проектное мышление имеет уровневый характер, базирующийся на следующих компонентах:

- операционально-технологическом (освоение схемы проектной деятельности: «проблема — идея — организация — реализация»);

- мыслительном (освоение коллективной мыслительной деятельности по схеме «замысел — реализация — рефлексия»);

- мировоззренческом (освоение процедуры самоидентификации — ценностного самоопределения в социально-культурном проекте).

Каждому уровню соответствует свой подход к проектированию: социотехнический, социально-культурный, гуманитарный [Краснов, 2017, с. 92–103].

Концепция преподавания предметной области «Искусство» предполагает развитие проектного мышления у школьников на основе использования вариативных сквозных модулей. Так в проекте ФГОС НОО предполагается, что изобразительное искусство в школе будет преподаваться непрерывно на основе таких модулей, как «Декоративно-прикладное искусство», «Графика», «Живопись», «Скульптура», «Архитектура», «Восприятие произведений искусства», «Азбука цифровой графики» (данный проект ФГОС сейчас находится в стадии общественного обсуждения) [Федеральный государственный стандарт... Электронный ресурс]. Понятно, что модульная система предполагает коучинговый подход, в котором коуч не просто учитель, а узкий специалист в какой-либо области. Специалист может выбрать один модуль, которым владеет в совершенстве: живопись, скульптура и пр.

Однако в процессе обучения по модулю школьники должны познакомиться и с основами других

модулей, чему способствует кейсовое устройство каждого модуля. Учитель может брать необходимый кейс из другого модуля, например, кейс «Базовые понятия» и «Художественная деятельность», а также выходить за рамки школьного урока и использовать потенциал музеев и выставок как отдельный кейс для построения проектной деятельности школьников (табл. 1). Главной особенностью проектного мышления является переосмысливание будущего на основе целеполагания и планирования. Проектное мышление можно характеризовать такими качествами, как латеральность, критичность, креативность, методологичность, проблемность мышления [Колесникова, Горчакова-Сибирская, с. 267]. Планируя на этой основе уроки изобразительного искусства, необходимо учить детей не только базовым компетенциям художественной деятельности, но и работе над проектами, выходящими за рамки урока и охватывающими музейную среду региона.

Приведем вариант построения модуля «Азбука цифровой графики» на примере школ г. Москвы (табл. 2).

Дидактическая цель: освоение простейших компьютерных программ для художественного творчества.

Дидактические задачи:

- приобретение элементарных компетенций в области использования компьютерных технологий в художественном творчестве;

- развитие проектного мышления и умения воплощать замысел в творческом продукте с помощью технических средств;

- использование простейших инструментов графических редакторов для обработки фотографических изображений и анимации. Подобный подход способствует развитию «мягких навыков» (soft-skills), которые сегодня являются наиболее востребованными — это:

- базовые коммуникативные навыки, основанные на эмоциональном интеллекте и художественно-творческой деятельности;

- навыки художественного восприятия и мышления;

- личная мотивация к творческой деятельности;

- умение планировать свою деятельность и доводить до конца задуманное.

При объединении всех элементов школьной программы по изобразительному искусству, внеурочной деятельности, музейных коллекций, социокультурной среды региона в единую картину жизни школьников возникает новый тип образовательной среды — «социокультурное образовательное пространство», т. е. особый вид образования, объединяющий учебную и познавательную деятельность на основе интеграции всех местных образовательных, культурных и социальных компонентов [Olesina, Polyudova... Электронный ресурс]. Использование социокультурных возможностей музеев способствует расширению образовательного пространства и проектной деятельности школьников.

Список литературы

1. Колесникова И.А., Горчакова-Сибирская М.П. Педагогическое проектирование: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. — М.: Изд. центр «Акаде-

мия», 2005. — 288 с.

2. Концепция преподавания предметной области «Искусство» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/11cfc73e7df5f99beeadf58f363bf98b> (дата обращения: 20.10.2019).

3. Краснов С.И. Формирование индивидуального способа понимания в проектных ситуациях как условие профессионального развития педагога // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2017. — № 1 (25). — С. 92–103.

4. Федеральный государственный стандарт начального образования // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. — URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=94553> (дата обращения: 20.10.2019).

5. Штомпф Г. «Проектное мышление» — это не о размышлениях, а о действиях // Проблемы управления в социальных системах. — 2012. — № 6. — Т. 4. — С. 68–72.

6. Olesina E., Polyudova E. Educational Model of Socio-Cultural Environment in Museum Pedagogy // EDULEARN19 Proceedings. 11th International Conference on education and New Learning Technologies. Palma, Spain. — 1–3 July 2019. — IATED, 2019. — Pp. 792–798. — URL: <https://library.iated.org/view/POLYUDOVA2019EDU>.

2. Kolesnikova I.A. Gorchakova-Sibirskaya M.P. Pedagogical design: study guide for higher educational institutions. Moscow: Academy Publishing Centre, 2005. 288 p. (in Russ.).

3. Krasnov S.I. Formation of an individual way of understanding in project situations as a condition for the teacher's professional development. *Vocational Education in Russia and Abroad*. 2017. No. 1 (25). Pp. 92–103. (in Russ.).

4. Olesina E., Polyudova E. Educational model of socio-cultural environment in museum pedagogy. *In EDULEARN 19 Proceedings. 11th International Conference on Education and New Learning Technologies*. Palma, Spain. 1-3 July 2019. — Pp. 792–798. — URL: <https://library.iated.org/view/POLYUDOVA2019EDU>

5. Stompf G. Project Thinking. This is not about reflection, but about action. *Management Problems in Social Systems*. 2012. No. 6. Vol. 4. Pp. 68–72 (in Russ.).

6. The Concept of teaching the discipline of art in educational organizations of the Russian Federation, that implement basic general education programs. Document Bank of the Ministry of Education of the Russian Federation. — URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/11cfc73e7df5f99beeadf58f363bf98b> (accessed date: 20.10.2019) (in Russ.).

References

1. Federal State Primary Education Standard. Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts. — URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=94553> (accessed date: 20/10/2019) (in Russ.).

Список сокращений

ФГОС ОО — федеральный государственный образовательный стандарт общего образования

ФГОС НОО — федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования

Табл. 1

Вариативные сквозные модули во взаимодействии с музейной средой

1	2	3	4	5	6	7
Модуль «Декоративно-прикладное искусство»	Модуль «Графика»	Модуль «Живопись»	Модуль «Скульптура»	Модуль «Архитектура»	Модуль «Восприятие произведений искусства»	Модуль «Азбука цифровой графики»
Кейс «Общие базовые понятия»						
Базовые понятия конкретного модуля	Базовые понятия конкретного модуля	Базовые понятия конкретного модуля	Базовые понятия конкретного модуля	Базовые понятия конкретного модуля	Базовые понятия конкретного модуля	Базовые понятия конкретного модуля
Художественная деятельность по модулю	Художественная деятельность по модулю	Художественная деятельность по модулю	Художественная деятельность по модулю	Художественная деятельность по модулю	Художественная деятельность по модулю	Художественная деятельность по модулю
Кейс «Основные виды художественной деятельности»						
Кейс «Музейная среда»						
Проект	Проект	Проект	Проект	Проект	Проект	Проект

Вариант построения модуля «Азбука цифровой графики»

<i>Кейс «Базовые понятия»</i>					
Базовые понятия (для всех модулей) <ul style="list-style-type: none"> • Виды изобразительного искусства • Жанры • Композиция • Основы <u>цветоведения</u> • Пропорция 					
1	2	3	4	5	6
Орнамент Ритм Художественный промысел Стилизация	Штриховка Силуэт Иллюстрация	Основные и составные цвета Тон Светотень	Объемная композиция Пространственная композиция	Моделирование архитектурных объектов Симметрия Национальное своеобразие	Основы восприятия произведений изобразительного искусства Идея произведения
Базовые понятия модуля «Азбука цифровой графики» <ul style="list-style-type: none"> • Графический редактор • Фотография • Анимация • Вектор • Компьютерная программа 					
<i>Кейс «Художественная деятельность»</i>					
Художественная деятельность: <ul style="list-style-type: none"> • Рисунок карандашами, фломастерами, <u>гелевой ручкой</u> • Рисунок гуашью, акварелью • Лепка из пластилина • Макетирование из бумаги • Обсуждение произведения искусства 					
1	2	3	4	5	6
Рисование орнамента Дизайн народного костюма в технике аппликации	Рисование карандашом Вырезание силуэта	Рисунок акварельными красками Рисунок гуашью	Лепка из пластилина Скульптура из проволоки	Макетирование из бумаги	Выражение своего мнения по поводу произведения изобразительного искусства
Художественная деятельность по модулю <ul style="list-style-type: none"> • Создание рисунка в компьютерной программе (на основе комплектации школы), например, Paint.NET. • Создание элементарной анимации (на основе комплектации школы), например, Easy GIF Animator. 					
<i>Кейс «Музейная среда»</i>					
Музей декоративно-прикладного искусства	Музей акварели С. <u>Андряки</u>	Третьяковская галерея	Мемориальный музей Творческая мастерская С.Т. Коненкова	Музей архитектуры им. В.А. Щусева	Выставочный центр «Гараж»
Проект «Книжная иллюстрация»	Проект «Четвероногие друзья»	Проект «Природа и город»	Проект «Мультфильм»	Проект «Город будущего»	Проект «Загадки цвета»

DOI 10.24411/9999-001A-2019-10129
УДК: 373

О.И. Радомская
Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования (Москва)
olgaradomskaia@mail.ru

Развитие проектного мышления школьников на занятиях изобразительным искусством на основе новой концепции преподавания предметной области «Искусство»

Аннотация

Концепция преподавания предметной области «Искусство» предлагает новые формы обучения изобразительному искусству. Одним из главных направлений реализации концепции является развитие проектного мышления школьников. В статье представлены варианты занятий для разных возрастов.

Ключевые слова: проектное мышление, изобразительное искусство, концепция преподавания предметной области «Искусство», интегрированное художественное пространство

О.И. Radomskaia
Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education (Moscow)
olgaradomskaia@mail.ru

Development of project thinking of school students in art classes on the basis of a new concept of teaching the discipline of art

Abstract

The concept of teaching the discipline of art offers new forms of teaching visual arts. One of the main directions in the implementation of the concept is the development of project thinking of students. The paper presents study options for different ages.

Keywords: project thinking, visual arts, the concept of teaching the discipline of art, integrated artistic space

Стратегия современного образования в России предполагает самостоятельное развитие обучающегося в образовательном процессе. Это подразумевает не только достижение личностных, метапредметных и предметных результатов обучающихся на уроках, но и поддержку их внеурочной деятельности, в том числе в рамках выполнения проектов [Федеральный государственный стандарт..., 2019]. При выполнении проектной работы дети учатся решать творческие задачи, самостоятельно составлять план действий и создавать творческий продукт.

Концепция преподавания предметной области «Искусство» предполагает развитие разнообразных форм преподавания предметов искусства в школе, направленных на формирование проектного мышления обучающихся [Концепция преподавания... Электронный ресурс].

Проектная деятельность в школе помогает обучающимся научиться самостоятельно собирать информацию, систематизировать и применять при выполнении проектов в рамках художественных практик.

Следует отметить интегрированный характер содержания проектной деятельности.

В начальной школе проекты носят наглядный практико-ориентированный характер. Уроки изобразительного искусства и внеурочные занятия изобразительной деятельностью дают обучающимся возможность творчески раскрыться в процессе выполнения проектов. Примером реализации художе-

ственных практик, направленных на формирование проектного мышления в школе, является творческая проектная работа, осуществляемая педагогом в течение года. Так, И.А. Терентьева, учитель начальных классов ГБОУ Школа № 875 г. Москвы, с обучающимися младших классов представила проект «Мы строим Новую Москву» в рамках сюжетной игры «Земля – наш общий дом» [Терентьева, 2015, с. 53–56]. Дети на уроках изобразительного искусства, технологии, занятиях внеурочной деятельностью и дома совместно с родителями создали макеты зданий будущей Москвы. На итоговом празднике — «художественном событии» — дети выступили с кратким рассказом о своих проектах: Детская городская больница с ботаническим садом на крыше и вертолетными площадками, Спортдом с бассейном, катком и гимнастическим залом; Дом попугаев «Какаду» и т. д. После выступления дети стали строить свой город. На полу актового зала возникли улицы, построенные руками детей.

Для формирования проектного мышления детей необходимо создание комфортного развивающего интеграционного поликультурного пространства школы, направленного на создание в школе среды общения и сотворчества учащихся и педагогов, ведущей деятельностью которых будет совместная творческая, развивающая работа, построенная на принципах интегрированного обучения; создание в школе сообщества учителей, в котором каждый

стремится к самосовершенствованию и развитию творческого потенциала каждого обучающегося. А.В. Бакушинский в создании «особой творческой атмосферы находил ключ педагогического успеха каждого учителя» [Бакушинский, 2009].

Н.В. Богданова, педагог дополнительного образования ГБОУ Школа № 875 г. Москвы, создала интегрированное художественное пространство «Галерея творчества – 875» для того, чтобы дать возможность постоянно демонстрировать достижения детей от 5 до 17 лет в любых областях творческой деятельности, устраивать мастер-классы, выставки работ, делиться опытом, представлять на всеобщее обсуждение свои индивидуальные проекты, персональные достижения. Галерея – это особая «творческая улица», где дети могут представлять свои художественные проекты, обучаться друг у друга [Галерея творчества... Электронный ресурс].

Зарубежный опыт развития проектного мышления в школе предполагает его формирование у обучающихся и учителей в рамках проекта по созданию художественного пространства в школах и вузах ARTEspacios (пространство ART для художественного самовыражения) в классных комнатах или общих пространствах образовательных центров. Таким образом, создаются зарезервированные уголки для художественного творчества и выставки произведений детского и взрослого творчества, развития визуальной культуры членов образовательного сообщества. Арт-пространство (художественное пространство) направлено на то, чтобы увеличить количество искусства в образовательных пространствах, начиная с педагогической практики, несмотря на ее отсутствие в учебной программе [ARTEspacios... Электронный ресурс].

Для формирования проектного мышления детей необходима разработка и внедрение в практику интегрированных технологий и инновационных форм организации образовательного и воспитательного процессов в условиях активного взаимодействия основного и дополнительного гуманитарно-художественного образования, которые направлены на развитие индивидуальных способностей [Радомская, 2013].

Список литературы

1. Бакушинский А.В. Художественное творчество и воспитание / сост. Н.Н. Фомина. — М.: Карапуз, 2009. — 304 с.
2. Галерея творчества — 875 [Электронный ресурс]. — URL: https://sch875.mskobr.ru/main_galleries/galereya_tvorchestva_-875/ (дата обращения: 20.10.2019).
3. Концепция преподавания предметной области «Искусство» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы // Банк документов Министерства просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/11cfc73e7df5f99beeadf58f363bf98b> (дата обращения: 20.10.2019).
4. Радомская О.И. Интеграция искусств в школе // Образовательное пространство: вызовы XXI века: материалы II Междунар. науч. конф. (28 января 2013 г., Москва) / под общ. ред. А.М. Балбеко, В.П.

Подвойского. — В 3 т. Том 1. — М.: МИДПО, 2013. — С. 65–74.

5. Терентьева И.А. Проект «Мы строим Новую Москву» в рамках сюжетной игры «Земля — наш общий дом» // Из опыта работы школ города Москвы в рамках городской инновационной площадки «Гуманитаризация образования в условиях комплексного освоения социокультурной среды города Москвы» / Департамент образования города Москвы, ФГБНУ «Институт художественного образования РАО». — М.: Интеллект-Центр, 2015. — С. 53–56.

6. Федеральный государственный стандарт начального образования // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. — URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=94553> (дата обращения: 20.10.2019).

7. ARTEspacios международный проект — «Арт-пространство или пространство художественного самовыражения» (Художественная среда) (Испания) [Электронный ресурс]. — URL: <http://proyectoartespacios.blogspot.com/> (дата обращения: 20.10.2019).

References

1. ARTEspacios International Project — Art Space or Artistic Expression Space (Artistic Environment) (Spain). — URL: <http://proyectoartespacios.blogspot.com/> (accessed date: 20.10.2019)
2. Bakushinskii A.V. Artistic Creation and Upbringing. Moscow: Karapuz, 2009. 304 p.
3. Federal state primary education standard. Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts. — URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=94553> (accessed date: 20/10/2019).
4. Gallery of Creativity – 875. — URL: https://sch875.mskobr.ru/main_galleries/galereya_tvorchestva_-875/ (accessed date: 20.10.2019)
5. Radomskaia O.I. Integration of Arts in the School. In *Educational Space: Challenges of the 21st century. Materials of the 2nd International Scientific Conference*. In 3 volumes. Volume 1. Moscow: MIDPO, 2013. Pp. 65-74.
6. Terenteva I.A. We are building New Moscow Project as part of the story game “Earth is Our Common Home”. From the experience of Moscow schools as part of the urban innovation platform “Humanitarization of education in the conditions of the integrated development of the socio-cultural environment of the city of Moscow”. Moscow: Intellect-Centre, 2015. Pp. 53-56
7. The Concept of Teaching the Discipline of Art in Educational Organizations of the Russian Federation, that Implement Basic General Education Program. Document Bank of the Ministry of Education of the Russian Federation. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/11cfc73e7df5f99beeadf58f363bf98b> (accessed date: 20/10/2019).

УДК: 159.928.22(063)

А.С. Рожкова
 Центр дополнительного образования детей (г. Барабинск, Новосибирская область)
 cdodbar@mail.ru

Развитие одаренности в системе дополнительного образования детей

Аннотация

Сегодня особенно важен поиск путей в подходе к развитию личности одаренного ребенка. Поэтому, рассуждая о системе работы с одаренными детьми, хотелось бы подчеркнуть мысль о работе со всеми детьми, о максимальном развитии у них умений, навыков, познавательных способностей. Жизнь требует от дополнительного образования подготовки коммуникабельного и конкурентоспособного выпускника. Именно это имел в виду психолог и писатель Г. Томпсон, говоря: «Способности — объяснение вашего успеха».

Ключевые слова: одаренные, развитие, творчество, дополнительное образование

A.S. Rozhkova
 Centre for Children's Additional Education (Barabinsk, Novosibirsk Region)
 cdodbar@mail.ru

Giftedness sustainability within the system of children's additional education

Abstract

Today, the search for ways in the approach to the development of the personality of a gifted child is especially important. Therefore, discussing the system of work with gifted children, I would like to emphasize the idea of working with all children, that is, the maximum development of skills, cognitive abilities. Life requires additional education to prepare a communicative and competitive graduate. That is exactly what psychologist and writer G. Thompson had in mind when he said: "Abilities are an explanation of your success."

Key words: gifted, development, creativity, additional education

Сегодня для России чрезвычайно актуальна проблема выявления, развития и поддержки одаренных детей. От дополнительного образования требуется подготовка выпускника, способного адаптироваться к меняющимся условиям жизни, коммуникабельного и конкурентоспособного.

Одаренные дети — это дети, превосходящие уровень интеллектуального развития детей определенного возраста. Поэтому одаренным ребенком можно считать ребенка, который выделяется яркими, очевидными, иногда выдающимися достижениями (или имеет внутренние предпосылки для таких достижений).

Выявление одаренных детей — продолжительный процесс, связанный с анализом развития конкретного ребенка. Эффективное выявление одаренности посредством одноразовой процедуры тестирования невозможно. Необходимо направлять усилия на постепенный, поэтапный поиск одаренных детей в процессе их обучения.

В своей работе я использую разные методы, позволяющие мне выявить одаренных детей. Самым простым из них является обычное наблюдение за детьми во время занятия. Это позволяет определить первые признаки одаренности среди учащихся. На занятиях художественным творчеством и декоративно-прикладным приходят дети с разной мотивацией и различного уровня способностей. С самого первого занятия, давая простейшие задания, стараюсь под-

мечать, что у данного конкретного ребенка получается лучше, а на что нам стоит обратить внимание.

Моя задача как педагога — заинтересовать детей своим творческим объединением «Мир творчества». Поэтому, чтобы дети не испугались трудностей в работе, моя программа построена по принципу «от простого к сложному» и направлена на формирование образного мышления, развитие творческого потенциала ребенка. Я стараюсь никого из ребят не выделять и ориентировать всех на то, чтобы каждая работа, даже если она выполнена по одной о той же теме, была по-своему индивидуальна. В связи с этим у детей развивается воображение, неповторимость, работы становятся достойны того, чтобы быть представленными на выставке. Также одаренные дети моего творческого объединения представляют свои работы не только на выставках, а также на конкурсах различного уровня, в исследовательских проектах. Я часто повторяю детям такую фразу: «Я не ограничиваю вашу фантазию!»

Проблема выявления одаренных детей сложна, и следует иметь в виду, что критерии одаренности не могут быть раз и навсегда зафиксированы.

Методы стимулирования обучения: создание ситуации успеха, деловые и познавательные игры, стимулирование занимательным содержанием.

Методы организации учебно-познавательной деятельности:

– творческое задание, проектный метод, созда-

ние проблемной ситуации, упражнения;
– самостоятельные практические работы;
Методы контроля:
– тестирование;
– опрос;
– самоконтроль, взаимоконтроль.

Многочисленными являются формы работы, направленные на развитие креативности учащихся: всероссийские, областные и муниципальные конкурсы.

Но основной формой организации учебного процесса в дополнительном образовании остается занятие. Формы и приемы в рамках отдельного занятия по декоративно-прикладному творчеству отличаются значительным разнообразием и направленностью на индивидуализацию работы.

Хочу отметить: если деятельность находится в зоне оптимальной трудности, т. е. на пределе возможностей ребенка, то она ведет за собой развитие его способностей, реализуя то, что Л.С. Выгодский назвал «зоной потенциального развития». Поэтому широкое распространение здесь получают групповые и индивидуальные формы работы. Различного рода творческие занятия, различные формы вовлечения учащихся в самостоятельную познавательную деятельность, дискуссии, диалоги.

На основе этого я могу сформулировать основные задачи развития творческих способностей детей:

1. Приобщать учащихся к творческой работе.
2. Прививать интерес к творчеству, поиску.
3. Развивать навыки самореализации.

Занятия детей в творческих объединениях открывают перед ними возможность углубленно заниматься тем, что их влечет.

Занимаясь с детьми, я пытаюсь приобщить их к творческой деятельности, формировать самостоятельность и творческую активность. При этом необходимо помнить, что все виды деятельности в системе дополнительного образования направлены на духовное воспитание, формирование культуры детей и эстетическое воспитание.

Успех же всей разнообразной эстетической деятельности зависит от того, насколько дети овладевают различными видами творческой деятельности, испытывают потребность в ней и удовольствие от нее.

При анализе детских рисунков и композиций можно убедиться, как занятия декоративно-прикладным и художественным творчеством пополняют их знания, обогащают память, воспитывают любовь к родному краю, развивают чувство формы, ее пропорциональности, выразительности, ритма.

Занятия проводятся с учетом возрастных особенностей, общего и специфического развития личности каждого.

Художественное начало есть в каждом ребенке, еще с детства он знакомится с явлениями гармонии в жизни. Взаимодействуя с внешним миром (определенными людьми, вещами, линиями красками), ребенок обеспечивает основу зарождающейся духовной жизни.

Прекрасное в жизни — и средство и результат эстетического воспитания. А познание радости творческого процесса в коллективе детей делается основой нравственного воспитания — воспитания личности.

Таким образом, занятия творчеством в дополнительном образовании являются одним из самых важных этапов в развитии способностей одаренных детей, так как позволяют работать индивидуально с каждым ребенком. Кроме того, такие занятия посещают дети, проявляющие повышенный интерес к виду деятельности. Именно они впоследствии становятся основными участниками творческих групп.

Целостную картину результатов обучающихся дает система портфолио.

Внедрение системы работы с одаренными детьми позволяет создать условия для успешной самореализации учащихся, работать со всеми детьми, добиваясь максимального развития умений, навыков, познавательных способностей, и подготовить выпускника, способного адаптироваться к меняющимся условиям, коммуникабельного и конкурентоспособного.

Список литературы

1. Доровской А.И. 100 советов по развитию одаренности детей. — М., 1997. — 312 с.
2. Копытов А.Д. Размышление о педагогике одаренности // Одаренный ребенок. — 2008. — № 1.
3. Овсянникова Е.А. Одаренные дети (из опыта работы) // Завуч. — 2004. — № 7.

References

1. Dorovskoi A.I. 100 Tips for the Development of Children's Giftedness. Moscow, 1997. 312 p.
2. Kopytov A.D. Thinking about the Pedagogy of Giftedness. *Gifted child*. 2008. No 1.
3. Ovsyannikova E.A. Gifted children. *Zavuch*. 2004. No 7.

УДК: 159.928.22(063)

О.Г. Филатова
Центр дополнительного образования (Усть-Кут, Иркутская область)
f.olga-g@yandex.ru

**Краткосрочная программа «Горница» художественной направленности
в Центре дополнительного образования города Усть-Кута (Иркутская область)
как решение актуального вопроса летней занятости обучающихся**

Аннотация

В статье представлен опыт работы педагогов художественной направленности Центра дополнительного образования (ЦДО) города Усть-Кута во время летней кампании 2019 г. по дополнительной общеразвивающей программе «Горница». Обосновывается выбор направленности данной программы при отсутствии у многих педагогов декоративно-прикладного творчества своей индивидуальной программы. Комплексный подход в решении данного вопроса позволил занять обучающихся художественной направленности в летний период.

Ключевые слова: непрерывное образование, летние каникулы, дополнительная общеразвивающая программа «Горница»

O.G. Filatova
Centre for Additional Education of Ust-Kut Municipal District (Irkutsk Region)
f.olga-g@yandex.ru

**Gornitsa short-term program with an artistic orientation in Ust-Kut Centre for Additional Education
(Irkutsk Region) as a solution to the urgent issue of summer activities of students**

Abstract

The paper presents the experience of artistic orientation teachers of Ust-Kut Centre for Additional Education (Irkutsk Region) during the summer campaign of 2019 under the Gornitsa additional general development program. The choice of the orientation of this program is substantiated, as the largest number of teachers of arts and crafts does not have their own individual programs. An integrated approach to solving this issue, allowed engaging artistic orientation students in the summer.

Key words: additional education; topical issue; summer holidays; additional general development program «Gornitsa»

Среди основных приоритетов государственной политики выдвинута идея непрерывного образования, смысл которой заключается в обеспечении каждому человеку постоянного творческого развития на протяжении всей жизни, обновления знаний и совершенствования навыков. Главное — дать возможность всем без исключения проявить свои способности, таланты и творческий потенциал, реализовать личные планы, научить быть гибкими, адаптивными к изменениям в профессиональной деятельности, непрерывно развиваться.

Школы Усть-Кутского муниципального образования дают достойное базовое образование и активно вовлекают в свой образовательно-воспитательный процесс Центр дополнительного образования. На базе МОУ СОШ города и района работают объединения ЦДО шести направлений: художественной, физкультурно-спортивной, туристско-краеведческой, физкультурной, естественно-научной, социальной. Многие обучающиеся, выбравшие понравившиеся объединения, занимаются в стенах ЦДО в свободное от школы время, где созданы все условия для получения качественного дополнительного образования.

Непрерывное образование актуально и во время летнего отдыха детей. Задолго до начала летней кампании к нам обратились родители детей, которым хотелось, чтобы их ребенок не только отдохнул летом, не выезжая из города, но и получил новые знания.

Учитывая социальный заказ, Центр дополнительного образования разработал малозатратные формы летнего отдыха детей. Так, с начала лета на базе ЦДО начали реализовываться краткосрочные дополнительные общеразвивающие программы по всем направлениям. Главная цель таких программ — выявление посредством летней занятости творческих и одаренных детей, которые с началом учебного года вернутся в ЦДО в качестве обучающихся объединений понравившейся направленности.

Воспитательная ценность системы летнего отдыха состоит в том, что она создает условия для педагогически целесообразного, эмоционально привлекательного досуга обучающихся, восстановления их здоровья, удовлетворения потребностей в новизне впечатлений, творческой самореализации, общении и самостоятельности в разнообразных формах, включающих труд, познание, искусство, культуру, игру и

другие сферы возможного самоопределения.

Большинство педагогов декоративно-прикладного творчества не имели своих индивидуальных программ летней занятости обучающихся. Учитывая это, методист художественной направленности предложила объединить усилия и создать одну общую программу, в которой у каждого педагога будет возможность проявить себя в народном творчестве. После проработки всей тематики программы и плана ее реализации было принято решение запустить этот смелый педагогический проект. Так в июне 2019 г. стартовала детская площадка по малобюджетной краткосрочной образовательной программе художественной направленности «Горница». На протяжении трех недель обучающиеся и педагоги были вовлечены в живой процесс приобщения к народной традиционной культуре. Такая комплексная программа была запущена этим летом впервые и смогла привлечь двадцать два ребенка из разных образовательных учреждений города, и не только. Двое детей, приехав в гости к родственникам и узнав о программе, решили освоить ее во время летнего отдыха. Программа ориентирована на творческих одаренных детей, ее главной целью является создание условий для творческой самореализации обучающихся посредством изучения художественных ремесел народов Сибири, таких как мезенская роспись, тряпичная народная кукла, шитье из ткани, бисероплетение и постановки театрализованного представления с использованием русского фольклора.

Задачи программы:

- практическое освоение традиционных русских ремесел;
- развитие интереса к традиционной культуре русского народа через игровую творческую деятельность;
- развитие у обучающихся творческих умений и навыков;
- использование традиционного фольклора в театрализованном представлении;
- формирование навыков коллективного творчества.

Народное творчество имеет большое воспитательное значение, оно оставляет яркий эмоциональный след в душе ребенка, лечит ее, заставляет гордиться своим народом, его культурой, традициями, фольклором, литературой и искусством.

Работа по программе будет наиболее плодотворной, когда все в ней делается в комплексе. Для достижения наибольшего результата в заинтересованности детей в народном творчестве педагоги часто используют комплексные занятия, в которых связь с определенной темой выступает в комплексе со всеми видами искусств: изобразительное, художественное, литература, театр. Все виды искусств равноценны, все взаимосвязаны. Вот и мы в нашей программе за столь короткий срок познакомили обучающихся сразу с несколькими видами народного творчества. Программа включала в себя несколько тематических модулей: «Мезенская роспись», «Бисероплетение», «Народная тряпичная кукла», «Обереги», «Фольклорный театр».

Новизна педагогической идеи данной программы в том, что она может помочь ребенку лучше понять, к какому виду народного творчества у него склонность, раскрыть свой внутренний потенциал, на-

учиться жить в согласии с самим собой и окружающими его людьми, самоанализу, рефлексии.

С первых дней нахождения в «Горнице» ребята погрузились в атмосферу русского быта, познакомились с убранством русской избы, которая по сей день считается символом основательности и домовитости русского человека. Сколько же удивления увидели педагоги в глазах ребят, когда на занятии им рассказали про «красный угол» в избе или про то, что в русской печи раньше люди мылись. По итогам первого занятия стало ясно, что с русским народным творчеством ребята мало знакомы, но у них горят глаза и они готовы получать новые знания. Как положительный момент хочется отметить преемственность дошкольного и дополнительного образования. Многие дети знакомы с народной куклой с детского сада, где пробовали делать ее в раннем возрасте.

Ежедневно, на протяжении трех недель, с ребятами занимались педагоги дополнительного образования художественной направленности, которые познакомили их с основами мезенской росписи, плели с ними из бисера браслеты, брелоки и ожерелья, учили мастерить народных тряпичных кукол Долю и Купавку, шили из мешковины домовят и делали подкову. Попробовать себя в роли актеров ребятам помогала педагог театрального объединения. Методы импровизации, состязательности, театрализации реализовывались через особый словарь общения, обряды, атрибуты, костюмы. Ребята повторяли пословицы и поговорки. Итогом их плодотворной работы стало настоящее театрализованное представление, которое было посвящено русскому народному празднику Троица. На премьеру представления под названием «На завалинке» педагоги пригласили ребят из детского летнего лагеря «Эрудит», который также работал в это время в ЦДО. У входа в актовый зал размещалась выставка декоративно-прикладного творчества с детскими работами, сделанными за это время в «Горнице». Гости с интересом осматривали все представленное на выставке и проходили в зрительный зал, где перед ними должны были выступить их ровесники. Фольклорные перевертыши, потешки, дразнилки и загадки звучали со сцены в этот день. Гостям надолго запомнится игра в жениха и невесту в исполнении ребят, которые, несмотря на свой юный возраст, смогли изобразить на сцене завидного жениха и влюбленную девушку. И все это дети с их педагогом подготовили за небольшой промежуток времени. Все остались очень довольны представлением, особенно юные актеры, ведь их премьера состоялась, а значит, они трудились не зря.

Все это время в перерывах между занятиями ребята играли в народные игры – «третий лишний», «жмурки», «матрешки» и др. Не секрет, что для детей одним из любимейших видов деятельности является игра. В процессе игры по инициативе детей возникает самостоятельная творческая деятельность, которая наполняет их жизнь интересным содержанием. Ребята стремятся включиться в игру, активно в ней участвуют — эмоционально воспринимают содержание игры, сочувствуют героям. В народных играх дети чувствуют себя свободно, раскрепощено, в полной мере раскрываются такие качества, как дружелюбие, взаимовыручка, героизм.

В рамках программы была предусмотрена экскур-

сия в микрорайон Старый Усть-Кут, которая оказала неоценимую помощь в приобщении детей к истокам русской национальной культуры и воспитании любви к малой родине. На экскурсии ребята соприкоснулись с историей родного края, познакомились с деревянным зодчеством г. Усть-Кута.

Итогом освоения программы стала квест-игра «Тайна Горницы», о которой ребята даже не догадывались, но узнав, очень обрадовались и побежали преодолевать станции. Все то, что они изучили за это время, было включено в задания квеста, и, проходя каждую из станций, ребята показывали свои знания. На станции «Куколка народная — чудо из чудес» участники игры соотносили по видам народных кукол: Хороводница — игровая, Купавка — обрядовая, Доля — обережная. На станции «Чудо росписи» рисовали мезенские узоры. Преодолевая станцию за станцией (а всего их было семь), ребята подошли к кабинету-горнице и, открыв его, увидели, что тайна русской горницы заключается в гостеприимстве и щедром столе. В кабинете участников игры ждал вкусный пирог с чаем. Во время дружного чаепития все смотрели видеофильм о тех днях, которые они провели здесь вместе. Прощаясь, ребята поблагодарили педагогов за столь интересную программу. Собрав все свои работы, они поторопились домой, ведь там их встретят родители, которые по достоинству оценят их труд.

В дальнейшем приобретенные в течение летней смены творческие способности, навыки и умения дети эффективно перенесут на учебные предметы в школе, в повседневную жизнь, достигая значительно больших успехов, чем их менее творчески развитые сверстники.

Краткосрочная программа «Горница» получила положительные отзывы от родителей обучающихся. Данная программа вошла в число двадцати реализованных программ летней кампании ЦДО в 2019 г. и была отмечена на уровне города на межведомственном совещании по вопросам занятости несовершеннолетних в летний период, профилактики правонарушений и безнадзорности во внеурочное время, приоритетных направлений воспитательной работы на 2019–2020 г. Наличие значимой положительной динамики уровня профессионально-личностного развития педагогов говорит о готовности педагогического коллектива художественной направленности к следующему этапу профессионального развития, что в дальнейшем будет способствовать высокому уровню качества образования в Центре дополнительного образования Усть-Кутского муниципального образования, в том числе в период летних каникул.

Список литературы

1. Бруднов А.К. Неформальное и непрерывное. О развитии дополнительного образования детей // Директор школы. — 1995. — № 2. — С. 56–59.
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. (проект) // Сайт Министерства образования и науки РФ [Электронный ресурс]. — URL: <http://минобрнауки.рф/документы/>.
3. Капица Ф.С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: справочник. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 296 с.
4. Костина Г.Н. Мастерская мезенской росписи: учеб.-метод. пособие. — Новосибирск: Книжница, 2005 — 56 с.
5. Патриотическое воспитание: материалы регионального конкурса программ и методических разработок по патриотическому воспитанию (2018 г.) / сост.: М.Л. Бородина [и др.]. — Иркутск, 2018. — 198 с.
6. Программа развития МКУ ДО ЦДО УКМО на 2016–2021 гг.

References

1. Brudnov A.K. The Informal and Continuous. On the development of additional education of children. *School Director*: 1995. No. 2. Pp. 56–59 (in Russ.).
2. Development of Education — State program of the Russian Federation for 2013–2020 (draft) // Website of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. — URL: <http://minobrnauki.rf/documents> (in Russ.).
3. Development program of the Centre for Additional Education of Ust-Kut Municipal District for 2016–2021 (in Russ.).
4. Kapitsa F.S. Slavic Traditional Beliefs, Holidays and Rituals: Reference guide. Moscow: Flint: Science, 2009. 296 p.
5. Kostina G.N. Workshop of the Mezen Painting. Study Guide. Novosibirsk: Knizhitsa, 2005. 56 p. (in Russ.).
6. Patriotic Education. Materials of the regional competition of programs and guidance papers on patriotic education (2018). Irkutsk. 2018. 199 p. (in Russ.).

УДК: 161.502

Е.Н. Чернецова
Дом детского творчества (с. Здвинск, Новосибирская область)
elenzdv1@mail.ru

Современные подходы к разработке дополнительных образовательных программ в области проектной деятельности

Аннотация

В статье представлены результаты работы над дополнительной образовательной программой, реализованной как для одаренных детей, так и для детей с ограниченными возможностями здоровья. Активное вовлечение обучающихся в естественно-научную деятельность и вопросы охраны окружающей среды позволяет им после окончания школы не только успешно поступать в различные учебные заведения, но и продолжать обучение по биологическому профилю.

Ключевые слова: научная грамотность, С.Т. Шацкий, А.У. Зеленко, педагогическая технология

E.N. Chernetsova
House of Children's Creativity (Zdvinsk, Novosibirsk Region)
elenzdv1@mail.ru

Modern approaches to the development of additional educational programs in the field of project activities

Abstract

The article presents the results of work on an additional educational program implemented for both gifted children and children with disabilities. Active involvement of students in natural science and environmental issues allows them after graduation not only to successfully enter various educational institutions, but also to continue their education in biological fields.

Keywords: scientific literacy, S.T. Shatsky, A.U. Zelenko, pedagogical technology

В настоящее время в системе дополнительного образования детей Новосибирской области работает 267 организаций дополнительного образования различной ведомственной принадлежности, в которых занимаются около 300 тысяч детей в возрасте от 5 до 18 лет. Муниципальное казенное учреждение дополнительного образования детей «Дом детского творчества Здвинского района» создает условия для выявления и поддержки одаренных детей и талантливых подростков, а также для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Для повышения качества и эффективности обучения и воспитания нами, педагогами дополнительного образования, создаются данные образовательные программы.

Одним из направлений работы с нашими детьми в Доме детского творчества является эколого-биологическое направление. Актуальность проблемы обучения биологии на сегодняшний день заключается в том, что в основной и средней школе стремительно уменьшается количество часов, отводимых в учебном плане образовательного учреждения на данную дисциплину. 2 часа в неделю осталось лишь у детей 8-го и 9-го классов, в остальных – по одному учебному часу. Мы, россияне, не стали меньше болеть, поэтому нам нужны квалифицированные ученые и врачи; экологическая обстановка только ухудшается, значит, нам нужны грамотные экологи; продукты в магазине все больше вызывают опасе-

ние, и мы надеемся на качественную работу экспертов и лаборантов. Если дети не будут мотивированы на обучение по данным направлениям — экологии и биологии, то мы потеряем большинство одаренных молодых людей, которые могли бы прийти нам на смену.

Создание и внедрение программы дополнительного образования в школе — это развитие творческого потенциала обучающихся, которые будут отвечать на любые вызовы времени. Одной из ведущих технологий ФГОС является технология, основанная на реализации проектной деятельности. В начале XX в. метод проектов привлек внимание русских педагогов. Одним из разработчиков этого метода в России был Станислав Теофилович Шацкий, который в 1905 г. вместе с архитектором Александром Устиновичем Зеленко создал первые в России детские клубы. Сегодня, в веке XXI, школьники продолжают с большим увлечением выполнять именно эту деятельность, которая выбрана ими. Проектная деятельность способствует преобразованию процесса обучения в процесс самообучения, позволяет каждому ученику увидеть себя как человека способного и компетентного. Мишель Монтень писал, что «хотя чужое знание может нас кое-чему научить, мудр бываешь лишь собственной мудростью» [Монтень, 2010]. Поэтому проектный метод обучения является действенным элементом в организации самостоя-

тельной работы учеников.

Главной целью государственной программы «Развитие образования Новосибирской области на 2015–2020 годы» является обеспечение соответствия высокого качества образования меняющимся запросам населения и перспективным задачам социально-экономического развития региона [Государственная программа... Электронный ресурс]. Изменения, происходящие в современном обществе, требуют конкурентоспособных, творчески инициативных, владеющих научными знаниями молодых людей. В современной школе метод проектов рассматривают как одну из личностно-ориентированных технологий обучения, интегрирующую в себе проблемный подход, групповые методы, рефлексивные, исследовательские, поисковые и другие методики. Таким образом, метод проектов понимается не только как один из способов организации взаимосвязанной деятельности учителя и учащихся, но и как целостная педагогическая технология.

С 5-го класса школьники, вовлеченные в процесс дополнительного образования, развивают познавательные умения, учатся конструировать свои знания, проводить исследования и подтверждать или опровергать выдвинутые гипотезы. На занятиях ребята начинают с небольших проектов: «Злые и добрые дела плесени», «Загадки мха», «Кто на дереве живет?» и др. Затем кружковцы готовят коллекции подобранных насекомых, наблюдают за вредителями, работают над проектами по исследованию позвоночных животных. Реализованы проекты, посвященные вегетарианству, вопросам бионики, развитию мнотехники как действенному способу запоминания информации, различные экологические проекты. На всех этапах реализации проекта я по необходимости помогаю в выборе темы, формулировке проблемы исследования, способствую развитию исследовательских умений и навыков детей, участвую вместе с ними в поиске источников информации. Коррекция поисковой деятельности, организация итогового обсуждения и предварительная защита позволяют обучающимся не только высказать свое мнение и привести аргументы, но и учат общению в коллективе единомышленников, правилам работы в команде. Проектная технология построена так, что дети большую часть времени работы над проектом должны контактировать со сверстниками и взрослыми, а также придумывать множество идей для реализации своего проекта, сделать так, чтобы их идею выбрали, и она стала успешной. Таким образом, решается задача развития творческой и коммуникативной активности обучающихся. Ребята показывают высокие результаты, участвуя в районных, областных и всероссийских конкурсах.

Согласно статье 79 (п. 2) Федерального закона «Об образовании в РФ» [Федеральный закон..., 2012] наша школа участвует в проекте «Инклюзивное образование» по созданию оптимальных условий для обучения детей с ОВЗ в соответствии с их возрастными и индивидуальными особенностями. Мой опыт работы с детьми с ОВЗ, которые занимаются по дополнительной образовательной программе, показывает, что при обучении совместно со сверстниками «особенные дети» становятся более уверенными, собранными, самостоятельными. Ребята активно вовлекаются в исследовательскую деятельность, на-

чинают отстаивать свою точку зрения, перестают бояться выступать перед аудиторией не только в классе, но и на уровне школы, района. Дети с ОВЗ активно вовлечены в школе в экоакции, естественно-научную деятельность, показывают результаты своего нелегкого труда благодаря мощной поддержке детей, родителей, учителей, общественности. Таким образом, учебная проектная деятельность помогает устранению коммуникативных проблем: в общении, формулировании своих мыслей. Работа в проекте помогает установлению эмоциональных контактов между учащимися, обучает работе в команде. Между детьми возникают дружеские связи, общие интересы, сохраняются и возрождаются семейные и нравственные ценности. Не менее важно для семьи дальнейшее обучение и продвижение по служебной карьере наших детей. В 2019 г. 2 выпускника 9-го класса и 2 выпускника 11-го класса поступили в медицинский техникум и Новосибирский государственный медицинский университет.

Я дважды принимала участие в конкурсах по разработке дополнительных образовательных программ. В 2018 г. была награждена дипломом II степени регионального этапа Всероссийского конкурса программ и методических материалов в номинации «Программы дополнительного естественнонаучного образования», в 2019 г. стала призером регионального этапа Всероссийского конкурса программ и методических материалов по дополнительному естественнонаучному образованию детей «БиоТОП ПРОФИ» в номинации «Многогранность природы» (диплом III степени).

Список литературы

1. Государственная программа Новосибирской области «Развитие образования, создание условий для социализации детей и учащейся молодежи в Новосибирской области на 2015–2020 годы». — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=172071777&page=1&rdk=0#I0
2. Монтень М. «Опыты» мудреца. — Изд. дом: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об образовании в Российской Федерации».

References

1. Federal Law dated 29/12/2012 No. 273-FZ (as amended on 26/07/2019) "On Education in the Russian Federation".
2. Montaigne M. Experiments of a Sage. Olma Media, 2010.
3. State program of the Novosibirsk Oblast «Development of Education, Creation of Conditions for the Socialization of Children and Students in the Novosibirsk Oblast for 2015–2020» [Electronic resource]. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=172071777&page=1&rdk=0#I0

Список сокращений

- ФГОС — федеральный государственный образовательный стандарт
ОВЗ — ограниченные возможности здоровья

Ил. 1. Слайд из презентации «Бионика»

Ил. 2. Команда готовится к защите проекта. Снимок автора

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВАНЕСОВ Сергей Сергеевич, доктор философских наук, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород.

АКЧУРИНА Наталия Сергеевна, кандидат архитектуры, Уральский государственный архитектурно-художественный университет, Екатеринбург.

АЛФЕРИНА Мария Ивановна, Забайкальский краевой краеведческий музей, Чита.

АЛЬСОВА Ольга Сергеевна, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

АТАПИН Иван Ильич, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск.

БАЛЮНОВ Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник, Тобольск.

БАРИНОВ Валентин Викторович, кандидат биологических наук, Сибирский федеральный университет, Красноярск.

БЕДУЛИНА Ирина Павловна, кандидат исторических наук, Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева, Иркутск.

БЕРЕЖЕНКО Денис Юрьевич, «Центр информатизации и новых технологий Республики Хакасия, Абакан.

БОРИСЕНКО Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск.

БРЯНСКАЯ Анна Викторовна, Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, Томск.

БУШУЕВА Елена Сергеевна, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск.

ВАЛЬТЕРАН Татьяна Леонидовна, кандидат архитектуры, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ВАРДАНЯН Лилит Левоновна, ведущий архитектор ООО «ЛВ архитект».

ВАСЕХА Мария Владимировна, кандидат исторических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва.

ВЕДМИДЬ Григорий Павлович, Мультимедийный исторический парк «Моя история», Сургут.

ВЕЛЬДИНА Маргарита Сергеевна, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ВОРОЖЕЙКИНА Вера Александровна, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ВОРОНИНА Ольга Салаватовна, кандидат архитектуры, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск.

ГАЙЕР Ирина Николаевна, Музейный комплекс города Куйбышева, Новосибирская область.

ГАРКУША Юрий Николаевич, научный сотрудник Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

ГАСПАРЯН Мариетта Артасесовна, доктор архитектуры, Национальный армянский университет архитектуры и строительства, Ереван.

ГАШЕНКО Антон Евгеньевич, кандидат архитектуры, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ГОЛОДЯЕВ Константин Артемович, Музей Новосибирска, Новосибирск.

ГОЛОМЯНОВ Александр Иванович, кандидат технических наук, Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск.

ГОЛУБКОВА Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

ГОНЧАРОВА Наталья Галиевна, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ГОРОХОВ Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН,

Новосибирск.

ГРОМОВА Ольга Алексеевна, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск.

ГРУЗДЕВА Евгения Александровна, кандидат архитектуры, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ГУЛЯЕВА Ксения Олеговна, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск.

ДАНИЛОВ Петр Григорьевич, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Тобольск.

ДОЛНАКОВА Елена Алексеевна, ООО «ЗапСибНИИПроект.2», Новосибирск.

ДОЛНАКОВ Пётр Александрович, ООО «ЗапСибНИИПроект.2», Новосибирск.

ДУДИНА Татьяна Сергеевна, кандидат архитектуры, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ДУХАНИНА Елена Сергеевна, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ЕРОХИН Григорий Порфирьевич, кандидат архитектуры, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ЖАРНИКОВ Захар Юрьевич, кандидат исторических наук, Сибирский федеральный университет, Красноярск.

ЖУРИН Андрей Николаевич, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ЖУРИН Николай Петрович, кандидат архитектуры, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ЗАГВАЗДИН Евгений Петрович, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, Тобольск.

ЗЕЛЕНИНА Варвара Витальевна, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск.

ИСАЕВА Людмила Юрьевна, Томский областной художественный музей, Томск.

КАЗУСЬ Игорь Александрович, кандидат архитектуры, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Москва.

КЕЛИНА Ирина Сергеевна, Бердский историко-художественный музей, Бердск.

КИСЕЛЬНИКОВА Дарья Юсуфовна, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

КОЗЛОВА Галина Серафимовна, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск.

КОЧЕРИДИ Александра Юрьевна, Казахский национальный научно-исследовательский технический университет имени К.И. Сатпаева, Алматы.

КОШЕЛЕВ Александр Владимирович, Музей Новосибирск, Новосибирск.

КРАСИЛЬНИКОВА Екатерина Ивановна, доктор исторических наук, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск.

КУЗЕВАНОВ Виктор Сергеевич, кандидат исторических наук, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск.

КУЗНЕЦОВА Елена Анатольевна, Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, Новосибирск.

ЛЕЧУНОВА Ольга Алексеевна, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ЛИТВИНОВА Ольга Геннадьевна, кандидат исторических наук, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск.

ЛОМАКИНА Алена Сергеевна, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, Новосибирск.

ЛЫГДЕНОВА Виктория Васильевна, кандидат философских наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

ЛЮЦИДАРСКАЯ Анна Алексеевна, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

МАЙНИЧЕВА Анна Юрьевна, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

МАЛЫШЕВА Софья Константиновна, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск.

МАРИНИЧ Анастасия Андреевна, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск.

МИНИНА Наталья Алексеевна, Новосибирский государственный краеведческий музей, Новосибирск.

МОРОЗОВА Ольга Владимировна, кандидат архитектуры, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

НАВОЛОЦКАЯ Анна Валерьевна, кандидат архитектуры, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, Новосибирск.

НИКИТИНА Мария Евгеньевна, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, Новосибирск.

ПАВЛОВА Наталья Иннокентьевна, Музейный комплекс города Куйбышева, Куйбышев, Новосибирская область.

ПАРШУКОВ Владимир Владимирович, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ПЕТРЕНКО Сергей Дмитриевич, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ПЕЧЕРИН Константин Михайлович, Новосибирский Союз архитекторов России, Новосибирск.

ПОДОРОВА Анна Павловна, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Центр по охране памятников, Томск.

ПОНЕДЕЛЬЧЕНКО Лидия Олеговна, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

РЕЗНИЧЕНКО Татьяна Юрьевна, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск.

РОМАНОВ Павел Игоревич, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск.

РОМАНОВА Лариса Степановна, кандидат архитектуры, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск.

САВЕЛЬЕВА Нина Валентиновна, Томский государственный архитектурно-строительный университет, Томск.

СВЕШНИКОВА Ольга Борисовна, кандидат архитектуры, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

СКОБЕЛЕВ Сергей Григорьевич, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

СЛОБОДЧИКОВ Сергей Юрьевич, Сибирский федеральный университет, Красноярск.

СМЕРТИНА Татьяна Юрьевна, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск.

СМОЛЬКОВ Сергей Александрович, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск.

ТАЛАПОВ Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск.

ТИМОФЕЕНКО Ксения Олеговна, архитектор.

ТУМАНИК Артемий Геннадьевич, доктор исторических наук, кандидат архитектуры, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ТУМАНИК Геннадий Николаевич, доктор архитектуры, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ТИХОНОВ Владимир Викторович, кандидат культурологии, архитектурно-этнографический музей «Тальцы», Иркутск.

УСПЕНСКАЯ Ольга Михайловна, Сибирский федеральный университет, Красноярск.

ФЕДОТОВА Дарья Спиридоновна, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск.

ФИЛИППОВ Валерий Николаевич, кандидат архитектуры, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ФУРСОВА Елена Федоровна, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

ХАРИТОНОВА Наиля Галимжановна, Сибирский федеральный университет, Красноярск.

ХАРЛАМОВА Екатерина Викторовна, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ХОХРИН Евгений Викторович, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск.

ХУДЯКОВ Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

ЦАРЕВ Владимир Иннокентьевич, доктор архитектуры, Сибирский федеральный университет, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, Красноярск.

ЦАРЕВ Владимир Владимирович, кандидат архитектуры, Министерство строительства Красноярского края, Красноярск.

ЦЕЛИЩЕВА Марина Александровна, Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтая», Барнаул.

ЧЕРНОВСКАЯ Любовь Ивановна, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ЧИМИТОВ Вячеслав Николаевич, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ЧИНДЯЕВА Людмила Николаевна, кандидат биологических наук, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ЧИРКИНА Полина Олеговна, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ШАВШИНА Ирина Петровна, кандидат искусствоведения, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ШАГИНЯН Шахен Зограбович, кандидат технических наук, Национальный университет архитектуры и строительства Армении, ELMA Scientific Centre (Ереван).

ШАЛЫГИНА Дарья Николаевна, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ШУЛЬГА Даниил Петрович, кандидат исторических наук, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск.

ШУЛЬГА Петр Иванович, кандидат исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск.

К РАЗДЕЛУ «СОЗДАВАЙ БУДУЩЕЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОГО МЫШЛЕНИЯ

АЛТУХОВ Алексей Валерьевич, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва.

АНУФРИЕВА Надежда Анисимовна, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, Новосибирск.

ВОРОЖЕЙКИНА Вера Александровна, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ГАРАЩУК Наталья Александровна, Муниципальное казенное учреждение дополнительного образования Куйбышевского района «Дом детского творчества», Куйбышев, Новосибирская область.

ГУБАНОВА Яна Николаевна, Центр дополнительного образования детей Барабинского района, Барабинск, Новосибирская область.

ДУХАНИНА Елена Сергеевна, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

МОРОЗОВА Ольга Владимировна, кандидат архитектуры, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Новосибирск.

ОЛЕСИНА Елена Петровна, кандидат педагогических наук, Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования, Москва.

РАДОМСКАЯ Ольга Игоревна, кандидат педагогических наук, Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования, Москва.

РОЖКОВА Анастасия Сергеевна, Центр дополнительного образования детей Барабинского района, Барабинск, Новосибирская область.

ФИЛАТОВА Ольга Геннадьевна, Центр дополнительного образования Усть-Кутского муниципального образования, Усть-Кут, Иркутская область.

ЧЕРНЕЦОВА Елена Николаевна, Здвинская средняя общеобразовательная школа № 1, Здвинск, Новосибирская область.

Научное издание

**Баландинские чтения:
сборник статей научных чтений памяти
Сергея Николаевича Баландина**

Том XIV

Корректоры англоязычной части А.В. Дьячков, Д.В. Шифман
Верстка Д.В. Шевень
Дизайн обложки Е.Ю. Орлова

Подписано в печать 25.10.2019. Формат 84x108/16
Усл. печ. л. 60,48. Тираж 100 экз.
Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Издательство СИБПРИНТ»
630099, г. Новосибирск, ул. Максима Горького, д. 39